

Харольд А. Ковингтон

ОЧИЩЕНИЕ

© В. Титков, перевод, 2015

© Харольд А. Ковингтон, 2007

THE BRIGADE

H.A. COVINGTON

The Brigade

by H. A. Covington

Northwest Publishing Agency * 1105-D 15th Avenue PMB #428 *Longview, WA 98632
©2007 by Harold A. Covington

Эта книга посвящена памяти Дэвида Лейна, настоящего героя, ныне вознесшегося в Валгаллу, и всем его товарищам, живым и мёртвым.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I. "Хватит с меня этих извращений!"</i>	7
<i>Глава II. Тревожная тройка</i>	21
<i>Глава III. В тени</i>	39
<i>Глава IV. Вечер святого Валентина</i>	72
<i>Глава V. Охота на охотников</i>	83
<i>Глава VI. Мама и Обезьяна</i>	115
<i>Глава VII. Та, кто их знает</i>	132
<i>Глава VIII. Ведение игры</i>	149
<i>Глава IX. Поездки для ребят</i>	170
<i>Глава X. Акуля приманка</i>	190
<i>Глава XI. Услышать крики</i>	199
<i>Глава XII. "Вы с нами или нет?"</i>	221
<i>Глава XIII. Мышь в доме</i>	243
<i>Глава XIV. Под новым руководством</i>	254
<i>Глава XV. Рагнарок на Фландерс-стрит</i>	272
<i>Глава XVI. Гром в ночи</i>	288
<i>Глава XVII. Разрушение "города показного блеска"</i>	301
<i>Глава XVIII. Весь мир – театр</i>	311
<i>Глава XIX. Звезду убедили</i>	326
<i>Глава XX. Оформление сцены</i>	337
<i>Глава XXI. Необходимо посмотреть телевизор</i>	350
<i>Глава XXII. Гоните клоунов</i>	372
<i>Глава XXIII. В логове льва</i>	391
<i>Глава XXIV. Один - по земле, два - по морю</i>	406
<i>Глава XXV. И приходит рассвет</i>	447
<i>Глава XXVI. Продюсеры</i>	481
<i>Глава XXVII. Двое в бегах</i>	492
<i>Глава XXVIII. Список боевых потерь</i>	506
<i>Глава XXIX. Мы победили!</i>	535
<i>Глава XXX. Имена на стене</i>	570

Приложение:

1. Словарь выражений и сокращений, используемых в романах Х. Ковингтона ("Северо-западный квинтет") о борьбе Северо-Запада за независимость от США.....	578
---	-----

День святого Криспиана

Сегодня день святого Криспиана;
Кто невредим домой вернётся, тот
Воспрянет духом, станет выше ростом
При имени святого Криспиана.
Кто, битву пережив, увидит старость,
Тот каждый год, собрав друзей,
Им скажет: "Завтра праздник Криспиана",
Рукав засучит и покажет шрамы:
"Я получил их в Криспианов день".
Хоть старики забывчивы, но этот
Не позабудет подвиги свои
В тот день; и будут наши имена
На языке его среди слов привычных:
Король наш Гарри, Бедфорд, Эксетер,
Граф Уорик, Толбот, Солсбери и Глостер
Под звон стаканов будут поминаться.
Старик о них расскажет повесть сыну,
И Криспианов день забыт не будет
Отныне до скончания веков;
С ним сохранится память и о нас -
О нас, о горсточке счастливых, братьев.
Тот, кто сегодня кровь со мной прольёт,
Мне станет братом: как бы ни был низок,
Его облагородит этот день;
И проклянут английские дворяне свой рок,
Что в этот день не с нами, а в кровати,
Язык прикусят, лишь заговорит
Соратник наш в бою в Криспианов день.

Король Генрих V – Акт IV, Сцена 3

Глава I

"Хватит с меня этих извращений!"

*Истекай же кровью,
Мой бедный край!
Тиранство, торжествуй,
Тебя не смеет обуздать закон,
Владей похищенным, оно - твоё.*

Макбет – Акт IV, Сцена 3

- Я это сделаю, - сказал Зак Хэтфилд.
- Что сделаешь? - спросил своего друга Чарли Вошберн.
- Убью их, - ответил Хэтфилд. - Я собираюсь убить обоих сук.

Двое из них сидели на пластиковых мягких креслах в запущенной гостиной дешёвой меблированной квартиры Зака в Астории, что в штате Орегон. Хэтфилд был высоким и стройным блондином возрастом под тридцать лет. Бросалась в глаза его жилистая фигура и обычно хмурое лицо, изрезанное преждевременными морщинами от работы на улице в холод и ветер – от любой временной работы, которую ему удавалось найти в своём родном городе, и которую ещё не прибрали мексиканцы.

Вошберн – крупный мужчина с выбритым до синевы подбородком, уже проигравший битву с животом и начавший проигрывать бой с залысинами, был на несколько лет старше Хэтфилда.

Третий мужчина сидел на старом диване со сломанными пружинами. Этому мужчине по имени Леннарт Экстрем - владельцу местного хозяйственного магазина было около шестидесяти. Лицо худое, с тонкими чертами, усы и грива волос с проседью, но густая. Вошберн и Экстрем смотрели на Хэтфилда в долгом молчании. Им не приходилось сомневаться в значении его слов. Они знали его всю жизнь и были знакомы с его военным прошлым в Ираке. Только ранний зимний дождь стучал в окна в непроглядной темноте снаружи.

- Боже, - тихо проговорил Чарли.

- Я сделаю это сам, раз так нужно, но не откажусь и от помощи, - продолжил Хэтфилд. - Если вы со мной, тогда обсудим это. Если нет, то, по-моему, вам лучше всего смотаться прямо сейчас, и тогда мы некоторое время не должны встречаться. Когда всё произойдёт, никто никогда после не заговорит об этом. Ни слова. Ничего.

- Неужели нет другого выхода, Зак? – медленно выговорил Экстрем.
Это был пустой вопрос. Все трое знали, что другого выхода не существовало.

* * *

Ещё раньше в тот же день Зак Хэтфилд побывал в комнате свиданий тюрьмы округа Клэтсоп. Не в открытой комнате со столами и стульями для семейных свиданий, а в огороженном стенками помещении с кабинками, разделёнными оргстеклом и оборудованными телефонами для связи, в то время как тюремный полицейский настороженно маячил за заключённым и следил за его поведением. Преступление Стивена Кинга было одним из самых серьёзных как по законам штата Орегон, так и по федеральным

законам, и Кинг, в соответствии с нормами права в штате был подвергнут жёсткой мере пресечения и находился под арестом.

Кинг, сидящий за оргстеклом лицом к Хэтфилду, выглядел ужасно. Бывший управляющий крупного сетевого продовольственного магазина в районе Сисайд был одет не в оранжевый комбинезон американского позора, а в рваную арестантскую одежду со старомодными чёрно-белыми полосами, которая почему-то никогда не выходила из употребления в округе Клэтсоп. Телефон для переговоров он вяло держал дрожащей рукой.

Лицо Кинга, когда-то красивое и мужественное, теперь побелело как рыба брюхо и вытянулось как у лошади, а остатки двойного подбородка и когда-то пухлых щёк свисали с черепа мясистыми складками кожи. Каштановые волосы на голове обвисли крысиными хвостами, и в них показались новые белые пряди, которых не было пару недель назад. Роговые очки Кинга на шарнире с правой стороны лица были скреплены огромным куском скотча.

Хэтфилд решил не спрашивать Кинга, как сломались очки, а его друг сам об этом не распространялся. Хэтфилд, в общем, догадывался, что произошло, но не видел необходимости выслушивать ещё один рассказ на жуткую американскую тему о белом человеке из среднего класса, внезапно брошенном в кошмарный мир тюрьмы. Кроме того, Кинг был настолько погружён в своё личное несчастье, что избивание его каким-то мексиканцем или наркоманом, казалось, даже не отразилось в его сознании. Он будто отключился от своего тела, ощущая лишь бесконечное страдание в сердце и в душе. Всё, что он мог сделать, это продолжать возвращаться к той же теме, снова и снова, как животное в капкане отчаянно пытается отгрызть собственную ногу, чтобы убежать.

- Как она могла так поступить со мной? - стонал Кинг. - Я любил её! Я люблю её до сих пор, несмотря ни на что! Я дал ей всё, что мог, всё, что имел. Лидди и девочки были для меня всем в целом мире! Я перевернул бы небо и землю, чтобы сделать её счастливой. Не понимаю. Что я сделал не так?

- Ты не единственный, кто поступил неправильно, Стив, - ответил Зак. - Но ты хочешь сказать мне, только честно, что никогда не замечал к чему это идёт? Я видел, и Чарли и Лен и почти все кругом. Ладно, может это не настолько ужасно, как сейчас, но мы все знали, что Лидди в какой-то момент подложит тебе большую свинью. Все видели признаки близкой беды. Она всегда была такой психованной, затевала ссоры, всегда со странным пугающим прищуром в глазах.

Каждый раз, когда я бывал у тебя дома, или мы где-нибудь встречались, Лидди, как какой-то загородной Джейн Фонде, удавалось перевести разговор на какое-нибудь политкорректное феминистское или пропидорское дерьмо. Вечные колкие замечания, постоянные попытки поставить в неловкое положение перед людьми, старания вызвать стычки с тобой, даже в присутствии других. Заумное важничанье, цитаты из Сартра, Сильвии Плат и древних греков, и хоть бы Лидди знала, о чём говорит, а я достаточно прочитал, чтобы понимать, что она в этом не разбирается. Она была всем недовольна. Её так называемая общественная деятельность всегда оказывалась помощью кому угодно, но не нашим местным людям. И ты говоришь, что никогда не замечал этих знаков?

- Ну, она всегда вела себя так, с тех пор как вернулась из университета, - пожал плечами Кинг. - Я имею в виду, а чего другого ты ожидал от Орегонского университета? Мне просто казалось, что она восстала против своего религиозного воспитания, когда училась в колледже, стараясь быть модной и современной, а потом просто никогда не повзрослела. Я действительно привык думать, что это привлекательно, какой-то её способ сохранения молодости.

- Ну да, детёныши-тарантулы вырастают в больших чертовски ядовитых пауков, - напомнил Хэтфилд.

Но Кинг опять затянул старую песню.

- Но *за что*, Зак? Я просто не понимаю. *За что?* - заунывно тянул он.

- Потому что от неё этого ждали, - сказал Хэтфилд.

- Что-что?

- Тони рассказал мне, что Мэри Кампизи задала Лидди тот же вопрос, "Почему?" - продолжил Хэтфилд. - Та ответила, что ей уже за тридцать, и пришло время для первого развода.

- Она планирует их ещё? - потрясённо спросил Кинг.

- Ну да, видимо, сейчас это важное дело, судя по всем феминистским книгам по взаимопомощи и психологии. Это называется у них планированием жизни или похожим дерьмом, - объяснил Хэтфилд. - Первый брак ради детей, которых она, конечно, всегда забирает с собой после развода, когда высосет из муженька номер один всё до гроша. Видимо, лесбиянство также предполагает, что каждая по-настоящему освобождённая женщина сегодня должна вставить развод в свои планы. По крайней мере, одну серьёзную лесбийскую связь в жизни, или она - не настоящая феминистка. Я думаю, что индеанка Покахонтас, спасшая белого, была бы от этого в шоке. (*Историческая личность. Индеанка, спасшая белого от соплеменников – Прим. перев.*).

По правде говоря, я посмотрел это дерьмо в интернете, и после её лесбийского загула, если Лидди решит, что предпочитает мужчин, она должна попытаться подцепить пожилого и очень богатого, который, скорее всего, отбросит коньки ко времени, когда ей будет сорок пять, и оставит её устроенной на всю жизнь. Или богатую старую лесбиянку, если Лидди решит, что хочет продолжать "жевать ковёр". Я думаю, всё, что есть у госпожи Праудфут кроме имени, это социальное пособие и благородное происхождение из дерьмовых индейских феминисток.

- Фе-мен? – переспросил Кинг.

Хэтфилд кивнул.

- Так они пишут. Думаю, так это произносится. Это одно этих политкорректных словечек, которые СМИ и интеллигенция пытаются ввести в язык и превратить в привычный, а затем обязательный термин, как "Миз" (*Сокращение Ms (миз) ставится перед фамилией женщины, как замужней (Mrs.), так и незамужней (Miss). Вошло в употребление с 1970 г. особенно в американском письменном языке, по инициативе движения за освобождение женщин (Women's Liberation Movement) - Прим. перев.*).

Джордж Оруэлл писал об этом в романе "1984". Новояз. Контроль мыслей, управление сознанием. Так же как мы должны говорить, афро-американец, а не негр. Когда тоталитарное общество контролирует язык, управляет словами, которые люди используют в речи, и наказывает их за использование любого слова или термина, кроме предписанных. Со временем всё население будет так запугано, что все начнут даже мыслить в политкорректных терминах, чтобы наверняка не ляпнуть какое-нибудь слово, из-за которого можно потерять работу или попасть под арест за "язык ненависти". Такое состояние ведёт к контролю не только за поведением и речью, но и формирует сами мысли и управляет ими. Какое-либо сомнение в политкорректной "вере" становится буквально немислимо, потому что мы не будем знать, как это делать. Для этого у нас не будет слов. Соединённые Штаты стремятся к этому в течение многих лет. В любом случае, твоя жизнь должна быть разрушена, потому что это, видимо, вписывается в жизненные планы Лидди. Конечно, в этом её суть. Ты - отработанный материал, и теперь она тебя выбрасывает.

- Но если она хочет развод, она не должна делать ... *этого!*

Кинг обвёл рукой окружающие стены и оргстекло.

- Зачем *это*?

- Чтобы быть совершенно уверенной, что Кэйтлин и Джуди останутся с ней, - терпеливо объяснил Хэтфилд.

Он и раньше несколько раз объяснял ситуацию Кингу, как и его адвокат, назначенный судом, но было ясно, что у Кинга пока просто не укладывалось в голове всё, что с ним происходит. В соответствии и с федеральными законами о преступлениях ненависти и с законом штата Орегон о многообразии и толерантности, любое осуждение за преступление ненависти или язык ненависти автоматически лишало осуждённого родительских прав. Если осуждены оба родителя, то вмешивается ювенальная служба "Всем миром", забирает детей и продаёт их. Но в данном случае, так как Лидди может показать, что она состоит, по её заявлению, в стабильных лесбийских отношениях, то она, как только тебя осудят, пойдёт в суд по семейным делам и выйдет через 10 минут, получив в подарок от судьи Кэйтлин и Джуди в упаковке с бантиком.

- Всего за *одно-единственное слово*? - в ужасе вскричал Кинг. У него мутилось в голове, и он явно начинал сходить с ума. - Только за то, что я сказал "*лесбиянка*"?

- Эй, приятель, остынь! - рявкнул охранник позади него. - Ты и так в беде! Я довольно спокойный человек, но моя работа, следить, чтобы ты больше не произносил слов ненависти. Если кто-нибудь тебя услышит, то меня пропустят через мясорубку, а тебе залепят ещё одно обвинение!

Он быстро забрал телефон у Кинга и сказал Хэтфилду: "Сэр, у вас осталось пять минут".

Хэтфилд не обратил внимания на охранника, и, когда Кинг снова приложил трубку к уху, продолжил.

- Марта Праудфут заявляет, что с тобой она чувствовала себя в опасности из-за её пола, сексуальной ориентации и расы. Я думаю, она утверждает, что на самом деле ты назвал её лесбиянкой-скво. Тебе повезло, что прокурор округа решал это в суде штата, и поэтому тебе светит только пять лет за язык. Если бы с этим случаем они пошли в федеральный суд, то могли бы утверждать, что чувство опасности у женщины по фамилии Праудфут было следствием акта насилия, мотивированного ненавистью, что по закону возможно. А затем обвинить тебя в реальном *преступлении* на почве ненависти, за которое обязательно пожизненное заключение. И, может быть, без права досрочного освобождения, если бы судья счёл, что ты в самом деле намеревался её ударить.

- Ударить её? - Кинг горько рассмеялся. - Бог мой, ты *видел* это существо? Она здоровенная как бульдозер. Я просто вышел из себя, когда вошёл в свою гостиную и обнаружил, чем они занимались, Боже милостивый, что они творили, я даже говорить не могу об этом!

- "Шоколадный ритуал", - подсказал Хэтфилд. - Я знаю. Считается, что это для связи между любовницами-женщинами. Большинство людей понятия не имеют о том, чем на самом деле *занимаются* гомосексуалисты. Тебе не повезло, и ты прошёл ускоренный курс.

- *Наверху были девочки!* - в ужасе прошептал Кинг. - Они были *наверху*, Зак! Как могла Лидди заниматься этим, когда Кэйти и Джуди были *наверху*? Не говоря уже о том, что они должны были знать, что я с минуты на минуту вернусь домой?

- Да знали они, - мотнул головой Зак в подтверждение своих слов. - Думаю, что они хотели вызвать именно такой скандал, что произошёл, чтобы повесить на тебя этот приговор за язык ненависти, и тем самым Лидди достались ваши дочери, дом и всё твоё имущество.

Никакой возни с алиментами, выплатами на воспитание детей или постоянными поездками в суд и обратно. Тебя признают ненавистником. Один удар молотка судьи, и мадам получит весь набор и барахло. Интересно, какой кусок получит женщина Праудфут за эту работу в ночное время? Стив, ты знаешь, что в ФБР есть какой-то детский психолог и пара агентов, и на другой день они мурыжили девочек четыре или пять часов?

- Да, Приткин, мой адвокат, сказал мне об этом. Кэйтлин шесть лет! Джуди - четыре! Бог мой, что они рассчитывали узнать у детей? - удивился Кинг.

- Всё, что Лидди подучила их говорить. Но я слышал кое-что интересное. Конечно, никаких имён.

Зак рассчитывал, Кинг догадается, что он имеет в виду Кристину, дочь Лена Экстрема, которая работала диспетчером полиции в Центре юстиции, но не думал, что стоит где-нибудь упоминать о ней, потому что её сослуживцы могли услышать её имя в связи с делом о языке ненависти.

- Они расспрашивали девочек, не говорил ли ты когда-нибудь плохие слова о чёрных, латиносах, геях и тому подобном дерьме. От одного дела в Айдахо в прошлом месяце у них действительно крыша поехала, они сейчас параноики в высшей степени. Морпехи недавно отбили Кёр-д'Ален, всего несколько дней назад, и сейчас федералы видят под каждой кроватью повстанцев - сторонников превосходства белых. Они спрашивали твоих девчушек, не видели ли они когда-нибудь в твоём доме каких-нибудь флагов. Зелёно-бело-синих.

- Это безумие! - ахнул поражённый Кинг.

- На случай, если ты ещё не заметил, люди, которые правят нами, безумные. Между прочим.

Охранник за Кингом поднял вверх два пальца.

- Двухминутное предупреждение.

- Моя жизнь кончена, потому что я произнёс со злости единственное слово, - пробормотал Кинг, всё ещё не в состоянии постичь глубину своего падения.

- Теперь твоя жизнь кончена, потому что ты произнёс единственное слово со злости, - подтвердил Кинг.

- Никто в мире мне не поможет, - стонал Кинг.

Хэтфилд глянул на охранника позади сломленного человека в оранжевой робе, сомневаясь, как хорошо смог расслышать охранник его последние слова.

- Никто в мире тебе не поможет, - громко повторил Хэтфилд. Но перед тем, как охранник увёл Стивена, Зак поймал взгляд друга и подмигнул ему.

На улице, за стенами тюрьмы шёл дождь, тихий, затяжной, и уже темнело. Зак вынул мобильный телефон, набрал номер и быстро впечатал текст: "ВЫ ЖИВЫ?" Перед отправкой он подумал и решил, что этот вопрос может быть перехвачен и отмечен какой-нибудь правительственной службой слежки, и поэтому изменил сообщение просто на "?????". Затем нажал кнопку отправки и долгие минуты ждал ответа под дождём в свете уличного фонаря. Наконец маленький экран телефона засветился, и Зак увидел ответ.

"Я - ДУХ ПРОШЛОГО РОЖДЕСТВА".

Хэтфилд сделал глубокий вдох и после секунды нерешительности, последней, которую он когда-либо испытывал в своей жизни, отправил в ответ сообщение: "Я ХОЧУ ВСТУПИТЬ. ПОЗВОНИ МНЕ". Потом он закрыл мобильный телефон и пошёл под дождём к своей побитой, десятилетней "тоёте".

* * *

- Конечно, есть и другой путь, - подчёркнуто небрежно согласился Зак в ответ на вопрос Экстрема. Он сделал глоток из банки дешёвой диетической кока-колы из супермаркета, потому что не мог позволить себе даже фирменного пойла.

- Мы можем просто стоять в сторонке и заламывать руки, что жизнь Стива Кинга разрушена, а жизни двух маленьких девочек отравляются и уродуются извращенками и политически корректной брехнёй, пока они не вырастут в таких же мерзких поганок, как и их мать. О, пожалуй, мы можем немного попищать в знак протеста, но не слишком громко. Мы можем сделать то, что в наше время делают бессильные белые, чтобы выпустить пар. Написать письмо в редакцию, или, может, напиться и позвонить в правую радиопередачу, хотя гораздо лучше не говорить того, что мы действительно думаем, или нас тоже обвинят в словах ненависти.

А когда мы протрезвеем, то потом несколько дней будем обливаться холодным потом, надеясь, что не слишком много наболтали, и что ФБР с местными ищейками политкорректности не слышали нас, или что они слишком заняты на этой неделе, чтобы взять нас на прицел, прийти и порвать в клочья наши жизни, потому что мы осмелились раздражать наших господ и хозяев даже этим единственным слабым писком. Мы можем так поступить, Лен.

Думаю, что Стив даже будет очень благодарен за это. Конечно, это не помешает отправить Стива в суший ад, за то, что он посмел громко произнести слово "лесбиянка". И не помешает Лидди Кинг с этой проклятой индейкой или как там её, чёрт побери, забрать всё, что Стив сумел накопить за свою жизнь, и жить припеваючи, в то время как он будет страдать от адских мук. Но это не спасет Кэйтлин и Джуди Кинг от воспитания в ненависти ко всем мужчинам своей расы, и внушения им, что правильно и естественно проделывать отвратительные вещи с шоколадными батончиками, когда они вырастут. Или, может быть, до того, как они вырастут.

- Предположим, что мы все сбросимся и постараемся нанять достойного адвоката для Стива? - предложил Экстрем.

- Нет такого понятия, как приличный адвокат, но даже если бы они и существовали, у них нет ни единого шанса в наших судах по делу о словах ненависти, - ответил Зак. - Ни один юрист с достаточным влиянием, чтобы выиграть дело о словах ненависти, не займётся этим делом из-за последствий для своей карьеры в случае своей победы. Это как обвинение в колдовстве или ереси в Средние века. Защиты здесь просто нет. Она не допускается, и вы должны помнить, что в соответствии с законом адвокат на самом деле никогда не представляет своего клиента. Он - прежде всего судебный чиновник и не будет выступать против системы, которая позволяет ему ежемесячно платить за "Порше". Любой тёмный жулик, которого мы наймём, просто возьмёт наши деньги и принудит Стива к признанию вины и сделке со следствием за уменьшение срока, как и сейчас этот назначенный судом еврей.

Мы выбросим наши деньги, давая этим грязным судам возможность изображать, что там осталась какая-то справедливость и правосудие, а они исчезли задолго до того, как мы родились. Стив Кинг, белый, мужчина, и он любит женщин, хотя выбрал для любви не ту. У него нет ни единого шанса, и мы все это знаем. Или мы поможем ему, или бросим его, потому что до смерти боимся сделать то, что должно быть сделано, и позволим ему скатиться в ад. Даже если он выживет в тюрьме, как, по-вашему, он будет жить после всего этого? Стиву придётся носить клеймо преступника-ненавистника. А это значит, что он будет счастлив готовить гамбургеры или менять масло в машинах богатых на станциях быстрого обслуживания, если сможет найти такую работу, не занятую мексиканцами. Если мы собираемся помочь ему, это надо сделать сейчас, и мы должны на деле *помочь*. Есть только

один выход. Эти две суки должны исчезнуть, чтобы они не встали на свидетельской трибуне и не погубили жизнь Стива.

- Речь не только о Стиве, - уныло произнёс Вошберн. - Но и о Кэйтлин с Джуди.

- И даже не о них, Чарли, в конечном-то счёте, - покачал головой Хэтфилд. - Речь о нас. О том, люди мы или собаки, скулящие и пресмыкающиеся перед этой тиранией зла, поджав хвосты и мочась на пол в страхе перед громилами-полицейскими с мускулами, накаченными стероидами, палачами из ФБР в блестящих костюмах и подлецами-судьями в чёрных мантиях. Стив - наш общий друг уже двадцать лет. С ним поступают несправедливо, а с меня достаточно несправедливостей! *Хватит!*

Зак вдруг сжал кулаки и громко взревел, в ярости на всю свою жизнь и унижения, в презрении к окружающему миру, и этот крик поднялся из сердца, самого нутра и мозга и вырвался из его тела как взрыв.

Вошберн посмотрел на двух других мужчин.

- Я тоже. Я с вами. Лен, думаю, Зак прав. Тебе лучше быстро смотаться. Зак неженатый, и я разведённый, у нас обоих паршивая работа, и нам нечего терять. А у тебя семья и бизнес, и ты всё можешь потерять. Я не был десантником как Зак, а просто водитель грузовика, но помню достаточно с военной службы, чтобы стрелять. Я уверен, что мы вдвоем сможем это сделать. Тебе не надо в этом участвовать.

- Стив приходил в магазин, лет с десяти, покупал маленькие детали и инструменты, винты для своего карта, - чуть не плача от гнева, проговорил Экстрем с искажённым лицом. - Стив был славным, умным мальчиком, дружелюбным, не злым и не себялюбивым по натуре, да таким и остался. Его отец был хорошим человеком и верным другом. И его две девочки такие красивые, такие милые и замечательные. Я вижу их, когда Стив приводит их в магазин. И я должен стоять в стороне, когда с ними происходят эти страшные вещи, просто потому, что боюсь? Я не могу так поступить. Бог меня накажет, если я это сделаю.

Я с вами, ребята. Меня просто достало. На этот раз у них не пройдёт. Они не смогут. Должна же быть какая-то справедливость, или весь мир превратится в ад. А я устал жить в аду. Никогда не думал, что я в своём уме буду готов убить кого-нибудь. Но я готов. Нужно же когда-нибудь прекратить это безумие и жестокость. Для меня это значит прекратить несправедливость со Стивом. Они не получают его. Нет.

- Вот это дело, всё верно, - вздохнул Зак и улыбнулся. - Сколько лет нам понадобилось, чтобы прийти к этому? Иногда мне казалось, что белые уже никогда ничего не смогут.

- Мы смогли, - сказал Чарли. - Ладно, Зак, ты - бывший десантник-рейнджер. Ты должен знать, как спланировать двойное убийство. С чего нам начать? И что делать нам с Леном?

- Я займусь подготовкой и самим убийством. Нужно, чтобы вы вдвоём обеспечили мне алиби, ничего больше, - ответил Зак.

- Думаю, что смогу начать ежегодную инвентаризацию в конце года немного раньше, - сказал Экстрем. - Ты ведь состоишь в агентстве временного найма "Рука помощи"?

- Я состою во всех этих агентствах, - кивнул Хэтфилд. - На всё подходящее для меня. В удачную неделю я работаю дня три.

- Я знаю там Бренду, - сказал Экстрем. Иногда я нанимаю её людей, когда ко мне приходит грузовик с тяжёлым грузом, и у меня с ней негласная договорённость не присылать мне никаких мексиканцев, так что, по крайней мере, мои деньги пойдут одному из моих соседей, который действительно в них нуждается. Не думаю, что будет очень необычно, если я ей позвоню и попрошу её прислать тебя, просто как о доброй услуге другу.

- Это должно быть ночью, когда в магазине никого нет, - уточнил Хэтфилд. - Я появлюсь к закрытию, и пусть твои последние покупатели увидят, как я таскаю коробки. Чарли придёт как раз перед закрытием, задержится поболтать вечерком со своими добрыми приятелями Леном и Заком и поможет тебе посчитать винты для листового металла. Я выжду, пока движение на дорогах станет потише. Выскользну через чёрный ход и направлюсь в Сисайд. Выполняю работу, избавляюсь от пистолета, всей одежды и снаряжения, возвращаюсь, когда всё закончу, и проскальзываю обратно. Ты подписываешь мой талон на восемь часов, как документальное доказательство того, что я был у тебя всю ночь. Возможно, за эту бумажку ты можешь провести всю оставшуюся жизнь в тюрьме. Лен, ты, правда, готов к этому?

- Я готов, - кивнул Экстрем, и Хэтфилд верил, что это так.

- Я могу сделать тебе ключ от дома Стива на Сисайд, - продолжил старший мужчина. - Стив привык делать все свои ключи в моём магазине и недавно заказал несколько дополнительных комплектов. Немногие знают, что министерство внутренней безопасности требует у изготовителей ключей сохранять информацию обо всех сделанных ключах с именами и адресами на случай, если ФБР или министерству это для чего-нибудь понадобится. У меня в компьютере станка для ключей всё ещё хранятся образцы ключей от дома Стива.

- Мы можем поймать этих ублюдков в их собственную ловушку законов о слежке, - засмеялся Вошберн.

- Так тебе нужна пушка? - спросил Экстрем. - Я могу дать тебе почти всё, что хочешь, из моей коллекции, и патроны тоже.

Экстрем был оружейным мастером с патентом, что оказалось для него единственным способом зарабатывать средства на жизнь и сохранить свой маленький магазин бытовой техники конкурентоспособным с сетями "Майти Март", "Хаус Депо" и другими большими магазинами. Он владел одним из последних сохранившихся настоящих магазинов на Комершел-стрит в Астории. А на большинстве фасадов других бывших магазинов теперь красовались вывески баров с гашишем и марихуаной для яппи, киосков дешёвого антиквариата, "причудливых" закусовых всех сортов и офисов активистов левых организаций.

- Нет, у меня есть своя, - ответил Хэтфилд. - Конечно, потом я собираюсь всё выбросить, но не хочется рисковать быть пойманным с чем-то, что может вывести на тебя. Если дела пойдут плохо, ты просто скажешь полицейским, что я вышел поужинать и не вернулся, и ты понятия не имел, что я задумал совершить такой ужасный отвратительный поступок. Не хочется утащить вас с собой, ребята.

- Когда нам нужно это сделать? - спросил Вошберн.

- Надо побыстрее, - сказал Хэтфилд. - Я знаю от Стива, что дети с неделю побудут у матери Лидди, а ковырялка Праудфут переехала в дом Стива. Так что они с Лидди могут предаваться своим оргиям, не опасаясь, что девочки на них наткнутся, что я считаю очень милым с их стороны, если уже не поздно. Они, вероятно, будут соблюдать приличия, чтобы хорошо выглядеть в суде. Это значит, что они будут в доме одни.

Я много лет бывал дома у Стива и знаю, что к чему, так что не нужна никакая предварительная разведка или слежка. Лидди сглупила и со злости сдала собаку Стива в Американское общество защиты животных, поэтому меня не беспокоит Спадс и необходимость заставлять его замолчать. Это, безусловно, сняло груз с моей души. Спадс - славная собачка, и мне, правда, не хотелось бы сделать ему больно. Я тихонько открою дом ключом, шлёпну обоих, и обратно.

- Туда и обратно, - сказал Вошберн. - Хороший простой план.

- Ну да, но первое, что узнаёшь на войне, то, что ни один план никогда не переживает первого дня боёв, - скривился Хэтфилд. - Простейшие планы самые лучшие, но даже тогда всегда найдутся сотни обстоятельств, из-за которых всё может пойти не так.

- Ты представляешь, какая вонь поднимется, когда будут убиты две лесбиянки в ожидании рассмотрения дела о языке ненависти, возбуждённого против белого мужчины? - спросил Чарли. - И понимаешь, что первая дверь, в которую постучит шериф Тэд Лир, будет твоя? Он знает, что ты и Стив дружите ещё со школы, да вдобавок ты посещал его в тюрьме.

- Да, верно, поэтому вы двое и нужны мне, как моё алиби, - усмехнулся Хэтфилд. - Но у меня тоже есть один туз в рукаве, чтобы адски замутить воду. Я возьму с собой маркер и напишу на стене "ДОБРАРМИЯ". Может, их кровью.

- Боже, Зак, тогда сюда *обязательно* заявится ФБР! - охнул Вошберн. - После того, что случилось в Кёр-д'Ален, они налетели на Северо-Запад, как рой разъярённых пчёл!

- Как пчёлы? Или они бегают вокруг, как курицы с отрубленными головами? - усомнился Хэтфилд. - Чарли, не забывай, что я видел во всей красе действия федерального правительства США в Ираке. Ты не представляешь, какие это неумехи и круглые *идиоты*. Тысяч двадцать оборванных, босых, смуглых человечков с одними "АК-47" и парой РПГ побили могучую армию США и морпехов. Просто стёрли в порошок, когда я был там, и всё ещё проделывают это по всему Ближнему Востоку.

Уже почти целое поколение сменилось, но эти *идиоты* в Вашингтоне *до сих пор ещё* ничего не поняли! Всё, что они умеют, это прыгать так высоко и бежать так далеко, как укажут им Израиль и евреи. Мне кажется, что, написав "ДОБРАРМИЯ" на стене, я могу устроить, что это дело из рук Тэда Лира заберут наверх на федеральный уровень, где оно просто затеряется. Тэд умный. Он может догадаться, хотя вряд ли что докажет, а может и не захочет. Тэд тоже друг Кинга. Я предпочёл бы безмозглого следователя-фэбээровца, а не любого местного полицейского с парой извилин в голове, который знает обстановку и всех причастных людей. Мы видим по всем каналам "Си-Эн-Эн" и "Фокс Ньюс", что восстание в Кёр-д'Ален разгромлено, и всё кончено. Не верю я в это. Мне кажется, что остатки настоящей Добрармии будут продолжать борьбу и бить этих ублюдков, и очень скоро дело об этих убийствах будет закрыто и отправится лежать в корзину "висяков" главного спецаргента, с кучей дел о сотнях других нападений Добрармии.

- И когда мы должны это сделать? - повторил Чарли.

- Лен, позвони завтра утром в агентство "Рука помощи", - решил Хэтфилд. - Я шлёпну этих лесбиянок завтра вечером.

* * *

Большой двухэтажный дом Стива Кинга в стиле ранчо стоял на широком ландшафтном газоне и был отделан снаружи панелями красного дерева и лепниной, с кирпичной площадкой и отделкой из кирпича, а сам дом с участком располагался на склоне в районе к югу от прибрежного городка Сисайд. Заку не слишком нравилось вести машину по самому городу по пути туда, так как одним из основных недостатков его плана была его собственная машина. Единственной машиной, которую он мог использовать для этой операции, была его собственная, что было и опасно и безрассудно, но он не мог с чистой совестью просить у своих друзей одолжить ему машину или грузовик, рискуя, что их свяжут с убийствами. В тот вечер, перед тем как отправиться в путь, Зак взял несколько коротких полосок чёрной клейкой ленты, проверил, что передний и задний номерные знаки штата

Орегон сухие, чтобы лента приклеилась, и тщательно изменил в номерах "I" на "T" и "5" на похожую "8". Полученный номерной знак вызовет подозрение, если полицейский проверит его по компьютеру Отдела транспортных средств, но заметить ленту можно только с очень близкого расстояния, а издали номер годился.

Переехав большой мост через залив Янгс, Хэтфилд двинулся по заранее тщательно продуманному маршруту, свернув налево от шоссе 101 сразу при въезде в Джэрхарт, и объехал по просёлочным дорогам ярко сверкающие под дождем улицы Джэрхарта и Сисайд, надеясь, что никто не запомнит его машину. Это заняло лишние полчаса, и он должен был вернуться по тому же маршруту. Машина долгое время находилась на дороге, но с этим ничего нельзя было поделать. Перед поездкой Хэтфилд проверил, что бак полон, почистил топливные форсунки, проверил аккумулятор и на всякий случай заменил стартер. Он хотел быть совершенно уверен, что двигатель заведётся, когда нужно.

И вот Хэтфилд остановился на улице около дома, готовясь войти. Стоял безлунный вечер, было около 22:30, моросило, что идеально подходило Хэтфилду. Депутаты округа Клэтсоп оставили местным правоохранительным органам во многих малых городках округа небольшие муниципальные силы. Хэтфилд вспомнил, что Тэд Лир однажды случайно упомянул, что в Сисайд пересменка полиции (всего четыре машины) проходит в 11 часов вечера. Поэтому сейчас патрульные полицейские автомобили с одним полицейским и персонал полицейского участка должны были направляться в участок, чтобы сдать своё снаряжение и документы и как можно быстрее уйти с дежурства около 11, прежде чем отправиться домой. Или в "Таверну Рэя", у которой было специальное разрешение на продажу спиртного ночью для снабжения господ в синей форме.

В тёмном вечернем воздухе чувствовался слабый солёный привкус с близкого берега, всего в паре кварталов, и доносился низкий и мягкий шум тихоокеанского прибоя. Участки и газоны в районе были большие, и между домом Кинга и соседними домами с обеих сторон было почти по 50 метров. Хэтфилд рассчитывал на это расстояние и надеялся, что звуки телевизоров, домашних развлекательных центров и компьютеров в домах соседей Кинга помешают услышать звуки выстрелов.

Он оставил свою машину на узкой, но мощёной обочине перед домом соседа справа, чтобы не оставлять отпечатков шин, хотя на мокром от моросящего дождя асфальте это было маловероятно. К тому же пока Зак шёл только по бетонной дорожке и держался подальше от травы и грязного кустарника, ему можно было не бояться оставить какие-нибудь следы. Несмотря на это, он надел на туфли больничные бахилы, от которых потом надо было избавиться. Машина стояла почти посередине между двумя фонарями. Это значило, что придётся идти дальше, но этим Зак страховался от возможности, что кого-нибудь заметит его "тоёту" перед домом Кинга. Он натянул латексные хирургические перчатки и капюшон дешёвой куртки, которая досталась ему в прошлом году на складе "Армии спасения". Что было также хорошо: мало кто видел его в этой одежде, и никто не должен её помнить.

Он спокойно прошёл по пустой улице и свернул на подъездную дорожку к дому Кинга. Внутри под куртку за пояс он засунул обрез двустволки 12-го калибра. Перед выходом из хозмагазина Экстрема в Астории Зак вставил в тиски старый "Ремингтон" своего отца и ножовкой с маслом осторожно укоротил двойной ствол старого ружья до полуметра, а также отрезал ложе до цевья. Обрезки лежали в полиэтиленовом пакете в багажнике машины Зака вместе с самим стволом, курткой и другой мелочью, от которых потом нужно было избавиться.

Обрез был заряжен двумя патронами с 8-мм картечью, а в карманах куртки Зака лежало ещё полдюжины патронов. Зак также взял с собой короткоствольный револьвер

"Смит-Вессон" калибра 9 мм в пристёгивающейся внутренней кобуре на поясе. В доме было темно, когда он шагнул по дорожке, и только в передней внизу в гостиной был виден свет. Зак заглянул в окно гаража и увидел стоящие внутри внедорожник Стива и "лексус" Лидди. На дорожке стоял покоцанный "хаммер", списанный из армии, с несколькими феминистскими наклейками на бампере, Марты Праудфут, как он понял. И никаких других машин у дома, что было добрым знаком. Зак поднялся по ступенькам к входной двери и вынул из заднего кармана ключ, который сделал для него Лен.

Стоя у входной двери, Зак подумал о своём сообщении "Духу прошлого Рождества". *"Вполне возможно скоро мне придётся снова проделать что-то подобное",* - мелькнуло у него в голове. *"Тогда я должен гораздо лучше готовить такие операции, намного лучше. Эта делалась в спешке"*.

И вот он стоял перед бесповоротным шагом, и мог, если бы захотел, просто повернуться и уйти. Возможно, так и следовало поступить. Несколько моментов могли обернуться плохо, если он войдёт в дом. Во-первых, ключ может не подойти, и, чтобы войти внутрь, ему, возможно, придётся идти к заднему входу, использовать нож для проникновения через решётку, а затем выбивать или выламывать дверной замок, что насторожит тех, кто внутри.

Во-вторых, он никак не мог знать, достаточно ли была напугана Лидди Кинг или эта Праудфут, чтобы установить сигнализацию. Стив Кинг никогда не устанавливал в доме сигнализацию, так как в этой части Северо-Запада был ещё достаточно низкая преступность, и в сигнализации не было необходимости, ведь в случае проникновения домашний терьер Спадс поднял бы тревогу. Но средства массовой информации несли такой истерический бред о террористических заговорах злобных расистов после октябрьского восстания в штате Айдахо, что две лесбиянки, возможно, занервничали.

В-третьих, у него не было возможности узнать с абсолютной уверенностью, что в доме только два человека, несмотря на отсутствие неизвестных машин в гараже и на подъездной дорожке. Лидди могла привезти маленьких девочек домой.

И, наконец, Зак не мог знать, не заметили ли его уже, или как-нибудь обнаружат при входе и позвонят в полицию. Лидди, как настоящая либералка, никогда не разрешала Стиву держать в доме ружья или пистолеты. На что муж согласился из опасения, что девочки доберутся до оружия, и произойдёт трагедия, но всё могло измениться вместе с сексуальной ориентацией Лидди. Действительно, эта операция проводилась в спешке, может быть, слишком второпях.

Зак откинул капюшон куртки, а затем натянул тёмно-синюю лыжную маску, закрыв лицо. Вставил ключ в дверь, открыл замок и осторожно повернул ручку. На мгновение она заела, но затем механизм мягко щёлкнул. Зак толкнул дверь. Цепочка была снята, так что кусачки в его левом заднем кармане не понадобились.

"Это удача", - подумал Зак. *"Они неосторожны. Неосторожны и самонадеянны. Уверен, им просто в голову не пришло, что, несмотря на то, что они творят, кто-то посмеет шевельнуться, чтобы их остановить. Почему с ними что-то могло случиться? Ещё несколько недель назад никто никогда не дал бы им отпор"*.

Зак открыл дверь и вошёл. В передней было темно. Он молча подошёл к двери в гостиную и заглянул в комнату. В ней было пусто, и горела только настольная лампа. Зак медленно поднялся по покрытой ковром лестнице, держась близко к стене, чтобы ни одна из досок не скрипнула. Он знал, где находилась спальня, осквернённая спальня, где Стив и Лидди спали как муж с женой. Дверь в комнату девочек была открыта, и он заглянул внутрь: в очень тусклом свете, проникавшем через окно, он увидел, что кровати пусты.

"Слава Богу", - подумал Зак про себя. "По крайней мере, после этой ночи у Кэйти и Джуди не будет кошмаров от страшных звуков и чудовищ в масках. Интересно, смогут ли они, когда вырастут, понять, почему это произошло? Если я доживу, и мы победим, мне придётся сказать им в один прекрасный день, что я убил их мать. Я не могу избежать этого. Проклятье! Лучшие сейчас об этом не думать".

Теперь Хэтфилд стоял за дверью спальни хозяина. Внутри слышались тихие, сонные женские голоса, звучащие мягко и беззаботно. И никаких признаков тревоги; Зак был тих, как могила. Вытащил из кармана две резиновые беруши, поднял маску и вставил их в уши, чтобы шум и давление от стрельбы из тяжёлого ружья в закрытом помещении не повредили уши, и барабанные перепонки не лопнули. Вытянул бескурковый дробовик и снял его с предохранителя. Теперь он был готов к стрельбе. Сделал долгий глубокий вдох, вспоминая Ирак и восстанавливая необходимый боевой настрой. Сейчас это было другое, он понимал. На индейскую суку Заку было плевать, но Лидди была женщиной его расы, женщиной, которую он знал со школьных лет по школе Астория Хай. У них никогда не было много общего, так как даже в средней школе Зак был из простых рабочих с правыми взглядами, а она - богатая, по меркам Астории, более высокого полёта, и всю жизнь сторонница модной левизны. Но Лидди была женой Стива, и поэтому они несколько лет были, по крайней мере, вежливыми и наполовину дружелюбными друг с другом. Зак ничего не имел против Лидди, пока она не сошла с ума и не бросилась, как бешеная собака, на его друга. Сможет ли он? "Если я не смогу, гораздо лучше понять это до встречи с людьми Рэда", - сказал себе Зак.

Хэтфилд распахнул дверь, вошёл в комнату, и обнаружил в ней только врагов, которых надо уничтожить. Он хотел этого и сделал, что должно. По дороге в Асторию от дома с убитыми Зак ещё раз убедился, что был прав, отослав тогда то сообщение.

Он поехал к знакомому месту вблизи Хаммонда, в самом устье могучей реки, где она впадает в океан, к отвесной скале, и зашвырнул обрез и патроны в глубину. Куртку, бахилы и перчатки, сложенные в чёрный пластиковый мешок для мусора, надо было изрезать на полоски и сжечь до утра.

Обратно в магазин Зак вошёл точно в 12 часов.

- Как ужин? - спросил Экстрем, подняв взгляд от стола в конторке, где он строчил какие-то учётные документы.

Вошберн, сидя в углу, потягивал из большой пластиковой кружки покупной латте из ночного эспрессо-автомата.

- Кстати, я взял тебе большой бутер из целой булки с мясом, сыром и помидорами, пока "Дели" Ларисы не закрылось, - показал Вошберн на завернутый в бумагу бутерброд и вторую кружку кофе рядом с коричневым бумажным пакетом.

- Спасибо, - поблагодарил Зак и почувствовал голод. Развернул бутерброд и вгрызся в него.

- Дело сделано, - проговорил он с набитым ртом.

- Обеих? - спросил Вошберн.

- Обеих.

- Были трудности? - спросил Экстрем.

- Никаких.

- Ты написал слово на стене? - продолжал расспрашивать Экстрем.

- Написал. Не знаю, когда они найдут тела, но когда найдут, клянусь, что вы услышите крик ужаса "Дейли Асториан" отсюда до Кус-Бэй.

- Ну, ничего не поделаешь, - вздохнул Вошберн.

- Не совсем так, - возразил Хэтфилд. - Я думаю несколько раз всё повторить на бис.

- Что-что? - переспросил Экстрем.

- Чарли, ты помнишь, в прошлом году летом я просил тебя пойти на одну встречу? - напомнил Хэтфилд. - Ну, ту, когда что-то вдруг случилось, и ты отказался?

- Ну да, - осторожно ответил Вошберн. - Я сейчас точно не помню, что произошло.

- У тебя, наверно, внезапно прорезался здравый смысл. Ладно, забудь об этом, - пожал плечами Зак. - Это было прошлым летом. Теперь всё изменилось. Последнее я хочу кое-что сказать о сегодняшнем вечере, а потом, если вы, ребята, захотите уйти, не будет никаких обид, и кто знает, не окажетесь ли вы чертовски умнее меня? Я никогда не повторю этого снова, а сейчас просто выслушайте меня. Вы оба знаете, что я знаком кое с кем, и вы всегда избегали заводить разговор на эту тему. Я очень ценю ваш такт, и сам никогда не настаивал на разговоре, потому что считал, что раз вы знаете, то это ваш выбор, или вы не хотите говорить на эту тему. Но то, что произошло в Кёр-д'Ален, меняет дело. Теперь мы знаем, чего можно добиться. Мы потерпели неудачу в Кёр-д'Ален, но партия не была уничтожена. Я знаю, потому что связан с людьми, которые бежали из Кёр-д'Ален и всё ещё сражаются, ведя партизанскую войну, чтобы создать нашу собственную белую страну здесь, на Северо-Западе. Это будет долгий, кровавый и страшный путь, но мы верим в победу.

- Почему ты так считаешь? - с любопытством спросил Вошберн.

- Короткий ответ? Бог на нашей стороне, - просто ответил Зак.

- Оооо'кэээй...., - протянул Вошберн. - И откуда ты это знаешь?

- По тому, что произошло в Кёр-д'Ален, и что случилось со мной сегодня вечером, - пояснил Зак. - Это - Божий знак для нас. Неважно, победим мы или проиграем, или я где-то лоханулся и завтра вечером в это же время попаду в тюрьму по обвинению в двойном убийстве. Не это главное.

Главное то, что это *совершилось*. Что мы это *сделали*. Бог вернул Белому человеку мужество. Мужество восстать и бросить вызов законам наших угнетателей. Мужество сопротивляться с оружием в руках, а не за клавиатурой компьютера. Мужество снова быть *мужчинами*, настоящее мужество, что идёт из сердца, а не от банки дешёвого пива или бутылки виски. Раньше у нас никогда не хватало мужества, до сегодняшнего дня, и именно поэтому белые всегда проигрывали. Нам было стыдно от того, что мы такие. Мы стыдились *быть* теми, кто мы есть.

Хватит! Парни вроде меня, и Старик и многие другие провели всю свою жизнь на коленях, моля Бога сделать для нас только одно - вернуть нам мужество, мужество наших предков. Пусть даже лишь на одно последнее славное сражение, чтобы мы могли умереть стоя, а не жить на коленях и сойти с исторической сцены с высоко поднятой головой. Бог внял нашим молитвам. Теперь у нас снова есть мужество. Я не знаю, как это произошло, но мы получили его обратно. Мы вернули своё, когда сделали это дело сегодня, потому что, хотя я нажимал на курок, вы, ребята, так же, как и я, взяли на себя ответственность. Когда я добрался до того дома, то там меня не поджидали полицейские. А когда вернулся вечером, то вы вдвоём всё ещё были здесь, на своём посту, а не прятались дома под кроватью, проглотив ящик пива или бутылку виски, чтобы заглушить свой страх, и вы показали себя точно так же, как и я. Бог тоже вернул вам мужество, ребята, и любой из вас, если бы пришлось, смог бы сделать, что и я, сегодня вечером.

Зак передохнул, ещё раз откусил от бутерброда, прожевал и проглотил.

- В любом случае, я намерен поговорить с кое-какими людьми о вступлении в Добровольческую армию Северо-Запада и создании здесь её подразделения. Ребята, вы со мной?

- Да, - спокойно и без колебаний ответил Экстрем.

- Да, - кивнул Вошберн.
- Добро пожаловать в ряды фанатиков-экстремистов, ребята, - поздравил их Хэтфилд.

Тревожная тройка

*О, боги, вы даёте слабым силу
И учите, как побеждать тиранов:
Ни камни башен, ни стальные стены,
Ни душевные темницы, ни окопы
Не могут силу духа превозмочь;
А человек, коль жизнь невыносима,
Всегда земные узы может сбросить.
Я это знаю, пусть весь мир узнает,
Что рабства груз, гнетущий жизнь мою,
Могу я по желанию отбросить.*

Юлий Цезарь - Акт I, Сцена 3

Трое друзей вновь встретились в дождливых серых сумерках декабрьского дня, в старом домике на пляже "Киванис Клаб", что на вашингтонской стороне реки Колумбия, примерно в полукилометре от гигантского моста по шоссе 401. В сборном домике с бетонным полом было холодно, как в холодильной камере, так что будущие повстанцы не снимали своих толстых зимних курток и шапок, хотя здание защищало от ветра и сквозняков, и в нём было электричество. В домике стояли столы для пикников и несколько пластиковых стульев, стол для пинг-понга, прислонённый к стене, который можно было раскладывать на столах для пикников, если кто-нибудь хотел поиграть, имелась раковина, обшарпанный старый холодильник и несколько шкафов. Соседний пляж был просто узкой полоской гальки вместо песка, но в летнее время служил сносным местом для рыбалки и весёлых пикников. В наступающей темноте стали проступать зелёные, красные и белые рождественские огни, мерцавшие в Астории за рекой и игравшие в воде.

- Я включу обогрев, - занялся газовой плитой в углу Чарли Вошберн и зажёл все горелки. Он нашёл в одном из шкафов большую кастрюлю, наполнил её водой из раковины и поставил на одну из горелок.

- Растворимый кофе на всех, так сказать. Эти чашки выглядят более-менее чистыми, и я вижу, что для нас со Дня труда осталось ещё немного сахара и сливок. Ладно, Зак, ты снова задаёшь нам пирушку сегодня вечером?

- Мы ждём человека по имени Мистер Чипс, которого послали из Олимпии, - объяснил Хэтфилд. - Само собой, он в розыске, и если только нас заметят в его компании, мы все окажемся мечеными.

- Как будто мы уже не меченые, а? - хмыкнул Вошберн. - Думаю, что Лир прекрасно знает, кто уделал Лидди Кинг и эту лесбо-страшиллу Праудфут. Он с усмешкой посмотрел на меня, когда мы говорили о твоей ночной оплачиваемой работе в магазине. Все знают, что мы самые близкие друзья Стива, а военное прошлое Зака уж точно не секрет.

- Ну да, со мной то же самое. Думаю, Тэд всё знает. Просто не может ничего доказать, - добавил Экстрем.

- Не думаю, что он *хочет* что-то доказывать, - возразил Хэтфилд. - Он знает Стива столько же, сколько и мы. Род Берри сказал мне, что Тэд чуть не плакал, когда ему пришлось идти брать Стива и вести его в тюрьму по этому долбаному ордеру, когда те две суки заявили на него. Он знает, как было дело, и что сотворили Лидди и эта лесбиянка со Стивом и

девочками. Не думаю, что Тэд слишком расстроился, когда ему пришлось выпустить Стива из тюрьмы, и что он будет искать убийц усерднее, чем требует от него здешнее политкорректное начальство.

Хэтфилд махнул рукой в сторону огней Астории.

- Я не понимаю одного: почему не слышно ФБР? Почему нет никаких упоминаний в СМИ о слове ДОБРАРМИЯ, которое я нацарапал на стене спальни кровью лесбиянки-скво? Тем более, что они полностью в ответе за первоначальное дело Стива и его детей о словах ненависти?

Вошберн снова заговорил.

- Я понял из новостей, что у Бюро сегодня полно новых неотложных задач. Зак, похоже, ты был прав, что Добрармия продолжает сражаться. Я слышал по здешнему шофёрскому радио, что они шлёпнули ещё пару мексиканцев в Даллесе и бросили бомбу в патрульную машину портлендского бюро полиции на перекрестке, а негритос-полицейский до сих пор торчит внутри.

- Стив уже вышел, вернулся к детям, и теперь сможет наладить нормальную жизнь, свою и девочек. Это главное, - добавил Экстрем. - Всё работало.

- Думаю, мистер Чипс сможет быстро довести до нас, что происходит на Северо-Западе, - сказал Хэтфилд.

- А кто этот мистер Чипс? - спросил Вошберн.

- Он - представитель Партии, а теперь, по-моему, и Добрармии, - ответил Хэтфилд. - У него действительно нет звания. Мало у кого они есть. Партия всегда избегала раздавать клички вроде "шеф-повар" и "мойщик бутылок", как в старые времена делали некоторые расовые группировки. Это вроде как мафия. Пусть федералы гадают, кто и чем занимается. Чипс это своего рода общее доверенное лицо. Он называет себя Джонни Яблочное зёрнышко, который бродит по Тихоокеанскому Северо-Западу и сеет семена ненависти, надеясь, что они вырастут в большие цветущие сады. Я встречался с ним раньше, когда Партия ещё была легальной, и был на нескольких собраниях в районе Олимпии, а также в Данди и Сентральной в штате Вашингтон. Он - один из самых знающих и умных людей, которых я когда-нибудь встречал. Когда он говорит, мы слушаем. Если мы хотим революции, то он - тот человек, который может нас направить.

Из темноты снаружи послышался звук приближающейся машины, хруст гальки под шинами на пляже и шум работающего двигателя.

- Это они, - сказал Хэтфилд, глядя в окно. - Точно вовремя. Хороший знак для революционера. Первое дело, ребята, если мы действительно попадём в перестрелку. Время назначено, значит, назначено, и точка. Одного человека не будет на месте в самый неподходящий момент, и мы все можем погибнуть. Можете считать это своим первым уроком по боевой подготовке.

Гость, которого они ждали, прибыл на потрёпанном и невзрачном спортивном внедорожнике "субару". В сгущающейся темноте Хэтфилд не мог разобрать, была ли машина чёрного, тёмно-синего или зелёного цвета. Мистер Чипс вышел через заднюю дверь. Его сопровождал молодой человек в джинсовой куртке и бейсболке и высокая молодая девушка с простыми, но выразительными чертами лица и длинными рыжеватыми волосами, завязанными на затылке в хвостик. И парню и девушке, похоже, было лет по восемнадцать. Хэтфилд встречался с ними раньше в Данди. Хэтфилд открыл дверь и впустил молодых.

- Привет, Шон, - сказал он.

- Привет, мистер Эйч. Как дела?

Молодой доброволец вошёл и быстро осмотрелся. Орегонские мужчины заметили приклад автомата "Тес-9", торчащего из наплечной кобуры под его джинсовой курткой. Девушка в отделанной мехом дублёнке стала в дверях, и под распахнутой шубкой виднелся короткий ствол пистолета-пулемёта "Узи", деликатно направленный в пол.

- Привет, Руни, сказал Хэтфилд.

- Привет, - ответила девушка.

Парень подошёл к двери, сделал знак, и в комнату вошёл человек среднего возраста с седыми усами и в очках. Снял пальто. И оказался в зелёном пуловере с вырезом и светло-жёлтой рубашке с галстуком. Из кармана рубашки торчал пластиковый чехол с ручками. Он был похож на учителя или компьютерного фаната.

- Как движение на мосту? - спросил Хэтфилд.

- Мы ехали живописной дорогой, от Илвако, - ответил новоприбывший. - Министерство внутренней безопасности начало ставить телекамеры на мостах и в туннелях, чтобы отслеживать движение, поэтому я решил, что нам лучше встретиться здесь на вашингтонской стороне, а не пересекать реку. Этих чёртовых штуковин не всегда можно избежать, но нет необходимости оставлять им след из хлебных крошек. Шон и Руни останутся снаружи на страже. Молодая пара в стоящей машине не вызовет подозрений у прохожих. Кстати, я надеюсь, вы вооружены и готовы применить оружие, и должен предупредить вас, что если на нас нападут, придётся пробиваться с боем.

Парень с девушкой повернулись и, молча, вышли, а Хэтфилд закрыл дверь.

- А кто эти господа?

- Это - Чарли Вошберн, а это - Леннарт Экстрем, - представил друзей Хэтфилд. Все обменялись краткими рукопожатиями.

- Они - достойные люди. Я уже доверял им свою жизнь.

- Теперь вы знаете наши имена, но мы знаем только, что вас называют мистер Чипс, - начал Чарли. - Мы тоже получим клички?

- Конечно, со временем у каждого из вас будет целый набор собственных кличек, - улыбнулся посланец Партии. - Мистер Чипс не столько кличка, сколько прозвище. Раньше я был школьным учителем в Данди и преподавал своего рода неофициальный курс истории нескольким отобранным белым ученикам после школы, строго вне уроков. Федералы знают, кто я, так почему не узнать вам. Моё имя - Генри Морхаус, но с тех дней, когда у меня было больше волос, меня называют Рэд.

- Зак за вас ручается, - сказал Вошберн. - Этого достаточно. Думаю, тогда нам лучше закончить с этим. Он сказал, что нам нужно от вас?

- Да, и кое-что общее. Вы удивитесь, насколько часто повторяется ваша история, господа.

Морхаус сел и взял предложенную чашку горячего растворимого чёрного кофе, но отказался от предложенных пакетиков со сливками и сахаром.

- Говорят, что вся политика делается на местах. Очевидно и притеснения тоже. Требуется, чтобы человек лично пострадал от тирании, перед своей входной дверью, прежде чем начать действовать. Но иногда даже не в тот же момент. Вы, ребята, действовали самостоятельно, и это нас впечатлило. Зак сказал мне о случае, который произошёл здесь с женщиной Кинга и её животным для развлечений.

- А нам придётся принести какую-нибудь клятву кровью или ещё как-то? - спросил Экстрем.

- Нет, не в этот раз, - покачал головой Морхаус. - Позже Добрармия может счесть целесообразным установить такой порядок. Сейчас, если вы хорошие и честные люди, то

присяга не требуется, а если это не так, то никакая клятва вас не исправит. Если я скажу, что вы приняты, значит, приняты.

Морхаус замолчал и отхлебнул кофе.

- Первый вопрос, который я должен задать, очевиден. Вы все готовы к этому? Вы полностью осознаёте, на что, чёрт возьми, идёте? Это не игра и не кино по телевизору. Это серьёзно. Вы же видите, что происходит на Северо-Западе, каждый раз, когда включаете канал "Си-Эн-Эн". Люди погибают, и на этот раз не только белые. "Зверь" в слепой ярости. Ему бросили вызов, он ранен и бросается на всех подряд. Господа, вы понимаете, что если пойдёте с нами, то, скорее всего, или погибнете, или проведёте остаток жизни в федеральной тюрьме в условиях, которые даже не можете себе представить?

- Мистер, они в СМИ так вопят о расизме и внутреннем терроризме, что если бы нас поймали просто сидящими здесь с вами, мы бы сели в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, - сказал Экстрем. - Мы понимаем это, но всё-таки пришли сюда.

- Да, официальная паранойя неистовствует, всё верно, - усмехнулся Морхаус. - Они начинают понимать, что не уничтожили всех нас, когда ворвались в Кёр-д'Ален в прошлом месяце, и некоторые из нас всё ещё сражаются. И славно. Но прежде чем мы приступим к делу, я бы хотел, чтобы каждый из вас рассказал своими словами, что привело вас сюда сегодня вечером.

- Думаю, начну я, - сказал Хэтфилд. - Конечно, у меня было некоторое представление о том, что Партия делала тайно, о подготовке. Кое о чём сказали мне вы, Рэд, а кое-что я понял сам. И начал размышлять, захочется ли мне присоединиться к вам, когда придёт время взяться за оружие. Я знал, что это время должно настать, если кто-то из нас в стране ещё хранит в себе искру храбрости.

Всё остальное мы перепробовали - мрачно продолжил Хэтфилд. - Из поколения в поколение мы покорно, как бараны, толпами голосовали на выборах, где у нас не было серьёзного выбора, и ни один кандидат или партия не представляли расовые интересы белого человека. Ничто не менялось, кроме того, что политики становились всё более и более непристойными и продажными, циничными мерзавцами. Почти сто лет нас предавали на каждом шагу те, кого мы выбирали во власть, мы были разорены и обескровлены чуждыми тварями, что называются евреями.

Мы перепробовали все мирные возможности, использовали все до единого ненасильственные способы, какие только могли придумать, чтобы попытаться изменить мир, и заставить этих сговорившихся мерзавцев *прекратить творить свои делишки*. Ничего из этого не сработало. Мы кричали и кричали ""НЕТ!" что есть мочи, но нами пренебрегали, плевали на нас и называли ненавистниками за нашу тревогу. Мы взяли за Интернет и годами колотили по клавишам, потому что прониклись мыслью, будто дело в "образовании", и если мы сможем просто донести до людей правду, то всё изменится. Что ж, образование без дел не стоит ведра плевков. Мы донесли правду до людей, всё отлично, но оказалось, что это только шум, на который просто не обращают внимания, потому что Интернет как был, так и остался. Все только и делали, что *стучали* по клавишам. И для хозяев это было лучше некуда. Стук по клавишам им ничем не грозил, а мы просто выпускали пар, и ничего не менялось. Сейчас любому белому с двумя извилинами в башке совершенно ясно, что единственная вещь, которая заставит этих собак у власти услышать слово "*НЕТ*", это гром выстрелов.

Но я не решился окончательно, пока не наступил тот вечер, когда я покончил с бедой Стива Кинга, - сурово продолжил Хэтфилд. - До этих пор я не понимал, как чертовски *хорошо* себя чувствуешь, когда наносишь ответный удар! Это совсем не похоже на Ирак. Я

ненавидел тамошних чурок, потому что они убивали и ранили моих друзей и старались сделать то же самое со мной, но в душе понимал, что нам нечего там делать, и они пытались убить меня, потому что я старался отобрать у них их клочок земли и нефть под ним. Я был вором, который влез в их дом, чтобы отнять у них землю, имущество и достоинство, поэтому они имели полное право стрелять и взрывать меня. Честно говоря, иракцы делали то, чем я гордился бы, если бы американцы так поступили в случае вторжения и оккупации. Конечно, мы никогда не говорили об этом, и большинство из нас даже прогоняли такие мысли, потому что понимали, как они опасны, но все мы знали, что были там парнями в чёрных шляпах. (*Плохие персонажи в американских вестернах носят чёрные шляпы, а хорошие герои – белые.* - Прим. перев.).

Я вернулся домой и почувствовал, как никогда раньше, что *мы - оккупированный народ*. Оккупированы нашим собственным правительством, теми же треклятыми жидами, политиками и бизнесменами, которые послали меня в Ирак, чтобы украсть то небольшое, что было у этих бедных людей. Потом случилась история со Стивом и Лидди Кинг, когда я обратил то, чему меня научил ЗОГ, на пользу моему другу и его детям, моему собственному народу, а не за месячную зарплату от жидов. Я почувствовал себя *правым*. И обнаружил, что мне нравится ощущение белой шляпы на голове, и пусть она там останется. Всё довольно путано, Рэд, но лучше я сейчас сказать не могу.

- Я понимаю, что ты имеешь в виду, - улыбнулся Чарли Вошберн. - На этот раз, всего один раз, плохие люди не выиграли. А мне просто опротивели плохие, которые всё время побеждают. Но не в этот раз. На этот раз, только один раз, победила настоящая справедливость, и хороший человек и двое его хороших деток теперь получили какой-то шанс в жизни. Ужасное злодеяние, совершённое безнравственными извращенками, было предотвращено. Весы чуть-чуть отклонились назад в правильном направлении. Я тоже так чувствую, но это трудно выразить словами.

Но моё чувство больше, - продолжил он, подбирая слова. - Вы же знаете, что американцы смотрят много фильмов и телевизионных шоу, где какой-нибудь обычный Джо, вроде меня, так сказать, принимает на себя удар. И становится в некотором роде героем, воюя, как правило, против арабов, сербов, французов, злобных белых расистов или тех, кто в данный момент у жидов главный враг. Большинство этих фильмов - просто дешёвка, но в последние несколько месяцев, после Кёр-д'Ален, я чувствовал что-то похожее. Для меня это как зов судьбы, как ни напыщенно и нескромно это ни звучит. Я не мог сделать это в одиночку, но Кёр-д'Ален во мне всё перевернул. Сейчас я знаю, что *есть и другие*, те, кто смотрит на события и понимает их точно так же, кто думает и чувствует, как я, и кто понимает, что родиться белым это действительно чудный божий дар. Я видел, что произошло в Кёр-д'Ален по "Си-Эн-Эн", но не хочу смотреть по телевизору продолжение этого великого события. Мой *долг* быть здесь сегодня вечером, мистер Морхаус. Я должен принять участие. И не думаю, что смог бы уйти, если бы даже хотел.

- Всё должно измениться, - медленно произнёс Леннарт Экстрем. - Все белые мужчины и женщины в Америке в глубине души это понимают. Это больше не Америка, это "Шоу ужасов Рокки Хоррора", которое продолжается и продолжается. Где-нибудь, когда-нибудь этот бардак надо прекратить, по крайней мере, в какой-то части страны, и здесь на Северо-Западе для этого лучшее место. Как только признаешь в своей душе, что всё должно измениться, то не будешь сидеть и размышлять, заниматься самокопанием и мучиться из-за всего этого. Ты просто обязан делать то, что должно.

- Именно это, мистер Экстрем, белая раса сто лет жаждала услышать от таких людей, как вы, - уважительно кивнув, проговорил Морхаус. - Вы знаете, что мы были в очень

похожей ситуации ещё до основания Партии? Сам Старик вернулся на Родину в 2002 году, но много лет просто сидел в полном одиночестве в разных квартирках, домах-прицепах или пансионатах и долбил на компьютере, который тоже старел и глючил. Много лет Старик ждал тех, кто с номерными знаками других штатов приедет из-за холмов. Умолял на коленях своих белых соплеменников стать на его сторону и *помочь ему*, но шли годы, и никто не приходил. Он звал всего сотню неиспорченных мужчин и женщин. Сто человек, которые были готовы поставить будущее своей крови и своей цивилизации выше своего личного благополучия. И так, год за годом, никто не шёл.

- А что случилось потом? - спросил Экстрем.

- Потом они пришли, - просто ответил Морхаус. - Между собой мы называем это событие Пробуждением, и сами его ещё полностью не осознали. Поймите меня правильно, когда я так выражаюсь, потому что мы не религиозное движение, скорее, наоборот. Но лучший и самый понятный способ выразить это - сказать, что, видимо, произошло какое-то божественное вмешательство. Бог решил дать своим самым замечательным, хотя и своенравным детям ещё одну, последнюю попытку, прежде чем выбросить белую расу на свалку истории. Он проник в сердца ста человек и подвиг их, изменил так, что пелена спала с их очей. И они осознали, что должны поставить что-то выше собственного благополучия и жить для чего-то кроме работы, зарплаты и покупок в магазинах. Однажды это просто как-то началась, и сотня человек перестала беспокоиться о себе, они вышли и стали паковать вещи в машины. У Старика появилась первая сотня, и она стала ядром Партии, которая была основана, когда люди прибыли на Родину и оказались на месте.

Без этой первой сотни людей не было бы никакой Партии, потому что именно они создали условия и сеть безопасности, чтобы остальная часть переселенцев что-то имела по Возвращении Домой.

- Сейчас нам нужно больше ста человек, - мрачно сказал Вошберн.

- Они придут, - сказал Морхаус со спокойной уверенностью. - Они уже пришли. Чертовски поздно, но пришли. Ну, хорошо. Давайте покончим с этим.

Он допил кофе, поставил кружку и наклонился вперёд, чтобы кое-что сказать.

- Здесь мы делаем историю, господа. Мы здесь для того, чтобы подготовить и поднять первое с 1861 года организованное вооружённое восстание против Соединённых Штатов Америки. Мы намерены завершить то, что начали в Кёр д'Ален два месяца назад. СМИ сейчас каркают, что так называемая расистская республика мертва. Это неправда. Северо-Западная Американская Республика жива. Она жива, потому что мы так считаем и готовы проливать кровь других и отдавать собственные жизни в подтверждение своих слов. Так рождаются в мире государства, господа. Я представитель этой республики, её Временного правительства в нынешней форме Совета Армии, пока нам не удастся создать государство в соответствии с проектом конституции, который так долго лежал в наших столах. В этом качестве я прошу вас вступить в ряды вооружённых сил нашей республики и вести освободительную войну против жестокой и безнравственной тирании. Вы согласны?

- Согласен, - ответил Хэтфилд.

- Согласен, - ответил Вошберн.

- И я, - подтвердил Экстрем.

- Господа, вы только что поклялись кровью. Будьте верны своей клятве до конца жизни, - тихо сказал Рэд.

- Я оглядываюсь на всё дерьмо, которое наш народ вытерпел за последние сто лет, и до сих пор удивляюсь, что мы ни разу не брались за оружие раньше, - с печалью проговорил Вошберн. - Почему, чёрт возьми, белый человек никогда *не сражался*?

- Бог мой, - вздохнул Морхаус. - Некоторые из нас провели всю жизнь, изучая этот единственный простой вопрос, Чарли, и я должен признать, что мы не приблизились к ответу. Конечно, есть несколько готовых ответов. До последних нескольких десятилетий большинству белых просто слишком хорошо жилось. Жизнь была просто чертовски сладкой, и вся мерзость, вызванная либеральной демократией и политкорректностью, не представлялась действительно опасной для жизни, только всё больше и больше раздражала, а время бежало. Когда людей что-нибудь просто раздражает, они пишут письма в редакцию, звонят на радиопередачу или ноют и ворчат спяну в баре о том, как мир катится в ад. Они не хватаются за винтовки и не начинают делать бомбы в подвалах своих домов. И, конечно, лет двадцать назад, если там, где жили эти люди, всё становилось слишком плохо, они могли просто собраться и переехать в пригород, или в другой штат немного побелее. Так к нам и переехали сотни тысяч стихийных переселенцев, сюда, на Северо-Запад.

- Ну, по-моему, у нас в округе Клэтсон теперь точно живёт половина Калифорнии, - согласился Вошберн. - Большинство этих же людей голосует за демократов, и они скорее отрежут себе бубенчики, чем признают, что перебрались сюда в поисках более белого и безопасного окружения.

- Ну да, - протянул Морхаус с усмешкой. - Либералы всегда первыми бегут от безобразий, которые сами и натворили. Обычно только они и могут себе это позволить. Во всяком случае, либерализм и политкорректность давно вышли за пределы простого раздражения. Дела у белых шли всё хуже и хуже с тех пор, как при втором Буше экономика накрылась медным тазом и уже не оправилась, когда закрылись программы социальной защиты и медицинского страхования, и когда неоконсерваторы, наконец, вернули призыв в армию.

Мир нельзя подчинить без огромной армии, а все их высокотехнологичные игрушки, умные бомбы с компьютерами и оружие массового уничтожения просто бесполезны. Если мы намерены продолжать качать ископаемое топливо, Ближний Восток должен быть на самом деле *оккупирован*, и теперь каждая американская семья, где есть мальчик, знает, что, когда их сыну исполнится 18 лет, то его, по всей вероятности, затащат в пустыню и там убьют. У всех есть, по крайней мере, один знакомый молодой парень, вернувшийся из Ирака или Саудовской Аравии раненым или искалеченным, без руки или ноги, слепым или ненормальным. И, конечно, недостатки нашей замечательной демократии стали совершенно очевидными для тех из нас, кто обнаружил, что живёт в самой северной провинции Мексики. Больше невозможно замести все проблемы под ковёр. Проблемы эти слишком заметны и очевидны, и ни у кого нет денег, чтобы уехать в пригороды.

- Но это пока не привело ни к чему, кроме армии белых, орущих во время радиопередач, а затем в день выборов голосующих толпой за республиканцев, - пожаловался Экстрем. - Мы голосовали за некоторых белых с причёсками, уложенными феном, с сияющими улыбками и в костюмах за тысячу долларов, но они предавали нас, как только попадали в Вашингтон. А у нас появлялось всё больше мексиканцев, больше преступности, больше налогов и меньше работы, все наши сбережения уходили на счета врачам, потому что ни у кого больше нет страховок, и всё больше детей возвращались в гробах, которые нельзя фотографировать. Ну разве мы - не идиоты? Это произошло не в один миг, а продолжается уже 50 лет. В чём, чёрт возьми, мы *ошиблись* ещё в 60-х и 70-х годах? Или ещё раньше? Почему мы *не боролись*?

- Возможно, более уместно спросить, Лен, почему мы сражаемся теперь? - заметил Морхаус. - Что касается нашей неспособности до сих пор противостоять геноциду силой оружия, то, конечно, заманчиво, объяснить это простой трусостью, а её всегда хватало у тех,

кто прошёл через движение сопротивления белых. У чересчур многих. Не говоря уж о том, что большинство наших самозванных вождей немногим отличалось от мошенников, у которых нет дышалки, чтобы стать телепроповедниками. Но дело обстоит сложнее. Я уверен - у белых американцев ещё есть личная храбрость. Они доказывают это каждый день на поле боя. Каждую неделю можно увидеть по ящику историю про белого полицейского, который нагнал страху на банду насильников, или белого пожарника, вынесшего детей из горящего здания. Не говоря уже о чудаках-спортсменах, прыгающих с самолёта со сноубордами и пытающихся съехать вниз с Эвереста, или плавающих голыми с маской и трубкой в стае акул и творящих тому подобные глупости.

- Бог свидетель, каждый день в Ираке я видел достаточно арийского героизма, - сказал Хэтфилд. - Белые по-прежнему будут биться храбро как львы, но только за евреев или за их деньги, Рэд. А когда надо встать и бороться за себя, против евреев и правительства, которые нас тиранят, мы вдруг оказываемся слабаками.

- Да-а-а, вот где сложность, Зак, - задумчиво сказал Рэд, вынимая из кармана потёртую старую трубку и набивая её табаком. - Верно, белый человек всё ещё может проявлять личное мужество. Многие могут. Ген смелости, безусловно, ещё остался в нашем характере. Но то, чего, похоже, мы не можем, так это быть храбрыми *для нас самих*, в наших собственных интересах, без одобрения еврейской печати и телевидения. У нас сложилась губительная *связь* с системой. Система нуждается в нас, а она психологически нужна нам. Сегодня белым мужчинам требуется общественное одобрение. Оно нужно нам, как наркоману - его доза. Этакая группа поддержки сверстников вокруг нас должна кричать "Молодцы!" Мы можем быть храбрыми в организованном окружении до тех пор, если это *официально одобренная* форма мужества. Потому что потом можно побежать в бар, нести пьяную чепуху с ребятами и получать одобрительные хлопки по спине, а затем вернуться домой к маленькой женщине и удобному образу жизни среднего класса, от которого мы рискнули ненадолго оторваться.

- Белый может смело смотреть в лицо опасности, но не выносит одиночества, - продолжил Морхаус, раскуривая трубку спичкой из бумажной пачки. - Он не может держаться отдельно от подбадривающей стаи. Он больше не может быть впереди. Он там теряется. Пионерский дух почти мёртв: вы должны были бы, как я, пережить те мрачные времена начала 2000-х, прежде чем эти первые сто человек *Вернулись Домой* и основали Партию, чтобы понять, как редки стали среди нас истинные пионеры, первопроходцы, мужчины или женщины, вожди, которые могут *пойти первыми*.

Можно сказать, что евреям удалось "*одомашнить*" арийцев. Мы можем быть храбрыми и хорошими собаками, пока слышим подбадривающий голос хозяина и изредка получаем собачью награду из его рук, но мы больше не одинокие волки. Мы можем отправиться в лес и сражаться за наших хозяев, но больше не можем жить в тёмном лесу и сделать его нашим домом и царством, охотясь сами и оставляя себе всю добычу. Мы всегда должны возвращаться к тёплому костру хозяина, к его кормёжке, и, конечно, к ошейнику и поводку. Мы не дрались до сих пор, Чарли, потому что лет сто мы уже не волки, а собаки. Евреи приручили нас. Но теперь мы должны снова услышать Зов Предков. Нам нужно ещё раз найти в себе этот дух волка, и укусить руку, которая нас кормит. Наверное, мне лучше отказаться от этого сравнения, пока я не запутал его как узел. Но вы понимаете, к чему я клоню?

- Да, - вздохнул Зак. - И этот пагубный симбиоз между белыми мужчинами - американцами и системой ещё очень силен и глубоко въелся в нас. Сколько парней смогут вырваться из него? Это будут очень редкие птицы.

- Ну, может, не такие уж и редкие, - улыбнулся Рэд, пыхнув трубкой. - Как только первые сто шагнули вперёд, другим было не так уж трудно сделать это, потому что, когда их прибывает сюда всё больше и больше, то они видят толпу, в которой можно скрыться. А вот заставить первую сотню *пойти первыми* было настоящим подвигом. Сейчас нас много, много больше. Вот здесь нас шестеро. Мы четверо и двое чудесных молодых ребят в машине.

- Рэд, я не настолько глуп, чтобы спрашивать, как много человек в Добровольческой армии Северо-Запада... - начал Экстрем.

- А я не смогу ответить тебе, даже если бы ты спросил, - прервал его Морхаус. - Никто не знает, сколько в ней добровольцев, и сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь узнает.

- Всё же, как много человек, по-вашему, понадобится, чтобы сделать дело? - настаивал Экстрем. - Чтобы создать здесь наше собственное хорошо работающее государство? Чтобы изгнать федеральные власти?

- Гораздо меньше, чем ты думаешь, - ответил Морхаус. - Наша победа, господа, в конечном счёте, будет окончательной победой качества над количеством. Власть в Америке не является несокрушимой, вы же знаете. Мусульмане показали нам это в лучшем виде. Имейте в виду, господа, что нам противостоит противник, дело которого давным-давно проиграно. Крошка-лев против огромной змеи, но змеи старой, больной и умирающей, в тяжёлом похмелье. Мы стоим перед гнилой кучей продажности, неумения, бюрократии и лени, перед врагом, дрожащим от дряхлости, врагом, который уже держит армию почти в два миллиона человек по всему миру, пытаюсь создать и поддержать империю со всеми мировыми запасами нефти. Американские солдаты пытаются сохранить эту шаткую империю от Венесуэлы до Тегерана, и лишь немногих из них, если вообще хоть кого-то, удастся вернуть сюда, чтобы воевать против нас.

- Движению всегда приходится бороться с таким пораженческим и параноидальным убеждением, что если мы когда-нибудь действительно попытаемся восстать, то мощь армии и морской пехоты просто раздавит нас, - сказал Хэтфилд. - Но я, зная военных изнутри, могу сказать вам, что армия и морская пехота не так сильны, как раньше.

Вы что, всерьёз считаете, что американцы бросят Ирак, Израиль, Саудовскую Аравию и Венесуэлу и отрежут себя от поставок нефти, чтобы бросить миллион солдат против нескольких партизан на Тихоокеанском Северо-Западе? И станут поддерживать такой же уровень оккупации в нашей части мира, которая для всех этих евреев и интеллигенции на восточном побережье и в Лос-Анджелесе всегда была такой же чужой стороной, как Ирак? Правящая элита всё ещё считает Северо-Запад мелкой тихой заводью.

- Если же вы думаете, что сохранение территориальной целостности Штатов будет главной заботой режима, то ошибаетесь, - согласился Морхаус. - С ростом нехватки топлива в мире, нефть, откровенно говоря, всё больше становится важнее территории. Ведь на Северо-Западе нет нефти, кроме как на Аляске, которая сама стала отдельной проблемой. Стратегическая оценка Совета Армии такова, что, по крайней мере, в первое время военные операции против нас окажутся незначительными, если они вообще будут проводиться. Они не будут воспринимать нас всерьёз. С их стороны это принятие желаемого за действительное: они отчаянно *не захотят* принимать нас всерьёз. Сама мысль, что белые мужчины могут действительно восстать против них, просто не укладывается в их головах. Режим не пошлёт "Б-52" бомбить Сиэтл или третью дивизию морской пехоты высаживаться в Астории. И с кем прикажете им воевать, с маленькими группами партизан, которые просто

исчезнут перед лицом подавляющей мощи, а потом ударят в уязвимое место? Я думаю, что они, по крайней мере, чему-то научились в Ираке и Иране. Это будет другая война.

Нет, они сначала попытаются относиться к нам как преступникам, - продолжил Морхаус, а вся троица, подавшись вперёд, внимательно его слушала.

- Наши враги на земле будут состоять из мешанины местных полицейских, резервистов Национальной гвардии, ФБР, АТФ, сил министерства внутренней безопасности и других военизированных подразделений противника, и, наконец, возможно, некоторых специальных подразделений полиции и верных власти групп бдительности. Ну и, понятно, из чёрных и мексиканских бандитов в городах, которых могут привести к присяге как особых помощников полиции или кого-то в этом роде, когда дела вправду пойдут туго. Разумеется и средства массовой информации. Наши враги будут распылены и неорганизованы, с плохим взаимодействием из-за множества отделений и ведомств, и, как всегда у федералов, каждая контора будет ревностно отстаивать собственные права, силы и средства. Федералы не смогут хорошо сотрудничать, будут наступать друг другу на шнурки, и бороться с нами так же бездарно, как они воевали против иракцев и иранцев.

- Мне много лет пришлось работать с федеральными чиновниками в Департаменте лесного хозяйства, - сказал Вошберн. - Могу сказать вам, что чиновники, руководящие нами, - чёртовы идиоты. Они не смогли разработать единый план тушения лесных пожаров, а о ФЕМА меня даже не спрашивайте. (*ФЕМА - сокращенно Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям - Прим. перев.*). Только начни стрелять этих бюрократов, и всё развалится.

- Точно, - согласился Морхаус. - Реальность такова, что в течение первых нескольких месяцев и лет мы не будем нападать на тех, от кого не сможем отбиться в трудной ситуации. Надо, чтобы наши стрелки сохраняли хладнокровие, спокойствие и выдержку, держали инициативу в своих руках, атаковали сами, не позволяя врагам охотиться на нас, и доказали свою храбрость. Конечно, теоретически, никогда нельзя ввязываться в долгие перестрелки. Мы живём налегке, двигаемся быстро, бьём врагов, а потом исчезаем прежде, чем они подтянут свои превосходящие силы. Классика партизанской войны. Помните долгие войны в Ираке, Афганистане и на Ближнем Востоке? Многие из наших добровольцев - ветераны этих войн, которые побывали под огнем на другой стороне, и один на один они будут равны или лучше какого-нибудь пузатого полицейского из дорожного патруля или сучки из ФБР в феминистском деловом костюмчике, которая попала туда по квоте для нацменов.

- И как много людей, по-вашему, понадобится Добрармии, чтобы выполнить эту задачу? - опять спросил Экстрем.

Морхаус задумчиво пыхнул трубкой.

- Ну, ладно. Я сейчас изложу вам теорию, такую миленькую и чёткую. На деле, конечно, на этой войне не будет ничего милого и чёткого. Но мне хочется набросать хотя бы примерный сценарий нашего завоевания Северо-Западной Американской Республики, чтобы дать вам представление о такой возможности.

Допустим, у нас есть умное и решительное руководство. Предположим, мы смогли привлечь стойких и мужественных добровольцев. Допустим, мы смогли выработать чёткий план войны и тактику, а также добавили старой доброй *удачи* от великодушного Бога Битв. Добившись этого и помня, как, в сущности, ослаб и действительно прогнал враг, нам должно быть по силам по-настоящему лишить федеральное правительство контроля над тремя штатами Северо-Запада, а может и на большей территории, при условии, что мы сможем держать под ружьём отряды примерно в тысячу мужчин. И женщин в том числе, не забудем.

- Тысяча человек победит правительство Соединённых Штатов?! - недоверчиво воскликнул Вошберн. - Это же чушь!

- Я не говорю о свержении правительства Штатов, - поправил его Морхаус. - Я говорю о фактической потере управления и федеральной власти в трёх крупных штатах Северо-Запада, что не одно и то же.

- Но каким образом? - спросил Экстрем.

- Будем бить врага сильно и часто, группами от двух до пяти-шести человек, не более. Предположим, что в команде или группе в среднем будет по пять добровольцев. Наша боевая тысяча будет состоять из двухсот таких единиц. Допустим, половина из них обеспечивает поддержку, снабжение, разведку, медицину, пропаганду и много чего ещё. Остаётся сто боевых единиц по пять человек в каждой, которые и будут спускать курки и взрывать. Представьте, что каждая из этих групп будет уничтожать в среднем по одному врагу в день по всему Северо-Западу. И вспомните, что одна из главных причин, почему мы переехали и ограничили нашу кампанию этим уголком страны - это стремление *свести задачу к разумным пределам*. Предположим, что в среднем на атаку того или иного рода будет приходиться один убитый враг. То есть ежедневно мы будем ликвидировать по 100 человек на территории трёх штатов и наносить сопутствующий ущерб вражеской собственности, материально-технической базе, а также морали врага, его образу в общественном мнении, и тем самым - его способности управлять страной. Войска режима предназначены для "звёздных войн", но мы такую войну вести не будем. Мы будем сражаться в городах как Крёстный отец и в сельской местности как Джесси Джеймс. (*Джесси Джеймс - знаменитый партизан времён гражданской войны в США - Прим. перев.*). Мы будем воевать против сложной военной техники с помощью простой, а простая техника - это то, с чем Соединённые Штаты никогда не могли сладить.

Морхаус выбил трубку о бетонный пол, а потом продолжил:

- Во Вьетнаме и в Ираке, в Иране и Афганистане у ЗОГ были все смертоносные игрушки, какие только смог придумать человек, с компьютерами, сверкающими огоньками. Но они так и не нашли способа победить маленького смуглого человека с "АК-47" и парой магазинов, босоногого, в лохмотьях, но с сердцем, которое никогда не сдавалось. Сердца и души людей могут победить их машины, господа. Могут победить их деньги. Их лживые СМИ. Наши сердца и наш дух могут победить их жестокость и предательство, их ложь, но только если нас поддерживает сила, гордость и вера в справедливость нашего дела. Наши добровольцы должны быть как солдаты Оливера Кромвеля, который сказал, что ему нужны простые люди труда и земли, которые знают, за что они воюют, и любят то, что знают. ЗОГ никогда не мог победить босоногого смуглого человека с "АК-47". И им не одолеть белого человека Северо-Запада с его грузовичком, в синих джинсах и бейсболке, с пистолетом за поясом и рюкзаком, полным "Семтекса", на дождливых улицах Сиэтла или в лесной глуши штата Айдахо.

- Но только если мы сможем найти тех политически-сознательных бойцов, необходимых для такой войны, - напомнил Хэтфилд. - Парней с холодной головой и железными нервами, с ледяной водой в жилах, которые смогут спустить курок или нажать радиодетонатор и потом не думать об этом. Парней, которые смогут идти по этому пути год за годом, долгие кровавые годы. Парней с бездонным запасом мужества.

- Ты совершенно прав, - кивнул Морхаус. - Я могу набросать для вас схему революционных вооружённых сил, которые будут действовать против врага. Могу рассказать о стратегии создания нашей собственной страны и описать тактику, которая позволит нам выжить, остаться на свободе и сражаться, постоянно гробя врагов и их приспешников. Но

чего я не могу, так это вдохнуть в вас *отвагу*. Я не могу снова превратить просто белых лиц "мужеска пола" в белых мужчин, мужчин, которых уважали бы наши предки. Мы должны каким-то образом изменить себя сами, то есть найти в себе последнюю умирающую искру гордости, чести и мужества, что всегда отличали нас тысячи лет. Искра всё ещё там, внутри нас, соратники, и каждый наш мужчина, каждая женщина, которые хотят изменить мир, должны искать её в своих сердцах и душах. Они должны найти эту искру и раздувать, питать и лелеять, пока из неё снова не возгорится пламя.

- Вы думаете, что эти ублюдки сдадутся независимо от того, сколько людей мы уничтожим? - спросил Вошберн. - Ирак и Афганистан очень далеко, это что-то такое, о чём люди читали за своим утренним кофе или смотрели по "Си-Эн-Эн". Мы будем бить по самой сути этой власти, прямо здесь, по тому, что они считают своей собственной землёй. Могут ли они психологически заставить себя признать поражение, даже если мы их победим?

- Это ещё одна причина, почему мы не такие дураки, чтобы пытаться проделать это во всех 50 штатах. Чарли, мы собираемся вести классическую колониальную войну, - ответил Морхаус. - Есть правила, как вести и выиграть колониальную войну, и они срабатывали десятки раз за последние сто лет, от Ирландии до Африки. Мы не пытаемся отобрать у ЗОГ всё целиком. Конечно, они будут сопротивляться этому насмерть. Такая партизанская война по всей Америке будет длиться несколько поколений, и всё, что нам удалось бы сохранить после такой резни, скорее всего, и не стоило бы такой жизни. К тому же мы можем не победить.

Во-первых, нам надо "забить" больше ста миллионов небелых или изгнать их обратно, на юг от Рио-Гранде, подняв самую большую волну беженцев в истории, что с нашими силами, даже с учётом их роста просто не представляется возможным. Если единственным вариантом продолжения восстания будет полное уничтожение собственной империи ЗОГ, враги просто поглотят всё, что мы приготовили, и будут держаться за обломки, как тонущие крысы. Огромная страна вроде Соединённых Штатов Америки может выдержать такое кровопускание, как я описал, каким бы болезненным оно ни было, если его размазать от Флориды и Мэна до Сан-Франциско. Ведь каждый день на дорогах гибнет больше людей. Но правящая верхушка никогда не согласится на передачу нам власти над всей страной, то есть на личное и политическое самоубийство. Этого просто не произойдёт. Больной не потрошит себя, что вылечиться от боли в животе или даже ради удаления опухоли. Но, если то, что мы сделаем, будет, так сказать, гангреной только одной ноги ниже колена, и если пациент знает, что он может отрезать эту часть больной конечности и по-прежнему ходить на костылях и жить, тогда, как только ему станет достаточно больно, его можно убедить согласиться на отсечение.

С нашей тысячей или около того бойцов, а, кстати, почти наверняка добровольцев будет больше с ростом нашего восстания, в любом случае, в наших силах сделать эти три штата - Вашингтон, Орегон и Айдахо и, возможно, часть Монтаны и Северной Калифорнии - полностью неуправляемыми. Мы можем прекратить получение правительством Штатов прибыли или доходов с этой территории, и превратить её в одну гигантскую чёрную дыру, засасывающую людей, ресурсы, время, силы и, прежде всего, деньги.

Господа, я хочу запечатлеть в ваших умах истину о борьбе и успехе в колониальной войне, потому что это ключ к нашей победе. В колониальной войне генералы никогда не сдаются! Капитулируют *бухгалтеры*! Нам надо сделать следующее: поставить Штаты в настолько плохое и унижительное положение, чтобы США позволили Северо-Западу и белым людям образовать собственное государство, а продолжение партизанской войны для Штатов стало бы уже невозможно.

Тогда мы можем выиграть, соратники, - решительно заключил Морхаус. - Мы можем побить всемогущие Соединённые Штаты Америки, выгнать их пинками в вонючие гнилые зады и забрать эту землю для себя и своих детей. Но только, если у нас на это хватит смелости.

Наступила долгая минута молчания.

- Давайте же начнём, - наконец сказал Хэтфилд.

- Верно, - сказал Морхаус, снова набивая трубку. - Ну, у вас здесь уже есть основа. Вас трое мужчин. Я всегда по привычке говорю "мужчины", но имейте в виду, что правильная женщина также хорошо справится с любым из дел, о которых я расскажу. В этой комнате вы уже образовали свою первую тревожную тройку.

- Что-что? - переспросил Чарли.

- Тройка - основная ячейка роты в Добрармии, - пояснил Морхаус. - Группа из трёх человек. Когда мы подробно всё это разрабатывали, изучали и анализировали, как действовали раньше удачные революционные движения в западной политической и социальной среде вроде нашей, то выдумали своего рода смесь: сочетание "ИРА" - Ирландской Республиканской Армии и "Коза Ностра", двух крайне удачных подрывных организаций, которые правительствам по сей день так и не удалось полностью подавить, несмотря на более чем сто лет попыток.

Тройка - простая, гибкая и эффективная. Даже если ячейка никогда не вырастет числом больше первых трёх человек, у вас всё же будет небольшая группа, способная наносить ущерб, несоизмеримый своей численности, при условии вашего нестигаемого мужества. Вы будете поражены, какой крошечный ад могут устроить трое мужчин в таком сложном, расово разбавленном и неустойчивом обществе. Некоторое время кое-кто из нас называл эту ячейку из трёх человек "трио", но это звучало несколько чужестранно, так что мы, наконец, окрестили это подразделение "тревожной тройкой". Сейчас я продолжу и преподам вам теорию, но хочу заметить, что из практики уже начали вноситься некоторые изменения, по мере того, как мы вынуждены вырабатывать новшества в некоторых случаях буквально под огнём.

- Мы слушаем, - призвал его Хэтфилд.

Морхаус снова закурил трубку.

- Как я уже сказал, вы начинаете с трёх человек, и все они должны обладать необходимой смелостью, находчивостью, преданностью и одержимой верностью делу. Самое сложное - найти подходящих мужчин и женщин. Каждая из этих троек будет ядром роты. Я знаю, смешно называть ротой трёх человек, но вас будет больше, и мы хотим, чтобы эта структура сохранялась до самого конца, когда мы перейдём от партизанских отрядов к настоящей национальной армии. Во время начальных действий в подполье Добрармия - это не обычная армия, где части должны иметь какие-то силы, средства или выполнять определённые задачи. А мы как жидкость, как текущая лава, постоянно меняем форму и бьём везде. Каждая рота должна находиться в свободном движении и способна действовать самостоятельно и неопределённо долго, даже если она полностью отрезана от остального движения, а при необходимости - восстанавливаться и расти, делясь, как амёба.

- Каждая рота будет частью большего подразделения, называемого бригадой, - продолжил мистер Чипс. - Следующее за ротой подразделение, в большинстве армий на самом деле батальон, но их мы создавать не собираемся, пока нет необходимости, и пока мы не получим людей. Бригада будет основной оперативной боевой частью Добровольческой армии Северо-Запада, ответственной за борьбу против ЗОГ в некоторой определённой зоне действий, и она будет состоять из столько рот, сколько потребуется. Мы подумывали о

создании отдельных командований для каждого из штатов: Вашингтона и Орегона, Айдахо и Монтаны, но решили не усложнять. Нам нужна армия воюющих политически сознательных солдат, а не слои военизированных бюрократов. Каждая бригада будет подчиняться и руководиться Советом Армии в лице одного или нескольких офицеров по политическим вопросам.

- Выходит, фактически бригадой командует такой комиссар? - спросил Чарли.

- Нет, он только посредник, связник между командиром бригады и центральной организацией, хотя могут быть ситуации, когда ему придётся разъяснять политику и стратегию Совета Армии и использовать преимущество своего положения перед командиром бригады. Таких ситуаций ещё не возникало, и я надеюсь, что они будут редкими. Потом всё ещё не устаканилось. Бригадой фактически командует командир, но сейчас об этом не стоит беспокоиться.

Ваша забота - это рота, основная боевая единица. Сама рота в конечном итоге будет подразделяться на гибкие отряды, группы или экипажи из трёх - шести человек, по необходимости. При крайней нужде боевые группы Добрармии со своим оружием всегда должны быть в состоянии поместиться в одну машину. Хотя мы обнаружили, что лучше всего всегда использовать на задании две машины. Если вернуться к тревожной тройке, то один из трёх становится командиром роты. Он отвечает в роте за всё и ведёт своих людей в бой. Выбирает цели, начинает боевые действия и поддерживает боеготовность роты. Командиром роты должен быть самый опытный и крутой, со способностями вожака. В вашем случае, я хотел бы предложить на эту должность Зака Хэтфилда.

- И я, - сказал Экстрем.

- Абсолютно, - поддержал Чарли.

- Поздравляю, лейтенант Хэтфилд, - сказал Морхаус.

- Ого, быстро у вас, - удивился Зак. - Я три года отпахал в американской армии и получил только унтер-офицера.

- Да, у нас в Добрармии нет особо защищаемых меньшинств, - усмехнулся Морхаус. - И мы с удовольствием принимаем белых парней. Кстати, простите, ребята, на данный момент звание в Добрармии получает только командир роты. У нас до сих пор нет ни сержантов, ни прапорщиков, ни фельдмаршалов. Позже, когда появится побольше "индейцев", может, и "вождей" будет несколько, но сейчас есть только одна большая рыба в каждом из наших маленьких прудов. Это всё, что вам сейчас нужно. Мы ведём настоящую войну, а не разыгрываем итальянскую оперу.

- Ну-у..., в любом случае это более демократично, - протянул Чарли. - Хороший подход. Таким образом, парни не будут завидовать тому, что один старшина, а другой только ефрейтор, и тому подобное.

- И это тоже - кивнул Морхаус. - В любом случае в первых ротах Добрармии будет лишь горстка людей, может, не больше десятка, и вам действительно нужен лишь один признанный командир. Но Зак, тебе нужно создать порядок подчинённости и назначить одного из своих людей своим заместителем на случай твоего отсутствия или гибели. Дай нам знать, кого именно. Кроме того, нужно подбирать людей - руководителей групп по мере расширения твоей роты.

- Мы позаботимся об этом позже, - ответил Хэтфилд.

- Отлично, - дружелюбно согласился Морхаус. - В любом случае, вторым членом каждой тревожной тройки должен быть снабженец-интендант. Это жизненно важная работа. Интендант отвечает за приобретение, обслуживание и безопасность всех материально-технических средств, включая оружие и боеприпасы, взрывчатые вещества, если они есть,

все виды снабжения от продуктов питания до медицины, и за транспортные средства всех видов, которые вам удастся достать, за конспиративные квартиры для жилья и обучения, и вообще за всё имущество. Он также ведёт учёт денежных средств роты, так как деньги - такое же военное имущество, как и боеприпасы.

- Лен, ты уже управляешь магазином, - сказал Зак. - Ты привык следить за запасами и денежными потоками и знаешь оружие лучше любого в округе. Я хотел бы тебя назначить интендантом.

- Хорошо, - кивнул Экстрем.

- Остался я, - вступил Чарли Вошберн.

- Похоже, по умолчанию, ты начальник штаба, - заметил ему Морхаус. - У начштаба две основных обязанности - разведка и планирование. Разведка жизненно важна. Хорошая разведка сохраняет вас в живых, а врага убивает. А плохая - наоборот. Планирование означает разведку мест засад, расчёт необходимой живой силы, техники и транспорта, учёт непредвиденных обстоятельств, подготовку операций с начала и до конца. Зак может научить вас многому из того, что нужно знать, из своего военного опыта.

- Понял, - сказал Чарли. - Я - работник государственного лесного хозяйства, у меня есть служебный грузовик, форма и удостоверение, так что мне можно появляться почти везде, и есть веские основания, что это не вызовет подозрений.

- Это идеально, - кивнув, одобрил Морхаус. - Теперь одной из ваших первоочередных задач будет набор как можно большего числа добровольцев. Каждый из вас должен работать с кандидатами, оценивая их характер и способности, пытаясь понять, в первую очередь, на что они способны из того, что должно быть сделано, и, во-вторых, будут ли они это делать. Очевидно, это будет самой опасной из всех ваших задач. Ошибка и попытка привлечь негодного человека поставит под угрозу всю роту. Ещё большая ошибка - это действительное привлечение неподходящего человека, и вы или умрёте, или проведёте остаток своей жизни с ниггерами, которые будут насиловать вас в тюремном душе. Нет худшей ошибки для революционной организации, чем принять в неё негодного человека или человека не того сорта. Это - целый отдельный раздел, к которому мы должны будем вернуться позже и подробнее, и мы уже начали разработку необходимого порядка отбора людей, так что вы не "полетите совершенно вслепую", но я не могу переоценить серьёзность вербовки. Нам нужно больше добровольцев, но они с самого начала должны иметь необходимые способности. Дело это очень нелёгкое.

- Кстати, - добавил он мимоходом, - Кто-нибудь из вас выпивает? Впрочем, неважно. Впредь вы не пьёте. У нас есть так называемый "Общий приказ номер десять", который запрещает всем добровольцам Северо-Запада употреблять спиртные напитки или наркотики любого вида. И точка! Не обсуждается. Нужно ли мне объяснять, почему это необходимо?

- Думаю, ясно, что невозможно совершить революцию с пьяницами, - сказал Экстрем.

- Чёрт, у меня в любом случае лишний вес, - сказал Чарли. - Да, наверное, как и многие белые, я заглядываю иногда в банку с пивом, чтобы попытаться заглушить боль. Разве это по мне не видно? Но теперь я знаю, что есть надежда, и стану просто ничтожеством, чтобы променять будущее своей расы на шесть банок пива. Наверное, сегодня вечером я просто не заеду в мини-маркет по пути домой. И в следующие вечера, пока всё не кончится. Это малая плата за то, чтобы стать частью истории.

- Я слишком часто видел в Ираке, как из-за пьяниц и нарков всех званий и рас дела оборачивались плохо, - вставил Хэтфилд. - И не хочу оказаться на какой-нибудь дождливой улице ночью, с человеком, от которого зависит моя жизнь и успех задания, который в дым

пьян, или его не будет в нужном месте, потому что он заскочил в какой-нибудь треклятый бар. Не говоря уж о том, что "выпивка развязывает языки и топит корабли".

- Хорошо, - одобрительно кивнул Морхаус.

- Итак, как только мы найдём ещё несколько парней, считая, что ни один из них не стукнет на нас, и мы все не окажемся в тюрьме, прежде чем выстрелить, что тогда? - спросил Хэтфилд.

- Ваш "Святой Грааль", господа, называется БГ. БОЕГОТОВНОСТЬ, - ответил Морхаус. - Это значит, что вы разложили всё по полочкам, достали достаточно оружия и набрали людей, желающих жать на спусковой крючок, подготовили небольшой парк автотранспорта, организовали явки, оборудование и деньги, и готовы начать стрельбу. Но это не значит, что вы просто выйдете на улицу и начнёте косить подряд всех чёрных и мексиканцев.

- Проклятье! - вырвалось у Вошберна.

- Вы должны приучить себя всегда видеть цель, - продолжил Морхаус. - Помните, что вы - часть армии, которая ведёт войну колонии за независимость. Вы стремитесь к политической цели, а не просто к наращиванию боевого счёта из чёрных и бобоедов. Любой гнусный бандит может стрелять людей. Мы пытаемся людей, наш народ, *освободить*. Со временем Совет Армии назначит политработников в небольшие боевые части Добрармии, задачей которых будет добиться, чтобы каждая проводимая операция в каком-то роде служила главной цели и вписывалась в общую картину.

- Я предполагаю, что рядом будут действовать и другие роты Добрармии, - вставил слово Хэтфилд.

- Конечно, - кивнул Морхаус. - Кстати, как только вы, ребята, добьётесь боеготовности, вас официально занесут в списки, как роту "Г" первой портлендской бригады Добровольческой армии Северо-Запада. Мы формируем по две бригады на каждый крупный город, в Сиэтле и Портленде, Спокане и Бойсе. Две совершенно отдельные структуры действуют независимо, для *страховки*, так что если федералы разобьют и сомнут одну, то другая сможет воевать дальше. Со временем их может быть больше, чем две. Мы должны посмотреть, во что всё это выльется. Вашей бригадой командует Томми Койл. Я получил "добро" назвать его имя, так как после Кёр-д'Ален он уже в списке десяти самых разыскиваемых "преступников". Зак, я свяжусь с тобой через пару дней, и мы назначим встречу. Думаю, вы *понравитесь* друг другу. Томми был в двух командировках в Ираке, рейнджером, как и ты.

Каждому из вас необходимо назначить одного человека из вашей группы, для связи с другими, так что если с тобой или с Томми что-нибудь случится, мы не потеряем связь. Кстати, если это когда-нибудь произойдёт, ты также знаешь Шона и Руни, и если кто-то из них выйдет на тебя, можешь считать всё, что они скажут, моими словами. Связь является ещё одним "мешком", который нам надо разобрать, так как мы будем пользоваться всем от интернета и мобильных телефонов до шифрованных личных объявлений в газетах супермаркетов. Конечно, это будет сложная задача, и вам придётся держать в голове всякие имена, номера и сведения, и ничего не записывать.

- Ладно, мы стали частью портлендской бригады. Как это будет работать? Что, собственно, вы от нас хотите? - спросил Чарли Вошберн.

- Рота "Г" будет отвечать за очень большой район, и вы, возможно, в конце концов вырастаете в самую большую роту в бригаде, - пообещал Морхаус. - А со временем вы даже можете стать отдельной бригадой, но сейчас нам нужна от вас работа с людьми в Портленде. Городские ячейки обязательно должны быть меньше и специализированнее, так как

большинство действий ведётся в городе, потому что там для нас всегда будет больше целей. Теоретически, вашим оперативным районом, ребята, будет всё, начиная от границ Портленда по шоссе 30 вдоль берега на юг от реки Колумбия, а вниз по побережью вдоль шоссе 101 примерно до Тилламука.

На практике, мы можем отправить вас в любую точку Родины, или на задание где-нибудь в Северной Америке, если там что-то нужно сделать, и мы посчитаем, что вы лучше всех подходите для этой работы. Вашей первой обязанностью, безусловно, будет зачистка этой области Северного берега от всех сил противника и небелых, но очень важная вторичная задача заключается в обеспечении резерва и поддержки других портлендских частей, предоставление при опасности убежищ для них, снабжение, места подготовки, надёжные тайники с оружием, оборудование всем необходимым лабораторий для взрывотехников, изготавливающих СВУ.

- СВУ? - спросил Вошберн.

- Самодельные взрывные устройства и подразделения доставки. Бомбометатели, - объяснил Морхаус.

- Обозначьте силы противника, - попросил Хэтфилд.

- Любой сотрудник федерального аппарата управления и принуждения, все те, кто содействует продолжению сионистской оккупации или оказывает помощь и поддержку режиму, - начал Морхаус. - Конечно, военнослужащие. Понятно, фэбээровцы и агенты министерства внутренней безопасности. Определённые местные полицейские, но не все. Этой особой проблемы я коснусь позже. Некоторые полицейские будут на нашей стороне, или, по крайней мере, готовы не вмешиваться и дать нам покончить со всем этим. Федеральные судьи, судьи штатов и все, кто связан с судебной системой, все адвокаты. Есть несколько хороших адвокатов, и они вошли в специальный список лиц, не подлежащих отстрелу, но им тоже придётся найти другой способ зарабатывать на жизнь. Судебная система врага прекращает работу, и точка. Любой работник тюремной системы: мы хотим заставить убраться к чёртовой матери с Родины всех этих черномазых бандитов и преступников-мексиканцев, потому что в трудную минуту можно выпустить тысячи гангстеров и наркоманской сволочи, чтобы те напали на белое население, начали беспорядки и создали неразбериху.

Есть ряд белых заключённых, которых мы хотим освободить и включить в свои силы. Но эта отдельная задача будет рассматриваться на более высоком уровне, чем ваш, если вашу роту нужно будет прямо задействовать в любой такой операции. Федеральные чиновники любого рода, но особенно те, кто связан с Внутренней налоговой службой или сбором средств. Одним из краеугольных камней нашей стратегии является то, что впредь ни единый цент не должен поступать с Тихоокеанского Северо-Запада в Вашингтон. Далее, лица в средствах массовой информации и граждане, которые активно поддерживают режим или пропагандируют его. И, конечно, любые существа с кожей цвета дерьма отныне являются на Северо-Западе нежелательными - "персона нон грата". Поверь, Зак, у вас не будет недостатка в мишенях. В общем, ваша задача добиться, чтобы от Бивертонна вниз по реке до моря приказы ЗОГ больше не исполнялись.

- Это громадная территория, - нахмурившись, заметил Экстрем.

- Да, зато есть, где развернуться, - с улыбкой ответил Морхаус. - Я не знаю, осознаёте ли вы, ребята, что сидите прямо в сердце настоящего партизанского края. Огромные просторы, поросшие густыми лесами, горы и овраги, где можно спрятать целую армию, и, возможно, мы когда-нибудь так и сделаем. Городки, разбросанные далеко друг от друга, связанные только длинными, извилистыми дорогами, где за каждым поворотом можно спрятать засаду. Бесконечные просёлочные дороги и отдельные дома и жилые дома-прицепы,

старые шахты и лесные посёлки, где можно собираться и тренироваться, или исчезать, когда станет жарко. Слабые, рассеянные и оторванные друг от друга силы противника на небольших заставах можно отрезать и уничтожить или вынудить убраться, а на весь этот захолустный район федералы не захотят тратить много усилий или выделять личный состав, потому что основные бои будут вестись в городах.

И всё же ваша небольшая группа добровольцев, вполне возможно, заставит правительство направить сюда десятки тысяч штыков и выделить десятки миллионов долларов, чтобы попытаться сдержать вас. Потому что у вас прямо под носом главная вражеская артерия снабжения, - продолжил Морхаус, показав в окно в сторону реки. - Огромные контейнерные порты в Портленде и Лонгвью, где ежегодно крутится товаров на миллиарды долларов. Представляете, какую экономическую удавку мы можем накинуть на Соединённые Штаты, если перекроем морские линии Колумбии по доставке товаров в азиатские страны тихоокеанского бассейна, а также Сиэтл и Такому? Повторю ещё раз, соратники, такую войну, как наша, прекращают не генералы. *Это делают бухгалтеры!*

Глава III

В тени

*И каждый должен силы приложить,
Чтоб это дело славное свершить.*

Король Генрих V - Акт I, Сцена 2

Прошла не одна неделя, пока Морхаус смог подготовить встречу Хэтфилда и командира Первой бригады Томми Койла. Лен Экстрем через агентство "Рука помощи" устроил Хэтфилда на постоянную "работу" кладовщиком и рабочим для поручений в магазине, обеспечив ему прикрытие и дав время на организацию новой роты "Г". Потом Хэтфилд получил электронную почту от "генерала Океке Окези, бывшего начальника штаба нигерийской армии" на ломаном английском с просьбой о помощи и о номере банковского счёта Хэтфилда для перевода ему "много иностранной валюты" из Нигерии. Рэд Морхаус оставил Заку пароли, которые позволили ему расшифровать сообщение Добрармии, и на следующий день Зак поехал на автобусе в Портленд, который был остановлен на въезде в центр города и обыскан нервозными городскими полицейскими и полицией штата Орегон с собаками-ищейками. Хэтфилд был рад, что подчинился приказам Морхауса и приехал безоружным: такие случайные обыски становились в городах всё более частыми. На автобусной станции Хэтфилда встретил бедно одетый, небритый мужчина лет 50, подошёл к нему, хлопнул по плечу и спросил:

- Ты - Фред Джонсон?

- Нет, Фред - мой брат", - ответил Хэтфилд.

Потом он последовал за этим человеком по улице к потрёпанному грузовичку. Через пару минут они ехали мимо захудалых и ободранных магазинов по 82-ой авеню. Зак отметил, что теперь полицейские машины патрулируют улицы Портленда парами. Водитель молчал, и Хэтфилд решил с ним не заговаривать. Зак был удивлен, что молчун не пытался скрыть от него, куда они едут, пока они не остановились позади закусочной. Они вышли, водитель Зака подошёл к большому грязно-белому автофургону и открыл дверь. Хэтфилд вошёл внутрь и увидел двух мужчин, ждущих его за крошечным кухонным столом, Рэда Морхауса и большого широкоплечего мужчину в чёрном свитере, с коротко стриженными каштановыми волосами, и лицом, будто высеченным из гранита, на котором как газовые горелки сверкали голубые глаза. У мужчины был с собой пистолет, 9-миллиметровый "Глок" в наплечной кобуре.

- Садитесь, лейтенант, - произнёс Морхаус официально. - Это командир Томми Койл.

Зак был сильным человеком с крепкой хваткой, но в ладони Койла размером с лопату его пальцы чуть не треснули.

- Рэд сказал, что ты - бывший рейнджер, - пробасил Койл. - Я тоже, из 75-го пехотного, группа активного вторжения.

- 75-й, боевая разведка, - ответил Хэтфилд. - Вы были вышибателями дверей. В какой-то момент время выживания у вас было три недели, а?

- В хороший месяц, - сказал Койл. - У меня стальная пластина в голове с того раза, как мы выбили плохую дверь в Рамади.

У него был говор янки. "Наверное, из Бостона или Нью-Йорка", - подумал Хэтфилд. Он услышал, как хлопнула входная дверь, и заработал двигатель. Оглянулся и увидел, как человек, который его подбросил сюда, сидит за рулём, и автофургон выезжает со стоянки.

- Рэд говорит, что ты хочешь "повеселиться" с добровольцами, - проговорил Койл, когда фургон выбрался на улицу. - Его ты убедил. Теперь убеди меня.

Хэтфилд не обиделся. Он понимал, что недоверие и осторожность необходимы, и что в движениях вроде Добрармии доверие и товарищеские отношения возникают не сразу. Они должны постепенно выковываться, а затем закаляться в огне боёв. Он охотно заговорил. Заку повезло, что детекторы лжи у Койла были отличные и ничего не обнаружили. Заку пришлось в голову, что если бы Койл почувствовал неладное на его счёт, то ему не уже пришлось бы возвращаться на тот автовокзал. Но Койл составил о нём мнение и в какой-то момент одобрил. Разговор стал менее напряжённым и перешёл в деловое обсуждение между сослуживцами.

- Ну и как выглядит всё в целом? - спросил Зак через некоторое время.

- Многие задумывались над вопросом о том, как будет протекать революция на Северо-Западе, так сказать, во взаимоотношениях "город - село", - пояснил Морхаус. - Классическое изречение Мао гласит, что сначала завоёвывается деревня, а потом города. Это годится для Третьего мира, но работает не всегда. На исход дела влияют сотни других обстоятельств. Такая последовательность "деревня-город" годилась для Китая и Кубы, а потом Че Гевара попытался повторить его в Боливии, но сел в лужу. Иранская революция была почти полностью городской, сопротивление афганцев русским, а позднее американцам - почти целиком сельское, а иракское восстание - это удачное сочетание обоих подходов, хотя в Ираке сопротивление имеет массовую поддержку народа, какой у нас ещё нет, и у них большие силы, чем у нас, что, скорее всего, сохранится ещё надолго.

- На их стороне также широкая поддержка в мире и множество внешних баз подготовки и снабжения вдоль всех границ, - напомнил Зак. - Я вспомнил один из уроков по партизанской войне в школе рейнджеров Командования ВВС. Инструктором был умник-профессор из какого-то мозгового центра неоконсерваторов, который говорил нам, что всегда считал невозможным полностью независимое повстанческое движение внутри страны, без иностранных баз и внешнего снабжения.

- Возможно всё, - решительно возразил Койл. - Мы *победим* здесь, и точка. У нас должен быть такой настрой с самого начала.

- Безусловно, полезно иметь союзников и помощь из-за рубежа, - согласился Морхаус. - Но это не является совершенно необходимым. У большевиков в 1917 году их не было, а Временная Ирландская Республиканская Армия и Талибан обходились минимальной поддержкой. Конечно, со временем мы найдём какие-нибудь внешние источники. Множество людей во всём мире хотят увидеть падение США, и они помогут, если увидят, что у наших людей есть для этого нужные качества, и мы сможем серьёзно сковать американские силы, которые иначе будут использованы против их собственных стран.

Русские в особенности будут не против возврата в состояние сверхдержавы, пока мы гробим ЗОГ изнутри. Имейте в виду, что есть определённые преимущества в войне внутри "чрева Зверя". При всём начавшемся распаде и потерях на протяжении жизни последних трёх поколений, США по-прежнему самая богатая страна в мире. Всё, что нам нужно для борьбы и победы находится прямо здесь, и мы просто должны взять необходимое.

Койл кивнул.

- Ты прав, Рэд. Всё это ждёт, когда мы соберёмся с духом и возьмёмся за дело. Нужно нам оружие и боеприпасы? Нам не нужны контрабандисты, торгующие оружием из-

за границы. В стране полно оружия в частных руках, для начала, и мы можем выпросить, купить или просто отобрать стволы. А потом пойдёт. Мы сражаемся, убиваем врагов, а потом забираем *их* оружие и боеприпасы. Старик всегда повторял, что контроль над оружием никогда не был серьёзным препятствием. Нет смысла в праве на владение и ношение оружия, если никогда его не *применять*. Сколько лет мы все знаем правых чудиков с целыми комнатами, забитыми оружием, которое пылится и ржавеет и никогда не стреляло по настоящему расовому врагу?

- Да-да, я видел такие личные склады оружия в руках правых чудаков, что у нас всех слюнки потекли бы от зависти,- усмехнулся Морхаус. - Ржавеющее, пока владельцы стареют и дряхлеют, потом умирают, а после их либеральные идиоты-детки *сдают его в полицию*. Или оружие хранится сверхчистым и хорошо смазанным, но никогда не достаётся из шкафа, даже в крайних случаях. Старик всегда повторял, что "когда наши сердца станут железными, железо для наших рук найдётся".

- Нужны нам конспиративные дома, районы подготовки и сосредоточения? - продолжил Койл. - Тихоокеанский Северо-Запад *огромен*: федералам просто не хватит сил, чтобы поставить солдата за каждой ёлкой. Помнишь, как это было, Зак, когда мы пытались оккупировать Ирак всего с 140 тысячами? Чурки прятались за каждым окном, в каждой канаве, и мы никогда не знали, где они. А Северо-Западная Родина, по крайней мере, раза в три больше Ирака, и большей частью это густые леса и горы, а не голая пустыня. К чёрту помощь из-за границы. Здесь у нас всё есть, если нам хватит храбрости этим воспользоваться. Мы должны избавиться от мнения, что федералы в чём-то лучше или превосходят нас. Это не так. Они больше не хозяева на нашей земле. Хозяева - мы. Полиция и ФБР больше не самые крутые в нашем районе: Добрармия круче. Добрармия не обороняется. Обороняются они. Не они охотятся на нас. *Мы на них охотимся*. Мы можем спокойно достать всё оружие и боеприпасы, которые нам нужны, да и взрывчатку, не считая той, что можем сделать сами. А если чего-нибудь ещё не хватает, мы всегда можем просто немного подоить местный "Майти Март". Наши источники снабжения прямо под носом. У нас хватает места, чтобы порхать, как колибри, и жалить как пчелы. Это вопрос духа, а не материи. Всё, что нам нужно, это несгибаемые мужчины и женщины, готовые нажимать на спусковые крючки и жить такой жизнью.

- Размеры и местность нашей новой страны нам благоприятствуют, - подчеркнул Морхаус. - Полностью автономное восстание имеет мало шансов на успех в таких небольших и перенаселённых странах, как Англия или Бельгия, или в некоторых крошечных штатах США, вроде Вермонта или Нью-Гемпшира, где оккупационные силы могут контролировать практически всё и быстро вводить свои превосходящие силы в любую точку. Это проблема, перед которой всегда стояли палестинцы. Они сражаются на полоске земли размером с почтовую марку, заполненной, как сардинами, их собственным народом. Но здесь на Северо-Западе у нас есть пространство для манёвра.

- Какого, собственно, манёвра? - спросил Хэтфилд.

- Совет Армии, наконец, решил начать в городах серию как можно более шумных операций небольшими группами, чтобы удержать силы противника занятыми в основном в городских центрах, и ещё уменьшить число солдат и полицейских в обширной сельской местности и в малых городах, вроде Северного берега, где будет действовать твоя рота, Зак. Это должно сильно упростить твою работу в этой области, потому что враги, надо надеяться, будут так заняты защитой своих собственных заведений и людей в Портленде, что просто не смогут выделить много личного состава, чтобы преследовать тебя с ребятами по горам и долам на сотнях квадратных километров лесов, или выискивать вас на каждой

отдельной ферме или в поселке лесорубов. В первый год, в дополнение к прямым операциям против всех федеральных властей и личного состава в целом, мы хотим, чтобы боевые группы нацелились на "четвёрки".

- На что? - удивлённо спросил Зак.

- Общий приказ по строевой части номер четыре, - ответил Койл. - ГО-4, принудительные действия. Четвёрки. Понял?

- Нет, напомни мне, - попросил Зак.

- Ну, ничего, ведь ты ещё не видел приказы по строевой части Добрармии, относящиеся к чрезвычайному положению, как мы официально называем наш маленький мятеж, - сказал Морхаус. - Они основаны на последнем объявлении временного правительства Северо-Западной Американской Республики из Кёр-д'Ален, официально на неопределённое время передавшего свои полномочия Совету Армии. Позднее эти события войдут в книги по истории как "Война за независимость Северо-Запада". Скоро я передам тебе экземпляр приказов, хотя мы стараемся держать их в малом числе. По новым инструкциям министерства внутренней безопасности владение этими книгами, а также "Протоколами сионских мудрецов" и некоторыми другими, теперь считается преступлением, караемым смертной казнью.

- Да, я слышал, что "Майн Кампф" сейчас изымают из общественных библиотек, и требуется зарегистрировать свои личные экземпляры, - с отвращением выговорил Зак.

- Страшно подумать, что любой из наших парней или девушек может получить укол цианида просто за кусок бумаги, - вздохнул Морхаус. - Американские подонки! В любом случае, приказ номер четыре требует, чтобы все цветные и гомосексуалисты покинули три основных штата Родины и все районы, где мы действуем. Впредь все цветные, особенно евреи, считаются законными военными целями и теоретически должны уничтожаться на месте. На практике вашей задачей не будет массовый забой негров и мексиканцев. Ваша задача - вытеснить их, если ты чувствуешь разницу. Неважно, мёртвые или *вананос* ("*Свалили, сгнули*" по-испански. - Прим. перев.), мы хотим, чтобы они *исчезли*.

- Ну, мы их заставим, - мрачно сказал Койл.

- Для нас жизненно важно сделать Северо-Запад белым, и быстро, - продолжил Морхаус. - Каждый цветной, каждый еврей, каждый педераст - возможный пособник врага, глаза и уши федералов, потенциальный солдат врага, ведь они по самой своей природе только и будут стараться причинить вред нам и нашему народу. Это вдобавок ко всем проблемам, которые они создают своей обычной преступностью, насилиями, наркотиками и обезьяньей музыкой. Сейчас федеральное правительство имеет огромный резерв из миллионов добровольных помощников, активистов и солдат, живущих прямо здесь, среди нас. Нам нужно осушить это болото.

Но ещё важнее, чтобы белые люди Северо-Запада увидели *разницу*, заметные улучшения в своей жизни. Особенно меньше мексиканцев. Им не придётся больше слушать болтовню на испанском или чин-лин-дин в местных универсамах. Они больше не будут вынуждены сталкиваться в бизнесе с угрюмыми чиновниками и обслуживающим персоналом, которые не знают английского. Не будут лишние двадцать минут стоять в очереди в кассу за бесконечными рядами Мамасита, Папасита с семьёю маленькими Бамбинос. Они должны заметить, что вдруг снова появились *рабочие места*. Смогут летним вечером открыть свои окна и не слышать вопли сальсы из магнитофонов или проезжающих машин. Должны обнаружить, что, оказывается, снова появились врачи, а в местной больнице опять доступны медицинские услуги, поэтому, когда маленький Тимми порежет себе руку или упадёт с велосипеда, врач сможет принять его, и не придётся четыре часа

ждать в травмопункте, потому что он забит гастарбайтерами. Они должны без опаски ходить по улицам своих городов, а не чувствовать себя как в Гвадалахаре, Гонконге или Сомали. Белые могут не выступать открыто и поддерживать нас, но они заметят эти перемены и, подумав, поймут, кому этим обязаны, и будут нам благодарны.

- Они должны понимать, что с помощью ружей мы делаем то, что американские политики обещали уже 50 лет, но до сих пор не выполнили, - заключил Зак.

- Ей богу, по-моему, он всё понял! - радостно воскликнул Морхаус.

- И как именно мы можем это сделать? - спросил Зак.

- С чёрными просто, - пожал плечами Морхаус. - Пристрелишь нескольких, а остальным станет ясно, что оставаться на Северо-Западе опасно для здоровья. Дай им понять, что Хозяин вернулся, как сказал Старик в своём обращении к стране 22 октября. Ты увидишь тех негритосов, кто придёт на телевидение, где они будут надуваться и бить себя в грудь, как Кинг-Конг, пугать всех, какие они храбрецы, и что никакие беляки-расисты не заставят чёрных бежать, и тому подобную чушь. Их ты тоже пристрелишь. Они быстро поймут намёк. У негров есть своего рода расовый инстинкт на белых. Они чувствуют разницу между Хозяином и белым лопухом, и знают, кого могут запугать, а кого - нет. Негры знают, что однажды старый Масса вернётся, а они снова будут копаться на плантации. И педерасты тоже. Ни один педик в здравом уме не захочет здесь остаться, понимая, что рискует получить клизму из горячего свинца.

- С мексиканцами сложнее, - продолжил Морхаус. - Тут работает экономика. Мексиканцы здесь, потому что капиталисты их *нанимают*. Конечно, некоторые из этих работодателей - богатые белые люди, которые хотят, чтобы их бассейны чистили, газоны подстригали, за детьми ходили няньки, а сами они каждый день были одеты с иголки, но в основном это крупные корпорации, которые ввезли всю эту грязь для выполнения ручных работ от расфасовки гамбургеров, складирования товаров и до работ на фермах.

- И это одна из причин, почему нынче белые такие бедные, - вставил Койл. - Для белых ребят больше нет никакой работы начального уровня, кроме как в армии, и я всегда подозревал, что это часть тайного замысла. Белые не имеют права на расовые квоты, так что если ты не один из немногих счастливиц, чьи родители могут позволить себе отправить тебя в колледж, а ты сам достаточно умный, чтобы получить там какой-нибудь диплом технаря, то навсегда застрянешь в бедных рабочих или служащих.

Я смеюсь до упаду, видя этих феминисток - кукол Барби в аккуратных деловых костюмчиках с кейсами, которые много лет ходят в колледж, чтобы получить степень магистра управления или другую бесполезную бумажку, а потом работают временными машинистками, секретаршами или кассирами банков, пока им не стукнет 45. Они хотели сделать карьеру, но все, в конечном итоге, перебиваются случайной и при этом дерьмовой работой.

- Они, по крайней мере, могут *получить* какую-то работу в офисе, - добавил Морхаус. - А вот белый мужчина, который не попал в колледж и не стал технарём с дипломом, сейчас в глубокой заднице. Он получает степень в области бизнеса, гуманитарных наук или вроде того, а кончает водителем грузовичка с мороженым или развозит пиццу. Нам нужно положить конец этому свинству.

Ключ - работодатели. Чтобы избавиться от бобоедов, мы должны не просто косить их на каждом углу, хотя некоторых, конечно, придётся уложить, чтобы, так сказать, "заинтересовать" остальных. Мы выйдем на *работодателей*, без которых с самого начала эта проблема вообще не возникла бы. Нам нужно лишить капиталистов этого огромного резерва дешёвого труда из стран Третьего мира, который они везут в нашу страну, и

заставить их снова начать вкладывать в имеющиеся человеческие ресурсы, нанимать десять белых с достойной зарплатой, обучать их, заинтересовывать и дорожить ими. А не просто нанимать сотни мексиканцев с улицы каждые два месяца или через агентства - временных работников на офисную тягомотину за минимальную плату. Мы должны снова открыть рынок труда для белых, чтобы они смогли, по крайней мере, как наши деды, *получать путёвку в жизнь* в какой-нибудь компании, даже если это всего лишь конвейер или склад, и далее прокладывать свой путь наверх.

- Большие шишки будут скулить и стонать, что в глобальной экономике они неконкурентоспособны, - усмехнулся Хэтфилд.

- К чёрту! - коротко бросил Рэд. - В отличие от капиталистического мифа, экономика - не какая-то неуправляемая сила природы, как погода, которая творит, что хочет. На самом деле экономику в некоторой степени можно планировать и управлять ею, при условии, что люди делают это головой, а не задом, и у них есть нравственное чувство *гражданского долга*.

Постоянная занятость белых со всеми выплатами и льготами прекрасно работала почти столетие, когда американские компании производили свою продукцию здесь, в Америке, для американского же рынка, и обращались со своими сотрудниками, по крайней мере, как с человеческими существами. А не выбрасывали, как изношенные вещи, и не заменяли на мексиканцев или работников со стороны. На свете нет никаких причин, почему эта система не может заработать снова, если для этого есть определённая политическая воля на самом верху, которая будет в республике, за образование которой мы сражаемся. Теперь мы можем сделать первый шаг и, так сказать, дать людям Северо-Запада "попробовать наш пудинг". Мы должны вновь открыть для белых начальные должности, потому что, когда они получают первую зарплату, то будут знать, кого за неё благодарить. Когда пройдёт слух, что на Северо-Западе есть *рабочие места для белых*, настоящая работа, то несмотря на все проблемы, связанные с восстанием, переселенцы начнут ехать к нам даже в разгар гражданской войны.

- А как мы сможем победить силы глобализации мирового рынка? - с любопытством спросил Хэтфилд.

Морхаус вытащил пистолет и поднял его. Это был револьвер "Сын Сэма Спешел" калибра 11 мм фирмы "Чартер Армз".

- Вот это очень убеждает, - с усмешкой сказал он. - Не думаю, что будет слишком трудно убедить некоторых руководителей компаний выслушать нашу точку зрения, когда они заглянут в дуло. Понятно, всё будет не так просто. Они попытаются использовать обычную чепуху, сторонний подряд и, наконец, будут закрывать свои компании и бежать с Северо-Запада в какую-нибудь Гватемалу, а не нанимать белых на зарплату, достаточную для жизни. Они надеются, что мы не сможем их найти и подсоединить кое-что к зажиганию их машин в Нью-Йорке, Сент-Луисе или там, где сидит их руководство. Скоро их ждёт разочарование.

- Я никогда не был в Нью-Йорке, - мечтательно протянул Хэтфилд.

- Ты ничего не потерял, - заметил Койл.

- Я и не планирую терять.

- Ну, это в будущем, - продолжил Морхаус. - А сейчас вам, ребята, на местах вот что нужно сделать - разобраться с непосредственным руководством. Вы просто идёте в то место, где работают мексиканцы, китайцы или не знаю, кто, сначала в лыжных масках, а потом они вам не понадобятся, потому что никто не посмеет вас остановить. И вежливо объясняете начальнику или управляющему, что будет лучше, чтобы с утра следующего понедельника в

его заведении не было ни одного коричневого лица, иначе над его тушкой будут проделаны все виды физических опытов. Если он попытается переложить ответственность на головной офис и тому подобное, объясните ему, что головной офис не будет обрабатывать его голову бейсбольной битой, если он не сделает то, о чём его просят. А вы будете.

И *не надо* сжигать или взрывать фабрику или предприятие, если это не кажется действительно необходимым, чтобы настоять на своём. Помните, что эти рабочие места, которые высвободят нелегалы, нужны белым, и там могут оказаться какие-нибудь белые работники, а нам не надо, чтобы они обвиняли Добрармию в потере своей работы. Не нужно действовать слишком грубо. Мы уже забросали округу достаточным числом трупов, так что они должны понимать, что мы не шутим. Нет ничего сравнимого по убедительности с убийствами людей, чтобы побудить остальных чертовски внимательно прислушаться к твоим словам. Целых 50 лет нас никогда не принимали всерьёз. Над нами издевались, и все это знали, потому что у нас никогда не хватало мужества начать стрелять из этих штуквин, - сказал Морхаус, откладывая револьвер.

- Мы были не готовы проливать кровь или рисковать нашими собственными жизнями во имя того, во что, по нашим словам, мы верили, и все знали это. Нас презирали, и поделом. Теперь мы жмём на курки, и вдруг оказалось, что люди обращают на нас внимание.

* * *

На следующий день, уже в Астории Зак изложил эту часть разговора двум другим членам Тревожной тройки.

- Конечно, нам нужно иметь что-то в руках, чтобы привлечь общее внимание. Мы должны начать собирать арсенал побольше, чем у нас есть. Какие-нибудь мысли, интендант? - спросил он Лена.

- Есть и неплохая, - ответил Экстрем. - Думаю, надо повидать старого Берта Филдса.

- Самого "Мистера Вторая поправка" в Астории? Да, я помню, Берта с тех пор, когда ходил на оружейные выставки, и у меня ещё были деньги на покупки, - сказал Хэтфилд. - По-моему, у него целая коллекция.

- Да, у него есть все федеральные лицензии на огнестрельное оружие, какие только выдаёт Бюро БАТФЕ, а за некоторые из них он даже судился с Бюро, чтобы заставить их выдать, - добавил Лен. - Он достаточно богат, чтобы нанимать приличных юристов, и поэтому выиграл. Национальная стрелковая ассоциация всегда могла рассовать достаточно денег в Конгрессе, так что формально мы по-прежнему имеем право на хранение и ношение оружия. Просто федеральное правительство не желает, чтобы белые люди *воспользовались* этим правом, и поэтому ставит нам в этом деле все мыслимые препятствия, надеясь сделать его настолько дорогим и хлопотным, чтобы мы просто сказали себе, да чёрт с ним, и отказались от нашего оружия добровольно. Но Берт никогда не отказывался. Он насмерть бился с БАТФЕ в суде каждый раз, когда те пытались надуть его с чем-нибудь из его коллекции.

- Да, я помню некоторые тогдашние новости, - вмешался Вошберн. - Как в тот раз, когда он требовал права поставить гаубицу на лужайке перед своим домом.

- Тогда Филдс проиграл, но большинство других дел выиграл, - напомнил Экстрем. - Я был в его доме и работал с некоторыми стволами. Ты не поверишь, Зак. У него сборный ангар на заднем дворе, и внутри всё выглядит одновременно как музей и оружейный склад Национальной гвардии. Берт - настоящий коллекционер: он там собрал всё от автомата Калашникова до мушкета с фитильным замком, да ещё и патроны для всех этих стволов.

Должно быть, две - три сотни оружия разных видов, большинство из которых мы могли бы использовать только раз, а потом выбросить.

- А какая у него охранная система? - спросил Хэтфилд.

- Всё, что соответствует закону и двадцати тысячам федеральных требований, - ответил Экстрем. - Стальные сейфы с замками, каждый длинный ствол прикован к стойке через спусковую скобу, замки курков на всех пистолетах, и стопка документов БАТФЕ толщиной с километр на каждый ствол. Само здание имеет стальные сейфовые двери, укрепленные окна, датчики движения и сигнализацию, связанную с полицейским участком в центре города, и тому подобное.

- Похоже, трудновато будет его ограбить, - помрачнел Вошберн. - И как мы втроем сможем вывезти все эти пушки, когда попадём внутрь?

- Может нам и не придётся его обворовывать, - заметил Экстрем. - Я довольно хорошо знаю Берта много лет как ружейного фаната, вроде меня самого. Он всегда был довольно консервативным и правых взглядов.

- Может и так, но Добрармия не относится к правому крылу, - сказал Хэтфилд. - Мы - революционеры, а многие из нас откровенные нацисты, включая меня самого. Мы стремимся спасти нашу расу. А консерваторы хотят только сохранить свои деньги.

- Ээээ, возможно, - признал Экстрем. - Ну, я не знаю. Филдс пару раз так высказывался, что я подумал, не стоит ли потолковать с ним. Последние годы были настоящим откровением для Берта и многих ему подобных. Они начинали, веря всей крикливой пропаганде после теракта 11 сентября, размахивали флагами Амуррики, пялились как зомби на передачи "Фокс Ньюс" и глотали любое дерьмо, состряпанное неоконами, топя и хлопая Бушу Ушастому, когда тот начал эту бесконечную войну на Ближнем Востоке.

Конечно, самое главное для большинства людей было, наконец, найти группу людей с тёмной шкурой, которых белым официально разрешили ненавидеть. Они переносили свою настоящую ненависть к ниггерам и мексиканцам на беднягу Апу из магазина "На скорую руку". (*Апу - индус-эмигрант, персонаж из серии мультфильмов "Симпсоны" - Прим. перев.*). А потом война затянулась на годы, и некоторые из правых поумнее, вроде Берта, начали замечать противоречия, мелочи тут и там, которые не совсем вписывались в официальную версию событий.

- Вроде того факта, что каждое вторжение США для захвата нефти кончалось провалом? - спросил Хэтфилд.

- Это, конечно, но и другие события, - ответил Экстрем. - Думаю, одним из лучших непредвиденных последствий ближневосточного крестового похода оказалась невозможность для нашей верхушки как обычно спрятать уши Израиля за всем этим бедламом. Человечек за кулисами, наконец, был вынужден действовать в открытую. Я в самом деле слышал от Берта пару замечаний о сомнительной официальной версии теракта 11 сентября и намеков на то, что Израиль мог быть в этом замешан, чтобы затащить Америку на Ближний Восток. После той второй интифады в начале 2000-х годов, когда стало очевидно, что жида теряют своё военное превосходство над арабами и не смогут вечно отбиваться от всего мусульманского мира.

Хэтфилд присвистнул.

- Усомнился в 11 сентября? Этого хватит, чтобы тут же загреметь в федеральную кутузку за слова ненависти. Как называется та статья закона? "Распространение вредоносных и беспочвенных теорий заговора в отношении правительства Соединённых Штатов или любого из их союзников"?

- Ну да, конечно, только мы все знаем, что имеется в виду *один единственный* союзник Штатов, - сказал Экстрем. - Слушай, давай я поговорю с Филдсом. Ему не обязательно знать о вас двоих. Мы с Бертом давно знакомы, и не думаю, что он на меня стукнет, но даже если это случится, то погорю я один. Надеюсь, что смогу убедить его отдать нам часть или всю его коллекцию, и нам не придётся планировать сложный и рискованный грабёж.

- Ладно, попробуй, - не очень охотно согласился Хэтфилд. - Только осторожно, зайди издалека, не дави, и если почувствуешь что-нибудь не то, сразу откажись. Помни, что нас пока только трое, и я не хочу искать другого интенданта.

В тот вечер Берт Филдс был удивлен неожиданному приходу своего старого приятеля по стрельбе и оружейного мастера Экстрема в свой просторный викторианский особняк с шестнадцатью комнатами, стоящий на высоком выступе длинного хребта с видом на Асторию.

- Заходи, Лен, - охотно пригласил он Экстрема в своё логово. - Присаживайся. Мэри Лу уехала к сестре. Последнее время у Анны нелады со здоровьем.

Филдсу с женой было хорошо за семьдесят. Раньше Филдс был директором компании по производству электронных плат в Портленде, которую продали и перевели в Индию, но ему выдали щедрый "золотой парашют", он переехал в Асторию и последние двадцать лет с успехом вкладывал эти деньги во всё, от недвижимости до золотых монет и европейских ценных бумаг. Несомненно, он был миллионером.

- Выпьешь? - предложил Филдс. - Коньяк? Бурбон? Выбирай себе отраву.

- Имбирную колу, если есть, - ответил Экстрем. - Я больше не пью.

- Да ну? Тогда у тебя больше ума, чем у меня, - усмехнулся старик, открывая маленький холодильник под барной стойкой, устроенной в его берлоге, и вытащил банку имбирной колы с пластиковым стаканчиком, в который бросил кусок льда. Потом передал напиток Экстрему, а себе плеснул изрядную дозу коньяка.

- Может, сигару? Есть доминиканские "Маканудо Супримес".

- Ты вряд ли будешь таким радушным, когда узнаешь, зачем я пришёл, Берт, - сказал Экстрем.

- Ого? - удивлённо воскликнул Филдс.

- Я перейду прямо к делу, хотя сначала это может так и не показаться, - продолжил Экстрем. - Просто немного меня послушай.

Он показал на снимок на каминной полке, на котором несколько молодых морских офицеров стояли на полётной палубе старого авианосца.

- Ты как-то говорил, что снимок сделан, когда ты служил на "*Китти Хок*", наносившем воздушные удары по Северному Вьетнаму, верно?

- Ага, - с грустью подтвердил Филдс. - Слева - я, справа Эл Вителли, а в центре Брет Холстед. Эл умер от рака несколько лет назад, а Брета убили в федеральной тюрьме Атланты. Он рассказал анекдот про ниггеров и получил пять лет за слова ненависти. И судья обошёлся с Бретом ещё мягко из-за его возраста. Ему было 64. В первый же день охранники просто выгнали Брета во двор, где банда чёрных забила его до смерти.

Голос Филдса был бесстрастным и ровным, как будто они говорили о погоде. Экстрем не знал о смерти старого друга Филдса со времен службы на военно-морском флоте. Такая неожиданность облегчала его задачу.

- Это прямо относится к тому, о чём я хочу поговорить с тобой, - твёрдо сказал Экстрем. - Берт, Америки, которую мы когда-то знали, и где родились, Америки, за которую ты воевал во Вьетнаме, той Америки сегодня уже нет. Она больше не существует. Она ушла

навсегда. И никогда не вернётся. Мне нужно знать, понимаешь ли ты это, согласен ли ты со всем этим? Потому что, если ты этого не понимаешь, мне нет никакого смысла продолжать разговор.

- Конечно, понимаю! - прорычал Филдс, залпом выпил свой коньяк и двинулся к бару за следующей стопкой. - И благодарю Бога каждый день, что я достаточно стар и богат, и мы с Мэри Лу сможем умереть с некоторыми удобствами, прежде чем эта мерзость придёт и разрушит всё на свете. Я благодарю Бога, что все наши дети - порядочные и любящие мужчины и женщины, и если их матери с отцом придётся лечь в больницу, они не сговорятся с каким-нибудь врачом-евреем незаметно сделать нам смертельный укол по закону об обращении со стариками, как с собаками. Извини, по закону о качестве жизни пожилых граждан, чтобы заполучить этот дом и наши деньги. Ты знаешь, так случилось с некоторыми из наших друзей, с тех пор как падальщики в Конгрессе США приняли тот проклятый закон. Каждое утро я включаю "Си-Эн-Эн", и это всё, что я могу сделать, чтобы не выблевать свой завтрак. Да, Лен, я понимаю, что Соединённые Штаты Америки превратились в вонючую выгребную яму, заполненную трупами, кровью и дерьмом. Так какого чёрта ты спрашиваешь?

- Потому что я хочу попросить тебя об одной любезности, - решил пойти ва-банк Экстрем. - Я хочу, чтобы ты, Мэри Лу и, возможно, Анна уехали куда-нибудь в небольшой отпуск на пару дней. Поездка за покупками на Рождество была бы хорошим предложением. А перед отъездом ты дашь мне коды от системы охраны ворот на подъездной дороге в дом, и от дверей в твоём флигеле на заднем дворе. Когда вы вернётесь, то будете потрясены и расстроены, узнав, что стали жертвой кражи со взломом. Неизвестное лицо или группа лиц взломают твою пристройку, и все твои стволы и боеприпасы исчезнут.

- Бог мой, - тихо произнёс Филдс. - Ты теперь один из *них*, Лен?

- Да.

- А есть другие? Здесь, в Астории? - спросил Филдс.

- Да, но я не скажу тебе, кто они.

- Я и не собирался спрашивать, - ответил Филдс. Он подошёл к окну и взгляделся в зимний мрак на улице.

- Ты веришь в десницу Божию, Лен? Я имею в виду Божий знак, который проявляется в делах людей как раз в нужный момент?

- Да, по-моему, недавно я почувствовал что-то подобное в происходящем, - ответил Экстрем.

- Утром мне позвонил Пат Франклин, мой адвокат в Портленде, - продолжил Филдс. - У Пата приличные связи в федеральном суде, и там он узнал кое-что, что счёл обязанным передать мне. На следующей неделе БАТФЕ намерено заявиться у моего порога с большим грузовиком и клочком бумаги, где всё правильно и законно, с подписью федерального судьи в Портленде, о конфискации всего моего огнестрельного оружия в соответствии с каким-то мутным законом о внутренней безопасности, о котором я никогда не слышал. Или тайной статьёй, вставленной этими послушными пиявками в Конгрессе в законопроект об ассигнованиях, что-то в этом роде. У нас в стране тотальный контроль за оружием уже много лет, просто это бюро до сих пор не удосуживалось внедрить его. Тот факт, что этот их закон есть прямое нарушение Второй поправки к Конституции США, видимо, нигде не обсуждается. Второй поправки больше нет, разве только в виде нескольких ничего незначащих строк на старом пожелтевшем пергаменте внутри стеклянного ящика в каком-нибудь музее. И Билля о правах больше не существует.

Меня удивляет, что они так долго тянули, прежде чем разобраться со мной, после того, что произошло в Кёр-д'Ален. Они давно охотились за моей коллекцией. После разговора с Патом утром и до твоего прихода вечером, я уже смирился, что потрачу большую часть оставшейся жизни и состояния на астрономические гонорары адвокатам, чтобы побороться в суде с этим чудовищным нарушением моих прав и постараться вернуть моё оружие, прежде чем я умру. Это должно было стать последней целью, оставшейся у меня в жизни. Я уже боролся с мыслью, что скоро никогда больше не увижу ни одного ствола. А вечером приходишь ты и просишь об одной любезности. Всю жизнь я любил огнестрелы. Не знаю, почему. Думаю, некоторые люди просто рождаются с этим. Всю свою жизнь я собирал эту коллекцию, Лен. Начал со старого одноствольного дробовика, который отец подарил мне на 16 лет. За всё это время я ни разу, рассердившись, не выстрелил в другого человека. Даже на флоте, когда был в зоне боевых действий. И чувствую в душе, что не сделал бы этого, даже когда эти сучьи дети в блестящих костюмах пришли бы отбирать мои пушки. Я просто слишком старый пёс, чтобы учиться новым приёмам.

- Стволы пропали, Берт, - сказал Экстрем. - В любом случае, тебе не удастся больше держать их у себя. Так уж вышло. Ты стоишь перед выбором. Дать федеральным громилам украсть твоё добро и разорить себя и Мэри Лу, жалуюсь в суде, умоляя и выпрашивая у этих тиранов право, принадлежащее тебе по рождению. Или ты можешь добровольно отдать пушки нам, и я знаю, что, в конечном счёте, они не будут просто лежать на полках или в витринах, а делать то, для чего они предназначены: стрелять в злодеев, защищая свободу и справедливость.

- Откуда ты знаешь, может, я соглашусь со всем, что ты сказал, а потом позвоню в ФБР, как только ты уйдёшь? - спросил Филдс.

- Я не знаю, - ответил Экстрем. - Мы собираемся изменить мир, Берт, а это нельзя сделать, ничем не рискуя. Я рискнул и если ошибся в тебе, то за это поплачусь.

Филдс взгляделся в ночную тьму за окном.

- Боже, как мне стыдно, просто тошнит от того, во что превратилась наша страна! Филдс подошёл к столу, достал блокнот, и, взяв ручку, что-то в нём нацарапал. Оторвал лист бумаги и передал Экстрему.

- Первый - это код открытия автоматических ворот на дороге. Второй код от главной двери в ангар, а третий - от сейфа внутри, в котором есть пара игрушек, полезных для тебя и твоих друзей. Сделайте, чтобы это выглядело как взлом, разбейте пульта и т.п. БАТФЕ будет подозревать меня в сговоре с вами, но пусть идут лесом. Они слишком часто меня прижимали. Я оставлю все замки в шкафах и стойках открытыми.

- Нет, мы срежем их кусачками, чтобы всё выглядело правдоподобно, - возразил Экстрем. - Я знаю расположение внутри, и где достать фургон. Нам потребуется пара часов, чтобы всё погрузить, но ангар с улицы не видно. Если мы сработаем быстро и тихо, не должно возникнуть никаких проблем.

- Раз уж у меня не будет стволов, я уверен, что ты отдашь их в хорошие руки и используешь во благо, Лен, - вздохнул Филдс. - Лен, будь я моложе хотя бы лет на двадцать, я умолял бы, чтобы вы меня приняли. Но я не могу. Я просто слишком старый и усталый. И не могу рисковать оставить Мэри Лу одну, пока мы живы, по крайней мере, не раньше, чем природа возьмёт своё. Но это я могу. Ты прав.

Пора этим пушкам сделать что-нибудь, а не лежать на полках и пылиться. Вам лучше действовать быстро. Точно неизвестно, когда здесь появятся эти громилы из БАТФЕ. Я устрою так, чтобы мы с Мэри Лу были в Портленде завтра вечером. Тогда и сделайте свой ход. Теперь тебе лучше уйти, Лен. Мне не хочется, чтобы Мэри Лу вернулась домой и

увидела здесь тебя. Что она не знает, то и не проболтает. Кроме того, после твоего ухода я собираюсь на минутку взять эту бутылку коньяка и стакан на задний двор. Хочу проститься с моими детками.

И Экстрем заметил слезы, блеснувшие в глазах старика.

* * *

Лен Экстрем сумел получить разную полезную информацию из ключевого файла в своём магазине, и сделал набор ключей от небольшого склада на берегу, когда-то принадлежавшего отделению гонконгской компании в Портленде, которая свернула свой бизнес. Склад проходил по какому-то делу о банкротстве в соответствии с Главой 11, рассматривавшемся где-то в отдалённом суде, и, похоже, все забыли, что он существует. Никто даже не потрудился отключить электричество. Склад стал одним из нескольких мест для встреч тревожной тройки роты "Г" и был выбран для приёма посетителей из других штатов наряду с пляжным домиком "Киванис Клаб" у реки на стороне штата Вашингтон. Тройка собралась там вечером после Рождества.

- Примерно в час к нам подъедет один из адъютантов бригады, сказал товарищам Хэтфилд, когда они расселись в небольшом офисе склада на раскладных металлических креслах вокруг складного столика в углу. Лен привёз из магазина кофеварку и старый обогреватель. Нагреватель урчал в углу, но едва прогревал промёрзшую комнатку.

- А кто это? - спросил Вошберн.

- У бригады действительно есть своего рода штаб, - пояснил Хэтфилд. - Этого парня среди добровольцев зовут Ларри Доннером. Я мельком познакомился с ним, когда был в Портленде, после нашей маленькой поездки вокруг города, когда они привезли меня обратно. Ларри будет нашим главным связным с командованием бригады. Понятия не имею, настоящее это его имя или нет. Наверное, нет. И, кстати, он не знает наших настоящих имен, да и не должен. Когда он будет здесь, обращаемся друг к другу по должности. Я - лейтенант, Лен - интендант, а Чарли - начштаба. Тогда, если его схватят, он не сможет сказать, кто мы на самом деле даже под нажимом.

Это одна из причин, почему я назначил встречу здесь, а не в твоём магазине, Лен. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь, даже наши собственные люди, связывали твоё имя с Добрармией, разве только им знать это необходимо. А когда мы должны обращаться друг к другу в общественных местах, по телефону или по электронной почте с кем-то в бригаде или друг с другом, то будем использовать клички. Они придумали для этой цели использовать идею из "Бешеных псов". Командир - Уайт, интендант - Блэк, и начштаба - Грин, а так как мы - это рота "Г", наши первые имена начинаются на "Г". *(По порядку букв английского алфавита "Г" соответствует "D" - Прим. перев.)*. Я - Дэн Уайт.

- Легче лёгкого, да, Дэн, - сказал Вошберн.

- Ну да, а я счастлив, что у меня кличка - имя знаменитого убийцы пидоров, - хмыкнул Хэтфилд. - Лен, ты Дэвид Блэк, а Чарли - Дональд Грин. Таким образом, когда у кого-то есть сообщение для Дэйва Блэка по телефону, это для интенданта роты "Г" и т.д. и т.п. Система простая, её легко запомнить, и пока она годится, но со временем федералы её раскроют. Будем менять закодированные имена не реже чем через несколько месяцев, так что сможем всё время помнить, кто мы есть, и ничего не перепутаем.

Бригадные адъютанты - связные, посыльные между ячейками. Ларри - своего рода странствующий священник. Он объезжает некоторые роты, но не все, и сообщает им, что следует, с уровня бригады и выше, а также передаёт в штаб бригады, что там хотят знать о

каждой роте, достижениях, возможностях и текущих проблемах. Он будет одним из наших официальных связных с бригадой. У меня есть и другая связь, то есть с самим командиром. Жаль, что вы ещё не встречались с командиром: он - запоминающийся человек и внушает доверие, но опять же - при служебной необходимости. Привыкайте к этому. Вы много об этом услышите. Ларри прибывает сюда, чтобы оценить наши успехи в достижении боеготовности. Давайте посмотрим, о чём мы должны ему доложить. Во-первых, как наши дела с личным составом? Чарли, как у тебя с результатами на будущее?

- Я рискнул и прямо спросил Ли, - ответил Вошберн, имея в виду своего младшего брата. - Он с нами. Никаких колебаний, одно воодушевление. Ты знаешь, в школе он был влюблён в Салли Уитли.

- Девушку из группы поддержки, которую преследовал, изнасиловал и убил мексиканец? - спросил Лен. - Я помню эту историю.

- Да, один из её одноклассников-нацменов, - с отвращением подтвердил Вошберн. - Мы слышали, этот бобоед отсидел меньше 10 лет и в прошлом году был досрочно освобождён. В местной газете даже не посчитали нужным упомянуть об этом, а Ли услышал о том, что убийца на свободе, только от отца Салли, когда тот столкнулся с мекскрементом на улице. Ли такой парень, который держит подобное в себе, но могу сказать, что он потихоньку доходит до точки кипения, и если что-то пойдёт не так, то он скоро пойдёт в Макдональдс или куда-нибудь ещё с пушкой и начнёт валить подряд всех мексикашек, которые попадутся ему на глаза. Я могу поручиться за него как ни за какого другого человека, потому что знаю брата. Он принял решение, твёрдое как скала, и он с нами, до конца.

- Хорошо, - отметил Хэтфилд. - Это будет одной из наших тайных сильных сторон. Наступил момент, когда где-то в прошлом у каждого белого американца оказалась своя жертва Салли Уитли, которую он знал, или о ком заботился. Люди такое не забывают. Ладно, а как с Элом Уикером?

- Эл исполняет хороший расистский рэп и политически подкован, - ответил Вошберн. - Он знает евреев. Сильно обжёгся на республиканцах. У Эла раньше были политические планы, но он выступил слишком резко и был отброшен из-за политической некорректности и напрасного упоминания Израиля.

- Я помню, что у него были контакты с Партией, но мы никак не могли заставить его принять окончательное решение, - дополнил Зак. - Как думаешь, это была осторожность или безответственность? Ты знаешь его лучше меня.

- Ну, не уверен, а мы *должны* быть уверены. Честно говоря, Зак, по-моему, Эл в начале пути. Думаю, он будет с нами, но только если увидит, что мы побеждаем. К тому же, когда я говорил с ним у него в комнате, то пил диетическую кока-колу, и он тоже, но ещё и выпил почти полбутылки рома за вечер.

- Ты знаешь правила. Никаких выпивох, - сказал Зак. - Из-за одного пьяницы всех нас могут убить или похоронить заживо. Думаешь, он сможет отказаться выпивать и подождать на время революции?

- Я сказал бы, что его пока надо оставить про запас. У Эла отличный большой дом, и пока хорошая работа. Хотя в наши дни никогда не знаешь, как долго это будет продолжаться, но у него есть, что терять. Это меня беспокоит. Когда припрёт, ребята, которым есть что терять, начинают нервничать и задумываются о сделках и программе защиты свидетелей. Нам нужно начать с белых, которым нечего терять. Бог свидетель, что в наше время кругом их достаточно.

- О'кей, отложим Эла на будущее. Ты не намекал ему, что мы затеяли, а?

- Нет, просто обычное ворчание белых мужиков среднего возраста. Я позволил ему говорить почти что одному.

- Так и надо. Мы не можем позволить *никому* узнать, кто мы, и что делаем, пока не будем уверены в человеке, насколько это возможно, - сказал Зак. - Как насчёт Тони Кампизи?

- Работаю, - доложил Вошберн. - Думаю, что Тони будет с нами, но он большой семьянин и очень беспокоится о детях, что с ними будет. Можно сделать по-другому. Я поговорю об этом с Тони прямо, да или нет. Если да, он полностью с нами. А нет, так нет, но он нас не сдаст. Ручаюсь головой.

- Нашими головами, - сухо заметил Зак. - Лен? Твой зять идёт?

- А как, по-твоему, мы получили наш новый транспорт? - усмехнулся Лен.

- Ты ему всё рассказал?

- И не пришлось. Я просто пришёл в "Лундгаард Шевроле" и поговорил с ним в его кабинете. Сказал, что мне нужен доступ к как можно большему числу его подержанных машин старых моделей, днём и ночью. Предупредил, что некоторые из машин могут вернуться на его стоянку, а некоторые - нет, и он не должен задавать вопросов и был готов прикрыть эти машины документами. Если он не хочет, то не должен никогда не говорить о моей просьбе.

Зять посмотрел на меня и сказал: "Ладно, просто дай знать, что нужно". И добавил: "Только один вопрос, Лен. Ева знает?" Я подтвердил, но сказал, что не нужно это обсуждать. "Я и не буду", - ответил он. "Она будет слишком волноваться. Позвони, когда я понадобится". Джерри - один из тех тихонь, которые ходят на работу, потом домой и живут своей жизнью, и который никогда слова не сказал о политике, но ему просто до смерти так опротивело всё происходящее, что он созрел. Мы можем на него положиться.

- Славно, - отметил Зак. - А теперь моё собственное *достижение*. Вчера вечером я поговорил с Локхартом Кошкин Глаз, и он - с нами.

- С нами доброволец Северо-Запада с медалью почёта?! - воскликнул Вошберн. (*Медаль почёта - высшая военная награда США - Прим. перев.*).

- Вы не представляете, как много белых вернулись из Ирака с ненавистью к ублюдкам, которые нас туда послали, - пояснил Зак. - С нами человек, награждённый медалью почёта, который больше не может работать рыбаком, потому что его родовые воды теперь принадлежат племени индейцев - племени из дюжины алкоголиков-полукровок, никогда не касавшихся сетей и проводящих время, пропивая свои пособия. С нами человек, награждённый медалью почёта, который больше не может работать лесорубом. Потому половина лесов теперь превращена в парки для этих проклятых пятнистых сов, чтобы компания "Халлибертон" зарабатывала миллиарды на импорте сибирской целлюлозы для бумаги. С нами человек, награждённый медалью почёта, у которого после армии не было ни одного приличного заработка, ни какой-нибудь медицинской страховки, ни вообще будущего. С нами человек, чья жена с детьми сбежала в город с паршивым грязнокожим индусо-полинезийцем, который помахал толстой пачкой денег и большим мешком кокаина.

Человек, который вообще больше не сможет получить хоть какую-то работу, потому что надавал плюх своему бригадиру-мексиканцу и мудакам-боссам, и только его военные заслуги и сочувствующие полицейские с судьями уберегли его от тюрьмы по обвинению в преступлении ненависти. Он знает, что такая удача не навсегда, и готовился уйти в блеске славы. Пока не пришёл я и не доказал, что у него может быть вторая попытка начать новую жизнь, а если и нет, то его боевой счёт увеличится. *Поэтому* он с нами!

- Лучший американский снайпер в Ираке! - возликовал Вошберн.

- Ага. Подтверждённый боевой счёт Кота - 104. Не просто попаданий, - убитых. Он - оружие, которое нам нужно позарез. Мы заполучили очень опасного человека, ребята. Честно, я не знаю, полностью ли Кот нормальный, но уверен, что он так страшно хочет попасть в Добрармию, что готов попробовать. Меня немного беспокоило правило запрета выпивки, и я прямо дал ему это понять. Я сказал ему, что любой дурак может пить до смерти, но ему придётся выбрать между Добрармией и бутылкой. Кот сказал: "Я всегда трезвый на работе", и я ему верю. Поэтому нам надо найти ему работу и побыстрее. Лучше давайте сначала я сам с ним поработаю, пока он к вам не привыкнет. Мы были вместе в дерьмовой пустыне. Я говорю на его языке. Но как только мы пустим его на охоту с приличным оружием в руках, в Орегоне ни один федерал или небелый не будет в безопасности. Кот сам поведёт свой боевой счёт. И насчёт оружия, Лен, как у тебя с коллекцией старины Филдса?

- Поразительно, - покачал головой Экстрем. - Сотни стволов, собранные за 50 лет! Многие пушки я никогда раньше даже не видел!

- Бригада хотела бы получить часть оружия, - сообщил Хэтфилд.

- Отлично, у нас стволов больше, чем мы сможем использовать долгое время, - успокоил его Экстрем. - Единственная проблема - боеприпасы, особенно для некоторых старых образцов Филдса. Хотя я и не уверен, что некоторые пушки вообще можно будет использовать, например, из его подборки японского и итальянского оружия времён Второй мировой войны, большая часть которого уже была дерьмом, когда стволы впервые сошли с конвейера, и до сих пор им и остались.

Перебирая все эти пушки, я был на седьмом небе! Винчестеры, ремингтоны, винтовки калибра 5,6 мм, со скользящим затвором и полуавтоматы, маузеры модели 98, для которых ещё можно достать 8-мм патроны. По крайней мере, два десятка точных охотничьих ружей с прицелами, калибров 7,62 x 63 мм и 7,62 x 51 мм, 6,2 мм и 11,2 мм. Больше 40 дробовиков, 12-й калибр (*канал ствола 18,5 мм*), 16-калибр (*16,8 мм*), 20-калибр (*15,6 мм*), .410-е (*10,3 мм*), всё - от "Пардей" за двадцать тысяч долларов Его светлости лорда для охоты на куропаток в Шотландии, до полицейских моделей помповиков и сицилийских обрезов "лупара" с двумя стволами!

А уж *пистолеты!* Боже мой! Глоки и браунинги, почти все 9-мм, беретты и вальтеры, ругеры и чартеры, смиты и кольты всех наименований, калибры 11,4 мм, 9,6 мм и 11 мм, старые специальные пистолеты полиции, дерингеры, русские макаровы и наганы, даже не знаю, с чего начать!

- Полегче! - усмехнулся Зак. - Теперь о самом сладком. Что скажешь о его автоматах?

- Бог знает, как Филдс удержал БАТФЕ от захвата автоматов под каким-нибудь предлогом, через адвокатов или нет, - удивлённо покачал головой Экстрем. - Одна ежегодная плата за разрешение должна была стоить ему целого состояния. Каждый автомат лишь в одном экземпляре, но теперь мы можем гордиться, что имеем "Узи" с семью магазинами, автоматическую винтовку Браунинга "БАР" с четырьмя магазинами, "Томпсон" калибра 11,4 мм с одним диском на 100 патронов, одним диском на 50 патронов и тремя вставными магазинами, один "АК-47" с шестью магазинами и диском барабанного типа на сотню патронов, один "АК-74" также с шестью магазинами и диском, одну полностью автоматическую винтовку "М-16" военного образца с пятью магазинами, один чешский ручной пулемёт "РПК" с одним диском, израильский ручной пулемёт "Негев" калибра 5,56 мм без магазина, но я могу его сам сделать, один пистолет-пулемёт "МАС-10" с двумя магазинами и один автомат "Тес-9", также с двумя магазинами.

И последний, но не менее важный образец времён Второй мировой войны - один пулемёт Браунинга калибра 7,62 мм, с ленточным питанием и воздушным охлаждением, с треногой, выведенный из эксплуатации, но всего-то с припоем в стволе, который я могу высверлить в один миг. Патроны и ленты для Браунинга будут проблемой, он страшно тяжёлый и хорош только на постоянных позициях, которые, как я понимаю, мы не собираемся оборонять. Хотя это интересный музейный экспонат.

- Мы точно придумаем, что с ним делать, - сказал Хэтфилд. - Знаешь, странно, но одна вещь, которую мы обнаружили в Ираке, когда пришло время танцевать там в пыли с чурками, что чем старше было оружие, тем лучше оно работало, пушки с калибром 11,4 мм и пулемёты "М-60", ну и старая добрая "двушка" - браунинг калибра 12,7 мм. "Армалайты" с ночными прицелами и пластиковыми деталями хороши, но ничто не заменит старый добрый, мощный и надёжный пулемёт, который может стрелять целый день, делать тысячи выстрелов с постоянной скорострельностью без заклинивания и перегрева. И этот "Калашников" просто неубиваемый! Мы получали большой втык от "Зелёной зоны" Багдада за оставление наших "М-16" и за выход на патрулирование или выбивание дверей ногами с "АК" в руках, всякий раз, когда могли их достать, и к ним хватало патронов.

- Нам не нужны все эти новые модные баллистики и новинки стрелкового оружия на войне, которую мы ведём, - сказал Чарли. - Большинство наших операций будут больше похожи на убийства мафии или налёты бандитов Лос-Анджелеса и стрельбу с движущихся машин, чем на настоящие бои. Простой револьвер или винтовка со скользящим затвором прекрасно сработают, в девяти случаях из десяти, лишь бы мы попадали во что целились. Стреляем, потом удираем.

Идея состоит в том, чтобы Добармия оставалась достаточно лёгкой и быстрой на ногу, а полицейские и федералы не успевали окружить нас и применить все их высокотехнологичные игрушки и супер-пушки, и добровольцы ускользали за их спинами и снова били их в уязвимые места, пока те гоняются за своими хвостами. Вроде как добивание большого гигантского броненосца. Они сверху твёрдые, но мягкие снизу и сзади. Мы будем бить в эти незащищённые места так часто, что ЗОГ умрёт под своей бронёй от потери крови.

- Верно, Чарли. А как у Филдса с патронами, Лен? - спросил Хэтфилд.

- Около 20 тысяч заводских патронов и почти столько же переснаряженных самим Филдсом. Самые разные, - ответил Экстрем. - В основном для пистолетов и, конечно, менее редких длинностволов. У нас достаточно 9-мм, 11,4-мм, 9,1-мм и 9,6-мм специальных патронов, чтобы продержаться некоторое время, а также изрядное количество 5,56-мм и 7,62-мм для винтовок и автоматов. Патроны 7,62 x 63 мм, 5,6 мм и 12 калибра можно доставать здесь, если не покупать слишком много за раз, и мы сможем подделывать документы, чтобы по ним нельзя было нас вычислить.

Зак, я считаю, что федералы попытаются очень скоро конфисковать стволы в какой-то форме, и сделают так, что оружие и боеприпасы будет вообще невозможно приобретать легально, но для начала у нас они уже есть. Надо сказать о нашем разговоре с Филдсом. Берт говорит, что БАТФЕ выходило на него дважды после подачи первоначального заявления о краже, и он предполагает, что его телефон прослушивается. Федералы прекрасно поняли, куда пошло всё его оружие, и явно недовольны.

- А как насчёт тайников? - спросил Хэтфилд. - Очень важно, чтобы это оружие, которое нами не используется, не хранилось в одном схроне, и не на одном большом складе оружия, на который враг может сделать налёт и одним махом захватить всё обратно. Я держу какое-то количество у себя и Чарли тоже, но нам нужно распределить стволы по паре десятков на каждый тайник. Там будет не больше, чем у нас есть сейчас, так как я уже

говорил, Бригада ожидает от нас передачи значительной части этой техники вверх по команде.

- Зак, ты когда-нибудь решишь, какое личное оружие должно быть у добровольцев роты "Г"? - спросил Экстрем.

- Мне сказали, что это остаётся на усмотрение каждого командира роты, так как обстановка у каждого немного отличается, - сказал Хэтфилд. - Для наших ребят здесь, я хочу, чтобы каждый доброволец был готов сражаться до победы в любой ситуации, или, в крайнем случае, умереть, сражаясь. Если нет тактических причин, вроде необходимости проходить через металлоискатель, мы все должны быть при оружии. Ребята, не знаю, как вы, но я знаю, что меня ждёт, если я дам себя арестовать, и совершенно не намерен этого допустить. Я действительно скорее умру, чем буду гнить и сходить с ума в местах вроде Ливенворта или Марион.

Поэтому каждый доброволец должен иметь хотя бы один мощный пистолет калибра 9 мм или больше, достаточно мощный, 11,4 или 9 мм на выбор. Дополнительно у них также должен быть для обороны небольшой пистолет скрытого ношения, калибра 9 мм, короткоствольный или автоматический, как у полицейских. Оба полностью заряженные и, не меньше, чем с одной дополнительной обоймой. Конечно, это не всегда удобно на нашей работе, но мы всегда должны быть в состоянии быстро дотянуться до оружия. Каждому добровольцу должен быть выдан один личный длинноствол, что-то вроде винтовки "М-16" или автомата "АК", если мы сможем их достать. А если нет, то хорошее охотничье ружьё, и я хотел бы добавить один обрез или очень короткий дробовик 12-го калибра для непосредственной обороны в помещениях, если к вам ломятся в дверь.

- Что приводит нас к следующему пункту плана интенданта - помещениям, - сказал Экстрем. - У нас есть собственные дома и квартиры, но их по понятным причинам использовать нельзя.

Экстрем достал карту и развернул её.

- Кстати, я хочу сжечь карту, после того как вы с этим адъютантом её посмотрите. Нам придётся запомнить все эти места и держать их в головах. Чарли тут оказался незаменимым, так как очень хорошо знает леса и лесовозные дороги штата. Здесь разные дома-прицепы, хижины, старые и действующие объекты лесников в парках, строительные площадки, посёлки лесозаготовителей со сборными сооружениями, пожарные станции и много ещё чего в этих лесах. Это не сеть отелей "Хилтон", но они сгодятся. Я думаю о том, чтобы обеспечить каждого добровольца спальным мешком и чем-то вроде набора для выживания в лесу, с продовольствием и водой в бутылках. Хотя ЗОГ когда-нибудь привяжется ко всему этому и что-то заподозрит, если дом или машину обыщут и найдут набор. Но если мы попытаемся хранить в этих местах продукты, раскладушки и вещи, то кто-нибудь может их найти, украсть или стукнуть федералам, а те сообразят и устроят засаду на тех, кто появится.

- Пожалуй, да, - задумался Зак, потирая подбородок. - Мы должны хранить как можно меньше, и снабжаться всём, что у нас есть, из рассредоточенных по возможности запасов, так что это касается не только оружия и боеприпасов. Добровольцам нужно иметь с собой снаряжение, но не всё в одном наборе. Просто ребята могут быстро где-нибудь удобно разместить всё это вместе так, чтобы любому бандиту ЗОГ, кто обыскивает их, казалось, что они собираются в поход.

- Во всяком случае, некоторые из этих мест также можно использовать как тайники с оружием и запасами, - продолжил Экстрем. - Эти красные кресты - разные убежища в сельской местности, хижины и старые дома-прицепы на лесозаготовках и тому подобное.

Видите, они сплошь покрывают все округа Клэтсон, Колумбия и Тилламук. По-моему, у нас больше убежищ, чем нужно.

- Нам всё равно нужно их как можно больше, - ответил на это Хэтфилд. - Чарли, пару следующих недель я хочу поехать с тобой и увидеть все эти места сам и проверить их, оценить, что к чему, посмотреть на возможные маршруты отхода, всё, что может в конечном итоге оказаться смертельной ловушкой для нас, и так далее. Я хочу знать заодно: кто, кроме нас, будет знать об этих местах? А так же, насколько они видны с воздуха или с разведспутников? Нам нужно найти как можно больше мест под большими деревьями, чтобы они не были заметны при воздушной или спутниковой разведке.

- Конечно, - согласился Вошберн. - Как ты знаешь, несколько лет назад Служба лесного хозяйства начала нанимать временных работников или подрядчиков, как они официально называются, чтобы больше не нанимать людей на постоянную работу с теми немногими дополнительными выплатами, что ещё остались у госслужащих. Лен говорил мне, что твой босс Бренда - крутая женщина, так что я поговорю с ней, и возьму тебя, скажем, временным помощником для изыскательских работ, начиная с понедельника. Мой босс пойдёт на это, поскольку ты не мексиканец. Он презирает бобоедов, потому что с ними у него вечно проблемы, с надзором за ними и с их поведением на работе, которое всегда ужасно. Чепуха, что они - трудяги, это городские сказки. Кстати, Макинтайр со временем может быть с нами, но пока я не хочу светиться на работе.

- Звучит неплохо, - отметил Хэтфилд. - Я отберу некоторые из этих мест в лесу для использования в качестве складов оружия, а потом мы должны быстро начать рассредоточение оружия и боеприпасов. Лен, а что это за синие кресты?

- Это постоянные или передвижные дома, которые мы сможем поочередно использовать, может быть, по паре дней. Владельцы зимой в них не живут, это летние дома, на случай отпуска, или они сдаются туристам и тому подобное. Я считаю, что мы будем укрывать там добровольцев из Портленда, которые нуждаются в этом на некоторое время, и, конечно, наших собственных людей. Они ведь захотят иметь кухню для приготовления пищи, душ, телевизор, чтобы быть в курсе новостей и своих любимых мыльных опер, то есть немного больше цивилизации, чем просто пустую избушку в лесу. Может это и упрощение, но слишком суровые условия жизни, да ещё долгое время, могут измотать людей. Как только мы получим добро, чтобы начать добывать деньги, то сможем использовать эти средства на аренду кой-каких местечек, хотя для заключения договоров нам будет нужен прилично одетый человек из города с хорошими бумагами.

- Мы с бригадой что-нибудь придумаем на сей счёт, - согласился Зак. - Нам нужно посмотреть, не сможем ли мы привлечь действительно нужных людей из тех, кто работает в бюро недвижимости, и, особенно, отдаёт дома на съём. Лучше всего подойдут владельцы мотелей. Одной из первых наших задач будет пустить в расход несколько этих Пателей и Сингхов, которые держат все мотели, выгнать остальных, и поставить в некоторых мотелях белых управляющих из наших. Теперь, что с транспортом?

- Сегодня я снова говорил с Джерри Лундгаардом, - доложил Экстрем. - Знаешь, у него также есть большая стоянка подержанных автомобилей, и если только мы дадим ему немного денег для баланса, чтобы его главная контора ничего не заподозрила, то сможем получать любую машину со всеми бумагами. Но он сделал собственное предложение. Где лучшее место на земле, чтобы спрятать разыскиваемый автомобиль? В середине стоянки подержанных машин! Джерри может постоянно держать для нас пару машин на своей стоянке, заправленных и полностью отлаженных, на ходу. Нам нужно будет достать номера, украсть их, если нет ничего другого, так как если мы проведём операцию на машине с

номера дилера, игра будет окончена. Мы приходим после работы и ставим свои номера, Джерри оставляет нам ключи в оговоренном месте, мы выезжаем, делаем своё дело, потом возвращаем машину и переставляем номера обратно, а он рано утром изменяет пробег, чтобы тот соответствовал бумагам. Чётко, да?

- Ну да, мысль хорошая, но я не хочу слишком часто пользоваться этим способом или зависеть от Джерри, - сказал Зак. - Некоторые машины могут вернуться с пулевыми отверстиями, получить другие повреждения в пути или даже попасть в полицию. Лен, пусть Джерри держит парочку для нас, как неприкосновенный запас, но в основном я хотел бы достать другие машины с регистрацией, которая выдержит проверку полицейских компьютеров. Такие машины должны быть спрятаны в разных местах, и нам нужно найти конспиративные дома и другие места с гаражами во дворах, чтобы машину нельзя было увидеть с улицы или с воздуха. Всегда помните о "глазах в небе". Вот начнём грабить, появятся деньги и на Джерри. Но нам также надо достать старую рухлядь, которую можно починить для спецопераций, с мощной подвеской и тому подобное.

- Что это за операции? - спросил Вошберн.

- Бомбы в автомобилях, - сурово ответил Хэтфилд. - Иракцы задолбали нас этими штуками, когда не мочили ими друг друга. Ладно, Лен, ты хорошо поработал. Теперь ты, Чарли. Как у нас ситуёвина с разведкой?

Экстрем свернул свою карту. А Вошберн достал собственный список.

- Мне тоже нужно сжечь его, как только мы всё запомним, - заметил Чарли. - Итак, дела у нас такие. На наш оперативный район, включающий округа Клэтсон, Колумбию и Тилламук, приходится около 600 вооружённых полицейских, заместителей шерифов, патрульных полицейских штата Орегон и сотрудников исправительных учреждений. То есть без учета канцелярских и невооружённых сотрудников разных правоохранительных органов, а также без военной полиции и персонала станции Береговой охраны, или непостоянной национальной гвардии Орегона и полиции штата в Кэмп Рили, которые будут представлять собой отдельную проблему.

Кажется, как много полиции, но имейте в виду, что речь здесь идёт о трёх огромных округах, и более чем о десяти отдельных и иногда перекрывающихся департаментах и судебных органах. Я не смог получить какой-нибудь расовый расклад, но большинство полицейских всё ещё белые. Есть только несколько мексиканцев да с пяток чёрных. Также имейте в виду, что эти ребята работают посменно, и в любой момент времени большинство из них будут не на службе, а в суде, заниматься писаниной или чем-нибудь ещё. Я очень сомневаюсь, что в любой момент на дежурстве на деле окажется больше 150 полицейских на площадь в несколько тысяч квадратных километров, где мы будем действовать.

Вне городов и основных магистралей, наши шансы случайно нарваться на полицейского равны нулю. В сельских районах есть несколько лесников и смотрителей парков штатного и федерального подчинения с очень неясными полномочиями, которые могут на деле причинить нам больше проблем, чем полицейские, если наткнутся на наши укрытия и тайники с оружием. Морхаус был прав. Тихоокеанский Северо-Запад - идеальная партизанская страна. Когда этот огонь хорошо разгорится, ЗОГ никогда не сможет его затоптать.

- Некоторые из полицейских будут нам сочувствовать, - заметил Хэтфилд. - Я знаю, что наши группы в других местах начали ликвидировать некоторых полицейских, которые были известны как враги Партии и революции. Это их выбор, но огласка, которую эти события получили в СМИ, мне не нравится. Здесь не большой город вроде Сиэтла или Портленда. Многие из этих полицейских - местные, вроде Тэда Лира, люди, с которыми мы

выросли, главы семей, с корнями в здешнем обществе. На данный момент я не хочу, чтобы мы били по любым местным полицейским за исключением небелых, которым уже было официально приказано покинуть Родину, и которые не имеют никакого права топтать нашу землю с оружием и нагрудными бляхами. Это будет одним из правил ведения боевых действий нашей роты "Г". Ни один белый полицейский не будет нашей целью без крайней необходимости, или пока мы точно не узнаем, что именно данный полицейский - наш непримиримый враг. Совет Армии говорит, что нам ещё предстоит понять, нельзя ли договориться с полицейскими о невмешательстве. Чтобы они, по крайней мере, не искали нас усердно, а федералы были вынуждены воевать с нами в одиночку. Я хочу попытаться. В какой-то момент я хочу сесть и поговорить с Тэдом, и разговор будет очень тяжёлым. Да, ещё одно. Нам срочно нужен свой человек в полиции.

- Крис, - тихо произнёс Экстрем.

- Я не хотел называть её, если бы ты сам не сказал, Лен, - вздохнул Хэтфилд. - Она - диспетчер, и именно там, где нам кто-нибудь нужен. Она также твоя дочь, и если ты замешиваешь её в наши дела, то, может быть, буквально приговариваешь своего ребёнка к смерти. Я не могу просить тебя об этом, и тем более приказывать, неважно, что я - лейтенант. По крайней мере, ты можешь поставить её в положение, совершенно невыносимое с нравственной точки зрения. И почём ты знаешь, что она нам сочувствует?

- Знаешь, почему Кристина вернулась из Портленда в прошлом году? - спросил Экстрем. - У неё был хороший диплом, и она только что пошла работать в приличном месте. Теперь она вернулась сюда и получает почти минимальную зарплату, каждую ночь сидя за полицейской рацией. Кристи сама хочет стать полицейским. Она всё время просит, чтобы я брал её на стрельбище. И всегда носит рубашки с длинными рукавами и платья или брюки, но никогда не надевает купальник или открытую одежду. Она порвала с Брэдом Гиббонсом и сейчас ни с кем не встречается. Ты никогда не задумывался, с чего бы всё это?

Однажды вечером в Портленде Крис вернулась домой, где её поджидали, вскрыв квартиру, двое негров-наркоманов. А когда закончили её насиловать, то попытались убить разбитой бутылкой от вина. Не убили, но не потому, что не старались. Каждый сантиметр тела Кристи выглядит, как будто она попала в косилку. Об этом никогда не упоминали ни в газетах, ни по телевидению из-за законов о цензуре прессы, которые Хиллари Клинтон протолкнула в свой первый год на посту президента, тех законов, что запрещают так называемое разжигание расовой ненависти, например, статистику преступлений чёрных против белых.

- Боже, Лен! - прошептал Вошберн.

- Почему, чёрт возьми, ты никогда не говорил нам об этом? - резко спросил Хэтфилд. - Почему ты молчал?

- Сначала было нечего говорить, - ответил Экстрем. - Потом сюда приехал Рэд Морхаус, и я сказал. Сказал: "Я с вами". Ночью, когда она просыпается, плачет и зовёт меня: "Папа, папа, спаси!" Теперь, когда я иду к ней, то знаю, что *помогаю* ей. Всё равно будет трудно, и честно говоря, я даже не знаю, как с Крис начать разговор. Но скоро она будет с нами. Ты был прав раньше, Зак. Сегодня у всех белых есть свои Салли Уитли, собственные Кристины где-то в нашем прошлом, в наших душах. Мы должны сделать так, чтобы эти призраки встали, показали свои кровавые раны и зывали к мести, пока мы снова не станем мужчинами, пройдем по нашей земле и изгоним этих тварей. Продолжай, Чарли. Мы должны делать наше дело.

- Ладно, - всё ещё потрясённо проговорил Вошберн.

- А как насчёт Кэмп Рили и станции Береговой охраны в Уоррентоне, Чарли? - спросил Хэтфилд.

- Это будет операционная база противника.

Хэтфилд кивнул.

- Рили была почти законсервирована много лет, и, если мне не изменяет память, там не так уж много постоянных кадров Национальной гвардии. Больше обслуживающего персонала. И не удивительно, ведь почти вся Национальная гвардия Орегона находится в Ираке или Иране со всем своим снаряжением. У них есть несколько летних лагерей подготовки, и полиция штата Орегон по-прежнему каждый год проводит там пару трёхмесячных базовых курсов, с проходящими боевую подготовку и инструкторами. Что интересно: склада оружия нет. Я слышал, что после Кёр д'Ален всё оружие оттуда вывезли.

Думаю, можно считать Рили кучей будущих мишеней, и одной из наших тактических задач станет оценка, сможем ли мы прижать этих козликов, или, ещё лучше, выгнать их оттуда, сделав слишком опасным и дорогим удовольствием держать там несколько человек в уязвимом положении. В случае успеха, это будет нашей большой психологической победой. Но ты прав, если враг решит, что необходима полная оккупация округа Клэтсон, именно там разместится база оккупационной армии. Нам нужно осмотреть это место и наметить как можно больше неплановых целей, но мы должны понять, как пойдут дела в долгосрочной перспективе. Мне понадобятся все карты и любая информация, какие только можно достать, Чарли. Надо попытаться разыскать кого-нибудь из местных, кто работал или служил там, и поковыряться в их мозгах.

- Понял, - кивнул Вошберн. - Станция Береговой охраны в Уоррентоне - другое дело. Они - кадровые военные, но не боевая часть. Главным образом спасатели, воздушно-морские спасательные операции и вертолётная скорая помощь в устье Колумбии, на "Кладбище кораблей в Тихом океане". Штатное расписание станции, конечно, официально засекречено, но, похоже, там около 150 человек постоянного личного состава, плюс временные работники, экипажи катеров и самолётов, стажёры и временно прикомандированные и так далее. Большая часть спасательных судов для спасателей этой службы расположена севернее по реке на побережье Вашингтона, так что формально это не наш район ответственности, но вертолёты и медицинский персонал размещены там, в Уоррентоне. Конечно, на станции есть ружейный склад, и, я уверен, со всеми видами игрушек, которые мы хотели бы заполучить. Но давайте смотреть правде в глаза, с нашей нынешней горсткой террористов-новичков, по-моему, атака нам пока не по силам.

Кроме медиков большая часть остальных это разный техперсонал, канцелярия, администрация, работники столовой и т.д. Есть небольшой отряд для патрулирования побережья, примерно двенадцать военных полицейских, в основном дорожных. Не думаю, что они доставят нам много хлопот, так как карательные акции против повстанцев не их задача. Хотя, по моим прикидкам, федералы намерены устроить там свой мозговой центр, забором и колючей проволокой, и со всем этим спутниковым и электронным хозяйством, которое у них там находится. Есть вертолётная площадка, и они могут в любое время вызвать подразделение "Морских львов" и всё, что им понадобится. Конечно, если мы когда-нибудь достанем тяжёлое оружие, вроде миномётов и ракет, то сможем отправить им несколько "любовных записок". Скажем, разве те же палестинцы не устраивали самодельными ракетами настоящий ад?

- Русские "Катюши" лучше, если нам когда-нибудь удастся получить их, - заметил Хэтфилд. - А ещё лучше гаубицы. Меня в армии готовили работать и с ними. Но ты прав, до этого ещё далеко. А ФБР, БАТФЕ?

- На данный момент не ближе, чем в Портленде. Я предполагаю, что наши товарищи в городе будут их отслеживать. И те будут связаны. Хотя всё может измениться, когда мы станем проводить операции вдоль северного берега, то тут, то там. Конечно, я не встречался моими коллегами-разведчиками, так как ещё не знаю ни одного из них, но мне кажется, судя по телеку и газетам, что федералы ещё не разработали никакого совместного или единого плана по борьбе с нами. Федералы всё ещё считают каждое нападение Добрармии преступлением, собираются на месте его совершения, снимают отпечатки и так далее. Но крадутся на цыпочках, словно мыши, воруящие сыр, потому что наши ребята, где только могут, ставят мины-ловушки. Оккупанты принимают вооружённое восстание против их государства за ограбление винного магазина. Что у этих ребят вместо мозгов, дерьмо?

- Это долго не продлится, - мрачно успокоил его Хэтфилд. - То небольшое, что ещё осталось от Конституции, будет выброшено на помойку, и скоро на нас опустится железная пята. Ладно, а сейчас моя любимая и самая ожидаемая часть вечера. Как поживает наша местная левая и антифашистская сволочь?

Вошберн ухмыльнулся и вытащил список.

- Это было легко, благодаря публичной библиотеке и прогулке по нашим четырём - пяти левацким книжным магазинам и кафешкам Астории. Вот имена пятидесяти пяти человек. Почти все они из наших трёх округов, те, кто когда-нибудь писал антирасистские письма в редакцию, организовывал левые демонстрации или мероприятия, руководил группами леваков или работал в предвыборной кампании Хиллари Клинтон.

- Конечно, их больше, чем здесь, а? - спросил Экстрем. - В одной Астории за каждым камнем, поди, торчит либеральный дурачок.

- Я удалил повторения в разных списках, - сказал Вошберн. Он вытащил вторую бумагу. - Здесь пидоры и лесбиянки, сто двенадцать человек. Не скажу, что здесь все твари, но чертовски близко. И, наконец, "появляется третий список", сто девятнадцать евреев. Можно мне внести предложение? Мы не будем сжигать эти списки. Надо найти способ увеличить их до размера плаката, а потом, когда мы шлём парочку красных, содомитов или жидков, то начнём развешивать плакаты по городу глухими ночами с вычеркнутыми соответствующими именами. Это психологическая война.

- Спорю, к тому времени как мы уберём десятка полтора этих типов, остальные разбегутся как курицы, - сказал Экстрем.

Тут раздался звук автомобиля, остановившегося снаружи, и свет фар блеснул через трещины в стенах здания склада из гофрированной стали. Зак вытащил свой мощный "Браунинг" калибра 10 мм из кобуры на поясе и снял его с предохранителя.

- Будем надеяться, что это адъютант Бригады. Иначе наша революция может быстро закончиться.

Приехал один Ларри Доннер, оживлённый мужчина лет 30, с рыжеватыми волосами, который был одет в пальто и элегантный костюм с галстуком. Сверкая улыбкой, он пожал руки всем трём мужчинам, и они заметили рукоятку автоматического пистолета в кобуре, пристёгнутой на поясе под пиджаком.

- Рад снова видеть тебя, мистер Уайт.

- Клёвая маскировка, - отметил Хэтфилд. - Ты выглядишь настоящим яппи. (*Яппи - молодой карьерист-горожанин, ведущий здоровый образ жизни, противоположность хиппи - Прим. перев.*)

- Это не маскировка, - ответил Доннер. - Я - страховой агент, что даёт мне право колесить по всему Орегону и Вашингтону в последней модели машины и находиться почти в любом месте и в любое время. На деле я трачу примерно половину своего времени на

заполнение полисов, а половину - на дела армии. И пытаюсь убедить моего босса в компании, что теперь нам надо предлагать клиентам страховки от внутреннего терроризма.

- Это Дэйв Блэк, наш интендант, и Дон Грин - начштаба, - представил Хэтфилд своих товарищей.

Вошберн налил полную пластиковую чашку кофе для вновь прибывшего.

- Сливки или сахар?

- Два кусочка настоящего сахара, если есть, - ответил адъютант. - Вот увидите, в конце концов вы не сможете жить без сахара и кофе при таком роде занятий, и я имею в виду не страхование.

Все уселись в маленьком кабинете.

- Хорошо, лейтенант Уайт, что у тебя для меня?

Следующие полчаса тревожная тройка роты "Г" провела, перечисляя всё, что они только что обсуждали между собой. Может быть, подействовало личное обаяние продавца-агента, но они безоговорочно поверили Доннеру. Всем троим пришло в голову, что Доннер, должно быть, продаёт много страховок.

- Должен сказать, что я впечатлён, - сказал Доннер, когда они закончили. - Вы, ребята, сделали много за очень короткое время. Ладно, раз вы нашли этих потенциальных новобранцев и дали им указания как обученным и готовым действовать добровольцам, нам нужно обдумать ваши первые боевые операции в вашем районе.

- У нас есть некоторые мысли на этот счёт, - сказал Хэтфилд.

- Хорошо, мы сейчас поговорим о них, - сказал Доннер. - Но сначала мне нужно изложить вам политику Совета Армии по выбору целей. Я уверен, что Рэд и Томми уже говорили вам, что мы хотим не просто бегать и косить подряд всех темнолицых, и рассказывали о необходимости держать в уме основные политические цели, к которым мы все стремимся, и так далее, и тому подобное.

- Несколько раз, - кивнул Хэтфилд. - Мы всё поняли.

- Ладно. Как и было сказано, много вашей работы всё равно придётся на "четвёрки", соответственно с общим приказом номер четыре по принудительным действиям. Для посторонних это может *выглядеть*, будто мы просто наугад стреляем небелых, но на самом деле вопрос выбора целей очень сложный. Выбирать цели в первую очередь будет командир роты с помощью начштаба в качестве ответственного за сбор разведанных, но вражескую цель на рассмотрение командира может предложить любой доброволец. Каждая цель, которую мы уничтожаем, живая сила или материальные средства, должна представлять собой какую-то ясную и очевидную ценность для ЗОГ - сионистского оккупационного правительства. (*ЗОГ - принятое на Западе и в России сокращение, по первым буквам от английского названия - Прим. перев.*).

Общественность должна быть способна понять, *почему* мы стреляли в того-то и так-то или взорвали то или это. Как только цель предложена, начштаба готовит технико-экономическое обоснование, включая разведку цели, оценку местности и т.д. В идеале вы не должны начинать операцию, не проведя, во-первых, разведку местности, за исключением "поплавков" - атак с ходу, которых у нас будет немного. Если начштаба докладывает, что атака возможна с минимальным риском для добровольцев или, по крайней мере, с риском, приемлемым соответственно важности цели, то командир организует и проводит щекотку.

- "Щекотку"? - переспросил Вошберн.

- Похоже, это словечко придумали ребята для обозначения атак против ЗОГ, - пояснил Доннер. - Понятия не имею, когда так стали говорить, но "щекотка" уже вошла в словарь Добрармии. Теперь, прежде чем любая ячейка Добрармии будет считаться

боеготовой, она должна иметь список целей в своём районе ответственности. Я вижу, у вас уже есть готовые списки, и должен сказать, что мне нравится ваша идея об их распространении или размещении на видных местах с перечёркнутыми именами устранённых врагов. Это хорошая мысль и хорошее психологическое оружие, которое будет служить цели удаления этих людей из вашего района ответственности с той же пользой, что и сами убийства.

Тактика Добрармии заключается в том, что в момент начала военных действий в любом районе, мы должны *обрушиваться* на эти цели, а не сидеть там, любуясь нашими аккуратными списками. Добрармия всегда должна *бить, бить и бить!* Мы должны держать федералов в растерянности и в неведении, где и когда мы ударим в следующий раз, но они должны понимать, что это будет чертовски скоро. Сейчас они ещё пытаются делать вид, что всё идёт как обычно, и что мы - обыкновенные преступники. Проводят полное изучение места преступления, экспертизу и составляют правовую документацию по каждому случаю нападения.

Мы должны обеспечить чиновников таким числом происшествий, которые до предела затянут обычные процедуры ведения уголовных дел и задержаний, а потом система лопнет от перегрузки, тем самым вынуждая их прибегнуть к грубой силе и государственному терроризму. Помните, что обычные правоохранительные органы в Америке уже настолько завалены обычными преступлениями, связанными с наркотиками, и тысячей и одной проблемой из-за огромного количества людей из Третьего мира, живущих в западном обществе, что во многих областях система едва способна действовать в таких обстоятельствах. Нам нужно, так сказать, наклонить чашу системы, чтобы дела перелились через край. Мы должны бить противника так сильно и часто, чтобы он не выдержал и мог только просто следовать за нами и собирать трупы, которые мы для него оставляем.

- Это мне по нраву, - прорычал Хэтфилд.

- Но всё же установлены некоторые руководящие правила. Несколько очень важных правил, - предостерег Доннер. - Прежде всего - *никаких детей!* Красные и жёлтые, чёрные и белые, далеко *не все они* - ценны пред Господом в будущем. Тем не менее, *никогда* нельзя намеренно убивать детей, и надо стараться давать задний ход, чтобы случайно не навредить ребёнку. Это относится к детям любого цвета.

- Даже к евреям? - спросил Хэтфилд.

- К сожалению, да. Убийцы детей - это худшее из возможных представлений, которое может о нас сложиться в общественном мнении. И одна из тех составляющих, которые могут изменить психологическое равновесие и привести к нашему военному поражению, - твёрдо сказал Доннер.

- А кого считать ребёнком у небелых? - спросил Вошберн.

- До подросткового возраста. Достаточно маленький, чтобы ещё быть привлекательным, - ответил Доннер.

- У гремучих змей детки тоже вырастают в больших змей, - сказал Экстрем. - Те два негра-наркомана, которые ... которые кое-что сделали с членом моей семьи, тоже когда-то были милыми маленькими негритами.

- Это мы с вами понимаем, интендант, - вздохнул Доннер. - Но подавляющее большинство этих бледнолицых дебилов, с разинутым ртом глотающих передачи "Фокс Ньюс", не в состоянии это осознать. И мы должны перевоспитать этих людей или, по крайней мере, нейтрализовать их, а не списывать со счетов и отталкивать. Они могут быть бесполезны сами по себе и для будущего нашей страны, но их гены нужны.

Небелые, как правило, начинают представлять собой угрозу для белого населения в возрасте тринадцати - четырнадцати лет, когда вступают в свою первую банду, выкуривают первую трубку крэка и совершают первую кражу. Если эти небелые достаточно взрослые, с жидкими ушками или заметной грудью, значит, они достаточно выросли, чтобы вредить белым людям, и тогда они – законная добыча. Хотя лично я советовал бы не рисковать, а сосредоточиться на взрослых.

Одним из очевидных исключений будут чёрные или мексиканцы в средней школе, которые не могут отказаться от домогательств к белым девочкам. Мы должны дать ясно понять: с этим дерьмом *отныне покончено!* Но тех, кто моложе, не трогайте. Вспомните 1963 год, когда Ку-клукс-клан взорвал негритянскую церковь в Бирмингеме, которая была политическим штабом и оперативным центром Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и евреев, заправлявших так называемым движением за гражданские права? И тех четырёх маленьких чёрных девчонок, которые оказались не в том месте и не в то время? Либералы *по-прежнему* играют на этом, и тот давний случай стал частью образа, который уничтожил Ку-клукс-клан как серьёзную силу на Юге а, возможно, и позволил всей этой мерзкой системе продержаться следующие три поколения. Мы должны добиться, чтобы у нас на Северо-Западе не случилось никаких бирмингемских церквей.

- Понятно, Ларри, а что с бомбами? - спросил Хэтфилд. - Помнится, одна вещь больше всего вредила Временной ИРА: их кажущаяся неспособность взорвать что-нибудь в Белфасте, не зацепив какую-нибудь несчастную мать с ребёнком в коляске.

- Ну да, эти тупые Пэдди наворотили дерьма вроде расстрела отца на глазах его детей, убийств учителей в классах, полных детишек, и так далее и тому подобное, - с отвращением добавил Доннер. (*Пэдди - прозвище ирландцев - Прим. перев.*). - Чем, ёлки-палки, они *думали?* Признаюсь, для нас самым жутким кошмаром будет, если какой-нибудь белый ребёнок окажется не в том месте не вовремя и погибнет во время одного из наших взрывов. Думаю, все мы можем представить, какое развлечение на крови устроят СМИ из чего-нибудь подобного.

Это одна из причин, почему в каждой бригаде скоро появится обученный и опытный офицер-взрывотехник с военным или техническим образованием, и специальное подразделение сапёров, занимающееся самодельными взрывными устройствами. И у тебя, Зак, рано или поздно будет своя группа по СВУ. И, если ты ещё будешь отвечать за выбор целей и операции, тебе придётся поддерживать очень тесную связь со своим офицером-взрывотехником и позволить ему и его команде отрабатывать всё в деталях. Применение бомб - это по-своему целая область полувойенных навыков.

- Беда в том, что в подобных случаях практически неизбежен так называемый "сопутствующий ущерб", - со вздохом продолжил Доннер. - Соединённые Штаты доказали в Ираке и Иране, да и повсюду, что им, на самом деле, плевать на этот ущерб. Белые, которых они случайно убьют, исчезнут. Любых свидетелей заставят замолчать, от их семей откупятся, а средства массовой информации уберут эти случаи со своих "радаров", как они это сделали в Ираке. Штаты могут позволить себе сопутствующий ущерб, а мы - нет.

Люди будут восхищаться и, в конце концов, поддержат людей, которых они считают смелыми повстанцами, выступающими против продажной тирании и защитниками обездоленных. Но они не будут восторгаться и поддерживать кучку маньяков, которые убивают детей. Ребята, мы создаём спецотдел пропаганды, который среди прочего разрабатывает планы для чрезвычайных обстоятельств и различных несчастных случаев, которые могут случиться в неразберихе войны, но убийства детей - единственное, что мы не можем объяснить или замять. Ради Христа, не устройте нам новый Бирмингем! Работайте

головами, планируйте свои операции и не делайте ничего, что может подвергнуть детей опасности.

- Принято, - подтвердил Хэтфилд.

- Хорошо, второй запрет при выборе целей, - продолжил Доннер. - Христианские священники, служители церкви и, на данное время, сами церковные здания. Позже возможны изменения, в зависимости от того, насколько серьёзной угрозой станут для нас евангелисты и прочие. Евангелисты больше поколения, начиная с первых неоконсерваторов, доказывали, что могут быть мощной политической силой, так как они - единственные, кто до сих пор поддерживает эту безумную бесконечную войну за нефть и за Израиль. Это их продажные проповедники ловко и незаметно переключили внимание своих "овец" с абортотворения и содомии на великий и святой Девятый крестовый поход против ислама. Они - худшие в мире козлы, и вы, конечно, захотите их перестрелять, но сейчас с этим надо немного подождать. Опять же мы должны учитывать низкий уровень политической культуры и сознательности среднего белого америкоса. Мы не хотим создать у людей ощущение, что ведём войну с самим христианством, хотя некоторые наши соратники других убеждений, возможно, и хотели бы этого.

- Слушай, ты прекрасно знаешь, что каждый священник среднего класса и каждый напыщенный трясун-проповедник в трёх округах будут клеймить нас с амвона и на каждой христианской радиостанции, - запротестовал Хэтфилд. - Чёрт, да они уже проклинают нас! Я слушал сегодня "Радио Спасения" из Лонгвью, и какой-то крикун назвал нас учениками дьявола. И как быть с общим приказом номер семь, который запрещает подстрекательство против Республики или её вооружённых сил и публичное выражение сочувствия и поддержки врагу?

- Когда какой-нибудь проповедник действительно выйдет за рамки, нанесите ему визит и переломайте кости, - ответил Доннер. - При виде одного из своих братьев, который сидит в инвалидной коляске в бинтах и ест через трубку, остальные сразу всё поймут. Так уже бывало в Айдахо и некоторых других местах, и ячейки оттуда докладывают, что действительно меняет поведение духовенства. Ребята в Кёр д'Ален уже заставили закрыться один христианский кабельный канал, и для этого им не пришлось никого убивать. Иногда бейсбольная бита говорит громче, чем ствол. Сейчас, если у вас действительно вопиющий случай, когда проповедник участвует в активной пропаганде или в чём-то подобном, и мы просто не можем позволить ему продолжать, сообщите о вашем случае в Бригаду и получите "добро", прежде чем напасть на него. Не забывайте, что для многих бедных белых церковь остаётся важной частью их жизни. И мы не хотим, чтобы они считали нас дьяволопоклонниками, которые собираются принести в жертву своих детей Молоху, и верили в тому подобное дерьмо. Помните, что мы должны добиться здесь молчаливой поддержки большинства белого населения, *по крайней мере*, в той степени, чтобы они не стучали на нас и добровольно не сотрудничали с оккупантами.

- Понятно, - подтвердил Хэтфилд.

Доннер продолжил:

- Теперь, третий запрет, и опять же он может измениться в будущем. На данный момент среди мишеней нет авиакомпаний, аэропортов и гражданских пассажирских самолётов. По этому вопросу в Совете Армии шли жаркие споры, и он время от времени будет рассматриваться снова. Даже с теми немногими людьми, что у нас есть, мы могли бы остановить гражданский воздушный транспорт страны и почти прикрыть всю лавочку, поэтому очень соблазнительно использовать этот способ как предпоследнее оружие, но на данный момент, мы не намерены этого делать. По трём основным причинам.

Доннер показал на пальцах.

- Во-первых, федералы понимают, как они уязвимы, и насколько сильно их империя зависит от авиаперевозок. Они сходят с ума, громоздя во всех крупных аэропортах страны всё более сложные системы безопасности, невиданные со времени после теракта 11 сентября, то есть безопасность стоит им многие миллионы долларов ежемесячно. Это и пропускание авиапассажиров через все проверки, с длинными очередями, навязчивыми обысками и задержками рейсов, и личный досмотр привлекательных белых женщин охранниками из стран третьего мира, и требование прибытия в аэропорт за пять часов до времени вылета из-за всей этой фигни, через которую должны пройти пассажиры, ну, вы поняли.

Пока наши ребята из отдела психологической войны считают, что народ винит в этом режим и его неуклюжих работников охраны, в большинстве небелых. Но не нас. Взорви мы несколько авиалайнеров в небе, и люди обвинят нас. А мы хотим, чтобы их бесили федеральные органы, отвечающие за безопасность, и их сотрудники-эмигранты служб в аэропортах, а не Добрармия. Все эти меры федералов уже поднимают своего рода экономические ударные волны, которые ведут к падению прибылей и потере работы теми белыми, у которых она ещё есть, лишают их надежд на будущее. Соединённые Штаты Америки уже находятся в плохом состоянии. И мы хотим, чтобы это состояние продолжало ухудшаться, но немного дольше и медленнее, чем в случае, если мы закроем все аэропорты и вызовем массовый обвал, в котором действительно могут обвинить нас.

Во-вторых, возможный сопутствующий ущерб и гибель невинных белых, если мы собьём авиалайнер, являются неприемлемыми, особенно если на взлёте из аэропорта Сиэтл-Такома самолёт врежется в школу или больницу, или натворит ещё каких-нибудь подобных ужасов. Мы не можем рисковать получить обратный эффект от такой пропаганды. Наконец, хотите верьте, хотите нет, но Совет Армии и Партия сохраняют некоторые надежды на иностранную помощь или хотя бы тихий сговор, в частности, на Россию, Францию и Японию, да и на мусульманский мир, хотя тут нужно сработать очень тонко. Все серьёзные правительства во всём мире опасаются связываться с теми, кто взрывает пассажирские самолёты. Все слишком уязвимы на этом фронте и имеют горький опыт отношений с чокнутыми угонщиками и фанатиками, которые творят такие дела. Это считается крупным международным промахом. Значит, в настоящее время вы держитесь подальше от аэропортов.

- А как насчёт военных самолётов? - спросил Хэтфилд.

- Самолёты и вертолёты военных и полиции или принадлежащие СМИ - законные цели, - ответил Доннер. - Любой самолёт с крупным политиком или действительным врагом на борту - законная добыча. Сбивайте этих козлов с неба или уничтожайте на земле, когда можете. Было бы хорошо сделать это, просто чтобы напомнить ЗОГ, на что мы способны, если нами движет боевой дух. Только ради Бога, не сбейте самолёт над жилым районом, где он может врезаться в вышеупомянутую школу или больницу.

- Так кого ж нам *можно* бить? - спросил Вошберн. - Я имею в виду цели помимо общего приказа номер четыре, по "вывозу мусора"?

- Очевидные цели - расово смешанные пары и педерасты. *Кончаем* это дерьмо! И *немедленно!* Хватит! Узнавайте, где эти твари живут, стреляйте и выжигайте их, только убедитесь, что не убьёте каких-нибудь милых маленьких мулатиков.

- А они будут в 6-ти часовых новостях плакать по своим мамочке с папочкой, - угрюмо проворчал Экстрем.

- Да, первые несколько раз, но мы также тихо поговорим с телевизионщиками, и они после пары трещин в черепахах, научатся не крутить эту ерунду,- ответил Доннер.

- И кто ещё в нашем хит-параде? - спросил Вошберн.

- По существу, мы валим всех, кто является неотъемлемой частью поддержания федеральной власти на Северо-Западе. Начните с адвокатов, судей и всех тех, кто связан с судами. Крайне важно, чтобы суд врага и его судебная система немедленно прекратили работу. Впредь суды не должны заседать, разве только за бетонными стенами Бремера, да и даже там недолго, пока мы до них как-нибудь не доберёмся. Эти суды не будут судить ни нас, ни кого-нибудь ещё.

Суды больше не являются законными, и правительство, которое они обслуживают, больше не правит на нашей земле. Мы - власть. Если кто-то в обществе действительно вызывает проблемы с наркотиками или плохо ведёт себя, им займётся Добрармия, а не американский закон и не американские суды. Все адвокаты считаются чиновниками суда, а суд является иностранным агентом оккупационной власти. Следовательно, все адвокаты - законные военные цели. Все судьи немедленно уходят в отставку и покидают Родину, или они будут уничтожены. Таким способом мы заставим врага отказаться от военных трибуналов или произвольного заключения в тюрьму без суда и следствия.

- Это будет сделано в любом случае, - заметил Хэтфилд. - Но я хочу побольше услышать о проклятых левацких СМИ.

- Персонал СМИ - гораздо более тонкое дело, - пояснил Доннер. - Мы должны не только обезвредить их как врагов, но и обязаны использовать в собственных целях, независимо от их нежелания. Мы можем добиться этого, наказав несколько их слишком рьяных коллег, но, позволив остальным продолжать работать до тех пор, пока они сохраняют непредвзятость в своих передачах или сообщениях. Например, они обязаны передавать пресс-релизы и заявления федерального правительства, что ж, прекрасно. Но они также передадут заявления Добрармии, дословно, и сделают это с обычным выражением лиц и без неподобающих замечаний.

Они предоставят нам такое же эфирное время и воздержатся от любых ехидных посторонних замечаний или манипуляций с новостями. Да, кстати, они не будут использовать выражение "террористы". Они могут называть нас Добрармией, добровольцами Северо-Запада, белыми сепаратистами или даже бунтовщиками, но "террорист" – слово, придуманное для нас ЗОГ, и средства массовой информации должны его избегать. Не за пределами возможностей и установление специальных отношений с некоторыми дамами и господами из "четвёртой власти". Надежда получить Пулитцеровскую премию за репортаж с передовой линии "войны с внутренним терроризмом" может очень заинтересовать этих существ.

- А что за "поплавки" ты упоминал? - спросил Хэтфилд.

- "Поплавки" - самые опасные из всех операций Добрармии, потому что они более-менее стихийные и неплановые, - объяснил Доннер. - Это - свободная охота, когда несколько ребят с оружием наизготовку грузятся на пару машин и ездят по району, пытаются найти кого-нибудь, чтобы подстрелить. Недостатки "поплавков" очевидны: есть вероятность столкнуться с более сильным противником, застрять в пробке с полицейскими на хвосте и тому подобное. Но это ценный тактический приём по той же самой причине. Враг не знает, когда и где мы ударим. Когда вы, ребята, сделаете здесь несколько отметок на своём оружии, большая часть ваших целей, люди из этих списков сбегут из вашего района или залегут на дно, а у большинства неподвижных целей появится хорошая охрана и защита.

В таких районах, как ваш, большинство возможных целей находится в городе близко друг к другу. Их не так много, и противник может понять, кого и как мы собираемся шлёпнуть, а затем принять меры предосторожности и устроить неприятный сюрприз для любого появившегося добровольца. "Поплавки" вводят переменную, которую враг не может предсказать. Они будут особенно ценны для ваших усилий по выдворению лиц, подпадающих под общий приказ номер четыре. Как часто все мы ездили по улицам, видели расово смешанную пару и хотели уничтожить этих подонков? Ну, теперь у вас есть шанс.

- Для "поплавок" нет жёстко установленных правил, - продолжил Доннер. - У вас, ребята, здесь, в большом северном лесу будет более независимое командование, чем у наших городских ячеек, и вы сможете во многом "играть на слух". Основное правило действий в настоящее время состоит в том, что мы не должны позволять врагу делать вид, что всё идёт, как обычно, что они по-прежнему закон, а мы - какие-то преступники. С момента провозглашения Декларации независимости Северо-Запада в Кёр д'Ален, с того вечера, когда Старик зачитал по ТВ обращение к миру, *мы - закон*, и *мы - законная власть*. Это они - преступники и нарушители. Будьте хорошими полицейскими республики и вышибайте их, ребята. О'кей, лейтенант, ты сказал, что у вас есть некоторые мысли по вашей первой цели?

- Нам нужны деньги, и мы прокручиваем идею, начать работу с потрошения ночных магазинов с цветными владельцами, - начал Зак. - Входим, всаживаем пулю в косоглазого или пакистанца за прилавком, очищаем кассу и сваливаем. Но мне это не по душе. Деньги нужны, но ведь обычные люди будут смотреть на нас как на бешеных налётчиков, а не революционеров. Ты же знаешь старую поговорку, что первое впечатление самое важное.

- Хорошо, - одобрил Доннер. - Вы хорошо это продумываете.

- Потом оказалось, что у нас появилась прекрасная возможность, - сказал Хэтфилд, вытаскивая экземпляр "*Дейли Асториян*". И указал на статью под заголовком "РУКА ПОМОЩИ ПРОТИВ РАСОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В СИСАЙД".

- Ты помнишь семью чёрных по фамилии Чамблис, которым наши ребята устроили поджог в Портленде с месяц назад? Сам Чамблис - это какой-то выдвинутый по разнарядке негр в шляпе и костюме с громким титулом и зарплатой в сто тысяч зелёных в год, который купил себе хороший большой особняк в одной богатенькой охраняемой общине белых.

- А, ну да, - сказал Доннер, взглянув на статью. - На самом деле, это была не сама Добрармия. Подожгли местные белые дети, которые использовали неустойчивую политическую ситуацию. Два подростка-павиана Чамблис плохо вели себя. Эти негритосы пытались ухаживать за сестрами белых ребят, давая им покурить травки, приводили своих дружков из шайки, которые чванились и толкались в бассейне клуба, включали свой ревуший хип-хоп в любое время, словом обычное дерьмо конгоидов. И маленькие белые дети нахватались вшей, играя с негритянскими отпрысками. После этого наши подростки подожгли дом этих чёрных придурков и написали "Добрармия" на соседней стене. Всё-таки мы были рады высокой оценке и связались с парнишкой, который был заводилой в разжигании костра. Он подаёт надежды.

- Ты знаешь, где эти толстогубые сейчас устроились: в прекрасном пляжном доме в Сисайд? Дышат чистым океанским воздухом и разгуливают в безмятежной, нерасистской атмосфере замечательно либерального округа Клэтсоп, который просто купается в терпимости, многообразии и братстве. И где все мы, беляки, просто любим их до смерти, отбиваем чечётку и расшаркиваемся перед ними? - с усмешкой спросил Зак.

- Мда, я знаю, - сухо сказал Доннер. - Я также вижу на этом снимке тот самый тип милой маленькой негритоски без переднего зуба и с лентами в косе, которых я только что

просил вас временно оставить в покое. Представляю себе эту картинку жертвы злобного безжалостного расистского насилия, показанную всей стране и коллективное "Ой!", которое выкрикнут люди, в головах которых полная каша. Бирмингем, помните?

- Нет, ты не понял, я не предлагаю убивать самих этих негритосов, - сказал Хэтфилд.
- Читай дальше.

- Хм ....., - Доннер поджал губы. - Здесь говорится, что г-н Джейкоб Голдман и его супруга на неопределённое время предоставили свой личный пляжный дом этим бедным афро-американским беженцам от расистского фашистского террора, и г-жа Ирэн Голдман сказала нам, что, по её мнению, Орегон нуждается в ещё большем разнообразии перед лицом растущей угрозы со стороны нас, злобных белых. Парочка живёт где-то здесь?

- В большом викторианском особняке на холме в Астории, - подсказал Хэтфилд. - Голдман вышел на пенсию из какого-то торгового банка в Нью-Йорке, он - важная шишка в местной Демократической партии и известный активист "АДЛ", а жена руководит самой престижной художественной галереей в городе. ("*АДЛ*" - *Антиклевветническая лига - расистская еврейская организация, в действительности клеветующая на любых противников сионизма и еврейской мафии в США и мире.* - Прим. перев.). Они - богатые жертвователи на все известные еврейские и либеральные благотворительные мероприятия, в том числе на проведение ежегодного ужина фонда "Еврейские облигации" в "Элиот Хаус". Голдманы в самом деле тесно связаны с местными евангелистами, и те, конечно, валяются у их ног и обожают как представителей богоизбранного народа. Я не могу придумать ничего для открытия хит-парада, что лучше, громче и яснее заявит о наших целях и намерениях. Что дни Голдманов и их сородичей на Северо-Западе сочтены.

Доннер посмотрел кругом, губы скривились в мрачной улыбке, он поднял руку и чиркнул пальцем по горлу.

- Будет сделано, - мрачно кивнул Хэтфилд.

- Когда? - спросил Доннер.

- Дайте нам ещё несколько недель. Я хочу особо поздравить Голдманов с днём святого Валентина, - усмехнулся Хэтфилд.

- О'кей, это очень хорошо вписывается в ещё кое-какое дело, - сказал Доннер. - У Бригады есть стратегическая цель, и нам нужна ваша помощь. Если вы следите за новостями, то я уверен, вы уже знаете, что и Первая и Вторая портлендские бригады начинают наносить регулярные удары. Мы уничтожили нескольких чёрных, косоглазых и мексиканцев, и город уже начинает заметно белеть. Кроме того, мы убрали несколько полицейских в Портленде, в основном чёрного и коричневого цвета, и взорвали пару целей, в основном корейские магазины, мемориал Холокоста и подобную мелочь.

Но одного мы ещё не смогли: шлёпнуть кого-нибудь из ФБР или министерства внутренней безопасности. Наши друзья в шелковых костюмах стали из-за нас беспокойными и адски осторожными. Они знают, что на них охотятся. Укрепили федеральные здания на юго-западе Третьей-стрит и все офисы и объекты, которыми пользуются. Создали целую огромную зелёную зону в Центре юстиции, окружённую бетонными блоками - стенами Бремера, колючей проволокой и всеми электронными устройствами безопасности, известными человеку, а также целой армией полицейских и федеральной охраной. Теперь даже для того, чтобы подняться наверх, нужен тройной допуск безопасности. Большинство агентов ФБР отправили свои семьи из города, а в большинстве случаев - и вообще с Северо-Запада. Они заняли отель "Холидей Инн" в центре в основном для своих сотрудников, и возят их на работу и с работы в бронированных автобусах. Те, кто до сих пор живёт в

собственных домах, теперь ездят в бронированных автомобилях, меняют маршруты поездок в офис и обратно и т.д. и т.п.

Думаю, эти придурки кой-чему научились в Ираке. Мы подобрались достаточно близко, чтобы дать по ним издали несколько очередей, но ни в кого не попали. Это дало говнюкам пищу для размышлений, и они стали ещё более нервными, но мы пока не смогли пристрелить кого-нибудь из них. Дело в том, что в городе их трудно обнаружить и выследить. Мы знаем некоторых из них, но не всех, а они начали везде менять своих агентов каждые два месяца, так что появилось много неизвестных нам людей. Наша цель - усилить давление на ФБР или федеральных маршалов, выманить некоторых из них и заставить поехать в один из наших небольших городков или на какую-нибудь сельскую дорогу, где они будут торчать, как памятники, и мы сможем спокойно их пристрелить.

- Убийство двух видных левых либералов-евреев в Астории, по-моему, наверняка тянет на преступление ненависти, - сказал Хэтфилд. - Фэбээровцы просто обязаны расследовать подобные случаи, разве не так? Разве синие шишки, в особенности в нашем округе не завоюют, как привидения, требуя немедленных действий? (*"Синие штаты" на политической карте США - Орегон, Вашингтон, Калифорния, Массачусетс, Нью-Йорк и др. - где преобладают избиратели-демократы - Прим. перев.*).

- Я думаю, что ФБР должно понимать, что их отсутствие на сцене будет очень скверным знаком с политической точки зрения, особенно после того, как Бюро отбоярилось от вашего убийства этих двух сук-лесбиянок. Если фэбээровцев не будет на месте второго двойного убийства, то все поймут, что они нас боятся, - согласился Доннер. - Они, конечно, боятся, но не хотят, чтобы это было *замечено*. Ладно, после нападения вам нужен кто-то, чтобы следить за конторой местного шерифа, местом нападения и входом на станцию Береговой охраны, куда, видимо, они сбегут на ночь и, возможно, даже оборудуют свой центр управления, хотя могут и доверить отделу местного шерифа, чтобы действовать из его конторы. Идея состоит в том, чтобы узнать имена фэбээровцев, если это возможно, но особенно их описания и машины, на которые они ездят. Я думаю, что они слишком прогремели, чтобы остановиться в местном мотеле, но трудно сказать. Когда вы получите признание за первое устранение Голдманов, вам необходимо заявить, что вы - рота "Г" Первой портлендской бригады. Может быть, это достаточно сойдёт с толку ФБР, и они подумают, что вы ушли из города, а в Добрармии нет никого из местных, кто их должен волновать.

- Думаю, когда у нас будет кое-кто в департаменте шерифа, он сообщит нам, что происходит, - заговорил Экстрем.

- Ты уверен? - спросил Доннер.

- Не совсем, но думаю, что да, - ответил отец Кристины.

- Мне не нужно знать, кто, - предупредил Доннер. - Особенно такой ценный человек. Просто надо быть очень, очень уверенным. Во всяком случае, когда вы получите наводку на них, это, вероятно, должно быть исполнено, как "поплавок". У вас не будет возможности заложить бомбу или мину-ловушку, вам придётся брать их на лету, сесть на хвост и пристрелить как на охоте. Как думаете, сможете справиться с этим? Хотите, я пришлю сюда пару парней из Портленда? У нас есть несколько первоклассных бойцов, знающих Город роз.

- По-моему, открывается хорошая возможность для Локхарта "Кошкин Глаз" впервые сработать на Добрармию, - сказал Хэтфилд. - Я сам буду его водителем и наводчиком.

- Согласен, - довольно кивнул Доннер. - Теперь, несколько слов о самой ликвидации Голдманов. Мы накопили достаточный опыт в Портленде и в других местах, поэтому я могу дать вам несколько советов. Во-первых, попытайтесь по возможности уложить их на улице. Помните, нам следует ожидать полной судебной экспертизы и остальных процедур, а при убийстве в помещении на месте происшествия всегда остаётся больше улик. Если вам придётся врываться в дом или ещё куда-то, надевайте перчатки, конечно, одноразовые резиновые, - интендант, их необходимо иметь в запасе, - но на месте преступления в закрытом помещении всегда больше вероятность как-нибудь оставить отпечатки пальцев. Всегда проверяйте, что перчатки после операции уничтожены, потому что можно снимать отпечатки пальцев с внутренней стороны перчаток. Каждый раз, заходя в помещение, вы всегда приносите что-то извне, достаточно грязи на обуви, чтобы оставить отпечаток и тому подобное. Теперь, мистер Блэк, вы упомянули, что среди всего этого оружия, что вы достали, есть несколько дешёвых пистолетов? С "субботних распродаж"? Калибры 7,65 мм, 5,6 мм, 9 мм с, 9 мм худшего качества, бразильские подделки и так далее?

- Десятки, - подтвердил Экстрем.

- Хорошо, в Бригаде просили меня взять у вас несколько штук. Вы не поверите, но нам нужно их больше, чем многих более серьёзных штуквин, по крайней мере, на некоторое время. Мы называем их "э-средства" - средства для экзекуции. Пистолеты ближнего боя для убийств и грязных мокрых дел на улице, которые можно выбросить после операции, не теряя действительно ценных мощных пушек, которые позднее могут понадобиться в перестрелках. Большая часть наших операций проводится как гангстерские убийства. Приблизиться, два в голову, для уверенности, что пациент мёртв. Убедитесь, что видите мозги, буквально, как я говорю. Потом делайте оттуда ноги и избавляйтесь от оружия.

- Пали и вали, - подсказал Вошберн.

- Совершенно точно.

Доннер подвинулся к присутствующим.

- Господа, я должен сказать вам ещё кое-что, и полагаю, что для этого самое время. В общем, то, о чём мы говорили сегодня вечером, звучит очень скверно и жестоко. И это *действительно* плохо и жестоко, но пусть будет совершенно ясно: это единственный способ, которым можно изменить общество и гнусный мир, в котором мы выросли.

Мы живём в системе, которая специально предназначена для недопущения изменений. ЗОГ превратил нашу страну в одну огромную стальную клетку, чтобы как скот держать в ней нас и наших детей всю жизнь, пока нас нельзя будет больше доить или стричь. А потом, когда мы постареем и больше не сможем приносить прибыль нашим хозяевам, нас выбросят, как пустые банки из-под пива.

Америка лишила белых людей всех надежд и украла у них будущее. Она отбирает наших сыновей, чтобы их убивали в Ираке и Иране. Умы наших детей отравляют и превращают их в тупых белых негров - виггеров, вырастающих толстыми и ленивыми на быстрой еде и компьютерных играх. Они становятся отребьем из-за наркотиков и хип-хопа, наши дочери дарят нам внуков-мулатов, а нашим старикам вводят яд и убивают их или просто оставляют умирать без помощи, потому что те стали экономически бесполезными.

Тирания, при которой мы живём, иногда ещё может действовать в бархатных перчатках, но на деле она невообразимо зла и жестока, и только ещё большее насилие и жестокость приведёт к её падению. Таким был выбор тиранов. Не мы, а они начали так действовать. Вы должны понять, что для того, чтобы завоевать свободу, мы - добровольцы Северо-Запада - вынуждены стать суровыми, очень суровыми людьми. Самыми суровыми из

всех, кого когда-нибудь знала история, потому что твёрдость духа - один из немногих видов оружия, который мы можем обратить против невероятно могущественного врага, у которого на руках все козыри. Сострадание и милосердие прекрасны, но это роскошь, которая возможна только в мире, достойном в своей основе, а этот мир не таков.

Вы вступаете на путь, который станет безмерно страшным, но наши отцы и деды взвалили его на наши плечи. У нас нет права передать такой мир своим детям, потому что мы - последнее поколение, которое получило возможность сделать что-то со всем этим наследством. Сможете ли вы стать такими твёрдыми и жестокими людьми, какими вы должны быть для того, чтобы передать своим потомкам мир, на который они имеют право?

Леннарт Экстрем подумал об обезображенном теле дочери, её слезах и криках ужаса по ночам. И ответил:

- Это будет нетрудно, сэр".

Глава IV

Вечер святого Валентина

*Я, Джессика, сегодня зван на ужин...
Но стоит ли идти? Зовёт не дружба - лесть.
Но я пойду из ненависти, и буду есть:
Пусть платит мот-христианин...
Да, лучше б не ходить мне.
Грозит несчастье моему покою:
Всю ночь мешки с дукалами мне снились.*

Венецианский купец – Акт II, Сцена 5

Вечером 7 февраля весь личный состав роты "Г" собрался вместе в домике клуба "Киванис", за исключением Джерри Лундгаарда и Кристины Экстрем, которых Хэтфилд решил полностью держать в тени и насколько возможно засекретить. Кроме первоначальной тревожной тройки в пляжном домике присутствовали три новых добровольца. Тони Кампизи, невысокий коренастый мужчина лет тридцати пяти, водитель грузовика одной немногих местных лесозаготовительных фирм, которые ещё работали. Пришёл и Ли Вошберн, младший брат Чарли. Ли, более стройный и мрачный по сравнению с братом, как и Зак, был вынужден работать через агентства временного найма и брался за любую работу, которую мог найти, получая ужасающе низкую недельную зарплату. Пришёл и Джесси Локхарт "Кошкин Глаз", молодой мужчина лет тридцати, с длинными растрёпанными каштановыми волосами, худощавый и привлекательный, со слегка диковатым выражением небритого лица и налитыми кровью глазами, но трезвый и нетерпеливый. "Я капли в рот не взял после нашего разговора, Зак", - клялся он Хэтфилду, и тот ему верил.

- Кажется, мы ещё никогда не встречались в таком числе в одно время в одном месте, - сказал Зак. - Дело такое, что все вы должны быть здесь. Кот, держись у окна, слушай и смотри во все глаза за любым движением на улице или какими-нибудь признаками приближающейся машины. Ты вооружён?

Локхарт вытащил из из-под куртки револьвер "Магнум" калибра 9 мм.

- Хорошо, перейдём к делу.

Все, кроме Локхарта, сели за стол. Теперь пришла очередь Экстрема наливать всем обязательные чашки с растворимым кофе. Доннер оказался прав, и все они начали жить на кофе.

- Похоже, первое задание роты "Г" будет сногшибательным, и нам дали неделю для проработки всех его деталей, - радостно объявил присутствующим Хэтфилд. - Мы хотим в течение 24 часов провести два крупных устранения, причём второе вытекает из первого. Это значит, что мы должны так спланировать и совершить убийство Голдманов, чтобы у нас появилась возможность ударить по фэбээровцам. Я думал об этом и считаю, что лучшим местом для удара по ФБР было бы то же самое место, где мы шлём Джейка с Ирэн. Я основываю всё на предположении, что фэбээровцы, если они действительно появятся для расследования этого отвратительного и чудовищного преступления ненависти, будут вынуждены, по крайней мере, для вида показаться на самом месте преступления и изобразить из себя Шерлока Холмса, ищущего улики и собак, которые не залаяли ночью. Думаю, что лучше напасть на агентов в этом же месте, а не пытаться сделать что-нибудь на

станции Береговой охраны, если они покажутся там, у здания суда или у офиса шерифа в центре города и тому подобное. Астория - город девятнадцатого века, приспособленный для лошадей и фургонов, а не для машин. Улицы узкие и заполнены народом. Бегство из этого замкнутого пространства было бы довольно рискованным делом, особенно в дневное время, и ещё я думаю, что атака у здания врага или его объекта пока всё же не в наших возможностях.

Я хочу "сделать" Голдманов лично и с близкого расстояния, из пистолетов, так чтобы ФБР и полиция не заподозрили, что на нашей стороне есть кто-то уровня добровольца Локхарта и с его авторитетом. Мы познакомим их с нашим мальчиком на более крупной дичи, чем пара евреев. Джесс, поэтому я против твоего участия в этом первом задании. Когда эти фибы будут здесь, я не хочу, чтобы они заподозрили, что за ними следит снайпер, и, по крайней мере, не приняли дополнительных мер предосторожности. (*Фиб (feeb) – игра слов; слово означает и агента ФБР и кретина, тупицу, идиота - Прим. перев.*).

Это значит, что мы должны заделать этих жидов на улице, на месте с множеством огневых позиций вокруг него, которое позднее станет ареной для отчаянной стрельбы Кота, скорее всего днём. Наши ребята пару раз стреляли по фибам с дальнего расстояния в Портленде, но, по возможности, я хочу, чтобы агенты думали, что здесь они в большей безопасности и немного ослабили бдительность.

- А почему не поставить блямбу Голдманам у их дома? - спросил Ли Вошберн.

- Да, это одна из возможностей, - согласился Зак. - Хотя это жилой район, поэтому нам придётся где-то ждать, а любопытные соседи всегда могут выглянуть в окна и увидеть, что не должны. К тому же, мы должны где-то оставить машины, и растёт вероятность, что их заметит и запомнит какая-нибудь старушонка с собачонкой и т.п. Я предполагаю, что давно женатые супруги в День святого Валентина, скорее всего, пойдут на ужин, поэтому мы должны выяснить, куда они собираются, и, по возможности, уложить их на этом месте. Эти модные бары яппи в центре затруднят отход. Если дело дойдёт до этого, даже ночью гонка по здешним узким улочкам, коротким кварталам и перекрёсткам с плохой видимостью будет сложной. В конечном счёте, мы будем работать в центре, поэтому надо придумать способ обойти эту полосу препятствий, но пока в этом нет нужды. Кажется, наш славный начштаба добился первого крупного успеха в разведке.

- И мы знаем, куда они пойдут? - взволнованно воскликнул Кампизи.

- В ресторанчик "Риголетто" на набережной, 39-я стрит, места заказаны на 14 февраля в 8 вечера, - ответил Хэтфилд. - Тебе слово, Чарли.

- Удивительно, как можно собирать сведения о других людях, просто сидя и внимательно слушая, - усмехнулся Чарли.

- Каждый из нас должен это проделывать, и постоянно, - вставил Хэтфилд.

- Нам чертовски повезло, и я ничего не собирал и не делал, а просто оказался в нужном месте в нужное время, держа ушки на макушке, - рассказал Чарли. - В последнюю пару месяцев меня перевели на склад "Трудового корпуса" в Танг Пойнт. Вместо того чтобы заниматься делом в Службе лесного хозяйства и находиться в лесах, помогая матери-природе, теперь моя задача в жизни попытаться познакомить "трудную" городскую молодёжь с жизнью в лесу. Рассказать им кое что о лесной промышленности, научить азам работы с деревом, сортировке, установке чокера и умению не отрезать цепной пилой собственную ногу.

Можете догадаться какие у меня так называемые ученики, включая милых молодых бандитов и насильников из Портленда, которых я тоже хочу предложить в качестве подходящих целей, если они пробудут здесь ещё пару недель. В моей группе, кажется,

четверо белых ребят. Потом около десятка мекскрементов, которые не говорят по-английски. Они пролезли в программу благодаря любезности целлюлозно-бумажного концерна "Боуотер энд Каскейд Пейпа", которому нужно бесплатно обучать для себя дешёвую рабсилу. И ещё пара молодых ниггеров из Портленда, которые исчезают в лесу и почти всё время курят "травку". Конечно, всё оплачивается из налогов.

- Похоже, что наш список целей разрастается, - заметил Экстрем.

- Ну да, - уверенно кивнул Чарли. - В любом случае, штат также нанял за счёт налогоплательщиков несколько так называемых профессиональных консультантов, в основном юрких мексиканок, лезущих в яппи, из какого-то дешёвого колледжа в Портленде. Мексы появляются в деловых костюмчиках, юбках и блузках, с портфелями для документов, в которых нет ничего, кроме косметики и обеда, и выступают в качестве так называемых помощников в общении, а попросту - переводчиков с испанского. Мне пришлось немного выучить испанский в армии США после вторжения в Венесуэлу, но я никогда не говорил по-испански с этими женщинами или с так называемыми студентами, а они или не знают, что я "*абламос эспанель*", или же им это по барабану. Одна из этих девушек, Кончита Рамос, видимо, знакома с Кайлом Вопнером, владельцем и управляющим рестораника "Риголетто".

- Я был там разок, - вспомнил Экстрем. - Взял туда мою Еву поужинать и, к несчастью, когда мы уже сели за столик, увидел цены в меню. Максимум, на что хватило денег на моей карточке "Виза", был салат и пара бутербродов.

- Это *тре шик* "водопой" для нашей демократической элиты, понятно, - подтвердил Хэтфилд (*Тре шик – сверхшикарный по-французски. - Прим. перев.*). - Одно из тех мест, где, если ты вынужден спрашивать цену чего-нибудь, значит, не можешь этого себе позволить.

- Ну да, - продолжил Чарли. - Вопнер формально не входит в наш список евреев, хотя его имя вызывает у меня подозрения, но он включён в список либеральной швали. Вопнер лебезит перед Голдманами и их соплеменниками, вероятно, потому, что зарабатывает на них. Я бы сказал, что он сам - будущий кандидат хит-парада как расовый смеситель, потому что он явно любит горячих "тамалес" (*Тамале - красотка-латиноамериканка. - Прим. перев.*). Он забросил удочку Кончите и, видно, она клюнула. И хвасталась новыми часами и шикарными новыми тряпками, которые, похоже, он и купил ей, да и девки много хихикали и болтали по-испански.

Ладно, вернёмся к делу: на днях сижу я в комнате отдыха и обедаю, а Кончита с другими девушками - за другим столом. Для них я просто ещё один гринго средних лет с толстым брюхом, а нас теперь не замечают. Сомневаюсь, что они даже обратили на меня внимание, или им пришло в голову, что я могу понять, о чём они говорят. Я послушал и узнал кучу сплетен и новостей. Похоже, Вопнер не говорит по-испански, поэтому он попросил Кончиту изложить работникам своей кухни и службе свою вечернюю программу на праздник святого Валентина. Большая её часть была посвящена Голдманам. Парочке предоставляется отдельный зал, и, обратите внимание, что они не намерены заказывать блюда из обычного меню.

Голдман заказал специальный ужин на двоих из десяти кошерных блюд, который доставят самолётом, заметьте, из какого-то стильного ресторана в Иерусалиме. Эти особые блюда планируется доставить из Израиля чартерным самолётом "Лир джет" и далее вертолётном из Портленда в наш маленький аэропорт, а затем примчать на такси в ресторан. Здесь Вопнер быстро разогреет еду в своих печах и микроволновке, которые равнин по этому случаю сделал кошерными, и подаст угощение счастливым жидкам. Ну и все декорации, кошерное вино, закуски и много чего ещё, а весь зал уставят букетами роз.

Общая стоимость этого показушного вечера, включая кругленькую сумму самому Вопнеру за использование его ресторана и позволение не есть ту же пищу, что для богатых гоев, больше 60 тысяч долларов.

- Мать Божья! - ахнул Кампизи.

- Слушай, ты когда-нибудь был на обряде бармицва у богатого еврея? - с брезгливым видом спросил Хэтфилд. - Среди *хофюден* (*богатых евреев* – Прим.перев.) не редкость, когда они арендуют целые стадионы и тратят сотни тысяч на знаменитых комиков, экзотические угощения и напитки, и всякое странное дерьмо, вроде поездки мальчика, проходящего бармицву, на слонёнке. Евреи - мастера показухи.

- Я никогда в жизни не видел 60 тысяч долларов за раз, - зло произнёс Кампизи. - Моя семья может позволить себе мясо лишь дважды в неделю, и это притом, что мы с женой работаем. Мои мальчишки никогда не переступят порог колледжа, потому что у них белая кожа, да и девочек мы не сможем туда послать. Мой отец умер в прошлом году, потому что мы не смогли собрать несколько тысяч долларов на оплату медицинских услуг, и грёбаная клиника нам отказала. Они сказали, что мы вдвоём зарабатываем слишком много, чтобы воспользоваться их программой для бедных. И мать скоро уйдёт к отцу, потому что мы не можем покупать ей лекарства. А если мы сдадим мать в государственный дом для престарелых, то какой-нибудь врач-пакистанец решит, что она живёт слишком долго и сделает ей смертельный укол по закону о качестве жизни пожилых граждан. И вот эти жидовские морды тратят шестьдесят штук баксов на один романтический вечер, ой-вей?! За одно это они заслуживают смерти!

- Хочешь быть вторым в этой операции? - спокойно спросил Хэтфилд. - Нам нужен второй стрелок.

- Я готов, - сказал Тони.

- Хорошо, - заметил Хэтфилд. - С такими новыми сведениями мы составим прекрасный план обоих нападений. Ресторан "Риголетто" расположен на старой площадке консервного завода над рекой в конце 39-й стрит. Я обошёл его днём, и с учётом кривизны подъезда к набережной намерил ровно двести метров от берега, и дополнительные десять по дорожке к реке. Мне нужна вторая машина, то есть Ли и Чарли подождут снаружи дома Голдманов и дадут нам знать, когда те выйдут. Для этого у нас нарочно есть несколько дешёвых мобильников. После окончания двойного "спектакля" телефоны вместе с "э-средствами", то есть использованными нами пистолетами, выбросим в реку. Нам нужна уверенность, что все материальные улики устранены, за исключением машин, которых у нас ещё недостаточно, чтобы их зарыть в землю.

- Джерри Лундгаард устроил, чтобы "юкон" перекрасили после операции, поставили настоящие номера и т.д., - сказал Экстрем. - Джерри привлечёт одного из своих механиков по имени Макенсон, с которым он советует поговорить о приёме в наши ряды. А пока Макенсон будет делать то, о чём его просят, не задавая вопросов. Затем нам нужно будет спрятать "юкон" в том месте, о котором я уже упоминал, но если он будет обнаружен, тогда мы постараемся, чтобы он исчез.

Чарли, ты с Ли возьмёшь старую "тоёту" со стоянки Джерри. Номера будут краденые, но вам они будут нужны только на пару часов в темноте, в городе, где по-прежнему очень мало полиции. Мы думаем, что риск приемлемый. Джерри отправит машину на следующий день по обмену в другое агентство в Сизтл. Эти дилеры много продают и покупают для поддержки своих текущих запасов, и у одного здесь слишком много "тойот", а у других в Сизтле и Калифорнии слишком много "ниссанов", вот они и подравниваются. Просто постарайтесь вернуть машину непротреленной.

- Если мы сделаем всё правильно, здесь не должно быть никакой стрельбы, мы проделаем дырки только в Джейке с Ирэн, - пошутил Хэтфилд. - Чарли, как только ты увидишь, что цели вышли из дома, звонишь нам и подаёшь сигнал. Затем Тони и я заводим "юкон" на площадку и на стоянку, занимаем позицию и ждём.

- Мы должны прикончить их до или после большой привозной кошерной пирушки, а? - спросил Тони.

- Перед банкетом, по пути в ресторан. Нам не придётся несколько часов ждать эту парочку с пистолетами в карманах. Кроме того, - мрачно продолжил Хэтфилд, - я не хочу, чтобы хоть одна кошерная крошка, за шестьдесят штук баксов, прилетевшая из Иерусалима, попала в глотки жидов. Я хочу, чтобы эта мерзкая пощечина моему народу осталась там, на столе, остывая и склеиваясь, а розы увяли, и их лепестки попадали на пол. Считайте это символическим действием. День Голдманов завершается во всех смыслах этого слова.

- Лейтенант, у тебя душа поэта! - усмехнулся Ли. - А что, если рядом окажутся люди, которые всё увидят?

- Что ж, тогда они всё увидят, - пожал плечами Зак. - Мы будем в масках, и я выверну освещение задних номеров "юкона", так что в темноте их будет трудно рассмотреть. Скорее всего, будет дождь, ведь сейчас февраль. Или, по крайней мере, будет облачно и очень темно. Одно мне во всём этом не нравится: путь на эту площадку и с неё, через набережную. Я прикидываю, что Голдман будет за рулем своего "линкольн таун кар", верно?

- Он мог бы поехать на ужин святого Валентина на своём внедорожнике, но, скорее всего, нет, по романтическим причинам, - сказал Вошберн.

- О'кей, пока они добираются до ресторана, вы, ребята, переезжаете на 39-ю стрит и ждёте. Прикрываете съезд с дороги на набережную на случай, если что-то пойдёт не так, или они сломаются, а, может, у нас появятся какие-нибудь проблемы, и нам понадобится помощь. Когда мы с Тони увидим "еврейское каноэ" Голдмана, пересекающее набережную к стоянке, то подъедем на "юконе" как раз к краю набережной в готовности к движению, - сказал Зак. - Двигатель не выключаем. Выходим из машины, закрываем её, но не хлопаем дверями, и не делаем ничего, что может их насторожить. Перехватываем цели по пути в ресторан, когда они пройдут мимо машин на стоянке, так что они не смогут пригнуться и за чем-нибудь спрятаться. Стреляем в обоих, трижды, первые пули в грудь, чтобы сбить с ног, и ещё по две в голову для завершения казни. Быстро уходим, но не бежим, возвращаемся к "юкону" и выезжаем на нормальной скорости с набережной, и потом встречаемся в "Шангри-Ла". "Шангри-ла" было кодовым названием одного дома-прицепа, арендуемого для отдыха, на живописном крутом берегу реки около близлежащего перекрестка в деревне "Кнаппа". Лену дали от него ключи, чтобы поставить новый бак для воды, и он сделал ещё одни.

- Звучит достаточно просто, - заметил Лен.

- Ага, но самый простой план может развалиться из-за малейшей упущенной мелочи или случайности, - заметил Хэтфилд. - Нам нужно выработать привычку рассматривать такие планы по многу раз, учитывая всё, что может вызвать заминку или пойти не так.

- Один вопрос, - подал голос Экстрем. - Ты больше не хочешь поставить бомбу-ловушку в голдмановский "линкольн", после того, вы отправите их на большой курорт Катскил на небе? Помнишь, нам предлагали устраивать мины-ловушки везде, где только можно. Я могу дать тебе бомбу в поливинилхлоридной трубе с шестью шашками динамита. Поливинилхлорид лёгкий и не разлагается, с вытяжным детонатором и липкой лентой для крепления трубы к днищу со стороны водителя. Для закрепления другого конца шнура

детонатора к двери используется маленький магнит, и когда дверь открывается, шнур вытягивает за ушко свинцовую фольгу между контактами батарейки, и - бабах!

- Я думал об этом, Лен, и считаю, что этот раз мы пропустим, - ответил Хэтфилд. - По трём причинам. Во-первых, мы не знаем наверняка, будет ли у нас время сделать это. Во-вторых, не заметит ли кто-нибудь, как мы ставим бомбу, и поднимет тревогу. Нет никакого смысла делать бомбу, которая не взорвётся, чтобы БАТФЕ мог обезвредить её, изучить и проанализировать как улику. И, в третьих, очень вероятно, что первым человеком, который откроет машину, будет местный полицейский, возможно, даже наш знакомый.

Надо помнить, что адъютант говорил о сопутствующем ущербе. Должен признаться, что мне всё ещё немного не по себе взрывать окружающих людей, зевак, белых полицейских и так далее. Кто знает, не обернётся ли всё достаточно противно и достаточно скоро. Но сделай эту шутиху и держи её под рукой. Неизвестно, когда она нам может понадобиться. Теперь об атаке номер два, той, что поместит роту "Г" на карту восстания. Мы обещали Бригаде трупы этих агентов из ФБР. Вот тут, Кот, вступаешь в игру ты.

- Ну, с ними много неясного, Зак, - покачал головой Чарли.

- Согласен, - нахмурился Хэтфилд. - Трудность в том, что здесь мяч больше на стороне противника. Мы предполагаем, что ФБР пошлёт кого-нибудь расследовать злостное убийство из ненависти двух видных граждан-евреев со связями наверху, но не знаем этого наверняка. Адъютант говорил нам, что фибы - психи и параноики, и могут почувствовать, что мы ловим их на приманку. Они даже могут попытаться в свою очередь устроить нам ловушку.

Мы предполагаем, что, если они действительно пришлют кого-нибудь, то, по крайней мере, приедут на место преступления, чтобы осмотреть его. Но точно мы не знаем, что и как произойдёт. Они могут не приехать. Нам, возможно, придётся прихлопнуть каких-нибудь федеральных полицаев, болванов из министерства внутренней безопасности или даже полицейских из уголовки штата, если это будет всё, что нам предложат. ФБР может появиться, но через неделю или даже позже. Я хочу объединить план, основанный на возможности, что ФБР пришлёт агентов и, возможно, группу судмедэкспертов 15-го февраля, но нам, вероятно, придётся ждать, пять раз менять план или даже попытаться провести "поплавок", просто догнав их где-нибудь на улице и расстрелять с ходу. Главное, нам узнать, когда они будут в городе, кто они, сколько их, и на каких они машинах. Я предполагаю, что они сначала отметятся у шерифа, хотя бы из вежливости. Лен, нам крайне нужна Кристина. Сможет ли она выйти в нужный день на дежурство?

Зак, Лен и сама Кристина много раз обсуждали, насколько широко должно быть известно в роте об её приёме в Добрармию. Очевидно, чем больше людей знали об этом, тем больше был риск. Зак решил ограничиться шестью людьми, находящимися в данный момент в комнате, потому что в этой первой операции было невозможно скрыть от членов группы, что у роты "Г" есть человек в полиции. А так как все они знали Кристину, и что она работает диспетчером, пытаться её секретить было бессмысленно. Решили, что если кто-нибудь из этих шести будет арестован, Кристина немедленно исчезнет и скроется в Портленде, Сизтле или другом месте Родины, воюя в составе местной части Добрармии.

- Без проблем, - сказал Лен. - Одна из диспетчеров ушла в отпуск по беременности, и все расписания дежурств полетели к чертям, так что никто ничего не заметит. Их не волнует, пока коммутатор работает.

- Она твёрдо решила, Лен? Она понимает, что собирается помогать убивать людей? - с тревогой спросил Зак.

- Сотрудников той самой конторы, которая отказалась признать нападение на Крис преступлением ненависти и предупредила её, что, если она не замолчит, то сама будет обвинена в расизме? - уточнил Лен. - Да, она знает, и выглядит гораздо счастливее, чем обычно после того случая. Крис будет там работать на нас, лейтенант. Всё, что она узнает, и мы будем знать.

- Давайте вернёмся к части, где я должен шлёпнуть этих роботов из ФБР, - вставил Локхарт. - У меня до сих пор нет приличного оружия. Надеюсь, мне дадут выбрать из личных запасов мистера Филдса? Мне нравится русская винтовка Драгунова.

- Нет вопросов, если ты хочешь именно её, - улыбнулся Экстрем. - Но перед выбором, ты, возможно, захочешь испытать маленький подарок от командира Койла и парней из Портленда.

- Кот, в обмен на эти дерьмовые пистолы, которые мы послали интенданту Первой бригады, они передали нам кое-что для тебя.

Хэтфилд вышел к своему грузовику и вернулся с длинным ящиком, отделанным коричневым кожаным покрытием. Положил ящик на один из столов для пикника и открыл его, показав красную бархатную внутреннюю отделку и несколько тёмных предметов внутри. Глаза Локхарта засверкали от восторга истинного любителя ружей, когда он вынул из ящика длинную, изящную винтовку с чёрным ореховым ложем и прикладом.

- Боже всемогущий! - воскликнул он. - Это же "М-21"!

- Снайперская винтовка на основе старой "М-14", полуавтоматическая, с полным набором для чистки и принадлежностями, - с гордостью сказал Экстрем.

- У нас был курс по ознакомлению с ними в снайперской школе в Форт-Беннинг, и я думаю, что помню его большую часть. Но я никогда даже не мечтал получить её для использования в деле! - проговорил Локхарт, уравнивая и показывая винтовку. - Старослужащие в снайперской школе просто молились на них. Почти все они к тому времени, когда я проходил курс, были сняты с вооружения. Где, чёрт возьми, они достали эту красоту?

- Понятия не имею, да я и не спрашивал, - ответил Экстрем. - Командир сказал только, у лучшего снайпера нашей бригады должно быть наше лучшее оружие. Набор для чистки, ремень и другие материалы - в нижней части этого ящика.

Кот осмотрел ствол.

- Ух, замечательно! Знаете, я надеялся получить ствол калибра 12,7 мм, может быть винтовку "Барретт БМГ" или "АР-50", и наделать больших дырок в плохих людях, но эта ещё лучше. Малышка расточена под стандартный патрон калибра 9 мм, так что будет гораздо легче доставать к ней патроны. А если я смогу получать первым любые бронебойные патроны, она сравняется с ударной силой калибра 12,7 мм. Или я могу просто насечь свои пули.

Он вынул оптический прицел из гнезда.

- Встроенный инфракрасный ночной прицел. Знаете, в Беннинге нас обучали поражать цели до 800 метров из "М-24", но если я точно помню, некоторые ветераны Вьетнама утверждали, что они попадали из неё на тысячу метров.

- Они смогли прислать шесть магазинов, и мы можем снабдить тебя 9 мм патронами, - добавил Экстрем. - Так как эта винтовка полуавтоматическая, ты сможешь делать несколько выстрелов быстрее и точнее, чем если бы тебе пришлось досылать в патронник каждый патрон затвором, как в "М-24". Эта дополнительная огневая мощь пригодится, когда тебе нужно после первого выстрела срезать головы нескольких врагов.

- Ну да, - сказал Локхарт, поднимая и выравнивая винтовку и глядя через ствол. - В хорошем укрытии с достаточным количеством патронов я мог бы сдержать пехотную роту. Им пришлось бы вызывать вертушки или артиллерию.

- Ты не будешь никого сдерживать, Кот, - сказал Хэтфилд. - Запомни: пали и вали. Не рискуй. Если хоть что-нибудь покажется слишком опасным, я хочу, чтобы ты исчез. Помни общий приказ номер восемь.

- Ладно, есть одна вещь, о которой я хотел поговорить с тобой командир, - продолжил Локхарт. - Когда я был в Ираке, у всех нас были карты или какие-нибудь знаки, которые мы оставляли на врагах, убитых нами, или рядом с ними. Подписывали свою работу, чтобы чурки знали, кто у них на хвосте, как приём психологической войны. Я был "Валет бубен". Интересно, допустимо ли для меня делать то же самое здесь? Конечно, когда я смогу делать это безопасно? Может, оставлять карту на моей огневой позиции, чтобы её находили?

- Разве это не просто раскрытие твоей личности врагу? - усомнился Хэтфилд.

- Слушай, они же не идиоты. За мной уже целый хвост жуткого злобного расизма и мужского шовинизма, да и бог знает, чего ещё, - убеждал Локхарт. - Думаешь, почему, чёрт возьми, никто не берёт меня на работу? Когда вокруг начнут падать убитые, и станет ясно, что это дело рук человека, который знает, как обращаться с винтовкой и прицелом, они сообразят, что тут замешан я, и меня будут искать. Почему бы не заработать политический капитал на моей репутации и моей медали почёта? Я не гонюсь за славой, лейтенант, но думаю, что будет большой поддержкой нашему движению, если люди узнают, что не все мы - неудачники, преступники и невежественные вырожденцы, как нас сегодня изображают в новостях.

- Ты понимаешь, что это превратит тебя в одного из самых разыскиваемых людей на Тихоокеанском Северо-Западе? - задал ему вопрос Хэтфилд.

- Они уже лишили меня всего, - горько ответил Локхарт. - Это грязное общество лишило меня жены, детей, будущего, достоинства и надежды. Добрые честные пули изменят всё к лучшему.

- Тогда начнём с того, что каждый из нас купит по колоде карт "Байсикл" и отдаст тебе бубнового валета, только не забудьте надеть перчатки, когда возьмёте карты. Не стоит нарочно оставлять отпечатки пальцев для врага. Теперь, снова предположим, что фибы появляются у "Риголетто", что тогда с огневыми позициями? Кот, помнишь тот большой холм с видом на 39-ю стрит, поросший густым лесом?

- Ну да, - кивнул Локхарт.

- Как далеко, по-твоему, примерно от линии хребта этого холма до стоянки у яппивилля на набережной по 39-й стрит?

- Насколько я помню, где-то за семьсот, ближе к восьмиста метрам, - пожевал губами Локхарт. - Это в пределах дальности действия "М-21", командир, но, честно говоря, я хотел бы подобраться поближе. Должен признаться, что я всё ещё немного не в форме. Думаю, что смогу сделать это с вершины холма, но в таком важном деле нужно не думать, а знать, что смогу. Во-вторых, угол наклона будет довольно острый, может быть, даже до тридцати градусов в зависимости от выбранной мной огневой позиции. В-третьих, на этой реке часто случаются сильные порывы ветра, а чем больше дальность выстрела, тем больше вероятность, что пулю чуть снесёт. И мы получим не мёртвого фиба, а типа, который только наложит полные штаны. А как насчёт крыш тех домов по 39-й? Если отклонение будет больше пары сантиметров с 250 метров, я съем свою шляпу, да и угол-то будет всего семь - десять градусов.

- Даа ..., вот тут в чём проблема, - забарабанил Хэтфилд пальцами по столу. - Это будет место преступления, скорее всего, день, и мы должны предполагать, что всё будет огорожено, и там соберутся как всякие штатные и местные полицейские, так и ФБР. Если мы будем так близко, отход может оказаться трудным. Нам надо не меньше полминуты, чтобы снять тебя с крыши после выстрелов, а, может, и больше, и потом мы должны попасть в машину и смыться. Они, конечно, попытаются выйти на огневую позицию, если смогут понять, откуда были сделаны выстрелы.

- А если один из нас прикроет твой отход хорошим градом пуль из "Узи" или "АК"? - предложил Ли, явно горя желанием выпустить этот град пуль.

- И кто потом прикроет твой отход? - остудил его Хэтфилд. - Нас могут начать преследовать, если заметят, что "юкон" или кто-то из нас скрывается с места преступления. Я знаю здешние дороги довольно хорошо и мог бы оторваться от погони, но если у них вертолёты в режиме готовности, то есть "глаза в небе", то уходить днём от погони на машине я бы не хотел и пытаться. Помните, что я говорил об убийстве белых полицейских: я знаю, что иногда это будет необходимо, но опять же я бы не хотел быть вынужденным пойти на это в данной ситуации. Я хочу, чтобы первая кровь роты "Г" была кровью наших расовых врагов, а не бывших друзей и соседей, и чертовски не хочу, чтобы белые полицейские убили нас.

- Вот что, командир, - сказал Локхарт, - У нас есть ещё неделя. Давай мы с тобой прогуляемся по всей этой площади, и посмотрим, что увидим. Знаешь, у меня есть мысль об использовании крыши самого "юкона" как огневой позиции. Мы должны найти какой-нибудь способ выполнить эту работу.

* * *

Вечером в день Святого Валентина Зак Хэтфилд и Тони Кампизи сидели в побитом старом "юконе", стоящем за погрузочной площадкой рядом с 39-й стрит. Вечер был тёмным и облачным, шёл лёгкий морозящий дождь - идеальная маскировка для добровольцев. Мобильный телефон на приборной панели зазвонил. Зак ответил.

- Алло?

- Это "Пицца Луиджи"? - спросил Чарли Вошберн на другом конце.

- Нет, извини, ты ошибся номером, - ответил Зак раздражённым тоном, на случай прослушки. И отключил мобильник.

- Всё в порядке, они вышли из дома. Чарли с Ли следуют за ними. Он даст нам знать, если обнаружит какие-нибудь задержки или изменения их движения, но нам нужно занять позицию.

Хэтфилд запустил двигатель "юкона", включил фары и через минуту выехал на длинную изогнутую набережную по 39-й стрит. Въехал на стоянку на площадке бывшего консервного завода и нашёл одно место, оставшееся свободным, на которое осторожно задним ходом подал машину. Ресторан был переполнен парочками, несомненно, отмечающими день Святого Валентина. Даже сквозь шум дождя оттуда доносились звуки, звон бокалов и голоса.

- Где, чёрт побери, Голдманы собираются поставить машину? - оглядываясь, спросил Тони. - Похоже, здесь всё забито.

- Конечно, мы любезно уступим наше место, - усмехнулся Зак. - Хорошо, у нас пара минут. Проверь своё оружие, один раз, а потом оставь его в покое, пока не придёт время стрелять.

Тони вынул свой 9-мм короткоствольный револьвер, открыл барабан и увидел пять специальных патронов "Чёрный Коготь" калибра 9 мм. И закрыл барабан. Зак проделал то же самое со своим старым полицейским "Смит-Вессоном Магнум" того же калибра. Они оба использовали револьверы, чтобы потом не ползать вокруг в поисках стреляных гильз. В дополнение к "э-средствам" Зак взял свой мощный "Браунинг" в наплечной кобуре под джинсовой курткой, а Тони - "Беретту" калибра 9 мм. В резервной машине у Чарли и Ли были "Калашников" с помповиком 12-го калибра и пистолеты.

- Как ты, Тони? – спросил Хэтфилд, заметив, что руки Кампизи немного дрожат.

Кампизи понял, что Зак имел в виду.

- Это не страх, Зак. Это злость. Я волнуюсь, что могу всё испортить, не от страха или нервов, а из чисто слепой убийственной ярости. Боюсь, что после того, как я застрелю их, то просто прыгну на них и размозжу их головы рукояткой пистолета в кровавую кашу. Я никогда не рассказывал тебе, как мои родные оказались здесь?

Какие-то богатые евреи-застройщики скупали в Бенсонхерсте квартал за кварталом, чтобы изгнать итальянцев, превращая семейные дома в арендуемые помещения, которые сдавали мексиканцам и пуэрториканцам, а затем выселили и самих латиносов, чтобы построить большое закрытое поселение за стенами для богатых евреев, пидоров и либеральных засранцев яппи. Миллион долларов за участок, на котором обычно стояли четыре дома с владельцами из рабочего класса. Уже тогда с работой для нашего брата - белого было плохо, и единственный дом, который папа смог найти, был в Такоме, где мы и жили, пока там также стало невозможно находиться.

Когда начались нефтяные войны, Форт-Льюис затопил город солдатами-ниггерами, латиносами, шлюхами, наркоманами, притонами и бандитами. Но мы никогда не забывали, что именно евреи изгнали нас из наших домов. Потом я прочитал те запрещённые книги, которые вы с Чарли давали мне, и понял, почему я ненавижу их, и почему их нужно ненавидеть. Никогда не думал, что буду с нетерпением ожидать убийства вроде этого, так долго, чтобы увидеть их кровь и услышать, как они кричат от ужаса. Наверное, в моей крови всё ещё осталась вендетта, от моих предков. Я страшно хочу этого, Зак. Я знаю, что они сотворили только со мной и моей семьёй. А если умножить это на весь мир за три тысячи лет, то просто невозможно всё вообразить.

- У тебя всё прекрасно получится, - улыбнулся Зак. - Только помни, что ты дашь мне выстрелить первым. Я беру на себя старую кошелку, а ты Джейка. Считаю, что это психология. Я убивал женщин раньше, и здесь, и в Ираке, как и Кот, и мы это выдержим. Но считаю, что для собственной самооценки и психологической устойчивости каждого из добровольцев их первый убитый должен быть мужчиной и явным расовым врагом, евреем, ниггером или федералом определённого сорта. Бог знает, какие только страшные превратности войны ждут всех нас в будущем.

Мобильник зазвонил снова. Зак включил его. Дурацкий голос, похожий на детский, спросил: "Ваш холодильник работает?"

"Придурок", - ответил Зак и отключился.

- Они только что свернули на 39-ю стрит.

Зак завёл "юкон", но фары оставил выключенными.

- Револьвер в твоей левой руке, правой будь готов открыть дверь.

Кампизи вынул свой 9-миллиметровый и приготовился. Показались фары "линкольна", медленно катящего к ним по набережной.

- Я подожду, пока он не поедет по этой стороне, ища место на стоянке.

"Линкольн" въехал на площадку со скоростью около 10 километров в час, прокатился по соседнему с ними ряду, потом дважды свернул налево. Зак включил фары машины, и "юкон" освободил место, повернув налево по направлению к мосту.

- Ой, дорогой, смотри, тот славный человек оставляет нам своё место на стоянке! - передразнил Кампизи голосом как у девочки. "Линкольн" скользнул на освободившееся место, фары погасли. Зак включил дворники ветрового стекла: дождь шёл мелкий, но затяжной. Он остановил "юкон" на краю моста.

- Никого на подходе. Лучше и быть не может. Всё в порядке, идём. Маски.

Добровольцы натянули на головы тёмно-синие лыжные маски из шерсти и вышли из внедорожника. Ровным шагом они пошли к смутно видимой паре, идущей ко входу в ресторан, который оказался немного дальше от них, чем ожидал Зак. Им пришлось бы бежать, чтобы догнать пару, но мужчина остановился в хорошо освещённом дверном проёме, чтобы закрыть зонтик. Голдманы оказались идеальными мишенями.

"Боже, прошу тебя, не дай сейчас никому открыть эту дверь", - прошептал Зак беззвучную молитву.

Когда добровольцы оказались в полутора метрах за двумя дорого одетыми людьми, какой-то звук или чувство заставили обоих Голдманов обернуться. Голдманы увидели двух мужчин, появившихся из темноты почти рядом с морем приятного света и смеха, в масках, которые позволяли разглядеть только чёрные впадины глаз, с направленными на них револьверами. Двое мужчин молчали, но Джейкоб Голдман сдавленно выдохнул: "Вы!"

Но все четверо поняли, что Голдман сказал. Голдман не знал и не был знаком с этими людьми, которые собирались его казнить. Они всегда копошились далеко внизу, были частью пейзажа, который он видел из окон своего роскошного автомобиля или шикарного кабинета. Эти животные, которые только по капризу природы внешне напоминали богоизбранных людей, но по уверениям мудрецов Торы были бездушными скотами. И всё же он понял, кто были эти люди, и почему они оказались здесь.

Четыре тысячи лет расового инстинкта в одно мгновение сверкнули космическим ужасом узнавания и знания. Бесконечная драма разыгрывалась снова, древний долг нужно было оплатить ещё раз, и крови - опять пролиться в самой долгой войне в истории человечества. Люди перед Джейкобом Голдманом могли носить римские латы или кольчуги крестоносцев, казачью одежду из кожи и меха или чёрные мундиры СС. Сейчас они были в грубых джинсах и лыжных масках, но, о, ужас, он узнал их. И вот теперь он умрёт, потому что они также узнали его, и знали, за что его нужно убить.

У дощатого моста на берегу в "тоёте" Чарли и Ли Вошбернов стекла окон были опущены. Они услышали выстрелы и сквозь дождь разглядели вспышки дульного пламени. Минуту спустя, мимо них прокатил "юкон", и Зак приветливо махнул из окна поднятым вверх большим пальцем. Чарли развернулся и поехал за ним по 39-й стрит, и дальше по главной дороге, где Зак повернул налево, а сам Чарли - направо. Добровольцам следовало прибыть на "разбор полётов" разными путями.

Охота на охотников

Пёс адский, обернись!

Макбет - Акт V, Сцена 8

Утром 15 февраля Хэтфилд, Локхарт "Кошкин Глаз", Чарли и Ли Вошберны, Кампизи и Экстрем встретились в лесу в доме-прицепе, который в прошлом использовался их друзьями как охотничий домик. Две машины, которые прошлым вечером использовались для убийства, стояли за автоприцепом под деревьями для укрытия от наблюдения с воздуха. Вошберны прибыли в 8 часов и привезли из ночного магазина сэндвичи и хот-доги с томатным соусом в бумажных пакетах, которые тут же сунули в микроволновку.

- Я собирался заказать нам несколько завтраков "Ранняя пташка" в "Прибрежном обеде", чтобы взять сюда, но подумал, что могут заметить, что двое заказали шесть порций на вынос. Это просто такая мелочь, которую мог бы запомнить какой-нибудь ушлый мексиканский или белый доносчик, если полицейские приедут всё разнохивать, - рассказал Чарли. - Я подозреваю, что наша революционная еда всегда будет довольно случайной.

- Ну да, нам придётся съесть намного больше дерьма, и не один раз, - буркнул Хэтфилд. - Тони, мне нужно, чтобы ты покараулил снаружи. С этого времени каждый раз, когда мы встречаемся в местах вроде этого, по крайней мере, один человек должен стоять на страже. Мы должны быть уверены, что нас никогда не застанут врасплох в закрытом помещении или в любом замкнутом месте, где нас может окружить спецназ и применить газы и тяжёлое вооружение, бронемашину и боевые вертолёты, да и все их хитрые игрушки.

Не дело, когда мы все собираемся здесь в одном месте, как сегодня, даже для таких же важных будущих операций, как эта, и при такой же необходимости, как сейчас. Мы делаем так слишком часто, и это опасно. С этого времени рота "Г" должна делиться на группы, и мы - каждый из трёх членов тревожной тройки - подберём команду из трёх-четырёх добровольцев-помощников, а потом, когда людей будет побольше, разделимся на большее количество групп или команд, люди в них будут использовать клички, и тогда, я надеюсь, они не будут знать друг друга, как все мы. Сейчас, если один из нас провалится, федералы могут скрутить всю роту "Г", а нам нельзя этого допустить. Мы должны добиться, чтобы под одной крышей нас никогда не находилось больше, чем можно было выручить в случае чего, не больше трёх-четырёх одновременно, и всегда с выставленным часовым.

И он передал Тони винтовку "М-16" и радиотелефон.

- Спустишь, следи за дорогой и дай знать, если увидишь, что кто-нибудь подходит или появится в лесу, и, прежде всего, если заметишь или услышишь вертолёт. Я помню, что эти машины закрыты ветками, но Лен, надо сделать для подобных случаев какую-нибудь старомодную маскировочную сеть, так чтобы полностью скрыть от воздушных наблюдателей автомобиль, грузовик или что-нибудь другое таких же размеров. Тони, если ты увидишь любого крадущегося, явного врага, сначала стреляй и убедись, что завалил, по

крайней мере, одного, а потом мы все удираем отсюда поодиночке и постараемся встретиться снова в Пещере Аладдина.

- Где-где? - переспросил Ли.

- В другом автоприцепе в Наппа, но не в том, где мы были вчера вечером, - напомнил Хэтфилд. - У нас должно войти в привычку говорить и думать о наших укрытиях кодовыми словами. Стоит один раз проговориться по телефону, и все мы можем попасться. Тони, тут термос с кофе, и мы оставим тебе часть этого замечательного завтрака. Лен намерен поработать с тобой целый день, и позже введёт тебя в курс дела.

- Всё в норме, командир, я поел, перед тем как приехать, - сказал Кампизи.

Как и все, Тони знал Зака много лет, но у него вошло в привычку обращаться к нему как к "командиру" или "лейтенанту", и Зак не возражал, потому что понимал такую психологическую потребность.

- Мэри приготовила мне завтрак сегодня утром. Я сказал, что повезу груз в Клэтскани.

- А Мэри знает? - спросил Хэтфилд.

- Она очень умная. И чувствует, что я чем-то занимаюсь, - подтвердил Тони. - Я надеюсь только, что она не подумает, что я изменяю ей с другой женщиной. Я знаю, что ты неохотно привлекаешь женатых мужчин, потому что большинству белых женщин сегодня нельзя доверять, что они не предадут даже собственных мужей за деньги или чтобы сохранить свой уровень жизни. Не беспокойся. Не все они такие. Мэри из хороших жён.

- Я знаю, - кивнул Хэтфилд. - Да, я знаю, что они не все такие. Просто многих белых женщин жизнь в этом грязном обществе так *испортила*, что мы должны очень тщательно взвешивать каждый свой шаг. Это - большая проблема, и мы должны знать о ней. В любом случае мы намерены решить её, привести белых женщин в чувство и показать им, что их будущее с нами. И мы не сможем победить без привлечения на нашу сторону наших сестёр, господ.

После того, как Тони ушёл на пост, Чарли Вошберн вытащил две газеты.

- Наше маленькое убийство прошлым вечером в праздник святого Валентина заняло первые страницы и в "*Дейли Асториан*" и "*Орегониан*".

Хэтфилд взглянул на кричащие заголовки.

- Нда, я уверен, что если ты подсчитаешь длину колонок и минуты телевизионного времени, касающиеся этого дела, то увидишь, что Голдманам внимания уделено в пять раз больше, чем простым полицейским. Мёртвые евреи пользуются вниманием властей по высшему разряду. Ну, ладно, надеюсь, что сегодня или завтра мы сможем дать им ещё больше материала для трёпа. Хотя, похоже, это будет намного труднее, господ. Вчера вечером мы ликвидировали две невооружённые цели и попали Зверю в мягкое подбрюшье, как и предполагали. Но второе действие будет отличаться. Теперь мы должны атаковать вооружённых противников, которые умеют стрелять и будут вести ответный огонь. Нам нужно постараться напрячь для этого случая всю свою соображалку, и даже больше чем с Голдманами.

- А что слышно от нашей девочки в полицейском управлении? - спросил Вошберн.

- Сегодня она вышла на работу пораньше по просьбе Тэда Лира, из-за всего этого тарарама, - ответил Экстрем. - Крис сидит на диспетчерской связи и с шерифом округа Клэтсоп, и с полицейским управлением Астории, а также со скорой помощью и отделом пожарной охраны, так что она услышит всё, что нужно. Я ходил в операционный центр как раз перед тем, как ехать сюда, и принёс Кристи булочку с яйцом и печенье в пакете,

как добрый старый папочка, беспокоящийся о своей маленькой девочке, ну, вы понимаете. Никто ничего не заподозрил: ведь я - просто старый Лен из хозмага с Комершел-стрит, который давно продаёт хорошим людям инструменты, стиральные машины и всякие приспособления.

Кристи рассказала мне об ужасном убийстве наших двух видных граждан, нужным потрясённым и испуганным тоном, прямо в комнате отдыха рядом с дюжиной полицейских и помощников шерифа, прохаживающихся снаружи. В полиции никого не подозревают во вчерашнем убийстве, но из того, что она слышала из разговоров, связанных с этим нападением вчера вечером, вместе с убийством лесбиянок в ноябре и таинственным исчезновением коллекции оружия Берта Филдса ясно, что все сигналы уходят в портлендский штаб ФБР, и определённо какие-то федералы уже на пути сюда. Кристи почти уверена, что они появятся сегодня.

- Ну и славно. Мы должны сделать это, - сказал Хэтфилд. - Мы с Крис говорили вчера и придумали зашифрованные текстовые сообщения для наших разовых мобильных телефонов, которые позволят ей передавать нам довольно подробные донесения. Крис не должна звонить мне открыто, только в случае крайней необходимости, потому что я не хочу, чтобы кто-то из спецслужб на Родине, отслеживающих сотовую связь, услышал наши голоса, и особенно её.

Раздался звон микроволновки, и Чарли начал выкладывать бутерброды на бумажные тарелки и разливать кофе. Тут прозвучал другой звуковой сигнал, мобильного телефона Хэтфилда. Он взял мобильник и взглянул на маленькое зелёное окно, где высветились слова "ВСТРЕТИМСЯ ЗА ОБЕДОМ?"

- Вот оно, - сказал Хэтфилд. - ФБР приезжает сегодня.

Он набрал в ответ: "В КАКОЕ ВРЕМЯ?"

"ЕЩЁ НЕ ЗНАЮ, КОГДА СМОГУ ВЫЙТИ. ДАЙ МНЕ ПАРУ ЧАСОВ" - пришёл ответ.

- Отлично, это значит, что фибы будут в городе через несколько часов, так что давайте пробежим всё снова, - сказал Хэтфилд.

Пятеро мужчин присели у маленького стола "Муравей", глотая безвкусную еду из ночного магазина, перегретую в микроволновке.

Зак опять набрал текст: "ТЫ КУДА ХОЧЕШЬ ПОЙТИ?"

Через некоторое время пришёл ответ: "НЕ ЗНАЮ, ЛЮБОЕ МЕСТО ПОДХОДИТ".

- Всё в порядке, это значит, что полицейские пока не имеют никакого приличного описания нас или наших машин с прошлого вечера, по крайней мере, насколько ей известно, - сообщил Хэтфилд. - Никаких подозреваемых, никаких примет и ориентировок. Было темно, шёл дождь, и никто не должен был нас заметить, Если бы у них было описание или ориентировка на кого-нибудь, именно Крис передала бы их в эфир. Значит, мы можем рискнуть использовать те же самые машины, что и вчера вечером. Там достаточно богатый район, где внедорожники и другие "бензиновые обжоры" всё ещё довольно обычны, так что "юкон" не будет выделяться.

- Канал "Си-Эн-Эн" передал, что какие-то люди в ресторане случайно выглянули в окно и заметили двух мужчин в лыжных масках, которые потом скрылись вроде бы на внедорожнике, - сказал Вошберн.

- Мдаа, нам нужно ещё над этим поработать, - задумчиво произнёс Хэтфилд. - Никто ничего не должен был видеть. Все они должны были быть в туалете, когда началась стрельба. Нам нужно найти какой-нибудь способ дать понять это людям.

- Думаю, что ещё несколько трупов внесут полную ясность. Если это всё, что есть у полиции, то не проблема, - сказал Вошберн.

- Ну да, возможно ФБР удастся вытрясти что-то из этих людей в ресторане, что не смогла местная полиция. Следующее, что нам нужно знать - сколько их будет. Могут приехать от двух до дюжины агентов, в зависимости от того, решит ли Бюро заниматься этим делом Голдманов изо всех сил. Я хочу пристрелить хотя бы одного из этого стада, а ещё лучше двух, но если их целая свора, то нужно будет стрелкнуть и бежать. Теперь мы должны вычислить самое вероятное место, где их подловить, чтобы Кот смог выстрелить.

Я считаю, что они обязаны показаться в одном из трёх мест: во-первых, это - центр города, в офисе местного шерифа или около него на Седьмой стрит или в здании суда на Комершел-стрит.

Во-вторых, аэродром Береговой охраны на 12-ой стрит в Уоррентоне, если они решат остаться на ночь. И в третьих - само место преступления. Наилучшим местом для нас был бы "Риголетто", потому что это прямо под открытым небом. Другие два объекта находятся в городе, и там соберётся большое число людей, плюс разные вооружённые враги, готовые открыть ответный огонь и преследовать нас.

- Я проехал по 39-й стрит по пути сюда, - сказал Вошберн. - Солнце только всходило, но везде было полно мигалок. Эти бедняги, должно быть, проторчали там всю ночь. Ёлки-палки, что они там делают?

- Видимо, они все кучкуются там, чтобы с восходом солнца прочесать район при дневном свете, - предположил Хэтфилд.

- Чарли притормозил, и я изучил эту толпу через видеокамеру с увеличением, пока мы ехали мимо, - сказал Ли. - Видеокамеры с телеобъективами хороши для наблюдения, так как бинокль слишком ясно показывает, что ты следишь за кем-то или чем-то. Но никто ничего не подумает, увидев каких-нибудь чудиков с видеокамерами, особенно снимающих место, где была стрельба, и вокруг бегают много полиции.

- Ну и славно. И что ты заметил? - спросил Хэтфилд.

- Они убрали с набережной все машины кроме полицейских, окружили площадку жёлтой лентой, а несколько полицейских и людей штатских ползали по земле на карачках. Думаю, искали улики, гильзы, следы шин или что-то в этом роде, - сказал Ли.

- Значит, они уже проводят судебную экспертизу, - сказал Хэтфилд. - Видимо, приехала группа полицейских экспертов-криминалистов из лаборатории штата, из Портленда или Сейлема. И, по всей вероятности, федералы не привезут с собой свою группу, что есть хорошо. Чем меньше фэбээровцев, тем больше шансов отбить парочку от полицейского стада, когда они пойдут за пиццей или ещё за чем-нибудь. Итак, вот моё учёное предположение. Два или более агентов ФБР собираются появиться на набережной 39-й стрит сегодня утром или сразу после полудня, даже если штатные и местные мальчишки уже сделали свою работу. Фибы покрутятся в ресторане "Риголетто", только чтобы показаться и убедить местную левую верхушку, что они что-то делают. Вот там мы и должны их ждать, с Кошкиным Глазом, готовым к стрельбе.

- Командир, что вы с добровольцем Локхартом в конце концов решили с огневой позицией? - спросил Вошберн.

- Я хотел стрелять с того обрыва на южной стороне проезда Лейфа Эриксона, - сказал Локхарт. - Но это немного большая дальность выстрела, чем мне было бы удобно. А я хочу точно и надёжно попасть в одну или две мишени, на моём первом задании в Добрармии. И потом отход был бы хреновый: мне пришлось бы потратить первые секунды

после выстрела или выстрелов, карабкаясь вверх-вниз по склону, чтобы добраться до тачки. Лейтенант одобрил лучший способ.

- Мы собираемся изобразить из себя ребят из доставки заказов и посмотреть, нельзя ли посадить Кота на крышу одного из домов "Проспекта Колумбии" на 39-ой стрит, - начал Хэтфилд. - Это снизит дальность выстрелов до 250 - 300 метров.

- Пустяк, - с уверенностью подтвердил Локхарт.

- Выйти из соприкосновения после выстрелов всё же будет немного рискованно, но само здание будет закрывать нас от наблюдения с набережной, и если мы рванём как черти по лестнице вниз на улицу, то сможем оказаться в нашей тачке и укатить секунд через тридцать, а то и быстрее, - сказал Хэтфилд. - Я походил там вчера в костюме и галстук, спрашивая, нет ли у них каких-нибудь освобождающихся квартир, как будто я смогу когда-нибудь позволить себе жить у реки. Кстати, Лен, те фальшивые визитные карточки, которые ты получил для нас,годились.

- Они не фальшивые, - заметил Лен. - Я поставлял кое-какие детали водопроводчику, работающему в ресторане "Ше Шери", почти таком же дорогим, как "Риголетто". У них как раз проводилось одно из этих тупых соревнований вроде "Оставьте вашу визитную карточку в этой вазе и выиграйте бесплатный обед на двоих", так что, когда никто не смотрел, я разжился у них пачкой визиток. Хорошему интенданту нужно быть запасливым.

- Ты имеешь в виду, что действительно существует Мартин Винфри, который содержит ночной клуб "Мышеловка" в Сиэтле? - спросил Хэтфилд.

- По-моему, отдаёт пидорами, - хмыкнул Вошберн.

- Нда, если они свяжут моё посещение с сегодняшними событиями на набережной, мистеру Винфри придётся давать объяснение каким-нибудь сверхбдительным агентам ФБР, - улыбнулся Хэтфилд. - У них даже нет приёмной стойки при входе, а только небольшой офис продаж с девочкой, которая сидит за столом в день по четыре часа. Я уверен, что они по бедности не могут себе позволить секретаршу на полный рабочий день. Её там не будет, если мы придём до обеда. На передней двери есть наклейка "Системы охраны Стайнберга", но Чарли смог собрать об этой фирме немного больше данных. Похоже, он вполне освоился с обязанностями офицера разведки.

- Ну, в этом заслуга Лена, - пояснил Чарли. - Они пытались раскрутить его на небольшую сделку. Как можно догадаться по названию, "Системы охраны Стайнберга" - это отделение еврейской фирмы в Портленде с главной конторой в Евр-Йорке (*Jew Yawk - насмешливое название Нью-Йорка, распространённое в правых кругах США. Связано с большой долей евреев (Jews) в населении города. - Прим. перев.*). Эта фирма предположительно предлагает своим клиентам полные системы безопасности, патрулирование и тому подобное, но в основном фирма нацелена на корпорации или предприятия, от которых страховые компании требуют установки в их помещениях серьёзных охранных систем. Один из их продавцов старался "впарить" их Лену для хозмага, и я заглянул туда. За гораздо меньшую плату клиенту можно получить просто несколько наклеек обслуживания "Системы охраны Стайнберга" для своих дверей и окон или ограниченный набор услуг, например, ваши двери и окна могут охраняться только ночью или с десяти до шести утра или когда хотите.

- Но какая этим евреям выгода снижать цены на собственные услуги? - озадаченно спросил Локхарт,

- Есть много уловок. Клиент получает от "Стайнберга" поддельное свидетельство о том, что фирма установила систему охраны, которая полностью отвечает требованиям

страховщика, так что фирма много экономит на страховании, не сильно раскошеляясь, и делит "откат" с продавцом, отдавая ему, скажем, половину того, что выиграла на первом годовом взносе страховщику, - объяснил Вошберн. - Потом, если клиент захочет позже подстроить кражу или пожар, который уничтожит много переоценённого или несуществовавшего товара, у него будет прикрытие, а платить придётся страховой компании. Не забывайте, это жульничество сначала придумали в Нью-Йорке евреи и для евреев.

Кроме того, "Стайнберг" смог получить много государственных заказов для различных зданий складов хранения нерастаможенных товаров и административных зданий, части которых даже нет в природе, но на которые фирма годами получает ежемесячные выплаты в долларах налогоплательщиков. А также контракты с крупными застройщиками, вроде того еврейского консорциума, который застраивает "Проспект Колумбии". Одна кошерная рука всегда моет другую. Евреи всегда ведут дела только с другими евреями.

- Где ты всё это добыл? - спросил Хэтфилд.

- Да просто есть в Интернете, - засмеялся Чарли. - "Стайнберг" находился под следствием целую пропасть времени, на фирму бессчётное число раз подавали в суд, но они всё продолжают орудовать.

- Почему? - спросил Локхарт.

- Из-за крупных взносов на президентскую кампанию Хиллари Клинтон, - скривился Чарли.

- Я должен кое-что добавить, Чарли, - зло сказал Экстрем. - Считалось, что фирма "Системы охраны Стайнберга" обслуживает систему сигнализации того жилого дома в Портленде, где жила Кристина. Те двое черномазых, что изнасиловали и пытали её, запросто попали в дом. Никакого сигнала тревоги не было.

- Похоже, это была одна из их дешёвок, - мрачно процедил Вошберн. - Нельзя сказать точно, но, по-моему, вы наверняка запросто пройдёте и в "Проспект Колумбии". Жид, он и в Африке жид.

- Ладно, Кот, я хочу, чтобы мы заняли позицию в районе так, чтобы можно было попасть туда быстро, - сказал Хэтфилд. - Мы будем ждать в Приморском музее на Морском бульваре, где всегда полно оставленных машин, и любой проезжающий подумает, что мы - просто туристы, глазеющие на кораблики. Как только мы получим сигнал, что фибы в городе, выдвигаемся к "Проспекту Колумбии" и останавливаемся перед домами, как будто мы жильцы. Входим в здание через фойе с этими коробками, как я вам показывал, чтобы закрыть лица от камер наблюдения, на случай, если они работают. Все коробки протёрты?

- Со спиртом и жёсткой губкой, чистые, как слеза, - подтвердил Локхарт.

- Ну и славно. Больше не прикасайтесь к ним без перчаток. Мы собираемся бросить коробки, и я не хочу, чтобы фибы нашли хоть один отпечаток пальцев. Надеюсь, что ты действуешь отмычкой также хорошо, как говоришь.

- Когда никто не берёт тебя на работу, приходится как-то добывать пропитание, - пожал плечами Локхарт. - А я ещё никогда не голодал.

- Будем надеяться, что дверь на крышу не поставлена на сигнализацию, - продолжил Хэтфилд. - Я не смог попасть туда и сам проверить. Это должна быть хорошая огневая позиция, но если нет, придётся перейти к плану "Б".

- Что за план? - спросил Чарли.

- Если по какой-нибудь причине мы не сможем попасть на крышу жилого дома, или крыша не подойдёт, нам придётся вломиться в одну из квартир третьего этажа на северной стороне здания, с видом на реку, и стрелять из одного из окон, - пояснил Хэтфилд. - При этом возможно взятие заложников и их удержание, если кто-нибудь окажется дома. Я возьму сумку с липкой лентой и пластиковыми наручниками, которые мы использовали для связывания иракцев, а также этот маленький подарок от Лена.

Хэтфилд достал автоматический пистолет "Ругер" калибра 5,6 мм со спиленной мушкой и резьбой на дульном срезе ствола около 4 сантиметров, и длинным цилиндром, изготовленном из двух концентрических кусков водопроводных стальных труб, где во внутренней трубе были просверлены сквозные аккуратные отверстия, а пространство между двумя цилиндрами заполнено нарезкой из кухонной проволочной губки. Это был глушитель.

- Надеюсь, нам не придётся воспользоваться этими штуками. Мне было бы особенно жаль застрелить какого-нибудь бедолагу, который просто не поймёт, что нужно сесть и заткнуться. Я правда не хочу, чтобы мы начали революцию здесь, на Северном берегу, с убийств белых жителей.

- Всё это предполагает, что типы из ФБР точно появятся на 39-й стрит, - сказал Вошберн. - А что, если нет?

- Как только мы узнаем, что фибы в городе, и если они не покажутся на месте преступления до вечера в приемлемое время, придётся искать их, что-то придумывать и брать их где-нибудь на лету, - ответил Хэтфилд. - Вот почему я хочу, чтобы вы были в двух разных машинах.

- У нас есть транспорт с прошлого вечера, а у меня - старый синий пикап от Жюля Кормана, с поддельными номерами, - напомнил Экстрем.

- Хорошо, Лен, ты с Тони возьмёшь грузовик, - приказал Зак. - Вам нужно прокатиться в Уоррентон на случай, если фибы направятся на аэродром Береговой охраны, чтобы воспользоваться федеральной компьютерной системой, закрытой связью или остановиться в помещении для приезжих на ночь. Бригада сообщила нам, что агенты полностью отказались от остановок на ночь в мотелях, и всегда остаются на военных объектах, а в некоторых случаях в специальных защищённых квартирах, которые федералы оборудовали для этих целей.

Может, вы найдёте какой-нибудь предлог, чтобы быть поблизости от стоянки Уолгрин на 101-й, рядом с мостом через залив Янгс. Если они двинут на базу, то проедут точно мимо вас, и вы сможете их достать. Чарли, ты с Ли должен держаться в районе офиса шерифа, потому что мы надеемся, что там они покажутся в первую очередь. Сможете обнаружить их, отлично, дайте мне знать. Или ждите, пока я не свяжусь с вами. Мы все используем один код, но Кристина будет звонить мне и только мне: она даже не знает о вас. Я передам вам всё, что она скажет, на обе ваши машины. Основная инфа, которую мы надеемся получить от неё, это число голов фибов, хоть какие-то описания, и что у них за машины.

Теперь, по этому же вопросу, некоторые интересные сведения, которые передал мне адъютант бригады, когда я был в воскресенье в Портленде, - продолжил Хэтфилд. - Очевидно, после событий 22 октября был введён какой-то план действий в особых обстоятельствах, и первой заботой ФБР стала их собственная безопасность, что для них обычно. ФБР обзавелось целым флотом специальных бронированных автомобилей для своих агентов, а не одним на всех. Наши цели могут пожаловать на чём угодно от "лексуса" до внедорожника и недорогого "форда" или "шевроле", но их внешний вид

обманчив. Эти федералы будут не с правительственными, а с обычными номерными знаками Орегона. Идея всего этого разнообразия - смешаться с потоком, а не выделяться, но федералы сделали одну идиотскую ошибку, и она всё угробила. Все окна этих машин тонированы, в нарушение закона, чтобы нельзя было заглянуть внутрь. Можно считать, что любой автомобиль с полностью тонированными окнами, который вы увидите, федеральный. И не спрашивайте меня, почему они так явно лоханулись.

- Потому что они - тупые, - высказался Экстрем.

- В точку, и это обнадеживает, - улыбнулся Хэтфилд. - У любого агентства, которое творит глупости вроде этой, не хватит ума поймать нас, ребята, верно? Теперь о броне. Мы ещё не смогли взглянуть на одну из этих штук вблизи, но думается, что у машины современное бронированное шасси из стали и алюминиевого сплава в оболочке из литой прочной пластмассы на нейлоновой основе, поэтому она не такая тяжёлая как из чистой стали. Окна и ветровое стекло из первоклассного пуленепробиваемого стекла, которое на самом деле вовсе не стекло. Это так называемый поликарбонат. Не спрашивайте меня, что это такое, но материал останавливает всё, что до сих пор мы бросали в него, и не только в Орегоне. Бензобак самозатягивающийся и будто бы может выдержать попадание зажигательной пули. Шины радиальные, из какой-то волшебной стали, и вроде бы, устойчивы к проволочным ежам и минам, а днище машины не стальное, а из этих покрытых нейлоном листов, так что они не магнитные. Усиленная подвеска для дополнительной грузоподъёмности, замкнутое кондиционирование со специальными фильтрами, которые не пропускают наружный воздух, любой слезоточивый газ или другие газы, ну, вы понимаете. Эти правительственные машины - не танки. Машины могут быть уничтожены самодельной бомбой на обочине дороги точно так же, как наши "хаммеры" в Ираке, и мне интересно посмотреть, что сделает с ними РППГ. Но главное - агенты ФБР в машине, видимо, будут защищены от одиночной винтовочной пули.

- У меня целый магазин армейских бронебойных патронов с вольфрамовым наконечником калибра 9 мм, если это поможет, - заметил Локхарт.

- Должно, - ответил Хэтфилд. - Часто это так называемое пуленепробиваемое стекло ведёт себя странно, и если стрелять в него под прямым углом и часто, оно бьётся, как мы много раз видели в Багдаде. Нет совершенно пуленепробиваемых материалов. Но это - не тот шанс, на который мы можем надеяться. Мы должны подловить их вне машины. В некоторых особых случаях мы должны быть в состоянии выкурить их. А, Лен?

Экстрем подтянул пластиковую спортивную сумку к своему месту и вынул два тёмных, цилиндрических предмета.

- Они грубые и не слишком мощные, но могут грохнуть. В конце концов я решил не использовать полихлорвинил, потому что нам, возможно, понадобится эффект шрапнели, так что это - железная труба с крышкой с одного конца, в каждой бомбе три шашки общего или садового динамита, другой конец с переходником, как видите здесь, а это - огнепроводный шнур, торчащий из устройства. Оба шнура дают задержку шесть - семь секунд до взрыва.

Хэтфилд кивнул.

- Моя идея в том, что в случае, когда мы на месте и готовы стрелять, а их машина неподвижна, надо закатить одну из этих бомб под бибику, фургон или что у них там будет. Она может не пробить взрывозащиту, но должна изрядно шмякнуть фибов, сбить с толку, поджечь машину или внушить, что она вот-вот взорвётся, в общем, достаточно напугать, чтобы они выскочили из машины. Чарли, ребята, возьмите одну из бомб, а Лен, ты с Тони - другую.

Дальше, оружие для этой операции: снова напоминаю, что мы сталкиваемся с вооружёнными противниками, которые откроют ответный огонь, если мы дадим им такую возможность. Каждому из нас нужен пистолет, и конечно, не "э-средство", а калибра 9 мм или больше, который можно использовать в перестрелке, если до неё дойдёт. У одного человека в машине должен быть дробовик. Лен принёс два дробовика 10-го калибра из филдовского запаса, дробь "два нуля" и пули на оба ствола. Кроме того, второй человек в каждой машине будет с автоматом.

- Чур, мой "Хеклер-Кох", - сказал Лен. - Чарли, я принёс тебе "Узи", ведь ты с ним отлично управлялся во время наших стрельб в карьере. И обоймы к нему.

- А мне? - спросил Зак с улыбкой.

- Ты получишь настоящий подарок из прошлого, из шкафа Берта Филдса, - сказал Лен с улыбкой, вынимая небольшой и круто выглядящий ствол. - Старый пистолет-пулемёт "М-3". Я выбрал его, потому что у нас уйма патронов калибра 11 мм. Мне показалось, что он тебе понравился на стрельбах. И потом тебе нужно что-то достаточно небольшое, чтобы вошло в ту коробку, что ты предложил доставлять в эти дома.

Хэтфилд кивнул.

- Ну, хорошая мысль. Ладно, Чарли и Ли, если и когда Кристина или вы сами сможете засечь этих фибов, можете преследовать только одну машину и должны следовать за ними везде, что бы они ни делали, на приличном расстоянии, и дайте знать мне и Коту по связи, в какую сторону они двигаются. Понятно? Только одна машина. Если их будет десяток, и они поедут с сопровождением, придётся отступить, покружить около них некоторое время и посмотреть, нельзя ли от них отбить одну-две. Я не хочу браться за целую вражескую спецгруппу. Мы должны действовать как "Болотный лис", бить и убегать, чтоб завтра снова нападать.

Если они появятся на набережной 39-й стрит, Кот и я должны быть на позиции, и возьмём их там. Чарли, если они действительно появятся, я хочу, чтобы ты проехал дальше с милю по проезду Лейфа Эриксона и свернул налево на дорогу к Танг Пойнт, как будто ты двигаешь в "Трудовой корпус" или к тем контейнерным докам внизу холма. Там на боковой дороге ждите нашего сигнала и потом медленно двигайтесь в город. Вы должны встретить нас на полпути, где поворачиваете и следуете за нами в готовности встретить и уничтожить любых преследователей, возможно, тем фейерверком, который Лен только что дал тебе. Если всё пройдет хорошо, сворачиваем на Джон Дей Роуд и едем обратно в Наппа.

- О'кей, старый бандит, - сказал Чарли.

- Да, это - при условии, что они направляются к набережной. В противном случае, если ФБР направится по мосту через залив Янгс в Уоррентон, ты сообщишь мне, а я передам Лену и Тони, которые должны пить кофе эспрессо или вроде того около Уолгринз. Кот и я бросаем нашу позицию и мчимся к вам. У них там нет никаких бетонных блоков, а только новая ограда из сетки, через которую всё видно. И мы будем кружить вокруг станции и выяснять, нельзя ли Коту пальнуть с крыши "юкона", если удастся. Тут мы будем действовать без подготовки и рисковать.

- А что, если они выкинут что-нибудь неожиданное вроде поездки в дом Голдманов, прогулки на завтрак "У Милашки" или ещё что-нибудь? - спросил Чарли.

- Рискните позвонить мне открыто. Ты можешь быть священником Грином, я буду дьяконом Уайтом, и позвонишь мне по церковным делам. Придумай какую-нибудь ерунду, но назови место, где они остановились. Кот и я двинем туда и попытаемся засечь их, а Кот

может встать на крышу нашей машины и снять их через окно ресторана или как получится, - решил Хэтфилд.

- Ребята, наша малышка из центра говорит, что они вот-вот появятся. Пора двигаться и сделать их. Я не хочу таскаться за этими хмырями по всему городу целый день. Чем больше затягивается такая операция, тем больше шансов, что что-нибудь пойдёт не так. И последнее напоминание, господа, - мрачно добавил Хэтфилд. - Они - злодеи и натворили много гнусных дел. Я, например, думаю, что за ними всё ещё неоплаченный долг за Сэма и Вики Виверов.

Есть моменты, когда месть совершенно справедлива, и это один из них. Но это больше, чем месть, намного больше. Сегодня мы не просто даём урок ФБР, мы шлём весть "Джо Шесть-Банок". (*Прозвище человека с улицы, имеющего обыкновение пропустить после работы упаковку пива. - Прим. перев.*). Джо должен понять, что эти люди больше не хозяйничают на Северо-Западе, и что, когда он видит, что ему не следует, или у него возникают какие-то проблемы с Добрармией, то звонок в полицию или ФБР - последнее дело. Потому что фибы не могут защитить даже самих себя, а тем более Джо и его семью. Речь об уничтожении надёжной монополии оккупационных вооружённых сил и убеждении "Джо Шесть-Банок и его Джейн" в том, что независимо от их выбора, звонок в ФБР для них не выход.

Запищал мобильник.

- С другой стороны, я должен ответить на этот звонок. Хэтфилд взял мобильник и увидел сообщение: "ВРЕМЯ ОБЕДА ПОДТВЕРЖДАЮ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ".

- Фибы прибыли в офис шерифа. Чёрт, рановато они, - чертыхнулся Зак.

И набрал ответ: "ТЫ ОЧЕНЬ ГОЛОДНАЯ?"

Через минуту пришёл ответ: "ПИЦЦА НА ДВОИХ СОЙДЁТ".

"ПИЦЦА НАДОЕЛА. ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЁ, ПОЖАЛУЙСТА", - ответил Зак.

"ХОТ-ДОГ" ДЛЯ ТЕБЯ, КИТАЙСКОЕ - МНЕ", - пришло в ответ.

"ЧТО БУДЕМ ПИТЬ?" - спросил Зак.

"ЗЕЛЁНОЕ ПИВО, СКОРО ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА", - появились слова на маленьком экране.

"ПОНЯЛ, СООБЩИ МНЕ, КОГДА", - ответил Зак и закончил сеанс связи.

- Боже, - сказал он тихо, качая головой. - Удача с нами. Лучше быть не может.

Всего два агента ФБР, один белый и одна женщина-азиатка, на зелёном внедорожнике. Поехали, ребята!

* * *

Специальный агент ФБР Рабанг Миллер почти вломилась в комнату отдыха в офисе шерифа округа Клэтсон. За десять лет службы в Бюро Миллер считала, что овладела сочетанием броской деловитости, железной уверенности и некоторого высокомерия. По её мнению это необходимо, чтобы показать толпе неотёсанных местных полицейских, что к чему, что теперь на сцену выходят настоящие игроки, и этим увальням и пожирателям пончиков лучше подчиняться. Миллер выросла среди американских военных и поэтому впитала много жаргона и беззаботного отношения к жизни, что сослужило ей хорошую службу на работе и всегда производило впечатление на начальство. Мнения низших форм жизни вроде местной полиции какой бы то ни было расы для неё не имели значения.

Рабанг Миллер была маленькой женщиной с кожей цвета апельсина, с длинными чёрными волосами, собранными в жёсткий пучок, в тёмно-зелёном брючном костюме и

курткой в тон, чтобы прикрывать пистолет в пристёгивающейся сбоку кобуре - 9-мм "Глок" со специально изменённой рукояткой, чтобы она подходила агентам-женщинам с маленькими руками.

Миллер была филиппинкой, дочерью проститутки из бара в Субик-Бей. Отцом Миллер был неизвестный американский военный неопределённой национальности и расы, но, судя по её внешнему виду, скорее всего, какой-то латиноамериканец. Миллер, начав, как и её мать, в 14 лет работать проституткой, в конце концов, достигла конечной цели жизни, о которой мечтали все филиппинские профессионалки из баров. Она вовсю трахалась с тупым алкоголиком, неотёсанным белым сержантом из Северной Каролины, чтобы он женился на ней и увёз в Великий Золотой Рай - США.

Рабанг не ждала свою зелёную карту требуемых два года, и как только вышла из аэропорта, не стала терять время, чтобы её заполучить. Через три месяца после прибытия на квартиру для женатых в Форт-Брэгг, Миллер заплатила местному филиппинцу - мойщику посуды 50 долларов, чтобы он вывел её на задворки своего ресторана и избил до полусмерти. После избиения она побежала к местным полицейским, а оттуда к начальнику военной полиции базы, плачущая, в синяках и крови, с ужасной историей о пьяном сексуальном и физическом насилии со стороны жестокого мужа. Рабанг сразу же получила зелёную карту в соответствии со специальным положением закона иммиграции США, хорошо известному каждой шлюхе на Филиппинах, но почему-то неизвестному американским солдатам, думающим не мозгами, а половыми органами. Сержанту Миллеру впаляли пять лет, чтобы в Левенуэртской тюрьме он попытался протрезветь и понять, что же, чёрт возьми, с ним произошло. С тех пор эта сильная и отважная цветная женщина поднималась всё выше и выше.

Рабанг прошла все доступные программы позитивной дискриминации для цветных в Брэгге, университете Дьюка, получила юридическую степень, затем попала в офис федерального прокурора. Оттуда она проскользнула в ФБР в качестве платы за непредъявление официальных обвинений в сексуальных домогательствах федеральному судье, который был её боссом. Она сохранила фамилию Миллер, потому что все её изначальные иммиграционные документы были на это имя, а ей не хотелось, чтобы их официально рассматривали при перемене, что могло раскрыть определённые несоответствия вроде её возраста и того факта, что её брак с сержантом формально был половой связью с несовершеннолетней.

Теперь Рабанг была замужем за другим судьей в Портленде, и жила в двадцатикомнатном особняке колониального стиля, в богатом закрытом пригороде, с 13-летним сыном-мулатом, который уже сидел на кокаине, и положила глаз на своего начальника в Бюро, чтобы найти какой-нибудь способ замять эту историю. Миллер уже устраивала своему нынешнему начальнику двухчасовые спектакли в стиле Субик-Бей в ряде мотелей за городом, выискивая его слабые стороны, и всё, что она могла использовать, чтобы его сковырнуть. Но дополнительное удачное раскрытие парочки дел, конечно, не помешало бы её карьере. Раскрытие убийств Голдманов и поимка банды белых расистов - внутренних террористов были бы хорошей путёвкой наверх.

Партнером агента Миллер был специальный агент Брайан Пангборн. Пангборн являл собой тип агента, который далеко пошёл бы при старых порядках времён Дж. Эдгара Гувера. Это был высокий, худой человек с рыжеватыми волосами и голубыми глазами, привлекательный в своём свежевыглаженном костюме и сверкающих туфлях, с короткой причёской, защитник футбольной команды в средней школе, а позднее - звезда в

Техасском политехническом университете, с юридической степенью, которую он получил после настоящей учёбы и тяжёлой работы.

Пангборн был женат на женщине, хорошенькой как кукла Барби, и жил с двумя детьми в пригородном двухуровневом доме - ранчо. Хотя Пангборн не был одним из мормонов, которых Гувер продвигал в первую очередь, он не пил, не курил и был постоянным прихожанином и активным членом религиозных организаций "Хранители Завета" и "Клуб 700".

Пангборн стал третьим партнером Рабанг Миллер за два года, с тех пор, как она пришла в офис в Портленде. Два её прежних партнёра подали рапорты о переводе, и он сам был готов сделать то же самое. Он вынужден был признаться самому себе, что ненавидит назойливую мелкую азиатку, присутствие которой походило на постоянный скрежет ногтей по стеклу. У Пангборна был один серьёзный недостаток для агента ФБР: он страдал от случающихся время от времени приступов собственных мыслей и инициатив. И он понимал, что в сочетании с его расой и полом этих недостатков характера достаточно, чтобы навсегда испортить его карьеру в Бюро. Пангборн уже решил забрать документы после двадцати лет работы и попробовать себя в федеральных или корпоративных службах безопасности, может быть, в НАСА или в одной из крупных нефтяных компаний Хьюстона.

Рабанг Миллер шагнула к ближайшему помощнику шерифа за письменным столом. И рывкнула: "Где шериф?" Отработанным жестом махнула своим значком и удостоверением: "Миллер и Пангборн, ФБР".

Рабанг никогда никому не представлялась без размахивания значком, и всегда у всех создавалось впечатление, что она сама ждёт, что вот-вот зазвучит её собственная музыкальная заставка.

На помощника это не произвело заметного впечатления: "Я узнаю, на месте ли он". И поднял трубку: "Тэд, тут эти люди из ФБР".

Другой помощник вошёл в комнату отдыха.

- Эй, кто здесь водитель зелёного "крайслера аспен" с запрещёнными тонированными стёклами, который стоит на моём месте в гараже? - крикнул он на всю комнату.

- Это наша машина, - отозвалась Рабанг. - А в чём дело?

- Ну, я просто выпишу тебе штраф на 250 долларов! - отчеканил помощник. -

Тонирование незаконно, а также занятие моего места на стоянке, чёрт побери!

- Мы - агенты ФБР! - в ярости прошипела Рабанг.

- Так что вы не должны подчиняться законам как все? - спросил помощник. - Ой, простите мою глупость! Что за вопрос!

На одном конце комнаты отдыха находилась приподнятая площадка, огороженная тремя стенками, где размещались общие радиостанции правоохранительных органов и экстренных служб "911", диспетчерская рация, карты и щит со схемой подразделения. Никто не обращал внимание на стройную девушку-блондинку в кофточке с длинными рукавами и в брюках, сидящую за компьютером с надетой радиогарнитурой. Девушка спокойно наклонилась, посмотрела, а потом украдкой достала мобильный телефон и начала набирать текстовое сообщение.

Тэд Лир пришёл из своего кабинета и протянул руку. Это был на удивление молодой человек среднего роста, с тёмно-рыжими волосами, стройный и мускулистый.

- Привет, - сказал он, изображая вежливую улыбку и протягивая руку. - Тэд Лир, шериф округа Клэтсон.

- Миллер и Пангборн, ФБР, - бросила Рабанг резким отрывистым голосом, как сержант-инструктор по строевой подготовке, и снова махнула удостоверением. Она "не заметила" протянутую руку шерифа, но Пангборн протянул ему свою и пожал его руку перед тем, как пренебрежение стало очевидным.

- Брайан Пангборн, - сказал он с искренней теплотой. - Рад познакомиться с вами, шериф.

- Похоже, здесь болтается очень много людей, а прошло уже четырнадцать часов после громкого убийства, - сказала Рабанг, неодобрительно оглядывая комнату отдыха. - Я вижу, шериф, что твой отдел не придаёт особой важности преступлениям ненависти. У тебя это второе двойное убийство за три месяца, и оба случая, несомненно, мотивированы ненавистью к сексуальной ориентации в первом случае и расовой ненавистью во втором. Почему все твои люди не отбивают ноги о тротуары, или ещё лучше, не выбивают из ваших местных расистских выродков ответ на вопрос о том, кто убил Джейка и Ирэн Goldman?

- Мы здесь немного старомодны, спецгент, эээ, Миллер, - спокойно ответил Лир. - Перед тем как начать бить людей, мы хотели бы задать им вопросы. Кстати, вы сказали, что убийства здесь вчера вечером произошли на расовой почве?

- Ясное дело! - взвизгнула Рабанг. - По нашей информации, фашиствующие террористы позвонили в местную газету и взяли на себя ответственность!

- Да, кто-то звонил редактору "*Асториан*", - подтвердил Лир тем же спокойным тоном. - Нет, мне интересно, почему вы использовали термин "на расовой почве"? Не думал, что евреи - это раса.

Миллер вдруг осеклась, поняв, что неосторожно сделала опасную ошибку в политкорректной терминологии, о которой не должно стать известно её начальству.

- Ну, ты понял, что я имела в виду, - запнувшись, пояснила она. - Лица иудейского вероисповедания относятся к одной из официально признанных и политически защищённых специальных категорий пострадавших. Все правонарушения против евреев в соответствии с законом являются преступлениями ненависти.

- Конечно, являются, - согласился Лир. - Не могли бы вы пройти в мой кабинет?

Оказавшись внутри кабинета Лира за закрытой дверью, Рабанг, как змея, набросилась на него снова.

- Ладно, кончай эту фигню, шериф! Ты чертовски хорошо знаешь, что у вас совершено четыре убийства на почве ненависти плюс исчезло большое количество частного огнестрельного оружия, а Добрармия взяла на себя ответственность за убийства прошлым вечером! Пора тебе проснуться и почувствовать запах кофе. Здесь, в вашем маленьком туристическом раю у тебя под носом орудует расистский эскадрон смерти, и мы прибыли, чтобы обеспечить его быстрое уничтожение!

Офис в Портленде не потерпит такой позорной проволочки, которая произошла после убийства Элизабет Кинг и Марты Праудфут. Если ты не добьёшься результатов за сорок восемь часов, прокурор США в Портленде в соответствии с Патриотическим законом возьмёт эти дела в своё ведение как относящиеся к внутреннему терроризму. Бюро полностью займётся ими, и скажу тебе прямо, что эти убийства и кража оружия не единственные вещи, которые мы будем расследовать!

Лир не обратил внимания на угрозу. Он сел за свой стол и ответил спокойно и вразумительно, как будто пытался что-то объяснить упрямому ребёнку.

- Как я уже неоднократно докладывал федеральному прокурору, генеральному прокурору штата Орегон и сотрудникам вашего собственного офиса, не было никаких

проволочек с убийствами Лидди Кинг и Марты Праудфут, - терпеливо произнёс Лир. - Дело до сих пор не закрыто, и мной назначены следователи, продолжающие расследование. Причина, что мы никого не арестовали и не обвинили, простая. Мы понятия не имеем, кто это сделал. Это был не муж, потому что он сидел здесь в тюрьме по ордеру на задержание для профилактики потенциального насилия в семье, а также в ожидании обвинения за слова ненависти. Кто бы это ни был, он не оставил нам ни крошки, ни капли улики для судебных экспертиз. Верно, кто-то написал на стене "Добрармия", но это могло быть уловкой, чтобы направить нас по ложному следу.

- Ты прекрасно знаешь, что со времени теракта 11 сентября доказательства не нужны! - выкрикнула Миллер. - Патриотический закон даёт и местным и федеральным правоохранителям широкие полномочия для предотвращения как зарубежного, так и внутреннего терроризма, для защиты жизни, имущества и безопасности в Соединённых Штатах! Если у тебя в мозгах есть хоть пара извилин, то, как сотрудник правоохранительных органов, ты знаешь или *должен* чертовски хорошо знать каждого человека в твоём округе, кто смеет таить в себе расистские мысли!

- Должен согласиться, что ещё никогда и никого не арестовывал за его мысли, - признал Лир.

- Ну, блин, с двумя убитыми евреями на твоём пороге, не думаешь ли ты, что самое время начать? - завопила Рабанг вне себя от злобы. - Ты *должен знать*, кто эти люди! Это твоя работа - знать!

- Нет, мэм, я *не знаю*, - устало сказал Лир. - С кого начать? С кого-нибудь, кто выражал недовольство, что потерял работу из-за нелегала-иностранца или работника, взятого в соответствии с "позитивной дискриминацией"? С того, чьего сына когда-либо не приняли ни в один колледж, а потом загнали в армию и убили в Пидорстане? С любого, кого когда-нибудь посадили в тюрьму за неуважение к суду, потому что он не смог заплатить своей кредитной карточкой компании после того, как она подала на него в суд?

Или с кого-нибудь, у кого пожилой родственник в доме престарелых получил смертельный укол и был "законно" убит в соответствии с законом о качестве жизни пожилых граждан? С любого, у кого когда-нибудь ребёнок был изнасилован, убит или изувечен, или его мозги "испеклись" как яйцо от наркотиков здесь, в нашем Дивном Новом Мире. Или того, кто когда-нибудь шёл через общественный парк со своими детьми и увидел двух существ из стран третьего мира, совокупляющихся как собаки под деревом? С кого мне начать? Нет, я действительно хочу знать. Раз мы просто вытащим имена из шляпы, кого бы вы хотите, чтобы я арестовал для начала за неодобряемые мысли?

И Пангборн и Лир понимали, что это был крайне опасный разговор, и если Лир продолжит в том же духе, у него есть все шансы покинуть свой кабинет в наручниках по обвинению со стороны федеральных властей в речах ненависти, но тот никак не мог с собой совладать. Пангборн поймал взгляд Лира и покачал головой. Он вмешался до того, как Миллер успела взорваться.

- По правде говоря, шериф, нам довольно любопытен один человек, который, по нашему мнению, из тех типов, что могут быть склонны ввязаться в расистскую деятельность или внутренний терроризм, - сказал Пангборн, вытаскивая записную книжку. - Человек по имени Джесси Локхарт. Возраст 29 лет, ветеран войны, часто безработный, белый мужчина с давними психологическими проблемами и несколькими арестами за преступления на почве ненависти, но он, кажется, как-то ускользнул. Человек, который, похоже, не умеет контролировать свой язык или кулаки в присутствии меньшинств. Он соответствует профилю. Вы связывали Локхарта с этими убийствами?

- Да, связывали, - сказал Лир, радуясь возможности вернуться к делу с опасной дорожки свободомыслия. - Ты забыл упомянуть, что Локхарт Кошкин Глаз был награждён и медалью "Серебряная звезда" и медалью почёта Конгресса (*Высшие военные награды США - Прим. перев.*). Он был одним из лучших снайперов в Ираке.

- Ну и что? - спросила Рабанг. - Ты приказал забрать его?

- Да, я намерен поговорить с ним, как только смогу его найти, - ответил Лир. - Два помощника ходили за ним к его дому-прицепу сегодня рано утром. Не было ни его самого, ни его грузовика.

- Ну, так вот тебе! - торжествующе воскликнула Рабанг.

- "Кошкин Глаз"? - с интересом спросил Пангборн.

- Рассказывали, что в Ираке он мог видеть в темноте, как кошка, без прибора ночного видения или инфракрасного прицела, - начал Лир. - Что Джесса не было дома, не доказательство, что он что-то натворил, и, честно говоря, это для него обычное дело. Он вполне мог просто напиться. Тем не менее, я не подозреваю его ни в одном из убийств. Почерк не тот. Прежде всего, проблемы Локхарта, похоже, не с лесбиянками или евреями. У него всегда были драки с мексиканцами или, кхм, ...людьми полинезийского происхождения, - сказал он, взглянув на Рабанг. - Во-вторых, Кот - стрелок, пожизненный охотник, меткий, каких я никогда не встречал. Эти убийства были совершены с близкого расстояния, Кинг и Праудфут - из дробовика, а супругов Голдман - из пистолетов, двумя нападавшими в масках, которых мельком видели несколько посетителей ресторана.

Наконец, Локхарт имеет бесспорное алиби в случае Кинг и Праудфут. В июле Локхарт находился на стационарном лечении от алкоголизма в реабилитационном центре Министерства по делам ветеранов в Лонгвью, и ночной дежурный клянётся, что тот оставался там всю ночь. Когда мы найдём его, я спрошу, где он был вчера вечером, скорее всего, на полу какого-нибудь бара, и если он не сможет вспомнить о своём местопребывании, тогда мы возьмёмся за него плотнее. Это называется должной полицейской процедурой, агент Миллер. Когда вы не стараетесь подогнать улики под вашего подозреваемого, а, наоборот, подозреваемый должен соответствовать имеющимся у вас уликам. Даже после теракта 11 сентября. По крайней мере, так мы здесь работаем.

Пангборн почувствовал, что настало время помешать новому столкновению между Рабанг и шерифом: она выглядела как бомба, готовая взорваться от политкорректного негодования.

- Теперь о том звонке в вашу местную газету, указавшем на убийц пары Голдманов прошлым вечером, шериф? - спросил он, готовя свой переносной компьютер.

- Звонили не в газету, а домой Стиву Фелпсу, редактору "*Дейли Асториан*", около 9 часов вечера. Звонивший представился неким капитаном О'Нилом из Добровольческой армии Северо-Запада. Как я понимаю, это имя принято у этих людей для использования в такого рода делах?

- Ну да, они украли его у Временной ИРА, это имя упоминалось в газетах и по ТВ, - ответила Рабанг. - Этим именем мог воспользоваться кто угодно.

- Вы правы, - любезно согласился Лир. - Он попросил Стива дословно записать своё сообщение. Вот оно.

Лир взял со стола лист, вырванный из блокнота, и прочёл: "В 8 часов вечера 14 февраля боевое подразделение роты "Г", Первой портлендской бригады, Добровольческой армии Северо-Запада провело операцию принуждения в соответствии с общим приказом номер четыре, отданным Советом Армии 24 ноября прошлого года, который предписывает всем небелым, в том числе евреям, покинуть территорию Северо-Западной Американской

Республики. Соответственно Добрармией за неподчинение данному общему приказу были расстреляны Джейкоб и Ирэн Голдман. Со всеми евреями и небелыми, задержанными Добрармией, будут обращаться таким же образом".

Лир отложил лист.

- Это всё. Полагаю, что это очень похоже на их стиль? - спросил он.

- Да, это их расистский, фашистский, антисемитский жаргон, - прорычала Рабанг. - А ты всё ещё будешь отрицать, что у тебя в округе орудует одна из таких банд расистов-убийц, шериф?

- А я никогда и не отрицал, что есть, - запротестовал Лир. - Может быть, у нас, спаси Бог. Но заметьте, что они заявили о Портлендской бригаде. По-моему, очень вероятно, что стрелки приехали сюда оттуда, из вашей вотчины в городе.

Рабанг закипала всё больше и больше.

- Слушай, шериф, ты должен очень быстро выйти из своего периода отрицания, потому что я начинаю сомневаться в тебе.

- Мы проезжали мимо места преступления по пути сюда и видели там полицию. Команда судебных экспертов полиции штата Орегон уже здесь? - перебил её Пангборн.

Он привык постоянно сдерживать Рабанг, но это становилось всё труднее и неприятнее.

- Да, они сейчас там, и я сам только вернулся оттуда, когда вы прибыли, - ответил Лир. - Я был там всю ночь, если это хоть чуть улучшит ваше мнение о моём служебном рвении, агент Миллер, но найти ни черта не удалось. Дождь смыл все следы, и они, должно быть, использовали револьверы, потому что патронных гильз мы не нашли.

- Или если это были настоящие профи, и они подобрали свои медяшки, - заметил Пангборн.

- Возможно, - уступил Лир. - Предварительное заключение судебно-медицинского эксперта - pistolетные патроны средней мощности, 9 мм, с наконечниками, "девастейторы" или что-то подобное. Оба получили по одной пуле в грудь и по две - в голову. Судя по брызгам крови, контрольные выстрелы в голову были сделаны, когда они упали на землю. По-моему, это выглядит довольно профессиональной и чертовски хладнокровной работой. Похоже на дела, что мы видим в Портленде, Сиэтле или Спокане.

- Мы сами взглянем, - вставая, проворчала Рабанг.

- Развлекитесь до упаду, - весело сказал Лир, довольный, что отделался от них. - Агент Миллер, если вы, ребята, сможете там найти хоть что-нибудь, что я пропустил, то приглашаю вас на ужин, когда "Риголетто" снова откроется.

Рабанг отклонила его мирное предложение.

- Чушь, - ответила она. - Я тебя предупредила. Или ты наденешь наручники на этих расистских ублюдков в течение сорока восьми часов, или прокурор США заберёт это дело себе, а ты можешь рассчитывать на место охранника в "Майти Март".

И вышла с гордым видом, а Пангборн - за ней, и, обернувшись в двери кабинета, посмотрел на Лира, беспомощно пожав плечами. Лир дружески махнул ему, жестом признания беспомощного недовольства белых мужчин из всех слоёв общества, недовольства, которое на протяжении многих лет росло всё больше и больше. Когда дверь закрылась, Лир включил внутреннюю связь.

- Диспетчер, - ответил женский голос.

- Привет, Крисси, - устало произнёс Лир. - Крисси, можешь связаться с Лео Галли около "Риголетто" и сказать ему, чтобы он передал полицейским на месте и тем

судмедэкспертам из штата, что их ждёт поучительный опыт от посещения двух обаятельных людей из ФБР? Они сейчас к ним подъедут.

- Конечно, шериф! - радостно чирикнула Кристина Экстрем. - Я сейчас же дам знать ребятам!

* * *

После получения от Кристины первого сигнала, Хэтфилд и Локхарт Кошкин Глаз поехали прямо к кооперативу "Проспект Колумбии", а остальные добровольцы направились каждый к своей позиции. Было утро рабочего дня, и на стоянке у кооперативных домов было довольно свободно. Хэтфилд осторожно завёл "юкон" задним ходом за дальнюю восточную сторону здания.

- После атаки мы спустимся по наружной лестнице, - сказал он Локхарту. - Будем надеяться, что те деревья и край здания скроют нас.

Они вышли из внедорожника. На обоих были джинсы, лёгкие брезентовые ветровки неопределённого цвета, но с глубокими карманами, свёрнутые лыжные маски на головах, похожие на бейсболки, и лёгкие спортивные кроссовки на ногах.

Зак с Котом находились менее чем в 400 метрах от площадки на набережной и всей полицейской суматохи, но жилой дом закрывал обзор. Хэтфилд осмотрел район. Похоже, поблизости никого не было.

- Теперь перчатки, прежде чем войдём, чтобы мы нигде не оставили ни единого отпечатка, - приказал Хэтфилд, и они надели хирургические перчатки. - И чтоб потом никто из нас не забыл их сжечь. Они могут снять отпечаток кончика пальца с внутренней части перчатки.

Потом они открыли заднюю часть внедорожника и вынули две картонные коробки из "Майти Март" в Лонгвью: большую квадратную с пометкой "карточный стол", с винтовкой Кота, прицелом и обоймами, и другую большую, но подозрительно лёгкую, надпись на которой гласила, что в ней находится переносной телевизор с экраном 32 сантиметра, а на самом деле - автомат "М-3" Хэтфилда, обоймы и принадлежности для взятия заложников.

- Никаких масок внутри здания на случай, если мы натолкнёмся на кого-нибудь в холле или в коридоре. Если это случится, подними свою коробку, чтобы закрыть лицо. Пошли. Нам нужно попасть туда и глянуть на эту крышу. Мы должны были сделать это раньше, но кругом всё время было слишком много народу, и я не хотел, чтобы заметили, как я лазаю по крыше. Я не хочу так рисковать. Думаю, что в следующий раз мне нужно всё спланировать получше.

- Э-э, лейтенант, ты же знаешь, что говорят, - весело ответил Локхарт. - Любой план рушится в первый же день боя.

- Да я и не стремлюсь сохранить план, мне хочется, чтобы выжили *мы*, - сказал Хэтфилд.

Держа коробки строго на высоте плеч и закрывая лица от камеры слежения в углу они вошли в холл. Хэтфилд выглянул и отметил, что в маленьком офисе темно. Ни там, ни в холле никого не было. Вызвали лифт, вошли и доехали до третьего этажа, снова поднимая коробки, когда двери лифта открылись. Вышли. Коридор, покрытый коврами, был пуст, хотя из какой-то квартиры где-то дальше по коридору слышался звук включённого телевизора.

- Налево, - скомандовал Хэтфилд.

Они прошли в дальний конец холла и открыли дверь на лестничную клетку. Один лестничный пролёт, и они на крыше. Кот опустил свою коробку и попробовал открыть дверь. Она открылась.

- И даже не надо вскрывать замок! - возликовал он.

Зак подпёр открытую дверь своей коробкой, когда они вышли на крышу. Было холодное серое утро, и резкий ветер с реки шумел в ветвях деревьев вдоль Ривер Уок.

- Ложись, - приказал Зак. - Они могут заметить нас здесь, особенно в бинокль.

Вдвоём они подползли по крыше к низкому кирпичному парапету, украшенному декоративными железными перилами, примерно в полметра высотой, и Кот взглянул вниз.

- Ну, я не знаю, командир..., - неуверенно покачал он головой.

Зак понял, что тот имел в виду. С места, где лежали добровольцы, можно было видеть набережную на 39-й стрит, и площадку в конце её с рестораном для яппи и рядом магазинчиков. По крайней мере, восемь полицейских машин вытянулись вдоль набережной, мигая сине-красными фонарями. Рядом стоял большой служебный фургон, в котором должна была находиться группа судмедэкспертов. Полицейские стояли в кустах, курили и прихлёбывали кофе, или сидели в машинах, явно в ожидании чего-то. Несколько высоких вязов и клёнов вдоль Ривер Уок заслоняли видимость. Была зима, ветви деревьев обнажились, но трепетали и раскачивались от ветра.

- Можно попытаться выстрелить через эти ветки, но они адски портят вид в прицел, а если пуля попадёт в одну из веток, то отклонится. Но, похоже, места получше здесь нет, - заметил Локхарт.

Слева от добровольцев крыша имела уклон под большим углом и шла прямо вниз к кирпичной опоре, идущей вдоль всего здания. Для Локхарта было невозможно присесть под прикрытием небольшого кирпичного выступа нигде кроме как здесь, в восточном углу. И для того, чтобы избавиться от деревьев и сделать чистый выстрел ему пришлось бы сохранять равновесие на наклонной крыше, а его с винтовкой будет чётко видно с набережной любому, кто случайно взглянет вверх.

- Единственное, что я могу придумать, это подняться вверх по крыше и лечь, вытянувшись на другой её стороне, используя саму крышу как прикрытия, - продолжил Локхарт. Но я всё равно должен высунуть голову довольно далеко, чтобы увидеть, что происходит, и сделать выстрел.

- Тебя также легко увидит любой человек с другой стороны здания, - сказал Хэтфилд, недовольно качая головой. - И потом, во время отхода тебе придётся карабкаться по этой стороне крыши в пределах дальности их оружия, и ты сам станешь уязвимой целью. Чёрт побери, Кот, прости. Я должен был попасть сюда и проверить это место заранее. Пусть это будет уроком для меня. Нет, это не годится. Нам придётся использовать одно из окон. Возвращаемся.

Вернувшись в лестничный колодец, Хэтфилд сказал:

- Давай распакуем оружие, подготовимся и бросим коробки здесь, как задумали.

Вскрыв коробки руками в перчатках, они достали своё оружие, закрепили магазины и дослали патроны. Кот проверил держатель оптического прицела, который он оставил закреплённым на оружии, и быстро прицелился через открытую дверь в одно из деревьев, чтобы убедиться, что прицел не сбился. Хэтфилд переложил клейкую ленту и пластиковые наручники в карман куртки, сумку с магазинами для пистолета-пулемёта повесил через плечо на ремне, потом накрутил глушитель для патронов калибра 5,6 мм и положил его в другой карман. Потом они спустились по лестнице на третий этаж.

- Маски, - приказал Хэтфилд, и они натянули на лица лыжные маски. Он выглянул в дверь. Коридор был по-прежнему пуст.

- Хорошо, всего двадцать четыре квартиры, восемь на этаж, четыре на одну сторону. Я бы сказал, что самой лучшей позицией для нас будет последнее окно отсюда вниз, справа от нас. Это будет квартира "З-Г". Приготовь свою отмычку.

Они стремительно проскочили с оружием наизготовку через холл в дальний конец коридора к квартире "З-Г". Когда они проходили мимо квартиры "З-В", то ясно услышали звук телевизора внутри.

- В этой кто-то есть, - прошептал Хэтфилд. - Нам надо вести себя тихо, как только попадём внутрь.

Они подошли к двери квартиры "З-Г". Кот прислонил винтовку к стене и достал небольшой складной инструмент, похожий на складной нож, с рядом тонких и необычных лезвий и игл, торчащих из него. Он уже собирался начать копать в замке, когда что-то заметил.

- Чёрт! - выдохнул он и показал на верхний угол двери.

Хэтфилд увидел маленькую светящуюся красную лампочку и маленький щит с тремя крошечными звёздами на нём.

- Это система охранной сигнализации "ТриСтар", - пояснил Локхарт. - Она вполне действующая, могу сказать. Мы вскроем эту дверь, и она сработает. Тот, кто живет здесь, должно быть, включил сигнализацию, когда ушёл сегодня утром.

Хэтфилд взглянул на дверную табличку с надписью "*Финкбон*".

- Похоже на еврейскую, - сказал он. - Жид, скорее всего, узнал, что "Системы охраны Стайнберга" - халтура, и захотел иметь настоящую систему сигнализации в своей квартирке, поэтому установил собственную. Проклятье! Значит, нам придётся попасть в квартиру "З-В". Там кто-то есть, значит, никакая сигнализация не включена, но я очень надеялся, что нам не придётся брать заложников. Вот дерьмо! Ну, делать нечего. У нас кончается время. Эти фибы уже должны быть близко.

Они молча подошли к двери квартиры "З-В". На двери была табличка с фамилией "*Энглхардт*". Кот быстро и умело вставил в замок одно из своих странных лезвий, затем другое. Второе сделало своё дело: засов отскочил, дверь приоткрылась, и показалась золотая цепочка. Теперь мужчины ясно слышали звук телевизора. Это были новости "Си-Эн-Эн".

- Я её выбью, - шепнул Зак. Он отступил на шаг, сильным ударом ноги сорвал цепочку и распахнул дверь. Зак и Кот рванули в прихожую квартиры, а Локхарт пнул и захлопнул дверь. Они ворвались в гостиную.

Седой старичок сидел на диване и смотрел телевизор. Он был в костюме и галстук, чисто выбрит, а на диване рядом с ним лежала алюминиевая инвалидная тросточка. Очевидно, он даже не слышал, что дверь выбили. Старичок с некоторым удивлением посмотрел на двух взломщиков, спокойно взял в руки пульт, приглушил звук телевизора и сказал:

- Тут нечего красть, мучачос. Не верите, так разбейте квартиру на куски, если хотите. Если разозлитесь, когда ничего не найдёте и убьёте меня, то чёрт с вами и вашими бобовыми мамами, которые родили вас, трахаясь с козлом и ослом. Ну и как вам это нравится?

- Мы не мексиканцы, мистер Энглхардт, - ответил Хэтфилд. - Меня зовут Смит, а это мистер Джонс. Мы из Добровольческой армии Северо-Запада. Сэр, я прошу прощения, что мы так вломились к вам. Чертovski грубо с нашей стороны, я понимаю, но, к

сожалению, нам необходимо воспользоваться вашими окнами. Мы уберёмся отсюда, как только сможем, я обещаю, но боюсь, что мне придётся связать вас для уверенности, что вы не наделаете глупостей.

Кот зашёл сначала в одну спальню, потом в другую. И покачал головой. Хэтфилд закинул автомат за спину и вытащил клейкую ленту.

- Говоришь, Добровольческая армия Северо-Запада? - строго сказал старик, сверля их глазами, как будто мог увидеть лица под масками. - Вы сегодня утром во всех новостях. Это всё, что я нынче смотрю. Новости и старые фильмы. Есть спутниковое телевидение, три сотни каналов, а смотреть нечего, одно дерьмо. Невозможно ничего смотреть после того, как Джон Уэйн умер. Вы, должно быть те же парни, что шлёпнули прошлым вечером там, на набережной двух ходоков по Красному морю?

- Вроде того, - ответил Хэтфилд.

- Чёрт, жаль, что я пропустил ваше выступление, - сказал старик. - Я как назло смотрел Поллианну. Конечно, я услышал выстрелы, но пока добирался до окна, вы, ребята, сделали дело и свалили, как я и сказал полицейским, которые постучали в дверь ни свет, ни заря. Но теперь вы вернулись, и, судя по "М-21", похоже, собираетесь пострелять ещё. Из моего окна. Ты собираешься стрелять в полицейских, сынок? - спросил старик Кота. - Это ведь жестоко, тебе не кажется? Они же просто обычные Джо как мы с тобой.

Кот взглянул на Хэтфилда, который заметил:

- Я надеюсь, что мы не попадём ни в кого из местных полицейских, сэр. Мы охотимся на крупную дичь. Сюда едут два агента ФБР, и мы ждём их.

- Ну, и черти! - крикнул старый Энглхардт. - Конечно, используйте моё окно! И свяжите меня, если нужно. Но должен предупредить тебя, сынок, что я недавно вырезал простату, и мой пузырь совершенно неуправляемый. Когда мне нужно, то нужно, так что не обижайтесь, если я наделаю в штаны. Можете бросить полотенца или ещё что-нибудь под мой стул.

Быстро подумав, Хэтфилд решил рискнуть.

- Сэр, мы действительно не хотим вас связывать, вставлять кляп или стеснять вас больше, чем уже были вынуждены, но у нас здесь дело, и мы не можем рисковать, что вы разозлитесь, попытаетесь позвонить по телефону или позвать на помощь в неподходящий момент.

Кошкин Глаз уже посмотрел из обоих окон. Выбрал правое, открыл его, быстро снял сетку и закрыл жалюзи, оставив небольшое отверстие сантиметров в сорок. Переставил столик под окно и придвинул кресло. Сел, прикрепил сошки к стволу винтовки в нескольких сантиметрах за дулом, накрутил на левую руку ремень для дополнительной устойчивости и поводит стволом слева направо.

И доложил:

- Прекрасно!

- Мистер Энглхардт, можете дать слово, что ни в коем случае не будете пытаться мешать нам? - спросил Хэтфилд. - Если да, мы будем приглядывать за вами, но не свяжем.

- Слово, сынок, - сказал старик. - Но при одном условии. Когда придёт время, я хочу поглядеть на это из другого окна.

- Вы не любите федеральных агентов, мистер Энглхардт? - удивился Локхарт.

Старик нахмурился.

- Я не люблю всех, кто связан с правительством, которое украло мою пенсию, на которую я всю свою жизнь платил налоги, спустило всё на фондовом рынке, когда ввели те личные инвестиционные счета, как их называли, и оставили меня жить на 445 долларов

в месяц компенсации, которые я получаю только потому, что успел выйти из пенсионной программы, когда она сдохла. Когда мои внуки доживут до моих лет, то не получат ни черта, но они всё равно обязаны платить отчисления на затыкание дырок в бюджете этих сволочей в Вашингтоне, которые продули фонд социального страхования, как пьяные матросы.

- Как можно прожить на 445 долларов в месяц? - удивился Хэтфилд. - Вы не против, если я спрошу, как вы можете позволить себе жить в этом месте?

- О, жида, которые построили эти квартиры, получили навечно полные скидки на все налоги на имущество от продажных пиявок в правительстве штата и округа и не платят вообще никаких налогов, за воду или электроэнергию, пока оставляют по две квартиры для таких старикашек как я, так называемых заслуженных пожилых людей, - проворчал старик. - Я и старая мадам Хоскинз внизу, в квартире "2-Б" внизу, вытащили счастливые билеты. Я - ветеран Вьетнама. Поэтому и узнал этот автомат Джонси. Когда-то я сам таскал старую "М-14". Бетти Хоскинз попала сюда, заявив, что она - лесбиянка, хотя это довольно смешно для женщины в 75 лет, и ей самой стыдно до слёз, но что ещё, чёрт возьми, ей было делать? Если бы не эта квартира, нас обоих отправили бы в приют и, наверно, нам уже сделали бы смертельные уколы. И проклятые цветные врачи не могут убить нас, белых стариков, достаточно быстро после того, как личные страховки закончатся. Но я должен жить целый месяц не на все эти 445 зелёных, сынок. С меня ещё берут из них за эту квартиру 400 баксов в месяц.

- Значит, у вас остаётся 45 долларов, чтобы протянуть месяц. Как вы можете выжить на них? - поразился Хэтфилд.

- Я тебе покажу. Посмотри у меня на кухне, в шкафах за счётчиком.

Хэтфилд пошёл и открыл шкафы. И увидел длинные ряды банок.

- Собачий корм?! - ахнул поражённый Зак, в ужасе не веря своим глазам. - Вы живёте на *корме для собак*? Матерь Божья!

- К тому же на дешёвом, - фыркнул Энглхардт. - Да, я получаю кое-какую помощь в местном пункте раздачи еды для бедных, если успеваю попасть туда рано утром в понедельник, пока толпа мексиканцев не расхватала все приличные продукты. Обычно мне дают немного риса и бобов, а иногда сушёную картошку с луком, и я научился варить что-то вроде гуляша. Иногда можно получить острый луизианский соус или чеснок, чтобы отбить вкус, хотя большинство других сильных приправ расстраивают моё старое брюхо. Я готовлю всё это в одной кастрюле на плите и оставляю тухнуть. Она перед тобой.

Хэтфилд поднял крышку с кастрюли на плите и увидел клейкую массу, которая была похожа на рвоту.

- Боже милостивый! - простонал он.

Энглхардт пожал плечами.

- Мои двое внуков и внучка помогают мне, когда могут, хотя им самим трудно. Мой сын Адам, их отец, был убит в Ираке ещё в 2007 году. Сын должен был работать на компанию "Халлибертон", но оказалось, что на самом деле его наняли как субподрядчика, который подпадал под Главу 11 Кодекса. Поэтому компания не выплатила все пособия в связи со смертью, как обещала своим сотрудникам.

Мой внук Тодд был в Газе и перечислял мне часть своей зарплаты, но потом он вернулся без ноги, и его выгнали, так что денег не стало. Другой внук Джордж безработный уже несколько лет. Джордж рассказал анекдот про ниггеров, и какой-то белый придурок донёс на него, так что его внесли в чёрный список. Муж внуки Кэсси

сейчас в Афганистане; он предложил мне помощь, но я попросил его сохранить деньги, ведь ему надо заботиться о своей семье.

В любом случае, большинство дел, на которые я хотел бы потратить деньги, мне уже делать поздно. И, в конце концов, в этой квартире действительно есть бесплатное ТВ, так что я могу следить за окружающим миром каждый день до упора. Скажите мне кое-что, ребята, - спросил старик. - Правда, что эти два жида вчера вечером собирались на импортный ужин ценой 60 тонн баксов, доставленный самолётом из Израиля?

- Где вы это слышали? - спросил Локхарт, по-прежнему глядя из окна.

- По "Си-Эн-Эн". Там один раввин из Портленда плакал навзрыд и давился слезами, как припадочный, говоря о том, как эти две замечательные и любящие еврейские птички собирались сесть за такую страшно дорогую еду, и что Джейки потратил уйму денег, чтобы выразить свою любовь к Ирэн. Чертовски много денег, хотел он подчеркнуть.

Вот как жид выказывает свою любовь: тратит огромные деньги. Они оценивают всё в деньгах, всё в мире видится им с прилепленным ценником. И когда я услышал это, то подумал о Тодде, потерявшем ногу защищая Израиль от несчастного народа, у которого жида украли землю. И отстаивая право жидов жрать еду за шестьдесят штук баксов в трёхстах метрах от места, где я жую корм для собак.

Вон на стене висит медаль "Серебряная звезда" за Кхесань, а мой сын мёртв, мой внук на всю жизнь остался калекой, защищая этих тварей и их дерьмовую маленькую краденую страну. Тех, кого я скоро покину, не ждёт в будущем ничего, кроме глухой стены, а жида с наглыми мордами сидят там, почти на моих глазах, пихая в себя еду за шестьдесят тысяч долларов. Будь они *прокляты!* Пусть сгорят *в аду!* Боже, как хочется есть... .

И Хэтфилд увидел, как по щекам старика покатались слёзы.

Энглхардт поднял глаза и тихо сказал:

- Сынки, если это вы были там вчера вечером, вы поступили правильно. Вы сделали хорошее справедливое дело. Никогда не сомневайтесь в этом. Теперь я могу умереть более счастливым, потому что дожил, чтобы увидеть хоть каплю справедливости для меня и моих близких. Может, сегодня вы покажете мне ещё немного. Делайте, что должны, ребята, и не беспокойтесь обо мне.

Телефон Хэтфилда запищал. Он достал телефон и увидел на экране "Я МОГУ ПОПРОБОВАТЬ ЭТО ЗЕЛЁНОЕ ПИВО СЕЙЧАС".

- Они на подходе, - сказал он Коту.

Зак закрыл крышку телефона, но тот почти сразу же запищал снова. На этот раз он прочитал: "ДВЕ ДОСТАВКИ СКОРО БУДУТ ТАМ".

- Хорошо, мистер Грин ждите их. Зелёный внедорожник, полностью тонированные стекла, не забудь.

- Фибам придется выйти из машины, когда они попадут на эту набережную, - уверенно сказал Локхарт. - А когда уроды выйдут, я сброшу их в реку!

Рабанг Миллер в "крайслер аспене", наконец, закончила рвать квитанцию помощника шерифа на самые мелкие клочки, какие могла, опустила стекло и выбросила их. Пангборн, который был за рулем, посмотрел и резко бросил ей:

- Подними стекло! Ты знаешь порядок! Слышала, что сказал шериф? Один из этих людей может быть военным снайпером!

- Возможно, эти деревенщины захотят выписать мне ещё один штраф за мусор? - презрительно усмехнулась Рабанг. - Кроме того, я думаю, что шериф заодно с расистами.

- Да ну? - вежливо произнёс Пангборн и устало закатил глаза. - На чём ты основываешь этот блестящий вывод?

- Я - цветная женщина, - важно ответила она. - Это значит, что у меня нюх на расистов, шестое чувство.

Пангборн вздохнул.

- Слушай, Рабанг, я хочу тебе сказать кое-что, и, если захочешь, можешь доложить обо мне в офис многообразия и толерантности, но лучше послушай. Это для твоего же блага. Не все белые - расисты и участники тайного заговора с целью принизить женщин и цветных. Не все белые мужчины - твои враги, но если ты и тебе подобные не бросят вести себя как последние идиоты, ей Богу, в конце концов, мы ими станем!

- И что же, чёрт возьми, ты имеешь против мне подобных? - холодно процедила Рабанг.

"Вот дерьмо, на этот раз я прокололся!" - простонал про себя Пангборн. *"Теперь мне точно светит Ном на Аляске"*. Он начал придумывать подходящее раболепное извинение, когда мобильный телефон Рабанг проиграл первые несколько тактов песенки "Я - женщина, слышишь, я рыдаю", и она открыла крышку аппарата. Пангборн молча вёл машину и повернул налево на 39-ю стрит, пока Рабанг была занята разговором с кем-то, очевидно, из дорогой частной средней школы её сына в Портленде.

"Видно, младшенький снова вляпался в дерьмо", - подумал Пангборн. *"Может, это отвлечёт её от моего политически некорректного ляпа"*. Он поехал направо мимо Проспекта Колумбия, на набережную, в сторону полицейских машин и жёлтой ленты, окружающей место преступления на площадке.

- Вон они, - сказал Хэтфилд, глядя через щель в жалюзи.

Старик Энглхардт также осторожно выглянул из второго окна через жалюзи.

- Веду их, - ответил Локхарт, нацеливая винтовку и медленно сопровождая "крайслер".

Внутри внедорожника Рабанг раздражённо захлопнула крышку мобильного.

- Что на этот раз Хуан натворил? - спросил Пангборн, надеясь отвлечь её от предыдущего разговора.

- Как обычно, - бросила Рабанг. - На этот раз просто несколько доз в его шкафчике, но для одного раза это слишком много, и они говорят об отчислении. Если его выгонят из Академии Вествуд, это будет вторая школа за год! Я сказала директору, что буду на родительском собрании в час дня.

- Это будет довольно напряжённо, - сказал Пангборн, тормозя, чтобы остановиться у фургона судмедэкспертов из полиции штата. - Мы пробудем здесь, по крайней мере, полчаса, потом минимум два часа обратно в Портленд, где мы попадаем в толчею во время обеденного часа. Не думаю, что ты успеешь. Лучше перезвони ему и попробуй изменить время.

- Ни хрена, - отрезала Рабанг. - Я не собираюсь рисковать спустить в унитаз ещё восемь тысяч долларов, потому что этот маленький наркоман даже не может закончить семестр. Немедленно возвращаемся.

- Назад в Портленд? Сейчас? - Пангборн был ошеломлён.

Старший помощник шерифа округа Клэтсоп уже подходил к их машине.

- Разве мы не должны были расследовать двойное убийство?

- Забей, - отрезала Рабанг. - Ты слышал, я сказала "Клетусу", что у него есть сорок восемь часов, чтобы поймать этих расистов, и так как я не сомневаюсь, что он может "простудиться", то через два дня мы вернёмся сюда с полномочиями, с нашей собственной

командой и со списком имён из министерства внутренней безопасности. (*Клетус - персонаж из мультсериала "Симпсоны", белая деревенщина - Прим. перев.*). Мы потрясём каждое дерево в этом округе, соберём всех упавших обезьян и используем Протокол Дершовица, чтобы получить необходимую информацию, а также все нужные признания.

Помощник шерифа постучал в стекло. Пангборн опустил стекло вниз и на мгновение показал жетон.

- ФБР.

- Приветствую, - сказал помощник. - Шериф сообщил, что вы появитесь. Мы вас ждём.

- Можете дать нам минуту, помощник? - спросил Пангборн и снова поднял стекло.

- Я знаю, почему был введён протокол Дершовица и всё прочее, но должен признаться, что хотел бы иногда получать признания, не втыкая иголки под ногти людей, - раздражённо сказал он своей партнёрше.

- Это пустяки, - бросила Рабанг. - Разворачивайся, и едем обратно в Портленд. Официально я - мать со льготами, значит, могу взять себе отгул в любой момент по желанию, а если у тебя есть какие-нибудь вопросы по этому поводу, я буду рада пригласить босса Вайнштейна, чтобы он объяснил тебе всё коротко и ясно.

Для Пангборна это было решающим. Весь офис знал, что Эллиот Вайнштейн трахает Рабанг, и агенты - белые мужчины даже называли это "Ра-бангинг" в кафе и баре клуба, обязательно оглянувшись по сторонам, не подслушивает ли кто. (*Обыгрывая имя Рабанг и грубое "банг" - "трахаться". - Прим. перев.*). "Что за чёрт", - подумал он. "Я думал, что работаю агентом ФБР, а не водителем такси для этой суки, но раз плата одинакова, так почему бы и нет?"

Кроме того, Пангборна смущало ещё что-то, шестое чувство, сохранившееся со времени, когда он был в Ираке. Упоминание шерифа о мастерстве снайпера Локхарта беспокоило Пангборна где-то в глубине души, и теперь он оглянулся на жилой дом. Крыша, все эти окна. В Багдаде он и его люди никогда не остались бы около здания вроде этого, если оно не было зачищено и "умиротворено" артиллерией, ударом с воздуха, или же тупыми морскими пехотинцами - адреналиновыми наркоманами, играющими со смертью, которым ничего не нравилось больше пинков в двери, чтобы увидеть, не взорвётся ли что-нибудь. Внезапный отъезд отсюда показался не такой уж плохой мыслью. А если главный спецгент заворчит, он просто скажет, что Рабанг имеет статус матери со льготами, которой у неё действительно был, и для Бюро достаточно.

- Отлично, - сказал Пангборн, разворачивая внедорожник и медленно выезжая с набережной на 39-ю стрит. - Снова домой, снова домой, джиггити-джиг.

Позади них помощники шерифа изумлённо уставились друг на друга.

- Что за дьявольщина? Они уезжают! - присвистнул Хэтфилд.

- Их как-то предупредили, - подумал вслух Локхарт.

- Я не верю своим глазам!

- У нас отбой, командир? - спросил Локхарт.

Зак глубоко вздохнул.

- Чёрта с два отставить! Может быть, им дали совет, может, они просто испугались, а может, их отозвали, кто знает? Но *я вижу* их, и, чёрт возьми, они не уйдут прямо из под нашего носа! Неважно, в чём дело, но сегодня мы завалим этих ублюдков! Вперёд!

Хэтфилд быстро достал бумажник, вытащил из него все деньги и положил на стол.

- Мистер Энгхардт, это всё, что у меня есть. Я постараюсь иногда присылать побольше. Ешьте как следует и постарайтесь прожить достаточно долго, чтобы умереть в

свободной, белой Северо-Западной республике. Держитесь, старина. В один прекрасный день конница прилетит из-за холма.

- *Бейте их, сынки!* - прокричал старик в радостном волнении, размахивая тростью в воздухе, пока добровольцы выбегали из квартиры.

Они бросились по коридору и вниз по лестнице наружу и за двадцать восемь секунд оказались на переднем сиденье "юкона", Кот с винтовкой между колен, а Зак успел завести двигатель. Зак выскочил на 39-ю стрит как раз вовремя, чтобы заметить зелёный внедорожник, сворачивающий налево на проезд Лейфа Эриксона.

- Похоже, они по какой-то причине возвращаются в Портленд, - заметил Хэтфилд.

- Или заманивают нас в ловушку, - предположил Локхарт.

- Если бы это была засада, они бы ударили по нам в этом доме или, по крайней мере, на улице на стоянке, - сказал Хэтфилд. - Федералы всегда стараются окружить и задержать. Они никогда не позволят своим объектам передвигаться, если могут этому помешать. Нет, эти двое почему-то занервничали и стремятся вернуться в своё гнёздышко. Сверни маску, - сказал он и выполнил собственный приказ. - После прошлого вечера я не хочу, чтобы люди увидели двух человек в масках, едущих по дороге.

Зак немного повысил скорость и теперь уже видел "крайслер". На извилистой дороге из Астории они шли с разрешённой скоростью в 60 километров в час. Между ними находилась другая машина. Зак достал телефон и набрал быстрый номер телефона Чарли Вошберна.

Чарли ответил на звонок.

- Хвала Иисусу! - воскликнул он.

- Простите за звонок, преподобный, - сказал Хэтфилд. - Но я не вижу никакого другого способа сделать это. Вы знаете, мы все собираемся у реки, красивой, чудесной реки, но здесь у нас пара грешников, которые отступили от веры и отвернулись от спасения. Они направляются в вашу сторону, расчётное время прибытия - около девяносто секунд, зелёный "крайслер аспен", с полностью тонированными стеклами, которым я не могу подобрать выражение по Священному Писанию. Не могли бы вы показать им ошибочность их пути и подождать нашего второго пришествия, чтобы мы могли поразить их жезлом железным?

- Истинно, мы удостоим их Святой ручной гранаты Антиоха.

- Эээ..., преподобный, это не Библия. Это Монти Питон, - раздражённо заметил Хэтфилд.

- Просто держитесь достаточно далеко, чтобы не получить свою божественную награду. И всегда смотри на светлую сторону жизни, сын мой.

Чарли отключился.

- Клянусь тебе, что если это было бы записано и воспроизведено в суде, мы могли бы заявить о своей невменяемости, - сказал Хэтфилд. - Они собираются использовать свою самодельную бомбу, чтобы подорвать федералов на дороге на Танг Пойнт. Как только автомобиль фибов остановится, берём их. Как получится.

- Я встану и выстрелю с крыши, - сказал Локхарт.

Странное чувство в глубине души Брайана Пангборна не исчезало. Рабанг снова взялась за его будто бы расистское замечание, и без умолку болтала о том, как она поражена, что такие пещерные взгляды, как у него, не искоренены в Бюро. Пангборн взглянул в зеркало заднего вида и увидел автомобиль позади него, сворачивающий с дороги. За этой машиной шёл разбитый внедорожник "юкон" защитного зелёного цвета.

На взгляд Пангборна машина шла с небольшим превышением скорости. Он прервал Рабанг.

- Свидетели в ресторане показали, что стрелками были двое мужчин, которые скрылись с места преступления в тёмном внедорожнике, верно?

- Да, - подтвердила Рабанг. - А что?

- Этот "юкон" за нами, - показал Пангборн. - Похоже, в нём двое мужчин.

Рабанг оглянулась и посмотрела назад.

- Это может быть кто угодно, - бросила она.

- Смотри, как он немного ускоряется, а потом тормозит? - отметил Пангборн. - "Юкон" пытается держать определённую дистанцию между нами, великоватую, как будто он отстаёт по какой-то причине. На этой извилистой дороге на скорости шестьдесят, если он местный йеху, то должен держаться ближе. Это просто ощущение, но мне оно не нравится.

Они прошли точку, где проезд Лейфа Эриксона переходил в шоссе 30, и разрешённая скорость увеличилась до 72 километров в час.

- Видишь? Я сейчас ускорился, и он тоже, но всё-таки держится примерно в семидесяти метрах от нас.

У Танг Пойнт Чарли Вошберн развернул чёрную "тоёту камри" и направил её на шоссе.

- Будем их таранить? - спросил Ли.

- Нет, если только не будем вынуждены, - ответил брат. - Мне хотелось бы вернуть эту машину Джерри Лундгаарду целой, так как он любезно разрешил нам взять её на время. Я собираюсь подъехать и посмотреть, не сможем ли мы сбросить их там с дороги в канаву. Ты сядешь на левое заднее сиденье, у меня за спиной, так что когда мы выскочим из машины, она окажется между нами обоими и пушками федералов. Я обстреляю их из "Узи", а ты готовься щёлкнуть зажигалкой, поджечь этот шнур и попробуй подорвать ось машины, *не поставив* под угрозу Зака и Кота, которые приближаются к ним сзади. Боже, надеюсь, движение останется таким же редким, и никто не появится на дороге прямо в этот момент! Маски!

В "крайслере" Рабанг Миллер достала пистолет и дослала патрон в патронник.

- Осторожнее с ним! - рявкнул Пангборн, ища место, где остановиться у края дороги, чтобы в зависимости от обстановки позволить или не позволить "юкону" проехать.

Пангборн заметил подходящее место для остановки прямо на пересечении дорог Танг Пойнт-Роуд и Эмералд Драйв, и поэтому на самом деле притормозил и стал прижиматься вправо. Внезапно "камри" с рёвом вылетела с Танг Пойнт-роуд и остановилась прямо под мигающим жёлтым сигналом светофора, висящего над перекрёстком. Пангборн заметил двух мужчин в лыжных масках, выскочивших из этой машины. И услышал похожий на заикание звук стрельбы из автомата "Узи" и увидел вспышки. Раздались хлопки, когда 9-мм пули врезались в лобовое стекло. Поликарбонат выдержал, но лобовое стекло перед Пангборном покрылось большими уродливыми белыми пятнами.

- *Это они!* - в ужасе завопила Рабанг. - Хрен с машиной за нами, мудака! Они перед нами!

Пангборн решил попытаться повернуть направо на Эмералд Драйв, но вдруг увидел чёрный цилиндр, летящий к нему по воздуху. Цилиндр ударился о лобовое стекло, отскочил, и как только он крикнул "*Бомба!*", самодельная бомба взорвалась в воздухе примерно в метре перед агентами ФБР со странным скрежещущим звуком, средним между

хрустом и звоном. Броня "крайслера" всё ещё держалась, но передний бампер был разорван почти полностью и хлопнул по лобовому стеклу, сила взрыва смяла переднюю часть, где раздалось шипение, и пошёл пар от вытекающих жидкостей и коротких замыканий. Пангборн потерял управление, и "крайслер" сполз в канаву. Пули из "Узи" всё ещё стучали по бронированному корпусу.

"Юкон" остановился всего в 50 метрах за ними. Хэтфилд вышел из машины и, перегнувшись через капот "юкона", навёл на подбитый автомобиль ФБР свой пистолет-пулемёт в ожидании появления цели. Локхарт Кошкин Глаз через другую дверь с ловкостью змеи скользнул на крышу, распластался ничком и нацелил винтовку.

- Если они не выйдут, я двинусь с нашей бомбой. Прикроешь меня! - выкрикнул Хэтфилд.

Пар, дым и запах гари от повреждённого двигателя через вентиляционные отверстия начали заполнять салон "крайслера".

- Мы горим! - взвизгнула спецагент Миллер. Она рванула дверь и вывалилась из машины.

- Нет, стой! - крикнул ей Пангборн.

Рабанг бросила свой пистолет и побежала вверх по насыпи, истерически вопя от ужаса. Её было прекрасно видно стрелку с "Узи", поэтому Пангборн распахнул свою дверь и выскочил, присев за ней с пистолетом наготове, думая использовать бронированные панели в качестве прикрытия, чтобы выстрелить в "тоёту" и в автоматчика с "Узи". Он хотел заставить налётчиков пригнать головы, чтобы Рабанг успела упасть или убежать в лес. Агент был уверен, что те двое в "тоёте" и были убийцами Ирэн и Джейкоба Голдманов, но совершенно забыл о зелёном "юконе", который следовал за ними.

Собственно, времени вспомнить у Пангборна больше не осталось. Первая бронебойная пуля Локхарта вошла в основание черепа Пангборна сзади и обезглавила его, и фиб даже не услышал выстрела. Через мгновение второй выстрел Локхарта перебил позвоночник бегущей Рабанг Миллер, разорвал её сердце и грудину, и как кровавую крутящуюся тряпку бросил спецагентшу на землю, где она дрыгнула ногами, дёрнулась и затихла.

Кошкин Глаз спрыгнул с "юкона", подбежал к открытой двери водителя дымящегося "крайслера", наклонился и вложил вала бубен из колоды карт в мёртвую руку Пангборна. Потом подцепил пистолет Пангборна, засунул в его в свой задний карман и побежал вверх по холму, где лицом, повёрнутым к небу, лежала мёртвая Рабанг Миллер, и вставил второго вала ей в рот. Затем побежал обратно к "юкону". Хэтфилд махнул Вошбернам, которые сели в "тоёту" и свернули на шоссе 30 в сторону Джон Дей. "Юкон" последовал за ними. С момента, когда "тоёта" выскочила на дорогу, и до времени отъезда обеих машин Добрармии с места события, прошло тридцать четыре секунды.

Кошкин Глаз повернулся к Хэтфилду.

- И всё?! - удивлённо воскликнул он. - Это великое и ужасное ФБР? Жуткие, крутые агенты, которых мы все так боялись семьдесят лет? Боже, кролики, которых я стрелял, бились храбрее!

Хэтфилд усмехнулся.

- Я думаю, что они всегда этого боялись, - заметил он. - Боялись, что в один прекрасный день мы узнаем, как это просто.

* * *

Поздним вечером, когда шериф Тэд Лир, наконец, вернулся в свой кабинет, он сел за стол в кресло и закрыл лицо руками от утомления и глубокого уныния. Весь день творился сумасшедший дом: сначала убийство Голдманов, а теперь убийство двух агентов ФБР в его округе. Бюро прислало на вертолётах более 50 человек вооружённых до зубов спецназовцев, а также целые команды судмедэкспертов и множество мрачных, раздражённых и высокомерных мужчин и женщин в деловых костюмах, которые презрительно оттолкнули в сторону его самого и его людей и сновали во всех направлениях.

Лир даже не знал, как идёт расследование, а лишь то, что федеральные агенты кишат по всему округу Клэтсон, и что будет только хуже. Но самым страшным из всего была его уверенность, что Рабанг Миллер оказалась права. Теперь безумие творилось здесь, в Астории, в Сисайд, в его мире. Чувство долга неумолимо твердило Лиру, что он должен что-то сделать с этим, и что, возможно, при этом он погибнет. Господи, что будет с женой и детьми, когда он умрёт?

Он вздохнул, взял телефон и начал набирать телефонные номера. По первым трём никто не ответил. Он разыскал старую адресную книгу в ящике стола и нашёл номер мобильного телефона, для последней попытки. На четвёртый звонок ответил голос Зака Хэтфилда.

- Надо поговорить, - без предисловий сказал Лир. - В полночь. Ты знаешь, где.

- Мы оба придём одни, - сказал Хэтфилд. - Если я почую кого-то ещё поблизости, конец будет не только мне. Я говорю серьёзно, Тэд.

- Ты не доверяешь мне? - спросил Лир.

- А должен? - спросил Хэтфилд.

- Я буду там в полночь. Один. Приходить или не приходите - твой выбор.

Лир отключился.

Дождь прекратился, к ночи прояснило, и звёзды высыпали к тому времени, когда Лир поставил свою личную машину без опознавательных знаков на стоянке около спортплощадки средней школы Астории. Лир переоделся в гражданскую одежду в раздевалке полицейского участка, проверив, что с ним служебный автоматический пистолет в наплечной кобуре и меньший запасной в кобуре на лодыжке.

"Интересно, мог бы он действительно убить меня?" - размышлял Лир. *"Чёрт, это же Зак. Конечно, он убил бы"*.

Холод временно отступил, и по какому-то капризу тёплого океанского течения далеко от берега повеяло почти весенним теплом. Лир вышел из машины и подошёл к открытой трибуне. Траву до сих пор покрывали линии из извести, оставшиеся от прошлогоднего футбольного сезона, и стойки ворот до сих пор не убрали: зрители ещё не нашли время для подготовки поля к весеннему футболу. Лир заметил движение в тени внизу под трибунами, на которое не стал реагировать. Он поднялся на верхнюю трибуну и сел.

- Ты подойдёшь сюда или будешь говорить снизу? - позвал Лир.

Хэтфилд поднялся снизу трибуны и сел в том же ряду, слева от Лира, хотя и не в пределах досягаемости. Лир увидел, что Хэтфилд в широкополой фетровой шляпе, что он смутно связал с партией революции, которая теперь была вне закона.

- Хорошая шляпа.

- Спасибо. Ты вооружён? - спросил Хэтфилд.

- Конечно, - ответил Лир. - Я имею дело с убийцей. А ты?

- Конечно, - подтвердил Хэтфилд. - Я был уверен, что ты имел в виду это место. Нашу первую общую светлую память.

- Я защищал честь моей сестры, - обиделся Лир.

- Ну да, ты ударил меня, а потом Джулия врезала тебе, - вспоминая, засмеялся Зак.

- Ты подумал, что я затащил её под трибуны силой. Что-нибудь слышно о Джулии?

- Да, раз в пару месяцев она звонит мне.

- Она всё ещё там, в городе мишуры работает со всеми звёздами кино? - спросил

Хэтфилд.

- Да, по-прежнему в Бербанке.

- Она так и не вышла замуж за того актёра? - поинтересовался Хэтфилд.

- Почти, но она, в конце концов, вынуждена была поставить его перед выбором: она или кокаин. Кокаин победил, и она порвала с тем актёром, - рассказал Лир.

- Она очень здравомыслящая, - одобчительно сказал Хэтфилд. - И всегда была. Чёрт, у неё хватило здравого смысла, чтобы не выйти замуж за меня.

- В связи с последними событиями, я благодарю Бога за это, - сказал Лир. - Зак, ради Бога, что происходит? Ты совсем сошёл с ума? *Какого хрена* ты думаешь добиться всем этим?

- Я собираюсь изменить мир, или умереть, пытаюсь это сделать, - спокойно ответил Хэтфилд. - Скорее всего, умереть в попытке, но я так хочу, Тэд.

- Ну да, и это как раз способ добиться этого! - бросил Лир.

- Ты это сделаешь?

- Боже, Зак, что ты, чёрт побери, о себе думаешь? - воскликнул Лир. - Чёрт побери, ты же понимаешь, что в следующий раз, когда мы встретимся, мне придётся задержать тебя.

- Тогда ты понимаешь, что я должен буду сделать, Тэд. Думаешь, что сможешь схватить меня? Ладно, это не охрененно трудно. Может быть, тебе удастся. Может быть, посмотрим. Честное предупреждение, вот всё, что я хотел сказать. Но так не обязательно должно быть.

- Ты пытаешься завербовать меня в свой маленький клуб террористов, Зак? - устало спросил Лир. - Ну, давай же, ты разбираешься в этом лучше меня!

- Нет, я не собираюсь, - успокоил его Хэтфилд. - Тэд, я собираюсь рассказать тебе, как пойдут дела здесь с этого момента.

- Ты мне собираешься рассказать? - скептически переспросил Лир.

- Именно, о том, как обстоят дела в настоящее время на Северо-Западе, - спокойно, но твёрдо ответил Хэтфилд. - Правительство Соединённых Штатов, правительство штата Орегон и треклятые судьбы округа больше не правят на нашей земле. Мы здесь - власть. Северо-Западная Американская Республика появилась на свет 22 октября в Кёр д'Ален, и теперь законной властью является Совет Армии как временное правительство нашей республики в условиях чрезвычайного положения.

- Чушь собачья! - сплюнул Лир. - Вы - жалкая банда грабителей и психопатов, которые стреляют и взрывают подряд всех темнокожих!

- Да, так мы войдём в историю, если проиграем, - беззлобно согласился Хэтфилд. - Что касается наших убийств всех темнокожих, хотел бы я, чтобы всё было так просто. Просто убить энное количество цветных и бобоедов, а затем всем нам можно пойти домой и плюхнуться на диван перед телевизором. Но на самом деле всё не так. Наша цель не убивать людей, а *освободить* наш, белый народ от правительства и общества, которые

стали совершенно невыносимы и не имеют нравственного оправдания, и построить на их месте нечто новое и лучшее.

Чем всё это обернётся, во что уже превращается - в гражданскую войну между белыми, может быть такую же жестокую, как в 1861 году. Но мы намерены победить. Не спрашивай меня, откуда я знаю это, но я знаю, Тэд. Я думаю, что Бог не позволил бы нам зайти так далеко, если Он предназначил белой расе исчезнуть с лица земли. Во всяком случае, я не буду спорить на эту тему. В конечном счёте, все законы, права и власть основаны на организованном насилии. Всё остальное - показуха. Я как раз думаю, что наша сторона окажется лучше в его организации, чем ваша, но - посмотрим.

- Да, посмотрим, - холодно сказал Лир.

- Я не буду спрашивать, с кем ты, Тэд. Я уже знаю. Но я здесь, чтобы сказать, что у тебя есть выбор. Ты и твои люди в правоохранительных органах в нашем округе могли бы *остаться в стороне*. Вы можете продолжать следить за порядком так хорошо, как сможете, хотя вокруг бушует гражданская война. Но настолько, насколько это в человеческих силах, вам нужно держаться *подальше от неё*. Добрармия окажет вам всю помощь, на какую мы способны. Мы пойдём вам навстречу. Это будет тяжкий выбор, страшно трудный. Я понимаю, что мы ставим тебя в положение, которое было бы совершенно невыносимым, если только иной выбор не был бы бесконечно хуже.

- И как ты предлагаешь нам отойти в сторону, в то время как вы, ребята, несётесь по Орегону, как ураган смерти, кося людей направо, налево и в середине? - горячо воскликнул Лир. - Как ты предлагаешь мне сделать это, ведь именно я буду иметь дело с федералами и политической верхушкой, всеми общественными группами действий, Торгово-промышленной палатой и бог знает с кем ещё? Господи, ведь я же шериф!

- Федералы, ну да, они будут проблемой, некоторое время, - признал Хэтфилд.

- *Некоторое время?* - недоверчиво переспросил Лир.

- Через некоторое время, Тэд, им придётся расхлёбывать так много проблем, что наш маленький сельский округ в Орегоне будет довольно мало значить в списке их первоочередных задач, - мрачно ответил Хэтфилд. - Эта свора фибов, которая рыщет по всему городу, сегодня вечером, как термиты, потянется обратно в Портленд, и намного быстрее, чем ты думаешь, потому что с этого момента, ежедневно они будут получать целую уйму новых дел для расследования, не говоря уж о большем числе похорон убитых агентов ФБР. Через год эти два мёртвых чучела по дороге на шоссе 30 едва заслужат упоминания.

Что касается местных леваков и неоконсерваторов и обычных придурков-америкосов, которые дёргают твою цепь с тех пор, как ты исполняешь свои обязанности, о них также не беспокойся. Комиссия по многообразию округа Клэтсон? Мы собираемся "разнообразить" места для их задниц подальше отсюда. Латиноамериканская коалиция? Довольно скоро ты не услышишь и слова по-испански по всей Астории. Ассоциация открытых педиков? Все пидоры в округе или уберутся к чёрту или получат клизму калибром 9 мм.

Говорят, что вся политика делается на местах. Ну, одним из событий революции на Северо-Западе будет исчезновение всех этих местных политкорректных групп давления и особых интересов и ещё много чего, которые сделали несчастной жизнь нормальных людей и отравили дерьмом маленькие города, вроде нашего, потому что исчезнут сами люди, в них участвующие. Ничто не сравнится с пулей в голову, чтобы заставить людей заткнуться.

- И что моё управление должно делать, в то время как вы косите всех своих политических противников, как будто дело происходит в Израиле? - вежливо спросил Лир.

- Делайте всё, что должны делать, чтобы помочь выжить настоящему здешнему сообществу, людям, которые жили здесь раньше, пока нас не обнаружили треклятые бэби-бумеры на пенсии, толпа хиппи-диппи, перемазанных овсянкой, и пидоры, - ответил Хэтфилд. - Настоящим людям, белым, тем, кто делал здесь всю работу до того, как пришли мексиканцы. Просто пинай нас боковой частью ботинка, Тэд, а не носком. Мы сможем понять разницу и ответим взаимностью.

- Так, давай посмотрим: вы планируете убить или изгнать мексиканцев, негров, гомосексуалистов, всех, кто слева от центра, конечно, евреев, любого, кто поддерживает Хиллари, цветных и азиатов в придачу, - я никого не забыл?

- Ну, те, кто будет это выполнять, продолжают, - засмеялся Хэтфилд.

- Боже, ты серьёзно?! - ошеломлённо выдохнул Лир.

- О, да. Они все должны убраться, Тэд. И если ты попытаешься остановить нас, то умрёшь. Это не угроза. Бог свидетель, я не хочу делать ничего подобного ни с тобой, ни с твоей семьёй, и, конечно, не с Джулией. Но я просто объясняю тебе, как всё будет, и если вам повезёт и удастся убить меня, тогда ещё больше добровольцев шагнут вперёд, чтобы занять моё место. Всегда помни: ты имеешь дело не только со мной.

Через некоторое время, если ты будешь бороться с нами, поддержка, которую ты сможешь получить от федералов или государства, будет уменьшаться и сойдёт на нет, если они посчитают другие места гораздо более важными, чем почти незаселённый округ на северном побережье Орегона. Любые подкрепления, любые войска, которые можно оторвать от Ирака, Афганистана или Венесуэлы, правительство направит в Портленд, Спокан или Сиэтл. Не сюда. Под конец останешься ты с горсткой людей, и к тому времени вы столкнётесь с очень серьёзными и закалёнными людьми, с которыми ты очень, очень не захотел бы встретиться в тёмном переулке. Вот так, Тэд. Такова обстановка, в которой ты оказался. Мне чертовски жаль, но я не могу обещать тебе что-нибудь другое.

- Чудесно, - вздохнул Лир.

- Я не буду спрашивать о твоём решении, - сказал Хэтфилд, поднимаясь, чтобы уйти. - Я знаю, что ты будешь вынужден играть на слух. Будем надеяться, что для нас обоих игра сложится хорошо.

- И последний вопрос, Зак, - сказал Лир. - Может это звучит неуместно и, вероятно, глупо, но он связан кое с чем, что произошло с моей сестрой и тобой. Я имею в виду, Джули, ты понимаешь. Она ведь однажды спросит.

Хэтфилд вздохнул.

- Ты имеешь в виду, что если бы мы поженились, я смог найти настоящую работу, и мы с ней создали дом и семью, поступил бы я также? Наверное, нет, но не смей говорить ей это. Это не вина Джулии, и я не хочу, чтобы она себя обвиняла даже секунду. Она ни в чём не виновата. Я виноват в том, что родился белым, мужчиной и бедным, без всякой надежды на колледж, поэтому оставалась только армия. Это вина грёбаной армии США в продлении нахождения моего подразделения в Ираке раз за разом, год за годом, причём никому из нас даже не давали отпусков, из страха, что мы дезертируем. Я могу понять, как она устала ждать, Тэд. Честно говоря, к тому времени, когда я вернулся, то был такой зачуханный, что толком не был бы ни мужем для неё, ни шурином для тебя. Прош тебя передать Джули мою любовь в следующий раз, когда увидишь её, но не думаю, что это уместно в данных обстоятельствах.

- Да, неуместно, - согласился Лир. - Но я сделаю это в любом случае.

Мами и Обезьяна

*Позволь ей, госпожа, сказать
И торжествуй при виде слез её,
Но сердце пусть им не поддастся,
Как кремень - дождю.*

Тит Андроник – Акт II, Сцена 3

- Ты опять на игле, Кик?

- Нет, я не на игле! - огрызнулась Кристин Маги по кличке "Кики". - Я чиста, как стёклышко, и была чистой полгода!

Она сердито посмотрела на Ленни Джиллиса, мужчину, сидящего напротив неё в кабинке. Они встретились в захудалом баре и одновременно стриптиз-клубе на 82-й авеню Портленда под названием "Логово Юпитера" - предприятия Джиллиса. Притон ещё был закрыт для посетителей. Бармен возился с настройками стереодинамиков на сцене, и разговор Маги и Джиллиса перемежался то нарастающим, то затихающим рёвом Инди рока и бессмысленными барабанными ритмами, в то время как дневной менеджер проверял шесты танцовщиц и регулировал освещение рампы.

- Так почему ты пришла ко мне и хочешь снова встречаться с клиентами? - спросил Джиллис.

Это был маленький и костлявый человек, высохший от метамfetамина, с прилизанными тёмными волосами и футбольными усиками по одиннадцать волосков с каждой стороны. Джиллис был одет в тёмную рваную футболку и бейсболку, повернутую назад на его преждевременно облысевшей голове.

- Потому что мне нужны чёртовы деньги! Для чего, думаешь? - спросила Кики.

Кики выглядела обманчиво скромной и мягкой девушкой с зелёно-кариыми глазами и медно-русыми волосами до плеч. Но стоило посмотреть ей в лицо, как любому становилось ясно, что её двадцать четыре года дались ей труднее иной сотни лет, и в глазах девушки не было ничего мягкого и женского. Она была одета в короткий топ, открывающий несколько татуировок, в виде обязательной колючей проволоки вокруг её левого бицепса, надкусанной клубники, переходящей на верхний изгиб её левой груди, шотландской девы или русалки с распущенными волосами на правом плече и древнеирландского филигранного рисунка из книги Келлс на спине. Между её большим пальцем правой руки и указательным пальцем была грубая ручная татуировка в виде "X" в круге, что для тех, кто разбирается, означает предупреждение лесбиянкам женской тюрьмы, с обещанием жестокого отпора за попытку пристать.

- Мне перестали платить социальное пособие, потому что поймали за вождением такси. Я не знаю, кто меня сдал, наверно индус или кто он там, в чалме, новый диспетчер. Он обещал мне все поездки в аэропорт от озера Освего и Перл, если бы я приходила пораньше каждую смену и отсасывала ему в сортире. Я послала его потрахаться с самим собой, а на следующий день прихожу на работу и вижу суку-еврейку из социальной службы, сидящую у нас в долбаной конторе.

- Может, он подумал, что ты - шлюха? Чёртовски интересно, откуда у него сложилось такое впечатление? - сказал Ленни с лёгкой издёвкой. - И почему я должен

давать тебе каких-то клиентов после того, как ты кинула меня в прошлый раз таким дерьмовым способом?

Ленни коснулся своей головы, на которой до сих пор был виден шрам под волосами, где Кики треснула его по черепу пивной бутылкой, когда последний раз уходила из его заведения.

- Потому что я заработаю для тебя деньги, - ответила Кики. - Я не хочу работать на улицах. Это чертовски опасно, там "спуки" стреляют народ. (*Спуки - пренебрежительное название расово сознательных белых поселенцев, которые переехали на Родину перед революцией. Используются местными белыми на Северо-Западе. - Прим. перев.*).

- Ну, насколько я помню, ты всё ещё белая под всеми этими татушками, - хохотнул Джиллис. - Спуки стреляют только наших "братьев" потемнее.

- Ну да, и они так взбесили всех латиносов, ниггеров и лаосских бандюков в Портленде, что те хотят отыграться на какой-нибудь белой рабочей девушке, сняв её на Сэнди-бульваре. И потом где-нибудь убивают долго и красиво, разыграв "Пятницу, тринадцатое", - раздраженно ответила Кики. - Это случилось с некоторыми уличными девушками. Включи голову, Ленни! Я не хочу идти на улицу. Мне нужно, чтобы ты отбирал мне клиентов, на тех же условиях, как и раньше, и никаких черномазых, латиносов, китаёз или других женщин. Для начала - просто моих старых клиентов. Ты знаешь, я была надёжной даже когда сидела на игле и никогда не пыталась зажать твою долю. Я заработаю. Ты всё ещё злишься, что я тебя ударила бутылкой, но ты не должен был без спросу сбрасывать на меня многорасовую групповуху, зная, что я откажусь.

- Ну ладно, и я думаю, что не должен был из-за тебя вызывать полицию. Похоже, это не было игрой, - пробормотал Ленни. - С другой стороны, может, если бы я захотел прижать тебя, то навесил бы на тебя преступление ненависти. Я знаю, тебе не нравится тёмное мясо, но это предрассудок, даже для шлюхи.

- Спасибо, но правильное название - секс-работница, - важно произнесла Кики. - И это не предрассудок, а предпочтение. Как работница, предоставляющая секс-услуги, я отношусь к политически защищаемой категории, и, во всяком случае, имею право на предпочтения. Запомни, "нет" - значит "нет". Даже для уличных проституток.

- Тогда зачем ты пришла ко мне? - снова спросил Ленни. - Ну ладно, у тебя отобрали социальное пособие. Большое дело. Ведь ты же ещё водишь такси, верно? А раз ты не против секс-услуг, как ты это назвала, то можешь заработать дополнительную зелень, сделав минет паре клиентов на заднем сиденье.

- Да, пока я ещё работаю таксистом, - подтвердила Кики. - Но Сингх хочет разобраться со мной и ждёт моей ошибки, потому что я отказалась полировать его шишку. Он ищет причину, чтобы меня уволить. Если я начну брать левые заказы, и он узнает, у него появится повод. Я хочу разделить две эти работы.

- А зачем тебе деньги, если ты завязала с крэком? - с подозрением спросил Ленни. Кики вздохнула.

- Эти сволочи хотят отобрать у меня Элли, - устало объяснила она. - Ещё одна причина того, что у меня отобрали пособие - чтобы надавить на меня. Им по барабану, если Элли умирает с голоду или ходит босиком. Меня стараются заставить продать Элли ювеналке, но я не делаю этого. Так что теперь у меня отобрали пособие и завели дело как на плохую мать, чтобы можно было забрать её у меня, выбив однажды утром на рассвете дверь моего дома-прицепа и утащив её, как обычно они и делают. (*Ювеналка - формальная служба социальной защиты детей. Фактически - лишает родителей, особенно бедных*

белых, родительских прав под вымышленными предложениями. - Прим. перев.). Мне нужно много денег, и быстро. Я должна смотать удочки и убраться из Орегона туда, где служба защиты детей не сможет нас найти. Может, в Сиэтл или куда-нибудь в Монтану. Я была в Мизула, один раз. Мне там понравилось. Страна Большого Неба.

- Почему бы тебе просто не продать свой лишний побочный продукт и покончить с этим? - спросил Ленни. - Боже, такую белокурую малышку? Ты легко можешь получить за неё пару сотен штук баксов, а может, и больше, и тебе даже не придётся иметь дело с ювеналкой. Это называется личным договором удочерения. Могу связать тебя с адвокатом-евреем, Фигенбаумом - моим знакомым. Это полностью законно, и ты должна получить достаточно денег, чтобы уехать куда угодно и делать всё, что захочешь.

- А какая будет твоя доля? - едко спросила Кики.

Ленни пожал плечами.

- Об этом не волнуйся. Я возьму её потом с Фигенбаума. Как ты насчёт этого?

- Нет, - сказала Кики твёрдо и явно не в первый раз.

- Почему нет? - спросил Ленни, искренне удивлённый тем, что она отказывается от целого состояния и в то же время упрощает его позволить ей вернуться к занятию проституцией.

- Я даже не буду пытаться объяснять тебе, - вздохнула Кики.

- А если подумать об имплантатах? Ты могла бы заработать даже больше денег, танцуя здесь, если бы твои штучки были побольше, и не так много татуировок, - плотоядно зыркнул на неё Джиллис.

- Ну, не думаю, но посмотрим. Слушай, ты хочешь меня устроить? Да или нет? Делимся 50 на 50.

- Тридцать - твои, семьдесят - мне, - отрезал Джиллис. - И не говори мне, что не сможешь отжать дополнительные чаевые у клиента.

В то время как эти двое торговались, к "Логову Юпитера" подъехал невзрачный "форд эксплорер" старой модели. Был тёплый летний день, и окна внедорожника с двумя пассажирами были открыты. Водителем был высокий и мощный мужчина с лицом в шрамах как у боксера, с бритой головой и козлиной бородкой. Внешность профессионального борца не была личным выбором Большого Джима Макканна, квалифицированного электрика по профессии, но ему пришлось изменить свой внешний облик, поскольку его лицо недавно оказалось на слишком многих плакатах о розыске, веб-сайтах и телеэкранах. Макканн был интендантом Первой портлендской бригады Добрармии.

Его попутчик Джесси Локхарт по кличке "Кошкин Глаз" после долгих жарких споров между Томми Койлом и Заком Хэтфилдом был переведён из роты "Г" в роту "А" Первой бригады в качестве снайпера в большом городе. Как Заку ни хотелось оставить Локхарта, и, несмотря на нежелание самого Кота покидать своих старых друзей и товарищей по округу Клэтсоп, факт оставался фактом: у Кота кончились серьёзные цели в районе операций роты "Г". И он был слишком ценным достоянием, чтобы разбазаривать его в захолустье на пальбу по мексиканским рабочим на пристани и в местной торговой палате. За короткое время после появления Кота в Портленде, "Бубновый валет" успел прикончить члена совета города, полковника армии США, главу афро-американского демократического клуба, ещё одного агента ФБР и несколько полицейских. О его присутствии в городе стало известно, что вызвало истерику у местной политкорректной верхушки.

- Хочешь, чтобы я пошёл с тобой? - спросил Локхарт.

- Нет, - ответил Макканн. Джиллис - малый нервный и может струсить, если увидит незнакомого. Мне просто нужно узнать у Джиллиса, где он припрятал груз, а также договориться о погрузке, чтобы мы могли получить приборы и заплатить ему. Потом нам нужно доставить тебя в отель "Мейфлауэр".

Коту пришло время сменить конспиративную квартиру, и Макканн оказался единственным, кто мог его подвезти. Телефон Макканна запищал. Он вынул мобильник из кармана и открыл его.

- Да?

Макканн послушал пару мгновений.

- Ладно.

И выключил мобильник.

- Это наша машина сопровождения. Ван Гелдер докладывает, что по Сэнди-бульвару движется патруль, два отделения и бронемашина. Без опознавательных знаков, видимо, портлендское подразделение быстрого реагирования, но, возможно, и БАТФЕ или ФБР. Двигаются медленно. По всему, похоже, что они собираются свернуть на 82-ю примерно через минуту.

- Не думаю, что морды ищут именно нас, - заметил Локхарт. - Недавно ими много чего было сделано: отряды мордovorотов остаются на улицах, как группы быстрого реагирования, и перемещаются по улицам, пытаясь перекрыть город, поэтому они могут выдвигаться быстрее и с большей огневой мощью после любой из наших шуток. Последний раз меня и Туза преследовала одна из таких групп.

- Ну, хорошо, я не хочу, чтобы они, проезжая мимо, заглянули сюда и узнали тебя, - решил Макканн. - Поэтому тебе лучше зайти внутрь. Просто поболтайся в баре, пока я говорю с Ленни, а потом мы выйдём, когда Ван доложит, что морды уже проехали.

- С машиной всё чисто и законно? - спросил Локхарт.

- Да, должно быть, ну а если она не в порядке, то это ещё одна причина, что тебе не надо сидеть в машине, когда патруль её заметит.

Локхарт не хотел оставлять в машине свою зачехлённую винтовку и снаряжение, но он понимал, что сказанное Макканном имеет смысл. Они вышли из машины. Кот проверил, что его 9-миллиметровая "Беретта" плотно сидит в пристёгивающейся внутренней кобуре на поясе под джинсовой курткой, и оба добровольца вошли в стриптиз-клуб. Внутри было довольно темно, поэтому, когда из открытой двери свет попал в здание, это заставило Джиллиса выглянуть из кабинки в дальнем конце.

- Подожди минутку, - сказал он Кики. - Надо решить одно дело.

Он вышел из кабинки.

Кики обернулась и увидела одного из мужчин, выглядевшего как борец или байкер, который прошёл вперёд поговорить с Джиллисом. Они встретились в конце бара, недалеко от места, где в кабинке сидела Кики.

Другой мужчина, молодой и довольно привлекательный, остался в дальнем конце бара рядом с дверью. Он спокойно, одним взглядом окинул помещение, заметил Кики, оценил её и продолжил осмотр, а потом повернулся к двери и стал наблюдать за ней. Понимание мужчин было жизненно важным навыком выживания при роде занятий Кики, как законном, так и не очень, и в этих двоих она сразу же почувствовала какую-то мощную силу.

Просто было что-то в том, как они держались, без уголовного чванства или бандитских манер байкеров, уверенные, быстрые, но без лишних движений. Двое мужчин были одеты в джинсы и куртки в летнее время, когда все в Портленде разделись до шорт

и футболок, и Кики поспорила бы на свою ночную выручку от поездок, что под куртками было оружие. В молодом человеке в дальнем конце было что-то странное, что-то дразняще знакомое.

Она встала и пошла в дамскую комнату в небольшом коридоре рядом с баром. Приведя себя в порядок, Кики тихонько проскользнула к двери мужского туалета на другом конце короткого коридора и рассмотрела молодого человека в длинном зеркале за стойкой. Бармен принёс молодому человеку диетическую содовую в банке и пластиковый стакан, и когда тот повернулся, чтобы налить содовой, Кики ясно увидела его в фас и в профиль.

"*Чёрт*", - подумала она, - "*Откуда я его знаю*". "*Кто он такой?*" Она пробежала в уме свой длинный список знакомых мужчин, в том числе по работе. Нет, ни один из них. Перебрала последние несколько лет своей беспорядочной жизни. Нет, ничего. Может, его показывали по телевизору? Внезапно её осенило. "*Боже!*" - присвистнула она про себя. "*Это он! Тот самый снайпер, которого ищет каждый коп и фиб на Северо-Западе! Так, так! Похоже, Ленни добился успеха. Какие долбаные дела он ведёт со спуки? Уверена - это стволы*".

Музыка из динамиков вдруг смолкла, но перед тем, как двое мужчин в ближнем конце бара успели понизить голос, она услышала, как Ленни сказал:

- Семьдесят вторая и Прескотт, завтра вечером в девять.
- Я найду, - сказал борец.

Они понизили голоса, но с небольшим напряжением Кики всё же смогла разобрать, что они говорили.

- А почему не сегодня?

- Сегодня вечером я здесь развлекаю служителей закона, - ответил Ленни. - Я должен показать им, что веду жизнь добропорядочного гражданина, понимаешь, что я имею в виду? Серьёзно, мне нужно быть здесь и пообщаться с этими полицейскими, убедиться, что они должным образом выпили, пообедали и полежали, и поэтому не будут совать нос в мои маленькие делишки, включая твой вопрос.

Кики знала упомянутое место. Это была квартира в старом доме, которую Ленни использовал как офис и домашнее гнездышко для многих сомнительных дел, когда хотел провернуть их подальше от клуба и лишних глаз. Девушки Ленни иногда там расплачивались с ним натурой или использовали квартиру для своих свиданий.

Кики прокралась обратно по коридору, вышла с конца дамской комнаты, вернулась в кабинку и села. Было темно, и через минуту, другую, она осмелилась повернуться. Ленни как раз шёл к ней обратно. Большой мужчина с козлиной бородкой убрал свой мобильный телефон. Потом кивнул своему спутнику, и оба вышли из здания. Когда Ленни снова сел, Кики ничего не спросила о его короткой встрече. Отсутствие любопытства было ещё одним правилом для выживания в мире Кики, и она понимала, что стоит сделать малейшее замечание или задать вопрос, и в голове у Джиллиса зазвенит колокол тревоги. Но себе Кики задавала вопрос, как использовать эту новую информацию, которая сама упала ей в руки.

Ещё немного поторговавшись, Ленни и Кики договорились о делении дохода шестьдесят на сорок, по которому ей можно снова работать от клуба, по крайней мере, на первых порах. Это был не чистый грабёж, как казалось, потому что Ленни откупался от полицейских, и его шестьдесят процентов за крышу гарантировали защиту от ареста. В тот же вечер Кики должна была выйти на работу в десять, откровенно одетая, и пока она не сможет работать по её старому списку клиентов. Ей придётся продаваться в зале

клиентам клуба по её выбору и кувырнуться в одном из дешёвых мотелей на 82-й авеню, в данном случае в "Вейсайд Инн.", где у Ленни был специальный почасовой договор с менеджером-иранцем для своих девушек.

Кики вздохнула и смирилась с полугодом двенадцатичасовой смены в такси, пять дней в неделю, и двумя а, возможно, и тремя вечерними сменами работы от клуба. Её целью было собрать достаточно денег, чтобы убраться из Орегона к Рождеству. Она мучительно надеялась, что ювеналка за это время не сделает что-нибудь с Элли. Может быть, спуги пристрелят их до этого, подумала она с надеждой.

Кики вышла из клуба и вернулась в свой потрёпанный односекционный передвижной дом в ветхом парке домов-прицепов, расположенном примерно в двух километрах от заведения. У неё не было своего автомобиля, служба такси не разрешала ей брать такси домой, а автобусы были полны мексиканцев, которые всегда грязно обзывали её по-испански и лапали всю дорогу, так что она ходила пешком. У Кики так болела душа из-за происходящего с ней, что всё, что она смогла сделать, это вернуться домой и не выходить на уличную охоту из-за дозы кокаина. Но ей было ясно, что вернись она к наркотикам и к проституции, то через год погибнет или снова окажется в тюрьме, а ювеналка схватит её дочь, как барракуда глотает рыбёшку.

Представление о сношениях с пьяными и обычно грязными чужими мужиками, даже белыми, внушало Кики такое отвращение, что её тошнило даже при мысли об этом, но она понимала, что достигла момента в жизни, когда у неё, по сути, не стало и так-то ограниченного выбора. Кики знала, что в Америки есть одно-единственное правило, правило превыше всех остальных. "*Достань деньги*". Не имеет значения, как ты этого добился, у тебя *есть деньги*, и точка. Иначе ты кончишь как те седые бездомные женщины со всеми их пожитками в тележках, которых Кики встречала на 82-й авеню и на Сэнди-бульваре. И никаких пособий, программ позитивных действий или разнообразия для бедных белых курочек. Несчастные белые бабёшки или воровали, или предлагали себя или о них забывали. Если у тебя белая кожа, ты либо *достанешь деньги* либо безвозвратно опустишься на дно.

Не бери в голову всё то дерьмо, что ты видишь по телевизору, про прекрасное многообразное, расово смешанное общество, где всё ещё существует средний класс и надёжное имущество, и всё мило и весело. Это телевидение. Это ненастоящее. Зато 82-я авеню была настоящей, бедность была настоящей, наркотики - настоящими, парни и иногда девушки, которых возвращали мёртвыми и искалеченными из Ирака, были настоящими, и жизнь белой матери-одиночки была сущим адом. Кики не знала, что хуже: возможность совершенно потерять свою красоту из-за наркотиков и бесконечной работы за самую низкую плату, или с возрастом и из-за обманутых надежд, или же ещё некоторое время остаться довольно привлекательной и сексуальной. У обоих выборов были свои недостатки и проблемы.

Кики открыла дверь дома-прицепа и увидела там свою мать-алкоголичку, сидящую на диване, глядя мыльную оперу по телевизору, с бутылкой пива в руке и ещё несколькими пустыми на кофейном столике перед ней.

- Привет, мам, - сказала она.

В ответ - ворчание. Мэй Маги был сутулой, расплывшейся женщиной за пятьдесят лет, небрежно одетой в бесформенное платье и выглядевшей на все семьдесят. Кики понимала, что ей невероятно повезло: мать ещё рядом и заботится об Элли. Они договорились с Мэй, что та присмотрит за ребёнком за упаковку в двенадцать банок дешёвого местного пива в день. И сверху дополнительное пиво, которое Мэй сможет

достать сама на собственные случайные заработки и тощую военную пенсию по случаю потери кормильца, которую правительство США, хотя и с перерывами, по-прежнему ей выплачивало.

Это был единственный источник дохода, на который она вообще могла надеяться, так как несколько лет назад социальное обеспечение рухнуло. "Административные задержки" выплат этой военной пенсии становились всё длиннее и длиннее, как и всех остальных федеральных пособий, во всяком случае, тех, что касались белых. Кики не была замужем за отцом Элли, а в армии легко затерялось их совместное "Заявление о гражданском браке", которое в любом случае распространялось только на однополые пары, так что она никогда не получала от государства ни цента.

Мэй была неплохой женщиной, за исключением своего безнадёжного пьянства. Она не была опустившейся пьянчужкой, и больше склонялась к плаксивой жалости к себе, правда, не слишком часто. Мэй никогда не била и не ругала Элли, позволяла малышке смотреть с ней телевизор и слушала её лепет, не давала ей выходить из дома-прицепа на улицу, и всегда проверяла, чтобы девочка получила бумажную тарелку с какой-нибудь едой, хотя бы с макаронами, тунцом или, по крайней мере, тем, что было в доме. Прежде чем положить девочку в кроватку на ночь, Мэй проверяла, чистый ли у малышки подгузник, а потом садилась перед телевизором и пила до потери сознания. Кики росла точно также, и, во всяком случае, дожила до совершеннолетия.

- Мама, мне нужно, чтобы ты осталась сегодня на ночь, а потом, может быть, взяла Элли к себе на некоторое время, - обратилась Кики к Мэй. - Я собираюсь много работать с этого времени. Хочу уйти сегодня вечером и не вернусь до утра.

- Снова будешь блудить? - фыркнула старушка.

Кики не попыталась уйти от вопроса.

- Я иду, чтобы достать деньги, мама, - просто ответила она. - Мне нужно увезти Элли из Орегона, где её не достанет служба защиты детей. Иначе они отберут её и продадут каким-нибудь богатым ублюдкам. Я знаю, ей было бы лучше с ними ...".

- Лучше, чем со мной, значит, - проворчала старушка.

- Лучше, чем с любой из нас, - спокойно ответила Кики. - Нет смысла отрицать правду, мам. Но этого не случится. Я не дам им отобрать её, да, из эгоизма. Элли моя. Эти богатые сволочи и суки забрали всё остальное, а что не взяли себе, отдали грёбаным ниггерам и мексиканцам, но они не получают Элли. Так я хочу. И для этого мне нужно достать денег.

- Только на этот раз не позволяй довести себя до крэка, ладно, голубка? - попросила старушка, со вздохом закрыв глаза. (*Крэк - синтетический кокаин. - Прим. перев.*).

- Я не сяду на иглу, мама, - сказала Кики, скрестив пальцы и надеясь, что сможет сдержать обещание, хотя будет тяжело.

- Мамуля! - закричала золотоволосая полуторагодовалая девочка с одним памперсом, которая прискакала в комнату из спальни и обняла ногу Кики.

- На ручки! - потребовала она. - Подними меня!

- Привет, малышка, - улыбнулась Кики, поднимая ребенка. - Ой, фу, малышка сделала бяку! Тебе нужна смена! Давай-ка, исправим это.

Кики зацепила другой памперс из надорванного пакета на треснувшем кухонном столике "Муравей" и пошла в ванную, стараясь не думать о том, чем ей скоро предстоит заняться.

Когда в тот вечер Кики входила в "Логово Юпитера", в кабаке ещё не наступило буйное веселье. Оно должно было начаться немного позже, примерно к часу ночи. Но бессмысленный ретро-рок 90-х годов ревел из огромных динамиков, и силиконовые стриптизёрши в одних стрингах крутились вокруг своих шестов. Пьяные болваны всех рас выкрикивали детские словечки и бросали на сцену деньги, а из бара рекой текло дорогое пиво и разбавленное виски. *"Как в старые добрые времена"*, - кисло подумала Кики, входя в дверь.

На Кики были короткие, облегающие шорты и блестящие виниловые сапоги на платформе, топ с без лифчика с глубоким вырезом (она знала, что многие из её возможных клиентов находили её татуировки сексуальными), широкий кожаный пояс, а в дамской сумке через плечо - дополнительные упаковки презервативов и секс-игрушки. В специально вшитый кармашек на внешней стороне сумки, незаметный, но доступный, она также положила аэрозольный баллончик с перцем. У Ленни было твёрдое правило: его девушки не носили пистолеты или ножи, потому что решение правовых проблем, связанных с ножевыми или огнестрельными ранениями клиентов или других надоедливых людей, выходило за пределы его влияния на полицию. В любом случае большинство девушек дошли до точки, когда они предпочитали быть изнасилованными или ограбленными, чем связываться с законом. А возможность быть зарезанной или задушенной и выброшенной в канаву считалась просто издержками их "работы".

Перцовый аэрозоль был нужен, чтобы отбиться от неплательщиков-пьяниц и клиентов, которые ведут себя достаточно странно, чтобы быть опасными. Внутри сумки было собственное особое оружие Кики - длинный крепкий белый носок, в мыске которого был вставлен большой, тяжёлый висячий замок, завёрнутый в нейлон, чтобы не порвать носок. В результате получался грубый, но эффективный кистень, которым, умеючи, можно было даже убить. "Замок в носке" обычно использовался для разборок между сокамерницами в женской тюрьме, и Кики здорово им владела.

Кики огляделась в поисках Джиллиса, но в зале его нигде не было видно. Она толкнула дверь с надписью "Служебный вход", ведь теперь она была своего рода работником заведения, и заглянула в кабинет Джиллиса, который также оказался пуст. Кики подумала, что Ленни в туалете, и собралась вернуться в зал, когда посмотрела в коридор и заметила, что задняя дверь в глухой переулок открыта. Оттуда слышался шум. Кто-то кричал. Кики обычно избегала хотя бы отдаленно касаться чужих дел, но тут вспомнила о странном дневном посещении двух мужчин, которые, как она была уверена, были из запрещённой Добрармии. И ей очень захотелось узнать о них побольше, и что они делают с Джиллисом, чтобы извлечь из этого пользу, материальную или какую-нибудь другую. Она выскользнула наружу, в переулок.

Крики раздавались как раз с другой стороны мусорного бака. Кики подкралась и выглянула из-за бака. Большой негр в форме полиции Портленда с погонями сержанта прижимал Джиллиса к стене. Коп был гораздо больше и толще Ленни, который был мелким мужчиной. Ноги Ленни висели в воздухе. Перед ним стоял мужчина ещё больших размеров и ещё чернее, в штатском, хорошо сшитом костюме и галстуке, в туфлях, так сильно начищенных, что они блестели, как лакированные. У этого негра была короткая причёска "афро" и аккуратно подстриженная козлиная бородка и усы "лев Иудеи", а на

пальцах в свете уличного фонаря сверкали золотые кольца с бриллиантами. "Дерьмо!" - ужаснулась Кики. "Это же "Обезьяна!"

Как и любая уличная девушка, она сразу же узнала сержанта Джамала Джарвиса из отдела по борьбе с экстремизмом и гражданским неповиновением (*напоминает российский отдел "Э" - Прим. перев.*) в бюро полиции Портленда - внушавшего всем ужас полицейского подразделения, которое представляло собой ударную силу ультра-либеральной и политически корректной верхушки Портленда. До назначения с повышением в отдел по борьбе с экстремизмом Джарвис работал в отделе нравов и наркотиков, и за время своей службы там он оставил в местном преступном мире такую полосу террора и коррупции, что она стала легендарной даже по сомнительным понятиям Портленда. Каждая проститутка любого цвета кожи и каждый уличный торговец наркотиками, продавший пару косяков, знали Джарвиса, платили ему или оказывались в тюрьме с переломанными костями или с чем-нибудь похуже.

Кики всегда избегала Джарвиса, как чумы, и он был ещё одной причиной, что она порвала с Джиллисом полгода назад: кроме многочасового сюрприза Ленни, она заметила, что Джарвис крутится около "Логова Юпитера" и положил на неё глаз. Слухи на улицах были ясными и недвусмысленными: чёрные, мексиканские и азиатские проститутки платили Джарвису деньгами или иногда наркотиками, но белые девочки расплачивались телом. Кики была не единственной белой работающей девушкой, которая до сих пор сохранила некоторые следы порядочности и личных принципов, но судьба тех, кто отказался или уклонился от требований Джарвиса, была незавидной. Таких ночных дам - расисток, как правило, в конечном итоге ожидали ложные обвинения и многие годы тюрьмы, или они получали чашку кислоты в лицо, а в некоторых случаях их изуродованные трупы находили в реке Колумбия или застрявшими в канализационных трубах.

Никого особенно не заботили несколько мёртвых белых уродок, но, в конце концов, произошла такая вспышка подобных случаев, что даже в политкорректном бюро полиции Портленда осознали, что они должны сделать что-то, чтобы избежать неудобств. И Джарвиса перевели с близкой ему по духу работы по удержанию в узде проституток и торговцев наркотиками, на ещё более подходящее ему занятие по обуздыванию наглых белых парней.

Похоже, что Джарвис не оставил, по крайней мере, некоторые из его старых делишек. Продолжающийся разговор в переулке за мусорным баком, видимо, касался долга Джиллиса "крыше" или каких-то других доходов от его мелких махинаций.

- Ты дать мне тыфячу, долбаный козёл! - рычал негр в форме сержанта.

Джарвис избивал Ленни тяжёлой, плоской, кожаной дубинкой сантиметров в 30, известной в полицейских кругах как "блин". "Блин" был такой же тяжёлый и причинял такую же боль, как обычная дубинка, но его плоская поверхность оставляла меньше заметных синяков.

- Шо будешь делать, Ленни? - бубнил Джарвис, колотя Джиллиса по голове дубинкой с глухим тошнотворным звуком, и кровь брызгами летела от изуродованного и кровоточащего лица Джиллиса, его сломанного носа и залитых кровью глаз.

- Шо фобираться делать, Ленни? Отдай Рофко его деньги, грёбаный беляш, отдай Рофко деньги.

- У меня нет! - истерически кричал Ленни. - Я получу деньги в пятницу! Я получу их в пятницу! Господи!

- Пятница не сегодня, грёбаный мозг! - рычал Роско. - Гони мои бабки, ублюдок! Гони мою штуку!

- Шо будешь делать, Ленни, шо будешь делать, долбаный беляш, гони Рофко его бабки, - тянул Джарвис, молотя "блином" по голове Ленни. - Ты не дать Рофко бабки, Рофко не дать мне мои бабки. Меня дофтать, когда дерьмовые мелкие беляши не платить. Ты думать, что можешь наколоть братков, Ленни? Ты не наколоть братков. Ты -дохлый беляш не мочь наколоть даже своих пляти. Шо фобираешься делать, Ленни?

"Блин" поднимался и опускался в такт, беспощадно мяся лицо и голову Ленни. Кики с ужасом поняла, что Джарвис был под кайфом, на наркотике и пускает кровь белому. На самом деле деньги его не заботили. Он просто любил бить белых. Она также осознала, что Ленни вдруг перестал кричать.

Как и Роско, который позволил безвольному телу Ленни соскользнуть в сидячее положение у мокрой стены переулка. Голова Джиллиса откинулась, болтаясь и поворачиваясь. На лице и глазах пузырилась кровь, и оно превратилось в тёмно-красную маску. Роско наклонился и нащупал горло Ленни в липкой массе, потом отдёрнул руку и вытер её о брюки Джиллиса. И проговорил с отвращением в голосе.

- Ё-кэ-лэ-мэ-нэ, Джамал, эта ублюдок сдох. Это что-ли заставит его заплатить, а?

- Похоже, фмерть была фовсем неожиданнофть для его задница! - сказал Джарвис, запрокидывая голову в бессмысленном гоготе. - Разве думать ты когда-нибудь умирать, а, беляк?

- Ой, дерьмо, Джамал, ты дурак! - сердито закричал Роско. - Мы брать штуку в месяц от этот белявый козёл!

- Нет проблема, чувак. Так мы возьмём штука в мефяц от другой козёл, который зафатить "Логово", - успокоил его Джарвис.

- Теперь я должен звонить этот вопрос, и мы расследовать и делать вид, что кому-то не насрать на этот белый мусор, - обиженно пробормотал Роско.

- Так мы находить другой белый мусор повесить это на него, - небрежно ответил Джарвис.

В своём тайнике за сложенными картонными коробками с мусором, Кики внезапно поняла, что она в смертельной опасности. Кики попыталась тихо уйти, и не стоит говорить, что она умудрилась задеть другую стопку сложенных коробок и свалить её, так что стекло с банками и хламом с грохотом повалилось на мостовую.

Джарвис и Роско были бессердечными и грубыми скотами, но их животные инстинкты были на высоте, и при необходимости они оба могли двигаться быстро. Они догнали Кики раньше, чем та могла пробежать три метра по переулку к двери. Джарвис поймал Кики и повалил на землю, а Роско дал ей пинок по рёбрам, и ей показалось, что всё её тело взорвалось и горит. Ей удалось выхватить из сумки её заряженный носок и хорошо врезать Роско по лодыжке, когда он двинулся к ней во второй раз. Тот закричал от боли. Джарвис прижал руки Кики коленями, когда она лежала под ним, и поднял "блин", чтобы проломить ей череп. Но Роско не был так ранен, чтобы не смочь перехватить руку Джарвиса.

- Нет, придурок, ты наделать достаточно дерьмо за один вечер! Ты не допёр? Ты задержать убийцу мистер Леонард Джиллис!

Роско взял носок с замком в нём.

- Тупая сука даже приготовить нам своё орудие убийства!

Роско подковылял к телу Ленни и изо всей силы ударил по разбитой голове, убедившись, что носок хорошо приложился и в крови.

- Поздравляю, сержанта! - смеясь, крикнул он. - Ты только что раскрыть убийство в рекордное время!

Роско вытащил рацию из-за пояса и быстро произнёс в неё на чётком английском:

- Диспетчер Два-Четыре, это Один Bravo Девять. У нас "187", в переулке за "Логовом Юпитера", квартал 4400, 82-я авеню. Подозреваемый задержан.

- Принято, Один Bravo Девять, - ответил женский голос по рации. - Подразделения и судмедэксперт оповещены. Нужна группа быстрого реагирования?

- Нет, инцидент не связан с внутренним терроризмом, - ответил Роско. - Просто сутенеру пробила череп одна из его проституток.

Кики закричала как зверь в смертельной муке и попыталась бороться, сбросить с себя огромного негра и сбежать. Он сжал кулак и ударил Кики в челюсть, вбив её голову в бетонный пол переулка, и она потеряла сознание.

* * *

Кики ещё была без сознания, когда они привезли её сюда. Она даже не знала наверняка, где находилась. Возможно, это было здание какого-то полицейского участка, но, скорее всего, она была где-то в недрах Центра юстиции на площади Пайонир Кортхаус в центре Портленда.

Центр юстиции, первоначально построенный как модный комплекс из кирпича, стекла и бетона для украшения политкорректной структуры власти, с фресками и скульптурами самых раскрученных художников Портленда, принял гораздо более мрачный и суровый облик и сменил назначение после того, как прошлой осенью в Кёрд'Ален вспыхнуло восстание. Другие районы штата поздно осознали опасность, и соответственно здания судов и полицейских участков пострадали, были сожжены, взорваны или захвачены Добрармией, бойцы которой иногда сжигали большие кипы судебной документации и дел правоохранительных органов прямо на лужайках перед сельскими судами.

Но не Портленд. Сложный комплекс из нескольких зданий Центра юстиции, включавший залы судебных заседаний как суда штата, так и федерального суда, офисы и штаб-квартиры бюро полиции Портленда, сразу же с огромными затратами за счёт налогоплательщиков был перестроен в полностью укреплённую и охраняемую "Зелёную зону", на основе планов, составленных советниками из Израиля и Великобритании с прежним опытом строительства таких сооружений на Западном берегу и в Северной Ирландии, соответственно. Близлежащие здания и предприятия были конфискованы по специальным актам законодательной власти штата и городского совета, а затем разрушены бульдозерами и убраны, чтобы построить окружающий вал из бетонных блоков Бремера с колючей проволокой и камерами замкнутого видеонаблюдения. Бетонный периметр был расширен, чтобы включить здания федерального суда, суда штата и местных жителей, и теперь Центр юстиции как вздувшийся шрам торчал в самом центре города.

Вход и выход из "Зелёной зоны" строго контролировались посредством электронных ворот на контрольно-пропускных пунктах, укреплённых мешками с песком, все транспортные средства регистрировались и осматривались при въезде и выезде, а внутри комплекса все, кто не носил утверждённые именные значки, подлежали немедленному аресту или, на некоторых участках, - расстрелу на месте. И действительно произошло несколько трагических случаев с белыми сотрудниками, неудачно

прикрепившими свои значки. Улицы вблизи Центра юстиции были перегорожены рулонами колючей проволоки и патрулировались полицейским спецназом в чёрной форме, до зубов увешанным автоматическим оружием, и со служебными собаками, в готовности встретить подрывников на автомобилях или какого-нибудь "бледнолицего", который не имел причин там находиться.

Но Центр стал местом, внушающим страх и ужас, не только из-за своего внешнего вида. Внутри него находились штаб-квартиры не только полиции, но и ФБР и министерства внутренней безопасности. Эти агентства посчитали свои офисы после восстания 22 октября слишком уязвимыми, поэтому заняли большую часть административных этажей федерального суда и изолировали их. Ходили слухи о секретных подземельях, вырытых специально привезёнными бригадами азиатских и мексиканских строителей, к тому же всё больше офисов, звуконепроницаемых камер для допросов и изоляторов зарывалось глубоко в землю под комплексом. Потом появились рассказы о пыточных застенках глубоко под землей или высоко в помещениях без окон и с обивкой, чтобы заглушать крики.

Бюро полиции Портленда иногда для вида печатало опровержения, что с белыми заключёнными, подозреваемыми в преступлениях, связанных с безопасностью или терроризмом, в Центре юстиции обращаются жестоко. С другой стороны, ФБР и министерство внутренней безопасности откровенно признавали. Они подчёркивали, что после принятия "Патриотического акта" пытки в федеральных тюрьмах законны, если соблюдаются Протоколы Дершовица, а жестокому обращению подвергаются только мусульмане или так называемые белые расисты.

Было известно, что в Центр юстиции попало больше белых заключённых, чем когда-нибудь вышло обратно. Что случилось с ними, не знал никто, но ходили слухи, что в одном из дворов комплекса, окружённых стенами, имелся секретный крематорий. Центр юстиции отбрасывал длинную тень на весь Портленд, как предупреждение всем, кто смел думать о мятеже против Соединённых Штатов. Но и как источник гнева и ненависти, который тайно пылал в глубине мужских душ и умов, и со временем разгорался всё ярче, когда всё больше и больше членов белых семей исчезали в "Зелёной зоне".

И теперь Кики сидела прикованная к креслу в одной из комнат для допросов. У неё уже забрали одежду и переодели в оранжевый комбинезон - метку позора и унижения в Америке. Она сознавала, что ей, наверное, никогда не придётся снова надеть обычную одежду. Кики не позволили обратиться к врачу. Голова и ребра всё ещё страшно болели там, где её били ногами и кулаками, а к опухшей грудной клетке было больно дотрагиваться. Но, похоже, ничего не было сломано, и ей хотя бы дали пачку бумажных салфеток и пустили в туалет промыть кровоточащую рану на затылке, когда Джарвис впечатал её в бетон. Кровотечение, наконец, прекратилось, и теперь волосы Кики покрылись жёсткой коркой засохшей крови.

Её бросили сюда, в эту комнату и приковали к железному рельсу вдоль пола, с обеими руками в наручниках впереди. Надзирательница-мексиканка просто показала на пластиковый горшок в углу с рулоном туалетной бумаги на полу рядом с ним и вышла за дверь. Прошло несколько часов. Часов там не было, так что Кики не знала, как долго находилась. Длинное зеркало занимало половину противоположной стены, а с одной из стен свисала телекамера наблюдения со светящейся маленькой красной лампочкой. Кики никак не могла узнать, был ли кто-нибудь за двусторонним зеркалом, или кто наблюдает за ней на экране телевизора. Она просто сидела за столом, уставившись в пространство, и

физическая боль от избиения постепенно уступала место бездонному, чёрному ужасу, когда на её сознание навалилась вся тяжесть её положения.

Всё пропало. Кики была белой и бедной, и всё, что она знала с самого своего рождения подсказывало, что никто на свете и пальцем не пошевелит, чтобы ей помочь. Кики всегда держалась горького убеждения, что у неё нет ничего, но теперь, когда всё в жизни пропало, она поняла, сколько на самом деле ей принадлежало. Дом-прицеп, где она хотя бы могла приклонить голову на ночь в покое, если хотела. Мрачная пьяная женщина, которая родила её, но, по крайней мере, не бросила. А, главное, маленький золотоволосый ребёнок, которого она никогда снова не увидит, за исключением, может быть, дней свиданий, через стекло.

Этого не могло быть. Настоящий, подлинный кошмар, какой бывает в сновидениях. У неё они иногда случались. Конечно, сейчас она проснётся. Кики закрыла глаза и отчаянно попыталась проснуться, но когда снова открыла глаза, то оказалась в той же жуткой красновато-коричнево-зелёной комнате с приторным и всё подавляющим запахом свежей краски, от которого её тошнило. Кики наклонилась со стула, и вдруг её начало рвать снова и снова, неудержимо, в судорогах и впустую, потому что внутри у неё ничего не было, - истерическая рвота от ужаса и бессмысленного страдания.

Снаружи, за двухсторонним зеркалом, хотя Кики ничего не могла услышать через звуконепроходимые стены, Джамал Джарвис оживлённо разговаривал со своей партнёршей, сержантом уголовной полиции Еленой Мартинес. Лэйни Мартинес и была "Мами" - второй половиной группы детективов Портленда, известной как "Мами и Обезьяна". (*Мами - красотка, привлекательная девушка по-испански. - Прим. перев.*). Мартинес была высокой стройной женщиной возрастом за 30, со светло-оливковой кожей, прямыми чёрными волосами, карими глазами и стройной фигурой, которая действительно прекрасно выглядела в купальнике. Головы многих мужчин, как и лесбиянок, поворачивались за Лэйни в крытом бассейне полицейского тренажёрного зала, где она занималась через день и потом проплывала 50 кругов.

За пределами спортзала Мартинес была главной модницей Бюро, и её деловые костюмы из юбки и жакета, как и её брючные костюмы для работы на местах, были неизменно дороги, элегантны и безупречно изящны. Туфли от Гуччи и часы нескольких моделей "Ролекс леди", подаренные несколькими высокопоставленными любовниками, в основном из правой системы, но ни одного из полиции Портленда. Некоторые из любовников были женаты, но все без исключения - белые. Незамужняя Мартинес полностью посвятила себя профессии, работе и продвижению по службе. В отличие от Рабанг Миллер, бывшей коллеги Лэйни из ФБР, убитой и не слишком оплакиваемой, её в самом деле уважали, если и не любили и руководители и сослуживцы в бюро полиции за компетентность и иногда блестящую розыскную работу. Никто не помнил, чтобы Мартинес когда-нибудь улыбалась.

Она и теперь не улыбалась.

- Ой, ради бога, Джамал, сколько, по твоему, этих историй может тебе сойти с рук, пока у отдела служебных расследований, наконец, не лопнет терпение? - отрезала она.

- Ну, не моя вина, что фахарная задница этого белого мужика оказалась чертовски мягкой, и он не выдержал небольшой трёпки, - оправдывался Джарвис.

- Слушай, я знаю правила игры, - раздражённо бросила Мартинес. - Пока зарплата в полиции не станет соответствовать нашей работе и риску, тем более сейчас, когда куча

психов-расистов охотится на нас, стоит нам выйти за дверь, каждый полицейский с маломальской инициативой будет иметь что-то на стороне.

И у меня есть своя маленькая подработка вроде продажи информации журналистам и частным сыщикам - сведений о некоторых бледнолицых болванах при трудоустройстве, когда наши данные показывают, он сходил на собрание "Арийских Наций" лет двадцать назад, и тому подобное мелкое дерьмо. У тебя своё. Но этот случай с Джиллисом из ряда вон. Если всё обернётся плохо, и отдел служебных расследований поймает тебя, или, что ещё хуже, история попадёт в СМИ, запачкают и меня. Можешь положить на собственную карьеру, если хочешь, но теперь ты подставляешь меня, чёрт возьми!

- Это не обернётся плохо! - возразил Джарвис. - Говорю тебе, что мы с Рофко уже взяли эта белая шлюха. Чёрт, мы оба видели, как эта фука напал на бедный мифтер Джиллиф на нафых фобфтвенных глазах.

- Конечно, вы видели, - закатила глаза Лэйни.

Полицейский-мексиканец в форме подошёл к ним через зал, держа в руках большую коричневую папку и протянул её Джарвису.

- Эй, Джамал, вот дело на твоя *пута бланка* с татуировками, - сказал он. (*Пута бланка - белая проститутка (исп.) - Прим. перев.*). - Выходит неплохо, человеке. Кажется, Ленни Джиллис подавал нам жалобу несколько месяцев назад, когда она напала на него и ударила по голове пивной бутылкой. Он забрал заявление, но оно зарегистрировано. Раньше она уже привлекалась за приставание к мужчинам, задерживалась и отсидела четырнадцать месяцев в "Кофи Крик", разной степени тяжести, за воровство и хранение краденого.

- Только четырнадцать месяцев? - удивилась Лэйни.

- Она родила ребенка в тюрьме, и они с матерью постарались всех разжалобить, чтобы добиться условно-досрочного освобождения. Бедная простая девочка из дома-прицепа, рождение ребёнка, папа ребёнка убит в Ираке, брат убит в Ираке, заключённая - единственная опора престарелой матери, и всё такое. Тогда тюрьма была переполнена даже больше, чем обычно в этом месяце, поэтому её выпустили, - выбирая выражения, пояснил полицейский. Однажды он ошибся, легкомысленно бросив сержанту Мартинес по-испански "Hola, Mamí" ("Привет, Мама!"), и чуть не загремел в суд по обвинению в сексуальных домогательствах на рабочем месте.

Мартинес была совершенно американизирована и говорила по-испански только в случае служебной необходимости. Единственным её тайным изъяном, навязчивой идеей, в которой она не признавалась даже психиатру Бюро во время периодических обязательных проверок, было страстное желание стать белой. И не просто любой белой: Елена Мартинес воображала себя нордической женщиной с белоснежной кожей и золотистыми волосами. Как у девушки в комнате для допросов, только без татуировок. Это подсознательное желание давно переросло у неё в почти безумную ненависть к белым вообще, белым расистам в частности, и, особенно, к белым женщинам-блондинкам. Мартинес была достаточно умна, чтобы понимать необходимость управлять этим внутренним демоном, по крайней мере, на людях, и ей это почти всегда удавалось. До сих пор она спала только с белыми, и в жизни не ложилась ни с чёрным, ни с латиноамериканцем, ни с другой женщиной любой расы.

Джарвис также был достаточно сообразительным, чтобы понимать, что Мартинес умнее его, и чувствовал, что для него лучше держаться за неё, так что он вообще действовал как мускульная сила, а она была мозгом их команды. Это работало на

удивление хорошо, поэтому, если выражаться бюрократически, высокий уровень раскрываемости и общее мнение о результативности в виде признаний от подозреваемых расистов и других мыслепреступников приносили пользу им обоим.

Но Джарвис чувствовал, что Лэйни была "кокосом", по выражению латиноамериканцев, то есть коричневой снаружи и белой внутри. Из сплетен Джарвис знал, что они оба одинаково отдавали предпочтение белым сексуальным партнерам противоположного пола, и что Мартинес слышала о нём то же самое. С грубым и порочным чувством юмора, он очень тонко сбил с Лэйни спесь, не попытавшись за всё время их знакомства трахнуть её. Этим Джарвис не только лишил Лэйни удовольствия отшить его, но и дал ей понять, что не считает её белой. Это было крайне оскорбительно и страшно её бесило.

- Мне нужно получить её показания, вот и фсё, - сказал Джарвис после того, как мексиканец-полицейский удалился. - Профто что-нибудь подшить в дело. Также было бы здорово быть чертофки уверенным, что она профто понимать, во что, чёрт возьми, вляпалась.

Лэйни просмотрела дело Кики.

- Ну, это должно быть не слишком трудно, - сказала она. - Здесь говорится, что её дочь - Мэри Эллен Маги в возрасте полтора года - находится в опасности и, следовательно, представляет интерес для ювенальной службы. Мы знаем, что ребенок любом случае рано или поздно окажется у них. А разрисованная шлюха вон там этого не понимает или, по крайней мере, не до конца, так что мы можем использовать ребёнка для давления на неё. Девочка-блондинка, представляешь?

- Фдоровая? - спросил Джарвис с пробудившимся интересом.

- Судя по этому делу, да. Родилась без СПИДа или эмбрионального алкогольного синдрома или какой-нибудь венерической болезни, ничего подобного, что можно было ожидать от мамки-дряни из дома-прицепа.

- Да ну, маленькая блондинка, за договор удочерения денег дадут до неба, - оживился Джарвис.

- Мне нужно получить номер медицинской карты и посмотреть, назначалась ли патронажная сестра, - размышляла вслух Лэйни. - Если сестры не было, я уверена, что мы сможем откатить не меньше двадцати процентов комиссионных, в зависимости от судьи. Судья также будет в доле, так что он отдаст ребенка претенденту, предложившему самую высокую цену, но если мы втроем не сможем получить за девчонку пол-лимона от какой-нибудь пары богатых яппи, нам всем лучше поискать другую работу.

- Двадцать процентов от полмилльён? Этта фто штук, по 50 штук каждому. Не хило за прибитую дешёфку - беляша футенера, - довольно усмехнулся Джарвис. - Видишь, я гаварил тебе, что фсё будет клёво! Теперь разреши мне войти и получить её признание.

- Думаю, лучше нам пойти вдвоём, Джамал, - возразила Мартинес. - Просто чтобы убедиться, что ты удержался от своей привычки шалить с бледнолицыми женщинами-заключёнными. Думаю, это тот случай, когда кто-то должен следить, чтобы молния на твоей ширинке была застёгнута. Кроме того, я должна защитить свои инвестиции.

- Ладно, - пожав плечами, кивнул Джарвис. Он понимал, что ситуация может стать щекотливой, если девушку не удастся убедить держать рот на замке, о том, что она видела, подыграть и признать вину, чтобы смягчить приговор суда.

Кики подняла голову, когда дверь открылась, и два детектива вошли в комнату. Джарвис держал в руке толстое дело, как она поняла, заметив жёлтые листы. Она посмотрела на Лэйни, ухоженную и высокомерную, разодетую в пух и прах, в синей

шерстяной юбке и пиджаке как какая-то модель в разделе "Элегантная женщина-полицейский" из журнала "Вог". Кики хорошо сознавала, что малейшая надежда выпутаться зависит от того, как она будет ползать и пресмыкаться, как побитая собака перед этими двумя типами, и всё же что-то в ней, чего она сама не понимала, похоже, упрямо сопротивлялось.

- О, я вижу Обезьяну, а, ты, должно быть, Мама, - прохрипела она.

Мартинес перегнулась через стол и молниеносно влепила Кики страшную пощёчину, чуть не сбив ту с кресла.

- Заключённым в нашем Центре юстиции запрещено использовать расовые или этнические оскорбления, унижающие кого-либо сравнения, связанные с расой, сексуальной ориентацией или национальностью, и другие слова ненависти, миссис Маги, - сказала она. - Это не только нарушение правил Центра, но и нарушение части Уголовного кодекса, относящейся к языку ненависти. Если ты сделаешь это снова, то будешь обвинена в уголовном преступлении за использование слов ненависти в дополнение к убийству первой степени. Советую тебе быть осторожнее. Ты и так в беде!

- Фильтруй базар, фука, - добавил Джарвис.

Мартинес взяла папку и швырнула её на стол перед Кики.

- У нас на тебя достаточно улик. Твоё предыдущее нападение на твоего сутенера с тупым предметом - это просто замечательно. Ты пропала, девочка. Предлагаю тебе одну возможность договориться. Единственную. Ты признаёшь себя виновной в умышленном убийстве Леонарда Джиллиса, а я могу поговорить с окружным прокурором, чтобы ты получила от двенадцати до двадцати. И ещё могу подсластить, так как сегодня утром я щедрая. Организовать для тебя отбытие срока в тюрьме с режимом средней строгости, так что тебе не придётся возвращаться в "Кофи Крик". Лучше быть не может, Кристин. Да или нет?

- Меня зовут Кики, - угрюмо поправила её девушка.

- Конечно, конечно, - вздохнула Мартинес.

- Я не получу адвоката? - спросила Кики.

- Формально, после 11 сентября государство больше не обязано предоставлять тебе адвоката, если мы захотим подать твой случай, как относящийся к вопросам безопасности согласно Патриотическому акту. Но в Портленде властям действительно нравится соблюдать формальности. Так что да, если хочешь, я могу предоставить тебе адвоката, - объяснила Лэйни. - Любой такой адвокат почти наверняка будет чернокожим, латиносом, евреем, геем, женщиной, или их сочетанием, и, вероятнее всего, он, также мало, как и я, сочувствует белым шлюхам-наркоманкам, отребью из домов-прицепов, таких как ты, и посоветует тебе принять моё предложение. Но если ты доставишь мне много хлопот и будешь тянуть, я могу ухудшить своё предложение до двадцати-двадцати пяти лет. Окружной прокурор не захочет возиться с таким мелким дерьмом, и она последует всем моим рекомендациям, а судья Файнстайн, в свою очередь, выполнит все её рекомендации. Кристин, ты знаешь так же, как и я, что тебя накололи. Давай поладим, и облегчи свою жизнь.

- Значит тот факт, что я не убивала Ленни, ни черта не значит? - горько спросила Кики.

- Нет, конечно, это не так, - вздохнула Лэйни второй раз.

- А как же справедливость?! - закричала Кики.

- Это юридический вопрос. Справедливость не имеет ничего общего с ним, - раздраженно объяснила Лэйни, которой надоело тупое упрямство девушки. - Я не могу

поверить, что ты, которая столько времени провела на улицах, всё ещё не знаешь, как это делается.

- Да, я знаю, как это делается. Но, может, я могу вам кое-что сообщить, - неуверенно предложила Кики. - Я имею в виду, что знаю всё о мошенничестве Ленни и его делишках в "Логове".

- Мы тоже. И что же нам, по-твоему, с этим делать? - раздражённо воскликнула Лэйни. - Арестовать и обвинить мертвеца? И, в любом случае, разве кому-нибудь не плевать на проституцию и наркотики? Они - основа большей части нынешней городской экономики. Давай, Кристин. Да или нет? Учитывая, так сказать, особые обстоятельства этого случая, я могу организовать быстрое обвинение у судьи Файнстайна где-нибудь завтра. Может, даже сегодня вечером. Признай себя виновной, как хорошая девочка, согласишься на срок от двенадцати до двадцати, и когда выйдешь, то всё ещё будешь довольно молодой, чтобы ещё пожить.

Самообладание, наконец, покинуло Кики.

- *Нет!* - закричала она в слепой ярости. - Пошла ты! Пошли вы оба! *Я ничего не сделала*, будьте вы прокляты! Ничего! Я не убивала Ленни, вот этот самый ниггер убил! И ты это знаешь! *Я ничего не сделала!*

Мартинес встала и ещё раз хлестнула Кики по лицу, но более-менее для порядка, без злобы и рвения.

- Как хочешь, тупая маленькая лгунья, - с отвращением произнесла она. - И никогда не говори, что я не пыталась помочь тебе. Это убийство первой степени и пожизненное заключение. Советую тебе придержать язык в суде с судьей Файнстайном. Он не поверит никаким диким рассказам, которые ты придумала об уважаемом и отмеченном наградами полицейском, будто бы убившем твоего сутенёра. а если ты продолжишь использовать расовые оскорбления и попытаешься дать ложные показания против полицейского-афро-американца, то помни, что преступление ненависти карается пожизненным заключением без права досрочного освобождения.

Так что давай, прыгай в суде и ори своё тупое враньё, и действительно трахни себя навсегда. Чёрт, может, это и к лучшему. Богатые и достойные пары во всех штатах встанут в очередь за квартал за твоей маленькой девочкой. Может, ты и права, потому что постоянно садишься в лужу.

Она и Джарвис повернулись и открыли дверь, чтобы уйти.

Кики смотрела на них в ужасе. Она понимала, что дверь закрывает не только комнату для допросов. Она закрывается для неё, на всю жизнь, и для её дочери. Теперь они заберут Элли. Она пропала. Они отберут Элли.

Когда дверь закрылась, Кики вскочила и закричала во всё горло:

- *Я сдам вам Добрармию! Грёбаная мекса, сука, ты меня слышишь? Я сдам тебе Добрармию! Я знаю, где они! Я сдам тебе этого снайпера, парня, которого зовут Кот! Я сдам вам Добрармию, сука и обезьян! Только отпустите меня! Умоляю, ради бога, я ничего не сделала, пожалуйста, отпустите меня, пожалуйста, не отбирайте мою крошку!*

Она рухнула на стол, истерически рыдая.

И дверь открылась.

Глава VII

Та, кто их знает

*Предчувствует душа, что волей звёзд,
Началом несказанных бедствий будет
Ночное это празднество. Оно
Конец ускорит ненавистной жизни, что
теплится в груди моей, послав
Мне страшную, безвременную смерть...*

Ромео и Джульетта - Акт I, Сцена 4

Дверь открылась, а затем почти сразу же снова закрылась, когда Джарвис вытащил Мартинес обратно в коридор.

- Ну, пофли уже, Лэйни! - огромный черномазый встревожился, видя, как удобная "коза отпущения" за убийство Джиллиса ускользает из его рук. - *Даже не говори* мне, что ты веришь эта шлюха хоть одну грёбаную фекунду! Ты же понимаешь, шлюха профто врёт, чтобы фпафти фою жопу!

- Скорее всего, да, - согласилась Мартинес. - Но что, если она не врёт, Джамал?

Волнение отразилось в голосе Мартинес, она схватила Джарвиса за плечи и потрясла его.

- А что, если *нет*? Боже, парень, ты хоть понимаешь, что это за возможность, которую мы можем сейчас упустить? Уже почти год здесь, на Северо-Западе, расширяется вооружённый мятеж против Соединённых Штатов. Не бери в голову, что идиоты в Вашингтоне и наши собственные боссы - полные тупицы и не могут понять этого, или, что они слишком слепые и упрямые, чтобы признать факты, даже если те перед их носом! Ну и какие же, к чертям собачьим, данные есть у нас на этих людей? Я имею в виду *настоящую* внутреннюю информацию оттуда, собственные разведданные? Что есть у ФБР? У БАТФЕ? А у министерства внутренней безопасности? Божьей милостью, мы считаемся подразделением по борьбе с преступлениями на почве ненависти в бюро полиции Портленда, но что мы добыли методами обычной разведки по этой серии преступлений ненависти в нашем собственном городе? Ни хрена! Нуль! Нада! ("*Совершенно ничего*" по-испански. - Прим. перев.). Шиш!

- Было бы намного легче уфтанавливать этих беляшей, ефли бы они одеваиф, как нафыфкие штурмовики в 30-х годах и открыто бегали везде или приходили на все такие большие фобраня в парках, куда мы могли зайти, получить на них данные и арефтовать, - пожаловался Джарвис.

- Да-да, знаю, - согласилась Мартинес. - Потом этот жирный старый ублюдок, который сидел совсем один в разных ночлежках со своим компьютером, как-то смог убедить их начать шевелить мозгами и *думать*, прежде чем что-то делать. Бог знает, как он этого добился.

- Иф того, что я читал в наших разведфодках, не думаю, что *он* сам вообще понял, как этого добилфа, - прогнусавил Джарвис.

- Ну да. Они называют это "Пробуждением". В какой-то момент, после того как старик почти сорок лет бился головой об стену, его вдруг услышали. Я всё ещё не понимаю, что их привлекло сюда, - вздохнула Лэйни. - Но дело в том, что мы, правда, ни черта не знаем

о Добровольческой армии. Ну, конечно, мы знаем кое-что о некоторых из этих долбанных убийц, после восстания в Кёр д'Ален, из старых дел до 22 октября и благодаря наглости некоторых их боевиков, которые любезно оставили нам свои визитки, как и в случае Локхарта. Мы даже думаем, что установили личности пары членов Совета Армии, таких как Генри Морхаус.

Но что мы *действительно* знаем о них? Не только кто они, и где их найти, но и как они организованы? Какова структура их командования? Кто есть кто, и какая у них иерархия? Как им удастся избежать наблюдения и ареста, когда мы бросили против них всё, что у нас есть? Как они выбирают цели, как их выслеживают, и кто следующий в их расстрельном списке? Откуда они получают оружие, снабжение и деньги? Контакты за рубежом? Сочувствующие здесь, на Северо-Западе? Профессиональные контрабандисты, торгующие оружием, и преступники? Как они перебрасывают людей, оружие и средства с места на место? Кто и где делает им бомбы? Где они ночуют? Где они размещают своих раненых для оказания медицинской помощи? Кто их разведисточки, шпионы и агенты, причём с некоторыми из них мы оба знакомы обалденно хорошо, и они рядом с нами в этом самом здании?

Всё это мы должны знать, Джамал, чтобы быть на несколько шагов впереди и раздавить их, и почему мы этого не знаем? Потому что *ни один правоохранительный орган* никого не смог завербовать внутри Добрармии! Мы пытались, пытались и ФБР, и военная разведка и ЦРУ. Нам досталось только несколько мёртвых тел в канавах с полиэтиленовыми пакетами на головах, когда кто-нибудь подбирался к Добрармии слишком близко. А когда мы пытались проследить за тем, куда эти агенты двигались, и что они делали, когда наткнулись на пули, то след совершенно остывал, и все улики и затронутые люди исчезали, как Гудини в облаке дыма!

Хорошо, я соглашусь с тобой, что эта сучка Маги, наверно, выдала это, чтобы избежать тюрьмы, и орала, думая, что мы захотим послушать её брехню. Я понимаю это, и после того как я её выслушаю и решу, что она несёт полное дерьмо, она - твоя. Но сначала мы должны её выслушать. Ты что, не допёр? Это же чистое золото для карьеры! Представь, что *мы* окажемся первой группой правоохранителей, которая заполучит агента внутри Добрармии, а? Подумай, что если *мы* сможем первыми получать разведанные от агента и закрепиться там? Предел - небо, парень!

Глаза Лэйни ярко сверкали, а её голос звенел от множества мыслей о воображаемых должностях в кабинете министров.

Видения, сменяющиеся в голове Джамала, касались больше зелёных бумажек, но и его проняло.

- Да, да, я понял, о чём ты толкуешь, - неохотно признал он. - Но как ф убийством Джиллифа? Мне и Рофко чтобы быть яфно это.

- Не волнуйся, даже если у неё выгорит статья агентом, ты с Роско точно вне подозрений, - успокоила его Лэйни. - Пойми, что труп Джиллиса - наше средство давления на сучку, как и её ребёнок. Ну а если окажется, что она порвёт нашу цепь, мы можем вернуться к начальному плану. Девка уйдёт в хороший долгий отпуск в тюрьму, ювеналка заберёт её ребенка за полмиллиона, а мы получим своё вознаграждение как нашедшие девочку. Но сначала давай послушаем, что она скажет.

- Ладно, дафай делать эта дела! - согласился Джарвис, перед которым разворачивались действительно очень приятные виды.

Лэйни снова толчком открыла дверь, буквально ворвалась в комнату для допросов, обежала вокруг стола, схватила Кики левой рукой за волосы, а правой - за горло, и впечатала раненый затылок Кики в стену, заставив закричать от боли.

- Теперь слушай и слушай внимательно, шлюха! - злобно прошипела она на ухо Кики.
- Не смей делать такие заявки мне и сержанту Джарвису, если не сможешь ответить за каждое грёбаное слово! Не смей даже думать вешать нам лапшу на уши, чтобы избежать справедливого наказания за убийство и водить нас за нос какой-то сказкой про Добрармию! И не смей заикаться о сделке и пытаться влиять на своё положение.

От тебя ничего не зависит, Кики. Ты - какашка и плаваешь в нашем толчке. Рассказывай мне *всё*, прямо сейчас! Никаких утаек и бреда! А потом сержант Джарвис и я примем решение, спустить тебя в канализацию или нет. Попытаешься плести небылицы или надуть нас, и я постараюсь, чтобы ты тянула свой срок в худшей дыре, какую только я смогу найти. С лесбиянками, которые обеспечат, чтобы ты отбывала свой долгий, долгий срок с ручкой швабры в своей пизде. Ты улавливаешь суть, девка? Ты действительно въехала?

- Да, я поняла, - всхлипнула Кики, в этот момент полностью потрясённая и раздавленная.

- Дам-ка я тебе пару фоветов, плять, - угрожающе навис над ней Джарвис. - Думаешь, я - ублюдок фуже нет? Фкажу тебе, чтобы ты *даже* не мечтала разозлить сержанта Мартинес. Я, по фравнению ф ней, Ребекка с грёбаной фермы "Фаннибрук".

- Теперь говори и не останавливайся, пока не расскажешь всё до конца, - приказала Лэйни.

Кики рассказала им всё, что знала. Это было не так много и заняло мало времени. Детективы вышли из комнаты с предупреждением Лэйни напоследок.

- Если здесь появится большая дама в оранжевом, со шваброй и с предвкушающей улыбкой, знай, что мы не купились, и советую тебе сделать то, что она скажет, тогда она тебя не избобьёт.

Снаружи в зале они остановились, убедившись, что дверь закрыта.

- Думаю, что она говорит правду, - взволнованно проговорила Мартинес.

- Ага, - медленно кивнул в знак согласия Джарвис. - И я так думаю. Она флишком напугана, чтобы врать. О'кей, значит, мы делаем фтавку на кабак Ленни и ждём, когда эти хмыри появятфа? Надеюф, и Локхарт ф ими, а?

- Ты всё ещё не догнал, Джамал, - покачала головой Мартинес. - Я не говорю только об одном хорошем аресте. Я задумала долгосрочный проект. Мы взяли эту сучку за сиськи на обвинении в убийстве и на маленькой дочке. Надо выжать из неё побольше. Мы отправим её под надёжным прикрытием так далеко, как сможем, и убедимся, что каждый её шаг на этом пути прослушивается. Известно, что у них есть женщины-доброволки.

Вот и посмотрим, можно ли на самом деле сделать так, чтобы Кики добровольно вступила в их террористическую армию. И добудем столько информации, сколько сможем, обо всей структуре Добрармии в нашем городе и в других местах, установим столько подонков, сколько удастся, выясним всё, что в наших силах, каждый конспиративный дом, каждую машину, каждый склад оружия, уясним общую обстановку. Потом проглотим всю энчиладу сразу и сделаем Портленд единственным городом на Северо-Западе, на сто процентов чистым от расистов. (*Энчилада - кукурузная лепешка с острой начинкой - национальное мексиканское блюдо. - Прим. перев.*).

Как только мы это сделаем, то сможем выбрать всё, что душе угодно. Сможем перейти к федералам. ФБР на коленях станет умолять нас поделиться опытом. Когда мы

уничтожим эту сволочь здесь, на Северо-Западе, то будем на коне. Ты никогда не хотел пожить в Вашингтоне, а, Джамал?

- Моя фемья ф фтолице, - хмыкнул Джарвис. - Но как мы работаем на фтрече фегодня вечером?

- Сегодня вечером мы ничего не делаем. Мы просто отправим туда нашу девушку и разрешим ей завести несколько новых друзей, - ответила Мартинес.

- Нам нужны люди для фтраховки и техники для обработки сфязи, и капитан Роулинфон захочет знать, что мы тут мутим.

- Забей на Роулинсона, - отрезала Мартинес. - Первое правило "Проекта Кики" - предельная секретность. Я знаю одного техно-фаната в отделе электронного наблюдения, Энди Маккаферти - спеца по всему, что нам нужно, как по определению места, так и по личной прослушке. Энди будет нужен, чтобы поставить все технические средства, сейчас и в будущем, и он должен молчать обо всём этом. Если уж на то пошло, я могу заставить Энди держать язык за зубами: дам ему пару раз. Сегодня вечером будем только мы вдвоём и он. И, понятно, Кики.

- И никакой поддержки? Но это кажетфа не флишком умно, - занервничал Джамал. - Не обижайфа, Лэйни, я знаю, ты - крутая тамале и фсё такое. Но я не балдею от мыфли идти против этого ублюдка Кота а, может, ещё кого из его банды только ф тобой и каким-то придурком иф отдела профлушки. (*Тамале - острое мексиканское блюдо. Здесь – крутая девка. - Прим. перев.*). Ниггер как я не фтанет подфтафлять зад под пули *ни за чью карьеру*. Потом, хорошо, я понял, что мы не берём их фегодня и отпуфкаем "верёвку", но как после встречи мы сядем им на хвост без поддержки?

- А мы и не будем садиться, - повторила Мартинес. - Мы их отпустим. Повторяю, сегодня вечером цель - познакомить нашу девушку с ними и сделать так, чтобы они захотели её завербовать. Для этого им должно понравиться то, что они увидят, чтобы они начали доверять ей. Если пустить за ними хвост с места встречи, а они его засекут, это сорвёт всю игру. Они никогда не станут доверять девке и, может, сами попытаются сыграть с нами, если просто не шлёпнут её.

- А как фделать, чтобы она не выдала *им наф*? - спросил Джарвис. - Или профто не удрала, когда мы выпуфтим её за дверь?

Лэйни зловеще оскалилась.

- У нас будет её дочь, прямо здесь, в Центре юстиции, и с сегодняшнего дня мы повесим на неё жучок. Кики будет играть свою роль сегодня вечером и дальше, или же её ребёнок попадёт прямо в ювеналку.

- Хорофо, а пофле фегодняшнего вечера? - спросил Джарвис. - Мы вроде как фобиралиф работать втайне, но придётфа доложить об этом Роулинфону, и многие другие об этом узнают.

- Я понимаю, что нужны и другие, - сказала Мартинес, - Нам нужна целая рабочая группа. Но мы должны свести группу до минимума и ограничить доступ к информации, особенно к личным данным Маги. Я не доверяю Роулинсону. Он - белый и любит только женщин, а, значит, заведомо политически ненадёжен. Его определение состава преступлений ненависти на мой вкус всегда было слишком мягким, особенно когда дело касается языка ненависти. Он, кажется, не понимает, что язык ненависти полностью выдаёт мысли и отношения, которые ведут к преступлениям ненависти. И что, как только мы узнаём, что ненависть гнездится в мозгу белого мужика, то должны задавить его в зародыше, раньше, чем он что-то сможет натворить с такими мыслями. Это - единственный способ защитить женщин и меньшинства.

Я не хочу, чтобы Роулинсон знал об этом деле, и кто такая Кики. Мне также не хочется, чтобы Роско или твои *дружки-взяточники* знали, что происходит. Просто скажи Роско, что ты обо всём позаботился и оставь всё как есть, понял? Я собираюсь сейчас перевести Маги в конференц-зал наверху, и удалить документы по обвинению её в убийстве из компьютеров и из системы, пока это не слишком сложно.

- Ну а как нам начать большой концерт, ефли глава подразделения ничего об этом не знает? - спросил Джамал.

- Если сегодня вечером эта встреча пройдёт гладко, я доложу обо всём прямо Шефу, - ответила Лэйни. - Она сама страшно захочет этим заняться, вытянет нас из-под Роулинсона и даст нам всё, что нужно.

Несмотря на общее разложение, как в Соединённых Штатах, так и в их правоохранительных органах, в рамках системы всё ещё сохранились элементы и отдельные лица, способные, когда этого требовали обстоятельства, действовать быстро и с безжалостной деловитостью. И Кики Маги получила наглядный пример такой работы.

В течение часа её доставили к полицейскому врачу. Рана на голове была обеззаражена, на неё наложили швы и повязку, хотя по указанию Лэйни волосы не сбрили. Кики вкололи антибиотики и мягкое обезболивающее, а затем заперли в шикарном конференц-зале, сняли кандалы и наручники, но строго предупредили, что любая попытка побега будет жестоко пресечена. Пока всё это происходило, группа тайных агентов из Портленда быстро подъехала к дому-прицепу Маги. Они перетасили всё ещё пьяную и сонную Мэй Маги в свой фургон, взяли Мэри Элли из её кровати, и забрали из дома-прицепа ряд вещей по списку, после чего молча и незаметно исчезли. Вообще-то на стоянке домов-прицепов жил человек, ещё не полноправный доброволец, а кандидат, который действовал как наблюдатель от Добрармии. Но ему нужно было ехать на работу в шесть утра, и он пропустил кратковременную суету вокруг дома Кики.

Через два часа после того, как сержант уловки Мартинес впечатала Кики головой в стену, в конференц-зал принесли её дочь. Кто-то сменил Элли памперс и одел в одну из её дешёвых хлопковых пижамок. Кики дали пластиковую тарелку фруктового салата из столовой, небольшую коробку хлопьев в пластиковой миске, пакет молока и пластмассовую ложку и разрешили покормить ребёнка. После завтрака Элли захотела поиграть, бегала по конференц-залу щебеча и крича, прыгала по креслам, разбрасывала карандаши и бумагу и веселилась от души, а мать впитывала каждый её звук и движение в муках любви и страха. Около десяти часов в комнату вошла Мартинес в сопровождении женщины в штатском, которая по догадке Кики была из службы защиты детей или другой государственной конторы. Эта женщина взяла Элли и сказала:

- Давай, милая, пойдём посмотреть мультфильмы, ладно? Эта тётя хочет поговорить с твоей мамочкой.

Кики не пыталась сопротивляться или устраивать сцену, боясь испугать малышку.

- Иди, милая, - ласково сказала она дочурке. - Иди посмотреть мультики.

- Ты иди тоже! - потребовала маленькая девочка. - Мутик со мной!

- Я не могу, солнышко. Иди, я приду потом, - сказала Кики.

Слёзы блеснули в её глазах, когда женщина вывела ребёнка из комнаты.

- Ты правда сможешь увидеть её позже, ты же знаешь, - намекнула Лэйни. - С этого момента, Кристин, всё зависит от тебя.

- Нет, не увижу, - полностью смирившись, вздохнула Кики. - Не после сегодняшнего вечера. Я не идиотка. Я знаю, что ты хочешь от меня. И знаю, что Добрармия делает со стукачами. Видела по телевизору. Меня свяжут, наденут на голову пластиковый пакет для

мусора, а потом пустят пулю в мозги. Из-за пакета мозги и кровь не разлетаются, и для следователей остаётся больше улик на месте преступления. Сдуки никогда не хоронят тела. Они хотят, чтобы тело нашли, и чтобы все знали, что ждёт стукача. А что случится с моей дочерью после моей смерти?

- Ты знаешь, что произойдёт, - прямо ответила Лэйни. - Её заберёт ювеналка, и она будет удочерена богатой семьёй, лояльной по отношению к США, возможно, с восточного побережья. Но, конечно, не с Северо-Запада, просто для верности, что она вырастет без любых дурных влияний на её жизнь, как у тебя.

- Семьёй пьядуч? - с горечью спросила Кики. - Я имею в виду буйных пьяниц, а не таких, как моя мама? Чокнутых, которых суды признали негодными приёмными родителями? Испорченных яппи или знаменитостей, которые захотят игрушку, устанут от неё и сбросят на руки какой-нибудь гватемальской горничной или няне на весь день. Так что её будет воспитывать телевизор, если ей повезёт, а, может она заразится какой-нибудь болезнью из страны третьего мира? А, может, и пара лесбиянок или пидоров? Или её просто заберёт любой, у кого хватит денег, верно? - горько сетовала Кики.

- Слушай, говорю тебе в последний раз, что не хочу больше слышать эти оскорбительные слова! - прикрикнула на неё Лэйни. - Больше никаких оскорблений других национальностей или унижительных замечаний о сексуальных предпочтениях людей! Ты и так по уши в дерьме!

- Да, я в беде! - выкрикнула Кики. - Двое ублюдков полицейских посылают меня на смерть и собираются продать мою дочь после того, как сдуки убьют меня! (*Видимо, от слова spooku - жуткие, страшные. - Прим. перев.*). Вот это, по-моему, беда! И тебе лучше привыкнуть к оскорблениям, потому что, если я буду болтать с мятежниками, ты много их услышишь по своим проводам или что вы там придумали. Считай, я просто вживаюсь в роль!

- Ей богу, быть в твоей шкуре - невезуха, - равнодушно согласилась Лэйни.

У неё хватило достаточно здравого смысла понять, что настало время немного помягче поговорить с сидящей перед ней перепуганной молодой женщиной.

- Слушай, ты словила пару обломов за последние сутки, Кристин. Я согласна. Но ты же знаешь старое выражение: не можешь чего-то избежать, поддайся. Когда жизнь суёт тебе лимоны, делай из них лимонад. Если ты разыграешь свои карты правильно, сохранишь спокойствие и провернёшь это дело на сто десять процентов, то в большой чёрной туче может оказаться огромный просвет.

Не думаешь же ты, что мы просим тебя выполнять опасное задание без всякой оплаты? И плата будет соизмерима с риском. Обещаю тебе пятьсот долларов в неделю из секретного фонда. Это две тысячи долларов в месяц чистыми, да ещё мы обеспечим тебя вещами, машинами и всем, что захочешь. Если докажешь свою ценность для нас, как я думаю, то сможешь, получать и больше.

- В месяц? И как долго, по-твоему, я должна выступать в роли стукачки? - спросила потрясённая Кики.

- А почём я знаю? - успокаивающе ответила Лэйни. - От начала и до конца. Так долго, как получится.

- Это будет продолжаться, пока они не разберутся, что я - доносчица, а потом однажды ночью я сяду с ними в машину, и в конце буду валяться в лесу с мешком на голове, - отрешённо проговорила Кики. - Я не смогу это сделать, чёрт тебя побери! Я не подсадная утка и не смогу себя так вести! Они легко меня расколуют. Наверно, мне даже не удастся ничего сделать сегодня вечером!

- Кики, слушай, мы с тобой знаем, где ты была и что делала, - сказала Лэйни. - Ты знаешь, как вести себя на улице и в тюрьме. Если бы ты вела себя неправильно, то не выжила бы и не была бы здесь. И тебе не надо ничего делать и высовываться, искать конкретных людей или вещи, хотя ясно, что мы очень заинтересованы в мистере Локхарте. Ты не должна задавать наводящие вопросы или быть слишком любопытной.

Просто плыви по течению и делай вид, что увлечена их великой расистской революцией. Мы будем записывать каждый твой шаг, а наши люди из разведки - всё анализировать и выяснять по сырым данным, которые ты принесёшь, где, чёрт возьми, их логово. Ты будешь просто мухой на стене, так сказать, наблюдательным постом. Делай всё, что они попросят, убеди их, что ты просто глупая проститутка, и, конечно, используй свой сексуальный опыт, который, я уверена, ты приобрела за время своей профессиональной жизни. Эти люди - скоты, точно, но, как все мужики, они просто тупые головорезы, думающие своими членами. И они не заподозрят аппетитную сучку с чёткими татушками, которая сделает им хороший минет.

- И это вы тоже будете записывать, я думаю? - спросила Кики, уткнувшись лицом в ладони. - А что ты собираешься делать с записями после моей смерти, продавать через Интернет?

- Ой, да ладно, не говори мне, что стесняешься? - раздраженно фыркнула Лэйни. - Ты же торговала своим телом, прости господи! Наверняка ты и групповухой занималась, и порно и давала смотреть некоторым своим клиентам, и всё такое, а?

- На самом деле, нет, - глухо пробормотала Кики. - Этим я занимаюсь иногда, когда вынуждена, потому что это единственный способ заработать деньги, чтобы заплатить за жильё и купить детские вещи, и потому что это единственное, по мнению Америки, на что я гожусь. Но мне это не нравится. Хотя тебе ведь плевать, что я чувствую.

- Честно говоря, да, - ответила Лэйни. - Слушай, ты действуешь или нет, Кики? Мне нужно знать сейчас. Это не китайская грамота. Ты с нами, или Америка выбросит тебя на помойку, всю целиком. Мы всё ещё можем спустить тебя обратно вниз и послать твою дочку прямым ходом в ювеналку, а для ровного счёта по закону о конфискации - отобрать твой дом-прицеп и прицеп твоей пъячужки-матери.

Я уже говорила, что твоя мать как раз сейчас внизу, в камере для пьяных? Наверно, орёт, чтобы ей дали первый за день пивчик. Если будешь со мной артачиться или испортишь всё сегодня вечером, завтра к этому времени ты будешь так далеко в системе, что никто не сможет вытащить тебя оттуда. Твоя дочь окажется на пути к её новым мамочке и папочке, или её новым мамочкам или новым папочкам в зависимости от обстоятельств. А твою мать мы засадим в приют Армии спасения для бездомных.

- Всё-всё, я поняла! - закричала Кики. - Просто скажи, чего ты от меня хочешь?!

Мартинес кивнула на большой и, похоже, удобный диван вдоль одной стены конференц-зала.

- Сейчас я хочу, чтобы ты легла и хорошо выспалась. У тебя трудная встреча в 9 часов сегодня вечером, и мне хочется, чтобы ты отдохнула и была наготове. Ты же *не хочешь* облажаться, потому что измучена.

Она встала и пошла к двери.

- Эта дверь останется запертой, и помни, даже если ты сможешь выйти из комнаты, у нас твоя девочка, а ты не знаешь, где она в этом здании. Пойми, Кристин. Ты сейчас наша сучка, и когда мы прикажем "сесть", ты сядешь. Говорим "ищи" - ты ищешь. Когда один из этих расистов-убийц скажет тебе повернуться на спину, ты повернёшься. Исходи из этого.

Действительно, Кики была совершенно измотана, и даже в таком раздёрганном состоянии заснула почти сразу, как только легла на мягкий диван. Женщина-полицейский разбудила её в 4 часа, дала ещё болеутоляющего и разрешила пойти в туалет и принять душ в раздевалке персонала, всё время не спуская с неё глаз. Потом Кики отвели обратно в конференц-зал, где она получила обед из кафетерия, который жадно проглотила. Ведь она целые сутки ничего не ела и проголодалась. Когда она покончила с едой, Мартинес принесла большую картонную коробку с вещами из прицепа Кики. Внутри была её одежда.

- Выбери что-нибудь на сегодняшний вечер, - приказала она Кики. - Обычную одежду, а не ту уличную сбрую, в которой тебя арестовали.

Кики выбрала джинсы, пару старых кроссовок, бюстгальтер и тёмно-бордовую вязаную кофточку с короткими рукавами.

- Ты собираешься прилепить коробку или что к моему пупку? - спросила она.

- Нет, теперь это гораздо сложнее, - засмеялась Лэйни.

Она подошла к двери конференц-зала и подала знак. Вошёл высокий, худощавый белый, с залысинами, в штатском, с нагрудным значком и пистолетом на поясе, и внёс металлический чемоданчик, который поставил на стол и открыл.

- Это детектив Маккаферти из нашего Отдела электронного наблюдения, - пояснила Мартинес. - Ты будешь часто видеть его.

Маккаферти подошёл к Кики и оглядел её.

- Уши проколоты? Хорошо, - сказал он. - У меня есть то, что надо.

Он подошёл к чемоданчику и выбрал пару небольших серёжек из жемчуга в зелёных листиках. Потом вставил их в уши Кики, вернулся к чемоданчику и вытащил наушники, которые надел на уши. И приказал:

- Скажи что-нибудь, чтобы я мог проверить уровни.

- Итси, глупый паучок, сунул голову в толчок, - сказала Кики.

Маккаферти повозился с какими-то шкалами на маленьком экране в своём чемодане.

- Ещё раз, пожалуйста.

- А что, если они проверят меня металлоискателем? - спросила его Кики.

- В них нет металла, схемы только на пластиковых волокнах, - успокоил её Маккаферти.

- Волоконная оптика? А там есть крошечные камеры, чтобы видеть и слышать? - полюбопытствовала Кики.

- Нет, только звук, хотя у нас будут кое-какие видеоприборы вроде этого, - ответил спец по "жучкам". - Теперь ты, сержант. Отойди от неё немного, скажем, на два метра, и что-нибудь скажи.

Мартинес отошла и сказала:

- Волоконная оптика появится позже. Мы хотим снять эти сукиных детей на видео, а также сделать цифровую звукозапись. Как там, Энди?

- Хорошо. Теперь я. Я как? Может быть, на четыре метра? Проверка, один, два, да, я в порядке. Пожалуйста, включи телевизор, для фильтра постороннего шума.

Лэйни включила телевизор, который стоял в углу комнаты. Шла программа сети "Си-Эн-Эн". Женщина-диктор читала с телесуфлёра: "Час пик в Сиэтле в настоящее время нарушен, и образовалась пробка в несколько миль от моста имени губернатора Росселини из-за горящей полицейской машины на 23-й авеню у въезда на шоссе 520. Полицейская штабная машина, в которой предположительно находился старший инспектор, была подорвана самодельным взрывным устройством, спрятанным сбоку от въезда. Инспектор и его водитель погибли. Имена погибших в настоящее время не оглашаются до уведомления их семей. В

бюро "Си-Эн-Эн" в Сياتле поступил звонок с использованием подтверждающего кодового слова, в котором ответственность за теракт во имя белой расы взяла на себя запрещённая Добровольческая армия Северо-Запада.

Сегодня были совершены новые теракты на всём Тихоокеанском Северо-Западе, в том числе, два латиноамериканца были застрелены в Якима, штат Вашингтон, взорваны бомбы в испаноязычном баре в Бойсе, Айдахо и в еврейском общинном центре в Юджине, штат Орегон, застрелен кореец, владелец удобного магазина в Чехалис, штат Вашингтон.

Кроме того, в Портленде, штат Орегон, среди бела дня в фешенебельном районе Перл был убит снайпером известный гей и активист антифашистского общества, Джеффри Уэллер, 32 лет. В полиции Портленда подтвердили, что игральная карта валет бубен, найденная недалеко от предполагаемого укрытия снайпера, указывает, что стрелял пресловутый Джесси Локхарт "Кошкин Глаз" из Добрармии. Денежное вознаграждение в один миллион долларов, назначенное за поимку Локхарта, до сих пор не принесло результатов".

- Фильтр постороннего шума в порядке, - кивнул Маккаферти. - Наши "уши" подключены.

Лэйни выключила телевизор.

- Один миллион долларов вознаграждения, Кики, - многозначительно ухмыльнулась она. - Я уверена, что ты могла бы потратить кое-что из этого миллиона, а? Не бойся, ты сделаешь это для нас, а мы с Джамалом выделим тебе равную долю. Даю слово.

- А можешь пообещать, что я останусь в живых, чтобы их потратить? - спросила Кики.

- Ты хочешь прицепить к ней датчик положения? - спросил Маккаферти Лэйни.

- Да-да, постоянный, - подтвердила Мартинес.

- Что это? - спросила Кики.

- Датчик спутниковой системы определения места, - ответил Маккаферти, копясь в своём чемодане. - С ним мы в любое время будем точно знать, где ты находишься.

- Именно об этом я всегда мечтала, - мрачно заметила Кики.

- Это же для твоей защиты, как и нашей, ты же знаешь, - успокоила её Лэйни. - Если эти парни сегодня вечером захотят куда-нибудь пойти с тобой, иди с ними. Так мы сможем следить за тобой.

- А эти серьги достаточно чувствительны, чтобы услышать меня через полиэтиленовый пакет на голове? - спросила Кики. - Слушай, я иду на это, потому что у меня нет выбора. Не волнуйся, я сделаю это для тебя или, правда, умру, стараясь. Скорее всего, попытаюсь и умру. Но не считай меня полной дурой, делая вид, что тебе не наплевать на меня и мою безопасность, ладно? Тебя не волнует, если меня убьют, а важно только получить благодарность и маленькую золотую звезду на лбу за любую информацию о Добрармии, которую я добуду для тебя и Обезьяны. Не говори, что хочешь повесить на меня датчик слежения для моей защиты. Ты просто хочешь пометить меня, как рыбу или животное, выпустить меня из клетки в дикий мир. Посмотреть, сколько я проживу, пока медведи и волки не сожрут меня, как в каком-то больном реалити-шоу на природе.

- Ну, близко, но не совсем, - спокойно заметила Лэйни. - Ты должна понять, Кристин, что теперь из-за тебя бюро полиции Портленда будет затрачивать больше времени, усилий и средств. Когда мы начинаем просить деньги на подобные операции, наши боссы ждут результатов, а труп одной белой шлюхи, валяющийся на лесной дороге с полиэтиленовым пакетом на голове, как ты выразилась, результатом не считается. Ну да, во всём этом состраданию места нет. Но мы хотим защитить тебя как объект вложения средств. Чем более ценным объектом ты себя покажешь, тем больше мы будем стараться защитить тебя, поняла?

Желательно полное сотрудничество и участие с твоей стороны. Считай это сознательной заинтересованностью.

- Примерь это, - сказал Маккаферти, надевая кольцо с сапфиром на правую руку Кики.

- Ты начинаешь сегодня вечером вносить свой вклад в наш общий инвестиционный портфель, Кристин, - сказала Мартинес. - Ты сделаешь все правильные ходы, не облажаешься, и с этого момента это кольцо останется на твоём пальце всё время. Конечно, как только ты окажешься на улице, можешь снять кольцо и кинуть нас. Но хорошенько подумай перед этим, девушка. Потому что как только ты снимешь это кольцо, наш развод станет окончательным. Мы с Джамалом не только получим опеку над Мэри Эллен, но и поймем тебя, а потом Джамал позабудется с тобой. И я лично пушу пулю в твою пустую блондинистую башку, которая убьёт тебя так же, как и пули Добрармии. Как только мы начнём, Кики, никогда, *никогда* не забывай, на чьей ты стороне, и на кого работаешь. И в один прекрасный день всё закончится, но решать, когда наступит этот день, будем мы, а не ты.

- Теперь я знаю, почему полюбил тебя, - вздохнул Маккаферти, печально глядя на Лэйни. У Кики мелькнуло ужасное подозрение о том, что тот имел в виду.

* * *

В тот же вечер ровно в девять Кики высадили за квартал от квартирки Ленни, на углу, который наверняка не был виден из окон квартиры. Тут Лэйни немного поспорила с Джамалом, стоит ли Кики прийти в квартиру пораньше и подождать людей Добрармии, но Лэйни эту идею отвергла.

- Они появятся и обнаружат, что в квартире уже есть кто-то, кого они не ждали, что сразу их насторожит, - пояснила она. - И заинтересуются, кто ещё там побывал до них, и что они там делали.

Когда Кики выходила из неприметного фургона "пэсифик пауэр", Лэйни спросила:

- А у тебя есть проездной билет на автобус? Запомни, если они спросят, как ты добралась, что ты приехала на 42-м.

- Он у меня, - ответила Кики, стараясь не дрожать от страха.

- Теперь иди. И не провали дело, - сказала Лэйни, закрывая дверь фургона.

"Лучше бы пожелала удачи, сука", - пробормотала Кики, надевая сумку на плечо.

По настоянию Кики детективы дали ей другой висячий замок, и она соорудила ещё один "кистень" из одного из своих носков.

- Поймите, они подумают, что это не в моём характере, если я не прихвачу с собой что-нибудь! - доказывала она.

И вот Кики вошла в здание и поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж. Она знала из прошлого, что лифт в этой многоэтажке был дрянной. Остановилась и заглянула под коврик наверху лестницы. Ключа Ленни, который он держал для своих девушек, когда использовал это место, как тайную "хату", уже не было. Видимо, они уже пришли. Кики постояла перед квартирой 24 и сделала глубокий вдох. Потом постучала в дверь.

Через мгновение дверь открыл мужчина с бритой головой и бородкой, похожий на борца, которого она видела накануне в "Логове Юпитера". Кики заметила, что он держал

правую руку за дверь, и была уверена, что в ней пистолет. Она не дала ему возможности ничего сказать.

- Ленни Джиллис не придёт.

- Ну да? - сказал человек, оглядывая её с головы до пят. - А почему?

- Он умер. Двое ниггеров-полицейских забили его до смерти вчера вечером. Полиция, наверно, сейчас ищет тебя.

- Как всегда.

Большой Джим Макканн отошёл в сторону и мотнул головой, пропуская Кики вперёд, а потом закрыл дверь. В его правой руке действительно был чёрный, похожий на пластмассовый, автоматический пистолет, наверно, какой-то 9-мм, подумала Кики.

- Ты кто? - спросил он, глубоким, но не грубым голосом.

Кики почувствовала, что следующие шестьдесят секунд, видимо, решат, жить ей или нет.

- Я - Кики Маги, - ответила она. - Работаю, ну, работала на Ленни.

Она покорно ждала неизбежного следующего вопроса о характере работы, но его не последовало. Вместо этого у неё за спиной заговорил второй человек.

- Хорошие татушки.

Она обернулась, ожидая увидеть Кота Локхарта, но вместо него там оказался мужчина с тёмно-рыжей бородой и голубой банданой на голове. Второй доброволец был такого же роста, как и Макканн, мускулистый, но не такой массивный, в джинсовой куртке без рукавов, на которой в прошлом могла быть байкерская эмблема, и в футболке. Его руки и плечи были покрыты флагами Конфедерации, клансменами с огненными крестами на вздыбившихся лошадях, свастиками и валькириями в доспехах бикини. Руки мужчины были скрещены, и он держал в волосатой руке блестящий 9-мм "Магнум".

- Твои тоже очень клёвые, - признала она.

- Ты знаешь, кто мы? - спросил Макканн своим низким обманчиво спокойным голосом. - Ленни тебе рассказал?

Мартинес наказала ей держаться как можно ближе к правде и стараться избегать любого вранья, в котором позже её могли уличить.

- Да, я знаю, кто ты, но Ленни не говорил мне, - ответила Кики. - Ленни никогда не врёт мне. Вернее, никогда не врал. Я видела тебя, когда ты заходил вчера в "Логово", и узнала парня, который был с тобой, Кота. Боже, человек, которого все в Портленде уже должны знать в лицо. Это парень горячий, как сыр с пузырями. Не знаю, у кого больше храбрости, у него или у тебя, чтобы показываться с ним на людях.

- Мы хотели надеть ему на голову мешок, но это привлекло бы ещё больше внимания, - сказал мужчина сзади. У него был заметный южный а, может, и ковбойский акцент.

У Макканна была сбивающая с толку привычка сразу переходить к сути.

- Раз Ленни ничего не говорил тебе о нас, как так получилось, что мы видим тебя здесь в то самое время и в том месте, когда и где мы должны были видеть мистера Дж.?

- Я была в туалете и когда выходила, то услышала, как он назначил встречу с тобой здесь, - ответила она. - И подумала, что ты хотел бы знать, что он убит.

- Ты поняла верно, - согласился Макканн. - И как же это случилось?

- Вчера вечером к нему пришли двое ниггеров-полицейских, как я уже говорила, - стала рассказывать Кики. - Я была там, когда они вошли. Один из них был в форме сержанта, кажется, Роско. Другой - Джарвис из отдела преступлений ненависти и гражданского неповиновения. По кличке "Обезьяна".

- Да, мы знаем Обезьянку, - кивнул Макканн. - Продолжай.

В двух кварталах оттуда, в переулке стоял неприметный фургон "пэсифик пауэр", где трое детективов согнулись над металлическим ящиком Маккаферти, слушая разговор, отчётливый как звук колокола.

- Да, будь фпокоен, ты познакомишфа фо мной, белявый раздолбай! - прорычал Джарвис.

- Не могу поверить! Мы, *наконец-то*, получили этих парней в цифре! - в восторге воскликнул Маккаферти.

- Тихо! - прикрикнула Мартинес, вслушиваясь.

Кики в квартире начала излагать важнейшую часть своей легенды.

- Они пришли и немного поговорили с Ленни в одной из кабинок, - рассказывала она. - И вдруг ни с того ни с сего забрали его в подсобку. Не похоже, что ему очень хотелось идти с ними. У меня были дела примерно в это время, а когда я вернулась в "Логово", всё гудело от патрульных машин полиции, и мигали их синие огни.

Раздался электронный звуковой сигнал.

- Что за хрень?

Она обернулась и увидела прямо за своей спиной второго добровольца с ручным металлоискателем в руке: тот спокойно проверял её, пока она говорила.

- Что в сумке, Кики? - спросил Макканн.

Кики нахмурилась и протянула ему сумку. Макканн сунул пистолет в кобуру и порылся в сумке, потом вытащил носок с замком внутри него.

- Тебе должно быть попадаются грубые клиенты, - заметил он, поднимая носок и возвращая обратно в сумку, которую протянул ей обратно.

- Да, а где, чёрт возьми, по-твоему, я заработала это? - сказала Кики, опережая следующий очевидный вопрос и указывая на ещё заметные синяки на лице, которые Джарвис поставил ей прошлым вечером.

- В общем, позже я услышала, что Ленни нашли мёртвым в переулке с пробитой головой. Это, должно быть, были те полицейские. Я вспомнила, что видела вас, ребята, раньше в тот день, а Джарвис - из Преступлений ненависти, и связала одно с другим. Подумала, что они пытались выбить у него что-то про вас, и поэтому приехала сюда вместо него, чтобы дать вам знать.

- Почему? - спросил Макканн.

- Потому что я хочу помочь вам, - ответила Кики.

- И с чего бы это?

Кики показала на себя.

- Ты знаешь, чем я занимаюсь. Любой дурак с глазами поймёт. Америка всегда трахала меня, и думаю, что пришло время вернуть должок.

- Что-то я не флышу длинной речи, как фемирный еврейфкий заговор сделал её шлюхой? - фыркнул Джарвис в фургоне в двух кварталах оттуда.

- Нет, нет, она играет точно! - возразила Мартинес. - Тихо!

- Ты - наркоманка? - спросил Макканн.

- Уже нет. Я завязала полгода назад и держусь, - ответила Кики.

- Как думаешь, Ленни сдал нас? - спросил второй.

Кики повела рукой вокруг.

- Ты слышишь сирены? Уверена, что не сдал.

- И почему мы теперь должны верить твоему рассказу и доверять тебе? - вежливо спросил Макканн.

Она повторила жест.

- Я повторяю, вы слышите сирены? Слушай, я не жду, что вы посвятите меня во все ваши глубокие страшные тайны или что-нибудь подобное. Я в любом случае не хотела бы их знать. Но я готова помогать вам всем, чем могу.

Она вынула карточку "Логова Юпитера" из заднего кармана, одну из тех, что носила для клиентов.

- Мой мобильник на обороте. Я сделала то, зачем приехала сюда. Теперь я собираюсь уйти, а ты можешь позвонить мне в любое время, и я приду в любое место, которое ты назначишь, и сделаю всё, что скажешь. Или, если не веришь, то, давай, пристрели меня.

- Откуда ты знаешь, что мы просто *не застрелим* тебя? - спросил Макканн.

- Я не знаю, - сказала Кики. - Конечно, я думала об этом, но теперь мне всё равно. Если всё, что меня ожидает в Америке, это ещё 50 лет такого же дерьма, то лучше умереть сейчас и покончить с этим, прежде чем я в конце стану законченной старой больной пьянью, как моя мама, в 55 как в 75. Я решила, что стоит рискнуть.

Макканн посмотрел на второго мужчину.

- Она права, - сказал второй. - Не слышно никаких сирен, спецназ не бьёт ногами в дверь, а на ней нет жучков, насколько показывает прибор.

Макканн холодно улыбнулся.

- Ну, что бы ты там ни слышала, мисс, мы, в самом деле, не убиваем людей без причины, поэтому я думаю, мы оправдаем тебя за недостатком улик. Я - товарищ Смит. Уинстон Смит.

- Я не помню никакого Фмита в наших делах по Добрармии, - наморщив лоб, пробормотал Джарвис в двух кварталах в фургоне наблюдения.

- Я объясню тебе позже, - сказала Лэйни, закатывая глаза. - Но этот умник должен помнить, что в романе "1984" Большой Брат в конце поймал Уинстона Смита.

- 1984? Не, по голофу он не такой фтарый, чтобы иметь фудимость так давно, - решительно сказал Джарвис.

- Тихо! - снова рявкнула Лэйни.

В квартире Джим Макканн продолжил официальное представление.

- А это Ударник, - сказал он, указывая на рыжебородого.

- Понятно, твоя уличная кличка, - сказала Кики.

- В самом деле, это характер моей работы, - сказал Ударник с мальчишеской и лишь чуть сумасшедшей усмешкой.

Макканн продолжил:

- Теперь, так как ты хочешь выполнить свой патриотический долг перед Северо-Западной Республикой, помогая нам, я не думаю, что покойный мистер Джиллис говорил тебе что-нибудь о партии товара для нас, что у него была?

- Э-э, вроде оружия или взрывчатки? - спросила Кики. - Я догадываюсь, что это то, в чём вы заинтересованы, но я всегда считала Ленни неспособным влезть в такое опасное дерьмо. Но и тогда я всё равно никогда не приняла бы его за одного из вас, ребята, - заключила она.

- Он и не был одним из нас, - подтвердил Макканн. - Ленни Джиллис был тем, кем и казался, - мелким уголовником и не слишком удачливым. Но, к сожалению, революционерам иногда не приходится быть слишком разборчивыми с кем иметь дело. Нет, это не оружие или боеприпасы. Я уверен, что для тебя не будет сюрпризом, что Джиллис также вёл крупную торговлю краденым?

- Я отсидела четырнадцать месяцев в "Кофи Крик" после того как сорвалась одна из его мелких сделок с краденым, так что меня это совсем не удивляет, - сухо ответила Кики.

- Мы узнали из разных источников, что у Ленни оказалось кое-что из украденного на военном заводе в Сиэтле, - сказал Макканн. - И пришли сюда сегодня вечером, чтобы купить у него кое-какие вещи, но теперь у нас нет ни Ленни, ни товара, а конверт с деньгами прожигает дыру в кармане. Когда ты была рядом в его стрип-баре, ты не заметила какого-нибудь пакета или, может, коробки, конверта, чего-нибудь похожего? Меньше хлебницы, что можно засунуть в портфель, а?

Кики заметила, что за одним из заплесневелых и поломанных кресел в квартире стоял портфель.

- Нет, - покачала она головой. - Но я знаю, где здесь он прятал свой горячий товар. Говоришь, эта штука, что ты ищешь, маленькая, вроде наркотиков? Такого размера? Посмотри под телевизором.

Она показала на домашний развлекательный центр. Под центром был выдвижной ящичек с прорезями для DVD-дисков. Второй мужчина вытащил его.

- Ничего, кроме порно, - заметил он брезгливо.

- Нет, он выдвигается дальше, - подсказала Кики. - Вытяни ящик полностью.

Ударник так и сделал.

- Теперь засунь руку обратно и посмотри, нет ли там чего-нибудь.

Ударник засунул руку подальше внутрь корпуса и вытащил большой, тяжёлый и мягкий почтовый конверт. Разорвал его и высыпал содержимое на журнальный столик. Кики увидела несколько маленьких, квадратных и прямоугольных чёрных предметов.

- Это то, что вы ищете? - спросила она.

- Вот именно, - сказал Макканн, держа в руках одну из этих штукочек, похожих на детали из конструктора "Лего".

- Слушай, ты не застрелишь меня, если я спрошу, что это такое? - не удержалась от вопроса Кики, но её сердце ушло в пятки от чувства опасности.

- Компьютерные схемы и микро-платы, - сказал Макканн, любуясь ими. - Очень специальные. Полностью пластиковые. Никаких металлических проводников, вообще без металлов в их составе. Я не скажу тебе, зачем они нам нужны, но достаточно того, что эти малышки могут проходить через металлоискатели.

- Ого, а и я не знала, что можно делать такие штуки, - сказала Кики, широко раскрыв глаза, и с выражением восхищения на лице.

- *Чёрт!* - сказал Маккаферти в фургоне наблюдения. - Сто процентов, это те Пятые и Шестнадцатые схемы, украденные на заводе "Боинга" в Сиэтле в прошлом месяце! Кремниевые микропроводники, кристаллы и платы, полный набор, самые совершенные! И ты допустишь, чтобы эти фашисты-психопаты *ушли* с ними, Лэйни? Если шеф не распнёт тебя, это сделает ФБР!

- Мы должны пойти на этот риск, Энди, - произнесла Мартинес ровным голосом, зная, что тот был прав, и если она не сможет убедить начальство в своей правоте, то станет собирать деньги на платной стоянке.

- Как ты не понимаешь? Эта маленькая татуированная тёлка уже узнала кое-что нам неизвестное. Она - золотая жила, и мы должны продолжать разрабатывать её всё глубже и глубже!

В квартире Макканн открыл свой портфель, положил конверт внутрь, и достал другой, поменьше. Вытащил из него несколько пачек стодолларовых купюр и передал ей.

- Я просто предполагаю, что, ты, видимо, наследница Ленни, - сказал он Кики. - Договор был на двадцать штук. Убедись, что здесь всё.

Кики криво усмехнулась и осторожно подвинула деньги обратно к нему.

- По-моему, это было испытание, - сказала она - Держи их. Я имею в виду, ну, товарищ Смит. Я действительно хочу помочь вам и, может, когда-нибудь буду жить в собственной стране, где смогу быть не только белой рванью.

- Превосходно! - выдохнула Лэйни с надетыми наушниками в фургоне.

- Ну, теперь я пойду, - сказала Кики. - Мне надо поймать автобус. Если я выйду из дома без пули в спину, то буду считать, что подхожу вам, ребята. Позвоните мне, а тот, кто позовёт меня, пусть назовётся мистер Смит, и я пойму, что он от вас.

- Не могу обещать, - ответил Макканн. - Это не ко мне. Ты понимаешь, что мы должны тебя проверить?

- Ну, хорошо, когда проверишь, то поймёшь, что я не подарок, - серьёзно произнесла она. - Я не стану пытаться скрыть или утаить что-нибудь. Моё прошлое довольно дерьмовое.

- Иди, и, может, твоё будущее будет лучше, сестра, - сказал Ударник.

И тут Кики сорвалась. Она забылась и фыркнула на него:

- Я тебе не сестра!

- Да-да, мэм, на самом деле, ты - сестра, - убеждённо сказал Ударник. - Ты просто ещё об этом не знаешь.

- Ну, я считаю себя расисткой, - призналась Кики. - Боже мой, ну как можно вырасти, там, где жила я, и не стать ею?

- И кто же такой, по-твоему, расист, мэм? - спросил Макканн.

- Э-э, белый человек, который ненавидит ниггеров? - предположила Кики.

- Нет, это распространённое заблуждение. Ненависть не имеет ничего общего с расизмом, - серьёзно проговорил Макканн. - Один из наших старых вождей, пастор Боб Майлз, много лет назад дал самое лучшее определение расизма. Расист - тот, кто знает, кто он.

- Я не могу честно сказать, что знаю, кто я, - призналась Кики.

- Тогда мы покажем тебе, - сказал Ударник. - Теперь разбегаемся. Ты с главного. А мы уйдём через чёрный ход. Жди звонка. Может пройти какое-то время, но ты жди.

Кики повернулась и вышла из квартиры. Вышла из дома и пошла к автобусной остановке, под уличным освещением, чтобы эти двое наверняка увидели её там. Через минуту или чуть позже, тёмный "форд" седан проскользнул мимо остановки, и она не заметила, были в нём двое мужчин или нет, но они там были.

Кики простояла там почти пять минут, пропустив один автобус, пока рядом с ней не остановился фургон модели "пэсифик пауэр", и не открылась боковая дверь. Потом Кики вошла внутрь и рухнула в истерику, её рвало от ужаса после близкой встречи со смертью. Мартинес непритворно попыталась утешить Кики и вытерла ей рот бумажным полотенцем. Теперь Кики стала ценным объектом.

Тёмный "форд" вёл доброволец Джимми Уинго, он же Ударник, а Макканн набрал номер мобильного телефона. Ответил мужской голос.

- "Авто Мак" и "Кузовной цех", - проговорил человек, который был одним из добровольцев, сидевших вдвоём за несколько кварталов сзади в машине сопровождения.

- Привет, Джоуи, те тормозные колодки к "тоёте", наконец, пришли, - сказал Макканн.

Доброволец Ван Гелдер, чьё имя было совсем не Джоуи, понял, что микросхемы у них.

- Наконец-то! - воскликнул он. - Сможешь первым делом доставить их сюда с утра?

- Ну, не уверен: небольшая проблема с графиком на завтра, - сказал Макканн. - Сделаю всё, что смогу. Посматривай завтра утром, и они будут там, как получится, всё, что я могу тебе сказать.

- Хорошо, - сказал Ван Гелдер. - Приятного вечера.

- Тебе тоже.

Макканн только что сказал Ван Гелдеру, что кое-что пошло не так, и он должен держать ухо востро, поэтому две группы добрармейцев встретились в запасном конспиративном доме вместо первоначально запланированного. Им потребовалось два часа в объезд, чтобы добраться по загородной дороге до другого жилого квартала в округе Клакамас.

Там их ждал лейтенант Уэйн Хилл из Третьего отделения разведслужбы Добрармии. Он выбрал кличку "Оскар" с мрачным намёком на сионистскую книгу и фильм "*Список Шиндлера*". У Хилла тоже был список. Это был стройный и красивый мужчина лет тридцати со светло-пепельными волосами, голубыми глазами и классическим орлиным спокойствием северянина. Хилл был наследником одной из самых богатых семей старой финансовой аристократии Вирджинии, член общества "Фи-бета-каппа" как выпускник Джорджтаунского университета, абсолютно преданный и аскетичный национал-социалист, уже пользующийся репутацией одного из самых опытных террористов Добрармии. Он кочевал между бригадами, обучая бригадных офицеров разведки и устраняя сложные неприятности, а иногда резал и душил их. Всё связанное с супер-микросхемами относилось к его неотложным задачам.

Макканн вошёл в гостиную, держа в руках конверт.

- Я проверил их на компе со специальным Ю-Эс-Би переходником, пока мы ехали сюда, - сказал он Хиллу. - Это настоящие Маккои, всё в порядке. Неисправных нет. Мы получили, что хотели, и за них даже не пришлось платить.

Он бросил конверт с деньгами на стол.

- Но в точке доставки возникла некоторая проблема.

Джимми Уинго вошёл в комнату с двумя кружками кофе и протянул одну Макканну.

- Одна из проблем, как я могу сразу понять, то, что Ленни Джиллис был мёртв целые сутки, - сказал Хилл. - Мне сегодня доложили. Дело уже закрыто, и кто-то сделал полную очистку в компьютерах полиции. Никто из наших людей не может подобраться к этим файлам из-за слишком многих систем защиты. Так как же ты получил товар?

- Одна из проституток Ленни, белая девушка по имени Кики Маги, со множеством татуировок и многими делами на ней, появилась там и сказала пару слов о том, что хочет попасть в Добрармию, а потом привела нас прямо к товару. Мы могли бы найти его и сами, но это отняло бы у нас время.

И Макканн подробно изложил ход своей встречи с Кики.

- Это похоже на удачу, но иногда жизнь её подкидывает, - сказал Хилл. - А она излагала верно?

- Да, могло случиться именно так, как она рассказала, - подтвердил Макканн. - Я не обнаружил в том, что она сказала или сделала, ничего, что указывало бы на ложь. Говорила как обзлённая белая девушка, которую затрахала Аммурика, во всех смыслах этого слова. Проверка металлоискателем ничего на ней не нашла, хотя, как мы знаем по этим схемам, это больше не значит ничего. Скажу только одно: я знаю, ЗОГ *не хочет*, чтобы у нас были эти схемы. Они понимают, что с ними мы можем делать электронику, которую не смогут обнаружить 90 процентов всех охранных сканеров в стране. Не могу себе представить, чтобы

нам позволили уйти с этими схемами, если у них была возможность узнать, что приборы попали в наши руки.

- Ты не заметил хоть какой-нибудь признак хвоста, когда ехал сегодня со встречи? Хоть что-нибудь даже смутно подозрительное?

- Совершенно ничего, - ответил Макканн. - Мы остерегались вертолётчиков, остановились в Грешаме, и я проверил детектором обе машины, чтобы найти возможные жучки или датчики положения, которые могли как-то на нас нацепить. Ничего.

- Джимми? - спросил Хилл.

- Ну, не спрашивай у меня мнение о женщине, - проворчал Уинго. - Последний раз я поверил женщине и оказался в "Ангола Фарм". Но я как Джим. Я не почувствовал, что она врёт. И если это два копа убили Джиллиса, то понятно, почему полицейское бюро закопало всё так глубоко.

- Ленни говорил мне на нашей последней встрече, что вечером ждёт в гости "крышу", - добавил Макканн. - Джарвис раньше работал в Отделе нравов, и я думаю, что речь шла не о нас, а они что-то выбивали у Джиллиса за старые делишки. Это похоже. Если бы мне пришлось решать, то я сказал бы, что девушка надёжная, и её нужно связать с вербовщиком.

- Нам нужен каждый доброволец, которого можно привлечь, - решил Хилл. - Как говорил Фрейд, иногда сигара это действительно просто сигара. Я просмотрю историю этой цыпочки под микроскопом и постараюсь раскопать что-нибудь подозрительное. Если не найду ничего, мы позвоним ей, но с немного большими, чем обычно, предосторожностями. Ты знаешь правило: "Никто не вступает в Добрармию, Добрармия сама находит *тебя*". Это счастливое знакомство кажется мне немного неестественным, но ты прав, всякое бывает в тумане войны. Я не хочу, чтобы в первое время она встречалась или узнала больше добровольцев, чем нужно. Ты слишком высоко, Джим. Она больше тебя не увидит. Для неё товарища Смита не больше не существует.

Ты знаешь, мы всегда стараемся сохранить первые контакты, поэтому мы сделаем её кандидатом в роту "А". Джимми, я поручу её разработку тебе. Твоё женоненавистничество тут на пользу. Сначала ты, и если она по-прежнему покажется искренней, мы попросим побеседовать с ней мамашу Уингфилд из Данди. Эта умная старушка может определить лживую женщину за милю. И ещё, Джимми, я хочу, чтобы ты был особенно бдительным в отношении любых признаков того, что она всё ещё на наркотиках, хотя это и отрицает. Федералы - большие спецы по использованию наркоманов как сексотов в обмен на снабжение дурью. Во-вторых, дай мне знать, если она сразу же попытается тебя закадрить.

- Доклад с подробностями, - хмыкнул Макканн.

- Отвали, командир, - ответил Уинго.

Ведение игры

*Для чего бежать? Кому я причинила зло?
Однако живу я на земле, где часто хвалят
Дурное дело, а добро считают
Чудачеством опасным. Не спасусь я,
По-женски защищаясь и твердя,
Что не творила зла.*

Макбет – Акт IV, Сцена 2

На следующее утро сержанты уголовной полиции Лэйни Мартинес и Джамал Джарвис сидели в шикарном, устланном коврами кабинете Линды Хирш, начальника бюро полиции Портленда. Джарвису хватило ума держать язык за зубами и позволить Мартинес вести игру, что она и проделала с хладнокровной результативностью.

Начальница полиции Хирш одновременно обладала тремя желанными свойствами для программ предоставления преимуществ при продвижении на госслужбе: она была женщиной, еврейкой и лесбиянкой. Эта огромная, квадратная женщина средних лет, массивная, но не казавшаяся ожиревшей, как каменный идол буквально выросла в кресло за огромным столом красного дерева. Она была посажена на свою должность влиятельной кликой либералов, левых, феминисток, геев и разных других "местных активистов". И такой порядок уже стал обыденным в "городе роз", так что уже никто не мог вспомнить, когда последний раз в Портленде начальником полиции был нормальный белый мужчина.

Перед своим последним назначением Хирш была начальником полиции в Сакраменто, что в Калифорнии, где она зубами и ногтями проложила себе путь наверх благодаря впечатляющему владению оружием внутриведомственных махинаций, шантажа, принуждения, сплетен и взяточничества. Когда Хирш оставила Сакраменто, главный прокурор Калифорнии начал в её бывшем отделе расследование несуществующих, но щедро оплачиваемых рабочих мест для разных "общественных активистов", включая ряд нелегалов-иностранцев, которые числились переводчиками с испанского и тагальского языка, но не говорили по-английски, и чёрного трансвестита-проститутку, который получал 75 тысяч долларов в год, как "посредник полиции с сообществом транссексуалов".

Хирш обладала обширными личными знаниями спорных сторон сексуальной дискриминации и сексуальных домогательств, так как сама подала полдюжины таких исков против своих начальников в полиции Сакраменто пока карабкалась наверх, и набрала три иска против себя самой в Сакраменто и пока лишь один здесь, в Портленде, от женщин-полицейских, от которых она, по слухам, требовала интимной близости в обмен на продвижение, выбор должностей и другие милости по службе.

Хищные привычки начальницы в этом отношении были настолько известны, что её помощницы по административной части, приходя утром, иногда находили на своих столах коробки с новыми поролоновыми наколенниками в подарочной упаковке и с надписью "Собственность Моника Левински". Начальница выделила детектива, чтобы выискать в бюро политически некорректного шутника. Сержанту Мартинес самой довелось отражать нетонкие намёки начальницы, что иногда было непросто, потому что Хирш проявляла особый интерес к деятельности отделения преступлений на почве ненависти и гражданского

неповиновения. Хирш любила лично допрашивать подозрительных расистов, часто появляясь в камере для допросов со своим чёрным докторским чемоданчиком, набитым иглами и другими орудиями, которые разрешал протокол Дершовица.

На работе и даже не при исполнении Хирш всегда носила форму, с рядом наград, в большинстве поддельных. Ее чёрные как смоль волосы были невероятно курчавыми, а широкая физиономия со свисающими подбородками, мясистым носом и поросычьими глазками напоминала унылую верблюжью морду. Сейчас у неё было выражение недоверчивой и злой верблюдицы, но это ничего не значило: физиономия Линды оставалась безразличной и злобной с тех пор, как она научилась ходить.

Мартинес изложила полную официальную версию случая Кики Маги, не упоминая Джарвиса и Роско, а заменив их Кики как убийцей Ленни Джиллиса. Она знала, что начальница не дура, и, видимо, уже знала по сплетням в бюро, что на самом деле произошло в переулке за "Логовом Юпитера", но никто из них не коснулся этого факта. Сутенёры - белые отбросы значили не больше, чем проститутки из белой швали. Мартинес прокрутила запись прослушки с предыдущего вечера и увидела, что на начальницу она произвела впечатление.

- Мадам, я уверена, что не нужно особо подчёркивать значение этого события, - заключила она. - Назовём это счастливым случаем. Мы получили ключ, который может раскрыть для нас всю Добровольческую армию в Портленде.

- А, может, и не только, - хрюкнула Хирш. - Первый вопрос. Ты позволила двум опасным расистам-террористам уйти с пакетом краденых электронных схем. Безусловно, они будут использованы для убийств множества людей - женщин, расовых и сексуальных меньшинств, госслужащих, сотрудников правоохранительных органов, возможно, и некоторых наших коллег - полицейских. Не исключено, даже вас обоих в один несчастный день, когда вы включите зажигание машины или войдёте в дверь, где эти звери побывали раньше вас. Почему ты так поступила, сержант Мартинес?

Лэйни была готова к этому вопросу.

- Потому что, по большому счёту, мэм, важнее положить конец всему этому расистскому мятежу против Соединённых Штатов Америки, чем уничтожить двух отдельных террористов и вернуть одну упаковку микросхем. Математика простая. Мы должны не предотвращать отдельные теракты, а положить конец террористическим убийствам, и точка. Как ни цинично это звучит, в данных обстоятельствах верна и применима старая поговорка, что нельзя пожарить яичницу, не разбив яиц. Хотите, накажите меня или обвините в нарушении, это ваше право. Но, как ни высокопарно это звучит, для победы свободы, справедливости и американского образа жизни кто-то должен видеть общую картину, и вчера вечером я решила на этот поступок. Это был мой внутренний зов, и я должна отметить, что сделала это, несмотря на протесты сержанта Джарвиса и детектива Маккаферти.

- Очень благородно с твоей стороны, сержант, предложить понести ответственность. Надеюсь, ты готова нести её до конца, если уж на то пошло. Ну, ладно, - решила Хирш. - Я закрою глаза на твой проступок до тех пор, как ты понимаешь, пока этот зов опять не вернётся, чтобы как-нибудь укусить наш отдел, и тогда ты, а не я, примешь этот укус прямо на свою сладкую коричневую *тухес*. (*Тухес - ж..., простите, зад, на идише. - Прим. перев.*).

- Поняла, мэм, - сказала Лэйни, спокойно проглотив оскорбление, за которое белый мужчина-полицейский, даже старший по званию, был бы обвинён в расизме и выражении ненависти так быстро, что у него закружилась бы голова.

- Где сейчас эта шлюха *шикса*? - спросила начальница. (*Шикса – мерзость, презрительное название неевреек на идише. - Прим. перев.*).

- На первом этаже. Вы придадите нам рабочую группу для проведения этой операции, мэм? При всем уважении к вам, мне нужно быстро принять решение, потому что девка должна появиться на рабочем месте в своей таксомоторной компании в четыре часа дня, как будто ничего не случилось. Конечно, мы могли бы вмешаться и уладить вопрос с хозяином, если она опоздает или не выйдет, но тогда расширится круг людей, знающих, что с ней происходит что-то необычное. А мы, по понятным причинам, насколько возможно должны этот круг ограничить. Именно поэтому я взяла на себя смелость выйти на вас с этим вопросом напрямую, в обход капитана Роулинсона.

- Роулинсон не будет касаться этого вопроса. Предоставь это мне, я решу, - пренебрежительно отмахнулась Хирш. - Какой у тебя срочный план, сержант Мартинес? Я, конечно, понимаю, куда ты метишь в будущем, но как насчёт ближайших дней и недель?

- Нам нужно держать Маги на старой орбите, так сказать, и ждать, пока расисты свяжутся с ней, - ответила Мартинес. - Конечно, мы будем постоянно отслеживать её мобильный телефон и датчик положения. Я убеждена, что у Добрармии есть способы проверить её, и мы должны быть уверены, что они не обнаружат что-нибудь необычное или несоответствующее. Они - патологические убийцы, но не дураки, и их разведка всегда была очень дотошной. Вы знаете, что раньше они раскрыли тайные попытки внедрения агентов из других органов, и мы нашли результаты - трупы на лесовозных дорогах в лесу.

Эта девушка не должна показаться им подозрительной, то есть никаких внезапных трат денег, ничего подобного. Она возвратится в свой дом-прицеп, который мы, конечно, будем прослушивать. Ребенка и её мать мы оставим у себя, поместим их в надёжном месте, где сможем организовать посещения под надзором, то есть дадим ей морковку вместо палки - угрозы судом. Официально ребенок и бабушка будут жить у родственников из города. Тем временем Маги должна продолжать водить такси.

- И одновременно заниматься проституцией? - спросила Хирш.

- Это вызовет много проблем с наблюдением, а также подвергнет её ненужному риску, и не только со стороны Добрармии, но и некоторых похотливых и опасных клиентов, - ответила Лэйни. - Не говоря уж об эмоциональном и психическом напряжении в постели, когда она кувыркается и знает, что идёт запись. Тут даже может встать вопрос о гражданских правах, так как с формальной точки зрения работницы секс-бизнеса относятся к политически защищаемым сексуальным меньшинствам.

- Как она держится? - спросила Хирш.

- Не очень хорошо, - призналась Мартинес. - Девушка озлоблена до паранойи и до смерти боится того, что с ней может случиться, как, собственно, и должно быть. С ней нужно обращаться осторожно, чтобы она осталась полезной в дальнейшем, и я не думаю, что было бы уместно заставлять её снова заняться проституцией. Конечно, в Добрармии могут возникнуть свои поводы сделать это.

- Ну, а ты не думаешь, что она могла бы создать что-то вроде сети клиентов, так сказать, среди этих придурков? - размышляла Хирш.

- Да, такая мысль приходила мне в голову, - признала Мартинес. - Это в свою очередь может открыть все потоки информации и, возможно, помочь нам перевербовать некоторых из этих убудков, особенно тех, кто обманывает своих жён, что-то в этом роде. Возможности здесь безграничны, шеф. Как только мы внедрим её внутрь, я просто хочу позволить ей, так сказать, плыть по течению, а мы - следовать за ней везде, куда она попадёт, слушать всё, что она слышит, и смотреть то, что она видит, в той мере, насколько это можно

передать в цифре. Она будет вроде одного из тех роботов-зондов, который археологи запускают в египетские пирамиды, освещая все тёмные углы и проходы. Так мы сможем, наконец, начать строить картину того, кто эти люди, где они находятся, как действуют, как принимают и обучают новых членов ... .

- Да, сержант, я поняла, - прервала её начальница, снова раздраженно махнув рукой. - Возведение здания для большого сноса. Увлекательная и захватывающая перспектива, должна признать.

- Но сначала мы должны ввести её внутрь, - продолжила Мартинес. - Вот поэтому не должно быть никаких заметных нарушений в её образе жизни, и она должна сегодня появиться в компании в свою смену, и так каждый вечер, пока они не свяжутся с ней снова.

- А что, если они унюхают что-нибудь подозрительное и не свяжутся с ней? - спросила Хирш.

- Свяжутся, - сказала Мартинес, с уверенностью, которую она почему-то действительно чувствовала.

- Какие силы и средства тебе нужны? - спросила Хирш.

Мартинес перечислила по пальцам необходимое.

- Во-первых, я хочу набрать свою группу, в моё полное распоряжение от начала до конца операции. В том числе сержант Джарвис и я сама, и три группы поддержки и наблюдения с машинами без опознавательных знаков по два полицейских в каждой, все опытные тайные агенты. Мне нужен детектив Маккаферти на полный рабочий день, с одним резервным техником из отдела электронного наблюдения, с неограниченным доступом ко всем необходимым средствам и оборудованию, и ваша помощь при необходимости в получении техники, которой нет у нашего бюро, из других ведомств, в том числе из ФБР и министерства внутренней безопасности.

- Потребуется некоторая ловкость, но это можно сделать, - решила Хирш. - Они начнут допытываться, зачем мы просим на время их специгрушки для слежки, а я хочу, чтобы никакой федерал не пронюхал об этой операции. Стукач внутри Добрармии - это золотая валюта в американских правоохранительных органах, господа сыщики. Ни у кого другого его нет, и если федералы узнают, что мы делаем, то они отберут её у нас для себя. Я не хочу, чтобы наши люди делали всю работу и рисковали собой только для получения золотых звёзд и удобных кабинетов долбаными придурками из ФБР и для повышения их зарплат. Это понятно?

- Абфо-факин-лютно! - прорычал Джарвис в знак согласия.

- Я поддерживаю моего партнёра, мэ, - присоединилась Мартинес. - Нам также понадобятся несколько комнат для операционного центра и командного пункта в самой закрытой зоне Центра юстиции, какие только вы сможете выделить для нас. Написать на комнатах "склад" или что-то в этом роде и запечатать как можно плотнее. Необходимые коды отпирания на карточках-пропусках будут только у членов целевой группы. И, конечно, у вас. Наша собственная отдельная, полностью защищённая компьютерная система, без связи с любой другой системой, так что её невозможно будет взломать.

- Ты получишь всё это, - решительно сказала Хирш. - О'кей, сержант Мартинес, это твой шанс проявить себя. Используй его и обеспечь Портленду этот единственный большой арест, который освободит наш город от расистов и террористов, и тогда для тебя не будет преград. Облажаешься - сгоришь. Но есть одно условие, - добавила Хирш.

- А какое? - спросила Мартинес с некоторым беспокойством. Предварительные условия - это нехорошо.

- Если и когда ты получишь возможность поймать этого убийцу-снайпера, сукина сына Локхарта, так называемого "Бубнового валета", мне всё равно, что ещё ты сделаешь, но *доставь его ко мне!* - прорычала Хирш. - Этот ублюдок вчера убил моего друга. Меня не волнует, если ты при этом сорвёшь всю операцию. Мне нужны все девять жизней этого Кота. Давай приходи сюда в это же время завтра утром со своей набранной целевой группой и всеми мелочами, и начнём.

* * *

Добрармии потребовалось время, чтобы с имеющимися средствами проверить Кики и связаться с ней, что было к лучшему, потому та получила возможность взять себя в руки. Если бы они пришли к Кики через пару дней после первой встречи в квартире Джиллиса, она, возможно, разволновалась бы и сорвала свою игру. Как бы то ни было, сознание того, что она находится под постоянным наблюдением, заставило её собраться, удержаться от наркотиков и втянуться в обычную работу "синих воротничков" - вождение такси. Каждый день в четыре часа Кики шла в гараж и проверяла такси, брала всех пассажиров, которых изволил передать ей угрюмый и по-прежнему похотливо-озабоченный диспетчер Сингх, плюс любых клиентов с улиц или ехавших в аэропорт, имела дело с обычным потоком неприятных пассажиров и пьяниц. А закончив смену, садилась на автобус домой до парка домов-прицепов, где, наконец-то, смогла крепко спать ночью. Напряжение спало до приемлемого уровня, но по-прежнему изматывало её.

Кики было разрешено по два часа через день проводить с матерью и дочкой, которых держали в номере из нескольких комнат в престижном мотеле "Орегон Сити". Мотель конфисковали у бразильского торговца наркотиками как преступное имущество и в настоящее время использовали исключительно как конспиративный дом для операции под кодовым названием "Прожектор". Группа вооружённых до зубов частных охранников в штатском из печально известной фирмы "Блэкуотер" в составе четырёх мужчин и двух женщин, специально привезённых из Северной Каролины для выполнения этого задания, круглосуточно охраняла Мэй и Элли. Охранники не входили в целевую группу и не знали точно, кем была Кики или чем она занималась.

- Мы знаем, что в полицейское бюро Портленда проникли агенты Добрармии, - откровенно призналась Мартинес Кики. - Эти люди из "Блэкуотер" подчиняются непосредственно мне или сержанту Джарвис, и никто, кроме нас двух и начальника полиции не знает, что они существуют. Им платят, и очень щедро могу добавить, из нескольких "смазочных фондов", чтобы шпионам в отделе эти деньги было невозможно засечь, ну а если они действительно заметят какой-нибудь из денежных потоков, то не поймут, что увидели.

Наёмники *точно* исполняют, что скажет Джамал или я. Достаточно одного телефонного звонка, и в течение часа Мэри Эллиен будет перевезена на частном самолёте в службу по защите детей в другом штате далеко отсюда, в ожидании её удочерения новой семьёй. Записи об этом будут уничтожены так, что не останется никаких бумажных следов. Даже Джамал и я никогда не узнаем, где она оказалась. Стоит тебе оступиться только раз, или произойдёт какой-нибудь перерыв в твоей электронике, и в мгновение ока твоя девочка навсегда исчезнет.

Элли, конечно, ничего не поняла, кроме того, что теперь у неё появилась вкусная еда, и она может без конца смотреть мультфильмы и "Улицу Сезам" на DVD-диске. У Элли была своя игровая комната в другой части отеля, полная кукол, мягких зверюшек и разных пластмассовых игрушек с колёсиками для малышей, где она проводила большую часть дня.

Девочке не хватало матери, но с ней часто бывала бабушка Мэй, а в остальное время - одна из женщин-охранниц и стража достаточно любезно следили, чтобы малышка, по крайней мере, не скучала.

Сама Мэй понимала в общих чертах, что происходит, причём ей было достаточно страшно за свою дочь, чтобы в большинстве дней оставаться довольно трезвой. В любом случае, её рацион пива состоял строго из двенадцать банок в день. Руководитель группы охраны сказал Мэй, что если она попытается хитрить, например, унести Элли или ходить в бары, напиваться и болтать о себе или что-нибудь в этом роде, то последствия для всех троих будут плохими. Её и Кики никогда не оставляли наедине во время посещений, а также не позволяли никому звонить по телефону, поэтому они не имели возможности поговорить с глазу на глаз.

Всё, что Мэй могла сделать, это напряжённым голосом просить её дочь заботиться о себе и быть очень осторожной. Сердце Кики сжималось от отчаяния каждый раз, когда ей приходилось уезжать из мотеля в город в полицейской машине без опознавательных знаков с водителем - сыщиком из целевой группы, чтобы успеть на работу в таксопарк. Она безуспешно пыталась найти какой-нибудь выход, способ сбежать вместе с Мэй и Элли, но не могла ничего придумать.

Детектив Маккаферти дал Кики несколько пар серёжек-"жучков", чтобы она не привлекала внимания Добрармии, постоянно нося одни и те же серьги, и время от времени ей приходилось останавливаться у платного телефона-автомата, звонить по номеру штаба операции "Прожектор" и докладывать о том, где она и что делает. Кики также вручили набедренный футляр для мобильного телефона и строго приказали постоянно носить его на поясе, чтобы, когда мобильный вибрировал, ей следовало звонить с телефона-автомата, но не в присутствии людей Добрармии.

- Почему, чёрт возьми, я должна делать это, когда вы уже отслеживаете и слушаете меня двадцать четыре часа в неделю? - спросила Кики.

- По одной причине - твои электронные устройства слежения только односторонние, - объяснила Мартинес. - У нас могут быть указания для тебя. Твой мобильный не безопасен. Мы можем отслеживать звонки с мобильных телефонов, и должны предполагать, что эти выродки также на это способны. Необходимое оборудование можно купить в любом магазине "Рэдио Шак". Но главным образом, Кики, тебе и команде нужно взаимодействовать, быть рядом. Я хочу, чтобы ты слышала мой голос не меньше двух-трёх раз в день.

- Что мне делать, если они свяжутся со мной? - спросила Кики.

- Ты имеешь в виду, *когда* они с тобой свяжутся, - нахмурившись, ответила Мартинес. - Ты должна думать о хорошем, Кристин! Когда они с тобой свяжутся, делай всё, что они говорят. Мы на твоём телефоне и слушаем тебя постоянно. В минуту, когда что-то произойдёт, мы нажмём кнопку записи.

Кики даже не стала спрашивать, есть ли какой-нибудь план по её спасению, если в Добрармии решат тихонько отвезти её куда-нибудь на казнь. Она уже заметила, что не получила никакого кодового слова или инструкции, как себя вести в случае опасности. Но потом однажды вечером три мексиканских бандита развязно подошли к ней на автобусной остановке, где она стояла после работы, и начали обычную грязную болтовню. Как только они перешли к лапанию перед срыванием блузки и затаскиванием в тёмный угол, а Кики полезла в сумку за своим замком в носке, к обочине подъехали две патрульные машины портлендской полиции. Водитель головной машины отряда сверкнул синим светом "ведёрка", дал гудок сирены, и мексиканцы развернулись и удрали. Патрульные машины

отъехали, и никто не поговорил с Кики, так что осталось совершенно непонятным, появился ли патруль по приказу её наблюдателей, или ей просто повезло.

Кики заметила, что машины шли тяжело и неровно, и выглядели странно толстыми в свете уличных фонарей. Полицейское бюро проводило опыты по бронированию машин своих отделов, в дополнение к удвоению их числа на улицах. Но, похоже, это ненамного улучшило положение. За неделю, прошедшую после выхода Кики из Центра юстиции, были убиты добровольцами трое портлендских полицейских, все чёрные и мексиканцы. И в довершение всего Бубновый валет застрелил никого иного, как капитана Джейсона Роулинсона из отдела расследования преступлений на почве ненависти. Одна пуля в голову, так как Роулинсон нарушил правила безопасности бюро, поджаривая себе гамбургеры на заднем дворике своего дома. Выстрел был сделан с более чем четырехсот метров, вечером, и на крыше соседней церкви адвентистов седьмого дня был найден бубновый валет.

Через десять дней после смерти Ленни Джиллиса Кики уже почти решила, что ничего не произойдёт, и начала ломать голову над тем, как ей убедить Мартинес и Джарвиса перестать ждать, свернуть операцию и отпустить её. Она размышляла об этом однажды вечером около восьми часов, когда высадила клиента перед отелем "Винтидж Плаза" на Бродвее ЮЗ. Кики отметила поездку в своём листе, спрятала десять долларов чаевых и собиралась стать в очередь такси ждать возможного пассажира, когда дверь позади неё открылась, и кто-то сел в машину.

- Куда едем? - спросила она нового пассажира, не поднимая глаз от планшета с листом.

- На свободу, соратница, в новую страну под новым флагом, - произнёс знакомый голос.

Кики резко обернулась и увидела мужчину, сидящего на заднем сиденье, который был представлен ей как "Ударник". В этот вечер он меньше походил на байкера, в парусиновой куртке с длинными рукавами и широких холщёвых брюках.

- *Чёрт!* - вырвалось у неё. - О, э-э, товарищ Ударник. Я думаю, ты следил за мной здесь, а? Прости, прости, я знаю, никаких вопросов. Ну, нет, а куда тебя *отвезти*? Мне нужно позвонить моему диспетчеру.

Голос Кики звучал взволнованно, но, по-видимому, мужчина воспринял это естественно, ведь он запрыгнул в её такси, как чёртик из табакерки.

Джимми Уинго назвал адрес в сельской местности округа Клакамас.

- Позвони и скажи об этом диспетчеру. Это ресторан и придорожная гостиница, но на самом деле мы туда не поедem. Скажи диспетчеру, что я хочу, чтобы ты немного меня подождала. Это долгая поездка, так что пробег будет более или менее точным. Вот этого должно хватить.

Уинго наклонился вперед и протянул ей сто долларов двадцатками.

- Таким образом, твой лист будет в порядке, плюс чаевые.

Кики позвонила насчёт выдуманной поездки и выехала на Бродвей.

- Хорошо, и куда мы на самом деле направляемся? - спросила она.

- Просто езжай в направлении Грешама.

Кики почувствовала, что телефон сбоку завибрировал. Она поняла, что полицейские в операционном центре всё слышали, поняли, что происходит, и начали запись.

- Ну, хорошо, и что теперь будет?

- Ты кое с кем познакомишься и поговоришь с ними, - добродушно ответил Уинго. - И со мной.

- Послушать рассказ о моей жизни, а? - заметила Кики, лавируя в потоке машин. Было ещё светло, так что фары она не включала.

- Мы уже очень много знаем о тебе, - ответил Уинго. - И действительно думаем, что ты можешь быть полезной для нас. Это такси, например. Таксисты - люди, которых мы хотели бы привлечь. Такси могут ехать куда угодно, они постоянно на улицах в любое время дня и ночи, и никто не подумает, что они где-то не к месту. В настоящее время много твоей работы на Добрармию будет точно такой же, что и сейчас: возить людей, а иногда пакеты, туда, сюда и куда угодно. Конечно, тебе придётся с выдумкой подойти к своему путевому листу.

Мы давно хотели занять кого-нибудь на фирме "Кэб Экселсиор". Большинство таксопарков повыше классом установили в свои машины датчики положения, чтобы отслеживать, где находятся их машины, знать, что водитель не химичит со своим листом, накручивает счётчик или не выключает его к чёртовой матери, и тэ пэ. Но "Экселсиором" владеют муж с женой из Бангладеш, слишком скупые, чтобы раскошелиться на датчики. Можно сказать, что ты находишься в исключительном положении. Как плохо тебе пришлось в "Кофи Крик"? - спросил Ударник, резко меняя тему разговора.

- Это было не самое благотворное время в моей жизни, уж извини, - кисло ответила Кики.

- Я сам был там. В "Анголе", штат Луизиана,

Кики так и подмывало спросить, откуда он родом, и за что попал в тюрьму, но старые тюремные понятия немедленно всплыли в памяти. "Никогда не спрашивай".

- Там ещё хуже, - признала она. - Даже у нас слышали об "Анголе".

- Любое общество, которое допускает существование подобных мест, должно быть уничтожено, - сказал Уинго без злобы или горечи, а просто как об очевидном факте.

- Да разве это возможно? - с искренним интересом спросила Кики. - Я имею, имела в виду мои слова, что хочу поступить к вам, но мне кажется, что нам нужно или какое-то секретное оружие, чтобы свалить этих ублюдков, или чтобы нам просто действительно повезло.

- Есть древнескандинавская поговорка: "Удачи часто довольно для спасения человека, если он сохранит мужество", - ответил Уинго. - Маги. У тебя, верно, ирландские корни?

- Ну да, когда-то. С обеих сторон. Моя мама была Харриган. Я помню, мой отец каждый день Святого Патрика напивался больше, чем обычно, перед тем как нас бросил. Думаю, это всё, что у нас осталось от Ирландии. Некоторые из моих татушек ирландские. Из Келлской книги, и ещё кельтский крест на лодыжке.

- Да, ирландцы никогда не сдавались, восемьсот лет, - заметил Уинго.

- Надеюсь, мы сможем победить немного пораньше, - хихикнула Кики.

- Совет Армии всю свою стратегию строит на предполагаемой продолжительности борьбы в тридцать лет, - серьёзно ответил Уинго.

В операционном центре Лэйни Мартинес сидела в наушниках. Она внимательно слушала и делала заметки. "Проверить дела бывших заключённых тюрьмы "Ангола" управления исправительных учреждений шт. Луизиана", "Использование такси террористами" и "30-летняя кампания террора (????!!)". Джарвис отсутствовал в этот вечер, и, несомненно, собирал взятки и насиловал белых проституток, за что Лэйни была ему благодарна. Сейчас она могла сосредоточиться на том, что слышит.

А в такси Кики взглянула в боковое зеркало.

- Копы приближаются в левом ряду, - сказала она. - Две машины. Теперь они всегда ездят парами.

- Я их вижу, - ответил Уинго. Уинго слегка подвинулся, и Кики была уверена, что он вытащил пистолет.

- Просто следи за скоростью и помаши им, если, проезжая, они взглянут на тебя. Не отводи взгляд.

- Это группа "Один Си девять и десять", - сказал Маккаферти, быстро проверив по компьютеру патрульную двойку. - Хочешь связаться с ними и попросить отвернуть? - спросил он Мартинес.

- Нет. - Давай посмотрим, как они вдвоём справятся.

Две полицейские машины в левом ряду медленно обогнали такси; копы на пассажирской стороне заглянули в салон. Кики небрежно махнула копам; Уинго смотрел им прямо в глаза, но ничего не делал. Две патрульных машины ушли вперёд и через пару минут свернули налево на въезд на автостраду.

- Без проблем, - заметил Уинго.

- Откуда ты знаешь, что они не будут нас останавливать? - спросила Кики.

- Это был просто обычный патруль, - сказал Уинго. - Они, возможно, остановили бы тебя за превышение скорости, или у них был ордер на тебя, или ещё что-то обычное, но у них приказ не связываться с добровольцами, которых засекут. Они должны сесть нам на хвост, держать нас в поле зрения, доложить и вызвать спецназ, группу быстрого реагирования. Ты должна опасаться небольших колонн из нескольких дежурных полицейских машин и одного-двух бронированных грузовиков или фургонов. Внутри бронетранспортёров крепкие парни в бронежилетах с разным тяжёлым вооружением. В некоторых из таких броневикулов спрятаны пулеметы калибра 12,7 мм в особой выдвижной башне. Запомни: обычная полиция никогда не будет связываться с подозрительным человеком или врагом, у которого может оказаться такое же или более мощное оружие. Они *всегда* держатся на расстоянии и вызывают подмогу. Сохранение собственной жизни для них главная задача, и они обучены действовать с учётом этого требования.

- Как, *чёрт возьми*, эти ублюдки узнали о пулемётах?! - поражённо воскликнул Маккаферти в операционном центре. - Не говоря уж о наших правилах при столкновении с террористами?

- А ты как думаешь? - фыркнула Мартинес. - Всё полицейское бюро "текло" с самого начала. Если бы головы у нас были не в задницах, мы много лет назад убрали бы из полиции и запретили принимать в неё всех белых мужчин и половину белых женщин. Без обид, конечно, Энди, но мы можем убить вирус расизма и сексизма в нашем обществе, только полностью отобрав власть у его носителей.

Маккаферти или не расслышал её ответ, или благоразумно сделал вид, что не слышал. Он присел на корточки над приёмником и занялся его шкалами.

- Датчик места показывает, что они на подходе к Грешаму, - доложил он.

Уинго в такси попросил:

- Поверни здесь направо.

- Они свернули на Арбор Лейн, - сказал Маккаферти, проверив свой датчик положения.

Такси теперь двигалось по улице из ряда жилых домов в стиле ранчо, которые называли бы домами среднего класса в те времена, когда в Америке ещё был средний класс. Вечерело, и улица казалась заброшенной и пустынной, ни огонька не светилось в половине домов. В

дальнем конце улицы Уинго попросил Кики съехать на подъездную дорогу к одному из на вид затемнённых домов. Он вышел из машины, и она последовала его примеру.

- В один прекрасный день тебе самой придётся выбирать место для встреч, вроде этого, - проговорил Уинго. - Давай посмотрим, как ты соображаешь. Почему, по-твоему, мы выбрали этот дом?

- Ну, я вижу передние и боковые двери, и думаю, что есть и задняя, так что выходов много, - начала Кики. - Похоже, что сзади большое открытое поле, пустырь или вроде того, и здесь улица прямая как стрела до самого конца, так что на большом расстоянии всё очень хорошо просматривается. К нам будет трудно подкрасться. Со всех сторон здесь полно боковых улиц, куда можно удрать, и большинство выходит на главные магистрали, так что как только ты вырвешься на свободу в машине или на ногах, имеется хорошая возможность уйти от погони, особенно в темноте.

- Очень хорошо! - одобрил Уинго.

Вспыхнули фары машины, стоявшей на улице, и она начала медленно двигаться к ним, а потом по подъездной дороге. Дверь открылась, и вышла маленькая, как птичка, седоволосая женщина. Она была одета просто и несла большую потёртую сумку.

- Привет! - весело окликнула их она, когда подошла поближе, а машина отъехала. - Вы уже поужинали?

У неё был более явный южный акцент, чем у Уинго.

- Мы в порядке, Ма, - ответил тот. - Она тут же что-нибудь приготовит, - тихо проговорил он в сторону Кики.

- Ма, это Кики Маги. Кики, это Ма. Она вроде отвечает за набор женщин-добровольцев. Она та, кто решит сегодня вечером, примем мы тебя в Добрармию или убьём, а я зарю тебя в подвале.

- Ты бы помолчал! - одёрнула его Ма. - Кстати, кто ты сегодня вечером?

- Ударник.

- Не обращай внимания на Ударника, дорогая, - сказала старушка. - Он зол на всех женщин. И просто старается понять, легко ли тебя напугать.

- Конечно, я боюсь! - бросила Кики. - Но ведь я здесь, правда?

- Давайте в дом, - сказала старушка. Она достала из сумки ключи от дома и открыла дверь. Провела гостей прямо на кухню и включила свет. Кики мало что разглядела в доме, кроме тёмной жилой комнаты. Потом Ма поставила на плиту чайник и достала из шкафа чашки.

- Присаживайтесь, ребята, а я приготовлю нам чай. Скажи-ка мне, дорогая, ты - христианка? - вдруг спросила она Кики, застав её врасплох.

- Ну... я не знаю, как должна отвечать, мэм, - замялась Кики. - Думаю, вы уже знаете, кто я.

- Да, милая, знаю, - доброжелательно подтвердила старая леди, - Но одно другому не мешает, как склонны думать люди.

- "Не судите, да не судимы будете", и всё такое? - спросила Кики.

- О, чепуха, - воскликнула Ма. - Мысль, что ни один человек никогда не должен осуждать другого, просто ерунда. Библия полна людей, которые только это и делали. Их называли пророками. Сегодня по самым разным людям, ведущим распутную жизнь, плачет нравственный приговор. Люди постоянно выносят моральные суждения. Птички-каки с челюстями свиней, которые управляют этой страной, осудили всю нашу расу и всех нас на смерть, и, ей Богу, нам нужно начать платить им той же монетой!

- "Птички-каки со свиными челюстями"? - весело рассмеялся Уинго. - Я никогда не слышал этого выражения раньше. Надо запомнить.

- Ты его запомнишь, молодой человек. Нет, голубка, я спросила, потому что мне нужно знать, на что похож твой нравственный мир. У всех он есть.

- Ну, не думаю, что он у меня есть, - осторожно ответила Кики. - Я имею в виду, где бы я могла получить представление о нравственном мире, и что хорошего это бы мне дало? Я просто хочу попасть в Добрармию, чтобы попытаться изменить к лучшему жизнь для себя и моей малышки, и, раз я решила быть честной с вами, то скажу и это. Я хочу отомстить! Да, отомстить некоторым людям, которые обижали меня, но, в основном, просто отомстить всему этому проклятому грязному миру, который никогда не давал мне ничего, кроме дерьма!

Я просто так устала от мерзавцев, которым всегда достаётся всё, меня так тошнит, что больше ничего и никогда не делается справедливо или прилично. Почему всегда должно быть так, что плохие выигрывают, а я остаюсь в дураках? Проклятые ниггеры и мексиканцы всё захватили, проклятые копы бьют, отбирают деньги, и запирают меня в клетку с животными, долбаные жиды и богатые ублюдки презирают меня и обращаются со мной, как с грязью, и я просто хочу услышать, как они *завоют*, и увидеть, как всё их добро горит.

Кики приложила руку ко рту, и с внезапным удивлением почувствовала, что плачет.

- Боже, откуда всё это взялось? - спросила она дрожащим голосом.

- Я бы сказал, от сердца, - заметил Уинго. - И нет ни черта плохого ни в чём, что ты сейчас сказала.

Ма взяла её за руку.

- Дорогая, если бы ты произнесла предо мной длинную речь, которая звучала, как будто ты зачитываешь наши книги, и я подумала, что ты говоришь мне то, что, по-твоему, я хочу услышать, или то, что ты заучила, я могла что-то заподозрить, но ты была бы просто поражена, узнав, как многие из нас начинают служить нашему делу чисто из злости. Это праведный гнев, истинный гнев божий, и им нужно гордиться, а не стыдиться. С тобой поступили страшно несправедливо, с момента твоего рождения, как и с каждым мужчиной и женщиной с белой кожей, родившимися в прошлом веке. Тебе было отказано в твоём праве по рождению на этот мир и всё сущее в нём, и ты имеешь полное право желать мести и искать её в нашей армии. Позже мы обучим тебя, дадим книги и расскажем, как и почему эта страшная несправедливость была совершена с тобой и со всеми нами, кем и почему, но чистый праведный гнев в твоём сердце - хорошая отправная точка.

- Просто, чёрт возьми, так *быть не должно!* - всхлинула Кики, и слезы потекли по её лицу.

- Это говорит мне, что внутри тебя действительно есть представление о нравственности, несмотря на всё плохое, чем ты занималась, и на то, как прожила свою жизнь, - сказала Ма. - В этом одно из наших отличий от этих темнокожих животных вокруг, Кристин. Они упиваются грязью этого мира. Валяются в ней, как свиньи в канаве. Они любят грязь, потому что, как животные, не понимают, что это - зло. У черноты нет понятия добра и зла. А есть только потребность насыщаться. Мы знаем, что хорошо, и что плохо, и евреи тоже знают, только евреи поклоняются злу как богу. Я думаю, что тот секрет запретного плода, который Ева так давно вкусила в райском саду, это знание о добре и зле и инстинктивный выбор добра. К лучшему или к худшему, мы получили это знание в наших душах, и сто лет жидовской лжи и политкорректности не смогли искоренить его. Несмотря ни на что, это представление о добре всё ещё живёт в тебе, девочка. Ты всё ещё хорошая внутри. Над остальным мы можем поработать. Остальное ты можешь изменить.

Следующий час они просто сидели за кухонным столом и разговаривали. Кики спокойно рассказала обо всей своей жизни, с детства до настоящего времени, и, за исключением событий последних нескольких недель, это была чистая правда. Но как бы глубоко они ни выпытывали про её прошлое, Кики понимала, что всё это ещё проверят.

- Я хотела вернуться к такой жизни, чтобы заработать денег и уехать из Орегона, забрав с собой Элли, - призналась она. - Но я понимаю, что это лишь временный выход. Ювеналки есть везде, на меня и Элли заведено какое-то дело, так что они со временем добрались бы до нас. Потом в тот день я узнала вашего парня Локхарта в "Логове Юпитера". Думала об этом весь день и в тот вечер собиралась попросить Ленни познакомить меня, но его убили. Остальное вы знаете. Не знаю, что ещё рассказать вам, - закончила Кики. - Если я попаду в ту яму в подвале сегодня вечером, то тебе лучше пойти за лопатой.

- Не думаю, что лопата нужна, - успокоил её Уинго.

- И что теперь будет? Чего вы от меня хотите?

- В следующий раз мы устроим передачу тебе старого партийного справочника и новых Общих приказов по Добрармии, - ответила Ма. - Общие приказы нужно запомнить, и я имею в виду, что ты действительно должна заучить их наизусть. Потом уничтожь лист бумаги, на котором они напечатаны, потому что, если тебя поймут с ним, то это федеральное преступление, караемое смертью. Я не шучу. Эти тираны теперь убивают людей просто за один лист бумаги. Тебе нужно выучить наизусть Общие приказы не только для собственной безопасности, но и потому, что ты должна будешь выполнять их. Всегда. Беспрекословно.

- А неподчинение листу бумаги ведёт к смертной казни с нашей стороны, - заключила Кики, осторожно используя слово "*нашей*". - Хорошо, поняла.

- Надеюсь, что ты поняла, милая, - вздохнула Ма. - Справочник тебе нужно прочитать, потому что он объясняет много других понятий, которые ты должна знать, глубокие и более сложные вопросы. Он объясняет природу безнравственного и сатанинского общества, в котором мы живём, почему с ним нужно покончить, и как мы достигнем этой цели. Даёт общую картину, так сказать. Справочник слишком большой, чтобы его уничтожить за исключением необходимости, хотя, если ты считаешь, что тебя или твой дом могут обыскать, ради Бога, спрячь или уничтожь его. Быть пойманным со Справочником так же смертельно опасно, как и с Общими приказами. Как только мы передадим тебе экземпляр, ты должна сразу же прочитать его, потому что мы можем оставить его у тебя только на несколько дней, а затем нужно, чтобы ты вернула его нам для передачи другому человеку.

- Так когда я смогу стать добровольцем Северо-Запада? - спросила Кики.

- Пока нет, не с первого раза. Нам нужно хорошенько к тебе присмотреться и понять, как ты выполняешь задания, как и на любой работе, - сказал Уинго. - Начнём с того, что ты будешь активом, как говорят некоторые, а другие называют кандидатом в добровольцы. Если бы мы были ниггерами, то использовали бы термин "фанат", а бандиты говорят "приблатнённый", но ещё не "блатной". Мы по-прежнему заинтересованы в твоём такси, - продолжил он. - У нас есть люди и вещи, которые нужно часто перевозить.

Начнём с простого. Мы организуем для тебя много заказов, выдавая себя за клиентов с улицы, потому что звонить твоему диспетчеру и просить именно тебя слишком подозрительно. Будешь возить людей и вещи из точки А в точку Б, подправлять записи, чтобы на бумаге всё выглядело отлично, а мы будем платить тебе по счётчику и хорошие чаевые, так что ты сможешь получать хороший законный заработок. Если всё сработает, и ты покажешься нам в течение нескольких месяцев, мы начнём давать тебе больше заданий.

- Ладно, но кое в чём я должна честно признаться, - нерешительно начала Кики. - Я знаю, из-за этого вы можете начать сомневаться во мне, но не могу врать.

Она глубоко вдохнула.

- Не знаю, смогу ли я кого-нибудь убить. Я говорила, что хочу отомстить и всё такое, и это правда, но только не знаю, смогу ли я прицелиться в кого-нибудь и нажать курок. Я не говорю, что не смогу, поймите. Чёрт, может, и смогу. Но я просто *не знаю*, и если вы захотите так испытать меня, чтобы стать добровольцем, я не уверена, что смогу выполнить такое задание.

- Тебе не предложат убивать довольно долго, - сказал Уинго, - Даже когда ты решишься на это добровольно. Это - необычная война. Наши люди вынуждены нести на своих плечах невыносимо тяжёлое бремя, а стрелкам и взрывникам приходится ещё труднее. Мало у кого из людей твёрдая рука, стальные нервы и - о, чёрт, думаю, можно так выразиться - отсутствие самокопания, способность просто выполнить задание, а потом не размышлять о сделанном. Если человек не готов к этому, его будет терзать совесть, и он потеряет самообладание, бормоча о Боге и прощении. Прости, Ма.

- Ничего, - ответила Ма. - Такое действительно случается, и потом человек превращается в клубок переживаний. Белые люди - самые большие убийцы, каких когда-либо знал мир, но мы действительно подверглись вековой социальной инженерии и изменению поведения с помощью пропаганды, о чём я говорила раньше, и у многих наших людей этот ген хищника, кажется, был устранён.

В Добрармии хорошо это понимают, так что даже при нужде в солдатах, просто не очень хорошая мысль ставить кого-нибудь в такое положение. Кики, у нас в подразделениях есть женщины, которые выстрелят в человека, как только увидят, что это враг нашей расы. Я знаю, потому что сама - одна из них. Может быть, в один прекрасный день ты станешь одной из нас, а может - нет. Но тебя никогда не попросят делать то, что выше твоих сил. Ты поймёшь это со временем, осознаешь, кто ты, и что твоих сил больше, чем ты думаешь. А сейчас, по-моему, тебе и Ударнику пора собираться обратно в город, чтобы ты могла закончить смену.

Кики пошла обратно к такси. Уинго отстал.

- И какое решение? - спросил он Ма.

Она вздохнула.

- Что-то внутри этой девушки терзает её, но из того, что мы о ней знаем, это может быть любая из десятка причин. Если мы исключим всех с тайными горестями и грехами в сердцах, то добровольцев Северо-Запада окажется не слишком много. Я не могу до конца проверить её.

- Еле слышное одобрение, - заметил Уинго.

- Нам нельзя превращаться в параноиков, иначе мы не сможем работать, - ответила Ма. - Я выскажу Оскару своё мнение, что ты должен испытать девушку, просто держа её на расстоянии вытянутой руки, как мы всегда и делаем с новобранцами.

- Понял. Передай от меня привет Картеру, Руни и Шону, когда вернёшься в Данди, - сказал Уинго, направляясь к двери.

Во время обратной поездки на такси Уинго познакомил Кики со способами предоставления ей "особых" тарифов, простыми кодами посадки с помощью текстовых сообщений и мобильных телефонов в точках встреч с добровольцами, нуждающимися в транспорте и т.д. Когда они приблизились к центру города, Кики спросила его:

- Что имела в виду Ма, когда сказала, что ты злишься на всех женщин?

Уинго вздохнул.

- Так же, как ты, наверно, относишься к мужчинам. Просто меня предавали когда-то слишком часто. Ничего личного. По-моему, это, пожалуй, самое худшее, что евреи сделали с нами. Сделали так, что белые мужчины и женщины ненавидят, боятся и не доверяют друг другу. Я знаю, это - плохо. Знаю, что не все белые женщины такие, как та, что засадила меня в тюрьму, и считаю, что ты достаточно умная и понимаешь, что не все белые мужчины похожи на Ленни Джиллиса.

- Да, умом я понимаю, - сказала Кики. - Это просто здравый смысл, что *где-нибудь* должны остаться хорошие мужчины. Но почему, чёрт возьми, я никогда не встречала ни одного?

- По общему представлению, все белые женщины - психованные и предательские сучки на грани откровенного помешательства, считающие мужчин врагами, которых надо победить, унижить и поставить на место. В то время как все белые мужчины - это большие подростки, которые по-прежнему играют в игрушки в сорок лет, никогда не станут взрослыми и не возьмут на себя никакой ответственности в жизни, - сказал Уинго. - И, знаешь, в обеих этих оценках чертовски много правды. Именно это евреи и сделали с нами, и пусть господь бог пошлёт их всех в ад!

- В Добрармии много женщин? - спросила Кики.

- Ну да, есть. Слушай, боюсь, что я до сих пор считаю большинство белых женщин безнадежными, но скажу так: немногие оставшиеся исключения имеют большие *возможности*, чем мужчины. Хорошие женщины - лучше хороших мужчин, умные - умнее, храбрые - храбрее, а мерзкие - отвратительнее. Ладно, давай просто закончим этот разговор. Я знаю, это грубо, а быть грубым нет никакой причины.

- Ну, я скажу, ты должен был ещё отпустить ехидные шуточки о моём незавидном прошлом, - признала Кики. - Это радует.

- Ты же уже сказала, что понимаешь, где ты была, - пожал плечами Уинго. - Мне совершенно незачем напоминать тебе об этом. Здесь, остановись на этом углу. Наверно, ты начнёшь выполнять некоторые из наших специальных поездок завтра вечером. Один из людей, которых ты повезёшь, передаст тебе экземпляр Справочника и Общие приказы. Я повторю то, что Ма тебе сказала, потому что это важно. Заучи Общие приказы, а потом по ним живи. Их всего десять, как и заповедей, и, как заповеди, они просто то, что в них сказано: это *приказы*, а не советы.

У тебя пара дней, чтобы прочитать Справочник, а потом нужно передать его другому товарищу, который просит его вернуть. *Не показывай* его никому другому и постарайся, чтобы тебя с ним *не схватили*, Кики. Владение экземпляром партийного справочника или Общих приказов по армии рассматривается судебной системой ЗОГ как подлинное доказательство членства в Добрармии или связи с ней, и тебя быстро приговорят к смерти и отвезут привязанную к каталке в маленькую камеру для уколов. Мы не шутим с этим.

- Я знаю, что ты не шутишь, - она остановилась, и он открыл дверь. Кики не повернулась к нему.

- Слушай, Ударник, можешь сказать, как мне с тобой связаться, если будет нужно?

- Пока нет. Не обижайся.

- Ничего, - ответила она. - И ещё одно: если Ма сегодня вечером показала бы тебе пальцем вниз, ты, правда, убил бы меня?

- Да, - ответил тот. - Это тебя волнует?

- Меня бы больше волновало, если бы ты соврал об этом, - сказала она, обернувшись к нему. - Всего хорошего.

- И тебе.

Потом он исчез. Дверь машины оставалась открытой ещё секунд двадцать, когда телефон Кики завибрировал. Она взяла другого пассажира и минут двадцать не отвечала ещё на несколько вибровзвонков.

- Какого хрена ты не позвонила после моего вибровзвонка? - заорала Мартинес.

- Они наверняка скрытно ехали за мною, - спокойно ответила Кики. - А что, если они до сих пор здесь, и кто-то увидел, что я достала мобильный, как только парень вышел из моего такси?

Мартинес вздохнула, но согласилась.

- Ну, ладно, ты меня убедила. Как только закончишь работу и сдашь такси, мы подберём тебя на автобусной остановке и привезём сюда для полного отчёта. Я хочу знать всё об этом типе Ударнике.

"Надеюсь, что в один прекрасный день ты с ним познакомишься, сука", - подумала Кики. "Надеюсь, что он убьёт тебя раньше, чем меня, и я хотя бы увижу, как ты сдохнешь".

* * *

Кики получила обещанные документы о Добрармии через неделю после поездки в Грешам на встречу с Ма. За это время она перевезла десяток "специальных" пассажиров после получения кодовых слов на свой телефон, указывающих ей конкретный терминал аэропорта или одну из больших гостиниц в центре города. Очевидно, перевозки пользовались большим спросом у портлендских добрармейцев. Потом пассажир называл Кики настоящий адрес, а Кики придумывала ложное место назначения для своего путевого листа примерно на таком же расстоянии и докладывала диспетчеру.

В большинстве случаев она сажала пассажиров на углу улицы где-нибудь в районе Большого Портленда, но иногда это было офисное здание, ресторан, парк или другое общественное место. Кроме того, эти клиенты иногда появлялись из ниоткуда в любое время дня или ночи и останавливали такси на улице, что её нервировало. До сих пор это были одни мужчины, молодые и среднего возраста, и пару раз мужчин было двое. Во время поездки они не вступали с Кики ни в какие разговоры, платили по счётчику, давали щедрые чаевые и выходили из такси. Они всегда обозначали себя, сначала произнося условную фразу с просьбой отвезти их в компанию "Соусы, острые как огонь святого Антония".

- Один из этих ублюдков наверно думает, что у него есть чувство юмора, - презрительно фыркнула Мартинес, когда они с Кики изучали эту часть.

- Откуда они знают, где меня встречать? - с опасением спросила Кики. - Я даже не знаю, что еду на одну из этих точек за пассажиром, потом попадаю туда, высаживаю пассажира, а вдруг - поездка с "Острым соусом". Может, они ездят за мной или следят, проверяя, нет ли за мной полицейского хвоста?

- Возможно. Опять же, на тебе наш датчик положения, может, и их тоже, - ответила Мартинес. - Они могли тайком как-то прицепить на тебя датчик, пока ты говорила в доме в Грешаме с теми двумя.

Это доводило мнительность Кики до крайности.

Полиция в тот же вечер быстро и тайно проникла в тот дом в Грешаме и сняла отпечатки пальцев, но не нашла абсолютно ничего другого.

- Это фободный дом для фдачи в аренду, - доложил Джарвис. - Похоже, это профто разовый заход. Мы можем потряфти агентство, работающее ф этим домом, "Кифтон

Пропертиз", но пидоры могли дофтать ключи многими фпофобами, и ефли у них ефть кто-то в "Кифтоне", флишком большой интерес к этому дому может наф выдать.

- Согласно, - кивнула Майонез. - Положи "Кистон" в папку на будущее. По крайней мере, мы узнаем, кто такие Ударник и Ма по отпечаткам пальцев, если они проходили по документам. Медленно, но верно мы подставляем маленькие кусочки головоломки. Со временем они все сойдутся.

Конечно, сразу же после поездки в Грешам Мартинес и Джарвис поговорили с Маккаферти об установке в самой такси какой-нибудь скрытой волоконно-оптической камеры и записывающего устройства, чтобы сделать снимки людей, которых подвозит Кики, но из-за того, что Кики каждый день давали другую машину, когда она приходила в гараж, возникли трудности. Получение ею одной и той же машины, чтобы ездить на ней каждую ночь, оборудовав должным образом, повлекло бы за собой включение в операцию похотливого диспетчера Ахмеда Сингха, и Мартинес удивила Кики, согласившись, что этот сексуально озабоченный тип, очевидно, представляет собой угрозу безопасности.

- Он мог бы попытаться воспользоваться ситуацией, даже не зная всех подробностей о том, что происходит, - сказала Мартинес. - Мужики думают только членами.

Маккаферти просмотрел технические руководства и придумал выход - волоконно-оптическую беспроводную камеру на тончайшей плате с кремниевыми схемами, пригодную для вставки в пачку сигарет, которую можно засунуть за лицензию такси с правами и снимком Кики на них, которые висели на заднем сиденье, так что пассажиры могли видеть, кому доверяют свою жизнь на дорогах Портленда. Но и с этой камерой возникло несколько проблем, первая из которых состояла в её невероятной дороговизне, а вторая, что в полицейском бюро Портленда камеры не было. Конечно, камеру можно было бы приобрести в рамках почти неограниченного бюджета операции "Прожектор", но это требовало времени, и также привлекло бы нежелательное внимание федеральных правоохранительных органов, чьи источники информации о том, что происходит в местных полицейских управлениях, были совершенно всеохватывающими, в отличие от почти отсутствовавших у них данных по Добрармии. Второй проблемой с маленькой камерой была малая дальность передачи сигнала всего на пару километров.

- А нельзя настроить камеру на передачу по обычным каналам для мобильных телефонов, раз она передвигается от башни к башне? - спросила Мартинес.

- Да, мы может передавать через узлы сотовой связи или через спутник, - подтвердил Маккаферти. - Но это ударит по режиму секретности. Сотовая связь довольно открытая, и любой, кто знает, что ищет, может отслеживать передачи нашей камеры наблюдения и контролировать их, и к тому же всегда есть вероятность, что передачи могут попасть на чью-нибудь видеоконференцию или частный видеотелефон.

Вспомни, что в то время как наша прикладная техника улучшается с каждым годом, она вынуждена использовать для работы инфраструктуру, не обновлявшуюся с начала 2000-х годов. Я далёк от предложений, что мы должны бросить нашего храброго маленького союзника Израиль, но дело в том, что одновременное и постоянное ведение предыдущим поколением четырёх зарубежных войн ничего не оставило для нас здесь, в Америке. В том числе на модернизацию узлов сотовой связи и освоение новых частот, не говоря уже об энергетике и дорожной сети.

Радиоканалы сжаты, как сельди в бочке, и все любопытные или преступники с необходимым опытом и минимумом аппаратуры могут подслушать любую беспроводную передачу. Единственным выходом было бы шифрование на обоих концах, но даже этого иногда недостаточно. Мы знаем, что в Добрармии есть довольно хорошие технари - фанаты,

которые уже взламывали и проникали в некоторые довольно серьёзные правительственные сети. Насколько секретной, по-твоему, должна быть эта операция?

- Наглухо закрытой и без небрежных свободных концов, - ответила Мартинес. - Хорошо, я поговорю с шефом, и посмотрим, не сможет она достать для нас эту штуковину, не раскрыв ФБР, что мы проводим крупную секретную операцию. Когда мы её получим, то не будем заморачиваться с передачей данных от неё. Просто установим камеру на запись и будем каждое утро просматривать снятые кадры в конце смены нашей девочки. Мы получим живую передачу с микрофонов на её теле, так что будем знать, кого искать. Но получение этого устройства, наверно, займёт некоторое время.

Так и сделали, а в промежуток между заказом волоконно-оптической платы и её доставкой Кики получила посылку для себя. Она стояла в ряду такси в деловом районе около универмага "Нордстром" на Бродвее, когда потёртый алкаш подошёл к её такси, и без спроса начал чистить окна скребком с мыльной водой из пластмассового ведра. Кики опустила стекло и раздражённо бросила: "Отвали!" Мужчина поставил своё ведро, прижал палец к губам, вытащил из-под пиджака объёмистый жёлтый конверт и сунул ей в окно. Потом, не говоря ни слова, взял ведро и поплёлся дальше по улице.

Кики уже начала привыкать к сюрпризам во время своей смены. Она чётко произнесла вслух "долбаный бомж со скребком!", обращаясь к слушателям в оперативном центре, чьи уши несла над своими плечами. Опустила конверт в сумку и с огромной выдержкой дождалась, пока после своей смены не добралась до дома, чтобы вынуть его.

Она знала, что её домик-прицеп начинён подслушивающими жучками. ("Для твоей безопасности и для нашей осведомлённости", - заверила её Маринес елеиным голосом). Кики не знала, поставили ли они какие-нибудь мини-видеокамеры и выполнили ли её настойчивое требование не следить за ней в туалете. Она сложила кучу грязной одежды в пластиковую корзину для белья, положила сверху сумку, а потом вышла из прицепа и прошла метров пятьдесят по улице к прачечной самообслуживания при стоянке прицепов, которая была открыта двадцать четыре часа в сутки для жителей, имевших ключи.

Было уже почти два часа ночи, и в здании из шлакоблоков было пусто. В прачечной висела камера слежения, но Кики понятия не имела, была ли она установлена полицией для слежки за ней и вообще работала ли она. За рядом сушилок имелась небольшая ниша с маленьким столом и лампой дневного света сверху. Кики положила одежду в стиральную машину и включила её. Затем пошла к этой нише, села за стол и открыла конверт, который дал ей алкаш. Кики знала, что если бы её поймали за чтением запрещённого материала, не переданного хозяевам, её дочь пропала бы, а она сама оказалась в тюрьме и, возможно, в камере смертников, реши полиция играть по правилам и обвини её во владении террористической литературой. Но Кики всё уже до смерти осточертело, и она начала бунтовать. Всё, что она могла утаить от своих тюремщиков и надзирателей, было её маленькой личной победой.

В конверте Кики нашла документ в переплёте из синего пластика, примерно шестьдесят страниц односторонних ксерокопий, и когда открыла его, оттуда выпал сложенный лист бумаги. Она подняла лист и просмотрела его. На странице были напечатаны десять коротких абзацев. Кики пыталась осознать факт, что в самой могущественной империи, которую когда-либо знал мир, будут использованы все силы и возможности, чтобы казнить её, если федералы узнают, что она держала в руках этот лист бумаги и прочитала эти десять абзацев.

ОБЩИЕ ПРИКАЗЫ ПО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Общий приказ номер один: Совет Армии Добровольческой армии Северо-Запада (НВА) настоящим учреждается как правительственный орган Северо-Западной Американской Республики (НАР). Совет Армии объявляет военное положение, которое должно сохраняться до тех пор, пока не будут установлены суверенитет и независимость Республики, а власть можно будет передать её правительству и временному президенту государства и безопасно созвать национальный съезд согласно положениям проекта конституции, опубликованного во втором издании партийного справочника в январе 2007 г.

Общий приказ номер два: Весь офицерский, сержантский и рядовой состав Добровольческой армии Северо-Запада, и все лица, действующие по приказам НВА, любым способом помогающие или содействующие достижению стратегических и тактических целей НВА или временного правительства Северо-Западной Американской Республики, настоящим получают полное и постоянное освобождение (защиту) от всех возможных судебных преследований или процедур за любые действия, добросовестно направленные на создание Северо-Западной Американской Республики как независимого государства.

Общий приказ номер три: Ни офицеры, ни лица в другом звании Добровольческой армии Северо-Запада не должны добровольно сдаваться или сдавать оккупационным силам какой-либо личный состав, оружие или оборудование, находящиеся под их командой, если он или она ещё имеют силы, средства и способность сопротивляться и продолжать боевые действия.

Общий приказ номер четыре: Ни один еврей или другой небелый человек, гомосексуалист и ни один белый человек, вовлечённый в межрасовые половые связи, не имеет права проживать на территории Северо-Западной Американской Республики или в любой области боевых действий НВА. Полевые командиры Армии должны поступать с нарушителями этого Приказа по своему усмотрению.

Общий приказ номер пять: Ни один офицер или лицо в другом звании Добровольческой армии Северо-Запада не должны захватывать, конфисковывать или отбирать какие-либо деньги, товары, материалы, запасы, оружие, боеприпасы, транспортные средства или другие ценности, за исключением случаев, когда за такие средства или материалы будет немедленно заплачено наличными деньгами, или выдана официальная расписка; такие расписки, по возможности с оценкой стоимости отчуждённых ценностей, позднее должны быть оплачены властями Северо-Западной Американской Республики.

Общий приказ номер шесть: Ни один офицер или лицо в другом звании Добровольческой армии Северо-Запада не должны отбирать и присваивать какие-либо деньги, товары, материалы и т.д. в своё личное пользование или для извлечения прибыли.

Общий приказ номер семь: Временное правительство Северо-Западной Американской Республики требует полной и безоговорочной преданности и сотрудничества всех белых жителей НАР, во всех зонах боевых действий НВА, без каких-либо исключений. Любое предательское сотрудничество, информирование, публичное подстрекательство против Республики или её вооружённых сил, или предоставление помощи и поддержки оккупационным властям запрещается и будет наказываться полевыми командирами НВА по их усмотрению.

Общий приказ номер восемь: Полевые командиры и личный состав НВА примут все разумные меры предосторожности, чтобы сохранить жизни, свободу и свободу действий всего офицерского состава и добровольцев НВА, включая свои собственные.. Они будут использовать все возможные способы и хитрости, чтобы сохранить подчинённых целыми и

невредимыми в боевой обстановке и поддержать их боеспособность для достижения военных целей Армии.

Общий приказ номер девять: Без одобрения и участия Совета Армии ни офицеры, ни лица в другом звании Добровольческой армии Северо-Запада, не должны вести какие-либо переговоры, переписку или иным способом связываться с оккупационными властями, гражданскими или военными, с целью окончания боевых действий, капитуляции или невыполнения какого-либо приказа НВА.

Общий приказ номер десять: В течение боевых действий и до тех пор, пока этот Приказ не будет отменён властью Совета Армии, ни один офицер или лицо в другом звании Добровольческой армии Северо-Запада не должны потреблять никаких алкогольных напитков или наркотиков, изменяющих сознание, за исключением медицинских лекарственных препаратов, принимаемых по назначению врача или медицинского работника, или при оказании срочной медицинской помощи.

"Ну, это же способ удержать меня от проклятого кокаина", - подумала Кики. Как ни странно несмотря на её семейное пьянство, Кики никогда не испытывала какой-либо тяги к выпивке. Возможно, потому что боялась превратиться в подобие Мэй, так что запрет алкоголя в Общем приказе номер десять её вообще не волновал. Она прочитала Общие приказы снова и снова, а потом опять в четвёртый раз. Кики всегда быстро выучивала задания в школе всякий раз, когда знала, что её будут спрашивать, или в тех редких случаях, когда ей на самом деле было интересно то, что изучали. Она закрыла глаза и мысленно повторила десять Общих приказов. Она была уверена, что всё правильно выучила, но прочитала приказы в пятый раз, только чтобы проверить, хорошо ли всё запомнила. Всё точно. Порвала бумагу на самые мелкие клочки, пошла в маленький туалет и спустила их в унитаз. Потом вернулась и взяла партийный справочник. В нём не было никакого оглавления или титульного листа, и текст сразу начинался с первой главы "Раса".. Она прочла:

"Раса - главная проблема Северной Америки. Так было всегда, с тех пор как один из матросов Колумба застрелил из мушкета с фитильным замком первого индейца в далёком 1492 году. Любая трудность, с которой сегодня сталкивается Америка, любой экономический или духовный кризис в той или иной форме в конечном итоге сводится к расовой проблеме.

Любая цивилизация, любая культура, любое крупное историческое достижение человечества есть плод труда людей той расы, которая создала эти цивилизации. Уничтожьте расу, и будут уничтожены не только живые существа, но и всю ткань существования нашей планеты прорвёт огромная брешь. А если уничтожить самую умную, творческую и энергичную расу человечества - арийцев, то человеческому виду будет нанесён такой урон, что его невозможно будет когда-нибудь возместить или восполнить.

Расовую проблему можно свести к одному очень простому вопросу: кому принадлежит мир? Или ещё прямее: кому принадлежит континент Северная Америка? Принадлежит ли континент арийским народам Европы, которые поселились на этой земле после опасного путешествия через океан, чтобы добраться до неё, распахивали её и выращивали урожаи, построили здесь дома и организовали общины, создали правовые, социальные и политические институты, словом, всё, что мы знаем сегодня как Америку? Или он принадлежит различным чёрным и жёлтым расам третьего мира, которые не внесли никакого вклада, кроме некоторого физического труда? Их единственное заявление о правах на эту землю - проистекает лишь из обстоятельства, что они оказались здесь, но именно они причинили огромный ущерб своим антиобщественным поведением?

Мысль о том, что мы должны делить с ними эту землю в каком-то нелепом и убогом многорасовом Вавилоне, просто глупость. Тёмные расы не сделали ничего, чтобы заслужить гражданство или право на жительство здесь, и что в какой-то мере возмещает огромный ущерб, нанесённый ими. Чёрный человек особенно мало дал Америке, за исключением

физического труда. Его вклад находится на одном уровне с вкладом лошади – ограниченно ценный, но, как и лошадь, чёрный человек в настоящее время устарел из-за развития сельскохозяйственной техники и двигателей внутреннего сгорания. Больше нет ни нравственных, ни экономических, ни социальных оснований для дальнейшего содержания здесь чёрного человека, и много насущных поводов для его устранения. То же самое касается массы иммигрантов из стран третьего мира. Они не дают нам вообще ничего, что действительно нужно, кроме дешёвой рабочей силы для транснациональных корпораций, которая удерживает заработную плату белых на низком уровне.

История совершенно ясно показывает, что многорасовые империи не процветают, а в долгосрочной перспективе распадаются. Любое общество, в котором когда-либо проводился многорасовый или даже многонациональный эксперимент, с треском рушилось, начиная с Древнего Рима и Габсбургской монархии Австро-Венгрии, и кончая Советским Союзом и Югославией в прошлом веке. Америка, как и другие общества, не вынесет проклятия многорасовости. Нет никакого волшебного закона, освобождающего Северную Америку от основных принципов человеческой биополитики. Один из этих основных принципов состоит в том, что расовая чистота укрепляет общество, тогда как многообразие ослабляет и, в конечном счёте, разрушает его. Посмотрите на немногие страны, которые сегодня остаются стабильными и процветающими: Японию, Швейцарию, Сингапур, Тайвань и Корею. Все они расово однородны, а не "многообразны".

Ни одно государство не рождается многообразным. Многообразие в действительности это противоположность государственности. Государства возникают именно из расовой, религиозной и культурной общности и своеобразия. А многообразие - это неестественное, а также нездоровое состояние, которое может вести государства лишь к национальному упадку. Мультикультурное и многорасовое государство в особенности несёт в своём составе семена верного национального краха. Все мультикультурные страны по определению должны находиться в состоянии политического, нравственного, экономического и социального разложения. Жадность и коррупция неизменно характеризуют правительство многонационального государства в сочетании с мерами подавления, направленными против собственных граждан для удержания их в одной упряжке с неестественными партнерами. Ложь и обман являются уловками мультикультурных СМИ, политиков и образовательных учреждений. Демократия, как изначально порочная система, вырождается в инструмент разрушительного культурного и биологического уравнивания. Демократия порождает самых жестоких тиранов.

В наше время многообразие вводится сверху вниз, как инструмент элитарного правящего класса, используемый для стравливания друг с другом одной или нескольких расовых или этнических групп. Острые культурные споры, возникающие вследствие этого, служат политическим планам, экономическим целям и властным потребностям правителей и их покровителей, разрушая всё ценное в затронутом разложением обществе. В двадцать первом веке мультикультурализм используется как молот дляковки искусственно создаваемых, неумных, послушных людей с коричневой кожей, которые будут образовывать послушное государство Нового Мирового Порядка. Мультикультурализм, как оружие постмодернистской политической войны, мало с чем можно сравнить, что объясняет его внедрение в настоящее время во всех странах Западной Европы, в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Умышленное дробление этих стран на разнообразные в расовом отношении, политически несовместимые общественные прослойки и группы с особыми интересами, и потеря в итоге национального самосознания и целей – таковы требования Нового Мирового Порядка.

Кто же образует этот Новый Мировой Порядок? Это будет англо-сионистский правящий класс, состоящий в значительной степени из евреев и скрыто гомосексуальный, который образует экономическую иерархию богатства и подчинённости, заменяющих естественную иерархию таланта, храбрости и добродетели. Сила, которая рассматривает страны и их народы, сначала как экономические цели для эксплуатации, а также как военные цели, которые должны быть уничтожены и разграблены в случае сопротивления.

Одно только обстоятельство, что чёрная и жёлтая расы оказались в Северной Америке благодаря исторической случайности или нарушению иммиграционного законодательства, не

даёт им права всю жизнь сидеть на шее белого человека. Хотя именно в этом, по сути, состоит требование многокультурного подхода: люди с тёмной кожей должны получать определённые товары, услуги, льготы и преимущества, те люди, которые не только никогда и ничего не сделали, чтобы заработать эти блага, но даже толком не умеют правильно ими пользоваться, а способны лишь уничтожать и портить их. Уравнивание в мультикультурном, многообразном обществе *никогда* не улучшает, а всегда всё *ухудшает*. Расовая интеграция похожа на смешивание конского навоза с мороженым: она ведёт к небольшому улучшению навоза, но ничего не даёт мороженому.

Наши господа и повелители учили нас смотреть на "расизм" как на зло и грех. Совсем наоборот. На самом деле расизм это чистейшее выражение патриотизма. Сегодня мы живем в мире, где старые идеи геополитики заменяет биополитика. Расизм верен, потому что он - воля Природы. Расисты выполняют работу Природы. Они помогают Природе защищать самые важные из творений Природы: разные расы, которые Природа создала многие тысячелетия. Расизм - это стремление Природы защитить собственные творения. Таким образом, расизм способствует и поощряет дальнейшую эволюцию, то есть помогает развитию уже существующих отдельных рас. Правда о так называемом антирасизме - то, что он неестественный, нездоровый и опасный. Антирасизм активно поддерживает разрушение Природы. Он реакционный и антиэволюционный. Общество, основанное на таких глупых идеях - неестественное, нездоровое общество, и оно обречено рано или поздно быть уничтоженным, потому что такое общество уничтожит сама Природа. Мы, человеческие существа, являемся проявлением Природы и обязаны подчиняться её законам, так же, как и другие формы жизни. Если мы забудем эту истину и продолжим смешивать нашу расу с другими, мы погибнем".

"Боже мой!" - изумлённо подумала Кики, пытаясь понять и усвоить эту дикую ересь, которая противоречила всему, чему её когда-нибудь в жизни учили. *"Эти люди из Добрармии действительно надеются, что я ЗАДУМАЮСЬ!"* Это было странное ощущение. Впервые во взрослой жизни Кики её пытались убедить, чтобы научить тому, что, по мнению этих людей, ей нужно было знать для её же блага, а не тому, что будет служить интересам богатых людей и опекаемых меньшинств. Впервые за её взрослую жизнь кто-то признал, что раса ещё существует, говоря, что думать и чувствовать, как расист, это нормально. Сама идея, что кто-то всерьёз ожидает, что она сядет и подумает над чем-то, а не примет что-то на веру, потрясла её. Внезапно в голове Кики всплыла непрощенная мысль. *"Это единственные люди, которых я когда-нибудь встречала, которые не хотят меня как-то наколоть"*.

И эта мысль Кики понравилась.

Поездки для ребят

*Что вы шепнёте мне, я вслух скажу
И волю подчиню свою смиренно
Советам вашим мудрым и благим...*

Генрих IV, Часть вторая, Акт V, Сцена 2

Поездки такси для Добрармии, бессмысленные на первый взгляд, продолжались. В двух случаях Кики перевозила посылки - одну заклеенную картонную коробку из-под бутылок с пивом "Хейнекен", а другую - маленький чемоданчик, которые она положила в багажник своего такси по приказу неизвестного мужчины, который её встретил. Кики довезла чемодан до автобусной станции, где другой мужчина, немного старше её самой, в обычной одежде, подошёл к ней, протянул руку за ключами, открыл багажник, забрал чемодан, и подал ключи обратно, завернутые в сто долларов.

- У тебя есть ещё что-нибудь для меня, товарищ? - спросил он напоследок.

Кики не отваживалась оставлять Справочник в прицепе и носила его в сумке через плечо, ожидая просьбы вернуть. Она вытащила Справочник, в том же конверте, и без слов протянула ему. Он молча взял его и скрылся на станции. Кики надеялась, что никто из слушающих её на другом конце не обратит внимания на случайное замечание, но недооценила остроту слуха Лэйни Мартинес. Её подобрали в конце смены на полицейской машине без опознавательных знаков и доставили в Центр юстиции, где провели в камеру для допросов и усадили за металлический стол, привинченный к полу. Мартинес пришла с цифровым магнитофоном, и, не говоря ни слова, подошла и быстро пристегнула наручниками одно из запястий Кики к скобе на столе чуть ниже края. Не обращая внимания на её протесты, Лэйни села, достала свой небольшой цифровой магнитофон, и воспроизвела краткий разговор у автобусной станции.

- О чём шла речь, Кики? - спросила она холодно.

- Я вернула ему партийный справочник, который мне давали, - ответила Кики, глядя в глаза Мартинес. - Ещё они дали мне Общие приказы, которые я порвала и спустила в толчок. У вас, чуваки, уже хватает на меня. Я не дам вам повод подставить меня ещё больше, поймав с запрещёнными документами.

- Понятно, - кивнула Мартинес. - Мне грустно, что ты, похоже, всё ещё считаешь, что можешь влиять на своё положение, Кристин. Но я не удивлена.

Она встала, подошла к двери и махнула рукой. Вошли два человека в одинаковых синих комбинезонах: крупный мужчина с лоснящейся кожей, похожий на полинезийца, и худая, пожилая белая женщина. Мужчина нёс металлический чемодан, а женщина - чёрную сумку как у врачей.

- Кристин, это специальные техники, которые работают у нас. Они объясняют некоторые вещи. Прямо сейчас они объяснят тебе, и ты обязательно поймёшь, что бывает с белыми шлюхами-наркоманками, которые пытаются играть в игры с полицейским бюро Портленда. Знакома ли ты с так называемыми Протоколами Дершовица?

Мартинес взглянула на двух существ с пустыми лицами, одетых в комбинезоны.

- Не оставляйте заметных следов, - приказала она и вышла из комнаты.

В металлическом чемодане оказалась большая батарея и какой-то электроприбор. А в чёрной сумке, среди прочего, несколько шприцев для подкожных инъекций. Через некоторое время после этого Кики закричала, и долго кричала без остановки, но никто не пришёл ей на помощь. Последний шприц содержал какое-то вещество, которое заставило её чувствовать себя ужасно, кишечник мучительно болел, как при худшем отходняке после приёма наркотиков, который у неё когда-нибудь бывал, только в десять раз сильнее. Эти двое оставили Кики лежащей на полу за столом, голую, в судорогах и с дикой сухой рвотой, её тело всё ещё изгибалось от электрических ожогов и введённой в нескольких местах кислоты, которая не оставит заметных следов, когда человек оденется. Кики подумала, что у неё сердечный приступ, что она скоро умрет, и это - конец, и даже пыталась молиться Богу, чтобы он принял её душу, но потеряла сознание. Несколько часов спустя Мартинес вернулась, наклонилась, сделала Кики ещё один укол, который привёл ту в полубессознательное состояние и, похоже, немного облегчил боль, и приказала:

- Одевайся. В качестве дополнительного наказания ты месяц не увидишь своего ребёнка. Наколешь меня ещё раз, хоть в самом малом, и конец.

Кики была полностью сломлена, по крайней мере, на некоторое время. Нарушений с её стороны больше не было.

Маккаферти смог получить свою волоконно-оптическую камеру на плате. Камера была установлена как надо за лицензией Кики, и несколько недель она просто продолжала время от времени перевозить неизвестных на своём такси. Сама она с особыми пассажирами говорила мало, и они никогда не заводили с ней разговоров. Однажды Кики закончила смену немного за полночь. Она подошла к своей обычной автобусной остановке, и, когда стояла там в ожидании под уличным фонарём, рядом с ней из ниоткуда вдруг появился Джимми Уинго. Он был одет в синие брюки, бейсболку и серую рабочую рубашку механика с именем "Боб", вышитым красным цветом на левом кармане рубашки.

- У нас есть кое-что для тебя, - сказал он.

Невзрачный "бьюик" старой модели подъехал к остановке.

- Садись, - предложил Уинго, показав в сторону машины.

Кики захотелось повернуться и убежать, но она справилась с паникой и села на заднее сиденье. Уинго сел рядом, машина отъехала от обочины и повернула на юг. Кики узнала человека за рулем, как одного из своих пассажиров, ездивших за острым соусом, но, как и раньше, не смогла хорошо разглядеть его. В мелькающих отблесках уличного освещения и встречных фар она заметила, что водитель был высокий, широкоплечий и в такой же, как у Ударника, бейсболке.

- Что происходит? - спросила она Уинго, стараясь, чтобы её голос звучал как обычно.

- Тебя хочет видеть командир роты, - ответил тот.

Кики почувствовала вибрацию своего мобильного телефона, и поняла, что полицейские в помещении целевой группы слушают её.

Кики не спросила, зачем командир роты захотел её увидеть: она училась быстро.

- Так ты сегодня Боб? - спросила она мимоходом.

- Если сегодня вторник, я должен быть Бобом, - кивнул тот.

- Сегодня четверг, - сказала Кики.

- Тогда я - Румпельштильцхен. (*Карлик-волшебник из сказки братьев Гримм. - Прим. перев.*). Ну и что ты думаешь о Справочнике?

- В нём говорится всё, о чём я сама всегда думала, но боялась сказать, - искренне ответила она. - Чёрт, боялась даже подумать. Когда я почитала его немного, то поняла, что

всегда чувствовала то же самое, но никогда не останавливалась и не задумывалась обо всём этом. Я боялась, как ни глупо это звучит.

- В ЗОГ не хотят, чтобы мы думали, - заметил Уинго. - Они знают, что лучшая цензура с контролем мыслей это та, что люди сами на себя наложат. Это самый действенный способ управления. Джордж Оруэлл писал, что общепринятое бессознательно. Целью столетней кропотливой общественной и психологической обработки было превращение белых людей в несознающих самих себя существ, чтобы сделать их настолько слепыми, что они ничего не смогут разглядеть прямо перед собой. Оруэлл также писал, что для понимания происходящего даже перед собственным носом нужно ежедневное напряжённое сосредоточение. Или что-то в этом смысле. Подзабыл.

- Ты много читал в "Анголе", верно?

- Вообще-то нет. Верь не верь, но я действительно изучал в колледже английскую литературу.

- Очень крутые татуировки для студента, - удивилась Кики.

- Некоторые из них из тюрьмы, некоторые после, - сказал Уинго. - Когда я вышел, пришлось встать на учёт как преступнику на почве ненависти, так что колледж и любая так называемая нормальная жизнь уже были для меня закрыты. У меня не было выбора, кроме как жить жизнью, которую ЗОГ выбрал для меня, поэтому я решил начать с малого и сделать несколько татушек, чтобы выглядеть соответственно. Дурацкое решение, на самом деле. Татуировки - это особые приметы.

Кики замолчала, глядя в окно, как машина выходит на междуштатное шоссе 5 и направляется на юг. Она понимала, что должна попытаться поддержать разговор в интересах своих слушателей, и боялась ещё одного урока с иглами и электродами, если они будут ею недовольны и накажут за работу с недостаточным воодушевлением. Но Кики начала ощущать глубокую вину за предательство перед Бобом и другими людьми. Они обходились с ней вежливо и с уважением, и разве что сделали пару намёков на возможность убить её. По законам же Соединённых Штатов её пытали электротоком и кислотой.

Машина съехала с междуштатного шоссе на одно из многих четырёхполосных шоссе в торговых районах Портленда, а затем на стоянку при круглосуточной закусочной "Бургер Барн". Было открыто только окно для обслуживания без выхода из машины. Уинго вышел из машины и знаком пригласил Кики следовать за ним, а водитель остался за рулём. Они подошли к входу для сотрудников с задней стороны здания. Уинго постучал два раза, потом ещё дважды. Кто-то внутри открыл замок двери, раздался звонок, и Уинго распахнул её. Они прошли по короткому коридору мимо комнаты слева со стальными стойками на колесиках, доверху забитыми булочками в пластиковых пакетах, и большого морозильника с толстой стальной дверью справа. Уинго открыл дверь в небольшой кабинет управляющего. Кругленькая белая женщина среднего возраста взглянула на них из-за стола, потом молча встала и вышла из комнаты, держа в руках пачку бумаг, похожих на счета.

- Садись, - сказал Уинго. - Не за стол.

Оба сели на пластиковые стулья. Кики занялась изучением рекламной листовки, приклеенной к стене, где расписывалось, как полезны для здоровья и питательны все продукты в меню "Бургер Барн", и сколько калорий и граммов жира в каждом из них.

Дверь открылась, вошёл и сел за стол стройный молодой человек в джинсах и бежевой рубашке с воротником поло. Он выглядел ещё моложе Кики, почти как школьник. Каштановые волосы вошедшего были коротко подстрижены, почти по-военному. Лицо с тонкими чертами и угловатое, нос острый, губы тонкие, и зелёные глаза, сверкающие, как

кристаллы льда. На бедре у него в пристёгивающейся кобуре висел мощный автоматический "Браунинг".

- Я - лейтенант Билли Джексон, - сразу представился гость.

Он не предложил пожать руки.

- Командир роты "А" Первой портлендской бригады. Называю тебе своё настоящее имя, а не кличку, потому что я объявлен в розыск сионистскими властями, и мой снимок передают по всем каналам, не говоря уже о досках объявлений на каждой почте Северо-Запада. Так что бессмысленно скрывать от тебя моё имя. Мисс Маги, многие товарищи говорили мне, что ты помогала нам с транспортом последние недели, и неплохо отзывались о твоей работе. С тобой провели собеседование, вот этот товарищ, э-э, товарищ Боб, а также дама с севера. Ты уже прочитала Общие приказы по Добрармии и партийный справочник. Сейчас я хочу спросить, готова ли ты приступить к дальнейшему обучению, а также помогать при выполнении более сложных боевых задач.

- Да, - кивнула Кики. - То есть, так точно, командир.

"Золотая жила!" - прошипела Лэйни в помещении целевой группы операции "Прожектор", с наушниками, прижатыми к уху. - Наш первый серьёзный подозреваемый в терроризме!

Она показала большие пальцы Маккаферти и Джарвису.

- За что Джексон в розыске? За двадцать убийств? - мрачно спросил Маккаферти.

- И за столько же взрывов, - кивнула Лэйни. - Не говоря уже об измене из-за его участия в мятеже против Соединённых Штатов в Кёр-д'Ален.

- Мазафака! - встрял в разговор Джарвис.

- Я слышал, что на последней встрече с нами, ты сомневалась, что сможешь убивать людей, - продолжил Джексон тихим и вежливым голосом. - Мы будем учитывать твои сомнения, но ты должна понимать, что это серьёзно уменьшит пользу, приносимую тобой нашему делу. И хотел бы спросить, думала ли ты над этим ещё, и готова ли ты преодолеть свои сомнения для общего блага нашего народа и во имя свободного будущего для себя и своей дочери.

- Думаю, да, - кивнула Кики. - Я поняла, что, вступив в Добрармию, буду нести моральную ответственность за все её действия и не смогу избежать этого. Я также знаю, если попадусь федералам, они убьют или запытают меня, и не будет иметь никакого значения, что я сделала или не сделала. Думаю, что некоторые полицейские запросто идут на пытки людей. (Это последнее предложение было предназначено для ушей Лэйни Мартинес). Раз я готова тянуть срок, то могу также пойти и на преступление.

- Ты уверена? - спросил Уинго.

- Ты хочешь сказать, не замешкаюсь ли я, когда придёт моё время нажать на курок? Я уверена, что нет, - ответила Кики. - Во всяком случае, сейчас.

- Мы не заставим тебя начать с убийства, - уверил Джексон. - Однако нам нужно, чтобы ты играла более сложную роль. Произошли некоторые тактические события, которые требуют большего и более быстрого привлечения новичков, чем нам, как правило, хотелось бы. Недавно прошли аресты и случились провалы, мы понесли другие потери и встали перед необходимостью привлечь больше людей для определённых, более опасных заданий. Это довольно срочно, и я хочу, чтобы сначала ты выполняла больше задач поддержки, чтобы постепенно ввести тебя в курс дел. Но сейчас у нас немного не хватает боевиков, а значит, все они нужны для стрельбы, а не за рулём. Соответственно, нам нужны новые водители или, в твоём случае, люди с водительским стажем, возить нужных товарищей на задания по ликвидации, телесным наказаниям, экспроприациям, и, возможно, подрывам СВУ.

- СВУ? - переспросила Кики.

- Доставка самодельных взрывных устройств, - объяснил Джексон. - Ты нужна нам, чтобы возить других добровольцев, которые будут стрелять, избивать, проводить вооружённые ограбления и устанавливать бомбы.

Кики вздохнула.

- Да, командир, я готова, но не будет ли моё такси в этих случаях бросаться в глаза? Я хочу сказать, а что, если какие-нибудь очевидцы запомнят номер?

- Мы обеспечим тебя машиной. Действительно в некоторых случаях мы используем другие такси, - сказал Джексон. - Бригада будет воровать такси фирмы "Экселсиор", а также "Еллоу" и "Чекер", переделывать их в одной из наших мастерских и снова использовать каждый раз, когда какая-нибудь машина выходит из строя, меняя номера и рекламу на стойке заднего бампера и тому подобное. Конечно, фургоны ещё лучше подходят для большинства задач, но копы сообразили насчёт фургонов и пикапов. Кроме того, нам нужно больше пар "мальчик-девочка". Копы стали обращать внимания на лица и останавливать все машины и грузовики с двумя-тремя белыми мужчинами в них. Нам нужно начать разнообразить весь свой транспорт при выполнении боевых задач, от такси до мотоциклов и ложных машин скорой помощи, и так далее. Мы можем принять решение перевести тебя полностью на нелегальное положение, если посчитаем, что тебя, возможно, раскрыли, или ты слишком рискуешь. Надеюсь, ты не слишком стремишься сделать карьеру в "Экселсиор Кэб"?

- О, нет, - грустно усмехнулась Кики.

Диспетчер Сингх в последнее время стал неприятно назойливым. Кто-то сказал ему, что Кики - проститутка, по крайней мере, бывшая, и он всё больше злился из-за её отказа заняться с ним сексом за деньги.

- А что насчёт твоей дочери? - спросил Уинго.

- Моя мама заботится о ней, - ответила Кики.

- Постоянно? - спросил Джексон.

- По-моему, она, вроде, в самом деле хочет, - вздохнула Кики. - Она считает, что я - плохая мать, и, по-моему, это верно. Мама не знает, что я в Добрармии, и она, наверно, устроила бы истерику, если бы узнала, но она чувствует, что со мной что-то происходит, и думает, что я снова на панели или на наркотиках. Как ни ужасно это звучит, но это объясняет ей, почему у меня странное рабочее время, и я появляюсь только, чтобы увидеть Элли.

- Ты помиришься с ними позже, в свободной стране, тогда они поймут, - довольно любезно сказал Джексон. - Ты по-прежнему как обычно будешь много ездить по городу как наше такси, но нам необходимо, чтобы ты постоянно была готова к вызову, и, как я уже сказал, в тот самый момент, когда мы посчитаем, что тебя подозревают, ты уйдёшь в подполье. Тебе придётся бросить свой прицеп в любой момент. Что-нибудь тебя там удерживает?

- В этом сортире? Вообще ничего, - мотнула головой Кики. *"Может быть, я смогу избавиться от их чёртовых жучков и слезки"*, - подумала она.

- Хорошо. В настоящее время нам нужно, чтобы ты сохранила работу в "Экселсиор", но держи нас в курсе своего рабочего графика, чтобы мы вызывали тебя, только когда ты не на работе.

Он достал из ящика стола дешёвый заранее оплаченный мобильный телефон.

- Даю его тебе, чтобы ты могла связаться с нами в случае каких-либо изменений в твоём графике или чего-нибудь ещё важного для нас. Следи, чтобы он был всегда заряжен. В памяти этого телефона записаны три номера. Используй один из трёх номеров, но не тот же самый два раза подряд. Тебе, вероятно, ответит каждый раз другой человек. Когда кто-

нибудь ответит, представься как Джоди. Если ответит мужчина, это будет твой друг Боб, даже если и не он лично. А если женщина, то это будет твоя подруга Мелисса. Скажи пару слов о погоде, о новой обуви или что-нибудь безобидное в этом роде, а потом, что ты не сможешь сделать нечто в такой-то день или участвовать в общественном мероприятии, потому что твой график изменился, и ты должна работать в такое-то время в такой-то день. Не говори по этому телефону больше трёх минут. Пока всё понятно?

- Понятно, - кивнула Кики.

- *Получилось!* - возликовала Мартинес в операционном помещении целевой группы. - Наконец-то мы получили первую линию связи с их верхом!

- Всегда держи этот телефон рядом, там, где сможешь услышать звонок, - продолжил Джексон. - Если мы пришлём тебе текст со словами "*Бургер Барн*", значит, мы хотим встретиться с тобой и вероятно, дать тебе задание, которое займёт несколько часов, так что приезжай готовой к действиям. У тебя будет несколько мест для встреч, каждое из которых будет связано с номером. "*Бургер Барн Один*" значит идти в определённое место, "*Бургер Барн Два*" - второе место, и т.д. Когда ты получишь такие текстовые сообщения, бросай все дела и как можно быстрее добираться до места встречи. Эти места встреч будут регулярно меняться, и тебе придётся многое запомнить. Боб, на обратном пути пройди всё это с ней снова, а потом ещё раз. Убедись, что она знает всё назубок.

- Она выучит, - заверил его Уинго.

- У меня нет собственной машины, - вставила Кики. - Мне придётся добираться до места встречи автобусом.

- Это надо изменить, - сказал Джексон. - Тебе необходим транспорт. Держи наготове этот телефон, и мы доставим тебе машину через пару дней, новую, полностью законную и с номерами. Когда мы тебя вызовем, ты прибудешь на место встречи в собственной машине и перейдёшь на машину, выделенную на задание, которую и будешь вести. С тобой будут другие товарищи, от одного до трёх человек. Один - главный. Едешь, куда скажет руководитель группы, и делаешь то, что он или, возможно, она, тебе прикажут, не больше и не меньше. Тебе также придётся уходить от полицейской погони, если что-то пойдёт не так, и это одна из причин, что я не очень охотно привлекаю не слишком опытных людей вроде тебя. Но нужда заставляет, и все должны с чего-то начинать. На первый раз это будет не слишком трудное задание. Грубо говоря, мы не хотим слишком тебя нагрузить, чтобы проколоться, если ты действительно проколешься. Нам надо посмотреть, как ты держишься в напряжённой обстановке.

"Брат мой, если бы ты только знал!" - подумала про себя Кики.

- Ты всё это понимаешь, соратница?

- Понимаю, - кивнула Кики.

- Есть вопросы?

- А мне дадут личный пистолет? - спросила Кики.

- У тебя нет своего? - спросил Джексон.

- Нет, мне официально запрещено его иметь. Как уголовной преступнице.

Джексон потёр подбородок.

- Ну, в данный момент ты ещё не доброволец, ты - актив, и если все сделали свое дело правильно, полиция не должна знать о тебе. Если тебя схватят на контрольно-пропускном пункте или во время случайного обыска на улице, а ты будешь со стволом, то могут просто засадить обратно в тюрьму, что не пойдёт на пользу Армии. Не вооружайся, пока. На задании тебе выдадут пистолет, если его необходимо использовать, но ты вернёшь его после выполнения задачи.

- Идёт, - согласилась Кики. - Слушай, боюсь показаться слишком любопытной, но когда же я перейду из актива в добровольцы Северо-Запада? Это как в мафии? Я должна убить кого-нибудь и поклясться на крови, что ли?

Джексон позволил себе холодно улыбнуться.

- Мы действительно считаем первое убийство нашим боевым крещением. Но на самом деле вступить в наши ряды очень просто. Никаких клятв на крови или мистики. Когда я скажу, что ты с нами, ты - одна из нас. Что-нибудь ещё?

- Думаю, что это, пожалуй, всё, - кивнула Кики. - Ясно, командир.

Джексон встал.

- Жди нашего звонка, и мы достанем для тебя машину.

И, не говоря ни слова, он вышел из комнаты.

В помещении целевой группы Мартинес потрясла головой от удивления и тревоги.

- Методично. Организованно. Эффективно. Сколько продолжалась вся встреча? Десять минут? Ты знаешь, кто из наших людей может провести инструктаж и добиться такого же результата за такое время?

- Теперь мы получаем представление против кого мы действуем, - сказал Маккаферти. - Я думаю, что в этом смысл всей операции.

- Точно, - подтвердила Мартинес. - И ответы, которые мы получаем, кажутся довольно пугающими.

Когда Кики появилась в своём прицепе примерно в два тридцать утра, она обнаружила, что там её ждут Мартинес и Маккаферти. Лэйни просто протянула руку, и Кики передала ей мобильный телефон Добрармии. Маккаферти вытащил из портфеля какой-то электронный прибор и провёл им по телефону.

- Это похоже на кадры из "Стар Трек", - заметила Кики.

- Я не хочу рисковать, разбирая эту дешёвую штуку, и случайно сломать её, - сказал Маккаферти. - Первое, что мы должны определить, это нет ли в этой модели датчика места, или, может, подонки его установили, чтобы следить за тобой. Нет, никакого спутникового сигнала. Похоже, твои новые расистские дружки в самом деле доверяют тебе, Маги.

"*Не то, что ты, урод*", - подумала Кики.

- Тогда они - ещё большие дураки, - сказала Лэйни. - Пробей эти номера, Энди.

Тот так и сделал.

- Они скрыты. Подожди!

Он поколдовал с прибором и снова провёл щупом над телефоном. Мартинес вытащила свой переносной компьютер.

- Можешь считать номера?

- Да. Вот они.

Он назвал три телефонных номера, которые Лэйни записала.

- Проклятье! Я узнаю эти серии. Они все одноразовые, похожие, три различных модели.

- Неудивительно. Можно их перехватить?

- С тем, что у нас есть? Может быть, - неуверенно ответил Маккаферти. - Конечно, полицейское бюро Портленда может получить доступ к местным узлам сотовой связи, но нагрузка линий такая большая, что для того, чтобы выбирать эти три номера в городе такого размера каждый раз, когда они включаются, требуется довольно сложная программа. Я могу установить её, и мы можем делать это автоматически, а их данные будут вводиться в наш компьютер каждый раз, когда эти телефоны используются, но это будет означать внешний доступ в нашу систему, который, по твоим словам, нежелателен. Или я могу просто писать

данные на компакт-диск, что поможет нам отслеживать их, но мы не будет иметь никакой возможности их перехвата в текущем времени, и к моменту получения этой инфы, она устареет на часы. Другой вариант - постоянная прослушка операторами, что будет означать привлечение дополнительных людей, три дежурные смены 24 часа 7 дней в неделю.

- Чёрт возьми! - пробормотала Мартинес. - И так уже слишком много поваров варят этот суп.

- Стоит ли мне предложить привлечь ФБР и использовать их гораздо более мощные системы спутникового перехвата, которые могут обеспечить прослушку мобильного телефона в текущий момент времени в любой точке земли? - спросил Маккаферти.

- Ни в коем случае! - резко оборвала его Мартинес.

- Хорошо, так что мы остаёмся с маломощной аппаратурой, - пожал плечами Маккаферти.

- Я подумаю над этим вопросом, - сказала Лэйни. - Мы должны что-то придумать ко времени, когда они позвонят, чтобы передать Кристин новую машину. Кристин, когда ты получишь эту машину, мы скажем тебе, куда её подогнать, чтобы мы могли тщательно осмотреть её, изучить документы, и, конечно, полностью оборудовать для звуко- и видеозаписи. И не смей даже подумать, чтобы кинуть нас в этом деле.

- У меня один вопрос, - вставила Кики. - Эти парни просят меня теперь пойти поучаствовать с ними в совершении преступлений. Я думала, что вы, люди, должны предотвращать дела такого рода?

- Не умничай! - рявкнула Мартинес.

- Нет, я серьёзно. Представь, я везу их в один прекрасный день или ночь, и вижу, что они собираются кого-то убить? Что мне делать, ёлки-палки? - возбуждённо спросила Кики.

- Мы не можем сделать яичницу, не разбив яйца, - ответила Лэйни. Она просто надеялась, что шеф Линда Хирш согласится с таким мнением.

* * *

- Это вопрос предпочтений, - сказала Линда Хирш позже днём, после того как Мартинес и Джарвис прокрутили ей запись встречи в "Бургер Барн" и объяснили, что ставки операции "Прожектор" растут. - Я согласна с твоим мнением по данному вопросу, сержант Мартинес. Это прецедент. Тайные агенты всегда были обязаны участвовать в определённом количестве преступлений в целях сохранения своего прикрытия и доверия преступников, в среду которых они проникали. Тем не менее, большинство наших служб всегда считали убийство недопустимым. Во всяком случае, большинство штатных и местных ведомств. Федеральные - другое дело.

- Вопрос здесь, шеф, в том должны ли мы предотвратить одно убийство и тем самым допустить возможность совершения многих сотен и даже тысяч последующих убийств? - спросила Мартинес. - Насколько мне известно, из всех правоохранительных органов в стране только мы успешно проникли в Добрармию. Вам мне не нужно излагать последствия, но, конечно, мы должны понимать, что с учётом террористического характера этой организации, которую мы разрабатываем, рано или поздно они совершат террористические акты с участием нашего агента. Это неизбежно. Они занимаются именно этим. Тайный агент среди наркоторговцев должен присутствовать, когда препараты продаются и потребляются, а иногда и сам принимать наркотики. Тайный агент в "группе ненавистников" должен присутствовать там, где ведутся речи на языке ненависти, и сам убедительно их произносить.

- Как скоро, по-твоему, эту женщину позовут участвовать в настоящем убийстве? - спросила Хирш.

- Судя по словам Джексона, сказанным вчера вечером, это может произойти в любое время, и у них всё устроено так, что у нас не будет заблаговременного предупреждения, - ответила Мартинес. - Так что же нам делать? Мы можем отследить Маги по её датчику положения, и возможно быстрее выдвинуться к любому месту событий, чтобы уничтожить группу убийц из Добрармии и предотвратить убийство. Но это стало бы концом. Сейчас, с тем, что у нас есть, мы остаёмся на бобах. Мы не знаем, где разгуливают Уинго, Джексон или Локхарт, и где все эти люди, которых мы слушали и наблюдали. Обстановка может измениться, если мы сможем просто продержаться у них эту девушку достаточно долго, чтобы получить о них более полные сведения, но сейчас мы не можем даже поймать никого из них.

- Уинго? - переспросила Хирш.

Джарвис доложил:

- Джеймф Рейнард Уинго, 30 лет, родился в Тибодо, Луизиана. Мы уфтановили его как человека, который называет фебя "Ударником", а также "Бобом". Нам помогло его упоминание об Анголе, и его же отпечатки пальцев мы нафли в доме в Грешаме. Он отбывал четырёхлетний фрок за фовержение префтупления на почве рафовой и национальной ненавифти или гомофобии.

Джарвис мог говорить на правильном юридическом английском, когда это требовалось в суде, а также в присутствии своих начальников или белых женщин в барах, на которых он хотел произвести впечатление.

- Что за преступление? - переспросила Хирш.

- Уинго напал на гомосексуалиста, который пристал к нему с сексуальными домогательствами в баре в Батон-Руж, - подсказала Мартинес. - Сожительница Уинго, молодая женщина, сдала его и потребовала вознаграждения в 20 тысяч долларов за информацию о преступлении ненависти от Комиссии Луизианы по правам человека.

- Уверена, что ему действительно понравилось ходить в душ со всеми этими парнями в тюрьме "Ангола", - неприлично хохотнула Хирш.

- По правде говоря, он стал членом тюремной банды "Арийское братство", и, как считают, совершил свое первое убийство в Анголе - зарезал чёрного сокамерника, - сказал Джарвис. - Он выкрутился, потому что тюремные власти не смогли найти свидетелей, чтобы дать показания против него.

- Тьфу! Ещё один из обаятельных героев революционной Добрармии, - проворчала Хирш. - Сержант, так тут целая банда таких молодчиков, орудующих в нашем городе, и они ежедневно убивают людей. Нужно засадить всю их организацию, и, похоже, сделать это в белых перчатках не удастся. Но мы должны уяснить важность задач. Во-первых, ты должна чётко понимать, что я ничего не знаю ни о каких предстоящих убийствах.

- Конечно, мэм, - подчёркнуто безучастно подтвердила Мартинес.

- Нет, я действительно имею это в виду, сержант. Никто из вас ничего не говорил мне ни о каких таких предстоящих событиях, сейчас или когда-нибудь. Как ни важна эта операция, я не позволю тебе из-за неё подставить под порку мою *тукес*. Вы, ребята, получите много замечательных наград, так что вам предоставляется право взять риск на себя. Это политический динамит.

Не стоит и говорить, что произойдёт, если обнаружится, что мы закрывали глаза на убийства и взрывы Добрармии для защиты осведомителя. Общественность этого не поймёт. Наш контроль над средствами массовой информации по-прежнему далеко не так полон, как нам хотелось бы. И всегда есть вероятность утечки какому-нибудь репортеру, который

больше заботится о Пулитцеровской премии, чем о долге перед своей страной. Я буду полагаться на вашу находчивость и, несомненно, острый политический нюх, чтобы предотвратить любые насильственные действия в отношении, э-э, более социально значимых и влиятельных членов общества.

- Вы имеете в виду, что нормально, ефли эти рафифкие пидоры прифтрелят нефколько чёрных братков на улице, но ефли они будут угрожать каким-нибудь богатым белым, мы обязаны офтановить их? - возбуждённо спросил Джарвис.

- Именно это я и имела в виду, сержант, - спокойно ответила Хирш. - И не говори мне, Джарвис, что ты получил всё, что у тебя есть, и всё ещё не знаешь, как в Америке делаются дела. При нашей замечательной либерально-демократической системе, все животные равны, но некоторые животные равнее остальных.

- Как ни странно, в Добрармии, кажется, также любят цитировать Джорджа Оруэлла, мэмм, - смущённо заметила Мартинес.

- Какого Джорджа? - в замешательстве переспросил Джарвис.

- Думаю, Джамал, шеф объясняет, что Добрармия смотрит на Америку с точки зрения расы, а на самом деле она всегда была основана на классе и богатстве, - объяснила Мартинес.

- И что именно это значит? - с подозрением спросил Джарвис.

- Это значит, что на самом деле всё обстоит неплохо. Значит, каждый может купить своё положение. Но для нас, это означает, что Кики и её друг могут убить несколько чёрных братков и несколько мучачос, но не каких-нибудь богатых белых, - пояснила Мартинес.

И пока Джарвис не успел возразить, она продолжила:

- Но шеф, по-моему, об этом следует поговорить чуть подробнее. Где же точно провести границу? Что, если из прослушки мы узнаем о близком нападении и убийстве гея? Или межрасовой пары? Или еврея?

- Если они соберутся напасть на евреев, ты немедленно вмешаешься и помешаешь им, - немедленно и без колебаний ответила Хирш. - Неважно, какой ценой. То же самое относится к гомосексуалистам и лесбиянкам. Помимо этого, всё, что я могу сказать тебе: действуй по своему усмотрению.

Ни одному из детективов не надо было напоминать, что Хирш была еврейкой и лесбиянкой, а они - негром и латиноамериканкой соответственно, и что меньшинства, к которым относилась их начальница, нужно было обеспечить полицейской защитой, а их собственные - нет.

Мартинес взглянула на Джарвиса.

- Думаю, что я поняла, мадам, - ответила Мартинес. - В конце концов, нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц, - повторила она.

- Лучше бы это был чёртофки вкуфная яичница из их долбанных...., - проворчал Джарвис.

- И, напоследок, - сказала Хирш. - Я хочу повторить то, что говорила вам, когда началась вся эта операция. Мне нужен Джесси Локхарт, мёртвый или сидящий в камере, где я смогу поработать над его *гойским* задом моими иглами Дершовица. В ту самую минуту, когда вы почувствуете его малейший запах, бросайте все другие расследования и сосредоточьтесь на захвате Локхарта. Это больше не только моё личное пожелание.

Не стоит повторять тебе, что на меня страшно давят, и не только городской совет и мэрия, но и Эллиот Вайнштейн из ФБР, да и все здешние федералы подкапываются под наши задницы. Им не нравится это постоянное насилие на расовой почве в Портленде, и что мы, похоже, не в состоянии ничего с этим поделать. Мне необходимы какие-то результаты, и при нынешней обстановке их лучше получить раньше, чем позже.

* * *

Несколько дней спустя Кики Маги оказалась счастливой хозяйкой тёмно-синей, довольно новой модели "тоёты камри". Как-то утром её разбудил мобильный телефон Добрармии. Раньше она никогда не слышала его звонка и сначала взяла свой обычный мобильник, который также держала возле своей кровати, прежде чем поняла, что звонит дешёвенькая мобила, что дал ей Джексон. Включила мобильник и сказала:

- Да?

И узнала голос Ударника на другом конце.

- Это твой любимый сладкий папочка. С днём рождения, дорогая, - сказал он. - Выгляни на улицу. Ключи под твоим ковриком перед дверью. Документы в бардачке, наклейка проверки выбросов новая, и всё совершенно законно и безупречно.

Потом он отключился. Кики вышла на улицу и увидела "камри", оставленную перед её домом-прицепом. Ключи были там, где сказал Уинго. Оказалось, что даже бак полностью заправлен. Кики не смогла удержаться, натянула наспех одежду и поехала попробовать "тоёту", лихорадочно пытаясь придумать, как выйти из положения и не говорить Мартинес и Джарвису о машине, чтобы они не ставили прослушку.

Но потом Кики вспомнила странную женщину с бледным лицом, похожим на восковую маску, как та вколола ей кислоту, и побоялась даже думать о сопротивлении. Она покорно позвонила своим надзирателям и по их указанию оставила "камри" в гараже, прикрепленном к полицейскому участку Портленда, где Маккаферти аккуратно установил волоконно-оптические микрофоны, камеры и отдельный спутниковый датчик места.

Когда они с Уинго возвращались из "Бургер Барн", Кики сообщила ему свой рабочий график, по которому по понедельникам и вторникам вечера у неё были выходными, и в следующий понедельник около трёх часов, когда она только что вышла из "Сейфуэй", пришло текстовое сообщение. Она вздохнула и позвонила Мартинес на её обычный телефон. Когда та ответила, Кики сказала:

- Я только что получила текст. Они ждут меня в "Бургер Барн Два". Это на углу Магнолия-стрит и 31-й авеню. Кажется, именно там.

- Ладно, мы будем наготове, - ответила Мартинес. - Ты знаешь, как действовать. Делай, что тебе прикажут, как хорошая маленькая террористка.

- В том числе и убивать, да? - спросила Кики. - Ты так никогда и не ответила мне прямо на этот вопрос.

- Делай всё, что нужно, чтобы не провалить эту операцию, а мы позаботимся о том, когда вмешаться, - властно отчеканила Мартинес.

- Другими словами, тебе наплевать на всех, кроме самой себя? Не волнуйся, я давно это поняла. И ещё одно. Если всё закончится хорошо, я хочу увидеть Элли и маму. Ты обращаешься со мной как с непослушным ребенком, ладно, ты отшлёпала меня, и послала меня к себе в комнату без ужина. Но я вела себя как хорошая девочка, и теперь хочу выйти из комнаты.

- Давай посмотрим, как обернётся нынешнее дело, а потом я подумаю, - ответила Мартинес. - Теперь иди играть со своими мерзкими друзьями.

И Мартинес повесила трубку.

Кики положила продукты в багажник и поехала к месту встречи. Ещё не наступил час пик, так что движение было не слишком плотное. Она нашла место на Магнолия-стрит, оставила машину, а потом пошла на угол. "Ниссан" зеленовато-голубого цвета остановился рядом с ней. Она оглянулась и увидела за рулём Ударника-Боба.

- Запрыгивай, - сказал тот, открывая дверь со стороны водителя и подвигаясь, чтобы Кики села за руль. На заднем сиденье сидел третий, пожилой человек в свитере, которого Кики раньше никогда не видела.

- Поверни направо на 31-ю, - скомандовал Уинго. Следи за скоростью и подавай все сигналы, смотри за полицией, и не делай ничего, чтобы привлечь внимание. С номерами этой машины должно быть всё в порядке, но мы вооружены, и ты же не хочешь, чтобы нас остановили. Знаешь "Майти Март" впереди по дороге?

- Ага, - подтвердила Кики.

- Заезжай на парковку и становись как можно ближе к ряду С-1. Мы встречаем там вторую машину.

- Вторую машину? - переспросила она.

- Мы всегда берём на "щекотку" две машины, иногда и больше, - пояснил Уинго. - Сегодня вечером будет одна головная машина с ударной группой в ней, и одна резервная, для разведки и вмешательства при необходимости. Наша машина - резервная. Само задание будут выполнять ребята из головной машины, двое из которых на задании в первый раз, как и ты, если это тебя подбодрит. На этом задании командир - я. Обычно я нахожусь в головной машине, но так как сегодня вроде тренировочной поездки, я буду больше наблюдать, как вы со всем справляетесь.

Кики выехала на стоянку огромного магазина и смогла найти место почти точно под надписью С-1 на фонарном столбе.

- Ладно, давай паркуйся задом - скомандовал Уинго. - Каждый раз, по возможности всегда паркуйся задом, так что если придётся быстро сматываться, ты сможешь увидеть, куда направляешься, и как выкрутиться.

Кики подчинилась и выключила двигатель.

- Господин на заднем сиденье - это мистер Роджерс. Мистер Роджерс, это товарищ Джоди.

- Привет, - кивнула Кики.

- Привет, Джоди, - сказал мистер Роджерс. - Прекрасный денёк сегодня.

- И кто ты сегодня? - спросила Кики Уинго.

Он одарил её мальчишеской улыбкой.

- А, чёрт, все в роте "А" уже знают мое настоящее имя, и я уверен, что полицейские, должно быть, поняли, что я рядом. Можешь звать меня Джимми. Но ты будешь Джоди. Ты ещё не "Ю-боут".

- Что-что?

- "Ю-боут". Подводная лодка. Ты всё ещё плаваешь в море народа, как выразился бы председатель Мао. Полицейские не знают, что ты - доброволка, и тебе лучше надеяться, что они и не узнают, так что ты можешь работать на поверхности. У тебя есть легальная работа, и твоя надземная личность по-прежнему вне подозрений. Может быть, позже тебе придётся уйти в подполье, стать "подводной лодкой", но мы стараемся, чтобы наши люди как можно дольше действовали под собственными именами. Избавляет от массы хлопот с поддельными документами и скрытным передвижением, и так далее и тому подобное.

Светло-бежевая "краун виктория" проехала за ними, и водитель ловко въехал задом на место в двух машинах от машины Кики.

- Я сейчас вернусь.

Уинго вышел, подошёл к другой машине и поговорил с водителем через окно.

- У меня есть кое-что для тебя, Джоди, - сказал мистер Роджерс с заднего сиденья.

Он протянул Кики пистолет.

- Умеешь обращаться с такой штукой?

- Ну, да, но в основном из кино, - сказала Кики, принимая оружие. - На одной работе я привыкла носить пистолет калибра 6 миллиметров. Но я никогда не применяла его, а с тех пор как вышла из тюрьги, ношу замок в носке.

- Сейчас у тебя 9-миллиметровая "Беретта", - сказал Роджерс. - Нет, не балуй с затвором. У тебя уже есть один патрон в стволе. Видишь предохранитель? Да, этот рычажок. Пистолет на предохранителе. Это лучший способ носить пистолет, потому что у тебя может не быть времени, чтобы дослать патрон, если дело пойдёт плохо, или он заклинит, хотя этого не должно случиться, если правильно ухаживать за оружием. К тому же кто-нибудь может услышать, как ты передергиваешь затвор, если обстановка щекотливая.

Сегодня вечером тебе не придётся использовать пистолет, но когда придётся, убедись, что предохранитель снят, а потом просто взведи курок и стреляй. Если какой-то парень идёт на тебя, целясь ему в пупок, так как ты не привыкла к отдаче. Пистолет отбросит назад и вправо, а ты попадешь прямо в грудь. Даже если чел в кевларовом бронежилете, этот патрон достаточно мощный, чтобы отбросить его, а с близкого расстояния сила удара отобьёт ему все внутренности. У тебя нет кобуры, так что держи пистолет на сиденье под ногой, так что будет достаточно сунуть руку вниз и вытащить его.

Уинго вернулся в машину.

- Ты дал ей пистоль? - спросил он Роджерса.

- Да.

- Позже ты пройдёшь углублённый курс индивидуального обучения стрельбе из каждого вида оружия, которое у нас есть, - пообещал Уинго. - Сегодня вечером не вынимай пистолет, если я не скажу, и постарайся не застрелиться. Теперь заводи и следуй за "краун вик".

Кики так и сделала и последовала за головной машиной обратно на 31-ю авеню, повернув направо.

- Он сворачивает к Лейк Освего, - пояснил Уинго.

- Можно спросить, что мы будем делать, когда туда попадём? - спросила Кики. - Если да, то могу я спросить, кого и за что? Или тут лучше заткнуться и исполнять приказы? Мне просто интересно.

- Это не убийство, - засмеялся Уинго. - Как сказал командир, мы начинаем твоё посвящение с лёгкой разминки. Будет наказание избиением, и это часть нашего способа обучения, чтобы каждый доброволец - участник операции знал, что мы делаем, с кем мы это делаем, и почему. Для боевого духа каждого важно понимать, что мы не просто бездумно подчиняющиеся гангстеры дона Вито. У всего, что делает армия, есть цель.

Нашей мишенью является мужчина по имени Грегори Бут. Белый, 35 лет, женат, двое детей, степень в области психологии, посещает церковь, без вредных привычек, и, насколько мы знаем, действительно неплохой малый. Он просто делает то, чему мы должны положить конец. Бут - советник в местной средней школе, и, вероятно, из-за телепередачи "Клуб 700" и других связей с евангелистами по своему мировоззрению он довольно близок к неоконсерваторам. Поддерживает бесконечные войны на Ближнем Востоке, потому что мы должны получить там Армагеддон, чтобы Иисус вернулся, в общем красно-бело-синяя муть, ты понимаешь.

Из наших врагов больше всего расстраивает белый человек, купившийся на весь фальшивый амуриканский набор идеек и действительно верящий в них. Помнишь, я говорил о замечании Джорджа Оруэлла, о том, что видеть вещи прямо под носом требует постоянных усилий? Бут или не может или не делает такое усилие. Его глаза и уши, его

разум давно должны были подсказать ему, что Амуррика - это болезнь, которая должна быть искоренена на благо человечества. Но он или не может или не позволяет самому себе переосмыслить свою точку зрения.

Короче, Бут ведёт программу "Воспитание толерантности" в своей средней школе, и только за это его нужно было включить в наш список, но недавно он создал своего рода неформальный клуб или тайное общество из некоторых своих учеников всех рас, в основном евангелистских взглядов. И назвал клуб "Иисус любит маленьких детей", представь себе.

- Ой, фу, эти чёртовы христианские ученички, - с отвращением сказала Кики. - У меня в школе тоже был советник вроде этого. Он хотел спасти меня от греховной жизни, а потом однажды вечером решил, что сам хочет согрешить со мной. Подонок.

- На самом деле, этот парень, кажется, без половых отклонений. Мы не нашли на него ничего подобного, - признался Уинго. - Но в этом маленьком клубе происходит ещё кое что дурное. Детей поощряют подслушивать других учеников, рыться в шкафчиках и компах, следить в туалетах и так далее, а потом доносить Буту на любого ученика или учителя, кто выскажет или сделает что-то политически некорректное, выразит расовые наклонности или даже симпатии к борьбе националистов.

У Партии есть уши во всех школах, ещё со времён перед восстанием 22 октября, и мы очень быстро об этом прослышали. Бут собирает такую информацию не просто так. Он или уже передаёт её ЗОГ или собирается это сделать. На работу правоохранительных органов это не похоже. Слишком неумело. Мы думаем, что Бут просто самозванный страж общественной нравственности, как и многие христиане, играющий с кучкой глупых детей. Они считают, что играть в сыщиков-подростков Нэнси Дру и братьев Харди, борющихся за правду и справедливость, очень круто и "по амуррикански". Разоблачить злого фанатика во имя Иисуса, и тому подобная чушь. Поэтому сегодня ребята собираются высказать тихую просьбу г-ну Буту, используя твёрдые предметы.

- Так почему бы просто не убить его? Я думаю, Общий приказ Семь требует смертной казни за доносительство? - спросила Кики.

- Не совсем так, - поправил Уинго. - Он гласит, что полевые командиры имеют полномочия действовать по своему усмотрению. Правда, обычно стукач получает пулю в голову, особенно если он работает за деньги, но иногда достаточно воздействия помягче, чтобы внушить ему правильную мысль. Мысль, которую сегодня мы собираемся внушить, работает на нескольких уровнях.

Во-первых, надо дать понять Буту и любому, у кого может появиться соблазн подражать ему, что если они будут доносить на Добрармию, *мы узнаем* об этом и очень быстро. Во-вторых, белые будут знать, что мы действительно не хотим убивать наших людей без крайней необходимости, и, конечно, не убиваем. Как сказал Старик, это неизбежно выльется в гражданскую войну между белыми, а как только всё закончится, оставшимся в живых с обеих сторон придётся жить вместе в Северо-Западной Республике. Мы смотрим вперёд, в будущее, и хотим пролить как можно меньше плохой крови.

Наконец, религиозные соображения. Убийства христиан только воодушевляют их. Они процветают на мученичестве, и гонения во многом объясняют секрет выживания веры во все эти века. Мы не хотим сделать из убитого Бута - мученика, нам нужно, чтобы он послужил наглядной развалиной в инвалидной коляске и несколько месяцев ел через соломинку, в видимых и понятных мучениях. И все поймут, что мы могли его убить, если бы захотели. Можно надеяться, что большинство людей поймут это и сделают соответствующие выводы. Ладно, тут поворот.

Кики последовала за "краун викториа" вдоль широкой, усаженной деревьями улицы в жилом районе. День был пасмурный, но без дождя, и видимость была хорошей.

- Эта улица станет местом нашей операции. Езжай медленно, но не слишком. Мы всегда делаем один предварительный проход через место операции, но лишь один, чтобы не привлекать внимания. Ты должна проверить всю площадь за один заход. Когда проезжаешь, смотри на каждую припаркованную машину по левой стороне, так как ты за рулём. Твой партнер всегда будет проверяться справа, в нашем случае это мистер Роджерс.

Обращай внимание на тех, кто сидит в стоящих машинах, или на любую машину с тонированными стеклами, потому что это полицейская. А также на любые фургоны и грузовики, стоящие на улице или на подъездных дорогах, в которых могут сидеть в засаде вражеские солдаты. Внимательно смотри на монтажников, кабельщиков и телефонистов, на садовников во дворах, которые на них не похожи, короче - на всё, что выглядит неуместным или кажется подозрительным. Следи за всеми помехами на твоём пути отхода.

Теперь взгляни направо. Видишь необычный двухэтажный дом из красного дерева типа ранчо, как в сериале "Семейка Брейди"? Это дом Бута. Внедорожник на дороге его, поэтому он должен быть дома.

Уинго посмотрел на часы.

- Минут через пять должна начаться его ежедневная пробежка. Мы несколько дней засекали время. Ладно, здесь мы разделяемся. "Краун вик" уйдёт направо. Ты - налево.

Кики подчинилась.

- Хорошо, теперь правый поворот и проезжай квартала два. Следи за детьми на велосипедах и тому подобным. О'кей, теперь опять направо. Дальше один квартал, сейчас ещё раз направо, и мы вернулись на нашу улицу. Вы оба будьте настороже. Ладно, вон снова его дом слева. Проезжай мимо него. Сейчас съезжай на обочину и становись здесь, на правой стороне улицы.

Кики выполнила приказ.

- Головная машина будет здесь через минуту. Они проверяют параллельные улицы и задворки дома. Настрой зеркала так, чтобы видеть входную дверь и улицу перед домом.

Пока Кики занималась этим, мистер Роджерс с заднего сиденья молча передал Джимми пистолет-пулемёт "Узи" и несколько дополнительных магазинов. Она оглянулась и увидела, как Роджерс вставляет патрон в обрез помпового дробовика.

- Я думала, вы собираетесь просто избить этого мужика? Так зачем вся эта тяжёлая артиллерия?

- Обычно в наказаниях избиением участвуют восемь человек и две машины, - объяснил Уинго. - Я знаю, что это кажется лишним для того, чтобы крепко побить одного мужика. Но это правило уличных боёв. Партизанские силы должны уравнивать общее количественное превосходство противника, сосредотачивая превосходящие силы в отдельных слабых местах и болевых точках. Здесь, в Портленде враг вооружён лучше, чем мы, но мы всегда стараемся добиться *нашего* превосходства в огневой мощи в отдельно взятой маленькой точке везде, где мы нападаем.

Сегодня вечером нас маловато. В головной машине трое мужчин. Двое из них будут исполнять само наказание, в то время как водитель, вооружённый "АК-47", - стоять у своей машины, а мистер Роджерс и я - прикрывать нападение отсюда вот с этим оружием. Цель - предотвратить любое вмешательство "добрых самаритян", а также отбиться и уйти от погони, если покажется полиция, или это окажется засадой. Каждый раз, когда у нас достаточно добровольцев, действующую ударную группу или боевика прикрывают, по крайней мере, с двух сторон от помех и фланговых ударов.

- А мне нужно выходить прикрывать их? - спросила Кики.

- Конечно, почему нет?

Уинго полез в бардачок и достал два комка из синей шерсти.

- Вот твоя маска. Не надевай её, пока не скажу. А то кто-нибудь глянет в окно или пойдёт выгулять псину, увидит в машине трёх человек с лыжными масками на лицах и испортит всю игру. Вон головная машина.

"Краун виктория" подъехала к ним метров на тридцать и встала на противоположной стороне улицы, сразу за краем газона Бута. Телефон Уинго запищал. Он выслушал.

- Прости, друг, Фред только что ушёл на работу. Хочешь что-нибудь ему передать? Ладно, отлично.

- У вас, ребята, крутые поездки, - заметила Кики. - Кстати, спасибо за "камри".

- Не стоит. Когда мы проводим щекотку в Лейк Освего, вроде этой, нам нужны машины, которые вписываются в обстановку. А на 82-й авеню мы были бы в пикапах, фургонах с бортами или на 15-летних покоцанных консервных банках. Ладно, наш мальчик, похоже, человек привычки, поэтому он должен выйти из двери в любой момент. Как только увидим его, надеваем маски.

Бут всегда бежит по одному маршруту и сворачивает направо в сторону парка, но если на этот раз он побежит в другую сторону, нам придётся догонять его, что мы с мистером Роджерсом и сделаем. Если это произойдет, ты остаёшься в машине. А если Бут побежит как обычно, то окажется около головной машины, откуда выпрыгнут два назначенных добровольца, проделают старый фокус Лиззи Борден и нанесут ему сорок сильных ударов. Есть определённая наука крепкой взбучки. Бьют по коленным чашечкам, локтям, почкам, в пах и по губам. Но не по голове, если нет цели убить объект. Когда он вскидывает руки, бьют достаточно сильно, чтобы их перебить. Как правило, это занимает не больше двадцати секунд, но, как я уже говорил, эти два драчуна - сами новички, поэтому они могут потратить немного больше времени.

Пока это происходит, мистер Роджерс и я будем вне машины прикрывать улицу. Ты выйдешь из машины и прикроешь тротуар справа, страхуя нас от всяких неприятных сюрпризов с той стороны. Держишь пистолет двумя руками, ты знаешь. Если случайно увидишь, что кто-нибудь идёт к нам и выглядит как гражданский идиот, взявший себе за образец *ковбоя* Джона Уэйна, выстрели над его головой, чтобы привлечь внимание. Если он не остановится, иметь дело с ним будем мы с Роджем.

В зеркале заднего вида Кики увидела, как входная дверь дома Грега Бута открылась, мужчина в тренировочном костюме вставил в уши наушники плеера и шагнул из двери.

- Это он, - сказал Уинго. - Надеть маски!

Кики натянула маску на лицо и поправила отверстия для глаз.

- Из машины!

Кики открыла дверь "ниссана" и направила пистолет вправо, но не смогла удержаться, обернулась и посмотрела, что происходит за спиной. Двери "краун вик" были открыты, и двое нападавших в масках били мужчину в спортивном костюме, один размахивал бейсбольной битой, а другой - топориком вверх вниз, водитель стоял спиной к ним, и его "Калашников" был направлен вдоль пустой улицы. Кики слышала глухие звуки шлепков, удар за ударом, и пронзительный визг Грегори Бута, как у свиньи, которую режут.

В её памяти внезапно всплыла камера в Центре юстиции, иглы и электроды, похищенная дочка, унижение, гнев и страдания в руках таких людей, как Грегори Бут. Любая тень сострадания, которое она, возможно, и почувствовала, потонула в ярости, ненависти и злорадстве от боли избиваемого мужчины. Этот американец любил и поддерживал мерзких

людей и порочное общество, которые погнали на убой в Ирак её брата и любимого, превратили её в шлюху, засадили в тюрьму и украли её ребенка. Он и ему подобные никогда не проявляли к ней или к её близким ни малейшего милосердия, и он сам его не заслужил.

"Поступай с другими так, как другие поступают с тобой", - с горечью подумала Кики.

Трое мужчин в масках вернулись в "краун викторию", и двигатель заработал. На тротуаре осталась дергающаяся, стонущая куча грязных тряпок, пропитанная ярко красным.

- В машину! - приказал Уинго. - Заводи и уезжай с этой улицы, медленно. Не снимай маску несколько кварталов. О'кей, теперь сверни направо.

"Краун виктория" позади свернула налево.

- Они пойдут другим путём. Сейчас езжай на "I-5 Север" и возвращайся в город. Обычно после каждого задания следует подведение итогов и разбор полётов в конспиративном доме или другой точке встречи, но всё, кажется, прошло так отлично, что я действительно не вижу в этом особой необходимости.

Уинго достал свой телефон, набрал номер и произнёс:

- Как дела? Да, у нас тоже. Чистая работа, ребята.

Он отключил телефон.

- И вы оба - молодцы. Ну, товарищ Джоди, похоже, ты прошла свою первую щекотку. Как ты себя чувствуешь?

- Замечательно! - прошептала Кики, да так оно и было.

Акулья приманка

*Я расскажу незнающему свету,
Как всё произошло; то будет повесть
Кровавых и негладанных убийств,
Смертей, в нужде подстроженных
лукавством,
И козней, павших на главу злодеев...*

Гамлет – Акт V, Сцена 2

В следующие месяцы Кики участвовала в более чем в десяти заданиях Добрармии, всегда как водитель, и кроме этого продолжала исполнять роль шофёра такси для пассажиров, которые появлялись после таинственных текстовых сообщений и хотели посетить завод острых соусов. Позже, когда код изменился, фабрика острых соусов превратилась в "Кегельбан Билла" и, наконец, стала кафе "Под каштаном". ("Кто, чёрт возьми, среди этих психопатов помешался на Джордже Оруэлле?" - пробормотала Лэйни, когда услышала последнее название).

Боевые задания приходились на выходные дни Кики или начинались после её смены в "Экселсиор Кэб" в полночь и следовали одному образцу. Её никогда не просили использовать такси для "щекотки". Кики всегда приезжала на назначенную встречу в собственной машине, оставляла её, а затем занимала место водителя в одной машине в группе Добрармии, включавшей несколько машин.

В двух случаях машина была только одна. Задания с одной машиной оказались разведывательными, где пассажир действовал как наблюдатель и следил не за людьми, а за местами, где возможно было проведение операций, и она ездила от точки к точке, засекая время, проверяя точки въезда и выезда на поперечных улицах, и так далее и тому подобное. Во время этих поездок Кики перепробовала все машины от автомобиля "краун виктория", возможно, того самого, что она видела на "щекотке" в Лейк Освего, до микроавтобуса и побитого пикапа, а один раз – "БМВ" серии "X" с кожаными сиденьями.

Иногда Джимми Уинго ездил с ней в машине, а иногда - нет. Она начала повторно встречать некоторых товарищей из Добрармии. Это был вежливый до ненормальности мистер Роджерс в своём фирменном свитере, который всегда кричал "Прекрасный денёк сегодня!" - перед тем как разбить кому-нибудь коленные чашечки или бросить самодельную бомбу. ("Чёрт возьми, я выросла с мистером Роджерсом! И научилась говорить по-английски, смотря его программу! - сердито бросила Лэйни).

Ещё был высокий и стройный молодой человек с причёской Элвиса, назвавшийся "Туз", неплохо выглядевший, но очень деловой, и Кики никогда не видела его улыбающимся. Появлялся небольшой и безобидный на вид мужчина лет пятидесяти, с сединой в волосах, который использовал имя "Фред" и говорил даже меньше, чем большинство остальных добровольцев. Он, похоже, был спецом по бомбам, так как всегда носил с собой сумку или рюкзак с бутылками с зажигательной смесью или другими ручными бомбочками, которые передавал другим.

Встречалась коренастая, весёлая девушка-шатенка по имени Лавонн, которая была бы совсем хорошенькой, если бы не её перебитый нос. Лавонн была возраста Кики, и иногда водила вторую машину вместе с бледным и крепким юношей по имени Кевин, которого Кики

посчитала её парнем. Это оказалось неверно, как она узнала позже. Кики и остальные добровольцы иногда обменивались несколькими словами в точке встречи, но у неё не было никакой возможности познакомиться с кем-нибудь из них поближе.

Потом были два больших бородатых парня, похожие на байкеров, возможно, братья, с выпуклыми мышцами и тюремными татуировками. Парни много смеялись и занимались воспитательными избиениями. Они называли себя "Предмет Один" и "Предмет Два". ("*Чёрт бы их побрал!*") – взвыла Лэйни, услышав эти клички. – Теперь эти сукины дети оскверняют героев доктора Зюсса! Кто следующий? "Барни-динозавр"? Кики не удержалась и ответила: "Я думаю, что он и есть рота "Б", за что получила в ответ косою взгляд Лэйни).

Кики узнала в парнях тех, кто избил школьного советника на тротуаре во время их первого выхода. У Кики сложилось чёткое мнение, что хотя "Предметы" и были новичками в Добрармии, но уже имели опыт по этой части. В машине "Предмет Один" со знанием дела отметил "натальное искусство" Кики и тело под ним, давая понять, что он был бы не против продолжения их знакомства в нерабочее время.

Так как у Кики не было никакого желания ещё больше ухудшать положение, и она не была уверена, чего от неё ожидают и в качестве начинающего добровольца и полицейского осведомителя, и как нужно себя вести, она легко и ловко отклонила предложение "Предмета Один". "Предмет Один" быстро всё понял и прекратил разговор, чем произвёл на неё сильное впечатление. Какая ирония по сравнению с романтическими заблуждениями о нравах городских партизан, которые Кики восприняла из телевидения и кино! Ей пришло в голову, что, начиная с пятнадцати лет, время, проведённое ею с мятежниками, было самым долгим периодом, когда она обходилась без всякого секса.

Кики никогда не знала заранее, чем она будет заниматься на задании. Первые несколько раз на деле не было никаких убийств. Больше проводились наказания побоями белых либералов или людей, которые умудрились как-то досадить Добрармии, операции, похожие на задание в Лейк Освего. Все они, такие же стремительные и беспощадные, как и её первая, прошли гладко. Кики удивляло количество времени и усилий, затрачиваемое на предварительную подготовку таких относительно незначительных операций.

"Ты же знаешь старую поговорку плотника о двух замерах, потому что режешь только раз", - напомнил Уинго. "Вот "поплавки" могут быть морокой. Наши добровольцы попадали в беду в большинстве случаев именно во время "поплавков", когда нет времени, чтобы правильно всё подготовить. Но мы должны атаковать возможные цели там и тогда, где и когда они появляются, выводить врагов из равновесия, постоянно поражать их, не давать им покоя, никогда не позволять полицейским и агентам ФБР заканчивать очистку одного места преступления до того, как они должны перейти на другое. Всё, что мы делаем, товарищ Джоди, просто уколы. Но от тысяч мелких уколов Зверь может медленно истечь кровью".

Были и другие операции, кроме наказания побоями. Действия сельских подразделений Добрармии, таких как рота "Г" Зака Хэтфилда, за чьи яркие атаки СМИ прозвали её бойцов "Дикой стаей", позволили успешно очистить почти от всех мексиканцев и немногих чёрных большие районы северо-западной глубинки в штатах Вашингтон, Орегон, Айдахо, Монтана и Британская Колумбия. Многие метисы не останавливались, пока не добежали до Калифорнии, но некоторые добрались лишь до больших городов, и так, по крайней мере, временно действительно дали небольшой прирост поголовья небелых в ближних городках и пригородах Портленда, таких как Хиллсборо, Макминнвилл и Северный Портленд.

Тогда городские группы портлендских бригад взяли на себя задачу убедить их "*свалить*" с Северо-Запада полностью и навсегда. По крайней мере, половина "щекоток"

Кики заключалась в поджогах или взрывах различных мест сборищ мексиканцев с ними самими или без них, или предприятий, известных использованием нелегалов, в том числе строительной площадки, склада на берегу реки и коммерческой прачечной, принадлежащей евреям и управляемой подставным боссом-китайцем с нелегальными рабочими-кули. Эти задания включали подход к цели, одну разведывательную поездку по району в поисках возможных осложнений, а затем прикрытие для предотвращения помех, пока Фред и другие добровольцы-поджигатели метали в окна зажигательные устройства.

В одном случае добрармейцы взломали переднюю дверь, установили заряды и, отъехав, подняли на воздух всё здание с помощью дистанционного взрывателя. В другой раз из закуской, подожжённой бомбой, вывалилась толпа орущих мексиканцев, пьяных и ругающихся по-испански. Они размахивали ножами, а двое дико палили из пистолетов по улице. Уинго и двое Предметов в масках вышли из своих машин и спокойно разогнали мекскрементов короткими, скупыми очередями из автоматов.

На следующий день из новостей Кики узнала, что двое латиносов были убиты, хотя она сама и не видела, как кто-нибудь упал на землю и умер. Она сомневалась, можно ли эту операцию считать её боевым крещением. И решила, что, видимо, нельзя, ведь она сама ещё не стреляла. Ни разу Кики не заметила никаких признаков присутствия полиции или попытки полицейских вмешаться. И удивлялась, неужели Мартинес приказывала полицейским держаться от неё подальше?

Самой сложной поездкой Кики было участие в качестве запасного водителя в трёх машинах прикрытия; задача состояла в похищении шефа бюро "Си-Эн-Эн" в Портленде и обсуждении с ним пожеланий Добрармии по освещению событий в его передачах. Кики видела, как трое неизвестных ей соратников без масок непринуждённо и спокойно вошли в таверну, расположенную через дорогу от штаб-квартиры "Си-Эн-Эн" в центре города, где постоянно встречались журналисты, а через минуту вышли, таща за руки ошеломлённого директора, забросили его в головную машину-фургон и уехали. По указанию Уинго Кики с миллю следовала за фургоном, направлявшимся на запад, к шоссе 30, а затем, после короткого разговора по мобильному Уинго сказал:

- Хорошо, для нас - всё. Порядок, возвращаемся к твоей машине.

- Они что, собираются убить его? - спросила Кики.

- Мы не стали бы париться и тащить его, если бы собирались убить, - засмеялся Уинго. - Репортёры требуют нежного обращения. Конечно, иногда мы просто колотим их, если они небелые или евреи, но сегодня был один из тех случаев, когда мы хотим не убить парня, а повлиять на его поведение. И если он изменит своё поведение, это будет гораздо полезнее для всех заинтересованных сторон. Наши парни тихо и вежливо поговорят с журналюгой, а потом где-нибудь отпустят с указаниями, крепко отпечатанными в его памяти. Отпустят, может, немного потрёпанного, но ничего страшного. Ты вполне сможешь заметить изменения в освещении "Си-Эн-Эн" наших дел здесь в Портленде, вроде исчезновения скверного словечка "террорист", которым они нас обзывали. Будь спокойна - с этих пор мы станем "белыми националистами-повстанцами" или кем-то в этом роде, а наши заявления для печати и ТВ получают много больше времени и будут зачитываться в полном объёме.

Однажды вечером Кики подвозила Туза в "Кегельбан Боба". Он подсел в такси на углу. Кики никак не могла понять, как Добрармии удаётся отслеживать её по всему городу почти произвольно, и это её нервировало. Туз просто сказал:

- Немного поезди по городу. Я жду звонка. Не попади на скоростную, потому что тебе в любой момент может понадобиться остановиться.

Минут через пять молчаливой езды Тузу позвонили на мобильный, он коротко переговорил с кем-то и сказал: "Хорошо". Отключился, потом набрал номер и сказал Кики:

- Съезжай на обочину и включи верхний свет.

Кики заехала на стоянку и включила свет. Туз перегнулся через сиденье и протянул ей телефон и пол-листа сложенной бумаги, на котором были напечатаны несколько слов крупным шрифтом.

- Жми "Отправить" и звони по этому номеру. Если ответит мужчина, или включится голосовая почта, не говори ничего. Просто повесь: мы пока не хотим, чтобы слышали твой голос. Должна ответить женщина. Когда она ответит, просто прочитай ей это, а потом повесь трубку. Ничего не выдумывай и не позволяй ей держать тебя на линии.

Кики взяла телефон и заглянула в бумагу.

- Ну, круто! - воскликнула она. - Мне всегда было интересно, кто делает эти вещи. Кому я звоню?

- Репортёрше из "*Орегониан*", - ответил Туз. - Командир любит задавать ей вопросы в прямом эфире. Он любит морочить ей голову.

Кики нажала "Отправить". Телефон зазвонил, и женский голос ответил:

- Алло?

- Привет, Кэролайн, это капитан О'Нил, - прочитала Кики. - Код подтверждения: "Пусть зазвучит свобода". Приготовься к приёму информации.

От внезапности женщина на другом конце в ужасе пронзительно закричала.

- *Что?!* Это новый мобильник, и ни у кого ещё нет моего номера! Я получила его, чтобы вы, маньяки, перестали мне звонить!

Кики ровным голосом прочитала слова с листа. "Сегодня вечером, в 20:35 подразделения роты "В" первой Портлендской бригады, Добровольческой армии Северо-Запада, выполняя Общий приказ номер четыре приняли принудительные меры против "Блю Лагун Лонж" на 82-й авеню в Портленде, известного сборища наркоторговцев, трансвеститов и небелых, представляющего явную и прямую опасность для белого населения.

Машина, содержащая девяносто килограммов взрывчатки, была оставлена перед главным входом и взорвана, полностью уничтожив здание и всех находившихся внутри него. Напоминаем всем лицам с сексуальными отклонениями, евреям и другим небелым, что Общий приказ номер четыре по Добрармии запрещает их нахождение в любом месте Родины, и, если они будут обнаружены в зонах боевых действий Добрармии, то будут немедленно уничтожены как военные цели. Конец сообщения".

- Подожди! - взвизгнула женщина. - Дай мне взять ручку. Что ты ...?

Кики отключила телефон и передала его обратно Тузу.

- Ну, товарищ, похоже, этот текст был напечатан сегодня, раньше, чем бомба успела взорваться, а? - спросила она, передавая ему бумагу. - Откуда ты мог знать заранее, что всё, что я только что зачитала, произойдёт по плану?

- Она уже сработала. Я только что получил подтверждающий звонок, - ответил Туз. - А мы знали заранее, потому что у Красного барона не бывает осечек.

- "Красного барона"? - переспросила Кики.

- Он - лучший в Добрармии изготовитель бомб, устанавливаемых в автомашинах, - с гордостью произнёс Туз. - Он не только делает их, но и привозит на место действия. Может быть, однажды ты с ним встретишься.

Мгновение спустя Кики почувствовала, что её мобильный телефон завибрировал. Она догадалась, что Мартинес испытала "оргазм" при мысли о близости к главному специалисту Добрармии по взрывчатым веществам, и посылает ей намёк, что она должна развить эту

тему, но Кики пренебрегла намёком. Кики ещё не совсем забыла об электродах и уколах, но её совесть и бунтарская жилка снова начали просыпаться и подпитываться чувством свободы и почти что счастья, которое она начинала ощущать, когда бывала на заданиях и наносила ответные удары.

После каждой "прогулки" с добровольцами Кики осторожно извлекали из её привычной жизни, как только это становилось возможно, и отвозили в Центр юстиции для тщательного "разбора полётов", везли на различных неприметных машинах, таких же разнообразных, как и автомобильный парк Добрармии, в машинах без особых обозначений с тонированными стеклами, грузовиках ремонтных служб и фургонах, в такси с водителями - тайными агентами, а один раз на восемнадцатиколёсном тягаче, доставлявшем материалы в Зелёную зону. Обычно Кики поднимали на одном из задних лифтов в ту же комнату для опросов, где её пытали, и вели до запертой двери целевой группы с надписью "Только для обслуживающего персонала".

Но во время одной из поездок Кики в Центр юстиции для разбора с Мартинес и слоняющимся Джарвисом, который, похоже, всё меньше и меньше помогал работе, возникло несколько вопросов по некоторым тюремным снимкам, что она просматривала в попытках определить имена лиц из Добрармии. И Кики, наконец, допустили в святая святых - сам оперативный центр. Два следователя в углу склонились над какими-то компьютерными распечатками, и ещё двое что-то делали на компьютерах за длинным столом у стены под обязательными снимками президента Хиллари Клинтон и шефа Линды Хирш в рамках. Один из них крикнул: "Акуля приманка на палубе!", и все четверо долго разглядывали её с откровенным любопытством, а потом вернулись к своим занятиям.

- "Акуля приманка"? - повторила Кики.

- Это твоя здешняя кличка, - пояснила Мартинес.

- Что ж, это ободряет! - раздраженно бросила Кики.

- По крайней мере, не "конфетка-малолетка", - пробурчал Джарвис (*Игра слов: "Акуля приманка" - "Sharkbait", а "Соблазнительная малолетка" - Jailbait. Происходит от англ. "jail" (тюрьма) + англ. "bait" (завлекать, искушать, приманивать) - Прим. перев.*).

Кики оказалась перед самой большой белой доской, какую она когда-нибудь встречала в жизни. Доска висела на окрашенной стене из шлакоблоков и занимала почти всю стену комнаты. На доске разноцветными стираемыми маркерами была изображена грубая и запутанная, но, судя по подчисткам и каракулям на полях, постоянно растущая организационная структура, в форме, давно излюбленной ФБР и другими правоохранительными бюрократами для отслеживания банд и других преступных организаций. От заголовка таблицы "Первая портлендская бригада" отходил квадратик с правой стороны с обозначением "Вторая бригада?" Ниже основного заголовка находилась целая паутина из многослойных квадратов, спускающаяся к нижней части доски.

Первый слой состоял из рот с обозначениями от А до Ж. Большая часть квадратов была заполнена вопросительными знаками. Только в квадрате роты "А" было проставлено имя командира роты, Билли Джексона, с несколькими старыми полицейскими снимками Джексона, прикрепленными к его гнезду. Под Джексонном стояло имя "Джеймс Уинго" с набором снимков из тюрьмы "Ангола" и пометкой "Командир группы". Под квадратом Джимми крепились четыре квадрата - один с пометкой "Мистер Роджерс?", два - "Предмет Один?" и "Предмет Два?" соответственно, и один - только с вопросительным знаком. Это был результат первого задания Кики в Добрармии - воспитательного избиения Грегори Бута.

Ещё больше квадратов отходили в разных направлениях от основного ствола с гнездами для Лавонн, Кевина и так далее и тому подобное. В стороне находился квадрат со

старыми полицейскими снимками женщины возрастом за тридцать и надписью "Расин Уингфилд, вербовщица женщин, жена Картера Уингфилда, ФБР № 288995-3". Кики не сразу узнала на них старушку, которая расспрашивала её в доме в Грешаме: снимкам было лет тридцать.

Некоторые другие квадраты уже были заполнены именами и фотографиями. Кики была удивлена, узнав, что настоящее имя "Туза" - Феликс Бидерман. И она постаралась это запомнить, чтобы не ошибиться и не назвать его Феликсом. На другой стене висел ряд планшетов на крючках, каждый с вложенной папкой и клеющимися листочками для пометок, с обрывками сведений, случайными замечаниями, сделанными во время прослушек Кики. Они могли помочь установить личность говорящего, список разных преступлений, совершённых или в присутствии Кики или приписываемых данному человеку, участвовавшему в разговоре, по найденным результатам надзора, и другие заметки.

- Медленно, но верно мы строим нужную нам картину, кто эти люди, и где они находятся, и однажды, когда она будет готова, мы сделаем свой ход, - с гордостью объяснила Мартинес. - Мы прихлопнем их всех одним сильным ударом. Конечно, кроме Локхарта. Он сразу пойдёт своим путём. Что о нём слышно? - многозначительно спросила Мартинес.

- Ты должна знать, - угрюмо сказала Кики. - Ты слышишь всё, что и я.

- Да, но шеф начинает давить на нас, требуя результатов, - призналась Мартинес.

- Я видела Локхарта только раз, в "Логове Юпитера", - повторила Кики. - Сейчас они начинают доверять мне. Если я начну задавать вопросы о нём или о ком-нибудь конкретно, как будто стараюсь кого-то выследить, они снова начнут колебаться и станут по-настоящему подозрительными.

- Я это понимаю, как и ты, Кристин, - вздохнула Мартинес. - Но пойми, мы - полиция, а полиция должна арестовывать людей, которые совершают преступления. Очень трудно торчать здесь день за днём как идиотам, когда по всему Портленду свистят пули и грохочут бомбы. Я говорю об этом, потому что давление сверху, начать показывать ощутимые достижения, становится всё сильнее. Мы собираемся начать проводить облавы на основе твоей информации, или, в основном, благодаря тому, что мы смогли установить благодаря ей.

- О, замечательно! - простила Кики, уткнув лицо в ладони. - Как только я начала проникать вовнутрь, вы указываете им прямо на меня! Ну, *большое* спасибо!

- Верь-не верь, Кристин, на этот раз я сочувствую тебе, и я на твоей стороне, - проворчала Мартинес. - Самое худшее, что может случиться, это предупредить Добрармию, что в этом замешана ты, до того, как мы будем готовы к арестам. А с такими успехами, что мы достигли, этот день по-прежнему далеко. Если мы начнём аресты, которые не сможем объяснить, это их предупредит. Я постараюсь сдерживать шефа, как можно дольше и сделаю всё от меня зависящее, чтобы тебя не заподозрили. Просто будем надеяться, что этого достаточно.

- Если ты меня спалишь, я позвоню тебе из могилы за твой счёт, - мрачно пробормотала Кики.

При следующих посещениях она заметила, что с каждой неделей квадратики на доске заполняются в основном псевдонимами, а детективы пытаются сопоставить их с именами. Во время последней поездки в оперативный центр Кики заметила, что у Второй бригады появилась своя доска с именами и несколькими снимками людей, о которых она никогда не слышала.

- Ты получила всю эту информацию через меня? - спросила она Мартинес. - Я не помню, чтобы встречала этих парней.

- Информация, которую мы взяли из прослушки, можно назвать нашей основной линией, - пояснила та. - Она записывается, упорядочивается, используются перекрестные ссылки в нашей базе данных, а затем перебирается с частым гребешком мной самой и несколькими частными консультантами, военными аналитиками из разведки, встречаться с которыми тебе нет нужды. Не волнуйся, они о тебе не знают. Никто кроме целевой группы не знает.

- И для них я просто "Акуля приманка"? - предположила Кики.

- Это - всё, - подтвердила Мартинес, не обращая внимания на издёвку. - Даже люди, которые охраняют твою мать и дочь, не знают, зачем они это делают, хотя могут догадываться. Ты была бы поражена тем, что мы можем получить, всего лишь анализируя случайные замечания этих людей, когда ты с ними. Но ты - не единственный источник наших данных.

В этом помещении находится, наверное, самая полная и точная развединформация по Добровольческой армии Северо-Запада из имеющихся в настоящее время, потому что мы сортируем каждый клочок данных, которые получаем по этой армии из любого источника, и не только в Портленде, но и по всему Северо-Западу. Всё, что мы извлекли из случайных перехватов телефонных разговоров, любых улик с мест преступлений, разных слухов от наших постоянных агентов, всё существенное, что сообщают наши следователи из других отделов, горы старых материалов ещё до мятежа 22 октября, которым бывает больше 25 лет, даже сплетни и сенсации бульварных газет и ТВ - всё это сейчас введено в наши базы данных. Конечно, у нас есть доступ к федеральным и городским базам данных по преступлениям на почве ненависти до 22 октября и к секретной информации по всей стране.

Один из твоих дружков обронит кличку или какой-то неясный кусочек информации, который мы можем сопоставить, а потом мы вдруг поймём, о чём он болтал. Открываем наши дела, и, как правило, оказывается, что у нас есть или снимки из полиции или какие-нибудь записи с камер наблюдения по этим людям, если они когда-нибудь свалили дурака и сходили на расистское или анти-иммиграционное собрание или что-то в этом роде. На каждом публичном мероприятии, которое эти люди когда-нибудь устраивали, и на большинстве их частных встреч всегда присутствовали оперативники из правоохранительных органов. Мы начинаем с клички, а если повезёт - со снимка из твоего такси, используем голографическую обработку лица и перекрёстные ссылки и создаём профиль, по которому в итоге по перекрёстным ссылкам с чем-то ещё получаем имя и биографию, что выводит на сотни новых направлений. Это как волны, расходящиеся всё шире, когда бросишь камень в пруд. Мы бросили тебя как камень в этот пруд.

- Надеюсь, что я не опущусь на дно навсегда, - сухо заметила Кики.

- Каждый день мы всё больше узнаём об их тактике, складе ума и образе мыслей, и, конечно, кто они, и где тусуются. Со временем мы сможем накрыть их всех сразу, и они никогда не узнают, что их уничтожило.

Мартинес была полностью погружена в свою мечту, и чем ближе она подходила к её осуществлению, тем небрежнее и более склонной рисковать жизнью Кики становилась, в надежде сорвать большой куш. Мартинес уже дала понять, что как только покажется Локхарт Кошкин Глаз, они опустят топор. Это пугало Кики до истерики.

Кики жила для встреч с матерью и Элли, и только они помогали ей не сойти с ума. Они существовали в странном сумеречном мире, когда Кики появлялась в мотеле, играла и смотрела мультфильмы с дочерью и общалась с матерью, как если бы она была просто работающей мамочкой, привычно заскочившей повидаться с ними, что заставляло её на

несколько часов выбросить все обстоятельства из головы. А потом она исчезала снова, до следующего раза.

Кики сама поражалась, что ещё не сломалась, не повредила в уме под таким давлением или не пошла в винный магазин за бутылкой "Джека Дэниелса" в нарушение общих приказов по Добрармии. Или не стала искать торговца крэком вопреки общим приказам и закону. Её всегда удерживало воспоминание о том, как она в последний раз обнимала Элли. Кики страшило, что если она сорвётся и сделает что-то, находясь под действием дурмана, это не только прекратит её отношения с Добрармией и, возможно, станет её настоящим концом, но тем самым она сломает жизнь дочери.

Напряжённая новая жизнь, похоже, повлияла и на мать, причём к лучшему. По мере того, как шли недели, Кики замечала, что Мэй выглядит всё трезвее и бодрее, хотя и мучается от тревоги, а в корзине для мусора в её комнате уже нет пустых пивных банок и разорванных упаковок. Когда Кики однажды пришла, Мэй поймала её взгляд на пустую мусорную корзину и даже при женщине-надзирательнице в комнате сказала: "Я урезаю выпивку. Это плохо для моего кровяного давления, особенно здесь".

Кики что-то уклончиво заметила, но в душе обрадовалась. Она как-то почувствовала, что её мать тем самым сказала ей, что в этой крайности сделает всё возможное, чтобы защитить Мэри Эллен. У Мэй, возможно, ничего не выйдет, но, по крайней мере, это случится не из-за пьянки. И по-своему это был самый глубокий знак любви, какой Кики видела от матери за всю жизнь. Снова и снова Кики ломала голову, пытаясь придумать, как выбраться из смертельной ловушки, в которой она оказалась, но пока мать и Элли находились у её тюремщиков, она понимала, что Мартинес и Джарвис держат её за горло, и у неё нет выбора, кроме как продолжать всё больше вживаться в свою роль в Добрармии.

Обстановка не улучшилась, когда Кики поехала на своё первое убийство.

Сначала ничто не предвещало такого оборота событий. В начале тёмного ноябрьского вечера под морозящим дождём Кики выполняла одну из своих редких разведывательных поездок на одной машине - тёмно-бордовом внедорожнике "субару", с Джимми Уинго на переднем сиденье и командиром роты Билли Джексоном сзади. Первый раз Джексон поехал с ней, и впервые она увидела его снова после их короткой встречи в "Бургер Барн". Он вежливо произнёс "Добрый вечер, товарищ" в точке встречи в центре и молчал всю поездку. Уинго велел ехать через реку Вилламетт к "Орегонскому центру съездов", и они несколько раз объехали вокруг странного вида здания с его двумя жуткими светящимися зелёными башнями и вычурной скульптурой, похожей на маятник. Джексон и Уинго обменялись парой слов о движении и явно искали выезды.

- На стоянку не заедешь без талона и снимка машины системой видеонаблюдения, так что просто сделай ещё круг, - попросил её Джимми. - Думаешь о "щекотке" на Холладей или Мартин Люцифер Кун, босс?

- Ну, давай проедем от Бульвара Мартина Лютера Кинга, - решил Джексон. - Мне нравится ирония обстановки.

Кики понятия не имела, о чем они говорят, при этом они не делились информацией, но она предположила, что готовится убийство или взрыв. Через некоторое время Уинго попросил отвезти их обратно к начальной точке встречи к северу от реки.

- Поезжай через центр города, - сказал он. - На деле, центр города для нас одно из самых безопасных мест, потому что, если придётся спастись, намного легче скрыться в толпе. Везде есть станции "МАКС", автобусные остановки и другие пути отхода из этого района. Хуже, если тебя остановят на скоростном шоссе, потому что на нём есть только один

путь, по которому можно следовать без привлечения всеобщего внимания, особенно с вертолёта. А на междуштатном шоссе на тебя наводят вертушку, и ты по уши в дерьме.

Рождественские огни уже светились в Перле и центре Портленда, и хотя была ещё неделя до Дня благодарения, улицы были ярко освещены, и на них было довольно покупателей. Они как раз проезжали по Парк-авеню мимо универмага "Нордстром", когда Уинго вдруг резко произнёс:

- Командир! Справа!

- Я их вижу, - спокойно ответил Джексон.

Кики взглянула направо, но не увидела ничего, кроме тротуара и нескольких пешеходов.

- Здесь плотное движение.

- Товарищ Джоди - хороший водитель, - сказал Уинго.

Кики начала что-то говорить, но поняла, что Джимми говорил не с ней, а просто доложил своё мнение командиру роты. Она вдруг обрадовалась и почувствовала себя польщённой.

- "Поплавок" или пропустим, босс? - спросил Уинго.

- "Поплавок", - решил Джексон.

- Сверни направо на Моррисон и обогни квартал, - приказал Уинго.

Она выполнила приказ.

- Следи за скоростью и своими сигналами, а также за левой стороной - полицейскими и другой гадостью. У нас с командиром есть дело.

Кики свернула направо на Моррисон-стрит.

- Чёрт возьми, что он о себе мнит? - вслух удивился Джимми.

- Американская спесь, - проворчал сзади Джексон. - Он - богатый ублюдок яппи, у которого всю жизнь было всё, и он чувствует себя чертовски бессмертным и неуязвимым. Ладно, скоро он узнает, что это совсем не так.

Когда Кики снова поворачивала направо на Бродвей, она увидела, как Уинго спокойно таскает из заднего кармана лыжную маску. Потом открыл бардачок и бросил на колени Кики другую маску. Кики подняла её.

- Пора? - спросила она. Бросила взгляд направо и увидела, что Уинго приготовил 9-миллиметровый пистолет, а сзади раздался щелчок, когда Джексон снял с предохранителя своё оружие.

- Ещё нет. Подожди, пока повернёшь обратно к Парку, - ответил тот.

Она свернула направо на улицу Ямхилл, проехала квартал и свернула направо, снова на Парк-авеню. Внутри у неё всё похолодело. Кики ждала вибрации мобильного телефона - знака, что её надзиратели в оперативном центре, по крайней мере, в курсе дела, но ничего не почувствовала. Одной рукой она ловко натянула маску на лицо. Они снова проехали мимо входа в "Нордстром".

- Немного притормози, - сказал Уинго. - Вон они.

Кики оглянулась и увидела высокого белого мужчину лет сорока, одетого в прекрасное рыжее пальто, в перчатках, который шёл по тротуару под руку с женщиной пониже с кожей, чёрной, как уголь, очень короткой причёской "афро" и золотыми серьгами в ушах. Негритянка была одета в тёмное пальто, отделанное мехом, и несла пакет с надписью "Нордстром". Парочка смеялась, их дыхание серебрилось в воздухе, а когда Кики подъехала к ним метра на три, белый наклонился и поцеловал чёрную.

- Удача тебе изменила, а, предатель? - злобно выдохнул Уинго. - Сзади порядок, Кик? Не подъезжай к обочине, просто остановись. Сейчас!

Она остановила "субару", а Уинго с Джексоном рывком распахнули свои двери и выпрыгнули из машины.

- Мы мигом! - бросил ей Уинго, прежде чем они убежали между стоящих у тротуара машин.

Кики повернула голову и посмотрела назад, но смогла разглядеть лишь головы и плечи межрасовой парочки. Потом как молнии сверкнули вспышки выстрелов из пистолетов добровольцев, и раздался грохот, который эхом отразился от высоких зданий и прокатился по улице, сверкающей красными и зелёными огнями Рождества. Пара, казалось, разделилась, закружилась, а потом выпала из её поля зрения, и Кики услышала вопли, крики и топот ног бегущей толпы, из которой многие люди в панике выбегали на дорогу впереди и сзади неё. Прежде чем она успела моргнуть глазом, мужчины вернулись в "субару" и захлопнули двери.

- Отъезжай, как можно быстрее, но не резко, чтобы не оставлять следов шин, - приказал Уинго. - Двигай по Парку, сверни направо на Бернсайд, мы вернёмся через реку и уничтожим эту машину.

Кики всё проделала механически. Она всё ещё не могла осознать, что только что стала свидетелем двойного убийства: у неё просто не было времени сосредоточиться.

Сзади Джексон говорил по телефону.

- Мне нужно очистить проход девять, - сказал он. - Кто-то разлил банку кетчупа.

- Проход девять? - через плечо спросил Уинго. - Хорошо, Кик, я скажу куда ехать, как только мы переберёмся через реку. Товарищ подберёт нас, и мы подбросим тебя обратно к твоей машине.

Он наклонился и коснулся её плеча.

- Как ты держишься?

- Вы, ребята, сработали так быстро, что я думаю, адреналин ударил меня прямо сейчас, а не там, - с улыбкой, немного дрожащим голосом проговорила Кики.

- Цель подвернулась, товарищ, - проговорил сзади Джексон. Как будто он говорил о погоде.

Когда они приблизились к мосту Бернсайда через Старый город, то наткнулись на две полицейские машины с включёнными сиренами, в сопровождении специального бронетранспортёра несущиеся в другую сторону.

- Группа быстрого реагирования, и они поют нам песню, - сказал Уинго. - Похоже, никто не описал им нашу тачку, и если нам повезёт, то у свидетелей хватит ума не делать этого, но мы в любом случае её уничтожим.

Джексон сзади них сделал ещё один звонок по мобильнику.

- Бегающие крысы направляются к тому пролитому кетчупу в проходе девять, - сказал он. - Посоветуйте нашим сотрудникам избегать Парк-авеню и вообще центра города. Джексон отключил мобильный.

- Не люблю говорить открытым текстом, но иногда приходится, - заметил он.

Через десять минут они въехали на автостоянку в тёмном переулке.

- Что теперь? - спросила Кики.

- Нашему транспорту требуется несколько минут, чтобы добраться сюда, - сказал Джексон. - Тем временем мы обработаем этот внедорожник. Мои с Джимом отпечатки пальцев не имеют большого значения, ведь нас уже поместили, но твои важны, соратница. Мы, конечно, поставим мину-ловушку, и если повезёт, то полицейай или ниггер, "раздевающий" машины, забрызгает всю улицу. Но иногда группа взрывотехников обезвреживает наши ловушки и также может снять отпечатки пальцев с обломков. Если они

найдут что-нибудь твоё, ты пропала. Всё, чего ты касалась, рулевое колесо, дверные ручки, вся сторона водителя, где могут быть отпечатки, требуется вымыть.

Уинго полез под сиденье и вытащил пластиковый пакет из магазина. Они вышли из "субару", а Уинго подошёл к стороне водителя и достал из пакета тряпку и бутылку с серебристым чистящим средством. Щедро плеснул раствора на тряпку и тщательно протёр всю рулевую колонку, дверь водителя изнутри и снаружи, а также приборную панель.

- Абразивная, уничтожает отпечатки, - пояснил он.

Закончив обработку, Уинго вынул из пакета бомбу, сделанную, похоже, из четырёх-пяти динамитных или тротильных шашек, склеенных чёрной изолентой. Кики только сейчас осознала, что ездил с бомбой под соседним сиденьем. Из верхней части бомбы выступал болт с овальным ушком, а ниже крепилась чёрная коробочка с циферблатом и перфорированной металлической обвязкой. Уинго достал небольшой кусок провода, продел один конец в ушко с небольшим полукольцом и повернул диск. На коробочке загорелась красная лампочка.

- Задержка - шестьдесят секунд.

Осторожно установил бомбу под передним сиденьем, закрутил другой конец провода вокруг внутренней дверной ручки и закрыл дверь.

- Одна из маленьких игрушек Красного барона, - пояснил он Кики. - Теперь нам нужно быстро убраться отсюда на случай, если Барон или я опростоволосились, и эта штука бабахнет раньше времени.

Втроём они прошли по улице несколько кварталов, мимо закрытых витрин, нескольких баров и закусокных. Кики куталась в пальто от холода и морозящего ледяного дождя, пистолет давил ей на пояс рядом с мобильным телефоном в футляре, который так и не завибрировал. Они подошли к маленькому парку и пошли краем, не углубляясь в него.

- Берегитесь здешних ниггеров и чокнутых обкурков, - предупредила Кики, вспоминая некоторые свои приключения в этом месте, которые, казалось, случились давно и в другой жизни.

- Думаю, это им стоит нас побережиться, - усмехнулся Уинго.

Серебристый "эксплорер" остановился с одной стороны парка. Джексон помахал рукой, мигнули огни, и они сели в машину. Приехала девушка-доброволец Лавонн, без Кевина. Позади неё на заднем сиденье шипел и выплёвывал номера кодов и обрывки фраз совершенно незаконный полицейский сканер.

- Они действительно вопят на полицейских частотах об этом "поплавке", что вы устроили, - сказала Лавонн. - Мужик был каким-то посланцем, а баба - его женой. Вроде из Африки.

- Да, надо ему было быть осторожнее с таким сувениром, что он привёз из страны Мумбо-юмбо, - хмыкнул Уинго.

Лавонн поехала круглым путём на запад, потом повернула обратно на север через Уилламетт, и через час они добрались туда, где Кики оставила свою "тоёту".

- Твоя остановка, - сказал Уинго. Он вышел и проводил её до машины. - Серьёзно, Кики, как у тебя дела?

- Был довольно чудной вечер, - признала она. - Но если ты беспокоишься, что я рассопливолюсь, совесть не даст мне спать, я обращусь к Богу и исповедуюсь в полиции в своих грехах нечестивой расистки или как-нибудь ещё, то этого не будет. Слушай, я знала, на что иду, когда первый раз заговорила с вами в тараканьей дыре у Ленни. И понимаю, что у меня ещё долгий путь впереди, прежде чем я докажу, что вы можете мне доверять. Может быть, я доживу до этого дня.

- Он к тебе ближе, чем ты думаешь, - улыбнулся Уинго, и, прежде чем повернуться и уйти, по-братски поцеловал Кики в щёку.

Услышать крики

*О Боже! Стань мужчиной я,
И его сердце проглочу прилюдно!*

Много шума из ничего - Акт IV, сцена 2

Аннет Риджуэй вела жизнь, доступную немногим, и судьба ей просто улыбалась. До семнадцати лет она ни разу не присутствовала на похоронах. Но в этот холодный и дождливый день в январе удача от неё отвернулась. Аннет стояла в группе родных и друзей на мокрой траве рядом с длинной тёмной ямой в коричневой земле, в которую какие-то люди в спецовках готовились опустить её единственную сестру. Всего месяц назад Джанет Риджуэй исполнилось шестнадцать лет, но она проглотила целую упаковку снотворного своей матери и почти целую бутылку виски "Джек Дэниелс" из домашнего бара отца. А потом потеряла сознание на роскошном ковре в комнате отдыха в доме стоимостью два миллиона долларов в Уэст Линн, что в штате Орегон, и задохнулась собственной рвотой.

Аннет, не отрываясь, смотрела на спокойное лицо Джан, похожей на золотого ангелочка, которое ещё виднелось в стеклянном окошке в верхней части гроба. Священник бормотал где-то о спасительной благодати Иисуса Христа, но Аннет не слышала его. Его слова не имели никакого отношения к происходящему с ней. Это был просто посторонний шум. Аннет смотрела, как лицо за стеклом постепенно исчезает в земле, и навсегда запоминала этот последний взгляд на сестру. У них с сестрой разница в возрасте была всего один год, и родители Аннет иногда подшучивали над дочерьми, говоря: "Ты была ошибкой, Энни, но оказалась такой красивой, что мы были просто обязаны произвести на свет ещё одну".

В последний раз она видела это родное существо, часть её самой, которая всегда была рядом, а теперь отрывалась от неё на всю оставшуюся жизнь, и вот-вот исчезнет внизу в земле и навсегда. Аннет знала, что нужно держать себя в руках, что нельзя сойти с ума. Она склонилась над краем могилы, но её длинные светлые волосы, ниспадающие с плеч, задрапированных чёрным, мешали этому последнему взгляду. Аннет смотрела на мёртвое лицо сестры, едва заметное в тени на дне могилы, пока комья земли не начали падать на него, и вот оно исчезло.

Парень Аннет, высокий и красивый юноша в тёмном костюме по имени Эрик Селлерз, схватил её за руку, боясь, что она упадёт.

- Аннет, мы должны идти, - сказал он тихо, и нежно, но решительно отодвинул девушку от могилы.

- Ещё не всё, - сказала она.

- Я знаю, - мягко проговорил Эрик. Он прекрасно понимал, что Аннет в действительности имела в виду. - Но так заведено. Сейчас тебе нужно уйти и побыть с родителями. Ты нужна им.

Аннет, не сказав ни слова, повернулась и пошла прочь от могилы. Она не плакала за всё время погребения. После одной истерики в объятиях Эрика, когда они слышали эту новость, она вообще не плакала. Аннет подошла прямо к своей рыдающей и убитой горем матери, Лоррейн. Молча взяла руку матери из руки отца и повела её обратно к ожидавшим чёрным лимузинам, стоявшим вдоль засыпанной гравием кладбищенской дороги. Казалось,

что ни одного из почти сотни других людей, присутствовавших на похоронах, даже не существовало. Аннет прошла мимо всех, и никто её не побеспокоил.

Рей Риджуэй смотрел вслед жене и дочери. Это был мужчина среднего возраста, безукоризненно выглядевший, в дорогой одежде от Армани и с безупречной прической. Он гордился тем, что в своём возрасте не нуждался ни в рогейне, ни в виагре, а его зубы были как у молодого человека - белые и ровные, блестящие и без единой коронки. Риджуэй был генеральным директором Континентального банка, старшим партнёром в наиболее успешных брокерских фирмах на Западном побережье и играл ключевую роль в финансовом мире.

Риджуэй только что сделал ошеломляющее открытие, как и многие богатые и влиятельные люди на протяжении тысячелетий в какой-то момент своей жизни: что он не в силах обмануть смерть. Дочь Рея была мёртва, и ему не с кем было провести переговоры или заключить сделку, некому было пригрозить, подкупить или повлиять, и ничто не могло всё исправить. Формально Джан даже не была убита, а покончила жизнь самоубийством. Здравый смысл и опыт жизни в настоящей Америке говорили Рею с полной ясностью, что человек, виновный в смерти дочери, совершенно недосыгаем, и с ним ничего нельзя поделаться. Потеря младшего ребенка до глубины души потрясла Риджуэя, и его сердце леденило страх за старшую дочь.

Он махнул молодому Селлерзу. Этот мальчик понравился Рею с самого начала, как настойчивый и умный молодой человек, выбравший техническую карьеру, и он был благодарен Эрику за избавление от опасений за будущее Аннет. Рей чувствовал, что даже в своём юном возрасте ребята создали прочную пару и, возможно, останутся ею, раз решились на этот шаг. Джан, вот кто сводила с ума его и Лоррейн весь прошлый год.

- Эрик, Аннет... как она? - с тревогой спросил Рей юношу.

- Я не знаю, сэр, - откровенно признался Эрик. - Она не хочет говорить со мной.

- И со мной. Я пытался. Попробую ещё раз сегодня вечером, - поделился Рей.

В тот же вечер он сделал ещё одну попытку, попросив Аннет зайти к нему в кабинет в их особняке в Уэст Линн. Дочь присела на диван в том же чёрном траурном платье с похорон.

- Мама не хочет принимать снотворное, - сказала она. - Она говорит, что никогда не будет принимать что-нибудь снова. Думаю, это понятно после того, что случилось с её последним лекарством. Но, по-моему, мама уснёт. Она вымотана. Правильнее сказать "опустошена".

Рей налил себе изрядную порцию "Джека", сознавая мрачную иронию в поглощении снадобья, которое убило его дочь, чтобы заглушить своё горе от её смерти, но ничего не сказал. Он знал, что Аннет тоже уловила эту иронию, но спросил:

- Чертовски подходящий повод, чтобы в первый раз спросить, а ты не хочешь глотнуть? Ты ещё не пробовала выпивать?

- И не думала начинать, - ответила Аннет.

- Умное решение, - одобрительно кивнул отец. - Ну, тогда все твои поступки умные. Хотел бы я, чтобы твоя сестра была такой же рассудительной.

- Папа, не нужно ходить вокруг да около. Поступки Джан были просто идиотскими. Она была склонна к саморазрушению, у неё не было чувства собственного достоинства и никакой внутренней силы. Она позволила подростковому страху овладеть собой, просто плыла по течению, и это её убило. Джан связалась с наркотиками и с черномазым, да ещё и одновременно. Если это не классическое определение саморазрушающейся личности, то я не знаю, что это такое.

Рей странно посмотрел на неё.

- Что за лепет? Ты набралась у матери из её сотни книг о самопомощи и причудах, не говоря уж о телевизоре. Но твой расизм для меня новость. Откуда он взялся?

- Папа, откуда всегда берётся расизм? - спокойно ответила дочь. - От тесных и постоянных знакомств с чёрными.

- Вот как? И со сколькими чёрными ты тесно знакома в Эшдаунской академии? - спросил Рей. - С тремя? Четырьмя?

- Одного оказалось достаточно, - холодно ответила Аннет. - Слушай, папа, может, мы пропустим твои вступления? Или вспомним одну из твоих любимых поговорок "Не пидай мне на спину, говоря, что идёт дождь". Я уверена, что все белые в нашей стране это знают, пусть даже они слишком запуганы, чтобы говорить об этом вслух. Никакие это не афро-американцы, а ниггеры, черномазые. В любом случае они нам не равны и никогда не будут. Без программы защиты они не могут даже шнурки завязать, да и то не очень хорошо. Так что ты хотел мне сказать?

Риджуэй ошеломлённо посмотрел на дочь.

- Ладно, ладно, перенесём глубокий политический и философский спор о разнообразии и мультикультурализме на другой раз. Да, ты права, мы все знаем в глубине души, что, несмотря на всё сказанное и сделанное, они действительно ниггеры, и никогда не будут другими. Но факт тот, что общество больше не допускает эту точку зрения. Я всегда думал о себе как о достаточно умном человеке, но признаюсь тебе, что ума не приложу, как мы очутились в таком ....., ну, там, где находимся, и нужно это признать.

Дело в том, Аннет, и я хочу быть уверен, что ты полностью понимаешь, что нравится нам это или нет, но мы должны жить в мире, каков он есть на самом деле. На протяжении веков в обществе всегда действовали определённые правила, по которым должны были жить мужчины и женщины, и я имею в виду неписанные законы. Однако всегда существуют определённые люди, которым по общему согласию разрешено презирать или не обращать внимания на эти правила, пока они делают это в определённых общепризнанных, хотя и непрогнозируемых вслух, рамках. Этот Фламмус - один из них. Нынешнее общество решило, а по каким причинам я не буду даже пытаться размышлять, что высокие мужчины с чёрной шкурой, умеющие стукать мячом по деревянному полу, относятся к политически охраняемому виду. Фактически Фламмус защищён от последствий своего поведения. Дело в том, что кроме нескольких случаев баловства с наркотиками, чего мы не сможем доказать, его поведение не только не является незаконным, но, как это ни удивительно, подаётся как часть его общественного образа.

- Как ты можешь говорить о смерти Джан в этих бездушных глупых выражениях, будто это какой-то социологический случай? - горько воскликнула Аннет.

- Потому что для меня это единственный способ говорить об этом, и только так я могу думать о ней и не сойти с ума! Чтобы не взять пистолет и пойти убить Фламмуса, погубив тем самым не только себя, но и тебя с матерью, и потерять всё, что у нас есть, оставив вас одинокими и обездоленными в этом ужасном мире, - жёстко ответил Риджуэй. - Аннет, самоубийство не решает ничего. Это не было выходом при беременности Джан, и не было бы таким же выходом для меня, тебя или твоей матери.

Он опустился рядом с ней на колени.

- Доченька, ты понимаешь, о чём я с тобой говорю? Понимаешь, что своим молчанием, отказом оплакать и принять смерть Джан и продолжать жить своей жизнью, ты до смерти пугаешь маму и меня? Думаю, и Эрика тоже?

- Тогда мы все просто стадо свиней, жрущих из огромного американского корыта. Время от времени к нам приходит большой чёрный мясник и утаскивает одну из нас, вопящую. А мы просто отворачиваемся и принимаем это как цену за наше чудесное пойло и суём наши рыла ещё глубже, чтобы не слышать крики? - спросила Аннет. - Ведь так?

- Да, - признал Риджуэй. - Я понимаю, Аннет, с каким презрением это сказано, но это правда. Американцам приходится так жить, потому что это решение властей, управляющих нашим существованием. Живи своей жизнью и старайся добиться лучшего, что в твоих силах, для себя и своей семьи. Насколько возможно, избегай соприкасаться с этой системой, и, особенно, с так называемыми правоохранительными органами. Держись подальше от политики и спорных вопросов и всего, что делает тебя заметной, и ты сможешь сделать то, что в твоих силах для тех, кого ты любишь. И молись Богу, чтобы каждый раз, когда чёрный или коричневый мясник приходит в загон, он прошёл мимо тебя и твоих близких и забрал кого-нибудь другого или другую.

Просто не слушай эти крики. Никогда не позволяй себе их услышать. Ты не должна, Аннет. Ты должна себя воспитывать, закалять, дрессировать, обманывать себя, если необходимо, но ты должна поступать именно так. Но ты *никогда* не позволишь себе услышать эти вопли во тьме, потому что, если ты так поступишь, этот путь приведёт тебя к безумию и самоубийству, и ты вполне можешь захватить с собой своих родных и близких.

Прости, Аннет, но такова настоящая жизнь. Я понимаю, как ужасно это звучит, и если, сказав это, я потерял твоё уважение, то мне очень горько. Но я твой отец и должен сказать тебе об этом, потому что никто другой не скажет. Я говорю с тобой, из всех сил пытаюсь убедить, потому что ты молода, ты - идеалистка, а в современном мире это смертельно опасно. Обычно мы считаем, что молодость и идеализм это хорошо, да так оно есть, но только в определённых рамках, которые установлены властью имущими.

Я знаю тебя, доченька. Знаю, что ты упряма с малых лет, как в тот раз, когда тебе было пять, и ты просидела за обеденным столом до четырёх часов утра, лишь бы не есть брюссельскую капусту. Ты опасно близка к тому, чтобы позволить своей молодости и идеализму увлечь себя в направлении, которое общество не одобряет *и не допустит*.

- Я никогда не ела эту чёртову брюссельскую капусту, - напомнила Аннет.

- Да, не ела, - с мягким смехом согласился Риджуэй. - Ты меня поймала. Но, милая, если ты попытаешься заняться вопросом смерти своей сестры, то будешь не просто маленькой девочкой, не слушающейся отца из-за тарелки овощей. Ты перейдёшь границу, которую Америка запрещает пересекать, и будешь наказана более жестоко, чем, по-моему, ты даже можешь себе представить, особенно, в ... нынешней ситуации здесь, на Тихоокеанском Северо-Западе.

- Может быть, Добрармия решит эту проблему и прикончит Фламмуса! - непримиримо выпалила Аннет.

- Может быть, - согласился Риджуэй. - Должен сказать, что я невысокого мнения о его решении остаться в Эшдауне с учётом того, что происходит по всему городу. И не заплачу, если это случится. Но, Аннет, я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала. Я совершенно серьёзно хочу, чтобы ты пообещала мне не наделать глупостей в этом деле. Голос Риджуэя выдавал его тревогу.

- И что же, по-твоему, я собираюсь сделать, папа? - простодушно спросила она.

- Теперь *ты* не писай мне на спину и не говори, что идёт дождь, девушка! - отрезал Рей. - Я прекрасно знаю, что творится в твоей красивой головке, и повторяю, что это не тарелка с капустой, когда ты смогла добиться своего одним ослиным упрямством! Я хочу, чтобы ты пообещала мне, что не свяжешься с этой чёртовой бандой психопатов-расистов,

которые бегают по Портленду, убивая людей и взрывая бомбы, и не попытаешься уговорить их убить эту тварь Фламмуса!

- А как я могу это сделать? - весело рассмеялась Аннет. - Ну, папа! Их же не найти в телефонном справочнике на букву "У" - "Убийцы" или где-нибудь ещё! И ребята из Эшдауна вряд ли болтаются с ними после школы. Наша студенческая стоянка похожа на магазин по продаже "лексусов" и "БМВ". А не грузовичков с пирамидами винтовок.

- Не знаю, голубка, но я до смерти боюсь, что ты начнёшь бродить по байкерским барам в Макминнвилле или сотворишь другую глупость, задавая опасные вопросы о действительно опасных людях, и влипнешь в какую-нибудь страшную историю.

Полиция или ФБР узнают, что ты делаешь, и арестуют тебя в соответствии с Патриотическим законом или законом о пресечении внутреннего терроризма, и мне придётся потратить половину наших сбережений на адвокатов, чтобы получить то, что от тебя останется. Прости, я знаю, это тоже звучит ужасно, но ты понимаешь, что я имею в виду, или, что ещё хуже, ты в самом деле можешь наткнуться на настоящий расистский эскадрон смерти, и они убьют тебя. Аннет, *пожалуйста!* - настойчиво умолял её отец. - Обещай мне, что не натворишь таких глупостей! Мы потеряли одного ребенка, и теперь у нас осталась только ты. Если мы потеряем тебя, мы с мамой тоже умрём, в душе, так что об этом невозможно и подумать. Прошу тебя!

- Обещаю, папа, никаких баров в Макминнвилле, - пообещала Аннет.

* * *

- Хорошо, но раз ты обещала держаться подальше от баров в Макминнвилле, как мы *сможем найти* Добрармию? - спросил Эрик, когда они прогуливались по двору Эшдаунской академии.

Они были одеты в тёмно-синюю школьную форму, Аннет - в тёмно-зелёную юбку из клетчатой шотландки, а также в куртки с капюшонами и свитера от непогоды, с книгами под мышкой. Шёл первый день занятий после долгих рождественских каникул. Школьные власти разрешили Аннет не ходить на занятия ещё некоторое время, если нужно, но она ответила, что хотела бы вернуться к занятиям в школе как можно скорее.

- *Мы* не будем искать, - ответила Аннет. Она глубоко вздохнула. - Эрик, я думаю, мы должны перестать видеться, и тебе необходимо на людях держаться от меня на расстоянии. Я всё равно собираюсь сделать кое-что, и тут мой отец прав. Наверно, в конечном счёте, я погибну точно так же, как Джан, когда она наглоталась таблеток. И я не имею права брать тебя с собой в эту "смертельную поездку".

- Я с тобой, - ответил Эрик. - Я серьёзно, Аннет. Я тоже любил Джан, не так, как тебя, но она была важна для тебя, и поэтому стала важной и для меня. Если ты не хочешь больше быть со мной, заставить тебя я не могу, но если ты захочешь, то я сам убью Фламмуса. Как бы старомодно это ни звучало, но если я не смогу быть с тобой, меня не очень волнует, что случится со мной.

- Я знаю, - вздохнула она. - Именно это меня беспокоит. Я много думала о словах папы, что будет с ним и мамой и с тобой, если я провалю эту игру, а так, возможно, и случится.

- Но ты всё равно собираешься продолжить?

- Я должна, - ответила Аннет. - Просто нельзя по-другому, Эрик. Отец не прав в одном. Когда-нибудь мы должны поднять наши головы от корыта и позволить себе услышать эти вопли. Я не могу допустить, чтобы это продолжалось дальше, Эрик. Если я позволю себе не услышать смертельный крик своей родной сестры, если притворюсь, что не

слышу, потому что боюсь, или мне просто слишком *неудобно* слышать, то потом будет легче и проще. И, в конце концов, я стану такой же глухой и слепой, как и все остальные. Кто-то должен услышать эти крики, Эрик, и что-то сделать, чтобы остановить весь этот ужас. Пойми меня правильно. Я не Жанна д'Арк и иногда до смерти боюсь сделать то, что задумала. Но я просто не могу по-другому.

- Старая поговорка об истине, делающей свободным - дерьмо, - сказал Эрик. - Истина не освобождает, она смертельна. Мы живём в мире, построенном на лжи, и тех, кто выбирает истину, уничтожают. Просто невозможно, чтобы я остался в стороне и позволил тебе заняться этим одной, Аннет. Ты делаешь это для Джан. И я отчасти тоже. Но в основном я делаю это для тебя. Я этого хочу и должен, но не хочу, чтобы ты когда-нибудь винила себя. Ты предложила мне отойти в сторону, а я отвечаю - "нет". Я с тобой. Теперь, как нам найти Добрармию?

- У меня есть одна мысль, - начала Аннет. - Пару лет назад мы с папой возвращались с соревнований штата по плаванию в Сейлеме. Помнишь, тогда я выиграла юниорскую стометровку? Мы были в одном из его служебных автомобилей, "кэдди", и, когда мы ехали по междуштатному шоссе, засветился сигнал отказа двигателя, и он начал терять мощность. ("*Кэдди*" - прозвище автомобилей марки "кадиллак" - Прим. перев.).

Папа заехал в Вудберн, и мы нашли заправку с автосервисом. Какую-то захудалую, но старик там, как оказалось, знал своё дело. Оказывается, один из мексиканцев в автопарке папиного банка не удосужился проверить жидкость в коробке передач, и она накрылась. Ну и папа договорился оставить там машину и вызвал для нас лимузин из города. Короче, мы несколько часов болтались по этой заправке в краю белой деревенщины. Там было что-то вроде зала ожидания, со старыми журналами, и я заметила пару номеров "*Северо-Западной Республики*", застрявших среди старых журналов "*Пулл*" и "*Спортс иллюстриейтед*".

- Ведь эту газету раньше выпускала Партия, до её запрещения после Кёр д'Ален? - догадался Эрик.

- Ну да. Я тогда совершенно не интересовалась политикой и просто взглянула на них. Но я забрела в офис, где были торговые автоматы, и также заметила, что в задней части стойки у этого мужика было несколько бамперных наклеек с рекламой Партии, и маленькая подставка с флажками, флагом штата Орегон, и другим флагом, но не звёздно-полосатым. Это был тот флаг повстанцев, который иногда показывают по телевизору, тот, что выглядит, как у Франции, только он сине-бело-зелёный.

- Сомневаюсь, что тот мужик до сих пор там, ведь это сегодня тянет на пожизненное заключение, - заметил Эрик.

- Ты что, не понял? - наступала Аннет. - Этот мужик должен быть из Партии, или он знает кого-нибудь из них. Он мог бы подсказать нам правильное направление.

- Если он всё ещё там, - засомневался Эрик. - Если его не арестовали, или он сам не ушёл в подполье после Кёр д'Ален. Ну и что же нам делать? Просто подойти к этому совершенно незнакомому человеку и сказать "Привет, мужик, ты можешь связать нас с Добрармией, потому что мы хотим, чтобы убили одного ниггера?" О, я уверен, что он вылезет вон из кожи, чтобы помочь нам.

- Это всё, что у нас есть, - нахмурилась Аннет.

- Лёгко на помине! - проговорил Эрик, скривив губы в горькой усмешке и глядя через дворик.

Аннет оглянулась и увидела группу учеников, выходящих из красновато-кирпичного здания и одетых в строгую синюю форму Эшдаунской академии: мальчики в брюках, а девочки в юбках и гольфах, все в синих пиджаках с эмблемой академии. В центре группы

торчала огромная двухметровая фигура Луисиуса Фламмуса, этого звёздного нападающего Эшдауна и первого кандидата в призывном списке НБА.

Предки Фламмуса, видимо, были из племени ватуси или других нильских народностей. Кожа верзилы была настолько чёрной, что выглядела почти такой же синей, как материал куртки, а его череп был вытянутым, как топор, а не круглым как обычно у негроидов. В баскетбольной форме его гибкое тело с великолепной мускулатурой отличалось от типичных фигур спортсменов-негров, похожих на шкафы. Несмотря на свои громадные размеры, Фламмус двигался по площадке как молния и бросал мяч со скоростью и точностью нападающей кобры. Он хвастался, и по праву, что за всю свою жизнь ни разу не промазал со штрафного. Если Фламмус набирал менее семидесяти очков за игру, это был неудачный вечер. Фламмусу было восемнадцать лет, и он всё ещё рос. Так что спортивный врач, приставленный к нему из НБА и отвечавший за особую профессиональную программу тренировок, предсказывал, что с помощью специальных "пищевых добавок" через пару лет тот прибавит в росте ещё сантиметров пять.

Фламмус был на редкость тупым скотом, чья тупость несколько разбавлялась жестокой и порочной хитростью. В нём не было ни единого намёка на нравственность или совесть. Фламмус ел, спал и жил, ради двух вещей на земле: баскетбола и белых женщин. Он хвастался, что никогда не спал с чёрными или мексиканскими девушками. Сам Фламмус не употреблял наркотики, по крайней мере, не сильные, так как это помешало бы его баскетбольной карьере, но держал под рукой целую аптеку законных и незаконных средств для подарков на вечеринках и приманок для всех и вся белых женщин, до которых он мог добраться.

С помощью кокаина и таблеток экстази, этому черномазому меньше чем за две недели удалось подманить, соблазнить и бросить запутавшуюся и ранимую сестру Аннет, Джан. Она была на год младше сестры и только что перешла на второй год обучения в Эшдаунской академии. Джан не вняла предупреждениям и сделала ошибку, зайдя однажды вечером в ноябре в комнату Фламмуса в общежитии, за наркотиками (по словам Фламмуса) или ища какого-то примирения со своей "великой любовью", судя по бессвязной предсмертной записки Джан на айпде, которую отец позволил прослушать Аннет, но не жене. В конце этой встречи они "трахнулись на прощанье" (по словам Фламмуса), или Фламмус изнасиловал Джан (как следовало из её предсмертной записки на айпде). В результате девушка забеременела, впала в тоску и наполовину, или, скорее, больше, чем обычно, потеряла голову, что и привело её к срыву и смерти на полу комнаты отдыха в канун Нового года.

А сейчас официальный "Чёрный-Мальчик-с-Мячом из Эшдаунской академии" пританцовывал по тротуару в окружении влюблённой в него белой тусовки, смеясь, придуриваясь, подшучивая и болтая в своём лучшем стиле гангста-рэпа. Он совершенно не замечал, что двое белых смотрят на него через двор с ненавистью в глазах и беспощадной жадной смерти в сердцах. Когда Фламмус со свитой свернул за угол, Аннет сказала:

- У меня пятый урок французский и шестой - самоподготовка, которые я могу пропустить.

- А у меня шестой - спорт, который я с радостью пропущу, чтобы не смотреть, как эта обезьяна хвастает перед всеми нами, насколько у него больше приёмов, чем у неумех, - сказал Эрик.

- Как ты насчёт поездки в Вудберн? - спросила Аннет.

- Да, - согласился Эрик.

Было около четырёх часов дня, когда они подъехали к заправке с вывеской "Наладка и смазка Джарретта" в Вудберне. Солнце уже садилось, орегонское небо ещё синело, и довольно захудалая заправка освещалась бледным светом бодряще-холодного зимнего вечера. Ребята сидели в белом "лексусе" семьи Риджуэй, который, по мнению Аннет, подходил для этой поездки. И наблюдали, как мужчина средних лет, с длинными волосами, в джинсах и замасленной клетчатой ковбойке заправлял бензин клиентке и проверял масло.

- Это его ты запомнила? - спросил Эрик.

- Это он, - кивнула Аннет.

- Ты уверена?

- Уверена.

- По-моему, ты сказала, он старый?

- Он и есть *старый*, - сказала Аннет. - Ну, старый, по сравнению с нами.

- Хорошо, как ты хочешь это сделать? - спросил Эрик. - Бензин нам не нужен, может, начать с намёков, рассказать пару анекдотов о ниггерах, что ли?

- Давай просто это сделаем, Эрик. Она повернулась и посмотрела на него. - Эрик, последний звонок. Можешь, по крайней мере, остаться в машине. Ты знаешь, я спрашиваю, не потому, что сомневаюсь в тебе. А потому что люблю тебя и должна дать тебе последнюю возможность отказаться.

- Я знаю, - ответил Эрик, открывая дверь машины. - И я люблю тебя, Аннет. Теперь давай посмотрим, можно ли схлопотать себе пару пожизненных сроков.

Они вышли из машины, когда клиентка уехала, и подошли к "старикам".

- Чем я могу вам помочь, ребятки? - дружелюбно спросил тот.

При ближайшем рассмотрении это оказался худощавый мужчина среднего роста, с длинными, белокурыми с проседью волосами под старой и испачканной бейсболкой. Он смотрел на ребят сквозь дешёвые очки в проволочной оправе с толстыми пластиковыми линзами. Они опустили взгляды и заметили странную татуировку на его правой руке между большим и указательным пальцами в виде алмаза с грубыми буквами "AB" над ним. Ребята догадались, что это тюремная татуировка. (*Видимо, от начальных букв английских слов "Арийское братство" - Прим. перев.*).

- Это прозвучит странно, сэр, но мы пытаемся кой-кого найти, - начал Эрик. - Я думаю, вы могли бы помочь нам.

- И кто это может быть? - вежливо спросил мужчина.

Аннет шагнула вперед.

- Ладно, послушайте, я скажу вам прямо, о чём речь. Сэр, меня зовут Аннет Риджуэй. А его - Эрик Селлерз. Вы, конечно, вообще не помните меня, но года два назад мы с отцом останавливались здесь на вашей станции на несколько часов, чтобы починить нашу машину. Когда я была здесь, то увидела за вашей стойкой вон там небольшую подставку с флажками на ней. Был флаг штата Орегон и трёхцветный флаг, бело-сине-зелёный. И ещё несколько экземпляров газеты "*Северо-Западная Республика*" в вашем зале ожидания. Думаю, вы догадываетесь, кого мы ищем. Так мы оказались в нужном месте?

Пока Аннет говорила, мужчина перед ними изменился. Это изменение невозможно было описать, разве что после её слов мужчина, казалось, стал *твёрдым* и *настоящим*. Когда Аннет начала говорить, это был человек из плоти и крови. А когда закончила, он молча превратился в человека из стали.

- Хочу вас спросить, - обратился он к ребятам тихим голосом, который заставил их почти онеметь от ужаса. Он не повышал голоса и не делал никаких угрожающих жестов, но вдруг они оба поняли, что попались. - Кому ещё вы говорили обо мне и об этом месте?

- Никому, - ответила Аннет.

- Мы никому не говорили, - подтвердил Эрик.

- Я понял. Так вы, поганые богатые детишки, имеете наглость заявляться на мою работу и намекать, что я - какой-то там расист-террорист? Вы думаете, что я ненавижу людей из-за цвета их кожи или национального происхождения? Что я в некотором роде нелоялен по отношению к Соединённым Штатам Америки? Вот что я вам скажу. Вы оба вернётесь в свой чёртов "лексус" и уберётесь отсюда. И пусть никто из вас никогда не попадает здесь снова мне на глаза. Я ясно выражаюсь?

- Да, сэр, - с трудом ответила Аннет. Внезапно она поняла, что этот человек взвешивает в уме, убить их с Эриком или нет.

- Да, ладно, мужик, мы ошиблись, - пробормотал Эрик. - Не в обиду, хорошо, мужик? Порядок, мы уходим. Просто успокойся, ладно?

Оба попятились и вернулись в "лексус". Эрик завёл машину, и тут вдруг раздался стук в окно. Он опустил стекло. Мужчина наклонился и сказал, обращаясь к ним обоим:

- Слушайте, я не знаю, в какую игру, чёрт возьми, вы, детишки, играете. Но хочу дать вам совет. Что бы вы ни делали, прекратите. Я понял одно, в очень молодом возрасте, в вашем возрасте, по сути, что если ищешь неприятности, то найдёшь их. Не надо вам искать парней. (*Видимо, добровольцев. - Прим. перев.*). Потому что, если вы продолжите, то кто-нибудь, не такой приверженный к нашей великой стране, как я, может позвонить кое-куда, а потом парни разыщут вас. Вы же не хотите этого. Поверьте, не стоит этого делать.

Он повернулся и пошёл прочь, а Эрик быстро рванул "лексус" с заправки.

А мужчина вошёл внутрь заправочной станции, открыл ящик, достал мобильный телефон и набрал номер. Ответил мужской голос.

- Шуга Шек.

- У вас остались ещё те пончики с желе, которые посылали мне на прошлой неделе? - спросил мужчина с заправки.

- Много, - сказал человек на другом конце. - Вам нужно ещё?

- Да. Мне нужны пончики, прямо сейчас.

Он отключил телефон. "*Чёрт!*" - подумал он про себя, оглядывая заправочную станцию. "*Я прожил здесь десять лет, а теперь должен бежать из-за пары чёртовых ребяташек!*"

А в "лексусе" Эрик с Аннет были настолько потрясены встречей на станции, что через несколько перекрестков до междуштатного шоссе зашли в кафе "У Денни" выпить кофе и быстро "усвоить холестерин". (*Сеть круглосуточных кафе быстрого обслуживания - Прим.перев.*).

- Боже, - прошептал Эрик, когда они сели в задней кабинке, нанося себе смертельный вред кетчупом на тарелках, полных жареных вкусняшек. - По-моему, крылья ангела смерти просто коснулись наших плеч. Клянусь, я подумал, что этот тип убьёт нас! И не из-за того, что он сказал, а как посмотрел на нас! Может быть, в тот момент у него просто не было под рукой пушки, и поэтому мы уцелели. Думаю, ты права, Аннет. Он из Добрармии!

- Тише! - сердито прошептала Аннет. - Да, я тоже так считаю, но не похоже, что они выслушают нас.

- Разве можно их винить? - спросил Эрик. - Двое совершенно незнакомых типа сваливаются им на голову из ниоткуда с просьбой убить какого-то парня? Я имею в виду, что знаю, что они этим занимаются, но представляю, как это выглядит с их стороны. Почему они должны нам доверять?

- Да, признаю, это была глупая мысль, - вздохнула Аннет. - Но это была наша единственная возможность их найти.

- Ну, хорошо, во всяком случае, мы попытались, - согласился Эрик. - И что теперь? Может, нам удастся добиться, чтобы Лусиуса арестовали за наркотики? Ты знаешь, всё то дерьмо в его комнате в общежитии по-прежнему незаконно. Может, испортим ему баскетбольную карьеру.

- И ты думаешь, что кому-нибудь не наплевать, что у него есть наркотики? - устало спросила Аннет. - До тех пор, пока он сам не подсел на них и не испортил свой бросок в прыжке? Портлендские полицейские ничего не станут делать и просто посоветуют нам поговорить с охранниками кампуса, а те отпустят примата по приказу декана, как всегда делают. Они же не возражают, чтобы девчонки оставались на ночь в его комнате в общежитии. Что они думают, чем он занимается с ними, играет в фанты? Никто не собирается помогать нам, и никто ничего с ним не сделает. Эрик, Фламмус - неприкосновенный. Он может вытворять всё, что ему заблагорассудится, пока играет в чёртов баскетбол. И ты это знаешь.

- И он тоже знает, - проворчал Эрик. Ярость и ненависть снова начали вскипать в его сердце, когда он вспомнил как высокомерный, ухмыляющийся человекообразный обнимал Джанет Риджуэй. - Я думаю, меня это страшно бесит. Фламмус знает, что он может делать всё, что захочет, и просто воспринимает это как должное. Как будто он "царь зверей" в Эшдаунской академии, потому что умеет прыгать с мячом. Он принят в одну из самых закрытых подготовительных школ в стране, хотя с трудом может написать свое имя, и всё только потому, что умеет кидать мяч. У негроида собственные специальные преподаватели и целый гарем белых девчонок-поклонниц, делающих за него все домашние задания, только потому, что он умеет стучать мячом об пол. И он, наверно, окончит академию с более высоким средним баллом, чем ты или я, только потому, что умеет бросать мяч.

Белые девочки для него только одноразовые вещи, как пустые банки из под напитка на выброс, как только он их опустошит, умственно и сексуально. Они просто обслуга Большого-Чёрного-Подлого-Орущего-Игрока-в-Ниггербол. Ниггеру совершенно неважно, кому он делает больно, потому что боль и страдания белых детей и людей в Америке больше не в счёт. В любом случае дочери белых - просто сексуальные игрушки для удовольствия грязнокожих, так кто о них вспомнит? Ему неважно, что он сделал с тобой, твоими родителями или со мной, когда отнял у нас Джан. Фламмус, наверно, даже не подозревает о твоём существовании.

- Нет, - прошептала Аннет, глядя на угол стола, когда в её голове мелькнула мысль. - Нет, не думаю, что он знает, ведь так? А знаешь, Эрик, может, ты и прав. Я думаю, что ты здорово угадал.

Она посмотрел на него.

- Сейчас я раздумываю над всем, что Джан рассказывала мне, над всем, что мы могли узнать об их отношениях, если это можно так назвать, и, наверно, ты прав. Даже если я хожу в ту же школу, что и девушка, которую он убил, не думаю, что Фламмус вообще догадывается о моём существовании. Он никогда не показал этого. Никогда не здоровался со мной в залах и не пытался поболтать или втянуть меня в свой маленький круг шлюшек. Он любит молоденьких и свежих, таких как Джан. Думаю, я для него просто очередная тупая блондинка, каких он видит вокруг, и на которую у него может хватить или не хватить времени, чтобы позвать к себе, перед тем, как пойти играть в баскетбол за "Дьюк". Не думаю, что он вообще знает, кто я такая.

- И что? - с подозрением спросил Эрик. Он смутно догадывался, куда клонит Аннет, и это ему не нравилось.

- Поэтому я могу сблизиться с ним, - невозмутимо ответила Аннет. - Могу заставить его поверить, что я - шлюха, как и все остальные. Могу украсть один из пистолетов папы, остаться с Фламмусом наедине в его комнате в общежитии и убить его.

- И что произойдёт с тобой после этого? - спросил Эрик.

- Я знаю, это рискованно. Именно поэтому я не просто украду пистолет, чтобы подойти к Фламмусу в кафе или в спортзале и пристрелить его. Я уложу его в его комнате в общежитии и заявлю, что он пытался меня изнасиловать. Защищаясь, а кто в это не поверит, с его-то репутацией?

- Значит, ты просто так пойдёшь в комнату в общежитии с парнем, который, как знает вся школа, дал наркотик и трахнул твою сестру, который довел её до самоубийства? С пистолетом в сумочке, и, наконец, застрелишь его в целях самообороны? - спросил Эрик. - Никто на это не купится, Аннет. Ты лишишь Эшдаунскую академию её призового ниггера - игрока в баскет и миллионов долларов помощи от НБА на кормёжку и уход за ним, разозлишь администрацию школы и 50 миллионов баскетбольных болельщиков, которые пускают слюни в ожидании, когда этот выродок появится на экранах телевизоров. И ты думаешь, что просто убежишь прочь на цыпочках, как фея Динь-Динь? Аннет, допустим, что твой отец адски богат и сможет нанять для тебя чудо-адвокатов, которые, может быть, выручат тебя, после двухсотдневного судебного процесса, при условии, что никто ни разу не произнесёт слово на букву "Н" в ходе судебного разбирательства. (Слово "ниггер" - черномазый в США запрещено. - Прим. перев.).

Но за это время ты разоришь и испортишь репутацию отца и, вероятно, твоя мама от переживаний попадёт в психушку. Ты изваляешь имя Джан в грязи и увековечишь этот последний несчастный год её жизни в каждом грязном телевизионном ток-шоу, сделаешь её имя равнозначным сексу, наркотикам и подростковым самоубийствам во всём мире, куда только добрались "Си-Эн-Эн", "Фокс Ньюс" и "Корт ТВ", во всю эту проклятую мерзость! Расовая сторона будет особенно возбуждающей. Я обещаю тебе это, Аннет, ведь ты действительно соблазнительна и будешь выглядеть так обаятельно, входя в суд и выходя из него и сидя за столом ответчика перед камерами, а миллионы извращенцев будут вожделеть тебя, и вся клоака этой страны будет плясать на останках Джан. Боже, Аннет, ты что, не понимаешь, чего добьёшься своим поступком для себя и всех нас?

Аннет посмотрела на него глазами, мокрыми от слёз.

- Да. Мне очень жаль, Эрик, но я должна это сделать. Сейчас только одно живёт в моём сердце и душе. Моя сестра была истерзана до смерти этим чёрным скотом, и он *не имеет права на жизнь*. Папа говорит, что мы должны просто научиться не замечать, когда чёрный или жёлтый мясник приходит в загон, чтобы утащить кого-нибудь из нас, бледнолицых свиней, на убой. Нет! Нет, я с этим не смирюсь! Никогда! Скот отнял у меня Джан и навечно уложил её в яму в земле, и я убью его.

- Нет, не ты, - мягко сказал Эрик. - Его убью я. Теперь послушай меня. У меня нет возможности достать пистолет, так что тебе придётся подрезать для меня один из пистолетов твоего отца. С этим порядок. Я бываю в вашем доме довольно часто, и, если дело пойдёт плохо, смогу утверждать, что пистолет украл я. Это всё, что тебе нужно сделать, Аннет, просто достать мне ствол и немного патронов. Я ещё не придумал, как всё сделать, и надо составить план. Ведь я вроде хочу уцелеть и жениться на тебе, чтобы родить маленькую девочку, которую мы назовём Джанет, но я сделаю это.

- Мы сделаем это вместе, - взяла его за руку Аннет.

Эрик решил не начинать долгий и утомительный спор, потому что хорошо понимал его бессмысленность.

- Ладно, - вздохнул он. - В самом деле, разве сложно устроить убийство черномазого? Добрармия всё время это делает.

* * *

Спланировать убийство оказалось намного сложнее, чем они думали. Аннет предложила пойти в местный видеобагаж и взять напрокат большую стопку дисков с записями телесериала "Изучение места преступления" и его многочисленных продолжений, популярных в прошлом десятилетии, для изучения методов работы судмедэкспертов, которые могли бы быть использованы против них полицией.

- Нет, не напрокат, - поправил Эрик. - Если мы возьмём их на наши карточки, то с самого начала оставим след. То же самое с загрузкой сериала на наши компьютеры. Тебе нужно пойти к банкомату, снять наличные, а потом мы поделим их, и каждый из нас сходит в разные торговые центры в Портленде и купит только по одной серии в каждом видеобагаже, чтобы никакой продавец не запомнил, как мы подошли к прилавку с целой кипой этих дисков. Потом мы изучим каждую серию и сделаем заметки, а когда закончим, то выбросим все диски в какой-нибудь мусорный бак. Нет, в разные баки. Никто не должен знать, что мы интересовались, как шлёпают людей.

Ребята так и сделали и в основном выполнили своё исследование за два выходных в комнате отдыха в подвале дома Аннет. В той самой, где умерла Жан, что Аннет посчитала укрепляющим решимость и символически верным. Эрик успокоил встревоженных родителей Аннет субботним вечером, когда Рей отвел его в сторону во время ужина и нерешительно намекнул на презервативы.

- Не в этом дело, сэр, - сказал Эрик. - А если даже и так, то я могу купить сколько угодно презервативов в школьных автоматах. - Нет, мы с Аннет просто проводим вместе как можно больше времени, пытаюсь снова прийти в себя, ну, вы понимаете, о чём я говорю. Просто смотрим телевизор и разговариваем.

- В... *этой* комнате? - нерешительно заметила Лоррейн Риджуэй.

- Да, я понимаю, и сначала это меня немного беспокоило, но я думаю, что Аннет хочет пережить и справиться с этим прямо там, - ответил ей Эрик. - Слушайте, народ, надеюсь, вы понимаете, что я не сделаю Аннет ничего плохого. С неё уже достаточно горя.

- Мы знаем это, Эрик, - благодарно проговорил Рей. - Я очень рад, что у неё есть ты, её же возраста, чтобы помочь ей пройти через всё это.

- По-моему, если вы дадите нам некоторое место и время, она успокоится и придёт в себя, - проговорил Эрик с искренней заботой. - Мы работаем, так сказать, над некоторыми проблемами гнева.

- Спасибо, Эрик, - с облегчением улыбнулась мать Аннет.

К счастью, никто из родителей не входил к ним и не узнал, что именно они смотрели и какие делали заметки. В понедельник утром диски с сериалами преступлений попали в мусорные баки по всему городу, и в тот же день Эрик и Аннет встретились в школьной библиотеке, чтобы сравнить заметки.

- Так что мы получили из всего этого кроме двадцати трех часов политкорректности и, может, часа стоящей информации? - спросила Аннет.

- Пара мыслей пришла на ум, - ответил Эрик. - Прежде всего, желательно убивать вне помещения, а не внутри, лучше всего где-нибудь в лесу. На открытом месте группе

судмедэкспертов гораздо труднее работать, и намного больше шансов, что погода, животные и тому подобное повредят улики. При убийстве в помещении всё слишком замкнуто. Почти все улики эксперты могут найти там в одном месте.

- Принято, - деловито проговорила Аннет. - Во-вторых, обязательно нужно *избавиться от пистолета*. Хороший адвокат может отбить почти всё, за исключением ДНК и привязки к орудию убийства.

- Это слабое место, - подчеркнул Эрик. - Может, нам не использовать один из пистолетов твоего отца, а попробовать достать откуда-нибудь свой? Я знаю пару нарков которые, возможно, смогут свести меня с Бабом.

- Ну, не думаю, что так до сих пор называют нелегальных торговцев оружием, - возразила Аннет. - А если когда-нибудь и называли, то это было в Нью-Йорке. И по телевизору, как ты помнишь. Но если мы и купим пистолет, то это сделает нас зависимыми от человека, у которого мы его получим, и он сможет опознать любого из нас. Мой папа не тупой и если узнает, что мы сделали, то озверевает, но полиции нас не сдаст.

- Да, всё правильно,- вздохнул Эрик. - Какой из пистолетов мы заберём? Сколько пистолетов у твоего папы?

- Четыре, - ответила Аннет. - Ещё пара дробовиков, винтовка калибра 5,6 мм и винтовка для охоты на оленей. Он купил их несколько лет назад, до того как стало нужно подписываться собственной кровью и предоставлять всю свою биографию, начиная с детства, на бланке БАТФЕ, чтобы владеть огнестрельным оружием на законных основаниях. Я не знаю, зарегистрировано или нет это оружие в полиции или правительственных агентствах. У него револьвер "Ругер" калибра 5,6 мм, "Магнум" с укороченным стволом калибра 9 мм, ковбойский револьвер калибра 11 мм и немецкий "Люгер", который, по его словам, мой прадед привёз на память со Второй мировой войны. Какой из них ты хочешь?

- Опытные убийцы-бандиты и люди Добрармии, очевидно, всё время применяют пистолеты калибра 5,6 мм и с близкого расстояния, но я - не опытный убийца. Фламмус - здоровенный ниггер, и мне нужна такая штука, что свалит его с одного выстрела, а вторым я его прикончу. Не хочется, чтобы раненый скот бросился на меня. А каким из пистолетов твой отец меньше всего пользуется? - спросил Эрик.

- Он часто берёт с собой в поездки револьвер 9-ти миллиметрового калибра. И получил специальное разрешение на него, потому что такой богач, как он, и такое важное лицо в банковском деле, может стать целью террористов. Не знаю, есть ли у нас патроны для "Люгера", ведь он старый, и вообще может не выстрелить. А 11 мм ковбойский револьвер не подойдёт? Папа говорил мне как-то, что он называется "Кольт-миротворец". Это точная копия старого револьвера с Дикого Запада, и я помню, что у нас есть к нему коробка патронов калибра 11 мм. Не знаю, как часто папа следит за ним. Некоторое время он не хватится револьвера. А когда хватится, то догадается и никогда не будет доверять мне и относиться как прежде, но не донесёт на меня. И не скажет маме.

- Тебя это устраивает? - с любопытством спросил Эрик.

- У меня нет выбора, - пожалала она плечами. - Нам нужно повременить с кражей пистолета до последней минуты, чтобы папа не обнаружил пропажу слишком рано. Но мы должны ещё проверить бой и убедиться, что он работает.

- И тогда "Иппи ки и яй"! - издал ковбойский клич Эрик. - После дела нам придётся выбросить пистоль в реку.

- Не в реку, - поправила Аннет. - Полицейские тралят реки вдоль берегов и под мостами вокруг Портленда в поисках оружия Добрармии примерно раз в неделю, вверх и

вниз по берегам Колумбии до Лонгвью и Даллеса. У них металлоискатели и всё такое. И там они будут искать в первую очередь.

- Верно, я и забыл. Хорошо, понятно. Потом я заберу пистолет домой в мастерскую моего отца в подвале. У него есть там всё, в том числе лазерный резак по металлу. Я отрежу ствол, а затем порежу его на кольца размером с прокладку в кране, так что баллистики никак не смогут сделать контрольный выстрел и сравнить с пулями, убившими Фламмуса. Потом разрежу сам револьвер на четыре-пять неузнаваемых частей и разбросаю эти части по разным мусорным бакам по всему городу. Мне понадобится почти весь вечер, но мои родичи привыкли, что я часами мастерю там разные вещицы. Так мы избавимся от револьвера.

- Принято, - сказала Аннет. - Раз ты собираешься стрелять, то надень одноразовые перчатки, рубашку с длинными рукавами, чтобы задержать любую пыль от вспышки, и нельзя было найти остатки пороха на твоих руках с помощью парафина. Перчатки и рубашку тоже нужно будет уничтожить.

- Принято, - сказал Эрик. - Таким образом, после всего этого нам, похоже, осталось заманить Фламмуса в парк или куда-нибудь в лес.

- Я беру это на себя, - повторила Аннет.

- Ты знаешь, мне до сих пор это не нравится, - нахмурился Эрик. - Ладно-ладно, не будем снова к этому возвращаться. Ты выманишь его в какие-нибудь кусты, я его подкараулю, застрелю, потом мы разбежимся в разные стороны, а я избавлюсь от револьвера, рубашки и перчаток. Но смотри, чтобы тебя не увидели с ним, потому что тогда ты будешь первой, к кому потом нагрянет полиция. Наверное, тебя всё равно допросят, из-за Джана, так что тебе тоже нужно алиби. Если кто-то увидит вас вдвоём, это будет означать, что придётся отказаться от этого плана и придумать другой.

- Согласна, - кивнула Аннет. - Я решилась на это, Эрик, но было бы гораздо приятнее, чтобы в результате я не вышла из тюрьмы с головой, белой, как снег, если вообще вышла. Как мы застанем его одного? Просто любое место не подходит, оно должно быть довольно близко, чтобы, я могла выманить его туда к тебе, и сделать всё это, не садясь с ним в машину. Каждый раз, садясь в машину, оставляешь что-то своё, что умные судмедэксперты могут найти. Для них твоё нахождение в машине жертвы или жертвы - в твоей, почти так же хорошо, как и поимка тебя со стволом.

Эрик вздохнул.

- Да. Вот проблемка. Фламмус почти никогда не бывает один, только ночью в своей комнате в общаге, да и то половину времени с кем-нибудь в компании. Знаешь, когда он приехал сюда, то потребовал себе комнату без соседа, чтобы можно было "водить сук", как он выразился? И в Эшдауне ему без звука дали комнату. По-моему, эта чёртова школа почти так же виновна в смерти Джана, как и сам Фламмус.

- Эта школа, и всё, что она олицетворяет, - сердито проворчала Аннет.

- В любом случае мы должны застать Фламмуса одного, ты подманишь его ко мне, я убью. И мы сделаем ноги, значит, наши машины должны быть недалеко. Мы не можем подойти к нему в любом месте на территории школы, потому что здесь полно чёртовых камер видеонаблюдения. Вон прямо сейчас одна смотрит на нас. И потом, мы должны кокнуть его вечером. При дневном свете валить его страшно рискованно. Любой случайный свидетель слишком хорошо нас разглядит.

- Ты должен надеть лыжную маску, как в Добрармии, особенно если мы собираемся свалить всё на них, - заметила Аннет.

- Ну да, я думаю, ты права, но...

- Что "Но"?

- Невозможно в лыжной маске легко подойти к этому чугунку и шлёпнуть его, потому что это значит, что ты рискуешь больше меня, - недовольно сказал Эрик.

- Очень мило и по-рыцарски с твоей стороны, дорогой мой, и очень глупо, - довольно засмеялась Аннет. - Брось свои мужские замашки, мачо, достань маску, надень её и потом уничтожь вместе с рубашкой, перчатками и пистолетом.

- Если разговор о Добрармии, то как мы повесим на них это дело, чтобы полицейские начали вместо нас искать "спуки"? - спросил Эрик.

- О, это просто.

Она полезла в сумочку и вытащила колоду игральных карт марки "Байсикл", ещё в целлофановой обёртке.

- Как только наденешь перчатки, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, разрежь эту колоду, аккуратно вытащи бубнового валета и положи его в карман. Потом брось бубнового валета на тело Фламмуса, и на следующий день по телевизору все будут кричать о том, что Кот снова напал. Остальную колоду сплывишь с другими вещами.

- Это Кошкин Глаз, а не Кот, и он всегда использует винтовку, - возразил Эрик.

- Ну, решат, что он просто решил сделать дело немного по-другому и разделаться с Фламмусом лично и с близкого расстояния, - пожала плечами Аннет.

- Хочешь позвонить в "Портлендские новости" и заявить об убийстве Лусиуса как деле Добрармии? Используешь тряпку, чтобы изменить свой голос, или как?

Аннет покачала головой.

- Нет, записи наших голосов к ним попасть не должны, и ещё я знаю, что есть установленная форма для таких звонков и подтверждающее кодовое слово добровольцев, которого у нас нет. Это лишнее. Все и так поймут, если мы оставим бубнового валета.

- Мы всё ещё точно не решили, когда и где собираемся это проделать, - заметил Эрик.

- Хм... , - задумалась Аннет. - Нам нужна внутренняя инфа о самом Фламмусе, о каких-нибудь его привычках. Нужно начать следить за его расписанием дня, но очень осторожно, чтобы он не заметил ни одного из нас. Это должно быть не слишком трудно, так как он всё время находится в кампусе или поблизости.

- Фламмус не признаётся, но он боится ходить в город, - добавил Эрик. - Он берёт с собой из кампуса несколько охранников в штатском, когда появляется на публике или идёт в магазин, но что от них будет толку, если Добрармия решит его шлёпнуть.

- Застать его одного, да ещё и на улице, вот в чём проблема! - воскликнула Аннет. - Чёрт возьми, не может же он всё время быть со своим окружением!

- А как насчёт охранников кампуса? - сказал Эрик. - Интересно, что у них за подшивка документов на Фламмуса? С такими неприятностями, какие он натворил здесь, этих документов должна быть уйма.

- Ты ведь спец по компах. Сможешь взломать их систему? - с жаром спросила Аннет.

- Даже хороший взлом оставляет следы. Нет, просто я знаю одного охранника, любителя игры "Воины мира", у которого затруднения с игровыми программами. Предложу ему помочь и попробую разговорить насчёт Фламмуса. А ты пока постарайся придумать, как нам устроить убийство этой обезьяны и не попасться.

На следующий день Эрик взял Аннет на обед в местный "Бургер Барн" и поделился своими новостями.

- Я провёл вчерашний вечер на квартире охранника кампуса, о котором говорил, - рассказал он. - Кстати, его зовут Марк Мур.

- Думаю, я должна его знать по кампусу, - заметила Аннет.

- Да, он - интересный парень. Бывший военный полицейский, ветеран Ирака, уволенный из полиции из-за программы борьбы с расовой дискриминацией, а также потому, что писал в блоге о мерзких делах Буша Второго, когда был в Ираке. В Эшдауне Мур ненавидит всё наше стадо, охраняемое им, всех нас, испорченных богатых отпрысков. Но здесь ему удаётся получать хотя бы частичную медицинскую помощь для больной матери, которой больше нет в частном секторе, так что он мирится со своим положением. Мур, как и многие белые, после восьми часов приходит домой и ныряет в свой мир фантазий в Интернете. Он, правда, очень приличный игрок в "Воины мира", двадцать четвёртого уровня, со своим последним персонажем, "Золтаном - Мастером поединков". Рассказал мне, что у него выбор - между "ВМ" и бутылкой. Но если он пристрастится к пьянке, то потеряет работу и страховку своей мамы, так что лучше - игра.

В общем, мы часа четыре проговорили в основном о компьютерах, я настроил его систему до наносекундного времени отклика рабочей клавиши и мышки, а потом он открыл пиво, и мы просто поболтали. Его не пришлось много подталкивать на тему Фламмуса. Все белые охранники в академии и половина её сотрудников смертельно ненавидят этого ниггера. Я узнал, что Фламмус не так уж строг к наркотикам, как прикидывается. Он любит покурить травку и обычно после тренировки тайком возвращается в спортзал затащить парочкой косяков. Причём один, так как не хочет, чтобы его тренер, наставники из НБА и в фан-клубе узнали, что он - нарк. Знаешь, этот проклятый черномазый уже завёл свой веб-сайт и фанатский журнал?

- Между прочим, за спортзалом начинается пологий склон, заросший деревьями, - заметила Аннет. - И короткая тропинка, которая идёт до столов для пикников. Столы поставили там пару лет назад как открытую обеденную площадку, но народ, похоже, уже забыл о них. Когда Фламмус выходит с тренировки, в это время года темно, и там никого не будет. Это наше место для нападения.

- А ты в этом наострилась, - усмехнулся Эрик.

- Ерунда, я до смерти боюсь, и если у тебя есть чуточка здравого смысла, тебе тоже должно быть страшно.

- А как насчёт камер слежения? - спросил Эрик.

- Я пытаюсь вспомнить, что там сзади, - проговорила Аннет, положив подбородок на кулак. - Мне кажется, там только одна камера в конце стоянки, и думаю, что Лузиус сам, наверняка, не хочет, чтобы кто-нибудь в комнате охраны заметил, как он курит дрянью. Так что он, видимо, просто прячется за углом или за мусорным баком.

- Мы разведаем это во второй половине дня, - решил Эрик. - На свежем воздухе. Все знают, что мы встречаемся, и если кто-нибудь увидит нас болтающимися там, то подумает, что мы просто пошли туда в укромный уголок целоваться-обниматься.

После школы они вдвоём долго гуляли за спортзалом Эшдауна. Ребята заметили одну камеру на столбе освещения в дальнем конце стоянки.

- Она поворачивается, - отметил Эрик. - Значит, у нас есть секунд тридцать, когда камера не видит часть стоянки. Тебе будет очень трудно болтать с Фламмусом и одновременно следить за камерой.

Аннет огляделась. Похоже, они оказались одни за зданием и могли слышать свистки, звон прыгающих мячей и всплески воды в бассейне внутри спортзала.

- Хорошо, нам надо проверить место у старого обрыва, но я не хочу, чтобы охрана видела, как мы идём туда. Давай пойдём назад ко двору.

Они так и сделали. Аннет следила за камерой, и когда она качнулась в другую сторону, скомандовала:

- *Внимание... марш!*

Они рука об руку рванули через стоянку и спустились с насыпи до того, как камера откачнулась назад.

- Всё будет выглядеть так, будто мы исчезли с камеры, и если кто-нибудь наблюдал, то подумает, что мы вернулись в городок.

Узкая дорожка, покрытая гравием, спускалась между деревьями по склону холма, вниз к маленькому ручью, текущему вдоль шоссе 212. Внизу у простого дощатого мостика стояли заброшенные столы для пикника, пахло сырым деревом и запустением.

- Это здесь, - сказала Аннет.

- Ты сможешь вытащить его сюда, в темноту, в холодный сырой вечер? - усомнился Эрик.

- Да, ты же знаешь, что я собираюсь ему предложить, - холодно ответила она. - И не спрашивай.

- Ну ... .

- Я серьёзно, Эрик, - со злостью бросила Аннет. - Не спрашивай! Никогда!

- Ну ладно, - проворчал Эрик. - Тема закрыта. Место - замечательное. В этот день я привезу тебя в школу на своей машине. Мы проболтаемся в библиотеке примерно до половины пятого, то есть до окончания занятий. Фламмусу нужно будет принять душ и отскоблить свой грязный чёрный зад, так что дадим ему ещё полчаса. Если он захочет выкурить хороший расслабляющий косяк, то сможет проскользнуть назад туда около пяти. Я понял со слов Мура, что так Фламмус и действует, и он может за это время сожрать изрядную кучу закусок в столовой. Я приду сюда первым, с пистолетом ... блин, везде эти камеры! Знаешь, как только найдут его тело, то просмотрят каждый диск и проверят передвижения всех и каждого под микроскопом!

- И ещё, посмотри здесь на землю, - заметила Аннет. - Мокрая и грязная сейчас, и будет мокрой и грязной, когда мы сделаем наше дело. Мы уже оставили следы. Видишь?

Она показала.

- Да ещё к тому времени, после пяти здесь внизу будет тьма кромешная, и никто из нас ни черта не разглядит.

- Дерьмо, - вздохнул Эрик. - Верно, здесь *совсем* не идеально, - признал он. - Так что же, чёрт возьми, нам делать?

Аннет села на один из столов для пикника, не обращая внимания на то, что вода впитывается в её шерстяную юбку.

- Слушай, может, мы слишком всё усложнили, - предположила она. - Это не роман Агаты Кристи, и мы не придумываем сложный сюжет для разгадывания мисс Марпл. Дело больше похоже на убийства мафии, и я как-то видела по телевизору, что одна из причин, что их так редко раскрывают, - крайняя простота. Какого-нибудь бандюка заманивают в плохую машину или бар, пиф-паф, он убит, никакого оружия нет, и никто ничего не видел, а на этом всё зависает. Я знаю, что говорят об осмотре места преступления, о желательности выманить мишень на улицу, в лес, но ведь и стоянка тоже на улице. Давай вернёмся и ещё раз взглянем на стоянку и ту камеру слежения. Представь, что мы просто подстережём его на улице, завалим и затеряемся обратно в кампусе?

- А что насчёт камер? Как с нашим маленьким электронным "следом из хлебных крошек"? - спросил Эрик.

- Ну, может нам надеть какие-то куртки и спрятать лица, а после выбросить? Аннет нахмурилась и сдвинула брови. - Боже, как сложно! И как это парни Добрармии постоянно умудряются это делать?

- Я прихожу к выводу, что они в основном уничтожают свои цели на улице, - проговорил Эрик. - Я слышал о нескольких случаях, когда они приходили к своим жертвам домой, но их немного. И ещё бомбы. Знаешь, я изучаю технику и мог бы сделать нам бомбу, если нужно. На складе химической лаборатории достаточно составных частей. Можно изготовить самодельную бомбу с суперпорохом, используя нитрат натрия вместо хлората калия, что утроит его кинетическую энергию. А бомба действительно сделает всё похожим на дело рук Добрармии.

- Ну, это мысль, но я предпочла бы не рисковать навредить кому-нибудь ещё, кроме сукина сына, убившего мою сестру, - задумалась Аннет. - Слушай, я всё время думаю, что благоприятная возможность для нас - всё же привычка Фламмуса выходить в одиночку с чёрного хода спортзала покурить марихуаны после тренировки. Похоже, это единственный момент, когда мы можем быть уверены, что там его не будут окружать люди. Думаю, что лучше нам проверить это именно там и тогда, когда будет какое-то освещение со стороны стоянки и здания. Не забудь, что как раз в это время начинает темнеть. Но эти проклятые камеры, особенно та, в углу стоянки!

- Давай-ка вернёмся туда, - предложил Эрик. - Я хочу кое-что проверить.

Они поднялись пешком вверх по дорожке, выглянули из-за травы и подождали, пока камера в дальнем углу стоянки не отвернётся. Потом пробежали по краю до асфальта стоянки и завернули за угол спортзала, как раз когда камера повернула обратно. Прошли по кампусу, взявшись за руки, и по широкой дуге сделали круг, войдя в другую "ножку" Г-образной стоянки у зала с правой стороны здания.

- Ага! Я вспомнил, о чём подумал! - воскликнул Эрик. - Проводку здесь делали подешевле, правда, задолго до того, как дела на Северо-Западе приняли опасный оборот, так что, видимо, ещё не считалось необходимым заморачиваться безопасностью. Есть только одна камера. Она поворачивается и охватывает оба крыла стоянки. Давай посмотрим, не сможем ли мы попасть туда, пока она отвернулась... *Бегом!*

Они пробежали вдоль ряда стоящих автомобилей и очутились под фонарным столбом, на котором была установлена камера на высоте около четырёх метров над землёй, прежде чем камера снова повернулась налево.

- Готово! - тихо произнёс Эрик. - Теперь у нас есть план нападения.

- Это как? - озадаченно спросила Аннет.

Он показал на небольшой кабелепровод в сантиметр толщиной, идущий вниз от камеры к стальной коробке переключателей, установленной на уровне плеч.

- Эту систему также установили ещё до начала выпуска беспроводных устройств, - объяснил Эрик. - Аннет, взгляни вверх. Вон камера, мы её видим, а она нас нет, потому что мы прямо под ней. Здесь слепое пятно!

- В первой половине дня, в который мы решим сделать дело, мы придём в школу рано, - объяснил Эрик. - Приедем на моей "вольво", так что не будет ничего, действительно указывающего на тебя, и я настаиваю на этом маленьком рыцарстве, Энни. Ждём, пока камера отвернётся в сторону, а потом проезжаем и останавливаемся в этом месте прямо здесь. Мы должны быть уверены, что камера направлена в сторону, чтобы в записи с неё не оказалось того, кто остановился в тот день на этом месте. Выходим, оставляем в машине

пистолет, две маски, мои перчатки и старую рубашку с длинными рукавами. Я привезу специальную рубашку для убийства, чтобы, если придётся, смог предъявить одежду, которую все видели на мне в день убийства.

Потом обманываем камеру и проникаем в кампус, не оставляя записей, по крайней мере, не на этой стоянке, а потом возвращаемся к нашему обычному школьному дню и встречаемся позже в библиотеке, как я говорил. Примерно без четверти пять уходим вместе. Выйдя на улицу, идём до спортзала, сворачиваем за угол, и, обманув камеру, пробираемся назад к машине. Опять же, мы должны постараться, чтобы нас не записали в этом месте. К этому времени стоянка должна прилично опустеть.

Утром я поставлю машину подальше в парк, чтобы мы могли чётко видеть заднюю дверь спортзала. Когда мы сядем в машину, я сниму пиджак и рубашку, и надену рубашку с длинными рукавами, на выброс, и перчатки. Потом сидим и ждём. Я принесу из дома бинокль. Когда мы увидим, что Фламмус вышел через заднюю дверь, придётся действовать быстро. Перво-наперво убедимся, что на стоянке нет никаких возможных свидетелей. На стоянке не должно быть никого. К тому времени большая часть живущих здесь ребят будет "заправляться" в столовой.

- Если всё окажется чисто, переходим к шагу "Б", - продолжил Эрик профессорским тоном. - Я выхожу и перерезаю этот электрический провод кусачками с изолированными ручками, чтобы не поджариться. Шпионская камера отключится. Это будет точкой невозврата. Мы должны предполагать, что охрана сразу же заметит отказ камеры и пошлёт кого-нибудь узнать, что случилось, и у нас будет порядка пяти минут, а, может, чуть меньше, пока охранник дойдёт до этого угла. Этого времени должно хватить. Я вернусь в машину. Я уже говорил, что ты будешь за рулём?

- Вы сама доброта, мой господин, - жеманно протянула Аннет. - Я уже задавала себе вопрос, а где моё место в твоём плане.

- Мне нужна свобода действий, особенно для руки с пистолетом, как говорили в старину ковбои на пастбище. Как только камера выключится, я вернусь к машине и натяну свою маску. Тебе тоже нужно взять какую-нибудь маску. Да, я знаю, если кто-то увидит нас, то может запомнить номер автомобиля, поэтому маски могут показаться бессмысленными, но нужно воспользоваться любым возможным преимуществом. Ты заводишь машину, и мы едем к Фламмусу, не слишком быстро, чтобы его не спугнуть. Останавливаешься рядом с местом, где он стоит, попыхивая дрянью и довольный собой, скорее всего, на тротуаре, или, может, в дверном проёме, если идёт дождь.

Если я смогу сделать хороший точный выстрел с пассажирского сиденья, то выстрелю ему в грудь, а потом выйду из машины и сделаю один контрольный в голову, в упор. Если нам предстоит провести остаток в тюрьме или умереть на каталке от смертельного укола в руку, я должен быть совершенно уверен, что чёрный ублюдок сдох. Потом оставляю на трупе бубнового вала. Возвращаюсь в машину, а ты объезжаешь спортзал через тот выход, - и он показал через левое плечо.

- Затем выезжаешь на подъездную дорогу, и по 212-й - домой. Ты первая выходишь в Уэст Линн, а после ужина я попрошу у папы ключи от пилы поделать железные скобы и снасти для нашей новой палубы и порежу револьвер. Порву все другие вещи в клочки и сожгу их в нашей печи для опилок и тому подобных отходов. На следующее утро во время поездки в школу посещаю живописные мусорные баки Портленда.

- Конечно, достаточно одного свидетеля, запомнившего нашу машину, и мы пропали, - заметила Аннет.

- Если мы заметим кого-нибудь у того места, то прекращаем, - успокоил её Эрик. - Но, знаешь, будет темно, и даже если кто-то случайно увидит нас, то, видимо, издалека. Если окажется, что никаких других улик на нас не будет, мы можем блефовать, говоря, что при нашем отъезде мельком видели какого-то парня на машине под уличным фонарём. Хотя я согласен, что это рискованно. Особенно из-за одной из наших машин. Ты что, хочешь отказаться и попробовать придумать что-нибудь ещё?

- Нет, я хочу покончить с этим, - покачала головой Аннет. - Не знаю, надолго ли у меня хватит выдержки, прежде чем голова пойдёт кругом. У меня хорошее предчувствие, что надо кончать его в том месте, и это, скорее всего, единственное возможное место, которое нам удастся найти. В наше время и в нынешней обстановке без риска не добиться справедливости. Давай, за дело.

- Хорошо. Теперь, если полицейские не купятся на Добрармию, они придут к тебе, потому что у тебя был повод шлёпнуть Фламмуса. Говори им, что мы уехали прямо домой, и не отступай от своих слов. Скажешь очень неопределённо, где я парковался, но только если тебя об этом спросят. Ничего сама не придумывай. Если дело начнёт выглядеть опасным, будь очень строгой и вежливой, замолчи, и попроси самого лучшего адвоката, какого твой отец только сможет нанять. Вы достаточно богаты, поэтому тебя не смогут привлечь по Патриотическому закону. Им придётся на самом деле что-то доказывать, и с уликами.

- Поняла. Когда следующая баскетбольная тренировка?

- Сегодня. Но сегодня слишком рано. У нас ещё нет пистолета. Следующая тренировка в четверг, послезавтра.

- Я достану пистолет и патроны сегодня вечером, и передам тебе завтра, когда ты меня подберёшь, - пообещала Аннет. - Нам нужно найти какое-нибудь место для пробного выстрела. Будем надеяться, что папа не заметит пропажи до того момента, как револьвер сослужит свою службу. А что, если Фламмус не выйдет покурить свою дрянь в четверг вечером?

- Тогда мы будем ждать его каждую вечернюю тренировку, пока он не выйдет, - успокоил её Эрик. - Это тебе подходит? Есть вопросы?

- Если и есть, я задам их, когда мы пройдем всё в сотый раз, то есть столько раз, сколько мы будем всё продумывать. Но, правда, всё, кажется, подходит. Джан будет после этого легче? - вслух подумала Аннет.

- А тебе?

- Конечно, - кивнула она.

- Знаешь, у этого плана есть ещё одно преимущество, - рассудительно проговорил Эрик. - Тебе не придётся унижаться перед убийцей твоей сестры ни телом, ни душой.

- Я догадываюсь. И ещё я надену маску, как настоящая террористка. Эрик, спасибо тебе.

Аннет поцеловала его, а её поцелуи были так редки, что вспоминать каждый из них было сплошным удовольствием.

* * *

Они действительно всё ещё сто раз взвесили, обговорили и вечером в четверг, в сгущающейся тьме всё сработало отлично. Тёмные боги убийств были во всём к ним благосклонны. Аннет была поражена собственным спокойствием, тем, что чувствовала себя как обычно, когда натянула бейсболку на голову, а шарф на лицо, и плавно притормозила "вольво" рядом с огромным негром. Она слышала, как в последний раз в своей жизни

Фламмус завопил "Козёл!", когда "Миротворец" в руках Эрика расколол воздух как гром с молнией, забрызгав стену позади негра кровью. Потом ударила вторая молния, когда Эрик вышел из машины, наклонился и выстрелил в дёргающийся, мычащий чёрный полутруп на земле, и мерзкий ниггер подох подобающей ему смертью.

Эрик бросил игральную карту на землю рядом с трупом, вернулся в машину, и они уехали. Поездка домой прошла в полном молчании. На дороге у дома Аннет они слились в страстном поцелуе, и, перед тем, как выйти из машины, она прошептала: "В эти выходные мы найдём время и место, и на этот раз не сзади в машине и не в оркестровой комнате". И ребята так и поступили.

К Аннет из полиции даже не пришли. Закон без вопросов "купился" на след Добрармии. А средства массовой информации - безусловно. "Говорящие головы" на телевидении и заголовки в газетах в ужасе верещали: "РАСИСТСКИЙ ТЕРРОР УНЁС ЖИЗНЬ НАДЕЖДЫ НБА", "КОШКИН ГЛАЗ ОСТАВИЛ ВИЗИТНУЮ КАРТОЧКУ НА ТРУПЕ АФРО-АМЕРИКАНСКОГО СПОРТСМЕНА" и "ОРЕГОН СКОРБИТ ПО ЗВЕЗДЕ БАСКЕТБОЛА ИЗ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ". Декан Хопкинсон ошеломлённо и бессвязно лопотал перед журналистами: "Мы понятия не имеем, как этот расист-убийца проник в наш кампус и ушёл обратно. Это сущий призрак!"

Если Рей Риджуэй и заметил, что одного из его пистолетов не хватает, то ничего не сказал. Он вообще, по сути, не заикнулся о смерти Фламмуса, что было красноречивым упущением. Аннет посчитала, что отец, видимо, что-то подозревает, так как знала, что её отец далеко не дурак, но он просто решил, что сейчас не время и не место касаться этого дела, за что она была ему очень благодарна.

Аннет пришлось снова надеть траурное платье, и она была в восторге от восхитительной иронии возникшей ситуации. Через три дня после убийства Фламмуса занятия в Эшдаунской академии были отменены, и все ученики и преподаватели поехали в Северный Портленд на автобусах или на своих машинах на похороны Фламмуса в Первой африканской методистской церкви, большое здание которой, к счастью, располагало большой стоянкой через улицу, чтобы разместить целый парк машин, автобусов и лимузинов.

Эрик, одетый в строгий костюм с чёрной повязкой, сопровождал Аннет, и они сидели с мрачными лицами, слушая хвалебные речи, и вежливо стояли во время исполнения псалмов чернокожими певцами в длинных одеждах, хотя хор был меньше, чем обычно. Многие из афро-американских жителей Портленда, наконец, начали соображать и отбывать за пределы Тихоокеанского Северо-Запада в места с более здоровым климатом. Одну из самых трогательных хвалебных речей об умершем от Эшдауна произнёс Уэйд Шумейкер, преподаватель английского языка Аннет и Эрика. Этот представительный мужчина средних лет буквально разрыдался на трибуне, так он страдал от потери блестящего молодого украшения афро-американского сообщества Портленда в великолепной мозаике Америки.

В похоронах приняли участие многочисленные политики штата и городов, а также представители СМИ в кольце охраны из сотен вооружённых до зубов полицейских, солдат Национальной гвардии и спецназа ФБР, так как Добрармия была известна нападениями на похороны, которые обещали превратиться в политические представления. Эрик и Аннет терпеливо ждали, пока толпа поредеет, чтобы перейти улицу, где рядом с длинной вереницей чёрных лимузинов стоял белый "лексус".

- Ты, правда, смогла не расхохотаться! - вполголоса сказал Эрик. - Я впечатлён. Это было сверх человеческих возможностей!

- Теперь мне всё равно, даже если меня арестуют, - ответила Аннет. - И если заберут только меня, а не тебя, теперь мне, честное слово, неважно, если я умру, Эрик. Я восстановила справедливость для Джан, и как бы долго я ни жила без неё, это будет моим утешением.

- Сицилийцы говорят, что месть - единственное блюдо, которое вкуснее всего, если его подают холодным, - заметил Эрик. - Ну, возможно и так, но могу сказать, что вкус мести также чертовски хорош при подаче её горячей! Давай ключи, я поведу.

Они остановились за "лексусом", но когда Эрик взял ключи у Аннет, то почувствовал лёгкий хлопок по плечу. Он обернулся и оказался лицом к лицу с худошавым человеком в очках, в униформе и фуражке шофёра, по-видимому, из VIP-лимузина рядом с ними.

- Эрик, привет, - произнёс мужчина с вежливой улыбкой. - Привет, Аннет.

- А мы знакомы? - с подозрением спросил Эрик.

- Конечно, знакомы, - легко ответил шофёр. - Хэнк Джарретт. Раньше у меня была автозаправка "Наладка и смазка у Джарретта" в Вудберне, но теперь у меня новая работа. Представляете, пришлось отказаться от моего дела после того, как двое умников-школьников пристали ко мне с глупыми вопросами.

Эрик сглотнул и пробормотал:

- Ну, хорошо.

Он и Аннет отшагнули назад, и Аннет чуть не отдала ноги кому-то за спиной. Она быстро обернулась и увидела красивого и стройного молодого человека с каштановыми волосами, с дьявольским огоньком в голубых глазах и лёгкой, мрачноватой усмешкой. Он был в таком же строгом костюме, как и Эрик, и с такой же чёрной траурной повязкой на рукаве.

- Здравствуйте, мистер Селлерз, - сказал молодой человек. - Здравствуйте, мисс Риджуэй. Меня зовут Джесси Локхарт. Мне сказали, что вы двое без спроса использовали моё имя.

- Ох, *дерьмо!* - побледнев, ахнула Аннет.

- Точно, дерьмо, - дружелюбно подтвердил Локхарт.

Джарретт позади ребят открыл дверь лимузина.

- Пожалуйста, на пару слов, - сказал Кошкин Глаз, указывая на открывшийся чёрный салон лимузина. - Садитесь в машину.

Глава XII

"Вы с нами или нет?"

*Да, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли.
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем...*

Гамлет – Акт I, Сцена 5

Аннет и Эрика посмотрели друг на друга. Ребята понимали, что не могут рискнуть позвать на помощь ближайших полицейских. Даже если добровольцы не расстреляли их обоих на месте, им вряд ли стоило привлекать к себе внимание из-за их роли в смерти чернокожего, в чьих похоронах они только что участвовали. Эрик взял Аннет за руку и сжал её, и они сели в лимузин.

Локхарт последовал за ними, и они оказались в просторном заднем отделении напротив ещё двух мужчин. Один в строгом костюме, с синей лыжной маской на голове. Вторым был крупный мужчина с каштановым хвостиком и бородой, одетый в джинсы и куртку, под которой виднелся большой "Магnum" калибра 9 мм в кобуре. Локхарт сел рядом с ними, а Джарретт, одетый в шофёрскую форму - на переднее сиденье за руль, а затем опустил разделительную перегородку, чтобы слышать разговор.

Эрик прервал молчание.

- Я понимаю, что глупо говорить людям, которые, видимо, собираются убить нас, но, господа, вы сознаёте, что окружены сотнями вооружённых до зубов полицейских и разных правительственных агентов со стволами? У вас или колокольчики между ног как грейпфруты, или же вы просто чокнутые. Мне интересно, что из двух?

- *Смелость, смелость, всегда смелость*, - по-французски произнёс человек в маске. Его голос был дразняще знакомым. - Дантон. Французская революция. Удача любит смелых и прочая чепуха.

- О'кей, и что теперь будет? - спросила Аннет.

Её голос был спокойным, но рука страшно сжимала руку Эрика.

- Г-н Локхарт, наши извинения за пользование вашим знаком "Валет бубен" не помогут? Я понимаю, вы злитесь на нас, но мы не знали, что он, так сказать, защищён авторским правом.

- Да нет, я на вас ни черта не в обиде, - с готовностью рассмеялся Кошкин Глаз. - Я страшно рад, ребята, что вы не провалили "щекотку". На самом деле, вы укрепили мою репутацию и смогли сбить врага с толку. Обычно я не пользуюсь пистолетом, но теперь у них будет над чем поломать головы, и замечания вашего декана обо мне как таинственном призраке-невидимке тоже плюс. Это дополняет мою легенду и всё такое. Мои товарищи здесь захотели поговорить с вами, а я напросился из любопытства, посмотреть на ребят, у которых хватило духа, проделать то, что вы сделали, и потом повесить это на меня. Кстати, вы, ребята, выполнили работу чертовски хорошо. Поздравляю.

- И все мы тоже, - сказал большой бородач. - Я - товарищ Ударник.

- Представляю себе, - проговорила Аннет, разглядывая его. Она посмотрела на мужчину в маске. - Мы не знакомы?

- Пока нет, - ответил Джимми Уинго. - Может, в будущем, а, может, и нет. Это зависит от вас. Думаю, вы догадываетесь, почему мы здесь. Армия постоянно ищет новые таланты.

- А как вы узнали о нас? - спросил Эрик.

- Очень помогло, что тогда вы оба назвали мне свои имена, - ответил Джарретт с переднего сиденья. - Ну и то, что вы были одеты в школьную форму Эшдаунской академии. Мы на вас положили глаз ещё до того, как вы завалили этого чугунка.

- Это обнадёживает, - промолвила Аннет. Её голос был спокойным, но Эрик по-прежнему чувствовал, что её рука дрожит.

- Мы хотели посмотреть, как вы сами справитесь, и вы всё сделали правильно, - сказал Уинго. - Вообще-то Фламмус уже стоял в нашем списке текущих дел. Мы просто не успели с ним разделаться. Кот пару раз объезжал район школы, оценивая обстановку и намечая огневые позиции и пути отхода.

- Я рекомендовал убрать ниггера в другом месте, перед игрой или после, когда он в дороге, - пояснил Локхарт. - В закрытой зоне, вроде вашего кампуса, это сложно, если нужно делать ноги сразу после выстрела. Не так много выходов или возможных точек для транспорта, чтобы тебя подобрали на бегу. Вы это знаете. Просто интересно спросить, как вы это провернули? Как товарищу - два других товарища-революционера.

- Похвала мастера, - выговорил Эрик с дрожащим смешком. - Ну, понимаете, этот ниггер Фламмус был настоящим мерзавцем. Он ... сделал кое-что одному человеку, который для нас с Аннет много значил... .

- Мы знаем о вашей сестре, мэм, - серьёзно сказал Уинго. - Тем не менее, пожалуйста, примите соболезнования от меня и от Добрармии. Мы все потеряли сестру, когда умерла Джан, хотя я предполагаю, что вы не понимаете этого полностью.

- Я действительно понимаю, - спокойно произнесла Аннет. - Спасибо, ээ, Ударник.

- Поэтому вы решили убить Фламмуса, - подсказал Уинго.

С переднего сиденья подал голос Джарретт.

- Стоянка опустела, - сказал он. - Нам лучше трогаться, или могут заинтересоваться, почему мы всё ещё торчим здесь.

- Хорошо, Дживз, поехали, - решил Уинго. - Мы доведём вас обратно на своей машине, когда закончим, - пояснил он молодым пассажирам, и ребята вдруг поняли, что он в самом деле привезёт их назад, и им ничто не угрожает. Оба заметно перевели дух.

Джарретт завёл лимузин и выехал со стоянки. Аннет повернулась к водителю.

- Мистер Джарретт, нам с Эриком очень жаль, что из-за нас вы потеряли свою заправку. Теперь я понимаю, что это был глупый и легкомысленный поступок, но нам было страшно нужно найти Добрармию, и ваше место было единственным, о котором я подумала.

- Не беспокойся об этом, мисс, - улыбнулся в ответ Джарретт. - Пришло время. Я сам поражаюсь, как это фибы не взялись за меня раньше. Вы, ребята, были сигналом тревоги. Раз ты запомнила газеты Партии в моём зале ожидания, я уверен, что и другие могли, и, может, этот другой запомнивший позвонил бы в ФБР и получил взамен доллары. Если я захочу, то смогу получить бизнес обратно, когда мы вышибем этих ублюдков из нашей страны.

- Ты начал рассказывать про убийство Фламмуса, - напомнил Уинго.

Пока они ехали по зимним улицам Портленда, Эрик быстро и точно изложил весь план убийства с начала до конца. Уинго с Локхартом переглянулись, явно находясь под впечатлением рассказа.

- Использование одной из своих машин было ошибкой, но удача была на вашей стороне, как она часто улыбается нам в эти дни. В остальном это действительно была хорошая работа, - одобрил Уинго. - Хорошо задумано и исполнено. У вас обоих способности к таким делам, и духа хватило. Не все могут сохранить выдержку, установить бомбу и нажать детонатор или спусковой крючок, а потом не терзаться. Даже у некоторых наших товарищей нет таких стальных нервов, и им нельзя поручать мокрые дела. О'кей, я уверен, что вы знаете, каким будет следующий вопрос. Чем вы двое хотите заняться в будущем, если вообще захотите? Мы понимаем, что это были личные счёты, и вы, возможно, всегда думали об этом, как однократном, или, точнее, двукратном событии.

Аннет улыбнулась.

- Если вы просто захотите оставить всё как есть и жить своей жизнью, то это полностью ваш выбор. Мы отвезём вас к вашей машине, и вы никогда не увидите нас снова. Если вы захотите создать свою собственную группу и продолжить борьбу по-своему, не имея никаких формальных связей с нашей армией, это другая возможность. Мы даже дадим вам один контакт на крайний случай, если вам когда-нибудь понадобится помощь. Некоторые так и поступают. Каковы бы у них ни были причины, они не хотят официально входить в Добрармию или подчиняться армейской дисциплине, но ведут собственную борьбу с режимом малыми группами или поодиночке. Это также приемлемо. Действительно иногда это хорошо на нынешнем этапе войны, хотя в какой-то момент в будущем, когда события развернутся действительно широко, мы собираемся соединить все эти точки. Или вы можете присоединиться к Добрармии и продолжать то, что начали. Задумывались ли вы об этом?

- Я думала об этом, с того момента, когда гроб моей сестры опустили в землю, - с горечью проговорила Аннет.

- Мы оба думали, - серьёзно сказал Эрик. - Мы молоды, но даже нам понятно, что дела в США не могут так продолжаться. Я смеюсь, когда о нас, детях в Эшдауне, говорят как о привилегированных. Смерть Джан показала нам, что все наши так называемые привилегии не защищают нас от этой грязи, безумия и от всего этого проклятого бардака. Мы живём в сортире и, в любом случае, в конце концов исчезнем в канализации. Не знаю, как это ещё можно назвать.

- Не волнуйся, - усмехнулся Уинго. - Умы, побольше наших, провели всю жизнь, пытаясь описать мир, в котором мы живём. Наша работа - изменить его. И ещё одно обстоятельство. Боюсь, по соображениям безопасности, которые, как я уверен, вам понятны, мы должны получить ваш ответ сразу. Вы говорите, что уже думали об этом, так что наверно заглянули в свои сердца и знаете ответ. Вы с нами или нет?

- Я с вами, если Эрик тоже, - глядя на него, ответила Аннет. - Я готова делать всё, что нужно, но рядом с ним. Не может один из нас пойти к вам, а другой - нет.

- То же самое, - твёрдо проговорил Эрик. - Я вступлю вместе с Аннет, так что, по моему, это значит, что мы оба с вами.

- Вы признаёте, что если станете добровольцами, то всё-таки можете расстаться? - мягко спросил Уинго. - Я имею в виду недобровольную разлуку - смерть или тюрьму или просто хаос и безумие войны?

- Я понимаю, - кивнул Эрик. - Но если мы не вступим в вашу армию и не попытаемся сделать что-то с миром, в котором живём, остальную часть нашей жизни нам придётся жить с оглядкой из-за того, что мы сделали с Фламмусом. Вы знаете, что ещё десять лет назад эти фэбээровские ублюдки вытаскивали восьмидесятилетних стариков из домов и бросали в тюремные камеры, полные ниггеров и насильников, за то, что те состояли в ку-клукс-клане в 1950-е и 1960-е годы? Евреи ничего не забывают и никогда не прощают.

- Вы знакомы с еврейским вопросом? - с некоторым удивлением спросил Хэнк Джарретт с водительского места.

- Все мы, так называемые привилегированные, хорошо знаем евреев, - ответила ему Аннет. - На деле мы знаем их лучше, чем кто-нибудь другой, потому что сталкиваемся с ними лично и близко намного чаще обычных людей. Это одна из наших замечательных привилегий. Эйви Коэн - хороший пример, этот мерзкий похотливый пёс из моего класса и театральной студии. Он пристаёт ко мне с десятого класса, говоря, что не может ничего с собой поделаться, а евреи просто обязаны иметь блондинок. Мелкий таракан. Не знаю, можем ли мы сделать его нашей следующей мишенью? - с надеждой спросила Аннет.

Человек в маске снова заговорил.

- А вот это будет вашим первым уроком армейской дисциплины, - сказал он твёрдым и приятным голосом. - Вы не сможете сами выбирать для себя цели или вести себя как ковбой, с Кольтом-Миротворцем или без него.

Он поднял руку и стащил маску, открыв знакомое лицо.

- *Мистер Шумейкер!* - одновременно воскликнули Эрик и Аннет.

- Собственной персоной, - слегка поклонился их учитель. - Прямо после моего трогательного и искреннего прощального слова в честь прекрасного юного афроамериканского спортсмена, сражённого в расцвете сил злобными, безнравственными расистами. Боже, каким тошнотворным куском дерьма был этот Фламмус! Я привык к тому, что вынужден по приказу администрации ставить зачёты мускулистым цветным гонялам с мячом, но Хопкинсон сказал мне, что Фламмусу надо ставить пятерки, хотя он с трудом мог написать свое имя, и втянул меня в натягивание ему оценок по отборочному экзамену. Не думаю, что я когда-либо встречал негритоса, который вызывал у меня большее отвращение, чем этот. Благодаря вам, прекрасным молодым ребятам, мир без него стал белее и светлее. Присоединяю мои поздравления к поздравлениям моих товарищей.

- И что теперь? - спросила Аннет.

- Мы отвезём вас обратно к машине, и вы поедете домой, - ответил Шумейкер. - В понедельник утром вы будете удивлены, узнав о произошедших изменениях в руководстве вашего факультета и смене консультанта по карьере, и нам будет необходимо провести несколько серьёзных совещательных встреч в моём кабинете. Если я останусь доволен вашим моральным состоянием и отношением, вы получите несколько документов для чтения и начнёте курс обучения тому, что вам нужно знать для борьбы за существование нашего народа и будущее белых детей. Узнаёте это выражение?

- Пожалуй, нет, - покачал головой Эрик.

- Это "Четырнадцать слов" Дэвида Лейна, - серьёзно произнёс Шумейкер. - Отныне, в будущей своей жизни, какой бы длинной или короткой она ни оказалась, вы должны будете жить, следуя этим словам. А, возможно, и умереть за них.

* * *

Шумейкер, очевидно, остался доволен тем, что увидел и услышал от ребят на следующих встречах, потому что через две недели, холодным вечером, Аннет и Эрик сидели на диване в квартире над магазином органической здоровой пищи в фешенебельном районе Перл в центре Портленда. Они потягивали дымящийся травяной чай из больших кружек, когда дверь открылась, и в квартиру из соседнего зала вошли трое мужчин. Двое молодых людей поднялись, не зная, нужно ли встать по стойке "смирно" или сделать ещё что-нибудь.

- Добрый вечер, товарищи, - неподдельно доброжелательным тоном приветствовал их крупный мужчина, шедший впереди.

Это был Гэри Бреслер, адъютант батальона, высокий и крепкий мужчина с редующими седыми волосами и большими руками. Аннет и Эрик отметили пистолет в наплечной кобуре под его лёгкой спортивной курткой и отсутствие галстука. Он жестом вернул ребят обратно на диван.

- Для вас я - Уолтер. Попозже я представлю двух других товарищей. Вы пришли вовремя. Это хорошо. Один из моментов, на которые сегодня я буду обращать ваше особое внимание, - это обязательное соблюдение пунктуальности. Когда вам сказано быть в каком-нибудь месте точно в три часа семнадцать минут, вы сверяете часы и прибываете туда ровно в 3:17. Не в 3:15. Не в 3:19. Две минуты позднее, а иногда и две минуты раньше, очень часто могут означать разницу между успешно выполненной боевой задачей и пытками, вашей смертью или пожизненным заключением в месте, самом похожем на ад на земле, какой только смог выдумать человек. На этой весёлой ноте мы и начнём.

Бреслер и лейтенант Уэйн Хилл, офицер разведки из Третьего отдела, сели. Третий мужчина, Билли Джексон, подошёл и присел у окна, посматривая то на остальную часть группы, то на улицу за окном. Он снял с себя лёгкую куртку и твидовую кепку для гольфа, и на его бордовой рубашке с короткими рукавами также оказалась наплечная кобура автоматического пистолета. Аннет и Эрик тут же узнали его, но ничего не сказали. Они оба подумали, что и им выдадут пистолеты и наплечные кобуры для ношения.

Бреслер начал беседу.

- Итак, теперь вы оба входите в роту "А" второго батальона Первой портлендской бригады Добровольческой армии Северо-Запада. Вы подчиняетесь воинской дисциплине, как и в любой другой армии мира, и это означает, что исполняете то, что вам приказали, тогда и так, как было приказано. В этом здании находятся четверо других военнослужащих нашего батальона, кроме вас, включая меня: эти два товарища и ещё один, часовой снаружи, которого вы не увидите. Наверное, это самое большое число наших людей, которых вы сможете когда-нибудь снова встретить собравшимися под одной крышей, в течение долгого времени в будущем. Пройдёт несколько лет, прежде чем любой из вас сможет просто поклясться, исходя из личного опыта, что нас вообще существует больше десятка, кроме мёртвых тел, ежедневно видимых вами в новостях в доказательство присутствия Добрармии по всему Северо-Западу. Некоторых наших, но в основном чужих.

Вы очень редко, если вообще когда-нибудь, сможете узнать наши настоящие имена. Например, я - командир Второго батальона, но вам не нужно знать мою фамилию и имя, поэтому вы будете обращаться ко мне сегодня, как к Уолтеру, а затем по мере необходимости по разным кодовым именам.

Бреслер показал на Хилла.

- Этого господина, похожего на учёного, вы можете называть Оскар. Я уполномочен сообщить вам, что он - сотрудник Третьего отдела Добрармии, и что, возможно, вы наложили бы в штаны, если бы точно понимали, что это значит. Оскар в настоящее время прикомандирован к командованию Портленда, и он здесь, чтобы доложить вам о некоторых задачах, связанных с вашей школой, которые мы хотим вам поручить. Вполне возможно, что вы никогда больше не встретитесь ни с Оскаром, ни со мной.

Лейтенант Билли Джексон, присутствующий здесь, - очевидное исключение из правила псевдонимов. Лейтенанта показывают по всем телепрограммам после потрясающего дебюта в программе "Самые разыскиваемые преступники Америки". Его снимки - на всех плакатах с обещанием денежного вознаграждения за поимку, поэтому было бы глупо давать

ему кличку на нашей встрече. Лейтенант Джексон - командир роты, и он будет вашим непосредственным начальником. Мы втроём собираемся познакомить вас, как новых товарищей, с тем, что вам нужно знать о работе Добрармии, как организации, и её командных боевых действиях. Это будет ваш ускоренный курс выживания в подпольном революционном движении, так что будьте внимательны. Всё это будет сказано только один раз, и если вы ошибётесь, тогда не только вы сами, но, возможно, и некоторые ваши друзья и товарищи заплатят за ошибку кровью и страданиями. Сначала несколько вопросов. Я полагаю, что у вас двоих личные отношения, и это известно всему вашему кампусу?

- Ээ, да, ээ, Уолтер, сэр, - подтвердил Эрик.

Бреслер кивнул.

- Хорошо, это даёт вам вескую причину для совместного времяпровождения. Уэйд Шумейкер на самом деле не входит в состав роты "А", но потому, что вы уже знакомы с ним, мы сохраним этот контакт для передачи и получения инструкций. Теперь он - ваш общий факультетский консультант, насколько я знаю?

- Да, - подтвердила Аннет. - И он факультетский консультант шахматного клуба, в котором состоит Эрик.

- Ну, хорошо, у него есть повод видеться с вами в школе, но вне класса я не хочу, чтобы вы дружили с Уэйдом, или чтобы вас видели с ним помимо школы. Предполагается, что в идеале роты действуют полностью обособленно, но иногда на практике, как в данном случае, это не так.

- В какой роте состоит "Шу"?- спросил Эрик.

- Тебе это не нужно знать, поэтому я не скажу, - сказал Бреслер. - Первейшим правилом подпольной деятельности является её ведение на основе строгого, действительно строгого доступа к информации только тех, кому она необходима. Следовательно, вы никогда не должны проявлять никакого любопытства или задавать вопросы о любых других товарищах, с которыми вы имеете дело, о конкретных событиях и людях, которые не имеют никакого отношения к вашей собственной непосредственной работе. Я понимаю, что любопытство - естественное человеческое желание, но вы должны научиться сдерживать его. Оно опасно не только для других, но и для вас, потому, что когда доброволец начинает задавать слишком много вопросов, такие люди, как Оскар, начинают задумываться о нём самом. Не стоит, чтобы Оскар думал о вас. Поверьте мне на слово, не стоит.

Аннет тихо вздохнула.

- Мы поняли, сэр.

- Не подумайте, что мы - параноики, - сказал Бреслер. - Паранойя - это необоснованный и неразумный страх преследования. В случае Добрармии многие очень плохие люди *действительно* хотят схватить нас. И не путайте заботу о безопасности с паранойей. Вы должны научиться чувствовать разницу.

- И в чём именно разница, сэр? - спросил Эрик.

- Хорошее практическое правило состоит в том, что забота о безопасности помогает выживать и выполнять свою задачу. Паранойя *мешает* выполнять задачу. Но не волнуйся, как только тебе покажется, что твоя жизнь действительно в опасности, у тебя "вырастет" на затылке нужный третий глаз. Тебе придётся его вырастить, потому что, если это не получится, ты погиб. Хотя мы обнаружили, что, как только белые люди освобождаются от американского надувательства и возвращаются к упреждающим методам наших предков, все старые инстинкты восстанавливаются довольно быстро. Арийцы - прирождённые воины, и всего 80 лет "очищенного сахара", МТВ и политкорректности не смогли стереть

тысячелетнюю расовую память. Но хватит об этом. Как я уже говорил, впредь вы получаете приказы от присутствующего здесь Билли или от Уэйда.

- Приказы о чём? - спросил Эрик.

- Мы уточним это немного позже, - ответил Бреслер. - А сейчас мы должны довести до вас некоторую основную информацию. У вас у обоих есть транспорт?

- У каждого из нас машины последних моделей, - ответила Аннет. - У меня "лексус", у Эрика "вольво". Богатые дети, вы же знаете.

- Это полезно знать, - кивнул Бреслер. - Обе зарегистрированы на вас?

- На наших родителей, - уточнил Эрик.

- Хорошо. Нам могут понадобиться эти машины для операций, так как иногда в определённом районе "лексус" выглядит уместнее, чем пикап, но если мы ими воспользуемся, то с поддельными номерами. Не крадеными, мы сами делаем поддельные номера, ведущие к вымышленному имени и адресу, если полицейские пробьют их.

- Вы взломали компьютерную систему министерства транспорта? - удивилась Аннет.

- Ой, простите, сэр, я знаю, вы сказали не задавать вопросов.

- У нас множество компьютерных фанатов-белых, и совершенно замечательных, чьи жизни были сплошным мучением из-за бандитов - ниггеров и мекскрементов - в нынешних государственных школах этого общества, - усмехнулся Хилл. - Расплата, оказывается, бывает неприятной.

- Второй вопрос, - сказал Бреслер. - У кого-нибудь из вас есть оружие?

- Нет, сэр, мы уничтожили пистолет, который... который мы использовали с Фламмусом, - ответил Эрик. - Я разрезал его на лазерном станке моего отца и разбросал кусочки по всему городу.

- Правильная задумка, - одобрил Бреслер. Джексон у окна молча кивнул.

- Вы нам выдадите пистолеты? - спросила Аннет.

- Не сейчас, - ответил Бреслер. - Во-первых, пока они вам не понадобятся. Во-вторых, вам пришлось бы где-нибудь их прятать. Вы же не можете ходить по кампусу в Эшдауне с оружием, потому что кто-нибудь может его увидеть. К тому же Уэйд говорил мне, что там везде металлоискатели, и охрана постоянно проводит выборочные проверки и обыски.

- Да, точно, - кивнул Эрик. - Я имел в виду, да, командир.

- Когда придёт время вооружить вас для ведения боевых действий, вы получите оружие, - успокоил ребят Бреслер. - В ожидании этого времени Билли устроит для вас несколько тренировок с оружием, где вас познакомят с "М-16", "АК-47" и "АК-74", помповыми дробовиками и разными пистолетами. И, может быть, ещё с "Узи" в двух словах. Может сложиться обстановка, когда вам придётся быстро вооружиться, и у нас не будет времени учить вас заряжать обойму или снимать пистолет с предохранителя.

- Это не так трудно, - заверил их Джексон. - Если вас не будут обучать для специальной работы вроде снайперской или скрытной стрельбы с глушителями, любой вменяемый человек за несколько часов может узнать всё, что нужно об уходе и обращении с огнестрельным оружием в наших операциях. Как однажды сказал Сэмюэл Кольт, пистолет - это просто машина для метания шариков. И не такой уж он сложный. Главное то, что у тебя в голове и в сердце.

- Итак, теперь я кратко изложу вам основы подпольной работы, - продолжил Бреслер. - В основном, у нас два вида добровольцев. Есть те, кто находится в розыске, как вот Билли, значит, он известен федералам как доброволец, и скрывается, как преступник. Мы называем этих добровольцев "подлодками", потому что они должны оставаться невидимыми. Но есть множество людей - тайных военнослужащих нашей армии, которые пока находятся в

обществе и ещё живут внешне обычной жизнью, занимаются обычными делами, неотличимые от окружения. Нам нужно удержать вас двоих на поверхности как можно дольше, потому что так вы будете представлять для нас наибольшую ценность.

- Вроде секретных агентов в тылу врага? - предположила Аннет.

- Да, именно ими вы и будете, - согласился Бреслер. - И вам обоим прямо сейчас нужно выбросить из головы все мысли, что в этом будет что-то романтическое или захватывающее. Эта пугающая жизнь в постоянном напряжении, изматывающая нервы, и она сделает вас больными во всех смыслах этого слова.

Бреслер прервался и посмотрел на них суровым взглядом.

- Я уже говорил вам, что первое правило подпольщика - строжайший доступ к информации только тех, кому она необходима. Второе правило гласит, что *никто не должен знать* или даже подозревать, что вы - добровольцы. Ни ваши родители, ни ваши друзья, ни ваш священник - никто. Ребята, простите, правильно говорить, товарищи, я знаю, что вы уже прошли проверку боем: ваша юность закончилась в тот момент, когда вы шлёпнули этого негритоса, но вы должны быть уверены, что с ней покончено.

Я обязан внушить вам, что у нас не какой-то крутой тайный клуб или модное немного экстремальное хобби, когда вы можете позволить себе посвятить кого-нибудь в тайну заговорщическим шёпотом, чтобы внушить страх и произвести впечатление на своих друзей тем, какие вы смелые и крутые. Вы никого не удивите, а будете арестованы и разрушите не только свою собственную жизнь но, возможно, и других. Это требует не только молчания о Добрармии. Вам необходимо совершенно слиться со своим окружением. Ваша жизнь должна стать полным обманом. Придётся вам стать актёрами, достойными премии Оскара Американской киноакадемии в Голливуде.

Вы должны говорить и делать всё правильно. Быть надлежащим образом либеральными, политкорректными, разнообразными, толерантными и всем, чем угодно, за что про белых говорят, что они едят дерьмо и нахваливают, что они сегодня и проделывают под покровом вашей Академии. Вам нужно каждый день обниматься с ниггерами и каждую ночь петь Хаву Нагилу. С отвращением и ужасом отзываться о последних жестоких злодеяниях Добрармии и участвовать во всех необходимых "Двухминутках ненависти" к вашим товарищам и нечестивому белому расизму в целом, крича громче других. Вы никогда не должны позволить себе малейшего политически некорректного мнения в классе и не отрывать влюблённых глаз от учителей-евреев, что эти жида обожают и ждут от нас.

Вы должны носить маску, прячущую ваше истинное лицо от всего мира, что со временем становится всё невыносимее. Это может буквально свести вас с ума, и я не шучу. Такое случалось. Но вы никогда не должны позволять маске сползти. Вы взяли на себя бремя, которое не можете, не должны, и не смеее разделить ни с кем вне нашей армии. Никто не должен знать. Никто не должен даже заподозрить!

Джексон заговорил со своего места у окна.

- Товарищи, поймите меня правильно. Дело в том, что вы выросли прямо на вершине этой кучи дерьма, в пентхаусе, светлом и свежеевыкрашенном, с окнами, открытыми тёплому летнему ветру, и всё такое. Большинство из нас, включая меня, росли на стоянках домов-прицепов, в съёмных домах и убогих квартирках для бедных, и многие из нас, да и я сам, сидели в тюрьмах. Вы просто не можете представить, что такое жить вместе с большим числом чёрных и коричневых тварей хуже зверей. А заключённые ещё хуже. Понятно, у вас обоих достаточно смелости, чтобы пойти на этот риск. Вы это доказали. Но если вам суждено попасть в это место, самый худший груз, который будет давить на ваше сознание

каждую ночь, это мысль о том, что вы оказались там из-за какой-то ошибки, которой могли избежать.

- Мы знаем достаточно, чтобы бояться, лейтенант, - заверил его Эрик. - И понимаем, о чём говорит Уолтер.

- Ладно, - заметил Бреслер. - Пойдём дальше, и следующее, что вы должны затвердить - это связь. У вас обоих личные мобильные телефоны?

- Да, - кивнули ребята.

- Дайте свои номера Билли и Шумейкеру, но это лишь на крайний случай, - подчеркнул Бреслер. - Все ваши личные звонки идут на ваш счёт и регистрируются на бумаге. Вам нужно купить в "Майти Март" или в других гипермаркетах одноразовые дешёвые телефоны. Они используются в большинстве действий нашей армии, в основном для текстовых сообщений, так как тогда противник не сможет записать ничьи голоса через узел сотовой связи и сравнить рисунки голосов. Вам придётся запомнить номера Билли и Уэйда, которые мы вам дадим.

Не записывайте эти номера в память телефона или в быстрый набор. Никогда не берите с собой больше одного дополнительного телефона. Если вас обыщут и найдут дополнительный телефон, вы можете сказать, что купили его, когда потеряли свой обычный телефон, но потом нашли, или купили его для своей машины, и тому подобное. Но если федералы найдут шесть или семь дополнительных телефонов у вас или в вашей комнате, они поймут, что получили зацепку. Мы меняем телефоны каждые несколько недель, и если посчитаем, что где-то на линии провал, вы получите инструкции избавиться от ваших специальных телефонов и взять новые.

По телефону вы будете использовать шифры, иногда простые, иногда сложные. Мы обнаружили, что проще и легче всего запоминать слова и фразы, связанные с дешёвой едой и выпивкой, "Бургер Барн", "Пицца Экспресс", "Тако Шек", названия марок пива и так далее. Мы пробовали использовать ниггербол, но многие придурки, которые нас слушают, действительно следят за этим дерьмом, и, поскольку наши сообщения порою не имели спортивного смысла, они выделялись. Вам придётся запомнить эти шифры, и предупреждаю, что они меняются так же часто, как и телефоны.

- Теперь, о порядке встреч, - продолжил Бреслер профессорским тоном.

Аннет и Эрик чувствовали, что они должны делать заметки, но понимали, что лучше не спрашивать.

- Эта встреча здесь сегодня вечером - исключение, потому что она в помещении, так как Оскар и я хотели посидеть с вами двумя, посмотреть на вас и хорошо, обстоятельно побеседовать. Большинство ваших встреч будет проходить на улице или в общественных местах, вроде ресторанов, парков, музеев, станций МАКС и тому подобное. Вы не приедете сюда снова, и после сегодняшнего вечера все связи между армией и этой квартирой будут уничтожены, и в ней появятся новые жильцы, наверное, китайцы-нелегалы. Вы будете встречаться в основном с Билли или Уэйдом, но иногда вам прикажут встретиться с человеком, которого вы никогда не видели. В этом случае вам сообщат опознавательный знак и отзыв.

Когда вы встретите такого человека, то исполняйте любой приказ, который он или она передадут, как исходящий от вашего армейского начальства, и делайте всё, что от вас потребуют. Это может быть просто просьба съездить за город, сохранить пакет или конверт и доставить его в определённое время и место. Они могут попросить вас получить информацию и передать её обратно, это может быть всё, что угодно, но не убийство и не

взрыв бомбы. Если и когда мы решим, что вы готовы к подобному, то вами будут руководить сам Билли или офицер-взрывотехник Второго батальона.

- Встретить парня на платформе с газетой "*Нью-Йорк таймс*" под мышкой, незаметно подойти к нему и сказать: "У Джона длинные усы"? - спросил Эрик.

- Мне всегда нравился "Подъём на гору Нитака", - усмехнулся Хилл.

- Вроде того, - с усмешкой ответил Бреслер. - Когда вам сообщат дату встречи, вы обязаны *там быть*. "Застрял в пробке" - не оправдание, потому что если вы не придёте на встречу, мы будем считать, что с вами что-то случилось, вы арестованы, и необходимо принимать целый ряд мер безопасности и очистки: перемещение всех складов оружия, о которых вы могли знать, закрытие любых знакомых вам мест, удаление людей из мест, где они могут подвернуться риску, и так далее и тому подобное. Не забудьте, что я говорил о пунктуальности. Отправляясь на встречу, выходите раньше и всегда тратьте *минимум* час, гуляя по городу и проверяя, нет ли чего-нибудь подозрительного, что походит на слежку за вами.

Оставляйте машину на некотором расстоянии от точки встречи и идите пешком, и опять проверяйтесь, нет ли слежки. Если вы добрались туда раньше человека, с которым должны встретиться, то оставайтесь там, потягивая кофе в "Старбакс" или читая газету и тому подобное, но не более *пятнадцати минут*. Если оставаться дольше, то для наблюдателя станет очевидным, что вы шатаетесь там без дела. В этом случае немедленно звоните Билли или Уэйду, что встреча не состоялась. Потом уходите к своему пункту укрытия, пока мы не сможем изучить обстановку и выяснить, что случилось. Есть вопросы по сказанному?

- А что, если мы подумаем, что за нами *следят*? - спросила Аннет.

Хилл ответил, не задумываясь.

- Прежде всего, постарайтесь убедиться в этом. Убедитесь, если сможете, что глаза и чутьё вас не обманывают, потому что если за вами следят, значит, федералы установили, что вы - добровольцы. А это почти так же плохо, как сам арест, не говоря уже о том, что он почти неизбежен. Способ очистки сначала такой же, как если бы вы вообще не пришли на встречу, и продолжается, пока мы не опросим вас и не выясним, что происходит. Конечно, лучше пересолить с безопасностью, чем потом жалеть. Просто старайтесь убедиться, насколько это возможно.

- Будьте особенно бдительны в непосредственной близости от места встречи, - добавил Джексон. - Если вы заметите, что-то на ваш взгляд "некошерное", простите за выражение, то уходите из района, и, как только сможете, пошлите текстовое сообщение из одного слова мне или Уэйду. Сейчас кодовое слово "спагетти", но оно постоянно меняется. Попробуйте увести тех, кто следит за вами, как можно дальше от места встречи, одновременно пытаясь оторваться от них. Затем, когда посчитаете, что оторвались, идите в место укрытия.

- Что значит "место укрытия"? - спросил Эрик. - Вы упоминали о нём раньше. Что это такое?

- Место отхода и укрытия, - ответил Джексон. - Каждому из вас нужно выбрать место, тайное место, известное только тебе одному, и никому другому, куда ты сможешь пойти, если станет жарко. Вы не должны говорить о нём *никому другому*, даже друг другу. Каждый доброволец имеет такое место в запасе а, как правило, даже несколько.

- Ключом к вашей безопасности является то, что об этом месте *никто не должен знать*, - особо подчеркнул Бреслер. - Кроме того, это место не может быть любым, вроде дома вашей тёти Сэди, и как-то связанным с вами или вашей семьёй, где ЗОГ сможет вас найти. Берёте с собой свой специальный телефон, а потом ждёте, пока кто-нибудь вам не

позвонит. Не пытайтесь звонить нам или знакомым после отправки кодового слова о спасении. Если вас действительно прослушивали, есть несколько способов проконтролировать ваш звонок и узнать, кому вы звонили. Помните, что в большинстве случаев слежка полиции нарочно явная и легко обнаруживаемая, потому что они пытаются заставить вас запаниковать и посмотреть, кому вы позвоните, куда и к кому побежите.

- А что делать, если случится массовый арест, и возьмут всех, кроме нас? - спросил Эрик. - Что, если вдруг не окажется ни одного человека на другом конце, чтобы позвонить нам в убежище?

- Если вы не услышите звонка в разумные сроки, считайте, что произошло нечто серьёзное, - откровенно ответил Бреслер. - Тогда вы продолжите борьбу. Только вы двое, или если, придётся, только один. Доброволец Северо-Запада - солдат, и от него или неё ожидается ведение активной и вооружённой борьбы с сионистскими оккупантами, пока из-за смерти или тюремного заключения борьба не станет невозможной. Вы должны взять на себя ответственность по созданию своей собственной группы из новичков, потом роты, потом бригады, и так далее и так далее, ячейки, которая начнётся с вас двух и будет делиться и размножаться как амёба.

Это звучит невероятно, правда? Ну, я могу сказать вам, так уже случалось, особенно в первые недели и месяцы после Кёр д'Ален. Были случаи, когда трое, двое, даже один товарищ из Партии были полностью отрезаны. Но вместо того, чтобы спрятаться, они продолжали сражаться и восстановили боеспособность боевых групп и даже целых рот, прежде чем им удалось восстановить связь с Партией и остальной армией. Если ваш дух силён, и мужество вас не покинет, этого можно добиться. Мы - арийцы. И можем достичь всего, чего захотим.

- Да и виды на будущее совсем не такие мрачные, - добавил Хилл. - Мы на самом деле смогли разработать некоторые способы собирания добровольцев, оставшихся без связи, в крайней нужде. Есть номера, по которым можно позвонить, если вас отрезали, и со временем вы их узнаете. Сейчас вы их не получите, потому что, говоря прямо, вы действительно ещё неопытны. Вы заслужили наше доверие отличной работой с этим ниггером Фламмусом, но поймите, что мы должны оценить вас и поработать с вами некоторое время перед тем, как доверить вам определённую информацию. В этом нет ничего личного. Это для общей безопасности, в том числе вашей собственной, мера предосторожности, которую мы обязаны принять для успеха Добрармии. Не обижайтесь.

- Никаких обид, сэр, - ответил Эрик. - Аннет и я знаем, что мы в самом низу, и в любой армии у рядовых всегда самая незавидная участь. Какие обиды, командир?

- Порядок, - хохотнул Бреслер низким, рокочущим басом. - Если уж говорить о дерьмовой участи, то нужно рассказать вам, что делать в случае ареста. Это плохая доля, и я даже не буду пытаться её приукрасить. Как вам известно, после теракта 11 сентября 2001 года, в соответствии с Патриотическим законом и последующими законами о внутренней безопасности, у вас больше нет права молчать, права на адвоката или на телефонный звонок и на что-то подобное. Всё, что обязан сделать арестовавший вас полицейский, это поместить вас в тюрьму или на какую-нибудь военную базу как так называемого внутреннего террориста. Конституции Соединённых Штатов для вас больше не существует. Больше не надо даже трудиться вывозить людей из страны, потому что на всех федеральных объектах и в помещениях военной полиции теперь оборудованы специальные звуконепроницаемые камеры для допросов с орудиями пыток, в соответствии с так называемыми Протоколами Дершовица. Человек, который их выдумал, был еврей - профессор Гарвардской школы права, хотите - верьте, хотите - нет.

Хотя просто арест может оказаться не так плох, как представляется на первый взгляд. Это зависит от того, что они знают, а мы обнаружили, что часто они знают намного меньше, чем делают вид. Всё больше и больше людей просто хватают при случайных зачистках для допросов и запугивания. На самом деле это - государственный терроризм. ЗОГ просто суёт людей в общий мешок, трясёт его и смотрит, что выпадет. Вас могут схватить просто за то, что вы оказались не в том месте в неудачное время или просто потому, что у вас белая кожа. Если арест так и выглядит, то изображайте совершенно невиновных, *всё отрицайте* и во весь голос требуйте адвокатов или, в вашем случае, так как вы богаты, зовите папу и адвоката папы. Надо полагать, у вас обоих родители достаточно богаты, чтобы как-нибудь потягаться с системой?

- Мой отец - генеральный директор одного большого банка, президент трёх или четырёх банков поменьше, и входит во все советы директоров по финансам на Западном побережье, а моя мама - дочь сенатора Соединённых Штатов, - пояснила Аннет. - Мой второй дед один раз был губернатором штата Орегон. Я гостила в Белом доме и играла в Розовом саду с маленьким ребёнком - чуркой, которого усыновила Челси Клинтон. Не думаю, что я могла бы просто исчезнуть, а мои родители не подняли бы адский шум.

Заговорил Эрик.

- Мой отец – инженер-компьютерщик и изобретатель, глава собственной компании. У него мощные патенты и авторские права на множество видеоигр. Он не светится, но почти такой же богатый, как семья Аннет, и я уверен, что он никогда не успокоится, пока не узнает, что со мной случилось.

- Да ладно, вам пришлѐпнут буквы "ВТ" (внутренний террорист) на куртки, как только вы попадёте внутрь, и больше ничего хорошего, - продолжил Бреслер. - Никакие связи не помогут. Мы страшно пугаем этих пиявок в Вашингтоне и Юд-Йорке, больше, чем что бы ни было со времён Третьего рейха, и они мечутся в жуткой панике и ужасе. Но связи, конечно, не повредят. Как я уже сказал, притворяйтесь невиновными, пока можете, и если это просто облава, вас могут вышвырнуть на свободу. Но как только станет совершенно ясно, что они знают, и вы не смогли от них отговориться, то молчите и не говорите им ничего, кроме Трёх Слов. *"Мне нечего сказать"*.

Вмешался Оскар.

- Раньше мы предупреждали людей не пытаться вести словесные игры с полицейскими, и не ошибаться, думая, что можно их перехитрить, но ужас в том, что эта последняя партия фэбээровских бандитов из Квантико, похоже, больше и не думает играть. Они настолько переполнены страхом и бессмысленной ненавистью к белым, не говоря уже об извращённом садизме, что сейчас всегда используют только кнут, а не пряник. Избиения, пытки, и того хуже.

- Вас будут пытать, - сухо продолжил Бреслер. - Конечно, избиения, какие только можно вообразить. Старый приём ЗОГ: пытка утоплением. Иголки под ногти. Электрический стул с электродами на сосках и гениталиях, на всех телесных отверстиях. Инъекции кислоты под кожу. Порка раскалёнными проволочными плетями. Старая римская пытка, так называемая *дыба*. На некоторых федеральных объектах даже есть механические дыбы со стальными роликами, поэтому они могут пытать людей буквально как в средневековье.

После 11 сентября и Патриотического закона, всё это теперь можно совершенно законно творить с любым заключённым, который был произвольно отнесён к террористам, даже без причины. Мужчины и женщины, которые руководят этими центрами допросов и тюрьмами, будут творить с вами такое, что собаку стошнит. Они получили полную и бесконтрольную власть над вашим телом, и будут пользоваться ею до беспредела, чтобы

выбить информацию для своих еврейских хозяев, а также потому, что сами чертовски наслаждаются этим.

Никто не ожидает, что вы это вынесете, хотя я не перестаю удивляться историям некоторых наших соратников, прошедших через этот ад несломленными, других людей, которые умерли под пытками, не сказав ничего кроме Трёх Слов. Наша армия просит вас дать нам двадцать четыре часа, чтобы мы могли рассредоточить и переместить всех и вся из того, что вы можете выдать. Только это. Мы просим, чтобы вы вытерпели все муки, которым они вас подвергнут, один-единственный день, а потом так долго, сколько сможете, в зависимости от своей чести и приверженности будущему, чтобы эти ужасы больше не повторялись. Вы почувствуете, когда наступит этот момент, и ваше тело и душа больше не выдержат. Но пока этот момент не наступит, докажите нам, себе самим и Богу, насколько сильными вы можете быть.

Хилл тихо произнёс:

- Вы также должны сознавать, что после Абу-Грейб всем известно о применении Штатами постоянных сексуальных унижений как пытки, чтобы сломить дух своих настоящих и мнимых врагов. Они начнутся, когда вас подвергнут досмотру, и ваши полости тела осквернят охранники, полицейские и агенты ФБР противоположного пола, а в случае заключённых из Добрармии эти полицейские почти всегда будут чёрными или коричневыми. Вы будете идти по коридорам и мимо камер голые и в цепях на виду у других заключённых, и должны понимать, что вас обоих почти наверняка будут неоднократно насиловать цветные, гомосексуалисты и лесбиянки, как сексуально, так и различными посторонними предметами, что иногда ведёт к кровоизлиянию и смерти. Я не пугаю вас, товарищи. А стараюсь подготовить. Так поступают наши враги.

- Мы думали об этом, - ответила Аннет. - Именно с этим необходимо покончить. Поэтому мы здесь, помимо личных причин. С этим ужасом мы и боремся, ведь так?

- Да, мэм, - почтительно поклонился Хилл. - Именно так.

- Билли, так как ты будешь командиром этих молодых товарищей, может, продолжишь отсюда? - предложил Бреслер.

Джексон встал со своего места у окна, а командир также молча встал, подошёл и сменил его, глядя из окна на улицу. Джексон сел в кресло, которое освободил Бреслер. Аннет старалась не смотреть на Джексона, но всё же была удивлена, насколько обычно он выглядел. Это был жилистый молодой человек с аккуратной причёской, не намного старше её, и лицом, ещё не часто требующим бритвы. Тем не менее, она чувствовала в нём силу и зрелость, чего почти никогда не могла ощутить в белых мальчиках своего поколения за исключением Эрика. Зелёные глаза Джексона были холодными, и даже если бы Аннет не знала, кто он такой, они подсказали бы ей, что это необычный человек, по-настоящему опасный белый мужчина, которые почти не встречались ей в жизни. У неё холодок пробежал по коже от этого чувства, инстинктивного, древнего женского признания. Она начала ясно понимать, с чем именно столкнулась.

- Товарищи, есть и другие вещи, которые вам необходимо знать о том, как действуют добровольцы, - начал Джексон. - Вам показывали экземпляр Общих приказов по Добрармии?

- Да, сэр, - ответил Эрик. - Они есть в Интернете, если знать, где искать.

- Да, к большому неудовольствию ЗОГ они там есть, - хмыкнул Джексон со злорадной усмешкой. - Вы должны выучить Общие приказы наизусть, но не распечатывать и не загружать их на компьютер. Владение ими в печатном виде и загрузка на компьютер - федеральные преступления, за которые всё ещё грозит смертная казнь. Хотя, после появления Приказов в Сети и знакомства с ними сейчас такого множества людей, оккупанты

немного отступили, наконец, сообразив, что смешно казнить за просмотр страницы в Интернете. Но они отслеживают тех несчастных детей, которые скачивают Приказы, жестоко избивают, а иногда и преследуют в уголовном порядке. Думаю, что вы читали Общий приказ номер десять?

- Да, сэр. Не волнуйтесь, мы оба знаем, что у нас не должно быть вредных привычек, - заверил его Эрик. - Мы пробовали травку несколько раз, как и большинство детей нашего возраста, но ни один из нас действительно не курит её, и даже до того, как всё произошло, в любом случае, мы много не пили.

- С сегодняшнего дня вы не пьёте вообще. И точка. Не обсуждается, - подчеркнул Джексон. - О наркотиках я даже не говорю. И не должен, потому что это недопустимо. Ниггеры и мексиканцы принимают наркотики, а белые люди - нет, такие пироги. Уэйд сказал нам, что наблюдал за вами и не заметил никаких признаков этой дряни ни у кого из вас. А если бы они были, вас здесь не было бы, и неважно, сколько толстых губ вы обрезали. Я вынужден сказать, что некоторые военнослужащие в Добрармии, особенно из групп в Айдахо, не требуют строго соблюдения Общего приказа номер десять. Вы должны очень чётко понимать, что я к таким добровольцам не отношусь.

- Это многовековая американская проблема, - мягко добавил Оскар. - Полный запрет всегда было просто невозможно провести в жизнь. Чёрт побери, сухой закон старались соблюдать по всей стране с 1920 до 1933 год, но не смогли ничего добиться!

Джексон нахмурился.

- Да, сэр, я знаю, но это не урок истории, а смертельно серьёзная борьба за выживание нашей расы и наше собственное выживание перед лицом чудовищного и жестокого врага. Мы пытаемся свергнуть худшую и самую могущественную тиранию в истории человечества и делаем это почти на одной ярости и мужестве. Никогда прежде в истории материальные возможности двух воюющих сторон не были так неравны, как здесь.

Мы не сможем добиться победы с пьющими в своих рядах, а человеческая природа такова, что единственный способ добиться полной уверенности, что наши добровольцы никогда не напьются в решающий момент, когда нужно выполнить свой долг перед расой, это потребовать и добиться полного воздержания. Отсюда и правило: никогда, ни при каких обстоятельствах не брать ни капли в рот. Добрармия - дисциплинированная революционная организация, вооружённое формирование, и у нас есть право и обязанность требовать этого как условия личной пригодности к службе. От добровольцев под моим начальством я приму только полное соответствие этому требованию.

Если человека больше волнует бутылка виски или пива, чем вопрос собственного будущего и выживания его расы, нам не нужен такой соратник. Или соратница. Пьяница или наркоман представляет опасность для себя и других, и было бы безумием ждать от него пользы. Если вы двое не сможете воздержаться от марихуаны с выпивкой, то очень возможен ваш арест или смерть, чего я не хочу. Не говоря уже о том, что из-за вас могут арестовать или убить других товарищей из роты "А", да и *меня самого*, чего мне чертовски не хочется! Существует одно-единственное исключение из этого Общего приказа, определяемого особым заданием, которое мы обсудим с тобой позже этим вечером, соратница Риджуэй.

Аннет открыла рот, чтобы задать вопрос, но Джексон подал ей знак молчать.

- Я объясню. Говорю вам чётко и ясно. Если вы когда-нибудь появитесь пьяными или под кайфом, или, если я когда-нибудь уловлю запах спиртного в вашем дыхании, то выставлю вас обоих, потому что считаю вас единой командой, и надеюсь, что каждый из вас будет следить за тем, как другой выполняет своё обещание. Один из вас вылетит за несоблюдение приказа, а другой - за то, что позволил своему напарнику оступиться. До сих

пор у нас было уволено мало добровольцев, потому что мы тщательно отбирали людей, которым предлагали вступить в Армию. Такая отставка - неприятная вещь, ведь приходится оценивать, не создаст ли этот человек в будущем угрозу нашей безопасности, и идти на предохранительные меры, если мы сочтём, что они необходимы.

Ребята, я не пытаюсь вам грозить или пугать. Я просто прямо говорю вам, как обстоят дела. Мы доверяем друг другу наши жизни. Мы должны жить сплоченнее и быть связаны теснее, чем даже братья и сестры. А это подразумевает *знание*, что каждый из нас при выполнении своего долга может положиться на любого другого мужчину и женщину в нашей команде. Надеюсь, что это первый и последний раз, когда я говорю с вами об Общем приказе номер десять.

- В первый и последний раз, сэр, - спокойно кивнула Аннет.

- Хорошо, - улыбнулся Джексон. - Теперь, прежде чем продолжим, кое что повеселее. Вам обоим нужны клички. В вашей работе на Добрармию, и по телефону, и на компьютере и в текстовых сообщениях, вы всегда будете обращаться друг к другу не по вашим настоящим именам, а по добровольческим кличкам. Кстати, по телефону, и когда вы имеете дело с любыми другими добровольцами помимо нас в этой комнате, в настоящее время моё имя Артур. Теперь, как насчёт вас? Какие-нибудь пожелания? Но что бы вы ни выбрали, не стоит слишком привыкать к этим именам. Ваши партийные имена будут меняться каждые несколько месяцев.

- Том и Бекки, - немедленно ответил Эрик.

- Опять ты за своё, - прыснула Аннет. - Это наша внутренняя шутка. Эрик и я знаем друг друга с детского сада, и в шестом классе в школьном спектакле он играл Тома Сойера, а я - Бекки Тэтчер. Наш первый поцелуй был на сцене, на глазах у всех других детей и пары сотен родителей и зрителей.

- Я страшно старался получить эту роль, - с удовольствием вспомнил Эрик. - Пришлось для этого побить Марти Ландерса.

- Никто не против шуток в вашей добровольческой работе, - улыбнулся Хилл. - Мы стараемся быть весёлыми воинами. Я взял себе имя Оскара в честь другого Оскара, который жил давно. У него был список евреев. У меня он тоже есть.

- Ну, тогда Том и Бекки, - согласился Бреслер. - На некоторое время.

Джексон продолжил:

- Итак, Том и Бекки, рота "А" известна как боевое подразделение, и это означает, что мы планируем, предлагаем и проводим настоящие нападения на врага. Мы стреляем в людей, поджигаем и взрываем объекты. Мы - те парни в лыжных масках, которых в последний раз в жизни видят многие мексиканцы, негритосы и федеральные громилы со значками. Некоторые штабные начинают называть линейными ротами подразделения, вроде нашего.

- Я думал, что все единицы, ну, боевые, - проговорил Эрик.

- Все подразделения, боевые, если ЗОГ поймает любого из нас, все обречены на пытки и смерть, - заговорил Бреслер у окна. - Хотя есть и другие, специальные роты. У некоторых из них только обеспечивающие и интендантские обязанности. У других чисто разведывательные задачи, некоторые из них технические, как у группы наших компьютерщиков, другие заняты пропагандой. Есть специальные мощные эскадроны смерти Третьего отдела, которые осторожно выслеживают и ликвидируют важные цели, и так далее и тому подобное.

Прошло два с половиной года после восстания 22 октября, а наше движение на Северо-Западе уже стало достаточно разнообразным по организации. В каждом штате и округе командиры местных бригад занимаются тем, что, по их мнению, срывает.

Например, здесь, в Орегоне у нас теперь есть батальоны Добрармии - части среднего уровня, состоящие из шести - восьми рот. Мы долго спорили по поводу того, как быть с тем, что у нас всё время собирается всё больше и больше добровольцев, а действовать должны отдельные группы человек по пять-шесть, то есть количество людей, которые могут втиснуться в одну машину на случай, когда необходимо срочно провести Восстанавливающую Перетасовку.

Короче говоря, мы решили попробовать разделить бригады на батальоны здесь, в Портленде, а в Сиэтле и Спокане сохранить двухуровневую структуру, бригада - роты, а чтобы справиться с потоком - создавать больше рот с более разобщёнными группами или экипажами в роте. На деле, похоже, оба метода работают одинаково хорошо.

- А как насчёт Айдахо? - спросил Эрик. - Или я задаю лишние вопросы?

- Там нет ничего, о чём врагу уже не стало бы известно, - ответил Бреслер. - Айдахо и запад Монтаны развиваются странно, может, потому что они чересчур огромные, и там нет такой плотности городов и людей, как здесь у нас вдоль коридора I-5. Большинство подразделений сельские, и они превращаются во что-то вроде "Летучих колонн", как мы их называем, из групп по 30 - 60 добровольцев, которые перемещаются по сельской местности более или менее по своему усмотрению, как Джек Смит и Судьи Монтаны или сумасшедшие парни О.С. Оглви из "отростка" Айдахо. Это те самые, кто украшают обочины дорог насаженными на палки головами ниггеров и мексиканцев.

На Диком Востоке Родины что-то складывается и начинает очень походить на освобождённую местность. Федералы просто не имеют сил закрыть весь этот громадный район, особенно из-за того, что миллионы их солдат разбросаны по всему свету, везде, где есть нефть, и воюют, чтобы украсть её у туземцев. Таким образом, существуют значительные участки на удалении от междуштатных и внутриштатных дорог, города и села, где Добрармия более или менее правит бал. Мы уже пробовали "Летучие колонны" к западу от гор, как и колонну Тома Мердока в южной части полуострова Олимпик и Корби Моргана вокруг Порт Таунсенд и Порт Анджелес на севере. Я бы сказал, что наш третий батальон Первой бригады вдоль Северного берега был бы для этого хорошим кандидатом. Они уже почти создали именно такую освобождённую зону к западу отсюда, в Колумбии и округах Клэтсон и Тилламук. Федералы всё чаще стараются избегать этих округов.

- Капитан Хэтфилд и "Дикая стая"?! - горячо воскликнула Аннет.

- Да, так их называют в СМИ, - с усмешкой подтвердил Хилл.

- Мы слышали о них, о Хэтфилде, его винчестере и шляпе с пером. Почти все белые ребята в Эшдауне думают, что хэтфилдовцы - самые крутые, хотя мы осмеливаемся так говорить только шёпотом, - добавил Эрик.

- Я передам Заку в следующий раз, когда его увижу, - засмеялся Джексон. - Ему будет интересно узнать о таких поклонниках в школе. Впрочем, вернёмся к тому, что я говорил о ещё одном способе наших действий здесь, в Орегоне. Он немного отличается от методов остальной Армии тем, что у нас в каждом батальоне есть отдельные подразделения подрывников-взрывотехников.

- Взрывотехников? - переспросил Эрик.

- Это доставка взрывных устройств. Подразделение по изготовлению взрывных устройств, - ответил Джексон. - В подразделении подрывников есть свой интендант, который отвечает за получение взрывчатых веществ и материалов для их изготовления. У них есть свои взрывотехники, которые делают таймеры и радиоуправляемые детонаторы, а также механики, устанавливающие особые подвески и другие приспособления на любые транспортные средства, используемые для перевозки. Потом есть упаковщики, которые

изготавливают сами взрывные устройства и устанавливают их в машину или в любую другую систему доставки, а также объекты, вроде химических лабораторий и специально устроенных тайников для хранения взрывчатых веществ и так далее.

В других местах Родины каждая рота Добрармии имеет собственные кадры взрывников или добровольцев в роте, которым поручена эта обязанность, а также собственные взрывчатые вещества, оборудование и материалы. Это означает, что, когда рота сокращается из-за арестов или боевых потерь или уничтожается из-за нарушения конспирации, то уменьшается не только количество стволов в армии, но и количество взрывчатых веществ в её распоряжении.

Вопросы, связанные с доставкой взрывных устройств, имеют для нас большое значение. Эти устройства, как правило, громоздкие, тяжёлые, опасные и заметные при перевозке. Они снижают мобильность роты, а ведь мы выживаем и продолжаем борьбу благодаря мобильности. Так что мы решили уже несколько месяцев назад здесь, в Портленде, что любой из командиров рот и выше может предлагать цели для подрывов. Предложение идёт наверх и утверждается батальоном или бригадой, разрабатываются тактические детали, офицер-подрывник батальона выясняет, что необходимо, готовится заряд, а затем доставляется в боевое подразделение, перед которым поставлена задача доставки бомбы к цели. Доброволец, хотя их, как правило, двое, прибывает в назначенный пункт доставки, берёт заряд взрывного устройства и уносит или увозит его, если это взрывное устройство в автомобиле или грузовик-бомба, а затем доставляет его к цели и подрывает. Подрывники, которые обучают использованию бомб, всегда в масках, поэтому их нельзя опознать, если задание срывается. При таком способе использования наших возможностей проведения взрывов врагу гораздо труднее их предотвратить.

- Но что, если само подразделение подрывников будет схвачено или предано? - спросил Эрик. - Кроме того, представим, что-то случилось, а боевому подразделению срочно понадобилась бомба, и она не успевает пройти через всю эту волокиту, ну, я имею в виду порядок?

- Такого ещё не было, - ответил Бреслер. - Если это и произойдёт, мы вновь выстроим в роте отделение подрывников, из людей других подразделений. До сих пор система, кажется, работала. Но у снабженца в каждой роте есть несколько устройств, припрятанных на случай появления неплановой цели, требующей быстрого ответа. Например, если мы замечаем машину какого-нибудь юниониста, оставленную в доступном месте, и подрываем его. И ещё много небольших устройств для использования в качестве бомб-ловушек. Командир роты может использовать их по своему усмотрению.

Джексон вмешался:

- Кстати, одно исключение - это ручные гранаты, которые стоят своего веса в золоте, и с ними гораздо веселее. Когда снабженец получает гранаты, они долго не залёживаются. Он делит гранаты между свободными охотниками, а те идут и бросают их. Вы замечаете, что в Портленде теперь стало гораздо меньше мексиканских баров и винных погребков, которые торчали на каждом углу. Я уже упоминал об этом, потому что хотя сейчас тяжёлую "бум-бум" работу проводит специальное подразделение, вас обучат обращению с взрывчатыми веществами, и если вы обнаружите способности к этому, вас могут попросить поработать подрывниками. Они всегда ищут новые таланты, и как сказал командир, бывает, что нам нужно быстро восстанавливать подразделение подрывников. Как у вас, ребята, с химией?

- Я хочу стать инженером, - ответил Эрик. - И уже изучил большую часть основной химии.

- Тогда мы можем предоставить тебе возможность сделать карьеру, - пошутил Бреслер. - Надеюсь, не слишком короткую.

- У меня так себе, - призналась Аннет. - Хотя у нас в Эшдауне есть пара действительно умных ребят - фанатов науки. Они могли бы помочь. Я заметила, что ребята, изучающие науки, не очень-то любят ниггеров и мекскрементов.

- Славно, - сказал Хилл. - Сейчас мы подходим к сути того, что мы хотим от вас обоих, по крайней мере, на первых порах, пока вы не наберётесь опыта, и мы решим, что вы готовы к "мокрым делам". Во-первых, я хочу познакомить вас с вербовкой, которой занимается каждый доброволец, но не в том смысле, как вы можете подумать. Одной из наиболее серьёзных и необходимых мер безопасности в практике Добрармии является то, что в Армию никто не вступает. Добрармия связывается с новобранцем. Вы же не можете просто подойти к другим детям в вашей школе и сказать: "Привет, ребята, никто не хочет немного заняться внутренним терроризмом?" Помните, главную установку: Вы *никогда*, никому и ни при каких обстоятельствах не признаётесь, что состоите в Добрармии.

Вы, вы оба, должны сделать следующее: составить в собственной голове список детей вашей школы, которые на ваш взгляд могут втайне придерживаться расовых взглядов, тех, кому действительно опротивела вся эта негроидная и правительственная муть, тех детей, у кого родственники или близкие были убиты в Ираке и Иране, тех, кто может стать будущим добровольцем. Работайте с Шумейкером: он знает таких детей как учитель, и вы - как одноклассники. Вы сами *никогда* не должны подходить к этим детям, независимо от того, насколько вы уверены в том, на что они готовы и чего хотят. Вы дадите Билли полный отчёт по всем возможным новобранцам, а потом забудете о них. За ними будет наблюдать и свяжется отдельно доброволец, специально занимающийся вербовкой. Иногда уходят месяцы наблюдения и изучения, прежде чем мы решаемся подойти к будущему рекруту. Иногда мы и вовсе не подходим. Если мы завербуем кого-нибудь в вашей школе, вам могут даже не сказать об этом, если мы не увидим некоторого тактического преимущества в добавлении новичка в вашу группу.

Хилл продолжил.

- Кроме того, мы очень заинтересованы в учениках Академии Эшдауна по другой причине. Из-за их родителей. Эшдаун является одной из подготовительных школ для самых высших классов в империи: дети, поступающие туда, это сыновья и дочери правящей элиты. Дети сенаторов и конгрессменов, руководителей крупных транснациональных корпораций из списка "Форчун 500", хозяев известных средств массовой информации, наиболее высокопоставленных чиновников, звёзд Голливуда и промышленных магнатов, интеллигенции и видных общественных деятелей. Мы должны знать врага, и знать о нём всё.

Я хочу, чтобы вы отправляли мне через Билли любой кусочек информации, что сможете узнать о каждом ученике в Эшдауне, чем, где и как занимаются их родители, об их передвижениях, разводах и скандалах, личной жизни, обо всём, что нельзя получить из общедоступных средств массовой информации. Уэйд готовил для нас кое-что подобное, но вы, ребята, получите гораздо лучшее представление, потому что дети скажут вам то, что не доверят учителю или администратору. Внимательно слушайте и запоминайте. Для экономии времени и верности, что отчёт полный, можете ввести эту информацию и записать её на компакт-диск, если хотите, но не в печатном виде, потому что принтер можно отследить, и используйте школьный компьютер, а не ваши собственные ноутбуки. Потом просто передайте компакт-диск Уэйдю или Билли. Многие из этих сведений не будут служить нашим целям, но передавайте всё, что соберёте обо всех, и позвольте нам решать, что подходит, а что нет.

Заговорил Джексон.

- Послушайте, соратники, я не хочу выглядеть как завистник из рабочих или повторять жвачку о вашем социальном положении и богатстве. Я не отпускаю развязные шуточки о здешних богатых детях. Мне он не нравятся. Я - национал-социалист. Эта расовая война, война крови, а не экономики. Речь идёт о сплочении всех белых людей, чтобы мы смогли забыть о наших классовых и религиозных различиях, переждать шторм 21-го века и выжить как раса. Но бывшие заключённые, работники физического труда, выросшие на стоянках домов-прицепов, или подсобники на заправках, одни добиться этого не смогут. Нам обязательно нужно набрать активных добровольцев вашего высокого социально-экономического положения. Мы должны знать ваших одноклассников и их родителей, потому что эти люди управляют Америкой. Это те люди, которые поддерживают работоспособность американского общества, такого, какое оно есть. Эти люди, в конечном счёте, примут общее решение об окончании войны, что будет означать передачу нам Северо-Западной Республики, как цены за мир. Именно поэтому мы считаем вас, ребята, важным приобретением.

- Не говоря уже о том, что после обретения независимости нам будут нужны квалифицированные, умные, образованные люди, чтобы построить с нуля новое государство и новый общественный порядок, - добавил Хилл. - И ещё, я не могу дать вам никакого представления, как будет использоваться эта развединформация. Может быть, не случится ничего плохого. Но возможно, что вы обрекаете родителей некоторых из ваших друзей на смерть. Если у вас это вызывает сомнения, скажите мне сейчас, - заключил Хилл.

- Говорят, что это расовая война, лейтенант, - серьёзно проговорил Эрик. - Но не только. Это гражданская война между белыми ради присутствия небелых в Америке, такая же, как война 1861 - 1865 годов. Снова нас заставляют убивать друг друга просто из-за того, что здесь есть небелые. А их не должно быть здесь, совсем. Мы с Аннет понимаем, что будут белые, которые выберут другую сторону. И мы не пришли бы сюда сегодня вечером, если бы не были к этому готовы. Мы понимаем смысл наших действий и готовы к последствиям.

Аннет проговорила таким же твёрдым голосом:

- Сэр, когда вы просите меня начать войну с Эшдаунской академией, то просите воевать со всей системой, которая позволила животному подобраться к моей сестре и лишить её жизни, только на том основании, что его кожа была цвета дерьма, и он умел стучать мячом о деревянный пол. Система отвернулась и отнеслась к смерти моей сестры, просто как к автомобильной аварии или торнадо, как будто преступления ненависти чёрных по отношению к белым это своего рода естественные происшествия или божья воля, и никто ничего не может с этим поделать.

Эта система приказала мне забыть, что случилось с моей сестрой, забыть, что она вообще жила, принять её смерть подобно свиньям у корыта, которые просто суют морды в поило, когда одну из них утаскивают на убой. Такими будут все белые, в конечном счёте. Мы просто скот для этих людей. Они забивают нас как животных по своему выбору, в Ираке, в переулке. Или в доме престарелых, если ты старый, белый и бедный, а какой-нибудь врач из страны третьего мира решит, что надо урезать расходы. Я должна добиться, чтобы нашим с Эриком детям никогда не пришлось пройти через подобное, как мне после смерти Джан.

Эрик прав, и я понимаю смысл борьбы и последствия. Эшдаунская академии и всё, что она олицетворяет, должны исчезнуть. Я молю Бога, чтобы мне не пришлось навредить никому из моих друзей. Но пойду на это, если придётся, чтобы положить конец этому ужасу, и возьму грех на душу. Вы не должны беспокоиться, я с вами полностью.

- Хорошо сказали, вы оба, - с поклоном заметил Джексон.

- Ну, теперь, что касается полностью..., - деликатно начал Хилл. Он посмотрел на Джексона, который скривился и покачал головой.

- Нет, командир, говори ты, - сказал Джексон. - Я хочу послушать, как ты это выговоришь.

- Ну ладно, - кивнул Хилл. - Товарищ Риджуэй, я скажу прямо. Ты очень привлекательная девушка: светлые волосы, голубые глаза, стройная фигура, просто идеал женской красоты, к которому люди всех рас в нашем обществе приучены Голливудом, средствами массовой информации и рекламой и стремятся превыше всего. Пожалуйста, пойми мои слова правильно. Я не льщу тебе, это лишь для дела. Как я понял товарища Шумейкера, когда ты и товарищ Селларз шлёпнули того негритоса, то сначала несколько дней планировали заманить его в нужное место через флирт и подразумеваемое обещание полового сношения. Это так?

- Слушайте, я знаю, что Добрармия против всякого смешения рас, и я тоже, ей богу, особенно после того, что случилось с моей сестрой Джан! Да, я хотела отомстить за неё так сильно, что сделала бы что угодно. Но на самом деле я же ничего не сделала! - запротестовала Аннет. - Сначала мы подумали, что только так удастся отделить обезьяну от всех его друзей-бабуинов из баскетбольной команды и окружающих его белых подлиз, но Эрик смог придумать другой способ, поэтому мне не пришлось идти на этот шаг.

- Но готова ли ты это сделать в другой раз? - прямо спросил Хилл. - Не волнуйся, мы понимаем. Понимаем и одобряем. Эту тактику Добрармия использовала в прошлом, чтобы выманить цели в места без охраны. На самом деле, это одна из старейших игр в истории тайных операций, и Бог знает, сколько ей веков. Она называется "медовой ловушкой". Женщины-шпионки были всегда, молодые и красивые, и всегда использовали то же оружие. Мой вопрос очень простой: ты готова пойти на это при необходимости? Если ситуация потребует, ты готова стать Лорелеей?

Бреслер вмешался, объяснив, что в германских мифах Лорелеи, как и греческие сирены, были призраками красивых женщин-русалок, которые пели и расчесывали волосы на берегах Северного моря и Рейна. Они заманивали моряков на гибельные подводные камни.

- Соратница, я хочу, чтобы ты поняла, прежде чем ответить, что это просьба, а не приказ, просьба с учётом обстановки, которой может даже не возникнуть, - уточнил Хилл.

- Добрармия это армия, и обычно приказ есть приказ, и точка. Но есть несколько исключений, и это одно из них. Ни одной женщине-добровольцу *никогда* не будет отдан прямой приказ выполнить такое задание. Такой приказ был бы не только неправильным, безнравственным и ужасно жестоким по отношению к товарищу. Но как бы дисциплинирована и профессиональна ни была девушка, её нежелание и отвращение неизбежно проявится в какой-то ключевой момент и, таким образом, возможно, сорвёт задачу, и, может быть, наши люди будут ранены или убиты. У нас есть товарищи, женщины, которые согласны это сделать, и есть другие, которые не готовы. Я знаю женщин-добровольцев, которые говорят мне, что они вполне готовы выстрелить врагу в упор между глаз, и доказали это, но не хотят заманивать врагов на смерть. Это полностью их личное решение, и мы уважаем его, как будем уважать и любое твоё решение.

Аннет посмотрела на Эрика, и тот едва заметно, но определённо, кивнул. Добровольцы заметили кивок, но ничего не сказали.

Аннет глубоко вздохнула и ответила:

- Не думаю, что смогу сделать это с ниггером. Ситуация с Фламмусом для меня исключение. Я даже не могла её представить, если бы этот скот не осквернил и не убил мою сестру. Скажу вам честно, думаю, что не смогу сделать это с чёрным, сэр, - повторила Аннет.

- Наверно, и с мексиканцем. Я могла бы попытаться, если нужно, но они, наверно, почувствуют что-то неладное, как вы сказали. С евреем я бы сделала это, не раздумывая, потому что именно еврей-адвокат подал в суд на школу, заставил принять Фламмуса и держать его в школе. Хотя тупой павиан провалил все экзамены, двойки, видите ли, нарушали его так называемые гражданские права. А с белым, ну, мне бы помогло, если б я знала кто он такой, и почему должен умереть, тогда да, я готова, если этого потребует от меня армия.

- Спасибо, мэм, - почтительно склонил голову Хилл. - Я буду иметь это в виду, и хотя, возможно, мы никогда не дадим тебе такое задание, но хорошо знать, что у нас есть ещё одна Лорелея по требованию, если нам понадобится.

- Помните, что я говорил раньше об одном исключении из Общего приказа номер десять, когда добровольцу разрешается выпить при особых обстоятельствах? - продолжил Джексон. - Единственным исключением является женщина-доброволец в роли Лорелеи, и, может быть, когда-нибудь мужчина-доброволец в роли альфонса, если цель - женщина-федерал или кукла Барби в деловом костюме из средств массовой информации. Хотя я и не слышал, чтобы это случилось.

- Один раз случилось, - коротко вставил Хилл. - Женщина была федеральным прокурором из Сиэтла, а этим мужчиной - я. Я не мог пронести в Хилтон оружие через металлоискатель, и пришлось действовать руками. Это к тому, товарищ Риджуэй, чтобы ты знала, что я не прошу тебя делать что-нибудь, что ещё не делал я сам.

- Ну, ладно, - сказал Джексон, взглянув на Хилла со странным выражением. - Во всяком случае, многие из этих ловушек расставляются в барах, на вечеринках и подобных мероприятиях. Это помогает не только соблазнить, но и напоить объект, чтобы его восприятие притупилось. Федералы и большинство наших врагов знают о нашем правиле отказа от выпивки, и если женщина не пьёт алкоголь, это может насторожить объект. То есть ты можешь выпить несколько рюмок, если до этого вообще дойдёт, но должна будешь напоить твой объект как можно сильнее, и одновременно сама остаться по возможности трезвой. А когда ты увидишь, что подвергаешься такой же опасности, что и любой повстанец на боевом задании, это разрешение будет не слишком похоже на исключение из правил.

- Уэйд говорил, что у вас в школе, ребята, теперь родительский комендантский час с 9:00 вечера? - спросил Бреслер.

- Да, сэр, - подтвердил Эрик. - Не то, чтобы наши родители не доверяли нам, но они просто боятся за нас из-за всего этого ужасного расистского насилия, творящегося по всему городу. Они боятся, что мы можем попасть в беду.

Аннет хихикнула.

- Хорошо, сейчас восемь, так что вам лучше бежать стремглав. Помните, что я сказал о длинном пути обратно и проверке слежки.

Бреслер поднялся и пожал руки обоим.

- На случай, если мы не встретимся снова, товарищи, добро пожаловать в дикий и удивительный мир внутреннего терроризма. Благодаря тому, что вы сделаете сейчас в тени и мраке, ваши дети когда-нибудь войдут в мир света.

- Я прослежу, чтобы они вернулись к своей машине в порядке, - сказал Джексон.

После того, как трое уехали, Бреслер сел на диван.

- Спасибо за присутствие, Уэйн, но я понимаю, что ты не пришёл бы сегодня вечером только для того, чтобы проверить пару славных ребят. Я или Билли справились бы.

- Я знаю, - вздохнул Хилл. - Мне нужно было поговорить с тобой наедине, Гэри, и это совершенно секретно. Квартиру прозванивали?

- Я прозвонил её сам, как раз перед тем, как появились ребята, - подтвердил Бреслер. - В квартире нет электроники с посторонними токами. Я отключил телевизор, и он ничего не излучает. Думаю, место чистое. Положишься на меня или хочешь проверить всё снова?

Хилл понимал, что Бреслер не хотел его задеть, да он и не обижался. Разведчик из Третьего отдела не мог доверять никому, и все знали, почему так, и воспринимали как должное. Он не принял предложение Бреслера сделать повторное электронное сканирование квартиры.

- У нас проблема, Гэри.

- Мрачно звучит, - заметил Бреслер.

- Так и есть, - глубоко вздохнул Хилл. - Гэри, я думаю, что в Первой портлендской бригаде есть стукач. Скорее всего, в твоём батальоне.

Мышь в доме

*Ты дерзок, Джек Норфолк, но помни одно:
Твой Ричард уж куплен и продан давно!*

Король Ричард Третий - Акт V, Сцена 3

Бреслер глубоко вздохнул, а потом закрыл лицо руками.

- О, *Боже!* - простонал он. - Я знаю, это звучит жалко, но ты *уверен*, Уэйн?

- Ты знаешь, я никогда не заявлю подобное, если не убеждён, что это правда, Гэри, - сочувственно ответил Хилл. - Мы пройдем по всему, что у меня есть, вместе с тобой. Если ты заметишь, что я что-то упустил, и сможешь объяснить некоторые из событий, то я весь внимание.

- Ты же знаешь, что я буду биться, как сам дьявол, за своих людей и докажу, что ты ошибаешься? - спросил Бреслер.

- Я не ожидаю ничего другого ни от тебя, Гэри, как и ни от одного из твоих добровольцев. И надеюсь, ты в самом деле сможешь доказать, что я неправ. Никто не будет счастливее меня, если это окажется возможным. Но я так не думаю.

- Первый вопрос. С кем ещё ты говорил об этом? - спросил начштаба.

- С моим собственным боссом в Третьем отделе, Мэттом Редмондом. Командиром Койлом. Теперь с тобой.

- А с Бадам Лолором? - спросил Бреслер.

- Нет. Капитан Лолор замешан, - мрачно ответил Хилл.

- Боже милостивый! - изумлённо воскликнул Бреслер. - Ты думаешь, что *командир батальона* может быть предателем?

- Нет, по правде говоря. Думаю, что это кто-то пониже, но я просто сказал, что Лолор замешан, так что пока мы не исключим его окончательно, Бада нельзя привлекать к расследованию.

- Когда мы это проведём, и он узнает, что ты говорил со мной раньше, чем с ним, я страшно надеюсь, что он поймёт, - заметил Бреслер.

- Я тоже, - кивнул Хилл. - Но он солдат, и знает, как делаются эти дела, как они *должны* делаться. Я не люблю козырять званиями, Гэри, но обязан напомнить тебе, что, хотя мы оба лейтенанты, у меня две обязанности - бригадный офицер разведки и политический офицер.

- Да, знаю, что ты заимел самый большой орган и теперь размахиваешь им, - горько произнёс Бреслер. - Ладно, следующий очевидный вопрос. Откуда ты знаешь, что это не я?

- Уверен на сто процентов? Да нет, - признал Хилл. - Но ты не замешан, насколько я могу судить. Ряд настораживающих происшествий, которые я расследовал, особенно девять из них, начался ещё в конце лета прошлого года, перед тем как две портлендские бригады разделились на батальоны. В первых трёх происшествиях пострадали три роты тогдашней исходной первой бригады, А, Б и В.

- Это должно указывать на кого-то связанного со всеми этими ротами и с доступом к информации, - заключил Бреслер.

- Теоретически, да, но мы с тобой прекрасно знаем, что здесь, в реальном мире, где свистят пули, разделение постоянно нарушается. Роты помогают друг другу в операциях,

ребята в бегах из одной роты прячутся у людей из других подразделений, любовные пары рвут отношения, кого-то переводят, и так далее и тому подобное. Но есть другой, более значительный намёк. Деление на батальоны произошло в начале октября, а последующие шесть событий случились во втором батальоне, с ротами А, В, Г и И. Никаких проблем в первом батальоне, по крайней мере, ни одного случая, который нельзя чётко объяснить.

- А Третий батальон? Зак Хэтфилд и "Дикая стая"? - спросил Бреслер, всё ещё ошеломлённый раскрытием возможного предательства.

- Нет, не похоже, что ребята Зака были затронуты, по крайней мере, на данный момент. Только городские ячейки. Кажется, наше плохое яблоко прикатилось из второго батальона, когда бригады разделились.

- Чудесно, - пробормотал Бреслер. - Прости, друг, я просто ошарашен. И не совсем соображаю. Продолжай.

- Ты перешёл из Второй бригады в декабре и не занимал должность начштаба до января, когда был схвачен твой предшественник, - сказал Хилл. - Кстати, это один из сомнительных случаев. Насколько я могу судить, ты чист в пяти из девяти этих инцидентов, так как тебя не было в Первой бригаде, когда они произошли, и у тебя не было возможности узнать информацию, которая попала врагу. И ещё помимо всего этого в результате сложилась обстановка, когда мы на деле не знаем, что, чёрт возьми, происходит, но это выглядит странно. Я рассказал тебе немного, но не сомневаюсь, что ты не знал об этом, так что не мог никому проболтаться.

Мне нужен кто-нибудь, кому я могу доверять, чтобы помочь мне просеять всё это, найти общие знаменатели, точно определить, кто, что и когда знал. Таким человеком будешь ты. Конечно, я наделён полномочиями, чтобы начать таскать всех на допросы, но если я это сделаю, то за двадцать четыре часа слух пройдёт по всему Второму батальону, и все не только начнут прикрывать свои задницы. Но мы и осведомителя спугнём, если он есть, а я, повторяю, уверен в этом, и он даст дёру. Мне адски неудобно просить тебя перебирать собственных ребят, Гэри, но это нужно сделать в целях безопасности всех нас и во имя дела, которому служит армия. Кроме того, это приказ.

- Я уяснил обстановку, - вздохнул Бреслер. - Ладно, я поставлю кофе, а ты изложи мне всё с самого начала.

- Да, - кивнул Хилл. - Не стоит тебе говорить, что хотя мы нанесли жестокие удары по ублюдкам и добились серьёзных успехов, наши части в Портленде недавно понесли чувствительный урон, особенно Первая бригада. Потерь, арестов и пропажи матчасти здесь больше, чем в любом другом подразделении Добармии.

- Ты знаешь, этому есть причины! - запротестовал Бреслер, насыпая кофе в бумажный фильтр кофеварки. - Портленд - очень плотно населённый город, из-за всех этих леваков - яппи, которые боролись с развитием и пригородной застройкой на протяжении целого поколения. У нас почти такое же население как в Сиэтле, на трети его площади. По сравнению с областью Пьюджет-Саунд, и, конечно, по сравнению с чем угодно ещё на Родине, нас набито здесь как сельдей в бочке. Это намного упрощает для ЗОГ управление и контроль площади с помощью камер слежения на каждом углу, другой электронной слежки, и благодаря лояльным добровольным наблюдателям за преступлениями ненависти в общинах.

Ведь здесь больше любопытных соседей и потенциальных проколов безопасности рядом с местами, где мы работаем, больше потенциальных осведомителей, которые мечтают об этих 50 тысячах долларов награды за голову внутреннего террориста, больше латиносов, косоглазых и мексиканцев и красно-бело-синего быдла за каждым углом, стучащих на нас.

Ей богу, я завидую всем этим широким открытым просторам и лесам вдоль шоссе 30, где действует "Дикая стая"!

Конечно, всё это означает, что у нас здесь больше мишеней для Добрармии, и она должна тут находиться. Мы сражаемся как черти, летаем, как бабочки и жалим как пчёлы, каждый день даём пинки ЗОГ по всему городу. Но чем больше боёв на улицах, тем чаще дела могут пойти не так. Каждый раз, выходя на бой, мы рискуем попасться или столкнуться с каким-нибудь предательством, потому что тем самым мы даём аналитикам разведки противника больше сведений, больше кусочков головоломки, которую они стараются сложить. Я крещусь и стучу по дереву, но меня поражает, что Кота Локхарта ещё не схватили, тем более, что он так запросто разгуливает по улицам. Не знаю, то ли он совершенно бесстрашный, то ли немного чокнутый.

- По-моему, и то, и другое. Да, я знаю, всё так, как ты говоришь, согласен, - сказал Хилл. - Но всё-таки, факт остаётся фактом, что жертвы и потери оружия, помещений и оборудования в Портленде, и, особенно, в Первой бригаде, необычно высокие. Семь человек потеряны, двое погибли, пять - арестованы, а также пропали десятки автомобилей, более сотни стволов, тысячи патронов, и изъято больше сорока тысяч долларов. С этими потерями складывается необычная картина.

- Что ты имеешь в виду?

Кофеварка весело забулькала на заднем плане.

- Давай разберём каждый подозрительный случай, - проговорил Хилл, без бумажки, по памяти, так как любые найденные у него заметки любого рода стали бы для него роковыми. - В сентябре на конспиративный дом в Сент-Джонсе был произведен налёт, с потерей оружия, боеприпасов и наличных денег. Представитель портлендского бюро полиции сообщил СМИ, что местный член группы "Хейтуоч" позвонил в полицию, заметив подозрительную деятельность. Мы попытались получить подтверждение от наших людей в бюро полиции, но не смогли, что неудивительно, так как эти компьютерные файлы охраняются как Форт-Нокс, и мы до сих пор не можем узнать подробности или найти способ их взломать.

- Я не удивлен, так как мы шлёпнули восемь - десять этих предателей, долбаных *шабес-гоев*, - кивнул Бреслер. - Какая у них сейчас оплата?

- Четыреста в неделю на руки, - ответил Хилл. - Хорошая небольшая награда доброму старому мистеру Бисли с улицы за маленькое любительское подглядывание, но по нашей информации у ЗОГ становится всё меньше, и меньше таких бдительных "сторожей" из "Хейтуоч", потому что они всё чаще оказываются на кладбище.

- Ладно, это первое, - посчитал Бреслер.

- 30-го сентября склад оружия на коммерческом складе в Грешаме, - продолжил Хилл. - Пропали сорок стволов, много денег и боеприпасов. Представитель портлендского бюро полиции говорит, что тайник обнаружили, когда сантехник вошёл в помещение в поисках протечки после сильного дождя или что-то в этом роде. Третий отдел узнал имя этого так называемого сантехника, мексиканца, которого мы не можем найти, по-видимому, нелегала.

- Это второе, - сказал Бреслер.

- 20 октября доброволец Стив Брайт из роты "Б" был арестован "бегающими крысами" в своём доме в Сент-Джонсе. Они тихо взломали замки и взяли его спящим, без сопротивления. Полиция Портленда заявляет, что Брайта сначала разыскивали по ордеру из-за неоплаченных штрафов за нарушение правил дорожного движения и подобной чепухи, а после его ареста обнаружили оружие и материалы, указывающие, что он из Добрармии.

- Да, тут больше, чем запах дерьма, - согласился Бреслер.

- Именно. Как будто среди ночи посылают за штрафами целую группу быстрого реагирования! Это первые три случая при старой структуре бригады. В конце октября портлендская командная структура изменилась на батальонную. 8 ноября в Хиллсборо проведен налёт на крупный склад оружия и мастерскую по производству бомб, и при аресте ранен доброволец Ричард Петроне. Портлендские полицейские на этот раз рассказали, что арестовали какого-то мексиканского бандита, который сдал подозрительных гринго, чтобы сохранить свою задницу от обвинения по наркотикам.

- Сегодня меня всегда нервируют любые дела в Хиллсборо, в такой баррио он превратился, - заметил Бреслер. (*Баррио – район города, населённый преимущественно латиноамериканцами. - Прим. перев.*). - Но это четвёртый случай.

- Номер пять. 30 ноября арестован финансист второго батальона Роджер Уэст, его жёсткий диск изъят, а три секретных банковских счёта конфискованы. К счастью, наши финансы были в отлив, и мы потеряли в сумме только около сорока тысяч, а ведь ещё через неделю на этих счетах было бы более двухсот тысяч долларов - портлендская доля от ограбления индейского казино в штате Вашингтон группой "Танка Томпсона" из Данди. Представитель полиции Портленда сказал, что при обычной ревизии в одном из банков заметили что-то подозрительное. Теперь ты видишь, что я имею в виду под общей картиной, Гэри?

- А ведь это всё полиция Портленда, - вдруг заметил Бреслер. - Не ФБР, не БАТФЕ, не министерство внутренней безопасности. Как это портлендские увальни вдруг умудрились взять таких асов, террористов-боевиков?

- Да, одно это подозрительно, - согласился Хилл. - Случай номер шесть - самый худший. В канун Рождества добровольцы Лекс Ваннуэй и голландец Крайп были окружены группой быстрого реагирования в центре в кафе "У Денни" и застрелены, а официантка и несколько других посетителей ранены в перестрелке. Представитель портлендского бюро полиции хвалил храбрых полицейских этой группы, которые на самом деле разбили броневедомobileм переднюю витрину кафе, поэтому они стреляли в наших ребят из-за укрытия. Полицейские утверждают, что Крайп и Ваннуэй были опознаны на телемониторе слежения с помощью компьютерного распознавания лиц.

- Но, возможно, так и было? - предположил Бреслер.

- Возможно, - уступил Хилл. - Случай номер семь, 7-го января. Начштаба Второго батальона Пинатс Панчко был арестован в торговом центре в Грешаме. Портлендское бюро полиции твердит, что ищейка охранника торгового центра учуяла у него запах оружейного масла и порохового нагара. Мы потеряли там хорошего человека. Один наших ребят в Центре юстиции смог узнать, что Панчко, видимо, замучили. По слухам, Панчко допрашивали под пытками нескольких ночей подряд, и с тех пор его никто не видел.

- Мать Божья! - простонал Бреслер. - Я познакомился с Пинатсом недавно, но он был славным парнем. Мне он нравился.

Бреслер разлил кофе по чашкам и передал одну Хиллу.

- Давай не будем хоронить его, пока не получим подтверждения, - вздохнул Хилл. - Случай номер восемь. 3 февраля. Двадцать шесть винтовок, другое оружие и боеприпасы, один из двух пулеметов "М-60" в Портленде, и наш единственный оставшийся РПГ со склада в мотеле "Блю Скайз" в Алоха. Менеджер мотеля был активом Добрармии, прикрепленным к роте "А" Второго батальона, он сумел уйти и теперь принят в боевое подразделение Билли. Портлендское бюро твердит о бдительной мексиканской горничной, заметившей оружие. Эти истории полицейских со временем стали совсем неубедительными. Мы знаем, что там не было никаких мексиканцев; у нашего человека работали только русские, сербские девушки и

белые американки, а этот номер был заперт и никогда не убирался. Таким образом, мы знаем, что и в этом случае они вешают дерьмо на уши.

- Всё это выглядит паршиво, - уныло признал Бреслер.

Хилл нахмурился.

- Ещё хуже обстоит дело со случаем номер девять, 8 февраля. Доброволец Берт Нордфельдт был окружён отрядом портлендских полицейских в штатском и схвачен в ресторане отеля "Шератон" в центре города. Надо было идти на встречу налегке, из-за металлоискателей, так что у него даже не было пистолета.

Женщина, с которой он должен был встретиться, увидела из коридора, как произошёл арест. Она действовала по правилам, передала слово "спагетти" и сделала ноги к точке укрытия. Её опросили, и всё, что она рассказала, внушает доверие. Я уверен, что она чиста. Нордфельдта, в противоречие со всей политикой после событий 22 октября в Кёр д'Ален, посадили в обычную полицейскую камеру. И ему предоставили назначенного судом адвоката, одного скользкого типа из юридической конторы по имени Ван Мик с репутацией подонка даже по адвокатским меркам. Конечно, Ван Мик не может выудить что-нибудь из нашего парня, кроме трёх слов, но это не имеет значения, так как он ведёт весь разговор. Нордфельдту он сказал, что того узнал официант ресторана, молодой белый парень, студент колледжа по имени Элвин Джонсон, после еженедельной передачи "Прожектор терроризма: Самые разыскиваемые преступники Орегона".

- То есть портлендские полицейские спалили своего информатора подозреваемому? - фыркнул Бреслер. - Если ты веришь в это, то у меня есть мост в Бруклине, и я могу продать его тебе дешевле!

- Ну, правда, это иногда случается. Полиция и адвокаты, оказывающие правовую помощь, не самые острые "ножи" в ящике ЗОГ. Но затем, без всякой просьбы, этот козлик Ван Мик посетил мать Нордфельдта, его брата и подругу, которые также были вызваны и допрошены, но потом отпущены. Он повторил им ту же историю о молодом официанте. Естественно имя Джонсона нам подсовывают, и наверняка намеренно. Я иду искать, очень осторожно, потому что теперь я чувствую крысу.

- И что сказал малыш Джонсон? - спросил Бреслер.

- Ничего. Он исчез.

- Итак, он взял свои 50 тысяч кровавых денег и потом слинял в неизвестном направлении? - предположил Бреслер.

- Может быть, - сказал Хилл. - Проблема в том, что мне удалось побывать на кухне в "Шератоне", в кабинете заведующего, и взглянуть на рабочее время в карточке Джонсона. Он не отмечал карточку вечером 8 февраля. Это был даже не его рабочий день, когда взяли Нордфельдта.

- Похоже, ты должен немного поговорить с адвокатом Ван Миком, - сказал Бреслер.

- Мы и поговорили, - сказал Хилл. - Точнее, задержали его вчера вечером. Поскольку он - адвокат, я зачитал ему вслух Протоколы Дершовица из ФБР по моему собственному экземпляру, пока коллега раскладывал иглы. Просто, чтобы дать ему понять, что всё законно и честно. Мы даже не прикоснулись к нему. На середине второй страницы Ван Мик уже молил о пощаде. Он признался, что его принудили к этому полицейские Портленда.

- Портлендское бюро? Не ФБР и не министерство внутренней безопасности? - резко спросил Бреслер.

- Портлендское бюро полиции. Два детектива первого класса, очень неприятные твари из старого, ещё до событий 22 октября, отделения преступлений на почве ненависти,

коричневая кукла Барби по имени Елена Мартинес и её партнёр, большой мерзавец-ниггер Джамал Джарвис, они же Мамаи и Обезьяна.

- Я знаю эти имена и видел несколько фотографий, - сказал Бреслер. - Они стоят в расстрельном списке почти с 22 октября, но мы вроде как не смогли их достать.

Хилл кивнул.

- Да, мы даже пару раз посылали Кота Локхарта поохотиться на них, но не повезло. Джарвис и Мартинес осторожные и скользкие. Оба чертовски хорошо понимают, что Партия припомнит им старые делишки, и они отмечены "крестом". Твари убрались из своих старых берлог и сейчас живут где-то под крышей, спрятали свои головы и передвигаются, не привлекая внимания. Это вписывается в то, что мы слышим о них сейчас: они ведут секретную сыскную работу для портлендского управления. Их имена всплыли в связи с другими делами. Все в отделении, и даже дворник Центра юстиции, знают, что эти двое что-то мутят, но никто не знает, что. Теперь Ван Мик говорит, что это они навели его на тот ложный след с Элвином Джонсоном. Он поклялся, что ничего больше об этом не знает, и я ему верю. Ван Мик просто сделал то, за что ему заплатили. Он понятия не имеет, где официант. Я думаю, что, к сожалению, бедного белого парнишку Джонсона просто пустили в расход, и ЗОГ "испарил" его в целях маскировки и защиты своей крысы.

- Полагаю, адвокатишка уже похоронен на свалке? - мельком спросил Бреслер.

- Нет, я отпустил его, - сказал Хилл.

- А стоило ли? - спросил начштаба.

- К сожалению, я был вынужден снова выпустить адвоката в общество, но это просчитанный риск, - ответил Хилл. - Что бы ни прогнило в датском королевстве, я хочу, чтобы никто в центральной штаб-квартире полиции не узнал, что мы с ним поработали. Если бы Ван Мик исчез, Мартинес и Джарвис поняли бы, что мы их разгадали. Мы заставили Ван Мика потеть, как свинью, в том числе его ладони, и я заставил его крепко подержать незаряженный дробовик и пистолет калибра 9 мм. И заставил его прочитать пару стандартных онлайн-пропагандистских текстов и лозунгов Добрармии на цифровой магнитофон. Объяснил ему, что если он скажет хоть слово кому-нибудь о нашей маленькой встрече с глазу на глаз, то его голос прозвучит на всех незаконных интернет-сайтах Добрармии, а оружие с его отпечатками будет найдено рядом с трупами полицейских Портленда. Парень этот - грызун, с крысиным инстинктом самосохранения, и он не захочет снова увидеть эти иголки Дершовица, выложенные для него где-нибудь в секретной камере министерства внутренней безопасности. Ван Мик будет держать рот на замке. Я надеюсь. Так вот эти наши девять сомнительных случаев. Уже улавливаешь общую картину, помимо того, что всё это, кажется, связано с внезапно проявившейся удивительной успешностью бюро полиции Портленда?

- А я не уверен, - усомнился Бреслер.

- Я уверен, что ты видел в СМИ, здесь и в других городах, как ФБР, министерство внутренней безопасности или другие полицейские арестовывают или убивают наших людей, врываются в наши конспиративные дома, захватывают оружие или как-то препятствуют и затрудняют наши операции, - терпеливо объяснил Хилл. - Каждый раз, когда федералам удаётся что-то подобное, они бегут на "Си-Эн-Эн" и выглядят, как кошка, которая наалакалась сливок, и заводят своё "мы действовали с использованием ряда наших источников", "совершенно секретно", "без комментариев", подталкивают друг друга локтями, подмигивают, мол, ну, вы понимаете.

Они хотят заставить нас нервничать, стать параноиками и убедить своих сторонников, говоря, что у них в Добрармии большая сеть информаторов, которых нет, иначе все мы были

бы мертвы или сидели в тюрьме. Несколько федералов смогли ненадолго проникнуть к нам, но все они были на вторых ролях, их заметили и устранили, до того, как они причинили слишком большой ущерб. В том и состоит великое значение правила: "Не ты вступаешь в Добрармию, а Добрармия находит тебя". Для того чтобы их лазутчик проник глубоко, почти наверняка это должен быть один из наших людей, который испортился, уже попав к нам, из-за личной обиды или денег. Пока такого не случилось. Постучим по дереву.

- Во всяком, случае, тебе об этом неизвестно, - сухо напомнил ему Бреслер.

- Верно, насколько мы знаем, - признал Хилл. - Этот обычный официальный обман, введённый правилами психологической войны "Сентком", обязательными для всех федеральных ведомств и местных правоохранительных органов. Процедура, которую портлендские полицейские внезапно стали полностью нарушать. (*Сентком - Объединённое центральное командование ВС США. - Прим. перев.*). В каждом из этих девяти эпизодов они изо всех сил пытались предложить нам какое-нибудь правдоподобное объяснение того, как каждое событие произошло. Зачем они так делают?

- Скорее всего, пытаются отвлечь нас от того обстоятельства, что у них теперь есть настоящий стукач, - тяжело вздохнул Гэри.

- А теперь - сюрприз, - сказал Хилл. - Ты слышал об этом бардаке у нас вчера вечером в Макминнвилле?

- Да, слышал, что копы устроили перестрелку с какими-то мексикашками, а Рэд Морхаус и Томми Койл сидели на местах в переднем ряду, - ответил Бреслер. - А что, чёрт возьми, на самом деле там случилось? В СМИ сообщили, что просто какие-то бандюки болтались там и повели себя плохо. Ты хочешь сказать, это была не случайность?

- Бандюки были настоящие, верно, - сказал Хилл. - Я изучал дело крайне тщательно, и сама перестрелка, похоже, была именно такой, как сообщали СМИ. Кучка бандитов приехала на машине и ограбила винный магазин, а водитель так нажрался или был под кайфом, что протаранил полицейскую машину, и все они были вдрызг пьяные. Полицейские пристрелили двух мексикашек, а два других сидят под замком и ждут начала юридического процесса по всем правилам, чего белым уже никогда не светит. Я отчасти склонен считать этот случай ещё одним примером удивительного божественного вмешательства. Бог, похоже, то и дело приходит нам на помощь, после того, как белый человек начал подниматься на борьбу. Смелого пуля боится и тому подобное. Эта заварушка, возможно, спасла нас от кой чего похуже.

- Ну так что мы там делали?

- Шоу Дикого Запада разыгралось прямо перед витриной магазина, в котором Добрармия проводила специальное совещание командования, - пояснил Хилл. - Нам докладывали о новом плане ЗОГ. Организуется какой-то спецотряд для силового вторжения на Северо-Запад и расправы с нами, разжигателями ненависти, что-то вроде Федеральной полиции по борьбе с внутренним терроризмом. Видимо, они будут походить на "чёрно-рыжих" в Ирландии сто лет назад. (*Английские карательные отряды в Ирландии, в 1920-23 годах подавлявшие национально-освободительное движение ирландцев. - Прим. перев.*).

Пока всё это в проекте, но мистер Чипс привёз нам обращение Совета Армии начать подготовку тактических и стратегических планов борьбы в условиях большого увеличения числа федеральных "сапог" на улицах и применения ими гораздо более жёсткой тактики. Я был там от Третьего отдела, представляя полковника Редмонда, а Томми Койл с Гарри Хэнноном прибыли для проведения мозгового штурма.

- Там в одной комнате собрались *вместе* и командиры бригад и член Совета Армии?! - вопрошал Бреслер. - Ёлки-палки, это же опасно!

- Я знаю, но иногда мы просто вынуждены сложить наши умы вместе и решить сложную задачу, а это был как раз такой момент. Совещание всё не начиналось, потому что Гарри ещё не прибыл, и не прошло положенных пятнадцати минут, когда вдруг мы услышали стрельбу на улице. Мы довольно быстро разобрались, что, очевидно, мексиканское мясо билось с полициями, но мы с Гарри всё равно послали "спагетти" и сделали ноги. Оставили добровольца Рона Колчака сзади, чтобы прикрыть нас с крыши. Знаешь Рона?

- Конечно, - кивнул Бреслер. - Хороший мужик. Наверно, наш лучший снайпер после Кота Локхарта.

- Ну вот, мы все ушли через заднюю часть здания, держа оружие наготове, беспрепятственно добрались до наших машин и очистили место. Рон задержался минут на пять, прикрывая нас сверху, а потом ушёл по крыше. Легко. Но когда он оказался в безопасном месте, то доложил кое-что интересное.

Хилл наклонился вперёд.

- Колчак был вооружён винтовкой "М-24" с инфракрасным ночным прицелом. Между ним и уличными фонарями у него был чёткий обзор на несколько кварталов. На полпути к следующему кварталу на улице стоял грузовой фургон "Оук Харбор Ван Лайнз". Он стоял там со времени, когда мы прибыли, и, казалось, был пуст, а когда машина наших разведчиков проезжала там, они не заметили никакого движения. Теперь, обрати внимание, там происходит перестрелка, на улице прямо за фургоном, везде сирены, и всё больше полицейских машин. По-моему, доброволец Колчак действительно заслужил вынесения благодарности за проявленную выдержку, что так долго там оставался. Так вот, Рон увидел пару подъезжающих полицейских машин, которые свернули к этому стоящему фургону. Он навёл на фургон сверху вниз свой прицел и увидел, как его задняя часть поднялась, и пять-шесть человек спрыгнули на землю и побежали к перекрестку, откуда слышалась стрельба, крики и испанская матерщина.

Парни из фургона с винтовками "М-16" и дробовиками были в бейсболках и синих куртках, и Рон уверенно опознал в них полицейских из портлендского бюро. Впереди бежали мужчина и женщина в штатском. Эта группа достигла угла в сопровождении нескольких обычных полицейских, которые вывалились из дежурных машин с оружием наизготовку. Там все остановились, потолкались секунд двадцать как будто сбитые с толку. Потом женщина в штатском жестом послала копов в форме к мексиканским грабителям на перекрёсток, в то время как группа из фургона побежала обратно к нему, запрыгнула внутрь и закрыла дверь, а два сыщика сели в другой стоящий на улице автомобиль, и все уехали. Всё это произошло, может быть, секунд за шестьдесят, пока продолжался весь этот гвалт на улице.

- Оооо'кеей, - протянул Бреслер. - Значит, там была какая-то засада полицейских в штатском недалеко от места совещания?

- Несомненно. Теперь слушай: Колчак клянётся на стопке "*Майн Кампф*", что двумя полицейскими в штатском впереди, которых он видел, были Лэйни Мартинес и Джамал Джарвис. Он говорит, что у Джарвиса теперь бритая голова, и он носит козлиную бороду "Лев Иудеи", но это определённо была та парочка.

- Рон их знает? - спросил Бреслер.

- Ответ утвердительный, - кивнул Хилл. - Он не только смотрел наши фотографии, но и знаком с обоими со дней своего пребывания в Партии до 22 октября, когда Лэйни и Джамал арестовали его и время от времени избивали в кровь, просто ни за что, и ржали. Рон сказал, что страшно хотел пристрелить их за "доброе старое время", но заставил себя

сохранить холодную голову и подумать. Рон был окружён превосходящими силами противника, они не знали, что он там, но у него не было уверенности, что он сможет убежать, как только его заметят. И он не знал, успели ли наши офицеры уйти, а, кроме того, ему показалось, как будто сами враги были сбиты с толку и застигнуты врасплох. Если они не поняли, что, чёрт возьми, происходит, то Колчак не чувствовал необходимости их просвещать. Я согласен с этим его решением.

- Я тоже, - подтвердил Бреслер. - Как говаривал Паттон, никто никогда не выигрывал войну, умерев за свою страну. Он выигрывал войну, заставляя других несчастных дурней умирать за его страну. Наши ребята должны жить, чтобы снова воевать на следующий день. Так что же, чёрт возьми, эти двое делали, прячась в фургоне за полтора квартала от места, где хотели собраться два командира бригад и член Совета Армии?

- Это мы и должны выяснить, - кивнул Хилл. - Должен признать, Гэри, что это событие в Макминнвилле меня зацепило. Всего восемь-девять высших руководителей во всей Добрармии знали, что такое совещание вообще состоится. Я попросил Томми подготовить список из пяти возможных мест, и выбрал Макминнвилл только за час перед совещанием. За час до совещания Гарри и Томми сами не знали, когда и где оно состоится. Им просто было сказано ждать и быть на связи в любой момент для получения срочного приказа.

Билли Джексон и Джимми Уинго были в кочующем патруле на улице в двух машинах, в каждой из которых водителями были женщины-добровольцы. Они также предварительно проверили безопасность места совещания, не обнаружили прослушки, но на самом деле они не знали, что намечено внутри здания, или кто там будет присутствовать. Могу поклясться, что оно было приведено в полный порядок!

- Однако фургон похож на станцию прослушки, - заметил Бреслер. - У них, возможно, были направленные микрофоны или какие-то особые аппараты микроволновой спутниковой связи. Ты прозвонил всех, кто входил?

- Да, Рэд приехал с этими двумя ребятами из Данди, с которыми он давно, Шоном и Руни, потом Томми и несколько парней с ним. Я сам проверял их всех, как только они входили в дверь, и ничего не звякнуло. Я знаю, что сейчас можно слушать людей в подвале со спутников в космосе. Есть и волоконно-оптические микро-жучки размером с булавочную головку, жучки, которые похожи на тараканов и даже удирают по полу, да что угодно. Старомодный жучок, приклеиваемый хирургической плёнкой на бритый живот какого-нибудь парня, устарел, как кремнёвый ружейный замок. Как бы то ни было, могу сказать, что они, похоже, не были готовы хватать нас. Мне представляется, это какая-то засада для прослушки. Но как, чёрт возьми, они узнали, где прослушивать?

И Хилл в сердцах ударил кулаком в ладонь.

- Так что же нам теперь делать? - спросил Бреслер.

- Мы возьмём каждый из этих случаев, рассмотрим и проанализируем их все досконально, - решил Хилл. - Составим список имен для каждого случая. Кто знал об этих конспиративных домах и тайниках с оружием? Кто имел какие-нибудь контакты с любым из добровольцев, которые попались, достаточно близкие, мог предсказать их передвижения и указать на них? Кто знал, что и когда они это узнали? Затем берём список для каждого случая и ищем совпадения. Они обязательно будут.

После этого берём все наши совпадения и пытаемся сопоставить их с другими случаями, даже если кажется, что никакой связи нет. Товарищ "X" знал Стива Брайта, но знал ли он или она о мастерской взрывных устройств? Знает ли он или она кого-нибудь, кто знал о месте совещания в Макминнвилле? Товарищ "Y" знал Пинатса Панчко, но знает ли он

или она или мог знать Роджера Уэста? Как только мы сузим список до нескольких подозреваемых, то дело усложнится, потому что нам придётся разработать какие-то ловушки, чтобы завлечь их и посмотреть, не сможем ли мы заставить портлендских полицейских появиться по сигналу в определённом месте и времени.

Всё это должен будешь узнать ты, Гэри, потому что я могу насторожить всех в батальоне, что рядом "крыса", а ты знаешь, что бы ещё ни случилось, мы *не хотим*, чтобы об этом узнали. Наш боевой дух высок, в основном, потому, что до сих пор мы смогли в основном предотвратить проникновение именно такого рода. Разгул паранойи и недоверия может уничтожить Второй батальон как боевую единицу с таким же успехом, как и любые массовые аресты. Он даже может просочиться из Второго батальона и заразить другие подразделения, и мы обязаны предотвратить это любой ценой. Всё должно быть сработано спокойно, разумно, а, главное, быстро, прежде чем кто-нибудь ещё погибнет или попадёт в пыточные застенки Центра юстиции.

- Хорошо, - сказал Бреслер. - А есть соображения о том, кого мы ищем? Я имею в виду, что это за человек? Его профиль, как сказали бы полицейские в старые времена?

- Ключ может лежать в том, что пока всё выглядит исключительно операцией портлендского бюро полиции, - предположил Хилл. - Если бы это была федеральная операция, я бы сказал, что мы ищем мужчину или, может быть, женщину, но более вероятно, мужчину, с серьёзным военным прошлым, скорее всего из разведки. Но он, видимо, скрыл этот факт от Добрармии и утверждает, что был просто рядовым в Тикрите или ещё где-нибудь. Стукач не скрывает своего военного прошлого полностью, что было бы невозможно среди мужчин, и в самом деле воевал на Ближнем Востоке, как и многие наши добровольцы, но будет действовать под вымышленным именем, а его упоминания будут безупречными и проверяемыми, чтобы поддержать его вымышленную личность.

Я думаю, он не стал бы сдавать мелкие тайники с оружием и отдельных добровольцев. Он действовал бы как ФБР против "Коза Ностра" в старые времена, когда они на самом деле боролись с преступностью и засылали к ним таких парней, как Донни Браско. Он в первую очередь занялся бы сбором разведанных, пытаясь подняться вверх по служебной лестнице, установить как можно больше наших людей и передать столько данных, сколько сможет, чтобы его хозяева смогли ударить по всем нам сразу и провести один большой массовый арест. Федеральные бюрократы любят большие зачистки, чтобы они могли покрасоваться на телевидении и добиться большого продвижения по службе а, возможно, и уйти в политику и начать карьеру конгрессмена.

- Но портлендская полиция? - продолжил Хилл, прихлебывая уже остывший кофе. - Местные правоохранительные бюрократии - это глубоко консервативные учреждения, сопротивляющиеся любым переменам. По моему предположению, они бы придерживались того, что знают, то есть взяли бы на крючок какого-нибудь своего мелкого преступника, видимо, угрожая большим тюремным сроком и позволяя крысе избежать его.

Они склонны не обращать внимания на общую обстановку и ищут быстрое решение, быстрый захват, чтобы показать немедленный результат. Количество, а не качество. Именно так копы с улиц попадают на экраны телевизоров и добиваются повышений. Кажется, именно так происходит и в нашем случае. Они собирают случайные кусочки, здесь тайник с оружием, там доброволец или два. И, видимо, сильно давят на своего информатора, чтобы показать результаты, оформить облавы и улучшить статистику. Кто бы это ни был, ведут его Маами и Обезьяна.

- Возможно, поэтому нам надо сосредоточиться на похищении одного или их обоих и прочитать им "Евангелие от Дершовица"? - предложил Бреслер.

- Конечно, это мысль, чёткая мысль, - согласился Хилл.

- Когда мы поймем того, кто бы он ни был, что дальше? - спросил Бреслер. - Ты ведь знаешь, что потом, - сказал Хилл.

- Да, знаю, - раздражённо бросил Бреслер. - Я имел в виду, есть ли какой-то установленный порядок для такого рода дел? Военный суд, что ли? Слава Богу, мне раньше никогда не приходилось иметь с этим дело.

- Это зависит от обстоятельств, - сказал Хилл. - И, в любом случае, будет не твоей заботой. Мы решили, что лучше держать грязное бельё армии вне поля зрения даже от товарищей, насколько возможно. Исчезновение лучше для боевого духа, чем открытая казнь. Этим займётся особый отряд Третьего отдела. Если всё пойдёт хорошо, то в один прекрасный день определённый товарищ исчезнет, а остальным будет сказано, что человек был переподчинён, и дело с концом. Необходимость знать только кому надо и так далее.

- Нет, - решительно сказал Бреслер. - Мы так не поступим. Когда придёт время, позвони мне, Уэйн. Я много думал о нашей группе прекрасных парней и девушек, которую нам удалось собрать из обломков белого населения нашего континента. Эти двое ребят, что были здесь у нас сегодня вечером - хороший пример. У меня после них поднялось настроение.

Добровольцы Северо-Запада - самые лучшие, самые смелые, последняя надежда наших предков и цивилизации. И если есть те, кто предал их и изменил священному долгу, который мы взяли на себя, то я хочу посмотреть им прямо в глаза перед тем, как нажать на спусковой крючок, так чтобы я чертовски хорошо знал, что они никогда, никогда снова не предадут свою кровь. Можешь передать от меня Мэтту Редмонду, что Первая портлендская бригада почистит свой собственный дом.

- Хорошо, раз ты так хочешь, - кивнул Хилл.

- Да, я так хочу, - подчеркнул Бреслер.

Вечером того же дня Хилл сидел в своей маленькой комнате высоко над городом и смотрел вниз на реку Колумбия. На небе появились луна и звёзды, и в их бледном свете он различал туман, сгустившийся над водой. От множества мыслей Хилл не мог уснуть. "Эй, мышка, мышка!" - произнес он про себя. Хилл никогда не думал о стукачах как о крысах. Они казались ему мышами, прогрызающими сзади мешки с зерном в сарае или буханки хлеба в кладовой. Невидимыми за исключением оставляемого помёта, пачкающего и портящего пищу.

"Ну, мышка, только на миг высунь голову из норки, чтобы я мог разглядеть тебя. Тогда ты моя, маленькая пушистая тварь. Я знаю, ты где-то здесь, и поймаю тебя".

Под новым руководством

*О долгая, мучительная ночь!
Умерь часы, пошли хоть луч с востока,
Чтоб я могла уйти в Афины прочь
От тех, чья ненависть ко мне жестока.
Сон, взор тоски смыкающий порой,
Ты от себя самой меня укрой!*

Сон в летнюю ночь - Акт III, Сцена 2

Кики была поражена отсутствием шума вокруг ноябрьского убийства бывшего посла в Южной Африке и его жены из племени банту. На следующий день во время её обычного отчёта казалось, что Джарвиса и Мартинес больше интересовал вид использованного оружия и мина-ловушка на машине, чем само двойное убийство.

- Слушайте, а вас не беспокоит, что эти парни убили пару человек, и вы записали их на пленку, или компакт-диск или, что у вас там? - недоверчиво спросила она. - Может, самое время, чтобы прикрыть это дело и начать аресты? Теперь они у вас на крючке за Большое Убийство. Боже, что же ещё вам нужно?

- Две эти смерти, конечно, прискорбны, - ответила Мартинес. - Но, так уж вышло, что бывший посол Уитмен был республиканцем и политическим противником президента, а наша начальница - демократ и, конечно, сторонница Клинтон, так что бюро не относится к этому двойному убийству настолько серьёзно, как ты думаешь. Мы сами выберем время для завершения операции "Прожектор" и ареста, Кристин, не беспокойся об этом. На самом деле мы рады, что это произошло, потому что теперь в Добрармии будут знать, что ты сохраняешь хладнокровие во время мокрых дел, и начнут использовать тебя в более серьёзных операциях.

- О, замечательно, как раз на это я и надеялась, - съязвила Кики.

Кики ещё не было известно, что Линда Хирш не утерпела, и, соответственно, надсмотрщики Кики уже начали аресты на основе собранных с её помощью улик или информации, которую смогли извлечь из её данных. И они действовали так уже несколько месяцев, ничего ей не говоря. Со временем Кики узнала об этом, и когда она поняла, что они совершали налёты на цели в Добрармии, связанные с ней, это ввергло её в ещё худшие глубины отчаяния, чем раньше, с начала её мучений в роли тайного осведомителя. Однажды в январе она, наконец, схватилась с Мартинес во время одного из постоянных отчётов в комнате Центра юстиции, используемой для допросов.

- Ты, что, просто *хочешь* меня убить? - отчаянно кричала она. - Эти люди - не круглые дураки! Сейчас они уже не могут не знать, что среди них появился стукач, и они, наверно, ищут меня! Со дня на день я могу получить вызов пойти на с ними на убийство, а оно окажется моим собственным! Почему ты хотя бы *не скажешь* об этом прямо, чёрт тебя побери?

- Чтобы ты не психанула в панике, как сейчас. Расслабься, Кристин, - небрежно бросила Мартинес. - Мы подходим выборочно и не арестовываем тех, с кем ты часто общаешься. У них нет оснований подозревать тебя. Мы должны проводить задержания, чтобы оправдывать свои изрядные расходы на этот проект и на тебя. Именно так делаются эти дела. Мы не можем бесконечно тратить доллары налогоплательщиков совсем без

результатов. Доллары налогоплательщиков, часть которых идёт тебе. С лета прошлого года ты получаешь пятьсот баксов в неделю без налогов, что ты наверняка знаешь, если смотрела свой счёт на той банковской карточке, что мы тебе дали.

- Ну да, недурная заначка на "чёрный день", - признала Кики. - Как жаль, что я не могу ничего снять с карточки.

- Мы заморозили счёт для надёжности, чтобы ты не сняла деньги и не дёрнула от нас в полночь, Кристин, - ответила Мартинес. - Не волнуйся, когда всё закончится, мы разморозим счёт, и у тебя набежит достаточно, чтобы начать новую жизнь со своей девочкой где угодно.

Кики сильно сомневалась, что они когда-нибудь вообще её отпустят, но она оказалась в ловушке, как муха в янтаре, и просто не могла найти никакого выхода из положения. Датчик места по-прежнему оставался в кольце на пальце Кики, и ей дали понять, что любая попытка снять его или испортить любое устройство контроля на её теле, в такси или в прицепе будет считаться окончательным нарушением договора и приведёт к пагубным последствиям в виде потери дочери. А, вероятно, к ещё одному сеансу лечения электрическим током, пока она в конечном итоге вылетит в трубу тайного крематория в Центре юстиции. Кики один раз спросила Мартинес о крематории, но та никак не подтвердила, но и не отвергла его существование. Только улыбнулась и сказала: "Ты должна любить Патриотический закон".

Так что Кики продолжила своё кошмарное существование, урывая несколько часов через день для встреч с дочерью и всё более измученной и встревоженной матерью, водила такси, чтоб иметь карманные деньги, и выполняла разные поручения Добрармии теперь уже почти всё свободное время, участвуя во всё большем числе показательных избиений, поджогов и установок бомб, хотя и не в прямых убийствах.

Напряжение начало на ней сказываться. Иногда тоска Кики по порции крэка или даже бутылке "Джек Дэниелс", да чему угодно, лишь бы забыться на несколько часов, становилась почти невыносимой, и в одиночестве ночью в постели, она жевала простыню, чтобы не закричать. Она не могла спать, но отказалась от предложенных таблеток снотворного из полицейской аптеки, боясь, что в Добрармии могли посчитать таблетки нарушением Общего приказа номер десять, а также установить их источник. Но в основном она боялась уснуть и проснуться, а у кровати окажется кто-нибудь, из Добрармии, из полиции, или чёрт знает откуда, чтобы убить её. Нервы Кики превратились в натянутые струны, она не могла толком есть, и хотя не потеряла слишком много в весе, её лицо осунулось, а глаза ввалились.

Её надсмотрщики из полиции или ничего не замечали, или это их не заботило. А товарищи по Добрармии заметили. Однажды Джимми Уинго ехал с Кики по снабженческим делам, и после того как они оставили несколько чемоданов и картонных коробок в гараже загородного дома, по-видимому, пустующего, на обратном пути в город он спросил её обеспокоенным тоном:

- Слушай, Кики, ты в порядке? В последнее время ты выглядишь немного задёрганной.

- Да, - призналась она. - Я сплю не очень хорошо. Думаю, что меня как-то достало.

Она немного помолчала и почувствовала, что надо сказать что-то ещё.

- Это из-за моей девочки. Мама взяла её, ты знаешь, я говорила, и... ну, ювеналка что-то разнюхивает. Мама живёт в прицепе в Орегон Сити, и пару недель назад появились какие-то суки из службы защиты детей, когда она была на работе, а Элли - в детском саду, и оставили карточку в двери.

- Боже! - искренне заволновался Джимми. - Надеюсь, она с ребенком быстро оттуда смоталась!

- Да уж, поверь, белые, которые живут в прицепах, знают, что когда служба защиты детей начинает крутиться около тебя, лучше не ждать второго посещения, если хочешь сохранить своих детей, - сказала Кики. - Если они появятся снова, то захотят узнать, где я, и что делаю. Я разговаривала с мамой по телефону и, в общем, сказала ей, увезти Элли куда-нибудь и не говорить мне, куда. Она обещала. Не споря. Думаю, что она понимает, чем я занимаюсь, чем-то незаконным, во всяком случае. Но пройдет время, прежде чем я снова увижу свою малышку. Конечно, это давит, и я плохо сплю ночью, это невесело, и, похоже, заметно. Но вы с ребятами не беспокойтесь обо мне.

- Ладно, - заверил её Уинго. - У нас всех случаются разные ужасные заморочки, вроде этой, при нашей-то жизни. Знаешь, если я что-то могу для тебя сделать, просто скажи.

- Спасибо, - поблагодарила Кики. - Джимми, а можно тебя спросить?

Кики понимала, что вступает тут на тонкий лёд, и что вести этот разговор, зная, что полицейские его слушают, было по-своему одним из худших её поступков по отношению к этому человеку, но она не могла удержаться.

- Почему ты никогда не пытался приударить за мной? Потому, что знаешь, ну, чем я зарабатывала на жизнь?

- Ээ, в некотором смысле, да, но не из-за того, о чём ты, видно, подумала, - осторожно начал Уинго. - Чёрт, как я могу объяснить? Конечно, ты мне нравишься. Любому мужчине, который видит тебя, ты нравишься, и ты это знаешь. Но если я когда-нибудь сделал бы шаг к тебе, всегда возможно, что ты посчитаешь, что я, скажем, так и думаю о тебе. Это могло показаться тебе неуважением. Разумное объяснение?

- Вот как, - улыбнулась Кики. - Спасибо, Джим.

У неё крутилось на языке, сказать, чтобы Джимми послал неуважение к чёрту, так долго она была одна, и почему бы им не остановиться у неё дома на обратном пути? Но потом она вспомнила, что было в её серьгах, и что в прицепе, и выругалась про себя. "*Я должна отказаться от этого*", - подумала она. Теперь Кики боялась, что он попытается пойти дальше. И понимала, что не может просто так оставить всё это.

- Слушай, я, правда, тебе благодарна. Мне нужно быть на работе в четыре, то есть сегодня, но, может быть, когда-нибудь потом.

- Я тоже должен быть кое-где, - усмехнулся Уинго. - Это беда всякой революции. Она - не бар для встреч одиноких. Без романтической фигни, в самом деле не так много времени остаётся на отдых. Каждому из нас всегда где-то срочно нужно быть, и как-то трудно включать любовь в расписание. Если время подойдёт для нас обоих, мы это поймём. Надеюсь, когда-нибудь так случится, Кик.

На следующей отчётной встрече Лэйни привлекла Кики к ответу.

- Ты должна была действовать намного решительнее, - отчитывала она. - Я постоянно говорю, что ты должна заигрывать с этими дебилами-расистами и ловить их в мешок. Неизвестно, что ты могла бы узнать из "бесед под одеялом". Женщины-шпионки всегда этим занимались. Господи, ты же не вторая "Энн из Зелёных крыш" или недотрога.

- Теперь я - шлюха другого сорта! - огрызнулась Кики.

Вскоре после этого мир Кики превратился в ад. По-настоящему.

* * *

Всё началось на одном из еженедельных межведомственных совещаний в Центре юстиции с участием Бюро полиции Портленда, ФБР, министерства внутренней безопасности, Секретной службы, БАТФЕ и ещё полдюжины других учреждений и организаций, отвечающих за борьбу с внутренним терроризмом на Северо-Западе.

Считалось, что цель этих совещаний состоит в обмене информацией, а также в выработке и внедрении единой стратегии в борьбе с угрозой, представляемой Добрармией. На практике всё, обычно, выливалось в разборки, мелкие отвлечения на несущественные вопросы, личные столкновения, обмен уколами и перетягивание одеяла, склоки из-за денег и ресурсов, а также общие дразги и распри.

ФБР расценивало себя как примадонну правоохранительных органов. Фэбээровцы считали министерство внутренней безопасности (и по праву) слабаками и политическими назначенцами, БАТФЕ (опять справедливо) - безмозглыми отморозками, а копов Портленда (отчасти правильно) - неуклюжими увальнями с ограниченными умственными способностями. Копы Портленда относились к федералам всех ведомств (и справедливо) как к высокомерным и самовлюблённым придуркам. Оперативники министерства внутренней безопасности действительно были политическими чиновниками, главным свойством которых была лояльность к нынешней администрации, но все они считали себя Джеймсами Бондами.

Ну а агенты БАТФЕ были угрюмы и враждебно настроены ко всем остальным за столом, чувствуя, что их отодвинули в сторону. Отсутствие у правительства успехов в борьбе добровольцами никогда не было тайной для всех, кто присутствовал хотя бы на одном из этих совещаний. Простой факт заключался в том, что люди, управляющие Соединёнными Штатами Америки, оказались потрясающими неумехами.

Однако в последнее время шеф Линда Хирш председательствовала во главе стола с самодовольным выражением кошки, которой достались сливки. Её люди добивались результатов, убивая и задерживая добровольцев, захватывая оружие и средства Добрармии, в то время как могучее ФБР гонялось за своим хвостом.

Эллиот Вайнштейн, специальный агент ФБР, отвечавший за Портленд, и бывший любовник покойной Рабанг Миллер, был страшно зол. Это был жилистый еврейчик с торчащими рыжеватыми усами и выпученными глазками, в очках с толстыми стеклами, которые делали его похожим на какого-то потешного персонажа Вуди Аллена. Но Вайнштейн был далеко не смешон: он был одним из лучших агентов Бюро, пока не начались события в Портленде, где ему ничего не удавалось добиться. Вайнштейн был взбешён до безумия, будучи сбит с толку и бесцельно гоняясь за расистами и антисемитами - *гоями*, которых он глубоко презирал.

Вайнштейн, как и многие мужчины-евреи, с трудом находил общий язык с властными, матриархальными и часто развратными женщинами своей расы, что и подчеркнул своей женитьбой на девушке-блондинке из Велзли как на жене - трофее. Он считал открытое лесбиянство Хирш отвратительным, её физиономию - отгалкивающей, и чувствовал, что её тщеславие и безжалостный напор, с какими она взбиралась по американской лестнице успеха, не уступают его собственным, из-за чего он не доверял ей, опасался и нервничал.

- Шеф, ещё раз я должен выразить протест против отсутствия координации между полицией Портленда и федеральным органом, в операции, которую вы проводили в центре города вчера вечером, - угрюмо проговорил он. - Вы знаете, что правила внутренней безопасности требуют присутствия федеральных сотрудников, предпочтительно из ФБР, при любой операции против внутреннего терроризма. Ваши люди действовали там как ковбои, без всякого федерального надзора или влияния.

- Мы арестовали ещё одного расиста, и после моей небольшой работы с иголками смогли вернуть десяток стволов и четыре килограмма коммерческой взрывчатки, а у них не хватило времени, чтобы всё перепрятать, пока мы ломали сукина сына, - отчеканила Хирш. - Можно подумать, что мы смогли этого добиться с одобрения ФБР. Это наш город, Эллиот, и мы не нуждаемся здесь в твоём надзоре, чтобы бороться с террористами-убийцами и преступлениями ненависти. Мы также не обязаны делиться заслугами с твоими людьми при достижении нами успехов за счёт нашего профессионализма.

- Это ещё не всё, чем ты не делишься, - пробормотал Дон Фарли, подчинённый Вайнштейна и директор по операциям, тучный, нездорового вида агент с красным лицом пьяницы и носом в синих прожилках.

Фарли, отработав свои двадцать лет, ждал отставки, пенсии и тёплого местечка. Желательно в должности начальника службы безопасности в компании или в недрах федеральной бюрократии, которая не так мешала бы его пристрастиям к выпивке, как нынешняя должность. Его удерживали в Портленде дополнительные 1500 долларов в месяц за опасность при исполнении службы. На Фарли висели две бывшие жены, а также нынешняя супруга, несколько детей в колледже, гора кредитных карточек и ипотечный долг, невероятные даже по американским меркам. Так что он нуждался в каждом центе, который мог наскрести, хотя напряжённость жизни под прицелом Добрармии заставляла его заглядывать в бутылку даже чаще, чем обычно. В офисе ФБР даже делали ставки на срок, когда Фарли свалится с первым сердечным приступом.

Вайнштейн не любил Фарли, не доверял ему и сделал несколько попыток избавиться от него или, по крайней мере, выжить с должности директора по операциям. Но хотя Фарли и был неважным сотрудником правоохранительных органов, он, как и многие кадровые фэбээровцы, был спецом по внутриведомственной политике и интригам, так что накопил достаточно влияния, чтобы твёрдо сидеть в "седле" директора.

Глаза Линды Хирш сверкнули, и она резко уткнулась в список транспортных средств и номеров, украденных в районе Портленда за последние две недели, которые могли оказаться в руках Добрармии. Для человека, привыкшего к её тяжеловесной и непроницаемой манере поведения на совещаниях, это было так необычно, как если бы она подпрыгнула, как ошпаренная собака, и Вайнштейн насторожился. Его глаза сузились, но он промолчал. Но когда подошло время обеда, он разыскал Фарли внизу в баре Центра юстиции и схватил директора за лацкан пиджака, пролив виски с содовой на его уже заляпанную рубашку.

- Эй, потише! - вскрикнул Фарли.

- Чёрт возьми, что за непонятную шутку ты отмочил о секретах, которые зажимает портлендская полиция? - потребовал ответа Вайнштейн. - Чем это они не делятся? Чёрт побери, то, что ты сказал, похоже, пробило шкуру Хирш.

- Аа, просто сплетни у бачка с питьевой водой, - пожал плечами Фарли. - Ты мог бы их сам узнать, если бы был общительным, поболтал с ребятами после работы и выпил пару холодных стаканчиков, как нормальный человек. Наверно, это просто чушь.

Вайнштейн сдержал желание схватить подчинённого за шею с двойным подбородком и придушить.

- И что же именно здесь "просто чушь"? - спросил он, стараясь оставаться спокойным.

- Поговаривают, что у портлендского бюро полиции есть кто-то внутри Добрармии.

Вайнштейн странно посмотрел на агента Фарли. Его глаза за стёклами очков безумно вытаращились.

- И ты... не счёл нужным... *доложить мне это?* - жутко взвизгнул Вайнштейн.

- Остынь, парень, - раздражённо отрезал Фарли. - Я бы сказал тебе, если бы думал, что в этом есть хоть капля смысла, но это - дерьмо. Должно быть дерьмо. Боже, Эллиот, ну, сам подумай! Если мы никого не можем внедрить, из обученных агентов с многолетним опытом, как, чёрт возьми, местное дубьё может этого добиться? Это просто зависть, наверно, выдумка этих обезьян из БАТФЕ, которые не могут спокойно видеть, когда их опережают. Конечно, у копов Портленда полоса удач, но это всё, что у них есть. Если бы они имели кого-то внутри, ты думаешь, они не арестовали бы таких тяжеловесов, как Койл, Джексон и Локхарт, и этого таинственного типа Оскара, о котором мы постоянно слышим шушу?

Фарли был дураком. А Вайнштейн не был. Он вернулся в свой кабинет, закрыл дверь, отключил телефон, сел за стол и перебрал в уме всё, что произошло за последние шесть-восемь месяцев, все эти "удачные" аресты и налёты, что бюро полиции Портленда удалось провести, а также всё более прозрачные оправдания этих успехов. Он проанализировал, оценил всё это и понял. Следующие несколько минут Вайнштейн провёл, проклиная себя за тупоумие, что не додумался до этого сам, потом поднялся и направился по длинному ряду коридоров в кабинет Линды Хирш.

- Она у себя? - спросил он у секретарши. - Не беспокойся, я её слышу.

Вайнштейн вошёл в кабинет Хирш и встал перед её столом, ожидая конца разговора начальницы по телефону и глядя на неё испепеляющим взглядом исчадия ада. Когда Хирш повесила трубку, он не стал ждать, что она скажет.

- Игра окончена, Линда. Мне нужен твой осведомитель. У меня есть законное право на него по всем инструкциям, которые ты знаешь так же хорошо, как и я. И если ты попытаешься скрыть его от меня или кормить дерьмом, я сам позвоню директору внутренней безопасности, и он появится здесь. Мы посидим, а когда встанем, ты, наверно, больше не будешь здесь работать. Ты ведь знаешь, я могу это сделать и сделаю. Всё кончено, Линда. Кто он?

Хирш уставилась на него с бессильной злобой, но она тоже понимала, что всё кончено. Вздохнула и нахмурилась.

- Это не он, а она, - наконец, выдавила Хирш.

Через полчаса сержанты уголовной полиции Мартинес и Джарвис сидели в конференц-зале с шефом Хирш, Вайнштейном и специальным агентом Фарли. Трудно было сказать, кто из трёх портлендских полицейских был больше разозлён, напуган и огорчён, но все они понимали, что проиграли. И пришло время сделать как можно лучшую мину в этой игре, и спасти всё, что удастся, пока ФБР полностью не подчинило себе операцию "Прожектор".

Мартинес изложила суть в своей обычной сдержанной и профессиональной манере.

- Тайный агент, о котором идёт речь, не полицейский. Она - бывшая уголовница, проститутка и наркоманка, которая сотрудничает с нами по двум причинам: чтобы избежать обвинения в убийстве первой степени своего сутенёра, и потому, что у нас теперь есть право опеки над её двухлетней дочерью. Эта женщина очень неохотно работает осведомителем, у неё все психологические и личные проблемы, которых можно было ожидать от любого в её состоянии.

Она в полном ужасе от людей с которыми работает, как и должно быть, так как если её просто заподозрят в том, что она "стучит", она будет убита без малейшего колебания с их стороны. Девушка - просто комок нервов и требует очень бережного обращения. Агент Вайнштейн, я знаю, вы недовольны, что вам не сообщили об этой операции, но я самым решительным образом советую сохранить сержанта Джарвиса и меня в качестве её

надсмотрщиков, по крайней мере, на некоторое время, пока вы не сможете перевести её в свою собственную команду. Она привыкла к нам.

- Эта фука больше боитфа Мами и Обезьяну, чем этих пидоров, - добавил Джарвис.

- Согласен, - спокойно кивнул Вайнштейн.

Ему не нравилось участие портлендской полиции в операции дольше, чем необходимо. Фэбээровец хотел заполучить Кики только для себя, так сильно, как только можно вообразить, но он понимал, что после победы следует проявить великодушие.

- Но при одном условии. Я хочу увидеть всё, что есть, всё, что вы делаете, каждый клочок разведанных, который вам удалось собрать с помощью этой женщины.

Так что двух агентов ФБР привели в святая святых, комнату уборщиков в отдалённой части Центра юстиции. Челюсть Вайнштейна отвисла почти до полу, когда он увидел огромные организационные таблицы с фотографиями, справочные номера дел, аккуратные квадратики и схемы, которыми к этому времени были покрыты две стены оперативного центра. ФБР души не чаяло в вещах такого рода, и потрясённый Вайнштейн молча сходил с ума от зависти, когда подошёл к диаграммам и стал их изучать.

- О'кей, что есть две бригады я понял, мы знаем об этом достаточно, но первый батальон, второй батальон, третий батальон? Когда, чёрт возьми, они создали батальоны? Хэтфилд и эти бандиты на северном побережье это уже целый отдельный батальон? А все эти другие? Кто, чёрт возьми, *эти* парни?

Фарли зачарованно изучал организационные схемы.

- Джексона я знаю, Расин и Картера Уингфилда знаю, Койла знаю, но кто, чёрт побери, этот Хэннон? Мы думали, что второй бригадой командует какой-то Вагнер?

- Это одна из кличек Хэннона, - подсказала Лэйни.

"Боже, *кто все эти люди?*" - бормотал про себя Вайнштейн.

- Что всё это означает? - спросил он, указывая на огромную карту Большого Портленда на пробковой доске, усеянную чёрными, красными, зелёными, голубыми, оранжевыми и жёлтыми булавками, где также выделялась одна белая булавка.

- Чёрные - это убийства Добрармии, красные - взрывы, которые, я уверена, ты можешь узнать по названиям мест, - ответила начальница Хирш. - Зелёные - возможные тайники с оружием, за которыми мы время от времени наблюдаем, насколько это позволяют наши людские ресурсы, и, насколько мы можем это проделать, не вызывая подозрений и не срывая маскировку. Голубые - подозреваемые конспиративные дома Добрармии. Оранжевые - адреса подозреваемых в терроризме, хотя они всё время меняются, и мы не можем гарантировать точность больше чем на день-два. Жёлтые - сообщения о появлении снайпера "Бубнового валета" - Джесси Локхарта "Кошкин глаз", который представляет для нас особый интерес.

Детектив Энди Маккаферти подошёл к доске, косясь на агентов ФБР, и перенёс белую булавку в другое место на доске.

- А белая? - спросил Вайнштейн.

- Это текущее положение "Акульей приманки", нашего осведомителя, - ответила Мартинес. - Её настоящее имя Кристин Маги, уличная кличка - "Кики", а имя у добровольцев - "товарищ Джоди". Конечно, на ней всё время датчик места, а также волоконно-оптический пишущий жучок для записи звука, а иногда видеонаблюдения, но мы считаем, что отражение её отметки на доске даёт нам дополнительное представление.

- Хорошая кличка для стукача в Добрармии, - мрачно ухмыльнулся Фарли.

- Нам нравится, - подтвердила Лэйни без всякого выражения.

- Какие у вас конкретные разведданные? - спросил Вайнштейн, качая головой. - Например, кто, по-вашему, убил посла Уитмена и его жену перед универмагом "Нордстром" в ноябре?

Маккаферти посмотрел на Мартинес, которая вздохнула и кивнула головой.

- Да, мы знаем, - ответил Маккаферти. - Это были Билли Джексон, Джимми Уинго и наша девочка. Собственно, у нас есть цифровая звукозапись всего нападения.

- *Что-что?!* - изумленно вскрикнул Вайнштейн.

- Вы хотите прослушать эту запись? - спросил Маккаферти.

Он достал два набора наушников, и Вайнштейн с Фарли так и сидели с раскрытыми ртами, пока слушали запись двойного убийства, последующего уничтожения машины и установки мины-ловушки.

- Боже мой, вы опередили нас *на годы!* - бормотал Вайнштейн.

- Мы флोजили наше дерьмо вмэфте, - согласился Джарвис.

- Я хотела бы отметить, что звукозапись ясно показывает неожиданность убийства посла, и у нас не было никаких шансов вмешаться..., - начала Линда Хирш.

- Не бери в голову, - отмахнулся Вайнштейн. - Хиллари никогда не любила Уитмена, когда он был в госдепе. Он - республиканец, и она спланировала его в Южную Африку, с глаз долой. Уитмен поднял шум об оккупации Газы, и, честно говоря, я думаю, что если бы Добрармия не убрала его, Хиллари, возможно, сделала бы это сама. Она становится всё более и более нетерпимой, если ей противоречат. Конечно, вы должны сохранить этого агента любой ценой. Не волнуйтесь, я это понимаю.

Теперь, перейдём к делам. Вы, ребята, использовали эту женщину по мелочи. Пора продвинуть её выше по "пищевой цепочке", и у меня как раз есть правильная отправная точка. Правда, что в Бюро нет осведомителя такого рода, но у нас есть некоторые источники информации, получаемые из слежения за телефонными переговорами и Интернетом, а наши аналитики научились довольно хорошо отслеживать эти разговоры и раскрывать сменяющиеся коды, используемые этими людьми. Этого недостаточно, чтобы их опережать, но достаточно, чтобы иногда понимать, куда дует ветер, и мы уловили запах Портленда. Знаете о планах, которые разрабатываются в Вашингтоне по организации Федеральной антитеррористической полиции?

- Дошли слухи, - кисло протянула Хирш, предчувствуя предстоящее ограничение своих полномочий, когда федеральные военизированные части обрушатся на Портленд.

- Видимо, дошли и до Добрармии. Мы уловили, что высокопоставленный член Совета Армии из района Сизтла в ближайшие дни прибудет на совещание с местными полевыми командирами сюда, в Портленд, чтобы обсудить этот вопрос. Это тот случай, когда мы можем быть уверены, что в одном помещении соберётся много их тяжеловесов. Нам нужно выяснить, где это будет, и мы должны как-то ввести туда нашу девочку послушать, или, по крайней мере, поставить совещание на прослушку. А если "рыба" покажется большой и достаточно вкусной, мы ударим по ним.

"*Уже "наша" девочка?*" - горько подумала Мартинес.

- А ты не собирався поделиться этой интересной информацией с нами? - резко спросила Хирш.

- Не думаю, что ты в таком положении, чтобы осуждать других за зажим информации, Линда, - саркастически ответил Вайнштейн. - Сержант Мартинес, ты находишься в завидном положении, как сотрудница американских правоохранительных органов, лучше всех знакомая с повседневной деятельностью этих людей. Наверняка должен найтись какой-нибудь способ внедрить агента на это совещание?

- Это не видеоигра, сэр, - сжав губы, пробормотала Мартинес. - Мы не можем двигать агента по экрану, заставлять кувыркаться и бросать огненные шары щелчком переключателя или нажатием кнопки, чтобы она могла подняться на следующий уровень. Сейчас она просто пехотинец, водитель, девочка на побегушках.

Я всё ещё не уверена, что они полностью ей доверяют, что может быть одной из причин, что ни один из них не сблизился с ней сексуально. Ей даже не выдали личное оружие добровольца. Девке дают пистолет каждый раз, когда она едет с ними на задание, но потом отбирают. Она едет туда, куда ей говорят, и делает, что ей приказывают. Хотя теперь они используют её для участия во всё более серьёзных делах, вроде минирования, не похоже, что она может подойти к Джексону или Уинго и вызваться показать достопримечательности Портленда человеку из Совета Армии. Всё, на что мы можем надеяться, это вовлечение её каким-либо образом в нормальный ход событий в Добрармии.

- Ладно, вот что я вам скажу: давайте просто начнём и посмотрим, что у нас получится, и что мы с этого сможем иметь, - сказал Вайнштейн, буквально потирая руки в полном восторге от надежды навредить ненавистным антисемитам и в то же время спасти свою пошатнувшуюся репутацию в министерстве юстиции в Вашингтоне.

В первый раз Кики услышала, что у неё сменилось руководство, когда через несколько дней пришла обычным кружным путём на обычный "разбор полётов", как она думала, и вошла в конференц-зал в оперативном центре, где обнаружила хищную стаю ожидающих её людей, в том числе Мартинес, Джарвиса, Вайнштейна и Фарли. Рядом с ними сидел лысеющий, крючконосый мужик в белом халате, и, когда дверь за ней закрылась, за её спиной оказались двое здоровенных мужчин, одетых санитарями - чёрный и мексиканец.

- Что за хрень? - прошипела Кики.

- Кристин, твоё положение изменилось, - начала Мартинес. - С этого момента ты работаешь на федеральное правительство, хотя сержант Джарвис и я по-прежнему будем участвовать в операции "Прожектор". Первое, что мы собираемся сделать, это обновить твои приборы наблюдения и слежения. Это доктор Фельдман. Сегодня он сделает тебе простую хирургическую операцию.

- Чёрта лысого он сделает! - выкрикнула Кики, но он так и сделал.

Двое мужчин в белом схватили её за руки и тут же насильно затащили, пинающуюся, кричащую и матерящуюся, в соседний лифт, а затем спустили на два этажа ниже в лазарет полиции, который очистили от всех посторонних. Там её перетащили на каталку и привязали к ней. К этому времени у Кики началась истерика, и она сражалась яростно, но бесполезно. Глядя на каталку, она подумала, что хозяева устали от неё и собираются умертвить обычным американским способом смертной казни - смертельной инъекцией. Кики яростно проклинала их, плевалась и кусалась, пока не сказавший ни слова Фельдман не подключил баллон с обезболивающим газом, надел маску на её лицо, и она потеряла сознание.

К её удивлению она проснулась менее чем через полчаса, и ещё через полчаса вернулась в конференц-зал. Её верхняя левая рука и плечо начали болеть, когда местное обезболивание перестало действовать.

- Мы немного волновались, что люди Добрармии, за которыми ты шпионишь для нас, могут заметить, что ты всегда носишь одни и те же серьги и кольцо с датчиком местоположения, - вежливо объяснил Вайнштейн. - Соответственно мы ввели под кожу мышцы твоей руки, чуть ниже подмышки, там, где сейчас повязка, микросхему размером с ноготь большого пальца. Ты сможешь снять её через пару часов, а опухоль должна исчезнуть примерно через день. До тех пор просто носи блузки или рубашки с длинными рукавами, и ничего не будет заметно.

Это устройство полностью из пластика и кремния, поэтому его нельзя обнаружить никакими металлоискателями, если тебе придётся проходить через них, или тебя будут сканировать, и оно служит той же цели, что и все твои модные ювелирные украшения. Оно может писать звук и голос обычной громкости на расстоянии до шести метров, и работает как спутниковый датчик местоположения, так что в любое время мы будем знать твоё местонахождение. Эта штучка имеет то преимущество, что она несъёмная, на случай, если тебе придёт в голову мысль, снять кольцо и серьги и удрать от нас.

Кики уткнулась лицом в ладони. Теперь у неё не было даже последней "пожарной" возможности просто сбежать, сняв устройства слежения.

С нарастающим ужасом она слушала, когда Вайнштейн объяснял, что он от неё хочет. Она отчаянно попыталась объяснить ему правду жизни.

- Послушайте, мистер ФБР, не знаю, что эти двое вам наплели, но я в Добрармии самый мелкий винтик. Официально я ещё даже не доброволец Северо-Запада, по крайней мере, я так думаю. Я до сих пор - претендент, актив, как они называют. Для меня единственный способ избежать, в конце концов, смерти в лесу с полиэтиленовым пакетом на голове, - делать то, что мне говорят, когда говорят, и *не задавать вопросов!* Если я начну выуживать сведения и пытаться выяснять, когда тот человек, о котором вы говорили, приедет из Сиэтла, и состоится ли эта встреча, в головах всех этих парней сразу включатся сигналы тревоги.

Я не смогу сделать то, о чём вы просите! И как, по-вашему, я должна объяснить даже сам факт, что я узнала об этом деле, о котором спрашиваю? Не похоже, что в армии есть сплетники или система распространения слухов. Эти люди молчат как моллюски о делах, вроде этого. Да, у меня вроде есть полудружеские отношения с Джимми Уинго, но не думаю, что он - начальник, и кроме Джексона я даже не знаю ни одного офицера, за исключением, может быть, того парня, что я видела в "Логове Юпитера", а потом в квартире Ленни Джиллиса, который был с Локхартом.

- Джеймс Макканн, - подсказала Мартинес.

- Ага, я думаю, его называют Большой Джим, но это всё, что я о нём знаю. Я понятия не имею о том, что он делает, не говоря уж о том, где он находится. Что касается Билли Джексона, всякий раз, когда я вижу его, мы перебрасываемся, дай бог, десятком слов. Не думаю, что этот человек знает, что такое трёп. Ради бога, скажите, как мне получить такую инфу от этих парней? Они - самые подозрительные люди на земле. Да и вынуждены быть такими.

- Мы не ждём чудес, Кристин, - успокоила её Мартинес. - Просто держи уши на макушке, как всегда, но если увидишь дырку, мы надеемся, что ты ей быстро воспользуешься. Ты понимаешь?

Остальная часть дня была отдана испытаниям новой следящей схемы Кики после снятия повязки. Когда Маккаферти снял наушники, он довольно улыбнулся.

- Восхитительно, - одобрил он. - Приём лучше, чем раньше.

- А сейчас у нас для тебя есть кое-что новенькое, - сказал Вайнштейн с елеинной улыбочкой. Он протянул Кики ладонь.

- Фу! - вскрикнула она. - Что это, чёрт возьми? Дохлый таракан?

- Именно так он и должен выглядеть, - улыбнулся Вайнштейн. - Мы называем его "жук-жук", потому что это и есть жук во всех смыслах этого слова. Внутри этих маленьких штучек, в основном такие же микросхемы, как те, что у тебя внутри руки, хотя без схем определения местоположения они могут быть ещё меньше. Это устройство для записи звука,

Кики. Я дам тебе его, а потом ещё несколько. И хочу, чтобы ты носила этого жучка с собой где-нибудь в кошельке.

А если тебе покажешься, что в твоё отсутствие может произойти что-нибудь, что нам нужно услышать, я хочу, чтобы ты оставила его где-нибудь в укромном месте, в углу, наверху шкафа или под раковиной, или там, где мёртвый таракан не покажется неуместным и не привлечёт внимания. Когда ты так сделаешь, я хочу, чтобы ты сказала что-нибудь о тараканах тому, с кем ты будешь находиться. Мы услышим и поймём, что ты поставила жука-жука на прослушку, и включим его. Детектив Маккаферти, я дам тебе серийный номер и код включения этого конкретного устройства. Мисс Маги, я понимаю, что рядовые Добрармии, вроде девочек на побегушках, как ты, не будут допущены на совещание больших боссов. Но если ты достаточно ловко поставишь жучка, мы сможем находиться там мысленно, если и не физически.

- Вы понимаете, что повышаете уровень моего риска до такой степени, что меня почти наверняка в конце концов поймают? - с горечью сказала Кики. - Что я получу взамен, и когда весь этот дикий дурдом закончится? Когда я смогу забрать Элли и мою мать и убраться отсюда?

- Само собой, мы увеличим твою недельную зарплату до тысячи долларов чистыми, - отмахнулся Вайнштейн. - Это вообще не вопрос.

- Что в этом хорошего, раз я не могу снять со счёта никаких денег! - огрызнулась Кики. - Я спрашиваю вас ещё раз, когда, чёрт возьми, это закончится?

- О, это не кончится ещё очень долго, мисс Маги, - протянул Вайнштейн. - Тебя впереди ждёт долгая и успешная карьера внутренней террористки, насколько мы сможем растянуть её. Не беспокойся о своей безопасности, моя дорогая, потому что, поверь мне, я буду дорожить тобой. Мы с тобой вместе далеко пойдём, маленькая *шикса*.

Но ещё больше, чем слова агента ФБР, Кики встревожило что-то мелькнувшее в его выпученных карих глазках за стеклами очков, первое знакомое отражение похоти. Джарвис тоже его заметил, и на чёрной физиономии сверкнули в оскале белые зубы. Джарвис так и не решился "завалить" Кики, или из карьерных соображений а, может, потому, что Мартинес всегда старалась не оставлять его наедине с девушкой. Но сама мысль Вайнштейна "вставить" Кики показалась ему приятной, даже если ему самому это не удалось. "*Хочешь трахнуть эту маленькую белую фучку в татуировках, а, жидок?*" - весело подумал негритос.

В тот же момент Кики услышала сигнал телефона, выданного ей Добрармией. Она ответила на звонок, а полицейские и фэбээровцы наблюдали за ней.

- Да? - сказала Кики.

Голос Уинго на другом конце произнёс:

- Ты всё ещё болеешь?

- Да, думаю, что подхватила этот вирус, который ходит рядом, - ответила Кики, глядя на механического таракана в руке.

- Ну, расслабься и возьми небольшой отгул. Увидимся в саду Гонконга, когда ты выздоровеешь, и перехватим чего-нибудь китайского.

Он отключился.

Кики посмотрела на полицаев.

- Они просят, чтобы я позвонила на работу в таксопарк и предупредила, что заболела, - объяснила она. - У них должно быть что-то особенное. Обычно, они не хотят, чтобы я нарушала порядок. Я должна встретиться с ними на углу 31-й улицы на Юго-Востоке, как можно скорее.

- Должно быть то самое! - победно выдохнул Вайнштейн. - Они хотят, чтобы ты приехала в связи с этой встречей. Представитель Совета Армии должен прибыть в Портленд!

Результатом последующей вечерней деятельности и стала та странная суматоха, которую лейтенант Уэйн Хилл из Третьего отдела описал Гэри Бреслеру.

Кики встретил покоцанный джип "субару аутбэк" с Билли Джексоном и Джимми Уинго, который сидел за рулём.

- Садись назад, - сказал Уинго.

- Руки вверх, - приказал Джексон, как только она села в машину, и Кики подняла руки, пока тот водил портативным металлоискателем по всему её телу.

Кики уже привыкла к тому, что её время от времени проверяют. Она знала, это была обычная предосторожность, и волновалась не больше, чем обычно. Кики надела глухой свитер, чтобы скрыть новый красный бугорок ниже левой подмышки, но металлоискатель пропустил его. Раздался обычный писк, когда Джексон провёл прибором по сумочке, и Кики вывернула её, чтобы показать свои ключи, кошелек и обычный набор мелочей. Потом Джексон сложил прибор, спрятал его и вручил Кики обычную 9-миллиметровую "Беретту" в пристёгивающейся внутренней кобуре и дополнительную обойму.

- Патрон в стволе, на предохранителе, - добавил он.

Она прикрепила пистолет к ремню на поясице и сунула снаряженную обойму в задний карман. Подъехав к стоянке соседней начальной школы, они встретили Лавонн, сидевшую за рулём тёмно-синего "ниссана". Лавонн подсела к ним в "аутбэк".

- Итак, вот программа на вечер, - начал Джексон. - Два добровольца на машину, мальчик - девочка в каждой, девушка за рулем в одной, мальчик - в другой. У нас полные баки бензина, и мы должны кружить по городу, пока мне не позвонит Оскар. Тогда мы направляемся туда, куда он скажет, а я проверяю место. Если всё окажется в полном порядке, я доложу ему, что место чистое.

Несколько наших товарищей придут туда и немного посидят, но не дольше пары часов. Это время мы будем кружить по району, немного поедим, погуляем по улицам, и тому подобное, чтобы там задержаться, но не привлечь внимания. Мы будем следить за любыми неприятными нарушителями вечеринки, которые захотят помешать беседе наших друзей. Уезжаем, когда наши покинут место. Всё просто. Ударник и Лавонн едут на "ниссане", Джоди - со мной. Кики почувствовала, как завибрировал телефон на поясе. Она почти физически ощущала напряжение и ожидание, царившее в операционном центре.

Напряжение было даже больше, чем она думала.

- *Оскар!* - воскликнул Фарли, сидевший в наушниках, красное мясистое лицо которого расплылось от удивления. - Боже, может, сегодня вечером она встретится с Оскаром?!

- Это имело бы смысл, - согласился Вайнштейн. - Мы не знаем, точно, кто такой Оскар, или что он собой представляет, но известно, что он *мучо потенте*, крупный игрок. (*Искажённое "мощный самец" по-испански. - Прим. перев.*)

- *Муй потенте (Очень мощный)*, сэр, - раздраженно поправила Мартинес.

- Может, он - начальник Фовета Армии? - прогнусавил Джарвис.

- Ну, я так не думаю, - сказала Мартинес. - Раньше она собрала несколько отзывов об Оскаре. По-моему, он вроде шпиона или разведчика из Третьего отдела.

- О, Боже, вот бы нам в самом деле поймать оперативника Третьего отдела! - охнул Фарли в припадке предвкушения.

- Если мы сможем поймать его, то используем, чтобы нацелиться на самого Большого Приятеля, - мрачно заметил Вайнштейн. - Это Мэтт Редмонд. Бывший агент Управления по

борьбе с наркотиками ДЕА, бывший детектив штата Северной Каролины, ныне глава всего аппарата разведки в Добрармии, вместе со своей сукой-женой Хезер Редмонд. Убийца помощника директора ФБР Чарльза Беннетта и морально ответственный за смерть специального агента Андреа Вейнман и десятка других агентов ещё во времена Клинтона первого, не говоря уже о нынешних. [См. романы "Огонь и дождь" и "Медленно подступающая тьма" того же автора - Харольда Ковингтона]. Третий отдел - это настоящие негодяи, самые матёрые оборотни и убийцы из убийц. Фарли, бери наших парней из спецназа и поднимай их по тревоге.

- Чёрт побери, Эллиот, формально это ещё операция портлендской полиции! - взывала Линда Хирш. - Эта чёртова стукачка - наша, и я не позволю тебе одному чваниться здесь и захватывать всё себе! Если шишки террористов соберутся сегодня вечером, дай нам ударить по ним, и хоть для приличия пусти на пресс-конференцию, даже если она будет моей последней!

Вайнштейн вздохнул:

- Ну, ладно, чёрт возьми, нет времени спорить! Как скоро ты сможешь подогнать для нас группу быстрого реагирования, шеф? Но это - в последний раз! А сама оставайся здесь!

- Нет, пусть она идёт, Эллиот, - грубо пошутил Фарли. - Такая большая леди, как шеф, будет отличной защитой, чтобы мне за ней укрыться!

- Ну да, там мы обычно и видим ваф, федеральных козлов, когда приходит время бегать под пулями! - прорычал Джарвис. - Прячетесь за нашими полицейскими жо...!

Билли Джексон вёл "субару", и на этот раз Кики ехала как пассажирка. Но он был склонен к болтовне не больше, чем когда-либо раньше, и Кики мудро не пыталась выудить из него сведения о том, что происходит. Она решила, что узнает об этом достаточно скоро, так что её разговор состоял из указаний на случайные полицейские машины, на что Джексон неизменно отвечал: "Я их вижу".

Наконец она сказала:

- Командир, ты хочешь, чтобы я просто заткнулась и не говорила о полицейских машинах?

- Совсем нет, - серьёзно ответил он. - Две пары глаз всегда лучше, чем одна. Ты можешь увидеть то, что я не замечу. Когда ты не за рулем, то всегда должна вести наблюдение.

Наконец раздался звонок мобильного телефона Джексона. Он выслушал и ответил: "Есть!"

Затем вырулил с офисной стоянки, а "ниссан" с Уинго на пассажирском сиденье последовал за ними и подъехал вплотную.

- Это Макминнвилл, - сказал Уинго Джексон. - Следуйте за мной. Когда мы туда попадём, я остановлюсь, и мы с Джоди зайдём в помещение. А вы, ребята, останетесь на страже. Мы должны пробыть там минут пять. Когда я появлюсь, и всё окажется чисто, я дам знать Оскару.

Они отъехали и направились на запад, в округ Ямхил, полусельскую местность, которую ещё не полностью поглотил мегаполис Большой Портленд.

- Вроде далеко за городом, да, командир? - насмелилась спросить Кики.

- Не думаю, что они хотят собраться в центре города, где отход может быть затруднён, если дела пойдут плохо, - ответил Джексон. Больше он ничего не сказал, и Кики замолчала.

- Есть у вас фургон или что-нибудь достаточно большое для отслеживающей аппаратуры? - спросил Вайнштейн в оперативном центре.

- Фургон для перевозок "Оук Харбор", агент Вайнштейн, - доложила Мартинес. - Со всеми проводами и устройствами, и также местом для полицейских.

- Хорошо, двигаем, - сказал Вайнштейн, который уже послал Фарли за фэбээровскими бронезиловыми куртками, фирменными куртками и парой винтовок "М-16". - Мы будем отслеживать их из фургона.

Когда две разведмашины Добрармии прибыли в Макминнвилл, уже стемнело. Они проехали по Норт Адамс стрит, и Джексон остановился рядом с фасадом магазина, который, похоже, пустовал.

- Следуй за мной, - сказал он, вылезая из машины и прихватив с собой маленькую спортивную сумку из зелёного пластика. Кики подчинилась. Они прошли по аллее и обнаружили небольшую стоянку, с двумя - тремя машинами. Джексон быстро прикинул площадь и тщательно осмотрел жилую улицу за магазином.

- Ну, похоже, мест на стоянке достаточно. Пойдём внутрь.

Задняя дверь магазина была не заперта. Джексон включил свет, и Кики увидела, что в магазине шёл ремонт, лежали пиломатериалы и гипсокартонные плиты в штабелях, стены не оштукатурены, торчали балки и т.п.

- Здесь были люди, работавшие в ночное время, поэтому мы можем рискнуть зажечь свет на несколько минут, - сказал Джексон.

Он прошёл в заднюю комнату и увидел стоящий складной столик с восемью складными металлическими стульями вокруг него.

- Хорошо, группа подготовки здесь была, - заметил Джексон.

Он достал металлоискатель, а также странный прибор, похожий на электронный счётчик.

- Я поищу жучки. А ты осмотри всё вокруг, что покажется странным или не к месту, всё, что может представлять собой угрозу безопасности.

Кики выполнила указание, пока Джексон проверял помещение на наличие прослушки.

- Там лестницы ведут на второй этаж, - доложила она.

- Мы поставим там людей, но пойдёшь, взгляни, - распорядился Джексон.

Кики поднялась наверх и увидела маленькую пустую квартиру с незапертой дверью, с дешёвой мебелью из пластика и металла, провисшей двуспальной кроватью в сырой и затхлой спальне, и отключённый холодильник с парой заплесневелых предметов внутри, которые когда-то были съедобными. Она включила свет, огляделась и спустилась вниз и в заднюю комнату со столом и стульями.

- Я не заметила ничего опасного, - доложила она Джексону.

- О'кей, - ответил командир роты.

Тот закрыл металлоискатель, затем выключил прибор и сложил всё в спортивную сумку. Потом вышел в помещение магазина, включил телефон, и что-то коротко сказал вполголоса. Кики воспользовалась этой возможностью, чтобы вытащить из сумочки жука-жука в форме таракана, завернутого в листик туалетной бумаги, и положить его сверху выступающей потолочной балки. Джексон просунул голову внутрь.

- Я только что сказал Оскару, что всё выглядит чисто. Пошли обратно к машине.

- Ага, здесь нет ничего кроме тараканов, - твёрдым голосом, но не слишком громко проговорила Кики.

Вернувшись в "субару", она почувствовала вибрацию телефона на бедре и поняла, что её услышали, а Маккаферти включил жука-таракана.

Потом они заехали на стоянку в квартале от пустого магазина, где был ясный обзор вперед под уличными фонарями. Джимми и Лавонн проехали мимо в "ниссане" и исчезли из поля зрения Кики. Джексону через минуту позвонили.

- Порядок, они на месте. Товарищи, которые будут на совещании, сейчас съезжаются с разных сторон. Перед началом мы с тобой зайдём в это кафе-эспрессо выпить по чашке крепкого кофе. Небольшой. Там мы оба ходим в туалет. Это совещание продлится несколько часов, и я хочу, чтобы ни одному из нас не пришлось бегать на горшок а, значит, оставлять свою позицию, если что-то обернётся плохо. Поэтому, только чашечка кофе. Для полной уверенности, что перестрелка не застанет тебя с полным мочевым пузырем, или ты сама не обмочишься. Ты можешь не хотеть этого и даже не заметить, но так бывает. В нашей жизни есть пара правил: в любой момент, когда есть возможность поспать или опорожнить кишечник и мочевой пузырь, используй её, даже если тебе не хочется. Неизвестно, когда случай подвернётся снова.

Они вдвоём вышли из машины и пошли по улице в кафе.

- Этот парень должно быть в прошлом полицейский, который раньше вёл слежку, - про себя пробормотал Фарли в фургоне, слушая Кики, когда они въехали в границы Макминнвилла.

Как оказалось, Джимми и Лавонн в это самое время послушались того же зова природы на заправочной станции за углом от того места, где стояла их машина, и поэтому никто из них не заметил, как фургон "Оук Харбор" подъехал и остановился в квартале от места, где стояли Джимми и Лавонн.

Когда Джексон и Кики вернулись в "субару" с чашечками кофе и расположились на передних сиденьях, Билли сказал:

- Мы будем разминать ноги через каждые минут двадцать наблюдения, делая вид, что рассматриваем витрины и тому подобное. Пешеходов на тротуаре вечером в будни должно быть немного. И ещё одно. Если в какой-то момент нас самих будут разглядывать, или потребует обстановка, или получится так, что мы сможем отойти без стрельбы, нам придётся притвориться любовниками, или, скажем, мужем и женой, что обычно и в целом приемлемо для объяснения, почему мужчина и женщина сидят вместе в стоящей машине. Это одна из причин, почему мы стараемся как можно больше использовать группы "мальчик – девочка". Как ты догадываешься, приходится играть роль и притворяться. Если мне вдруг станет необходимо позволить себе это, товарищ, я заранее извиняюсь, и уверяю тебя, что это не из неуважения.

- Э-э, ну ладно, - смущённо заикнулась Кики

- Боже, этот парень, похоже, жутко строгий, - заметил Фарли, слушая разговор в наушниках.

- Видно, этот хрен любит убивать людей, а не трахать баб, - добавил Джарвис.

- По правде говоря, Джексон вступил в Добрармию, когда его невесту похитили, изнасиловали и убили два афроамериканца, утром в день их свадьбы, - пояснила Мартинес. - После того как преступники изнасиловали девушку, они заставили её проглотить щёлочное средство для чистки канализации. Окружной прокурор отказался назвать это преступлением ненависти, потому что обвиняемые были небелыми мужчинами, хотя лично я думаю, что пол должен был учитываться, даже если это было бы немного натянутым. Их обвинили в убийстве первой степени, за которое каждый получил по четырнадцать лет. (*Меньше минимального срока - Прим. перев.*). Похоже, Джексон после этого и тронулся.

Но я ему совершенно не сочувствую. Система выполнила свою обязанность, он присутствовал на суде, и его недовольство приговором не оправдывает расистское убийство.

Агент Вайнштейн, группа быстрого реагирования готова и ждёт примерно в шести кварталах отсюда. Я приказала им держаться подальше от района, чтобы мы не насторожили никого, кто там появится. Я полагаю, что если вы собираетесь продолжить операцию "Прожектор", я отдам приказ, чтобы "субару" с нашим агентом в ней позволили ускользнуть в случае нашего удара.

- Идёт, - согласился Вайнштейн.

В "субару" Кики мимоходом заметила:

- Думаю, что Джимми и Лавонн придётся сделать то же самое, если кто-нибудь постучит к ним в окна?

- Да, - кивнул Джексон. - Но не волнуйся, Джимми увлечён тобой, а не Лавонн.

- Он так сказал? - поперхнулась Кики.

Улыбки Джексона были нечастыми, неприветливыми и холодными, но сейчас Кики увидела в свете фонарей одну из них.

- Нет, он ничего не говорил, но я считаю важным наблюдать за добровольцами под моим началом. Это одна из причин, почему сегодня я взял тебя с собой. Сегодня гораздо более важная задача, чем обычно, и я должен обеспечить, чтобы каждый занимался делом.

- И, э-э, как Лавонн почувствует себя в деле с Джимми? Я думала, что они с Кевином были... . Прошу прощения, я понимаю, что глупо с моей стороны говорить такое в нынешних условиях. Я знаю, что, как предполагается, будет революция, не любовный роман в мягкой обложке.

- Кевин - брат Лавонн. А её муж в тюрьме, с пожизненным сроком без права досрочного освобождения за преступление ненависти, - мягко сказал Джексон. - У неё единственная надежда когда-нибудь увидеть мужа снова - это победа Добрармии. Лавонн приняла решение хранить верность мужу, и мы все его уважаем. Джимми никогда не поведёт себя с ней непристойно, да я и сам не допущу возникновения такой ситуации.

Тёмный фургон проскользнул мимо них в темноте, и телефон Джексона пропищал. Он коротко ответил и отключился.

- Это Оскар, - сказал он Кики. - Он будет первым, потом все остальные.

Кики нервно дёрнулась, спрашивая себя, не найдёт ли Оскар спрятанный жук-жук - таракан?

Тем временем, на другой стороне города некие Гектор Лопес, Альфонсо Кардозо, Мануэль Артигес и Бенисио Родригес только что угнали "БМВ" и теперь раскатывали на нём, упиваясь пивом "Корона" из целого ящика и куря травку. К тому времени, когда остальные машины проехали мимо и свернули за угол, чтобы остановиться за магазином, четыре мекскременты как раз грабили винный магазин и избивали пистолетами хозяина. В фургоне "Оук Харбор" детективы из портлендской полиции и ФБР внимательно слушали разговор между Кики и Билли Джексоном, а потом, когда услышали, что дверь магазина открылась, прислушались к жуку-жуку, который подложила Кики. Несколько минут были слышны приглушённые звуки движения людей и тихий невнятный разговор, потом задняя дверь открылась, и вошли ещё несколько человек.

- Добрый вечер, сэр, - отчётливо произнёс мужской голос. - Как прошла поездка?

- Добрый, Оскар, - послышался другой мужской голос. Он казался старше. - Пришлось объезжать некоторые контрольно-пропускные пункты при въезде в Ванкувер, но Шон - чертовски хороший водитель. Мы прибыли первыми?

- Командиры Первой и Второй бригад на подходе, сэр, - ответил первый голос. - Зак Хэтфилд может немного опоздать, так как ему ехать ещё дальше, и мы сообщили ему о нескольких контрольно-пропускных пунктах, которые нужно объехать.

- Боже, мы можем одним ударом уничтожить всю их командную структуру в Портленде, и одновременно взять Оскара! - возбуждённо взвизгнул Фарли.

- Мы можем сделать ещё лучше, - выдохнул Вайнштейн, не смея поверить своему счастью. - Я помню этот голос по старым партийным интернет-передачам. Можно сравнить его с голосовым рисунком, но в этом нет никакой необходимости. Я знаю, кто это. Это - Рэд Морхаус!

- Мать божья, мы получили цифровую запись голоса Рэда Морхауса! - выкрикнул потрясённый Маккаферти. - Это невероятно! Мы пишем голос *Рэда Морхауса* в цифре!

- Мы сделаем ещё лучше! Ты поговоришь с ним лично ещё до наступления ночи, детектив, - пообещал Вайнштейн.

Он повернулся к Мартинес.

- Сержант, давай забудем о наших обычных разборках, ладно? Ты наверняка понимаешь, что мы не можем упустить эту невероятную возможность? Морхаус, два командира бригад Добрармии и таинственный Оскар. Одним ударом мы можем смести ублюдков в Портленде и, возможно, во всём Орегоне! Для продолжения операции мы дадим "субару" уйти, если сможем, даже если это значит потерю Джексона, но ты должна понять, что мы не можем дать ускользнуть от нас всем остальным!

Мартинес кивнула. Она поняла. Она не планировала наносить удар так рано, но, как профессионал, понимала, что Вайнштейн прав. И скомандовала в микрофон на своих наушниках:

- Группа быстрого реагирования, внимание! На старт, ребята. По моему приказу. Мы должны пришлѐпнуть этих ублюдков-расистов. Здесь и сейчас, сегодня вечером.

- Вас *понять*, есей! - доложил мексиканец, командир группы быстрого реагирования.

В десяти кварталах оттуда украденный "БМВ" с четырьмя бандюками на скорости в сто километров в час с рѐвом пронёсся на красный свет. Патрульная машина полиции Макминнвилла заметила его и начала преследование, включив сирену и мигалки. Полицейский вызвал подмогу, и начали подтягиваться другие патрули.

А внутри магазина Оскар спросил:

- Так с этим отрядом федеральных громил, похоже, дело решѐнное, сэр?

- Да, как и чёрно-рыжие в Ирландии, они будут так же бесполезны, и, видимо, на деле приведут к обратным результатам с точки зрения противника, - ответил Морхаус. - Я думаю, что в отряд соберут полных подонков, мусор со всех федеральных военных, и полицейских ведомств. В конечном счѐте, они натворят столько злодеяний против белого населения Северо-Запада, что настроят народ против режима в Вашингтоне лучше всякой нашей пропаганды.

- В том районе у местной полиции, кажется, возникли некоторые трудности, мэм, - доложил портлендский детектив, который слушал радиообмен в фургоне.

- Тираны, теряющие власть, всегда так поступают, - усмехнулся Морхаус. - Они разочаровываются и направляют громил, чтобы запугать и подавить местное население... *Что за чёрт?!*

Полицейские на прослушке услышали грохот столкновения на большой скорости с обоих своих подслушивающих устройств, а также с улицы снаружи. Машина макминнвиллских полицейских выехала на перекресток прямо перед магазином, а "БМВ" с пьяными и обкуренными мексиканскими бандюганамы врезался прямо в неё. Несколько полицейских машин с воющими сиренами преследовали их по пятам. Полицейские выпрыгнули из своих машин, мексиканцы вывалились из своей, все выхватили автоматические пистолеты и начали палить друг в друга, пули засвистели в воздухе, как

электроны. События последующих нескольких минут были позже точно изложены Оскаром начальнику штаба Второго батальона Гэри Бреслеру.

Джексон в "субару" увидел эту рубку, завёл двигатель, рванул с места на стоянке, свернул налево за угол и остановился за магазином, когда участники совещания Добрармии с оружием наготове покидали здание. Хилл подбежал к "субару".

- Что за чёрт?! - крикнул он. - Я видел в окно мексиканцев!

- Думаю, так и есть, сэр, - крикнул в ответ Джексон. - Сдаётся мне, что куча мексикашек дерётся с копами, и нам надо делать ноги!

- Я тебе позвоню! - ответил Оскар и исчез в темноте.

Джимми и Лавонн также смогли вырваться с места событий, и вся группа добрармейцев растворилась в ночи.

Почти две недели продолжались взаимные обвинения в срыве операции, задержавшие передачу операции "Прожектор" под федеральное управление, пока Вайнштейн жаловался своему начальству в Вашингтоне, а Линда Хирш использовала каждую каплю влияния на своё руководство, чтобы сохранить контроль над Кики и всем проектом. По общему согласию Кики не допустили до этих межведомственных дразг, и полицейским Портленда и ФБР хватило ума выступить перед ней единым фронтом.

К удивлению Кики, после одного длительного разбора полётов, проведенного совместно Мартинес и Вайнштейном, её не вызывали снова несколько недель, за которые она сделала несколько поездок для Добрармии, и участвовала в подрыве с жертвами книжного магазина гомосексуалистов, куда она доставила взрывное устройство, но даже не была позднее опрошена об этих "щекотках". Кики задавала себе вопрос, что происходит, но спросить не решалась. Кики заглянула на недоступный банковский счёт на карточке в банкомате и заметила, что её зарплата возросла до тысячи долларов в неделю, и хотя от этого не было никакого толку, она предположила, что ФБР победило в борьбе за обладание ею.

И вот однажды утром в начале апреля Кики по телефону назначили встречу, и Уинго отвёз её в загородный дом в Милуоки. Она сидела в гостиной, когда вошёл Билли Джексон.

- Товарищ Джоди, с тех пор как ты с нами в армии, мы очень впечатлены твоей работой, - сказал он. - Мы хотим, чтобы ты сегодня была водителем у одного совершенно особого товарища.

Дверь позади него отворилась, и в комнату вошёл худощавый молодой красавец с каштановыми волосами и бесшабашными голубыми глазами. Он был одет в рубашку с короткими рукавами и держал подмышкой большую винтовку с оптическим прицелом. Кики узнала его прежде, чем он подошёл к ней и пожал руку. Она уже видела его раньше.

- Товарищ Джоди? Я слышал много хорошего о тебе от Джима и от твоего командира роты. Меня зовут Джесси Локхарт. Надеюсь, что сегодня ты сможешь мне помочь.

Мобильный телефон на боку Кики завибрировал. Они слушали.

Рагнарок на Фландерс-стрит

Друзья, кончай его!

Вот тот, кого искал я!

Троил и Крессида – Акт V, Сцена 8

По мнению сержанта Лэйни Мартинес утро в операционном центре операции "Прожектор" до сих пор было спокойным. Эллиот Вайнштейн и остальные члены группы ФБР, которые принимали под своё начало ежедневное ведение и наблюдение за Кики, отсутствовали, обеспечивая безопасность важной персоны, за которую правительство весьма беспокоилось.

Некий крупный политический деятель наносил неожиданный визит, буквально падая с неба на Тихоокеанский Северо-Запад для фотосъёмок, по примеру всех тех поездок, которые вашингтонские шишки много лет совершали в зоны боевых действий на Ближнем Востоке. Визит задумывался как быстрое появление и исчезновение, чтобы важная персона показалась в окружении проверенных СМИ, поболтала с расово различными и тщательно подобранными военными и занятыми местными жителями и прогулялась в тесном кругу сопровождающих по каким-нибудь местам, будто бы кишачим террористами, чтобы показать, что на самом деле террористов там нет. Длинные фаланги телохранителей, войск и снайперов спецназа, собаки-ищейки, натасканные на бомбы, бронированные транспортные конвои и висящие в воздухе боевые вертолёты всегда аккуратно вырезались из передач вещательных СМИ.

Федералы и местные полицейские на Северо-Западе ненавидели эту показуху: слишком многое могло пойти не так и погубить их продвижение по службе, если хотя бы один доброволец подобрался на расстояние выстрела или подложил самодельную бомбу. На этот раз визит был настолько тайным, что в портлендской полиции никто даже не знал, кто, когда и куда прибывает, и было известно только, что все группы быстрого реагирования переподчинялись ФБР и находились в состоянии готовности выступить по сигналу. В последние дни Вайнштейн особенно нервничал и усердно ловил каждое слово с жучка в теле Кики, чтобы понять, что в Добрармии известно об этом визите. Но он ничего не заметил и смог уверить своё начальство в Вашингтоне, что на этот раз они застанут "спуки" врасплох.

Мартинес и Джарвис занимались распечатками на одном из столов, когда вдруг Маккаферти, который, надев наушники, слушал Кики, обернулся и выкрикнул одно слово: *"Локхарт!"*

- Чёрт! - прошипела Лэйни сквозь зубы. - Ты уверен, Энди?

- Точно! - подтвердил Маккаферти.

- Ну вот, по-моему, это значит, что мы кончаем игру, - философски произнёс Джарвис. - Рано или поздно так должно было случиться.

- Не обязательно, - упрямо сказала Лэйни. - Может, мы как-нибудь сумеем взять Локхарта и при этом сохранить её прикрытие!

- Но знаешь, придётся вызвать шефа? - заметил Джарвис.

- Да знаю я! - сердито огрызнулась Мартинес.

В Милуоки страшно перепуганная Кики, у которой сердце ушло в пятки, когда она вставала, чтобы пожать руку Локхарта, проговорила:

- Да, я знаю, кто ты.

Кот в защитных брюках и рубашке с короткими рукавами, невозмутимый и спокойный, улыбался ей. Кики понимала, что он вскоре будет убит, и вина за это предательство ляжет на неё. Она смогла удержаться, чтобы не дёрнуться и не вцепиться в небольшой шарик на её левой руке чуть ниже подмышки и не рвануть его.

- Я раз видела тебя в одном месте, в "Логове Юпитера". И потом, я вижу тебя в новостях не реже раза в неделю. Это ...знакомство.... честь для меня, сэр.

- Не называй меня "сэр". Я не офицер, просто доброволец, как и ты, рядовой, - усмехнулся Кошкин Глаз. - Можешь называть меня Кот. Как все.

- Что это у тебя за оружие? - с любопытством спросила Кики. - Выглядит как что-то из "Звёздных войн".

- "Барретт М82", винтовка калибра 12,7 мм, - ответил Локхарт. - Обычно я таскаю винтовку "М-21", которая намного легче, но сегодня надо будет сделать сложный выстрел, и мне нужна гораздо большая дальность и ударная мощь.

- У нас сегодня действительно особенная поездка, Джоди, - пояснил Уинго. - В районе будет три машины, десять добровольцев в ударной группе, и многое другое, чтобы поддержать нас и вмешаться при необходимости. Мы позвонили тебе, потому что нужна команда "мальчик – девочка" для наблюдения с переднего сиденья в главной машине, с Котом в ней. Просто мы обо всём узнали сутки назад, и пришлось состряпать этот план на скорую руку.

- Похоже, эта тайная фажная перфона Эллиота больше не такой уж чёртоф фекрет, - хмыкнул Джарвис в помещении операционного центра.

Мартинес поговорила по телефону с шефом Хирш.

- Да, мэм, всё точно. Похоже, они нацелились на нашего важного гостя.

- Помни, что я тебе говорила, - прорычала Хирш. - Мы выдвигаемся и *сейчас же* уничтожаем этого расистского ублюдка!

- Есть, мэм. Нужно уведомить спецагента Вайнштейна?

- Никакого Вайнштейна! - заорала Хирш. - Он не отберёт Локхарта у меня, как ту *шиксу*. Ублюдок Кот - мой! Я хочу выделить тебе две группы быстрого реагирования, а если Вайнштейн начнёт спрашивать, ему - ни слова! И задержись на выезде из Центра перед погоней, пока я не возьму бронезилет и не проверю своё оружие! Я еду с вами!

Мартинес отключилась.

- Вайнштейна по боку, а шеф едет с нами, - сказала она Джарвису.

- А, ну прекрафно, профто охрененно замечательно! - с недовольством выдал Джарвис. - Теперь эти беляки будут фтреляют в наф, а мы должны бефпокоиться о толстой жаднице шефа!

А в Милуоки Уинго вручил Кики короткий револьвер из воронёной стали калибра 9 мм с устройством быстрого заряжания на шесть дополнительных патронов.

- Это только для порядка. Ты вообще не должна стрелять, сосредоточься на вождении, - сказал Уинго, заводя её в большой пригородный гараж. Внутри стоял большой тёмно-бордовый внедорожник.

- Вот твои колёса для нынешней "щекотки".

- "Кадиллак эскалейд"! - одобрила Кики. - У армии очень крутые лошадки.

- Это было спецзадание нашему снабженцу, только для особых задач вроде этой, когда парни и девочки действительно хотят ехать первым классом. Бронированные двери и корпус, специальный форсированный двигатель, даже с нитроинжектором, если будет надо обогнать кого-нибудь. Адский расход бензина, зато повышенная безопасность.

Уинго посмотрел на часы.

- Пора ехать. Мы направляемся в центр города, а это долгий путь. Нужно быть на месте к полудню, значит, движение будет плотным, толкучка в обеденный перерыв, а также много заторов из-за этого спецмероприятия. Нам в Уотерфронт Парк. Цель будет там. Мы так думаем. Надеемся.

Он открыл заднюю часть внедорожника, где сиденья были сложены. Достал автомат "АК-47" со сложенным прикладом и вставил двойной магазин с двумя большими рожками, соединёнными липкой лентой в обратном порядке, что давало немедленный доступ ко второму магазину. На плечо Уинго повесил сумку с запасными магазинами, а на поясе у него Кики заметила несколько ручных гранат.

- Похоже, сегодня ты идёшь на медведя, а? - заметила Кики.

- Большая игра, - кивнул Уинго.

Последний ряд сидений "эскалейда" был сложен, Локхарт устроился в конце машины и вытянулся, положив длинную снайперку калибра 12,7 мм рядом с собой.

- Мы едем впереди, Кот прячется сзади. По пути подхватим две другие машины. Надень вот это, - и протянул ей синюю бейсболку "Соникс" и пару облегающих солнцезащитных очков.

- Тебе нужно немного маскировки на случай, если кто-нибудь запомнит тебя за рулём. И вот ещё рубашка, если нам придётся удирать. Пока не надевай её. Твоя майка подходит для такого хорошего весеннего дня, и люди ожидают видеть обычную одежду, но позже, когда мы будем линять, тебе захочется чем-нибудь прикрыть свои татушки.

Сам Уинго надел чёрную ковбойскую шляпу и янтарные очки от солнца.

- Ты не поверишь, как головные уборы и тёмные очки делают неузнаваемым лица и мешают случайному узнаванию.

- Да, если бы только мы оба могли хоть что-нибудь сделать с этими чёртовыми татуировками, - сухо заметила Кики.

- Ошибки неразумной юности, - пожал плечами Уинго. - Мы советуем молодёжи, которую привлекаем к нашему делу, никогда не делать их. Ну, погнали. Поговорим обо всём на ходу. Въезжай в город по Маклафлин, а потом пересеки реку на Пауэлл бульвар. Нам нужно попасть в Перл, но зайти с запада. Подберём две наши сопровождающих машины где-нибудь за рекой на Пауэлл.

На пути в Портленд Кот ввёл их в курс дела.

- Если повезёт, Дждоди, это станет историческим выстрелом, - говорил он с места, где лежал на ковровой поверхности задних кресел внедорожника. - В Портленд прибывает с визитом большой "пиджак" из Вашингтона. Сам вице-президент Соединённых Штатов.

- И ты собираешься снять его? - поражённо прошептала Кики. - Боже мой!

- Если смогу. Штука в том, что люди Оскара только вчера узнали, что этот визит вообще состоится. Подробности неизвестны, но мы знаем, что он неожиданно заявится на празднование Дня Земли в Уотерфронт Парк. Намерен толкнуть маленькую зажигательную речь о счастье сохранения окружающей среды, чудесах расового разнообразия и мультикультурализма, обо всех цветах радуги - обычный трёп. Я никогда не понимал, почему, чёрт возьми, белые должны спасать природу, раз миллиарды нечисти могут её загаживать. В белых людях удивляет одно: мы единственные, кому, похоже, в самом деле *не наплевать* на природу.

Во всяком случае, мы знаем, что вице-президент намерен прибыть на вертолёте прямо из аэропорта, и если наши данные верны, то он должен быть на месте в Уотерфронт Парк где-то около полудня, но это всё, что нам известно. Подробностей нет. Это будет почти что "поплавок", свободная охота, экспромт, так сказать. Мы вынуждены ловить возможность, и у

меня будут доли секунды на выстрел по нему, и хотя это серьёзное оружие, я понятия не имею, с каким расстоянием и углами придётся иметь дело. Моя малышка бьёт дальше, чем на полтора километра, и я пристрелял её до сантиметра. Бронебойные патроны пробивают восьмисантиметровый стальной лист. Если эта змея в одежде за 5 тысяч зелёных покажет голову, всё будет кончено. Точно говорю.

Кот ухмыльнулся.

Примерно в это же время Линда Хирш ввалилась в операционный зал как потная бегемотиха. Бронежилет увеличил и без того впечатляющую тушу начальницы, а винтовка "М-16", которую она приволокла, выглядела в её ладонях размером с лопату как крошечная игрушка. Маленькая до смешного бейсболка портлендской полиции нелепо торчала на затылке её круглой курчавой головы. Она выглядела как спятивший клоун из мультфильма.

- Шеф, у нас проблема. Они охотятся на вице-президента, - мрачно сообщила Мартинес.

- Ты имеешь в виду то важное лицо, которого ожидают федералы? - переспросила Хирш.

- Нет, не просто важное лица, а вице-президента, вице-президента Соединённых Штатов! - воскликнула Лэйни. - Похоже, что именно он прилетит на фотосъёмку на этой неделе, чтобы поднять настроение, поддержать всех людей в Портленде, которые сталкиваются с террористической напастью, и всё такое. Вице-президент, мэм! Мы *должны* уведомить спецагента Вайнштейна и Секретную службу! Если мы не сообщим об этом, то независимо от того, как всё обернётся, нам конец!

- На хрен Вайнштейна! - в ярости заорала Хирш. - Портлендская полиция сама спасёт вице-президента, и мы докажем это мелкому *поцу*, так что никто в Вашингтоне не выскажет нам "фу". Что там с *шиксой* и Локхартом?

- Они направляются в район Перл, - доложила Мартинес. - По пути они собираются соединиться ещё с несколькими боевиками Добрармии, и, похоже, попытаются раствориться в толпе, собравшейся на День Земли в Уотерфронт Парк, потом выждут, когда появится вице-президент и выстрелят в него. Локхарт сменил свое обычное оружие и теперь вооружён винтовкой "Барретт БМГ" калибра 12,7 мм с оптическим прицелом и бронебойными патронами. С этой пушкой такой опытный снайпер, как Локхарт, может нанести неопиcуемый ущерб толпе людей разных рас и культур, о чём страшно и подумать. Не говоря уж о том, что он может сделать с нами, если мы зажмём его в угол. Если вы решили, что мы работаем в одиночку, нам нужен каждый полицейский, которого можно привлечь.

- В любом случае там, в распоряжении Вайнштейна все наши группы быстрого реагирования, которые окружают и охраняют площадь, - сказала Хирш. - Они уже в районе, там, где и должны быть. Когда мы больше узнаем о том, где надо ловить ублюдка, я подтяну некоторые из этих групп. И отменю все приказы, которые им дал Вайнштейн. Какой транспорт ты намерена взять?

- Фургон "Оук Харбор" - единственный, где достаточно места для полицейских и техники, - доложила Мартинес. - Он внизу в гараже и заправлен.

- О'кей, понеслись! - приказала Хирш.

На Пауэлл Бульвар сразу за мостом большой синий пикап "шевроле" последней модели плавно проскользнул слева от Кики. Из окна махнули рукой.

- Порядок, это Предмет Один и Предмет Два, - сказал Уинго. - Наша первая машина сопровождения.

Кики была на грани, чтобы произнести вслух что-то вроде "*голубой "шевроле", вижу*", но промолчала. Кики понимала, что если успешно выполнит это последнее задание её

надсмотрщиков и выживет, то ей с Элли и матерью, возможно, разрешат бежать с Северо-Запада и исчезнуть, начав какую-то новую жизнь. Но что-то внутри неё сдвинулось, шевельнулись ростки глубокого и сильного презрения к себе самой, к тому, что она делает, сделала и собирается сделать. Тёмно-зелёный седан, марку которого она не разглядела, также их обогнал.

- Это Оскар и командир, - сказал Уинго. - Он достал свой телефон и произнёс несколько слов.

- Оскар! - взволнованно вскрикнул Маккаферти, слушавший в наушниках, когда фургон громыхал по центру города, кружа по району Перл в ожидании, пока полиция не узнает, куда направляется их жертва. - Похоже, Оскар и Билли Джексон также участвуют, в одной из машин!

- Что за машина? - спросила Хирш.

- Она не сказала, - ответил Маккаферти.

- Что за хрень с девкой? - заорала Хирш. - Она должна понимать, что мы её слушаем вживую?

- Может, она боится говорить, - предположила Мартинес. - Знаете, мадам, действительно не очень здорово для Кики всё время выдавать вслух разную информацию, особенно в такой критической ситуации. Эти головолозки достаточно умны и знают о работе с прослушкой. У них возникнут подозрения, если она начнёт без остановки, как экскурсовод, описывать, где она находится, и что делает. Не волнуйтесь, она даст нам знать. Она хочет снова увидеть свою девочку. И сделает для нас, что требуется.

В "кадиллаке эскалейд" Уинго убрал телефон.

- Хорошо, давай на I-5 Север, и когда подъедешь к съезду с Бернсайд-стрит, сверни на него, - приказал он Кики. - Когда мы окажемся на междуштатном шоссе, Оскар и Билли перестроятся перед тобой, а Предмет Один и Предмет Два – назад. У них спасательная машина. Если запахнет дерьмом, или, точнее, когда мы начнём работу, они останутся сзади и подберут любого из нас, кому понадобится помощь при перемещении, прикроют огнём и сделают всё, что нужно.

Оскар и командир будут вести разведку впереди нас. Как только мы попадём в центр города, будем просто кружить по боковым улицам на западе и юго-западе с видом на Уотерфронт Парк.

- Ты говорил, что будет десять добровольцев? - спросила Кики. - Нас трое, Оскар и лейтенант и ещё два Предмета - это только семь.

- Туз уже ездит по городу на мотоцикле, проверяя место действия, и у нас ещё вторая команда "мальчик – девочка" доберётся в район МАКСом, смешается с толпой празднующих День Земли, докладывая нам, что происходит там на месте, - пояснил Уинго. - И пара новых ребят, Том с Бекки. Обычно мы не привлекаем новичков к таким делам, но нас застали врасплох, а у этой пары высокий боевой дух. Они своё дело сделают, будь спокойна.

- Я всегда нахожу в городе хорошие огневые позиции, и есть пара мест, которые мне хочется проверить и посмотреть, не пригодятся ли они ещё сегодня, - подал голос полулежащий сзади Кошкин Глаз. - Есть несколько господствующих позиций, с которых мне виден весь парк, если мы сможем остановиться там и остаться. Потом, в нужное время я могу выглянуть из-за двери или с крыши этой машины, или как лучше, сделать столько выстрелов, сколько смогу, а потом мы смотаемся. Мы знаем, что вице-президент прибудёт на вертолёте, чтобы избежать всех этих узких улочек в Перле и открытых пространств на дороге вдоль реки.

Ребята из Секретной службы не дураки и не рискнут попасть в засаду в замкнутом огневом мешке, где по ним могут выстрелить сразу с нескольких направлений. Когда вертолёт сядет, я хочу быть на позиции в готовности нажать на курок, как только вице сойдёт и сделает шаг от двери. С этим оружием, после того как я поставлю блямбу вице, я даже смогу уничтожить весь вертолёт, пробить—корпус редуктора винта или через окно подстрелить лётчика.

- Есть одно особое место, Кот, ты же говорил? - напомнил Уинго.

- Да, я тебе покажу. Это в переулке, и когда мы увидим, что он чист, я попрошу Джоди сдать назад. В конце переулка есть кирпичная стена и мусорный бак. Если я встану на верх этого мусорного бака, поставлю сошки на стену и прицелюсь, то смогу попасть во всё, что движется в Уотерфронт Парк! - с воодушевлением выговорил Кот.

Кики последовала за тёмным седаном, который, как она теперь смогла разглядеть, оказался "пontiаком гран при", и направилась к выезду с Бернсайд-стрит, как ей было сказано.

- Мы въезжаем в центр города, - подсказал Уинго. - Сейчас будет посложнее, Джоди. Как и Секретная служба, мы не хотим попасть здесь в ловушку. Вместо того, чтобы всем нам сбиться в кучу, друг за другом, пока мы двигаемся через этот забитый район, последуем руководству противника по городскому патрулированию и будем двигаться параллельно друг другу, на расстоянии квартала между нами. Так они не могут поймать нас всех в одной зоне поражения, заперев с обоих концов на одной из этих коротких маленьких улиц Портленда. Я знаю, ты никогда не выполняла этого маневра раньше, но Билли и Предметы выполняли, поэтому просто следуй моим указаниям.

- Поняла, - спокойно сказала Кики. *"Билли сказал, что я тебе нравлюсь"*, - думала она про себя. *"А я сейчас выдам тебя на смерть и никогда не узнаю, правда ли это. Я - кусок дерьма. В день, когда я родилась, Бог высморкался, и я оказалась этой соплёй"*.

Её лицо и голос не изменились, но напряжение, стыд и чувство вины в душе росли как неудержимое наводнение, которое вот-вот всё затопит.

- Где они сейчас? - спросила Линда Хирш в фургоне "Оук Харбор".

- Подходят к 29-й авеню по направлению к зданию "Еон", - доложил Маккаферти. - Если они собираются вернуться к Уотерфронт Парк, то широко разойдутся.

Хирш схватила свой командный телефон.

- Капитан Робинсон, говорит шеф Хирш. Это мой первоочередной прямой приказ, и ты не должен исполнять никакие противоречащие приказы федералов. Отзови две группы быстрого реагирования: твою собственную "Дельта Один" и "Дельта Два" с любого задания, поставленного *придурком* Вайнштейном. И прикажи группам готовиться к крупному бою с террористами. Имей в виду, что в центр города прибывают три машины с террористами-боевиками, с "Бубновым валетом" в "кадиллаке эскалейд" неустановленного цвета и в двух других машинах без описания.

В районе присутствуют и другие пешие террористы, в том числе не менее двух в толпе на Уотерфронт Парк и один на мотоцикле, который может оказаться где угодно. Группе "Дельта Два" выдвинуться по Фронт-стрит, пересечь шоссе 30 и на углу улиц Вон-стрит и Виста-стрит ждать моей команды к движению. Группа "Дельта Один" встречается со мной на перекрёстке Двенадцатой авеню и Фландерс-стрит, и обе группы выдвинутся на перехват с этих позиций, как только мы сможем определить дальнейший путь следования террористов. Как всё понял?

Хирш не знала, что специальный агент Вайнштейн стоял рядом с капитаном полиции Айзеей Робинсоном у фургона связи в Уотерфронт Парк и подслушал её приказ командиру

группы. Едва не разорвав подкладку, Вайнштейн сорвал радиомикрофон с блестящей чёрной руки Робинсона и заорал в него:

- Отставить, чёрт побери, отставить! Линда, какого дьявола ты *смеешь* вытворять свои проклятые ковбойские штучки, когда в район прибывает вице-президент США? Ты знаешь, что за ним охотятся, и, ей богу, обязана поступать в соответствии со строгими правилами и в контакте с федеральным органом, ты, паршивая лесбиянская *корова*!

- Капитан Робинсон, ты всё понял? - повторила Хирш, не слушая разъярённого и брызжущего слюной Вайнштейна.

Робинсон, толстый мускулистый негр с тонкими усиками и в полном спецнаряжении, вырвал у него микрофон и ответил:

- Принято, шеф. "Дельта Один" и "Дельта Два" выдвигаются.

Потом хлопнул микрофон на подставку.

- Мы вставим пистон этим расистским задницам, жидок, - сказал он Вайнштейну. - Ты хотел поставить твои федеральные ниггеры вдоль дороги, я не против, но не мешайся, и мы покажем тебе, как это делается.

Потом отвернулся и начал выкрикивать команды своей группе. Вайнштейн изумлённо посмотрел ему вслед, а затем закричал: "Фарли!"

Сзади Вайнштейна скучал телеоператор из "Си-Эн-Эн" и увидел, как тот убегает.

- Куда, чёрт возьми, рванули эти фэбээровцы и копы? - громко спросил он ведущую съёмочной группы, изящную и модную "блондинку Барби" по имени Кэсси Рэнсом.

- Понятия не имею, но я устала ждать здесь, когда что-то произойдёт, - скорчила гримаску Кэсси. - Эти сукины дети из ФБР затащили нас сюда и даже не хотят сказать, для чего. Какое там, блин, "совершенно секретно"! Здесь ничего не происходит. Давай за ними и посмотрим, может, сделаем хоть пару кадров, что бы там ни было!

Съёмочная группа "Си-Эн-Эн" запрыгнула в свой белый фургон со спутниковой антенной на крыше и понеслась в город, догонять полицейские машины.

- Давай на перекрёсток Двенадцатой и Фландерс! - бросила Хирш водителю фургона, детективу Луису Эрмоса.

А в "эскалейде" Уинго говорил Кики:

- Хорошо, Джоди, здесь поверни направо на Четырнадцатую авеню.

Он достал телефон и набрал номер.

- Хорошо, босс, теперь мы прибыли на место встречи. Туз, ты слышишь?

- Я слышу, - услышал он ответ Туза.

- Ты где? - спросил Уинго. - Нет, не отвечай, мне по-прежнему не нравится говорить открытым текстом. Просто скажи, не происходит ли что-нибудь необычное?

- Друг, похоже, что все "бегающие крысы" города собрались на месте действия, но там, где мы, всё спокойно, - ответил Туз. - Никаких перекрытых улиц и тому подобного. По-моему, они рассчитывают, что их маленькое мероприятие станет сюрпризом.

- Ну, посмотрим, сможем ли мы сами преподнести им наш собственный сюрприз. Том, вы с Бекки там, где договорились?

- Ага, - раздался голос Эрика Селлерза.

Уинго уловил шум толпы и музыку на заднем плане.

- Здесь громы от стены до стены, кругом собаки-ищейки и металлоискатели, поэтому, по-моему, хорошо, что мы с моей леди - законопослушные граждане, и у нас нет ничего запрещённого, и мы просто наслаждаемся всем этим славным разнообразием и кайфом на Земле-кормилице. Минутку, вроде, какие-то плохие ребята задвигались. Два бронированных автомобиля и несколько полицейских машин покидают район, не знаю, куда.

- Ммм, не нравится мне, как это звучит, но будь спокоен и оставайся на трубе, - сказал Уинго. - Говори тише. Ты же не хочешь, чтобы Маленькая мисс Органика и Люди Луны подслушали и разоблачили тебя. Ты слышал, босс?

- Понял, - ответил Билли Джексон.

- Туз, попробуй найти этих блуждающих грызунов и проследи, куда они двинули.

- Вас понял, - ответил Туз.

- Чёрт! - пробормотал Джарвис, когда фургон остановился на обочине на Фландерс-стрит сразу за перекрёстком с Двенадцатой авеню.

- Мне фтрашно хочетфа флышать и другую фторону этих переговоров!

- Эй, лейтенант, два бронетранспортёра, с пяток сине-белых машин и машина ФБР без опознавательных знаков просто пролетели мимо меня по Третьей авеню, - доложил Туз. - Фургон новостей "Си-Эн-Эн" следует за полицией. Эти фибы опустили свои тонированные стекла, и я увидел водителя. Совершенно уверен, что это жидок Вайнштейн. Они куда-то спешат. Я за ними.

- Чёрт! - ругнулся Джексон. - Я пока не хочу давать отбой, пока мы не узнаем, что они напали на наш след. Они могут просто гоняться за своими хвостами. Но сейчас мы разделимся и действуем осторожно. Мы повернём направо на Глисан. Ударник, ты сверни направо на Фландерс, а вы, оба Предмета - на Эверетт. Только осторожно. Ребята, увидите что-нибудь тухлое - кричите.

- Принято, - подтвердил один из Предметов.

- Ты - босс, - ответил Уинго. - Джоди, поверни здесь направо на Фландерс. Медленно, приятно и легко, смотри на знаки остановки и светофоры, как будто мы просто ищем, где пристать на обед.

- В чём дело, Джим? - спросил Кот сзади.

- Тут "Бегающих крыс" спустили с поводка, - ответил Уинго. - Билли хочет, чтобы мы смотрели в оба, но отбой не дал.

- И пррравильно! - прорычал Кот. - Я хочу залить кровью костюм этого мудака.

"Я не могу так поступить!" - кричало всё внутри Кики. "Будь я проклята, если пойду на это. И буду недостойна Элли, если верну её такой ценой. Слишком высокой ценой. Если я пойду на это, она когда-нибудь узнает, что я спасла её ценой собственной души и крови храбрых мужчин, и будет презирать меня за это".

- Они идут прямо на нас! - взвизгнула Мартинес в полицейском фургоне.

- "Дельта Один", где ты, чёрт побори? - хрюкнула в рацию Хирш. - Они идут прямо на нас!

- Время прибытия - одна минута, шеф, - прогнусавил по рации Робинсон.

- Мы не можем дать им пройти мимо нас! - в истерике заорала Хирш, открывая заднюю часть фургона и выпрыгивая на улицу. - Мы должны остановить их здесь!

- Шеф, час обеда, улицы полны людей! - отчаянно закричала Мартинес.

Кругом было много маленьких модных бутиков, баров, киосков эспрессо и магазинов здоровой пищи. Несколько прохожих увидели, как Хирш в бешенстве мечется по тротуару, вопя и размахивая винтовкой "М-16" как дубинкой, и шарахнулись в разные стороны.

- Диос мио, эти подонки увидят её бегающей там, будто курица с отрезанной головой, и пристрелят! - в отчаянии воскликнула Мартинес.

Маккаферти выскочил из фургона.

- Я без формы, - сказал он Мартинес. - Дай мне рацию! Шеф, прошу, вернитесь за фургон и ждите "Дельта Один", чтобы они вас не увидели. Я пройду квартал, подожду идущий "эскалейд" и сразу доложу вам. Они не должны вас увидеть!

- Вперёд! - приказала Хирш взмахом руки.

Маккаферти сунул рацию в задний карман, вытащил низ своей рубашки, чтобы прикрыть пистолет, а потом побежал к 13-й авеню.

- Проклятье, Энди, ты без бронезилета! - громко крикнула Мартинес. - Эрмоса, ты в бронезилете? Прикрой Маккаферти! Держись за ним, но приглядывай.

Полицай-мексиканец в тёмных очках и спортивном костюме спрыгнул с места водителя фургона и побежал по улице за Маккаферти.

- Где, чёрт возьми, "Дельта Один"?

Кики пересекла перекресток 13-й авеню, и через открытое окно "эскалейда" со стороны водителя увидела Маккаферти, стоящего на левой стороне улицы, под окном с белой отделкой какого-то дома из красного кирпича, с мансардами для яппи. Он озадаченно посмотрел на неё, полез в задний карман и вытащил рацию.

"Нет, - вдруг подумала Кики с чистой и всепоглощающей ясностью. "Нет".

На полосе встречного движения в левом ряду был промежуток, и без дальнейших раздумий, Кики повернула руль и нажала на газ. "Эскалейд" с рёвом перелетел через улицу, врезался в Маккаферти и раздавил его, как таракана на стене. Тот умер мгновенно.

- Что за хрень?! - крикнул Локхарт Кошкин Глаз сзади, где он лежал на заднем сиденье.

- Блин, что ты творишь?! - поражённо заорал Уинго на Кики.

- ПОЛИЦИЯ! - во весь голос закричала Кики. - *Полицай! Это ловушка! Мы окружены!*

Она включила заднюю передачу, дала газ, и "эскалейд", ревя, помчался назад. Уинго поднял голову и увидел как бронетранспортёр группы "Дельта Один" сворачивает на Фландерс-стрит с Двенадцатой авеню.

- *Дерьмо!* - крикнул он. И выкрикнул в трубку:

- На нас напали! Засада на Фландерс! Бегите! Кики, давай по 13-й и обратно к междуштатной, не к реке, и попробуем оторваться от них! Кот, глянь, нет ли вертушек над головой?!

- На Эверетт чисто! - доложил один из Предметов. - Я никого не вижу. Можете попасть на Эверетт? Мы задержим их, если они у вас на хвосте!

Кики влетела на перекресток задним ходом, пытаясь развернуть машину, но свет ослепил её, и она врезалась в коричневый грузовик экспресс-почты "Ю-Пи-Эс", двигавшийся по 13-ой авеню, и тяжёлый бронированный внедорожник ударил грузовичок в бок. Улица была полна кричащих людей, и теперь 13-я авеню была перекрыта в обоих направлениях из-за водителей, ехавших на обеденный перерыв, которые просто бросили машины и убежали в поисках укрытия. Перевернутый грузовик "Ю-Пи-Эс" также перекрыл путь обратно на Фландерс. За коричневым препятствием одним из автомобилей, застрявших в пробке оказался белый фургон "Си-Эн-Эн".

Они потеряли полицейский конвой из виду и пытались снова его найти. Кэсси Рэнсом, её оператор и водитель, верные своей профессии, выскочили из фургона и побежали к перекрестку, откуда доносился шум. Три добровольца попали в окружение, и Уинго увидел, как несколько вооружённых до зубов полицейских из группы спецназа тяжело вываливаются из бронетранспортёра. С улицы донёсся грохот первых выстрелов из "М-16", и пули застучали по пуленепробиваемому лобовому стеклу.

- Кот, Кики, выпрыгивайте! Придётся выбираться отсюда своим ходом! - крикнул Уинго, выскакивая из "эскалейда" со стороны пассажира.

Он откинул складной приклад своего "Калашникова", спрятался за дверью внедорожника, прицелился и начал стрелять короткими, скупыми очередями. Закричал:

- Я прижму им головы! - А вы, ребята, бегите!

- Я сделаю лучше, чем прижму их хреновы бошки к земле, я их оторву! - крикнул в ответ Локхарт Кошкин Глаз.

Одним кошачьим прыжком он запрыгнул на крышу машины из задней части внедорожника, резко опустил сошки своей мощной винтовки "Барретт" и прицелился. Нажал на курок, пламя вырвалось из дула винтовки, мощный грохот эхом отразился от зданий, а полицейский спецназовец на улице взлетел в воздух, так что его ноги оторвались от земли.

Мартинес и Джарвис натянули бронезилеты и были теперь на улице. Мартинес стреляла с колена из винтовки "М-16", а Джарвис стоял над ней и палил из своей. Шеф Хирш пометалась туда-сюда, опустила свой "Армалайт" и выпустила длинную очередь, потом попрыгала ещё немного, крича, как сумасшедшая, на идише. На улице стоял грохот, будто стая сумасшедших обезьян била палками по стенкам внутри мусорного бака или металлического шкафа.

Кики вытащила короткоствольный револьвер, который ей дали, и собиралась выскочить через дверь с пассажирской стороны "эскалейда", когда сыщик Луис Эрмоса, изрыгая похабщину по-испански, бросился на неё через открытое окно внедорожника с пистолетом "Глок" в правой руке. Он попытался выстрелить в Уинго из пистолета, держа Кики левой рукой. Кики прижала к Эрмосе свой револьвер и выстрелила, но бронезилет "Второй шанс" на сыщике остановил пулю, выпущенную в упор, хотя удар и заставил мексиканца закричать от боли и злобы.

- *Пута Бланка!* - взревел он, колотя Кики стволом "Глока", сбил бейсболку с её головы и солнцезащитные очки с лица, и, захватив её волосы в кулак, пытался стукнуть её головой о рулевое колесо. (*Пута Бланка - Белая шлюха по-испански. - Прим. перев.*). Эрмоса бестолково выпалил несколько раз из "Глока" в сиденье и через противоположное окно, пока Кики кричала и пыталась поднять револьвер выше, чтобы снова выстрелить, но руль мешал, а она уже толком не соображала.

Спецагент Вайнштейн остановил машину ФБР без опознавательных знаков за бронетранспортёром группы быстрого реагирования, стоящим на перекрёстке с 12-й авеню, и начал сигналить. Фарли, наконец, удалось убедить Вайнштейна, что вождение машины с опущенными пуленепробиваемыми тонированными стеклами во время перестрелки с Добрармией - неудачная мысль, но теперь Вайнштейн снова опустил стекло и высунулся, во всё горло крича:

- Чёрт возьми, что происходит?! Убирайтесь с дороги! Где эта сука Хирш? Фарли, ты что-нибудь видишь?

- Да нет, - сказал Фарли, который услышал выстрелы и решил, что ему совершенно неинтересно, что происходит за углом на Фландерс-стрит. "*Чёрт, мне нужно хлебнуть!*" - подумал он, с тоской ощупав пиджак, где держал маленькую фляжку, но не осмеливался вытащить её в присутствии Вайнштейна.

- Ну, так сбегай и посмотри! - рявкнул Вайнштейн.

- А шеф Хирш что-нибудь говорила о террористе на мотоцикле? - спросил Фарли.

- Да. А что? - спросил Вайнштейн. Фарли показал. Вайнштейн повернулся налево и увидел человека в коже и джинсах, в закрытом шлеме с опущенным щитком, на мотоцикле "судзуки" не далее чем в двух шагах от них.

- Пакет для вас, - сказал ездок. - Распишитесь здесь, пожалуйста.

Он протянул руку и швырнул в машину ручную гранату; оба фэбээровца успели заметить, как ручка щёлкнула и отлетела, а граната закатилась под сиденье. Байкер развернулся и сорвался с места по тротуару, обходя пробку. Вайнштейн визжал, как женщина, а Фарли бессмысленно ревел, пока оба мужчины хватались за ремни безопасности, обязательные для сотрудников ФБР, пытаясь их расстегнуть. Но граната взорвалась *с гулким грохотом*, машина подскочила в воздух на метр, её бронированный корпус аккуратно удержал силу взрыва внутри, а затем она опустилась на землю как тлеющий кусок хлама с размазанной по всему лобовому стеклу и салону малиновой слизью. Голову Вайнштейна позже нашли в канаве на другой стороне улицы.

А в "эскалейде" Кики всё ещё отчаянно сражалась с разъярённым Эрмосой, но, наконец, ей удалось всунуть дуло своего револьвера между его покрытых пеной губ и лязгающих зубов и нажать на спусковой крючок. Раздался какой-то приглушённый звук. Несмотря на весь шум, она всё же расслышала, как мозги и кровь Эрмосы шлёпнулись на тротуар. "Глок" Эрмосы упал ей на колени, а сам он сполз с глаз долой на землю рядом с дверью водителя. Кики позже уже не могла вспомнить, что заставило её выполнять дальнейшие действия; казалось, всё получилось бессознательно.

Не колеблясь ни секунды, она прислонила свою левую руку к двери водителя, вдавила дуло револьвера в мышцы под своей левой подмышкой и нащупала маленький металлический комок, устройство слежки, которое ФБР ввела в её тело. Затем она спустила курок, разбив устройство на мелкие кусочки и вырвав кусок мяса из руки.

Уинго был сосредоточен на врагах впереди и ничего не заметил, а Локхарт был на крыше. Кики где-то читала, что огнестрельная рана сначала нечувствительна, и только потом начинает болеть. Но не эта. Казалось, что руку вырвало из сустава, она закричала от муки, и с этого момента, была почти не в себе. Кики уронила свой револьвер и, завывая, с трудом вывалилась через боковую пассажирскую дверь, по пути схватив в правую руку пистолет "Глок" сыщика-мексиканца. Потом перекатилась на улицу и с трудом поднялась на ноги. Бронированная дверь внедорожника всё-таки защищала Кики от пуль, которые шлёпались вокруг неё, по двери и асфальту.

Уинго пригнулся за "эскалейдом" как укрытием и вставил в "Калаш" ещё один магазин, второй из стянутых лентой рожков. Он закинул автомат за спину, вытащил гранату из-за пояса, а затем, извернувшись, как бейсбольный подающий, швырнул её вдоль улицы, где она отскочила от нескольких крыш автомобилей и прокатилась по улице, взрывом расшвыряв осколки и тряхнув улицу. Затем он проделал то же самое со второй гранатой. Все полицейские попадали на землю или нырнули за укрытия.

После этого Уинго схватил "Калашникова" и снова начал стрелять. На крыше Кот Локхарт тоже вставил новый магазин в свою винтовку, спокойно поднялся на колени и продолжил стрельбу, не обращая внимания на полицейские пули, свистящие вокруг, как электроны. Именно тогда съёмочная группа "Си-Эн-Эн", которая съёжилась за опрокинутым грузовиком экспресс-почты "Ю-Пи-Эс", решила, что пришло время сделать свою работу.

Они пробежали вдоль Фландерс-стрит и свернули направо на 13-ю авеню, телеоператор опёр камеру о крышу стоящего автомобиля. А Кэсси Рэнсом начала отрывисто кричать в микрофон, стараясь рассказать студии и мировой аудитории, связанной с ней через спутник, что происходит перед ней на улице в Портленде.

Следующие двадцать секунд видеofilьма в итоге принесли Кэсси и оператору Пулитцеровскую премию. Видеоклип демонстрировали по всему миру многие недели, и он стал неотъемлемой частью наглядной истории войны за независимость Северо-Запада. До

сих пор его показывают практически во всех документальных фильмах на эту тему. Хотя отснятое требует некоторых пояснений.

К этому моменту Кот Локхарт уже застрелил четырёх полицейских из группы быстрого реагирования, в том числе капитана-негра Айзейю Робинсона. А остальные, в том числе Мартинес и Джарвис, под градом крупнокалиберных пуль и ручных гранат Уинго проявили "лучшую часть храбрости" и попрятались за стоящими машинами и за всякими доступными укрытиями. Хирш укрылась за фургоном "Оук Харбор", но каждые несколько секунд высовывалась, крича и стреляя одной рукой из винтовки "М-16", как из пистолета, и исчезала снова. Локхарт понятия не имел, кто эта толстая шумная цель, но она его раздражала, и он решил подстрелить её. Но произвести выстрел ему было трудно, так как Фландерс-стрит от перекрёстка шла под небольшим уклоном вверх и вправо, а траекторию пули заслоняло множество крыш автомобилей, деревьев и другого материала. Неясное и визжащее слоноподобное тело никогда не высовывалось в одном месте дважды, да и то лишь на секунду-две. Остальные полицейские стреляли вслепую, поднимая свои "М-16" над головой, расстреливали несколько патронов из полуавтоматов или давали короткую очередь в направлении перекрёстка, ни во что не целясь и не попадая.

Кики была ошеломлена, сбита с толку и уже совершенно не в своём уме из-за боли от раны и жуткой ненависти к этим тварям, разрушившим всю её жизнь. Она, пошатываясь пошла по улице, хрипя и визжа, её левая рука и бок были залиты ярко-красной кровью, а волосы, светлые как мёд, развевались сзади. В безумной ярости Кики держала в вытянутой правой руке пистолет "Глок" и вслепую стреляла в направлении своих мучителей, но ни в кого не попадала. Она встала перед Уинго, и тому пришлось на пару метров выбежать из-за "эскалейда". Он швырнул свою последнюю гранату, затем поднял оружие к плечу, выпустил несколько длинных очередей, пытаясь прикрыть Кики и постоянно крича ей, чтобы она ложилась и пряталась. Локхарт, стоя на коленях на крыше "эскалейда", палил в Хирш и во всех остальных, похожих на полицейских, кто попадал в его прицел. Шальные пули полиции засыпали всё кругом, хлопая по окнам машин, стенам и вдоль улицы. Локхарт не обращал на них внимания и продолжал спокойно прицеливаться и стрелять.

Это была поразительная картина, на деле довольно бессмысленная и бесплодная. Никто никуда не попадал, и никто, кроме Локхарта, даже не прицеливался. Но по телевизору всё *выглядело* адски круто, а в Америке именно это имеет значение. По чистой случайности камера "Си-Эн-Эн" выхватила на двадцать секунд - а двадцать секунд в теленовостях это много - совершенно законченный кадр, потрясающий по драматизму воздействия.

В дальней центральной части экрана справа видно, как Кики гордо шагает по улице. Она стреляет вслепую, воет как зверь в бессмысленном припадке ярости и безумия. Но мир увидел раненую Валькирию, выкрикивающую боевой клич и идущую на вражеские пулемёты, пули из которых бьют рядом с ней. В левом нижнем углу Джимми Уинго швыряет гранату, а потом встаёт, как скала, как Эррол Флинн и Оди Мёрфи, с бородой, в джинсовой безрукавке и солнечных очках, с чётко видимыми татуировками на выпуклых мышцах рук, в чёрной ковбойской шляпе, сдвинутой назад, с грохочущим "Калашниковым" на высоте плеч, извергающим фонтан сверкающих гильз. А затем он одним плавным и быстрым движением переворачивает и перезаряжает автомат стянутыми лентой магазинами. Высоко в верхней части экрана виден Кот Локхарт на коленях со своей мощной винтовкой, из дула которой с каждым выстрелом, как молния с небес Асгарда, сверкает пламя.

Эта живая картина длилась около десяти из двадцати секунд. Потом раздался звук ревущего двигателя, и камера качнулась влево, куда подлетел синий пикап "шевроле" с Предметами Один и Два, выехал на тротуар, и с визгом остановился на перекрёстке.

Лохматый Предмет Один выскочил со стороны пассажира, поднял к плечу автомат "Хеклер-Кох", и засверкал второй гремящий фонтан пустых гильз. Кот Локхарт выпустил последний патрон, тот, что разбил череп Линды Хирш на куски, как взорвавшуюся дыню. Потом развернулся и как Зорро сделал потрясающий прыжок из задней части "эскалейда" в кузов "шевроле". Уинго выбежал вперёд, схватил неистовую Кики за талию, перекинул её через плечо, потом побежал назад и как мешок с картошкой забросил девушку в заднюю часть машины, прежде чем запрыгнуть в пикап самому. Предмет Один тоже запрыгнул обратно в кабину, и синий "шевроле" с рёвом помчался по тротуару Фландерс-стрит, опрокидывая столики с рекламой сэндвичей и отправив в полёт тележку с кофеваркой эспрессо. На 14-й авеню к ним присоединилась "гран-при", и обе машины на предельной скорости унеслись по шоссе 30.

Погони не было. Почти вся передвижная полиция города окружала Уотерфронт Парк, и не оказалось ни свободных, ни желающих организовать ответные действия. Никто даже не потрудился связаться с группой "Дельта Два" или другими полицейскими и объяснить им, что происходит. С момента, когда Кики бросила "эскалейд" на Маккаферти, до момента, когда синий пикап "шевроле" вылетел из района со всеми пятью добровольцами, прошло ровно семьдесят секунд.

* * *

Джимми в задней части пикапа затянул свою бандану на руке Кики и сумел остановить кровотечение. По пути они ненадолго остановились в конспиративном доме, где Джимми и Джексон промыли руку Кики спиртом и наложили временную повязку, а также сменили машины.

- Я вызвал Зака, - сказал Джексон. - Он встретит нас здесь по дороге и привезёт доктора "Будь здоров".

Оскар и Джексон взяли "ниссан", а Джимми, Кики и Локхарт погрузились в другой внедорожник. Кики мучилась от боли и была в шоке, хотя и не настолько, как изображала. Она просто решила, что лучше не говорить и не думать. Она понятия не имела, что теперь произойдёт, и заставила себя просто выбросить всё из головы. Джимми прижал её к себе и плотно держал повязку.

- Не волнуйся, дела не так уж плохи, - заверил он её. - Доктор "Будь здоров" тут же тебя вылечит. Он был в Ираке одним из лучших санитаров.

Через полтора часа они добрались до конспиративного дома в Ренье, на краю района ответственности Третьего батальона, где их встретил Зак Хэтфилд и группа его людей, в том числе человек средних лет с добрым лицом и медицинской сумкой.

- Внесите её и просто положите на диван, - попросил он, указав на Кики. Он осмотрел рану.

- Чёрт, у тебя пороховые ожоги. Сукин сын, должно быть, стрелял в тебя прямо в упор, - заметил он.

- Точно, - подтвердил Уинго. - Проклятый коп-мексиканец или какой-то федерал в штатском. Я видел, как он напал на неё через окно машины, но я не мог стрелять, чтобы не попасть в неё. Коп вроде пытался задушить её.

- Мы были так близко, и в такой тесноте, что ни один из нас не мог навести пистолет, - сказала Кики. - Он просто продолжал стрелять. Я, наконец, сунула свой ему в рот и отстрелила к хренам его бошку.

- Хорошо отделалась. Тебе повезло, - сказал доктор "Будь здоров". - Артерию и кость не задело, а Джим здесь, похоже, удачно остановил кровотечение. У тебя будет дырка в руке, и там останется шрам, но ты выздоровеешь.

Он начал вынимать принадлежности из своей сумки.

Хэтфилд и Локхарт пожали друг другу руки.

- Рад видеть тебя снова, Кот, - сказал Хэтфилд, на котором была его фирменная шляпа с пером и плащ, а в руках винтовка "Винчестер 30-30", которую он сделал своим фирменным оружием. - Боже, ты был в розыске и раньше, но после сегодняшнего скандала будешь горячее расплавленной лавы! Что, чёрт возьми, случилось? Говорят, что ты пытался шлѣпнуть вице-президента, а?

- Ну да, мы хотели, но эти уроды напали на нас из засады, и пришлось прорываться с боем, - недовольно сказал Локхарт.

- Так я это видел.

- Видел? - удивлѣнно спросил Кот.

- Вас показывали в прямом эфире, дружище. По всем каналам "Си-Эн-Эн" и всем чёртовым программам. Должен сказать тебе, если эта маленькая девочка когда-нибудь захочет перевестись, шлите её к нам, - с восхищением сказал он, кивая на Кики в гостиную. - Выглядело, как будто она была готова биться в одиночку со всей полицией Портленда.

К ним подошёл Уэйн Хилл.

- Я только что говорил с командиром бригады, - сообщил он. - Он уже едет. Хочет сделать "вскрытие".

Когда Томми Койл прибыл несколько часов спустя, то в первую очередь переговорил с Локхартом, Хиллом и Уинго. Он не терял времени.

- Расскажи мне, Кот, - попросил он. - Что, чёрт возьми, там с вами случилось?

- Они устроили засаду на нас на Фландерс-стрит, сэр, - сказал Локхарт. - От всего этого воняет. Думаю, они знали, что мы приближаемся.

- Разумеется, они знали, - мрачно сказал Хилл. Он повернулся к Койлу.

- При всѣм уважении, сэр, теперь вы мне верите?

- Думаю, что придѣтся, лейтенант, - с трудом выговорил Койл, сердитым и горьким тоном. - *Чѣрт!* Предатель в моей команде!

- Предатель? - недоверчиво переспросил Уинго. - Чуть!

- Были и другие неприятные случаи, Джим, и я составил очень угрожающую картину, - ответил ему Хилл. - Не вижу иной возможности, особенно после сегодняшнего дня.

- И кого ты подозреваешь? - сердито спросил Уинго.

- Не тебя, не волнуйся. Действительно, никого, кто был на "щекотке". Никто заранее не знал о ней. Этого-то я и не могу понять.

- Чѣрт, эта девушка Джоди появилась в последнюю минуту, и она даже не знала, куда направляется, или что происходит, пока я не объяснил ей в машине по дороге, - сказал Локхарт.

- К тому же мы все прошли сканирование на прослушку, - добавил Уинго.

- Да, - согласился Хилл. - В наше время это не окончательное доказательство, так как есть всевозможные виды подслушивания, датчики определения места и ещё много чего, что может пропустить ручной сканер. Но, с другой стороны, я не представляю себе настолько глупого предателя, чтобы он сам пошёл в такую ловушку вместе с людьми, которых предал, и сам рисковал жизнью. Не могу увидеть предателя среди вас, которые вели себя так мужественно и храбро, как вы все сегодня. Кто знал, что они узнали, и когда они это узнали?

Согласен, что в данный момент я в тупике. Но у нас в доме мышь, господа, можете не сомневаться, и я поймаю её.

- Кот, доложи мне всё с самого начала, со своей точки зрения, - приказал Койл.

Локхарт доложил. Койл потёр подбородок в задумчивости.

Уинго пошёл в гостиную, где Кики, сидя на диване с перевязанной рукой, в двадцатый раз изумлённо смотрела по телевизору перестрелку на Фландерс-стрит. Она удивлённо качала головой.

- Не могу поверить, что это сделала я, - сказала она Джимми. - Я даже не помню, что делала.

- Ты - дочь героев, - сказал Джимми. - Тебе просто нужно было немного напомнить, и ты услышала их зов. Здесь командир, и он хочет поговорить с тобой.

В комнате возникла огромная фигура Койла. Кики никогда не видела его раньше и попыталась подняться на ноги с помощью одной руки.

- Нет-нет, прошу, не вставай, товарищ, - мягко сказал Койл. - Я понимаю, что мы не хороним сегодня никого из наших благодаря тебе. Прими мою благодарность и восхищение храбрыми и результативными действиями всех вас. Правда, что это оказался не совсем тот успех, на который мы рассчитывали, но вице-президент отменил свой визит и, поджав хвост, убежал обратно в Вашингтон. А вы, ребята, значительно увеличили свой боевой счёт, включая пару старших агентов ФБР и шефа полиции собственной персоной. Не говоря уже о вашем впечатляющем маленьком представлении там, на улице. Он кивнул на телевизор.

- Чертовски хорошая пропаганда. Вы все молодцы.

- Спасибо, командир, - ответила Кики, всё еще пытаясь привыкнуть к тому, что в первый раз говорит с этими людьми, а враг их не подслушивает, и что она чиста во всех смыслах этого слова.

- Можно спросить, как ты заметила полицейскую засаду? - спросил командир.

- Ну, я узнала этого копа, - осторожно выразилась Кики. - Его зовут... звали Маккаферти. Он работал в уголовке. Раньше у меня, ну, было много стычек с полицейскими, и я сидела некоторое время в тюрьме.

- Да, мэм, я знаю, - сказал Койл, вежливо воздерживаясь от упоминания, как много он знает, хотя Кики была уверена, что ему известно всё.

- Он был одним из тех ублюдков, что засадили меня в "Кофи Крик" из-за Ленни Джиллиса, скупавшего краденые вещи, - сказала Кики, зная, что при мёртвом Маккаферти трудно будет подтвердить или опровергнуть её рассказ.

- Не главный, но я знала его со времени того моего ареста. Когда мы ехали по Фландерс-стрит, я увидела его, он потащил рацию из кармана, и я, ну, не могу объяснить это, сэр, но я просто *поняла*. Это всё, что я могу сказать. Я просто всё *поняла*.

- Мэм, я провёл в Ираке много времени, слишком много, - вздохнул Койл. - Как и наш товарищ Локхарт. Некоторые из нас научились чувствовать запах чурок, когда они оказывались поблизости. Это необходимый инстинкт выживания в бою. Поверь, я понимаю.

- Я просто сделала первое, что пришло на ум, - сбивчиво закончила она. - Сбила козла.

Койл протянул руку и потряс здоровую руку Кики. - У нас ещё нет никаких медалей для награждения таких товарищей, как ты, доброволец Маги, поэтому всё, что я могу сделать, это сказать тебе спасибо. Когда-нибудь благодарная и свободная страна белых отметит тебя больше. Сейчас мы дадим тебе немного отдохнуть.

Мужчины оставили Кики одну, но, прежде чем выйти из комнаты, Джимми Уинго наклонился и нежно поцеловал её в губы.

Когда они ушли, она молча смотрела на мерцающий экран телевизора. Наконец-то видение дочери, которое она смогла заглушить, больше не стояло перед её глазами. Кики подумала, что если Элли когда-нибудь увидит фильм этого утра на Фландерс-стрит, узнает ли она окровавленную женщину, стреляющую из пистолета, и останется ли эта картинка образом её матери на всю жизнь.

Она закрыла глаза, полные слёз. *"Прощай, моя малышка"*, - думала она, страдая в жутком молчании. *"Ты молода и забудешь меня, но я тебя никогда не забуду. Какую бы новую жизнь тебе ни дали, живи хорошо. Будь счастлива. Постарайся когда-нибудь меня простить. Прощай, моя дорогая девочка"*.

Гром в ночи

Жалеть о невозвратном

Бесполезно.

Что сделано, того

Не изменить.

Макбет – Акт III, Сцена 2

Желание Зака Хэтфилда исполнилось: Кики Маги направили в третий батальон, по крайней мере, временно, поскольку сложилось мнение, что её, Кота Локхарта и Джимми Уинго неплохо на некоторое время удалить из Портленда. Кики удалось побывать во многих диких местах на северном побережье, что было в новинку для городской девушки. К её удивлению, она ощутила в себе долго дремавшую связь с нетронутой природой, которой она раньше никогда не чувствовала. Кики решила, что если этот кошмар как-то когда-нибудь разрешится, и она снова сможет делать, что хочет, то уедет из Портленда на это побережье, окаймлённое скалами, с густыми, тёмными лесами над морем.

Локхарта отправили, так сказать, на "дорожные гастроли". Добрармия направила Кота в такие места далеко на севере, как Беллингем в штате Вашингтон, и дальше на восток, в Монтану, а в одном случае он дал незабываемый "концерт" в Ванкувере, что в Британской Колумбии. Это принесло Коту небывалую честь: он был объявлен в розыск Королевской канадской конной полицией, как особо опасный преступник. Парламент в Оттаве издал распоряжение об объявлении его вне закона, применив устаревший правовой документ, позволявший любому человеку, полицейскому и кому угодно застрелить преступника на месте. Такое распоряжение об объявлении вне закона в последний раз принималось в девятнадцатом веке против индейских *метисов*-повстанцев Луи Риэля. Уинго направили в поддержку Локхарту, и во время последней поездки в июне Кики поехала с ними. Она была водителем, вела наблюдение и всячески помогала знаменитому снайперу, вместе со сменявшимися группами местных добровольцев в Спокане и Кёр д'Ален.

За это время Кики и Джимми Уинго стали любовниками, что в Добрармии обычно означало просто редкие любовные встречи в их повседневной жизни на бегу, похожей на американские горки. Естественный ход событий помог Кики войти в новую жизнь. Кики совершила над собой огромное психическое и эмоциональное усилие, разделив свою жизнь на две части или половины - до и после Фландерс-стрит. И никогда не позволяла этим частям перекрываться в её сознании, по крайней мере, когда могла помешать этому. До Фландерс-стрит было *раньше*. Тогда она была другим человеком, не тем, что сегодня.

Настоящее началось *после*, и она стала кем-то другим. Каждый раз, когда всплывали воспоминания об Элли, Кики подавляла их мгновенно и безжалостно. Подсознательно Кики было совершенно ясно, что это самообман, и очень возможно, что её роль полицейского доносчика каким-то образом всплывёт, и ей придётся умереть за то, что она натворила. Она просто приняла этот риск вместе с риском такой же ежедневной смерти. Кики, как в изломанном отражении одной из её старых двенадцатишаговых программ отказа от наркотиков, приучила себя жить одним днём и просто не думать о

будущем. Она стала фаталисткой и приняла это философски. Теперь её жизнь катилась по наезженной колее, и она намеревалась посмотреть, как всё обернётся.

В середине лета Кики с Уинго вернулись в Портленд, хотя у Кики теперь была чёлка, а волосы выкрашены в рыжий цвет. К этому времени они стали признанной парой, а по правилам в нашей армии такие пары по возможности держали вместе и давали им работать одной командой. Битва на Фландерс-стрит отошла в прошлое, произошли другие кровавые события и катастрофы для правительства и полиции, отражённые средствами массовой информации, и теперь Кики с Уинго были в такой же опасности в Портленде, как и везде. Кики понятия не имела, как Мартинес с Джарвисом справились с её внезапным и драматическим бегством. Она знала только, что не было никакого публичного заявления полиции Портленда о ней или даже просто об участии какого-нибудь стукача в битве на Фландерс-стрит.

Всё это событие было обыграно в средствах массовой информации как героическая операция по спасению жизни вице-президента Соединённых Штатов, возглавлявшаяся лично шефом полиции Линдой Хирш. Кики слышала, что все полицейские, участвовавшие в перестрелке, получили благодарности, а Мартинес и Джарвис - медали за отвагу, как и Хирш с Маккаферти, конечно, посмертно. Помимо этого Кики ничего не знала о том, что полицейские Портленда решили насчёт неё. Ей также не было известно, что Оскар и Гэри Бреслер всё ещё без усталости охотятся на неё.

Однажды летним вечером Кики участвовала в занятиях по спецподготовке вместе с добровольцами Джейсоном Кармоди, Эриком Селларзом и Аннет Риджуэй, занятиях, которые на самом деле были частью охоты Третьего отдела на "крота". Их всех доставили в складское подразделение в Бивертоне на лекцию и практические занятия, проводимые лейтенантом Винсентом Паскарелла, взрывотехником Второго батальона.

Эрик огляделся и увидел четыре низких стойки с металлическими полками метра по три в длину, стоящие примерно в полуметре друг от друга и служащие козлами. Наверху этих сооружений с полками лежали два тяжёлых чёрных цилиндра длиной чуть больше метра, сделанные из какой-то ребристой стальной трубы с дополнительными кронштейнами и проводами, торчащими из нижней части, и четыре - пять труб потоньше, изготовленных, похоже, из нержавеющей стали, с тупыми, почти как у торпед, носами и треугольными закрылками или крыльями примерно посередине и ниже на дырчатом основании. К этому времени Эрик избавился от привычки задавать вопросы, но Паскарелла, видя, что все разглядывают эти штуковины, сам начал объяснения.

- Это "пыхтуны" и "свистульки".

- Я так и подумал, сэр, но что из них есть что? - спросил Эрик. - Я никогда не видел их раньше.

- "Пыхтуны" - это самодельные миномёты, - показал на чёрные цилиндры Паскарелла. - Мы сделали их калибра 81 мм для совместимости с армейскими, и поэтому сможем использовать в них определённые заводские детали, такие как лафеты-двуноги, и монтировать их на опорной плите миномёта "M252", если когда-нибудь достанем у военных один из них, но я бы не рискнул стрельнуть из одного из этих пыхтунов "родной" миной. Они подорвут нас самих.

- Я знаю, что эти ракеты называются "свистульками" из-за звука, который они издают, - сказала Аннет. - Ну да, по определению "Си-Эн-Эн".

- Да, примерно так и есть, - согласился Винс. - В них используется сделанное в нашем клубе любителей науки твёрдое топливо, которое не хочет оставаться твёрдым. Техники ещё возятся с этим топливом, пытаются сделать его устойчивым. Мы то и дело

используем эти штуковины, чтобы перебросить через стены Бремера пару любовных записок дяде Слиму. (*Игра слов: вместо нейтрального дяди Сэма, прозвища правительства США - дядя Слим (Мерзость, мразь) - прозвище ЗОГ. - Прим. перев.*). Я всё надеюсь, что мы попадём в правительственный сортир и взорвём какого-нибудь федерального судью на толчке, но до сих пор результаты были, мягко говоря, неоднозначными. Это как дирижабли во время Первой мировой войны. Хорошее психологическое оружие, и они могут заставить какого-нибудь чиновника или секретаря мандражировать, приходя на работу, но проблема в том, что этими чёртовыми штуками не удаётся попасть даже в большой сарай, и слишком часто боевая часть даже не взрывается. Кроме того, надо найти место для установки, и для их пуска нужен расчёт из трех человек, по крайней мере, и тогда нам, как правило, в конечном итоге приходится уходить от погони.

Риски высоки, а результаты сомнительны. Нам удалось заставить федералов очистить многие высотные здания, потому что даже эти неуклюжие дурочки могут врезаться в окно небоскреба, но федералы просто оцепили прилегающие улицы и разместили свои офисы и оборудование в прицепах внизу, ниже уровня стен Бремера. Я всё время слышу разговоры, что интендант главного штаба пытается достать для нас какую-то серьёзную технику у подходящих международных торговцев оружием, или прямо у самого "Ивана Медведя", и мы обещаем 50 тысяч долларов любому американскому военнослужащему, который сможет толкнуть нам "М252" с парой десятков мин, но пока без толку.

- А что такое эта стена Бремера, лейтенант? - спросил Эрик.

- А, да, тебе сколько, семнадцать, восемнадцать? По-моему, они появились чуть раньше твоего рождения. Стены Бремера это большие железобетонные блоки со скошенными основаниями и колючей проволокой сверху, которые федералы кранами ставят на место и используют, чтобы окружать свои "зелёные зоны", на Ближнем Востоке, а сейчас и здесь, на Родине, на Северо-Западе, - пояснил Паскарелла. - Названы в честь Пола Бремера, первого американского имперского наместника в Ираке. Бремер был законченный ФОББИТ, то есть он всё время прятался в своей норе. По имеющимся сообщениям, за всё время своей работы в Ираке Бремер ни разу не покинул "зелёную зону" или другое безопасное и снабжённое кондиционером место. Он дал свое имя этим кускам бетона, которые сегодня неразрывно связаны с американской империей, так же, как дороги и акведуки олицетворяют Древний Рим, а на чае и крикете всё ещё-помешаны в бывших британских колониях. Стены Бремера - одна из причин, почему мы должны использовать миномёты и ракеты в качестве средств доставки взрывчатки, чтобы проникать через стены или над ними, так как у нас нет смертников.

Ладно, ребята, садитесь на стулья и слушайте.

Четверо молодых добровольцев расселись поудобнее.

- Итак, это и ещё несколько занятий дадут вам общее представление о взрывчатых веществах, - начал Паскарелла. - Вам расскажут и покажут всё, что необходимо знать добровольцам линейных рот, но если вы когда-нибудь решите пойти в подразделение взрывников, то получите углублённую подготовку. Сегодня вечером мы не будем здесь заниматься практикой, но где-нибудь в следующем месяце отправим всех вас в небольшое плавание по могучей Колумбии вдоль шоссе 30. Там вы встретите товарищей из "Дикой стаи" кэпа Хэтфилда, то есть из Третьего батальона, с которыми присутствующая здесь товарищ Джоди уже знакома. Тамошние ребята много бегают по лесам и возьмут вас с собой в небольшой поход в лесные дебри Северо-Запада, где вы

узнаете всё, что никогда не узнали бы на уроках "Основ многообразия" и мульти-культу в школе. Но сегодня я преподам вам теорию. Расскажу вам, зачем Добрармия применяет взрывчатку, при каких условиях, и как мы это делаем.

Паскарелла присел на одну из низких стальных установок с полками.

- Итак, прежде всего, позвольте мне сказать вам, что Добрармия *не делает* с взрывчаткой. Мы не чокнутые мусульманские фанатики, которые грузят подходящий транспорт всем, что только может взрываться, а потом подъезжают к месту, переполненному людьми, и сами взлетают на воздух с сотнями других.

Смертников в Добрармии нет и никогда не будет. Мы хотим, чтобы вы все выжили, и после того, как всё закончится, помогли построить Республику, ради которой сейчас вы рискуете жизнью. Мы также не одержимые из Временной ИРА в Белфасте, которые устраивали взрывы только для того, чтобы услышать большой грохот, и которым по барабану, если заодно они взорвут автобус со школьниками, семью туристов или маленькую старушку в кресле-каталке.

Добровольческая армия Северо-Запада никогда не использует взрывчатку исключительно как оружие для поражения живой силы противника, в соответствии с Общим приказом номер четыре о жёстких мерах в отношении небелых, которые находятся в Республике незаконно или что-нибудь в этом роде. За исключением случаев, когда мы можем достать ручные гранаты и точно метнуть их в негритянские дансинги и наркопритоны или мексиканские столовки и тому подобное. Но не настоящие бомбы.

Слишком велика возможность непредвиденного во всех смыслах этого слова, что-то может пойти не так, и мы убьём или раним тех самых людей, за которых сражаемся. Вероятность побочного ущерба при неверном использовании взрывчатки катастрофически высока с точки зрения потерь жизней, политики и пропаганды. Когда придёт время, и вы будете планировать собственные "щекотки", *никогда не пытайтесь сделать с помощью бомбы то, чего можно добиться, используя огнестрельное оружие.* Если вы намерены уничтожить экономическую или стратегическую цель, всегда старайтесь по возможности использовать поджог вместо взрывчатки. С помощью поджога вы сможете уничтожить цель так же надёжно, а у любых гражданских на объекте обычно больше шансов выйти и уцелеть.

Пока Добрармии везло. Произошло несколько несчастных случаев, и после войны мы намерены выплачивать семьям пострадавших пожизненные компенсации, если они примут их у нас. Но у нас, по крайней мере, не было никаких ужасов, вроде тех, когда малышку и её младшего брата в коляске разносит в клочки, или чего-нибудь похожего. Во всяком случае, пока, и я стучу по дереву, чтобы с нами никогда не случилось ничего подобного.

- Сэр, а если федералы устроят какой-нибудь взрыв, намеренно убив кучу белых детей, и свалят на Добрармию, чтобы выставить нас в чёрном свете? - спросил Эрик.

- Да, эта мысль приходила нам в голову. Это называется провокацией, доброволец, и ты прав, что подонки в правительстве США вполне способны на такие убийства, - мрачно согласился Паскарелла. - Я, да и любой ветеран, служивший в Ираке, можем это подтвердить. Ребята, если вспомнить новости оттуда, вы когда-нибудь задумывались, почему иракцы, а позже иранцы, саудовцы и египтяне, казалось просто ни с того, ни с сего, без разбора взрывали друг друга? Ну, скажу так: многие из этих заминированных автомобилей несли клеймо "сделано в США", или, в некоторых случаях, "сделано в Израиле". Я точно знаю. И сам, стыдно признаться, собрал несколько таких штук для этих псов из ЦРУ и Моссад.

Теперь, возвращаясь к твоему вопросу, солдат, хоть я не контрразведчик и не замполит, и ты знаешь строгое правило армии не распространять слухи. Но я полагаю, что на каких-то из немногих неофициальных переговоров, что мы вообще вели с противной стороной, Добрармия дала понять федеральному правительству Соединённых Штатов, что если произойдут какие-нибудь взрывы в детсадах и больницах или домах для престарелых, а средства массовой информации попытаются свалить это на нас, бесчеловечных белых расистов, то наш мораторий на атаки против гражданских пассажирских самолётов, аэропортов и воздушного движения в Штатах перестанет действовать. Мы начнём взрывать реактивные лайнеры на взлётно-посадочных полосах и в воздухе. В наших силах остановить внутреннее и международное воздушное сообщение Соединённых Штатов, и вы, ребята, может быть, удивляетесь, почему мы никогда не использовали такую возможность. Именно поэтому. Пока этот неписанный договор на запрет провокаций в стиле ЦРУ в обмен на ненападение на авиакомпании и аэропорты, соблюдается. Ни один президент США в здравом уме не захочет перекрыть всё воздушное движение в нашей стране. Ладно, вернёмся к нашей сегодняшней теме.

Добрармия использует взрывчатку в трёх основных случаях. Во-первых, когда имеется экономическая, стратегическая или пропагандистская цель, которая должна быть физически уничтожена, иногда громко и наглядно, для предостережения. Это может быть завод или бизнес, принадлежащий евреям и не прекративший нанимать нелегалов из третьего мира, или какое-то предприятие, поставляющее товары или услуги врагу. Бар или ресторан, которые отказываются ввести запрет на обслуживание военных, федералов или небелых. Административное здание или другое сооружение, используемое разными нашими врагами, а нам нужно помешать им и уничтожить оборудование. В общем, понятно.

Второй случай, это использованием бомб против вражеской брони и укреплений. Например, когда мы перебрасываем эти примитивные ракеты и мины через стены Бремера и колючую проволоку, чтобы "поцеловать папочку". Тогда вступает в дело старое доброе СВУ, то есть самодельное взрывное устройство, иначе известное как "Багдадский салют".

Я, как и некоторые другие ребята-ветераны в Добрармии, имеем необычный опыт и знаем СВУ обеих сторон, нашей и мусульманской, так что мы довели такие "салюты" до уровня искусства. Применяя СВУ, мы делаем передвижения войск противника опасными, трудно планируемыми и выполняемыми, а в некоторых районах Северо-Запада нам более или менее удалось выдать полицию и войска с шоссе, заставив их полностью пересечь на вертолёты. Если нам когда-нибудь удастся заполучить переносные зенитные ракеты или какие-нибудь другие способы сбивать этих "птичек", то дядя Слим окажется глубоко в дерьме. Я предполагаю, что некоторые из вас, ребята, уже знакомы с третьим способом применения взрывчатки Добрармией. Кто знает?

Аннет подняла руку.

- Боже, я чувствую себя учителем в школе с маленькими детьми, - усмехнулся Паскарелла. - Хотя, думаю, я и есть учитель. Ладно, девочка в переднем и единственном ряду.

- Мины-ловушки! - выпалила Аннет.

- Ты угадала, - подтвердил Паскарелла. - Всякий раз, когда это физически возможно, Добрармия обязательно оставляет мины-ловушки на месте операции перед отходом, в любых транспортных средствах или других возможных ёмкостях, на трупах врагов и так далее, и тому подобное. Это страшно мешает полиции и федералам: иногда

они целый день ищут и обезвреживают мины-ловушки, и у вас, ребята, появляется целый день, чтобы замести следы. Не говоря уже о потерях убитыми и ранеными у врагов, даже самых осторожных, которые по-прежнему наносят ловушки.

Самые распространённые мины-ловушки это самодельные бомбы из труб, набитых чёрным порохом, или гранаты с длинной ручкой и с натяжной проволокой или подпружиненным детонатором, но я слышал про всё, начиная со скрытых ружей до медвежьих капканов, дверных ручек, подключённых проводами к электричеству, до отравленного пива или изошрённых смесей в унитазах, которые при использовании реагируют с аммиаком в моче и отрывают важные части тела у федеральных служащих.

- Наша команда оторвала нигеру голову зарядом, который мы оставили в сортире с закрытым сиденьем, - похвастал Джейсон.

Паскарелла усмехнулся.

- Ну, теперь о практической стороне сборки и подрыве взрывных устройств. Каждое взрывное устройство состоит из трёх основных частей. Это - основной заряд: динамит, "Семтекс" или то, что обеспечит главный взрыв. Затем гораздо меньший заряд-взрыватель, обычно промышленная петарда, вроде этой, - и он поднял небольшую медную трубку размером с карандаш.

- Он называется капсюль-детонатор, и имеется много их разновидностей - с порошком, полностью электрических, с вольфрамовой нитью, как у лампочки и т.д. Капсюль-детонатор можно также изготовить самим из химического или жидкого нитрогеля в бутылке, коктейля Молотова или чего-нибудь подобного. Прекрасно срабатывает один обычный китайский фейерверк вместе с шашкой динамита или тротила. Капсюль взрывается и таким образом подрывает главный заряд.

И третья часть - это система воспламенения или детонации для подрыва капсюля-детонатора, которой может служить простая дорожка из чёрного пороха или горящий фитиль, как в старых фильмах, но обычно это устройство с батарейкой или подобным источником электричества, которое посылает электрическую искру в капсюль-детонатор и подрывает его, а уже от него детонирует главный заряд. Ключ к тому, чтобы разнесло в ключья врага, а не вас самих, прост: держите эти три части разъединёнными до последней возможности.

Существуют три вида детонационных процессов, с некоторыми вариациями. Первый: взрыв *в расчётное время*. Это может быть ваш обычный старый будильник с батарейкой или что-то более сложное и цифровое. Расчётный взрыв, когда устройство устанавливается на подрыв через определённое время, скажем, *через* пять минут, или устанавливается на взрыв *в определённый момент времени*, скажем, в 3:15 вечера, когда по вашим расчётам цель будет находиться в пределах досягаемости.

- Метафора бомбы замедленного действия, - вырвалось у Аннет.

- Что такое "метафора"? - спросила Кики.

- Извини, некоторые словечки из школы осели в моей голове, - виновато проговорила Аннет.

Она была в восторге от Кики после битвы на Фландерс-стрит. Кики была старше Аннет, по слухам, проститутка, с татуировками, у неё был ребёнок, и она сидела в тюрьме. Богатой девочке Аннет это казалось неотразимым шиком неблагополучной судьбы, таким странным снобизмом наоборот, иногда встречавшимся у добровольцев из высших слоёв общества.

Паскарелла не обратил на них внимания.

- Ещё есть дистанционный взрыв, что означает, что вам понадобится свой подрывник или, по крайней мере, наблюдатель в районе, где была заложена бомба, и вы должны выждать, пока конвой противника, бронетранспортёр, бронированный лимузин или другое транспортное средство окажется над СВУ, чтобы его взорвать. Мы считаем, что микросхемы и батареи мобильных телефонов отлично подходят для этой цели. Вы вводите номер телефона для быстрого набора, и как только подключите аккумулятор и плату к капсулю-детонатору через несколько проводов и зажимов, всё, что от вас потребуется, это нажать номер быстрого набора, и - бабах! Этому научили нас иракцы. Обычно мы расстреливали их, если ловили с мобильным телефоном вблизи взрыва какого-нибудь СВУ. Только молитесь Богу, чтобы какой-нибудь телепродавец не позвонил вам, предлагая путёвку на горнолыжный курорт как раз, когда вы подсоединяете зажимы.

- Это уже случилось? - поинтересовалась Кики.

- Нет, никого ещё не убило, но время от времени СВУ без видимой причины взрываются преждевременно, и вполне может быть из-за какого-нибудь "мусорного звонка". Проклятые рекламщики! - в сердцах воскликнул Паскарелла. - Третий тип системы детонации - по проводу, кабелю, или электрическому проводу, подключённому к батарее с поршнем, или по настоящему военному запальному шнуру, но мы редко его используем.

Паскарелла стал очень серьёзным.

- Теперь, дети, простите, товарищи, слушайте внимательно, потому что это важно. *Безопасность*. То, что образно называют "несчастливым случаем на работе", со взрывчаткой происходит в одном из двух случаев.

Во-первых, вы случайно подрываете капсулю-детонатор, когда он вставляется или соединяется с основным зарядом, потому что каким-то образом создаёте короткое замыкание, и от батареи устройства запала проскакивает искра. Это основная причина, почему вы должны держать свою систему запала отсоединённой или отключённой до самой последней минуты, пока заряд не окажется на месте, а враг - над ним, по возможности.

Есть также ряд мер безопасности, которые мы используем в устройствах дистанционного управления, такие как выключение телефонов, которые будут использоваться для подрыва заряда, и физическое извлечение батареи для надёжности. Ни в коем случае, *никогда* не вставляйте капсулю-детонатор в заряд, который подсоединён к устройству запала любой проволокой или взрывателем. Сначала нужно вставить капсулю-детонатор, отсоединить провод, подключить систему запала, потом вставить батарею обратно и поставить систему запала в боевое положение, когда вы находитесь на безопасном расстоянии, а не когда ещё смотрите на заряд на своём переднем сиденье.

Вторая причина преждевременной детонации - когда сам главный заряд становится неустойчивым и воспламеняется от жары или давления или статического электричества. Это одна из причин, почему, за одним исключением, портлендское подразделение взрывотехников всегда старается использовать заводскую коммерческую или военную взрывчатку. Но не это странное варево, которое парни О.С. Оглви и некоторые другие наши чудаковатые товарищи любят готовить в ванной какого-нибудь дома-прицепа.

Самый серьёзный из всех несчастных случаев со взрывчаткой в Добрармии произошёл в Портленде, когда два хороших товарища, добровольцы Владко Кирилов и Пол Штрассер, работали с самодельным гелигнитом, и, насколько можно понять, чёртов

материал стал нестабильным, и нитроглицерин начал выпотевать. Оба погибли. Никогда не забывайте, ребята, что этот материал смертельно опасен, и за легкомысленное обращение с ним вы можете поплатиться своей жизнью а, возможно, и жизнью товарища.

- Что за взрывчатку используют в Добрармии? - спросил Джейсон.

- Наиболее распространённые взрывчатые вещества, доступные для подразделений взрывотехников Добрармии по всей Родине, это добрый старый динамит, тол и чёрный порох, - пояснил Паскарелла. - Динамита и тола по-прежнему, как грязи. Они необходимы в строительстве, при сносе зданий в городах помимо того рода, что прodelываем мы, и в горнодобывающей промышленности.

Федеральное правительство не может запретить эти сорта взрывчатки или контролировать их: слишком велика потребность в них в отраслях промышленности, которые приносят деньги бездушным людям в деловых костюмах. Создана специальная группа подразделения взрывников, которая ездит по всем США, устраивает кражи и налёты на горные предприятия и строительные площадки и вывозит специальным транспортом десятки контейнеров с динамитом и толлом. Единственное исключение, которое я только что упомянул, относится к нашему собственному производству больших объёмов чёрного пороха на нескольких тайных пороховых заводах, простых и достаточно безопасных, если только какой-нибудь дурачок не закурит там сигарету.

Самый эффективный состав пороха это 10 % серы, 75 % нитрата натрия и 15 % древесного угля, хотя есть и другие составы. Всё тщательно перемешивается и получается то, что Шекспир называет "злодейской селитрой", с помощью которой наши предки отвоевали весь мир у индейцев и зулусов. Кстати, всегда следует убедиться, что любой чёрный порох, который вы используете, изготовлен и одобрен подразделением взрывотехников. Некоторое время назад ребята из Юджина сами сделали порох с хлоратом калия вместо нитрата натрия, чтобы придать ему большую взрывную мощность, что было несусветной глупостью. Хлорат калия чертовски неустойчив. Этот хлорат взрывается, стоит сесть на него мухе, и одному из этих химиков-ботанов оторвало два пальца руки. Ему ещё повезло, что не голову.

Но "шампанское" всей повстанческой взрывчатки это по-прежнему "Семтекс", которая сегодня производится в десятках стран, а также в Чешской Республике, где она была изобретена, - продолжил лейтенант. - В то время как федеральному правительству удалось навязать американским производителям все виды учёта, правила обращения, меры безопасности, метки этиленгликолем и другими химикатами и тому подобное, первые чешские производители по-прежнему весело экспортируют "Семтекс" во все уголки земного шара. И её не так уж трудно достать, если у вас есть "зелень" на оплату.

"Семтекс" - наилучший выбор для заряда большой мощности, если удастся получить к ней доступ. Просто это самое мощное вещество, доступное для наших целей. Полкило этой взрывчатки может обрушить довольно большой дом, чемодан - снести офисное здание, а в редких случаях, когда мы захотим пойти на это, багажник, полный "Семтекса", может забросить на Луну целый квартал.

Гелигнит, студнеобразный нитроглицерин, действительно немного мощнее, но он снят с производства и, как я уже говорил, с ним, сваренным в ванне, опасно работать, поэтому мы с ним и не связываемся. Когда интенданту Главного штаба удастся достать "Семтекс", мы рассылаем взрывчатку по подразделениям взрывотехников и бережём для особых заданий. Я говорю об этом, потому что вам, ребята, могут приказывать забрать или доставить её в Спокан, Сиэтл или Бойсе. Но не волнуйтесь. Эта взрывчатка довольно

устойчива, пока в неё не вставлен капсуль-детонатор, или если только вы не ударите по ней молотком или не сделаете ничего, что может вызвать сжатие.

- Как насчёт "С-4", сэр? - спросил Эрик Селларз.

- Когда мы можем достать её, это чудесно, - ответил Паскарелла. - Однако американские военные стали такими параноиками, опасаясь наших возможных взрывов, что действительно вывезли с Родины все военные запасы "С-4" и хранят их в нескольких специальных хранилищах по всей остальной территории империи строже, чем золото в Форт-Ноксе.

Практически требуется приказ, подписанный президентом или председателем Объединённого комитета начальников штабов, чтобы армейские инженерные войска или "зелёные береты" могли получить какое-то количество "С-4" в законных целях, если цели Амуррики можно назвать законными. У нас ещё имеется некоторое количество такой взрывчатки, но на самом деле нам много проще и экономичнее полагаться на динамит и тол. Теперь - о доставке. Здесь в дело вступаете вы, ребята.

Молодые добровольцы подались вперёд.

- Конечно, есть бомбы, устанавливаемые в легковые автомашины и грузовики, - продолжил Паскарелла. - Иногда это единственный способ подрыва, скажем, крупного военного конвоя, и единственно возможное место вашей засады - одна из улиц города, но гораздо чаще, это будет какая-нибудь амурриканская важная шишка в бронированном лимузине, которую мы не можем достать другим способом. Хотя нам не по душе такие взрывы из-за риска неприемлемого побочного ущерба.

Несколько раз нам удавалось подогнать заминированную легковушку или грузовик достаточно близко, чтобы проломить стену Бремера, уничтожить наблюдательный пункт или кое-что подобное, и я думаю, вы слышали об адском подрыве тюрьмы на прошлой неделе в изоляторе в Оберне, штат Вашингтон, где группа Джокя Грэма пробила дыру в заборе, взорвав бомбу, установленную на грузовике.

Но заминированные машины применяются в крупных операциях, которые предварительно тщательно прорабатываются и утверждаются командованием бригады и выше. Мы не хотим, чтобы улицы городов Северо-Запада превратились в подобие Багдада или сектора Газа. Наши зоркие парни в снайперских ротах наносят больше физического и психологического урона врагу, чем может сделать сотня автомобилей, начинённых взрывчаткой. И они делают это хирургически точно и с *блеском*, что возбуждает среди белых восхищение, а не страх и отвращение.

Большая часть бомб специально нацелена на внутренние объекты, и цель состоит в том, чтобы проскользнуть за оборонительные рубежи и поразить врагов там, где они считают себя в безопасности. Кого-нибудь из вас уже просили доставить посылку?

- Меня, - ответила Кики. - Это была моя первая самостоятельная "щекотка". Против того книжного магазина педиков и игрушек для секса в центре города с большой вывеской "Эротика Гомера", изображавшей героя мультика. Посылку для меня изготовил сам "Красный барон". Мне дали фальшивый студенческий билет, и я пришла с сумкой на плече, полной книг со стихами древнегреческой поэтессы Сапфо, про радости лесбийского секса и подобное дерьмо. Каждая книга была вырезана внутри, в неё вложена одна-две шашки динамита, и ещё шесть шашек защиты в подкладку сумки. Мой пластмассовый мобильный телефон, заполненный какой-то дрянью, служил в качестве детонатора.

У педиков не было собак, а в сумке - металла, так что она прошла металлоискатель. Гомик просто заглянул внутрь сумки и положил её за прилавок, для

верности, что я не сопру искусственный член или что-нибудь ещё. Прежде, чем он забрал сумку, я положила в неё мобилу. Несколько минут я разглядывала полки, потом незаметно вышла, прошла подальше по улице и набрала номер телефона. Рвануло просто замечательно!

- Чистая работа, товарищ, и обычный день работы нашей почты по доставке посылок, - с одобрением кивнул Паскарелла. - Вполне вероятно, что вас всех рано или поздно попросят доставить посылку. В Добрармии нет задач, требующих большего мужества, хладнокровия и попросту бесстрашия, а также способности соображать на ходу и быть актёром или актрисой, лучшими, чем в Голливуде, и понятно, что всё это есть у этой нашей классной девушки.

Каждая из этих задач - единственная в своём роде, поэтому я не могу подготовить вас к их выполнению, но скажу лишь, что вас полностью ознакомят со всем, что вам придётся нести, и всеми опасностями, а также научат обращаться с посылкой. Вам придётся входить в район вашей цели, скорее всего, мимо вооружённых охранников и служебных собак и, бог знает, каких ещё электронных средств охраны. В некоторых подразделениях Добрармии при доставке посылок тянут жребий. Я всегда вызываю добровольцев и заранее лично ставлю им задачу, чтобы убедиться в готовности их разума и чувств к выполнению задания. До сих пор ещё никто из них меня не подвёл.

Позже, когда ваши соответствующие роты привлекут для крупной атаки или засады, особенно если вы окажетесь в летучей колонне в сельской местности, вам почти наверняка придётся участвовать в подготовке и подрыве различных самодельных взрывных устройств, от просто большого ящика с динамитом до гирлянд самодельных противопехотных мин направленного действия. Здесь у меня есть некоторые образцы корпусов, которые мы используем для самодельных взрывных устройств. Ребята, подойдите к этому поддону, и я дам вам представление о том, как готовить их к подрыву. Четвёрка окружила деревянный поддон, и Паскарелла продолжил урок.

* * *

Как только транспорт для четвёрки молодых добровольцев прибыл и забрал их, чтобы развезти по домам, Паскарелла подошёл к окну и просигналил фонариком. Затем подошёл к одному затемнённому кабинету и постучал в дверь. Дверь открылась, и вышел Гэри Бреслер с надетыми наушниками.

- Ты увидел и услышал, что хотел? - спросил Паскарелла.

- Ну да, - ответил Бреслер. - Однако не заметил ничего, что дало бы ключ. А ты не засёк что-нибудь подозрительное в ком-нибудь из ребят?

Паскарелла поднял одну из раздвижных дверей, и большой синий фургон с выключенными фарами въехал задним ходом на тускло освещённый настил. Двое мужчин вышли из машины, открыли заднюю дверь и начали погрузку двух миномётов и самодельных ракет на специальные стойки.

- Думаю, что все четверо - умные и преданные молодые люди, а те, кто их привлёк, знают своё дело, - ответил офицер-взрывотехник. - Эта девушка-байкерша Джоди - та самая цыпа, что была тогда на Фландерс-стрит с Котом Локхартом, верно? Так что она уже прошла боевое крещение?

- Ага, - подтвердил Бреслер. - Но это ничего не значит. Ты же, как и я, прекрасно понимаешь, что глубоко законспирированный агент вполне может завалить пару своих пидоров, чтобы заслужить доверие в Добрармии.

- Да, знаю. Чёрт возьми, Гэри, я бомбист, а не хорёк! Мне не по душе шпионить за нашими людьми, и я не люблю использовать своё тяжёлое оружие как приманку на твоей маленькой охоте за шпионом. Эти миномёты и ракеты, хоть они и дрянь, нужно сбросить на американские бошки, а не гонять по всему Портленду в качестве реквизита в этой мрачной бессмысленной возне.

- Это нужно сделать, Винс, - проворчал Бреслер. - У меня есть ещё не меньше двух групп, и я хочу, чтоб напоследок ты выполнил для меня ещё пару таких заданий. Я скажу тебе, куда доставить эти штуковины через пару дней.

- Я не говорил, что не нужно этого делать. Просто сказал, что это мне не нравится.

- Боже, Винс, думаешь мне *нравится*? - воскликнул Бреслер.

Из темноты улицы появились ещё двое мужчин, специальных оперативников Третьего отдела, которые прибыли из Сиэтла.

- Ну, Зик, ребята, вы устроились на той стороне улицы? - спросил Бреслер.

- Всё устроено, лейтенант, - ответил один из них, молодой парень по имени Эзикиел в строгой рубашке и галстуке, похожий на миссионера мормонов, которым он когда-то и был, пока не задушил полицейского-мексиканца и несколько трансвеститов-проституток в Твин Фоллз, штат Айдахо.

Спутник постарше Зика был одет как алкаш, и звали его "Батя" - а как иначе? Батя был мастером по пьяному нытью и мочился в штаны, если их останавливали патрули полиции или групп быстрого реагирования. Батя убеждал допрашивающего, что он просто жалкий пьяный бомж, заставляя того с отвращением отвернуться. Тогда старик, как нападающая кобра, втыкал ему в ухо пестик для колки льда, а спутники Бати, скрытые в темноте, из пистолетов и винтовок с глушителями добивали остальных патрульных.

- Хорошо, задача что и прежде, - сказал Бреслер людям из Третьего отдела. - Оставайтесь в укрытии, по крайней мере, два дня, и три, если ваш босс разрешит. Следите за этим домом круглые сутки, поочередно. Если "гнилушка" из этой четвёрки, то наши миномёты и ракеты должны стать большой удачей для него или неё и серьёзным соблазном для Мамаи и Обезьяны рискнуть прикрытием своего агента в обмен на большой выигрыш и появление их физий в новостях "Си-Эн-Эн".

При появлении каких-нибудь признаков интереса полиции к этому зданию, а не только полномасштабного налёта с выбиванием дверей ногами, но и вообще всего странного - непонятных машин, вертолётов в воздухе, загадочных инспекторов газовых компаний или почты "Ю-Пи-Эс" у пустого дома, слоняющихся пешеходов, которые кажутся неуместными, дайте мне знать. Хотя будем надеяться, что эти четверо молодых людей - преданные добровольцы Северо-Запада, а вам, ребята, предстоит ещё одна длинная и бесплодная стража. Кроме того, если сможете засечь Лэйни Мартинес и/или Джамала Джарвиса, изучающих это место, по возможности попытайтесь взять хотя бы одного из них живьём и в состоянии говорить. Никаких пестиков для льда, петель или других радостей, *пока* я не поговорю с ними, ладно?

- Всему своё время, --торжественно согласился Зик.

Действительно, Кики пришло на ум, когда она ехала обратно с Джимми в их нынешний конспиративный дом, что, если бы в ней всё ещё сидел "жучок", эти железки стали бы именно тем, что нужно Мартинес, Джарвису и сумасшедшей Линде Хирш, а её, возможно, убили бы во время налёта. Она снова спрашивала себя, где они, что делают, кому рассказали о ней, и как долго ей осталось до того, как всё вскрыется. Потом Кики

перестала думать об этом и вернулась в сегодняшний день. У неё это получалось всё лучше и лучше.

Но оказалось, что Кики подвергалась меньшей опасности, чем опасалась. Битва на Фландерс-стрит стала чудовищным провалом полиции, но федеральные власти, которые вмешались и взяли расследование на себя, были достаточно осторожны, чтобы понять, что такие провалы, как и ошибки врачей, лучше всего хоронить. После полного подведения итогов и должного размышления новый специальный агент, отвечающий за офис в Портленде, твёрдый как сталь кадровый офицер по имени Боб Уикер решил, что эту ошибку необходимо зарыть как можно глубже. На все папки поставили штамп "Совершенно секретно", и операция "Прожектор" исчезла из поля зрения.

Уикеру было очевидно, что Кики Маги стряхнула своих надзирателей, и столь же очевидно, что мир об этом вообще не должен узнать. Поскольку случай был связан с вице-президентом, его в настоящее время расследовали Конгресс, Служба охраны президента и министерство юстиции. Но эти расследования велись в значительной степени формально. Все думали, что просто произошло покушение Добрармии, сорванное доблестными Линдой Хирш и Эллиотом Вайнштейном на основании информации, полученной в последний момент, которую ни один из них теперь был не в состоянии огласить. Любое упоминание о наличии осведомителя полиции возобновило бы эти расследования, всплыли разные неудобные вопросы о таких событиях, как убийство посла Уитмена и его невесты из племени банту, и разбудило нескольких "спящих собак", которых лучше оставить в покое.

Лэйни Мартинес в частном порядке долго совещалась с Уикером в его кабинете, где она выложила ему всё начистоту и привела убедительные доводы, что надо сделать хорошую мину при плохой игре. Переговоры она увенчала искусным оральным актом на диване в кабинете Уикера. Уикера удалось убедить, и теперь они с Мартинес два раза в неделю предавались послеобеденным оргиям на тайных конспиративных квартирах и в гостиничных номерах, содержащихся их службами по всему городу.

Уикер направил ей и Джарвису тёплые письменные благодарности. Сам губернатор Орегона, чтобы не отстать, отдал распоряжение присвоить Мартинес и Джарвису звания лейтенантов уголовной полиции и наградить их медалями за отвагу. С начала операции "Прожектор" Лэйни предусмотрительно спрятала в сейфе банка все бумажные копии соответствующих документов, просто для уверенности, что при необходимости действительно сможет воспроизвести всю историю. И она дала знать об этом Уикеру, но тот прекрасно понимал её нужду в подстраховке, и всё выглядело так, будто документы не понадобятся.

Единственной ложкой дёгтя в бочке мёда было то, что Мэй и Мэри Эллен Маги исчезли. Начальник частной охраны был весьма смущен, когда рассказывал взбешённой Лэйни, что позволил своим пленницам ускользнуть. "Эта старая пьяная карга по-прежнему получала свою порцию пива", - оправдывался он. "Мы даже стали давать ей целый ящик на день. Но она, должно быть, выливала большую часть пива в раковину или вроде того, когда мы не видели. В вечер той перестрелки, когда вы были на Фландерс-стрит, мы не смогли получить от вас указаний, как действовать, старуха как-то попала в комнату ребёнка и вышла с девочкой из здания. Ей богу, мы не знаем, как".

Охранник, конечно, знал. Он трахал женщину-сержанта в одном из номеров отеля, но решил, что лучше выглядеть полным растяпой, чем откровенно смешным. Лэйни была так разозлена, что даже забыла английский и материла охранника по-испански. Но что бы

ни придумала старушка Мэй, она придумала хорошо, так что они с Элли исчезли бесследно.

Мартинес вышла сухой из воды, но Джарвису не так повезло. Одна из последних пуль Кота Локхарта задела его кучерявую голову и оторвала левое ухо. Лэйни посетила негра в больничной палате и ввела в курс дела.

- В общем, как видишь, всё закончилось полным провалом, - признала она. - Но Уикер готов проявить благоразумие. Правда, ФБР теперь присвоило всю нашу работу, и малышка пропала, как и наша доля от любого договора её удочерения.

Но знаешь, в общем, это может и не так уж плохо, потому что начисто обрывает нашу связь со всем этим бардаком. Посмотри и на хорошую сторону, Джамал. Мы оба получили лейтенантов, можем добавлять после наших имен "МВ" (*Медаль за отвагу - Прим. перев.*), и у меня теперь есть прямой выход на федералов а, значит, и у тебя тоже. Да и пуля калибра 12,7 мм пролетела мимо, и ты жив. Чёрт, мы оба живы, разве не так? А Хирш, старины Энди, Айзы Робинсона и других ребят, которые вышли в тот день, уже нет. Знаешь, нет худа без добра.

- Ниггер надеет фа только на одно, - прорычал Джамал, касаясь своей забинтованной головы. - Я хочу однажды фатить вот этими чёрными руками за горло ту белую фуку.

- О, да, - кивнула Лэйни.

Разрушение "города показного блеска"

*Нет-нет, они лишь шутят, отравленье в шутку:
Обиды совершенно никакой.*

Гамлет – Акт III, Сцена 2

Тёмной январской ночью в частном доме в городке Уэстпорт штата Орегон состоялось совещание высшего командного состава Добровольческой армии Северо-Запада. Присутствовали Рэд Морхаус, командир 1-й бригады Томми Койл со своими командирами городских батальонов Бадом Лолором и Ларри Доннером, а также командир 1-й бригады Гарри Ханнон с батальонными капитанами Марком Конуэем и Артом Макнилом. Лейтенант Уэйн Хилл и лейтенант Чарли Рэндалл представляли Третий отдел, а взволнованный капитан Зак Хэтфилд и лейтенант Чарли Вошберн из Третьего батальона выступали в качестве хозяев. Когда все мужчины расселись в просторной гостиной безопасного дома, и каждый получил кружку с кофе или безалкогольным напитком, Рэд открыл совещание.

- Кругом всё в ажуре, Зак? – спросил он.

- У нас почти сорок добровольцев снаружи, вверх и вниз по дороге, и на патрулировании леса и окрестностей, - сказал Хэтфилд, садясь и снимая широкополую шляпу. - Я не рискую. Мы поставили замаскированный дозор на том небольшом обрыве за нами, специальную сдвоенную пулемётную установку "М-60" и несколько лучших стрелков с инфракрасными ночными прицелами на случай, если нас атакуют вертолёты. Но при всём должном уважении, сэр, я думаю, что мы должны быстрее закончить, что вы запланировали, и потом разбежались.

Не нравится мне, что в одном месте так много наших людей, особенно старших офицеров. Наша "Дикая стая" нагнала страх божий на всех, кто хотел бы нас "заложить", но чем дальше здесь остаётся так много народу, тем скорее нас могут случайно засечь, хоть те же спутники-шпионы с тепловыми датчиками. Они всегда могут послать сюда беспилотник "Хищник", просто наудачу. Я знаю вас достаточно хорошо, чтобы не говорить об этом, но дело должно быть достаточно важным для оправдания такого риска.

- Так оно и есть, - уверил его Морхаус. - Хорошо, давайте продолжим. Все вы понимаете, что сейчас я говорю от имени Совета Армии. Я подробно изложу главную стратегическую инициативу, и даже присвоенный ей уровень "совершенно секретно" не отражает степень секретности, которую мы должны обеспечить этой операции, пока не будем готовы к атаке.

Сначала неприятные новости: я вынужден просить вас, господа, откомандировать на неопределённое время ваших лучших людей, минимум двадцать человек или больше. По зрелом размышлении были выбраны именно портлендские бригады, чтобы сформировать особую боевую единицу для проведения ряда самых ответственных и опасных операций в ходе первых крупных действий, которые Добрармия начинает вне самой Родины на Северо-Западе. Название этой единицы - оперативная группа "Стоп, режиссёр". Её задачей будет обезвреживание одного из главных видов оружия, которое ЗОГ применяет на этой войне: голливудских фильмов, СМИ и индустрии развлечений, чтобы сделать его как можно более бесполезным для противника. Говоря прямо, мы идём на Голливуд и собираемся расколотить "фабрику грёз" вдребезги.

Кругом слышались тихие смешки, одобрительный шум и замечания.

- Начинаем запись желающих? - спросил Конуэй. - Мне придётся поработать над своим загаром.

- А мне будет нужна работа под прикрытием вроде официанта или продавца газировки, чтобы меня мог заметить какой-нибудь известный режиссёр-еврей, - пошутил Лолор. - Согласен полностью обнажиться спереди.

- Чур, я мочу того мерзкого жида Берта Стайнфелда, - сказал Макнил, назвав известного в Голливуде актёра "пёстрых" убеждений, утверждавшего, что у него есть чёрный пояс по каратэ, и он - бывший "зелёный берет", хотя эти заявления и опровергались в армии США.

Этот тип специализировался на ролях суровых, но добрых в глубине души полицейских, где он и его напарники - чёрный, женщина или педераст - метелят направо и налево злобных белых расистов, перемежая это дело шуточками-прибаутками.

- Да, и одна из причин, по которой мы здесь собрались, это необходимость начать проработку деталей, - продолжил Морхаус. - Господа, не буду повторять вам, что, начиная с изобретения кино более ста лет назад, киноиндустрия стала самым еврейским бизнесом в мире, за исключением международного банковского дела и бирж. Даже сегодня идиш считается вторым языком Голливуда. Именно так. Идиш постоянно используется как жаргон на киносъёмочных площадках и в звукооператорских, во всех офисах, отделах, распределяющих роли, и в залах заседаний советов директоров. Во всех административных зданиях для руководства на каждой крупной киностудии устроена частная синагога или место для молитв, с одним или несколькими раввинами, и службой приготовления и доставки кошерной пищи. Целые советы директоров в Голливуде и в их компаниях-учредителях в Нью-Йорке иногда проводят перед совещаниями иудейские религиозные службы. Все важнейшие нетехнические работы, связанные с деловой и творческой стороной любого крупного кинофильма выполняются евреями или находятся под их присмотром, начиная с глав студий, продюсеров и режиссёров, и кончая сценаристами, помощниками режиссёров по подбору актёров, агентами, бухгалтерами и любыми людьми, имеющими отношение к деньгам.

Даже в областях, которые, вроде бы, управляются неевреями, оказывается, что где-нибудь в цепочке евреи оказывают первостепенное влияние и имеют право решающего голоса. Контроль этого Племени настолько всепроникающий и полный, что распространяется и на телевидение, за исключением пары крупных сетей кабельного телевидения, на которых присутствует масса евреев среди руководства, но они принадлежат консорциумам супербогатых протестантов-евангелистов, Эти поклоняющиеся Израилю христиане с неосионистскими убеждениями, главные неоконсерваторы и сторонники Республиканской партии. Они по-своему ещё более отвратительны в своём зле, чем сами евреи, потому что у них нет никакого оправдания за вред, причиняемый собственному роду.

Не буду говорить вам об ужасном и в значительной степени необратимом ущербе, который Голливуд нанёс белой расе и Западной цивилизации за прошлое столетие. В течение четырёх поколений международные банкиры и продажные политики совершают неопишуемые преступления против человечества, и особенно разжигают войну за войной, в которые ввергают наши народы к выгоде еврейства. При этом именно Голливуд, и его отродье - ублюдочное телевидение заставили белых людей Америки и весь мир поглощать эти злодеяния и, в сущности, с восторгом их поддерживать.

Именно Голливуд последние 50 лет вбивал в горло белых людей все мыслимые виды извращений тела и духа. Это Голливуд превратил отвратительное мужеложество в нечто привлекательное и модное, в предмет для глупых шуток, тогда как на деле это яд для самой

души. Именно Голливуд превратил белых женщин, изображаемых в фильмах, или в безмозглых сексуальных кукол или же в бесполох, мужеподобных мужененавистниц-психопаток. Это Голливуд поколение за поколением отравлял умы и внушал уныние белым детям, что теперь уже непоправимо, и превратил их в белых негритосов.

Банкиры украли наши деньги. Правительство Соединённых Штатов крадёт наши жизни и свободу и пропитало землю арийской кровью, проливаемой, чтобы спасти омерзительную расу азиатских паразитов. Но Голливуд крадёт умы и сами души нашего народа, и, по моему мнению, это делает Голливуд в определённом смысле даже более пагубным, чем вертеп беззакония в Нью-Йорке и Вашингтоне. Соратники, мы пойдём в Южную Калифорнию, схватим этого монстра за горло и *вырежем его сердце!*

Мужчины, сидящие за столом, одобрительно зашумели: план пришёлся им по душе.

- Теперь я передаю слово лейтенанту Хиллу, - сказал Морхаус.

- Спасибо, Рэд, ну разве не чудесные зрители собрались в нашей студии сегодня вечером?

Мужчины засмеялись.

- Я должен начать с объяснения, что именно ускорило эту операцию, которая, между прочим, называется "Мы не в восторге", - продолжил Хилл.

Смех стал ещё громче.

- Ясно, что любое революционное движение в Северной Америке рано или поздно будет вынуждено заняться Голливудом, и эта задача всегда ждала своей очереди, даже во времена старой Партии до восстания 22 октября. Но в последние годы нашей главной заботой стало выживание на улицах нашей собственной земли. Хотя мы решили проблему с местными печатными и электронными СМИ здесь, на Тихоокеанском Северо-Западе, и в значительной степени нейтрализовали их как эффективное оружие оккупантов. Но у нас не было времени, людей и средств, чтобы взяться за самый корень проблемы - эту клоаку в Лос-Анджелесе. Теперь обстановка меняется.

Достаточно очевидно, что за исключением какой-нибудь катастрофы Добрармия останется на Северо-Западе, как постоянная отличительная особенность здешней жизни, и для нас выживание в итоге будет означать победу. А для сведения счётов с вражескими СМИ настало время нанести удар прямо в чреве Зверя.

Как ни странно, зная какой мусор заправили Голливуда ежедневно вываливают на нас по телевизору, довольно удивительно, что события на Северо-Западе так мало привлекали их внимание. Во всяком случае, они были сдержанней, чем это им свойственно. Разумеется, передачи новостей, сделанные за пределами Северо-Запада - это голая правительственная пропаганда, так как они думают, что мы не сможем до них добраться в Нью-Йорке, Атланте или Лос-Анджелесе. Особенно эти "говорящие головы" на кабельном телевидении. Ведущие отвешивают в наш адрес издевательские шуточки на вечерних шоу с участием знаменитостей. И в разных телесериях были эпизоды с главными персонажами, которые боролись со зловещим расизмом на Северо-Западе и героически спасали милейших негрят и деточек в ермолках во время дьявольского расистского "Восстания Шестнадцати дней". Обычная жвачка, но, в общем, отношение к нам Голливуда не было столь истерически ненавистническим и подстрекательским, как можно было ожидать.

- Ну да, я тоже это заметил, - поддержал Доннер. - Они только кривляются и мажут грязью, но не вопят во всё горло. Почему это, лейтенант?

- Есть несколько тонких и сложных причин, - серьёзно ответил Хилл. - Во-первых, нужно понимать, что Голливуд не такой уж сплочённый. Как и во всех властных верхушках, там в высших прослойках много соперничающих и враждующих кучек, ожесточённая личная вражда и грызня, сталкивающиеся интересы и всяческие сложные взаимосвязи. Эти

группы больше всего заботит личное положение в обществе и богатство, а также приобретение и использование того, что, вплоть до восстания в Кёр-д'Ален, было реальной властью в обществе, то есть властью над сознанием людей, властью денег и политической властью, исходящей из Большой клоаки на Потомаке.

Многие влиятельные люди в Голливуде, мужчины и женщины, евреи и неевреи, откровенно противостоят президенту Хиллари Клинтон и её шайке по многим причинам, и идеологическим, и личным. Вы могли заметить, что точка зрения некоторых телепередач такова, что они, освещая события на Северо-Западе за прошлые два года, не столько напирала на нашу порочность и преступность - в Голливуде это само собой разумеется, и наши люди изображаются только как убогие бандиты. Они показывали насколько неуклюжи и беспомощны Хиллари, её правительство и ФБР ввиду их всё более очевидной неспособности сделать что-нибудь с нами. Кроме того, многие в киноиндустрии действительно обеспокоены тем, что Хиллари собирается выбросить Конституцию на помойку и установить пожизненное президентство.

- Ходят слухи, что она намерена протащить в Овальный кабинет свою дочку Челси и греет место для неё, а Дорогая мамочка продолжит всем распоряжаться, - заметил Морхаус.
- Ну, я не знаю. Челси настолько безнадёжна, что я не уверен, что Ведьма сможет заставить проглотить её даже наш безмозглый электорат.

- Сэр, вы говорите это о стране, где народ в 2004 году переизбрал Джорджа Буша-младшего, совершенно точно зная, что он врёт всей стране, чтобы оправдать вторжение в Ирак и начать этот хоровод ужасов на Ближнем Востоке, в котором мы вертимся до сих пор, - напомнил ему Хэтфилд. - Нет предела тупости американских избирателей.

- Замечание принято, кэп, - усмехнулся Морхаус. - Но лейтенант Хилл прав в том, что верхушка Голливуда действительно не против использовать нас как палку, чтобы лупить ею Хиллари, хотя они никогда не признаются в этом и не скажут прямо до тех пор, пока мы не начнём стрелять *их самих*. Они впали в заблуждение, поверив в собственные расхожие представления о нас. Они не принимают нас всерьёз, и в изолированном, кровосмесительном и эгоистичном мирке Голливуда для этой верхушки просто невообразимо представить, что мы можем победить. Так что они не считают нас угрозой их собственному богатству и положению в будущем.

- Но теперь мы *собираемся* начать стрелять их самих, - бросил Гарри Ханнон.

- И, по-моему, это ещё одна причина, что они довольно легкомысленно отнеслись к нам после 22 октября, - сказал Морхаус. - Я говорил, что верхушка Голливуда не считает нас серьёзной угрозой своему существованию в будущем, но надо помнить, что они живут там в своего рода Зелёной зоне, укреплённой деньгами, в окружении преступников, наркоманов, чёрных, мексиканских и вьетнамских насильников, а также психов на любой вкус. И люди с оружием могут заставить их поменять своё мнение. Соратники, эти евреи - не дураки, и, как у всех евреев, у них прекрасно развито чувство личной опасности и почти инстинктивная оценка угрозы. Они понимают, что нам не нравятся ни они сами, ни их грязные фильмы, ни телевизор для дебилов, и нам не нужен серьёзный повод, чтобы явиться туда из наших северных лесов и начать их стрелять.

- С яростью северян, которой Господь Бог одарил нас? - спросил Хэтфилд.

- Именно, - согласно кивнул Хилл. - Они принимают меры, против нас и против собственного окружения, которое по иронии судьбы сами помогли создать в угоду своей собственной развращённости. Сегодня один из самых процветающих бизнесов в этом "городе показного блеска" - предоставление мощной и скрытой личной охраны, обеспечение безопасности дома и на работе. Если ты бывший полицейский или фэбээровец, то можешь там устроиться.

Во всяком случае, уже много лет дома звёзд защищены от назойливых преследователей, насильников и парадов сумасшедших, которые проходят каждое полнолуние в южной Калифорнии. Теперь любая студия, съёмочная площадка и административное здание в киноиндустрии выглядят почти как концлагерь для военнопленных. Они окружены заборами под током и с режущей проволокой, с контрольно-пропускными пунктами и армиями охранников, патрулирующими территорию, со сторожевыми собаками, пропусками различного уровня для сотрудников, тотальной электронной слежкой и тому подобным.

- Но не только из страха Голливуд до сих пор не взялся за нас всерьёз, - продолжил Морхаус. - Не хочется ударяться в философию, но Голливуд для американской правящей верхушки всегда был выразителем её чувств, а южная Калифорния всегда принимала участие в культурных войнах, открыто и нагло, так что можно читать их как книгу. Помоему, у них наблюдается явное и глубокое беспокойство. Еврейские и либеральные заправилы там не только боятся, они озадачены, встревожены и смущены. Они до сих пор совершенно не понимают, что с нами делать.

Раньше они никогда не встречали белых мужчин, поступающих подобным образом. Чёрт возьми, никто в жизни не видел таких белых прежде. Соратники, даже если всех нас завтра сотрут с лица земли, Добрармия сумела достичь невероятного, о чём весь двадцатый век никто никогда не мог даже мечтать. Мы вернули в американскую политику винтовку - первейший источник всех законов и политической власти.

Морхаус улыбнулся и в восторге потрянул головой.

- Впервые со времен Гражданской войны, Соединённые Штаты Америки больше не имеют убедительного преимущества в военной силе, и этот факт неожиданно и страшно расстроил всю правящую верхушку страны, вывел её из себя. Евреи, сенаторы, судьи, шерифы, тюремные надзиратели, адвокаты, бюрократы, директора компаний, паршивые начальники, высокомерные преподаватели и профессора, которые ломают жизни детей за политически некорректное слово, пидоры и лесбиянки, развращающие и совращающие подростков, либеральные и неоконсервативные "говорящие головы" на телевидении, негритосы из федерального Конгресса, которые привыкли крикливо нападать на "беляков" и наслаждаться нашим страхом - все эти люди, которые были хозяевами положения, теперь должны приспособливаться и осознавать, что они больше не могут творить всё, что им заблагорассудится.

Если тиран в чёрной мантии, правительственный чиновник или режиссёр с кинокамерой "опускают" белых, то теперь, по крайней мере, появился какой-то шанс, что их за это *пристрелят*, что они будут наказаны, и последует возмездие. Вы не можете себе представить, насколько эти наглые сукины дети из правящей верхушки выбиты из колеи, и в Голливуде тоже, где Большие Жиды впали в адскую истерику, и мы видим все признаки, что в лучшем случае они становятся тихими психопатами. Эти голливудские шнобели, с их залами заседаний и джакузи, с их лимузинами и скромными "домиками" на двадцать комнат в Кармэле, с их заказными столами в самых шикарных ресторанах, и особыми трейлерами с диванами, где беленькие *шиксы* телом отрабатывают свои роли, они прекрасно понимают, что наступает их черёд. (*На идише "шикса" означает "иллюха" (буквально "мерзость"); это общее название неевреек. - Прим. перев.*)

- Возможно, поэтому они решили нанести первый удар, - продолжил Уэйн Хилл. - По причинам, которые мы ещё не смогли установить, в кинопромышленности, очевидно, отказались от политики невмешательства и осторожности в отношении Добрармии, которой они придерживались последние два года. Представляется, что это произошло несколько месяцев назад на тайном приёме с более чем 50 гостями, состоявшемся в конце недели в

загородном особняке Сида Глика, хозяина студии "Парадайм" в Беверли-Хиллз. Там были "цари" других студий, генеральные директора кинопромышленности, независимые владельцы киностудий, режиссёры, сценаристы и некоторые звёздные актёры и актрисы. Все без исключения гости были евреями, и, согласно нашим источникам, там даже рестораторы, массажисты, поставщики кокаина и проститутки в бассейне были сплошь евреи и еврейки – последних предоставила спецмадам из Бэль Эйр. Всё, что обсуждалось в тот уикенд в плавательном бассейне Сида Глика, в его бане и на его частной гандбольной площадке, не предназначалось для *гойских* ушей. Результатов той встречи долго ждать не пришлось.

Хилл открыл свой портфель и вынул две большие распечатки в обложках из толстой ткани. И пустил распечатки по кругу.

- С месяц назад Третий отдел получил в своё распоряжение два совершенно секретных документа из "Фабрики грез" (*Фабрика грёз - одно из образных названий Голливуда, наряду с "Городом показного блеска или мишуры" - Прим.перев.*). Это киносценарии. Каждый студийный экземпляр этих черновых сценариев пронумерован, но номера копий я удалил. Первый, синий экземпляр из студии "Уорлд Артистс" (УА), там председатель совета директоров Мэнни Гелблум, старший вице-президент Хайман Ландауэр, отвечающий за постановку, понятно, какой народ. Этот сценарий с условным названием "*Великий Белый Север*", написан парой лучших сценаристов Голливуда, Джошем Горовицем и Андреа Франкен. Его проталкивает в УА продюсер Дэвид Кац, а в режиссёры намечен Артур Бернстайн.

Разумеется, эта писанина состряпана по самым гнусным еврейским рецептам. Сюжет описывает злобного и порочного террориста из Добрармии, который к своему ужасу обнаруживает, что на самом деле он - еврей. По ходу дела он возвращается к своим еврейским корням, сдавая всю свою бригаду федералам. Федералов возглавляет развязный и бойкий негр - агент ФБР, у которого под началом бестолковый белый партнёр, для смеховой разрядки, и конечно волевая баба-начальница. В заключительной сцене раввин в тюремной синагоге надевает ермолку на голову этого персонажа, а тот, закованный в цепи, в оранжевом комбинезоне, плачет от радости, что наконец-то обрёл покой, когда его уводят на казнь в камеру для смертельного укола.

- Тьфу ты, Господи! - проворчал Ларри Доннер, с отвращением бросая сценарий на стол.

- Нам достаточно твоего рассказа, лейтенант, - добавил Лолор.

- Не надо съедать всё испорченное яйцо, чтобы понять, что оно тухлое, - с презрением бросил Ханнон. - Запаха достаточно.

- Ну да, если этот сценарий действительно воняет, то другой, в коричневой обложке смердит как клоака Калькутты, - продолжил Хилл. - Вот сценарий из "Мамос Продакшнз" - филиала студии "Парадайм" Сида Глика, в котором заправляет его брат Шломо, но на сценарии везде отпечатки пальцев самого Сида.

Рабочее название фильма - "*Родина*", и я даже не буду излагать вам сюжет. Это просто коллекция всех избитых антирасистских, антинацистских, антибелых кинематографических штампов со времени выхода фильма "*Убить пересмешника*". Мы не просто злобные и порочные. Мы и уродливые и ожиревшие, или наоборот - кожа да кости от пьянки, обычно в тюремных татуировках, с гнилыми зубами и запахом пота, мы пускаем газы и ковыряем в носу, мы - убийцы-психопаты и малодушные трусы, мы взрываем детей. Заодно, все мы - скрытые пидоры, и, само собой разумеется, жестоко обращаемся с белыми женщинами: фильм начинается именно со сцены, где несколько так называемых

"добровольцев" насилуют красивую светловолосую белую девушку, которую заподозрили в предательстве, а потом разрезают её цепной пилой. Мне продолжать?

- Мы уловили суть, лейтенант, - мрачно сказал Хэтфилд.

- Если предполагается, что мы - пидоры, то как мы можем всем скопом насиловать женщин? - саркастически спросил Макнил.

Морхаус с учёным видом поднял палец.

- *"Глупая последовательность - есть суеверие недалеких умов"*. Это слова Ральфа Уолдо Эмерсона.

- Нужно понимать, что эти фильмы снимаются не только для телевидения или как фильмы без звёзд, которые идут в прокате три недели, а затем их записывают на DVD-диски, - пояснил Хилл. - Они задуманы как величайшие блокбастеры - самые успешные фильмы, которые когда-нибудь выпускались в "городе мишуры". Оба фильма получают начальный бюджет больше ста миллионов долларов каждый. Буквально все роли со словами в обоих фильмах будут исполнять кинозвёзды первой или второй величины. Некоторые из ролей - лишь эпизодические или без слов, но даже на них приглашают всех актёров или актрис, знаменитых в последние двадцать лет, в том числе некоторых старых чудаков 80-ых и 90-ых годов, которых разыскали на пенсии или выкопали из домов престарелых. Мэри Стинберген исполнит роль старушки в кресле-каталке, Тэд Дэнсон изобразит пьяницу, а Мелисса Риверс сыграет еврейскую бабушку, в красивой длинной шали, скрывающей калоприёмник.

Вводные титры будут читаться как "Кто-Есть-Кто в Голливуде" за последнюю четверть века; один состав исполнителей привлечёт зрителей, так как почти все любимые звёзды где-нибудь да будут заняты. И эти типы добьются своего: они роются в старых архивах и намерены включить некоторые эпизоды с грёзами, фантастические сцены и не знаю, что ещё, из старого отснятого киноматериала, никогда прежде не бывшего в показе, отходы монтажа фильмов "Касабланка", "Гражданин Кейн" и старых вестернов. Так что они смогут законно поместить в новые заглавные титры имена таких старых звёзд как Богарт и Бэколл, Чарлтон Хестон, Орсон Уэллс, Джон Уэйн, Гленн Форд и Джимми Стюарт.

- Боже, это уж чересчур! - воскликнул Лолор.

- Представляете, как будет выглядеть афиша?! - спросил Хилл. - Это наглый обман, но он сработает. Народ пойдёт на эту мерзость, просто чтобы посмотреть на Чарли Чаплина, Мэрилин Монро, Роберта Де Ниро и Брэда Питта, играющих вместе, а увидит всех этих актёришек, весь фильм пытающихся переиграть друг друга. Само собой разумеется, что эти фильмы получат самых лучших в киноиндустрии, операторов, звукорежиссёров, костюмеров и техников, самых опытных постановщиков и художников по декорациям, мастеров спецэффектов высшей степени сложности, каскадёров и всё, что угодно.

Они уже подыскивают места для наружной съёмки в Колорадо, вокруг Великих озер и в Новой Англии, похожие на Северо-Запад. Конечно, у них хватило ума, чтобы держаться подальше от самой Родины, и они делают всё возможное, чтобы держать проекты в секрете. Уроды знают, как мы ответим. Как будто в этом "аквариуме для золотых рыбок" когда-нибудь что-нибудь можно было утаить! Вот что нас ждёт, соратники, и если мы жестоко не покараем этих мошенников, то в будущем нас ожидает всё больше и больше лжи и грязи, оскорблений и унижений на веки вечные!

- Мы опустим карающий меч на этих тварей, соратники, - сказал Морхаус. - За сто лет мы наелись их дерьма. *Хватит!* Положим этому конец!

- И кто будет карающей десницей? - нетерпеливо спросил Томми Койл.

- Прости, Том, - сказал Морхаус с искренним сочувствием. - Ты и Гарри с вашими бригадами позарез нужны здесь, и это также относится к вам, командиры батальонов. Боюсь, что причина, по которой вы здесь, именно в том, что мы хотим просить вашей

помощи и согласия на то, чтобы "пощипать" ваши подразделения. Сам удар будет спланирован и организован Третьим отделом, но "гвозди" поступят из Портленда и с Северного берега.

- А кто тебе нужен? Жидобои! - засмеялся Чарли Вошберн.

- Нет, мы хотим не просто нахватать людей для ударной группы "Стоп, режиссёр", - успокоил всех Хилл. - У нас есть список имён, и хотелось бы предварительно пройти с вами по каждому из кандидатов.

- Кто и что точно тебе требуется для этой спецгруппы? - спросил Ханнон. - Какие спецы тебе нужны?

- По этому вопросу я передаю слово моему коллеге. Я уверен, что вы заметили товарища, который за весь вечер не проронил ни слова, - сказал Хилл. - Господа, позвольте мне представить лейтенанта Чарли Рандалла, одного из наших братьев по расе с другого конца света, который будет ротным командиром ударной группы "Стоп, режиссёр".

Рандалл встал, вышел вперёд и остановился рядом с очагом, наклонившись к каминной доске.

- Добрый денёк, господа, - начал молодой австралиец. - Отдел Три выбрал меня для организации этой весёлой вечеринки, потому что, как вы догадались, я - нездешний, стоило мне открыть рот. И конечно также из-за моей грубоватой, но привлекательной внешности, чтобы все поверили, что я - начинающий актер и могу крутиться среди киношников везде и в любое время. Не говоря уж о том, что моё призвание в жизни - косить жидков, и этим ремеслом я владею охрененно хорошо, если так можно говорить о себе самом.

- Начштаба и офицером, отвечающим за планирование и разведку, буду я, - доложил Хилл. - Третьим членом Тройки ударной группы, я прошу Зака откомандировать лейтенанта Кристину Экстрем в качестве интенданта. Говорят, что некоторое время назад ей пришлось исчезнуть.

- Да, она помогала отцу и разбирается в оружии не хуже, чем он сам, - ответил Зак. - Но до этого Кристина почти два года была нашими глазами и ушами в местной полиции. Думаю, ей не мешает сменить обстановку. ФБР действительно "имеет на неё зуб" с первой "щекотки", когда она помогла нам, и они зверски хотят её арестовать, почти так же, как и меня. Кристина - хороший выбор.

- Мы хотим ввести в дело, по крайней мере, шесть - восемь других соратниц, чтобы составить пары "мальчик-девочка" из-за большого объёма разведки, которую необходимо провести, - продолжил Хилл. - Сложившиеся пары, если они есть, были бы лучше всего. Я также хотел бы получить из подразделения взрывотехников Первой бригады лейтенанта Винсента Паскареллу и двух добровольцев по его выбору. Вообще-то мне необходим сам Красный Барон, но в Совете Армии мне прямо сказали, что он очень нужен здесь, и риск его потери будет слишком велик, поэтому я его не получу. Мы собираемся наделать там много шума, и даже стрельнуть из пары чаг-чагов. (*Чаг-чаг – самодельный миномёт – Прим. перев.*).

Койл кивнул.

- Добро, бери Паскареллу и двоих спецов по бомбам.

- Затем из Второй бригады мне нужен Джонни Федерстон для поджогов. Я слышал, что он - знаток в этом деле.

- Да, Джонни использует замазку одного нашего технаря, которая во время горения плавит даже сталь, и он точно знает, где и сколько её нанести, - согласился Ханнон. - Когда Джонни щёлкает зажигалкой, результат его работы можно собрать в одну чашку. Идёт, он твой.

- Теперь, о том, в чём почти наверняка, товарищи, вы будете с нами бодаться, - продолжил Рэндалл с дружелюбной усмешкой. - Нам нужны, по крайней мере, четверо ваших лучших снайперов, включая самого Локхарта "Кошкин Глаз".

- Я знал, что к этому идёт, - вздохнул Койл. - Честно говоря, я боюсь за Кота. В Портленде для него снова становится жарко. Его лицо каждый вечер показывают по телевизору, оно торчит на всех стенах и столбах. Они так хотят его арестовать, что пускают слюни, а денежное вознаграждение для сыщиков за поимку Локхарта - единственная награда в миллион долларов за добровольца не офицера Добрармии. Кот как по волшебству почти открыто передвигается по городу неузнанным, но такая удача не может ему улыбаться вечно. Хотя я не хочу потерять Кота и его боевой счёт, но, по-моему, для него действительно было бы неплохо снова на некоторое время исчезнуть из Портленда, пока страсти здесь немного не остынут. Бери его.

- Нам нужны как минимум четверо хороших автоматчиков для охраны и огневого прикрытия при необходимости, - продолжил Рэндалл. - Автоматчики, которые действительно попадают в цель, а не просто изображают Джона Уэйна в песках острова Иводзима. По два от каждой бригады.

- Джимми Уинго, - с неохотой назвал имя Койл. - А Туз Бидерман - дублёр Уинго.

- Майк Гаусс, - сказал Ханнон. - И, скажем, Уиллис Никсон.

- Майк-Пулемёт? Спасибо за него, друг, - с довольным видом поблагодарил Рэндалл. - В утешение можете сказать им, что они получают две винтовки "М-60", "РКМ" и "НК 11", много разгрузок и боеприпасов, и смогут набрать и обучить собственные группы, как только мы вернёмся обратно.

- Ты планируешь изображать там Рэмбо, лейтенант? - заинтересованно спросил Конуэй.

- Мы собираемся славно тряхнуть эту жидовскую лавочку, - твёрдо сказал Рэндалл. - Теперь, как я сказал, нам нужны не меньше шести - восьми женщин-добровольцев, неплохо в супружеских парах. Но, помня, что мы имеем дело с евреями, мы хотели бы использовать нескольких из этих девочек как приманку, чтобы расставить "сладкие капканы". Обычно это требует, чтобы девочки изображали из себя начинающих актрис.

Хотя это прозвучит грубовато, но у этих девочек должны быть хорошие фигуры, и сами они выглядеть достаточно привлекательно и походить на "сирен" и восходящих звездулек в Голливуде, где таких десятки на каждом углу. Наши девочки должны выделяться, чтобы привлечь какого-нибудь озабоченного жидка во время шумной вечеринки с коктейлями, ну, вы понимаете, что я имею в виду. Вам надо уладить это с девушками перед тем, как приглашать их. Дайте мне знать, кто из них согласится.

- У нас в роте "А" есть настоящая конфетка, ученица частной средней школы Бекки, но её отец - большая шишка, и она слишком известна в светских кругах под своим настоящим именем, - сказал Бад Лолор. - Она может в неподходящий момент столкнуться с каким-нибудь знакомым. Кики Маги сделает всё, что нужно, если вы найдёте жидка, которому нравятся девочки из простых и в татуировках. Она, так сказать, опытная. Я уважаю её как товарища: она - смелая и не промахнётся. Кики возила посылки, была водителем Кота Локхарта, и все мы видели её в деле на Фландерс-стрит.

- У неё есть расовые татуировки? - спросил Рэндалл. - Флаги Конфедерации, свастики или что-нибудь, что может выдать нашу игру?

- Нет, ничего расистского, просто кельтская и байкерская символика, цветочки, колючая проволока и колдовские мотивы. У Кики есть одежда из кожи и джинсы, в которых она выглядит чертовски соблазнительно.

- У неё кто-то есть? - спросил Рэндалл.

- Она живёт с Джимми Уинго, - пояснил всем Лолор. - Это ещё одна причина, почему я о ней подумал.

- Тогда она с нами, - решил Рэндалл. - Возможно, она приведёт Сэмми Стайнберга на свидание с винтовкой "М-60" Джимми.

- Какой у тебя замысел нападения, лейтенант Рэндалл? - спросил Хэтфилд.

- Главная стратегическая цель состоит в обезвреживании аппарата кино- и телеиндустрии Голливуда как высоко результативного орудия пропаганды противника, - сказал Рэндалл. - Сегодня из-за еврейского контроля над этими отраслями это именно такое оружие. Мы должны насколько возможно оторвать жидовские руки от рычагов власти и творческого контроля, не только истребив отдельных юдов, но и создав убедительное средство устрашения, достаточное, чтобы помешать этим гадам выпускать своё дерьмо.

И Рэндалл показал на сценарии, лежащие на кофейном столике.

- Они должны знать, что даже намерение поставить кинофильм или телесерию против Добрармии, означает почти неизбежную жестокую смерть. Нам не хотелось бы особенно наезжать на самих кинозвёзд или актёров, но мы будем выбивать дерьмо из жидов, которые на деле решают, какие кино и шоу делать, и каково будет их содержание - а это хозяева киностудий, продюсеры, режиссёры, сценаристы и финансисты.

У нас несколько целей. Во-первых, физически помешать этим жидам выпускать их грязь. Мёртвый жид не сможет снимать кино против белых. Во-вторых, создать у них психологический тормоз делать пропагандистские фильмы и телесериалы для американцев, потому что живые евреи и либералы не захотят умирать. И, наконец, как цель на будущее - мы хотим показать большому нееврейскому сообществу в этом мире кино и телевидения, что еврейская власть над их отраслью, над их деньгами, словом и творческими талантами - *не вечна*, и это не богоданная неизбежность. Мы хотим показать им и всему миру, что жидовское могущество *может быть сломлено*, прямо в сердце их собственной самой старой и лелеемой империи в нашей стране.

- Неевреи Голливуда привыкли всю жизнь быть людьми второго сорта в своём собственном мире, на работе, в мыслях и своих публичных высказываниях, - добавил Рэд Морхаус. - Для них власть жидов над их существованием кажется законом природы, непреложным фактом жизни. Любой, кто посмеет противостоять этой власти или проговорится в пьяном виде, даже такие величайшие звёзды как Макс Гарретт, которые иногда себе это позволяли, будет раздавлен. Но никому, кто вынужден жить под еврейским господством, оно не нравится, и никто, ежедневно сталкивающийся с евреями во плоти, не любит их как людей. В некотором смысле мы попытаемся показать звёздам и настоящим киноактёрам то же самое, что стремимся показать нашему собственному народу здесь, на Родине: *сопротивление возможно*, и врага можно одолеть.

- Что и привело нас к нашему собственному дебюту, - мрачно усмехнулся Рэндалл. - Господа, я уверен, что все вы видели выдающиеся садистские и кровавые фильмы прошлого. "*Хэллоуин*". "*Пятница, 13-ое*". "*Техасская резня бензопилой*". "*Выпускной вечер*". "*Чёрное Рождество*". Теперь Добровольческая армия Северо-Запада добавит другую незабываемую дату в этот календарь ужасов Голливуда. Этот ужас побьёт к чёртовой матери все другие вечера ужасов и станет самым кровавым карнавалом из них всех.

Он мрачно сверкнул глазами, подался вперёд и прохрипел театральным шепотом: "*Вечер Оскара!*"

Весь мир – театр

*Весь мир – театр,
Все люди в нём – актёры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.*

"Как вам это понравится" - Акт II, Сцена 7

Потребовалось несколько недель, чтобы собрать весь личный состав, переместить добровольцев в область Лос-Анджелеса и разместить их в конспиративных домах и квартирах, с тщательно подобранным оружием, боеприпасами и снаряжением. Паскарелла и его взрывники расположили своё отдельное взрыво-техническое подразделение в снятом гараже на Сил Бич. Ежегодная церемония вручения премий Академии кинематографических искусств и наук - настоящее официальное название "Вечера Оскара" - традиционно проводится в конце февраля - начале марта. В этом году церемония вручения премий была запланирована на понедельник в начале марта, что оставляло добровольцам лишь несколько недель на подготовку и проведение атаки, иначе им пришлось бы ждать до следующего года.

Неоценимую помощь армии оказывал один из тайных агентов Третьего отдела Добрармии, который жил и работал в этом киномире, тихий и незаметный человек, который в тех редких случаях, когда была необходимость, представлялся как "Талантливый мистер Рипли". Это было тайное имя Барри Брюера, голливудского агента по поиску дарований, выбранное им самим как *nom de guerre (на случай войны)*. ("Агент по поиску талантов, талантливых, понимаете?" - объяснял он немногим, кто был посвящён в его тайну). Худощавый, средних лет, слегка бледный Брюер напоминал врача или бухгалтера, был коренным жителем "города показного блеска" с "киноплёнкой в крови" и никогда не работал и не помышлял о работе где-нибудь ещё. Он знал город, жителей и киноиндустрию как свои пять пальцев.

За свою жизнь Барри Брюер завязал знакомства в верхах и низах, которые он поставил на службу Добрармии, когда однажды вспыхнула его тлеющая ненависть к евреям и всему, что они сотворили, и он в один миг с космической ясностью осознал, что должен сделать. И тогда Брюер позвонил в детективное агентство в Ванкувере, что в Британской Колумбии, и попросил о встрече с частным детективом, к которому он уже обращался за справками и другими услугами, с человеком, который, по его мнению, придерживался политически некорректных взглядов. И он оказался прав в своей оценке. После длинной и запутанной цепочки событий Брюер в конце концов встретился с Уэйном Хиллом, а остальное, как говорится, уже дело прошлое.

Брюер имел связи на каждом уровне голливудского общества; он знал всех и вся, от охранника у ворот стоянки автомобилей в "Три Стар", до каждого независимого продюсера на контракте с киностудией "21-й век Фокс" и гримера на телевидении "Си-Би-Эс", и мог позвонить почти любому жителю города за исключением хозяев самых больших студий и звёзд или знаменитостей первой величины. Но за исключением нескольких людей в киноиндустрии, которые действительно были в курсе, никто никогда не считал Брюера человеком с большими связями.

Что касается Большого Голливуда, то Брюер, как гой, то есть нееврей, остался на заднем плане, но в одном отношении это было преимуществом, потому что позволяло ему

не привлекать ничего внимания к своей особе. Невреи с его родом занятий считались такими мелкими игроками, что были почти невидимы. О Барри никто не распускал слухи, никакие папарацци его не преследовали, а репортеры газетёнок и журнальчиков киноиндустрии не домогались его внимания и не терзали вопросами. Не еврей и не гомосексуалист - какими стоящими сведениями он может обладать и поделиться? В результате он смог выполнить целый ряд сложных задач доставки и снабжения для Добрармии, включая размещение по всему городу всей группы самых лучших бойцов армии, даже не подняв ряби в этой выгребной яме.

Командным центром операции стала квартира-пентхаус в многоэтажном здании в Калвер-Сити. В последний февральский день в штабе группы было созвано стратегическое совещание под председательством лейтенантов Уэйна Хилла и Чарли Рандалла, на котором присутствовал "Талантливый мистер Рипли". Было решено, что имя Брюера должно храниться в строжайшей тайне, но так как он организовал базу непосредственной поддержки группы в Лос-Анджелесе, его было необходимо, по крайней мере, показать командованию группы. Они понятия не имели, как долго здесь пробудут, и каждый из них должен был иметь возможность в случае крайней необходимости связаться с мистером Рипли. Вспомогательная группа командного состава включала добровольца Джесси Локхарта по прозвищу "Кошкин Глаз" или "Кот", добровольца Ли Вошберна, интенданта лейтенанта Кристину Экстрем и добровольца Джимми Уинго.

- Это будет самая значительная массовая атака на сионистскую цель, которую до сих пор предпринимала Добровольческая армия Северо-Запада, - сказал Хилл. - Она также явится незабываемым посланием врагу и миру, посланием, которое Голливуд особенно способен понять. Помните знаменитую сцену в "*Крёстном отце*", где Большой Жид - кинопродюсер просыпается на рассвете в своём громадном особняке, в большой кровати с шёлковыми простынями, оглядывается и видит отрезанную голову своей скаковой лошади в миллион долларов, лежащую рядом с ним в кровавом месиве, и он кричит, кричит и кричит, пока изображение не исчезает? Именно такого результата мы добиваемся во всех смыслах этого слова.

- Я помню, что тот продюсер сдался и отдал Крёстному отцу всё, что тому хотелось, - сказала Кристина, сидевшая на диване. Она была одета в привычную блузку с длинными рукавами, чтобы скрыть шрамы от ран, нанесённых негроидами.

- Точно. А почему? - спросил Хилл. - Большой Жид сдался, потому что он внезапно понял, что столкнулся с людьми, для которых его власть, деньги, влияние и его личная злоба ничего не значат. Возможно, впервые в жизни Большой Жид имел дело с людьми, которые не боялись его и всей его власти, и которые не соглашались на меньшее, чем его полное согласие и подчинение. Это и есть весть, которую мы хотим послать не только Большим Жидам, правящим Голливудом, но и всему миру. *Власти этого племени приходит конец.* Наша "щекотка" должна стать, так сказать, большой окровавленной головой лошади в кроватях всех этих жидов. ("*Щекотка*" - боевая операция Добрармии против федеральных сил ЗОГ - сионистского оккупационного правительства США, против сионистов и других врагов белых. - Прим. перев.).

Хотя весть, которую мы посылаем, несёт ещё больший смысл. Мы хотим, чтобы вся белая Америка увидела и подумала: если ЗОГ не смог защитить самую верхушку Голливуда, то это правительство не способно защитить никого. А если ЗОГ не может защитить самых могущественных жидов Голливуда, то, может быть, пора переходить на побеждающую сторону. Именно поэтому совершенно необходимо, чтобы мы ударили по самой церемонии присуждения Оскара, вживую и в прямом эфире.

- Верно, благодаря присутствующему здесь "Талантливому мистеру Рипли" нам удалось сделать несколько удачных разведывательных ходов, - добавил Рэндалл. - Основной организацией, отвечающей за безопасность, будет Группа "Центурион", которая уже обслуживала несколько последних церемоний вручения Оскара. Мистер Рипли смог привлечь работающего там информатора, который на деле подтвердил свою надёжность, при условии, что после фейерверка, мы принимаем его в добровольцы и забираем с собой Домой. Мы смогли провести очень хорошую оценку местности, сил противника и мер безопасности. Теперь я предоставляю Рипу кратко изложить всё это для вас. Мы с Оскаром уже были на организованной экскурсии по району цели, но Крис, Кот и Ли ещё нет. Я хочу, чтобы каждый доброволец проделал то же самое в ближайшие дни.

Хилл кивнул.

- Это совершенно необходимо. Администрация театра "Кодак" любезно проводит такие экскурсии всего за десять долларов с человека, с 10:30 до 14:30 ежедневно через каждые полчаса. Езжайте парами, одна пара на каждую экскурсию. Понятно, есть риск, что позднее некоторых из нас опознают по записям камер наблюдения, но это - крупная операция, и я хочу, чтобы каждый подготовился к ней как можно лучше. Все бойцы должны получить возможность осмотреть наше место боя.

- Я это организую, - сказала Кристина.

- Тем не менее, для товарищей, которые ещё не были на экскурсии, не могли бы вы немного рассказать о самом театре, мистер Рипли? - спросил Хилл.

- Конечно, лейтенант. Нам немного повезло, что в этом году церемония вручения Оскаров будет почти точной копией прошлогодней, за одним исключением, которого я коснусь позже, - начал Брюер. - Церемония вручения наград будет проводиться в театре "Кодак" в Центре "Голливуд энд Хайлэнд" который, как вы догадываетесь по названию, расположен на углу Голливуд-бульвара и Хайлэнд-авеню. Это сооружение площадью более 4 гектаров в самом центре Голливуда было построено, чтобы напоминать старую съёмочную площадку, конкретно - павильон из фильма "*Нетерпимость*" Д.У. Гриффитса. Это я нахожу иронией судьбы ввиду грандиозного примера нетерпимости, который мы намерены преподать.

В комнате раздался смех.

- Кстати, я полагаю, что они действительно смогли разыскать и скупить множество сохранившихся остатков того столетнего павильона. Этот Центр служит в основном торговым центром яппи, богатых верхов общества и, конечно, орд туристов и фанатов кино. В дополнение ко всем обычным бутикам и барам с гашишем и марихуаной, дорогим ресторанам и магазинчикам сувенирных безделушек, подарков и подержанных вещей, которые нас не касаются, разве только как возможные помехи, Центр также включает "Китайский театр Граумана" и пешеходную дорожку перед его входом с отпечатками рук и ног всех кинозвёзд, театр "Кодак" и отель "Голливуд Ройял", причём последние два из названных действительно нас интересуют.

- Сначала о самом театре, - продолжил Брюер. - Он вмещает более 3400 человек, всё оформление роскошнее не бывает, с толстым ковром и большими мягкими креслами с бархатной обивкой лилового цвета, замечательным фонтаном в холле, несколькими коктейль-барами и ресторанами и так далее и тому подобное. Кого-нибудь из вас не затруднит выключить свет? Спасибо.

Брюер включил верхний проектор, высветивший огромную схему театра на одной из стен квартиры кремового цвета, и с помощью указки пояснил назначение различных частей здания.

- Главный вход - здесь, на Голливуд-бульваре, вдали от улицы. Это - небольшая площадка перед главным входом, на которой выстраивается вереница длинных лимузинов, и большие звёзды устраивают для телекамер и папарацци своё волшебное шествие в здание по огороженному красному ковру. Я уверен, что вы все видели это по телевизору – мужчин в смокингах и самых разных диковинных одеждах, женщин, в платьях от кутюр, которые стоят больше, чем заработок белой семьи за несколько лет, в сверкающих драгоценностях и с причёсками за тысячи долларов.

Сама церемония всегда начинается в 17:30 по тихоокеанскому времени, чтобы зрители на Восточном побережье могли включить телевизоры в 20:30 и посмотреть представление целиком до момента, когда нужно ложиться спать, чтобы на следующее утро быть в состоянии встать на работу. Торжественное шествие прибывающих надменных знаменитостей начинается около трёх часов дня, как и показ по телевидению и освещение другими средствами массовой информации. Это означает, что полиция Лос Анджелеса начинает перекрывать улицы вокруг Центра примерно в два тридцать дня, так что звёздам не придётся беспокоиться о пробках, а для их лимузинов хватит места на стоянке. Знаменитости высшего разряда, главы студий и тому подобные персоны вынуждены на время представления оставлять лимузины вдоль Голливуд-бульвара. То есть они будут легко доступны по его окончании, если решат не присутствовать на Балу губернатора, который всегда завершает каждую церемонию вручения наград. Многие неудачники не идут на бал, потому что страшно расстроены проигрышем Оскара. Остальные избранные ставят машины на стоянке рядом с отелем "Голливуд Ройял" вне Хайлэнд-авеню, где место стоянки также будет очищено специально для этого случая.

Имейте в виду: примерно с двух часов дня весь окружающий район, по крайней мере, за три - четыре квартала вокруг Центра, будет кишеть полицейскими, регулирующими движение и высматривающими незваных гостей и разных лос-анджелесских подонков, которых это событие привлекает как дерьмо мух. Далее, в самом здании театра зал фактически состоит из пяти отдельных ярусов. Есть широкая лестница, покрытая красными коврами, с деревянными балюстрадами из вишнёвого дерева на случай, если кому-нибудь интересно, здесь есть проходы на каждый ярус. Этот ряд дверей, здесь, здесь, здесь и вперёд вниз здесь, которые ведут к местам на балконе, а также к местам в частных ложах.

- Есть ли у нас возможность получить доступ в одну - две частные ложи? - с интересом спросил Хилл. - Похоже, что это будут хорошие огневые позиции.

- Трудновато, – ответил Брюер. - Дирекция держит их запертыми на замок, а каждый владелец ложи получает магнитную карточку-ключ, которая позволяет пройти ему и гостям. Не говоря уж о том, что их видно из других лож и с подиума.

- Есть ли какой-нибудь оригинал карточки-ключа у дирекции или охраны, который может достать наш чел в "Центурионе", чтобы мы попали внутрь? - спросил Рандалл.

- Да, но тут другая сложность. Двери с сигнализацией, и каждый раз, когда они открываются, открытие фиксируется в аппаратной охраны, вместе с установлением подлинности карточки-пропуска, - ответил Брюер.

- Всё же нам нужно иметь в виду частные ложи как огневые позиции, - сказал Кот. - Я смотрю на эти фотографии, которые вы скачали из Интернета, и ложи определённо будут идеальны. Поставьте меня и Рона Колчака в одну ложу, или ещё лучше в две из них с одной стороны, и мы сможем не только обстрелять кресла, но и перестреляем всех шишек в частных ложах напротив.

- Мистер Рипли, что ещё находится в зоне фойе? - спросил Ли. - Какие-нибудь служебные или аварийные лестницы, которые мы можем использовать для подъёма над зрителями?

- Стены первого этажа фойе и бельэтажа покрыты подсвеченными стеклянными памятными плитами со списками лауреатов Оскара прошлых лет, ниши с различными памятными вещами оскароносцев, рекламные плакаты фильмов, награждённых призом, и так далее. Это Аллея награждённых. Отвечая на ваш вопрос, скажу, да, есть внутренняя лестница между этажами, которая проходит по всей высоте здания от подвала до крыши, но вечером она будет поставлена на охрану, с камерами наблюдения на лестничных клетках, и, само собой разумеется, с вечера фойе будет кишеть полицейскими в форме и в штатском и охранниками, а также включат все камеры слежения внутреннего телевидения, - ответил Брюер.

Хилл нахмурился.

- Наша операция не будет проводиться в фойе, но вероятно найдётся много чего, отвлекающего охрану, пьяные, толпа и тому подобное, они будут искать карманников и так далее. Где находится аппаратная охраны и центральный пост камер наблюдения?

- Здесь, на первом этаже, вниз по этому короткому коридору, идущему из фойе, - показал Брюер. - Вестибюль отделяет от фойе особая стальная дверь, для открытия которой нужно знать код. Но если вы захотите попасть туда, есть несколько служебных лестничных шахт, ведущих в верхние коридоры, которые используются самими сотрудниками охраны. Большинство камер наблюдения будет нацелено на само фойе, площадь снаружи и другие входы вроде боковых дверей и подвала. Они не будут так тщательно следить за самой публикой. Помните, что они ищут главным образом одиночных безбилетников. Папарацци, целый длинный список поклонников звёзд, на которых у них будут фотографии и досье, и так далее и тому подобное.

Хилл кивнул.

- Я хотел бы разработать такой план, чтобы бойцам Добрармии вообще не было никакой необходимости входить в само фойе, или входить и выходить через главный вход. Слишком много камер слежения и народу вокруг, и слишком многое может пойти не так, как надо. Наш сектор обстрела будет находиться в главном зрительном зале.

Брюер продолжил:

- Как вы видите на этих фотографиях, сам театр был спланирован как петлеобразная овальная конструкция, которая напоминает диадему, со звукоотражающими ребрами, спускающимися до пола вокруг помещения для наилучшей акустики. Потолок пронизан паутиной рабочих мостков, сетью конструкций и платформ для осветительных прожекторов и другого освещения, но рабочие мостки довольно высоко, а доступ к ним охраняется, так что никакие странные личности не могут пробраться туда и бросить что-нибудь вниз или помочиться на зрителей, как это случилось несколько лет назад.

- Если мы сможем обезвредить часовых, нельзя ли рабочие мостки использовать как огневые позиции для наших ребят? - спросила Кристина.

- Это страшно высоко, Крис. Для большей точности нам придётся стрелять под слишком острым углом а, в некоторых случаях, похоже, прямо вниз, - ответил Локхарт.

- И ещё задачей будет потом снять ребят с такой высоты в начавшемся бедламе, - сказал Хилл. - Нам нужно разместить стрелков ниже, под меньшим углом, не говоря уж о меньшем расстоянии до целей и мест отхода.

- Кстати, есть хорошая новость по порядку мест в зрительном зале, - сказал Брюер с довольной улыбкой. - Это должно намного упростить нашу задачу. Но сначала я должен дать вам небольшое пояснение. В большинстве предшествующих церемоний Оскара, знаменитости, в категорию которых я включаю не только самих претендентов, но и ведущих, соведущих, продюсеров, режиссёров, и уйму самых крупных глав студий, размещались в этом малом зале здесь, позади главной сцены.

Брюер показал на схеме.

- Это помещение для репетиций оркестра, и оно – звукоизолированное. По давнему обычаю оно называлось "Зелёной комнатой", и это была своего рода комната ожидания, помещение для вечеринок и кабаре для знаменитостей, чтобы встретиться, подурачиться, поболтать, посплетничать и тому подобное. Там стоят диваны и кресла, руководство устроило бар, и есть телевизоры с большими экранами, чтобы следить за церемонией. Первоначальная идея состояла в том, чтобы важные шишки в свой волшебный вечер как можно меньше соприкасались с простонародьем, таращащим на них глаза, и не просиживали все эти скучные предварительные отборы призов на "Лучший иностранный фильм", "Лучший мультипликационный фильм" и "Лучший документальный фильм" и тому подобное.

Хотя телезрители этого и не видят, но известные звёзды и шишки, как и сопровождающие их особы в вечерних платьях от кутюр, усыпанных драгоценностями, фактически не участвуют в большинстве церемоний на Оскара и не сидят на зарезервированных местах в первом ряду, пока не появится "Большая пятёрка" наград - "Фильм года", "Лучшая мужская роль", "Лучшая женская роль", "Лучший режиссёр" и "Лучший сценарий". Иногда это также "Лучшая мужская или женская роль второго плана", в зависимости от того, кто был на них выдвинут, кто в моде этом году, кто и с кем разругался или спит, ну, вы понимаете.

Брюер наклонился вперёд.

- Но, соратники, в этом году всё изменяется. "Зелёной комнаты" не будет, и многие знаменитости этим явно раздражены.

- А что случилось? - спросила Кристина.

- Дело в том, что этот город и его знаменитые обитатели год от года становятся всё более непристойными и неуправляемыми, если это вообще возможно, - пояснил Брюер. - Многие так называемые раскрученные звёзды сегодня, как и большинство молодых белых, - это большие подростки, которые, похоже, так и не вернулись с весенних каникул во Флориде или Канкуне, и ведут себя соответственно. Добавьте сюда бешеные деньги, слишком много самомнения, выпивки, кокаина в смеси с искусственными наркотиками, и становится действительно опасно допускать некоторых из этих придурков к микрофону или камере во время прямого эфира. Я уверен, что вы видели достаточно телепередач или новостей, и знаете, что за последние годы церемония вручения наград Американской киноакадемии отмечена рядом диких выходов звёзд.

- Я помню, как в прошлом году Бруки Барбур показала сиськи, - усмехнулся Рэндалл.

- Ну да, а потом этот "благородный" афро-америкос Дарнел Вашингтон вышел на сцену до безумия одурманенный наркотиком, пять минут без остановки как чокнутый нёс тарбарщину в микрофон и изобразил подтирание задницы полученным конвертом с премией "Лучшему режиссёру", - засмеялся Ли Вошберн.

- О, в прошлом году был цирк, - сказал Брюер с усмешкой. - Вдобавок к этим двум случаям, в Зелёной комнате Дженнифер Элисон вступила в перепалку с этой проклятой полукровкой, Антонией Джардин, которая увела у неё мужа, и Джен вlepила ей хорошую затрещину хуком справа. У Тони был заметный фингал как раз, когда она получала премию за "Лучшую женскую роль".

Пол Уоррен так налился, что чуть держался на ногах и даже не мог читать с экрана телевизионного суфлёра, представляя премию "За лучший сценарий". Мэнни Вайнстайн был так смешон под кайфом от своих маленьких синих таблеток, что его речь после получения Специальной награды за службу Израилю свелась к длинной ругани и обвинениям соседа в

Малибу в антисемитизме и шпионаже в пользу арабов. Я думаю, что тот был поляк, и, кажется, бухгалтер, но министерство внутренней безопасности всё равно арестовало его на следующий день.

Какой-то папарацци с видеокамерой пробрался в Зелёную комнату и в мужском туалете в одной из кабинок застал двух режиссёров, выдвинутых на Оскара, в разгар извращённого полового акта, и сумел выбраться из здания с видеозаписью, хотя и с пулей охранника в ноге. Этот видеоматериал, конечно, оказался в Интернете.

И, наконец, Бриттани Мэллой так разнервничалась из-за своего выдвижения на премию "Лучшая женская роль второго плана", что, когда добралась до Зелёной комнаты, то проглотила почти всю бутылку рома "Бакарди". А когда проиграла, то влезла на мостки, и как-то оказалась над сценой, крича, что покончит с собой. Охрана попыталась поймать её, ей это показалось забавным, и она начала раздеваться, пока охранники гонялись за ней по мосткам. Последнюю часть телепередачи нарушал безумный кудахчущий смех, несущийся сверху, и настоящий дождь из предметов женского туалета, включая чёрные кружевные трусики, спланировавшие на сцену во время представления премий и благодарственных речей победителей. Да, прошлый год был просто невообразимым.

- Тем не менее, я уверен, что рейтинги были хороши, - предположил Хилл.

- Лучшие за десять лет, - подтвердил Брюер. - Барбур обнажила свою грудь в самом начале передачи, пошёл слух, и народ начал переключаться на программу присуждения премий киноакадемии. Тогда киноакадемия и главы студий решили, что с них достаточно выходок этих обдолбанных и пьяных обормотов в Зелёной комнате. И в этом году боссы собрались дать по рукам своим себялюбивым подопечным и попытаться заставить их хотя бы на время остаться трезвыми, чтобы принять свою победу или поражение, оставаясь в рамках приличий и не делая из себя полных придурков.

В этом году они приказали руководству "Кодака" поставить первые двенадцать рядов кресел перед оркестровой ямой, устроить что-то вроде кафе в проходе, где претенденты и знаменитости смогут сидеть за большими круглыми столами, а официанты подадут им лучшие освежающие напитки как воспитанным маленьким леди и джентльменам. Звёзды смогут потягивать шампанское и закусывать его салатом из креветок и икрой, сыром бри и всё такое, сидя там во время вступительных танцевальных номеров и аплодируя первым награждённым, а в душе проклиная это всё, что является частью наказания. По задумке, если знаменитости будут на виду у публики и телекамер, они не смогут нюхать кокаин или хлестать водку как русские лесорубы, бить друг другу морды или заниматься ближневосточными извращениями на скатертях. По крайней мере, на это есть надежда.

- Ты хочешь сказать, что все главные "избранные" будут открыто сидеть прямо у нас под прицелом? - спросил Кошкин Глаз Локхарт.

- Точно, - с озорной улыбкой подтвердил Брюер. - Как видно, удача улыбается смелым.

- Теперь, ты говорил, что получил вражеские инструкции по безопасности? - спросил Хилл.

- Нашему человеку в "Центурионе" это удалось, - кивнул Брюер. - Он смог изучить подробности церемонии вручения Оскара, так что у нас есть, по крайней мере, один человек внутри этой компании. Впрочем, это было не слишком сложно, так как киноакадемия - самый большой клиент "Центуриона", и ежегодная церемония вручения премий Оскара - их самый главный "хлеб". В компании отменяют все отпуска и ставят на дежурство в "Кодаке" всех до единого, чуть ли не детишек и их собачек.

- Что ж, посмотрим, сможем ли мы помочь им потерять этот жирный контракт в следующем году, - фыркнул Рандалл.

- Наш человек смог скопировать оперативный план "Центуриона", конечно, рискуя, и переслал его на один из наших защищённых компьютеров. Я распечатал четыре экземпляра, и можно сделать больше, если нужно, - сказал Брюер, вручая Хиллу брошюру в обложке примерно в шестьдесят страниц.

- Прости мне мои опасения, но этот адрес электронной почты нельзя отследить? - с тревогой спросил Хилл.

- Нет, если только за мной не следили и не видели, как я заходил туда, но хвоста точно не было, - ответил Брюер. - Я уверен, имей федералы или лос-анджелесская полиция малейшее подозрение в отношении меня, я исчез бы или, по крайней мере, был схвачен и перед этим допрошен с пристрастием.

- Хорошо. Нам нужен этот человек в "Центурионе", как и ты сам, так что вы оба соблюдайте предельную осторожность. Сведите контакты к минимуму, и я уверен, что ты сможешь оценить обстановку. Ну, глянем, - сказал Хилл.

Он быстро пролистал страницы.

- Боже мой! Семьдесят охранников "Центуриона", десять лос-анджелесских полицейских в форме, десять нанятых детективов и пять городских детективов в штатском, да ещё более ста сотрудников полицейского управления Лос-Анджелеса вне "Кодака" для управления дорожным движением и обеспечения безопасности периметра! Это почти двести вооружённых человек!

- Не считая тучи безупречно одетых личных телохранителей и мордovorотов в свитах звёзд и больших шишек, причём все с законными полными правами на оружие, - добавил Брюер. - Ребята, вам надо быть готовыми к ответному огню.

- Металлоискатели, ну, этого я ожидал, - сказал Хилл.

- На каждом входе в театр и до подвала, без исключения, на верхнем и нижнем этажах, по всему городу, - уточнил Брюер.

- Собаки-ищейки! Блин! - воскликнул Хилл.

- И на наркотики, и на взрывчатые вещества, - дополнил Брюер. - Театр будет дважды прочёсан сверху донизу, с собаками и электронными датчиками, один раз - утром и один раз - за полчаса до поднятия занавеса. И в завершение - опто-волоконные телекамеры слежения, просматривающие каждый сантиметр внутри театра. Вам ещё повезло, что они не ожидают неприятностей.

- Вы издеваетесь, - хмыкнул Чарли Рэндалл.

- Нет, правда, вспомните, что это Лос-Анджелес, а для Лос-Анджелеса это в порядке вещей, - сказал Брюер. - На самом верху здесь богатейшие из богатейших и влиятельнейших "лучших людей" мира, мужчины и женщины, которые ежедневно зарабатывают и тратят миллионы, живут в таком мире и ведут такой образ жизни, который и не снился остальному человечеству.

Но эта элита существует среди океана самой безнадёжной бедности и самых отъявленных преступников на земле. Это похоже на Тадж-Махал, построенный прямо посреди трущоб и свалок Калькутты. Избранные живут, ежедневно передвигаются и работают в этом городском дерьме, и им пришлось довести способы самозащиты, охраны своего имущества и образа жизни до настоящего искусства.

Все эти меры безопасности направлены против шаек насильников, карманников и взломщиков, уличных грабителей, сексуальных маньяков-рецидивистов, охотящихся за самыми красивыми девушками, чокнутых поклонников, преследующих своих идиолов, помешанных фанатиков, жаждущих захватить микрофон на сцене и объявить всем, что космические пришельцы приближаются и заберут нас всех в наш новый дом в Крабовидной туманности, и, прежде всего, - против ненавистных папарацци, которые паразитируют на

здешних знаменитостях. Вы должны понять, что не мы одни попытаемся пробраться в театр "Кодак" в этот вечер, и можете быть уверены, что охрана будет по горло занята каждодневным безумием жизни в этом месте.

Хилл вздохнул.

- Итак, теперь мы можем разделить нашу задачу. Проблема атаки подобной цели может состоять из трёх частей. Первая - это прорыв линии охранения противника, или хитростью или силой.

- Ты хочешь сказать, что мы просто подберёмся к дверям как можно ближе и затем ворвёмся внутрь сквозь дым? - спросила Кристина.

- Да, мы можем проделать нечто подобное, - согласился Хилл. - Но при таком подходе возникает несколько трудностей. Во-первых, нам нужна качественная добыча, а не просто количество. Мы здесь не для того, чтобы пострелять охранников и зевак в фойе. Я хочу, чтобы это была точечная хирургия, насколько в наших силах уничтожить как можно больше ключевых фигур, обезглавить верхушку "фабрики грёз", и парализовать её работу. Я хочу не только, чтобы все эти "избранные" наложили в штаны, услышав грохот автоматов, а телохранители вытолкали их через запасные выходы. Мне надо, чтобы они валялись на полу в крови.

Вторая трудность - это грубый метод выполнения, а он *будет выглядеть* грубым и небрежным в глазах широкой публики. Мне хочется, чтобы все были поражены и ошеломлены нашим замыслом, нашей хитростью и нашими стальными нервами, тем, как мы разделились с этими тварями. И потом, какие потери мы можем понести при такой лобовой атаке? 30 процентов? Половину? Больше? У нас здесь двадцать четыре лучших бойца Добрармии - мужчины и женщины - а будет ещё больше. Они направлены сюда, чтобы выполнить задачу: вывести из строя это смертельное оружие, выбить его из рук ЗОГ, и если мы напрасно погубим жизни наших храбрейших и лучших товарищей при штурме как камикадзе, мы не только не оправдаем их доверия, но и поставим под угрозу наше дело.

- Согласен, - кивнул Рэндалл. - Я скорблю о каждой капле крови белых, пролитой на этой войне. Напрасная потеря жизней добровольцев недопустима. Это не только неправильно, это - опасно. Нужно помнить, что противник может отдать сто жизней за одну нашу, и всё равно у него сохранится численный перевес.

- Поэтому мы должны найти какой-то способ проникнуть внутрь, незаметно расставить наших стрелков по местам, а затем открыть огонь, когда можно будет нанести противнику наибольшее поражение, - сказала Кристина.

- Точно, - сказал Хилл.

- Вы решили использовать стрелковое оружие, а не бомбу? - спросил Брюер.

- Да, по психологическим и практическим причинам, - ответил Хилл - Бомбу, достаточную для обрушения этого дома, нужно заранее очень точно установить, и только в требуемой точке, а мы, в сложившихся обстоятельствах скорее всего, сделать этого не сможем. У нас нет почти никаких шансов пронести такой большой заряд через охрану, правильно разместить его и поставить детонатор за полчаса между проверкой с собаками-ищейками и поднятием занавеса. Будет слишком много камер слежения и слишком много людей, слоняющихся по всему зданию. Мы должны придумать какой-то способ провести наших людей на место, и затем они по готовности без заминки начнут атаку. Чем дольше мы ждём, тем больше шансов, что кто-нибудь заметит что-нибудь на камере слежения, или кто-то наткнётся на одну из огневых позиций, увидит оружие и маски.

- Сколько человек ты предлагаешь мне взять внутрь? - спросил Рэндалл.

- Нужен ты сам и ещё шестеро, - ответил Хилл. - Два снайпера, два гранатомётчика и два автоматчика прикрытия. Я предлагаю ввести две группы из снайпера, гранатомётчика и автоматчика в каждой, а сам ты будешь там, где необходимо.

- Наш человек в "Центурионе" говорит, что он также готов помочь, если представится возможность, - вставил "Талантливый мистер Рипли". - Чтобы заставить нормального человека возненавидеть этих избранных до глубины души, нет средства лучше, чем поработать в их охране.

- Кот, ты давно считаешься лучшим снайпером, - сказал Хилл. - Кого ты предложишь на роль лучшего стрелка поддержки?

- Рона Колчака, - без колебаний ответил Локхарт.

- И Гаусса с Джимми - автоматчиками, - предложил Рэндалл.

- Согласен, - сказал Хилл. - Теперь остались гранатомётчики. После того, как гранатомётчики бросят гранаты, они будут прикрывать снайперов и поддерживать автоматчиков из каких-нибудь короткостволов, "Узи", "Тек-9", что-то вроде этого.

- Я хочу пойти с ними, - сказала Кристина.

- Нет, - сказал Хилл. - Крис, ты выполняешь слишком важную для штурмовой группы работу. Ты нужна нам на своём месте.

- Мы совершенно не сомневаемся в твоей смелости, товарищ, - сказал ей Рэндалл. - Всем, кто в курсе того, где ты была последние два года, такая мысль даже не придёт в голову. Но ты должна понять, что некоторые из нас или все мы очень можем не вернуться назад, и я в том числе. Ты - часть нашей Тройки, и мы не можем рисковать потерять одновременно больше, чем одного из нас. Потеря двоих или, Боже упаси, даже троих из нас, лишит штурмовую группу боеспособности. Добровольцы размещены здесь на огромной территории и даже не знают, как найти или связаться с другими группами. Именно поэтому ни ты, ни я, ни лейтенант Хилл не могут ходить на боевые задания вместе.

- Крис, если ты хочешь пройти "боевое крещение" традиционным образом, я позабочусь, чтобы это случилось, как только мы вернёмся домой, - уверил её Хилл. - Даю тебе слово. Ли, хочешь занять место гранатомётчика?

- Да, командир, - ответил Вошберн. - Спасибо.

- Нужен ещё один, - сказал Рэндалл.

- Кики Маги, - воскликнула Кристина. - Это историческое событие, и я хочу, чтобы в нём символически участвовала за нас хотя бы одна девушка-доброволец. И потом тебе же нужна была пара. Ты не против, Джим?

- Не мне решать, но Кик отлично подходит, - согласился Уинго.

- О'кей, она пойдёт, - решил Хилл.

- Кхм, лейтенант, вы всё ещё не объяснили нам, каков ваш план проникновения этой группы внутрь здания и на позиции, - мягко напомнил ему Брюер.

- Так точно, - согласился Хилл.

Он изучал карту.

- Я хочу точно знать, во-первых, куда они должны попасть, а затем подумать, как их туда доставить. Во-вторых, как подобраться достаточно близко, чтобы уничтожить цель. И, в-третьих, так как мы не мусульмане-самоубийцы, стремящиеся умереть во славу Аллаха, то после удара по противнику и нанесения ему наибольшего урона обязаны вывести наших бойцов в безопасное место.

Хилл около минуты изучал фотографии огромного театра через увеличительное стекло.

- Кот, взгляни на эти снимки. Забудь на минуту о патрулях охраны и камерах, и скажи, что ты думаешь об обзоре, если мы как-то сможем поставить тебя и Рона или на саму

сцену, скрытыми за декорациями, опорами и тому подобным, или на мостки над сценой, так чтобы вы смогли стрелять вниз через занавески? Я знаю, ты считаешь, что мостки слишком высоко и под плохим углом, но они могут оказаться лучшим местом, которое мы можем вам обеспечить как позицию.

- Эээ, очень сомнительно, командир, - ответил Локхарт. - Там ведь разные прожектора и рампа, верхнее освещение будут слепить нам глаза, а мы сами будем хорошо подсвечены для ответного вражеского огня. Нам придётся находиться сбоку главного сектора обстрела, с верхним светом или направленным на сцену, а наш главный целевой сектор - вот эта передняя область здесь перед оркестровой ямой, где, по словам мистера Рипли, большие шишки собираются поставить шикарные столики.

- Проклятье! Вот если бы мы смогли попасть в эти частные логи! - проворчал Рандалл.

- Ну, я не знаю, как это. Посмотри на них, Чарли, - сказал Хилл, указывая на логи на нескольких интернетовских фото. - Помнишь, мы их видели во время экскурсии? Да, они были бы отличными стендами, если бы по нам нельзя было вести ответный огонь, но для точного прицеливания снайперы должны наклоняться через край и сами становиться мишенями. Рипли прав: внизу в зале будет достаточно оружия, так что можно ожидать ответного огня. Но мостки над залом и подмости с установленным освещением, находятся слишком высоко и под плохим углом, а вдобавок осложняют отход.

- Значит, остаются проекционные будки, - сказал Брюер. - Они установлены у северной и южной стен соответственно. Здесь и здесь.

Он указал на них.

- Для чего они точно нужны? - спросил Хилл. - Что проецируют?

- Вы когда-нибудь смотрели церемонию Оскаров с показом отрывков кинофильмов со звёздами? - спросил Брюер. - Так вот это и есть место, откуда показывают такие отрывки или клипы. Оттуда есть выход в прямой эфир по телекабелю, чтобы миллионы людей смогли видеть эти клипы дома, но будки также одновременно проецируют клипы кандидатов на лучшие роли и тому подобное на два экрана в театре, так что присутствующая публика может любоваться их стереоскопическим изображением на экранах, висящих с каждой стороны авансцены, здесь и здесь.

В проекционные будки можно попасть по коротким узким коридорам, почти нишам, которые отходят от главных коридоров третьего этажа, здесь и здесь. Трудность в том, что у каждой двери снаружи поставлен вооружённый охранник, так же как и камера наблюдения в небольшом углублении - руководство давно предусмотрело, что кто-нибудь может захотеть войти и вмешаться в показ киноклипов.

Если наши ребята смогут попасть внутрь будок, то вид на зрительный зал даст стрелкам превосходный контроль главного сектора обстрела, где будут сидеть знаменитости, и они также смогут застрелить любого в частных ложах, кто держит голову над краем логи. Когда зрители этих лож на третьем этаже после начала стрельбы начнут выбегать из них, чтобы спастись, автоматчик во внешнем проходе должен быть готов встретить их огнём на поражение.

- Хорошо, после того, как парни снимут охранников из пистолетов с глушителями, как они войдут в будки? - спросил Рандалл.

- У охранника будет магнитная карточка-пропуск в чёрном футляре из искусственной кожи на поясе, по которой можно войти в будку в случае необходимости, - сказал Хилл, глядя на соответствующую страницу копии рабочих инструкций "Центуриона". - Ребята вынут карточку из футляра и откроют будку. В будке будет находиться один киномеханик, и ему нужно побыстрее заткнуть рот.

С вооружёнными охранниками мы не можем рисковать, но если киномеханики внутри белые, я предпочёл бы их не убивать, а только надеть наручники и залепить лентой рот. А как эти будки выглядят изнутри?

- Они маленькие, но не очень тесные, - объяснил Брюер. - Парни должны будут отодвинуть назад проекционную камеру от стенного проёма, но она откатывается по рельсовой дорожке на полу. Гранатомётчикам хватит места для хорошего размаха. Размеры проёма около двух метров в длину и метр в высоту, так что у стрелков будет широкий обзор и даже некоторая защита от любого ответного огня. Расстояние вниз до переднего ряда столов, где будут сидеть главные "мишени", составит чуть больше 30 метров, а угол - двадцать пять градусов. В них можно наделать много дырок. Сама сцена просто огромна - тринадцать пять метров в ширину и двадцать - в глубину, а главный подиум где-то в семидесяти метрах от проекционных будок.

- Мы сможем зачистить сцену - сказал Кот.

- Ээээ, парни, а не забыли ли мы кое-что? - спросила Кристина. - Как насчёт камер слежения и в небольших проходах, и, конечно, в главном коридоре? Нам нужно войти в здание, пройти через него и пронести оружие не только на глазах толпы и охранников у каждой двери, но и под наблюдением камер центральной системы безопасности в аппаратной охраны.

- Нам нужен способ отключить сразу всю систему камер наблюдения, - сказал Хилл, задумчиво скребя свой подбородок.

- И любой контролёр охраны с парой извилин в мозгу тут же поймёт, что что-то испортилось, - заметил Брюер.

- Да, но он не будет знать, что, - ответил Хилл. - Что сначала делают люди, когда ломается компьютер или любая другая электронная хрень? Они стучат по нему, трясут, перезагружают, запускают диагностику и стараются выяснить, действительно ли эта штука сломалась. Я полагаю, что никто в аппаратной охраны не начнёт тут же кричать, что небо падает на землю, когда его камеры откажут. Оператор начнёт нажимать кнопки и щёлкать выключателями, просить техника проверить систему, и сколько тогда пройдёт драгоценных секунд прежде, чем он решит объявить общую тревогу? Двадцать? Тридцать? Шестьдесят? За шестьдесят секунд многое можно успеть, если действовать быстро и знать, куда идти и что делать на месте.

- Хорошо, основной план следующий: Мы внедряем в "Кодак" группу из семи добровольцев, временно прячем их, выводим из строя все камеры слежения, хотя пока неизвестно, как это сделать. Затем, прежде чем охрана опомнится, бежим к этим двум будкам, снимаем охрану, проникаем в будки, готовимся, и Кот по сигналу Чарли делает первый выстрел и валит самого большого жида, которого увидит в прицеле. Затем мы проделываем старый фокус под названием "Шок и трепет". "Безумная минута" фактически должна длиться тридцать - сорок пять секунд. Ко времени, когда глава службы безопасности наверняка будет знать, что у его камер не просто сгорели предохранители, а что-то действительно произошло, начнёт стрелять наше оружие, и маскировка больше не понадобится.

Каждый гранатомётчик бросит по две гранаты и оставит одну про запас для отхода с позиции. Первые гранаты полетят, как только начнётся стрельба, другие две - через тридцать секунд. Автоматчики перекроют коридоры у будок и очистят их от врагов, уничтожая всех громил ЗОГ, которые попробуют выйти в коридор, и любых "избранных", которые выскочат из частных лож в залы. Затем гранатомётчики и автоматчики начнут взрывать дымовые шашки, заполняя театр дымом и создавая всеобщее замешательство, и, может, даже запустят

для смеха оросительную систему пожаротушения, пока наша команда отходит по пути, которым вошла.

- И каким же? - спросила Кристина.

- Ребята, это только скелет, и надо нарастить на него мясо, и, конечно, я знаю, что в нём есть пара откровенно слабых мест, - признал Хилл. - Две самых больших дыры, это как расхе... уничтожить эти камеры слежения и, да, мадам, - он посмотрел на Кристину, - прежде всего, чёрт побери, как мы попадём туда?

Хилл вздохнул:

- Здесь что-то в самом воздухе, что всё время напоминает фильмы. Я думаю сейчас о первых "Звёздных войнах", когда Люк Скайуолкер и его восставшие космические воины атаковали Звезду смерти. Что-то вроде этого мы делаем сейчас. Люк нашёл единственную маленькую и уязвимую входную точку - канал для удаления отходов или вроде того, и через неё запустил ракету прямо в сердце Звезды смерти. Именно эту точку нам нужно найти.

- О, я знаю, где она, - заговорил Брюер.

- Что вы сказали?! - воскликнул Чарли.

Брюер показал на карту:

- На этой схеме не показаны подвальные этажи, но как раз за сценой, вот здесь, прямо под старой Зелёной комнатой расположен более-менее тайный проход в театр "Кодак". Это - подземный туннель или ход, который ведёт в вестибюль отеля "Голливуд Ройял" примерно на расстояние в четыреста метров к северо-восточному углу Голливуда и комплексу Центр "Хайлэнд". Ни в самом туннеле, ни на его концах нет ни охранников, ни камер слежения.

- И вы *знали* это? - недоверчиво спросил Рэндалл. - А мы всё это время сидим и ломаем головы, пытаюсь найти точку проникновения?!

Брюер широко ему улыбнулся.

- В хорошем фильме всегда есть неожиданные повороты. А если серьезно, то это полусекрет, в основном сплетни и слухи Голливуда, и я, прежде, чем сказать что-нибудь, должен был проверить, что этот ход действительно существует, а затем посмотреть, нельзя ли им воспользоваться в наших целях. Этот подземный ход существует уже несколько лет. Я не знаю, когда он был впервые проложен.

А вот "зачем" - немного сложнее и удивительнее. Помните, что я рассказывал обо всём этом буйном загуле в Зелёной комнате во время прошлых церемоний? Скажем, бывают моменты в ходе награждения премиями киноакадемии, когда для знаменитостей и руководства студий желательное тайное появление или уход с церемонии, иногда добровольное, а иногда и нет. Главным образом, конечно, чтобы избежать встречи с телевидением и папарацци. Звезда может выпить в стельку, обдолбаться или закатить истерику из-за потери премии и полностью выйти из-под контроля. И тогда эту звезду следует удалить из помещения, привести в порядок, почистить и успокоить, но тактично, не перед публикой, популярными СМИ и папарацци.

Маленький стриптиз Бриттани Мэллой на натянутой проволоке на прошлогодней церемонии - хороший пример. Её завернули в какую-то полицейскую куртку и вынесли по этому подземному ходу прямо в ожидающую машину скорой помощи, а затем отвезли в "Бетти Форд" - своего рода частную Бастилию киностудий для звёзд, которых нужно задержать на некоторое время для приведения в порядок, потому что они ещё популярны.

Скажем так, не у каждого, кого отсылают в "Бетти Форд", действительно есть проблемы с наркотиками или алкоголем. Иногда они сидят там в наказание. Большие Жиды полгода продержали там старину Макса Гарретта, после того, как он спросил полицейского, остановившего его машину в Малибу, не еврей ли он. И к тому же оштрафовали на

несколько миллионов долларов, которые тому пришлось заплатить, чтобы его выпустили. Иначе они могли его засадить в настоящий дурдом с резиновыми стенками.

- Невероятно, - сказал Ли Вошберн, качая головой.

- Иногда за кулисами может потребоваться полицейская или медицинская помощь, и магнаты больших студий, вроде Сида Глика, могут решить не привлекать штатную службу безопасности или медицинский персонал, присутствующий на церемонии, а "разрулить" возникшую проблему без шума, когда все нужные люди будут передвигаться под землёй. По иронии судьбы этот ход также был задуман как запасной выход для звёзд и больших шишек, если в аудитории произойдут какие-либо опасные события, вспыхнет пожар, или нарисуеться шизик - кинофанат с оружием и тому подобное.

Именно поэтому ход проложен рядом с Зелёной комнатой, в которой вплоть до этого года и творилось большинство жутких безобразий. Вполне возможно, что, когда стрельба прекратится, наши парни и некоторые из этих жидков могут рвануть к одному и тому же выходу. Глик и остальные Большие Жиды всегда требовали, чтобы этот секретный туннель *не перекрывался* охраной или камерами из-за возможных неловкостей и угроз шантажа.

- Отлично, значит, если нам удастся разместить нашу штурмовую группу в отеле "Голливуд Ройял", то мы сможем незаметно провести их в "Кодак"? - спросила Кристина.

- Ээээ, возможно, - протянул Брюер. - Есть определённый порядок использования этого подземного коридора. Он заперт и со стороны отеля и со стороны театра, и может быть открыт только одной из этих чёртовых магнитных карточек. Дирекция отеля "Голливуд Ройял" имеет оригинал карточки-пропуска, как и Сид Глик и несколько Больших Жидов, а временные кодированные копии выдаются на каждый "вечер Оскара" любому, кто, по мнению этих БЖ, может в них нуждаться, или кто сможет подлизаться к одному из менеджеров отеля. Нашим парням, видимо, нужно примерно по три таких карточек на группу, чтобы открывать разные двери.

- Ну и как нам заполучить карточку? - спросил Хилл.

- Здесь сюжет усложняется, - сказал Брюер. - В этом году некоторые звёзды и менее крупные особи, кому не хватает Зелёной комнаты, собрались, и, показывая своим начальникам студий своего рода злобные носы, улучшенные пластическими хирургами, объединили часть своих огромных свободных средств и сняли целых два этажа отеля "Голливуд Ройял" на две ночи - ночь перед началом и ночь церемонии вручения премий и Бала губернатора, который проводится в бальном зале "Кодака" площадью более 3700 квадратных метров, что размером с футбольное поле. Видимо, у них имеется копия оригинала карточки-ключа от подземного туннеля, полученная обманном путём через кого-то в отеле за бешеные деньги, и копии с неё, но только для элиты "избранных".

Их план состоит в том, чтобы незаметно проводить несколько собственных частных вечеринок и оргий в "Ройяле", хотя все будут милы, улыбки и вежливы при исполнении основных обязанностей. Всё время эти люди будут выскальзывать через туннель в номера для вечеринок в "Ройяле" нюхнуть кокаина или кольнуть героина, быстро сунуть член в то или иное отверстие или просто показать средний палец любому, кто смеет пытаться заставить этих людей вести себя прилично хотя бы один единственный вечер.

- Так что всё, что нам нужно, это выкрасть собственную копию одной из этих карточек-пропусков у настоящей живой кинозвезды, - уныло вздохнул Хилл. - Я не думаю, что вы завербовали кого-нибудь из кандидатов на Оскара в разведсеть Третьего отдела, а, мистер Рипли?

Брюер ничего не говорил, а добродушно улыбался всем присутствующим.

- Боже, так вам это удалось, или нет?! - воскликнул Рандалл, пристально глядя на Брюера. - Я хочу спросить, это правда?

- Ведь я - агент по поиску работы для талантов, вы не забыли? - ответил Брюер. - Это - моя работа.

- Вы шутите! - не поверил своим ушам Хилл, пристально глядя на него.

- Думаю, ребята, прежде чем мы продолжим, надо ненадолго прервать наше совещание, так как мне придётся забрать лейтенантов Хилла и Рандалла, чтобы встретиться с "драгоценным камнем в короне Третьего отдела", - сказал Брюер. - Господа, мы едем в Беверли-Хиллз.

Звезду убедили

*Я решилась.
И ничего нет женского во мне.
Теперь от головы до ног
Я - мрамор.*

Антоний и Клеопатра – Акт V, Сцена 2

Брюер позвонил по мобильному, коротко переговорил с собеседником и часом позже на своём "лексусе" последней модели привёз двух офицеров в Беверли-Хиллз. Их целью вопреки ожиданиям оказался не огромный особняк с плавательным бассейном и теннисным кортом. Вместо этого Брюер въехал в квартал из четырёх дорогих, но не бросающихся в глаза кооперативных домов в испанском колониальном стиле, ненавязчиво размещённых в глубине маленького тупика, отходящего от Беверли-Бульвара, и развернулся в выложенном булыжником центральном внутреннем дворе с фонтаном. Брюер попросил своих пассажиров пригнуться на заднем сиденье, пока он набирал код в ящике, стоящем на цветочной клумбе на уровне водителя, и ворота из кованого железа с электронной сигнализацией медленно открылись.

- Камеры во внутреннем дворе? – спросил Хилл.

- Да. Я её агент, и поэтому у меня есть законное оправдание, - продолжил "Талантливый". - Если я остановлюсь за тем кедром, то мы попадём в мёртвую зону, которая тянется до входной двери. Я попросил вас обоих сесть на заднее сиденье, чтобы вы могли выйти сзади со стороны водителя. Хотя, на всякий случай, останьтесь в шляпах и тёмных очках.

По дороге Брюер выложил им подробности об источнике, который он назвал драгоценным камнем в короне Третьего отдела. Так что офицеры не выразили никакого удивления, когда дверь одной из нижних квартир открыла невысокая молодая блондинка с умопомрачительной фигурой, лет двадцати пяти, в джинсах, сандалиях и блузке пастельного цвета. Гости прошли внутрь квартиры, в холл, отделанный кедром, а молодая женщина остановилась рядом и, молча, подождала, пока Брюер достанет металлоискатель.

Она подняла руки, и он быстро провёл прибором вдоль её тела. Затем Брюер достал другой электронный прибор, который напоминал мобильный телефон, и исчез внутри квартиры, привычно проводя поиск подслушивающих "жучков" в каждой комнате. В то время как Брюер был занят, женщина жестом изобразила процесс питья и, глядя на двух мужчин, вопросительно выгнула брови. Хилл наклонился и тихо прошептал: "Кофе для меня был бы в самый раз, и что-нибудь холодное для моего друга. Без алкоголя".

Она прошептала в ответ так тихо, что ни одна подслушка не смогла бы ничего разобрать, если бы жучки и были: "Да, знаю. Общий приказ номер десять".

Хозяйка жестом пригласила мужчин в гостиную, которая была просто, но со вкусом обставлена двумя роскошными бархатными диванами и несколькими кожаными креслами, обеденным уголком и большой кухней, открытой с одной стороны. Внутренний дворик был открыт в зелёный сад со множеством цветов и папоротников. Она молча пригласила их садиться, а сама пошла на кухню, взяла из кофеварки полный кофейник и налила две чашки, затем открыла холодильник и вынула большую пластмассовую бутылку имбирной колы и ещё одну - с кока-колой, для Рэндалла. Он показал на эль, и она наполнила большой бокал,

добавив в него кубики льда. Затем поставила на плиту чайник, взяла большую простую белую кружку и положила в неё пакетик чая из трав.

Тем временем Хилл и Рандалл воспользовались возможностью рассмотреть книжные полки, которые заполняли стену гостиной комнаты и содержали не только книги, но и большую коллекцию музыкальных компакт- и DVD-дисков с кинофильмами. Хилл всегда делал это всякий раз, когда имел такую возможность, так как ничто не помогало ему лучше в оценке характера человека, чем изучение того, что он читает, смотрит и слушает.

Литературные вкусы хозяйки охватывали классические драмы и большие романы, которые почти никто больше не читает. Пьесы времён королевы Елизаветы и драматургов Реставрации, таких как Драйден, Вебстер, Бен Джонсон, и, конечно, полное собрание сочинений Шекспира, мастера девятнадцатого века - Чехов, Стринберг, Ибсен, Гилберт и Салливен, а также несколько тонких томиков Юджина О'Нила, которым оканчивалась современная литература.

Здесь были такие писатели как Диккенс, Готорн, Треллоп, Уилки Коллинз, Томас Харди, Роберт Льюис Стивенсон и Бальзак. Хилл также с удовольствием увидел сочинения Жюль Верна и книги на исторические темы Артура Конан-Дойля, его любимых в детстве авторов. Библиотека поэзии блистала Уолтом Уитменом, Теннисоном и Т.С. Элиотом, но тесно граничила с политической некорректностью, так что Хилл задался вопросом, почему из-за этого у хозяйки не случилось неприятностей, так как у неё также были не запрещённые, но осуждаемые работы Редьярда Киплинга и Эзры Паунда. Он был ещё более удивлён, увидев прямо запрещённые законом творения австралийского поэта-лауреата Генри Лоусона - одно из нелегальных изданий Партии до восстания 22 октября, которое вполне могло привести к её аресту, если бы кто-нибудь заметил книгу, и, зная, кем, чёрт возьми, был Генри Лоусон, донёс на неё в министерство внутренней безопасности.

Бросающееся в глаза отсутствие чего-нибудь, связанного с гомосексуализмом, лесбиянством, мультикультурой и психотрёпом, как и то, что там *было*, почти столь же ясно говорило в её пользу. Её музыкальные пристрастия были широкими. Здесь были компакт-диски Вагнера, Моцарта, Верди, Чайковского, Генделя, многочисленные оперы, грегорианские псалмы, церковные песнопения Джезуальдо, собрания кельтской музыки, русские хоры, Док Уотсон и аппалачские напевы.

Рандалл посмотрел на Хилла со странным выражением, они оба разделяли невысказанную мысль: молодая белая женщина с такими вкусами и образованием почти никогда не встречалась им в жизни, так что же, чёрт возьми, они здесь делают? Её электронное собрание кинофильмов было единственной вещью, которая относилась к 21-ому веку, хотя в действительности большинство фильмов было снято в 20-м. Конечно, сюда вошли все её собственные фильмы и телесериалы.

Брюер вошёл в комнату.

- По приборам всё чисто, - сообщил он Хиллу и Рандаллу.

- Это не означает, что мы вам не доверяем, мисс Коллингвуд, - начал Хилл несколько неуверенно, но она прервала его, передавая кофе ему и бокал имбирного эля Рандаллу.

- Конечно, вы не доверяете мне! - весёло засмеялась она. - Вы же не сумасшедшие, чтобы доверять всем подряд. Барри просвечивает меня этой штукой каждый раз как мы встречаемся. Я - не шпионка, но вы этого не знаете, и если только меня заподозрят, то легко могут проникнуть сюда и установить подслушку и в моей квартире, и в машине и на меня что-нибудь нацепить. Я понимаю и не возражаю.

- "Генри Лоусон?" - спросил Чарли Рандалл, показывая на книгу.

Она залилась румянцем.

- Правда, мне надо убрать её с глаз долой. Она запрещена. Но я по некоторым причинам к ней возвращаюсь. Вы знаете, что я снималась в фильме "Гроза над Австралией" на натуре на Северной территории, о водителе гонки "Нэскар", перевозящем наркотики из города Дарвина? Этот мой фильм не из лучших, но я совершенно влюбилась в Австралию.

Рандалл открыл книгу, нашёл место и печально прочёл:

*"Я долго смотрел на край, что люблю
На землю, какой она могла стать,
Где Дарлинг встаёт под квинслендским дождём,
И воды бегут в океан.
Наша судьба слишком поздно узнать
Правду, к которой мы были глухи,
Что враг уже у портовых ворот,
А за спиною палящая сушь!"*

- Трудно поверить, что это было написано более ста лет назад, - вздохнул Рандалл. - Лоусон был слишком прав, друзья. Я не критикую Северо-Западную Родину, но там - моя собственная земля, за которую я боролся бы, если бы наши люди послушали Лоусона, или у них было хотя бы две извилины в голове.

- Мы победим здесь, и позднее победим везде, - ободрил его Хилл. - Хотя сначала мы должны победить где-нибудь, захватить какой-нибудь клочок земли, где сможем вырастить несколько поколений белых детей в чистоте, с нормальной психикой и знанием того, кто они есть на самом деле. По-моему, первое сражение при всех обстоятельствах должно произойти здесь, прямо в чреве Зверя.

Молодая женщина пошла на кухню, налила свой чай и вернулась с чайной чашкой в одной руке и кофе в другой, которую она передала Брюеру.

- Барри любит чёрный, но, может, вы хотите со сливками или сахаром, мистер ...?

- Можете называть меня Оскар, - ответил Хилл. - А это, эээ....

Он вдруг вспомнил, что не знает, какое имя Рандалл хотел использовать на этой встрече.

- Мик Данди, - весело подсказал австралиец.

- Вы - крокодил Данди, да? - спросила актриса, бросив взгляд искоса и скривив рот. Эта маленькая гримаска на её лице бросала миллионы подростков в любовную лихорадку целых четыре года, когда в юности она сыграла старшую дочь в комедийном телесериале, который был безвкусен даже по стандартам телесети "Фокс". Но каждый год сериал получал высшие рейтинги только благодаря её красоте, таланту и хорошей работе оператора.

- Я случайно поклонник "Безумного Макса - Воина дороги", - признался Рандалл. - Когда не декламирую стихи.

- Боже, я верю, что вы действительно такой, ведь правда? - спросила она мягко, пристально глядя на него. - Ничего себе! Простите, но вы, ребята, первые другие, ээээ, ну, в общем, первые другие люди, с которыми я встретила кроме Барри.

- Я не уверен, что Эрика до сих пор действительно верила, что другие вообще существуют, - заметил Брюер.

- О, телевидение иногда напоминает мне о вас.

Тут она посмотрела на Хилла.

- Так что вы выбрали, сливки или сахар?

- Чёрный подходит, мэм, - ответил Хилл.

Они уселись. Эрика Коллингвуд свернулась на диване и взглянула на Брюера.

- Я чувствую, приближается что-то важное? - сказала она, потягивая свой травяной чай.

- Да, - кивнул Брюер. - Эрика мне очень помогает в сборе и передаче информации, - сказал он, обращаясь к мужчинам. - Есть некоторые вещи, которые могут узнать только те, кто занят творческой, а не просто деловой стороной киноиндустрии, и те, кто имеет доступ в любую часть любой студии, которого у меня нет. Эрика - не мегазвезда, но она достаточно известна, так что может пойти в Голливуде практически куда угодно, и никто не усомнится в её праве присутствовать там.

Барри повернулся к ней.

- Эрика, теперь нам нужна ваша помощь в том, что мы называем боевыми действиями. Я уверен, вы знаете, что это означает. Вы должны были понимать, что такой день настанет. Я хочу прямо спросить, хотите ли вы помочь нам в специальной операции, которая, я предупреждаю, может привести к вашему собственному разоблачению и гибели? И я вынужден просить вас решить прямо сейчас, насколько серьёзно вы готовы участвовать в этом деле.

- Вы хотите, чтобы я помогла вам убить людей, - спокойно произнесла она.

- Да, мэм, - подтвердил Хилл.

- Эрика, не мадам, - поправила она. - Предположим, я действительно откажусь? Что вы сделаете, убьёте меня?

Это прозвучало так, будто она находила такую возможность довольно интересной, но ни в коем случае не угрожающей или пугающей.

- Нет, - ответил Хилл. - Мы же не гангстеры. Вы - наш испытанный друг, а мы не убиваем друзей, если они чувствуют, что не могут нам помочь. Вы - не действующий доброволец, а наш актив. Это означает, что вы имеете, по крайней мере, некоторый выбор относительно того, какова будет степень вашего участия.

Мы пришли к выводу, что лучше как можно дольше испытывать людей как актив, перед тем как действительно принять их в Армию и подчинить военной дисциплине. У нас должна быть уверенность, что каждый доброволец полностью предан нашему делу и согласен выполнить любую поставленную ему задачу, прежде чем он примет участие в боевых действиях.

- Если вы скажете "нет", Эрика, мы выйдем отсюда, и вы никогда больше не услышите об этих джентльменах или обо мне, - сказал Брюер. - Конечно, вам придётся найти другого агента, но я не боюсь, что вы меня выдадите. Я доверяю вашей чести и порядочности.

Это была откровенная болтовня. Они уже решили в машине, что, если Эрика Коллингвуд запаникует или впадёт в истерику, деятельность Брюера должна быть свёрнута, и голливудский агент отправится в длительный отпуск в неизвестном направлении, но ставка была достаточно высока, чтобы оправдать такой риск.

Её ответ прозвучал спокойно.

- Мне было любопытно, когда вы спросили меня о чём-то вроде этого, Барри, и какое-то время я думала, что ответить. Я встречалась с Чейзом на прошлой неделе, и когда мы расстались, я знала ответ. Мой ответ - "да". Я сделаю всё, что вы от меня хотите.

- Включая помощь нам в убийстве множества людей, причём некоторые из них, насколько мы знаем, могут быть вашими друзьями? - спросил Чарли.

- У меня нет друзей в этом городе, которые могли бы попасть в любой составленный вами список целей, - ответила она. - Я давно усвоила, что нельзя слишком доверять людям, которые в одном бизнесе со мной, потому что они - настоящие гангстеры, нравственно, пусть и не с автоматом в футляре от скрипки. Если эти избранные подумают, что ты можешь

стать на их пути к тому, что им хочется, а иногда просто из идиотской злобы, твои так называемые лучшие друзья вмиг всадят тебе нож в спину. Я готова сделать всё, что вам нужно.

- Но почему? - прямо спросил Рэндалл. - Вы, кажется, имеете всё, что это общество в состоянии предложить. Почему вы хотите укунить руку, которая вас кормит?

- Вам произнести речь с начала до конца? - спросила Эрика. - Я могла бы сказать вам, что меня тошнит от белых, особенно от женщин с таким же, как у меня, цветом волос и кожи, испорченных, униженных и оскорблённых, превратившихся в предмет насмешек, в безмозглые сексуальные игрушки или куклы Барби, повторяющие, как попугаи, политически корректную бессмыслицу в каждом фильме и телешоу, которые выходят из этого сортира.

Могу сказать, что я достигла уровня, когда мне осточертело всегда оставаться второразрядной актрисой, которой не дают главных ролей в фильмах и творческих возможностях, на что мой талант и способности дают мне полное право, только потому, что я отказалась проделать сексуальные извращения с жидками - хозяевами Голливуда, как это требуется от хорошей *шиксы*.

Скажу также, что не хочу дальше жить в страхе, прячась за окнами с решётками, замками и системами охраны, запертой в богатой части города, где ещё есть какая-то полицейская и частная охрана. И ужасаться про себя каждый раз выходя на улицу где-нибудь в Лос-Анджелесе, потому что я - белая женщина и цель для любого чёрного или жёлтого грабителя, насильника или убийцы, которому вечером захочется немного белого мяса. Я могла бы рассказать вам, как провела детство в Сиэтле, и меня действительно восторгает мысль о том, на что может походить этот город, если его очистить ото всех этих вьетнамских и мексиканских банд и чёрных наркоманов. И всё это было бы, в общем-то, справедливо.

- Кто этот Чейз? - спросил Рэндалл.

- Он - настоящая причина того, что я встретила с вами, - сказала она, вздохнув и глядя на них. - Это прозвучит как мелодрама прямо из дневных мыльных сериалов, но Чейз Клэйберн - единственный мужчина, которого я по-настоящему любила.

- Чейз Клэйберн, актёр? - спросил Хилл. - Да, мэм, простите, Эрика. Я знаю, что с ним случилось. Это было в новостях.

- Но вы не знаете, *почему* это случилось, - ровным голосом продолжила Эрика. - Два года назад я была приглашена на главную женскую роль в экранизации Артура Бернштейна "*Клинтонь*". Я должна была играть Хиллари, хотите верьте, хотите нет. Они искали актрису помоложе, потому что сценарий начинался, когда Хиллари была моложе меня, а гораздо легче состарить молодую актрису, чем сделать так, чтобы актриса одного возраста с Хиллари снова выглядела на двадцать три. Гримеры состарили бы меня по ходу фильма, чтобы я стала походить на ведьму, как она - теперь, в должности президента. Они даже собирались вставить один спорный кусок, где мафия отрезает у Хиллари ухо, что та всегда отрицала.

- Мой босс в Третьем отделе действительно может рассказать об этом много интересного, - улыбнулся Хилл. - Он был там, когда это случилось. [См. роман "*Медленно подступающая тьма*" того же автора.]

- Правда? - с интересом спросил Брюер.

- Так он говорит, - сказал Хилл. - Но, пожалуйста, продолжайте, Эрика.

- Я только что объявила о своей помолвке с Чейзом, мы жили вместе в этой квартире, всё у нас было чудесно, и вот-вот должна была начаться самая важная часть моей жизни. Мой тогдашний агент Мэнни Скар сказал мне, что я практически получила роль Хиллари. И

вот я иду на заключительное интервью с Сидом Гликом и режиссёром Артуром Бернштейном. Предполагалось, что это будет анализ рабочего сценария и совещание по концепции фильма с участием продюсера, режиссёра-постановщика и других ведущих актёров. Я поднимаюсь в офис студии "Парадайм" и не вижу там никого. Появляется Мэнни, и я узнаю об одном последнем маленьком требовании ко мне, чтобы получить роль. Думаю, вы догадываетесь, что это было за требование.

- Да, я понял, - недовольно и мрачно подтвердил Рэндалл.

- Меня поразил тон, которым Мэнни об этом упомянул, как об известной мне мелочи, ведь для Голливуда это действительно пустяк, и случается всё время, - продолжила Эрика.

Она растерянно взмахнула руками, почти задохнувшись от гнева при этом воспоминании.

- Мэнни сказал мне, что обратил внимание Сиды и Артура на невыполнение мною этого обязательства. Это были его подлинные слова, и такого рода "сделки" в Голливуде чаще всего называются именно так. Мэнни выражался в такой бесстрастной манере, как если бы это было какое-то юридическое или финансовое условие контракта, которое он мне растолковывал.

Он просто считал, что я знаю, что к чему, а я, признаюсь, знала, и теперь, когда пришла моя очередь, я войду в этот офис, позволю Сиду и Артуру запереть дверь, и как проститутка разрешу этим двум жидам заниматься со мной любым извращённым сексом, который взбрѣдет им в голову, а потом мы все, как ни в чём не бывало, продолжим снимать картину.

- Представляю, - сочувственно произнёс Хилл. - Вы взорвались и в бешенстве использовали запрещѣнное слово "жид"?

- О, нет, - отрицательно покачала головой Эрика. - Я не настолько потеряла голову! Если бы я произнесла слово "жид", меня бы здесь не было. Я не играла бы даже в дневных спектаклях в Скоттсдейле, в Аризоне, для местных слюнвявых пенсионеров. Мне пришлось бы вернуться в Сиэтл и сидеть в кабинке какой-нибудь страховой компании, если бы повезло, или в прачечной, если нет. Я сохранила самообладание.

Спокойно и выдержанно я объяснила Мэнни, что выхожу замуж и не думаю, что приемлемо обманывать жениха даже в интересах бизнеса, и выразила уверенность, что мистер Глик и мистер Бернштейн найдут кого-нибудь, кто сможет сыграть роль Хиллари Клинтон не хуже меня. Всё было очень холодно и вежливо, но я знаю, что Мэнни затаил злобу. Потом я развернулась и вышла. Я знала, что роль Хиллари для меня потеряна, но скрестила пальцы в надежде, что жида не настолько взбесится, чтобы ещё и мстить мне. Господи, как я ошибалась!

Она печально покачала головой.

- В общем, в прошлом году Лана Паломо получила Оскара "За лучшую женскую роль", сыграв Хиллари, а в наказание за мой дерзкий отказ стать шлюхой Сид Глик позвонил своему человечку в Вашингтоне. Освобождение от призыва, бывшее у Чейза, отменили десять дней спустя, и приказ отдала никто иная как президент Хиллари Клинтон, на случай, если я не поняла причины, что Сид хотел подчеркнуть.

Чейз думал, что это какая-то ошибка, пока спустя три дня призывная повестка не была вручена ему лично двумя военными полицейскими, для уверенности, что он немедленно прибудет в Форт-Льюис для начальной военной подготовки. Конечно, сокращѣнной до трёх недель для пушечного мяса. И человека, с которым я хотела провести остальную часть моей жизни, буквально вырвали из моих рук, здесь, в этой комнате, принудительно отправили в Иран через несколько недель, причѣм ни один из адвокатов, с

которыми я говорила, не согласился коснуться этого спорного вопроса даже трёхметровым шестом. Слово было сказано, и оно разошлось. Вы знаете, что случилось после этого.

- Я помню теленовости, - кивнул Хилл. - Самодельная бомба во время его первого патруля в Ширазе, верно?

- Да. Два других солдата были убиты, а Чейз вернулся домой с парализованными ногами. Он влачит жалкое существование в механическом инвалидном кресле и с аппаратом для искусственного дыхания в лёгких, в столетнем госпитале министерства по делам ветеранов, больше похожем на кошмары курильщиков опиума. Я пытаюсь выкупить Чейза оттуда и поместить в настоящую больницу, но "слово" всё ещё действует, и они продолжают цитировать мне разные мудрёные военные инструкции, чтобы удержать его в этом госпитале. Он едва может говорить. Каждый раз, когда я прихожу повидать его в этом образце ада на земле, он молит меня больше не приходиться, не смотреть на него так, и я обещаю, что не приду, но прихожу снова и снова.

Она посмотрела на них глазами, блестящими от слёз.

- Вы спросили меня, почему я хочу помочь Армии Северо-Запада, мистер Данди. Не то, чтобы я не верила в ваше дело. Я верю. Я сама с Северо-Запада и хочу видеть его свободным, чистым и белым. Я увидела этот грязный мир сверху, и знаю лучше большинства, что он должен исчезнуть, если человечество хочет выжить. Но главное - это чистая месть. Эти выродки-жиды причинили мне такую боль, что я хочу умереть, и неважно, умру ли я в действительности, лишь бы перед этим заставить их помучиться.

- Спасибо за ваш рассказ, Эрика, - поклонился Хилл.

- Скажу больше, милая: мы все уверены, что в мести нет ничего дурного! - воскликнул Чарли. - Боже! Месть - один из лучших поводов для вступления в нашу Армию! Мы - единственная организация, мстящая за белых. Это - главный стимул привлечения новых сторонников.

- Что вы хотите от меня, Барри? - сказала Эрика, вытерев глаза и повернувшись к Брюеру, снова полностью в деловом настроении.

- Нам нужно, чтобы вы присоединились к этой толпе горячих любителей тусовок, которая снимает верхние этажи отеля "Голливуд Ройял" на время церемонии вручения премий, - сказал Брюер. - Вам необходимо получить собственный номер-люкс для этой частной вечеринки. Все поймут это как сигнал, что ваши дни траура по Чейзу закончились, и перед вручением премий вы хотите побаловать себя небольшой оргией по своему вкусу. Мы хотим, чтобы вы получили электронные карточки-ключи к каждой двери в отеле, какие только сможете достать, к каждому лифту, а также к потайной двери, которая ведёт в театр "Кодак". У нас есть копировальная машина, так что, когда полицейские и федералы начнут искать оригиналы карточек, они по-прежнему будут в вашей сумочке. Затем ваша помощь потребуется, чтобы провести семь добровольцев в отель, с оружием и снаряжением. Нам нужно, чтобы в вечер церемонии они с вашей помощью проникли в "Кодак" через потайную дверь и, возможно, использовали её при отходе.

- Боже мой! - поражённо выдохнула Эрика. - *Вы хотите ударить по Оскарам!*

- Можно сказать, что мы собираемся встретить их с почётом, с красной ковровой дорожкой, - усмехнулся Рэндалл. - Когда мы закончим, все их ковры будут очень красными.

- Погибнут люди, и ответственность за это будет лежать на вас, - подчеркнул Хилл. - Вы также можете умереть от пуль в тот же вечер или, лёжа на каталке с иглой для инъекций, в какой-нибудь тайной тюрьме министерства внутренней безопасности. "Да" или "нет", Эрика? Решайте.

- Я с вами, - ответила она. - Вы собираетесь вырезать сердце этого города, и я хочу в этом участвовать!

- Точно сказано! - воскликнул Рэндалл.

- Спасибо, соратница, - сказал Хилл.

- Так вы сможете сделать это? - спросил Брюер.

- Думаю, да. Мы как раз говорили с Джейн Джеразимо об этом самом сегодня утром по телефону, и она сказала, что оба этажа уже заказаны обычной толпой знаменитостей - гомиков и извращенцев. Но, возможно, я смогу получить один номер-люкс этажом ниже, если позвоню и поболтаю с менеджером отеля! - взволнованно сказала Эрика.

- Так будет ещё лучше - менее заметно, но позвольте мне взять переговоры на себя, - сказал Брюер. - Я же ваш агент, помните? Вы мне за это платите. Считается, что я занимаюсь вашими частными делами, так же как и вашей карьерой, поэтому будет странно выглядеть, если вы начнёте договариваться сами, а не я. Я проверю всё за день раньше и получу для вас карточки-ключи от номера и лифта, но потайной двери официально не существует, и поэтому достать для нас карточку-ключ от неё придётся вам. Если у Дженни нет карточки-ключа, которую можно взять на время, вам нужно будет получить её где-нибудь ещё. Полагаю, что обычно достаточно дать метрдотелю пару сотен зелёных.

- Когда и как мы проникнем в отель? - спросил Чарли. - Что у них за система охраны?

- Давайте взглянем, - сказал Брюер, открывая свой портфель и вынимая копию рабочих инструкций по безопасности "Центуриона". - У "Центуриона" контракт и с "Ройял", поэтому, как только я подумал о потайной двери как точке входа, я попросил нашего человека заодно скопировать и планы её использования. Обычно к ней не подобраться, и это будет ещё труднее сделать в вечер вручения Оскаров, со всей этой толпой "избранных", как вы можете видеть, - сказал Брюер, показывая им нужные страницы.

- Патрулирующие охранники и собственные детективы театра, внутренние телекамеры слежения на входах, во всех коридорах и, конечно, в лифтах. Плюс вся эта весёлая тусовочная шатия-братия будет шастать по коридорам. Вход через потайную дверь со стороны отеля находится в прачечной в подвале, вот здесь. Это место сбора всей группы. В прачечной есть дверь, ведущая прямо в подземный гараж, для вашего отхода. С входной стороны в отеле нет никаких дежурных собак-ищек. Я уверен, что дирекция отеля не захочет смущать некоторых из самых больших звёзд Голливуда лаем и ударами лап грубых собак, которые учуют "сувениры" для вечеринки в звёздных сумочках и кейсах.

- Как, чёрт побери, мы будем там передвигаться с камерами на каждом углу? - раздражённо бросил Рэндалл. - Представим, что мы вошли и затаились, в номере этой леди или где-нибудь ещё, но как мы пройдем ко входу в эту потайную дверь с нашим оружием? И как потом вернёмся, после того как вручим наши собственные премии "Лучший мёртвый жид"? Не говоря уже о том, что видеокамеры запишут наши лица для ФБР и министерства внутренней безопасности.

- Да просто, - сказала Эрика. - Наденьте маски! Нет, не смотрите на меня так, я серьёзно! Послушайте, Дженни Джеразимо ищет разные идеи для тусовки получше. Дженни и её отец, режиссёр Чарльтон Бейтс, арендовали пентхаус, Президентский номер, и она приставала ко мне, предлагая провести там целых два дня. Дженни стала моей самозванной лучшей подругой с тех пор, как Чейз был покалечен. У неё с Чейзом был роман, пока я не появилась на сцене.

Считается, что мы с ней разделяем наше общее горе и тому подобное. Но, по-моему, на самом деле ей просто хочется любоваться моими страданиями и при случае поворачивать нож в ране. Может, я смогу уговорить её устроить двухдневную *вечеринку-карнавал* в Президентском номере? Тогда по залам будут болтаться люди разного сорта в разной степени подпития, обдолбанности и глупости, и все в масках!

- Это должно сработать, - признал Хилл.

- Ладно, но как мы проникнем в отель? - спросил Рэндалл.

Хилл страницу за страницей просматривал украденные инструкции службы безопасности.

- Проклятье! Я думал о проникновении рано утром, под видом поставки продуктов, постельного белья, туалетной бумаги или тому подобного, но все они выполняются по графику, а на погрузочной платформе в этом служебном переулке за отелем установлены видеокamеры, плюс остаётся вопрос, что делать с настоящими плановыми поставками. На всех этих боковых дверях установлена сигнализация с выходом на аппаратную охраны?

- К сожалению, да, - ответил Брюер. - Что ж, придётся проводить бойцов штурмовой группы в отель одного за другим в течение дня, под видом приглашённых, репортеров или разных поклонников, - решил Рэндалл. - Это будет большой день в отеле, суматоха и полно людей, и не похоже, что они будут регистрировать каждого человека, входящего в переднюю дверь. Все семеро из нас смогут добраться до номера мисс Коллингвуд. А как быть с оружием и другим снаряжением?

- Я скажу Дженни, что займусь приготовлениями для тусовки, - сказала Эрика. - Закажу целую кучу разных костюмов и масок, выпивку, симпатичные салфетки, воздушные шарики и другие пустяки и попрошу доставить эти вещи рано утром. Я проверю всё заранее вечером и дам знать дирекции отеля, что жду несколько поставок, так что они будут в графике. Я буду так беспокоиться, чтобы на вечеринке всё было в порядке, что заранее сама спущусь к погрузочной площадке отеля, так что когда ваши парни доставят несколько больших ящиков на ручных тележках, смешанных с заказанным для вечеринки барахлом, я буду там и постараюсь, чтобы вы прошли без всяких трудностей.

Сыграю роль сумасбродной "девушки из долины" - *гимназистки из Энцино*. Эти мексиканцы и ниггеры... Боже, как хорошо, что с вами, парни, можно говорить "ниггер"! ... в любом случае все типы, которые там работают, будут так пришиблены приходом звезды и заняты разглядыванием моей груди, что даже не взглянут на ваши лица, когда вы пойдёте к служебному лифту. Выйдете на моём этаже и пройдёте в мой номер как работники службы доставки. Видеокamеры увидят, как вы вошли и вышли, уже без коробок, и ваше оружие окажется в здании. Сама группа спокойно пройдёт в течение дня, скажем, с часовыми промежутками. Пусть ваши люди по-настоящему стучат в двери, чтобы их впускали: если охранники увидят, что все эти незнакомые люди пользуются электронными карточками-пропусками, они могут что-нибудь заподозрить. В любое время, когда вы решите выдвинуть группу в "Кодак", они выйдут в залы в вечерней одежде и масках, делая вид, что направляются на вечеринку. Вам нужно найти какой-нибудь способ скрыть оружие от видеокamер, но разве это не идея, от которой можно танцевать?

- Вы чертовски правдоподобно это придумали, Эрика! - воскликнул поражённый Рэндалл.

- Я переехала в Голливуд из Сиэтла в четырнадцать лет, - ответила она Чарли. - Интриги и заговоры - это воздух, которым мы здесь дышим. Должна вам заметить, что школа Беверли-Хиллз, возможно, дала бы пару уроков самому семейству Борджиа. Мне придётся большую часть дня провести в Президентском номере, делая вид, что развлекаюсь, но как только я отмечусь и получу карточку-ключ к потайной двери, нам надо придумать способ, чтобы я передала эту карточку одному из вас для копирования.

- Я сделаю это для вас, - сказал Брюер. - Я - ваш агент, так что никто ничего не подумает, увидев нас вместе.

- А что с видеозаписями на дисках в аппаратной охраны? - спросил Рэндалл. - Знаете, после того как заварится каша, не нужно быть гением, чтобы понять, как мы пришли и

ушли, а ФБР и министерство внутренней безопасности будут прочёсывать цифровые записи с этих видеокамер частым гребешком. Они опознают, по крайней мере, некоторых из нас, с помощью ГРЛ, и захотят узнать, что мы делали в номере Эрики Коллингвуд.

- ГРЛ? - спросила Эрика.

- Голографическое распознавание лиц, - пояснил Хилл. - Федералы сделали этот метод таким же точным, как и снятие отпечатков пальцев. Сегодня с помощью ГРЛ они могут опознать человека даже по фотографии со спутника, сделанной из космоса, если угол правильный.

Хилл постучал пальцами.

- Итак, нам необходимо или сформировать вторую команду, чтобы взорвать аппаратную охраны "Голливуд Ройял", или ты должен будешь сделать это сам, Мик, во время отхода. Что-нибудь вроде взрывчатки "Семтекс" или такой же мощной, чтобы надёжно уничтожить носители памяти в их компьютерах.

- Возможны большие сопутствующие разрушения, - сказал Брюер. - Плюс бомба может не уничтожить записи, как мы хотим.

- Или... может..., - задумался Хилл. - Барри, можете вы получить какую-нибудь схему этой аппаратной охраны, которая просто подсказала бы нам какую кнопку надо нажать, чтобы вытащить из пульта пишущий дисковод, и мы сможем просто *украсть* видеофайлы вместо того, чтобы пытаться взорвать здание и уничтожить их, причём возможна неудача?

- Я поручу это нашему человеку, - сказал Барри.

- У нас здесь храбрая маленькая дама, и не хочется сделать дело и удрать, оставив для ЗОГ большую красную стрелку, указывающую прямо на неё, - сказал Рандалл.

- Ну, есть способ обойти это и прикрыть меня, - сказала Эрика. - Начните стрелять прямо в середине церемонии вручения премий, в момент, когда Марти Рудин и Нат Тернер Томас поднимутся на сцену, чтобы получить премию "За лучший сценарий".

- А не те ли это двое разнорасовых пидорка? - спросил Рандалл.

- О, да, - сказал Брюер. - И они всё ещё бахвалятся, что первыми вступили в законный брак гомосексуалистов в Калифорнии.

- Хорошие цели для начала, но почему именно они? - спросил Рандалл.

- Потому что я веду церемонию награждения премией "За лучший сценарий" - ответила Эрика. - По приказу Сида Глика и Арти Бернстайна, как бы в знак признания моей красоты, таланта и так далее, но, как и всё остальное в этом городе, на самом деле это означает не то, чем кажется. Я прекрасно понимаю, на что эти два жиды этим мне намекают, и они знают, что я это понимаю, и втайне надо мной подсмеиваются. Высокомерная *шикса* никогда не получит собственного Оскара, и это их способ растравить рану, милостиво позволяя мне вручать на сцене награду, которая мне никогда не достанется. Старый голливудский способ повернуть нож в ране, вроде как быть вечной подружкой невесты, но никогда - самой невестой. Некоторых бедолаг - актёров и актрис - которые исчеркали целые тетради именами евреев с киностудий, год за годом приглашают ведущими, и несчастные из года в год соглашаются на это, потому что не могут остаться на обочине и быть исключёнными из волшебства.

Пусть я никогда не смогу получить Оскара за фильм, но, чёрт побери, если я не выиграю в этом году один приз, театральный, и одновременно не прикрою свою фигуру. В конце концов, кто заподозрит красивую молодую глупышку, которая стояла прямо на линии огня, когда началась стрельба, и чьё потрясение и ужас будут повторяться на ТВ сотни тысяч раз в следующем месяце и в будущем? Я хочу сыграть эту роль вживую, перед

миллионами зрителей, и собираюсь появляться на экранах новостей впоследствии, в залитом кровью вечернем платье от Прада, и это будет лучшая роль в моей жизни.

- Но никто никогда об этом не узнает, Эрика, - мягко заметил Брюер. - Пока не напишут книги по истории через много, много лет.

- Я буду знать, - улыбнулась она. - И этого будет достаточно.

- К чёрту это! - резко вмешался Рэндалл. - Голая правда в том, что *ты сама* будешь на линии огня! Эрика, там будут не только стрелять, но и взрывать ручные гранаты, не говоря уж об ответном огне полицейских и частных телохранителей. Начнётся бардак, пули будут свистеть вокруг как попкорн в автомате, и никто из нас не поручится за твою жизнь хоть на секунду. Кровь на этом вечернем платье от Прада, о котором ты говорила, может оказаться твоей собственной.

- Я понимаю это, - бесстрастно произнесла Эрика. - Знаете, парни, это прозвучит очень странно, и мне меньше всего хочется, чтобы вы решили, что я немного с приветом и склонна к самоубийству. Я - не псих. Но мне всё видится примерно так: я во многом несу ответственность за то, что произойдёт со всеми этими людьми в этот вечер. Я поступаю так, потому что всей душой чувствую, что это справедливо, но а если я ошибаюсь? Я должна принять на себя ответственность за это решение и ответить за последствия. Это означает, что я должна бросить мое имя в колесо смерти Мрачного Жнеца вместе с их и вашими именами и рискнуть, по крайней мере, так же как и вы. (*Смерть - "Старуха с косой", по-английски - "Мрачный Жнец", - Прим. перев.*).

Мне самой удивительно сознавать, что я способна на убийство, но мне действительно будет трудно прятаться в номере отеля, в то время как вы рискуете всем, и стоять в стороне, когда происходит то, чему я помогала. Можно сказать, что так я прошу Бога прямо дать мне понять, права я или нет. Чейз не хотел быть там, где он оказался, и он не заслужил того, что с ним случилось, но ему страшно не повезло. Я ставлю себя в его положение по собственному выбору, потому что в любом случае, в вечер Оскара счета должны быть подведены. Боже, вы, наверное, думаете, что я потеряла голову! - вздохнула она.

- Нет, - покачал головой Рэндалл. - В этом есть смысл, это достойно и благородно. Только не очень разумно. Знаешь, Эрика, лучшее, что ты можешь сделать для Чейза и для себя, это стать хорошим солдатом, и после того, как война закончится, построить Республику для нашего народа, которая будет нашим домом и защитой от грязи, против которой мы выступим через пару ночей. Хороший солдат храбр, но не безрассуден и не глуп. Я думаю, что здесь ты переходишь эту грань.

- Если федералы начнут к ней принохиваться, это будет идеальным прикрытием, - неохотно признал Брюер. - По крайней мере, все бы точно знали, где она была и что делала, когда начался ад кромешный.

- У церемонии вручения премий более жёсткое расписание, чем у любой железной дороги, - тихо сказала Эрика.

- Начало церемонии в 17:30, а вручение премии "За лучший сценарий" запланировано между 18:48 и 18:53. Пусть ваши люди будут на местах в 18:48 и спустят курки, и давайте надеяться, что эти два пидора не решат прийти в женском платье, чтобы вы могли хотя бы приказать стрелкам не стрелять ни в кого сцене, кто одет в вечернее платье.

Глава XX

Оформление сцены

*Сам король вперёд проехал,
Чтобы видеть битву.*

Король Генрих V – Акт IV, Сцена 3

- Выдержит ли она? - спросил Хилл, когда они отъехали от дома Эрики Коллингвуд.

- Если у тебя есть хоть какие-то сомнения, Барри, сейчас самое время их обсудить.

- Я тоже так думаю, - сказал Брюер. - В любом случае, она - наша единственная надежда на решение нашего задания изнутри. Я могу кое-что сделать сам, но ты должен понимать, что я - мелкий игрок в киноиндустрии. Мои клиенты в основном играют эпизодические роли в мыльных операх и комедийных телесериалах, и по голливудской шкале Рихтера моё влияние едва заметно. Я наверно смогу достать эту важную карточку-ключ к потайной двери, если нужно. Достаточная сумма кому-нибудь из персонала "Ройяла" должна помочь. Но когда потом начнётся следствие, моё присутствие бросится в глаза любому, знакомому со здешней иерархией, как корова в церкви, и можешь не сомневаться, что ФБР и полиция Лос-Анджелеса дадут этому делу в суде полный ход. При этом я не смогу провести в отель семь человек с оружием и спрятать их на несколько часов, пока не наступит время действовать. Мы должны принять помощь Эрики.

- Пока мы не заметим каких-нибудь признаков противного, будем считать, что Эрика выполнит свою часть работы, - деловито решил Рэндалл. - Мы также должны уточнить детали скрытного перемещения нашей группы из её номера в отеле на огневые позиции. Мне беспокоят все эти видеокамеры слежения в "Кодаке", так как надо полагать, что все мониторы в аппаратной охраны будут задействованы, и в ходе церемонии множество операторов будут отслеживать всё, что происходит в каждом из коридоров и на общедоступной территории.

Как ты говорил, наиболее вероятно, что мы будем не единственными, кто попытается ночью проникнуть в театр и сорвать церемонию вручения Оскаров. Нам нужно найти способ вывести из строя систему видеокамер хотя бы на одну-две минуты, пока наши люди войдут в здание, пробьются к этим проекционным будкам, проникнут внутрь и возьмут под прицел всю площадь обстрела. Нам не нужно, чтобы стрельба началась преждевременно, раньше, чем избранные окажутся на мушке.

- Я поручил добровольцу Келлерману поработать с информацией по пульту охраны и проводке в аппаратной, которую мы смогли получить, но он ещё ничего не придумал, - сказал Хилл.

- Смотреть планы этажей и схемы очень даже хорошо, но я сам должен *увидеть*, где планируется провести атаку, - решительно сказал Рэндалл. - Другого выхода нет. Придётся пойти в этот театр ночью и побродить по нему. Желательно перед рассветом, когда там никого нет. Думаю, Кошкин Глаз тоже должен пойти со мной, чтобы осмотреть огневые позиции и зону поражения. Тот паршивый тур с экскурсоводом, который дирекция театра организует для туристов, этого не позволил. И мне нужно встретиться с тем охранником из "Центуриона", который собирается быть нашим человеком внутри, чтобы, по крайней мере, один из нас, из тех, кто будет там вечером, знал, кто это, и как он выглядит, а мы сможем разобраться с тем, что он будет делать вечером, и не подстрелим своего. Ты должен

устроить это для меня, Рип. Мы можем войти под видом ремонтников или бригады уборщиков и т.п.

- Потребуется несколько дней, чтобы получить для вас поддельные нагрудные карточки и пропуска, - сказал Брюер.

- Да, и мы нарежем точно такие же, - сказал Рэндалл. - Тем более всё нужно делать быстро.

- Я попробую устроить это завтра ночью, но, может, выйдет послезавтра, - пообещал Брюер. - Наш человек - только сержант, и он должен быть очень осторожен во всём, что делает, и к чему имеет доступ. "Центурион" шпионит за собственными людьми для уверенности, что они ведут себя хорошо.

На деле лишь через две ночи, в восемь часов вечера Чарли Рэндалл и Локхарт Кошкин Глаз появились у служебного входа в переулке за театром "Кодак". Они приехали на украденном и зачищенном микроавтобусе с поддельным названием "Прохлада Калифорнии" - вполне реальной компании - поставщика оборудования для обогрева и кондиционирования воздуха в Долине. Парни были одеты в засаленные рабочие комбинезоны с надписью "Крутые парни" и в грязных бейсболках на головах. В руках у них были длинные покоцанные металлические ящики, в каждом из которых лежали инструменты и электроприборы, под ними - автоматы "Узи" с запасными обоймами, а в поясах для инструментов были скрыты пистолеты.

На карманах рубашек у парней болтались официально выглядящие значки подрядчика театра "Кодак", на шеях висели поддельные карточки-ключи, но была надежда, что их не придётся использовать, чтобы компьютер в диспетчерской не заметил ничего подозрительного.

В дверях служебного входа их встретил сменный сержант "Центуриона" Стерлинг Фаррелл, здоровяк лет сорока в фирменной белой рубашке, фуражке и чёрных брюках. У Фаррелла на его мускулистой правой руке виднелась татуировка в виде штыка, пронзающего змею с бородой имама. Штык держал в когтях американский орёл, раскинувший крылья, а весь рисунок перекрывало число "101". Приветствия были краткими. Локхарт посмотрел на татуировку. Спросил:

- 101-ый авиадесантный?

- "Кричащие орлы", ура! - подтвердил Фаррелл. - Стерлинг Фаррелл, бывший старший сержант. Багдад, Тикрит, Шираз, Тегеран, Каир и сектор Газа. Ты Данди или Джонс сегодня вечером? Не знаю, есть ли смысл в кличке, ведь твою фотку передают по "Фокс Ньюс" каждую неделю.

- Думаю, нет. Джесси Локхарт, - сказал Кот, протягивая руку. - Багдад, Тикрит, Рамади, Шираз, Дамаск и Хартум.

- Да, я знаю, - сказал Фаррелл, пожимая ему руку. - Ты не помнишь меня, но я разок видел твою работу в Тикрите.

- Это - "Крокодил Данди", - сказал Локхарт. - Ты поймёшь, почему мы его так зовём, как только он откроет рот.

- Сколько времени у нас, соратник? - спросил Рэндалл.

- Официально я сейчас на обеде, - сказал Фаррелл. - Это - полчаса, но я могу немного потянуть время перед тем, как должен отмечаться с моим обходом.

- Мы были на дневной экскурсии, - сказал Рэндалл. - Видели фойе, всякий киношный хлам и внутреннюю часть самого театра, и они позволили нам немножко побыть на сцене, и это - всё. Сегодня вечером мы хотим осмотреть пространство за сценой, верхние уровни и коридоры, и подобраться как можно ближе к аппаратной охраны.

Сверху слышались голоса, в основном испанская речь, стук молотков, грохот и музыка сальсы по радио или с компакт-диска.

- Сегодня вечером по всему зданию стоит этот грохот, - заметил Рэндалл.

- Ну да, именно поэтому я предложил Рипли, чтобы вы приехали во вторую смену, а не в два часа утра, - сказал Фаррелл - Больше шансов, что вы пройдёте незамеченными, когда в здании много рабочих и наладчиков оборудования и аппаратуры. Они кончают работу в одиннадцать, а в ранние часы вы были бы не к месту. Видеокамеры повсюду. Я покажу их вам, когда будем проходить мимо. В аппаратной охраны сейчас только двое сотрудников.

Одна из них - девка, которая всё время треплется по мобильнику, когда думает, что меня нет рядом, а другой - большой краснокожий из глубинки Юкатана, который едва говорит по-английски. Может, индеец поумнее, чем выглядит, но если и так, то он хорошо это скрывает. Они будут видеть нас, но просто подумают, что я сопровождаю подрядчиков по зданию, пока вы работаете с вентиляцией или с чем-нибудь ещё. Хотя после большого вечера ФБР и министерство внутренней безопасности прочешут все цифровые записи с микроскопом и будут всех нас разыскивать, поэтому после веселухи я должен как можно скорее проделать фокус Гудини.

- Не волнуйся, друг, мы заберём тебя по пути в Портленд прежде, чем рассеется дым, - пообещал ему Рэндалл. - Что точно они строят в театре?

- Сбивают сборную платформу за местами для зрителей, на которой будут размещены все телекамеры, операторы и оборудование для прямой передачи, боковые платформы для дополнительных камер, микрофонов на штангах и так далее. Ну, пойдём, - предложил Фаррелл.

- Поднимаемся по лестнице. Во всех лифтах установлены видеокамеры, с которых можно получить крупный план, если кого-нибудь что-то заинтересует. Что точно вы хотите увидеть? - спросил он, когда они поднялись на один пролёт лестницы и оказались за сценой.

Теперь стуки и звук пил звучали громче, проникая в театр снаружи.

- Давай начнём эту частную экскурсию со старой Зелёной комнаты, - предложил Рэндалл. - Я хочу сориентироваться, начиная со входа в так называемый тайный ход, который сам по себе не такая уж страшная тайна, с известной потайной двери.

Фаррелл провёл их вокруг задней части сцены, где широкий и ячеистый отсек с полом из линолеума был доверху заставлен опорами, мебелью, громкоговорителями, пюпитрами, стульями и другим имуществом. Он показал налево.

- Эта дверь - тот самый проход под сценой, который ведёт в оркестровую яму, - пояснил он.

- Мы можем взглянуть? - спросил Рэндалл.

- Подождите немного, пока камера не отвернётся, - сказал Фаррелл, кивая на серебристую металлическую коробку с красной лампочкой на стенке, которая поворачивалась, осматривая свою зону.

- Это - единственное удачное место за кулисами, - сказал он. - Если вы присмотритесь, то увидите, что между моментом, когда камера доходит до крайне левого положения, и началом поворота назад, есть промежуток примерно в пятнадцать секунд, когда дальняя часть за кулисами находится вне поля зрения камеры и наоборот. Обычно здесь навалено много барахла, так что достаточно ловкий человек может за ним спрятаться на полу, когда камера повернётся к нему, и пройти по всему этажу незамеченным. Это то, что вам нужно, парни?

- Оно самое, - ответил Рэндалл. Камера медленно отвернулась.

- Пошли, - скомандовал Фаррелл.

Все быстро проскочили к двери в задней части сцены. Фаррелл толкнул засов, дверь открылась, и они попали в маленький проход, тускло освещённый лампами дневного света, с полом, покрытым линолеумом и стенами из крашенных шлакобетонных блоков.

- В двери нет замка? - с интересом спросил Локхарт.

- А теперь также никакой охранной сигнализации, - добавил Фаррелл. - Замок с этой стороны сняли несколько лет назад, потому что музыканты оркестра и рабочие сцены постоянно шастали взад-вперёд, теряя карточки-ключи, и регистратор сигналов тревоги всё время распечатывал происходящее, так что мы расходовали целый рулон бумаги за одну репетицию со всеми этими карточками и распечатками случаев тревоги.

Работники и музыканты постоянно жаловались, что надо прикладывать карточки с обеих сторон двери, и компания согласилась снять замок и датчики сигнализации с этой двери, чтобы покончить с их нытьём и сэкономить немного бумаги в аппаратной охраны. Но дальняя дверь с того конца, что ведёт в оркестровую яму, будет заперта на электронный замок на время церемонии, чтобы разные чокнутые не смогли пройти на территорию театра и выскочить перед камерами, хотя эта сторона не будет поставлена на охрану. Хотите взглянуть на оркестровую яму?

- Ну, не думаю, что это нужно, - сказал Рэндалл. - Наш план не предусматривает, чтобы добровольцы находились в зоне театра с местами для зрителей или в фойе, кроме, возможно, меня самого, когда мы придумаем, как вывести из строя все эти камеры.

- Это будет сложно, - согласился Фаррелл. - Меня даже не пустят в аппаратную охраны во время представления, даже если бы мне удалось придумать объяснение, почему я не на своём посту. Аппаратная охраны опечатывается с семнадцати тридцати, когда мы выходим в прямой эфир. Никто не имеет в неё доступа кроме Марвина Хейгермана, вице-президента компании, который и будет на деле всем распоряжаться. Я не вижу другого способа сделать это, кроме как просто вломиться в аппаратную и разнести всё к чёртовой матери!

- Пожалуй, придержим это на крайний случай, - заметил Рэндалл. - Давай также оставим эту часть нашей экскурсии напоследок. Где ты будешь в тот вечер?

- Я отвечаю за контроль на главном входе, металлоискатели и так далее. Обычно это недурная работёнка, потому что видишь всех входящих знаменитостей, хотя *очень важные персоны*, само собой, не проходят через металлоискатель. Жаль, что мы не можем заставить одну из этих звёзд пронести оружие или взрывчатку.

Локхарт и Рэндалл переглянулись, но промолчали.

- Если вы сможете как-нибудь пробиться через переднюю дверь, я с вами, или если у вас будет нужда во мне где-нибудь ещё, я могу попробовать придумать причину "отключить" посты или пробраться куда нужно, хотя это и сомнительно, - сказал сержант.

- Понял, - сказал Рэндалл. - Тем временем мне пришло в голову, что этот проход здесь был бы лучшей точкой для начала атаки, когда я крикну "свет", "камера", "начали". Ты раньше здесь работал во время настоящего вечера Оскара?

- На последних трёх, - сказал Фаррелл. - Я был одним из тех, кто в прошлом году сумел стащить с мостков голожопую Бриттани Мэллой, чтобы она с них не прыгнула. Оказывается, она носит бюстгальтер с накладками, а на руках следы уколов. Я также был одним из тех, кто заклеил ей рот плёнкой и вытащил через потайную дверь в "Ройял", так что эта потайная дверь мне знакома с обеих сторон.

- У кого-нибудь из сотрудников "Центуриона" есть карточки-ключи к этой двери? - спросил Рэндалл.

- Есть одна карточка в аппаратной охраны, но она под замком, а ключ в сейфе для оружия, и карточка вставлена в паз с сигнализацией, если кто-нибудь попробует её вынуть, -

сказал Фаррелл. - Право вынуть её имеет только начальник смены. Я не пользуюсь карточкой при обычном исполнении своих обязанностей, а моя должность недостаточно важная, чтобы открывать сейф для оружия, поэтому я не вижу способа достать карточку и не попасться.

- А что ещё есть в сейфе для оружия? - спросил Локхарт.

- Пять автоматических винтовок "М-16" со специальными лицензиями Бюро БАТФЕ, тысяча патронов, восемь звуковых шоковых гранат, винтовка-транквилизатор и три стрелы, - перечислил Фаррелл.

- Ружьё-*транквилизатор*? - изумлённо переспросил Рэндалл.

- Его применяют, когда кого-нибудь надо утихомирить, но для студий это слишком ценный кадр, чтобы по нему стрелять или бить током, - пояснил Фаррелл. - Обычно это какая-нибудь большая звезда, которая обдолбалась или напилась до чёртиков и совсем отбилась от рук. Мы хотели стрельнуть из этого ружья по цыпочке Мэллой в прошлом году, но побоялись, что она шмякнется с мостков и затмит презентацию премии "За лучший фильм" во всех смыслах этого слова. Её лифчик и трусы, сыплющиеся на сцену, уже были скверным делом. Если вы видели достаточно, пошли дальше.

Фаррелл выглянул из-за двери и посмотрел на видеокамеру.

- Пора.

Они стремительно бросились через сводчатый проход в коридор, покрытый коврами, и успели проделать это прежде, чем видеокамера пошла назад и захватила их.

- Вот эта самая Зелёная комната, или была ей до нынешнего года, - пояснил Фаррелл, показывая на две больших двойных дубовых двери. - Она заперта, и двери на сигнализации. И будет заперта в вечер Оскара, для уверенности, что знаменитости не прокрадутся сюда и не начнут творить свои мерзости, а воздержатся от такого поведения и поведут себя, как требуется студиям. Хотя в этом коридоре нет видеокамер наблюдения, для гарантии, чтобы важные шишки могли показывать свои задницы по-тихому, как в то время, когда здесь была Зелёная комната. Потайная дверь - здесь.

Он провёл всех вдоль короткого бокового коридора и показал стальную дверь с мигающей красной лампочкой на электронном блоке из чёрной стали.

- Здесь замок для карточек.

- Она сейчас заперта? - спросил Локхарт.

- Да, - кивнул Фаррелл.

- Нормально, - сказал Рэндалл. - Предположим, что мы провели нашу группу сюда, и мы - в здании. Покажи мне, как отсюда незаметно вернуться к тому проходу в оркестровую яму.

Фаррелл провёл их назад к открытому сводчатому проходу, который вёл за кулисы.

- Камера - прямо над этим входом, - напомнил он. - Всё, что вы должны сделать - это чуть высунуться и оглядеться, и если вы окажетесь прямо под видеокамерой, вас не будет видно. И ... пошли!

Они легко вернулись к проходу под сценой и в коридор прежде, чем камера повернула обратно.

- Это нетрудно, но что, если сюда вечером заглянут люди, которые увидят наших парней? - спросил Локхарт.

- Их не будет, - ответил Фаррелл. - Одна из наших мер безопасности состоит в том, что во время самой церемонии после первого номера вход в эту зону запрещён. Гримёрные для артистов балета и ревю - этажом ниже в подвале, и они звукоизолированы. Мы не подпускаем никого так близко к сцене во время самой церемонии, и если заметим у камер каких-нибудь незваных гостей или пьяных, то вернёмся сюда и вытолкаем их раньше, чем

они успеют нарушить порядок, начнут выкрикивать непристойности, которые будут слышны на сцене, и тому подобное.

- И никаких охранников здесь не будет? - спросил Рэндалл.

- Будет человек на мостках, но он должен следить за сценой и зрителями, а также за входами, для верности, чтобы больше не случилось таких скандалов как с Бриттани Мэллой, - ответил Фаррелл. - Он вообще не будет смотреть вниз, и даже если наклонится, то всё равно сможет увидеть только заднюю часть закулисного пространства. Следите за тем, чтобы держаться здесь поближе к заднему занавесу, и он вас не заметит, даже если посмотрит в этом направлении.

- Если здесь кто-нибудь появится и увидит нашу входящую группу, ему конец. Для этого и нужны глушители, - мрачно произнёс Рэндалл. - Теперь нам надо прогуляться до коридора третьего этажа и этих проекционных будок. Куда идти?

- К лестничным клеткам с обеих сторон за кулисами, - ответил Фаррелл. - Как вы помните, сам театр имеет овальную форму, и коридоры, ведущие от каждой из этих лестничных клеток к проекционным будкам с обеих сторон здания, северной и южной, очень похожи. Хорошо, камера слева, пошли.

Они прошли коридор.

- Должен предупредить вас, что на лестничных клетках и в коридорах есть камеры, и нас будет видно. Как я говорил, те двое болванов в аппаратной охраны, наверно, не обратят на вас никакого внимания, так как с вами я, но ведите себя как механики по кондиционерам воздуха, если мы кого-нибудь встретим.

Навстречу никто не попался. Поднявшись на третий этаж, они повернули направо вниз в зал, покрытый коврами тёмно-фиолетового цвета, и попали в короткий боковой коридор, ведущий к северной стене проекционной будки.

- А я могу попасть в эту будку? - спросил Локхарт, когда они нырнули в зал.

- Я прикинул, что вы захотите войти в будку, так что заранее отключил замки и сигнализацию на них обоих, перед вашим появлением сегодня вечером, - сказал Фаррелл.

- Добрый человек! - одобрительно воскликнул Рэндалл.

Фаррелл открыл дверь, и все вошли в комнату большего, чем они ожидали, размера.

- Проектор сейчас находится в убранном положении, - сказал Фаррелл, показывая на массивную машину с основанием на колёсах. - В вечер Оскара проектор установят в переднее положение, а линзы выдвинут из этого отделения. Вам придётся отодвинуть его назад.

- Эээ, возможно и нет, - сказал Кот. - Сейчас я подумал, что смогу занять правую сторону, а мой напарник - левую, и проектор послужит нам дополнительной защитой от ответного огня с пола театра.

Он осторожно глянул вниз на нижний этаж и увидел группу чернорабочих мексиканцев, собирающих столы в зоне для почётных гостей прямо перед оркестровой ямой.

- О, это будет шанс! - восторженно воскликнул Локхарт. - Чудесно! Другому стрелку и мне самому придётся использовать открытые прицелы, потому что мы разберём наше оружие, чтобы пронести его в отель, а телескопические прицелы собьются, но на таком расстоянии они нам и не нужны. Нам нужна только поправка на снос пули при стрельбе. Отсюда примерно 30 метров до ближнего края зоны поражения и 60 - до дальнего, а до самой сцены около 40 метров. Здесь достаточно высоко для хорошего обзора, большой угол, но не такой острый, чтобы наклоняться и напрасно высовываться, что нам пришлось бы проделывать при ведении огня из той частной ложи. Хорошая чёткая позиция для огня по

большинству лож у южной стены, и у Рона будет такая же выгодная позиция для стрельбы по ломам у северной стены.

- У двери каждой будки сидит охранник, верно? - спросил Рэндалл.

- Точно. И один киномеханик внутри, - уточнил Фаррелл.

- Кот, главное требование неожиданности для вас, парни - это оказаться здесь достаточно быстро, как только я скамандую "вперёд", и раньше, чем кто-нибудь сможет вызвать охранников по радио и даст им понять, что стряслось. Тогда у них не будет время вытащить оружие и, возможно, предупредить зрителей, приказать нашим клиентам падать на пол, бежать или прятаться, - подчеркнул Рэндалл. - Именно поэтому мы не можем позволить себе, чтобы штурмовую группу увидели на экранах внутреннего наблюдения.

- Однако есть кое-какие хорошие новости, - сказал Фаррелл. - Процедура немного изменилась, и те карточки-ключи, которые я дал вам, будут теперь действовать и в проекционных будках. Вам не придётся отбирать карточку у охранника, мёртвого или живого. Между прочим, согласно журналу о распределении заданий на обеих дверях будут ниггеры. Один из них - просто жирная ленивая скотина, у которого даже оружие наверно не в порядке.

Другой - здоровенный гаитянин с плохими зубами, буйный психопат, которого "Центурион" обычно использует, чтобы кого-нибудь припугнуть или настучать по башке. Ему побоялись запретить дежурить в вечер Оскара, за что полагаются сверхурочные и премия, так как он - такой тип, который может пойти и расстрелять главную контору. Но постарались убрать с глаз долой и подальше от знаменитостей на случай, если он сорвётся. Ни одного из них не жалко. Я сказал, что ваши карточки-ключи будут действовать, если к тому времени что-нибудь не напугает ответственного за контракт или клиента. Какая-нибудь внезапная угроза или предупреждение из полиции или министерства внутренней безопасности, и они сменяют все коды и карточки-пропуска, тогда мы по уши в дерьме, - закончил Фаррелл.

- Перекрести пальцы, дружище, - посоветовал Рэндалл. - До сих пор у них нет ни малейшего подозрения, что Добрармия в городе.

Фаррелл кивнул.

- Если бы у них были подозрения, вы уже сейчас почувствовали, как они сходят с ума. Они или отменили бы церемонию вручения премий, или запечатали бы это место так плотно, что муха не пролетит.

- Верно. У меня сейчас мелькнула идея, - сказал Рэндалл. - На схемах, которые ты достал для нас, за аппаратной охраны показаны какие-то входные точки для оборудования обогрева и кондиционирования воздуха. Мы можем сейчас подойти туда?

Фаррелл провёл их через дверь, повернул направо, затем через зал на другую лестничную клетку. Тремя этажами ниже оказался другой коридор, где Фаррелл повернул налево.

- Не прячьтесь от видеокамер, - сказал он. - Место, куда мы идём, называется техническим пространством первого этажа, где расположены все эти трубопроводы и воздушные насосы. Четыре из них в здании управляют системой вентиляции. Не будет ничего необычного, если туда подойдут механики по кондиционерам воздуха.

В техническом пространстве пол оказался из необработанных досок, стены были покрыты розовой стекловолоконной изоляцией, и стоял постоянный шум от целой паутины больших квадратных алюминиевых воздуховодов.

- Никаких видеокамер? - спросил Локхарт.

- Ни единой, - ответил Фаррелл. - Только снаружи в коридоре.

- Хорошо, - сказал Рэндалл.

- Мне кажется, я знаю, что ты ищешь, австралиец, но это не здесь, - сказал Фаррелл. - Ты надеешься найти какой-то электроцит, верно? Такого счастья не будет. Электрическая система для аппаратной охраны подключена вообще не здесь. Она соединена с главными связными и силовыми кабелями в распределительной коробке под полом самой аппаратной. Поверь, я сам искал способ обрезать кабель или выключатель и тому подобное, как только мы выяснили, что надо отключить часть или все эти видеокамеры. Но он не здесь. Здесь только вентиляционные воздуховоды.

- Точно, одни воздуховоды, - подтвердил Рэндалл. Он взглянул на стену, где на пробковой плите были прикреплены чертежи для удобства инженеров-строителей и механиков по кондиционерам.

- Сверхлюбезно с их стороны, оставить это здесь для нас, а?

Он несколько минут изучал схемы.

- Так вот к чему это сводится. Мы не можем придумать никакого другого способа частично или полностью отключить систему видеокамер слежения. Нет кабеля, который мы могли легко перерезать, по крайней мере, мы не знаем, где его найти. Отдельные камеры установлены настолько высоко и труднодоступны, что выводить из строя каждую в отдельности было бы слишком медленно и тяжело, и охрана слишком быстро узнает, что у них что-то не в порядке, и среагирует прежде, чем наши ребята займут позиции. Такой вывод?

- Так и есть, - согласился Локхарт.

- Поэтому, раз мы не можем уничтожить сами камеры наблюдения, "отключим" типов, которые следят за экранами от этих камер, - сказал Рэндалл.

Он прошёл вдоль одной из стен и нашёл один из больших квадратных воздуховодов со стороной более метра. Проверил номер на пластинке, привинченной к обшивке, затем вернулся к схеме на стене и нашёл этот номер. Затем вернулся к воздуховоду и наклонился, чтобы осмотреть входную решетку размером примерно сорок на шестьдесят сантиметров.

- Простые крестообразные винты. Хорошо, и вот как мы это сделаем. Если схема там точная, по этому воздуховоду кондиционированный воздух подаётся в аппаратную охраны. Я вхожу сюда, а вы шестеро сосредотачиваетесь на исходной позиции для атаки в том небольшом проходе под сценой в 18:48. Отвинчиваю эту пластину, сую две - три гранаты со слезоточивым газом "Си-Эс", и через пару секунд все охранники "Центуриона" выбегают из аппаратной через дверь. У них внутри есть какие-нибудь противогазы, товарищ Фаррелл?

- Думаю, есть штуки три - четыре, в сейфе для оружия, - сказал Фаррелл. - Необходимый код доступа к нему на своей карточке-пропуске имеет только ответственный за безопасность объекта на этот вечер - тот самый вице-президент по оперативным вопросам, которого я называл. Ты сказал в 18:48?

- Или около того, - ответил Рэндалл. - Во время вручения премии "За лучший сценарий". Мы начинаем выдвигаться с началом презентации, снимаем охранников, входим в проекционную будку и опускаем крышку, а когда пидоры начинают ответную речь, открываем огонь.

- Откуда ты знаешь, кто победит? - спросил Фаррелл с любопытством.

- Ясно, что получают премию эти двое педрил, потому что существует обязательная квота для извращенцев, а в этом году - их очередь, - ответил Рэндалл. - Согласно нашему источнику, это широко известно. Но кто бы ни победил, это будет презентация, сценарий которой мы перепишем красными чернилами.

- Хорошо, если Хейгерман будет находиться в аппаратной охраны, как раз перед 18:48, я что-нибудь придумаю, чтобы вызвать его к главному входу, - сказал Фаррелл. - Когда ваш газ подействует, единственный человек, который может войти в сейф, причём в

нём не только противогазы, но и тяжёлое оружие, окажется вне аппаратной охраны. Им придётся уносить оттуда ноги. Газ просочится в фойе, в ресторан и бар, и начнётся заваруха среди всех этих папарацци, водителей и другой мелочи, которые торчат там во время церемонии, потому что им не досталось мест. В такой неразберихе они до начала стрельбы не узнают, что происходит. Двери в сам театр на время презентаций закрываются, а они - звуконепроницаемые, так что зрители могут без помех слушать оперу или другие представления. Ко времени, когда газ попадёт в театр, или там заметят, что в фойе позади них что-то происходит, вы, парни, уже должны начать косить жидков.

- Чёрт, при отходе я просто для смеха брошу в фойе ещё пару гранат с газом, - пообещал Рэндалл.

* * *

За день до церемонии вручения Оскаров штурмовая группа "Стоп, режиссёр" в полном составе собралась в одном месте - большом частном доме с зелёной лужайкой и шипящими фонтанчиками по 20-й улице в Санта-Монике. Это было очень рискованно, поэтому несколько членов группы стояли на страже, и командиры групп должны были проинструктировать их позднее. Однако это была важная операция, которую до сих пор проводила Добровольческая армия Северо-Запада. Каждый доброволец - мужчина или женщина - выполнял определённые обязанности, и всех нужно было ввести в курс дела. Единственными отсутствующими были местные участники операции, то есть Барри Брюер, Стерлинг Фаррелл и Эрика Коллингвуд. Этой тройке не было никакой необходимости встречаться со всей портлендской ударной группой, а её членам - встречаться с ними.

Все собрались в большой гостиной.

- Прежде чем начать, нам, по-моему, нужно поздравить нашего интенданта, лейтенанта Кристину Экстрем с выполнением её первого боевого задания, - стоя перед собравшимися, с улыбкой произнёс Хилл.

Раздался гром аплодисментов и поздравлений.

- Кража полицейской машины - это боевая операция? - усомнилась Кристина.

- Если рискуешь получить пулю, это - боевые действия, - подтвердил Хилл. - Надёжно ли спрятаны обе полицейские машины?

- Да, в том частном гараже, который я тебе показывала, - ответила Кристина. - Добровольцы МакРиди и Гирхизер отлично переокрасили машины и уже подготовили на них доки, чтобы изменить номера. Вы их не отличите. Я хочу отдельно поблагодарить отсутствующего, но действительно "Талантливого мистера Рипли". В дополнение к просто роскошному приёму и размещению, да, роскошному по сравнению с привычными для нас условиями, он, как фокусник доставал мне всё, что нужно. Главным образом бутафорию и костюмы из костюмерных самих киностудий, хотите - верьте, хотите - нет. У нас есть две формы полицейских Лос-Анджелеса, с портупьями и принадлежностями, инструменты механиков по кондиционерам для Мика и Кота, использованные вчера вечером, шесть смокингов для остальной части группы, сами знаете. Он даже предложил попробовать и достал официальное вечернее платье с длинными рукавами и высоким воротничком, чтобы скрыть татуировки Кики, если бы она захотела пойти в таком виде. Раздался смех.

- Значит, я должна бегать и воевать на высоких каблуках. Нет уж, - фыркнула Кики.

- Руководить операцией с начала и до конца буду я, - продолжил Хилл. - Пожалуйста, кто-нибудь выключите свет.

Лампы медленно погасли, и один верхний проектор высветил схему этажей театра "Кодак" на одну из стен, а второй аппарат показал план отеля "Голливуд Ройял".

- Само проникновение в театр и атаку проведут семеро добровольцев. В Красную огневую группу входят добровольцы Локхарт, Уинго и Маги. Золотая группа включает добровольцев Колчака, Гаусса и Вошберна. Командиром всей штурмовой группа будет лейтенант Рандалл, а внутри театра действуют активные сотрудники Третьего отдела. Вам будет доложена общая обстановка, чтобы вы знали, что мы намереемся скрытно выждать момента атаки прямо в гуще противника, на четырнадцатом этаже отеля, полного тусующихся кинозвёзд. И возможно это будет самая необычная маскировка, когда-либо применявшая в истории войн, начиная с троянского коня. Мы думали, что наш агент будет вынужден снять номер на этаже, который находится двумя этажами ниже тех двух, которые заказаны для вечеринки знаменитостями Голливуда, но мне сообщили, что фактически мы получим доступ в номер на нижнем из этих двух тусовочных этажей.

Номер комнаты я сообщу только тем бойцам, которым необходимо его знать. Но мы сможем проникнуть из "Голливуд Ройяла" в театр "Кодак" совершенно незаметно, так как видеокamеры слежения на этих этажах были отключены, чтобы для потомков не осталось видеозаписей гнусного поведения этих "благородных" людей, с риском последующей продажи компрометирующих клипов бульварным газетам, шантажа и т.д. Как всегда, товарищи, Боги нас благословляют. Я заметил, что так происходило уже много раз, с тех пор как мы решили бросить бегать по улицам с лозунгами, в идиотской одежке и взялись за оружие.

- Воистину, - произнёс один из добровольцев. - Несомненно, Он - с нами. Или Они, как предпочитают некоторые из нас.

Хилл улыбнулся.

- Сейчас номер заказан и занят, а некоторые наши материалы уже там, включая важнейшие электронные карточки-ключи. Проникновение штурмовой группы в отель начнётся завтра в восемь часов утра на погрузочной площадке "Голливуд Ройял", куда товарищи Бишоп и Вальдемар под видом водителей службы доставки внесут коробки для вечеринки, которая будет проводиться в пентхаусе на крыше. В этих коробках будет оружие, боеприпасы и оборудование, которые нужны для атаки. Это ты всё устроила, Крис?

- Нет, снова мистер Рипли, - ответила Кристина. - Микроавтобус "Лос-Анджелесская доставка-молния", два комплекта рабочих комбинезонов, ручные тележки и всё прочее.

- Славно, - оценил Хилл. - Добровольцев Бишоп и Вальдемара встретит на грузовой площадке наш человек из актива Третьего отдела, а также поможет им после регистрации и в грузовом лифте. Они внесут коробки в номер отеля и будут чётко видны видеокamерам наблюдения, чтобы уйти тем же путём, которым прибыли.

- Что за человек, сэр? - спросила Сью Вальдемар.

- Хорошо, коснёмся этой темы, поскольку вас это прямо касается, - сказал Хилл. - В отеле, а позже и в театре в ходе церемонии будет некто, кто в данном вопросе жизненно важен для дела завоевания независимости Северо-Запада, и кто останется бесценным и в будущем. Если вы много смотрели телевизор или кино, возможно, вы узнаете этого человека. Или подумаете, что узнали, потому для нас этого человека нет. Его или её никогда там не было, и вы забудете, что когда-нибудь видели его или её. Вы не будете называть его или её имя своим товарищам, и упоминать среди своих товарищей и кого бы то ни было, до тех пор, пока война не закончится, и не будут отменены положения о военной тайне. Этот человек рискует своей жизнью и всем, что у него есть в этом мире, чтобы помочь родиться нашей новой стране, а он или она могут потерять намного больше, чем большинство из нас. Было бы трагично и очень печально, если бы он или она погибли, только потому, что кто-нибудь был ошеломлён встречей со звездой и не смог удержать язык за зубами. Я повторяю:

он или она *не существует*. Даже под пыткой, если это случится, этого человека *там никогда не было*. Всем это понятно?

- Я никогда не встречал этого человека, и всё же я уже не помню его, - подтвердил Локхарт.

Хилл кивнул.

- Отлично! Теперь, как только оружие будет на месте, вскоре после этого начнётся выдвижение в отель "Голливуд Ройял". Каждый член группы проходит в отель отдельно. Вы в гражданской одежде, как репортёры, поклонники и актеры навеселе, пойдёте с часовыми промежутками, без оружия, на случай, если придётся проходить через какие-нибудь металлоискатели. Отель должен быть полон людей, занятых разными делами, связанными с наградами Киноакадемии, так что вы должны пройти незамеченными. Первым идёт лейтенант Рэндалл.

Вы пройдёте, не возбуждая никаких подозрений в номер отеля, который вам назовут. Вам также сообщат условный стук. Попав в номер, вы берёте оружие, переодеваетесь в смокинги, включая товарища Маги, что для неё будет довольно полезно. Если она будет в мужской одежде, противник позже не сможет понять, что они ищут, по крайней мере, одного подозреваемого - женщину.

Вам дадут маски для вечеринки, так что если придётся выйти в зал, люди решат, что вы - обдолбанные и пьяные знаменитости со свитой, направляющиеся в номер под крышей на главную оргию. Один совет по смокингам: убедитесь, что у вас хорошие, разношенные чёрные мужские туфли. Кик, тебе нужна пара чёрных кроссовок, или что-нибудь, что ты сможешь подобрать из утренней доставки, и разноси их, когда вы попадёте в отель. Ребята, вам придётся бегать и, возможно, лазать; вы же не хотите делать это в новых, жёстких туфлях из лакированной кожи, которые натрут ноги и отвлекут вас.

В номере отеля вы также соберёте португалии-разгрузки для снаряжения. В такой разгрузке будет радиостанция и одноразовый мобильный телефон. Мобильник нужен для экстренной связи с внешним миром, по номерам, которые уже будут введены в телефон.

Группы будут постоянно на связи друг с другом и с лейтенантом Рэндаллом, по радио, а не по телефонам. В каждой разгрузке будут также две ручных гранаты, один противогаз, одна дымовая граната, а также автоматический пистолет с глушителем в кобуре, главным образом калибра 5,6 мм, но есть также несколько штук калибра 7,62 мм. Ребята, когда будете готовиться к атаке, разберитесь, кто и какое личное оружие возьмёт.

Чарли Рэндалл продолжил доклад

- Мы намерены нанести удар во время ответной речи при вручении премии "За лучший сценарий", которая начинается примерно в 18:48. Я узнал, что эти церемонии проводятся точно по расписанию, чтобы прошла вся реклама спонсоров, и мы можем уверенно рассчитывать, что всё произойдёт вовремя. Это значит, что, дав ведущим церемонии несколько минут для объявления победителей, мы открываем огонь примерно в 18:51.

Нам снова везёт: в программе нет никаких показов клипов из фильма, выдвинутого на приз "За лучший сценарий", так что мы сможем войти в проекционные будки, ничем не нарушив процесс церемонии. Точно в 18:30 я сам выйду из номера отеля, одетый в спецовку ремонтника кондиционеров воздуха как прошлым вечером. В служебном лифте спущусь на уровень гаража отеля. Затем войду в коридор, ведущий в театр "Кодак" по электронной карточке-пропуску, которую мне достанут. Добровольцы Локхарт и Колчак также получают по одной из этих карточек. Будем надеяться, что они сработают, иначе выполнение боевой задачи немедленно прекращается. Я войду в театр по лучшему и наименее отслеживаемому маршруту, который согласован с одним из наших людей внутри. Если мне воспрепятствуют,

я устраню противника из пистолета с глушителем. Затем я попадаю в техническую зону вот здесь, и занимаю свою позицию, - он показал её стрелкой на схеме. - Тем временем, в 18:40 остальная часть группы покидает номер отеля, надев новые хирургические перчатки. Ваши лица будут скрыты под масками для вечеринки, разгрузки надеты, а тяжёлое оружие вы понесёте в брезентовых спортивных сумках, которыми мы вам предоставим. Вы также войдёте в "Кодак" по тому же маршруту.

- Ты сказал, что вдоль этого подземного хода *совсем нет видеокamer*? - недоверчиво спросил "Майк-Пулемёт" Гаусс.

- Только до открытой двери сводчатого прохода за кулисы и складской зоны, - подтвердил Рэндалл.

- По иронии судьбы мы используем в своих интересах "дыру" в системе безопасности противника, которая была специально создана, чтобы позволить самым привилегированным членам американской правящей элиты беспрепятственно предаваться отвратительным извращениям и разврату, которые никто не увидит и не осудит, - усмехнулся Хилл. - В этих коридорах и лифтах здесь и в "Кодаке" нет никаких камер наблюдения или охранников, чтобы уберечь звёзд от возможных последствий их поведения, и они уже несколько поколений пользуются неприкосновенностью. Наконец-то, завтра вечером некоторые из них заплатят за эту неприкосновенность своими жизнями. Я бы назвал это идеальной справедливостью.

- Теперь я доложу вам, как пройти мимо вращающейся камеры к месту сосредоточения перед атакой, то есть к входу в этот коридор под сценой, ведущий в яму оркестра, вот здесь, - сказал Рэндалл, указывая на него стрелкой. - Огневые группы нужно проникнуть в точку сосредоточения для атаки, достать тяжёлое оружие из сумок, собрать, поставить на предохранители и зарядить его, снарядить все дополнительные под сумки для патронов и закрепить противогазы на разгрузках.

- Да, каждому из вас будет выдана обычная лыжная тёмно-синяя маска из шерсти, - добавил Хилл. - Когда вы с закрытыми лицами попадёте в проход в оркестровую яму, я хочу, чтобы после снаряжения всего вашего оружия, вы сняли маски для вечеринки, убрали их и надели лыжные маски. Мне не по душе, чтобы в эту историческую атаку наши добровольцы шли с мордами клоуна, Бивиса и Батхеда, Билла Клинтона и тому подобного мусора. Я хочу, чтобы на видеозаписях камер наблюдения были настоящие лыжные маски террористов, хорошо? Понимаю, это звучит глупо, но мы не хотим, чтобы народ видел видеозаписи наших добровольцев, одетых как клоуны или как Дракула. Такое событие врежется в память людей.

Как только вы достанете всё из мешков, сложите их и соберите в один большой вещмешок. И помните, что при отходе вы должны на секунду остановиться и *забрать этот вещмешок* с собой. Мы не хотим, чтобы фэбээровцы нашли его и получили отпечатки пальцев, волосы и неизвестно что ещё на масках для вечеринки.

- Итак, я дам примерно две минуты на всё, чтобы вы скрытно собрались у входа в коридор, - продолжил Рэндалл. - Я должен получить от вас сигнал, что вы на месте и готовы к выдвижению. К этому моменту я уже сниму вентиляционную решётку с воздуховода кондиционера. И буду следить за ходом церемонии по своему мобильному телефону с беспроводным телевидением. Когда я услышу, что вы, ребята, на месте, а ведущий церемонии награждения "За лучший сценарий" начал трепаться, то надену противогаз и закину три гранаты с газом "Си-Эс" во входной воздуховод.

Дам тридцать секунд на то, чтобы все выбежали из этой аппаратной, ослепшие и бьющие. Один из наших людей Третьего отдела также обещал устроить шумиху в фойе, так что есть надежда, что в самом театре никто ничего не заметит. Три гранаты - это много

газа, и может быть часть его выйдет обратно через вентиляционные отверстия. Не надевайте свои противогазы, если не почувствуете, что газ действительно начинает на вас действовать. Надеюсь, что мы уже будем далеко до того момента, как газ по-настоящему начнёт распространяться по зданию. Это ещё больше помешает противнику прийти в себя, а также провести первые следственные действия. Через тридцать секунд после того, как я пушу газ, Кот, я скамандую тебе по рации "вперёд", и *тогда уж вы идёте вперёд!* - сказал Рэндалл. - В аппаратной не должно остаться никого, кто мог бы вас заметить. Две огневые группы покидают точку сосредоточения для атаки и поднимаются по двойной лестнице на третий этаж, снимают охрану из пистолетов с глушителями, входят в проекционные будки, отключают киномехаников, но с учётом их расы, и занимают позиции для стрельбы.

Автоматчики прикрытия, товарищи Уинго и Гаусс, размещаются снаружи у входов небольших залов, которые примыкают к каждой будке, и валят любого, кто движется по главному коридору, защищая таким образом двух других добровольцев в своих группах, в то время как те поражают цели. Кот, ты открываешь праздник, и я уже сказал когда. Постарайся уложить этих пидоров первыми выстрелами.

- Будет сделано. Считаю, их нет, - пообещал Локхарт.

- Нам нужна Безумная минута страха и ужаса, - сказал Хилл. - Самая безумная: помните, что это будет передаваться вживую по телевидению на всю страну. Кот, ты и Рон делаете по двадцать точных выстрелов каждый, и помните, что после тех двух первых пидоров для телеэффекта, вы уничтожаете Больших Жидов. Прицелились, выпустили в цель пулю как можно ближе к её центру, насколько это возможно в таком хаосе, и затем перешли к другой цели. Я знаю, это будет трудно, как стрельба по отдельной соломинке во время торнадо. Одна пуля на цель, за исключением, когда в прицеле окажется действительно большой жидяра вроде Сида Глика, Аллена Адлера или Хими Хиршфельда.

Гранатометчики бросят гранаты, по одной, как только начнётся стрельба, и по второй, примерно через тридцать секунд. Они также откроют огонь очередями, в то, что почти наверняка будет воющим вихрем явного безумия, сосредоточившись на группе очень важных персон перед оркестровой ямой. Там не будет невиновных. Любой, кто заслужил там место - это Голливуд по самую макушку и повинен во всех смертных грехах.

В лучшем случае ни одна избранная свинья или сука, которые сядут за эти столики из парижских кафе, чтобы позировать для нас, черни, во всём великолепии высокой моды, не должна выйти из этого театра живой. Но особенно жиды. Помните, какому делу это всё служит, соратники. Голливуд – возможно, *самое страшное оружие* жидов, используемое ими против нашей расы, может быть, в чём-то более мощное и опасное, чем их контроль над федеральным правительством и международной банковской системой. Голливуд - самая большая опора этого нечестивого треножника, и мы должны выбить её из-под них.

- А, кстати, не могли бы вы также приберечь пару очередей для частных лож напротив? - спросил Рэндалл. - Снайперы, вы тоже не забудьте посмотреть в логи и понять, не красуются ли там некоторые наши главные цели, особенно руководители студий.

- Рон будет стрелять немного медленнее, чем я, потому что у него винтовка "М-24" со скользящим затвором, а ёмкость магазина только десять патронов, - заметил Локхарт. - Он должен перезаряжать вручную. Но все мы уловили мысль. Хорошо, теперь, большой вопрос, над которым мы все ломаем голову. Отход. Как только закончится наша Безумная минута, как нам *оттуда* выбираться?

- По той же дорожке, по которой вы пришли, только намного быстрее и с меньшей маскировкой, - ответил Хилл. - Назад вниз по лестнице, убедившись, что при отходе вы забрали тот вещмешок со всеми остальными сложенными в него мешками, масками и всяким хламом, через потайную дверь, бегом, уничтожая всех, кто встанет на пути или

выстрелит в вас. Как только вы окажетесь на стороне "Ройяла", то, не возвращаясь в отель, проходите через подземный гараж вдоль дальней стены, пригибаясь за припаркованными машинами, чтобы остаться вне поля зрения камер слежения в аппаратной охраны "Ройяла".

У въезда на Хайлэнд-авеню вас встретят добровольцы Экерт и Пилевски в форме лос-анджелесских полицейских, которые поведут машины полиции Лос-Анджелеса, новенькие с иголки, благодаря способностям к угону Туза и Кристины. Красная группа садится в одну машину, Золотая группа - во вторую, включаются сирены, и только вас и видели.

- А что с соратником Данди, командир? - спросила Кики.

- Я последую за вами, но мне придётся сделать небольшой крюк, - пояснил Чарли. - Мне надо вернуться в "Ройял", войти в аппаратную охраны и забрать накопитель на жёстких дисках с цифровыми записями за день работы отеля, для того, чтобы федералам было труднее понять, как мы со всем этим справились. У меня намечен свой собственный путь отхода. Итак, друзья, таков скелет операции. Остаётся ещё много подробностей, которые нужно уточнить, а сейчас есть вопросы?

- А какво наихудшее развитие событий, Оскар? - спросил Локхарт. - Предположим, что-нибудь пойдёт не так, а мы уже внутри, и ясно, что до того, как мы займём позицию и начнём наши согласованные действия, они на нас нападут.

- В этом случае, или если к моменту окончания представления награждённых Оскаром "За лучший сценарий" вы не получите от меня сигнала к атаке ..., что следующее по программе, Оскар? - спросил Рэндалл у Хилла.

- "Лучший режиссёр", - ответил Хилл.

- Если ты не получишь от меня сообщение ко времени начала представления премии "Лучший режиссёр", считайте, что я убит или схвачен. Тогда вы поднимаетесь на сцену из-за занавеса, ликвидируете всех на подиуме, затем падаете на пол и из-за укрытий, декораций, опор и т.п., начинаете стрелять по сектору очень важных персон и частным ломам прямо со сцены, - сказал Рэндалл, обращаясь ко всем. - Это чертовски неудобно, рампа и прожектора будут светить вам в глаза, все вы будете освещены и хорошо видны противнику, но если что-то действительно сорвётся, то будь я проклят, если уйду со сцены, не прихватив с собой несколько изнеженных голливудских ублюдков, и я уверен, что все мы думаем одинаково. Если мы попадём в ловушку, то погибнем в бою. Я знаю, что не должен спрашивать, все ли вы готовы к этому. Вас не выбрали бы для этого задания, если это было бы не так.

- Одно замечание, - сказал Хилл. - Я уверен, что в своё время все вы должны были видеть нелегальные копии "*Храброго сердца*", даже после его запрещения, вместе со "*Страстями Христовыми*" и всеми остальными фильмами Мэла Гибсона. Вспомните финальную сцену, когда шотландский герой умирает с криком "*Свобода!*" В этом наихудшем случае, если, Боже упаси, он произойдёт, попытайтесь погибнуть так, чтобы эти жидовские выродки слышали ваш клич – "*Свобода!*" Я хочу, чтобы они поняли, с кем имеют дело.

Необходимо посмотреть телевизор

*И крайне жаль, что мерзкую селитру
Из безобидной благостной земли
Выкапывают, чтобы погубить
Так много славных рослых малых...*

Король Генрих IV – Акт I, Сцена 3

В 8:30 утра в день церемонии вручения премий Американской киноакадемии, Чарли Рэндалл находился на явочной квартире, которую Добрармия выбрала как пункт сбора. Добровolec Кен Бишоп позвонил Рэндаллу на один из его мобильных телефонов.

- Здравствуйте, это мистер Данди? У нас есть три мешка корма для кенгуру валлаби, которые вы заказывали. Вам их доставить?

- Нет, я заберу их сам, - ответил Рэндалл. - Пока, дружище.

Он отключился.

- Все три ящика в гостинице, - сообщил он присутствующим, одетым в свободную и нарядную одежду неярких тонов по высокой южно-калифорнийской моде и со смартфонами "Блэкберри" на поясах.

- Хорошо, я иду первым. Мне надо с полчаса, чтобы добраться туда, учитывая пробки. Как только я позвоню и дам добро, остальные следуют за мной с часовыми интервалами. Каждому из вас будет назначен водитель другого пола, который высадит вас за квартал до отеля, и оттуда вы пойдёте пешком. Лейтенант Экстрем, проследи, чтобы водители каждый раз сменяли машины, и один-единственный автомобиль или внедорожник не сновал туда-сюда. Уличные камеры кабельного телевидения могут это записать, а в полицейском штабе кто-нибудь обратит внимание, что одна и та же машина то приходит, то уходит в одно и то же место. Если вы заметите по пути что-нибудь хоть чуть необычное, немедленно прекратите движение и доложите Оскару. Он свяжется со мной. Не пытайтесь связаться прямо со мной, пока не окажетесь в номере отеля.

- Я буду вашим водителем, сэр, - сказала доброволец Дженни Хоулдстофт.

- Тебе повезло. Сегодня хороший солнечный денёк. Ты, как командир, бери "Ягуар", и мы поедem с опущенным верхом.

Через полчаса Рэндалл появился в "Ройяле" с камерой, висящей на шее, и значком-пропуском для прессы от крупной австралийской газеты на отвороте рубашки. В фойе была толча: туристы, агенты кинопрессы и журналисты, посыльные и служащие отеля, СМИ и поклонники. Он без труда зашёл в лифт и поднялся на четырнадцатый этаж. Проверил, что красная лампочка камеры наблюдения в зале не горит, а затем три раза быстро постучал в дверь номера 1401, и снова дважды, медленнее.

Эрика Коллингвуд открыла дверь. На ней была тёмно-коричневая кожаная юбка, сандалии и белая шёлковая блузка с парой расстёгнутых верхних пуговиц. Рэндалл вошёл внутрь, и, не говоря ни слова, прошёл через номер с четырьмя комнатами и совмещённой кухней, высоко держа электронный прибор для поиска подслушивающих устройств. Номер оказался чистым.

Три больших картонных ящика лежали на полу в одном из углов. Рэндалл подошёл к одному из них, вскрыл карманным ножом, достал револьвер "Ругер .22 Беаркэт" и глушитель, который наворачнул на дуло. Эрика смотрела словно зачарованная. Затем взял пристёгивающуюся внутреннюю кобуру, надел на ремень, сдвинул на поясницу, убрал

оружие в кобуру и натянул на неё подол рубашки. После этого открыл свой мобильник и позвонил. Ответила Кристина Экстрем.

- Спасибо за звонок в Общество защиты животных округа Лос-Анджелес, - вежливо ответила она. - На кого переключить ваш звонок?

- У вас есть вомбаты? - спросил Рэндалл. - Я собираюсь взять штуки три.

- Эээ, нет, сэр, боюсь, что сейчас у нас нет вомбатов, - ответила Кристина. - Может быть, я могу заинтересовать вас милым котиком? У нас есть один, которому нужен хороший дом.

- Он приучен к порядку? - спросил Рэндалл.

Кристина не сдержалась и хихикнула. Рэндалл отключился.

- Хорошо. Я только подтвердил, что всё в порядке, и все три ящика здесь. Следующий человек уже в пути. Как всё прошло сегодня утром?

- Моё выступление было успешным, - ответила Эрика, внезапно вспомнив, что надо застегнуть блузку. - Я была права. Эти мексикакашки и один белый занимались только мной и пялили глаза на мою грудь. Мы могли пронести пару танков, а они бы и не заметили.

- Я не проходил через металлоискатели, когда шёл сюда, - заметил Рэндалл. - Невероятная разница по сравнению с Сиэтлом или Портлендом! Там нужно пройти через металлоискатель и пару проверок каждый раз, когда идёшь в туалет в отеле первого класса вроде этого. Мы убрали слишком много нехороших людей в таких местах. Как ты держишься, Эрика?

- Нервничаю больше, чем даже когда я снималась в моей первой серьёзной кинопробе на роль в двенадцать лет, но не бойся, это - только волнение перед выходом на сцену, - успокоила она. - Я не подведу вас. Я готова к этому, безо всяких "но".

- Ты - молодчина, - сказал Рэндалл.

- И что теперь? - спросила Эрика.

- Мы ждём. Следующий человек должен быть здесь примерно через час. Вся группа должна собраться к полудню. Что-нибудь здесь намечается, о чём я должен знать? Я не заметил никаких пьяных кинозвёзд в коридоре.

- О, никто из настоящих звёзд никогда не встаёт до полудня, - сказала Эрика.

- Ты же встала - возразил Рэндалл.

- Ну да, но, в общем, я должна была выйти в восемь, помнишь? - улыбнулась она. - Если хочешь стать актрисой, ключ к сердцу любого режиссёра - это, когда тебя вызвали на шесть часов, ты на месте точно в шесть, в гриме, с ясными глазами, хвостик морковкой и готова играть. Я раньше получала роли, оттеснив намного более известных актрис, просто потому, что отношусь к своему ремеслу серьёзно. Режиссёры знают, что когда я на съёмочной площадке, то думаю только о деле, точно выполняю эти шестичасовые вызовы, трезвая, не с похмелья и готова работать на камеру.

- Когда-нибудь ты станешь самой большой звездой на Родине, - пообещал Рэндалл.

- Мы победим? - прямо спросила она.

- Да, мы сражаемся. Но можем упустить свой шанс. Всё может рухнуть. Они не могут нас победить, хотя мы сами можем потерпеть поражение из-за какой-нибудь глупой ошибки. Однако Соединённые Штаты уже никогда не будут прежними. Независимо от того, что случится с нами, сегодня вечером или после него, мы вписали неизгладимую страницу в книгу истории, когда хотя бы некоторые белые мужчины наконец восстали после столетия притеснений и оскорблений, и наша раса не уйдёт смиренно в небытие. За прошлые два года мы разрушили так много политически корректных мифов, что я даже не могу сосчитать их.

Скажу тебе больше, Эрика. Возможно, у нас не хватит сил переделать мир по нашему вкусу или даже вернуть себе его малую часть, которую мы требуем у этих ублюдков. Но мы

вполне можем добиться того, что и они не смогут создать *их* "Дивный новый мир", эту большую плантацию потребителей, где маленькая банда жидов, кретинов от науки и белых пидоров в деловых костюмах сидит на веранде и потягивает мятные коктейли, трахая всё, что движется. В то время как остальная часть мира - батраки цвета кофе - вкалывают на фабриках и в офисах этих тварей, тратят ничтожную заработную плату на суррогатную еду и дрянные блестящие игрушки и поклоняются клоуну Рональду Макдоналду, не имея ни расы, ни культуры, ни Бога, ни национальности, без смысла жизни и смерти кроме проклятых денег и бездумных развлечений. Если всё это не может когда-нибудь снова стать миром белого человека, ей-богу, он никогда не будет принадлежать жидам!

Тут он заметил, что она странно смотрит на него.

- Прости. Я опять сел на своего конька.

- Нет, я восхищена, честное слово, - искренне ответила она. - Послушай, мистер Данди или Мик, или неважно, какое у тебя настоящее имя, я должна признать, что всё это немного странно для меня, но не в плохом смысле. Я слушала тебя сейчас, и внезапно меня поразила мысль, что за всю свою жизнь я никогда не встречала мужчину, *настоящего* мужчину моей собственной расы.

- А Чейз? - спросил он.

- Чейз был всем, что современная феминистка мечтает видеть в партнёре, - ответила Эрика. - Боже! Ты слышал, я только что сказала "партнер", а не "супруг". Думаю, это показывает, как глубоко на нас подействовала вся эта политкорректная социальная инженерия и психологическая обработка.

- В точности как писал Джордж Оруэлл в романе "1984", - согласился Рэндалл. - Управляя языком, они, в конечном счёте, управляют мыслями. Я пытаюсь немного противодействовать этому, обращаясь к тебе *мисс* Коллингвуд.

- Спасибо, но Эрика тоже хорошо, - засмеялась она. - Чейз был добрым, нежным и надёжным, весёлым выдумщиком и, между прочим, он потрясающе целовался.

- Знаешь, это совсем неплохие качества для мужчины, - мягко напомнил ей Рэндалл. - Мне кажется, что ты могла встретить парня намного хуже.

- Да, знаю, но это - *всё*, что в нём было, - сказала Эрика. - Похоже, что сегодня так обстоит дело со многими белыми мужчинами, которые во всём остальном в порядке. Как будто одна половина в них отсутствует. Та твёрдая, сильная половина, что когда-то привела нашу расу к завоеванию почти всего мира и сделала мир таким, каков он сегодня. Сила, храбрость, стойкость, воля к власти и преодолению препятствий, которыми наши люди когда-то отличались, а теперь этого больше нет.

- Старик называет это альфа-геном, - сказал Рэндалл.

- Да, кажется, в наши дни он исчез у белых мужчин. Если он у них вообще сохранился, то в какой-то странной, изменённой форме вроде одержимого бессердечного честолюбия и погони за деньгами, или, может, проявляется во внезапных психических взрывах, которые всегда застают тебя врасплох, когда ты думаешь, что хорошо знаешь парня. А остальные, похоже, просто сдались и смирились с нашим собственным уходом. Ты был бы поражен, сколько моих знакомых белых считают просто само собой разумеющимся, бесповоротным фактом нашей жизни, что белая раса вымрет через одно-два поколения, и мы все станем кофейного цвета, как ты сейчас сказал, когда увлёкся.

У Чейза было всё, что я когда-нибудь хотела видеть в мужчине, за исключением этого, - сказала она печально. - Не пойми меня неправильно, я любила и всё ещё люблю его. Но сейчас мне впервые пришло в голову, что я *выбрала его* только потому, что знала: он будет лучшим из тех, кого я смогу когда-нибудь найти. Я не знала, что прежние образцы ещё существуют, - добавила она с печальной улыбкой.

- Да, немного, но есть, - с улыбкой ответил Рэндалл. - Только трудно доставать запчасти.

- Намекаешь мне бросить на тебя страстный взгляд и спросить, сколько у нас осталось времени до того, как следующий доброволец постучит в дверь? - попыталась она перевести всё в шутку.

- Это лучшее предложение за весь день, - галантно ответил австралиец. - Но даже если ты всерьёз, я не могу принять его. Сначала дело, потом удовольствия, в конце концов.

- Да, я так и думала, - кивнула Эрика. - Но если мы оба уцелеем, и всё пройдёт гладко, ты знаешь мой телефон, и где я живу.

- Приглашение принято. Я, правда, хочу лучше узнать девушку, которая читает Генри Лоусона, - сказал Рэндалл, и она поняла, что он имеет в виду. - Можешь считать, что ты в моём списке заданий на будущее.

Она засмеялась.

- Теперь скажи, у тебя есть здесь кабельное ТВ, а? Я должен следить за местными каналами новостей, смотреть, не назревает ли что-нибудь вокруг церемонии Оскара или в городе, имеющее к нам отношение, хотя мистер Рипли говорит нам, что пока всё идёт по плану. Когда ты должна появиться на гулянке в пентхаусе?

- Не раньше часа. Я должна подняться помочь Джейни и договориться с рестораторами. Примерно в шестнадцать тридцать мне нужно будет спуститься сюда и переодеться в платье от Прада.

- Ребят уже предупредили, что ты не существуешь, - сказал Рэндалл. - Можешь поверить, что они сохраняют твоё имя в тайне, насколько это возможно для любого человека в схожей ситуации.

- Не волнуйся, - ответила Эрика. - Я это имела в виду, когда просила тебя, чтобы моё имя было в одной шапке со жребиями вместе со всеми вашими именами. Это - честь.

Час спустя раздался условный стук в дверь. Рэндалл посмотрел в глазок, увидел Кота Локхарта и открыл дверь. У Локхарта были фальшивые усы, тёмные очки и бейсболка для обмана любой программы распознавания лиц, если бы его зафиксировала камера слежения. Кот оторвал усы и снял шляпу, когда они вошли в гостиную номера.

- Зараза, щиплет! Так вот как живёт другая половина! - воскликнул Локхарт, изумлённо свистнув. - Шикарно.

Эрика встала с дивана. Локхарт был поражён.

- Эээ..., будь я проклят, если вы ...

- Она - никто, - подсказал Рэндалл. - Её здесь нет, помнишь?

- Теперь мне, правда, жаль - сказал Локхарт, восхищённо качая головой. - Простите, мадам. Я немного ошарашен встречей со звездой, но думаю, что вы к этому привыкли.

- Это я должна быть поражена, мистер Локхарт, - сказала Эрика, пожимая его руку с некоторым трепетом. - Думаю, что в прошлом году ваше лицо показывали в эфире чаще, чем моё. Боже мой, как вы можете ходить открыто, когда весь мир вас выслеживает?

- Вы - актриса, так что должны знать ответ, - сказал Локхарт. - Просто внушаешь себе, что всё время находишься на сцене, двадцать четыре часа, семь дней в неделю. Выбираешь образ и живёшь в нём, никогда не позволяя себе забыть роль, которую играешь. Каждый встречный на улице или в этом отеле или где-нибудь ещё - твой зритель, но стоит тебе лишь раз сплеховать в игре, и ты пропал. Смерть - это последняя плохая рецензия.

- Вот это да, речь о полном погружении в образ! - воскликнула Эрика, качая головой от удивления.

- Тебе самой придётся играть эту роль, с сегодняшнего дня, - напомнил ей Рэндалл.

- Господи, а ведь ты прав! - признала Эрика.

- Начиная с сегодняшнего вечера, - уточнил Локхарт. - Мэм ...
- Эрика, - поправила она.
- О'кей, Эрика, как я понял из инструктажа, ты будешь представлять премию "За лучший сценарий" тем двум педикам?
- Да, верно, - подтвердила она. - Я надеюсь, что вы - такой же хороший стрелок как о вас говорят, мистер Локхарт.
- Можешь звать меня Кошкин Глаз или просто Кот, - сказал Локхарт. - Все так называют, даже тот козёл с канала "Фокс Ньюс", который добавил сто тысяч долларов собственных денег к награде для детективов за мою поимку. Послушай, я знаю, что уже вроде поздновато об этом говорить, но ты хоть понимаешь, что сама можешь получить пулю? Мы будем стрелять без наших обычных телескопических прицелов, потому что никак не сможем настроить их после разборки и повторной сборки оружия. И Рон и я, оба - мастера в своём деле, но в этом закрытом пространстве со всем его шумом и беспорядком может случиться что угодно. Там будет бойня! - прямо рубанул он.
- Она это понимает, - сказал Рэндалл. - Поэтому каждый из вас, шестерых, должен увидеть её, и понять, что она - с нами, убедиться, что она - не очередная дура-блондинка из Голливуда и не годится на роль мишени. А после вы сотрёте этот файл из вашей памяти.
- Принято, сэр. Но тут такое дело, Эрика. Я стреляю первым. Когда два этих фрукта поднимутся на сцену и вместе встанут на подиуме, ты должна спокойно отойти на пару шагов. Дай мне немного пространства про запас.
- Плохая идея, - качнула она головой. - Счастливчик, ты совершенно не знаешь, как ведут себя в нашем "городе мишуры". В Голливуде стыдливым мимозам делать нечего. Мы *всегда* стараемся отвлечь внимание от другого актёра, став впереди него в любой момент, когда работают камеры или кругом пресса. Это настолько обычно в нашем городе, что любое отклонение от такого поведения будет выглядеть подозрительным.
- Я не знаю, смотрел ли ты когда-нибудь вручение Оскаров, но если смотрел, то помнишь, что ведущие всегда стремятся как можно дольше находиться перед камерами. И после того, как они вскрыли конверт, а победитель или победители стоят на сцене, ведущие *всегда* стараются остаться в кадре, даже если они просто топчутся на заднем плане. Иногда они даже переигрывают победителей за их спинами к большому неудовольствию студий, но это стало своего рода привычным делом. Если я отступлю от Нэта и Марти во время их ответной речи и уйду с твоей линии огня, то ФБР и министерство внутренней безопасности просмотрят записи сто раз, и один из их психологов или физиономистов заметит, что я отошла назад, и задаст вопрос "почему?".
- Она взяла Кота за руку.
- Тебя считают самым лучшим стрелком в мире, Кот. Будь им. Я вручаю тебе свою жизнь.
- Ну, ладно - сказал Локхарт, всё ещё сомневаясь. - Я надеюсь, что это так, потому что второй снайпер и я хотим использовать специальные патроны, которые приготовил для нас отец нашего интенданта. Полностью свинцовые пули без медных оболочек, потому что на таком расстоянии для баллистики они не нужны, со вдавленными носиками, капсюли-воспламенители с гремучей ртутью и сверхгорячий заряд. Мягкий свинец развернётся, а при попадании пули капсюль взорвётся, и каждый выстрел проделает в людях дыры размером с телефонную книгу.
- Спасибо за наглядность, - передёрнуло Эрику.
- Теперь, у меня ещё вопрос к, ммм ..., - Локхарт посмотрел на Рэндалла и почти незаметно кивнул на Эрику, вопросительно выгнув бровь.
- Мик Данди, в этой компании, - ответил ему Рэндалл.

- Хорошо, Мик. Ввиду характера нашего задания здесь, могу ли я, или мы оба оставить наши карты на месте операции? Боже, как хочется!

- Конечно, ведь эта операция, видимо, войдёт в историю как твой шедевр, - усмехнулся Рэндалл. - Не думаю, что ЗОГ сможет разыскивать нас с большим остервенением, чем сейчас. После такой громкой операции, первый, кого в любом случае обвинят, - это ты. Обо мне они не знают ничего, как и должно быть, но они чертовски хорошо знают "Принца Жезлов". Чёрт, дадим знать жидам, что их лучшую команду уложили добровольцы. После вечерних торжеств, идущих первым номером, это потрясёт их ещё больше. Конечно, оставим на месте обе карты.

- Что за карты? - спросила Эрика.

- Наши именные карты, которые мы оставляем на местах атак, - объяснил Локхарт. - Я - "Валет бубен", как ты наверно знаешь из СМИ. Я использую обычные игральные карты, потому что я из линейного подразделения. А этот господин - из Третьего отдела. Мик входит в так называемую "Команду", названную в память знаменитого ирландского революционного вождя Майкла Коллинза, так что он получает гадальную карту таро. Он - "Принц Жезлов".

- Если я когда-нибудь получу свою карту, то хочу быть "Дамой червей", - засмеялась Эрика. - Тогда я смогу крикнуть "Отрубите им головы!"

К трём часам дня все семь добровольцев Добрармии удобно устроились в номере 1401. Эрика провела несколько часов в пентхаусе, устраивая вечеринку с Джейн Джеразимо и болтая с первыми гостями, которые заглянули на запах бесплатной выпивки и наркотиков, а также возможности получить роль в новом фильме благодаря паре остроумных слов или быстрому оральному сексу в одном из туалетов. Единственный раз около трёх часов тишину нарушил какой-то шум за дверью; Эрика только что спустилась в номер и вышла посмотреть, что случилось. Вернувшись, она всех успокоила:

- Всё в порядке". Сеймур Гроссберг из "Уорнер Бразэрс" и Барт Пейн только что поругались из-за доли Барта в прибыли от последнего фильма. Студия буквально вынудила Барта принять авансом десять миллионов, плюс три процента, и теперь он злится. Барт должен был получить, по крайней мере, столько же всего за один уикенд с начала проката, если бы ему дали десять процентов, как он требовал от своего агента Мэнни Скара. Кажется, я говорила, что раньше Мэнни тоже был моим агентом? Интересно, а если Барт всё же узнает, что сам Мэнни получил два процента под столом от Сеймура за то, что уговорил Барта на три? Привычное дело. Когда два еврея встречаются в Голливуде за обедом, то на десерт они съедают клиента-нееврея.

- Это тот фильм о храбрых астронавтах, которые летят в космос, чтобы сбить инопланетян, сговорившихся с мусульманами и планирующих сжечь Нью-Йорк и Тель-Авив своим лучевым оружием? - спросил Ли Вошберн.

- Да, и вырастить инопланетного монстра в животе у Папы Римского, который взорвётся в облачении со свастикой на нарукавной повязке во время Пасхального обращения на площади Святого Петра. "*Ужас с далёких звёзд*", - подтвердила Эрика.

Тут раздался последний условный стук в дверь. Рэндалл открыл её, и вошла Кики Маги в изящном деловом костюме с длинными рукавами, и в чёрных колготках, а также в обязательных лос-анджелесских солнечных очках.

- Славно, это последняя из нас, - сказал Рэндалл.

Он позвонил Кристине, которая ответила от имени известного пицца-бара.

- Я подумал, что должен сообщить вам: пицца с анчоусами, наконец, добралась сюда, - сказал он.

На явочной квартире Кристина обернулась и сказала Хиллу и остальным: "Все они - внутри!"

- Это Барт Пейн был там, в зале? - спросила Кики в номере 1401.

- Ну да, - сказал Ли Вошберн.

- Боже, какой он старый! Джин цветёт на его лице, и ему нужно принять душ или, по крайней мере, побрызгаться каким-нибудь дезодорантом, - заметила Кики. - Я встретила его, выходя из лифта, он глянул на меня как моряк на землю и пытался закадрить. Я сказала ему, что жду кое-кого, а он спросил, что я делаю после Оскаров. И пригласил меня на вечеринку в пентхаусе.

- И что ты ответила? - спросил Рэндалл.

- Я сказала ему, что постараюсь.

- Клёво.

- Ну и девчонка! - восхитилась Эрика.

- Всю жизнь, - кивнула Кики.

- Это - Таня, - представил её Рэндалл.

- Ну, я так и думала, что получу старую кликуху Патти Херст, ведь это же Голливуд, - сказала Кики. - "Смерть сионистским насекомым!"

- Постой, я тебя узнала! - воскликнула Эрика, широко раскрыв глаза. - Ей богу, это же ты попала в большую перестрелку с полицейскими в Портленде в прошлом году! Я узнала Кота и другого парня, Ударника, которые там были, а теперь и ты тоже здесь. Ты - та девушка, которая была ранена и обливалась кровью, но не сдавалась и продолжала стрелять в полицейских на улице! Вот это да!

- Мне никогда не нравилось это видео, - сказала Кики с кривой улыбкой. - Камера показала меня не с лучшей стороны. Я, конечно, узнала тебя, или узнала бы, если ты оказалась рядом. Мой брат реально запал на тебя, и твой рекламный плакат висел в его спальне, когда ему было пятнадцать.

- Круто! - воскликнула Эрика. - Твой брат тоже участвует в этой операции?

- Он вернулся из Багдада в мешке. Точнее, в нескольких мешках. Бедные белые мальчишки, которые растут в дешёвых домах по 82-ой авеню, не получают освобождений от призыва как в школах Беверли-Хиллз.

Кики вдруг вспомнила широко известную историю Чейза Клэйберна и хлопнула себя по лбу.

- Ох, блин! Проклятье! Прости, Эрика, я ляпнула глупость. Мне нужно было помнить. Я ведь видела по телеку, что случилось с твоим другом.

- Ничего, - сказала Эрика. - Ты права, конечно. Чейз оказался там, где он сейчас, потому что я разозлила кой-каких жидов, на случай, если тебе интересно, почему я вам помогаю.

- Правда, прости меня за эти слова, и мне очень жаль Чейза.

- Твои вещи в спальне вон там, - сказал Рэндалл, указывая на одну из дверей. - Иди, проверь всё своё снаряжение, потом давай переодевайся в смокинг.

Эрика прошла за Кики в спальню. Когда та начала снимать одежду для феминисток, Эрика как заворожённая смотрела на её татуировки и шрам на руке, на то, как Кики вынула автомат "Хеклер-Кох МР5", с которым собиралась воевать вечером, проверила патронник, пристегнула ружейный ремень и защёлкнула магазин в запорном механизме, а потом направила глушитель на свой "Ругер .22".

- Послушай, Таня, только пойми меня правильно, я понимаю, что это звучит странно, но ты не возражаешь, если я немного за тобой понаблюдаю, и мы поговорим, когда ты

закончишь? - спросила Эрика. - Я спрашиваю, потому что, может быть, однажды придёт день, и мне удастся сыграть роль женщины, похожей на тебя.

- Я думала, что раз ты здесь, то ты – *такая же*, как и я, - ответила ей Кики, вынимая ручные гранаты из оливково-зелёных картонных кассет и подвешивая их на широкий пояс под удивлённым взглядом Эрики.

- Ооо! Сдаюсь. Просто я всегда изучаю людей, смотрю, как они ведут себя в самой разной обстановке, чтобы столкнувшись с подобной ситуацией в роли, смогла сыграть её правдоподобно. Я снялась в нескольких боевиках и детективах, сыграла женщину-детектива в одном фильме, но мне никогда действительно не нравились эти роли, потому что я *не знала самого дела*. Прости, я знаю, что всё это звучит так, будто я пытаюсь использовать тебя как подопытную свинку или вроде того.

- Я привыкла и к худшему, милочка, - сказала Кики.

- Понятно, что у тебя нет времени, чтобы сесть и рассказать мне историю твоей жизни, да ты и не обязана говорить со мной, если не хочешь, но могу я спросить только одно: почему ты здесь? Почему ты сражаешься?

- У меня есть маленькая дочка, - ответила Кики. - Сейчас ей уже почти четыре. Я хочу быть уверена, что, когда она вырастет, то не станет такой как я.

Кики крикнула в соседнюю комнату: "Джимми, ты не хочешь помочь уложить мне волосы?"

Уинго вошёл в комнату, и пока Кики раскладывала свой смокинг на кровати, он начал заплетать её отросшие волосы в косу.

- Зачем он это делает? - спросила Эрика.

- Женщины-добровольцы по опыту знают, что лучше всего идти на задание с одной косой, которую можно заправить под воротник и за спину, - объяснила Кики. - Тогда волосы не мешают и не бьют по лицу, когда бежишь, прыгаешь и прячешься или целишься и тому подобное. И намного легче носить маску, и коса изменяет твоё лицо, если тебя видят или пишут на камеру. А когда выйдешь из соприкосновения с противником, то можно очень быстро распустить косу, при переодевании, и волосы как обычно падают на плечи, меняя твой внешний вид.

Внезапно телефон Эрики запищал. Она послушала и затем ответила: "Привет, Дженни. Ну, хорошо, сейчас поднимусь". Закрывает мобильник.

- Я должна вернуться в жизнь избранных, подняться наверх и ещё поболтать, перед тем, как опять спущусь и приготовлюсь к своему выходу. Ну, и удачи.

И вышла со смущённым видом.

- Ты у неё не попросила автограф? - спросил Уинго у Кики.

- Ещё одна богатая сучка, которая думает, как это круто вырасти на стоянке домов-прицепов у Мет Роу, - вздохнула Кики. - Что с этими девушками? Что только они воображают о бедности?

- Да ладно, Кот сказал тебе, что она решила стоять рядом с этими двумя пидорами, когда он начнёт? - спросил Джимми. - Она ставит на линию огня не только деньги и славу.

- Если она может стоять не шевелясь, смеяться и болтать на камеру, зная, что она в прицеле у Кота Локхарта, то у неё больше выдержки, чем у меня, - признала Кики.

Кот и Рандалл следили за разными шоу, предвещающими Оскара, щёлкая пультом с канала на канал и выискивая любые события, которые могли бы повлиять на план операции. Чуть позже трёх часов первые звёзды начали появляться у театра, фотографируясь и позируя во время шествия по красной ковровой дорожке. Из коридора снаружи всё громче слышались крики, смех, кудахчущие голоса, глухие звуки ударов и стук, когда любители вечеринок шли по коридору к лифту.

Эрика вернулась около четырёх. Все её гости сидели в гостиной комнате номера в смокингах. Звук телевизора был выключен, а Кики показывала всем большие глянцевые снимки разных боссов студий, актёров, режиссёров и важных шишек Голливуда. Она показала один снимок. "Арт Бернстайн!" - воскликнули несколько добровольцев. Показала другой. "Аллен Адлер!" - раздалась крики узнавших. Кики показала ещё один снимок. "Сид Глик!" - выкрикнул Кот и остальные. Кики подняла ещё один снимок. "Питер Мандел!" - тут же раздалась ответы.

- Это напоминает мне ту сцену в фильме "*Тора, Тора, Тора!*", где японские лётчики готовятся к нападению на Перл-Харбор, - изумленно покачала головой Эрика.

- Похожая ситуёвина. Как вечеринка наверху? - поинтересовался Рэндалл.

- Пока довольно тихо, - ответила Эрика. - Одна мелкая передозировка наркотика, с которой справляется домашний доктор, и кого-то вывернуло на ковер, но вообще только обычный треп.

Большинство звёзд понимает, что они должны остаться в более-менее вертикальном положении в течение церемонии, так что они не включают рога, зная, что будут брошены в машину из "Бетти Форд" или потеряют миллионы а, возможно, и попадут в чёрный список банды Глика. Я должна переодеться в свой вечерний туалет на выход отсюда ко времени, которое для ведущих назначено на пять. Вы забрали всё, что нужно из второй спальни?

- Да-да, - кивнул Рэндалл.

- Слава Богу, я никогда не любила большие модные причёски, - сказала она. - Я всегда была за простой внешний вид.

Она ушла в спальню и закрыла дверь. Простой внешний вид или нет, однако Эрике потребовалось почти пятьдесят минут, но когда она открыла дверь и появилась снова, все в комнате затихли. На Эрике было вечернее платье без рукавов из прозрачной серебристой парчи, туфельки на шпильках в тон, подходящая сумочка, нить жемчуга на шее, серебряный браслет и мерцающие бриллиантовые серьги. Её шелковистые волосы пшеничного цвета текли волной по белоснежным плечам, и даже лучший парикмахер Голливуда не смог бы сделать причёску прекраснее, чем это удалось ей самой с помощью щётки и зеркала.

- Так, по-моему, и выглядит кинозвезда, - одобрительно кивнул Локхарт.

- Если это простой внешний вид, хотел бы я видеть сногшибательный, - заметил Рэндалл.

- Подними свою дурацкую челюсть с пола, Джимми, - довольно резко бросила Кики.

- Я хочу, чтобы вы прислушались к моему совету сделать два шага назад, мэм, - искренне повторил Локхарт Эрике.

- Нет-нет, я всегда сама делаю трюки, - улыбнулась ему Эрика.

- Ладно. Просто помните, что я сказал.

- Один хороший вопль под запись для вечности, затем падаю на пол, откатываюсь под занавес с линии огня и прячусь за любое укрытие, какое только найдётся, - повторила Эрика.

- Я знаю, как ты можешь кричать, - сказал Рэндалл с улыбкой. - Я видел тебя в том ужастике "*Призрак в Бостоне*".

- В "*Жуках*" я кричала лучше, когда была покрыта тараканами, - возразила Эрика. - Живыми, а не искусственными. Команда "Эф-Экс" вывалила из пластиковых коробок прямо на мою голову 70 тысяч тараканов. Думаю, что я проглотила парочку, пока кричала и была их в этой сцене. Но крик сегодня вечером будет моим шедевром.

- Иии-ха! - воскликнула Кики.

Эрика повернулась к группе.

- Я должна идти, - обратилась она ко всем, тихо, но твёрдо. - Очень надеюсь, что снова увижу вас всех, - она быстро взглянула на Рэндалла. - Но если всё закончится не так, знайте, что для меня было честью встретить вас, и я горда и счастлива, что вы позволили мне участвовать в этом незабываемом историческом вечере.

Она подошла к двери и повернула ручку. Другую руку Эрика подняла, но не в национал-социалистическом салюте, что, как подсказало ей актёрское чутьё, было бы перебором, а просто махнула ею на прощанье. Она не выкрикнула, а просто произнесла слово, которое заполнило всю комнату.

- *Свобода!*

- Свобода! - подхватил Локхарт.

- До встречи, малышка, - добавил Рэндалл.

* * *

Добровольцы смотрели вводное ревью и слушали речи по телевизору. Рэндалл уже переоделся в униформу механика по кондиционерам с нагрудной табличкой фирмы, и в его длинном ящике с инструментами были аккуратно упакованы гранаты со слезоточивым газом и автомат "Узи". Пистолет "Ругер" с глушителем уже переключался в наплечную кобуру под комбинезоном, расстёгнутым до пояса для лёгкого доступа к оружию. На поясе для инструментов у него висел радиопередатчик.

- Кордебалет и остальные должны очистить закулисное пространство и гримёрные в подвале ко времени, когда мы попадём туда, - сказал он бойцам. - Охрана не любит, когда кордебалет шатается там после исполнения танцев для хозяев, так что их быстренько выпроваживают из здания. Одно отклонение от последнего инструктажа. Когда выйдёте из номера, не надевайте свои разгрузки, а несите в мешках, потому что коридоры переполнены, пояса могут заметить и сообщить охране отеля. Наденьте их, когда попадёте в точку сбора для атаки в том коридоре под сценой. *Проверьте*, что вы не оставили ничего своего в этих комнатах, и за время между моим и вашим уходом начисто удалите все отпечатки, протерев каждую отдельную вещь, к которой мог прикоснуться кто-нибудь из нас. Кот, ты следишь за программой. Они укладываются?

- До минуты, - ответил Кот. Как раз идёт вручение премии "За лучший документальный фильм". Что мы, наконец, решили со временем выхода?

- Я выхожу ровно в 18:30, а вы - в 18:40, - сказал Рэндалл, взглянув на часы. - Значит, я пойду примерно через шестьдесят секунд. Кот, держи свой радиопередатчик включённым. Я доложу, если будут проблемы, а ты доложишь мне, когда выйдете. Товарищи, я поддерживаю всё, что сказала несуществующая персона, когда уходила. Устроим этим ублюдкам запоминающийся вечер!

Рэндалл взял ящик с инструментами, повернулся и вышел за дверь. В проходе слышался шум, музыка и безумный смех из других номеров. Мужчина в белом смокинге стоял на некотором расстоянии дальше по коридору и монотонно говорил со стеной, видимо, под действием наркотика. Рэндалл вошёл в лифт и спустился вниз на уровень гаража, прошёл по карточке в прачечную и, никого не встретив, нашёл дверь в подземный ход к "Кодаку". Вынул карточку-ключ, скопированную с пропуска, который достала для него Эрика.

"Если она не работает, мы в глубокой...", - подумал он.

Дверь щёлкнула и открылась, бесшумно скользнув в сторону. Длинный, тускло освещённый проход, покрытый коврами, был пуст. Рэндалл включил радиопередатчик и

щёлкнул по нему три раза. В номере 1401 Кот Локхарт сказал: "Готово. Он вошёл в потайную дверь. Его карточка сработала, значит, и наши должны".

В двери с другой стороны не было доступа по карточке-пропуску. Рэндалл просто толкнул дверь, открыл и осторожно выглянул в коридор, ведущий к старой Зелёной комнате. Он был пуст. Со сцены слышалась бубнящая речь одного из лауреатов премии и шум зрителей, которые заполняли театр.

Рэндалл ступил в коридор и вошёл в открытый сводчатый проход, внимательно оглядываясь вокруг. За кулисами было пусто. Он не заметил никакого движения на мостках над сценой.

Рэндалл выглянул, подождал, когда держатель камеры качнулся влево, и стремительно метнулся вдоль задней части сцены, на секунду остановившись, чтобы удостовериться, что маленькая дверь, ведущая в оркестровую яму, действительно открыта, и затем пошёл вверх по лестнице, ведущей в галерею гримерных и артистических уборных. Рэндалл и Стерлинг Фаррелл тщательно спланировали окольный маршрут, который вёл в техническую зону, где лишь в двух местах на короткое время Рэндалл будет виден камерам слежения. Первое место было в конце галереи артистических уборных, где Рэндаллу пришлось пройти по одному из главных коридоров метро пятнадцать, непринуждённо качая ящиком с инструментами, как будто он имел полное право находиться там.

В аппаратной охраны теперь знали, что он здесь, если кто-нибудь обратил на это внимание. Как только Рэндалл вышел из зоны действия камеры, он нырнул в мужской туалет, в котором был второй выход, ведущий на короткую лестницу вниз на уровень фойе, которая по уверению Фаррелла, была как-то пропущена, когда "Центурион" размещал камеры слежения. Если "Центурион" пошлёт кого-нибудь разыскивать его, они не будут знать, каким путём он ушёл, и потратят время впустую, обыскивая весь коридор и все соседние комнаты.

Второе уязвимое место было в коридоре, ведущем в техническую зону, на уровне фойе. Рэндаллу нужно было спуститься туда и почти упереться в стену на развилке, чтобы оказаться под камерой, так что они не смогут видеть, куда он повернёт. Если они посчитают его безбилетником на Оскара, то подумают, что он повернёт направо, чтобы попытаться попасть в сам театр. А он повернул налево. Охранники не узнают, что он попал в техническую зону, пока он не использует свою карточку-ключ, и это будет зафиксировано в аппаратной охраны. Там он должен подождать, пока не получит доклад, что группа на месте, перед тем как бросить свои газовые гранаты, и застрелить любого, кто войдёт в эту дверь.

По пути он никого не встретил. Карточка сработала, и Рэндалл вошёл в помещение, вытащил пистолет, сунул его в пояс для инструментов, затем взял оттуда упругий шнур, сделал из него петлю и связал дверную ручку с кабелепроводом. Это задержит любого, кто попытается открыть дверь, и даст ему время вытащить револьвер. Затем он вынул радио и щёлкнул три раза. Рёв кондиционеров воздуха был таким громким, что его почти не было слышно.

"Я на месте", - доложил он товарищам.

В номере 1401 отеля "Голливуд Ройял" Кот Локхарт ответил: "Мы идём" и сунул рацию в задний карман.

- Порядок, вперёд!

Шесть добровольцев вышли из номера в одинаковых чёрных и белых смокингах и весёлых маскарадных масках, и каждый нёс тяжёлую спортивную сумку из брезента. Когда они шли вдоль коридора, им встретилась пьяная пара, они безумно хохотали, а ляжка вечернего платья женщины наполовину съехала.

- Что в сумках, ребята? - прокудахла женщина с расширенными зрачками глаз.

- Мы новая музыкальная группа, "Мрачные жнецы", - ответил Кот в маске гориллы, когда они ждали лифта. - Здесь наши инструменты. Собираемся исполнить новый хит сегодня в вечер Оскаров.

- Поразите всех насмерть! - весело предложила пьяная женщина.

- Обязательно, - пообещал Кот, когда двери лифта открылись. Добрармейцы без приключений прошли в прачечную и к двери тайного хода, и, затаив дыхание, ждали, пока Кот проводил своей карточкой через щель.

Карточка сработала. Группа стремительно пробежала по коридору в театр, и затем после ожидания у камеры слежения, бойцы вошли во вход маленького туннеля, ведущего в оркестровую яму. Кот сорвал маску обезьяны, взял радиопередатчик и щёлкнул им.

- Мы на месте, - доложил он. - Готовность - шестьдесят секунд.

- Я готов, - ответил Рэндалл.

Отвинченная решётка уже лежала на полу, а три гранаты с газом "Си-Эс" - на воздуховоде. Рэндалл также предусмотрительно положил гадальную карту "Принца Жезлов" на соседний воздуховод, на случай, если у него не будет на это времени из-за напряжённой обстановки.

- Есть сбой? - спросил он.

- Ни единого, - доложил Кот.

Вокруг все члены группы снимали смешные маски, привязывая их к разгрузкам, и вынимали оружие и патронные сумки из брезентовых мешков.

Кики и Ли Вошберн достали свои автоматы "Эйч-Кей".

Майк Гаусс быстро собирал свой знаменитый пистолет-пулемёт Томпсона, вставляя диск на 100 патронов, и надевая на плечо брезентовый подсумок с двумя дополнительными дисками на 100 и двумя дисками на 50 патронов.

Джимми Уинго достал автомат "АК-47", защёлкнул откидной приклад, а затем вставил барабанный магазин. В цилиндрическом подсумке он нёс ещё пять таких магазинов. Все боеприпасы, которые нёсли они с Гауссом, были тяжёлой ношей, но они рассчитывали изрядно облегчить свою выкладку ко времени отхода.

Кики и Ли держали фонари, пока Кот и Рон Колчак тщательно собирали и заряжали свои винтовки.

Затем все спрятали маски в мешки вместе с одеждой, в которой они прибыли в "Ройял", а сами мешки сложили в большой армейский вещмешок Уинго.

И, наконец, натянули на головы тёмно-синие лыжные маски.

Все были готовы за сорок пять секунд.

Кот вышел на связь: "Мы готовы", - доложил он Рэндаллу напряжённым голосом.

"Ждать моего сигнала", - приказал голос Рэндалла. *"Никто даже не попытался прийти сюда и проверить, что происходит"*, - подумал он. *"Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Что они все там уснули?"*

Как позже узнал Рэндалл, причина, по которой никто не пришёл проверить, кто он такой, и что делает в здании, была в том, что все сотрудники в аппаратной охраны следили за происшествием у входной двери на своих мониторах. Сержант охраны Стерлинг Фаррелл устроил драку с пьяным папарацци, отвратительным мелким "третьемировцем" с неопишуемой коричневой рожей, который попытался, болтая, проскочить с видеокамерой через металлоискатель. Вместо того чтобы просто послать папарацци, Фаррелл внезапно пришёл в ярость, брызнул в лицо этого типа перцовым аэрозолем, сбил его с ног и начал молотить полицейской дубинкой.

Марвин Хейгерман, вице-президент "Центуриона" и глава охраны мероприятия, выбежал из диспетчерской и всё ещё находился у входной двери, пытаясь разобраться в

ссоре, где папарацци со сломанным носом, из которого текла кровь, орал, что подаст в суд на всех, кто попадался ему на глаза.

Рандалл проверил свой портативный телевизор и закрепил головной телефон, когда увидел, как Эрика Коллингвуд выходит на сцену, само спокойствие, в серебристом парчовом платье, а её золотистые волосы струятся по плечам. Услышал как её сладкозвучный и чувственный голос произносит: "Кандидаты этого года на премию "За лучший сценарий" это...". Надел противогаз, одну за другой выдернул чеки у гранат и сбросил их в воздуховод кондиционирования воздуха. Выждал почти тридцать секунд прежде, чем услышал вопли и крики через воздуховод этажом ниже, и понял, что газ попал в аппаратную охраны. Схватил радио и выкрикнул:

"Вперёд! Пошли! Пошли!"

И они пошли.

Шестеро добровольцев один за другим выбежали из дверного проёма под сценой, и каждая группа из трёх бойцов бросилась на нужную лестничную клетку. Кот, Кики и Уинго взбежали по лестнице на третий этаж, оружие наготове, и когда они попали в коридор, Кот передал Кики свою винтовку "М-21", а сам вынул "Вальтер Р-38" с глушителем. Добежали по коридору до короткой маленькой ниши, ведущей в проекционную будку. Кот развернулся и увидел большого, жирного негра в униформе охранника "Центуриона" с 9 миллиметровым автоматическим пистолетом в чёрной кобуре на бедре, сидящего на стуле и смотрящего церемонию Оскара по мобильному телефону. Негр только успел поднять глаза, как Кот дважды выстрелил ему в сердце. Охранник даже не упал со стула, а только захрипел и резко обвис. Кот подошёл и сделал ещё один контрольный выстрел ему в затылок. Затем сунул карточку, которую ему дали, в щель.

Пинком открыл дверь и обнаружил рядом с проектором рыжую и зелёноглазую белую девушку, похолодевшую от ужаса. Кот схватил её, прижал к стене, зажал рукой рот, а дуло его пистолета упёрлось ей в шею ниже подбородка.

- Делай, что я скажу, если хочешь жить, - прошептал он ей мягко. - Когда я сниму руку с твоего рта, ты будешь молчать. Ты будешь вести себя тихо и делать то, что тебе скажут. Только пикни, и умрёшь. Ты поняла? Кивни.

До смерти напуганная девушка кивнула.

Кики оттащила девушку от Кота и . Завела руки девушки за спину и стянула её запястья вместе пластиковыми наручниками, обычный иракский вариант для сотен тысяч. Потом связала девушке ноги в лодыжках, в то время как Кот вынул из пояса моток с липкой лентой и заклеил ей рот.

- Можешь дышать, мисс? - спросил он также мягко. - Кивни.

Она кивнула.

- Не шевелись и не делай глупостей, - прошептал он. - Много людей умрёт сегодня вечером, но, Бог - свидетель, ты останешься жива, если просто лежишь неподвижно и очень тихо.

Кот поднялся на ноги и с этого момента не обращал внимания на девушку. Джимми Уинго передал ему через дверь его винтовку и спустился до конца короткого прохода, чтобы перекрыть главный коридор.

Внизу на сцене Эрика Коллингвуд воскликнула: "Конверт, пожалуйста!"

Кот занял позицию с правой стороны проектора, а Кики - с левой. Затем Кот достал дополнительный магазин на 20 патронов для своей винтовки "М-21" с обычными пулями в медных оболочках и проверил для верности, что в магазине винтовки действительно находятся разрывные свинцовые пули.

Кики вынула две гранаты и разложила их на опорной плите проектора, затем сняла с предохранителя свой "Эйч-Кэй" и навела его на площадь цели - переднюю секцию для очень важных персон перед оркестровой ямой со столами с шампанским и изысканными блюдами. Там блистали мужчины в мерцающих смокингах и элегантные женщины в фантастических туалетах, усыпанных драгоценностями.

Кот проделал то же самое, изучая сектор обстрела через ствол и обозначая цели. Достал радиопередатчик. И доложил: "Красная группа готова".

С задержкой около десяти секунд, которые показались очень долгими, послышался голос Колчака, который доложил: "Золотая группа готова".

"Командир Красной группы - беглый огонь!", - раздалась команда Рандалла, немного искажённая маской противогаза. "Я начну отход, когда услышу, что ты открыл огонь. Удачи и хорошей охоты, товарищи. *Свобода!*"

На сцене пухлый коротышка Мартин Рудин и высокий стройный мулат Нэт Тернер Томас, в элегантных смокингах приблизились к подиуму, рука в руке. Каждый из них обнял улыбающуюся Эрику и поцеловал в щёку, когда она вручила им золотую статуэтку Оскара.

Марти Рудин начал речь: "Не секрет, что фильм *"Цвет любви"* - почти полностью автобиографический рассказ о том, как мой любимый партнер Нэт и я смогли преодолеть барьеры расистского общества, и не один, а три предрассудка - расизм, антисемитизм и гомофобию ...".

"Давай, милая, сделай шаг назад!" - почти про себя обращался Кот к Эрике. "Шаг назад, прошу!"

Рудин продолжал жужжать, но Кот всё ещё выжидал, не желая стрелять из опасения попасть в Эрику одной из убийственных пуль.

Кики наклонилась через проектор и прошептала ему в ухо, очень тихо, чтобы не услышала связанная девушка на полу. "Кот, она - одна из нас. Она - доброволец и исполняет свой долг. Теперь ты исполни свой".

"Нэт, я не мог бы сделать это без тебя", - разревелся Рудин на сцене от избытка чувств. "Я ничего не смог бы добиться без тебя".

Двое мужчин обнялись и слились в долгим хлюпающем поцелуе взасос. Зал ахнул, ...и раздали жидкие аплодисменты зрителей.

Головы целующихся мужчин разлетелись как разбитые арбузы: единственная пуля буквально обезглавила их обоих. Эрика Коллингвуд издала долгий крик чистого ужаса, крик, услышанный во всём мире и увековеченный на все времена. Казалось, она потеряла сознание и упала на пол. Потом разверзся ад.

* * *

Театр "Кодак" первоначально был задуман как оперный театр и концертный зал, и его акустика повсеместно и заслуженно считалась лучшей в мире, уступая только оперному театру Сиднея. Ребристые и фасонные стальные полосы, идущие от пола до высокого куполообразного потолка вдоль овальных стен, могли усиливать и многократно повторять звук монеты, уроненной на сцене.

Грохот, который теперь заполнил театр, невозможно правдоподобно описать тем, кто там не присутствовал. Последующие миллионы повторов этих видеок кадров со всех углов зрения были заполнены безумием и ужасом, смертью и кровью, но совершенно не могли точно передать звуки оружейной стрельбы, которые гремели с неба и волнами скатывались с потолка и стен. Один из оставшихся в живых описал это как "ловушку, где без конца гремел гром".

Первые гранаты слетели вниз из проекционных будок, подпрыгнули и покатались по полу, а затем взорвались и разбросали куски дерева и металла от кресел и столов и части человеческих тел. Несколько человек взлетели в воздух, кружась как тряпичные куклы во время урагана. Мужчины и женщины кричали и толкались, бежали и прятались, топтали друг друга и дрались, чтобы пробиться к выходу, в то время как на них лился дождь смерти, винтовочный и автоматный огонь косил их, и они, обливаясь кровью, валялись на пол.

Примерно через десять секунд Кики и Кот услышали хлопки со стороны театрального этажа и удары пистолетных пуль в стену около проекционной будки. Охрана, телохранители и полицейские вели по ним ответный огонь. Одна из пуль разбила линзы проектора, осыпав добровольцев осколками стекла. Вторая лязгнула о металлический корпус проектора и оглушительно зазвенела.

"Колокола, колокола!" - стонал Локхарт, подражая Горбуну из Нотр Дам и безумно скалясь Кики. Та визжала и смеялась адреналиновым смехом, ведя непрерывный огонь из автомата. Продолжая стрелять, Кот завопил: "Гранату!", и Кики бросила вторую гранату, а затем продолжала всаживать пули во всё, что двигалось, отбрасывая пустые обоймы на пол и вставляя в автомат полные. Граната взорвалась с *глухим грохотом*, встряхнув всё здание, а секунд через пять взорвалась и четвёртая граната, брошенная из другой проекционной будки.

С одной стороны, время остановилось, а с другой - за какую-то долю секунды Кот отбросил пустой магазин от винтовки, вставил новый, вытащил из кармана карту "Валет бубен", положил на рейку со следами пуль и закричал: "Ещё двадцать пуль и мотаем отсюда!"

Колчак и Вошберн ещё стреляли в орущую, шевелящуюся массу тел внизу в театре. В коридоре грузные евреи в смокингах, некоторые в ермолках, ломались из дверей частных лож, а за ними, пытаясь бежать, тащились женщины в дорогих платьях, главным образом молодые блондинки. Джимми Уинго ждал их, присев за углом коридора, и короткими, точными очередями срезал всех. Никто не прошёл к лестнице.

Кот и Кики покинули проекционную будку.

- Я иду первым, - сказал Уинго, и все бросились за ним по коридору.

Едва группа достигла лестничной клетки, как открылась дверь, и выскочил охранник "Центуриона", с пистолетом в руке. Уинго срубил его из "АК". Пуля свистнула над ними и вонзилась в стену.

Кики обернулась и ударила из "Эйч-Кей" по паре охранников, которые ковыляли по коридору сзади, и срезала одного из них. Другой повернулся и убежал. Добровольцы стремительно пронеслись вниз по лестнице, где Уинго срезал из "АК" ещё одного охранника "Центуриона", который поднимался навстречу.

За кулисами больше не было пусто. Там бестолково тыкались оркестранты, частью раненые, которые бежали к ходу под сценой. Одна женщина пронзительно закричала, когда добровольцы появились из лестничной клетки в своих лыжных масках.

Уинго заметил мексиканца-охранника и размазал его по стенке очередь из "Калашникова", быстро отсоединив пустую обойму и вставив другую. Все люди кричали и бежали или ковыляли в безопасное место. Здесь они встретили Рона Колчака и его группу у двери прохода, а Ли Вошберн широко распахнул дверь и схватил вещмешок со всякой всячиной. Затем все побежали к сводчатому проходу и потайной двери.

Майк Гаусс прикрывал отход, поливая появляющихся охранников и полицейских очередями из своего любимого "Томпсона".

Рандалл точно рассчитал время и ждал всех у двери, держа её открытой.

"Уф, вот-и-всё, народ!" - выдохнул Кот, когда все вошли в проход.

Добровольцы пробежали через проход и вышли в подземном гараже под "Ройялом". Он был пуст, за исключением двух патрульных полицейских машин, припаркованных около выезда на Хайлэнд-авеню.

"Стойте, мы должны быть чертовски уверены, что это наши!" - остановил всех Рэндалл.

Двое полицейских в форме полиции Лос-Анджелеса стояли у патрульных машин, но их невозможно было узнать на таком расстоянии.

Рэндалл окликнул их:

- Яблоко?!

- Фруктовый пирог! - прокричал отзыв доброволец Джо Пилевски.

- Давай, держи это!

Рэндалл передал им свой ящик с инструментами, "Узи" с подсумком для патронов и пояс для инструментов, оставив себе лишь револьвер.

- Встретимся у "Пещеры летучих мышей". Отличная работа, товарищи, но мы ещё не дома на свободе. Ну, ежайте!

Рэндалл дождался, пока все подбежали к полицейским машинам и погрузились, автомобили отъехали, а их синие и красные огни мигнули вдали. Потом поднялся по лестнице и вошёл в вестибюль гостиницы, где царил хаос, кругом бегали, кричали и плакали люди, а в баре и в вестибюле все прикинулись к телевизорам, поражённо глядя на кровавую бойню на экранах. В сером рабочем комбинезоне незамеченным Рэндалл прошёл через вестибюль и другой зал прямо в аппаратную охраны отеля "Голливуд Ройял", принадлежащую "Центуриону".

В помещении находился один охранник - мексиканец. Он взглянул на Рэндалла и сказал: "Эй, мужик, тебе сюда нельзя". Рэндалл выстрелил ему в голову. Подошёл к пульта, поискал под панелью выключатель, отсоединил накопитель на жёстких дисках, содержащий цифровые видеозаписи охраны отеля за последние годы и опустил его в пластиковый пакет с ручками с надписью "Голливуд и Хайлэнд - Звёзды покупают здесь!", который достал из кармана.

Затем Рэндалл вложил револьвер в наплечную кобуру. И незаметно вышел через парадный вход.

Тремя кварталами далее по Голливуд-Бульвару к тротуару подъехал "БМВ" последней модели и просигналил. Рэндалл сел в машину.

За рулём сидел Барри Брюер.

- Все ушли без проблем? - спросил он.

- Они сели в полицейские машины, - ответил Рэндалл. - Есть новости от Фаррелла и Эрики?

- Фаррелл только что звонил мне. Он ускользнул в этой неразберихе и сейчас направляется в пункт сбора. И с Эрикой порядок. Я слышал её интервью по автомобильному радио каким-то СМИшникам, которые тоже уцелели. Эрика просто выбрала правильное сочетание истерики и замешательства, как она умеет. Та первая пуля Кота пролетела на волосок от неё. Чёрт побери, эта девушка просто отважная!

- Значит, не ранена, - с облегчением выдохнул Рэндалл. - Она пригнулась и хорошо спряталась. Слава Богу. Я забрал видеозаписи охраны отеля.

Он тряхнул пакетом.

- Ты получил какие-нибудь данные из последних воплей СМИ о том, как мы сработали?

- Скажу тебе больше. Вы вырезали сердце Голливуда и растоптали его! - воскликнул Брюер.

* * *

На следующий день после "Бойни в вечер Оскара" на титульном листе газеты *"Лос-Анджелес Таймс"* в чёрной траурной рамке появился список убитых. Кроме убитых, перечисленных в этом списке, более двухсот человек были ранены пулями и осколками, а также задавлены во время паники и попыток спастись.

Список из *"Лос-Анджелес Таймс"* позднее был размещён в Интернете на сатирическом сайте под названием insidetinseltown.com с резким и неуважительным комментарием. Через день после того, как этот список появился на сайте, он был закрыт, а хозяин сайта арестован по Патриотическому закону. С тех пор его никто больше не видел.

Но перед этим список был продублирован по всей Всемирной паутине:

Аделстайн, Джереми (34 года) – еврей. Сценарист шести главных комедийных телесериалов для двух телевизионных сетей. Симулировал психическое заболевание, чтобы избежать призыва в армию.

Адлер, Аллен (41 год) – еврей. Старший вице-президент по маркетингу, киностудия "Парадайм". Начиная с выпуска в Мексике порнографических фильмов с настоящими убийствами актёров.

Бейлор, Амбер (30 лет) – белая. Претендентка на премию "За лучшую женскую роль второго плана", представляющую суровую женщину - агента ФБР, отлавливающую "злых белых расистов" на Тихоокеанском Северо-Западе. Замужем за израильянином - независимым владельцем киностудии и режиссёром Аврохомом Стерном.

Бернстайн, Артур (45 лет) – еврей. Известный режиссёр, лауреат двух премий Американской киноакадемии за достижения и двух - за лучшую режиссуру. Был приглашён студией "Уорлд Артисте" режиссировать фильм *"Великий Белый Север"*. Обвинялся в мошенничестве со страховками и уклонении от уплаты налогов. От обвинений отказались.

Боренстайн, Альберт (50 лет) – еврей. Старший вице-президент, отвечающий за постановку, студия "Уорлд Артисте". Несколько жалоб его многочисленных жен на физическое и сексуальное насилие с его стороны были отозваны под неизвестным воздействием.

Кохран, Марк (44 года) – белый. Женат, детей нет. Претендент на премию за лучшие спецэффекты в фильме *"Возвращение Зойда"*.

Коэн, Гарри (23 года) – еврей. Актёр. Звезда комедийного телесериала *"Раввин и я"*, в котором Коэн играет беспомощного ученика средней школы, с помощью мудрого старого раввина разгадывающего тайны и преступления, которые всегда связаны со злыми белыми расистами или мусульманами. Обвинения в получении фальшивого освобождения от призыва в армию по медицинским показаниям сняты под влиянием Сида Глика.

Коэн, Тодд (36 лет) – еврей. Директор актёрского отдела, киностудия "Парадайм". Объект неоднократных судебных исков со стороны молодых актрис и сотрудниц киностудий по обвинениям в сексуальных домогательствах.

Колбер, Канейша (24 года) – мулатка. Актриса. Претендентка на премию "За лучшую женскую роль второго плана" - сильной женщины афро-американки - рьяного борца за свободу на Юге в эпическом антирабовладельческом кино *"Плантация Иглтона"*. Она уже получила премию Гильдии чёрных киноактёров "За лучшую женскую роль". Госпожа Колбер была не застрелена, а затоптана до смерти её друзьями-избранными, которые пытались спастись.

Конкассе, Ти-Джин (35 лет) – чёрный. Охранник фирмы "Центурион". Бывший гаитянский полицейский, прошедший подготовку в ООН, он же - бывший гангстер из Порт-о-Пренс, который принуждал к выполнению требований банды и приводил в исполнение приговоры для партии Лавалья, объявленной вне закона.

Дэниелс, Рей (42 года) – белый. Актёр. Кандидат на премию "За лучшую мужскую роль" в фильме "*Пошли домой*", где вьетнамский ветеран возвращается в страну и сражается против коммунистов, а затем - с отвратительно-расистским американским иммиграционным законодательством, чтобы ввезти в Соединённые Штаты свою любовницу - сайгонскую проститутку и ребёнка-метиса от неё.

Дикстайн, Моррис (39 лет) – еврей. Актёр-лауреат премии "Золотой глобус" и эстрадный комик. Председатель Общества голливудско-израильской дружбы. Два ареста за педофилию, отменённых под влиянием неизвестных лиц.

Фигенбаум, Йоссель (70 лет) – еврей. Президент, киностудии "МГМ" Член национального совета директоров Антидиффамационной лиги "Бнай Брит". Известно, что его комната в особняке в Беверли-Хиллз набита наркотиками, сексуальными приспособлениями, порнографией и сатанинскими ритуальными предметами.

Франкен, Андреа (38) – еврейка. Соавторша сценария "*Великий Белый Север*". Полицейские ворвались в её квартиру, когда соседи услышали крики, и обнаружили Франкен связанную кожными путами и очевидно изнасилованную и избитую 26-летним членом банды "Ангелов Ада" Джеймсом Уотерсоном с татуировками белых расистов и свастикой, бросающимися в глаза. Обвинения были сняты, когда Франкен признала, что они действовали по согласию, а Уотерсону за это было заплачено.

Галвез, Рамон (28 лет) – латиноамериканец. Охранник фирмы "Центурион".

Ганц, Аллен (32 года) – еврей. Глава отдела сценариев студии "ФоксФликс Продакшнз". Героиновый наркоман.

Гелблум, Эммануэль (54 года) – еврей. Председатель совета директоров студии "Уорлд Артистс" Утвердил новый проект "*Великий Белый Север*". Сын – героиновый наркоман, дочь - в психиатрической клинике, в палате рядом с палатой матери. Гелблум был *шохет или резник* – кошерный мясник, но не по религиозным обязательствам, а просто потому, что получал удовольствие, убивая животных.

Глик, Шломо (53 года) – еврей. Глава студии "Мамос Продакшн". Планируемый продюсер фильма "*Родина*". Считался наркоманом и душевнобольным. Пырнул секретаршу ножницами в своём офисе, освобождён после 30-дневного надзора психиатра, предписанного постановлением суда. Скандал разразился, когда обнаружилось, что Глик провёл под надзором всего один день, а на самом деле во время предполагаемого надзора психиатра находился на работе и дома. Скандал был замят по приказу его брата, Сиды Глика.

Глик, Сидни (58 лет) – еврей. Президент, киностудия "Парадайм". Глик по кличке "Мистер Голливуд" был известен как самый могущественный еврей в киноиндустрии со времён Луиса Барта Мейера. Инициатор проекта "*Родина*".

Голдблум, Ари (56 лет) – еврей. Глава крупнейшего в Голливуде агентства по работе с талантами; родился в Израиле. Знаменит как первый менеджер в Голливуде, действительно вписавший в свои контракты с актрисами пункт о постели - так называемый пункт "личные услуги", как способ получить роль.

Голдблум, Джерри (42 года) – еврей. Актёр и режиссёр. Все аресты за изнасилование, скотоложство и мошенничество с акциями на бирже заматы под влиянием Сиды Глика.

Горам, Рафи (31 год) – еврей. Телохранитель Сиды Глика. Бывший агент израильской разведки "Моссад". Горам разыскивался Комитетом по военным преступлениям

Организации Объединённых Наций за убийство более 100 пожилых палестинцев в доме для престарелых, сожжённом дотла во время вторжения израильской армии в Рамаллу.

Гринвуд, Мишель (25 лет) - белая. "Подающая надежды актриса" на самом деле работала в "службе сопровождения". (*Высокооплачиваемая проститутка – Прим. перев.*).

Сопровождала в тот вечер Сола Стайнберга из студии "Двадцать первый век Фокс".

Гундерсон, Роберт (43 года) – белый. Телохранитель Сида Глика. Бывший агент ФБР. Уволен из Бюро за продажу информации колумбийским наркобаронам.

Гутьеррес, Пабло (32 года) – латиноамериканец. Охранник из аппаратной службы безопасности отеля "Ройял".

Холтер, Ёсси (34 года) – еврей. Свежеиспечённый и самый молодой в истории вице-президент студии "Мамос Продакшн". По общему мнению, шантажировал весь совет директоров секретными записями слежения за различными сексуальными и финансовыми грешками членов совета в течение шести месяцев. "Этот молодой человек далеко пойдёт", - сказал Мамос, объявляя в СМИ о его назначении.

Хиршфилд, Альберт (50 лет) – еврей. Редактор "*Вэрайти онлайн*". (*Одно из самых авторитетных периодических изданий в области театра, кино и телевидения - Прим. перев.*). Подозревался в отравлении стрихнином своей пожилой матери несколько лет назад для получения её большой страховки.

Горовиц, Джошуа (30 лет) – еврей. Сценарист фильма "*Великий Белый Север*". За взятки Горовиц договорился с Управлением исправительных учреждений Калифорнии, чтобы его иногда допускали и оставляли наедине с заключёнными - "сторонниками превосходства белых", которые были в наручниках и связаны, а ему разрешалось избивать их дубинкой. Неизвестно, разрешали ли ему когда-нибудь сечь плёткой его соавторшу Андреа Франкен (*см. выше*).

Хадсон, Мэри Энн (27 лет) – белая. "Подающая надежды актриса" в действительности работавшая в "службе сопровождения". В тот вечер сопровождала Ирвинга Киршбаума на церемонии.

Джонс, Ламонт (29 лет) – чёрный. Телохранитель Ёсселе Фигенбаума. Чёрный пояс по каратэ, бывший морской пехотинец. Кокаиновый наркоман.

Кац, Дэвид (52 года) – еврей. Режиссёр и независимый владелец киностудии. Продюсер фильма "*Великий Белый Север*". Два заявления об изнасилованиях отклонены под влиянием неизвестных лиц.

Киршбаум, Ирвинг (58 лет) – еврей. Продюсер более семидесяти популярных кинофильмов, включая четыре отмеченных премиями киноакадемии как "Фильмы года". Одна личная премия за достижения. В киноиндустрии широко известен как душевнобольной. Заявлял, что его всегда сопровождает архангел Гавриил, и вёл продолжительные беседы с означенным божественным посланцем в совершенно неподходящее время вроде собраний членов правления и т.д.

Киршнер, Мэрион (56 лет) – еврейка. Специализировалась на ролях мудрых и ловких еврейских матерей, включая её последний телесериал, где она изображала остроумную еврейскую мать и одновременно федерального судью, которая еженедельно отправляла в тюрьму злобных белых расистов и мусульман. Обнаружена мёртвой за столом для очень важных персон, лицом в тарелке с её фирменным куриным супом.

Ландауэр, Хайман (49 лет) – еврей. Старший вице-президент, ответственный за постановку, в том числе за предложенный фильм "*Великий Белый Север*", студия "Уорлд Артистс". Был арестован в легальном публичном доме в Неваде под воздействием наркотиков, в кровати с задушенной проституткой. Обвинения не были предъявлены.

Мандел, Питер (75 лет) – еврей. Президент компании "Глоубел Студиоз". Опасный сексуальный маньяк, который когда-то на спор совершил совокупление с двумя дюжинами подающих надежды звёздочек за двадцать четыре часа, по одной в час, после чего уволил их всех и изгнал из города с помощью полиции Лос-Анджелеса, "чтобы никто не нашёл мои объедки".

Мартинес, Рафаэль (26 лет) – латиноамериканец. Охранник фирмы "Центурион".

Нусбаум, Филип (48 лет) – еврей. Продюсер и режиссёр, главным образом на студии "Парадайм". Убил троих членов семьи Риордан из Сан-Диего, включая двух детей, на съезде с междуштатной автострады "5" при скорости его "Мазератти" сто тридцать километров в час и с содержанием алкоголя в его крови 0,16. Обвинение снизили до простого "вождения под воздействием (алкоголя или наркотиков)", с лишением прав на девяносто дней.

Падилла, Хуан (30 лет) – латиноамериканец. Охранник фирмы "Центурион".

Пектер, Лео (48 лет) – еврей, раввин. Региональный директор по Южной Калифорнии, Антиклеветническая Лига Б'най Б'рит. Служил следователем в армии США, находился под следствием начальника военно-юридического управления после пыток арабских заключенных, выходящих за рамки даже Протоколов Дершовица, уволен, не привлекая лишнего внимания, и немедленно принят на работу в Антиклеветническую Лигу.

Ратнер, Лью (54 года) – еврей. "Адвокат звёзд". Главный юридический специальный уполномоченный по улаживанию конфликтов во влиятельных кругах Голливуда при "генералиссимусе" Сиде Гликке. Однажды добился оправдания чёрного спортсмена и честолюбивого актёра Тирона Фоулера по обвинению в изнасиловании и убийстве русской горничной гостиницы, убийстве, которое было полностью снято на видеокамеру папарацци, спрятавшимся на балконе, и запись была предоставлена в качестве улики. Фоулер был выдвинут на премию этого года "За лучшую мужскую роль второго плана" в фильме "*Кровь на корзине*", но был обнаружен мёртвым в своём "мерседесе" из-за передозировки наркотика перед вечером вручения премий.

Робертсон, Фредерик (40 лет) – белый. Охранник фирмы "Центурион". Женат, двое детей.

Родригес, Мануэль (22 года) – латиноамериканец. Охранник фирмы "Центурион".

Розенберг, Эйб (45 лет) – еврей. Старший юрисконсульт киностудии "Парадайм". В его фирменном компьютере было обнаружена детская порнография объёмом почти в гигабайт и секретный просмотрный зал, набитый такими же материалами в личном особняке в Кармиле, Калифорния. Обвинения не были предъявлены.

Рубинстайн, Дженнифер (40 лет) – еврейка. Журналистка и рецензент газеты "*Вэрайети*". Вела собственную рубрику слухов. Утверждалось, что она довела актрис Дженни Крафт и Милу Белларов до самоубийства, разрушив их карьеры.

Рудин, Марти (36 лет) – еврей. Гомосексуалист. Один из лауреатов премии "За лучший сценарий" к фильму "*Цвет любви*".

Салазар, Рамон (27 лет) – латиноамериканец. Охранник фирмы "Центурион".

Шмулевич, Сэмюел (62 года) – еврей, раввин. Директор Центра Саймона Визенталя в Лос-Анджелесе. Близкий друг Хиллари Клинтон.

Стэнфорд, Дженна (26 лет) – белая. Актриса. Звезда нескольких межрасовых фильмов, включая мафиозную версию "*Отелло*" – фильм "*Возлюбленный брат*" о всеобщем кровосмешении, в котором девушка-подросток Стэнфорд совращает своего десятилетнего брата. Участвовала также в одной из самых безобразных лесбийских сцен, когда-либо снятых в киноверсии "*Сафо*".

Стайнберг, Сол (59 лет) – еврей. Исполнительный вице-президент, киностудия "Двадцать первый век Фокс". Известный компаньон главарей организованной преступности,

подозреваемых в отмывании денег; считался неофициальным резидентом "Моссад" в Голливуде.

Стайнфелд, Берт (43 года) – еврей. Актёр. Специализировался на ролях мужественных героев, знатоков боевых искусств, метелящих арабов, нацистов, французов и прочих плохих персонажей. Когда Стайнфелд полз по полу, винтовочная пуля вошла ему в задний проход и вышла из мозга.

Стерн, Аврохом (63 года) – еврей. Израильский независимый режиссёр и продюсер. Завёз во Флориду более десяти тысяч чёрных африканцев из Гвинеи-Бисау и Сенегала, чтобы использовать их как статистов для кинофильма о войне в Африке, который он снимал. Фильм лишился финансирования, и тогда однажды утром Стерн просто открыл лагерь и выпустил африканцев на свободу, что привело к нескольким десяткам убийств и более чем двумстам изнасилованиям местных жителей, а также возбуждению более тысячи судебных дел, которые были прекращены под неизвестным влиянием.

Томас, Натан Тернер (31 год) - чёрный. Гомосексуалист. Один из лауреатов премии "За лучший сценарий" к фильму "*Цвет любви*". Три года назад был арестован за растление малолетних; обвинения сняты под влиянием неизвестных лиц.

Тостигсдоттир, Ингрид (21 год) – белая. Супермодель из Исландии, сопровождавшая Хаймана Ландауэра на церемонии вручения Оскара.

Вашингтон, Бо-Бо (47 лет) - чёрный. Охранник фирмы "Центурион".

Вайнберг, Брюс (54 года) – еврей, президент, "Стар Краун Моушен Пикчерс, Инк." Находился под следствием Комиссии по ценным бумагам о мошенничестве с ценными бумагами и Управления по борьбе с наркотиками о предполагаемой "внутренней" организации поставок наркотиков своим актерам и управленцам и присвоении части заниженных прибылей. Обвинения не были предъявлены.

Вайнстайн, Эйб (60 лет) – еврей. Старший вице-президент по финансовым вопросам киностудии "Юниверс". Находился под следствием по "творческому финансированию" многих фильмов с отмыванием денег, полученных от продажи наркотиков, и за изнасилование малолетних. Обвинения не были предъявлены.

Волтц, Луис (70 лет) – еврей. Генеральный директор студии ""Экселсиор". Мультимиллионер. В молодые годы в качестве агента он обвинялся в присвоении денег клиентов, мошенничестве по почте и торговле наркотиками. Также подозревался в убийстве, когда актриса Джилл Консидин умерла при таинственных обстоятельствах в своём доме сразу после возбуждения судебного дела против Волтца с целью возврата нескольких миллионов долларов, которые тот украл у неё за пять лет.

Гоните клоунов

*О Боже, если б мы могли прочесть
Книгу судеб и увидеть, как время
В своём круговращенье сносит горы, а материк
Наскучив твёрдостью, в пучине растворится...*

Король Генрих IV – Часть вторая, Акт III, Сцена 1

Ответ на "Бойню в вечер Оскара" последовал немедленно, и со стороны верхушки Голливуда, и со стороны правительства Соединённых Штатов.

Из Вашингтона президент Хиллари Клинтон обратилась к стране с телеобращением. Кожа лица старухи из-за множества пластических операций была натянута так туго, что в свете телекамер сквозь прозрачные щеки и подбородок просвечивали кости, несмотря на искусно наложенный слой косметики. Её глаза почти безумно сверкали от злобы на этих наглых белых. Но вся её манера и обращение выдавали некоторую растерянность, что не укрылось от зрителей и комментаторов. Первые 20 минут президент посвятила слезливому превознесению заслуг евреев - жертв этого "отвратительного акта кровожадной и неутолимой ненависти".

("До неё дошло", - проворчал Чарли Рандалл, когда смотрел передачу на квартире в Калвер-Сити).

Скорбь Хиллари по убитым в "Вечер Оскара" не была совсем уж фальшивой: многим из убитых евреев она в значительной степени была обязана своим президентством в обмен на продажу своей души Израилю. А неуклонная поддержка голливудской верхушки и СМИ помогла ей сохранить пост, и, особенно, в отклонении импичмента Палатой представителей и при последующем рассмотрении в Сенате предположительных заказных убийств нескольких наиболее шумных политических противников и критиков Хиллари.

В заключение Хиллари заявила, что "терпение американского народа в отношении расизма и терроризма лопнуло, и мы намерены раздавить этих злодеев как паразитов, каковыми они и являются".

Она объявила, что на Тихоокеанском Северо-Западе будут немедленно развёрнуты силы новой полувоенной организации - Федеральной антитеррористической полиции (ФАТПО), которые будут действовать по "особым правилам", позволяющим достичь "полного искоренения терроризма, и, наконец, начать жестоко карать за любое и каждое проявление расизма, антисемитизма, гомофобии, антииммиграционных настроений и дискриминации по полу".

- Ты забыла мыслепреступления, сука, - усмехнулся Кот Локхарт.

- Э, нет, она не забыла. Это тонкий ход, - заметил Хилл, когда закончилось специальное телеобращение президента. - Мы знали, что небольшая президентская "Армия Тьмы" была готова уже, по крайней мере, год назад, но некоторых из последних противников-консерваторов в столице заботило, какой юридический или конституционный фиговый листок прилепит Хиллари в оправдание создания, в сущности, своей личной армии.

Этим способом она избегает необходимости объявлять военное положение на всём Северо-Западе, которое, как неоднократно заявляли ей американские военные, они, видимо, не смогут ввести, так как вооружённые силы рассеяны по всему миру и заняты захватами нефтяных скважин, преследованиями мусульман и защитой Израиля. Не говоря уж об осмеянии её постоянного мнимого либерализма. Что вы, никакого военного положения,

упаси Господи! Она просто напустит на население целого края свою небольшую личную армию громил и убийц с "особыми правилами ведения боевых действий". Эти правила дадут им право на любую жестокость и убийство всех, кого они заподозрят в поддержке Добрармии или даже во вредных расовых мыслях.

- Чёрт, эти люди обходили Конституцию и правосудие десятки лет, с тех пор, как её муж пришёл к власти, - вставила Кристина Экстрем.

- По-моему, они не собирались вводить этих головорезов до нынешнего лета? - спросил Локхарт.

- Да, первоначальный план был такой, - кивнул Хилл. - Мы вынудили их действовать немедленно, заставили реагировать на нас, а это всегда хорошо.

Спустя четыре дня после бойни, уцелевшие представители еврейской и гомо-лесбокиноэлиты "города мишуры" собрали огромную пресс-конференцию в зрительном зале киностудии "21-й век Фокс". Они были явно потрясены и, как параноики, видели убийц из Добрармии за каждым кустом и под каждой кроватью. Конференцию охраняли сотни городских полицейских Лос-Анджелеса и частные охранники, вооружённые и экипированные лучше большинства воинских частей, сражающихся в пустынях Ближнего Востока. Репортерам из СМИ и телевизионным бригадам потребовалось пять часов на прохождение всех проверок службами безопасности, чтобы попасть в зрительный зал, так как их обыскивали и просвечивали рентгеном, а аппаратуру разбирали на части мускулистые типы в кевларовой броне, оцетинившиеся автоматами, и кинологи с собаками-ищейками, их пропускали через компьютерные системы голографического распознавания лиц, считывания отпечатков пальцев и сканеры сетчатки глаз, металлоискатели и химические датчики, под прицелом снайперов на каждом углу и тяжело вооружённых вертолётчиков в воздухе.

Участники конференции, сплошь евреи, включая шестерых глав студий, шестерых крупных продюсеров и четырёх всемирно-известных режиссёров, сидели за длинным столом, отрезанные от остальных присутствующих прозрачным экраном из специального пуленепробиваемого материала. Явно задёрганный и нервный Арнольд Блостайн, к которому перешла киностудия "Парадайм" после убиенного Сида Глика, объявил об учреждении кинопромышленностью специального частного "фонда правосудия" - награды в пять миллионов долларов *каждому* за информацию, способствующую задержанию любого живого террориста, который доказанно участвовал в событиях "вечера Оскара" любым способом - и в десять миллионов долларов за мёртвого.

На этом конференция закончилась, и все участники, окружённые телохранителями, разъехались в разные неназванные места.

- Прекрасно, - оценил Рэндалл, когда услышал о предложении вознаграждения. - Теперь все уголовники и подонки в мире, жаждущие денежных наград, которые считают себя крутыми, заявятся сюда, чтобы выслеживать нас, а заодно и все полицейские с ФБР и не знаю, кто ещё.

- Это - большой город, - сказал Хилл. - Тем не менее, лучше быть в безопасности, чем потом кусать локти. Думаю, что нам нужен "скачок в гиперпространство".

- Что-что?

- У меня подготовлен целый второй ряд безопасных домов, квартир и складских помещений для группы "Стоп, режиссёр", - сказал Барри Брюер. - Лейтенант имеет в виду, что мы все должны поменять адреса, на всякий случай, если кто-то проявил неосторожность, или любопытный сосед заинтересовался новыми соседями.

- Как только мы всё уладим с нашими новыми "норами", то выйдем снова и начнём охотиться за отдельными целями, - решил Хилл. - Помните первое правило Добрармии,

господа. Не они охотятся на нас. *Мы* всегда охотимся *на них*. Нам необходимо продолжать стрелять и стрелять, выводя их из равновесия.

В тот же вечер оперативная группа завершила передислокацию на новые квартиры, передвигаясь на разных машинах и с разными промежутками времени. На следующий день добровольцы возобновили наступательные операции, похоронив всякие надежды Голливуда, что "Бойня в вечер Оскара" была разовым событием, и убийцы скрылись обратно в туманах Северо-Запада.

Австралийский актёр Хью Льюис, который снялся в позорном гомосексуальном вестерне с ковбоями, занимающимися содомией в девственной прерии, был застрелен в очереди у кассы модного рынка экологически чистых фруктов и продуктов в Брентвуде. Чарли Рандалл вызвался пойти на это задание и сам выполнил его. Он назвал свой поступок "Спасением национальной чести Австралии".

В тот же вечер главный финансовый директор студии "Парамаунт Пикчерз" Дэвид Рапапорт был убит единственным выстрелом снайпера, когда резвился в плавательном бассейне своего особняка в Лорел-Каньон с двумя голыми восходящими звёздочками, одна из которых, крича, пыталась убежать и была срезана второй пулей во внутреннем дворике-патио. У второй девушки хватило ума задержать дыхание и нырнуть в воду в глубоком конце бассейна, вынырнув подышать в углу. Там Локхарту было трудно её подстрелить, потому что между его положением для стрельбы на холме за домом находился трамплин для прыжков. Он позволил девушке уйти и сам сделал ноги.

Бойня в вечер Оскара ошеломила и парализовала кинособщество, но кричащие заголовки и бессвязные захлёбывающиеся сообщения теленовостей на утро, следовавшие за днём этих последних убийств, возвестили начало настоящей паники.

Кинозвёзды и актёры второго плана, рэперы и звёзды рока, телевизионные деятели и дикторы, хозяева студий, режиссёры и продюсеры, сценаристы, управленцы и адвокаты, а также киномелюзга всякого рода, побежали из города. Некоторые знаменитости сочиняли замысловатые истории о выезде на киносъёмки "на природу" или о важных делах в других местах и кормили этими фальшивками СМИ через своих журналистов, но большинство из них просто удирали. Целые толпы бежали на вертолётах и частных реактивных самолётах, в лимузинах, в такси аэропортов, в туристических автобусах и в целых табунах частных машин. Они бежали в Нью-Йорк, на Флориду, к шикарным барам на Гавайях и Карибских островах, а также за границу.

- Я не могу поверить, - сообщил Брюер. - Голливуд всего за неделю стал городом-призраком! Большинство главных подопечных-из нашего из расстрельного списка теперь разбежались и рассеялись как исчадия ада. Ребята, вам скоро не хватит мишеней.

- Нет, они вернутся, - пожал плечами Хилл. - Большие жида лишь отчасти и недолго могут на расстоянии управлять своей "фабрикой грёз", по телефону, электронной почте и видеосвязи. Ведь здесь сосредоточены почти все их производства и установки, студии звукозаписи и техперсонал, их деньги и инфраструктура. Не говоря уж о домах и образе жизни Больших жидов, всей той роскоши, в которой они выросли и к которой привыкли. Они будут вынуждены тайком пробираться назад, по крайней мере время от времени, чтобы "проверять лавку". И тут-то мы их подкараулим.

Так оно и оказалось. Добрармия была легкой и мобильной, а еврейский режим в Голливуде, насчитывающий уже сто с четвертью лет - неуклюжим. При ненасытном спросе американской публики на развлечения и одинаковой жадности киноиндустрии на мегаприбыли, "машина грёз" должна была продолжать действовать и производить в большом количестве сентиментальный вздор и непотребства. Это подразумевало, что

перепуганных актёров, режиссёров и съёмочный персонал в любом случае нужно было заманить на работу.

Кинофильмы на много миллионов долларов нельзя было просто так бросить в середине съёмок. Телевизионные сериалы не могли до бесконечности держаться на повторных показах прошлогодних серий: нужно было снимать и выпускать в эфир новые серии. Эстрадные концерты, реалити-шоу, телевикторины, которых экранизировались с живыми зрителями в студиях, необходимо было продолжать записывать на плёнку, что само по себе превратилось в кошмар для служб безопасности, так как теперь все зрители проходили полную проверку на безопасность, и их нужно было обыскивать с головы до ног прежде, чем пропустить на место.

Продюсеры этих представлений обошли эту проблему, собрав несколько групп по двести-пятьсот полностью проверенных зрителей, которых возили на бронированных машинах из студии в студию, выплачивая им по 200 долларов за представление. Поскольку часто делались три - четыре записи представлений в день, некоторые из этих профессиональных зрителей недурно зарабатывали, просто сидя в креслах, смеясь и аплодируя, когда им это подсказывал телевизионный суфлёр. Один зритель сказал корреспонденту новостей: "Благодаря Добрармии мой ребёнок может теперь учиться в колледже".

- Мы ударили по самому больному месту ублютков, - заметил Хилл. - По кошельку.

Полиция Лос-Анджелеса и огромное число оперативников ФБР буквально перебирали по кирпичику весь большой Лос-Анджелес в поисках террористов Добрармии. Почти пустые улицы богатых предместий, где жила "элита", и деловые пригороды киноотрасли, вроде Голливуда, Бербанка и Калвер-Сити, кишели полицейскими подразделениями и тайными автомобилями ФБР, частными патрулями вооружённых до зубов "контрактников", а также—побитыми машинами "вольных стрелков", мечтающих добыть вознаграждение, обещанное за поимку "террористов", что иногда кончалось похожими на дешёвый фарс перестрелками с правоохранителями, которые принимали их за Добрармию.

Но члены ударной группы "Стоп, режиссёр" искусно маскировались и мастерски мгновенно отступали при любом признаке приближения полиции или федералов, в то время как Брюер и Кристина Экстрем обеспечивали места, где добровольцы всегда могли укрыться. По иронии судьбы операция "Мы не в восторге" так разогнала голливудскую элиту, что немедленно вырос спрос на людей, присматривающих за домами, а Барри Брюер смог деликатно предложить решение. Он сделал пару звонков.

- Тина, дорогая! Я слышал, что ты собираешься на время уехать из города, и тебе нужен кто-нибудь, чтобы присмотреть за домом в Санте-Монике. Знаешь, у меня есть пара ребят, статистов, а из-за всего этого страшного расистского дерьма всё падает, съёмки по всему городу останавливаются, и их вызывают даже меньше чем обычно. Они согласны взять шекелями, не говоря уже об экономии на плате за съём жилья. Нет-нет, они - профессионалы, и действительно уважают твой талант и работы, они не захлмят дом и не будут устраивать вечеринки с наркотиками и тому подобное, обещаю тебе. Конечно, я пришлю их, и они переговорят с твоим помощником. Но когда всё это дерьмо кончится, и всё устанется, нам надо как-нибудь пообедать вместе!

В результате во многих случаях богатые боссы - евреи и известные кинозвёзды предоставили квартиру и стол в самых шикарных предместьях Лос-Анджелеса тем самым "террористам" из Добрармии, от которых они в ужасе бежали, а в придачу ещё и платили им.

Убийства продолжались, несмотря на нехватку целей:

*Иззи Сапирстайн, вице-президент киностудии "МГМ", однажды утром вошёл в свой запертый и оснащённый сигнализацией гараж, повернул ключ зажигания "Порше", и еврей с "Порше" вылетели через крышу гаража, благодаря любезности Винсента Паскареллы и его группы.

*Рэпер Буга Буга Би и два его телохранителя были расстреляны из автоматов перед модным ночным клубом в Комптоне.

*Мощная автомобильная бомба, которая была тайно доставлена на киносъёмочную площадку на открытом воздухе студии "Дримуоркс-Дисней", сравняла с землёй все декорации "Деревни Санта Клауса", полностью спустив в канализацию главное рождественское кино, причём убытки студии составили около 40 миллионов долларов.

*Груп телережиссёра Морта Лернера с перерезанным горлом был найден на полу помещения для танцев со стулом в стрип-клубе в "Лагна Биг", а полиция смогла получить лишь смутное описание молодой женщины с татуировками, которую раньше там никто не видел.

*Телесценарист и продюсер Дэвид Уилдер был найден за рулём своего "лексуса" на автостоянке в Берлингейме с черепом, начинённым безоболочечными пулями калибра 5,6 мм.

*Марта Москович, похабная эстрадная комическая актриса, номера которой почти полностью состояли из ругательств, упоминаний экскрементов и дутой похвалы своим еврейским наследием, была привязана липкой лентой к стулу на кухне своей квартиры, задушена гарротой, а в рот ей был засунут кусок мыла.

*В тихие дни группа поддерживала форму, наблюдая из проезжающих автомобилей за всеми входами в студии и офисные здания и просто стреляя всех входящих и выходящих небелых. Эти предприятия испытывали серьёзные проблемы при получении почты, посылок, присылаемых с курьерами, и с доставкой пиццы. Их кафетерии закрылись, а корзины для мусора переполнились, потому что мексиканские работники слишком боялись выходить на работу.

*Актёр-качок Брюс Уиллард рисовался и позировал для СМИ, и, так сказать, бил в свою волосатую грудь, клянясь, что никакие неотёсанные суки-расисты не заставят его бежать из города. Тем не менее, Уилларда в его любимом бистро в центре города прикончил не грубый расист, а дерзкая маленькая девушка-блондинка, одетая официанткой. Она вручила актёру меню, щебеча, попросила и получила его автограф на салфетке, а затем всадила ему в грудь три 9 мм пули "Чёрный Коготь", а четвёртую - в череп. И Уиллард замертво упал лицом в миску томатного овощного супа - гаспачо.

Так лейтенант Кристина Экстрем, наконец, прошла "боевое крещение".

За тридцать дней Добрармия фактически остановила всю американскую кинопромышленность и сократила выпуск телепрограмм более чем наполовину. Бюджеты студий трещали по швам. Рейтинги спустились в толчок, потому что вся страна ежедневно следила за телевизионными новостями, чтобы не пропустить, какая голливудская знаменитость окажется следующей в расстрельном списке - этом стремительном реалити-шоу из ада. Букмекеры Лас Вегаса и индейских казино переживали золотую лихорадку, делая ставки о том, кто из элиты и когда закончит свои дни в морге. Впервые на памяти нынешнего поколения главные конгломераты индустрии развлечений измеряли свои ежемесячные доходы всего лишь в миллионах, а не в миллиардах долларов. Надо было что-то делать.

Арнольд Блостайн был первым возвратившимся в город мишуры, где вместе с израильскими специалистами по безопасности создал собственную "зелёную зону" на съёмочной площадке студии "Парадайм". Это было административное здание, окружённое

бетонными блоками - стенами Бремера, мешками с песком и колючей проволокой, где каждый квадратный сантиметр просматривался камерами наблюдения и патрулировался гориллообразными "контрактниками" с собаками и винтовками "М-16" под командованием бывших офицеров израильской армии. Во всех окнах были установлены пуленепробиваемые и взрывобезопасные стёкла, кондиционирование воздуха исключало внешний доступ благодаря полностью замкнутой системе циркуляции, включающей баки с кислородом и фильтры, которые теперь занимали весь подвал, а на крыше были установлены зенитки - первые артиллерийские установки, официально разрешённые частным лицам. Целый этаж занимали удобные, если не роскошные, жилые помещения, души, сауна, кафетерий и бар. Стоимость строительства и пуска этой крепости за три недели обошлась студии в круглый миллиард долларов с мелочью, но Блостайн подписал чеки без звука.

Это чудовище назвали ПОЦ (Предельно защищённый операционный центр). В Голливуде его тут же окрестили "Бункером", а некоторые смелые остряки даже называли ПОЦ "Фюрербункером", хотя после того, как несколько болтливых сотрудников "Парадайма" были уволены за громкое произнесение этого выражения, так говорили только шёпотом. Именно это здание стало штабом Голливуда для подготовки контрнаступления против Добрармии.

ПОЦ включал шикарный зал заседаний с длинным столом красного дерева, буфетом и баром с закусками и напитками. В один майский день Блостайн созвал совещание, на которое собрались два десятка человек, все евреи. Они представляли все главные студии и телевизионные сети, сливки выжившей верхушки Голливуда.

- Мы должны заключить сделку с Добровольческой армией Северо-Запада, - прямо заявил Блостайн.

Мужчины за столом поражённо уставились на него.

- Арни, что я слышу? - открыл рот от удивления Моше Фейнштейн из "Дримуоркс-Дисней" и даже не заметил, как горящая сигара упала из его толстых губ на колени.

- Мои уши не обманывают меня, *бойчик?* Ты говоришь, мы должны заключить сделку с нацистами? *С нацистами?!*

- Ты смотрел свои цифры за апрель, Мо? - мрачно спросил Блостайн. - Ты видел все наши цифры? Нас здесь уничтожают, во всех смыслах этого слова. *Гошше копф* ("*Тупоголовая*", буквально "*нееврейская голова*" на идиш - Прим. перев.) полиция и ФБР ничего не знают, они гоняются за своими хвостами по всему городу и до сих пор имеют шиш с маслом. Каждый день эти *мерзавцы* расстреливают кого-нибудь из наших друзей, наших лучших творцов и финансистов, наших работников, наших людей со связями в высоких кругах, тех людей, которые двигают всю нашу промышленность. Каждый день я говорю с Кирби, замдиректора ФБР, которого прислали из Вашингтона, потом говорю с начальником полиции, потом с внутренней безопасностью, и доложу вам, у них нет никаких зацепок. Так что мы заключаем сделку.

- Не то, чтобы мы раньше никогда не занимались бизнесом с *гонифами* (*Гониф* - *жулик на идиш* - Прим. перев.), - промямлил Уолтер Векслер из "Уорлд Артисте", устало пожав плечами. - Чёрт побери, иногда мы даже предусматриваем в бюджете такие выплаты. Мы платим профсоюзным боссам. Платим диктаторам третьего мира, чтобы снимать кино в их странах, и всяким иностранным чиновникам, чтобы наши фильмы показывались в кинотеатрах и по ТВ. Хотим снимать в Нью-Йорке - отстёгиваем мафии *ферштункт* (*Ферштункт* - *отступное на идиш* - Прим. перев.). Хотим снимать в восточном Лос-Анджелесе - платим мексиканским бандитам, хотим снимать в Уатс - платим *шварццерам* (*чёрным, "черножопым" т.е. неграм* - на идиш - Прим. перев.).

- Вопрос не в плате ссаным мелким гангстерам-гоям, чтобы мы могли работать, - взорвался Фейнстайн. - Но эти - грёбаные *нацисты*! Что тебе непонятно в слове "*нацисты*", Арни?

- Арни, тут имеются и некоторые практические возражения, - заговорил Дэвид Данцигер, старший юристконсульт киностудии "Парадайм".

Данцигер был "метросексуалом", то есть гордился своей безупречной внешностью, фигурой, отшлифованной гандболом, безукоризненными искусственными зубами и дорогими, сделанными со вкусом костюмами; он походил на кинозвезду больше, чем многие из актеров "Парадайм".

- Моше прав. Они - не уголовники, а одержимые антисемиты, преследующие свою цель. Им нужны не наши деньги, а наша кровь. Вы же знаете, что для нашего народа исторически самым опасным временем было, когда мы больше не могли предложить *гоям* достаточно золота или удовольствий, чтобы подкупить их, и тогда мы вынуждены были начинать искать пути отхода.

- Мы не уйдём из Голливуда, - бросил Сэм Глейзер из студии "ТриВижн". - Ни за что. Ни в коем случае. Голливуд - это не какое-нибудь захолустное *штетл* ("*Местечко*" на *идиш* - *Прим. перев.*) в Польше, которое мы могли бросить после налёта казаков. Голливуд - *наш*, и к дьяволу души этих свиноедов! Мы создали Голливуд, превратили его в самое золотое место во всей этой *гольдене медине* (США - "*золотая страна*" на *идиш* - *Прим. перев.*), и мы намерены удержать город навсегда!

- Да я согласен, мы не можем позволить себе покинуть Голливуд, я говорю, что дело не только в деньгах. Никто и не предлагает этого, - уточнил Данцигер. - Я просто обратил ваше внимание, что мы не можем подкупить Добрармию, как обычно подкупаем гоев, деньгами, сексом или иллюзией власти.

Второе возражение - это вопрос, как мы вступим с ними в переговоры? Как мы найдём нашу группу дружелюбных убийц - фашистов и вежливо попросим их перестать? Я понятия не имею.

- И какую сделку, по-твоему, мы могли заключить с этими людоедами, Арни? - снова вмешался Фейнстайн. - Если они не захотят взять наши деньги, что мы могли бы предложить им, чтобы они остановились?

- По-моему, я догадываюсь, - сказал Блостайн. - Я спросил себя, а что вдруг привело к этой кровавой бане? И думаю, что понял. По-моему, в Добрармии как-то пронюхали о двух наших проектах - "*Родине*" и "*Большом Белом Севере*". Они узнали, и вот - их ответ.

Оба этих фильма теперь заморожены на неопределённое время. Это пришлось сделать, потому что половина ключевых фигур, связанных с подготовкой запуска фильма в производство, мертва или прячется. Полагаю, если мы сделаем некое публичное заявление, что мы всё поняли, и косвенно пообещаем не делать никаких кино или телешоу против Добрармии, они в свою очередь смогут это оценить и прекратят нас убивать.

- Другими словами: терроризм работает, - горько заметил Глейзер. - Чудесно! Отличное послание! Вот так способ отстаивать принципы, Арни!

- Если при отстаивании принципов моя студия теряет миллиард долларов в месяц и десятки жизней наших первоклассных талантов, лучших управленцев и постановщиков, принципы могут идти в задницу Римского папы, - отрезал Блостайн. - Если из-за принципа я не могу попасть домой без бронированного авто и кучи телохранителей, а после тяжёлой работы нельзя посидеть у моего бассейна, где мне славно отсосёт какая-нибудь *шикса* за пару появлений в комедийном телесериале, я называю этот принцип - *шминцип*.

Фейнстайн, наконец, поймал свою сигару и снова впился взглядом в Блостайна.

- Так ты думаешь, что если мы публично унизимся перед этими мерзавцами - убийцами Сидни Глика, Лу Волтца и Арти Бернштейна, мы публично заявим, что будем хорошими жидками и слова плохого не скажем про этих запятнанных кровью психопатов, которые осквернили кровью богоизбранного народа самый невиданный и светлый из всех наших земных храмов. И говоришь, что если мы проделаем этот фокус, они, задрав штаны, убегут назад в северные леса и оставят нас в покое? С чего ты взял, что Добрармия просто не посмеётся над нами и не продолжит убивать нас?

- Я не знаю, - признал Блостайн. - Всё, что я хотел сказать, означает, что наш бизнес должен работать, а мы не можем руководить им из тира, где все мы - движущиеся мишени. Думаю, стоит попытаться.

- Если бы только мы смогли переговорить с ними, сесть за один стол, как бы это ни было невыносимо, - размышлял вслух Векслер. - Мы предложили пять миллионов долларов за головы этих свиней, живых, и десять миллионов - за мёртвых, но от этого, похоже, мало проку. Может, мы подходим к делу не с того конца.

Предположим, что мы им предложим по пять миллионов *каждому*. Я просто не могу поверить, что от таких денег не вскружится голова даже у самого бешеного антисемита. Я хочу сказать, что, судя по тому, что я читал, это парни с плохими зубами и с татуировками, выросшие на грязных стоянках жилых автоприцепов и работающие подсобниками на бензоколонках и продавцами гамбургеров, или работали раньше, пока всю эту работу не захватили мексиканцы. Надо пошуршать пачкой сотен долларов около их ушей, что для этих подонков будет как глас божий.

- Думаю, что даже если мы сможем подкупить эту группу, что они прислали сюда за Оскарами, их боссы в Сиэтле или Портленде просто пришлют других, - сказал Данцигер. - В любом случае у нас нет способа связаться с ними, так что во всей этой затее мало толку.

- Ведь кто-то же здесь знает, кто эти говноеды, и где они, - злобно протянул Рафи Эйтам из "МГМ".

- Согласен, - кивнул Данцигер. - По-моему, нам, пожалуй, имеет смысл подойти к этой проблеме с другой стороны. Начать с интересного вопроса, как они вообще узнали, что мы планировали снять два фильма о Северо-Западе? Кажется, у ФБР и полиции общее мнение, что эти стрелки не из нашего города. Они точно установили снайпера Локхарта, потому что тот оставил свою визитную карточку, а также одного из лучших террористов Добрармии, который пустил газ в аппаратную службы безопасности в "Кодаке", мужчину, известного как "Принц Жезлов". Они также просмотрели видеозаписи с камер слежения за несколько недель до церемонии и уверены, что террористы, как ни странно, заблаговременно *были на экскурсиях* по "Кодаку", просто как обычные туристы.

- Ну, это уже *сверхнаглость*, - неохотно признал Векслер.

Данцигер кивнул.

- Они считают, что установили ещё двоих, мужчину - некоего Уинго и женщину по имени Маги, которых вы, может быть, помните по той большой перестрелке в "ОК Коррал" в Портленде вместе с Локхартом, которую показывали по всем каналам, а Кэсси Рэнсом получила за этот репортаж пулитцеровскую премию. Обращаю ваше внимание, что для выполнения этой задачи Добрармия направила сюда свою лучшую команду, а они не сделали бы этого и не стали бы рисковать своими лучшими людьми без очень серьёзной предварительной разведки. Все полицейские согласны, что у расистов здесь, в Голливуде есть какая-то шпионская сеть, работающая на Добрармию. Действительно, как бы ещё им удалось так успешно отследить наших людей и напасть на них из засады в точно выбранный момент?

- Читая "Вэрайети" и журналы и просматривая Интернет можно узнать почти всё, что нужно о любом человеке в Голливуде, - заметил Векслер. - Это часть цены, которую мы платим за известность.

- Да, но информация Добрармии представляется гораздо более глубокой, чем эти сведения, - ответил Данцигер. - Знаете, что сейчас думает полиция о том, как они выбрались из "Кодака" в вечер убийств? На двух краденых полицейских машинах, одетые в форму полиции Лос-Анджелеса, которая была получена из костюмерной киностудии "21-й век Фокс". Два полных комплекта исчезли примерно в это время.

Как это могло случиться? И как эти чужаки могут передвигаться по городу и скрываться от закона, в городе, где все по привычке следят друг за другом. По картам с домами звёзд, которые они купили у торговцев на Холливуд и Вайн? Нет, господа, этим людям помогают и помогают изнутри. Помогают голливудцы. Кто-то из наших рядов оказывает им помощь. Полиция ищет стрелявших, но без особого успеха. Нам надо сосредоточиться на поиске среди своих людей. Предателей нашего города и нашей отрасли, которые ввергли нас в этот ужас и которые - среди нас.

- Ну и как мы сможем это сделать? - спросил Блостайн.

- Мы введём в дело Марти Шульмана, - решительно отчеканил Данцигер.

- "Еврейскую кувалду"? - удивился Блостайн.

- Ему не очень нравится эта кличка, - заметил Данцигер. - И он думает, что тот фильм был идиотским. Ну, так оно и есть.

- Ну да, я же забыл, что он - твой зять, - усмехнулся Блостайн. - А он, правда, так крут, как о нём говорят?

- Что я могу тебе ответить? - воскликнул Данцигер, возведя руки к небу, как это как обычно делают евреи. - Мужик живёт с моей сестрой Кэрол почти пятнадцать лет.

- Я тебя понял, - кивнул Блостайн. - О'кей, мы нанимаем твоего крутого зятя, но, собственно, к чему?

- Установить, что, чёрт возьми, случилось в вечер Оскара, кто в этом был замешан, и я говорю не об этих оборотнях из северной тундры, а имею в виду тех наших собственных дрессированных *гоев*, которые привели сюда этих дикарей. Кто предал нас? Кто посмел протянуть грязные лапы к зенице ока Божьего? Установим это, а потом подумаем, как использовать полученные сведения. Не заключать сделку с этими убийцами, а уничтожить их.

- Если Марти сможет сделать это для нас, ты знаешь, деньги не будут проблемой, - проникся идеей Блостайн.

- Ты ещё не получил от него счёт, - предостерег его Данцигер.

* * *

Лицензированный частный сыщик Мартин Шульман очень не любил, когда его называли "еврейской кувалдой", так как фильм с таким название действительно был исключительно тупым даже по меркам Голливуда. (*В России название фильма перевели как "Убойный молот". - Прим. перев.*). Однако эта кличка прилипла к Мартину, и поэтому всякий раз, когда его спрашивали об этом, он отвечал, что "это значит, что я - еврей Майк Хаммер".

Внешне он ни в коей мере не выглядел круто. Шульману шёл сорок первый год, и этот толстый, лысый и волосатый как обезьяна коротышка с круглой оплывшей еврейской физиономией и шнобелем, как у верблюда, выглядел сошедшим с нацистской карикатуры из Германии 1930 годов. Щёки Марти всегда синели, как бы он ни брился, и от него постоянно

разило смесью дешёвого одеколона и пота. Он, как последний неряха, носил пыльную спортивную куртку, потёртый галстук, всегда болтающийся на расстёгнутой рубашке в пятнах от супа, и стоптанные туфли. Из угла рта с толстыми, красными губами у него неизменно торчала самая большая дешёвая сигара, которую ему удавалось найти. Он выглядел как "жучок" на скачках или самый скользкий торговец подержанными автомобилями, какого только можно вообразить.

И тем не менее Марти Шульман был умён, и, что ещё важнее для Голливуда, хитёр. Он был жестоким, совершенно бессовестным и очень хорошо знающим своё дело, то есть решал щекотливые вопросы кинематографической кошерной мафии, которая управляла Городом мишуры.

Он и представлялся на визитных карточках, не как "Частный сыщик", а "*Мартин Шульман - консультант по решению проблем*". Много раз он сидел в офисе Сида Глика, Лу Волтца или другого магната, или в роскошном доме известного актёра или актрисы, и говорил клиенту: "Сид", ("Лу" или кто-нибудь другой). "Тут такое дело. Я не берусь за разводы, не копаюсь в прошлой жизни, не хожу хвостом за людьми, не проверяю учёт на складе и тому подобное. Ты нанимаешь меня не для того, чтобы я выследил кого-то и узнал, с кем он трахается, или поймал того, кто запускает руку в кассу. Или что предлагают другие студии твоим режиссёрам и талантам, какие сценарии они готовят, не для такой чепухи. Я решаю проблемы. Ты рассказываешь, в чём твои трудности, *кто* твоя проблема, а я устраняю эту проблему. А когда проблема исчезает, я говорю тебе, сколько это стоило, и ты платишь, не задавая вопросов и не спрашивая, как всё было сделано. Никогда".

Марти Шульман знал в Голливуде всех, кто чего-нибудь стоил, и многих из тех, кто не стоил ничего. У него были постоянные платные осведомители на каждой студии, в каждом городском правительственном учреждении, в каждом шикарном ресторане, бистро, гостинице и "неболтливом" мотеле, в каждой больнице и врачебном кабинете, в каждой охранной компании и во всех частных спортивных и оздоровительных центрах южной Калифорнии. Это была частная разведывательная система, которая заставляла ФБР краснеть от стыда за свои сети информаторов. Не говоря уже о том факте, что Шульман давал взятки половине полиции Лос-Анджелеса и ведомству шерифов округа, плюс окружному коронеру (*следователю по убийствам - Прим.перев.*) для ровного счёта.

Шульман знал, кто берёт и даёт взятки, за что и какие. Он знал, где зарыты секреты Голливуда, иногда в буквальном смысле. Знал, кто и на каких наркотиках сидит, и все их идиотские выходки под действием этой дряни. Знал, кто был нормальным, кто - педерастом, а кто - бисексуалом, скотоложцем или некрофилом. Его сложная система незаконного прослушивания и электронного наблюдения соперничала с подобной системой министерства внутренней безопасности.

В секретном шкафу Шульман держал длинные ряды картотечных ящиков и не только с бумажными папками, но и с тысячами кассет, компакт- и видеодисков, видеофильмов с информацией, незаконно полученной в результате его личного шпионажа, которая приносила ему доходы от шантажа, равные годовым доходам, ежегодно указываемым им в налоговой декларации. Этот тайный склад грязи на обитателей всего города приобрёл в сплетнях сказочные размеры, и значительная часть элиты Голливуда жила в страхе, что ленты, видеозаписи и стенограммы всех их тайных грехов будут когда-нибудь обнаружены Шульманом.

Коньком Шульмана было устранение неудобных людей. Назойливых поклонников, вымогателей, торговцев наркотиками, которые отказались поставлять их нужному таланту, так чтобы те могли очиститься к съёмкам или продали таланту дрянь, вызвавшую досадную передозировку, профсоюзных деятелей, которые стали слишком жадными или поглупели и

не остались в списке студии. *Шикс* - старлеток или звездочек, которые после субботних вечеринок спутали страстные любовные ласки с изнасилованием, поднимали шум и донимали полицейских своими жалобами, настырных матерей, которые вмешивались в дела многообещающих детей-звезд и задавали слишком много финансовых вопросов, бывших жён, слишком хорошо знакомых с законами Калифорнии о собственности при разводах, адвокатов, навязывавших свои услуги и грозивших нарушить покой избранных или власть имущих. Журналистов, которые вздумали сделать себе имя, раскапывая скрываемые тайны и выходя в эфир с грязным бельишком патриархов Израиля, папарацци, сделавших неудобные снимки людей и событий там, где не нужно, охранников и секретарей, которые увидели или услышали то, что им не следовало. Шульман занимался любыми людьми, которые угрожали испортить всё дело или раздражали властелинов голливудской машины грёз.

Марти гордился своей изобретательностью в организации исчезновений таких людей. Он использовал прямое убийство только как последнее средство, потому что представлял опасности непредвиденной "отдачи". Кроме того, он считал убийство последним делом, грубым и безвкусным, которым занимаются примитивные *гой* - гангстеры и хулиганы. По мнению Шульмана, в таких делах евреи всегда были намного умнее и всегда демонстрировали больше творческого подхода и *изящества*. Иногда достаточно было просто дать денег, чтобы убедить какого-нибудь папарацци переехать в Нью-Йорк, или несостоящуюся актрису - убраться восвояси.

Когда шекели не помогали, часто срабатывал шантаж. В Голливуде у каждого был свой "скелет в шкафу", поэтому Шульман неумолимо выискивал тайны и выгодно использовал их как средство заставить других работать на себя. Затем следовала тщательно подстроенная провокация, или в напиток жертвы незаметно подбрасывался наркотик ЛСД. Жертвы Шульмана часто исчезали в тюрьмах, психолечебницах и тщательно охраняемых центрах социальной реабилитации, которые в действительности были частными тюрьмами киностудий.

Иногда хватало избиения до полусмерти в каком-нибудь глухом переулке или в гараже некими особого рода наёмниками Шульмана, чтобы человек всё понял, хотя, когда до этого доходило, Марти и сам никогда не стеснялся закатать рукава и испачкать руки. Любимым инструментом исправления наглых *гоев* был запачканный кровью ломик, который Шульман возил в багажнике своего "линкольна" городской модели с израильским флагом на заднем стекле, и наклейками - "Еврейское каноэ" на переднем бампере и "Поцелуй мне, я - еврей!" на багажнике.

Сердце Шульмана переполняли гордость и надежда, когда его вызвали в Бункер, и главные люди в кинопромышленности дали ему задание найти и обезвредить разведывательную сеть Добрармии в Голливуде. Это будет его величайшее дело. Он поразил уцелевших боссов и управляющих киностудий, согласившись выполнить работу бесплатно, просто из *Ахават Исроел* - любви к еврейскому народу. Шульман, как и все они, понимал, что сможет превратить свой успех в миллионы долларов, не получив от боссов ни единого цента оплаты. После окончания дела, один договор на издание книги должен принести ему несколько миллионов долларов. Плюс работа выполнялась без ограничения текущих расходов, и Шульман мог мотать деньги по своему усмотрению.

- Я хочу просить только об одном, - сказал он в конце встречи. - Когда вы соберётесь снимать кино об этом величайшем моём подвиге, я хочу сыграть самого себя.

Озадаченный Блостайн согласился. Шульман был на седьмом небе. Он прожил всю свою жизнь рядом с кинозвездами, и теперь после многих лет получал шанс стать одним из них.

Шульману выделили собственный кабинет в Бункере, уютный уголок с ковром, столом красного дерева и секретаршей, но он лишь заглянул туда и отказался.

- Нет-нет, - заметил он своему зятю Данцигеру, - Это серьёзное дело. Мне нужно место для работы, а не для болтовни.

Вместо этого Шульман занял закуток в подвале рядом с гудящей системой кондиционирования воздуха, где он поставил пару металлических столов, складной стол и несколько старых скрипучих вращающихся кресел, которые нашёл на складе вместе со старыми картотечными ящиками. На один стол он поставил новый компьютер с быстродействующей радио- и спутниковой связью. А в ящик другого стола сунул бутылку виски "Джек Дэниелс" и свой автоматический пистолет 45-го калибра.

Шульман всегда держал то и другое в любом столе, которым пользовался. Они отвечали его представлению о самом себе как Филипе Марлоу - герое романов Рэймонда Чандлера. Шульман даже держал собственную контору в захудалой части центра города, со своим именем на матовой стеклянной двери. У него ушло несколько месяцев, чтобы найти место с кричащей неоновой рекламой, мерцающей ночью за окном на втором этаже, чтобы воссоздать подлинное окружение частного сыщика. Голливудская клиентура Шульмана клевала на это.

Дейв Данцигер должен был играть роль связного с боссами и следить, чтобы у Шульмана имелось всё, в чём тот нуждается. Он зашёл к Марти на следующее утро после того, как сыщик поселился в подвале.

- Я дал тебе кабинет у зала рядом с моим собственным, а ты зачем-то выбрал эту помойку? - спросил он, оглядывая убогую комнатку.

- Я буду сидеть здесь как созерцающий Будда и докажу на все времена, что еврейский мозг выше нацистской грубой силы, - напыщенно взмахнул руками Шульман. - Ты достал у ФБР, что я просил?

Данцигер открыл портфель и вынул огромную папку-гармошку, такую толстую, что он еле мог держать её одной рукой.

- Наш *бойчик* в ФБР уверял меня, что здесь весь существенный материал, всё, что они разузнали, и что, по их мнению, может что-нибудь значить. Если по твоему в этой папке чего-нибудь не хватает, документов, показаний свидетелей, чего угодно, дай мне знать, и я достану это для тебя. Тебе ещё что-нибудь нужно?

- Сейчас мне нужно, чтобы ты, как амёба, отделился. Я хочу сесть и прочитать всю эту папку, а потом подумать над начинкой. А когда всё обдумаю, сегодня, завтра или на следующей неделе, поднимусь к тебе наверх.

Шульман читал быстро и имел почти фотографическую память. Как только Дейв ушёл, Шульман налил себе огромную кружку чёрного кофе из кофейника в углу, сдобрил щедрой порцией "Джека Дэниелса" и уселся за папку, украденную в ФБР. К четырём часам того же дня он уже был в кабинете Данцигера и вернул ему огромную папку.

- Можешь забрать её, пока у нашего друга не начались неприятности. Теперь она вся в моей *копф* ("*голова*" на *идиш* - Прим. перев.). Я сделал несколько заметок и пару копий, - сказал Шульман, взгромоздившись на полированный стол Данцигера.

- Ну и как ублюдкам удалось устроить этот кровавый спектакль? - спросил Данцигер.

- Ну, это очевидно, - ответил Шульман, пожав плечами. - Мы узнали, что они сбежали через потайную дверь, как показывают видеозаписи с камер наблюдения, так что они, должно быть, и вошли по той же дорожке. Они проникли из отеля "Ройял", с карточкой-ключом. А их человеком внутри, в театре был тот самый сержант Фаррелл - охранник из "Центуриона", который исчез прежде, чем его смогли поймать и допросить. И этот же *поц* (х..) поднял большой *цимес* (*шум*) у главного входа, который выманил шефа безопасности из

аппаратной охраны, где как раз в этот момент все были отравлены слезоточивым газом. Это не было совпадением. Всё было очень тщательно и умело спланировано. Можно сказать, что некоторые из этих людей - бывшие военные.

- Да, мы всё это знаем, ФБР уже это выяснило, - раздражённо заметил Данцигер. - Ты понимаешь, они же не полные идиоты. Мы также знаем, что террористы скрылись с места преступления на двух угнанных машинах полиции Лос-Анджелеса, двое из террористов были одеты в полную полицейскую форму, украденную из одной из наших собственных студий. И, по крайней мере, один из них вошёл в аппаратную охраны отеля "Ройял", убил дежурившего охранника и забрал накопитель на жёстких дисках охранной системы наблюдения, по-видимому, потому, что по ним можно было узнать, что террористы делали в отеле.

Вшивая квартира Фаррелла была разобрана по кирпичику, и все, кто когда-нибудь был с ним знаком, даже мельком, были задержаны и допрошены. Каждое место в городе, где он хоть раз пил пиво, покупал продукты или пару литров бензина, было установлено по его кредиту и магазинным карточкам, каждая библиотечная книга, которую он когда-либо читал, просмотрена, все его родственники по всей стране теперь под наблюдением, их телефоны прослушиваются, а сам он объявлен во всемирный розыск как террорист. Фаррелл - наша единственная ниточка к убийцам.

- Нет, не единственная, - поправил его Шульман. - Забудь про этого охранника. Он наверно спрятался в какой-нибудь вонючей дыре в Айдахо и как раз сейчас собирает бомбу на лося или вроде того. У них был, по крайней мере, ещё один человек внутри. Именно его нам нужно найти.

- С чего ты взял, что вообще есть такая личность? - удивился Данцигер.

- Я вычислил его. Я чувствую его присутствие. Он нарушает Силу, и я ощущаю его. Я задал себе пару вопросов, - говорил Шульман, и его руки плавно раскачивались как ветви пальмы под ветерком. - Вопрос проникновения. У кого стрелки получили карточку-ключ или несколько карточек для входа через потайную дверь?

- Конечно, у предателя - сержанта охраны, - ответил Данцигер.

- Марвин Хейгерман клянётся, что это невозможно, потому что его единственная личная карточка-ключ от дирекции "Кодака" постоянно была с ним или закрывалась в сейфе для оружия в аппаратной охраны, к которому Фаррелл не имел доступа. Кроме того, если бы кто-нибудь смог открыть сейф и вынуть карточку из её гнезда, то включился бы сигнал тревоги. Допустим, что он не врёт, и Добрармия получила карточку-ключ не от Фаррелла. Тогда, где? Только у дирекции отеля "Ройял" есть другие карточки-ключи.

Завтра я схожу в "Ройял", немного поболтаю, возможно, похлопаю по плечу метрдотеля или коридорных, и уверен, что узнаю, что копии этой карточки-ключа в тот вечер толкали по сотне зелёных за штуку самым разным людям, и там ушло больше одной неразрешённой копии. Потайная дверь - хуже всего хранимый секрет в городе, и всякие недоумки могли иметь причину и желание по работе или для развлечения незаметно входить и выходить во время церемонии.

Второй вопрос, почему террористы забрали жёсткий диск у охраны отеля?

- Ну, чтобы их не опознали, когда их снимут на видео при входе в отель, - предположил Данцигер.

- Ты должен понимать намерения этих людей, Дэвид. Конечно, я понимаю, почему они не хотели быть узанными при входе в отель перед нападением, но позже? Им на это положить. *На самом деле, они хотят*, чтобы весь мир знал, кто это сделал, и гордятся этим. Считают своей заслугой, и даже оставили свои грёбаные визитные карточки на месте преступления рядом со всеми трупами. Тогда зачем брать накопитель на жёстких дисках,

если не для защиты какого-то лица, которое старается остаться неизвестным? Как они прошли в отель со всем снаряжением? - спросил Шульман. - Они что, должны были идти через передние двери в масках и с автоматами?

- Нет, конечно, нет, они, должно быть, как-то проникли, без масок, - согласился Данцигер. - Они, наверняка, протасили оружие и маскировку и всё остальное отдельно.

- Я уверен, что они прошли прямо в грёбанные передние двери, а их оружие и снаряжение и, может быть, карточка-ключ уже ждали их. Это означает, что они, должно быть, пронесли снаряжение много раньше, потому что за несколько часов перед началом церемонии "Ройял" перешёл под ответственность полиции Лос-Анджелеса, не считая всех охранников и служащих отеля на каждом шагу. Но никто не сообщал ни о каких подозрительных группах людей, входящих в здание. Так как же они пронесли всё оружие и взрывчатку внутрь?

- Может, в чемоданах или каких-нибудь сундуках? - строил догадки Данцигер.

- Да, скорее всего. Итак, при каких обстоятельствах кто-то приносит чемоданы или сундуки в отель? - задал риторический вопрос Шульман.

- Когда регистрируется! - нахмурился Данцигер. - *Гевалт* (*караул* - на идиш), Марти, я понял, на что ты намекаешь. Это значит, что ...

Шульман кивнул.

- Это значит, что вместо того, чтобы пытаться провести команду боевиков и всё оружие в отель "Ройял" во время церемонии, стрелки вошли в отель намного раньше, чем сначала думали полицейские. За день, а, может, и раньше. Я думаю, что они уже были в здании, когда ввели оцепление. И скрывались в одном из номеров.

- Но ведь полиция и ФБР установили и допросили каждого отдельного человека, отметившегося как постоялец в "Ройяле", не говоря уже об обслуживании, - напомнил Данцигер. - По их словам, они всё точно проверили, кто и где был, и у всех было правдоподобное объяснение того, почему они там находились.

- Точно, - подтвердил Шульман. - Один из этих постояльцев и был их вторым сообщником. Теперь я намерен найти его. Или её.

* * *

В городском доме в Brentwude группа добровольцев с Северо-Запада с мрачным видом располагалась перед большим телевизором с плазменным экраном. Они смотрели, как первые колонны ФАТПО, Федеральной антитеррористической полиции, въезжали в Портленд, направляясь в свою недавно построенную и укрепленную "зелёную зону" в северном Портленде. "Пухлые", как их уже прозвали в Добрармии и по всему Северо-Западу, ехали в бронированных грузовиках, сопровождаемых боевыми машинами "Страйкер" и "Брэдли", увешанные оружием тёмно-синего цвета, настолько тёмного, что оно выглядело почти чёрным. "Пухлые" были упакованы в бронежилеты, шлемы и защитные очки. Лиц было не видно, хотя все знали, что новые войска состоят в основном из чёрных и латиносов.

- Подходящее место они выбрали для своего расположения, - заметил Кот Локхарт. - Прямо посреди ниггер-гетто. Любой белый, который пойдёт туда на разведку или на задание, будет торчать на улице как памятник.

- В репортаже говорится, что в Портленде уже было несколько "соприкосновений с террористами", что бы это ни значило, и насколько можно верить тому, что они говорят, - сказала Кристина Экстрем. - Они могли это выдумать. Никогда и ни в чём нельзя верить американским СМИ.

Лейтенант Уэйн Хилл хмуро смотрел передачу.

- Их распоряжения должны вызвать столкновения с местными жителями, если они не могут выманить нас, то легко возьмут на прицел их, затем сначала начнут стрелять, а задавать вопросы будут потом. Они называют это "установлением динамичного и действенного присутствия в местном сообществе", иначе говоря, дают понять простонародью, кто в доме хозяин.

- Чертовски жаль, что мы сейчас не дома, - вздохнул Локхарт.

Хилл покачал головой.

- Вполне возможно, что это часть их плана и одна из причин того, что Хиллари ввела войска раньше - попытаться устроить неприятности на Родине, чтобы мы отозвали свою ударную группу из Лос-Анджелеса домой для борьбы с этими новыми бандами громил и таким образом уменьшили давление на Голливуд, - пояснил он собравшимся.

- Мы должны удвоить здесь наши усилия по разрушению машины грёз, чтобы не давать врагу использовать её для поддержки режима и ведения пропаганды. Теперь это важнее, чем когда-либо раньше, так как мы не хотим, чтобы СМИ и индустрия развлечений слепили из этих бандитов и незаконных вооружённых громил героев в стиле Чака Норриса. Мы должны иметь в виду, что Голливуд для ЗОГ это оружие намного более мощное, чем у этих мордovorотов.

Так как число наших главных живых мишеней несколько сократилось, мы будем больше нагружать Паскареллу и его группу и делать больше бомб для установки в автомашины, чтобы физически уничтожить их производства, съёмочные площадки и оборудование. Помните, в колониальной войне капитулируют не генералы, а бухгалтеры, и мы намерены довести до отчаяния бухгалтеров Голливуда, превращая в мусор всё больше их "игрушек" и поднимая расходы до небес.

- Сэр, вы сказали нам однажды, что, как стало известно, эти сукины дети прибывают сюда более чем на год, - сказал Локхарт. - Я не хочу знать секретов, но как армия на это ответит?

- Первым результатом будет значительное наращивание сил в распоряжении ЗОГ для операций типа "найти и уничтожить", массовых обысков дом за домом, сооружение контрольно-пропускных пунктов, облавы в городских районах, и так далее и тому подобное, - начал Хилл. - В сельской местности, где работают наши люди вроде Зака Хэтфилда, это не окажет слишком большого влияния. У Тихоокеанского Северо-Запада огромная площадь, и даже дополнительные 50 тысяч человек не смогут закрыть такую территорию с большим результатом, чем те части полиции и регулярных вооружённых сил, которые там уже развернул ЗОГ. Больше всего это затронет нас в густонаселённых городах вроде Портленда, Сиэтла и столичного Пьюджет-Саунда, Спокана и в городах поменьше, таких как Бойсе, Юджин и так далее. Это означает, что враг сможет быстрее сосредоточить больше огневой мощи после "щекотки". Площадь Большого Сиэтла огромна, и, по-моему, там не может быть настолько плохо, но Портленд намного меньше и гораздо плотнее населён, и там нам будет сложнее. Помните известную операцию "Большая волна 2007", когда Буш-2 и его жидкие друзья - неоконсерваторы попробовали обезопасить Багдад за счёт наращивания войск? Тогда это не сработало, но Ведьма, кажется, ничему не научилась на ошибках Ушастого. В основном эта ФАТПО задумана для защиты городов и снижения уровня насилия, по крайней мере, до управляемого уровня, а также предотвращения полной потери федерального контроля, как это уже произошло на огромных участках в сельской местности. Теоретически, как только они зачистят города, то могут попытаться двинуться в городки поменьше как Зак в Астории. Интересно посмотреть, чем это закончится

- И как мы намерены с этим бороться, сэр? - спросила Кристина.

- Как иракцы в 2007 году, - ответил Хилл. - Если бить и убегать, завтра сможешь бить опять. Мы уйдём из центральных районов Портленда, вернувшись в ожерелье конспиративных домов и оперативных центров на границах "большого" Портленда, на его дальних окраинах и в сельских округах, и будем наносить удары внутрь, стараясь заманивать "пухлых" в засады. Они могут с успехом снизить уровень революционного насилия в самом городе на какое-то время, но их собственные потери возрастут, так как теперь у нас появляется больше целей для стрельбы.

Залог успеха в партизанской войне, ключ к победе над противником, превосходящим нас в силах и средствах, состоит в выборе точек давления на него. И достижении в каждой маленькой операции огневого превосходства над противником *в этой самой точке*, даже если враг в общем превосходит нас по численности в 20 раз.

Противник пытается изменить это соотношение, и теперь более чем когда-либо ранее, наш девиз - *не дать им окружить нас*, заманить в ловушку в каком-нибудь доме или на малой площади, где они могут использовать своё численное превосходство и огневую мощь. Мы должны оставаться лёгкими, подвижными, никогда не попадаться в ловушки, и, прежде всего, *нападать, нападать и нападать!* В идеале никто, включив телевизор на Северо-Западе, не должен видеть, что делают "пухлые" и полицейские. Народу нужно видеть дела Добрармии. Мы должны внести свою лепту и обеспечить, чтобы у народа было что смотреть на *"Шоу-бизнес сегодня вечером"*, кроме подвыпивших придурковатых знаменитостей.

- А что нового с нашей собственной безопасностью, сэр? - спросил Локхарт.

- Мы были заняты, пуская "пухлых" по ложному следу, звонили по телефонам доверия, чтобы они зря тратили время и бегали по кругу, и это оказалось очень полезным, - ответил Хилл. - Теперь Рипли говорит мне, что в ФБР устали усердно трудиться и намерены попытаться работать умно, как они это понимают. Кажется, до фэбээровцев, наконец, дошло, что так хорошо скрываться и передвигаться по Лос-Анджелесу помогают нам местные. Так что они как черти роются во всех своих старых архивах и грозят тюрьмой любому, кто имеет даже самую отдалённую связь с Тихоокеанским Северо-Западом, что будет ещё одной громадной потерей времени и усилий. Я даже не говорю об огорчении и отчуждении многих совершенно верноподданных американцев, которые не останутся такими же после ареста нашими друзьями в шёлковых костюмах.

Хилл не знал, что в этот момент именно такой человек обнаружил, что из-за совершенно невинной связи с Северо-Западом её жизнь внезапно превратилась в испражнения.

Джулия Лир, энергичная тридцатидвухлетняя помощница режиссёра телевидения на лос-анджелесской студии "Фокс Энтетеймент", придя в то утро на работу, заметила, что при её появлении сотрудники вдруг замолкли ещё в лифте и стали смотреть, как она входит в административную зону. Джулия, высокая и стройная, в обычном безупречном деловом костюме уверенно вошла в комнату отдыха, чтобы положить свой экологически чистый обед в холодильник, и была озадачена, когда сотрудники, сидящие за столами, пьющие кофе и жующие рогалики, молча встали и вышли из комнаты. Она направилась через зал в свой офис и спросила свою секретаршу-азиатку: "Лин, разве мой дезодорант сегодня утром не работает? Происходит что-то странное...". Тут она поймала злобный взгляд азиатки. Лин показала на кабинет Джулии, где та обнаружила двух агентов ФБР с пустыми глазами, чёрного и белого, которые спокойно рылись в её столе и листали журнал записи её деловых встреч.

- *Какого чёрта* вы здесь делаете? - удивлённо воскликнула она.

Агенты глянули на неё, полезли в карманы и махнули своими значками и удостоверениями.

- Я - агент Редферн, - сказал белый, - А это агент Вебб. Мы из ФБР. Вот как мы будем работать, мис Лир. Ты сядешь и будешь отвечать на все наши вопросы, немедленно и правдиво, и даже не пытайся вешать нам дерьмо на уши. Мы расследуем одно самых массовых террористических убийств в истории этой страны, и нас удовлетворит только твоё полное сотрудничество без малейшего возмущения, виляния и обмана. Как и твоих хозяев. Мы уже говорили о тебе с твоим начальником Майроном Силверстейном. В конце нашей беседы мы решим, поедешь ли ты с нами в центр города, поговорить с очень неприятной женщиной с набором иголок, а мистер Силверстейн решит, будешь ли ты ещё у него работать или нет.

Редферн сел за собственный стол Джулии, а чёрный агент Вебб закрыл дверь. Редферн показал на кресло перед столом.

- Сядь.

Джулия была ошеломлена.

- Но я не понимаю ...

- СЕСТЬ! - взревел Редферн.

Вебб схватил Джулию за плечи, швырнул в кресло и быстро притянул обе её руки к ручкам кресла пластиковыми наручниками, которые вытащил из кармана.

- Что вы делаете?! – закричала Джулия. - Как вы смеете! Вы не имеете права ...

Вебб сзади схватил серёжки Джулии, закрутил мочки ушей и сильно дёрнул, вырвав серёжки из проколотых мочек. Джулия дико закричала от внезапной боли и в ужасе смотрела, как Редферн наклоняется вперёд и спокойно произносит:

- Даже не смей снова указывать нам, что мы имеем право делать, а что нет, Лир. Я не знаю, где ты была последние годы, но у нас есть законное и моральное право делать, что угодно с тобой и с кем угодно, разыскивая этих террористов. Этих убийц, которые стремятся уничтожить нашу свободу и наш американский образ жизни. Теперь, я буду задавать вопросы, а ты - отвечать на них. Если мне не понравится то, что я услышу, ты пойдёшь с нами, и не только, чтобы повторить свою ложь женщине с иглами, но сегодня вечером в камере ты познакомишься с новым для тебя разнообразным и мультикультурным сексуальным образом жизни.

А когда мужчины закончат с тобой, мы бросим тебя в женскую арестантскую камеру для ещё более полного погружения в великолепную мозаику Америки. Там большие чёрные бандитки и горячие латинки потрясут твой мир. Ты поняла? Теперь ответь, как хорошо ты знаешь некоего Закари Эллисона Хэтфилда, и когда ты говорила с ним последний раз?

- Сукин сын! - разрыдалась Джулия. - Мой брат - полицейский, шериф в округе Клэтсоп, в Орегоне, и если вы будете меня мучить, он приедет сюда и ...

Вебб наклонился и приложил включенный на неполную мощность электрошокер к затылку Джулии, и несколько секунд она кричала от боли, пока Редферн нетерпеливо не приказал чёрному прекратить.

- Она должна быть в состоянии понимать вопросы и отвечать.

Джулия дрожала в кресле, опустив голову, и кровь из её разорванных ушей стекала по обеим сторонам шеи на воротник и блузку.

- Зак Хэтфилд, - бесстрастно повторил Редферн. Зак Хэтфилд! Ну, Лир!

- Я не видела и не говорила с Заком Хэтфилдом много лет, - с трудом проговорила Джулия, все ещё не в состоянии поверить в происходящее, ведь меньше десяти минут до этого кошмара она поднималась в лифте и готовилась к дневным встречам, работе над сценарием и обеду с режиссёром.

- Что с ним?

- Ты знаешь, что с ним, - холодно ответил Редферн. - Ты знаешь, что он делал в последние два с половиной года?

- Да, знаю, - подтвердила Джулия. - Он сейчас в Добрармии. Так всё из-за этого? Вы пытаете меня из-за человека, с которым я была знакома четырнадцать лет назад?

- Ты ложилась с собакой, и, может, набралась расистских блох, - вставил Вебб сзади низким и грубым голосом.

- Твой братец, похоже, не очень старается его поймать, - ухмыльнулся Редферн. - Может, мы говорим не с тем, с кем нужно из семейства Лир, но ты - единственная в нашем городе, где произошло массовое убийство, показанное по телевизору всей стране, так что мы начали с тебя. Что за отношения у тебя с Закари Эллисоном Хэтфилдом?

- Он был моим парнем в средней школе тогда, в Астории, потом его призвали в армию, а я поступила в колледж, - ответила Джулия. - Это *всё*. Честное слово, я не помню, когда последний раз говорила с ним. Я редко бывала дома.

Это продолжалось больше часа, снова и снова, одни и те же вопросы. "Когда она последний раз встречалась или разговаривала с Заком?" "Когда она последний раз разговаривала с братом, шерифом Тэдом Лиром?" "Когда она последний раз ездила в Асторию или куда-нибудь ещё на Северо-Западе?" "Кто ещё из её знакомых в Астории является членом Добрармии или может иметь расистские взгляды?" "Кого из земляков с Северо-Запада она знает в Лос-Анджелесе?"

Они тыкали в лицо Джулии снимки людей, которых она в жизни не встречала, и требовали признаться, когда она в последний раз их видела. Они хотели знать, где она была во время вечера Оскара, поминутно, что было слабым местом, так как она была дома одна и смотрела церемонию по телевизору.

Джулия пыталась сказать им, что была искренне потрясена и испугана этими жестокими убийствами, что она не расистка и не сочувствует Добрармии, членов которой искренне считает убийцами и психами. Но они просто продолжали долбить её вопросами, кричали, оскорбляли и угрожали ей. Вебб бил Джулию сзади по щекам и ушам, когда ответы казались ему медленными, и ткнул её разок электрошокером просто для развлечения. Один раз негр обошёл кресло и плюнул в Джулию. Джулия знала, что весь этаж слышит её крики и мольбы о пощаде, вопли и угрозы фэбээровцев. Но никто не пришёл ей на помощь.

Внезапно Редферн взглянул на Вебба и раздражённо сказал: "Дерьмо. Она ничего не знает. Давай кончать".

Он встал из-за стола, Вебб открыл дверь, и пара без единого слова вышла из комнаты. Испуганные взгляды поверх перегородок проводили двух агентов ФБР до входа в лифт. Вебб нажал на кнопку и, вынув записную книжку из кармана, сделал пару пометок. "Кто следующий по списку?" - обыденно спросил Редферн. Двери лифта со звоном открылись, два агента зашли внутрь, и двери закрылись. На всём этаже стояла тишина, прерываемая только приглушёнными рыданиями Джулии, раздающимися из открытой двери её кабинета.

Никто не зашёл в кабинет. Через несколько минут из коридора появился и вошёл в дверь кабинета охранник в униформе, белый мужчина среднего возраста. Огляделся и, молча, подошёл к женщине в кресле. Вынул карманный нож, перерезал пластиковые путы, которыми Джулия была привязана к креслу, и помог ей встать на ноги.

- Я хочу помочь вам дойти до женского туалета, мисс Лир, - сказал он мягко. - Я подожду, пока вы немного приведёте себя в порядок. Потом я должен забрать у вас все ключи, карточки-пропуска и ваше служебное удостоверение и проследить, чтобы вы забрали из кабинета все свои личные вещи. Я принесу коробку для ваших вещей. Мистер Сильверстайн сказал, что с этого момента вы уволены и должны покинуть здание. Ещё он

просил передать, чтобы вы не пытались искать работу в Лос-Анджелесе и вообще в шоу-бизнесе. И добавил пару слов о вас, которые я не хочу повторять. Мне очень жаль, мэм. Вы всегда мне нравились. И всем нам.

- Я нравилась вам недостаточно, чтобы помочь мне, - горько всхлипнула Джулия. - Вы слышали, что они здесь делают со мной. Все вы слышали! - крикнула она в сторону кабинок.

- Почему никто из вас, сволочи, пальцем не шевельнул, чтобы помочь мне? - закричала Джулия.

- Почему белые никогда не помогают другим белым? - спросил охранник со вздохом. - Потому что они *боятся*. Вы же знаете. Мы все боимся.

- Не все, - сквозь слёзы прошептала Джулия, открывая двери женского туалета. - Я знаю одного белого, который не боится.

В логове льва

*Возьми свою удачу и увидишь,
Что слишком доверяться ей - опасно.*

Гамлет – Акт III, Сцена 4

Как только Марти Шульман решил, что помощник Добрармии в отеле "Ройял", по всей видимости, снимал номер, в котором могла укрываться диверсионная группа, он начал последовательно и тщательно искать его. Он просмотрел весь список постояльцев, которые были зарегистрированы в "Ройяле" в вечер Оскара, и всесторонне изучал каждого, пока не приходил к выводу, что может вычеркнуть его из списка подозреваемых. Разыскал и поговорил с каждым из персонажей лично, с разной степенью вежливости и обходительности, согласно занимаемым ими ступенькам на "лестнице" Голливуда.

Эта беготня заняла у него две недели. В некоторых случаях Шульману пришлось лететь через всю страну и даже в Европу, чтобы пересечься с бывшим постояльцем из этого списка. Конечно, первым классом, благодаря бездонному счёту на текущие расходы. Туристы, бизнесмены, приехавшие по делам, журналисты и работники СМИ из города, которые освещали ход церемонии по вручению наград киноакадемии, люди разного сорта, которые были гостями студий или глав студий, экстравагантные знаменитости и многие другие, зарегистрированные на нижних этажах, похоже, имели какую-нибудь вескую причину находиться в отеле Голливуда в тот вечер. После того как Шульман вычеркнул из списка мелкую рыбёшку, там остались номера на двух верхних этажах и пентхаус, зона вечеринок, и комнаты, снятые большими звёздами и влиятельными лицами.

Шульман понимал, что теперь он должен продвигаться осторожнее, чтобы не огорчить "кассовых" актёров, а также постараться, чтобы преследуемая добыча не узнала, что "еврейская кувалда" идёт по следу.

- Я уже близко, - намекнул он Дейву Данцигеру, который забежал увидеть Шульмана в его подвальной берлоге. - Я всегда могу сказать, что приближаюсь, потому что моё очко играет.

- Ну а теперь твоё очко играет? - спросил Данцигер.

- Моё очко начинает танцевать шимми и трястись как в танце живота, - уверил Шульман своего шурина.

Он бросил список имён на стол перед Данцигером. - Это - наш "отжатый" список. Теперь нам надо сделать его ещё короче. Я убрал евреев и *шварцера* ("*черножопых*" - на идиш), ковырялок и пидорков, считая, что ни один из них не такой *мешуга* ("*псих*" - на идиш), чтобы связываться с нацистами, которые хотят запихать их в газовые камеры. Все здесь - *гойские* актёры и актрисы, которые снимали номера на двух верхних этажах, или о ком известно, что они отрывались на весёлой вечеринке перед самым побоищем. Это кто-то из них, я уверен.

Данцигер пробежал список и присвистнул.

- *Гевалт*, Марти, смотри не ошибись! (*Гевалт* - "*караул*" на идиш - Прим. перев.). В этом списке "кассовых" талантов - на пару сотен лимонов в год, а ты знаешь, насколько буйными могут быть некоторые из них, и насколько ранимая у них психика. Если пойдёт

слух, что ты обвиняешь их в терроризме и убийствах, они просто *плоц!* (*Плоц – "взорвутся" – на идиш. - Прим.перев.*). Они будут без остановки вопить и вопить, будут орать на меня, и на Арни, Моше и Сэма. Боже мой, ведь это мы *сделали* всех этих людей! Почему кто-то из них смог укусить руку, которая их кормит, и таким жутким способом?

- Они – *гой*, Дэвид, - ответил Шульман. - Какой первый урок и ты, и я выучили в *ешиве*? (*Ешива – "еврейская школа" на идиш. - Прим. перев.*). Никогда и ни в коем случае не доверяй *гою*, потому что *гой* - бездушные животные. Все сыновья Исава смертельно ненавидят нас, потому что наш благословенный предок Иаков украл их право первородства и оставил им только чечевичную похлебку. Они никогда не смирились с этим и не признали этот договор окончательным. И тайно хотят вернуть себе право первородства, неважно, как часто мы наполняем их миски похлебкой. Я уверен, что прав. Один из этих людей из списка предал смерти наших друзей и наших старейшин, и пока мы говорим, они всё ещё продолжают помогать этим животным нас убивать.

- Ну да, - с горечью кивнул Данцигер. - Да, это точно. Перед тем, как спуститься к тебе, я слышал в новостях, что сегодня утром эти подонки убили Гершеля Рабиновича из "МГМ". Прошли мимо его камер, охраны, через всё, и пристрелили его через окно за собственным кухонным столом в Малибу.

- Твою мать! Геш мёртвый?! - выдохнул Шульман.

- Мертвее собачьего дерьма на дороге, друг мой, - подтвердил Данцигер мрачным кивком. - Днём раньше они протаранили главный офис "Фокс Ньюс" машиной со взрывчаткой, почти сровняли здание с землёй, а в вестибюле все были убиты. За день до взрыва бомбы они как-то узнали, где Шелли Клайн прячется в Санта-Барбаре. Привязали Шелли к креслу, потом бросили в бассейн и дождались, пока она утонет. С этой недели официально киноиндустрия и телебизнес тратят на безопасность больше, чем на своих сотрудников, хотя это легко, ведь почти никто не работает. Все в бегах и гадают, кто умрёт следующим? Так дольше продолжаться не может, Марти!

- Так давай работать, чтобы положить этому конец, - твёрдо сказал Шульман. – Так что ты можешь сказать мне о людях в списке? Начнём с попытки вычислить мотив. Например, у кого из них были проблемы с агентами?

- О чём ты говоришь, Марти? - раздражённо бросил Данцигер. - У *них всех* и всегда проблемы с агентами, и с их контрактами, и с гонорарами, и с премиями и с процентами и их грёбаным самомнением. Неважно, сколько денег мы кидаем в их пасти, им всегда мало.

- Я имел в виду что-нибудь в последнее время, что могло бы заставить их наброситься на киноиндустрию из мести? - настаивал Шульман. - Кто-нибудь из этих знаменитостей недавно был реально обобран или трахнут одним из наших ребят? Не только проблемы с агентами, но и ссоры со студиями или режиссёрами, что-то личное или сексуальное, что могло их реально взбесить? Как у них с личной жизнью? Любой, кто недавно не дружит с головой? Я имею в виду необычное по меркам Голливуда. Действительно плохие наркотические отключки, игры с оружием, разговоры по углам с самим собой? Любой, кто разругался с важным евреем, или кому вставил пистон еврейский журналист в своем журнальчике? Скольких из этих звёзд отправляли лечиться, я имею в виду настоящие лечебницы, когда их пьянки или наркотики начали влиять на бюджеты или прибыли?

- О, этого они не любят, - хохотнул Данцигер. - Этим избранным надо радоваться, что мы заботимся о спасении их жалких задниц, и быть довольными, что мы просто не выбрасываем их как использованные карточки для банкоматов, когда счёт опустеет. Иногда мы так и делаем, ты же знаешь. Многие из них прошли лечебницы.

Марти, я не знаю, что тебе сказать. Ты знаешь наш город. Это - клубок змей. Голливуд - место, где друг - тот, кто наносит тебе удар *открыто*. Кто-то всегда с кем-то враждует. Все воюют и обливают друг друга грязью из-за денег, или из-за того, кто с кем спит, или из-за какой-нибудь злой шутки, реальной или кажущейся, да и просто от скуки и подлости. Но из-за этого мы людей *не убиваем!*

- Да, до недавнего времени, - напомнил Шульман. - А как насчёт Барта Пейна? Я узнал, что его разозлил Сеймур Гроссберг из-за последней картины, и многие слышали, как они ссорились в вестибюле "Ройяла" за несколько часов до теракта во время церемонии вручения премий?

- Да, верно, но Барта не интересует ничего кроме денег и баб, - отмахнулся Данцигер. Он сходит со сцены и пытается взять от жизни как можно больше, прежде, чем сыграет своего последнего романтического главного героя и отойдёт на вторые роли. И потом, не думаю, что у него хватит храбрости или ума на что-нибудь подобное. Он не мог повернуть это. Знаешь, на самом деле он не очень хороший актёр.

- А вот это - очень интересное замечание, Дейв. Очень важный момент, - кивнул Шульман. - Это должно быть частью характеристики нашего подозреваемого, того, кого мы ищем, настоящего актёра, который был бы способен на подобный обман в нашем городе, где каждый умеет распознать притворство и фальшь за милую. Как насчёт тех актёров, бывших там, которых ты упомянул, тех, кого студии, наконец, решили выбросить как использованные кредитные карточки? Потому что они больше не приносят в кассу достаточно, чтобы оправдать *цимес* (*шумиху* - на идиш) от их постоянных дурацких "историй" Может, кому-то из них не понравилось, когда ему или ей сказали, что пятнадцать минут истекли, и пора проваливать с места съёмки?

- Тогда их список должен быть намного длиннее, чем этот, - мрачно ухмыльнулся Данцигер.

- Так сделай мне такой список, на случай, если я ошибаюсь. Не будет ли там кого-нибудь из тех, кто снимал номер в "Ройяле" на этажах для тусовок в вечер Оскара?

- Марти, - задумчиво протянул Данцигер, - Теперь ты заставил мою *копф* (*голову* - на идиш) работать. Что ты думаешь о Максе Гарретте?

Шульман нахмурился.

- Макс Гарретт - придурок и антисемит, который сидит в заслуженной ссылке. По моему, Гарретта должны были лишить неприкосновенности, которой пользуются знаменитости, и обвинить в преступлении ненависти после замечаний, которые он сделал полицейскому, остановившему его за вождение в пьяном виде. Теперь он гнил бы в тюрьме, как лук, с головой под землёй.

- В своё время это обсуждали, - размышлял вслух Данцигер. - Может, ты помнишь, что я выступал именно за такой ответ нашего сообщества, но как обычно так называемые старшие и более мудрые победили, и мы решили поступить с Гарреттом старомодным способом, что и было сделано. Его фильмы невозможно так просто снять с продаж. Они по-прежнему приносят доходы. Слишком много классики и премий, слишком много миллионов в авторских гонорарах с каждого повторного показа. Кинопромышленности нет никакого смысла в порыве злости действовать во вред себе.

Но мы, конечно, позаботились, чтобы он никогда снова не обедал в нашем городе. Никто больше не свяжется с Гарреттом или с любым из его проектов, и несколько раз, когда он пытался поставить или режиссировать независимый фильм, мы постарались, чтобы он не смог нанять никого кроме рабочего или секретаря. И дали понять, что любой, чьё лицо мы заметим в постановке Макса Гарретта, будет навсегда отлучён, точно так же как и сам Гарретт. Он ядовит. Радиоактивен. Гарретт умер для нас и нашего города. Так что он просто

сидит весь день в своём большом пустом особняке в Беверли-Хиллз, погружённый в воспоминания, и ждёт телефонного звонка, которого никогда не будет. Человеку может прийти в голову много параноидальных мыслей в такой ситуации, а мы знаем, что Гарретт - отъявленный антисемит и фанатичный католик. Как он тебе в роли человека, работающего на Добрармию?

- О, я подумал о нём, - сказал Шульман. Фактически он был первым, кого я проверил. Поверь, если я смогу найти любой способ связать Гарретта с этим холокостом в вечер Оскара, то мы покажем в платной телепередаче, как он сгорит заживо. (*Pay-per-view - взрослые передачи или фильмы, которые в Америке можно смотреть по телевизору, оплатив их просмотр по кредитной карточке. - Прим.перев.*)

Но Гарретта не было в "Ройяле" в тот вечер, и он никак не связан с Оскарами. Как ты сказал, он - радиоактивен. Его даже не пустили бы в театр. Конечно, я подумаю о Гарретте, но он не тот, кого мы сейчас ищем. Я всё ещё считаю, что этот наш мужчина или женщина - здесь, - сказал Шульман, показывая на лист бумаги в руке Данцигера. - Давай вернёмся к этому списку. Может, Джефф Галлахер? Я слышал, что это он стоял за теми действительно мерзкими бульварными слухами, нацеленными на Сиду Глика и Арта Бернштейна?

- Нет, он просто разозлился, потому что, прилетев со съёмок на день раньше, вошёл в свою спальню и застал их двоих, делающих "бутерброд" с Чарлин Доусон. Это был просто бизнес. Чарлин досталась главная роль в фильме студии "Парадайм". Она закрепляла сделку традиционным способом и добавляла ещё один миллион к своему авансу. Но Галлахер посчитал это личным оскорблением и после скандала разорвал их помолвку, после чего поднялся обычный бульварный и телевизионный гвалт. Так Джефф твердил, что застукал Сиду и Арти не с Чарлин, а с парой собак - золотистых ретриверов. Грязно, конечно, но в порядке вещей для "города мишуры". Про это давным-давно забыли. Это не Джефф. Сейчас он прячется, напуганный собственными шуточками. Помнишь, Джефф был вторым пидорком в том фильме про ковбоев-гомиков с Хью Льюисом? Хью уже мёртв, а Джефф с полными штанами боится, что тоже попал в расстрельный список Добрармии, что, видно, так и есть. Нет, не он.

- Ладно, а что скажешь об одной из наших прекрасных леди серебряного экрана? - продолжил Шульман. - Я понимаю, что Бриттани Мэллой не слишком счастлива, что её упаковали в психлечебницу после её пьяных фокусов на прошлогоднем Оскаре. Возможно, она подумала, что это способ снова затмить всех и в этом году?

- Бриттани условно освобождена из "Бетти Форд" и наказана редким присутствием в комедийных телесериалах, чтобы она хорошенько подумала над своим плохим поведением. Ей хочется вернуться, и на всё готова. И она не захочет обрушить весь дом, как Самсон - храм. Это не она, - покачал головой Данцигер.

- Тогда ещё вопрос, - продолжил Шульман. - Что скажешь об Эрике Коллингвуд? Она ведь из Сиэтла, так? Что за слухи ходили о том, что Чейз Клэйберн оказался в армии США совсем не потому, что рвался выполнить свой патриотический долг перед нашей "страной свободных и домом храбрых"? О том, как Эрика не пошла навстречу Сиду и Арти, и они решили поучить её хорошим манерам? Есть в этом доля правды?

- Нууу..., - задумчиво протянул Данцигер, почёсывая подбородок. - Да, в самом деле, это отчасти верно. Сид управлял нашим городом рукой в бархатной перчатке, но время от времени любил показать всем и каждому, что внутри перчатки железная рука, а эта девка Коллингвуд его разозлила.

Знаешь, Марти, теперь я думаю, тут что-то может быть для тебя! Я знаю, что она - скромница, не будет раздеваться перед камерой, играть лесбиянок, и слышал где-то, что она всегда умеет отказаться от любой межрасовой любовной или сексуальной роли. Конечно,

под благовидным предлогом, из-за каких-то уже имеющихся договорённостей и тому подобное, но такие вещи действительно становятся заметны через некоторое время. Конечно, есть такое возражение, что она стояла тогда на сцене рядом с Марти Рудиным и его шоколадным *фейгеле* (*петухом* - идиш), когда началась стрельба. Первая пуля её тоже почти уложила.

- Это - действительно непреодолимое возражение? - резко спросил Шульман. - Слушай, Дейв, эти нацисты - бесы с человеческими лицами, но они - хитрые твари. Они хладнокровны и расчётливы, достаточно, чтобы в этом случае всегда опережать нас на один шаг. Разве не лучший способ отвести подозрение от своего человека, это поставить его на виду у зрителей, дико кричащего перед камерами, когда началась заваруха? Она говорит, что упала, откатилась и спряталась за занавесом, когда началась стрельба. Возможно. Или возможно всё было подстроено с самого начала, и она была той самой актрисой в постановке. Ты разбираешься в талантах и должен знать что-то об этой отличительной черте Коллингвуд. Она - *действительно* хорошая актриса?

- Дьявольски хорошая, - признал Данцигер, кивнув головой. - Одна из немногих американок, которая смогла так сыграть Шекспира, что английские зрители, стоя ей рукоплескали.

- Знаешь, Марти, - протянул он. - Чёрт меня побери, если ты не раскопаешь здесь кое-что! Эрика Коллингвуд, насколько мне известно, никогда не говорила и не делала ничего откровенно антисемитского, расистского или политического, кроме отказа стать начинкой в "бутерброде" между Сидом и Арти. Но мне кажется, я слышал, что она никогда не платила телом и не трахалась ни с кем из наших людей, и ни с кем-нибудь ещё и ни в одной картине или телешоу, в которых она когда-либо участвовала.

И я не могу припомнить, чтобы она встречалась с нацменами или проделывала обычное "барахтанье" девочки-на-девочке в уикэнд, ничего подобного. А ведь она не может быть слишком счастлива со своим парнем, вернувшимся с войны с парализованными нижними конечностями. Нда, всё это могло сильно озлобить цыпочку. Да, думаю, тебе стоит немного поговорить с мисс Коллингвуд.

- Я уже наметил трахнуть её сегодня вечером, - ответил Шульман.

* * *

Марти Шульман въехал на своём "еврейском каноэ" во внутренний двор дома Эрики Коллингвуд, построенного в испанском колониальном стиле, немного за полночь. Он подготовился заранее. Шульман за пятьсот долларов, которые перекочевали в карман одного из техников в частной охранной компании, узнал личный код Эрики от автоматических ворот из кованого железа, и после полуночи отключились камеры слежения на входе и в самом дворе. Сигнализация в квартире Эрики также не должна была сработать. Хотя Шульман ещё не был уверен, что хочет узнать у Эрики, но подумал, как замести свои следы.

Шульман остановил машину и заглушил двигатель, потом тихо вышел и открыл багажник. Проверил на месте ли его пистолет калибра 11 мм в наплечной кобуре и дослал патрон в патронник. Стянул фетровую шляпу с лысеющего черепа и вытащил из карманов пару резиновых перчаток, которые натянул на свои корявые пальцы. Достал из багажника спортивную сумку с особым набором на случай, когда требовалось провести личный допрос с "пристрастием" непослушных *гоев*.

Конечно, в ней лежал и его любимый ломик. Тут также была коллекция пластмассовых пуг, две пары обычных наручников, полный набор игл Дершовица,

несколько пар плоскогубцев и клещей, связка режущих инструментов от хирургического скальпеля до маленькой ножовки, маленькая газовая горелка, и пачка дешёвых сигар. Даже дешевле тех, что он обычно курил, но их горящие кончики можно было приложить к человеческой плоти, чтобы развязать язык. Шульман глубоко вздохнул: даже если он ошибется с Эрикой, это будет один из тех моментов, которые приносили ему удовольствие от работы, и он с нетерпением предвкушал его.

Он подкрался к входной двери Эрики. С уверенностью, что система сигнализации отключена, вынул из спортивной сумки резиновую вакуумную присоску, прикрепил её к одной из стеклянных панелей около двери, затем стеклорезом быстро провёл вокруг присоски, вытянул круг из стекла и сунул стекло с присоской в сумку. Просунул руку в перчатке, осторожно повернул дверной засов, снял цепь и повернул дверную ручку изнутри. Дверь немного приоткрылась. Шульман остановился, сложил всё остальное в сумку, и затем медленно, чтобы не наделать шума, открыл дверь. И скользнул внутрь как жирная тень.

В квартире было темно, горела только одна настольная лампа в гостиной, и неяркий свет пробивался из кухни, видимо от небольшой лампочки над кухонной плитой. Радио или проигрыватель компакт-дисков в спальне мягко играл какой-то мистический кельтский мотив "Нью Эйдж", или, возможно, Лорин Макенит. Шульман не знал, что это, да и ему было плевать, но музыка подсказала, что добыча дома и она в спальне. Он вынул свой пистолет калибра 11 мм из наплечной кобуры и снял его с предохранителя. В его планы не входило использовать пистолет по назначению, а только для беседы, чтобы заставить испуганную женщину подчиниться и привязать к её собственной кровати, ну а затем он удалит все лишние тряпки и начнёт допрос. Отвисшие слюнявые губы Шульмана скривились в усмешке, и он на цыпочках пошёл через гостиную. От нарастающего возбуждения он забыл проверить кухню.

И вдруг сзади Шульман услышал лязг патрона, досылаемого в патронник автоматического пистолета. Он обернулся и увидел, что не дальше метра за ним высокий, белокурый парень с каменным лицом, в одних тёмно-зелёных боксёрских трусах, целит ему в голову свой автоматический "Браунинг" калибра 10 мм.

- Привет, кекс, - сказал парень.

По выговору он походил на австралийца. Он поймал Шульмана, и тот это понял. Кишки Шульмана начали дрожать, готовясь выпустить в брюки его китайский ужин и виски "Чивас Ригал".

Шульман поёжился и выдавил:

- Ну?

- Что за "ну", кекс? - рявкнул австралиец.

Шульман дёрнул своим 11 мм пистолетом и успел выпустить одну пулю, которая застряла в стене, но Чарли Рандалл несколько раз выстрелил ему в грудь, в отвисшее брюхо, а последнюю пулю всадил в мясистый семитский нос и разбил череп, так что Шульман шлёпнулся на пол в судорогах, обделался и отдал концы.

- *Чарли!* - раздался крик из спальни. Эрика с взъерошенными золотистыми волосами появилась в дверном проёме. Она надевала халат и завязывала пояс вокруг талии.

- Что за хрен? - воскликнула она, глядя во все глаза на мёртвого жида, лежащего на полу её квартиры.

- Не подходи к окнам! - рыкнул Рандалл. - Он мог быть не один! Одевайся. *Быстро!*

Эрика исчезла в спальне, а Рандалл быстро проверил дверь и все окна. Внутренний двор казался пустым, но он заметил стоящий "линкольн" Шульмана. Чарли метнулся в сад за домом и выглянул за стену. Не было видно ни мигающих огней, ни следов других

преступников, но он заметил, что в квартире соседей Эрики на верхнем этаже зажётся свет. Чарли вернулся в гостиную, обыскал тело Шульмана и вытащил бумажник из его брюк, уже пропитавшихся кровью и испражнениями.

- Ты знаешь чела по имени Мартин Шульман? - крикнул он в спальню, разглядывая водительские права Шульмана.

Эрика появилась в двери спальни в джинсах и глухом свитере. Она ещё была босой.

- Чёрт! Это же "Еврейская кувалда"!

- Кто-кто? - переспросил Рэндалл.

- Он был мерзким частным сыщиком-евреем, который проворачивал много грязных делишек для боссов студий. Они называли Шульмана "еврейской кувалдой". Что, чёрт возьми, он здесь делал?

- Я проверил дверь, - ответил Чарли. - Он взломал её. И, должно быть, как-то отключил сигнализацию. С ним было вот это. Рэндалл расстегнул молнию на спортивной сумке и вывалил её содержимое на пол. Порылся в куче, подержал плоскогубцы и газовую горелку, расстегнул "липучку" на связке скальпелей и лезвий, и, наконец, открыл пластмассовую коробку с иглами Дершовица, и показал одну Эrike.

- Так вот зачем он был здесь, - прошептал Чарли, дрожа от ярости. - Всё это для тебя, малышка. Ему была нужна ты.

- Он собирался пытать меня, - спокойно сказала Эрика.

Её лицо побелело от ужаса.

- А после наверно убил бы. Он делает такие мерзости для Больших Жидов из студий. Теперь надо говорить, делал мерзости. Этим он известен. Ты спас мне жизнь, Чарли. Спасибо.

- Не волнуйся, малыш. Когда после войны отменят Общий приказ номер десять, ты купишь мне пиво, и мы будем в расчёте. Тебе повезло, что ты так прелестна, и я просто не мог не приходить чаще.

Рэндалл посмотрел вниз на труп.

- Тебе тоже повезло, урод. Ты умер слишком быстро.

Он воткнул иглу Дершовица в оставшийся целым глаз Марти Шульмана и в его мозг.

- Гори в аду, жид! - с отвращением вполголоса произнёс Рэндалл.

Эрика в отчаянии вздохнула.

- Они меня раскрыли. Чёрт, чёрт, *чёрт побери!*

- Я понимаю, - сказал Рэндалл. - Мы тебя вытащим.

Раздался какой-то скрип с потолка над их головами.

- Это Хелен Морган сверху, - сказала Эрика. - Хорошая женщина и неплохая актриса. Она играет много эпизодических ролей в дневных сериалах. Должно быть, услышала выстрелы. Как думаешь, она не могла вызвать полицию?

- Ну да, я видел, что у неё зажётся свет.

- Чарли, пожалуйста, не надо ...

- Нет-нет, не бойся. Она понятия не имеет, что происходит, она - обычная гражданка, а мы не воюем с гражданами, когда можем избежать этого. Как быстро полиция доберётся до этого участка леса?

- Через четыре-пять минут в зависимости от их занятости.

- Тогда нам надо убираться, быстро! Возьми свою сумку.

Чарли заранее настоял, чтобы Эрика на крайний случай собрала в сумку самые необходимые вещи: одежду, деньги и несколько поддельных документов, которые ей передали из Добрармии. Не говоря ни слова, она пошла в спальню, взяла сумку из шкафа, и

принесла её в гостиную.

- Возьми что-нибудь ещё, что ты хочешь взять с собой, только быстро, - поторопил Рэндалл.

Он зашёл в спальную и быстро натянул собственную одежду и туфли. Когда он вернулся, Эрика стояла у книжной полки, быстро отбирая книги.

- Ты берёшь своего Генри Лоусона? - спросил Рэндалл.

- Конечно, - ответила Эрика.

Вдали слышались полицейские сирены.

- Они поют нам песню, малыш. Пора рвать когти, - поторопил Рэндалл.

Эрика застегнула холщовую сумку и напоследок окинула взглядом квартиру.

- Ну вот, - вздохнула она. - Кто мог подумать. Двенадцать лет пролетели как один миг. Этот город, улица, моё ремесло, моя жизнь - всё пропало.

- Мне жаль, Эрика, - с состраданием проговорил Рэндалл. - Честное слово.

- Я никогда не была из тех людей, которые думают, что можно играть в кости, но ничего не выкладывать на стол, Чарли, - ответила она. - И не променяла бы эти последние два месяца ни за что на свете. Никаких сожалений. Пошли.

* * *

Неделю спустя, утром Джулия Лир сидела за столом на кухне в своей квартире в Бербанке, завтракая рогаликом с половинкой грейпфрута и ломая голову над тем, что ей делать с остатком жизни. Майрон Сильверстайн, похоже, сдержал своё слово. Рынок труда в Лос-Анджелесе, обычно гибкий, теперь для неё буквально высох, по крайней мере, в шоу-бизнесе. Джулия звонила всем, с кем когда-нибудь пересекалась в телевизионном бизнесе или киноиндустрии, а ведь за годы, прожитые в Калифорнии, она познакомилась с множеством народа. Большинство даже не ответили на звонки Джулии, а те, кто перезвонил, сочувствовали, но помочь не могли.

Слово было сказано. Она стала для всех "Неприкасаемой", с большим клеймом "Весёлого Роджера", выжженным на лбу.

- Джулия, мне чертовски жаль, поверь, - сказал ей один продюсер, с которым у неё был краткий роман несколько лет назад.

Роман, очевидно, оставил достаточно приятных воспоминаний, так как он всё же решился поговорить с ней.

- Ты должна понять, что здесь просто кошмар. Каждый в городе отдал свою дань политкорректности, и, так сказать, возжёг щепотку ладана на алтарях мультикультурализма, многообразия и педерастии. Некоторые из нас сожгли больше чем щепотку. Теперь оказывается, что нас могут убить за некоторые фильмы или телешоу, с которыми мы были связаны в прошлом даже не прямо.

Мы и представить себе не могли, что такое возможно, и теперь каждый вспоминает про себя каждую строку, которую когда-либо написал, каждую сцену, которую снял, срежиссировал или сыграл, задаваясь вопросом, кто будет следующей мишенью Добрармии. Все прячутся. И даже если бы ты не попала в чёрный список, я не уверен, что смог бы нанять тебя на хоть какую-нибудь работу. Все проекты остановлены, потому что и исполнители и обслуга - в бегах. Подборка летнего выпуска для кинотеатров и видеодисков уменьшена в десять раз, и Бог знает, на что будет похож осенний сезон телевидения. Но факт - что *тебя* занесли в чёрный список.

- Из-за парня, которого я знала в прежней жизни, когда была подростком, парня,

которого не видела много лет, и от которого теперь убежала бы в ужасе, увидев, что он вошёл в дверь, - с горечью напомнила Джулия. - Насколько мне известно, я сама могу оказаться в расстрельном списке Добрармии, потому что Зак считает меня своего рода предательницей за работу на евреев, а эти самые евреи так со мной поступили!

- Да, это - жестокий удар, малыш, но тебе ещё повезло. Радуйся, что те два ублюдка из ФБР не взяли тебя в центр города и оттуда - в неизвестном направлении. Ты же слышала, что в наши дни это уже не раз случалось. После кровавой бани в "Кодаке" в вечер вручения наград, затем всех этих убийств, и, наконец, невероятного разоблачения Эрики Коллингвуд, важные шишки стали законченными параноиками в отношении любого бледнолицего. Они не знают, кому могут доверять. И ФБР не знает. Повстанцы чудятся им под каждой кроватью. И они кидаются на всех вокруг.

Чёрт, они были здесь на днях и устроили мне и всему моему белому персоналу грубый допрос, но обращались не так плохо как с тобой, потому что у меня есть имя в этом городе. Или, во всяком случае, было. Фабрика слухов гудит как реактивный двигатель. Предполагается, что после случая с Эрикой боссы подумывают полностью запретить работать в кино или на телевидении всем лицам европейского происхождения, кто не сможет достоверно подтвердить, по крайней мере, одну гомосексуальную или межрасовую связь.

- Да, и здесь я оказываюсь в стороне, так что меня, вероятно, уволили бы в любом случае, - усмехнулась Джулия. - Выходит, что ты, в конце концов, оказался умнее, когда бросил меня и поменял на китайскую куклу из отдела маркетинга.

- Но, Джул, я ...

- Проехали, Стэн. Я справилась с этим. Спасибо тебе за звонок. Я знаю, что, вероятно, это небезопасно, и ты рискуешь. Надеюсь, ты звонишь из автомата, так что никто не сможет узнать по распечаткам твоих звонков, что ты со мной связывался?

- Ну, да, так оно и есть, - несколько смущённо ответил он.

- Боже, Стэн, я пошутила! Неужели всё действительно так плохо? - изумлённо спросила Джулия.

- Да, дела очень, очень плохи, - сказал Стэн прежде, чем повесить трубку.

Теперь Джулия сидела, печально ковыряя грейпфрут и машинально перелистывая бульварные журналы, купленные по привычке в универсаме вчера вечером: на старой работе она также отслеживала дешёвые слухи.

На обложке каждого журнальчика красовался видеокадр с Эрикой Коллингвуд в платье от Прада, стоящей на сцене "Кодака" и готовой представить премию "За лучший сценарий", с каким-нибудь броским заголовком вроде "С улыбкой на лице и ненавистью в сердце". В продолжении внутри должен быть изображён или застреленный глава студии или кадр из телешоу или кинофильма с участием Эрики. Заголовок одной газетёнки, которую листала Джулия, кричал "ЭРИКА - ПРЕДАТЕЛЬНИЦА!"

В другом журнальчике передовая статья придерживалась иного направления, и её заголовок вопрошал: "ЭРИКА - ЕЩЁ ОДНА ЖЕРТВА ВЕЧЕРА ОСКАРА?" Этот журнальчик предполагал, что люди из Добрармии похитили или убили её, а от тела избавились.

Мартину Шульману также уделялось много места на внутренних страницах большинства журнальчиков и газетёнок, с нечёткими снимками его физиономии с сигарой, и заголовками вроде "ЧАСТНЫЙ СЫЩИК ПОКЛЯЛСЯ НЕБУ ОТОМСТИТЬ УБИЙЦАМ В ВЕЧЕР ОСКАРА". Обычное дерьмо. Джулия была потрясена всей историей с Эрикой Коллингвуд. Она была мельком знакома с Эрикой по студии "Фокс" и не знала, что обо всём

этом думать. Она была уверена в одном: что бы ни говорили в бульварной печати, наиболее вероятно, что это враньё. Казалось, весь мир сходит с ума.

Джулия знала, что ей необходимо быстро разработать план. Без работы она не могла позволить себе снимать нынешнее жильё, и, похоже, останься она в городе, временно устроившись в страховой компании или ещё где-нибудь, ей и близко не заработать столько, сколько платила ей "Фокс", так что в любом случае придётся переехать на более дешёвую квартиру. Или уехать из Лос-Анджелеса? Но куда?

Возвращаться в Асторию не имело большого смысла. Мало того, что её годы работы помощником телепродюсера немного значили как рекомендации для какой-нибудь работы, что она могла бы найти в округе Клэтсон, в штате Орегон, но её родной город оказался теперь в центре военных действий, который ФБР и СМИ называли "страной бандитов Добрармии", благодаря Заку Хэтфилду.

Джулия ничего не могла понять. Она часто говорила с матерью и братом Тэдом, шерифом. Тэд написал ей в электронной почте, что не может обсуждать никакие события в округе по "соображениям безопасности", а затем прислал письмо обычной почтой, в котором писал, что его телефоны прослушиваются, и электронная почта просматривается федеральными органами, что запутало Джулию ещё больше: "С какой стати ФБР прослушивать телефоны Тэда и читать его электронную почту? Господи, ведь он же шериф!"

И когда она говорила с матерью, та распространялась только о старых соседях и знакомых, о церковных делах, как будто ничего не происходило, и она не жила в середине партизанского мятежа. Она действительно казалась до странности более счастливой и непринуждённой чем обычно. Несколько раз за последние два года Джулия просила мать переехать в Лос-Анджелес и жить с нею, для большей безопасности, но мать ответила:

- О, нет, доченька, поверь, здесь я в намного большей безопасности, чем ты - там, со всеми этими ужасными преступлениями, наркоманами и бандами.

- Мамуля, только потому, что ты - мать шерифа, не значит, что ты не можешь стать жертвой всего этого сумасшествия, происходящего дома! - раздражённо возражала Джулия.

- На самом деле, может, ты в ещё большей опасности именно потому, что ты - мать шерифа!

- Доченька, ты не понимаешь, - мягко возразила мать. - Тэд - не один, кто теперь защищает нас всех.

- Что ты имеешь в виду? - спросила Джулия.

- Не бери в голову, доченька. Вот приедешь домой в следующий раз, и мы поговорим об этом. А то у маленьких кувшинов - большие уши. Но ты не волнуйся, я в полной безопасности.

Внезапно мобильный телефон Джулии зазвонил. Она взяла телефон, несколько опасаясь очередного грязного звонка вроде тех, что ей пришлось выслушать после попадания в чёрный список. Похоже, что звонили только мужчины с явным нью-йоркским акцентом, которые подробно расписывали, что они хотят сделать с ней в кровати и как изощрённо будут её пытаться. Несколько раз Джулия узнала голоса евреев - бывших коллег по "Фоксу", включая степенного вице-президента, у которого, как она знала, были внуки, и кто всегда обращался к ней с неизменной любезностью, пока она не получила клеймо "нацистской суки".

По какой-то непонятной причине, эти звонки не задевали Джулию. За годы работы в Голливуде она узнала евреев, и из этого близкого знакомства неминуемо возникло презрение. Теперь она стала отверженной женщиной и не ожидала от них ничего другого. Обычно Джулия просто отсеивала звонки через голосовую почту, но в это утро она ждала

ответного звонка по работе, поэтому ответила на звонок, рискуя услышать поток грязных картавых непристойностей.

- Мисс Лир? - произнёс мужской голос.

- Да, Джулия Лир у телефона, - ответила Джулия.

- Мисс Лир, с вами говорит Арнольд Блостайн, президент студии "Парадайм". Вы узнаете мой голос?

- Эээ, да, мистер Блостайн, узнаю, - поражённо протянула Джулия.

- Как вы сегодня утром?

- Честно говоря, дерьмово. Вы же внесли меня в чёрный список по моей профессии и пытаетесь выжить из города.

- Да, именно об этом я и хочу говорить с вами, - промурлыкал Блостайн.

Этот студийный босс в молодости начинал актёром и всё ещё мог сладким голосом и тоном изобразить искреннее сожаление и заботу.

- Я говорил с Майроном Силверстейном о вашем случае, и должен сказать, что, по моему, он принял всё слишком близко к сердцу. Мне хотелось бы понять, что мы можем предпринять, чтобы поправить дела.

- Кто это мы? - подозрительно спросила Джулия.

- Некоторые из моих знакомых управляющих в киноиндустрии и я сам. Мисс Лир, я хотел бы пригласить вас приехать и побеседовать с нами. Прямо сейчас, если это удобно. Думаю, для всех нас это будет весьма взаимовыгодно. Честно говоря, я так хочу встретиться с вами, что взял на себя смелость послать лимузин с моим личным водителем к вашему дому, чтобы он забрал вас. Водитель должен быть у вас примерно через час, но он подождёт, пока вы будете готовы, и потом доставит вас сюда, в "Парадайм".

- В одну минуту меня вносят в чёрный список, а в следующую - приглашают в Бункер? - ахнула Джулия. - Это становится нереальным.

- Ну, что мне вам сказать? - замялся Блостайн. - Это - Голливуд, где всё и вся возможно.

Джулия вспомнила боль в затылке от разрядов фэбээровского электрошокера и ударов по голове, когда она сидела связанной в собственном кабинете, и пару секунд ей хотелось "послать" Блостайна, но она решила не делать этого.

Во-первых, было ясно, что почти наверняка это был её последний шанс когда-нибудь поработать по профессии, которую она успела полюбить. Нравится это или нет, но "ключи от королевства" находились у Блостайна и его знакомых евреев. И если ей хочется вернуться в Изумрудный Город, только эти евреи могут восстановить её права в Голливуде.

Кроме того, ей было очень любопытно узнать, что, чёрт возьми, происходит.

- Конечно, - согласилась она. - Часа вполне хватит.

Так как Джулия смутно представляла себе характер встречи, то после душа надела изящный и профессионально выглядевший деловой костюм, как если бы она шла на собеседование при приёме на работу, которым, насколько она понимала, эта встреча и могла оказаться.

Лимузин прибыл быстро. Водителем был высокий негр в шоферской униформе со знаками различия охранной фирмы "Блэкуотер", и, судя по оттопыренному кителю, негр, должно быть, также выполнял роль телохранителя Блостайна, но это было нормально в "городе мишуры" в эти дни. Её определённо ждали, потому что автомобиль молнией пронёсся прямо через контрольно-пропускные пункты и барьеры в "Парадайм".

На входе в Бункер Джулию встретил подобострастный порученец в спортивной куртке, который сопроводил её через все металлоискатели и посты охраны, к лифту и не в

зал заседаний, а напрямком в помещение в обособленном коридоре - в роскошно обставленный холл с шикарным ковром, кожаными креслами и диванами.

При её появлении не только Блостайн, но и нескольких самых богатых и могущественных людей в Голливуде, что также означало самых богатых и самых могущественных людей в мире, учтиво поднялись на ноги. Джулия узнала Фейнстайна из студии "Дримуоркс-Дисней", Глейзера из "ТриВижн" и Данцигера, юрисконсульта "Парадайм". Трёх других мужчин она никогда раньше не видела. Трое из семерых были в синих ермолках. Буфетная стойка в углу была уставлена автоматами-термосами с горячими напитками и тарелками с экзотически выглядящими бутербродами, хотя время обеда ещё не наступило. Рядом, молча, стоял официант-латиноамериканец в белой куртке.

- Доброе утро, мисс Лир, - любезно приветствовал её Блостайн.

Он жестом указал на буфет.

- Может быть, кофе, чай или травяной чай? Что-нибудь покрепче из бара? Или немного перекусить?

- А у вас есть двойной латте? - смущённо спросила Джулия.

Официант тут же налил большую керамическую чашку с белой пенистой жидкостью из одного из стоящих на стойке термосов и принёс ей на блюдце с салфеткой.

По кивку Блостайна официант и порученец вышли из комнаты.

- Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Лир, - предложил Блостайн, показав на кресло и кофейный столик рядом с ним.

Джулия села, глотнула горячего кофе и поставила чашку с блюдцем на стол. Она решила взять быка за рога.

- Мистер Блостайн, я понятия не имею, почему вы позвали меня сюда, но, судя по присутствию этих господ, это должно быть что-то важное, - начала она. - Вы сказали по телефону, что хотите исправить дело по внесению меня в чёрный список на работу в шоу-бизнесе, чего, я должна сказать прямо сейчас, совершенно ничем не заслужила.

- Об этом я был проинформирован, Джулия. Можно мне называть вас Джулия? Вы также можете называть меня Арни.

"О, Боже, начинается", - подумала Джулия. "Что, чёрт возьми, они хотят со мной сделать?"

И продолжила тихим, но твёрдым голосом:

- Ко мне пришли агенты ФБР, допросили, запугали, избили в моём собственном кабинете, и я была уволена с работы, потому что более четырнадцати лет назад в средней школе была знакома с человеком, которого не видела с того лета, когда окончила школу.

Я прекрасно знаю, что не стоит требовать ответственности от правительственного агентства, и даже не потрудилась подать жалобу, заранее зная, что это бесполезно и, возможно, принесёт мне ещё большие неприятности. Но, откровенно говоря, я ожидала лучшего отношения от работодателя и киноиндустрии, которым я служила преданно, с энтузиазмом, творчески и со всей энергией, на которую только способна. Я отработала каждый цент, который вы когда-либо мне заплатили.

Мало того, что я была выброшена с работы охранником, без возможности объясниться или высказаться, но из-за сплетен в киноиндустрии, я теперь заклеена как Эксис Салли, и никто не возьмёт меня на работу. (*Эксис Салли - прозвище американки Милдред Гилларс, работавшей на немецком радио в годы второй мировой войны. Под "axis" – "эксис", по-английски "ось", имеется в виду "Ось Зла"- союз Германии, Италии и Японии. - Прим. перев.*). Всем нам прекрасно известно, что вы, джентльмены, находящиеся в этой комнате, можете по своему желанию включать и выключать эту "мельницу сплетен". И я

хочу знать, что вам требуется, чтобы "отозвать своих собак"?

- Вы же знаете, Джулия, как в Голливуде делаются дела, - примирительно начал Блостайн. - Услуга за услугу. Вы выполняете наше деликатное поручение и получаете место помощника продюсера здесь в "Парадайм" или любую другую работу по вашему желанию, с любой зарплатой и в любой студии или сети города. Я это обещаю. Чёрт, проверните для нас это дело, и сможете получить место Майрона Силверстайна, если захотите.

- А это мысль, - криво усмехнулась Джулия, отпивая латте. - Не стоит и говорить вам, джентльмены, к какой стене вы меня прижали. Вам это известно лучше всех, потому что именно вы и загнали меня в это положение. Я не вижу выбора. Что бы это ни было, я попробую.

- Какая ирония, - выдавил невесёлую улыбку Блостайн. - На самом деле, мы хотим, чтобы вы попытались остановить эти убийства.

- Что? - поперхнулась Джулия от неожиданности.

- Мисс Лир, вы были очень откровенны с нами, и мы также будем искренни, - сказал Дэвид Данцигер, наклоняясь вперёд. - Этот ... этот ужас, это кровопролитие, это безумие нужно остановить. Наша индустрия уничтожается. Я думаю, что все мы потрясены и поражены тем, как легко и быстро эта кампания террора со стороны Добровольческой армии заставила всех нас прекратить работу, от мегазвёзд и управляющих вроде нас самих, до наших съёмочных и технических команд, сотрудников студий и тех, кто нас кормит и обслуживает, - все боятся показаться поблизости от офисов студий, съёмочных площадок или на мероприятиях кинопромышленности.

Сумма денег, которые мы уже потеряли, настолько огромна, что невозможно даже определить их количество, и если бы даже я назвал вам какую-либо цифру, она была бы бессмысленной сегодня и неверной завтра, потому что бойня всё продолжается. ФБР и полиция теперь уже несколько месяцев пытались справиться с этим, но оказались бессильны. Если им верить, это Скотти из "Звёздных войн" высаживает разных бандитов и бомбистов со звездолёта "Энтерпрайз" и снова забирает обратно после убийств.

Ближе всего мы подобралась к ним, когда мой покойный зять Мартин Шульман, с которым я дружил всю жизнь, очень храбрый человек, смог выследить внутреннего агента Добрармии Эрику Коллингвуд, которая помогла устроить ту бойню в вечер вручения премий Американской киноакадемии. Эрика исчезла, а Марти заплатил своей жизнью за то, что подобрался к Добрармии даже на такое расстояние.

Мы вынуждены признать, что, если есть хоть что-нибудь для спасения после этого крушения, потерь миллиардов долларов и десятков тысяч рабочих мест и карьер, включая наши собственные, то мы согласны проглотить это действительно очень горькое лекарство. Мы должны сдерживать свой гнев и желание мести до лучших времён и обстоятельств. Тем временем, мы должны, по крайней мере, попытаться прийти к какому-то соглашению с этими убийцами, которое позволит нам возобновить производство и вернуть своих людей на работу. Может быть это невозможно, и тогда Бог знает, что случится, но мы должны, по крайней мере, сделать такую попытку. Вот здесь вступаете в игру вы.

- Я?! - от изумления у Джулии перехватило дыхание.

Данцигер кивнул.

- Образно говоря, Джулия, мы хотим, чтобы вы передали врагам наш "белый флаг". Наша проблема при попытке переговоров или хотя бы при установлении связи с этими людьми - та же, что и у полиции с ФБР. У нас нет и намёка, где *найти* этих сукиных детей. Вы - единственная слабая нить, которая у нас есть, по крайней мере, единственная, о которой мы знаем. Безусловно, *некоторые люди* в городе знают, где их найти, как эта сучка

Коллингвуд, - злобно прошипел он. - Но смерть Марти Шульмана показала опасность попыток выследить их таким способом. Мы хотим, чтобы вы попытались проскользнуть с "чёрного хода" и высказаться от нашего имени, посмотреть, не сможете ли вы переговорить с кем-нибудь, кто смог бы отозвать отсюда этих псов. Тогда мы сможем отогнать от вас наших.

- Вы имеете в виду Зака, - медленно протянула Джулия, до которой начал доходить смысл встречи.

- Да, - подтвердил Данцигер. - Мы хотим, чтобы вы поехали в свой родной город и навестили вашего старого возлюбленного.

- Я не уверена, что смогу найти его, если на это не способны полиция и военные Соединённых Штатов со всей их мощью, - усомнилась Джулия. - И не уверена, что хочу. Я не уверена, что он захочет встретиться со мной. И почему именно Зак? Я не слышала, чтобы он участвовал в этих делах, здесь, в Голливуде.

- По-моему, он - командир батальона, что бы это ни значило, и в каком-то смысле местный командир Добрармии на северном побережье Орегона, - ответил Данцигер. - Не говоря уже, что он в своём роде звезда СМИ, разъезжает, где ему заблагорассудится, на "Хаммере" с пулемётом калибра 12,7 мм и пером в шляпе, размахивая "Винчестером" как ковбой в старые времена. Его банда даже называет себя "Дикая стая". Зак, похоже, деятель с политическим влиянием, который нам нужен, или он знает таких людей, если вы сможете убедить его.

- Рискуя получить такую же пулю за мои хлопоты, как и Марти Шульман? - нервно воскликнула Джулия.

- Я это и имел в виду, когда говорил, что вы можете выписать ваш собственный билет в Голливуд, если сделаете это для нас, - уточнил Блостайн. - Я не говорил, что вам не придётся заработать его.

- Теперь, вы сказали, что не видели этого Хэтфилда многие годы, - настаивал Данцигер. - Насколько близкими были ваши отношения, смею спросить?

- Мы обсуждали возможность женитьбы, настолько серьёзно, как это могут двое 18-летних молодых людей, но у семьи Зака не нашлось денег на колледж, его призвали в армию, он застрелял в Ираке на много лет, и я потеряла его след. Очевидно, с тех пор он изменился, - грустно сказала Джулия. - Америка научила его убивать, и, похоже, он не может отвыкнуть.

- Вы думаете, что он может вас обидеть или позволит сделать это другим, если вы попытаетесь связаться с ним и поговорить о нас? - спросил Блостайн.

- Видит Бог, мистер, я просто не знаю, - покачала головой Джулия. - Иногда я слышу о нём в новостях. Это - не мальчик, которого я помню, всё, что я могу сказать. Она глубоко вздохнула. - Послушайте, я хочу работать снова, и работать здесь, на телевидении или в кино. Это всегда было моей мечтой. Если я сделаю это, смогу найти Зака, и если он не пристрелит меня или просто не даст пинка под зад, что точно я ему должна передать от вашего имени?

- Это просто, - сказал Блостайн. - Просто спросите его, что требуется, чтобы положить здесь конец всем этим убийствам и разрушениям. Если это - деньги, мы заплатим их, любые и в любом месте, где они захотят. Если это что-то ещё, с чем мы сможем смириться, мы пойдём и на это. Только пусть они позволят нам вернуться к работе.

- А с чем вы не сможете смириться? - спросила Джулия. Её пугало то, что от неё требовали, но в этом было и своё очарование.

- Они должны быть хотя бы немного реалистичнее, - добавил Фейнстайн. - Понять,

что мы не можем просто уволить каждого еврея, гомосексуалиста и афро-американца, которые работают на нас, и не можем прекратить делать кино и телешоу с актерами из нацменьшинств, ничего такого. Это прикрыло бы нас, по существу, точно так же, как и их расстрельная кампания. *Ой вей*, возможно, у этих маньяков именно такая цель, и нет вообще никакого способа чего-нибудь от них добиться; на этот случай я полагаю, мы вынуждены будем переместить всю киноиндустрию в Европу или Новую Зеландию или ещё куда-нибудь. Мы не хотим делать этого и прерывать столетнюю традицию здесь, в Голливуде. Мы просто хотим знать, есть ли вообще способ выработать какое-то *временное соглашение* так, чтобы мы могли снимать фильмы, не думая о бомбах в машинах и снайперах на съёмочной площадке.

- И подразумевается, что я должна договориться обо всём этом самостоятельно? - недоверчиво спросила Джулия.

- Нет, мы не ждём этого от вас, - успокоил её Блостайн. - Если ваш старый школьный обожатель вообще проявит интерес, попросите его передать это предложение наверх его собственному командованию и указать нам какого-нибудь человека здесь, в Калифорнии, желательно того, кто знает индустрию, и с полномочиями заключить соглашение с их стороны. Мы торжественно обещаем ему, что сохраним всё строго между нами, и что никакая полиция, ФБР или правительство не будут привлечены к этому делу. Мы хотим всё уладить и согласны на предварительные условия.

- Вы думаете, что они примут на веру слово евреев хоть в чём-нибудь? - прямо спросила Джулия, оглядев всех находящихся в помещении.

Моше Фейнштейн развёл руками.

- Мадам, уверяю вас, под дулом, нацеленным нам в головы, мы будем исключительно честны.

Один - по земле, два - по морю

*Вперёд: у этого плута язык двоится.
Играйте наступленья, трубачи!*

Король Генрих VI - Акт II, Сцена 3

Джулия была на родине более трёх лет назад, последний раз - ещё до восстания 22 октября, и была поражена, насколько поездка теперь усложнилась. Чрезвычайные меры безопасности при посадке на самолёт в международном аэропорту Лос-Анджелеса стали уже привычными, но необходимость проходить такую же тщательную проверку при выходе из самолёта в Портленде была для Джулии в новинку. Проверка включала рентген, металлоискатели, полный обыск багажа и ноутбука Джулии, её ручной сумки и портфеля угрюмыми сотрудниками Федеральной службы безопасности авиаперелётов, в куртках кирпичного цвета, большинство которых, похоже, были латиносами или чёрными, и у всех них в кобурах на поясе торчали "Глоки".

Прошло почти два часа со времени, когда Джулия сошла с самолёта, и, наконец, вошла в главный зал прилёта, но даже там были заметны различия. В терминале было гораздо тише по сравнению с аэропортами, что Джулия помнила, и она быстро обнаружила вероятную причину. Почти на каждом углу стояли или прогуливались по дорожкам пары мужчин в иссиня-чёрной форме и несколько женщин, в тяжёлых бронежилетах и шлёмах с тёмными щитками и винтовками "М-16" с инфракрасными прицелами. На их спинах яркими золотыми буквами блестела надпись "ФАТПО" - сокращённое название Федеральной антитеррористической полиции. Джулия заметила, что люди насколько возможно старались избегать вооружённых правительственных громил, не показывая этого. А громилы, похоже, имели привычку останавливать людей в терминале без всякой причины, резко отдавали приказы, бросали злые взгляды и требовали предъявить документы. Северо-Запад оказался под игом, "железной пятой".

Тут Джулия заметила стройного человека средних лет в синей спортивной куртке и белых брюках, который держал картонную табличку со словом *Лир*, написанным маркером. Она подошла к нему, таща сзади свой походный чемодан на колёсиках.

- Привет, я - Джулия Лир, - обратилась она к этому человеку.

- Уолли Пост, - представился тот, пожимая руку Джулии.

- Мистер Блостайн сказал, что вы меня встретите, но зачем? - спросила Джулия.

- У меня здесь небольшая компания под названием "Орегон Секьюрити Ассошиейтс" - пояснил Пост. - Раньше я был частным сыщиком, но после начала "Волнений" мы начали заниматься туризмом и деловыми поездками. Мы помогаем людям, которые должны по любой обоснованной причине посетить наш добрый "город роз" и некоторые наши живописные сельские районы, добраться туда, сделать дела и уехать без неприятностей. Можете называть меня своим надёжным местным проводником. Я благополучно проведу вас через джунгли и уберегу от львов, тигров и медведей, ей богу!

- Я сама происхожу из этих страшных джунглей, и не думаю, что мне нужен проводник, - засмеялась Джулия.

- Блостайн говорит, что вы не были здесь, с тех пор как по ночам раздаётся большой грохот, - заметил Пост. - Теперь джунгли стали гораздо опаснее, *мемсаиб*. (Обращение к европейской женщине в колониальной Индии. - Прим.перев.).

Он бросил взгляд ей за спину.

- Кстати ...

Джулия почувствовала тяжёлую руку на плече, обернулась и увидела сзади огромного чёрного в бронежилете "ФАТПО". Его напарник, мексиканец размером поменьше, стоял в нескольких шагах поодаль, нацелив винтовку "М-16" прямо в живот Джулии.

- Кто ты ефть, баба, и какого хрена ты припёрлафь в мой город? - воинственно прошепелявил чёрный.

Прежде, чем потрясённая Джулия ответила, Пост ловко вынул из кармана рубашки маленькую карточку и протянул её "пухлomu".

- Добрый день, джентльмены, - учтиво произнёс он. - Я - Уолли Пост из "ОСА". А эта леди из киностудии "Парадайм" в Голливуде, которую я сопровождаю для защиты от бунтовщиков. Как видите, у меня спецкарта от вашего командира, полковника Асеведа. Номер его мобильного телефона указан на обороте.

Огромный черномазый глянул на карточку, но он был явно знаком с действующей системой и вернул её.

- Хочешь быть в безопафнофти от казлов рафифтов, тогда в городе тебе нада держаться наф, "По", - посоветовал он Джулии с плотоядной ухмылкой.

- По правде говоря, она собирает здесь материал для фильма, который задумала "Парадайм", всё о вас - герои "ФАТПО" и вашей доблестной борьбе с ненавистью и терроризмом, - с ходу выдал Пост.

- Да ну? - удивился мексиканец. - Тебе будут нужны некоторые из нас, парни из "По" как актёры твой кино, ага?

- Чем правдивее, тем лучше, - согласилась Джулия.

- Это круто. Мне нравится быть кинозвездой, ага. Я - рядовой Рамирес, Тибурсио Рамирес, но мои братки в "По" называют меня Кангранде. Ну, "Большая собака" по-испански. Если тебе нужен какой технический совет или что, найди меня, хоккей, мами?

- Я запомню, - пообещала Джулия.

Рация чёрного затрещала, послышалось что-то неразборчивое, негр хрюкнул мексиканцу, и они ушли по дорожке терминала. Джулия посмотрела им вслед и сглотнула.

- Многие из них - бывшие бандиты из Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Чикаго, Майами и тому подобное, - обыденно пояснил Пост.

- Как плохо это могло обернуться? - нервно спросила Джулия.

Пост усмехнулся.

- Здесь на людях, днём? Наверно не слишком плохо, если у тебя достаточно выдержки отнестись ко всему легко и добродушно. А ночью, на углу какой-нибудь улицы или на тёмной сельской дороге, когда вокруг никого, кроме них и тебя? Плохо. Очень плохо.

- Что за карточка у вас в кармане, и как вы её получили? - спросила Джулия.

- Портлендский командующий ФАТПО - некто полковник Рейнальдо Асеведа, колумбиец. Мне говорили, что раньше он работал там на ЦРУ. Он явно думает, что вернулся в Медельин (*столицу мирового наркобизнеса в Колумбии. - Прим. перев.*). И я полагаю, что по существу он прав. "Пухлые" - его собственная частная армия, которые по решению Конгресса и в соответствии с распоряжением президента освобождены от судебного преследования за всё, что им вздумается сотворить с любым из нас.

Всего за несколько недель, что он здесь, Асеведа, уже начал грести деньги лопатой с помощью десятка афер, главным образом предоставляя защиту от своих собственных бандитов в бронежилетах. На обороте этой карточки личный номер мобильного Асеведы написан зелёным, что означает, что я заплатил ему за определённый уровень "крыши" и

сотрудничество. Эта карточка - среднего уровня, на один уровень выше чёрного цвета. Не буду говорить, сколько я заплатил за неё, потому что вы мне не поверите. Если я доставлю вас целой и невредимой, и вы сможете сделать то, что нужно мистеру Блостайну, он обещал мне премию, достаточную, чтобы купить у Асеведы красную карточку, с номером его мобильного, написанным красными чернилами. Ту, что действительно хочется иметь.

- А что вам даст красная карточка? - спросила Джулия. - И следует ли мне это знать? Пост холодно усмехнулся.

- Между прочим, с красной карточкой я смогу убивать людей. Как вы собирались добираться до Астории, мадам?

- Ну, взять напрокат машину, как обычно, - смутилась Джулия.

- Не советую, - сказал Пост, качая головой. - Не имеет значения, как ехать, по 30 или 26 шоссе. Вы наткнётесь, по крайней мере, на несколько контрольно-пропускных пунктов ФАТПО, а как только их минуете, обычно между Рейнир и Клэтскани, также можно столкнуться с несколькими КПП Добрармии. Кэп Хэтфилд хочет знать, кто входит и выходит из его владений. Его ребята знают местных и не беспокоят их, но я не уверен, считаетесь ли вы ещё местной или нет.

И я очень, очень не советую одинокой белой женщине проезжать через КПП "пухлых" после наступления темноты. Эти парни - не нормальная полиция или даже не регулярные войска, они - грубая шайка, присланная сюда Хиллари Клинтон, чтобы растоптать любого белого человека, который косо на них посмотрит. Я действительно вам необходим, мисс Лир. Блостайн нанял меня, чтобы доставить вас туда и обратно. Прошу вас позволить мне это сделать.

- Хорошо, - сказала Джулия, качая головой от удивления. - Пойдёмте.

Джулия вслед за Постом прошла из терминала к кратковременной ярусной автостоянке, где он погрузил её багаж в новый джип "Чероки". Когда они выезжали из аэропорта и на подъездную дорогу, ведущую к межштатной магистрали 5, Джулия осторожно спросила:

- Вы упомянули одного человека, кэпа Хэтфилда. По-моему, его зовут Зак?

- Так точно, - подтвердил Пост. - Он - капитан Добрармии, так что местные жители называют его Капитан Зак или Кэп, а СМИ, похоже, на нём помешались. Настоящий ковбой, не расстается с винчестером и пускает его в ход. Хэтфилд в прошлом году пристрелил одного отчаянного федерального полицейского, который вызвал его на дуэль или вроде того. Встретил его на улице в Клэтскани и прострелил башку из этой винтовки прежде, чем тот смог достать свой "Глок" из кобуры. Местные полицейские, кажется, решили просто убраться с его пути, а после дуэли они *наверняка* это сделали.

Первая портлендская бригада Добрармии состоит из трёх батальонов. Хэтфилд - командир Третьего батальона. Они называют себя "Дикой стаей". Никто не знает насколько велики первые два, но Третий батальон, похоже, довольно большой и прикрывает действительно огромный район, примерно от Рейнир до Астории и дальше на юг где-то до Кэннон Бич. Его парни почти захватили район, куда вы едете.

Оттуда до Ньюпорта действует Вторая орегонская береговая бригада под командованием какого-то шведа, который называет себя "Рагнар - Красная борода". Его настоящее имя, вроде, Дэн. Парень явно больной на голову. У есть него лодка, которую он переделал в длинный корабль викингов со щитами по бортам и с головой дракона на носу. Ещё когда здесь вдоль этого отрезка дороги 101 жили мексиканцы, он завёл привычку рубить их на части и ловить рыбу на приманку из кусков человечины. И больше мексиканцев здесь нет. Как только всё это началось, после 22 октября они *очень быстро* всё поняли. Теперь испанскую речь за пределами Портленда не услышишь.

- Да, это отличается от Лос-Анджелеса, - подтвердила Джулия.

- Представляю, - согласился Пост.

Он свернул к съезду и начал спускаться к реке.

- Вы знаете этого Хэтфилда лично? - мимоходом спросила Джулия.

- А в чём дело? – откликнулся Пост.

- Он - тот человек, которого мне нужно повидать в Астории, - пояснила Джулия. - Не знаю, должна ли я говорить вам или нет, но факт тот, что, после того, как я доберусь до Астории, я понятия не имею, как его найти. У меня есть кое-какие связи в местной полиции, если можно так выразиться, но ... я даже не уверена, что они будут обсуждать эти дела со мной. Я даже не знаю, как начать расспросы, - закончила она, качая головой.

- Нуу...Я бы не распространялся об этом, - осторожно сказал Пост. - Вам повезло. Я - вроде наёмника с правилами, и когда мне заплатили, я не перепродаюсь. Но есть и другие, те, кто продаст вас "пухлым" не моргнув глазом, если узнают о вас что-нибудь подобное. Большие деньги на вознаграждения крутятся на Северо-Западе в наши дни, мэм. За каждого сына и дочь в Добрармии матерям обещана исходная денежная премия в 50 тысяч долларов за голову, как вознаграждение за внутренних террористов, и эта сумма возрастает в зависимости от того, насколько опасен был отдельный доброволец. Я думаю Хэтфилд теперь стоит больше полумиллиона. В дополнение ко всем другим вооружённым бездельникам, которые теперь у нас здесь есть, мы также имеем охотников за головами и доносчиков за каждым углом.

- Среди этих людей есть женщины-добровольцы? - удивилась Джулия. - Постойте, о чём я говорю? Это же глупость. Я сама знаю одну из них. Эрику Коллингвуд.

- Да, у них есть женщины, и некоторые из них настоящие конфетки, не обижайтесь, - хмыкнул Пост. - Эрика и Мелани Янг из Олимпийской летучей колонны, и эта татуированная цыпа-байкерша, которая стреляла на Фландерс-стрит, где вместе Котом Локхартом и другими крутыми парнями убила шефа полиции. В любом случае, отвечая на ваш вопрос, скажу, что я не был бы местным проводником, если бы не знал все племена и обычаи на пути. Я позвоню кой-кому, конечно, очень осторожно, и посмотрю, что смогу сделать, чтобы немного подтолкнуть события и найти Кэпа для вас.

Пост остановил джип около небольшого причала для катера на берегу реки.

- Куда это мы? - удивлённо спросила Джулия.

- В Асторию, тем же путём, каким добрались туда Льюис и Кларк, - ответил Пост. *(Льюис и Кларк – американские первооткрыватели Дикого Запада США. О них снят фильм "Льюис и Кларк: великое путешествие на Запад". - Прим.перев.)*

Он подъехал к эллингу с моторным катером метров восьми в длину с названием "Немо".

- Что я могу сказать? Кино - повсюду, и мои дети любят этот фильм. Мы поплывём вниз по реке. Вам повезло, что сейчас июнь, и солнце не сядет почти до десяти, так что будет ещё светло, когда мы причалим у Астории.

Поездка вниз по огромной реке Колумбии под высоким летним солнцем оказалась чудесной. Джулия всю поездку сидела в раскладном кресле на палубе и приняла предложение Поста отобедать бутербродами с домашней ветчиной, сыром и ржаным хлебом из пластиковых пакетов и множеством бутылок пива "Генри Вейнхард" из холодильника. Она никогда раньше не плавала по реке и была поражена и восхищена необыкновенной красотой её собственной родной земли. Орегонский и вашингтонский берега реки в пятнах от солнца светились коричневым и вечнозелёным, морские львы рычали на отмелях. Дымовые трубы Лонгвью по-прежнему выпускали белые клубы в воздух, а большие контейнеровозы также плыли по фарватеру в Лонгвью и Портленд и обратно. Кроме

случайного полицейского катера, встреченного по пути, казалось, не было заметно никаких признаков продолжающегося восстания. Когда они проплывали под большим мостом в Лонгвью, Джулия встала, чтобы присоединиться к Посту на капитанском мостике.

- Я знаю, что это звучит глупо, но как вы думаете, раз Добрармия пытается свергнуть правительство и всё разрушить, им следовало взорвать этот мост и тот большой мост на 101-м шоссе ниже в Астории? - спросила она. - Я думала, что настоящим партизанам полагается взрывать мосты, а?

- А как *им самим* тогда переправляться через реку? Вплавь? - усмехнулся Пост. - И потом партизаны далеко не уйдут, если полностью нарушат жизнь местных жителей, от поддержки которых они зависят. Местная полиция заключила *временное соглашение* с повстанцами по мостам. Копы не ставят никаких КПП и камер на концах мостов, а Добрармия не трогает мосты.

Полиция штата и федералы в первый год этого не поняли и поставили контрольно-пропускные пункты здесь в Лонгвью и в Астории. "Дикая стая" просто расстреляла к чёртовой матери КПП на орегонской стороне, а их коллеги проделали то же самое в вашингтонских округах Каулиц и Пасифик. Власти, потеряв убитыми десяток солдат и агентов ФБР, сообразили, что просто обеспечивают Добрармию мишенями, напрасно подставляя своих людей, и сыграли отбой.

То же самое относится ко всем этим контейнеровозам. Добрармия в любой момент может легко перекрыть морское сообщение по реке Колумбия. Они могли бы просто встать на мосту в Астории и сбросить бомбу на какое-нибудь китайское торговое судно. Могли бы утопить его посередине канала и перегородить всю реку. Они способны даже без всего этого практически всё застопорить. Большинству капитанов и команд действительно не понравится 160-километровый проход по реке, где они в основном находятся в пределах досягаемости стрелкового оружия или, по крайней мере, ракет с того или другого берега, если кто-то будет их обстреливать.

Федеральные власти, видимо, сильно нервирует мысль, что когда-нибудь повстанцы это проделают. Но американские войска и полицейские уже растянуты настолько, что просто не в состоянии охранять сотни километров речного берега и побережья, размещая людей через каждые несколько метров, что им пришлось бы сделать. И при таких скверных здешних делах подавляющее большинство из четырёх миллионов военнослужащих Америки по-прежнему находится за границей, пытаясь одновременно удерживать в подчинении шесть - семь стран на Ближнем Востоке. Так что власти просто оставили всё как есть и постучали по дереву.

- Зато они получили некоторые дополнительные сухопутные подкрепления, судя по тому, что я видела в аэропорту, - заметила Джулия.

- То бандиты, а не солдаты, - напомнил ей Пост. - Они здесь не для выполнения законных военных задач. А для устрашения и запугивания белых, чтобы подчинить их режиму. Но вы правы, что в некоторый момент и очень скоро "пухлым" предстоит начать двигаться здесь вниз по реке, особенно к Астории. Астория стала своего рода освобождённой зоной, где белые могут благополучно и мирно жить среди таких же белых. Соединённые Штаты этого не могут допустить.

- Вы говорите, как будто сочувствуете им, - заметила Джулия. - Знаете, Уолли, я благодарна вам за помощь. Вы правы, что у меня могут быть неприятности без вашей помощи, а я не хочу обижать вас или начинать спорить. Но я должна напомнить вам, что эти люди - убийцы. Они убили несколько моих друзей, пристрелив некоторых во время передачи по общенациональному ТВ в прямом эфире несколько месяцев назад на церемонии вручения Оскаров.

- Ладно, я - только наёмная охрана, и не хочу вести политическую дискуссию, мэм, - согласился Пост. - Когда вы вступаете в войну, одна из первых вещей, которая становится совершенно неважной, это вопрос о том, кто и что начал. Но вы недавно видели в аэропорту, как ответило правительство Соединённых Штатов. Позвольте спросить вас, мэм. Если судьба решила, что безмятежная жизнь времён 1970-х годов ушла навсегда, а я думаю, что так оно и есть, и вы вынуждены иметь дело с вооружёнными мужчинами тёмной ночью на какой-нибудь улице или участке шоссе, на кого вы предпочтёте наткнуться? На этого чёрномазого и его приятеля-мексикашку из аэропорта? Или на Зака Хэтфилда?

- Я не знаю, - покачала головой Джулия. - Я, правда, не знаю. Я бы не хотела выбирать.

- Да, это вопрос, - мягко заметил Пост. - В конце концов, вам придётся выбрать. Вами могут править вооружённые бандиты другой расы или бандиты вашей собственной. Дерьмовый выбор, но это намного более старая ситуация, чем наша здешняя так называемая демократия. В той мере, в какой у нас действительно был выбор.

* * *

Пока Джулия Лир наслаждалась плаванием по Колумбии, в Портленде в это время лейтенант Билли Джексон из роты "А" Первой бригады, сидел в задней комнате высококлассного солярия на маленькой торговой ярмарке недалеко от Скайлайн Бульвара. Место называлось "Дети Солнца" и довольно подходяще. А в правительстве Соединённых Штатов не нашлось никого достаточно образованного, чтобы знать древнее название арийских народов на земле. Джексон только что закончил беседу с молодым белым без особых примет, который выскользнул обратно, когда сказал, что хотел. Джексон мрачно посмотрел на Гэри Бреслера. Новости были плохие.

- Я свяжусь с командиром и попрошу его поспешить, - сказал Бреслер. - Но мы должны тихо спрашивать этого газетчика, и обязательно. Как ты хочешь поступить?

Джексон щёлкнул мобильником и набрал номер. Когда на звонок ответили, он сказал: "Привет, Том, дружище! Я только что появился в городе, и надеюсь тебя увидеть. Как насчёт обеда? Какая в Портленде лучшая бифштексная? Не бери в голову, мы что-нибудь придумаем. Я в "Пайонир Инн."

"Пайонир Инн." находился в центре города и далеко от местонахождения Джексона, но это было условное название солярия.

"Ты можешь сейчас освободиться? Отлично! Да, и постарайся привести свою подружку Бекки. Мама много о ней слышала и хочет получить полный отчёт".

Джексон закончил разговор и посмотрел на Бреслера.

- Нам необходимо выманить Зуккино и забрать его куда-нибудь на небольшой разговор, а это значит, что мы должны, не привлекая внимания, вытащить его из отеля. Для этого нам нужна приманка - Лорелея.

- Бекки? - спросил Бреслер. - Думаешь, она годится для этого?

- Я не вызвал бы её, если бы считал, что она неспособна, - ответил Джексон. - Впрочем, мы скоро узнаем.

Эрик Селлерз и Аннет Риджуэй сидели вместе в лекционном зале портлендского кампуса университета штата, когда раздался звонок Джексона. У Эрика был специальный разовый телефон Добрармии с виброзвоном, который звучал негромко. Эрик мог вести разговор *вполголоса*, так что никто, кроме его непосредственных соседей, не знал, что он говорит по телефону, не беспокоя высушенного профессора, который монотонно вещал о жизненно важных традициях коренных американцев в истории США.

Оценки Эрика были достаточно хорошими, а отец Аннет был достаточно богат, так что они вместе могли поехать учиться в любой колледж или университет страны. Поэтому родители удивились и немного испугались, когда Эрик и Аннет настояли на том, чтобы остаться поближе к дому и посещать явно второразрядный и очень политически корректный Портлендский штатный университет (ПСУ). Но немного лести, и ребята смогли добиться своего.

Аннет сказала отцу, что ей всё ещё неудобно оставлять мать одну, что было достаточно веской причиной. Со здоровьем у Лоррейн всё ещё обстояло плохо, и, по мнению как Аннет, так и её отца, она принимала слишком много лекарств. Аннет также указала, что в ПСУ имелаась одна действительно великолепная программа подготовки магистров делового администрирования, которая очень украсит её резюме.

А Эрик сказал своему отцу, что в ПСУ есть все необходимые подготовительные курсы, которые нужны для поступления в Стэнфорд, Массачусетский технологический институт или другой известный научно-технический университет, и откровенно сознался, что не хочет быть далеко от Аннет, и отец его прекрасно понимал.

На тот момент было признано, что если не случится ничего непредвиденного, в недалёком будущем молодая пара сыграет свадьбу. Обе семьи были довольны, так как теперь никому не приходилось бояться чудовищного американского кошмара: какого-нибудь отвратительного человекообразного, которого сын или дочь могли однажды привести домой. Молодые люди согласились с требованием родителей, что подождут, пока оба не получат степени бакалавров, так что на домашнем фронте всё шло гладко.

Родители с той и другой стороны были в высшей степени довольны, что ни у Эрика, ни у Аннет не было никаких признаков использования наркотиков, нервных расстройств или дисфункциональных неврозов, и оба казались серьёзными и целеустремлёнными молодыми людьми. Когда дети отсутствовали неизвестно где, родители предполагали, что те где-нибудь уединяются. Но поскольку знали, что всё могло быть намного хуже, то радовались своему счастью и ничего не говорили. А Рей Риджуэй никогда не упоминал о пропаже своего пистолета калибра 11 мм.

После некоторого предварительного обсуждения обе семьи решили, что дети должны отучиться два года в ПСУ и получить все основные зачёты перед переходом в вуз более высокого уровня для получения дипломов и учёных степеней. Они ещё не знали, что когда придёт время, единственным выбором, перед которые будут стоять молодые люди, станет Университет штата Орегон в Юджине, который был лучшим для Эрика с его сильной тягой к научным исследованиям, или Университет штата Вашингтон в Сиэтле, который будет лучше для получения экономической степени Аннет. И что выбор продиктуют старшие командиры влюблённых из Добрармии, на основе того, где ребята смогут принести наибольшую пользу революции.

- Босс срочно вызывает нас обоих в "Пайонир Инн.", - шепнул Эрик Аннет.

- Подождём десять минут до звонка и окончания лекции, - прошептала в ответ Аннет. - Помни, что эта ерунда - политкорректный обязательный зачёт для удостоверения в том, что наши головы как следует заполнены вздором об индейцах. Если мы выйдем, это может вызвать подозрение. Кроме того, я хочу найти подход к этому кретину, и, может, нам удастся подставить его под пулю. Конституция Соединённых Штатов была основана *не* на устных законах конфедерации ирокезов, а на славной революции 1688 года в Англии! Боже, какое идиотское невежество! Откуда они *берут* это дерьмо?

- В основном, просто сочиняют, - сказал Эрик. - Кто будет спорить с ними, если за возражения политкорректному профессору на лекции можно получить пять лет тюрьмы?

Им потребовался почти час, чтобы добраться от университетского городка до Скайлайн Бульвара на "лексусе" Аннет. Эрик осторожно пробирался через лабиринт боковых улиц, чтобы избежать новых контрольно-пропускных пунктов "ФАТПО", которые как грибы росли по всему Портленду. Наконец они вошли в солярий "Дети Солнца". Мускулистый и загорелый молодой парень, похожий на инструктора по плаванию на пляже, посмотрел на них из-за прилавка.

- Чем могу помочь? Мы даём скидку новичкам. Ребята, вы выглядите бледновато.

- Ну да, я слышал, что здесь тусуются другие бледные люди, - ответил Эрик.

На столе лежал жёлтый блокнот с ручкой, и молодой человек, посмотрев Эрику в глаза, провёл диагональную линию на странице.

- Бледность не слишком в моде в наши дни, - заметил он. - Вам лучше выглядеть покоричневее.

Эрик глянул на страницу и взял ручку.

- Похоже, вы знаете это по собственному опыту.

Он пересёк диагональную линию другой, и нарисовал на листе большой "X".

- Я уверена, что ты мог бы сойти даже за мексиканца, если бы захотел, - заметила Аннет, беря ручку и дорисовывая четыре поперечины до полной свастики.

Парень рассмеялся, оторвал лист бумаги и сунул его в машинку для уничтожения бумаг под прилавком.

- А, знаете, могу. Четыре года испанского в школе действительно для чего-то сгодились.

Он кивнул назад. Аннет и Эрик прошли по коридору мимо кабинок с толстыми яппи обоих полов, жарящимися на столах, и вошли в заднюю комнату. (*Яппи - молодой карьерист, горожанин, гламурный тусовщик, следящий за своим здоровьем в отличие от хиппи. - Прим. перев.*) Джексон и Бреслер ждали их там, сидя за складным столом.

- Мы видели на мониторе, как вы вошли, - сказал Джексон. Он указал на два стула, один - с банкой диетической содовой и один - с кружкой дымящегося чая.

- Травяной, годится? Не уверен, что это сорт, который ты любишь.

- Спасибо, сэр, - сказала Аннет, когда они с Эриком сели.

Джексон наклонился вперёд.

- Товарищи, у нас проблема, и нам нужна ваша помощь. Особенно твоя помощь, Бекки. Вы должны знать, что сейчас Портленд переполнен сотрудниками СМИ, репортёрами и бригадами с телевидения, телеведущими и внештатниками и им подобными подлыми тварями со всех континентов. Они заявили сюда, чтобы освещать "битву нашей блистательной демократии против зловещих сил терроризма и ненависти" и тому подобное дерьмо. С тех пор как "пухлые" вошли в город, правительство приняло политику их "внедрения", как они это называют. То же самое они делали в Ираке и Афганистане.

По этой же самой причине, будьте уверены, они не смогут отказаться от запретов видеть и сообщать о вещах, которые видеть не следует. Это особенно важно, так как "пухлые" уже натворили много неприглядных дел, а ЗОГ не хочет, чтобы мир узнал об этом. Весь персонал СМИ теперь должен регистрироваться в ФАТПО, и к ним, куда бы они ни шли, приставляют так называемую охрану. Всё, что выпускается, подвергается или должно подвергаться цензуре. Режим пытается сохранить удавку на общественном восприятии Волнений на Северо-Западе. Очевидно, мы должны разорвать эту удавку.

Но это общая картина. Наша проблема особая. Для представителей СМИ предназначены несколько больших отелей, главным образом в центре города, где они все размещены, пьют и болтают, обмениваются военными рассказами, развратничают и обделывают другие журналистские делишки. По правилам предполагается, что они не

покидают помещение без какой-то охраны, ФАТПО или, по крайней мере, без сопровождения одного из так называемых контрактников.

На практике всё это довольно проницаемая система. Один из постояльцев отеля "Бенсон" на Южном Бродвее - репортер *"Лос-Анджелес Таймс"* по имени Досон Зуккино. Он - новичок в городе, и нас особенно не раздражает. Его статьи направлены против Добрармии, но не более, чем можно ожидать от газеты для влиятельных кругов, и они без сомнения кое-что добавляют при редактировании. В обычных условиях Зуккино стоял бы довольно далеко в конце нашего списка намечаемых целей. Но произошло кое-что, указывающее на необходимость познакомиться с ним поближе и задать пару вопросов, причём быстро. Возможно, сегодня вечером, если удастся.

Мы должны отделаться от приятелей Зуккино и надзора ФАТПО, чтобы захватить его, увезти в безопасное место и узнать, что ему известно по одному конкретному вопросу. Это может оказаться действительно очень важной и своевременной инфой. И по возможности мы хотели бы проделать всё так, чтобы его коллеги и "пухлые" не узнали, что Зуккино похищали. Если они узнают, что мы его захватили, то могут догадаться, зачем это нам, и всё дело может сорваться. Единственный способ, как мы думаем, это поставить сладкий капкан. Нам нужен "живец", Лорелея. Бекки, ты однажды сказала, что готова сыграть эту роль, если потребуется. Это время пришло. Ты по-прежнему готова?

Аннет взглянула на Эрика, который почти незаметно кивнул.

- Да, товарищ лейтенант, я готова.

- Имей в виду, что это спешное задание, и дело может обернуться плохо, - предупредил её Джексон. - Если мы не сможем уберечь тебя от камер наблюдения, возможен твой провал, и тебе придётся перейти на нелегальное положение. Это испортит твою учёбу а, может быть, и всё будущее.

- Мы Эриком говорили об этом, - ответила Аннет. - И знали, чем рискуем, когда сказали "да" в тот день в машине, на похоронах Фламмуса. Будь, что будет.

- Если это случится, я уйду на нелегальное вместе с ней, - сказал Эрик.

- Мы это понимаем. Вы - отличная команда, и мы не хотим вас разлучать, - уверил Эрика Бреслер.

- Спасибо, товарищ, - сказал Джексон.

Раздался стук в дверь, и Бреслер впустил невысокого и толстого молодого человека с короткой стрижкой, который нёс большую спортивную сумку из брезента.

- Товарищ Бекки, это товарищ Стигс. Его специальность - поддельные документы, и тебе они сейчас понадобятся. Но сначала нам нужно выбрать тебе причёску на вечер.

Стигс достал из сумки четыре женских парика, два с длинными волосами, один - с короткими и один - "под пажа".

- Это всё, что я смог собрать сразу, - пояснил он извиняющимся тоном.

Бреслер вытащил довольно большое зеркало и поставил его на одну из металлических полок. После первой примерки и замечаний мужчин был выбран парик с длинными чёрными волосами, в котором Аннет чувствовала себя наиболее уверенно.

- Хорошо, Бекки, следующий вопрос. Ты когда-нибудь носила контактные линзы? - спросил Джексон.

- Нет, - ответила Аннет.

- Я действительно хотел бы изменить цвет твоих глаз.

- И если ты сможешь носить контактные линзы, чтобы изменить цвет твоих зелёных глаз на карие, мы сможем выдать тебя за мексу, - пообещал Стигс. - Штука в том, что нужна краска для затемнения твоей открытой кожи, если мы хотим сделать всё правильно.

Конечно, есть светлокосые и зеленоглазые латиноамериканки. Ты можешь говорить с акцентом?

- К чёрту акцент, может, ты говоришь по-испански? - спросил Джексон.

- Нет, я учила в школе немецкий, - покачала головой Аннет.

- Тогда лучше не стоит умничать для нашей же пользы и пытаться превратить тебя в мучачу. (*Мучача - девушка по-испански. Прим. перев.*). Проблема в том, что ты можешь нарваться на настоящего бобоеда, который захочет поговорить с тобой по-испански. В любом случае, если ты никогда не носила контактные линзы, то не стоит и пробовать во время такого ответственного задания.

Чёрные волосы и зелёные глаза могут быть у русской, но проблема та же. Кругом много русскоязычных, особенно евреев, так что ты можешь нарваться на неприятности. У нас нет времени на такие сложности. Ты будешь просто *бимбо американа*. (*Глупая американская красотка - Прим.перев.*). Давайте делать снимки. Стань, пожалуйста, здесь, товарищ.

Стигс вынул синюю простыню из спортивной сумки, Бреслер и Джексон растянули её, Аннет стала перед простыней в чёрном парике, и Стигг сделал два её снимка на "Инстаматик".

- Хорошо, Стигги, кроме водительских прав, что ещё у тебя под рукой для удостоверения со вторым снимком? - спросил его Джексон.

- Почти всё, что хотите, сэр, - ответил Стигс. - Студбилеты Орегонского штатного университета и университета Орегона, ПСУ и Вашингтонского штатного. Удостоверения госслужащего штата, города или федерального служащего. Если хотите, я даже могу сделать её военнотрудовой или копией из полицейского бюро Портленда. Вместе с подходящим жетоном.

- Ну, Бекки молода для полицейского, - задумчиво произнёс Джексон, потирая подбородок. - Но это дало бы ей оправдание, чтобы носить ствол.

- Та же самая проблема: я могу наткнуться на настоящий полицейский контрольно-пропускной пункт, или меня могут задержать и обыскать. Сделай мне студбилет Орегонского штатного университета, - предложила Аннет. Я знаю студгородок и могу поболтать об универе. Почему бы не сделать меня студенткой, специализирующейся в журналистике? Я могу побыть подающей надежды молодой девушкой, которой действительно не терпится заняться делом, наслушавшись про все эти опасные приключения в стиле Хемингуэя.

- Ну а зачем ей вообще фальшивый студбилет, - спросил Эрик.

- Чтобы при необходимости она могла пройти в любой бар или ночной клуб, - ответил Бреслер. - Единственное исключение из Общего приказа номер десять, помнишь?

- Тогда сделайте мне 21 год, - хихикнула Аннет. - Да ведь это мысль. Сделайте так, чтобы 1 июня мне исполнялся 21 год, и я жаждала впервые законно выпить "Джона Ячменное Зерно" и начать ночную жизнь со взрослым соблазнителем.

- Неплохо, - согласился Джексон.

- Ты сможешь впервые официально выпить по фальшивому студбилету, выданному Добрармией, выполняя долг как Мата Хари, - криво усмехнулся Эрик.

- Вот ПСУ. Ей также нужны кредитные карточки, - напомнил Джексон. - У тебя есть что-нибудь для женщин?

- А как же, целый набор, - отчеканил Стигс.

- И на какое имя?

- Мэри Джонс, хотите верьте, хотите нет, - сказал Стигс. - Настоящей Мэри Джонс, ниггерше, они больше не понадобятся. Но помните, товарищи, что они просто для вида.

Если кто-нибудь заметит, что настоящая Мэри Джонс отсутствует, карточки или отменят, или, возможно, полицейские сохранят их действующими, но пометят, чтобы увидеть, когда кто-нибудь попытается использовать карточки. Если полицейские или "пухлые" остановят тебя и обыщут сумочку, но найдут *только* водительские права, это вызовет у них подозрение. Тебе нужно много мелочей, чтобы выглядеть обычно. Ещё я сделаю тебе читательский билет, квитанцию из химчистки, и тому подобное, чтобы всё выглядело кошерно, простите за выражение. Я должен вернуться в свой хлев и сделать всё это, товарищ лейтенант. Это займёт около трёх часов. Куда вам нужно их доставить?

- Я пошлю сообщение, - сказал Джексон. - У тебя есть коды на этот месяц?

- Да, сэр. Я лучше пойду. Удачи, Бекки, то есть Мэри, - сказал он, застёгивая сумку, и исчез.

Джексон вздохнул.

- Хорошо, ребята, садитесь, - продолжил он. - Том, ты будешь одним из группы захвата, и после похищения твоей задачей будет вывод Бекки из этого района. Бекки, вечером ты будешь рисковать своей жизнью и свободой ради нашей новой страны на самом опасном задании, из тех, что тебе до сих пор доводилось выполнять. Вы оба имеете право знать, почему это необходимо, и почему такая спешка.

Как я упоминал прежде, отель "Бенсон" теперь - это казармы СМИ. Поэтому не вызывает сомнения необходимость для нас иметь там человека, чтобы видеть, кто там появляется и исчезает, кто что делает, и слышать как можно больше пьяного бреда этих подлых существ. Отель - кладёшь информации. Эти люди невероятно болтливы, когда выпьют, а этим они заняты большую часть времени. Вчера вечером газетчики и газетчицы разглагольствовали в баре, и разговор шёл вокруг Зака Хэтфилда и Третьего батальона на Северном берегу.

- О "Дикой стае?" - вмешался Эрик.

- Именно о ней, - кивнул Джексон. - Досон Зуккино был в стельку пьян, что, по моему, его нормальное состояние поздно вечером. Он заигрывал с одной из своих партнёрш-женщин, ведущей программ "Фокс Ньюс", которая искала в городе места для драматических съёмок войны с внутренним террором и тому подобное. Насколько наш парень мог подслушать, Зуккино обещал посвятить её в какой-то действительно большой сюжет, если она пойдёт с ним наверх и позволит ему бросить якорь.

Когда мадам нажала на Зуккино, выпрашивая подробности, тот сказал, и это самая точная цитата, которую наш источник смог передать нам, что "Я собираюсь быть там, когда этот самодовольный грёбаный капитан Зак получит по своей дурацкой шляпе, может быть, от самого Ролли Роллинза. Я буду прикомандирован к ребятам из ФАТПО, чтобы увидеть, как они отпинают засранцев-расистов. А так как приказ о моём назначении может прийти в любой момент, и меня пошлют в пекло битвы, пан-или-пропал, конечно я заслуживаю в последний раз потрахаться с красивой коллегой" и тому подобный мелодраматический треп о том же.

- Вы уверены, что этот парень вообще действительно что-то знает, сэр? - удивлённо спросил Эрик. - Он говорил как пьяный напыщенный придурок!

- Чертовски похоже на то, - вздохнул Джексон. - Может он *только* пьяный напыщенный придурок, который треплется с важным видом, чтобы попробовать залезть в трусы телекуклы Барби. И, возможно, что я зря рискую вашими жизнями и жизнями других товарищей. Но мы просто не можем не рискнуть. У нас действительно есть несколько фактов, которые делают его болтовню тревожной.

Мы знаем, что большие силы ФАТПО, почти тысяча человек, были задержаны, когда главное соединение было введено на Родину, но вместо этого их послали на погрузочную

станцию сухопутных войск в Окленде в штате Калифорния. А их главный черномазый командир, бывший конгрессмен Роланд Роллинз, до сих пор так и не появился на Северо-Западе. Похоже, никто не знает, где он. СМИ спрашивают, но в ответ слышат болтовню Белого дома, что его местонахождение не раскрывается. Третий отдел предполагает, что их держат как своего рода собственную летучую колонну ФАТПО, которая может быть переброшена на вертолётах или даже на грузовиках как ударная сила в любое место, где они решат открыть, так сказать, собственный фронт.

Если они собираются пройти в область Северного побережья, то могут начать наступление даже по морю. Мы также знаем, что группировка вертолётов, транспортных и боевых, была сосредоточена в Форт-Льюисе с какой-то неопределённой целью. Техника окрашена в чёрные цвета ФАТПО, значит их не пошлют в Ирак или куда-нибудь ещё за границу. Они хотят попытаться напасть на нас там, где мы не ожидаем. Мы знаем, что режим всегда очень нервировали Зак и его парни, оседлавшие Колумбию с теми двумя большими мостами через реку в Астории и Лонгвью. Стоит взорвать эти мосты и заблокировать те суда-контейнеровозы, поднимающиеся вверх по реке, и американская экономика на Северо-Западе пострадает, и серьёзно. Мы воздержались от этого, потому что у белых начались бы затруднения здесь, на Родине, и результат был бы противоположным ожидаемому. Но если бы я был американским генералом, то моей первой задачей стало бы обеспечение полной безопасности обоих берегов Колумбии до Портленда. Может быть, они готовятся сделать свой ход. Мы *обязаны* выяснить, действительно ли этот козёл-репортер что-то знает.

- Что точно вам нужно, чтобы я сделала, сэр? Я имею в виду, как? - спросила Аннет.

Джексон вынул несколько листов бумаги.

- Скачал их из Интернета. Вот Досон Зуккино с его колонки в газете.

На снимке был изображён мужчина лет сорока с тёмными волнистыми волосами, уже со следами старения на лице, мешками под глазами и щеками, начинающими оплывать и провисать от слишком большого количества алкоголя и нездоровой пищи. Потом Джексон достал блокнот из жёлтой линованной бумаги.

- Похоже, дело непростое. Я больше не люблю устраивать "щекотки" в центре города, где "пухлых" как нерезанных собак. Тут я сделал для тебя пару схем, отеля "Бенсон" и окружающих улиц. Мне хотелось бы, по возможности, чтобы ты перехватила Зуккино где-нибудь *вне* "Бенсона", потому что, если тебе придётся обращаться к нему в баре отеля или в одном из ресторанов внутри, ты не сможешь туда войти, не показав свой студбилет при проходе через металлоискатель. А значит тебе не удастся пронести пистолет и избежать видеокамер слежения. Я действительно хотел бы, чтобы ты не попала на экран "пухлых".

Но если это невозможно, тогда тебе самой придётся войти в "Бенсон", подцепить Зуккино, познакомиться с ним и поболтать со всеми этими типами - журналистами и охранниками вокруг, а потом выманить его наружу обещанием сексуальной близости, чтобы мы могли его сграбастать. Важно заставить его *выйти* из отеля. Внутри "Бенсона" он захочет, чтобы ты поднялась с ним в его комнату, а тогда мы никак не сможем войти и вытащить его, без стрельбы и потерь.

Сам отель охраняется частными контрактниками, наёмниками из компании "Блэкуотер", а некоторые из них почти такие же выродки, как и сами "пухлые". К тому же в отеле будут "пухлые" в штатском, также прикрепленные к некоторым главным репортерам по сложившейся партнёрской системе. Если они тебя там раскроют, у тебя будет столько же шансов как у мыши на собрании котов. Никто не сомневается в твоей храбрости, товарищ. Ты уже достаточно проявила себя у нас, но тем больше я хочу, чтобы ты вернулась оттуда целой и невредимой. Ты нам нужна.

- Спасибо, сэр, - ответила Аннет.

- Теперь об одной моей идее. Я хочу, чтобы ты попробовала заманить Зуккино в другой бар на Бродвее недалеко от "Бенсона", вот здесь, - сказал Джексон, показывая место на самодельной схеме. В паб "Трилистник Пэдди Гроган".

- Я знаю, где это, - сказала Аннет.

- Бар будет переполнен, но там публика разношерстная, и ты сможешь затеряться. У нас будет две машины, автофургон для захвата и вторая - в резерве и для вмешательства при необходимости. Тебе и Тому придётся покинуть этот район пешком, и дойти до третьей машины, твоей собственной. За это время ты должна избавиться от маскировки и принять свой обычный облик, придумав подходящую причину нахождения в центре города на случай, если тебя остановят и зададут вопросы. Не попадись с поддельным студбилетом Стигги: владение фальшивым удостоверением теперь считается терроризмом и грозит тебе смертной казнью.

Двое мужчин склонились над бумагами.

Бреслер спросил:

- Билли, как думаешь, нам сообщить Заку?

Джексон секунду размышлял.

- Позвони командиру и узнай, что он сам думает, но, по-моему, стоит подождать и посмотреть, есть ли в этом всё-таки хоть что-нибудь. Я знаю, что у Зака есть планы действий в чрезвычайных обстоятельствах, и ему было бы трудно ещё больше повысить боеготовность. Даже если на него нападут, врасплох ребят не застать. Можно считать это совершенно точным.

* * *

Солнце садилось, когда Пост помог Юлии донести багаж от причала до Ривер Уок на 31-й стрит Астории. И вот она снова дома и стоит на Ривер Уок. Город выглядел тихим и мирным, даже слишком тихим и мирным для июня. Солнечным летним вечером в июне на Ривер Уок должна была снова толпа туристов. Она не увидела красно-жёлтых трамвайчиков, которые обычно со звоном бегали туда и сюда по берегу реки.

- Блин, теперь я должна подумать, как найти такси, - сказала Джулия. - Ага, вот и оно.

К её удивлению пыльное синее такси въехало на покрытый галькой участок за ними, и таксист вышел из машины. Он махнул ей рукой.

- Бен! – вырвалось у Джулии.

- Привет, Джул, с приездом домой! - отозвался Бен Свенсон. - Твоя мама прислала меня забрать тебя.

- Откуда она узнала, что я приплыву по реке? - удивилась Джулия.

- Я сделал пару звонков, пока мы плыли, - сказал Пост, загружая её сумки и переносной компьютер в багажник такси.

- Ну, ладно, - неуверенно сказала Джулия. - Возможно, мне не стоит спрашивать.

- Пожалуй, - усмехнулся Пост.

Он протянул Джулии карточку.

- Теперь с вами всё будет в порядке. Здесь - номер моего мобильного телефона. Я буду торчать здесь, пока вы не надумаете возвращаться. Окажете мне любезность? Звоните мне раз-другой в день, чтобы я знал, что с вами всё в порядке, ладно? Если я не верну вас в "город мишуры" в целостности и сохранности, мистер Б. не выплатит мне вознаграждение.

- Ты теперь таксист? - спросила Джулия Свенсона, когда они мчались вверх по холму к дому матери Джулии.

- Да, после пяти лет безработицы и жизни на пособие, теперь я действительно снова работаю, - улыбнулся Бен. - Разве не поразительно! Работодатели нынче сами ищут нас - белых среднего возраста и до смерти рады, если удастся кого-то нанять. А ведь прежде мы привыкли, что на нас почти плевали, если мы смели подать куда-нибудь заявление. Я унаследовал это такси от одного индуса. Года три назад ему вдруг страшно захотелось вернуться домой и посмотреть на Тадж-Махал или вроде того. Такое внезапное желание. Как и у всех мексиканцев и торговцев наркотиками, всех этих чёртовых плодовых мух из Калифорнии, которые поналетели к нам. Только не обижайся.

- Ничего. Действительно, Калифорния известна своими плодовыми мухами, - согласилась Джулия, чувствуя медленно нарастающее волнение.

Улицы, которые, как оказалось, она так хорошо помнила, были мирными и золотились на закате, тут и там она видела играющих и бегающих по улицам белых детей и белых людей в своих дворах. Внезапное отсутствие моря чёрных, коричневых и жёлтых лиц, к которому она привыкла, было странным и сбивающим с толку. Джулия настолько привыкла быть меньшинством в собственной стране, что не могла понять чувства, которое испытывала. Как будто с плеч Джулии начала спадать гора, но она не могла понять, в чём дело.

Потом она стояла на своём крыльце и обнимала мать. Минутой позже она оказалась в знакомой кухне и увидела стоящее перед ней огромное блюдо с ломтём мяса и картофельным салатом. Следующие полчаса она ела и говорила о кино и Лос-Анджелесе, о погоде, и что в её жизни всё ещё нет никаких молодых людей, обо всём кроме цели своего приезда. И всё это время Джулия как-то почувствовала, что каким-то непонятным образом мать узнала, зачем она приехала домой.

Наконец, она глубоко вдохнула и сказала:

- Мама, мне нужно поговорить с Тэдом. Было бы здорово увидеть его здесь, но я представляю, что из-за всей ситуации, в эти дни у него довольно много работы. В какое время лучше всего с ним встретиться? Мне нужно пойти к нему на работу? Или к нему домой? Конечно, я в любом случае хочу навестить Роди и детей, но мне нужно переговорить с Тэдом с глазу на глаз. Я не хочу в это вдаваться, скажу только, что это связано с работой. Мне нужно, чтобы Тэд нашёл для меня одного человека.

Мадам Лир улыбнулась.

- Голубка, почему бы тебе не взять сумки в свою комнату, ту, старую, потом спукайся вниз, а я посмотрю, нельзя ли его пригласить заехать?

- Ладно, - согласилась дочь.

Джулия взяла чемоданы из передней, повесила компьютер на плечо и поднялась по лестнице. Она вошла в свою старую комнату с чувством радости и какой-то лёгкой грусти, потому что мать до сих пор сохранила здесь всё как в тот день, когда дочка уехала в колледж, включая плакаты звёзд рока, которых никто больше не помнил, и мягкие игрушки на кровати. Бросила комп на кровать, повернулась к шкафу с чемоданом, и её сердце чуть не разорвалось от неожиданности: она увидела высокого мужчину с обветренным лицом и в широкополой шляпой с пером, сидящего в угловом кресле. В углу был прислонён винчестер.

Зак Хэтфилд поднялся и вежливо снял шляпу. И произнёс: "Здравствуй, Джулия".

* * *

Примерно в это же время Аннет Риджуэй сидела на пассажирском месте в зелёной "тоёте тундра", запасной машине Добрармии в этот вечер, на улице, ведущей от отеля "Бенсон" на Саут Бродвей. Было ещё совсем светло. Лейтенант Билли Джексон сидел около неё, наблюдая, как бронированный автобус везёт журналистов по Бродвею к отелю. Они участвовали и, видимо, должны были освещать официальный приветственный банкет для офицеров ФАТПО, который давало портлендское Бюро по улучшению бизнеса вместе с Торговой палатой. Аннет была встревожена, потому что из-за своей известности в финансовом сообществе её отец был одним из участников банкета.

- Не бойся, мы не собираемся нападать на банкет, - успокоил её Джексон. - Недостаточно времени для хорошей разведки места, да и охрана будет слишком сильной. Теперь мы должны быть гораздо осторожнее и готовиться намного продуманнее всякий раз, когда устраиваем что-нибудь здесь, в городе, со всеми этими новыми подкреплениями ЗОГ, которые могут быть применены против нас.

Аннет согласно разным документам в её дамской сумочке была теперь Мэри Джонс. На ней был чёрный парик и гораздо больше косметики, чем обычно, включая тени на веках и яркую помаду, блузка без рукавов с тремя расстёгнутыми верхними пуговицами для демонстрации чёрного кружевного лифчика и облегающие джинсы. Ей разрешили самой подобрать одежду.

- Помни, что ты изучаешь журналистику, и предполагается, что это будет случайная и неожиданная встреча, - сказал Гэри Бреслер Аннет перед тем, как она пошла домой переодеться.

- Я не знаю, есть ли у тебя облегающее платье для коктейлей или что-нибудь подобное, но если ты появишься разодетая в пух и прах, это может вызвать у Зуккино подозрения. Он должен чувствовать себя с тобой в своей тарелке и достаточно уверенно, чтобы покинуть убежище его родного стада в баре отеля "Бенсон". Твоя одежда должна быть обычной, но достаточно вызывающей, чтобы дать ему предварительное представление о привлекательных сторонах, так сказать. Твоя манера общения с объектом должна показать ему, что у тебя есть и время и желание, и если он правильно разыграет свои карты, то сегодня вечером закадрит студентку. С самого начала всё должно быть *правдоподобно*.

- Может, если мы заполучим Эрику Коллингвуд в Первую бригаду, она даст всем нашим товарищам женщинам, уроки мастерства, - предложил Эрик с улыбкой.

- В самом деле, я уверен, что-то подобное делается, хотя возможно и не для Первой портлендской бригады, - совершенно серьёзно ответил Джексон. - В любом случае, Добрармия использует бесспорные дарования нашего товарища Коллингвуд.

На пальце у Аннет также сверкало большое, но не слишком нарочитое обручальное кольцо с бриллиантом, которое ей дал Стигс.

- Это привлечёт внимание к твоей персоне, так как большинство мужчин предположат, что привлекательная молодая женщина с кем-то связана и удивятся, если это не так, - сказал ей Бреслер. - Мужики из СМИ вроде Зуккино всегда воображают себя большими жеребцами, беспутными Джеймсами Бондами, международными авантюристами-соблазнителями, и он, вероятно, посчитает обручальное кольцо вызовом для себя.

Последним предметом в вечернем ансамбле Аннет был маленькой автоматический пистолет калибра 9 мм в кобуре, прикреплённой липучкой к её правой лодыжке.

- Я хочу, чтобы ты была вооружена, - сказал Джексон. - Не только для самообороны, но и потому что тебе, возможно, придётся подержать объект на мушке до нашего появления, если станет жарко. Значит, ты ни в коем случае *не должна заходить* с Зуккино в "Бенсон", потому что не сможешь пройти через металлоискатель. Я думал об этом, и хотя это очень важно, мне не будет оправдания, если я поставлю тебя в ситуацию, когда тебя не только

запишут камеры слежения, и ты потеряешь своё легальное положение, но и мы окажемся бессильны помочь тебе или вытащить тебя оттуда, если дела пойдут плохо. Если тебе не удастся заставить его пойти с тобой в "Пэдди Гроган", где нет никаких камер слежения, бросай всё, и мы придумаем что-нибудь другое.

- Сэр, это может оказаться очень важным, - серьёзно обратилась к нему Аннет. - Я думаю не препятствовать ходу событий и посмотреть, что из этого выйдет. Мы должны узнать, грозит ли капитану Хэтфилду и его батальону неизбежное нападение. Я могу обойтись без пистолета.

- Нет, не можешь, - твёрдо произнёс Эрик. - Аннет, вопрос в том, как близко доброволец к врагу. Ты будешь в опасности, и тебе нужно чем-нибудь сражаться, по крайней мере, удерживать врага достаточно долго, чтобы мы успели прорваться к тебе, если дела пойдут не так, как надо.

- Подождите пока с пистолетом, - сказал Джексон, быстро обдумав ситуацию. - Вот что я тебе скажу: сними кобуру с лодыжки и закрепи её в сумочке. Мы придумаем, куда тебе её сбросить, если ты решишь пойти в "Бенсон". Давайте представим себе, как это разыграть. Мы даже не знаем точно, приедет ли Зуккино на этом автобусе. Он может решить улизнуть от своего "пухлого" телохранителя и пойти по барам или снимать девочек самостоятельно. Я позволю решать тебе, товарищ, но не пытайся пройти металлоискатель с этой штукой. Жаль, но это - одна из тех тактических ситуаций, когда я мало чем могу тебе помочь конкретными приказами или подсказками. Все операции со "сладкой приманкой" отличаются друг от друга. Я чертовски хотел бы, чтобы мы смогли нацепить на тебя "жучка", как полиция или ФБР, да иногда мы так и делаем, но на это не было времени, и я не смог получить нужных спецов и устройства, особенно сейчас, когда наши лучшие технари "косят" кинозвёзд в Голливуде.

- Ты просто чертовски завидуешь, потому что тебя не включили в ударную группу "Стоп, режиссёр", - улыбнулся Бреслер.

- Да, страшно завидую! - признал Джексон. - Ладно, Бекки, "играй на слух", и будь что будет, только не забудь Общий приказ номер восемь. При малейшей опасности не рискуй и обрывай контакт.

В угасающем свете летнего северо-западного вечера они увидели, как серебристый бронированный туристический автобус тяжело прокатил по улице и остановился в дальнем углу. Настоящий главный вход отеля "Бенсон" был забаррикадирован мешками с песком и несколькими короткими бетонными плитами, чтобы удержать на расстоянии заминированные автомобили. Медленно, но верно американцы усваивали уроки Багдада, Бейрута и Белфаста.

Офицер в форме ФАТПО с папкой в руке поднялся в автобус. Джексон повернулся к Аннет.

- Да, похоже, они проводят переключку, чтобы убедиться, что вернулись все их прикрепленные СМИшники, и у нас есть немного времени. Кажется, "пухлые" держат своих продажных журналюг на коротком поводке. Хорошо, готовься, Бекки. Видишь, там стоит автофургон? Пассажирское окно открыто, Том и оба Предмета находятся сзади, но салон пустой, потому что полицейские и "пухлые", наконец, сообразили, что нужно следить за людьми, сидящими в стоящих машинах. Если ты сможешь затащить объект в "Пэдди Гроган", держи пистолет при себе, а мы переместим фургон и поставим его поперёк улицы. А если нет, если он будет готов пойти с тобой выпить только в "Бенсон", посмотри, не сможешь ли ты незаметно бросить пистолет в окно, когда пойдёшь мимо автофургона по пути внутрь. Сделай вид, что ищешь в сумочке сигареты или ещё что-нибудь.

- Если я зажгу сигарету, то он, видимо, сможет понять, что я не курю, - сказала Аннет.

- Да, но они удобны для подачи сигналов, и когда тебе нужно что-нибудь держать в руках, чтобы их занять, - ответил Джексон - Не говоря уж о том, что это оружие, если дела вдруг примут дурной оборот. Попробуй зажечь одну, если тебе покажется, что-то затевается, особенно если тебе придётся выбросить пистолет. Нет ничего лучше, чем ткнуть зажжённую сигарету в глаз, чтобы остановить нападающего. Если почему-то ты не сможешь забросить пистолет в окно, или он увидит тебя с пистолетом и догадается, что происходит, ты будешь рядом с автофургоном и парнями в нём.

- И тогда я обзову его извращенцем? - сказала Аннет.

- Да, крикни "Убери руки, извращенец!" или что-нибудь со словом "извращенец", достаточно громко, чтобы они услышали тебя в автофургоне. Это будет сигнал для срочного быстрого захвата. По этому сигналу Предметы выскакивают, хватают Зуккино и бросают его в автофургон. Это выдаст наше участие, и они будут знать, что Зуккино схватили, что, как я уже говорил, может сорвать всё дело. Я предпочёл бы сделать это позже и немного дальше, где улицы свободнее, а не прямо перед отелем, переполненным его приятелями, но так лучше чем ничего.

Как только ты окажешься с ним в баре, тебе будет нужно за час-два влить в него как можно больше выпивки, а самой выпить как можно меньше. Через два часа мы пошлём Тома найти тебя, но посмотри, не удастся ли тебе повернуть всё быстрее. Я не хочу светиться там дольше, чем необходимо. Паб начинён всеми видами подонков ЗОГа.

- А что, если Зуккино занят или вообще не любит брюнеток, и не посмотрит на меня, когда я попытаюсь его закадрить? - спросила Аннет с тревогой.

Джексон улыбнулся.

- Дорогая соратница, поверь мне, нет нормального мужчины, который откажется ответить на твоё кокетство, а по нашим сведениям Зуккино не гомик. Помнишь, какие сигналы надо подать, если ты пойдёшь с ним в город?

- Сумочка на правом плече означает, что всё идёт отлично, и парни могут проводить захват. Сумочка на левом плече означает, что мне не нравится происходящее, и я действую осторожно. Зажжённая сигарета означает тревогу, и что всем нам пора делать ноги.

- Переключи свой мобильник на вибровозвон, - напомнил Джексон. - Если тебе хоть что-нибудь покажется неправильным или опасным, звони мне и подай сигнал, а если мы увидим что-нибудь подозрительное, то позвоним тебе и поможем смяться. Отлично, сейчас они выходят из автобуса и направляются в отель. По-моему, Зуккино уже здесь, в дождевике. Не забудь идти против потока идущих, а не вместе с ним, чтобы легче натолкнуться на объект. Ну, давай! Мы будем ждать. Удачи, товарищ.

Аннет открыла дверь машины и вышла, пересекла улицу и через мгновение была в толпе людей, выходящих из автобуса. Джексон передвинулся на пассажирское кресло "тундры" и вышел прямо на тротуар, чтобы иметь лучший обзор, но тщательно укрываясь за пролётом каменной лестницы, ведущей вверх в шикарный магазин женской одежды. Как он сказал Аннет, опасно сидеть в машине, стоящей рядом с местом вроде отеля "Бенсон", полным будущих целей Добрармии, где его могли заметить.

Аннет увидела мужчину, который ей был нужен, в распахнутом зелёном плаще, светло-жёлтой рубашке и полуразвязанном галстуке, с ноутбуком на ремне через плечо. Похоже, он был один. Проходя мимо, она осторожно, бочком приблизилась к нему, заставляя уступить дорогу и не задеть её на довольно оживлённом тротуаре.

- Простите, - произнесла она, и внезапно выдохнула: - О, *боже!* Я вас знаю! Вы - Досон Зуккино!

- Ну да, это - я, - сказал Зуккино, быстро оглядев её сверху донизу.

Аннет привыкла, что мужчины раздевают её взглядами, но Зуккино своим взглядом просто порвал её одежду на клочки в одну секунду, и она мгновенно поняла, что он на крючке, и им можно вертеть как угодно и так долго, как она захочет и верно разыграет.

- Как ты меня узнала? - спросил он. - Тот снимок в моей колонке довольно старый.

- Я учусь журналистике в ПСУ, и на прошлой неделе наш профессор прочитал целую лекцию по вашей книге *"Встреча в Секторе Газа"*. Со слайдами и клипами из фильмов, которые он нашёл в Интернете, теми, где вы едете на танке и говорите с каким-то генералом, не помню его имени. Профессор Дэвид Майклз, вы знакомы? Он говорит, что вы - лучший и самый бесстрашный военный корреспондент из когда-нибудь работавших на Ближнем Востоке.

Здесь Аннет рисковала, так как Зуккино действительно мог знать Майклза, но он просто улыбнулся, поклонился и сказал:

- Он, безусловно, прав. Нет, я не знаю твоего профессора, но рад, что он делает рекламу моей книге.

- Ну, конечно, я в любом случае знала, кто вы, ещё до этой лекции. В *"Орегониан"* печатается ваша колонка. Вы писали несколько недель назад, что приезжаете сюда в Портленд, чтобы освещать "Волнения", но я никогда не думала, что действительно встречу вас! Боже! Я всё ещё не могу поверить в это!

- Ну-ну, вот он я, во плоти, - сказал Зуккино, раскинув руки.

- Вот здорово, мне хотелось, чтобы вы пришли и выступили перед нашей группой! - горячо воскликнула Аннет. - Профессор Майклз хорош, и я не хочу проявить неуважение, но ведь он не писал почти пятнадцать лет, а за это время профессия так изменилась! Ничто не сравнится с беседой с тем, кто работает в печатных СМИ сегодня.

- Значит, ты хочешь печататься? - спросил Зуккино с притворным удивлением. - С твоей внешностью я подумал бы, что ты хочешь заняться телевизионными новостями и репортажами. Ты - вылитая телеведущая, с головы до ног.

- О, круто, спасибо, - хихикнула Аннет, ухитряясь покраснеть. - Но сейчас все стараются попасть в теленовости. А я хочу стать хорошим старомодным журналистом. Вроде Лоис Лейн, вы знаете?

- Я должен буду поработать на твою газету, - сказал Зуккино, уже откровенно пялясь на неё. - Конечно, под именем Кларк Кент.

Аннет снова хихикнула и пожала руку Зуккино. - Кстати об именах, я - Мэри, - сказала она. - Мэри Джонс. Ох, боже, я уверена, что вы должны быть в другом месте, но я *действительно* хотела бы посидеть и поговорить с вами о разном, о работе, жизни, и ... обо всём таком прочем.

Джексон в одном квартале Портленда от Аннет нажал код быстрого вызова по телефону. В затемнённом синем фургоне раздался виброзвонок.

- Цель захвачена, - коротко бросил Джексон.

- Хорошо, Мэри, сейчас - лучшее время, - начал Зуккино. - Первый совет: не всё так привлекательно. Многие вещи, которые ты должна освещать, так же привлекательны, как разглядывание высыхающей краски, и тебе придётся щедро мазать помадой множество свиной. Хороший пример - сегодняшний вечер: я только что приехал с невероятно скучного официального обеда, с курицей, жёсткой как подошва, и дешёвым шампанским, с обеда, о котором я должен теперь написать 500 слов, которые захватят и очаруют примерно 50 миллионов человек, читающих мою колонку во всевозможных изданиях, и вдохновят их на продолжение борьбы против расизма и терроризма. Я как раз собирался пропустить

стаканчик-другой перед задачей нанесения помады на эту свинью. Как ты насчёт пойти со мной в отель, где мы можем найти стол в уголке и ...

- У тебя гостья, Досон?

Аннет обернулась и увидела крепкого молодого человека с цепким взглядом и стрижкой наголо, в синем пиджаке с незнакомой эмблемой и в тенниске со знаком Христианской Радиовещательной Сети. Она также заметила рукоятку автоматического "Глока" в наплечной кобуре под расстёгнутой курткой.

- Привет, я - Мэри Джонс, - представилась она. - Вы тоже репортёр?

- Нет, Перри здесь - это голос моей совести, - сухо процедил Зуккино. - Он - мой напарник по безопасности.

- Это вроде гарантии безопасности? - невинно спросила Аннет.

- Очень похоже, да, - подтвердил Зуккино. - Он - частный консультант, то есть наёмный вооружённый охранник из корпорации "Блэкуотер". Его работа - гарантировать, чтобы меня не взорвали, не похитили и не запытали люди Добрармии, заставляя выдать всё множество моих военных тайн.

Сердце Аннет почти остановилось, но прежде, чем она смогла что-нибудь вставить, Перри сам заговорил с ней с мрачной ухмылкой, искривившей его губы.

- По правде говоря, Досон в своём обычном драматическом образе. Его газета и другие хозяева журналистов и сотрудников СМИ, которые освещают ситуацию с террором сторонников превосходства белых здесь, на Северо-Западе, наняли нашу компанию. Для уверенности, что с ними ничего не случится, освобождая таким способом полицию и ФАТПО для выполнения их главной работы по уничтожению этих неонацистских паразитов, которые посмели поднять свои кровавые руки на зеницу божьего ока.

Мы используем выражение "напарник-телохранитель". Досон и другие считают нас забавными, я уверен, и иногда конечно немного раздражаются, но в один прекрасный день мы, возможно, примем на себя пули, предназначенные для них, и может тогда они посчитают нас чуть менее достойной мишенью для шуточек. Досон, сейчас тебе необходимо покинуть улицу. Если ты хочешь провести эту, эээ, молодую леди с собой, тогда, как тебе известно, она должна пройти обычную проверку на безопасность.

- Что ещё ты придумашь, чтобы напугать её, Перри? - раздражённо спросил Зуккино. - Может ты скажешь ей, что у меня проказа?

В квартале от отеля Джексон сказал по телефону:

- Они столкнулись с охранником. Приготовиться. Она может закричать "извращенец", и если закричит, вы валите этого головореза в синей куртке.

- Вижу его, - ответил Джексону голос в трубке.

- Ты должен уйти с улицы, Досон, - спокойно повторил Перри. - Здесь ты напрашиваешься на пулю из проезжающей машины.

- Хорошо-хорошо, иду, - сказал Зуккино, отмахнувшись от наёмника.

- И не задерживайся слишком долго, - добавил Перри. - Если мне придётся вернуться сюда, я подам донесение о происшествии. У тебя уже их достаточно много в деле. Он повернулся и пошёл к главному входу.

- Боже, как я ненавижу быть прикрепленным! - ругнулся Зуккино. - Это похоже на какую-то школу-интернат для богатых с экранами в залах, где все маршируют строем туда-сюда, с комендантским часом и проверками в кровати, иногда буквально! Пойдём и выпьем, встретимся с другими корреспондентами, Мэри. Не бери в голову проверку на безопасность, это просто процедура для формы. Ты проходишь через металлоискатель, показываешь удостоверение, записываешься в журнал, и всё.

- Да, а этот парень с пушкой будет хвостом ходить за мной и подслушивать нас целый вечер? - неуверенно спросила Аннет.

- Да, мне очень неприятно, но наверно это так, - вздохнул Зуккино. - Перри - осёл. Религиозный фанатик, один из свихнувшихся типов из "Клубов 700", кто добровольцем ездил несколько раз в Ирак и Сектор Газа. Потому что он думает, что Израиль - это исполнение библейского пророчества, и мы должны начать там ядерную войну, и тогда Иисус возвратится, ну, ты понимаешь. Но правительство и все наши боссы настаивают, чтобы Перри и его приятели присматривали за нами. Он - самозванный блюститель наших нравов, и я предполагаю, что даже ты - студентка достаточно знаешь журналистов, чтобы понять - это довольно трудная задача. Этот псих думает, что для любого грех держаться за руку с женщиной до женитьбы, притом он против алкоголя, болтается рядом и маячит перед нами в баре с имбирным напитком в руке, как тот маленький примерный малыш "Два-Ботинка", которого все мы помним со школы, и который всегда доносил учителю на других детей. Он чертовски мешает трахаться.

Внезапно он понял, что сказал, и попытался оправдаться.

- Послушай, не пойми меня неправильно, я действительно хотел бы представить тебя настоящим работающим журналистам, и не думал тебя ... .

Аннет весело рассмеялась:

- Всё в порядке. Я не против взрослых мужчин, клеящих меня. Парни моего возраста ещё довольно незрелые, ещё мальчишки, если вы понимаете, о чём я. Но разве мы не можем пойти куда-нибудь ещё? Я вообще-то шла в паб "Трилистник Пэдди Гроган" на этой улице. Знаете, мне как раз исполнился 21 год, и я не была во многих клубах или барах и поэтому...

В этот момент как по заказу дико взвыла ирландская волынка, и зазвучали скрипки за отдалённым светящимся фасадом "Пэдди Гроган".

- Видите, я шла к Пэдди как раз за этим. Сегодня вечером там выступает группа "Клан Малоун", а я люблю ирландскую народную музыку с тех пор, как услышала Эню, когда мне было десять. У вас действительно будут неприятности с тем типом, если мы пойдём туда?

- Да пошёл этот Перри! - коротко бросил Зуккино. - Ты полюбила ирландскую музыку с десяти лет, а я - пиво "Гиннес", когда мне стукнуло десять. Хотя чтобы оценить это тёмное чудо, действительно нужно поужинать в каком-нибудь маленьком пабе в Дублине в нескольких улицах от Сентджеймских ворот. Но туда - далеко. Пусть будет "Пэдди Гроган", а этот идиот может писать обо мне всё, что ему вздумается.

- Нам лучше уйти, пока он не вернулся снова, - прошептала Аннет заговорщически, взяв Зуккино под руку, и одновременно небрежно перебросила свою сумочку с правого плеча на левое.

- Это сигнал тревоги, - произнёс Джексон в телефон. - Ей не нравится обстановка, видно, это парень в синем оказался слишком любопытным.

- Хочешь рискнуть позвонить ей? - сказал голос в трубке.

- Я думаю, тот жлоб что-то заподозрил, смотрел на её слишком пристально, но он вернулся назад в отель..., подождите! Они уходят по улице к ирландскому пабу! Ну и девчонка, какая умница! Она отделила Зуккино от стада.

- Так что мы занимаем на улице позицию два? - спросил голос.

Джексон оглядел улицу. Машин было мало; вечерний час пик кончился, а завсегдатаи ночных клубов в центре города и посетители ресторанов ещё не появились. Он быстро сверился со своим мужеством и внутренним чутьём.

- Переключку устроили раньше, в автобусе, так что они держат *эту голубятню* из СМИ под более жёстким контролем, чем мы думали. И должны заметить, если он не вернётся в отель. Чёрт с ним! Берём его сейчас, пока они не начнут его искать. Двигайте туда и остановитесь перед "Пэдди Гроган", но на правой стороне, а не напротив. Я подойду сзади. Бекки - умница. Она поймёт, что мы делаем.

Зуккино и Аннет медленно шли под руку по тротуару к двери паба с ирландской музыкой, звучащей на всю улицу, и репортер уже занялся тем, что по предположению Аннет было его обычным вступительным монологом, чтобы "клеить" мечтательных студенток журналистики, и он казался весьма опытным в этом деле.

"Боже, неужели этот идиот действительно ничего не подозревает?" Так думала Аннет, шагая рядом с ним с идиотской улыбкой на лице. *"Ему даже не пришло в голову подумать, как это я вдруг оказалась рядом с ним. Это просто американское высокомерие, или он действительно такой тупой?"*

Она увидела, как фургон заворачивает перед пабом, и поняла, что Джексон решил действовать раньше, что её страшно обрадовало. *"Классно! Теперь мне не придётся терпеть, как этот засранец будет два часа пить и пытаться запустить лапы мне под блузку!"*

Джексон подвёл "тундру" к обочине в нескольких метрах за фургоном, спокойно вышел и пристроился за ними. Вынул телефон и набрал номер. Аннет услышала, как он громко говорит позади неё:

- Привет, ребята, я - в центре, как раз иду в "Пэдди Гроган". Шевелите булками, и устроим хорошую вечеринку!

Задние двери фургона вдруг резко распахнулись, и из него выпрыгнули двое мужчин в лыжных масках.

- Что за... ? - вскрикнул Зуккино, но прежде, чем он мог сказать что-нибудь ещё, Аннет толкнула его с тротуара в руки двух добровольцев. Джексон пробежал мимо неё, со злостью ударил Зуккино в почки, добавил удар по затылку, а затем двое других сгребли его охапку и зашвырнули в фургон. Двое в масках запрыгнули в фургон и захлопнули двери. Аннет не поняла, был ли Эрик одним из них, или он сидел за рулём. Фургон плавно и легко отъехал от обочины.

"Вперёд!" - скомандовал Джексон.

Эрика и Джексон вскочили в "тундру", и машина рванула за фургоном. Аннет опустила как можно ниже на пассажирском кресле, сбросила чёрный парик, стянула блузку и натянула через голову тёмно-синий свитер, а затем надела бейсболку на свои белокурые волосы. Затем быстро стёрла косметику с лица влажной салфеткой. Когда Аннет выпрямилась, её внешность очень изменилась. Вся операция заняла несколько секунд, и когда Джексон посмотрел в зеркало заднего вида, то не заметил никаких признаков погони. Он поставил полицейский сканер на приборную панель и включил его, но не услышал никаких необычных переговоров на частоте ФАТПО. Вызвал фургон и коротко переговорил.

- Они его связали, - пояснил он Аннет. - Я должен следовать за ними некоторое время, чтобы убедиться, что не понадобится никакого вмешательства, но мы ненадолго остановимся на обочине, и вы с Томом можете выйти, поймать автобус и вернуться туда, где вы оставили свою машину.

- Сэр, я хотела бы поехать с вами, если это допустимо, - сказала Аннет. - Я могу помочь.

- Сомневаюсь, - ответил Джексон, глядя на неё. - Ты уверена? В этом не будет ничего приятного. Ты можешь увидеть и услышать то, что тебе не понравится.

- Мой папа всегда говорил мне не делать ничего, о чём впоследствии я буду жалеть, - ответила Аннет. - Я должна пройти через это, сэр. Думаю, это необходимая часть моей подготовки.

Джексон щёлкнул мобильником.

- Дай мне Тома. Да, Том, Бекки хотела бы присоединиться к нам во время светской части вечера, так что её не нужно везти домой. А ты? Твой выбор. Повторю тебе то же, что сказал ей: в этом не будет ничего приятного и лёгкого. Я могу оставить тебя присматривать за машинами, если хочешь.

Пару секунд он молчал.

- Я так и думал, что ты это скажешь. Хорошо, увидимся там.

"Там" оказался большим гаражным отсеком на складе самообслуживания в Макминнвилле. Их встретил мужчина в комбинезоне и немного пошептался с лейтенантом.

"Позвони нам, если на складе появится посторонний", - услышала Аннет слова Джексона.

- Пошли.

Они вышли из грузовика, а Эрик Селлерз - из фургона со стороны водителя. Джексон ключом открыл боковую дверь в большую комнату. Включил свет, и Аннет с Эриком увидели, что стены и потолок были выложены картонными упаковками для яиц, плотно прибитыми друг к другу, как плитки.

- Звукоизоляция, - пояснил Джексон.

Он прошёл в угол комнаты и вытащил складной стол, который поставил посередине. С одной стороны поставил складное металлическое кресло, а другой - придвинул намного более тяжёлое, старомодное деревянное кресло с подлокотниками. Затем Джексон взял большую рабочую лампу на подставке, включил её и установил прямо за металлическим креслом. Подошёл к большому металлическому стеллажу у стены и осмотрел несколько предметов на полке. И занялся Аннет и Эриком.

- Итак, вы знаете, почему мы привезли сюда этого человека, - начал Джексон. - Он может владеть или не владеть информацией, связанной с задачей нашей армии и жизнями наших товарищей. Одно из первых правил перекрёстного допроса в суде - никогда не задавать вопросы, на которые вы не знаете ответов, но это - не зал суда, и мы *не знаем* ответа. Мы даже не знаем, есть ли в его болтовне смысл, или он только пускал пыль в глаза женщине, столь же безнравственной, как и он сам, исполняя один из жалких обрядов спаривания, принятых у этих людей. Но мы никогда не признаемся в этом ему во время предстоящей процедуры.

Одно из наших правил - никогда не принимать за ответ "я не знаю". Каждый что-нибудь да знает, даже если сам не догадывается, что ему известно. Мы должны узнать, что ему известно, *всё*, что он знает, и должны сделать это быстро. Это дело из разряда тикающей бомбы с часовым механизмом. Если он откажется сообщить нам, что знает, или будет явно врать, мы должны заставить его говорить. Это не значит, что мы просто избьём его или отрежем уши для страха, или поступим как в средневековье, только потому, что он нам не нравится.

Наша цель здесь - вынудить его сказать нам, что он знает, не больше и не меньше. Я применю только такую силу, какую сочту необходимой, а, насколько нам известно, он - не хуже, чем большинство его коллег, и не настолько плох, как некоторые из них, поэтому я намерен в настоящий момент, в конечном счёте, освободить его живым, после того, как его информация будет проверена, и когда это освобождение окажется безопасным.

Аннет тихо вздохнула.

- Это тебя успокоило, Бекки?

- Да, сэр, успокоило, - кивнула она.

- Не надо этого стыдиться, - мягко сказал Джексон. - Ты - солдат, и долг требует от тебя иногда выполнять паршивые задания. И нет никакого закона, который требует, чтобы тебе это нравилось. Продолжу: секрет быстрого получения информации не пытка, а *страх* перед пыткой. С американцами, во всяком случае. Мусульмане - другое дело. ЦРУ, Моссад, "Блэкуотер" и другие проделывают действительно мерзкие вещи с мусульманскими заключёнными, но мусульмане стойко верят в своего бога, гордятся своим народом и своими обычаями, что позволяет им противостоять методам, от которых американец обезумел бы за пару секунд. Американцы могут это "готовить", но не могут "переваривать". Хотя есть отдельные исключения, вроде некоторых белых офицеров, которые всё ещё придерживаются старого кодекса чести, но в целом американцы очень изнежены и слабы, и телом, и характером. Особенно сотрудники СМИ.

Я не ожидаю слишком больших хлопот с Зуккино сегодня вечером. Он может оказаться редким исключением, но я в этом сомневаюсь. Вы можете подумать, что эта слабость американцев делает их лёгкой добычей, но скорее наоборот. Они слишком хрупкие. Они легко ломаются, но не только ломаются: они разбиваются вдребезги. Боль буквально сводит их с ума, они впадают в истерику или, в своего рода, беспамятство, и становится невозможно добиться от них чего-нибудь.

- Я помню, когда мы встретились в первый раз, вы сказали, что наша армия требует, если нас когда-нибудь схватят - продержаться только двадцать четыре часа, - напомнил ему Эрик.

- Верно, - согласился Джексон. - Хотя я горжусь тем, что многие из наших схваченных товарищей выдержали намного дольше этого. Лучший способ допроса типов вроде Зуккино - сделать ему достаточно больно, чтобы он ожидал намного худшего, запугать его до такой степени, чтобы он сделал что угодно во избежание ещё большей боли. Есть некоторые вещи, которые мы не делаем, или, по крайней мере, я делать не буду. Секс, изнасилование или угроза изнасилования с женщинами или гомосексуализм с мужчинами, угрозы раздевания и показа их голыми в Интернете, и тому подобное дерьмо.

Именно это американцы творят с заключёнными в своих тюрьмах. Но не мы. Мы лучше их, по крайней мере, добровольцы под моей командой лучше. Не нравятся мне эти истории, которые я слышал про группу О.С. Оглви из штата Айдахо. Но иногда нам приходится заставлять заключённого *поверить*, что мы можем это сделать. Я говорю об этом, потому что независимо от того, что вы услышите от меня сегодня вечером, вам надо помнить, зачем я это говорю.

- А что, если этот парень решит упорствовать и просто не скажет нам ничего? - спросил Эрик.

- Тогда мы сделаем ему больно, - ответил Джексон. - Ладно, наш пленный будет привязан к деревянному креслу вон там. Я сяду на металлическое кресло. И буду вести сам допрос. Я буду курить сигареты, хотя обычно не курю, но они могут быть удобны не только для подчёркивания важности момента, но дым в нос, лицо и лёгкие пленного причиняет ему ещё большие неудобства, особенно когда у него кляп во рту.

Джексон подошёл к полке и взял несколько тёмных шерстяных комков.

- Вот ещё маски. Наденьте их. Я не хочу, чтобы он видел кого-нибудь, кроме меня. Бекки, ты станешь здесь в углу и будешь соблюдать полную тишину. Я предпочёл бы, чтобы он вообще тебя не видел. Может быть, этот идиот даже не сообразил, что ты его разыграла, и если это так, то я хотел бы, чтобы он продолжал так думать, поэтому ничего не говори в течение всей процедуры. Просто наблюдай. Если окажется, что дело затягивается, я хочу, чтобы вы оба ушли, взяли "тундру" и вернулись к своей машине, потому что вы, ребята, всё

ещё на легальном положении, и я не хочу, чтобы вы слишком долго отсутствовали непонятно где.

- Наши предки думают, что мы проводим вечера в неболтливом мотеле или в каком-нибудь гнёздышке для влюблённых в университетском городке, - объяснил Эрик, - Но они волнуются за нас, и просили нас обоих возвращаться домой к полуночи.

- Хорошо, не стоит их волновать из-за этого куска журналистского дерьма. Том, ты станешь сзади него, для устрашения, так чтобы он знал, что ты там маячишь, но говорить буду я или, при необходимости, один из Предметов. Наблюдай и учись. Может быть, однажды вам обоим самим придётся вести допрос, сколь ни ужасно это звучит. Давайте займёмся нашим почётным гостем.

Несколько минут спустя Досон Зуккино сидел в деревянном кресле раздетый до футболки, руки его были прикручены к подлокотникам пластмассовыми путами, а ноги соединены с ножками кресла толстыми наручниками на "липучках". Рот Зуккино был заклеен липкой лентой. Глаза были выпучены и смотрели с ужасом. Трое мужчин в масках маячили позади него. Зуккино вертел головой и напрягал шею, пытаясь их рассмотреть.

Джексон сидел перед ним за столом, а лампа на стойке позади него светила прямо в лицо связанного мужчины. Джексон спокойно зажёл сигарету и швырнул пачку на стол. И заговорил. Его голос звучал спокойно и размеренно.

- Мистер Зуккино, я - лейтенант Уильям Джексон из Добровольческой армии Северо-Запада. Командир роты "А" Первой портлендской бригады. Вы были достаточно внимательны на ваших инструктажах или что они там вам дают, и вы меня узнаете?

Зуккино кивнул.

- Отлично, это сэкономит нам время, так как вы уже знаете, что я - неприятный человек. Думаю, вы догадываетесь, почему здесь оказались. У вас есть некоторая информации о предстоящих событиях в округе Клэтсон, штат Орегон, которой вы намерены поделиться с нами. Информация касается той тысячи головорезов ФАТПО, которые просиживают зады в Окленде. Она относится к текущему местонахождению и намерениям грязного ниггера по имени Роллинз.

Прежде, чем дать вам слово, я должен предупредить вас, что не хочу слушать всякое дерьмо о том, что мы не имеем права делать с вами то или это и прочий трёп. Это не ваша страна, а наша. Ваши люди больше здесь не правят. Правим здесь мы, и мы, если захотим, сделаем с вами всё, что угодно. Вам всё ясно?

Зуккино только с ужасом глядел на него.

Один из Предметов (Эрик не мог их различать из-за надетых масок) опустил руку и жестоко закрутил ухо Зуккино, заставив того невнятно замычать сквозь ленту.

- Твои уши работают, засранец? - спросил Предмет. - Ты не отвечаешь лейтенанту, и я подумал, что они не работают. Я их тебе прочищу.

Он закрутил другое ухо Зуккино, и тот дёрнулся и скорчился, мыча и стона.

- Вы поняли, что я только что спросил у вас, мистер Зуккино? - вежливо повторил Джексон. - Кивните головой, пожалуйста.

Зуккино дико закивал головой.

- Ну и отлично. Теперь вам нужно понять следующее: Вы *рассказываете* нам в мельчайших подробностях обо всём, что вам известно о предстоящей атаке федералов на Асторию на территории штата Орегон. Лгать, утаивать информацию, притворяться или обманывать нас здесь не получится. Перед тем как попытаться сыграть в такую игру, спросите самого себя: оказались бы вы здесь, если бы нам уже не было кое-что известно? Кое-что о "пухлых" и о вас. Такое дело. Очень просто, без всяких тайн.

Я снимаю эту ленту, а вы рассказываете мне всё, повторяю, *всё*, что знаете о готовящемся вторжении в нашу страну орды американских подонков, и каждое слово будет кристально чистой правдой перед лицом Бога. Если вы всё выложите, а мы получим подтверждение, что вы сказали правду, всю правду, и ничего кроме правды, то вы, в конце концов, снова окажетесь в Лос-Анджелесе на вашем рабочем месте в офисе или где вам угодно, перед своим компьютером, выстукивая лживые строки о своём долгом испытании ужасом в руках страшной Добрармии.

Может быть, вы даже получите премию Пулитцера и пойдёте по кругу телевизионных передач и бесед. Но если вы солжётё нам в самой малости, то когда-нибудь, возможно, через двадцать, пятьдесят или сто лет в будущей Северо-Западной Американской Республике, фермер, охотник или лесник национального парка раскопает остатки скелета, гниющего в яме у лесной дороги, и вы окажетесь в подвале в пластмассовом ящике, помеченном как "неопознанные останки, возможно, со времени Войны за Независимость". Пока, наконец, кто-нибудь не решит, что ваши кости занимают слишком много места и не выбросит их. Вы осознаёте всё это, мистер Зуккино?

Зуккино затрясло как в лихорадке, но он кивнул.

Джексон в свою очередь тоже кивнул, и один из Предметов в маске сорвал липкую ленту со рта пленника. Второй Предмет отошёл, и Эрик вышел вперёд, чтобы занять его место рядом со связанным мужчиной в кресле. Предмет подошёл к металлической полке и снял оттуда две вещи. Первым был плоский брусок из зелёного дерева с изогнутым лезвием на шарнире, прикрепленном сбоку - обычный школьный или офисный резак для бумаги. Он передал всё Джексону, который поставил предметы на стол. Второй была горелка с пистолетной рукояткой и маленьким синим пластиковым баллончиком с пропаном под спусковым крючком. Джексон передал Предмету свою зажигалку, тот включил горелку, зажёл факел и настроил его, получив длинный язык голубого пламени толщиной в карандаш.

Зуккино ошарашенно вытаращил глаза.

- Боже милостивый! Что вы собираетесь сделать со мной? - промяукал он сдавленным голосом.

Джексон кивнул на горелку.

- ФБР и министерство внутренней безопасности используют эти штучки, чтобы кастрировать мужчин, - сказал он обыденным тоном. - Вы знаете об этом? Они сжигают мошонку и член, если хотят сделать всё быстро, но обычно просто медленно выжигают половые органы. Они называют это "жаркой сосисок" или иногда "жаркой каштанов на открытом огне". Не волнуйтесь, мы совсем не такие варвары как они.

- Я видел, как они это делали в Ираке, - проговорил Предмет с горелкой в руках. - И не один раз. Я бы поджарил твои яйца, мешок с дерьмом, но мистер Джексон хочет обойтись с тобой как джентльмен.

- И как вы используете эту штуку по-джентльменски? - задохнулся Зуккино, чья журналистская подготовка слегка проявила себя, даже несмотря на страх.

- Мы намерены использовать её, чтобы прижигать обрубки ваших пальцев после того, какотрежем их один за другим, если вы попытаетесь солгать нам, - сказал Джексон, многозначительно поднимая лезвие резака. - Мы же не можем допустить, чтобы вы истекли кровью до смерти прежде, чем закончится наша беседа. Возможно, вам всё же придётся диктовать вашу статью о своих впечатлениях сегодняшнего вечера, которая завоюет Пулитцеровскую премию, кому-то другому, с большими пальцами на месте. Но, по крайней мере, у вас всё же сохранятся драгоценности между ног. Нельзя выразиться более честно, не так ли?

- Ну да, в общем, думаю мне лучше быть благодарным за маленькие любезности, - истерично хихикнул Зуккино. - Я должен поиметь побольше баб, хотя думаю, что откажусь от той суки, что вы подбросили мне сегодня вечером.

Эрик Селлерз, не задумываясь, что нарушает приказ оставаться зрителем, шагнул вперёд и одним мощным правым хуком разбил рот и выбил зубы Зуккино. Голова связанного мужчины откинулась назад, он сильно застонал, и кровь выступила из его рта тёмно-красными пузырями.

- Хоть бы ты не сломал ему челюсть! - ахнул Джексон. - Как, чёрт побери, он будет говорить с разбитым ртом?

- Простите, сэр, я просто ... - пробормотал Эрик, который сам был потрясён.

Второй Предмет наклонился к нему и сказал низким голосом:

- Мы дёргаем его за нитки, а не он нас, малыш. *Никогда* не позволяй ему вывести тебя из себя!

- Больше не делай ничего подобного без моего разрешения! - приказал Джексон Эрику. - Брось-ка мне вон ту тряпку!

с пылающей горелкой в руке схватил с полки длинную сальную тряпку и перебросил её Джексону, который вытер тряпкой рот Зуккино.

- Ты недолго проживёшь, если не придержишь свой язык, - сурово сказал он Зуккино. - Этому молодому товарищу не понравился твой трёп, падаль. И в этом я с ним согласен.

Джексон перегнулся через стол и воткнул горящую сигарету в левое ухо Зуккино. Казалось, что от его вопля, полного смертной муки, затряслась крыша. Теперь Эрик понял, зачем нужна звукоизоляция из упаковок для яиц. Джексон обошёл стол и схватил Зуккино за воротник. Он склонился к правому уху раненого.

- Тебе нужен рот, чтобы говорить, но всего одно ухо, чтобы слышать. Теперь слушай меня. Наши женщины-добровольцы - это драгоценные камни в короне арийской расы. Мы никогда не говорим о них неуважительно, а уж мусор вроде тебя и подавно *не смеет* распускать язык!

Зак Хэтфилд - ещё один бриллиант в нашей короне, один из самых прекрасных и храбрых мужчин, которых я когда-либо знал, а его добровольцы - краса и гордость наших лесов. Они - мужчины. А ты - нет. Ты - крыса. *И я не позволю тебе навредить им*, скрывая информацию о планах злобной тирании, направленных против них. Теперь начинай рассказывать мне об всём, без утайки, или твои руки превратятся в обгоревшие обрубки. А затем мы примемся за пальцы на твоих ногах.

- Пожалуйста, пожалуйста ... , - забормотал Зуккино разбитым ртом.

Джексон, не обращая на него внимания, выхватил карманный нож и перерезал пластиковые путы, которыми правая рука и запястье Зуккино были привязаны к креслу, вытянул его руку на стол, захватил его слабый мизинец и с силой прижал к зелёной деревянной доске под лезвием резака.

- Считаю до трёх, - сказал Джексон. - Один, два ... .

- *Нет! Ради бога, прошу, не делайте этого, я скажу, я расскажу вам всё!* - закричал Зуккино в крайнем ужасе. - Да, да, это верно, ФАТПО выдвигается из Калифорнии, они намерены высадить свои силы и захватить тот большой мост! Правительство боится, что Добрармия захватит или взорвёт его и перекроет реку Колумбия! Командовать будет сам Ролли Роллинз!

- Откуда тебе это известно? - спросил Джексон.

- Предполагалось, что я буду направлен туда с пресс-группой, чтобы освещать события. Моему редактору пришлось целый месяц обхаживать Роллинза, чтобы меня включили в группу.

- Они устроили брифинг и рассказали вам обо всех своих планах? - скептически заметил Джексон.

- Нет, я просто всё это добыл сам. У этих парней в ФАТПО коэффициент умственных способностей на уровне комнатной температуры в хороший день, и я сомневаюсь, что кто-нибудь из них понимает значение слова "секретно"! (*Средний коэффициент умственных способностей IQ в США равен 85, а остальных школьников 50-70. Комнатная температура по Фаренгейту 70 (20 градусов Цельсия) - Прим. перев.*). Предполагалось, что наша группа отбудет в Калифорнию сегодня поздно вечером, секретным военно-транспортным самолётом, всё в строжайшей тайне! - задыхаясь бормотал Зуккино.

- Когда они прибывают? - закричал Джексон.

- По плану они высаживаются утром тридцатого, на рассвете! - простонал Зуккино. - Умоляю, не отрезайте мне палец! Боже, как болит ухо! Ааааа....

- Уже через два дня! - воскликнул Эрик.

Джексон дал Зуккино сильную затрещину.

- Хватит ныть, подонок! На чём их перебросят? На самолётах? Вертолётах? Колонной грузовиков по 101 шоссе? На кораблях? На чём?

- На кораблях, - простонал Зуккино. - Они получили какие-то старые паромы и прогулочные суда, которые оборудовали для транспортировки отряда и планируют идти в сопровождении ВМФ. У них также будет вертолётное прикрытие из Форт-Льюиса.

- Я тебе не верю! - прорычал Джексон. - Видно, ты плохо знаешь географию и историю Орегона, козёл! Ты слышал что-нибудь о "Кладбище кораблей в Тихом океане"? Совершенно невозможно высадиться в Астории с флота вторжения вроде этого, потому что нужно пересечь бар реки Колумбия. Значит, они должны посадить на каждое судно опытного лоцмана для проводки через бар, и потребуются дни, чтобы найти их всех, плюс они должны будут проплывать один за другим под мостом в пределах досягаемости стрелкового оружия с берега. Даже черномазый не настолько туп, чтобы сделать это!

Он поднял лезвие резака над пальцем несчастного Зуккино.

- Не в Астории! - взвизгнул Зуккино. - На побережье! Они высадутся на побережье, в нескольких милях дальше! За Уоррентоном! На большом открытом месте под названием Сансет Бич! Грузовики и бронемшины и всё-всё! Они собираются сделать это как морские пехотинцы, высадившиеся на Окинаве, парни в полном обмундировании, в волнах прибоя, Роллинз, сходящий на берег как генерал Макартур, всё под камеры телевидения! Вы помните, как в Сомали в 92 году! Клянусь, я говорю правду! Пожалуйста, только не мой палец!

Позже Джексон, Эрик и Аннет стояли снаружи в темноте. унеслись со стоянки в фургоне, а Зуккино, связанный как цыплёнок, лежал сзади.

- Они "подержат его на льду", пока сведения не подтвердятся, - сказал Джексон - Трудность в этих двух днях ... этого времени достаточно, чтобы кто-нибудь хватился Зуккино, и они сообразили, что мы его похитили, раскололи и узнали о Сансет Бич. ЗОГ вполне может изменить свои планы. Может оказаться, что мы старались зря.

- Сэр, прошу прощения за потерю самообладания там ... - начал Эрик.

- Ну, всё хорошо, что хорошо кончается. Мне или Предметам в любом случае пришлось бы ломать его, хорошенько врезав, - успокоил его Джексон. - Ты был спровоцирован.

- Хороший поступок, рыцарь Ланселот, - засмеялась Аннет. - Я это ценю.
- Тот блэкуотерский наёмник, рассмотревший тебя вблизи, меня беспокоит, - сказал Джексон Аннет. - Я думаю, не следует ли нам убрать вас обоих с глаз долой на некоторое время.
- Может командировка в Клэтсоп с Третьим батальоном, сэр? - нетерпеливо спросил Эрик.
- Возможно, но надеюсь, что до этого не дойдёт, - ответил Джексон. - Мне не хотелось бросать вас из огня в полымя. После сегодняшнего вечера вы стали ещё более ценными для роты "А", чем были прежде как разведчики. Меня, в самом деле, немного волнует, что, когда Оскар вернётся из..., ну, в общем, оттуда, где Оскар теперь, он может переманить вас в Третий отдел.
- А вы не слишком разозлитесь, если я скажу, что хотела бы там попробовать, сэр? - смиренно спросила Аннет.
- Я буду держаться за вас, пока смогу, но общее дело прежде всего, - ответил Джексон. - Если вы решите уйти к Оскару, так тому и быть. А о Клэтсоп, не волнуйтесь, ребята. Прежде, чем всё закончится, войны здесь будет более чем достаточно. Хватит и на вашу долю.

* * *

- Ох, здравствуй, - вздрогнув, пробормотала Джулия в замешательстве. Теперь, найдя Зака, она в замешательстве не знала, что ему сказать.
- Как ты попал сюда?
- Конечно, твоя мама меня впустила, - ответил Хэтфилд. - Она крутая и всегда меня любила, помнишь? Хотя перед своим появлением я должен был пообещать позволить сердечно пообщаться матери с дочерью, тем не менее, я получил строгое материнское указание вести себя прилично и не расстраивать тебя. Мне передали, что ты приехала.
- Наверное, этот Уолли? - спросила Джулия.
- Да, но и перед этим мы знали, что ты приезжаешь из Калифорнии, - ответил Хэтфилд. - Был звонок, чтобы я ждал тебя.
- Можно мне спросить, как ты узнал это?
- Нет, - покачал головой Хэтфилд. - Ты очень хорошо выглядишь, Джул. Я сказал бы тебе, что ты несколько не изменилась, но это не так. Ты стала ещё лучше.
- А ты выглядишь ...просто ужасно, - беспомощно ответила она. - Ничего определённого, ничего внешнего. Старше, конечно, но не в этом дело. Я не могу сказать, в чём дело, но кажется, что тебе тысяча лет, Зак.
- Ну да, в общем четыре года из этой тысячи прошли в Ираке. Этого было достаточно - мрачно ответил Хэтфилд. - Плюс последние несколько лет с добровольцами Северо-Запада. Я не удивлен, что по мне замечен некоторый "пробег".
- Не буду спрашивать, что ты с собой сделал, потому что, боюсь, что уже знаю, - сказала Джулия.
- И я не буду спрашивать тебя, как ты жила, потому что я тоже знаю. Я слышал, что тебя навестили агенты ФБР. Как ни нелепо и недостаточно это звучит, прости меня, Джулия. Если это как-то утешит тебя, очень вероятно, что придёт день, когда мы достанем этих ублюдков.
- Боже мой, у вас там должна быть настоящая шпионская сеть! - воскликнула Джулия. - Есть хоть что-нибудь, чего ты *не знаешь*?

- Да, у нас действительно есть там шпионская сеть, но на самом деле я узнал о твоей встрече с ФБР из Интернета. Если быть точным, на сайте HollywoodGossip.com.

- Прелестно, - сказала Джулия с усмешкой, озадаченно садясь на кровать. - Тогда, я полагаю, ты знаешь, зачем я приехала? - спросила она.

- В общих чертах, да, хотя признаюсь, что очень хочу услышать подробности от тебя самой, - признал Хэтфилд.

- Я сказала тем типам в Голливуде, которые послали меня сюда, что не уверена, не пристрелишь ли ты меня, когда мы встретимся, зная, от кого я приехала, - сказала Джулия. - Полагаю, что сейчас мне надо беспокоиться, но не думаю, что попала в ловушку. Ведь это *ты*, в конце концов.

- Ну да, это я, - слегка улыбнулся Зак. - Нет, тебе не надо беспокоиться. Я не собираюсь в тебя стрелять.

- Хорошо, теперь, когда мы с этим покончили, хочешь, чтобы я сделала заявление сейчас? - спросила она. - Или меня проведут с закрытыми глазами на секретную встречу на складе или в пещере, и я сделаю доклад перед длинным столом, за которым сидят мужчины в масках под большим нацистским флагом? Я не иронизирую, честно. Правда, я понятия не имею, как вы, народ, действуете, и чего можно ожидать.

- Хорошо, как я говорил, мне интересно послушать, что ты должна передать, просто из любопытства, но фактически я не имею полномочий, чтобы согласиться на что-нибудь из того, что я думаю, ты хотела бы предложить нам, - пояснил Хэтфилд. - Я - только полевой командир с определённой зоной ответственности, и не имею никакого отношения к ударной группе "Стоп, режиссёр" или операции "Мы не в восторге".

- Отношения к *чему*? - переспросила она.

- Мы называем эту кампанию "Мы не в восторге", а спецгруппа, которой поручено её выполнение, имеет кодовое название "Стоп, режиссёр", потому что мы навсегда остановим множество режиссёров. Немного нацистского юмора для тебя.

- Очень немного, - насмешливо заметила Джулия.

- В любом случае и в любое время, когда ты будешь готова, я представлю тебя товарищу из Совета Армии, и вы с ним можете поговорить, в моём присутствии или без, как тебе будет удобнее. Потом мы звоним Уолли Посту, ты возвращаешься по реке, и посмотрим, что из этого выйдет.

- Э-э, я уверена, что не должна спрашивать, но этот парень Уолли, похоже, очень хорошо осведомлён о тебе и здешних делах. Он - один из вас или один из них?

- Уолли - это тип, который исторически процветает в ситуациях, подобной нашей, играет на чужих разногласиях и смотрит, сколько денег получит от обеих сторон, - ответил Зак. - После войны мы взвесим его дела, и если он в итоге играл больше на нашей стороне, то наградим медалью. А если он играл больше на их стороне, то расстреляем.

- Боже мой, ведь ты действительно думаешь, что вы победите! - сказала она мягко и удивлённо покачала головой.

- Да, я верю, что мы этого добьёмся, - сказал Зак. - Сначала не был уверен, но теперь верю.

- Ты сначала сомневался?! - воскликнула она. - Тогда почему, Зак? В каком-то смысле это именно то, зачем я приехала, чтобы спросить тебя. *Почему*?

- Потому что на нашей стороне правда, - спокойно ответил Хэтфилд. - Сначала потому, что так сложились обстоятельства у моего друга, которого ты тоже раньше знала. Когда это оказалось единственным, что я мог сделать и жить в согласии с самим собой. Но я в любом случае попал бы в Армию, Джул, *потому что это правильно*. Я не буду

углубляться дальше, потому что не уверен, что ты поймёшь. Это не снисходительность; я действительно думаю, что ты не сможешь понять. Не обижайся, но у тебя для этого нет нужного жизненного опыта.

Всего несколько месяцев назад всё в твоей жизни шло нормально или настолько нормально, насколько это возможно для любого в этом бардаке. У тебя была хорошая и довольно интересная работа, место в структуре ЗОГ и все небольшие привилегии и предметы роскоши, которые это место подразумевает. Ты была своим человеком. Соблюдала правила, и система вознаграждала тебя за послушание. Так что я правда не думаю, что ты можешь понять, на что это походит, если находиться вне системы и знать, что из-за твоего цвета кожи и происхождения тебя никогда в жизни не допустят в систему. И ты всегда будешь отрезан от земли и мира, который создали твои собственные предки. Мы возвращаем себе этот мир, Джул. Или хотя бы его часть.

- Оставим в стороне мою жизнь, которая, поверь мне, не такая чудесная и счастливая, как ты, похоже, думаешь, но скажи, зачем всё это делается? Неимущие восстали против имущих?

- Нуу...это - очень упрощённое представление, но, в общем, да. Думаю, именно из-за этого и совершается, в конечном счёте, большинство революций. Последним толчком в нашем случае было то, что имущие оказались настоящим злом, и у неимущих действительно отняли всё, что принадлежит им по праву.

Пойми, Джул, я впервые более чем через десять лет увидел тебя и не хочу портить встречу политическими спорами, - искренне проговорил он. - Астория Хай, я играю в футбол, ты - болельщица, наша прогулка по Марин Бульвар, и после мы просим Тэда купить нам пиво, наша тусовка - всё это давно в прошлом. Ты стала женщиной, а я - мужчиной, которым сделали меня Ирак и Америка, так что давай остановимся на этом, хорошо? Как ты жила, Джул, я имею в виду на самом деле? Ты счастлива? Яркие огни города всё ещё сверкают? Всё там оказалось так, как ты и мечтала?

- Боже, ты говоришь прямо как моя мать! - засмеялась Джулия. - Я только что прослушала её сольное выступление внизу за ужином! Предполагаю, что следующим будет твой тактичный вопрос, есть ли у меня парень?

- И есть? - проговорился Зак. - Прости, прости меня, Джул, это нахальство с моей стороны. Я имел в виду, я слышал, что тот актёр ...

Джулия покачала головой.

- Я не хотела бы говорить о нём, если ты не против. И не быть грубой или ставить тебя на место или ещё что-нибудь, Зак, пойми меня правильно. В некотором смысле я знаю, что ты имеешь право интересоваться, даже если это было с нами четырнадцать лет назад. Просто это была ошибка, и я до сих пор не могу поверить, что была так глупа, что почти вляпалась в самую дешёвую и банальную голливудскую драму с наркотиками, какую только можно вообразить. Боже, я была почти конченной идиоткой!

- Да, но ты засекала засаду и вовремя отошла, - засмеялся Зак.

- А? - переспросила Джулия. - Не поняла.

- Шутка в Добрармии.

- Ясно. Да, в основном, так, помимо факта, что в моём бизнесе, похоже, нет и не будет никаких мужчин, заслуживающих внимания с целью брака, ты прав. До того как вы, мужики, испортили мне всю малину, и впутали меня в расследование ФБР из-за нескольких наших вечеров юной страсти много лет назад, всё было довольно хорошо. Не возражаешь, если я спрошу кое о чём? Скажи мне ради бога, как вы смогли привлечь на свою сторону "кассовых" актёров вроде Эрики Коллингвуд, которая бросила всё, чего добилась?

Признаюсь, это действительно меня потрясло.

- Ёлки-палки, откуда мне знать? - Зак засмеялся и пожал плечами. - По сути, я - просто пехота. Это похоже на дела Третьего отдела.

- Что за "Третий отдел"? - спросила Джулия.

- Мальчики и девочки из разведки Добрармии. Джулия, всё, что я могу ответить тебе, что причины присоединения к добровольцам у каждого свои, но похожие. Бесконечные разновидности одного и того же вопроса. Человек доходит до точки, когда его просто *всё достаёт*. И он больше не намерен терпеть всё это американское дерьмо. Слушай, давай лучше вернёмся к делу. Когда ты хочешь встретиться с нашим человеком из Совета Армии?

- Как можно скорее, - кивнула Джулия. - Не обижайся, Зак, но мне хочется покончить с этим делом и убраться отсюда. Я и так схожу с ума из-за всех этих высоких сфер.

- Лучшего времени, чем сейчас, не придумаешь - решил Зак.

Он щёлкнул своим мобильным телефоном и набрал номер.

- Да, мистер Барон, вы хотите приехать и посмотреть на эти планы сейчас? Или подождать до завтра?

Зак выслушал ответ.

- Хорошо, скоро увидимся.

Он отключился.

- Человек подъедет. Тем более, что у него есть здесь другие дела.

- Но, Зак, ведь это - дом моей мамы, - испугалась Джулия. - Только не говори мне, что моя собственная мать замешана в эту террористическую историю вместе со всеми вами!

- Нет, она не замешана, просто она помнит меня по старым временам, и она всегда думала ... ладно, в любом случае, она только ...

- Она всегда считала, что я должна была тебя дожидаться, - вздохнула Джулия. - Да, Зак, я знаю. Она говорила это. И не один раз.

- Я пытался ей объяснить, что это не была твоя вина, что, когда мы сначала прибыли в Ирак, нам обещали замену личного состава каждые пятнадцать месяцев, а кончилось тем, что я проторчал там четыре года, - сказал Хэтфилд. - И единственной возможностью для меня убраться оттуда даже после четырёх лет оказалась ранение в ногу. Никто в здравом уме и не мог ожидать, чтобы ты ждала так долго чего-то, что, возможно, никогда бы не произошло. Я и не ожидал. Джулия, я не знаю, волновало ли тебя это когда-нибудь, но я хочу, чтобы ты знала: нам было здорово. В том, что нас связывало, в любом случае, независимо от того, что ты думаешь обо мне теперь.

- Да, Зак, меня это беспокоило, и я рада слышать эти твои слова, - ответила она.

- Джул, - позвала её мать снизу. - Тэд пришёл!

- О, Боже! - вскрикнула Джулия в панике. - Я и забыла, что она собиралась позвать Тэда! Давай я спущусь к ним, а когда мы будем в гостиной, ты сможешь потихоньку спуститься по задней лестнице и выйти с чёрного хода!

- Не нужно, - засмеялся Зак, поднимая винчестер и шляпу с пером. - Мы с Тэдом постоянно видимся. Нам нужно.

- Что ты несёшь! - поразилась Джулия. - Ну, иди же, быстрее! Я *не верю*, что мой брат - один из вашей... вашей банды!

- Нет, он не с нами, - кивнул Зак. - Тэд - храбрый и достойный мужчина, который оказался в невозможной ситуации и пытается выполнять свой долг несмотря ни на что. Я оказываю ему всю возможную помощь, хотя должен признать, что было несколько напряжённых моментов. Но за прошлые три года ни один местный полицейский в округе

Клэтсоп не был убит добровольцами Добрармии, а ввиду того, что происходило в остальной части Северо-Запада после 22 октября, это - чертовское достижение, и лично он и ты должны этим гордиться.

Джулия спустилась с лестницы и увидела брата, ждущего её в гостиной, который очевидно только пришёл с работы, так как был в форме шерифа. Тэд выглядел усталым. Он постарел, но не так, как Зак, и Джулия внезапно почувствовала, что действительно очень рада видеть брата, потому что представила себе, каково ему приходится во всём этом бардаке, и какая опасная жизнь для него настала. Они крепко обнялись. Тэд оглянулся и увидел, что Хэтфилд стоит в дверном проёме за Джулией и коротко кивнул.

- Зак, - сказал он.

- Привет, Тэд, - ответил Хэтфилд.

Лир посмотрел на сестру.

- Джул, знаешь, не могу выразить словами, как я рад увидеть тебя снова, но признаюсь, что меня встревожили некоторые вещи, о которых рассказал мне Зак. Я последние годы радовался, что ты в безопасности и живёшь своей жизнью в Калифорнии вдали от всего здесь происходящего. А теперь, похоже, ты как-то умудрилась влезть во всё это здешнее дерьмо, да ещё и на опасном уровне. Боже, малыш, ты играешь с огнём. Ты сошла с ума?

- А ты? Ты, кажется, тоже влез туда же, - подчеркнула Джулия. - Послушай, Тэд, я не критикую, но ты здесь, вроде бы, шериф, и мне кажется, что ты закрыл глаза на ...

И она кивнула на Хэтфилда.

- Что, чёрт побери, происходит, Тэд?

Лир вздохнул.

- Всё очень запутано, Джул. Я иногда не уверен, что сам это понимаю, но некоторое время назад мне пришлось сесть и серьёзно поразмыслить. Я должен был принять решение, кому я предан - нашему сообществу, нашим людям, с которыми мы здесь выросли, этому городу, нашему дому ... или правительству в трёх тысячах миль отсюда, которому до нас нет дела, империи, которая никогда и ничего не делала для нас, только забирала наших ребят в свою армию и затапливала нашу землю иностранцами, чтобы набивать деньгами карманы людей в деловых костюмах. Людей столь безобразно богатых, что они не нуждались в том малом, что отбирали у нас, но они всё равно отбирали, потому что могли это делать.

Я решил делать то, в чём с самого начала дал присягу: защищать и служить людям округа Клэтсоп в штате Орегон. А не вести войну против некоторых из них от имени плохого и бездарного правительства. Это было нелегко, но мне повезло в том, что Зак и я отказались от некоторых методов. Мы с ним поговорили и нашли способ уберечь людей в нашем округе от всего этого ужаса. Во всяком случае, иногда.

- Я тебя не осуждаю, просто оказалось, что мне всё это трудно понять, - покачала головой Джулия.

- Ну а ты во что вляпалась? - потребовал ответа Тэд.

- Возможно в кое-что подобное тому, что ты делаешь здесь, - ответила Джулия. - Я здесь, чтобы попытаться остановить убийства, если удастся. Ты слышал, что происходит в Лос-Анджелесе с кино и развлечениями?

- Слышал, - мрачно подтвердил Лир. - СМИ твердят, что в этом участвовал Кот Локхарт. Нашли его визитную карточку в вечер вручения Оскаров.

- И я так думаю. Признаюсь, у меня есть личные причины быть здесь, Тэд. Они внесли меня в чёрный список и сделали так, чтобы я никогда не смогла снова устроиться на

работу.

- Кто это "они", Джулия? - тихо спросил Хэтфилд. - Я это знаю, ты знаешь, Тэд знает, но мне действительно любопытно видеть, осмелишься ли ты произнести это слово.

- Хорошо, раз ты настаиваешь, *евреи* внесли меня в чёрный список! - выкрикнула Джулия. - И я не никогда не сказала бы этого, если бы вы, ребята, не создали всю проблему с вашими ружьями и бомбами!

- В точку! - засмеялся Зак. - Именно это - одна из причин нашего восстания. Даже если мы проиграем, и нас всех уничтожат, эти евреи никогда больше не смогут прятаться и притворяться, что они - точно такие же люди, как и все другие. Мы вышибем этих ублюдков раз и навсегда.

Она повернулась к брату.

- Хотя это звучит слащаво, Тэд, но я действительно хочу остановить убийства и спасти как можно большую часть Голливуда. Да, я сомневаюсь в содержании части выпускаемой продукции. Как и многие из нас, хотя долгое время мы не осмеливались говорить об этом. Возможно, теперь мы отважимся. Кто знает, быть может ужасные события, которые произошли, наконец, приведут к прекращению выпуска множества действительно грязных программ, и если да, то не могу сказать, что буду недовольна.

Я готовлю много детских программ, и действительно не понимаю, зачем группе чистых шестилетних детишек на представлениях для малышей петь песню о половых органах людей. Но мы не должны выплеснуть с водой самого ребенка! Возможно, если эти люди... ну, хорошо, если эти евреи - возможно, если они физически боятся остановить постоянный поток отбросов, тогда они должны позволить остальным попытаться сделать это и создать несколько приличных программ.

- И снова в точку, - одобрительно кивнул Зак. - Ты называешь нас террористами, Джулия, но ведь исторически терроризм - это оружие слабых против сильных, и как видишь, *он работает*. Фактически мы изменяем поведение людей, имеющих власть, изменяя применение ими власти и против кого. Мы *заставляем их прекратить* делать то, что они делали. Помнишь, на что походил наш город, когда ты уехала, золотко. И сколько мексиканцев ты увидела во время сегодняшней поездки к дому?

- Ни одного, - признала Джулия.

- Этого добились мы, Джулия, - сказал Хэтфилд с мрачным удовлетворением. - Не Конгресс. Не выборы. Не демократия. Не подписание прошений, не уличные марши и трёп в Интернете. Этого добились мы, пулями, а не голосованием. И каждому человеку в нашем городе от этого стало лучше. Спроси у Тэда.

- Должен признать, что Зак и его компания почти что оставили нас без работы, - со вздохом подтвердил Лир. - Кроме дел Добрармии, о насилии и других преступлениях теперь почти не слышно. Раньше тюрьма округа Клэтсоп была настолько переполнена мексиканцами, арестованными за наркотики, разжигателями всякой розни и людьми, которые произносили плохие слова, сексуальными извращенцами, пьяными воришками и психами, что у нас заключённые спали на подстилках в коридорах. А сейчас целыми неделями тюрьма стоит совершенно пустая.

Все мексиканцы и небелые, наркоманы и другие опасные типы должны были или убраться к чёртовой матери или столкнуться с Добрармией, а оставшиеся люди получили работу, заработок и намного более спокойную жизнь. Самое худшее, с чем мы теперь имеем дело - это в основном дорожные происшествия и случайная пьяная драка в закускойной. У нас даже есть время спасать котят маленьких девочек, застрявших на деревьях. Есть те, кто скажет, что цена, которую мы заплатили за это спокойствие и процветание, слишком

высока, и что это неправильно. Возможно и так. Но я знаю, что люди в округе Клэтсон так не считают. И знаешь, что я подумал, когда услышал о том, что те два пидора из ФБР сделали с тобой, Джул, - закончил Тэд, голос которого задрожал от гнева. - Это сильно подтолкнуло меня к образу мыслей Зака.

Прежде чем Джулия ответила, раздался звонок во входную дверь. Зак открыл дверь.

- Добрый вечер, сэр, - приветствовал он гостя.

В комнату вошёл худощавый и элегантный мужчина средних лет в лёгком зелёном пуловере. Его сопровождал крупный мужчина в синих джинсах и рабочей рубашке цвета хаки с большим автоматическим пистолетом в наплечной кобуре на виду.

- Привет, Декс.

- Добрый вечер, капитан, - поздоровался мужчина. - Добрый вечер, шериф. И вам, миссис Лир.

- Рада видеть тебя снова, Генри, - ответила мать Джулии.

- Снова? - выгнула от удивления брови Джулия.

- Раньше я несколько раз здесь совещался с шерифом и капитаном Хэтфилдом, и ваша мама любезно угощала нас превосходными блюдами, - ответил мужчина.

Он протянул руку Джулии.

- Вы должно быть Джулия Лир. Меня зовут Генри Морхаус. Насколько я понял, у вас есть для меня послание от Булочных Королей из "города мишуры".

- "Булочных королей"? - озадаченно переспросила Джулия.

- Би-Кейз, - сказал Зак. Это "Большие Жиды". *(Непередаваемая игра слов: по-английски Булочные короли – Burger Kings, а Большие жиды - Big Kikes, то есть первые буквы слов в анлийском - ВК одинаковы. Но в русском будет БК и БЖ. - Прим. перев.)*

- Сколько новых этнических кличек вы изобрели с момента, когда всё это началось? - полюбопытствовала Джулия.

- Быть нацистом не означает права никогда не извиняться, - улыбнулся Морхаус. - Кстати, вы можете называть меня Рэд. Как все. Ты тоже, Зак, ведь сейчас не совсем официальная обстановка.

- Проходите и рассаживайтесь в гостиной, - предложила мать Джулии. - Ты не хочешь перекусить, Генри? А ты, Декстер? Я могу подогреть рубленого мяса и сделать бутерброды, если хотите.

- Мне ничего не надо, спасибо, - отказался Морхаус.

- Декс?

- Бутерброд с мясом будет в самый раз, мадам, - ответил Декстер. - Я буду рядом снаружи.

Все прошли в гостиную комнату, и Тэд Лир, подойдя к буфету, плеснул себе изрядную дозу виски.

- Хотя в этом у нас перед вами, повстанцами, всегда преимущество, - сказал он, мрачно усмехнувшись, и хлебнул виски. - У нас не висит на шее ваш Общий приказ номер десять. Джулия, ты хочешь, чтобы я остался, или это совершенно секретный заговорщицкий материал, который мне действительно лучше не знать?

- Э-э-э ...

Она не знала, что ответить.

- Ради бога, шериф, останьтесь, - дружелюбно сказал Морхаус. - Думаю, в вашем присутствии Джулия будет чувствовать себя свободнее.

Мать Джулии внесла поднос с банками напитков и кофе, поставила его в центр стола и вышла. Хэтфилд прислонил свой винчестер к стене в углу и повесил шляпу на дуло.

- Я всё собираюсь спросить тебя, что это за шляпа и старинное ружьё? - сказала Джулия.

- Они законны, притом мне нравится шляпа и винтовка с рычажным затвором, - ответил Хэтфилд. - СМИ прилипли к этим вещам, и внезапно они стали чем-то вроде моей формы, или, лучше сказать, костюмом. Как плащ Бэтмена. Конечно, если я занимаюсь чем-нибудь, когда не хочу выделяться, то переодеваюсь.

Все сели, но перед этим Джулия также сделала себе виски с содовой.

- Зак сказал мне что вы - тот человек, с которым я должна переговорить, да, Рэд? - обратилась она к Морхаусу. - У вас действительно есть полномочия, чтобы заключить договор и положить конец этой кровавой бойне в Лос-Анджелесе?

- Более или менее, - ответил Морхаус. - Я представляю Совет Добровольческой армии Северо-Запада, который является нашим генеральным штабом. И фактическим правительственным органом Республики до тех пор, пока мы не можем устранить оккупационные силы и создать правительство согласно условиям нашей Конституции Северо-Запада. Совет Армии должен будет одобрить любой возможный договор, а этот - только предварительный, так что можешь считать то, что я скажу сегодня вечером, нашими требованиями.

Мы сами уже обсуждали ряд приемлемых условий завершения нашей операции под названием "Мы не в восторге". Фактически мы сформулировали эти условия прежде, чем послать боевую группу в Лос-Анджелес, так что у нас всё продумано. Мы всегда знали, чего хотим добиться. На этих условиях мы готовы приостановить боевые действия против вашей отрасли. Приостановить, не закончить. Говоря прямо, если тамошние жида попробуют нас обжудить, мы снова начнём валить их мордами вниз в их собственных плавательных бассейнах. Мною получено официальное исключение из Общего приказа номер девять, утверждённое Советом Армии, на ведение переговоров с тобой, или, точнее с картелем глав киностудий, которые послали тебя сюда.

Я полагаю, мисс Лир, что твоё присутствие здесь имеет целью просто установление контактов, что ты и сделала. Я обрисую тебе в общих чертах наши пожелания, но как только ты уедешь и доложишь о результатах, то, насколько нам известно, ты выходишь из игры. Мы назначим кого-нибудь другого вести любые дальнейшие дела с отраслью развлечений в этом направлении.

- Мне это прекрасно подходит! - воскликнула Джулия. - Но послушайте, прежде, чем вы изложите свои условия, вам нужно понять, что у людей, которые послали меня сюда, есть несколько собственных, необходимых условий, иначе отрасль не сможет работать.

Для начала, на кино и телевидении прямо и косвенно заняты сотни тысяч людей, и многие из них евреи и чёрные, латиносы и гомики, и всякие разные меньшинства, какие только можно себе представить. Увольнение всех этих людей из-за их расы или сексуальных предпочтений было бы не только нарушением федерального закона, но это просто невозможно. Отрасль без них не сможет работать. Эти люди хотят вернуться к работе, не совершая экономического самоубийства, а они не намерены его совершить.

Если им не удастся договориться с вами, то они будут вынуждены подумать об отъезде и выводе всей отрасли развлечений из страны, Бог знает, куда, но, по крайней мере, туда, где они смогут снимать кино без страха быть убитыми и взорванными. Они не хотят этого, но вы должны понять, что они не собираются вскрывать себе вены в качестве цены за мир.

- Мы это понимаем, - кивнул Морхаус. - В сущности, ты просто озвучила логическое обоснование нашей стратегии возврата только малой части того, что когда-то было

наследием нашей расы. Мы прекрасно понимаем, что власти Соединённых Штатов не намерены просто передать нам всю страну целиком от берега до берега, бросить нам ключи от аппарата власти, а затем пойти и утопиться в океане.

Однако власти, в конечном счёте, можно убедить сократить потери и оставить нам Северо-Запад, территорию которого мы требуем себе. После того как станет ясно, что если они будут упорствовать, пытаясь удержать весь караван, то могут потерять всё, потому что власти будут просто неспособны сохранить единство, и всё здание, построенное ими за прошлое столетие, внезапно начнёт рушиться на их глазах. В миниатюре мы видим это на примере кинопромышленности и телевидения, где ты работаешь. Мы не просим твоих больших евреев совершить еврейское хакари. Предваряя твой вопрос, скажу, что мы решили даже не пытаться просить денег, как бы это ни было соблазнительно. Нет, мы хотим щедрой помощи в том, что, по-моему, ты называешь творческим управлением.

- В каком смысле? - подозрительно спросила Джулия.

- Отрасль развлечений в Голливуде, включая телевидение, - это, возможно, самое мощное оружие в руках ЗОГ, - начал Морхаус. - Грубо говоря, это, возможно, единственное оружие, которое, в конечном счёте, может нанести нам поражение. Добрармия уже доказала, что мы можем выдержать всё, что Амуррика бросает против нас - полицию, армию или другие вооружённые силы. Мы уже уничтожаем этих головорезов из ФАТПО, присланных Хиллари, и довольно очевидно, что они также не смогут разбить нас.

Но если мы позволим евреям, которые управляют Голливудом и СМИ, создавать о нас мнение, отношение и представление американского народа, особенно молодых белых, - ну, в общем, мы не можем допустить этого. Мы *не позволим* делать это. Наше главное условие по существу заключается в том, чтобы Голливуд согласился занять беспристрастную и взвешенную позицию в отношении "Волнений" здесь, на Северо-Западе.

Если ваша отрасль хочет выжить, она должна разоружиться. Голливуд больше не должен стоять на стороне правительства и выступать частью американских усилий по подавлению движения за независимость на Северо-Западе. Это означает прекращение выпуска таких мерзких фильмов, как эта "*Родина*" и "*Великий Белый Север*", фильмов, сделанных с единственной целью очернить наших людей, чтобы их презирали. Больше никакого прославления этих убийц и мучителей из ФБР и других федеральных служб, никаких подстрекательств к подавлению. Уверяю тебя, они - не герои. Они - дерьмо, которое человечество должно стереть со своих подошв, и это чувство, по-моему, ты испытала на собственном опыте.

Джулия вздрогнула, вспомнив электрошокер агента ФБР на своей шее.

- Больше никаких лживых и издевательских шуточек, отпускаемых ведущими ночных ток-шоу. Никаких дикторов, изрыгающих ненависть в телевизионных новостях. Никаких ехидных подкальваний то здесь, то там и во всех телевизионных программах. Никаких избитых изображений расово сознательных белых людей трусами и громилами, идиотами-женоненавистниками и тиранами женщин, грязными и уродливыми, с испорченными зубами. Никаких ролей солдат-конфедератов и немецких солдат, представляющих их жестокими и злобными преступниками, творящими зверства против бедных незащитных ниггеров и евреев. Никаких белых отцов - клоунов вроде Гомера Симпсона или злобных извращенцев, которые сексуально развращают своих детей.

Никакой бесконечной отрывки старой пропаганды времён Второй мировой войны. Больше никакого проклятого лживого дерьма о Холокосте, распространения порочной и зловредной лжи о событиях, которых *никогда не было!* Евреи доили эту отвратную выдумку достаточно долго, и теперь пора им свернуть лавочку и найти другую дойную корову для

выкачивания денег.

Морхаус наклонился вперёд.

- Мне не стоит продолжать, мисс Лир. Твои боссы-евреи очень хорошо знают, что они делали в течение прошлых ста лет, потому что они делали это сознательно. Теперь им предстоит прекратить это. Иначе они заплатят своими жизнями.

- Э-э-э ... я не уверена, как смогу передать это им, сэр, э-э-э... Рэд, - осторожно заметила Джулия. - Вы собираетесь организовать что-то вроде "конторы Хейса", которая действовала в прошлом, со сводом правил о том, что допустимо, а что - нет? (*Контора Хейса - неофициальное название Американской ассоциации продюсеров и кинопродюсеров, созданная в 1921 г. под председательством политика-республиканца Уильяма Харрисона Хейса для проведения негласных жёстких требований цензуры в кинофильмах. - Прим. перев.*). Вроде правила, когда требовалось изображать даже женатые пары всегда в отдельных кроватях и, по крайней мере, с одной ногой на полу? Или какого-то Совета с правом вето, вроде Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности при Конгрессе, созданной в 1950-х годах, чтобы найти и выгнать из кинопроизводства коммунистов?

- Помнится, они не добились больших успехов, - сухо заметил Морхаус.

- Да, не добились, - согласилась Джулия. - Творческие люди не выносят никакой цензуры. Вы знаете, некоторые из этих людей - авторы, режиссёры и актеры сразу начнут своего рода игру. Жизнь в опасности. Они будут испытывать, как далеко можно зайти и не быть убитыми.

- Представляю себе, - криво усмехнулся Морхаус. - Это не будет идеальное соглашение, и я предполагаю, что периодически некоторые из ваших важных шишек всё-таки будут просыпаться с лошадиной головой в кровати. Или головой еврея.

- Как именно это будет работать? - замороженно спросила Джулия, несмотря на то, что поняла, что Морхаус не шутил, упомянув голову еврея. - Как в отрасли поймут, за что их убьют, а что проскочит в последний момент?

- Я думаю, они поймут, - сказал Морхаус. - Как я уже говорил, большая часть этой ненависти Голливуда к "белякам" всегда была намного более преднамеренной, чем представляет себе большинство людей. Евреи нечаянно наткнулись на самое совершенное средство, какое только можно вообразить, для выражения их древней ненависти ко всей нееврейской жизни и всем неталмудическим ценностям. И для мести ненавидимым *гойм*: уничтожением всего, что мы считаем священным и ценным, включая наших собственных детей.

Действительно когда-то было много чего хорошего в Америке, мисс Лир, в Старой Америке прежде, чем евреи наложили лапу на Голливуд. Но овладев Голливудом, они в течение почти ста лет использовали его как оружие, чтобы оплёвывать ту Старую Америку и расу, которая тысячи лет отказывалась признать их самозванный статус божьего народа. Я думаю, твои боссы прекрасно поймут, о чём я говорю, и будут знать, что мы это знаем. Они сознают, что натворили, и теперь должны остановиться или погибнуть. Но ты не будешь участвовать в этих делах, мисс, - продолжил он. - Я хочу, чтобы ты вернулась обратно и поговорила с теми, кто тебя сюда послал, ведь это был Блостайн?

- Да, Арнольд Блостайн, но там был своего рода комитет или картель, как вы выразились, - уточнила Джулия. - Они все вместе "отдали мне приказ на марш", так сказать.

- Хорошо, ты возвращаешься и сообщаем Блостайну в общих чертах то, что я только что изложил. Я также хочу, чтобы ты назвала этим жидам одно имя, имя человека, которого мы хотели бы, чтобы они наняли как своего рода консультанта. Если это

заработает, самое главное, чтобы этот человек был предельно незаметен. Никаких сплетен в "Вэрайети", никакой болтовни на интернетовских сайтах знаменитостей, никакого подобного дерьма.

Главы студий будут отвечать за сохранение в тайне личных данных и частной жизни этого человека. Он должен быть известен только самым главным людям в отрасли, как можно меньшей группе. Они поймут, что это в общих интересах. Человек этот должен быть полностью защищён от задержания, допроса, следствия, наблюдения, слежки, угроз, попыток подкупа, убийства, попыток соблазнения сладкими звёздочками с целью компрометации, яда в супе, от злонамеренных и необоснованных судебных исков и любых преследований. Все еврейские фокусы должны остаться при них.

Этот джентльмен - не член Добрармии, и у него не будет никаких контактов с Добрармией, так что им нет никакого смысла крутиться вокруг него, подслушивать его телефон или копаться в его мусоре. Он никоим образом не может и не сможет вывести кого-либо на Добрармию. Просто он - тот человек, которому мы доверяем в достаточной мере, чтобы он выражал наши взгляды. Всё, что он когда-либо сообщит этим киномагнатам, будет его личным мнением относительно того, как мы *могли бы* отреагировать на конкретную ситуацию. Обоснованным предположением. Но его мнение будет очень информированным, и его предположения будут действительно очень обоснованными. Мы самым решительным образом предлагаем, чтобы мистер Блостайн и его люди слушали этого человека и исполняли его предложения. Ты всё поняла?

- Да, - сказала Джулия. - А теперь конверт, пожалуйста.

- Что, прошу прощения? - переспросил Морхаус.

- Имя, - сказала Джулия. - Разве вы не смотрите Оскаров? Простите, это была безвкусная шутка с учётом обстоятельств.

- По правде говоря, я смотрел Оскаров впервые в этом году, - сказал Морхаус с тихой улыбкой. - Финал по настоящему потряс. А теперь *это* - дурная шутка. Имя этого джентльмена с обоснованной точкой зрения - Барри Брюер. Возможно, ты слышала о нём.

- Барри Брюер - агент Эрики Коллингвуд! - воскликнула Джулия. - Так вот оно как, простите. Но, послушайте, Рэд, представьте, что я назову им имя Барри, а они передадут его ФБР, или подстроят так, что его убьют. Их версия головы лошади в вашей кровати?

- Тогда мы за него отомстим, - спокойно сказал Морхаус. - Однако, прежде, чем ты уедешь, я хочу дать тебе маленькую любопытную штучку. В прошлый раз, когда ты видела мистера Блостайна, не спрашивал ли он у тебя, который час?

- Нет, не у меня, но он действительно спрашивал у своего секретаря, - вспомнила Джулия. - Это было как раз перед тем, как я поехала в аэропорт Лос-Анджелеса. Блостайн сказал, что потерял свой "Ролекс". Он действительно был расстроен потерей и говорил, что это был подарок жены на его день рождения.

- Да, Дороти Блостайн.

Морхаус достал из кармана золотые часы и вручил Джулии.

- Очень дорогие, с бриллиантами. Должны стоить, по крайней мере, штук пятьдесят баксов. Смотри, на обороте корпуса выгравировано: "*Арни от Дотти*" и дата. Часы взяли с тумбочки Блостайна в его особняке в Беверли-Хиллз, несколько дней назад, когда они с женой спали. Никакая сигнализация не сработала, никто из охраны ничего не видел, и его собака не тявкнула. Передай ему часы, когда увидите, и скажи, что было бы благоразумно всегда относиться к мистеру Брюеру любезно и с уважением. Это - не лошадиная голова, но я думаю, он поймёт намёк.

Мобильный телефон Зака зазвонил. Зак включил телефон и слушал почти минуту,

затем отключился. Помрачнел. Тихо произнёс: "Проклятье". Посмотрел на Лира.

- Тэд, нам надо поговорить. Похоже, наше везение кончилось.

- О чём это ты? - спросил Лир.

- Это из бригады, - сообщил всем Хэтфилд. - Они подтвердили, что к нам в Асторию направляются нежданные туристы. "Пухлые" идут, крупными силами.

Первым заговорил шериф Лир.

- Я ничего не слышал об этом! - воскликнул он.

- Я понимаю, что ты не слышал, Тэд, иначе не позволил бы Джулии появиться здесь, - ответил Хэтфилд.

Тут вмешался Морхаус.

- То, что тебе ничего не сообщили ни генеральный прокурор штата Орегон, ни федералы, ни кто-либо ещё, - плохая новость для тебя. Значит, федералы считают, что твое полицейское управление ненадёжно, и конечно это так, с их точки зрения. В свою очередь это означает, что ФАТПО наступает не только на нас. Они придут за тобой, а скорее всего, и за твоей семьёй, и за всеми, кого они считают членами твоей команды.

ФАТПО всегда появляется в районе назначения с двумя списками в кармане, шериф. В одном списке предполагаемые националисты и сочувствующие Добрармии. Иногда эти списки точные, а иногда – и нет. Я думаю, ты можешь считать, что стоишь в этом списке, а возможно и твоя мама и Джулия, если левая рука не знает, что делает правая, как чаще всего и бывает при этой власти.

Второй список - это потенциальные пособники-лоялисты или верные американцы, как выражаются "пухлые, люди, на которых они могут рассчитывать как предателей любого из их соседей с националистическими взглядами, любого человека из семей, связанных с Добрармией, и так далее и тому подобное.

- У нас был осведомитель в твоём управлении с самого начала, Тэд ..., - начал Хэтфилд.

- Так я и понял, в конце концов, - скривился Лир. - И был, в общем, разочарован в Крисси.

- Это означает, что у правительства в твоём управлении, видимо, также есть, по крайней мере, один доносчик, - безжалостно продолжил Хэтфилд. - Мы поймём, кто это, после того, как тебя вышибут с должности, а, может, задержат, или ты исчезнешь, и мы посмотрим, кто станет следующим шерифом округа Клэтсоп. Кто жаждет занять твоё место, Тэд? Кто-то приходит на ум?

- Пожалуй, - устало вздохнул Лир.

- Ладно, кто бы это ни был, можешь быть уверен, что он-то знает о скором появлении ФАТПО, и когда те захватят власть, то заменят большую часть здешней полиции политически благонадёжными полицейскими, скорее всего из подобранных неместных нацменов. То же самое в полицейских управлениях Астории и Сисайд. Похоже, дни нашего мирного, хотя иногда и неровного сосуществования, заканчиваются. Боюсь, что дела складываются плохо.

- Чёрт! – вздохнул Лир, и его плечи опустились. - Я действительно надеялся, что нам как-нибудь удастся проскочить. Чёрт возьми, что мне сейчас делать?

- Готовься к вторжению и оккупации, - твёрдо ответил Морхаус. - Вернись в свой кабинет и начни чистить дом. Уничтожь все досье, корреспонденцию, сообщения электронной почты, журналы регистрации, улики, разрешения на оружие, всё, что федералы могут использовать для поиска местных жителей, их арестов и преследований. Отформатируй все жёсткие диски на твоих компьютерах. Освободи всех белых

заключённых из своей тюрьмы; независимо от того, что они сделали. Отдать их этим бронированным федеральным гангстерам - слишком большое наказание.

Если кто-нибудь начнёт тебе возражать, он, наверно, и есть стукач. Поступай с ним по своему усмотрению. Вывези всё оружие и боеприпасы и как можно больше другого оборудования со своих оружейных складов в Окружном управлении шерифа и местных полицейских управлениях, и спрячь всё где-нибудь подальше, чтобы ФАТПО не захватила оружие и не использовала против людей в нашем округе. Спрячь или уничтожь всё остальное, что у тебя есть, чтобы оно не было использовано во вред местному населению, потому что цель этих обезьян - только причинение вреда.

Начни обзванивать всех, кто считается настоящими главами общин, и проси их начать готовиться к беде. Прежде всего, насколько это вообще по-человечески возможно, надо *спасать детей*. Скажи, пусть люди отправят своих детей в самые безопасные места, или даже на некоторое время увезут их с Северо-Запада. Это - иго, железная пята, Тэд, и они идут сюда давить и крушить, чтобы уничтожить всякое сопротивление тирании Вашингтона. Готовься к этому как к цунами. На твоём месте я не оставался бы здесь, когда твои новые господа и хозяева заявятся в твой офис на чёрных бронированных машинах. Скорее всего, они тебя убьют.

- О, Боже! - простонала Джулия.

- Джулия, что касается твоего поручения, нужно как можно быстрее отправить тебя отсюда. Сегодня вечером, - сказал Морхаус. - Зак, я знаю, что ты должен сделать миллион вещей, но прежде всего позвони этому жуку Уолли, а потом отвези Джулию на причал, и пусть он на той же лодке доставит её обратно в Портленд.

- Сделаю, - пообещал Зак, доставая телефон.

- Я отвезу её, - пообещал Тэд. - Похоже, я должен возвратиться на работу, так что мне по пути.

Морхаус с серьёзным выражением посмотрел на Джулию.

- Джулия, я хочу попросить тебя не говорить Посту ничего определённого, почему ты так быстро уезжаешь, даже не переночевав. Просто скажи, что вы с Заком разругались на любовной почве или вроде того.

Джулия не смогла удержаться от смешка.

- Мы не знаем, на чьей стороне Пост, скорее всего, на своей собственной, и его осведомлённость может быть опасна. Он может попытаться срубить денег, сообщив "пухлым", что нас предупредили, а это может кончиться убийством множества людей. В том числе твоего брата и Зака.

- Я ничего не скажу, - кивнула Джулия. - Как удачно, что я даже не успела распаковать вещи.

- Спасибо, мэ, - серьёзно сказал Морхаус.

Зак встал.

- Ну, я побежал, и тебе лучше тоже уехать, Рэд. Думаю, Совету Армии желательно, чтобы ты был вне нашего района.

- Если ты не возражаешь, я задержусь здесь и сделаю всё, чтобы помочь вам, пока мне не прикажут отходить, - ответил Морхаус.

- Смотри сам. Тётя Джеральдина, я всегда рад тебя видеть, - повернулся Хэтфилд к мадам Лир. - Прости, что для этого неподходящая обстановка.

- Такой день наступит, Зак, - спокойно ответила старая женщина. - А теперь делай то, что должен мужчина, и ты - Тэд. Не стоит и говорить, что я буду молиться за вас обоих. И за тебя, Генри, хотя ты и нацист-безбожник.

- Националист-агностик, мэм, - вставая, сказал Морхаус.

Хэтфилд повернулся к Джулии, которая тоже встала.

- Джул, я был очень рад снова тебя увидеть. Жалко, что так мало. Пусть следующий раз будет не через четырнадцать лет.

Он наклонился и поцеловал её в лоб.

- Береги себя.

Затем Хэтфилд взял свою винтовку и натянул на голову широкополую шляпу, повернулся и вышел за дверь. Джулия последовала за ним, догнала его на крыльце и положила ладонь ему на руку. Зак повернулся, чтобы посмотреть на неё, и в свете крыльца увидел, что в её глазах блеснули слезы.

- Как будто снова Ирак, - прошептала она. - Я не хочу, чтобы ты погиб. Я боюсь снова пройти через всё, что тогда делала, чтобы тебя забыть, так что, когда я, наконец, услышала, что ты погиб, это не убило и меня. Теперь, когда я увидела тебя, я не смогу пройти через это снова. Это длится слишком долго и оставляет шрамы везде внутри меня. Больше я этого не выдержу.

- Перед тем как ты появилась сегодня вечером, я думал, смогу ли сказать тебе хоть что-нибудь, - тихо ответил Хэтфилд. - Потом появились другие дела, которые чётко и ясно напомнили мне все причины, почему я этого не должен делать, но неважно. Если бы мы смогли встретиться снова при нормальных обстоятельствах, и если момент окажется подходящим, то я хотел бы поговорить с тобой кое о чём. Думаю, ты знаешь о чём.

- Да, знаю, - сказала Джулия.

- Хорошо, но не теперь. Я имею в виду то, что сказал. Береги себя, милая.

Он наклонился снова и поцеловал её, на этот раз нежно в губы, повернулся и исчез во тьме.

И приходит рассвет

*Был человек: он продал шкуру льва
Ещё живого - и убит был зверем.*

Король Генрих V – Акт IV, Сцена 3

Леонард Познер казался живым воплощением бога на земле. Высокий, загорелый, великолепно выглядящий, с гривой волос, сверкающей серебром и уложенной феном, и с носом, исправленным пластическим хирургом. Познер был тем самым бесстрашным и неутомимым корреспондентом "Фокс Ньюс", который всегда шёл первым и всегда на один шаг впереди событий. Познер, возможно, самая крупная звезда в мире теленовостей, где звёзды вертятся и мелькают перед каждой камерой, посещал все горячие точки мира со свитой, которая иногда превосходила по численности остальных репортёров, вместе взятых.

Помимо целой группы звукооператоров, съёмочной бригады, организаторов и монтажёров, а так же толпы частных охранников из "Блэкуотер", эта свита включала личного гримёра Познера, парикмахера со ставкой 200 долларов за стрижку, собственного повара, сценариста, и команду администраторов для подготовки к работе и обслуживания шикарного дома-прицепа с кондиционированным воздухом в любом месте на земле от иракской пустыни до орегонских лесов. Кроме того он возил с собой личную помощницу, умопомрачительную блондинку с умственным развитием ниже плитуса, в договор с которой было вписано условие об особых "личных услугах" в стиле Голливуда.

Познер был не просто "Мистер Фокс Ньюс". Познер сам был "Мистер Новость" и по праву считался самым известным тележурналистом со времён Уолтера Кронкайта, вызывающим доверие и восхищение. Его вечерняя телевизионная передача никогда не собирала меньше 100 миллионов зрителей. Замечания Познера, часто высказываемые им на ходу и передаваемые с "поля боя", иногда под иранскими снарядами или из толпы восставших палестинцев, влияли на политику страны, так как Челси Клинтон считала его "восхитительным" и постоянно расхваливала перед мамочкой-президентшей. Зарплата Познера с премиями превышала бюджет американского города среднего размера. Его особняк в Беверли-Хиллз был местом оргий, длящихся неделями, со всеми вообразимыми видами наркотиков, секса и идиотских выходок, которые поражали и вызывали уважительный трепет у самых пресыщенных хозяев и глав голливудских студий. В данный момент предрассветной темноты телебожество Познер перевешивался через поручни старого автомобильного парома и блевал в чёрные воды северного Тихого океана.

Его коллеги по "четвёртой власти" из всех сил старались сохранить невозмутимый вид.

- А кто-нибудь из нас не может снять его на видеокамеру мобильного и тайком послать в Интернет? - шёпотом спросил Марк Гастингс из "Си-Эн-Эн".

- Я бы не советовала, - ответила миниатюрная и развязная Сью Лумис из агентства "Рейтер". - У Леонарда много сильных сторон, но чувство юмора к ним не относится. Поступай, как знаешь, Марк, если ты думаешь, что несколько хохм стоят пожизненной кровавой вражды. И о крови я серьёзно. Эти бандиты из "Блэкуотер" очень даже способны избить тебя до полусмерти или ещё хуже, ты же знаешь. Всякий раз, когда Леонард выходит с вечеринки в Лос-Анджелесе, папарацци держатся от него подальше. Леонард отстёгивает

этим животным за услуги столько, что он может тебе навредить не одним способом.

- Твои ноги ещё не привыкли к морской качке, а, Леонард? - спросил Рэнди Дженсен из "Маклатчи Мидиа".

- Пошёл ты! - простонал Познер.

- Эта лохань была предназначена для перевозок туристических джипов на остров Каталина в славных тёплых водах на юге, а не для походов на далёкий север в открытом океане, - заметил Билл Бейкер из "Ассошиэйтед Пресс", бывший моряк, который таким образом заявлял о себе как местном знатоке всех морских вопросов. - Буду рад, если мы не попытаемся переползти на этом корыте через отмели в устье Колумбии. Чёрт, мы даже не можем держаться за остальной частью конвоя без буксиров.

Конвой, о котором говорил Бейкер, был оперативным соединением из шести судов. СМИшники стояли у поручня прогулочной палубы судна ВМФ США "Вентура", которое вытащили с Лос-Анджелесской морской свалки, где оно ржавело на консервировании, и приспособили для выполнения последней задачи.

На "Вентуре" теперь размещались больше трёхсот полицейских и сотрудников Федеральной антитеррористической полиции, в полном вооружении, и более 50 транспортных средств, включая грузовики, хаммеры, бронированные машины пехоты, штабной броневик генерала ФАТПО Роланда Роллинза, внедорожники для прикомандированных СМИшников, и, конечно, передвижной офис Познера с дизельным тягачом для его буксировки на берегу.

"Вентура" шла только на четверти мощности двигателя, так как её тащили на четырёх тросах толщиной 30 сантиметров, по двое прикреплённых к океанским буксирам "Джозефине П." и "Клаун фиш". Личный состав ФАТПО в соединении составлял почти 1400 полицейских, но остальные размещались на двух круизных судах типа "Аляска" - "Кетчикан" и "Куин Кодиак", которые также были приданы ФАТПО и переделаны в транспорты для перевозки войск.

Сопровождал всю эту разношёрстную флотилию 110-метровый сторожевик Береговой охраны США "Фредерик Дж. Хигби". Судно было названо в честь прежнего председателя Комитета по вооружённым силам Конгресса, которому за несколько лет до этого удалось выделить на Береговую охрану дополнительный кусок федерального бюджета.

- Ты знаешь, я всегда гордилась, что я - феминистка, - сказала Сью Лумис, - Но вынуждена признать, что боюсь этих чёртовых резиновых спасательных плотов и хочу, чтобы один из вас, больших сильных мужчин, помог мне сесть на эту штуку.

- Раз плюнуть, Сью, - засмеялся Бейкер. - Море тихое и спокойное. Хотя это не спасательный плот, а надувной моторный баркас. Он очень хорош для моря. На нём, наверное, можно доплыть обратно в Окленд, если погода останется приличной.

- Я всё-таки не понимаю, почему нельзя сесть в лодку до того, как её спустят на воду, - надув губки, заметила Сью.

- Просто для надёжности, что не будет несчастных случаев, - ответил Гастингс. - Если этот баркас перевернётся на шлюпбалках, звуковая аппаратура и камеры в миллион долларов могут оказаться на дне моря. Честно говоря, Роллинза беспокоит не твоя чудная попка, а эта аппаратура. Эта аппаратура нужна, раз момент его славы нужно запечатлеть и сохранить для потомков. У вас ведь есть весь отснятый видеоматериал перед высадкой, заметки и прочее, что вы, пишущий народ, наготовили?

- У меня не меньше четырех часов на плёнке и в цифровой видеокамере, где Роланд распространяется о том, как он собирается одним ударом расколошматить террористов на

Тихоокеанском Северо-Западе, - ответила Сью Лумис. - Конечно, он - величайший военный гений со времён Наполеона. На случай, если вы ещё этого не поняли.

- О, до нас дошло, - хмыкнул Гастингс.

Познер наконец закончил блевать через перила и, шатаясь, подошёл к ним.

- Ради Бога, Леонард, пожуй мяты или чего-нибудь! - взвизгнула Сью, когда судно качнулось, и всемирно известный телеведущий повалился на неё.

- За это я не стану спать с тобою во время этой поездки, - грубо прорычал Познер.

- Ни хрена себе, он, и правда, думает, что это наказание, - обратилась Сью к остальным, закатив глаза от отвращения.

- И когда, чёрт побери, мы будем высаживаться? - спросил Познер у Билла Бейкера.

- Где-то через час, ответил тот. - Роланд хочет сделать это, как только взойдёт солнце, чтобы камеры сняли его выходящим из волн на берег в тёплом сиянии Матери Природы.

- Ты уверен, что он не захочет раздеться и плыть на раковине как та Венера с картин Ренессанса? Боттичелли, Микеланджело или другого хрена? - вставил Сет Голдстайн с "МТВ". - Мне это облегчило бы работу.

- Ну, мы только должны сообщить об этом представлении как развлекательной новости, - заметил Гастингс. - Нужно сделать из этого рок-видео, что-нибудь вроде игры подростков в "индейцев". Как ты собираешься назвать это? "Плохиш наложил в штаны"?

- "Молодёжь против ненависти", - ответил Голдстайн. - Не знаю, как я это назову. "Меч свободы и демократии" или похожим дерьмом. Если, конечно, понравится Роллинзу, ведь он получил от "МТВ" полную свободу творчества. Вы знаете, Роллинз не разрешает мне использовать музыку группы "Дэд Чикенз" в моём вводном слове? Он настаивает, чтобы мормонский хор "Скиния" спел "*Боевой гимн Республики*", весь этот старый отстой. Даже требует, чтобы этот гимн звучал из громкоговорителей, когда он будет сходить на берег. При том, что он сам - чёрный! Духи Пэта Буна и Кейт Смит преследуют это судно.

- Боевой гимн я могу понять, - включился Познер. - Конгрессмен Роллинз, э-э-э, генерал Роллинз, по-моему, стремится расширить свою базу в Южной части Чикаго, а, значит, обращается к отчуждённому синеволосому сельскому клубу, представленному в обеих партиях. Очень символично и по-американски и так далее, и конечно, немного остроты добавит факт, что Роланд - потомок рабов, освобожденных после войны, для прославления которой песня и была написана. Хорошо, эта часть мне ясна. Хоть кто-нибудь пытался серьёзно отговорить его от подражания генералу Макартуру с этой шляпой, тёмными очками и кукурузной трубкой? Он действительно не понимает, что будет выглядеть адски смешно? В любом случае дело сделано.

- Похоже, большинство американцев даже не вспомнит, кем был Дуглас Макартур, - хмыкнул Гастингс. - Большинство наших замечательных зрителей с трудом припомнят, что у них было на завтрак вчера.

- В этом вся жизнь Ролли, - пожала плечами Сью. - Роллинз всегда старается доказать, что всё, что может сделать белый, чёрный сделает с большим успехом, а он сам сделает ещё лучше. Это заставило Роллинза переизбраться на шесть сроков в Чикаго, пока он не ушёл в отставку, чтобы принять командование над ФАТПО. Теперь ему хочется добавить в своё жизнеописание звание героя антирасистской войны.

- Это не война, мисс Лумис, - поправил её Познер. - Это операция по восстановлению законности против преступников, разжигающих расовую ненависть.

- Ну вот он *и собирается* провести её и выставить свою кандидатуру на выборах президента, - заметил Бейкер.

- Ролли может мечтать, сколько угодно, - фыркнула Сью. - Это место в овальном кабинете принадлежит Челси, и весь мир это знает, а когда Челси уйдёт, у нас есть ещё пара Бушей, ждущих своего часа. Не знаю, почему мы вообще суедемся с выборами с тех пор, как Белый дом стал попеременно сдаваться в наём именно этим двум семьям.

- Кто-нибудь знает что, чёрт возьми, случилось с Досоном Зуккино? - спросил Максвелл Зевон из *"Роллинг Стоун"*. - Этот сукин сын держал мой запас травки!

- Наверно он всё выкурил или напился и валяется, или всё вместе, уснул и опоздал на корабль, буквально, - вздохнула Сью Лумис. - Или ему просто надоела прикомандировка. Хочешь поспорим, что этот осёл поехал сюда на машине из Портленда, вероятно, добрался без всяких приключений и всю дорогу под кайфом, и собирается встречать нас на этом проклятом пляже с термосом кофе и бутылкой "Джек Дэниелс"? Боже, я не могу дождаться конца этой дурацкой фотосъёмки! Как только доберёмся до берега, мне плевать прикреплена я или нет: найду отель "Холидей инн" и приму хороший горячий душ!

- Конечно, я мог бы передумать и разделить этот душ с тобой, - похотливо скопился на неё Познер, неуверенно прислоняясь к перилам.

- Отвянь, Леонард, - снисходительно ответила сотрудница агентства "Рейтер".

На мостике *"Хигби"* стояла капитан Мерил Сандовал в безупречно белой военно-морской форме и смотрела в бинокль на низкий тёмный берег, проплывающий по правому борту. Кроме белой кромки прибоя внизу она видела редкие огни домов на скалах и фары машин, движущихся по 101 автомагистрали.

- Так держать, рулевой!

Отдавать команду не было никакой нужды, так как плавание было совершенно заурядным, и идти иначе, чем установившимся ходом, было затруднительно. Но Сандовал была чрезвычайно чувствительна к своему статусу старшего капитана Береговой охраны - испаноговорящей женщины, и была полна решимости всегда поддерживать профессиональный вид, говорить по-морскому и быть в полном порядке.

- Есть, мадам! - ответил старшина за штурвалом.

За его чёткими словами ей слышалось презрение. Сандовал считала, что вся команда её ненавидит и, вероятно, сговорилась против неё, а белые офицеры и унтер-офицеры только и ждут её первой оплошности. Или она так думала и действовала соответственно. Сандовал гордилась тем, что строго управляет судном, командуя матросами и налагая на них взыскания за малейшие нарушения, и ей было приятно узнать от старшего помощника лейтенанта Хакера, что её прозвали "капитан Куиг". (*Герой фильма "Восстание Кейна", 1954 г. - Прим. перев.*). Хакер уверил её, что это означает сурового, но справедливого поборника строгой дисциплины. Другой подчинённый услужливо сообщил ей, что по военно-морской традиции первоначальный капитан Куиг из легенды, кто бы он ни был, имел привычку катать в руке два железных шарика, которую она и переняла. К счастью для экипажа судна Мерил Сандовал почти не смотрела по телевизору старые кинофильмы.

Теперь Хакер появился на её стороне.

- Сигнал от "Воздушного пса один", - доложил он. - Вертушки встретятся с нами по расписанию, мадам.

- Добро, - сказала Сандовал. - Всё идёт по расписанию. Продолжать, номер один.

Сандовал слышала это выражение в одном из немногих старых кинофильмов, который когда-то смотрела, но никто никогда не потрудился объяснить ей, что это язык не американских, а английских военных моряков. Но Хакер, похоже, не горел желанием продолжать. Это был худой поседевший моряк, который вышел из рядовых, с лицом, обветренным многими штормами, которые он встретил на палубе, а не в офисе или в каюте с

электроникой. Прошло много времени, пока Хакер выслужил звание полного лейтенанта, так как он воевал в Ираке несколько лет в составе ДНФ (отдельное подразделение ВМФ). Тогда у правительства стало так мало пехоты, что пришлось "раздевать" части флота и ВВС, чтобы они как пехотинцы патрулировали улицы Багдада и Рамади. Призыв в армию наконец сделал своё дело, пушечного мяса для Девятого крестового похода стало в избытке, и Хакер в конце концов вернулся на борт корабля, но без левой ступни. Однако Хакер сохранил боевое чутьё, и во время этого похода повсюду видел сигналы опасности.

- Мэм, когда мы достигнем района высадки десанта, может перед прибытием вертолётов ФАТПО поднять наш собственный вертолёт и провести разведку? - вежливо предложил он.

- Нет, если генерал Роллинз не прикажет, - отрезала Сандовал. - Это - его спектакль, и он сказал, что вертолёты должны летать над головой, когда он сам будет высаживаться на берег, под камерами телевидения. И я могу это понять. Пропаганда также важна для победы над повстанцами, как и военная операция, лейтенант.

- Да, мэм, - согласился Хакер. - Я не предлагаю сделать что-нибудь, чтобы испортить великий выход генерала Роллинза. Я имел в виду только пару облётов пляжа, чтобы удостовериться, что всё тип-топ прежде, чем мы начнём высадку.

Сандовал засмеялась с искренним удивлением.

- Какая жалость, лейтенант, что это не высадка на остров Иводзима или в Нормандии. Боже мой, это лишь позирование для съёмки, а не настоящая военная операция. Хотя действительно преследуется стратегическая цель, в соответствии с которой мы вводим военизированное формирование, чтобы подтвердить правительственный контроль над частью континентальных Соединённых Штатов. Мы боремся не с солдатами и даже не с неофициальными ополчениями как в Ираке или Сомали.

Это лишь кучка бандитов, которые стреляют в спину безоружным латиноамериканцам и чёрным, убивают киноактёров, а иногда подкладывают бомбы в машины. Они называют себя армией, но они - не армия, а толпа деревенщины, белый мусор с гнилыми зубами, которые работали в забегаловках и за гроши мыли тарелки, прежде, чем стать террористами. Самые крутые из них - это бывшие члены тюремных банд, которые способны только долбить друг друга в тюремном дворе для прогулок. Эти люди не осмелятся сражаться с тысячей вооружённых федеральных полицейских и Береговой охраной Соединённых Штатов! - и она презрительно фыркнула.

Хакер немного подумал, стоит ли настаивать, и решил сменить курс.

- Э-э-э, конечно, мэм. Но интересно, генерал Роллинз учёл, что он собирается высаживаться на рассвете, когда встающее солнце будет бить прямо в глаза ему и его подчинённым? Не стоит ли ему подождать, пока солнце не станет повыше, как вы думаете?

- Лейтенант, разве я только что не объяснила вам, что в этом нет *никакой необходимости*? - с растущим раздражением вздохнула капитан Сандовал.

Хакер стиснул зубы, но решил сделать ещё одну попытку.

- Мэм, можно мне, по крайней мере, приказать команде находиться в полной боеготовности, незадолго до высадки? Для тренировки, если нет ничего другого?

- О, прекрасно, я полагаю, что тренировка не будет большим нарушением нашего распорядка, - небрежно пожала она плечами. - Это поддержит команду судна в форме.

- Есть, мадам. И зарядить боевыми "Марк-75"? - настаивал Хакер.

- Только кого, по-вашему, чёрт побери, мы собираемся обстреливать на берегу, лейтенант? - рывкнула Сандовал. - Старичков, выгуливающих собак, и детишек, ищущих морские раковины? Или вы думаете, что военно-морской флот Добровольческой армии

Северо-Запада подойдёт туда и атакует нас ракетами "Экзосет"?

- Да, я думаю, мэм, что если у них есть ракеты "Экзосет" или что-нибудь подобное, они вполне способны на это, - спокойно ответил Хакер, задаваясь вопросом, не близится ли сейчас его карьера к унитазу.

Сандовал собралась ответить, но тут рация затрещала.

- Генерал Роллинз вызывает вас с "*Вентуры*", мэм, - доложил связист, держа радиотелефон.

Капитан бросила на Хакера уничтожающий взгляд, но отвернулась.

- Никаких боевых для пушки, - приказала она через плечо.

Младший лейтенант Чарльз Дей наклонился и прошептал:

- Боевые для пушки, сэр?

- Делай, блин! - прошипел Хакер.

* * *

В это время Зак Хэтфилд сидел в маленькой траншее или, скорее, в длинном углублённом окопе. Окоп находился на левом краю ската песчаных дюн, что позволяло машинам подъезжать к Сансет Бич с шоссе, и был прикрыт кучей песка со вставленными в неё сотнями метёлок аккуратно срезанного морского овса. Это была не лучшая в мире маскировка, и океанский ветер уже сдул часть морского овса вниз, но она позволяла видеть пляж Сансет Бич и годилась для временного использования Заком. Он держал в руке маленький серебристый мобильный телефон. Чарли Вошберн сполз в окоп рядом с ним. Тёмная вереница мужчин с кирками и лопатами на плечах прошла с пляжа справа от Зака.

- Порядок, Зак, Лен зарядил и подготовил к взрыву всё это хозяйство. Твоя основная цепочка багдадских фейерверков, шесть самодельных бомб на расстоянии двадцать метров друг от друга и на метровой глубине, примерно в 100 метрах от моря. При высоком приливе они должны оказаться под прибоем. Набираешь код на этом телефоне, и главный заряд взрывается. Это взрывчатка "Семтекс". Остальная часть мин с динамитом и "С4" соединена вместе, так что по науке можно получить один адский взрыв и нанести приличный ущерб противнику. Если конечно они не решат высадиться в километре до пляжа или в километре за ним, значит, тогда мы просто зря зарыли в землю большую часть взрывчатки нашего батальона, и не сможем вернуть её.

- Я знаю, это - только предположение, что здесь будет место высадки, Чарли, - сказал Хэтфилд. - Но это - обоснованное предположение. Мы знаем, что они везут транспортные средства, а все они не могут дюноходами с широкими шинами. Будет несколько тяжёлых грузовиков и БТР, возможно, "Страйкеров", достаточно тяжёлых, которые рискуют застрять. Они, вероятно, установят стальной решётчатый настил, чтобы выгрузить большой транспорт, но им ещё нужно будет как можно скорее добраться до дороги с покрытием, а не тыкаться туда-сюда по пляжу, и Сансет-авеню - единственный выход с пляжа на асфальт. Я считаю, что у них или есть кто-то из местных, или, что более вероятно, они могли просто провести поиск по интернет-картам. Если наши данные верны, и они направляются к Сансет Бич, то почти наверняка *собрались* высаживаться именно здесь.

- Может, они пронюхали, что мы их ждём, и изменили место высадки? - предположил Чарли.

- Ещё не рассвело. Дай им время. И потом, почему мы не видели ни единого вертолётца в небе за прошлые два дня? Моя оценка - они всё ещё считают, что застанут нас врасплох. Если бы они знали, что внезапность потеряна, то вертушки летали бы вокруг как

рой пчёл, пытаясь нас обнаружить, включая боевые вертолёты. И было бы какое-нибудь воздушное прикрытие, чтобы обезопасить место высадки. Но мы ничего не видели. Нет, эти засранцы понятия не имеют, что мы знаем об их приближении.

Зак старался, чтобы его слова звучали намного увереннее, чем внутреннее ощущение.

- Меня больше волнует воздушная и спутниковая разведка. Я помню американскую армию, Чарли. Они даже в сортир не ходят без разведки и авиаприкрытия, и точка, не обсуждается. Ведь превосходство в воздухе для военных - это то, что меняет дело и позволяет Америке всегда побеждать в войнах. Во всяком случае, в тех войнах, которые они до сих пор выигрывали.

Рики Парменгер, 19-летний лейтенант из роты "С" третьего батальона появился из тусклого сумрака и присел на корточки у траншеи. Это был стройный и порывистый юноша, блондин с детским выражением лица, в джинсах, чёрной ковбойской шляпе и с винтовкой "М-16".

- Кэп, Рагнару только что позвонил наблюдатель, которого он оставил на крыше одного отеля в Сисайд. У парня инфракрасный бинокль ночного видения.

- И? - спросил Хэтфилд.

- Они подходят. Почти наверняка это они. Он видел огни четырёх больших судов, идущих вместе, и, похоже, нескольких меньших. Скорость около двенадцати-тринадцати узлов, так что они будут здесь примерно через сорок минут. (*1 узел=1 морская миля в час, то есть скорость равна 22-24 км/час - Прим. перев.*)

- Подойдут как раз на рассвете, - сказал Вошберн. - Проклятье, я чуть не забыл доложить тебе! Вашингтонский Третий отдел связался с разведкой бригады, и они только что передали вот что. Уйма вертолётов вылетели из Форт-Льюиса примерно пятнадцать минут назад, направление - юг.

- Они летят сюда, на место встречи с силами флота. Интересно, когда они покажутся. Пошли.

Хэтфилд и Вошберн вылезли из траншеи, и втроём пошли по грунтовой дороге к открытому "хаммеру", оставленному на обочине дороги, в задней части которого был установлен станковый пулемёт "Браунинг М2" калибра 12,7 мм с пулемётной лентой. Это была личная командирская машина Зака, которую добровольцы прозвали "Линкором".

Рядом с "Линкором" стоял высокий и мощный тёмно-рыжий мужчина с бородой и заплетённой косичкой, в джинсе, грудь которого пересекали два нагрудных патронташа с карманами, из которых торчали заряженные обоймы для винтовки "ФАН". Это был боец швед, известный как Рагнар Красная борода, чьё настоящее имя было капитан Дэн Дален из летучей колонны "Нордленд". Его сектором обычно была береговая линия Орегона от Тилламука до Норт Бенд. За Даленом стоял ещё более высокий и бородатый человек, у которого кроме нагрудного патронташа и гранат за спиной в ножнах висел большой обоюдоострый топор лесоруба. Это был Большой Ник, ещё один швед. Ник был неразговорчив: за него обычно говорил его топор.

- Хорошо, Дэн спасибо за помощь, - сказал Хэтфилд. - Особое спасибо за то, что ты одолжил нам взрывчатку. Мы поприветствуем незваных гостей адским взрывом. Ты ещё остаёшься?

- Мы пришли воевать, и мы воюем, - ответил Дален.

- Хорошо, отбери несколько своих парней, а остальных отправь обратно, - решил Хэтфилд. - Чарли, наши отобранные люди уже здесь?

- У дороги, - кивнул Вошберн.

- Хорошо, я должен поставить им задачу.

Вместе они прошли к грунтовой дороге, туда, где начиналось покрытие, к маленькой автомобильной стоянке на правой стороне выемки. Это был вход в крошечный мини-парк на северной стороне дороги, начало длинной извилистой тропинки для пешеходов по дюнам, зеленеющим хвойными деревьями и папоротниками, похожими на кусты. Всё ещё было довольно темно, но Зак был изумлён, увидев, что маленькая стоянка была заполнена машинами, грузовиками и внедорожниками. Вдоль обочины множество вооружённых людей стояли или сидели на песке. В сером свете зари виднелось пёстрое сочетание одежды, головных уборов и оружия.

Мужчины и несколько женщин были в джинсах, рабочей одежде, камуфляже десятка армий, и даже в тренировочных костюмах, в головных уборах, начиная со старых шляп и кончая бейсболками и военно-полевыми фуражками. На поясах висели широкие разгрузки, а несколько человек принесли ранцы за спиной. С ними было самое разное длинноствольное оружие от "М-16" и "Калашниковых" до охотничьих винтовок, и, по крайней мере, по одному пистолету у каждого на поясе. Некоторые добровольцы вооружились тяжёлыми снайперскими винтовками калибра 12,7 мм и лёгкими пулемётами российского и американского производства с ленточным питанием, с лентами через плечо или свёрнутыми в штурмовых вещмешках. Маленькая группа принесла реактивные противотанковые гранатомёты (РПГ), тщательно сохранённые в Третьем батальоне.

- Боже мой! - охнул Зак. - Чарли, что за чёрт? Я просил тебя отобрать по три добровольца от каждой роты, чтобы прикрыть мой отход после того, как я бабахну, и несколько хороших стрелков с оружием калибра 12,7 мм, чтобы уничтожить любые цели, которые могут появиться. Я не просил приводить всех и каждого! Достаточно, чтобы "показать флаг", но не больше двадцати человек! Кто, чёрт возьми, все эти люди?!

- Ты просил добровольцев, - ответил Вошберн. - И все вызвались.

- Ну, ты даёшь! - вскричал Хэтфилд. - Мы не можем дать бой тысяче вооружённых федералов с флотской и авиационной поддержкой! Это безумие! Ты думаешь, что мы будем атаковать их на пляже как кучка сумасшедших чурок с криками "Аллах Акбар"? Я был в Ираке, будь он проклят, и видел, что бывает, когда кто-нибудь пытается влезть в такое дерьмо! Мы - партизаны, помнишь? Если мы открыто пойдём на американцев, нас сотрут в порошок, и мы потеряем всё, что мы здесь создавали годами! Мы стремимся освободить наш народ и создать новую страну, а не попасть в рай с семьюдесятью девственницами на одного мученика и не играть в Рэмбо!

- Я пытался объяснить им это, но боюсь, что мы сделали свою работу слишком хорошо, - объяснил Вошберн. - Добровольцы здесь, в округе Клэтсоп, узнали вкус свободы за эти прошлые несколько лет, Зак. Свободы не видеть на каждом шагу морды цвета дерьма и не слышать бормотания на непонятных языках, и им это понравилось. Мерзавцы ЗОГ направляются сюда, чтобы вернуть нас назад к тому, что было раньше, и они по-настоящему разозлили наших парней. Если бы я сказал некоторым из этих ребят, что им не надо ехать, то вызвал бы бунт.

- Теперь это - наша земля, Зак, - сказал Леннарт Экстрем, который подошёл и присоединился к разговору. - Мы не отдадим её. Мы хотим показать им это. И это должен быть не просто жест с нашей стороны. Мы дадим чёткий и ясный ответ этой суке в Вашингтоне.

Молодой Парменгер добавил:

- При всём уважении к вам, сэр, ни один из нас не хочет прославиться как человек, который сбежал и оставил Зака Хэтфилда в полном одиночестве перед тысячей "пухлых". Не волнуйтесь, мы - не дураки. Одна хорошая долгая "безумная минута", а затем мы

связываемся друг с другом и бежим. Это отлично. И имеет смысл. Но сегодня - важный день, и все мы хотим стрелять. Каждый из нас.

- Мы пришли воевать, и мы воюем, а не убегаем, - повторил Дален.

Хэтфилд был разозлён и огорчён, уверенный, что дело обернётся большой катастрофой для всех добровольцев. Но внутренне он чувствовал, что добровольцы Северо-Запада, хотя и называли себя армией, не были армией в истинном смысле слова, и что настоящая военная дисциплина была иногда недостижима. Эти мужчины и женщины боролись всем сердцем, и иногда их сердцам нужно было дать преимущество над тактическими соображениями и, может быть, даже над здравым смыслом.

- Сколько всего народу? - спросил он Вошберна.

- По моим подсчётам - 185 человек, включая ребят соратника Рагнара с Ньюпорт Вей. Или 160 мужчин и 25 женщин, для точности. Столько же было у полковника Тревиса в Аламо, если углубляться в историю.

- Это радует, - пробормотал Зак.

Несколько мгновений он думал.

- Хорошо, но есть неотложная проблема. Нам сообщили, что их авиаприкрытие летит из Форт-Льюиса, и я не вижу никакого способа замаскировать или укрыть все наши машины от обнаружения с воздуха. Один облёт этого района, и они будут знать, что на земле много народу. Чарли, Лен, у нас меньше часа, а, возможно, и гораздо меньше. Я хочу, чтобы вы взяли по одному водителю с каждой машины, на который они прибыли, и попробовали рассредоточить машины как можно лучше. Расставьте их вдоль обочин, заведите на сам Сансет, оставьте их на улице, отведите от дороги и прикройте кустами, чем угодно, что придёт в голову. Если не сможете укрыть транспорт то, по крайней мере, рассредоточьте машины, так как это затруднит боевым вертолётам уничтожение их с воздуха.

Рики, позови Часа, Джилл и Шерри. Вам, командирам рот, необходимо разработать порядок быстрого отхода. Один водитель на группу, который знает, где оставлена машина. Он остаётся со своей группой и отводит всех назад к машине во время отхода, который нужно проделать быстро, потому что вертолёты огневой поддержки будут нас преследовать. *Проклятье*, это будет бардак! Любого, кто потеряет свою машину или потерявшего свою группу, вы должны как можно быстрее эвакуировать из расположения.

- Мне жаль, что я не смог привести свой корабль, - вздохнул Дален.

Когда Дален услышал о надвигающемся военно-морском нападении и отчаянно пытался переделать свой знаменитый "длинный корабль" в торпедный катер, колдуя с какими-то латунными торпедами, скопированными со старой немецкой модели 1907 года, которой была потоплена "*Лузитания*", но просто не успел отработать технологию.

- Мы должны сделать этот катер! - хлопнул он кулаком по ладони. - Нам нужен Добровольческий военно-морской флот Северо-Запада!

- Я уверен, что после этого дела ты сможешь получить "добро" у Совета Армии, - сказал Хэтфилд. - Лен, ты с Рики руководите рассредоточением машин с наилучшим укрытием, какое найдёте. Потом соберите всех здесь, на стоянке машин через двадцать минут, и я скажу, где им надо находиться. Мне нужно быстро кое-что узнать.

Хэтфилд вышел вперёд и обратился к добровольцам на шоссе:

- Кто из вас, товарищи, служил в Ираке или где-нибудь ещё на Ближнем Востоке? Поднимите руки!

Поднялось не меньше пятидесяти рук.

- Тогда вы должны знать, как зарываться в песок. Ребята, которые подняли руки, вы остаётесь здесь. От остальных мне нужно по одному человеку на группу для связи с

машинами, в которых вы приехали сюда. Рассредоточьте машины, чтобы они не стояли все в ряд, как цели на аэродроме в Перл-Харборе. Запомните, где вы оставили свою машину и убедитесь, что сможете найти её снова, потому что почти наверняка вам придётся отходить под огнём. Вы все хотели пострелять, прекрасно, вы получите такую возможность, но и "пухлые" - тоже. Чарли и капитан Дален, пошли со мной. Я должен повторно изучить этот пляж и посмотреть, где мы можем оборудовать огневые позиции.

Зак нашёл взглядом ярко-красный Марс, уже почти опустившийся в тёмный Тихий океан, но ещё заметный даже на рассвете. Мысленно он обратился к тому, кого смутно представлял Богом. *"Я прошу Тебя только об одном"*, - думал он. *"Направь их сюда к нам. Не дай им высадиться где-нибудь ещё и захватить нас с тыла или сверху. Если эти лучшие мужчины и женщины должны погибнуть, дай им умереть как арийцам. Лицом к врагу"*.

* * *

"Ииии!" - визжала Сью Лумис, когда её опускали за борт на стальном тросе стреловой лебедки в моторный катер, качающийся у левого борта *"Вентуры"*. Катер действительно напоминал большой резиновый спасательный плот, но на нём стоял подвесной мотор, и были настоящие откидные сиденья. Катер - последнее слово сборной морской техники - в сложенном виде занимал не намного больше места, чем сам подвесной двигатель в 270 лошадиных сил. Катер был ярко-оранжевого цвета, и так как агентство "Фокс Ньюс" заплатило за это небольшое судно и обслуживающую команду, то на его округленном носу развевался вымпел "Фокс Ньюс". Катеру даже дали вычурное неофициальное название *"Слитерди"* (*"Скользкое чудовище"*).

Было 5:15 утра. Солнце ещё не взошло, но так как прошло всего несколько суток после самого длинного дня в году, было достаточно светло. Обещал быть ясный денёк, не всегда привычный для северного побережья штата Орегон, где даже летом часто бывает облачно и пасмурно.

- Похоже, Ролли повезло с погодой, и его великий выход на Большую Белую Родину начнётся в свете восходящего солнца, - заметил Гастингс Сью, когда сам спустился в *"Слитерди"* и отцепил ремень безопасности от спасательного жилета.

- Все здесь? - спросил моряк у подвесного мотора.

- Да-да, шкипер, - ответил Гастингс.

В резиновом катере поместилось почти двадцать человек, журналистов и операторских групп, и даже осталось место для ног. Моряк запустил подвесной мотор, а второй моряк на носу отдал швартовочный трос. Гастингс запел песню из сериала *"Остров Гиллигана"*, а все остальные подтянули. *"Садись-ка и послушай, как к роковой реке мы из весёлых тропиков приплыли в катерке..."*.

Бойцы Добрармии на берегу теперь хорошо различали ряд судов примерно в миле от Сансет Бич. Транспорты легли в дрейф и стояли на якорю колонной с *"Хигби"*, замыкающим конвой примерно в пятистах метрах от берега по правому борту. На берегу Зак Хэтфилд, Чарли Вошберн и Лен Экстрем сидели в замаскированном окопе, наблюдая за оккупантами в бинокль, через колеблющийся морской овёс, который был переставлен и воткнут в песок, наваленный перед окопом.

Чтобы не зависеть от мобильных телефонов, Лен раздал полевые радиостанции, для связи Зака с четырьмя командирами рот, а также с пятью стрелками с кодовым названием "Большие ударники", вооружёнными снайперскими винтовками калибра 12,7 мм. Добровольцы рассредоточились за дюнами вдоль берега по фронту 400 метров, где рота "А"

лейтенанта Рики Парментера окопалась справа вокруг смотрового деревянного настила, который выдавался из мелкого кустарника в парке Сансет Бич, а рота "Д" под командованием лейтенанта Шерри Томчака - на крайне левом фланге.

Стрелки с винтовками калибра 12,7 мм и остальные бойцы с подходящим оружием и достаточным умением, чтобы считаться снайперами, притаились в огневых ячейках, вырытых вдоль гребня дюн, а остальная часть добровольцев лежала на восточном склоне, укрытая от наблюдения с судов, но легко обнаруживаемая с любого вертолёт, который мог пролететь над ними.

Только капитана Рагнара Красная Борода и Большого Ника не было видно за поворотом подъездной дороги, где они сидели в "Линкоре". Дален был так расстроен своей неудачей вовремя оснастить свой корабль торпедами, что Хэтфилд пообещал ему поездку по берегу, чтобы испытать крупнокалиберную "двушку" "Линкора", когда появятся какие-нибудь подходящие цели. Дален и Большой Ник вставили шест с большим сине-жёлтым шведским флагом в гнездо в задней части "хаммера".

Доброволец Холленд Винники ползком добрался до командного пункта, бережно прижимая к груди свою винтовку "М-16". Он был в военно-полевой маскировочной форме из излишков армии США, широкополой шляпе и с сине-бело-зелёной нарукавной повязкой на левой руке.

- Похоже, ты - один из немногих из нас должным образом одет для этой местности, - заметил Зак.

- Я подумал, что стоит надеть это, чтобы ни один из наших товарищей не ошибся, когда начнётся заваруха, - ответил Винники, указывая на трёхцветную нарукавную повязку. - Вызывали, сэр?

- Да, - кивнул Зак. - Ты же раньше служил на военно-морском флоте, так?

- Да, сэр. Десять лет на борту, авианосцы и фрегаты, и три года - в приданном подразделении ВМФ в Ираке, - доложил Винники.

- Скажи мне, что ты знаешь об этом военном корабле? - показал Зак. - Особенно о системах оружия на борту.

Он передал Винники бинокль. Бывший моряк приложил бинокль к глазам и долго рассматривал судно противника от носа до кормы.

- Это "Хигби", сэр - доложил он. - Сторожевик Береговой охраны типа "Гамильтон" - самый большой. Суда типа "Гамильтон" очень мощные. В той круглой башенке на носу - "Марк 75", 76-миллиметровая автоматическая дистанционно управляемая пушка. У неё компьютерная система управления огнём, которая может использоваться с мостика. Пушка легко может выплёвывать снаряд в секунду, не говоря уже о максимальной скорострельности, и эти фугасы могут продырявить почти всё, что плавает.

На корме во вращающейся башенке стоит "Марк-15" - 20-миллиметровая автоматическая зенитка ближнего боя. Скорострельность - 3500 выстрелов в минуту. Используется против атакующих самолётов, и также имеет компьютерную систему наведения, синхронизированную с радиолокатором судна. Конечно, может использоваться и для поддержки наземных войск. Она может стереть этот пляж в порошок, я хорошо знаю. Видел её работу по целям на берегу в Иране и в Газе. Если ты - цель, то тебе придётся несладко. Против нас ещё две 25-миллиметровые цепные пушки, электрические пушки Гатлинга, по левому и правому бортам.

- Эти дюны выдержат такие снаряды? - спросил Хэтфилд.

- Земля остановит почти что всё, сэр, но здесь - рыхлый песок, который хорош для защиты от стрелкового оружия, так что тяжёлое вооружение "Хигби" может буквально сдуть

это укрытие. 20-мм и 25-мм снаряды - да, но недолго, пока они буквально не срежут дюны до основания. 76-миллиметровые снаряды пробьют в дюнах дыры и могут засыпать некоторых из наших, да ещё и контузить.

- Дерьмово, - сплюнул Хэтфилд. - Я спросил бы об уязвимых местах, но у нас нечем по ним стрелять. Мы не можем поразить их из РПГ на таком расстоянии, а даже если бы и могли, для этой хреновины это всё равно, что шарик для пинг-понга. Ладно, доброволец, иди назад на свой пост.

Винники отполз, а как только его стало не видно с американских судов, он встал и побежал вниз, чтобы присоединиться к своей группе на дюнах.

- Повезёт, если только выстрелить и смотаться, причём быстро, - сказал Чарли.

- Скольких из нас это судно убьёт, пока мы сможем отойти? - хмуро пробормотал Хэтфилд. - И где эти хреновы вертушки? Может, они подбираются к нам с тыла?

- Давай подождём их, перестреляем их дозорных, а потом удерём, - предложил Леннарт. - Но знаешь, Зак, сейчас я смотрю на них, и мне интересно, как они планирует высадку? Те две посудины выглядят почти как круизные корабли. Они не смогут стать намного ближе из страха сесть на мель, а вон тот похож на паром, который тянут буксиры, понимаешь? Как же они планируют высаживать людей на берег? Должно быть, на каких-нибудь лодках или десантных катерах. Может, они собираются спускаться вниз по грузовым сеткам вдоль бортов как морская пехота в южном Тихом океане, но и для этого нужны какие-то лодки.

- Значит, они будут подходить к берегу небольшими и более приемлемыми порциями, - задумчиво сказал Зак. - Мы сможем достичь огневого превосходства над ними на земле, по крайней мере, сначала, пока этот военный корабль не обнаружит нас, и поразить их с нескольких направлений сразу с помощью старого приёма "Шок и трепет". Хотя с их военным кораблём и вертушками это не даст нам много преимуществ. Ну как тебе этот план? Уничтожаем первую лодку, которая доберётся до нашего берега, чего вполне достаточно, чтобы промочить песок их кровью и дать им понять, что их ждёт. И тут же удираем, надеясь, что до этого момента вон тот большой мальчик не успеет нам слишком навредить. Разбиваемся на группы и двигаем к нашим точкам отхода.

- Я никого не вижу на берегу, - сказала Сью из агентства "Рейтер", когда катер со СМИшниками шёл через буруны.

- А ты что ждала, группу встречающих? - подколот её Сет Голдстайн.

Первые лучи солнца позолотили горизонт на востоке.

- Я надеялась увидеть Досона Зуккино с термосом. Но, похоже, здесь пусто, - хмыкнула Сью. - А я и не знала, что такие куски открытого пляжа как этот, ещё остались в природе.

- Это побережье на самом деле пенсионеры никогда не любили, - заметил Марк Гастингс. - Просто вода слишком холодная, как мы почувствуем, когда выйдем, и ветер слишком прохладный даже в июле.

- Что это, чёрт возьми? - сказал Зак, рассматривая катер в бинокль. - Какая-то резиновая лодка или шлюпка с подвесным мотором. Большая, человек двадцать на борту. Я не вижу в группе ни одного "пухлого" или солдата. Мне даже кажется, что среди команды этой лодки нет военных моряков.

- Неважно кто это, но они плывут прямо на нас, - заметил Чарли.

- Я не хочу зря потратить шесть самодельных бомб и полтонны взрывчатки на резиновую лодку, - сказал Зак. - Но раз они появились здесь и собираются пройти как раз рядом с нами, мы должны уничтожить их, кто бы они ни были, а потом смыться.

- И не взорвём мины? - спросил Лен. - После того, как мы проковырялись всю ночь, устанавливая эти штуковины?

- Посмотрим, для чего они заявили, - решил Зак.

По рации он передал:

- Это "Горец". Люди на резиновой уточке - не противник, в любом случае - они не вооружены. Огонь не открывать, оставаться на позициях и сохранять маскировку. Повторяю, без моего приказа не стрелять.

- Прилив через полчаса, - сказал Чарли Вошберн. - Какого хрена они высаживаются во время прилива?

- С другой стороны, они будут на меньшей дальности поражения наших длинных стволов, чем при отливе, - напомнил Лен.

- Колёсный транспорт, - сказал Хэтфилд. - Они собрались выгружать тяжёлые автомобили, и если их выкатывать на берег по влажному песку при отливе, вероятность застрять больше. Спорю, именно поэтому они буксировали сюда этот паром как мусорную баржу. Он весь забит их автотранспортом. Чёрт, если бы мы смогли как-то уничтожить этот корабль!

Рация коротко щёлкнула.

- "Горец", это - "Ковбой", - раздался голос Парментера. - Вижу вертолёты, движутся на юг, примерно в трёх километрах над морем, высота - километр, километр триста метров.

- Понял, "Ковбой". Сколько их?

- Трудно сказать, сэр, но, по-моему, больше десятка.

- Понял, "Ковбой", - повторил Хэтфилд. - Держи меня в курсе. Это "Горец", отбой.

- Они не сходят на землю? Почему, ради Бога? - подумал он вслух.

- Может, они выбирают живописный маршрут? - предположил Вошберн.

- В этом нет смысла, - покачал головой Хэтфилд.

- Да они ещё *издеваются!* - хмыкнул Леннарт Экстрем, глядя в бинокль.

- Что там, Лен?

- Они на берегу и выгружают из лодки барахло. *Телевизионные камеры!* - возмущённо воскликнул Лен. - Это проклятые журналюги!

- Тогда понятно - протянул Вошберн. - Они хотят снять красивый репортаж о высадке сил ЗОГ, живьём. Ко времени, когда мистер и миссис Америка будут смотреть его за завтраком, прежде чем продолжить свои замечательные карьеры по разгребанию жидовского дерьма. Они так сделали в Сомали в девяносто втором году, послав СМИ раньше войск, чтобы они смогли снять морских пехотинцев, высаживающих десант на пустом берегу.

- Им даже не пришло на ум, что мы можем их поджидать? - прошептал Хэтфилд, и гнев начал медленно закипать в его сердце. - Они просто посчитали, что смогут устроить здесь прогулку, а мы так просто позволим им это сделать, и никто не поднимется, чтобы защитить себя, свою землю и наши дома?

- Они думают, что это Ирак 2003 года, - сказал Лен.

- А почему нет? - спокойно спросил Вошберн. - Ещё три года назад белые совершенно не сопротивлялись. Не думаю, что враги успели это осознать.

- Бог мой, какое потрясающее высокомерие! С каким презрением они к нам относятся!

В чёрной, холодной, смертельной ярости Зак схватил рацию.

- "Горец" всем "Бригадирам" и "Большим ударникам". Думаю, вы все видите то же, что и мы. Всем оставаться внизу и в укрытиях. Они не должны нас обнаружить. Если кто-

нибудь из них станет слишком любопытным и подойдет к вашим позициям, снимите его без шума. Когда начнется заваруха, уничтожьте этих паразитов с телевидения. Всех до одного.

Ответом был хор коротких докладов: "Вас понял!"

- Они устанавливают аппаратуру, - сказал Экстрем.

С берега донесся стрёкот, когда кто-то из команды Леонарда Познера запустил передвижной генератор.

- Расставляют штативы для софитов, и, похоже, камеры на треногах. Ты посмотри, где они их устанавливают, Зак! В 70 метрах прямо перед нами! Значит, одна из лодок будет приставать к берегу прямо над нашей цепочкой мин! Ты был прав!

- Похоже, мы сможем бабахнуть, и ты, наконец, увидишь плоды своей долгой ночной работы, Лен. Интересно, они будут вести прямую передачу? - вслух подумал Зак. - Возможно, мы покажем мистеру и миссис Америка такое зрелище, от которого они подавятся своими вафлями на завтрак.

- Зачем им эта подсветка? - спросил Вошберн с любопытством. - Солнце взойдет через пару минут.

Лампы были нужны тележурналистам для вступительного слова к предстоящей передаче. Конечно, первым был Познер. Агентство "Фокс" всегда было новостной сетью, занимающей первое место в любой журналистской иерархии, с тех пор как оно стало официальным новостным представителем правительства. И даже наиболее равнодушные из почитателей Познера, то есть все остальные репортёры - мужчины и женщины, вынуждены были воздавать ему должное за четкое вхождение в образ.

Познер был одет в ветровку и брюки из брезента, ботинки-лягушки и клетчатую рубашку, открытую настолько, чтобы виднелась волосатая грудь, и хотя его девушка-гримерша только что закончила с ним работать, никто не догадался бы о наличии на его лице пудры или румян. Морской ветер взъерошил волосы Познера, он выглядел строгим и спокойным, а его голос звучал низко и убедительно.

- Я стою здесь на пустынном берегу где-то на орегонском побережье, где через несколько минут генерал Роланд Роллинз, командующий Федеральной антитеррористической полицией, высадится во главе больших сил своих прекрасно обученных и сознательных подчинённых, которые полны решимости дать большой пинок нынешнему расистскому террору. Генерал Роллинз потрясающе и смело вышел в открытое море для отточенного флангового манёвра - введения нескольких крупных американских подразделений прямо в сердце "бандитской страны" Добрармии, этой части Соединённых Штатов, которая за последние нескольких лет видела мало закона и ещё меньше порядка.

Это - часть нашей страны, где люди с разным цветом кожи, латиноамериканцы, гомосексуалисты и любые другие граждане, чьи сердца не исполнены ненавистью, боялись появляться в течение долгого времени. Здесь логово самозванного капитана Зака Хэтфилда и его Дикой стаи. Вот мы и собираемся посмотреть, насколько дик этот "Капитан Хэтфилд" и его стая. Мы передадим вам репортаж о высадке в прямом эфире, как только генерал Роллинз ступит на берег. Передаю слово тебе в студии, Том.

- "Горец", это - "Ковбой", - раздался голос Парментера по рации. - Сейчас вы должны увидеть вертушки. Они подходят.

- Чудно, - вздохнул Хэтфилд. - Может, они собираются, наконец, прикрыть место выброски десанта, но только они опоздали.

- Я вижу их, - сказал Экстрем, смотря в полевой бинокль. - Да, они направляются к берегу.

- "Бригадиры" и "Большие ударники", это "Горец", - передал Хэтфилд по рации. -

Когда эти вертушки пойдут над пляжем, и какой-нибудь из них будет лететь достаточно низко, а вы почувствуете, что он может ударить, стреляйте. Рагнар, маленькая игрушка в моей коляске может вам пригодиться для этого. "Гранатомётчики", если на воде будут лодки, и вы наверняка сможете их поразить, вставьте им ракету в одно место. Как только вертушки нас увидят, мы должны рвать когти. По моей команде "*Свобода*" вы открываете огонь по этим журналюгам, уничтожаете их и всё, что сможете, и затем отходите. Как поняли?

"Понял, "Горец", "Понял вас, "Горец", - раздались подтверждения.

- Вертушки кружат, - сказал Вошберн.

- *Что?!* - воскликнул Хэтфилд.

Он схватился за бинокль.

- Они летают в каком-то режиме ожидания всего в километре за кораблями, - сказал Экстрем. - Просто летают по кругу.

- Боже мой, что они творят? - поразился Хэтфилд.

- Боже, что они делают? - спросил лейтенант Береговой охраны Дональд Хакер на мостике "*Хигби*", уставившись на четырнадцать чёрных вертолётов.

"Блэкхоки", "Апачи" и транспортники кружились по левому борту как детские игрушки, круг за кругом.

Капитан Сандовал повернулась к нему.

- Я уже говорила вам, первый, что Генерал Роллинз хочет, чтобы вертолёты пролетели над ним, как только он ступит на берег через прибой, - повторила она. - Они ждут, когда "*Вентура*" *подойдёт* к пляжу, которая должна... , а вот и она.

Паром шёл полным ходом, с трудом поворачивая на правый борт.

- У меня всё-таки не укладывается в голове преднамеренное направление большого судна на мель для фотосессии, капитан, - заметил Хакер. - Особенно во время прилива, когда судно будет полдня сидеть на мели. "*Вентура*" - это не какой-нибудь танкодесантный корабль времён второй мировой войны. Что, если буксиры не смогут стянуть её с берега после выгрузки?

- Тогда мы просто оставим её там, - сказала Сандовал. - Однажды её корпус станет национальным памятником. Я полагаю, что вы просто не следите за СМИ, первый помощник.

- Думаю, что не слежу, мэм, - согласился Хакер.

- Паром подходит к берегу, - доложил Экстрем Хэтфилду в укрытии.

- Как они собираются сгружать свои машины? - спросил Чарли.

- По-моему, они просто собираются загнать всю проклятую посудину прямо на берег и опустить сходни, - сказал Хэтфилд.

- Во время прилива? - спросил Экстрем. - И посадить судно на мель?

- Ну, когда у тебя все деньги мира, можно позволить себе сломать несколько своих игрушек, - ответил Хэтфилд. - Но почему эти вертушки болтаются там без толку? Что, чёрт возьми, вытворяют эти засранцы? Это бессмысленно. Они просто *не могут* быть так беспечны!

- Не обсуждаешь ли ты очевидное? - спросил Вошберн. - Ты не допускаешь, что они могут быть просто недалёкими, глупыми и неумелыми, что они ни черта не соображают, что творят? Это правительство, оккупированное сионистами, и Пентагон уже почти поколение воюют с кучкой голоногих копчёных чурбанов на Ближнем Востоке, и там всё ещё не допёрли, как *их* разбить. Нами правят идиоты!

- Что случается в системе, когда людей назначают на важные рабочие места и должности по цвету кожи или размеру сисек, вместо их способностей справляться со своей

работой? - риторически спросил Экстрем. - Вы получаете катастрофу за катастрофой, как на Ближнем Востоке. Как здесь. Зак, может быть у нас больше шансов нанести здесь урон противнику, чем ты думаешь. Очевидно, что этот паром с транспортными средствами подходит первым и один.

- Боже мой, да это всё - звуковое оформление! Всего-навсего одна большая предвыборная съёмка этих людишек! - задохнулся Зак от внезапной догадки. - Спорю на что угодно, но они собираются опустить сходни парома, и первый, кто сойдёт с него, будет тот самый черножопый конгрессмен Роланд Роллинз, скалящийся как паршивая дворняга. Потом сзади него появятся всякие марширующие типы, "Срайкеры" и "Хаммеры", а эти грёбаные вертушки будут летать над головами! Я слышал, что эта обезьяна собирается бросить вызов Челси Клинтон на выборах президента, и это должно стать его первым появлением в ходе избирательной кампании, когда он ступит на нашу землю как какой-то черномазый Иисус!

- Кажется, Кастер тоже подумывал избираться на пост президента, - заметил Вошберн. - Ведь мы же - смешная кучка индейцев.

Хэтфилд достал рацию.

- "Большие ударники", когда эта бандура пристанет к берегу и опустит сходни, почти наверняка с корабля спустится павиан Роланд Роллинз. Держите его на прицеле и по моей команде все пятеро откроете по нему огонь.

Зак получил пять подтверждений. Голоса стрелков звучали воодушевлённо.

Вошберн тихо засмеялся.

- Что смешного? - спросил Хэтфилд.

- Я подумал, какое лицо будет у Кота Локхарта, когда я расскажу ему про всё это, а его здесь не было! - ответил Вошберн.

* * *

Пока компания СМИшников лениво ждала быстро приближающуюся "Вентуру", Сету Голдстайну становилось всё более и более неуютно.

- Слушай, приятель, мне нужно отлить, - сказал он Гастингсу. - Если я брызну в прибор здесь, обещаешь не снимать меня?

- Никаких обещаний, - засмеялся Гастингс. - Мы уже приготовили наши отходы монтажа и кассету с ляпами для съёмки. Поднимись и сходи за дюны.

- Слишком далеко идти, - заныл Голдстайн.

- Так спустись на берег и покажи всем своё орудие, - ответил Гастингс. - Думаю, все мы знаем, что ты обрезанный, Сет. Я не скажу съёмочной группе. Честное индейское.

Голдстайн посмотрел на него и сказал: "Ерунда, ты этого не сделаешь", и зашагал к началу подъездной дороги.

На мостике "Хигби" младший лейтенант Дей обратился к старшему помощнику лейтенанту Хакеру: "Один из группы на берегу покидает группу, сэр".

Хакер взял ручной радиомикрофон:

- "Слитерди", это "Медведица". Кто это отходит от вас, и куда он пошёл?

Моряк с рацией через минуту ответил:

- "Медведица", это парень с "МТВ". Ему надо по малому. Он не захотел сделать это на берегу, так как у нас есть женский персонал.

- Хорошо, в общем, проследи за ним, - приказал Хакер.

- Следи за ним сам, очко, я больше не на флоте, - проворчал моряк, засовывая рацию

в футляр и продолжая заигрывать с девушкой-гримёршей Леонарда Познера.

- Один из них идёт сюда, - сказал Экстрем.

- Блин! - выругался Хэтфилд. - Прячьтесь, ребята, может, он нас не заметит.

Голдстайн с трудом поднялся с очевидно пустого берега к дороге, в поисках хорошо укрытого места, чтобы помочиться, чтобы его весёлые коллеги не сняли его и не сохранили плёнку "для потомков". Он увидел небольшую кучку песка и морской овёс внизу её правого уступа, который выглядел многообещающим. Подошёл к кучке, расстегнул молнию на брюках, вынул свой обрезанный *шванце* (*член - на идиши*) и шагнул к холмику, поросшему морским овсом, готовясь опорожнить свой пузырь. Посмотрел вниз и увидел трёх мужчин в неглубокой яме, с направленными на него винтовками - двумя "Калашниковыми" и "Винчестером". Толстогубая челюсть Голдстайна отвалилась, он развернулся, чтобы бежать, но Зак Хэтфилд бросился на него, обхватил толстый живот и стащил в яму.

- Что это было? - внезапно спросил лейтенант Дей, опуская бинокль.

- А что? - переспросил Хакер.

- Мне сейчас что-то показалось, - ответил Дей. - Тот парень, который ушёл помочиться, исчез.

- Мы не несём никакой ответственности за гражданский персонал, лейтенант, - раздражённо вмешалась капитан Сандовал. - Они могут отливать, где хотят.

- Так точно, мэм, - согласился Хакер.

Второй мужчина зажал Сету рот, а третий схватил и связал ему руки. Голдстайн пытался закричать от боли и ужаса. Голдстайн узнал Хэтфилда, который наклонился к нему, изучая его верблюжью физиономию, прыщавую кожу, мясистый нос и курчавые волосы.

- Жид, - тихо произнёс Хэтфилд низким голосом, полным отвращения. - Проклятый жид.

Голдстайн взвизгнул под железной рукой, зажимавшей ему рот, и скорчился от ужаса, понимая, что перед ним древний враг его расы, и видя свою смерть в голубых глазах, как и многие его соплеменники раньше, на протяжении веков.

Хэтфилд наклонился, обхватил руками круглую голову Голдстайна, и, прошептав жиду в ухо единственное слово "*Дрезден!*", с хрустом свернул ему шею. Сет Голдстайн дрыгнул ногами, свалился, обгадился и умер.

- Нам нельзя его выкидывать, - сказал Хэтфилд. - За ним могут наблюдать.

- Прекрасно, теперь мы должны терпеть мёртвого жида с дерьмом в штанах, - проворчал Чарли.

С берега раздался скрежет, когда "*Вентура*" врезалась в берег, собрав горы мокрого песка, которые как гигантские песочные замки взгромоздились по бокам носовой части. Зак оценил обстановку в бинокль.

- Бог мой, они опять облажались! - изумлённо воскликнул он.

- О чём ты? - спросил Экстрем.

- Этот корабль! Посмотри, где он пристал к берегу! - показал Хэтфилд сквозь морской овёс. - Глазам не верю! Просто не могу в это поверить!

- Прямо над нашей бомбой из "Семтекса", нашим главным зарядом, - подтвердил Экстрем. - Если заряд был не слишком потревожен и взорвётся, мы сможем достаточно повредить разгрузочные сходни, и они не смогут выгрузить свой колёсный транспорт. Может, мы даже выведем из строя весь корабль!

- Но и это - не всё, - подчеркнул Чарли. - Обрати внимание на положение транспортника и военного корабля! Весь наш правый фланг до роты "А" в парке будет *прикрыт* от орудий сторожевика большей частью парома.

Зак схватил рацию.

- "Дама червей" и "Свинарник", это - "Горец". Слушайте внимательно. Немедленно сменить позиции. Отведите людей с позиций на восточной стороне ската, затем отойдите на север, через дорогу, и займите позиции для поддержки рот "Альфа" и "Браво". Это *не касается* "Больших ударников" и других стрелков. Вы, парни, остаётесь на своих местах, потому что мы должны перекрыть зону поражения со всех углов, так что оставайтесь на своих замаскированных позициях и не обнаруживайте себя. "Ковбой" и "Гитарист", пошлите кого-нибудь к шоссе и приведите роты "Чарли" и "Дельта" на места своего расположения. Мы должны держать, как щит, этот корабль, который только причалил, *между* нами и военным кораблём. Вы всё поняли, товарищи?

- Вас понял, - подтвердил Шерри Томчак. - "Дельта" пошла. "Дама червей" в дороге.

- Понял вас, "Горец", - доложил Парментер.

- Мы теряем время, - сказал Хэтфилд. - Этот надутый павиан в любую минуту может сойти с корабля, и к этому моменту мы должны быть готовы стрелять, а не бегать вокруг. *Быстрее!*

В этот момент СМИшники на берегу зашевелились и снова передвинули свои камеры. Познер говорил по телефону с кем-то на корабле. Сью Лумис оглянулась вокруг с трепетом и удовольствием, когда золотые лучи восходящего солнца внезапно осветили пляж мягкими тёплыми янтарными лучами.

- Ну, надо признать, что это будет впечатляющая вещь, - признала она. - Может быть, я даже сама проголосую за Роллинза.

- Почему задержка? - спросил Боб Бейкер.

- Ждём прямых спутниковых каналов "Фокс" и "Си-Эн-Эн", и как только мы их получим, то должны предупредить вертолётки примерно за четыре минуты, - объяснил Гастингс. - А, ясно. Пошло. У нас есть прямой канал. Ты дал сигнал вертолёткам, Леонард?

Раздался скрежет металла о металл, когда сходни "*Вентуры*" начали медленно опускаться в прибой.

- Разгрузочные сходни корабля начинают опускаться, - сказал Хэтфилд по рации. - Быстро-быстро, мальчики и девочки.

- Сигнал вертолёткам, - сказал Познер.

Трёх минут задержки в ожидании прибытия вертолётки едва хватило добрармейцам, чтобы переместиться по обратной стороне дюн, рысью перебежать дорогу, а затем занять новые огневые позиции на северной стороне дороги, соблюдая осторожность, и не быть обнаруженными. Но никто из группы СМИ даже не смотрел на дюны; все камеры и глаза были прикованы к медленно опускающимся сходням.

"Готовы!" - слышались доклады командиров рот Третьего батальона.

- Вертушки идут к берегу, капитан, - доложил Вошберн, глядя в бинокль.

Зак заговорил по рации:

- О'кей, "Бригадиры", слушать и передать это вашим бойцам. Я уверен и готов спорить на что угодно, что толстогубый Роллинз выйдет первым. После того, как парни с "Большой пятидесяткой" уничтожат его, я взрываю цепочку бомб, после чего мы врубаемся на полную катушку. Но никакой "безумной минуты". Наметьте свои цели, прицельтесь и каждый выстрел делайте по счёту, потому что это дело может продлиться дольше, чем мы ожидали, и я не хочу, чтобы у нас кончились патроны.

"Большие ударники", когда покончите с ниггером, займитесь вертушками. Старайтесь попасть в корпус редуктора винта или другие уязвимые места. Пуля калибра 12,7

мм может сбить эту птичку при точном попадании, а если они поймут, что по ним бьют такими пулями, то будут уходить выше, чтобы выйти из под обстрела. А сейчас наведите свои прицелы на берег и не теряйте в них Роллинза в минуту, когда покажется его обезьянья голова. Огонь по моей команде.

Теперь за шумом прибора послышался рёв и хлопки "хуп-хуп" медленно приближающихся вертолётов. Сходни опустились. Внезапно ряд больших стереофонических громкоговорителей, установленных на палубах "Вентуры", взревел громом меди, и раздались тысячи голосов мормонского хора "Табернакл":

*"Я увидел, как во славе сам Господь явился нам,
Как Он мощною стопою гроздя гнева растоптал,
Как Он молнией ужасной обнажил меча металл.
Как Он истиной прекрасной перед нами воссиял!"*

- Иииииии... вот генерал Роллинз! - вскричал Леонард Познер.

Две колонны полицейских ФАТПО в кевларовых бронежилетах и форме иссиня-чёрного цвета, вооружённые винтовками "М-16", лёгкими пулемётами и гранатомётами, выскочили из трюма "Вентуры". Они образовали две шеренги, а между ними выступил генерал Роланд Роллинз, огромный, мощного телосложения, очень чернокожий, со средней причёской "Афро" и ослепительно белыми зубами.

Роллинз был в полной форме ФАТПО из синей саржи, но вдобавок на груди у него был какой-то ярко-красный шарф, а на левом кармане сверкали пёстрые ленты за участие в военных кампаниях, в шесть рядов, ни в одной из которых Роллинз не служил. Он выбрал ленты, потому что ему понравился их цвет. Они включали медали за все ближневосточные кампании, памятную медаль за службу во Вьетнаме, Пурпурное сердце с трилистником, британский крест "За выдающиеся лётные заслуги" второй мировой войны, орденскую ленточку за службу на подводных лодках военно-морского флота и чёрную орденскую ленточку с чёрным кулаком в серебряном сердце, которое Роллинз придумал и сделал сам.

Справа на груди было несколько полных медалей, в том числе Бронзовая Звезда, Серебряная Звезда, французский орден Почётного легиона и католический орден Священного Сердца. Советникам Роллинза в последний момент удалось убедить его не цеплять на шею Медаль Почёта, присуждаемую Конгрессом. Вместо этого они дали ему большой сине-чёрный Мальтийский крест с драгоценными камнями, позаимствованный из запасников Голливуда и оставшийся от кинофильма о Вене 19-го века, который вообще ничего не значил. Какой-то модельер по костюмам просто его выдумал. Вдобавок грудь Роллинза была покрыта плетёным золотым шнуром и шнурками, опять же ничего не значащими. Он был в форменной фуражке ФАТПО и тёмных очках, а изо рта торчала кукурузная трубка.

Чарли Вошберн наблюдал это явление в бинокль.

- Что творится? Это Иди Амин или Дуглас Макартур? - изумлённо спросил он.

Роллинз энергично шагнул вперед через прибор, который доходил ему до колен, когда он сошёл со сходен. Сопровождающие из ФАТПО с обеих сторон тяжело шагнули вместе с ним. Хор, исполняющий "Боевой гимн республики", воодушевлённо гремел над головами.

"Готовсь!" - резко бросил Хэтфилд в рацию.

К удивлению и Экстрема и Вошберна Хэтфилд поднялся из окопа и сделал несколько шагов в сторону берега, прямой и полностью на виду.

Все камеры и почти 200 миллионов пар глаз по всему миру теперь были устремлены на Роланда Роллинза, когда он подошёл к краю берега, вынул трубку изо рта и положил руки на бедра, выпятив грудь в медальях и лентах. Он избрал для посрамления не одного, а двух знаменитых белых, Макартура и Юлия Цезаря, и украл их слова так точно, насколько смог.

Роланд Роллинз заявил всему миру: "Я пришёл, я увижу, и я должен победить!"

Возвышаясь над Сансет Бич, Зак Хэтфилд поднял рацию к губам и прокричал в неё команду открыть огонь. "*Свобода!*"

200 миллионов зрителей по всему миру увидели, как тело Роланда Роллинза разлетелось на куски, когда пять пуль калибра 12,7 мм врезались в него, подбросили вверх тормашками и закрутили высоко в воздухе, как взлетевший воздушный шар, и, наконец, скинули в море, где он закачался в волнах, похожий на мешок с грязным цветным бельём.

* * *

Роланд Роллинз умер ровно в 5:45 утра или в 0545 часов, если использовать военные обозначения, как раз когда золотой восход солнца затопил пляж сияющим янтарным светом. Среди 200 миллионов зрителей, которые видели гибель Роллинза, были капитан Мерил Сандовал и лейтенант Дональд Хакер, наблюдавшие прямую спутниковую передачу на мостике "*Хигби*". Они оба поражённо увидели на экране как Роллинза подбросило и закрутило в воздухе как чучело на ветру. Одновременно они слышали хлопки и скрежет, доносящиеся с берега, как будто кто-то рвал большой лист картона. На телемониторе были видны искры, отлетающие от стального корпуса судна и высокие брызги песка и воды, когда пули, врезались в берег и прибор.

Потом камера свалилась, и они увидели только часть пляжа и пенящийся край набегающей волны, с кругами от ударов визжащих шальных пуль. Примерно через минуту перед камерой шлёпнулась оторванная рука, и не было никакой возможности понять, кому она принадлежала.

0546:

- Группа на берегу докладывает, что находится под обстрелом с земли, капитан, - сказал лейтенант Хакер, небрежно отдав честь, так что только полная дура не поняла бы, что это саркастическое презрение. - Похоже, что кое-кто кроме морских ежей всё-таки поджидал нас на этом берегу, мэм. И вы приплыли прямо к этому месту. Поздравляю.

Сандовалхватило ума, чтобы сохранить спокойствие, понимая, что сейчас ей нужно выпутаться из этого кризиса, прежде чем посвящать остаток своей карьеры поиску оправданий и прибиванию кожи Хакера к двери люка. Она схватила рацию и вызвала мостик осаждённого парома.

- "*Вентура*", это капитан Сандовал, - сказала она. - Капитан Малвани, какова у вас обстановка?

- Обстановка такова: с берега по нам стреляет множество народу, - ответил Малвани сухим тоном. - В основном пока из стрелкового оружия, хотя только что сбили шпиль из РПГ.

Сандовал и Хакер слышали звон и лязг рикошетов, и можно было понять, что по мостику бьют пули.

- Не то, чтобы нам был нужен какой-нибудь из наших якорей, так как по какой-то странной причине я, похоже, сознательно посадил свой корабль на мель, вопреки здравому

смыслу и тысячелетней азбуке мореплавания. Теперь мне интересно, зачем чёрный осёл приказал мне сделать это? И почему ослица из Береговой охраны не поддержала меня, когда я пытался объяснить ему, что делать это глупо?

- Взаимные обвинения позже, капитан, - выкрикнула Сандовал, борясь с нарастающей паникой. "Конечно, разве не её следовало обвинить в этом?" - Чем вам помочь, "Вентура"?

- Чего я хочу от вас? - раздался голос Малвани, полный недоверия. - Чего я хочу от вас ... ?

Хакер почти видел вены на лице и шее Малвани, которые вот-вот лопнут от ярости и неверия, и надеялся, что сам он выглядит не так красноречиво.

- Ладно, капитан Сандовал, - продолжил Малвани, явно героически пытаясь овладеть собой. - Давай подумаем. Вооружённые повстанцы ведут огонь по моему судну и людям на нём. Так как из-за твоих тупых приказов мы не можем сдвинуться с места и убраться из под огня, и видим, что ваш вооружённый боевой корабль торчит здесь с разными пушками на борту, готовыми к стрельбе, как ты думаешь, можно было бы, мэм, ах, как бы мне выразиться? Может, начать *стрелять в этих негодяев на берегу?*

- Я полагаю, что в боевой обстановке общепринято открывать ответный огонь, мэм, - сказал Хакер с невозмутимо серьёзным лицом.

- У-у-у, ради Бога, дай мне Хакера! - взревел капитан Малвани по радио.

Хакер выхватил ручной микрофон у ошеломлённой Сандовал, не спрашивая её разрешения. Он понимал, что как старший по званию белый мужчина на борту в любом случае пойдёт под суд военного трибунала, так что стоило попробовать спасти положение на месте.

- Дерек, это - Дон, - сказал он по рации. - Можешь сказать, откуда этот огонь, и сколько их там примерно?

- Понятия не имею, Дон, но подонков *много*, - ответил Малвани. - Гораздо больше сотни, если только одной. Главным образом лёгкое оружие, много "АК", судя по звуку, но также "М-16" и, по крайней мере, несколько ручных пулемётов разных видов, плюс РПГ и чёрт знает что ещё. Похоже, основной огонь ведётся с цепочки дюн примерно в 100 метрах, под углом около сорока пяти градусов слева по носу. Не вижу ни одного из них. Должно быть, они хорошо окопались.

Несколько человек из ФАТПО ведут ответный огонь с палубы из собственного стрелкового оружия, так что мы не даём им поднять голов, но мы застряли на этом проклятом берегу и просто торчим под обстрелом. Даже если вы смогли бы подать буксиры, за время, когда мы под огнём заведём и закрепим тросы, буксиры не смогут снять нас, потому что тогда начнётся отлив, и мы окажемся на берегу. Вы должны задействовать свои пушки и зачистить этот берег, заставить повстанцев отойти, но вам нужно отойти от нашей кормы, чтобы стрелять по ним.

0547:

- Боевая тревога! - раздался вопль Мерил Сандовал в системе оповещения корабля.

- Но, мэм, команда корабля находится в боеготовности последние двадцать минут", - напомнил ей младший лейтенант Дей. - Тренировка, помните?

- Хорошо, тогда открыть огонь! - взвизгнула Сандовал.

- Открыть огонь по какой цели, мэм? - спросил лейтенант Дей.

- Они используют саму "Вентуру" как щит, стараясь держать её между нами и ими, - мрачно сказал Хакер. - Никакого противника в южной части берега не видно. Мы должны

отойти от "*Вентуры*" и затем выбить их с береговой линии. Рулевой, малый вперёд. Управление огнём, орудия корабля, товсь.

- Подожди, сначала ты должен поднять боевые снаряды из погреба, - потребовала Сандовал.

- "Марк-75" уже заряжена боевыми снарядами, - ответил Хакер.

Последовавший рёв о нарушении субординации Хакером можно было услышать на берегу, если бы не грохот выстрелов и взрывов.

Дей перебил Сандовал.

- Мэм, вызывает "Воздушный пёс один". Полковник Вестербрук спрашивает, нужна ли нам помощь.

- Да, нам охрененно нужна помощь! - рявкнул Хакер. - Скажи, чтобы он послал сюда боевые вертолёты для обстрела этого хренова берега!

- Что вы себе позволяете? - взвизгнула Сандовал. - Сейчас я - командующий, когда генерал Роллинз... .

- Сдулся? - жестоко договорил Хакер. - Очень хорошо, мэм, у нас в готовности авиационное прикрытие. Что вы им прикажете?

- Передай им приказ оставаться на месте! - приказала Сандовал.

- Что-что? *Почему*, скажите ради бога? - изумлённо спросил Хакер.

- Мы не знаем, каковы силы противника и где они! - завопила Сандовал.

Группа на мостике уставилась на неё.

- Да, мэм, мы не знаем, - мягко сказал Хакер, спрашивая себя, не находится ли капитанша на грани истерического припадка. - Если вы помните, именно поэтому я предлагал, чтобы мы заранее разведали с воздуха район высадки. Для этого нам и нужны какие-нибудь вертолёты в воздухе над берегом, взглянуть вниз и *увидеть*, как много там этих чертей, и где они сидят.

- А-а-а, - протянула капитанша, до которой вдруг дошло, как она облажалась, и все это знают. - Ты совершенно прав, лейтенант. Прикажи полковнику Вестербруку послать его боевые вертолёты для поддержки "*Вентуры*".

0548: На берегу большинство из группы СМИшников свалились под первым градом пуль добрармейцев, действовавших по приказу Хэтфилда, и теперь они или неподвижно лежали на песке в красных лужах или ползали вслепую как раздавленные и истекающие кровью жуки.

Гастингс, Боб Бейкер и несколько человек из операторской группы были убиты наповал первым залпом. Сю Лумис пули попали в спину и шею. Она попыталась ползком выбраться из под обстрела, но примерно через тридцать метров упала ничком в небольшую ямку, оставшуюся от прилива, которая медленно заполнилась морской водой, когда прилив закончился. В конце концов, Сю захлебнулась раньше, чем могла бы истечь кровью.

Леонард Познер, нужно отдать ему должное, погиб, пытаясь делать свою работу. Он рванул камеру на треноге назад в положение стоя, выровнял её, проверил, что камера работает, а затем встал перед ней с микрофоном, с жутким лицом.

- Говорит Леонард Познер с Сансет Бич в штате Орегон. Только что мир был потрясён и испуган, явившись свидетелем гибели генерала Роланда Роллинза от руки фашистских зверей, которые сейчас обстреливают полицейских ФАТПО и корабль "*Вентура*" с укреплённых позиций здесь на берегу. Как бы то ни было, нас заманили в кровавую засаду. Везде вокруг меня свистят пули, но храбрые полицейские из ФАТПО оказывают сопротивление и готовятся к ... .

Мир никогда не узнает, что Познер хотел сказать о храбрых мужчинах и женщинах из ФАТПО, потому что в этот миг пуля калибра 12,7 мм срезала Леонарду голову, и его безголовый труп, из которого хлестала кровь, плавно выскользнул из поля зрения камеры, как будто это был какой-то трюк из кино про зомби.

0549:

Внутри отсека для транспорта на *"Вентуре"* капитан ФАТПО Мелвин Роджерс из г. Талса, штат Оклахома, присев за один из бронированных "Страйкеров", выглядывал наружу и пытался разглядеть, что происходит снаружи, на берегу. Роджерс был бывшим морским пехотинцем и проповедником-пятидесятником без духовного сана. Он чувствовал, что призван Богом взять меч справедливости и убивать своих братьев - белых людей на Северо-Западе во имя Иисуса, чтобы они прекратили ненавидеть своих ближних.

Теперь, глядя вокруг, Роджерс видел, что корабль и всё уменьшающееся число полицейских ФАТПО под его командой находятся в серьёзной опасности. Две колонны ожидали очереди, скатиться вниз по сходням на берег, как вереница поплавок, после впечатляющего пришествия Роллинза. Второй машиной в левой колонне был восемнадцатиколёсный бензовоз, полный топлива, который подвергся опасности поражения огнём из стрелкового оружия с берега, прямым попаданием или рикошетом или ещё хуже - из РПГ.

- Мы должны сбросить бензовоз с корабля, - крикнул он сержанту Леону Рамосу. Роджерсу не пришло в голову попытаться поднять сходни, чтобы защитить бензовоз от града пуль, но в любом случае, даже если бы такая мысль у него возникла, он не знал, как это сделать.

- Да, мужик, я понял! - прокричал в ответ мексиканец. - Если в него попадут на палубе, мы изжаримся здесь как фахитас, мужик! Но кто же такой тупой, чтобы выводить бензовоз прямо под пули, приятель?

Роджерс не стал внушать сержанту Рамосу, что "мужик" - неправильная форма обращения к офицеру, понимая, что ситуация несколько неофициальная.

- Я, - ответил он.

- Трассирующая пуля пробьёт эту бочку, и ты превратишься в хрустящий сухарик, приятель! - крикнул Рамос.

- Это неважно, - отмахнулся Роджерс. - Когда наступит Вознесение, Иисус всё равно заберёт меня на небо. Но кто-то должен пойти передо мной, убрать этот "хаммер" с дороги, чтобы я мог отогнать бензовоз от судна подальше. Берёшься за "хаммер"?

- Говно-вопрос, чувак, один чёрт, где умирать, там, на свежем воздухе, или здесь, - пожал плечами Рамос.

0549:30:

Из вырытого в песке командного пункта Хэтфилд в бинокль следил за боем добровольцев, укрытых за дюнами и за деревьями в скверике для туристов и паливших наугад во всё, что двигалось на огромных смутно вырисовывающихся палубах *"Вентуры"*, и "пухлых" на палубах, прячущихся за чем-нибудь металлическим и сыпавших очередями в сторону дюн.

Зак рявкнул по рации:

- Лучше цельтесь, ребята, блин! "Бригадиры", прикажите своим людям не тратить зря патроны! Стреляйте только, когда видите, во что стреляете! А так вы просто делаете вмятины в корпусе!

- Теперь можно выкинуть этого чёртова дохлого жида? И когда ты собираешься взорвать нашу цепочку бомб? - прокричал ему в ухо Чарли Вошберн.

- Выкинуть жида - ответ положительный. Я подорву заряд, чтобы прикрыть наш выход из боя и отход, - ответил Зак.

- Когда это? - спросил Экстрем.

- Когда прилетят вертушки и возьмутся за нас, или когда этот сторожевик Береговой охраны очухается и начнёт нас размазывать, - ответил Зак. - Какого хрена эти моряки там возьтятся? Голосуют, что ли?

Чёрный "хаммер", управляемый сержантом Рамосом, с рёвом съехал вниз по сходням на берег, давя множество лежащих тел СМИшников и убитых "пухлых".

- Блин! Они выгружают свой транспорт! Готовятся атаковать нас! - закричал Хэтфилд.

Вдобавок он услышал быстро приближающиеся хлопки "хуп-хуп" вертолётных, подлетающих на малой высоте.

- Вертушки подходят!

Тут раздались невнятные крики Вошберна и Экстрема, когда восемнадцатиколёсный тягач, с длинной серебристой цистерной на прицепе с грохотом и рёвом закачался на сходнях.

- Давай, Зак, пора! - проревел Вошберн. - Жми! Взрывавай же!

Зак выхватил мобильный телефон и открыл его. Быстро молча помолился, чтобы запал, установленный Экстремом в темноте, сработал, заряд не был повреждён или как-нибудь не отключился от всей этой тряски, и нажал кнопку скоростного набора.

0550:

Земля и море сотряслись до основания. Шесть гигантских взрывов подряд выплюнули в воздух на высоту 30 метров массивную стену из песка и воды странной формы. Нос "*Вентуры*" подпрыгнул в воздух, и корабль рухнул вниз, огромная трещина разорвала его днище, и корабль в один миг навсегда превратился в груды металлолома. Теперь этот корабль уже никогда не отбуксируют в море. Сансет Бич стал его могилой.

Незакреплённые машины внутри корабля попадали друг на друга как игрушки в детской песочнице, и у многих из них из пробитых топливных баков хлынул бензин и дизельное топливо. Бензовоз превратился в яркий оранжевый цветок, а затем в столб огня, который взметнулся в небо, охватив пламенем передние палубы "*Вентуры*". Капитан Мелвин Роджерс дождался своего Вознесения. Роджерс вознёсся на небо, в какой-то свой рай, который ждёт храбрых, но глупых, и надо надеяться, что он остался доволен тем, что там обнаружил.

Взрыв срезал часть перил из нержавеющей стали с верхней палубы "*Вентуры*" и швырнул их высоко в воздух, прямо в вертолёт "Блэкхок" ФАТПО, пролетавший над кораблём в самый неподходящий момент, и распорол ему брюхо. Перила пронзили тело полковника Эдварда Вестербрука, старшего лётчика, командующего всей авиацией ФАТПО, пригвоздив его к спинке кресла и убив наповал. Они также разорвали кабели управления в кабине. "Блэкхок" перевернулся и охваченный пламенем по дуге полетел вниз, разваливаясь и разбрасывая металл и всё ещё вращающиеся винты по всему пляжу. Три других боевых вертолётных, также забросанные землёй и обломками после взрывов бомб, в панике разлетелись. Один из "Апачей" получил повреждение главного винта осколками и стал трудно управляемым; его лётчик повернул на север, доложив "*Хигби*", что идёт на вынужденную посадку дальше по берегу вне зоны поражения.

0550:15:

Множество вторичных взрывов боеприпасов и топливных баков транспортных средств раздалось на главной автомобильной палубе "Вентуры", когда "хаммеры", грузовики и другие грузы ФАТПО начали детонировать как цепочка китайских фейерверков. Полицейские ФАТПО как горящие факелы с криками выбегали на берег и катались в волнах, чтобы погасить огонь. Стрелки Добрармии в дюнах срезали их всех очередями из винтовок и пулемётов. "Хаммер", управляемый Рамосом, долго катался по пляжу как копошащийся жук, пока граната, выпущенная из РПГ со стороны дюн, оставляя извилистый дымный хвост, не ударила в его бок. "Хаммер" отделился от колес и перевернулся несколько раз, пока не застыл в яме с приливной водой.

0550:30:

- *Матерь Божья, что это?* - закричала Сандовал на мостике "Хигби".

Хакер на этот раз не смог быстро ответить.

- Я не знаю, - признал он. - Но что-то адски большое только взорвалось на борту "Вентуры".

- Боже мой, они сбили "Блэкхок"! - поражённо закричал Дей. - Птичку Вестербрука!

- Капитан Малвани, ты слышишь? - срочно вызвал по рации Хакер. - Ты там жив?

Чёрт возьми, что случилось, Дерек?

- Ни хрена не понял, - неуверенно ответил Малвани дрожащим голосом. - Пока не узнаю точнее, я бы сказал, что нас торпедировали, или мы подорвались на mine. Но что бы это ни было, оно подняло нос корабля в воздух, и мы приземлились на наш борт. У нас крен на левый борт, почти двадцать градусов, будь всё трижды проклято!!

- Повреждения? - спросил Хакер.

- Судя по датчикам, у нас пожар на автомобильной палубе, и по сообщениям экипажа горят носовые палубы, - доложил Малвани. - Я приказал бы покинуть корабль, но эти маньяки на берегу всё ещё стараются нас прикончить. Твоя мексиканская сука вообще собирается хоть *как-то поддержать* нас огнём?! Или вы там намерены просто жрать попкорн и любоваться зрелищем?

- Мы заходим сейчас за твою корму, Дерек, - сказал Хакер. - Ещё минута и мы сможем навести 76-мм пушку и цепную пушку правого борта на вражеские позиции и очистить этот пляж от противника. Тогда ты сможешь эвакуироваться.

- Думаю, я только что начал, - сказал Малвани. - Не волнуйся, мальчик останется на горячей палубе. Теперь *трахните этих пидоров за меня!*

- С удовольствием. Отбой. Дей, видишь противника?

- Э-э-э, только немного вспышек в дюнах, сэр, - ответил Дей, глядя в бинокль. -

Похоже, они очень хорошо окопались.

- Этому учат в Ираке, - ответил Хакер.

Он посмотрел на капитана Сандовал.

- Видите, мэм, эти люди, с которыми мы сегодня воюем - не бандиты и не головорезы из белых отбросов, как вы выразились. Они - американцы, и многие из них ветераны этой проклятой войны без конца, которую начал ушастый Буш ещё в 2001 году. Несколько лет назад я воевал на той же стороне, что и некоторые из этих людей. Может быть, я даже встречался там с кем-нибудь из них. Они знают, что делают, а ваша недооценка их из-за политически корректного высокомерия привела к тому, что сегодня было убито много людей.

0551:

- Управление огнём? - запросила по внутренней связи Сандовал.
- Мэм? - ответил унтер-офицер за пультом.
- Открыть огонь! - рявкнула Сандовал.
- Э-э-э, открыть огонь, по какой цели и как, мэм? - спросил спец, закатив глаза.

Хакер вышел вперёд.

- Офицер управления огнём, пушка "Марк 75", дальность 800 метров по правому борту, интервал огня - 1 секунда, положить огневой вал вдоль основания линии дюн, сектор справа налево - от девяноста до семидесяти пяти градусов и обратно.

Хакер щёлкнул внутренней связью.

- Цепная пушка правого борта?
- Есть, сэр! - доложил моряк, который управлял многоствольной автоматической пушкой.

- По моей команде постарайся сбрызнуть примерно фут с вершины дюн, в секторе от девяноста до семидесяти пяти градусов, и пройди обратно, пока я не прикажу прекратить огонь.

- Есть, сэр.
- Стрелки, целься.
- Цель захвачена, сэр, - доложил унтер-офицер.
- Огонь! - скомандовал Хакер.

Единственный ствол автоматического орудия "*Хигби*" громыхнул, из его дула вырвалось пламя, а пушка Гатлинга правого борта начала изрыгать на берег тяжёлые 25-миллиметровые снаряды, и трассирующие очереди полетели из вращающихся стволов. От взрывов на берегу в воздухе выросли грибы из песка.

0551:15:

Зак Хэтфилд прокричал по рации:

- Хорош, отходим! "План "В", "Бригадиры", как договорились! Добровольцы торопливо покинули свои стрелковые ячейки с импровизированной маскировкой, бросившись к дороге, как только снаряды Береговой охраны начали взрывать песок вокруг них.

На мостике "*Хигби*" Хакер слышал по радио доклад: "Медведица", это "Воздушный пёс шесть". Вижу противника, они перемещаются! До двух сотен, двигаются среди деревьев и дюн. Противник оставляет свои позиции с северной стороны "*Вентуры*" и перемещается на южную. Вижу несколько РПГ и ручных пулемётов с ленточным питанием, и, кажется, какие-то машины на дороге, ведущей к главному шоссе, в которых люди сзади с ручными пулемётами и, по крайней мере, одна "двушка" на "хаммере", похожем на тот, в котором этот хваленый тип Хэтфилд разъезжает вокруг города".

- "Воздушный пёс шесть", противник отходит с места боя? - спросил Хакер.
- Отрицательный ответ, "Медведица". Они пересекают дорогу, и, похоже, укрываются в дюнах с южной стороны "*Вентуры*", так что смогут продолжить её обстрел. Я поджарю ракетами их задницы.
- Понял, "Воздушный пёс шесть".
- Какого чёрта они не разбегаются? – ничего не понимая, спросила вслух Сандовал.

0552:

Боевой вертолёт "Апач" взревел на дальнем конце "Сансет Бич", сделал вираж по крутой дуге и пошёл в атаку с бреющего полёта, а второй пилот наклонил сдвоенную пусковую ракетную установку и переднюю пушку Гатлинга и прицелился, чтобы разнести в клочья траншею в середине дюн.

- "Воздушный пёс четыре", я сделаю один заход, и потом ты второй, с севера", - доложил лётчик.

- Понял, "Воздушный пёс шесть", - подтвердил тот.

Зак Хэтфилд вышел на связь.

- Бандиты нападают с двух сторон, - закричал он. - Всё оружие - на юг! Помните, бить в них *с упреждением!* По моей команде. Ждать!

Лётчик "Апача" был совсем не дурак, и шёл довольно высоко, почти на ста пятидесяти метрах, и быстро. Пушка Гатлинга начала устойчивым потоком изливать смерть вниз, в дюны.

- *Пора! Разорвите его!* - скомандовал Хэтфилд.

Трассы пуль из автоматического и полуавтоматического оружия мерцающими струями поднялись с пляжа в небо. Один стрелок, возможно, никогда не попал бы в машину, летящую со скоростью 250 километров в час, но 180 стволов, стреляющих вместе, выткали экран из пуль, через который должен был пролетать вертолёт, и Зак увидел искры от пуль на фюзеляже и днище "Апача".

Одна безымянная пуля ударила в боеголовку ракеты на долю секунды раньше, чем второй пилот выпустил ракету, и подорвала её. Вертолёт взорвался в воздухе, и куски горячего металла и человеческой плоти, разлетевшиеся во все стороны, дождём посыпались на землю.

0552:30:

- Теперь по второму, - скомандовал Хэтфилд по радио. - Всё оружие - на север!

"Воздушная собака четыре" увидел всё, что случилось с "Воздушной собакой шесть", развернулся и на некоторое время вертушка зависла, готовая сорваться к северу на максимальной скорости, но тут с земли снизу долетел смертельный звук "*чак-чак-чак*". Дюжина бронебойных пуль калибра 12,7 мм, выпущенная Большим Ником "Шведом" из станкового пулемёта "Браунинг М2" в задней части "Линкора" Зака, пронзила обшивку "Апача". Одна из пуль срезала правую ногу лётчика, а вторая вышла через крышу, наполовину срубив главный редуктор под винтами.

Вертушка, казалось, затрепетала, а потом просто камнем рухнула на подъездную дорогу.

0553:

- Боже милостивый, они сбили все четыре вертолёта! - в ужасе выдохнула Сандовал.

- Какие-то гангстеры и бандиты! - зло хмыкнул Хакер. - Плюс они переместились, и "*Вентура*" снова между нами и ими! Всем системам оружия, прекратить огонь! Сейчас мы только перепыхиваем пустой пляж.

Он взял рацию.

- Командиру "воздушных собак", кто бы это теперь ни был, говорит "Медведица". Противник уничтожил все четыре боевых вертолёта. У вас есть ещё?

- Ответ отрицательный, "Медведица" - раздался отзыв. - Мы все - транспортники, и, по правде, у нас топливо на исходе. Мы рассчитывали заправиться горючим в аэропорту Астории, но думаю, что такой возможности больше нет. Нам нужно следовать в Портленд.

- У тебя осталось десять вертолётков, со стрелками у дверей или с другим

вооружением, твою мать! - завопил Хакер. - И ты говоришь, что *никак* не можешь поддержать нас с воздуха?! Что за хрень?

- Вы, вояки, разворошили это осиное гнездо, вот сами и выпутывайтесь, - небрежно ответил лётчик. - Мы - не военные, мы - федеральный корпус спецназначения. Пока, приятели. Было реально круто.

Вертолёт перестроился и улетел на север над морем. Хакер смог поддержать репутацию моряков, как виртуозов ругани, но вертолёт скоро исчезли с экрана радара.

- Ну и что нам теперь делать? - спросила Сандовал.

Она кипела от злости, но всё-таки достаточно сознавала своё действительное положение, чтобы понимать, что Хакер разбирается в ситуации лучше, и он нужен, чтобы выпутаться из этого бардака прежде, чем она придумает, как обвинить во всём своего старпома.

- Поднять наш собственный вертолёт? Лечь на обратный курс и попытаться выйти на прицельную дальность?

- Думаю, нужно приберечь наш вертолёт для разведки нового района высадки, мэм. Мы не знаем, как долго он продержится в воздухе, и на нём нет вооружения. Мы можем весь день плавать туда-сюда вдоль этого берега, а они - просто бегать взад-вперёд как стая пескарей, всегда держа "*Вентуру*" между собой и нашими главными пушками. *Чёрт*, чья это была идиотская идея так посадить огромное судно на мель, что оно служит щитом любому человеку на берегу? - спросил Хакер. - Да и какая разница. Нужно всех эвакуировать с "*Вентуры*". Пожар на ней разгорается, и когда огонь дойдёт до главных баков с дизтопливом и котла с турбиной, то всё может взлететь на воздух, не говоря уже обо всех дополнительных боеприпасах и топливе, которые ещё не взорвались. Мы должны забрать всех с берега, а потом найти другое место для высадки, возможно, за тем мысом, и высадить личный состав на берег под полным покрытием нашего оружия. Рулевой, стоп машина, потом малый задний.

- Я думала, по твоим словам, что мы не будем гонять их взад-вперёд по берегу? - спросила Сандовал.

- Мы и не будем. Мы только немного сдадим назад, - пояснил Хакер. - Прикроем северную сторону, а Малвани сможет высадить всех на берег. Нам понадобятся наши собственные лодки и десантные баржи с "*Кетчикана*" и "*Куин Кодиак*" для погрузки, при условии, что наши гости из ФАТЮ на этих судах снизойдут до выполнения приказов простых офицеров вооружённых сил Соединённых Штатов. Они подберут оставшихся в живых, всегда оставаясь с северной стороне развалины, так что, если эти приятели захотят пострелять по ним, им придётся войти в наш сектор обстрела. Ведь использование "*Вентуры*" как щита - палка о двух концах. Дей, прикажи им начать спускать эти лодки на воду.

Он взял рацию.

- Дерек, какие у тебя потери?

- Я вижу до ста полисменов здесь на палубах, стреляющих по берегу. И, думаю, половина моего экипажа, - ответил Малвани. - Мы не сможем оставаться здесь долго. Пожар под нами вышел из-под контроля, и дыма становится очень много. Старший механик также говорит, что от взрыва лопнули топливные баки в машинном отделении, и там вылилось несколько тонн дизтоплива. Если оно загорится, от нас останется только дырка в песке.

- Славно, начинай спускать всех, кого сможешь, по левому борту на берег, - приказал Хакер. - Спускайтесь, как можете. Как только спуститесь, займите круговую оборону как можно дальше от вашего судна на случай, если оно действительно взорвётся. Мы пошлём шлюпки с "*Хигби*" и других двух судов, подобрать вас. И наши пушки прикроют вас с

севера.

- Понял, будет исполнено, - сказал Малвани.

0554:

- Можно стрелять *через "Вентуру"*, под большим углом и таким способом обстреливать фашистов на южном берегу? - спросила капитанша Сандовал.

- Мы можем задеть несколько частных домов и каких-нибудь мирных жителей, которые всё ещё есть поблизости после всего этого фейерверка, - предупредил Хакер.

- Хрен с ними, - буркнула Сандовал. - Если они всё ещё остались здесь после трёх лет мятежа, то они и сами - фашисты.

Хакер пожал плечами.

- Управление огнём, вычислить угол для выпуска снарядов примерно по трехсотметровой дуге вдоль границы дюн примерно на сто метров южнее *"Вентуры"*.

- Есть, сэр, - ответил унтер-офицер, набирая данные на клавиатуре.

0556:

На борту *"Куин Кодиак"* репортеры Эдгар Робертс из "Би-Би-Си" и Марша Мейнерцхаген из "Евро-ТВ" в Брюсселе совершенно вышли из себя, когда их не включили в группу, высаживавшуюся на берег с *"Вентуры"*, потому что они были скромными иностранцами. Теперь они в состоянии дурноты сознавали, что им, видимо, удалось уцелеть, судя по тому, что происходило на Сансет Бич. Но они оставались журналистами и смогли выдержать запугивание и споры с капитаном *"Куин Кодиак"* Уильямом Уорли, требуя себе места в одной из спасательных шлюпок. Наконец Уорли согласился позволить им провести съёмку, вне всякого сомнения, героических действий его экипажа. Капитан не упомянул о факте, что вынужден был пообещать членам экипажа тройное время за всю командировку, чтобы заставить их добровольно занять шлюпки.

"Куин Кодиак" спустила всего шесть шлюпок: три моторизованных спасательных шлюпки и три надувных катера, таких же, как злополучный *"Слитерди"*. Они уже висели на шлюпбалках и были готовы перевозить личный состав ФАТПО на берег. Теперь в каждой шлюпке было по два моряка и пулемётный расчёт ФАТПО из двух человек с М-60 и гранатометом у каждого. В одном из надувных катеров плыли Робертс и Мейнерцхаген со своими операторами, все зелёные от морской болезни и страха, но готовые рискнуть жизнью за репортаж. Они направлялись к берегу к горящей развалине *"Вентуры"*, от которой теперь высоко в небо поднимался огромный столб чёрного дыма. Грохот сотен стволов с берега звучал как помехи какой-то чудовищной радиопередачи и перемежался приглушёнными взрывами, но даже на таком расстоянии можно было видеть, что берег усеян неподвижными чёрными телами.

0557:

- О'кей, я вижу, что он делает, - пробормотал Хэтфилд. - Он спускает всех с левого борта парома и собирается прикрыть их огнём с военного корабля, пока их возят с берега этими шлюпками.

- Не пора нам отходить, кэп? - спросил Вошберн.

- Да, сегодня мы здесь устроили адскую шумиху, в прямом смысле слова, но есть такое выражение - "испытывать судьбу", - согласился Хэтфилд. - Я ни в коем случае не подставлю наших людей под это проклятое орудие и пушки Гатлинга.

- Они поднимают ствол, - заметил Экстрем.

Ствол 76-мм пушки действительно поднялся под восходящим углом, и башня

повернулась вправо.

- Дерьмо! - выругался Хэтфилд, - Они собираются использовать пушку как миномёт! Он схватил рацию.

- "Бригадиры", "Ударники" и "Взрывники" - слушать. Сейчас противник готовится кидать снаряды через горящий корабль на ваши позиции, в любой момент. Отходим, товарищи! Но только не врассыпную, как куропатки. По порядку. Командиры рот, отводите обратно ваших людей в зону ожидания повзводно, и те взводы, которые не двигаются, лежат ничком, пока не наступит ваша очередь двигаться. Ползите по-пластунски везде, где можно. Осколки летят вверх, так что держитесь поближе к земле.

Пушка бабахнула и плюнула огнём, снаряд описал в воздухе дугу, и мгновением позже грохнулся в дюны. А потом пушка замолкла.

0558:

- Что за дьявол? - закричал Хакер. - Почему она не стреляет?

- Датчики башни только что показали осечку, сэр, - доложил офицер управления огнём.

- Грёбанный снаряд! - взорвался Хакер. - Богом проклятое израильское дерьмо! Устранить дефект, выбросить снаряд в дефектный погреб и перезарядить!

- Не отвечает, сэр, - доложил унтер-офицер. Прикажете перезагрузить систему? Это займёт минуту, но при перезагрузке автоматически откроется затвор. и дефектный снаряд будет удалён.

Мерил Сандовал увидела возможность вновь утвердить себя, восстановить контроль над ситуацией и в придачу выйти из всего бардака героиней. Может быть, даже получить от Конгресса медаль почёта.

- Нет времени! Мы должны вынуть его и перезарядить вручную, - решительно сказала она. - Я сделаю это! Продолжать, номер один. Я сообщу вам по внутренней связи из башни, когда заедание будет устранено!

Она спрыгнула с мостика.

- Я никогда не видел её внутри башни с тех пор как попал на борт! - воскликнул Хакер. - Ни разу. А она хоть знает, как перезаряжать вручную?

Он посмотрел на Дея и офицера управления огнём. Те развели руками и пожали плечами.

Сандовал пробежала по палубе, распахнула люк в башню пушки и вошла внутрь. Увидела, что затвор 76-миллиметровой пушки лежит на своей раме странно вертикально под большим углом. Протянула руку и схватила рычаг замка затвора, потянула его вниз и кругом и открыла казённую часть. К сожалению, этого ей делать не следовало. Она должна была взять рычаг ручного извлечения и поместить снаряд в трубу экстрактора, а потом очень осторожно удалить его из трубы и вставить в один из мягких цилиндров на стойке вдоль переборки, которые размещались там для хранения дефектных снарядов и последующей их утилизации.

Когда Сандовал открыла казённую часть, дефектный снаряд упал на палубу с достаточной силой, чтобы на этот раз взорваться и вызвать детонацию трёх других снарядов в устройстве зарядания слева от казённой части. Давление взрыва разорвало бронированную башню и подбросило высоко в воздух вращающийся ствол, который затем ухнул в море с мощным всплеском. Сплющенное тело Сандовал с перебитыми до единой костями было выброшено вихрем назад из открытой двери башни, прокатилось по палубе, как фрикаделька, оставляя за собой красный след, и, наконец, бесформенной кучей застряло у

отверстия люка.

0559:

- Что это там, чёрт побери? - спросил Хэтфилд, ошеломлённо глядя на разрушенную орудийную башню, из которой теперь валил дым. - Это сделали мы?

Он взялся за рацию.

- Ну, ребята, у кого ещё есть ракета "Экзосет" или что-нибудь, о чём вы забыли сказать мне, и кто из вас этой штукой только что взорвал орудийную башню на сторожевике Береговой охраны?

После того, как сообщение была передано добровольцам, среди них раздались дикие возгласы и хохот.

- Знаешь что? Я думаю, что они это сами натворили, - сказал Лен Экстрем, глядя в бинокль. - И не спрашивай, как. Кажется, мы воюем с Тремя придурками.

- Ниггерами, - поправил Вошберн. - Какой-то ниггер облажался.

Вся вахта на мостике "*Хигби*" тарашилась на развороченную палубу и башню, и на мокрую кучу мяса, которая минутой раньше была их капитаном.

- Это неправда! - бормотал Хакер в ужасе. - *Как? Какого чёрта она натворила?*

- Христе Боже, царь небесный! - стонал Дей.

Хакер включил систему общего оповещения.

- Спасательная и пожарная команды к главной башне! - скомандовал он. - Мигом, чёрт подери! Все паршивые члены на этом корабле, давайте на нос со всеми шлангами, огнетушителями тушить этот хренов огонь! Санитарная команда - к люку номер два!

Дей громко произнёс:

- Сэр, эти 76-мм снаряды - бронебойные. Они взрываются при температуре в тысячи градусов, достаточной, чтобы прожечь бронезащиту любого корабля противника. Я вижу языки пламени внутри этой башни, синего и белого цвета. Сам металл проводов и пультов уже может гореть.

- Офицер управления огнём, сколько снарядов осталось в автомате заряжания?

Офицер сглотнул.

- Семьдесят шесть, сэр.

- Немного интересной военно-морской истории, господа, - философски произнёс Хакер. - Кто-нибудь из вас помнит, что немецкий линкор "*Бисмарк*" утопил британский линкор "*Худ*" удачным попаданием в погреб?

0559:30: Мощный взрыв поднял переднюю половину корабля "*Фредерик Дж. Хигби*" из воды, и передняя носовая часть с башней впереди оторвалась. "*Хигби*" осел и начал быстро погружаться на глубину 40 метров. На борту подплывающей шлюпки с "*Куин Кодиак*", моряк которой за подвесным двигателем повернул, чтобы спасти оставшихся в живых с "*Хигби*" после ссоры с чёрным лейтенантом ФАТПО. Тот хотел плыть к берегу забрать своих приятелей, а операторы Робертс и Мейнерцхаген сняли затопление и покидание корабля, а также моряков Береговой охраны, которые плавали в холодной воде Северо-Западного моря, цепляясь за обломки корабля, причём некоторые из них сильно обгорели.

0600: Хэтфилд и ещё двое добровольцев выпрыгнули из окопа. Они все вдруг сошли с ума, в безумии долго подавляемой ненависти и жажды крови, и все мысли об осторожности и тактике были отброшены в сторону.

Хэтфилд закричал по рации:

- Сторожевик тонет! Мы потопили его, или они потопили его сами, или сами боги их утопили, но теперь у них нет больше ни вертолётов, ни военных кораблей! Добровольцы Северо-Запада, на пляже свиньи, и я звоню в колокол на обед! Повзводно, огнём и маневром. *Уничтожить всех!!*

0601: Люди, карабкающиеся вниз по борту "*Вентуры*" или спускающиеся по шлюпочным тросам или шторм-трапам, слышали дикие крики радости с берега. И последнее, что они ещё слышали, это грохот выстрелов оружия, которые их убили. Капитан Дерек Малвани был сбит с наклонившейся палубы горящего судна пулей калибра 12,7 мм.

"Пухлые" и члены экипажа, который доставил их на берег, оказались в ловушке между горящим судном и окружившими добровольцами, которые их уничтожали. "Линкор" с рёвом въехал на пляж и открыл огонь из пулемёта "Браунинг" калибра 12,7 мм по шлюпкам с других судов, которые осмелились подойти к берегу. Он утопил два надувных и один алюминиевый катер и отогнал остальные лодки, полные убитыми. Добровольцы продвигались медленно, под прикрытием огня своих товарищей, пока не сошлись достаточно близко с дезорганизованной и впавшей в панику толпой американцев и пустили в ход пистолеты и ножи, когда у них, наконец, кончились боеприпасы для их длинностволов.

Позднее СМИ сообщили ошеломлённой стране, что не уцелел ни один американский захватчик, ступивший в тот день на Сансет Бич. Последние два американца погибли в три часа дня, когда два члена экипажа повреждённого вертолёта "Апач", который совершил аварийную посадку возле Уоррентона, были замечены группой доблестных при попытке уехать автостопом по автомагистрали "101 Юг".

Капитан Рагнар Красная борода и его парни взяли с собой их головы в Ньюпорт как сувениры. Потери Доблести составили три добровольца убитыми и четырнадцать ранеными, но среди убитых оказался лейтенант Чарльз Вошберн, который был ранен в бедро 40-миллиметровой гранатой, выпущенной с одной из лодок, которым всё-таки удалось добраться до берега в попытке спасти уцелевших. Чарли умер на месте на руках своих старых товарищей и друзей детства - Зака Хэтфилда и Леннарта Экстрема. Зак впал в бешенство и, зайдя по пояс в прибой, палил из своего винчестера. Ни один из экипажа лодки не ушёл живым.

Младшего лейтенанта Чарльза Дея выловила из моря одна из шлюпок, и в итоге он принял командование над злополучной экспедицией. Однако Уорли, капитан "*Куин Кодиак*", проигнорировал его просьбу запросить по радио прислать вертолётном старшего по званию офицера. Уорли и капитаны "*Кетчикана*" и буксиров были всем этим сыты по горло, и к восьми часам утром потрёпанная флотилия отплыла обратно на юг в Сан-Франциско. Уорли и Дей были несколько раз официально допрошены и большую часть остатка жизни обвиняли друг друга в бесславном отступлении.

Одной из лодок, которым удалось возвратиться на "*Куин Кодиак*", был надувной катер с двумя контуженными взрывами европейскими тележурналистами и их операторами. Позже Эрик Робертс и Марша Мейнерцхаген написали книгу-бестселлер "*Рассвет над Сансет Бич*" и выступили во многих ток-шоу по всей Европе.

Пока же они, измотанные, что-то невнятно с ужасом бормотали. Почти машинально, как раз перед тем как их надувной катер, полностью набитый моряками с "*Хигби*", оставшимися в живых, повернул к судну, оба оператора сняли последний общий план берега

через свои телеобъективы. И второй раз Первая портлендская бригада обеспечила потомство бессмертным звуковым и видеосвидетельством.

На исторической картинке, которую увидели сотни миллионов телезрителей, и которая появилась на обложках *"Тайм"* и *"Ньюсуик"*, Зак Хэтфилд стоял на Сансет Бич в окружении множества вооружённых людей позади него, тёмных, зловещих и неясных, как свита дьяволов, в чёрном дыму от горящего судна. Берег у их ног был усеян трупами и заметно покраснел от крови. Зак стоял в своей широкополой шляпе с пером, его плащ развевал морской ветер, а высоко над головой он держал винчестер. И этот величественный жест запечатлённого вызова стал одним из бессмертных символов Войны за Независимость Северо-Запада.

* * *

СМИ были не совсем точны, сообщая, что никто не выжил. На самом деле одному американскому военнослужащему удалось живым добраться до берега. Лейтенант Дональд Хакер всегда был хорошим пловцом, несмотря на протез ступни, и к тому же он знал, что, если возвратится в Калифорнию, его голова окажется на плахе. Он решил скрыться, и поэтому, попав в воду, поплыл на север, иногда ныряя и плывя под водой, чтобы избежать пуль. Наконец он выполз на берег с краю парка Сансет Бич.

Хакер ковылял через парк, стараясь пройти к шоссе, когда столкнулся с мальчиком и девочкой 12 и 10 лет, сыном и дочерью лейтенанта Шерри Томчака, который не смог быстро найти подходящую няню и привёз детей с собой, приказав им спрятаться в лесу и не лезть в неприятности. И дети, вооружённые мелкашками калибра 5,56 мм, отвели совершенно раздосадованного и смущённого Хакера с поднятыми руками прямо к матери.

Когда появился Хэтфилд, Хакер сидел на земле, а его в полном молчании сторожили двое очень серьёзных детей с мелкашками в руках.

- Ты должно быть Хэтфилд, судя по прикиду, - сказал лейтенант Береговой охраны.

- Ну да, - ответил тот. - А ты с того сторожевика?

- Старпом, хоть верь, хоть нет, - недовольно ответил Хакер.

- Что, чёрт возьми, случилось со взрывом той оружейной башни? - с любопытством спросил Зак. - Не думаю, что это были мы.

Хакер нахмурился.

- Наша дурацкая отговорка - капитанша, получившая звание по квоте для нацменьшинств, мексиканка, которая не могла командовать даже резиновой уткой в ванне. Не знаю, как, но она умудрилась взорвать башню и утопить собственное судно, если можешь поверить.

А я теперь здесь, взят в плен детишками с "Улицы Сезам" и передан какой-то женщине, вроде военной, угостившей меня бутербродом с ореховой пастой и вареньем, который она сделала на своей кухне перед приездом сюда, чтобы совершить измену и поднять вооружённый мятеж против Соединённых Штатов.

Я всё надеюсь, что это - страшный сон, и я проснусь где-нибудь в хорошем, тихом дурдоме. Хэтфилд, я видел здесь твою команду. Детей. Толстых мужиков средних лет. Женщин, Лэрри - Кабельного парня и Дилберта. Некоторые из них - явно ветераны, судя по выправке и обращению с оружием, но большинство, похоже, просто обычные люди. Как, чёрт побери, тебе это удалось?

Хэтфилд нагнулся, взял Хакера за руку и поднял его на ноги.

- Пошли, познакомись с некоторыми из них. Я покажу тебе кое-что.

* * *

Официальная пресс-конференция в Вашингтоне состоялась в полдень по Тихоокеанскому поясному времени или в три часа дня по Восточному летнему времени. Видеозапись событий на Сансет Бич уже была показана по всему миру, а кровавая смерть генерала Роллинза повторена в эфире по крайней мере тысячу раз в одних только Соединённых Штатах.

Пресс-секретарь Белого дома, вышедший на встречу с приглашёнными представителями СМИ, стоял на трибуне с пепельным лицом. Его лицо было мертвенно-бледным, потому что он только что вышел из Овального кабинета, где оказался мишенью одной из бессмысленных и истеричных тирад Хиллари Клинтон. Эти тирады иногда кончались тем, что Хиллари нажимала под столом кнопку вызова своего личного телохранителя из чёрных и испаноговорящих агентов Личной охраны президента, указывала на несчастного чиновника или другую жертву её ярости и командовала: "Уберите этого предателя!"

Предшественник пресс-секретаря разделил такую судьбу. Его тело было найдено несколько дней назад в общественном парке северной Вирджинии, после предполагаемого самоубийства в классической манере Винса Фостера. Хиллари не верила в изменение формулы победы. Пресс-секретарь открыл лист бумаги и уныло зачитал в микрофон готовое заявление:

"Министерство обороны и министерство внутренней безопасности с сожалением объявляют, что произошло неудачное столкновение сил Федеральной антитеррористической полиции и Береговой охраны Соединённых Штатов с террористической Добровольческой армией Северо-Запада на Сансет Бич в штате Орегон.

Террористы, имевшие подавляющее численное превосходство, провели упорядоченную атаку, в результате которой был потерян сторожевой корабль "*Фредерик Дж. Хигби*" Береговой охраны США, задействованный гражданский транспорт "*Вентура*", а также погибли или были захвачены 457 сотрудников ФАТПО, Береговой охраны, гражданских подрядчиков и представителей СМИ, в частности, командующий генерал Роланд Роллинз и Леонард Познер из агентства "Фокс Ньюс". Имеется также множество раненых. Оставшиеся суда экспедиционного корпуса возвращаются на базу".

Затем пресс-секретарь повернулся и ушёл со сцены, не обращая внимания на яростные крики и требования ответить на вопросы.

Официальный ответ Добровольческой армии Северо-Запада был проще и драматичнее. В тот же день после полудня более двух тысяч журналистов, телевизионных станций, газет и новостных пунктов по всей Америке получили электронное сообщение, содержащее специальное подтверждающее слово.

Сообщение состояло всего из трёх коротких строк из драмы Шекспира "*Король Генрих V*", Акт IV, Сцена 8:

*Твоя десница, Боже,
Свершила всё!
Не мы - Твоя десница.*

Продюсеры

*О, новый Даниил! – Жид Даниил!
А, нехристь, наконец-то ты попался!*

Венецианский купец – Акт IV, Сцена 1

Джулия Лир задержалась в Портленде почти на целый день из-за усиленных предполётных мер безопасности и проверок документов министерством внутренней безопасности. Билеты киностудии "Парадайм", должно быть, имели высокий уровень допуска на чьём-то компьютере, потому что Джулию немедленно провели мимо охраны и устроили в зале ожидания аэропорта для важных персон с бесплатным напитком из бара и тысячей извинений от авиакомпании. Но очевидно некоторые другие пассажиры её рейса были обычными смертными, подлежащими проверке всеми способами, что задерживало очередь. Добрармия ещё никогда не угоняла и не взрывала воздушные лайнеры и не нападала на аэропорт, но впервые все вокруг очень нервничали, возможно, из-за близящегося наступления на округ Клэтсоп, о котором Джулия узнала у родных и, конечно, помалкивала.

В прошлом всякий раз, когда Джулия задерживалась в Портленде на какое-то время, она никогда не упускала возможности пройтись по магазинам и клубам и вообще поболтаться по "Городу роз", но на сей раз она осталась в зале для важных персон и смотрела по телевизору старые фильмы. Она то и дело включала новости, но из округа Клэтсоп ничего не сообщалось. Она заказала себе еду в зал и воздержалась от ресторанов и особенно баров в аэровокзале, потому что кругом было полно расхаживающих полицейских ФАТПО в форме, с которыми она не хотела сталкиваться без помощи Уолли Поста и его особой маленькой карточки. В результате Джулия вернулась в Лос-Анджелес поздно и спала до следующего дня, так что проспала начало битвы на Сансет Бич.

В то утро у неё была назначена встреча на 10 часов с Арнольдом Блостайном в Бункере, что для ночной культуры Голливуда было ни свет ни заря. К счастью для Джулии, она включила телевизор, когда вышла из душа, чтобы узнать новости, так что происходящее на севере не застало её врасплох. Она была ошеломлена, когда по всем каналам показали горящее судно на берегу, покрытом, как видно, мёртвыми телами, Роланда Роллинза, раз за разом сбрасываемого в прибой как мячик. Снова и снова она видела долгую панораму с Заком Хэтфилдом в развевающемся плаще и широкополой шляпе, стоящем на залитом кровью берегу, с винчестером, с вызовом поднятом вверх, как в последней сцене какого-то пост-апокалиптического вестерна.

Джулия умышленно не спросила у Зака номер его телефона, так как понимала, что просто знание такого номера может стоить ей многих лет тюрьмы, и в любом случае он, скорее всего, не дал бы ей свой номер. Но теперь желание позвонить кому-нибудь стало непреодолимым, так что она набрала номер матери. Конечно же, ФБР не арестует её и не будет пытаться за разговор с собственной матерью. Или они могут?

Джулия сомневалась, что телефонная связь с округом Клэтсоп работает, но после нескольких гудков мать подняла трубку.

- Мамуля, это - Джул.
- Ой, привет, Джул, как долетела?

- Сам полёт прошёл прекрасно, но я долго просидела в портлендском аэропорту. Мам, у вас всё хорошо? - спросила она с тревогой.

- Да, детка, со мной всё в порядке. И не надо говорить так громко, - ответила мадам Лир.

- А наши... наши вечерние гости? С ними всё в порядке?

- У Тэда всё хорошо, детка. Он не участвовал во всей этой буче утром, был здесь в городе, где ему положено, на своей работе.

- А другие гости? - спросила Джулия.

- Тот, кем ты интересуешься, насколько я знаю, в порядке, детка, - успокоила её мать.

Джулия заметила, что её мать была достаточно осторожна, чтобы не произносить имя Зака по телефону.

- Я уверена, что и с другими господами также всё нормально. Здесь ничего не происходит, Джул. Сегодня просто хорошее летнее утро, и благодаря мальчикам оно таким и останется. Я уже тебе говорила, что намного больше беспокоюсь о твоей безопасности в том ужасном месте, где ты живёшь, чем тебе стоит волноваться обо мне.

Потом Джулия всегда вспоминала о битве на Сансет Бич как о "всей этой буче".

Джулия сомневалась, имеет ли смысл ехать на встречу в Бункере ввиду утренних событий и возможного резкого усиления еврейской паранойи, но решила, что у неё нет выбора. Во время поездки на лимузине в студию "Парадайм" Джулия задавалась вопросом, не арестуют ли её, и не "исчезнет" ли она, если станет известно о её встрече с Заком Хэтфилдом всего за тридцать три часа до сражения, и она решила сообщить боссам студий как можно меньше подробностей поездки. Теперь, когда она выполнила просьбу хозяев, они могли посчитать, что её можно списать в расход.

Она передумала, когда её проводили в тот же зал заседаний, что и прежде. Гигантский плазменный телевизор на колёсиках, подключённый к спутниковому каналу, стоял в углу, а полдюжины мультимиллионеров - руководителей индустрии развлечений сидели как зомби или кролики перед змеей, замороженно глядя на горящие обломки "Вентуры" и объятую дымом демоническую фигуру Зака Хэтфилда, потрясающего винтовкой в знак победы.

Они фактически пришли в себя, только когда она вошла в зал, и все бросились к ней, предлагая кофе, кресло, поздний завтрак, напитки и чуть ли не взбивая для неё подушки кресла.

Внезапно до Джулии дошло. *"Они меня боятся. Они думают, что Зак - мой любовник или служебная собака или что-то в этом роде, и боятся, что я могу, когда захочу, натравить его на них. Они боятся Зака, потому что знают, что он их не боится, и думают, что я могу командовать и управлять им"*.

Джулия вспомнила малоизвестное, но пронизательное высказывание Уинстона Черчилля в 1920-е годы, когда он ещё не связался с сионистами: "Еврей всегда или у вашего горла, или у ваших ног". Сейчас они лежали у ног Джулии, и она решила подчеркнуть это драматическим жестом.

Она достала из сумочки часы "Ролекс", перегнулась и передала их Блостайну.

- Он прислал вам сообщение, - сказала Джулия, кивнув на экран, где с поднятой винтовкой стоял Зак. - Думаю, это подтвердит, что я действительно видела его, и то, что я должна передать вам, - правда. Он не сказал, в чём смысл сообщения, и просил только передать вам эти часы, и что вы всё поймёте.

Поразительный результат восполнил все недели мучений, которые Джулия

перенесла, находясь в чёрном списке Голливуда. Блостайн буквально побелел как лист бумаги, когда кровь отлила от его розового лица. Он осел на диван, на лбу бисером выступил пот, а часы в руке затряслись, как будто у него начался приступ белой горячки.

- *Готтеню гевалт!* - простонал он. (*Боже милостивый, спаси!* - *на идиш.* - *Прим. перев.*). - Мои часы! Эти часы пропали с тумбочки в спальне, пока жена и я спали! *Они были там! Они были в моём доме!*

- Полагаю, что тогда это и есть сообщение, - пожала плечами Джулия.

Она едва удержалась от замечания, что это лучше, чем найти голову лошади в своей кровати, но посчитала, что зайдёт слишком далеко. В этом не было никакой необходимости. По потрясённым лицам всех мужчин в зале она увидела, что они действительно поняли смысл сообщения.

- Вы встретились с ним как раз перед ... перед тем, как всё *это* произошло? - спросил Моше Фейнстайн, показывая на телеэкран.

- Не перед событиями, нет, сэр. Я встретила с Заком и представителем Совета армии Северо-Запада в Астории позавчера вечером, - ответила всем Джулия. - Кстати, мистер Пост очень помог. Я ничего не смогла бы без него. Фактически я была там, когда Заку позвонили и сообщили, что в округ Клэтсоп готовится вторжение этих новых карательных сил Хиллари.

Кстати, это была ошибка. Головорезы ФАТПО торчат на каждом углу портлендского аэропорта, и могу сказать, что местные жители уже боятся и презирают их. Вы могли бы упомянуть об этом, когда кого-нибудь из вас пригласят в Белый дом, хотя я сомневаюсь, что она вас услышит. После этого встреча закончилась, но думаю, что я сделала то, что вы хотели от меня. Я поняла в общем, чего они хотят, но вести об этом переговоры я, слава Богу, не буду. Я должна вам назвать такого человека. Того, кто сможет говорить от их имени официально.

- Пойдите-пойдите, - вмешался Моше Фейнстайн. - Вы сказали, что некто позвонил ему и сообщил, что правительственные ребята на подходе?

- Похоже, что им хорошо известно всё, что нужно, - ответила Джулия. - Не надо их недооценивать. Вы же видели, что случается с людьми, которые это позволили себе, - добавила она, снова кивнув на экран.

Джулия наслаждалась всем этим.

Блостайн уставился на часы в дрожащей руке.

- Я понял. Вы сказали, что назовёте нам имя, Джулия?

- Да. Она немного помедлила. - Должна вам передать, что если с этим человеком случится что-нибудь плохое, он будет отомщён. Думаю, вы знаете, что они не шутят, судя по тому, что произошло здесь в последние месяцы, а теперь и с этой небольшой поездкой на пляж там, дома.

- Нам всё понятно, мисс Лир, - тяжело вздохнул Дэвид Данцигер. - Имя?

- Он - агент из Долины. Барри Брюер, - назвала имя Джулия. - Я понятия не имею о его настоящем положении в Добрармии, но они просили вести переговоры с ним, и что бы он ни сказал, будет идти как бы от них.

Блостайн кивнул.

- Агент Эрики Коллингвуд. Конечно. Они были заодно. Я полагаю, что они не сказали вам, где сейчас Эрика?

- Я не спрашивала, но даже если бы они знали, мне бы не сказали.

- Каковы их требования? - спросил Данцигер.

- В основном, я думаю, что они будут приемлемы, - сказала Джулия, пожав плечами.

- Прежде всего, никаких денег. Просто сосредоточиться на сентиментальных и низкопробных фильмах и программах, никаких постоянных мелких уколов которые вы... ну, скажем, Голливуд любит, когда кто-то им не нравится, и никаких больших картин о борьбе со зловещим расизмом на Северо-Западе. Не знаю, сможете ли вы, господа смириться с этим, но говоря от имени сотен тысяч людей, занятых в индустрии развлечений, я думаю все, кто хочет снова получать свою зарплату, смогут обойтись без этого.

- Скажите мне, Джулия, - спросил Блостайн, всё ещё дрожа, - Что вы думаете, сколько ваш, эээ, друг и его партнеры взяли бы за право снять кино о событиях сегодняшнего утра?

"Боже мой", - ошеломлённо подумала поражённая Джулия, - *"Есть хоть что-нибудь, на чём они не пытаются сделать деньги?"*

* * *

Потребовалась почти неделя, чтобы организовать встречу с главами студий. И вот, в одну горячую калифорнийскую ночь, когда пышущий жаром ветер Санта-Ана дул с гор, а кустарниковые пожары пылали на далёких Голливуд-Хиллз как огни гоблинов в Хэллоуин, Барри Брюер стоял в номере мотеля в Калвер Сити в своём лучшем костюме и с портфелем в руке. Портфель был только для вида и пуст за исключением жёлтого блокнота и ручки, а также радиомикрофона, спрятанного в обивке.

- Жаль, что мы не можем ввести датчик положения в твоё тело, под кожу, - расстроено сказал Оскар. - По-моему, федералы теперь это умеют.

- Ты же нацепил на меня три штуки, - сказал Брюер. - В портфеле, в обуви и ещё один - в моих часах. Могу воткнуть ещё один жучок себе в зад, если хочешь.

- Это лишнее, мистер Рипли, - усмехнулся Чарли Рандалл. - Мы используем подтяжки и ремень на случай, если тебя обыщут. Думается, если они воспользуются металлоискателем, то датчик в твоих часах запищит первым. Ты прикинешься смущённым и отдашь часы, и тогда, возможно, они посчитают, что нашли, что искали, и не будут обыскивать твои туфли. Микрофон может заставить сработать металлоискатель, и именно поэтому мы выбрали портфель со стальными стыками и отделкой. Может, мы их одурачим, а может - нет, в зависимости от того, насколько тупые у них охранники.

- Знаешь, ведь мы нарушаем требование не жульничать, которое я поставил перед Блостайном, - сказал Брюер.

- А они собираются придерживаться правил? Это же евреи, и согласно их молитве Кол Нидре они считают необязывающими любые клятвы или соглашения с неевреями, - напомнил ему Оскар. - Можешь быть уверен, что они собираются всё записывать с помощью новейших скрытых камер и микрофонов. Мне только жаль, что мы не сможем получить видеозапись, так что если они нарушат соглашение где-нибудь в цепочке, мы могли бы настучать на них в министерство внутренней безопасности и всем их соперникам и конкурентам в СМИ, конечно, дав им знать, кто среди "избранных" заигрывал с мятежниками, чтобы получить нечестное преимущество.

- В последний раз, Барри, ты уверен, на что идёшь? - серьёзно спросил Оскар. - Ты знаешь, всё может оказаться ловушкой. Ты можешь попасть прямо в лапы ФБР и ФАТПО. Кристина, Джимми и Кики находятся на месте, чтобы отслеживать и вести запись всего, что мы сможем получить, но если дело пойдёт плохо, у нас нет никакой возможности напасть на их крепость и вытащить тебя с тем, что есть в нашем распоряжении. Думаю, ты знаешь, что они сделают с тобой, чтобы заставить говорить.

- Я знаю, - серьёзно ответил Брюер. - Всю прошлую неделю я передавал дела Кристине, и она справится с этим, как всегда. Эта девушка была бы чертовски хорошим руководителем. Сейчас я не имею ни малейшего представления ни об одной конспиративной квартире или каких-нибудь средствах армии, ни о местонахождении других добровольцев Северо-Запада кроме вас двоих. Мой собственный офис с домом были очищены сверху донизу, и все мои финансовые документы чисты как зубы собаки. Я готов поклясться, что никакая бумажка никуда не приведёт. У меня нет для них ни единого кусочка информации, даже если они начнут цеплять электрические штучки на мои яйца.

- И ты понимаешь, что пройдёт много времени прежде, чем мы сможем восстановить двухсторонний контакт? - спросил Чарли. - Мы должны полагать, что с момента, когда ты уйдёшь со встречи, если ты вообще с неё уйдёшь, за тобой будет хвост, слежка, прослушка и наблюдение с помощью электроники, повсюду, куда бы ты ни пошёл, со стороны врага - или правительства или частной шпионской сети этих людей, охотящиеся за любой связью между тобой и Добрармией, за которую они могли бы ухватиться и распутать как торчащую нитку на одежде. Ты будешь долгое время предоставлен самому себе, и тебе всё придётся делать на свой страх и риск.

- Я могу это сделать, - кивнул Брюер. - Ведь у меня есть один номер, который ты дал мне выучить на память.

- Да, но по любой из десятка причин, ко времени, когда тебе надо будет им воспользоваться, этот номер может больше не работать, - предупредил Чарли. - Если это случится, ты влип. У тебя есть этот единственный номер и одно проверочное кодовое слово. Они могут попытаться и выдать себя за нас или, скажем, добровольца в беде и тому подобное. Если они не назовут этот пароль, ты не должен отвечать, ничего. Говоришь что угодно, чтобы отвязались, и вешаешь трубку. Понятно?

- Понятно, - кивнул Брюер.

- Я и Оскар здесь единственные, кто знает, этот пароль, - продолжил Чарли. - Если мы оба уйдём в мир иной, тогда ты влип, потому что не сможешь проверить, что на связи наши. Должен признаться, я не в восторге, что мы оставляем тебя действовать по обстоятельствам, но это единственный способ, который сработает. Наверняка ты будешь единственным человеком Добрармии, чья личность и местоположение им известна, по крайней мере, гораздо лучше, чтобы ты был единственным. Мы не можем рисковать, что они начнут использовать тебя для раскрытия цепочки.

- Понял, - повторил Брюер. - Я готов к этому, не волнуйся. Всё это время я помогал вам, ребята, но до сих пор чувствую, что делал недостаточно. Я не храбрец, как вы. Я не могу делать того, что вы, ребята, или что наши друзья сделали на том пляже в Орегоне, но я знаю "город мишуры" вдоль и поперёк и справлюсь с заданием.

- Ты собираешься в одиночку и безоружным войти в комнату к одним из самых могущественных евреев в мире, которые все как один хотят разорвать тебя на куски, и ни одному слову которых нельзя верить, - сказал Оскар. - Должен сказать, что это настоящая храбрость, соратник.

- Я вроде бы должен волноваться или бояться, но я - спокоен, - пожал плечами Брюер. - Просто я, наконец, могу помочь что-то сделать, чтобы *исправить* этот проклятый кавардак, или, по крайней мере, свою часть. У вас, парни, нет шоу-бизнеса в крови. А у меня он - в сердце. Этот город и эта индустрия - моя жизнь. Со всей этой новой технологией и опытом, которые у нас появились, мы могли бы принести столько добра и создать такие прекрасные, бессмертные произведения искусства.

Мне просто хочется плакать, кричать и бить кулаками в стену, когда я вижу, как эти,

эти ... люди используют все эти силы и возможности. Скрытая красота и величие всегда здесь присутствовали, и иногда они прорываются, вопреки всему, когда выходит действительно выдающийся фильм, но в остальном там всё переполнено грязью и отравой. Я просто больше этого не выдержу. Это именно то, что должно быть сделано.

- Может, тебя отвезти туда? - спросил Оскар.

- Нет, ребята, вам надо уходить прямо сейчас. Я вызову такси.

- Удачи, товарищ, - они пожали руки друг другу в последний раз перед тем, как Оскар и Чарли ушли в пылающую неоновую ночь Лос-Анджелеса.

На самом деле боссы студий сдержали своё слово, по крайней мере, внешне. Брюер подъехал к воротам студии "Парадайм" в такси и назвал себя вооружённым до зубов охранником. Его встретил молчаливый сопровождающий с тележкой для гольфа и отвёз в Бункер без всякого обыска и металлоискателей. Была почти полночь, когда Брюер появился на встрече. Встреча проходила в официальном конференц-зале, где его ждали более десятка мужчин, сидящих за длинным столом красного дерева. Все они были евреями, и, по крайней мере, половина - в ермолках. Воздух был холоден как лёд, и не только из-за урчащих кондиционеров, которые изо всех сил гнали воздух из вентиляционных решёток.

Глаза евреев за столом впилась в Брюера с концентрированной, нескрываемой, почти радиоактивной ненавистью. Брюер ясно сознавал, что каждый из этих людей желает его смерти, всеми мыслимыми способами, предпочтительно сегодня же вечером, прямо в этом зале и насколько возможно жестокой. Никто не предложил ему закусок или напитков, не заговорил о пустяках, не начал вежливую светскую беседу, даже кувшина с водой и стакана на столе не было.

Брюер подошёл к дальнему концу стола, молча сел, открыл портфель и вытащил жёлтый блокнот с ручкой, который положил перед собой. Само скромное содержимое портфеля, казалось, ещё больше разожгло раздражение и чувство обиды присутствующих; хмурые взгляды ещё помрачнели, и послышались низкие звуки, похожие на рычание зверей. Брюер спокойно посмотрел на них и начал говорить.

- Сначала пара слов о себе. Никто никогда не должен спрашивать об этом, но если кто-либо задаст такой вопрос, то официально я - консультант. Вы будете пользоваться моими услугами в определённых чувствительных вопросах, поскольку находите мой вклад ценным, и это всё, что должно когда-либо говориться.

Вам ничего не нужно мне платить. Пока я оказываю эти услуги для нашего сообщества, я буду жить на свои сбережения и накопленные средства, а также на доходы от моего бизнеса - агентства по работе с талантами. Прошу вас не пытаться ставить мне препоны в этом отношении или вносить в чёрный список моих клиентов. Это будет рассматриваться как враждебный акт, а некоторые из моих друзей не выносят враждебности. Все мои клиенты - талантливые актёры и актрисы. За одним известным исключением, они ничего не знают обо всём нашем деле и не заслуживают плохого отношения.

- Но за что? - проскрипел Арнольд Блостайн, как будто металл заскрежетал по металлу. - Этот город создал тебя. Мы тебя сделали. Всю твою жизнь мы давали тебе каждую крошку пищи на твоём столе, платили за каждый Май Тай, который ты когда-нибудь выпил в "Треjder Вик", за каждую машину, в которой ты ездил, каждый пенни по ипотеке, и за это ты плюнул кровью богоизбранного народа нам в лицо. Почему ты сделал это, Барри?

- И это всё, что вы поняли, так? - ответил Брюер. - Деньги. Вещи. Жизнь как балансовый отчёт в две колонки - прибылей и убытков. Это всё, что любой из вас способен понять, не так ли? Но неважно. Я сделал это, потому что должен был сделать, а никто

другой не сможет. Впредь я не буду произносить речей или обращений и советую вам то же самое. Мы должны решить наше дело. Не пора ли теперь заняться этим? Уверяю вас, господа, что ваша компания столь же неприятна для меня, как моя - для вас, так что чем раньше мы всё сделаем, тем скорее сможем расстаться.

- Согласен. Приступим, - проворчал Моше Фейнштейн из студии "Дримуоркс-Дисней". Моше раскурил огромную сигару, и его руки так сильно дрожали от бессильной злобы, что он едва смог зажечь свою платиновую зажигалку "Зиппо" за четыре с половиной тысячи долларов.

- На Тихоокеанском Северо-Западе идёт война, - начал Брюер. - До сих пор Голливуд и индустрия развлечений в целом поддерживали на этой войне одну сторону - Соединённые Штаты Америки и их правительство. Эта поддержка прекратится сегодня вечером, и Голливуд станет нейтральным. Не открыто, просто на практике. Никто не ожидает, что вы сделаете какие-либо публичные заявления или театральные объявления. Предполагая, что вы принимаете эти условия, я сообщу вам, когда подразделение, выполняющее боевые задания, будет отозвано, и военные действия с нашей стороны прекратятся. А студии и ваши сети перестанут выпускать некоторые виды материалов, и тогда, я уверен, люди сделают свои собственные выводы.

Выводы, которые вы можете, конечно, отвергнуть или просто оставить без комментариев, по вашему выбору. Будьте уверены, что любому, у кого есть пара извилин в мозгу, будет ясно, что сделка состоялась. Но я советовал бы, чтобы ваше отношение как можно меньше высказывалось, и как можно быстрее изменялось. Просто возвращайтесь к работе, делайте свои фильмы и бессмысленные сериалы, смешные реалити-шоу и низкопробную "клубничку", и вы будете поражены тем, как скоро даст о себе знать короткая память американцев, и события того вечера Оскара станут древней историей. Великой американской публике понадобилось всего несколько лет, чтобы забыть о теракте 11 сентября 2001 года.

- И какие собственно действия этот нейтралитет, о котором вы говорите, подразумевает с нашей стороны? - холодно спросил Дэйв Данцигер.

- Не так много, но за этим следует большой список того, что вы *не будете делать* - ответил Брюер. - Мы - реалисты. Мы понимаем, что не можем вернуть "контору Хейса" и заставить вас прекратить извергать тот сорт извращённой грязи и бессмысленного мусора, который у вас всегда получается. На протяжении трёх последних поколений вы создали рынок для этих нечистот, того, что теперь хочет безмозглая публика, и это продаётся.

Когда есть спрос населения на что-нибудь, кто-нибудь его удовлетворяет, как свидетельствует "сухой закон" и положение с наркотиками. Мы не требуем, чтобы вы уволили всех небелых или сотрудников-педерастов, ничего подобного. Вы сможете вернуться к своим обычным делам, и вскоре шекели снова потекут рекой. Но некоторые отдельные темы отныне закрыты, или к ним надо подходить очень, очень осторожно. Чтобы не раздражать некоторых людей, у которых руки чешутся понажимать спусковой крючок, и которые ничего больше не желали бы, чем поймать вас на попытке нарушить наше маленькое соглашение, явиться сюда и дать вам ещё один урок хороших манер.

- И что это за темы? - спросил Сэм Глейзер из "ТриВижн".

- Прежде всего, не будут выпускаться никакие фильмы или телесериалы с драматическими сюжетами, которые являются не более чем пропагандой американского правительства, направленной против Добрармии и Партии на Северо-Западе. Не будет больше разжигания ненависти к Добрармии или к движению за независимость Северо-Запада. Это также относится к таким персонажам, как "умники", приглашаемые ведущими

ночных ток-шоу, сквернословы-комики и "говорящие головы" в программах новостей кабельного вещания. Мы доказали нашу готовность убивать и умирать самим за нашу свободу и единство как народ. Именно так люди заслуживают уважения, и с этого момента вы будете чертовски хорошо выказывать нам это уважение. Не должно быть больше ни ехидных подкалываний в форме шуточек, ни грязных и оскорбительных представлений добровольцев Северо-Запада, как психов и кретинов и вообще плохих людей.

Уолт Векслер из "Уорлд Артисте" громко спросил:

- Эээ, простите Барри, я должен спросить. Вы действительно *понимаете*, что со своими друзьями натворили в вечер Оскара? Я понимаю, потому что был там, хотя, по милости Божией у меня была только небольшая рана. Как, ради Бога, можно говорить, что виновные в этом ужасе неплохие люди? Как иначе можно назвать эту неопишемую бойню, если не преступлением психопатов?

- Я бы назвал это военными действиями, как и любые бои между солдатами. В случае, если вы не застали прошлый век, Уолт, так велись войны после 1914 года - ответил Брюер ровным голосом. - Воюющим давно не нужно носить винтовки. Фактически лучшие солдаты современных войн носят портфели, калькуляторы или переносные компьютеры-ноутбуки. Или видео- и кинокамеры. Вся эта индустрия почти с первого момента её возникновения состоит в основном из активных и целеустремлённых борцов против западной цивилизации.

Да, то, что произошло на церемонии награждения было ужасно, но не более ужасно, чем действия вашего Израиля и нашего собственного правительства против мусульманских народов на Ближнем Востоке на протяжении десятилетий. Просто на этот раз мы увидели всё хорощим крупным планом в наших гостиных со всей этой кровью и мозгами.

Умножьте вечер Оскара в десять тысяч раз, и вы получите историю американской внешней политики за последние семьдесят лет. Если бы эти люди были палестинцами, раздавленными израильскими танками, или иракцами, убитыми американскими бомбами, ни один из вас в этой комнате и бровью не повёл бы, а большинство просто посмеялись. Единственная причина, что сейчас вас это колышет, в том, что были затронуты ваши интересы. Все вы так обозлены, потому что, наконец, получили дозу своего собственного лекарства. Мне жаль, я помню, что обещал не произносить речей, но вы сами спросили.

- Извините, за вопрос, - пробормотал Векслер.

Брюер продолжил.

- Во-вторых, мораторий Голливуда на анти-белые сюжеты, персонажи, образы и полемику в целом будет распространяться не только на Добровольческую армию или войну на Северо-Западе. Немедленно прекращаются подстрекательства Голливуда и телевизионной отрасли, направленные против белых и клевета в отношении всех неевреев европейского происхождения как целого. Это не только вопрос общих приличий или честности: мы не так наивны.

Это необходимо для того, чтобы вы не могли скрытно вести пропаганду против Добрармии под видом исторических фильмов или очевидно не связанных сюжетных линий в телесериалах и так далее. Больше не должно быть никаких жирных шерифов-южан, избивающих бедных беззащитных белых либералов. Больше никаких злобных нацистов, действующих как шутовской фон для ваших инфантильных киногероев. Никаких злобных конфедератов, порюющих плетьюми чёрных женщин, ни куклуксклановцев - насильников и линчевателей, ни тупых белых злодеев-фермеров, которым дают тумакон умные остряки-негры, ни приравнивания блондинок к идиоткам и шлюхам. Никаких расовых или культурных стереотипов любого рода, направленных против белых.

Я не должен разжёвывать это для вас, господа. Все вы чертовски хорошо знаете, чем занимались прошлые сто лет, и прошу не делать из меня дурака, пытаюсь отрицать, что совершенно меня не понимаете. Теперь вы должны *это прекратить*. Как показали события последних нескольких месяцев, делать карьеру и зарабатывать, оскорбляя белых мужчин, и унижая белых женщин, больше не является жизнеспособным предприятием. Должен признать, что ваш народ всегда был очень практичным. Белый человек теперь имеет средства вооружённого устрашения, и удовольствие порочить нас больше не пройдёт. Смиритесь с новой действительностью. Учитесь жить и работать в ней.

- Мы поняли это, - кивнул Блостайн.

- Спасибо. Третий пункт, возможно, вам будет труднее всего проглотить, но я должен подчеркнуть, что эти условия - полный пакет, а не шведский стол. Всё или ничего.

Брюер глубоко вздохнул.

- Вся пропаганда Холокоста немедленно прекращается. Сейчас же, и сюда относится тот кусок грязи, который ваши люди заканчивают снимать в Польше, мистер Фейнстайн.

- Что? "*Пепел Аушвица*"? Ты говоришь, что я не могу почтить память жертв Холокоста, где Гитлер отравил газом сто тридцать семь моих родственников? Как ты смеешь? Это - *Хилуль Ашем!* (*Осквернение имени бога (иврит)* - Прим. перев.) - закричал Фейнстайн, багровея и размахивая кулаками в воздухе, и не обращая внимания на слюни, летящие изо рта и горящую сигару, упавшую ему на колени.

- Дерьмо, - отрезал Брюер. - Это дерьмо, было дерьмом всегда, и вы доили его достаточно долго. На протяжении трёх поколений вам удавалось выжимать бесконечную реку золота из того, чего никогда не было, по крайней мере, в том объёме, виде или форме, как в принятой у вас версии. Теперь вы должны *прекратить это*, как и оскорбления и унижения достоинства белых людей в целом.

Немцы - белые люди, и они наиболее чётко подпадают под условия нашего маленького *дружественного соглашения* о прекращении клеветы и лжи. Никто не ожидает от вас признания, что вы уже 75 лет надуваете весь мир. Как я сказал, мы - реалисты. Ведь у вас в обращении уже достаточно этого собачьего дерьма, чтобы получать авторские отчисления ещё 75 лет. Сейчас вы должны прикрыть лавочку Холокоста в индустрии развлечений настолько это возможно.

Больше никаких фильмов и специальных телепередач, никаких длинных стенаний в чёрно-белом кино с виолончелями на заднем плане и ваших лап, протянутых за деньгами и сочувствием, которых вы не заслуживаете. *Хватит этого дерьма!* Боже мой, ФБР уже арестовывает людей, которые ставят под сомнение вашу версию событий по законам о преступлениях ненависти, и высылают их в лагеря на "перевоспитание", чтобы там промыть им мозги до кристальной чистоты, как Уинстону Смиту в романе "*1984*" Джорджа Оруэлла. Вам этого недостаточно? Мы понимаем, что гора холокостовского дерьма уже доходит до неба. Пройдут целые поколения, пока удастся загладить вред, который вы нанесли психике человечества своей ложью, но у вас не будет возможности бросить ещё одну лопату такого дерьма в эту кучу. Слушайте, что я говорю, господа, или клянусь Богом, мы *покажем* вам Холокост, а мы доказали, что в состоянии сделать это.

Фейнстайн закричал снова, как женщина, только не от злости, а потому, что упавшая горящая сигара прожгла его штаны. Дэйв Данцигер схватил графин с водой с буфетной стойки и вылил его на колени Фейнстайна. Фейнстайн начал кричать и ругаться на идише, но Блостайн жестом оборвал его.

- Заткнись, Мо, - подавленно пробормотал он. - Ну, другого такого бизнеса, как Шоа-бизнес нет, и мы все хорошо заработали на нём. (*Шоа - другое название Холокоста на*

иврите, букв. "катастрофа"- Прим. перев.). Но всё хорошее когда-нибудь кончается, а нам нужно вернуться к работе.

- Мистер Брюер, - заговорил Айра Айнхорн из "Фокс Нетуорк", - Вы понимаете, что мы могли бы согласиться ... перенаправить нашу творческую энергию в другое место, скажем, в обмен на перенаправление вашей убийственной энергии. Но мы ничего не сможем поделаться со всем репертуаром кино и телевидения, который создавался почти столетие. Что же, нам предлагается найти и сжечь все копии "*Убить пересмешника*" и "*Ветры войны*"? Ведь речь идёт о тысячах кинофильмов и телевизионных сериалов, на пленке, на DVD-дисках, в электронных библиотеках ... .

- Мы понимаем, что такую систему клеветы и обмана, какую ваша культура создала за такой длительный период времени, невозможно быстро свернуть, и этого от вас не ожидаем, - пояснил Брюер. - Мы не стремимся устранить евреев из всей кино- и развлекательной индустрии. И нам понятно, что это невозможно. Всё, чего мы пытаемся добиться, это нейтрализация тех отраслей, которые используются как оружие оккупационными силами на Северо-Западе. Мы и не ожидаем, что вы открыто выступите против них или поддержите нас. Мы просто ожидаем, что вы перестанете вести себя как группа поддержки, аплодирующая действиям Соединённых Штатов на Северо-Западе, на Ближнем Востоке и на всех направлениях.

Вы должны прекратить помогать нашим врагам и оправдывать их. Мы сознаём, что имеем дело с очень сложной структурой, и остановить её примерно так же сложно, как остановить поезд, набравший скорость. Это нельзя сделать, просто нажав на тормоз. Но мы ожидаем, что вы начнёте тормозить и переводить поезд на другой путь. Это потребует времени, тем более что вы будете делать это неохотно и под давлением, и возникнут самые разные вопросы, проблемы и помехи. В этом и состоит смысл держать меня в качестве консультанта. Вашим повседневным правилом должно стать обращение ко мне с вопросами при сомнении. Не пытайтесь умничать и придумывать, как можно проскользнуть мимо нас. Это хороший способ, чтобы вас не обнаружили в собственном бассейне, плавающими вниз лицом.

- Послушайте, - заговорил Питер Шенкер из компании "Си-Би-Эс", - Сегодня вечером вы начали с того, что на Северо-Западе идёт война. Правда, это *война*, даже если правительство решило не называть так эти события по политическим соображениям. Мы слышим о ней в новостях каждый день. Добровольческая армия Северо-Запада в новостях ежедневно. Наш бизнес помогает людям уйти от действительности, верно, но лишь наполовину. Вторая половина нашей, если можно так выразиться, миссии, состоит в отображении действительности в художественной и увлекательной форме.

Я не понимаю, как вы можете требовать, чтобы теперь мы просто непринуждённо танцевали, как будто ничего не происходит на Северо-Западе, никого не убивают, и бомбы не взрываются ни в Сиэтле, ни в Портленде, ни в Спокане. Как мы можем это сделать? Если не показывать ничего, то нашей аудитории скоро станет до смешного очевидным, что мы уступили вашему насилию, и нам станут доверять ещё меньше. Чёрт возьми, по этому делу на Сансет Бич на днях был написан для телевидения фильм, а вы говорите нам, не касаться этой темы.

- Я не говорил, что вам нельзя освещать войну за независимость Северо-Запада или не снимать о ней фильмы или сериалы, - терпеливо пояснил Брюер. - Вы правы, было бы смешно делать вид, что ничего не происходит, хотя вы делали всё правильно, когда столкнулись с американскими нападениями на Иран и Саудовскую Аравию. Вы хотите снять фильм о войне на Северо-Западе, прекрасно. Вам хочется сделать теледраму или даже

целую серию о восстании, так работайте. Но не должно быть таких клеветнических поделок, как те непристойные фильмы, которые вы планировали снимать, "Родина" и "Великий Белый Север". Хотите показывать насилие и кровопролитие, пожалуйста, но вы должны быть последовательными и точными.

Мы ожидаем увидеть *взвешенный подход*. Мы ждём, что вы покажете пыточные камеры в Портлендском центре юстиции и казармах ФАТПО, как и бомбы и простреливание коленных чашечек бойцами Добрармии Северо-Запада. Мы ожидаем, что вы покажете плохих фэбээровцев и американских судей, равно как и плохих бойцов Добрармии.

Но когда вам придётся изображать добровольцев, то это будут нормальные человеческие характеры, а не плоские типы, клоуны или расисты-злодеи в главных ролях. Мы надеемся, что вы глубоко проработаете вопрос, *почему* добровольцы делают то, что они делают, и я не имею в виду ваше обычное дерьмо о "ненависти". Мы надеемся, что вы отобразите страшную, но сложную и очень тонкую ситуацию, как она есть, запутанную и трудную, с добром и злом, равномерно распределёнными по обеим сторонам. И мы не требуем от вас снимать кинопропаганду для Добрармии Северо-Запада. Этим мы начали заниматься сами в скромных объёмах, и после завоевания независимости Республика самостоятельно выпустит достаточно этого материала. Но мы ожидаем *сбалансированности*.

- И кто определяет баланс? - спросил Рафи Эйтам из кинокомпании "МГМ" (Метро-Голдуин-Майер).

- Я. Я же ваш консультант, помните? Человек, который гарантирует, что вы будете без опаски плескаться в своих плавательных бассейнах. У вас будет мой номер телефона. Если вы соберётесь делать что-то, связанное с Северо-Западом, даже не имеющее к нему прямого отношения, я ожидаю увидеть полностью проработанный сценарий, прежде, чем загорится первый софит, и включится первая камера. Если что-нибудь вызывает малейшие сомнения, вы звоните мне, мы обсуждаем проблему или проект, и я высказываю вам своё мнение.

- Мнение, подкреплённое пулями и бомбами, - со злостью произнёс Векслер.

- Именно, - холодно улыбнулся Брюер. - Мнение, к которому вам надлежит прислушаться. Видимо, это единственный вид мнения, к которому склонны прислушиваться евреи.

Глава XXVII

Двое в бегах

*Вооружитесь, я прошу, скорее в путь:
Нам надо пути наложить на этот ужас,
Который нынче бродит слишком вольно.*

Гамлет – Акт III, Сцена 3

В тёплый не по сезону день в октябре Эрик Селлерз и Аннет Риджуэй сидели за угловым столиком в кафе "Пицца для размышлений", обслуживаемом студентами Студенческого союза имени Смита и расположенном в университетском городке Портлендского университета штата. Эрик был в свободных парусиновых брюках и футболке с эмблемой рок-группы. Аннет - в зелёной шерстяной кофточке с длинными рукавами и джинсах, и оба в обязательных американских бейсболках на головах. Ребята взяли по двойному латте с маленькими ломтиками политически корректного вегетарианского пирога с заварным кремом и сидели с раскрытыми книгами. Они выглядели совсем как обычная парочка студентов, перекусывающих за учёбой. На самом деле они изучали своих однокурсников.

Хотя ребята уже стали полноправными добровольцами роты "А", до сих пор их работа на Добрармию была мало связана с участием в боевых действиях. Кроме давнего устранения недоброй памяти Лусиуса Фламмуса, их личное участие в боевых заданиях до сих пор включало лишь небольшую роль Аннет как приманки "Мэри Джонс" и последующий допрос Досона Зуккино. В основном их работа на Добрармию, к моменту, когда восстание на Северо-Западе вступило в свой четвёртый год, заключалась в сборе сведений и разведке, а также в саботаже и выполнении нескольких специальных заданий.

Например, они использовали университетские компьютеры и пароли чёрных студентов, чтобы запустить серию вирусов в компьютерные сети таких организаций как газета "Орегониан", местное отделение Налогового управления США, система средних школ Портленда, и даже в одну базу данных, принадлежащую самому зловещему Центру юстиции, доступ к которой они смогли получить. Привилегированное положение давало Тому и Бекки доступ к местам, людям и мероприятиям в том слое общества, который был недоступен другим добровольцам.

Поэтому пара ребят оказалась бесценной находкой не только для Билли Джексона, их первого командира роты, а теперь - командира Первой бригады, но и для Оскара из Третьего отдела. Джексон занял эту командную должность недавно, когда Томми Койл принял командование Второй бригадой после гибели Гарри Ханнона полтора месяца назад в перестрелке у контрольно-пропускного пункта ФАТПО. Новым командиром роты "А" стал лейтенант Джимми Уинго, только что вернувшийся из Лос-Анджелеса после успешного участия в операции "Мы не в восторге".

Портлендский университет штата оставался одним из немногих рассадников либеральных левых идей среди университетских городков на Северо-Западе - с такими "украшениями", как Союз афро-американских студентов, Ассоциация испаноговорящих студентов и действующие отделения Антирасистского действия и Союза гомосексуалистов и лесбиянок. В большинстве других частей Родины эти группы в университетских городках и в других местах зачахли из-за отсутствия членов, по мере того как Добрармия их

ликвидировала, или сами члены разглядели письма на стене и отчалили в места с более солнечным и менее враждебным климатом.

Но Портлендский университет располагался прямо в центре города, переполненного полицией ЗОГ, ФАТПО и частными охранниками. Его также окружали всё ещё довольно многочисленные группы меньшинств, потому что грязнокожие и пидоры сбежали из других областей Северо-Запада в Портленд, где они тряслись от страха и бессильно бесились под прикрытием оружия ФАТПО. Район Пьюджет-Саунд, расположенный севернее в штате Вашингтон, был намного больше и разбросаннее, и в нём насчитывалось больше добровольцев, поэтому Сиэтл и окрестности к настоящему времени в значительной степени удалось очистить, и небелых там осталось всего около процента. Портленд был гораздо компактнее и с большей плотностью населения, поэтому для режима оказалось легче запереть его на замок за счёт сосредоточения личного состава и огневой мощи.

Трудно было поверить, что в тридцати милях к западу начинается "бандитская страна" Третьего батальона - освобождённая местность, где невозможно было увидеть тёмную кожу или федеральную кокарду. Но сам Портленд оставался крепостью левых и либералов, одним из немногих надёжных оплотов правительства, оставшихся на Северо-Западе, а Портлендский университет служил рассадником политической корректности и антирасистской истерии.

Эрик и Аннет провели свой первый студенческий год и занятия в летней школе, наблюдая всю эту деятельность, выявляя вожаков и главных персонажей, хронометрируя их передвижения, отмечая привычки и известных сообщников, наблюдая за каждым из преподавателей и студентов и даже за обслуживающим персоналом и многочисленными прикомандированными полицейскими из службы безопасности, один из которых также был добровольцем Северо-Запада.

Ребята понятия не имели, кто был их товарищ из сотрудников службы безопасности. У них был адрес электронной почты и несколько кодов, но ничего больше. Они должны были связываться с ним только при необходимости отключить или ослепить камеры слежения и другие системы наблюдения в университете, шпионящие за студентами, куда бы они ни пошли. Для этого Эрик должен был отправить со своего беспроводного ноутбука кодовое сообщение по электронной почте через специальное соединение, используя разработанную Добрармией систему шифрования, о которой, как все очень надеялись, федералы не знали или не смогли её взломать. Том и Бекки описывали, что им нужно сделать и когда, и в течение нескольких часов кто-то должен был им ответить "да" или "нет", то есть возможно ли это. Человек на другом конце, видимо, также не знал их, как и они его.

Так им дважды удалось снять электронное наблюдение и отключить нужные системы сигнализации достаточно надолго, чтобы команда сапёров доставила и установила в городке две маленькие, но мощные бомбы. Одну из бомб поставили в здании администрации, в кабинете декана факультета многообразия - индуса из восточной Индии по имени Пател с докторской степенью по мультикультурным исследованиям. Утром этот баклажан открыл ящик стола, и взрыв шашки "С-4" выкинул его через пуленепробиваемое венецианское окно во двор.

Второе устройство, замаскированное под оранжевую дорожную тумбу, взорвалось на наклонном выезде из здания автостоянки номер один, уничтожив директора Федерального бюро тюрем, водителя и двух его охранников. Они покидали кампус после выступления на "Дне карьеры", когда директор пытался привлечь геев и нацменов к работе на многих новых объектах. Они открылись в таких местах, как Невада и Северная Дакота, особенно лагеря для перемещённых лиц, в которые массами сгоняли население целых городков Северо-Запада,

чья преданность Соединённым Штатам вызвала подозрения. Федералы особенно активно приглашали в надзиратели тюрем гомосексуалистов. Исторически гомосексуалисты-садисты всегда были самыми мерзкими и жестокими мучителями.

Дуэту Тома и Бекки также удалось привлечь более десятка своих учителей и одноклассников к операциям Добрармии и избиениям в воспитательных целях, в основном за пределами кампуса, кроме двух случаев, которые были проведены на его территории. Они сами не раз просились на эти задания, но Джексон всегда им запрещал.

"Нет, вы оба слишком ценные агенты, работающие под собственными именами, чтобы рисковать вашим провалом", - повторял он. "Я буду предупреждать вас настолько возможно заблаговременно о любом задании, которому вы помогаете, чтобы вы оба были на виду и смогли отчитаться за каждую секунду своего времени, если вас спросят. Я не хочу, чтобы вас схватили".

Аннет и Эрик знали, что их ценят не только как шпионов за леваками в кампусе второстепенного колледжа. Ребята представляли собой для Добрармии особое окно в мир политической и деловой правящей элиты западного побережья, когда просто держали ушки на макушке и дома и на мероприятиях своих родителей. Оба они по-прежнему тусовались в кругах, куда входили их семьи с обширными и влиятельными связями, и передавали массу информации из этих кругов, а также в некоторых случаях имена некоторых своих друзей и знакомых, а также друзей и знакомых их родителей, которые дали понять, что сыты по горло делами Америки, и с кем Добрармии имело смысл связаться.

Двое молодых людей были вынуждены стать актёрами и играли всё время, так что им удалось убедить власти колледжа, своих сокурсников и до сих пор небольшую армию стукачей ФБР и ФАТПО на территории кампуса, что их взгляды были чистыми и аккуратными, без каких-либо пятен злобного расизма или сомнений. Каждый из ребят посещал несколько лекций на темы многообразия и меньшинств, результаты их тестов всегда были безупречны, а экзаменационные работы - воплощённой политкорректностью.

Оба они получили приглашения от крыла Молодых демократов в городке и с готовностью вступили в их ряды. Эрик уже стал главой дискуссионной группы Молодых демократов, а Аннет - секретарём отделения с доступом ко всем делам и информации о членах организации, которую и передала Оскару, как только её получила. Членство Эрика и Аннет в отделении молодых демократов и безупречная репутация их семей обеспечивали ребят приглашениями на местные совещания, вечеринки и церемонии (всегда проводимые в надёжно охраняемых местах). Они также были отобраны как официанты и сопровождающие на Новогодний бал губернатора, куда Эрику удалось пронести мини-видеокамеру и снять разных интересных людей и фрагменты разговоров.

Время от времени Джексон вежливо, но настойчиво спрашивал, как они выдерживают это напряжение.

- Честно говоря, сэр, нам это по душе, - признался ему Эрик. - Мы знаем, что участвуем в исторически важном деле. У нас есть цель в жизни, которой нет почти ни у кого из других ребят. Как ни банально это звучит, мы чувствуем, что *живём* на всю катушку.

- Да, цель в жизни так и действует, - подтвердил Джексон.

Оставалась одна единственная вещь, которая беспокоила ребят теперь, когда они перешли на второй курс. Их моногамные гетеросексуальные и расово однородные отношения несколько выделялись, и на них обоих оказывалось давление, чтобы они доказали свою приверженность многообразию традиционным для американских университетов способом, то есть вступая в случайные и беспорядочные половые связи.

Особенно Аннет. "Нас начали называть Брэд и Джанет, как ту скучную парочку в

фильме "Шоу ужасов Рокки Хоррора", - рассказала Аннет Уинго во время первого доклада у него, как командира роты, в начале сентября. Они вдвоём встретились с Уинго и Кики Маги на кухне частного дома в Макминнвилле. Из подвала слышался странный шум и лязг, и один раз какой-то человек, которого они никогда раньше не видели, вошёл в комнату и передал Уинго несколько листов бумаги формата А3 с отпечатанным на них большим текстом, которые тот просмотрел, кивнул и протянул назад. Видимо, внизу работала старая добрая подпольная типография партии.

- И сколько липких жидов клеются к тебе, чтобы стать твоим доктором Фрэнк-эн-Фуртером? - поинтересовалась Кики.

- Несколько, - призналась Аннет.

- А также несколько баклажанов - бенгальцев или индонезийцев или вроде того. Они действительно приударяют за блондинками.

- А меня клеют овцы-мулатки и один проклятый педик, - пробормотал Эрик. - Боюсь, я выйду из себя и пристрелю его.

- Забудь об этом! – оборвал его Уинго. - Уже само по себе это преступление ненависти, и даже если тебе не предъявят официальных обвинений, это привлечёт такое внимание, что ты будешь бесполезен, как тайный агент. Ты знаешь правила. Одно необдуманное замечание, один мелкий поступок, которые покажут людям, которые следят за тобой, что твоё сознание не полностью под контролем, и они заведут на тебя дело.

Меня беспокоит, что ваш отказ вести себя, как собаки в течке, может привлечь такое же внимание. Это нарушение правил для приличных белых детей – америкосов вашего возраста, довольно заметное для тех, кто обращает внимание, и поверьте, что кое-кто в кампусе находится на зарплате в ФБР или ФАТЮ, и они-то обращают внимание. С их точки зрения, вы должны трахать всё, что шевелится, пить каждую ночь до потери пульса, курить, колоть или вдыхать в себя все известные наркотики. В конце концов какая-нибудь правительственная ищейка задумается, почему вы этим не занимаетесь, и укажет на вас кому-нибудь в системе безопасности. Я хочу, чтобы вы оба были очень внимательны и дали мне знать в ту же минуту, как только почувствуете вообще хоть что-нибудь, что указывает на слежку за вами или на расследование, только тихо. Пока занимайтесь своими заданиями.

Кстати, о вас узнали, и капитан Хэтфилд и его парни из Третьего батальона просили меня передать вам благодарность за предупреждение в июне и устроить салют из 21-го ствола в честь вас обоих, и особенно соратницы Бекки.

И вот теперь ребята сидели за столиком в кафе "Пицца для размышлений", незаметно следя за входящими и выходящими сокурсниками. Эрик включил свой ноутбук с редактором "ВордПад" и время от времени делал таинственные заметки по термодинамике, которые на самом деле были напоминанием сделать то, что не имело ничего общего с термостойкостью.

- Вон Кейша Спиз, - тихо сказала Аннет, глядя в сторону чёрной студентки, известной своими левыми взглядами.

- Я старался узнать о ней хоть что-нибудь, но она, видимо, никогда не выходит из кампуса, - также вполголоса ответил Эрик.

- До ниггеров, наконец, дошло, - сказала Аннет. - Боже, как долго они соображали. Наверно их здесь прячется не меньше четырёхсот голов. Слава богу, мы с тобой по-прежнему живём дома и не остаёмся в общежитиях на всю ночь. Я всё мечтаю о большом ночном налёте ребят двадцати с оружием, которые просто пройдут через двор и уничтожат общежития.

Эрик кивнул.

- Я пытался заинтересовать нового командира моей старой идеей как-нибудь ночью

бросить пару мин или ракет на это дерьмо, но ответ был один. Даже после наступления темноты здесь остаётся много белых ребят, и слишком вероятен большой побочный ущерб.

- Видел бы он некоторых из этих так называемых белых ребят, - тихо ответила Аннет. - Они даже худшие "белые ниггеры", чем некоторые из этих лохов у нас в Эшдауне. Лотти Розенфелд, вон там, у салат-бара.

- Мисс лесбиянка-самец Портлендского университета. Я удивлён, что она не пробовала домогаться тебя.

- По-моему, она пыталась, - ответила Аннет. - Один раз на лекции по искусству, второй раз - здесь и ещё раз - у Молодых демократов. Я притворилась тупой и ясно отказалась продолжать в том духе, куда клонила Лотти, надеясь, что она поймёт. Наверно она считает меня настоящей дурой.

- Это - Америка. Один тупой, другой ещё тупее, - заметил Эрик. - Невозможно ещё больше оболванить. Я не могу поверить, что здесь не учат логарифмам на занятиях по математике. Утверждают, что это дискриминация студентов-нацменов, потому что логарифмы - искусственное построение "умерших белых мужчин-европейцев". Видимо, математика тоже может быть расистской. Не хотел бы я ездить по мостам, которые спроектируют эти чёрные придурки и баклажаны или летать в самолётах, которые они сделают, это точно. Ну, а чем Лотти занимается в последнее время?

- Подбивала клинья к той маленькой девочке-первокурснице Венди Сайкс и разозлила её настолько, что, по-моему, с Венди уже можно поговорить. Я хочу, чтобы нам самим доверили вербовку. Лотти также входит в Комитет геев и лесбиянок при Молодых демократах, и они устраивают какое-то общественное мероприятие в Центре для конференций на День благодарения. Это может оказаться хорошим местом для её встречи с нашей татуированной подругой и её верным другом.

- Такое сборище будет охраняться как Форт-Нокс, и даже может оказаться заранее подстроенной ловушкой "пухлых" с использованием извращенцев как приманки, - засомневался Эрик. - Но конечно этим сведениям нужно дать ход, особенно теперь, когда Кот Локхарт снова в городе. Посмотри, не сможешь ли ты выпытать у Лотти подробности без лапанья, а? Мне она день не назовёт. Потом доктор Томпсон. Можем ли мы вообще подтвердить, что он трахал ту девушку-красотку из его класса аспирантов?

- Да, но она довольно старая и белая.

- И всё же его жене это не понравится, и этим можно воспользоваться для давления на него, если нам что-нибудь понадобится, - размышлял Эрик. - О, чуть не забыл, я заметил, что у них здесь новый поставщик напитков, дистрибьютор пепси из Корваллиса, судя по грузовику. Интересно, что случилось со старым?

- Я могу спросить у Мерси Праус. Она работает на кухне, - предложила Аннет.

- И приходит на ум декан Пинелла. Интересно, его теперь не бросает в пот, после принятия старого курса многообразия вместо доктора Патела? - тихо рассмеялся Эрик.

- Говорят, он так напуган, что боится нос высунуть из кампуса и спит на раскладушке в своём кабинете, - заметила Аннет.

- Тебе ничего не приходит в голову, как раздобыть приглашение в здание Студенческого союза обезьяноидов? Я хотел бы придумать, как послать предупреждение этим толстогубым.

- Может, нам это не понадобится, - сказала Аннет. - Вчера я проходила там и видела, что одно из подвальных окон было чуть приоткрыто. Уверена, что мы или один из товарищей могли бы открыть окно и забросить внутрь "гостинец", но беда в том, что прямо перед окном крутится чёртова камера слежения. Мы можем попросить нашего друга отключить её, когда

будем готовы со всем остальным, но я помню, что ему надо быть осторожным. Камеры слежения отключались уже дважды, и я уверена, что кто-нибудь заинтересуется, почему они выходят из строя как раз в неподходящий момент.

- Нам пора бежать, - заметил Эрик, глядя на часы. - У нас встреча Молодых демократов наверху в четыре. Вроде бы перед нами выступят несколько законодателей штата и расскажут о чудесах демократии, а потом будут соблазнять местами стажёров за минимальную зарплату в Сейлеме следующим летом. Уверен, что ты получишь одно из мест, а я - нет.

- А я уверена, что ты получишь такое предложение от республиканцев, а я не получу, - возразила Аннет.

- Давай посмотрим, какую линию мы сможем проводить с ними и проверим, как тщательно их охраняют. Сейчас они должны использовать наёмников, потому что силы полиции штата слишком распылены. Продажные шкуры из штата должны занимать довольно низкое положение в иерархии и быть для нас более лёгкими целями, чем действительно известные политики.

Он взял счёт.

- Я заплачу.

Аннет вышла в огромный главный вестибюль, оглядываясь на Эрика, который стоял у кассы. Сразу за дверью кафе "Пища для размышлений" висела огромная доска объявлений из пробки с прикреплёнными к ней обычными сообщениями и листками, от ночных клубов до специальных лекций, о квартирах для совместного проживания, вещах на продажу и т. д.

Когда Аннет разглядывала всякую чепуху на доске объявлений, кто-то схватил её сзади, грубо заломил левую руку за спину и швырнул к стене. Аннет почувствовала холодный ствол пистолета, прижатый к её шее под правым ухом.

- Снова привет, Мэри, - прошипел кто-то сзади.

- Что?! Кто ты? Какого чёрта ты делаешь? - охнула Аннет.

- Вспомни меня, Мэри, или как тебя там, - произнёс тот же голос. - Мы виделись разок в июне прошлого года, около отеля "Бенсон". Ты была с Досоном Зуккино, который после этого исчез на несколько дней, а потом появился в Лос-Анджелесе и рассказал жуткую историю о том, как был похищен и подвергнут пыткам безбожными неонацистами. Я должен был охранять Зуккино. Ты помешала мне, Мэри. А я не люблю, когда мне мешают нацистские шлюхи.

Мужчина развернул Аннет, держа "Глок" под её подбородком, прижал её к стене коленом, непристойно обнимая, а свободной рукой сорвал её студенческую карточку с цепочки на шее. Это был Перри, наёмный охранник, который в тот вечер вмешался в её разговор с Зуккино на тротуаре. Он был одет в синюю нейлоновую куртку и бейсболку с эмблемами "Блэкуотер". Знаки "Блэкуотер" были знакомы и страшны всем студентам, как и форма ФАТПО или полиции, что Аннет и увидела к своей ярости и стыду, когда все знакомые из студенческого союза просто взглянув на них, отворачивали головы и быстро отходили, делая вид, что ничего не заметили. Исключение составили несколько чёрных и смуглых студентов, которые стояли и в угрюмом молчании глазели на них, медленно соображая, что какой-то полицейский должно быть поймал одну из этих злобных белых расисток прямо здесь, у них под носом.

Никто из белых студентов не посмел вмешаться и, возможно, также быть заклеянным как злобный расист, а все присутствующие белые начали быстро покидать здание, боясь оказаться замешанными.

- Господь, похоже, решил дать мне ещё одну попытку встретиться с тобой, *Аннет*, -

процедил Перри, изучая карточку, а затем с отвращением посмотрел ей в глаза.

- Пожалуйста, убери пистолет от моего лица. Я не знаю, за кого ты меня принимаешь, но ты ошибся,- сказала Аннет, стараясь, чтобы её голос не дрожал.

Она не осмеливалась взглянуть в сторону кафе, чтобы посмотреть, где Эрик, и не заметил ли он её.

- Нет, не думаю, - ответил Перри. - Я никогда не забываю лица, даже если цвет волос и одежда другие. Я сегодня в наряде по охране кой-кого из законодательного собрания штата, которые выступают здесь во второй половине дня, и предварительно осматривал место, когда увидел, как ты стоишь здесь, и сразу тебя узнал. Ты - шлюха из этой армии, и ты арестована.

- По какому обвинению?! Ты не можешь арестовать меня! Ты - не полицейский! - закричала Аннет.

- Не тупи. Я - платный агент штата, и после 11 сентября 2001 года могу делать всё, что хочу!

Аннет не заметила, как Эрик вышел из двери кафе, но тот вдруг оказался за наёмником, с высоко поднятым над головой ноутбуком. Аннет крутанулась вправо и смогла отбить пистолет от своего лица левой рукой. А Эрик обрушил ноутбук сверху вниз с такой силой, что мог сломать охраннику шею, если бы попал, но кто-то из кучки чёрных и смуглых зевак, стоящих рядом, крикнул: "Оглянись, парень!", и Перри повернулся как раз перед тем, как ноут врезался ему в голову.

Удар пришёлся вскользь, но был нанесён Эриком изо всей силы. Перри упал на пол оглушённый. Пистолет грохнулся на пол, и Эрик нырнул за ним, одновременно бросив ноутбук Аннет. Его содержимое не должно было попасть ЗОГ.

Эрик поднялся с пистолетом в руке и повернулся. Они с Аннет оказались перед толпой около сорока студентов, чёрных, азиатов или грязнокожих разных оттенков. Они начали угрожающе надвигаться на ребят.

- Так ты из Добрармии, сука? - грозно спросил один огромный самоанец, очевидно, не испугавшись пистолета в руке Эрика, или же просто слишком тупой, чтобы заметить его.

Эрик взвёл курок пистолета, поднял его и выстрелил в грудь самоанца. Тот застонал, замычал и, обливаясь кровью, рухнул на пол. Все остальные с криком и топотом ринулись из здания вместе со всеми теми, кто ещё не улизнул, когда стало ясно, что начались неприятности.

Аннет заметила, что Перри, шатаясь, поднимается на ноги, и вытаскивает из кобуры на лодыжке блестящий короткоствольный револьвер.

- *Эрик!* - вскрикнула она.

Эрик повернулся и почти в упор выстрелил громиле из "Блэкуотер" меж глаз. Видимо, Перри зарядил пистолет полыми или разрывными пулями с капсюлями из гремучей ртути, потому что ему вырвало весь затылок. Охранник, шатаясь, простоял пару секунд, с лицом как кровавая маска, и через его глазницы буквально можно было видеть дневной свет и стену. Затем он свалился на пол, а ребята остались стоять одни-одинёшеньки рядом с двумя трупами. Они взглянули вверх и увидели, по крайней мере, две телекамеры слежения с горящими красными лампочками, так что они, несомненно, записали всё случившееся.

- Не думаю, что мы сможем объяснить своё поведение, - вздрогнула Аннет. - Что же нам теперь делать?

- Бежим! - решил Эрик.

- Да, - кивнула Аннет. - А куда?

- Но не через двери, - ответил тот. - Сначала в крытый переход в педагогический

центр. Возьмём у солдафона кое-что для обороны.

Аннет подняла маленький револьвер и сунула его в сумочку, а Эрик вытащил две дополнительных патронных обоймы из кармашков на поясе Перри и спрятал в задние карманы. Пока они бежали вверх по лестнице, он спросил:

- Есть что-нибудь в машине, что тебе обязательно надо забрать?

- Нет.

- Хорошо, я думаю, нам лучше уходить пешком. Машину слишком легко обнаружить и отследить, а в центре города очень плотное движение. Нас запросто поймают. Давай посмотрим, не сможем ли мы пройти по Девятой авеню, потом через центр города, а оттуда с остановки "Тримет" или "МАКС" - до нашего укрытия.

Эрик дотянулся и резко сорвал со стены одну из верхних камер слежения.

- Пусть теперь гадают, куда мы подевались.

Он сунул пистолет за пазуху, и ребята спокойно пошли под руку по застеклённому сводчатому проходу, соединяющему здания, а затем вниз через педагогический центр, с ноутбуком на ремне через плечо у Аннет. Им удалось выйти через боковой выход и попасть на тротуар кампуса. Позади слышался шум толпы и потом раздался вой полицейских сирен.

- По правилам мы должны разделиться, - тихо напомнила Аннет.

- Я знаю, - отозвался Эрик. - К чёрту правила. Я тебя не брошу.

- И я, - ответила Аннет.

- Если наш неизвестный товарищ не смог как-нибудь нам помочь, не знаю как, то нас видят на камерах, - заметил Эрик. - Нам нужно убираться из городка и от этих штук. Двигаем к Девятой авеню и Маркет-стрит.

- Там у ворот будка охраны.

- Ну да, но я знаю дорогу через забор.

Ребятам удалось выбраться и прыгнуть на Девятую авеню. Движение было не такое плотное, и час пик второй половины дня ещё не начался, но на улице и тротуарах было достаточно многолюдно, и ребята смогли затеряться в толпе. Они перебежали через улицу, свернули налево на Парк-авеню и затем направо на Маркет-стрит. Эрик вынул свой мобильный телефон и набрал номер. После нескольких гудков ответил Джимми Уинго.

- Да?

- Это Бар-гриль Слайдерса? - спросил Эрик.

- Да, верно.

- У вас ещё есть тexasский чай?

Уинго секунду помолчал.

- Да, мы его получили. Хотите попробовать?

- Очень хочу. У меня страшное желание его попить. Когда вы закрываетесь? - спросил Эрик.

- В час утра. Звоните заранее, чтобы заказать столик.

- Я позвоню. Пока.

Эрик выключил мобильник.

- В общем, он хочет, чтобы мы шли в район один, а не к нашей точке укрытия, что значит, что они будут нас спасать. Это должно быть в ... , вот дерьмо! Я никак не запомню всё это.

- Это почта в центре города, сторона Хойт-стрит, - напомнила Аннет.

- Спасибо. В любом случае, он хочет, чтобы мы перезвонили, когда будем там.

- Ты знаешь, они записали всё на комп с этих проклятых камер в студенческом союзе, - спокойно сказала Аннет. - Вот и всё, мы спалились.

- С Эриком Селлерзом и Аннет Риджуэй покончено, - сказал Эрик. - А Том и Бекки будут жить, чтобы воевать на следующий день. Много дней.

- Ну да, если нас не узнают на улице, - проговорила Аннет. - У них теперь должны быть наши приметы с описанием одежды.

Они проходили мимо модного дорогого бутика.

- Хочешь, забежим за кое-какими покупками? - предложил Эрик. - Мы используем здесь наши пластиковые карточки, и они со временем обнаружат это, но мы выиграем время.

Через двадцать минут они вышли из магазина в новой верхней одежде. Эрик был одет в тёплое шерстяное пальто, а Аннет - в коричневую вельветовую куртку. Бейсболки исчезли: Эрик теперь щеголял в чёрной ковбойской шляпе, а Аннет - в тёмной шерстяной круглой шляпке.

Они пошли дальше по Бродвею. В отдалении слышались звуки сирен, и дважды парочка отворачивалась и рассматривала витрины, когда бронированный грузовик ФАТПО громыхал мимо. Уже начало темнеть, и неоновая реклама и уличные огни замерцали в мрачных сумерках. Ребята шли мимо модного бара с большим плазменным телевизором под потолком, когда Аннет посмотрела внутрь.

- Вот чёрт! - воскликнула она, схватив Эрика за руку.

Тот повернулся и через окно увидел на экране телевизора большое и искажённое зернистое изображение входа в кафе "Пицца для размышлений". Это была передача "Си-Эн-Эн". Перри как раз прижал Аннет к стене и ткнул ей пистолет в шею. Вместе со всеми посетителями бара они наблюдали, как Эрик ударил охранника из "Блэкуотер" своим ноутбуком, а затем застрелил самоанца и самого охранника. Ребята не слышали ни звука, но это им было и не нужно.

- О, быстро они. Нас страшно хотят схватить, поэтому так шустро передали запись телевизионщикам. Мы, ребята из Первой бригады, действительно фотогеничны, - усмехнулся Эрик. - Сначала командир и те ребята на Фландерс-стрит, потом Кот с отрядом в вечер Оскара, кэп Хэтфилд и "Дикая стая" на Сансет Бич, а теперь мы. Мы обеспечиваем средства массовой информации всеми видами захватывающих кадров.

- Надеюсь, эти новые шмотки изменят наш внешний вид, пока нас не подберут, - вздохнула Аннет.

Они повернулись и пошли дальше.

- Ну, вот как вышло. Наша старая жизнь уже в прошлом. Тебе жаль?

- Совсем нет, - ответил Эрик.

- Мне тоже.

- Аннет, я хочу, чтобы ты послушала меня, без всякой феминистской чепухи или возражений, - тихо, но твёрдо продолжил Эрик. - Если что-то пойдёт плохо, я задержу и отвлеку их на себя. Я хочу, чтобы ты бежала, бежала со всех ног и не оглядывалась.

- Ты сделал всё очень хорошо с одним ноутбуком там, в студенческом союзе, - напомнила она.

- Мне повезло, и там был только один из них. Такое счастье ещё раз нам не светит. Я действительно так думаю, Аннет. Ты - женщина, и твоя жизнь более важна для будущего нашей расы, чем моя, как ни напыщенно это звучит. Ты можешь дать жизнь тем, кто придёт после нас. Как ты сказала, мы всё-таки должны разделиться. Если что-то пойдёт не так, я хочу, чтобы ты убежала. Со мной всё будет в порядке, я справлюсь.

- Пошёл ты, - ответила Аннет, и слёзы покатались по её щекам. - Нет. И любые мои дети будут твоими.

- Их вообще может не быть, если ты умрёшь, - мягко возразил Эрик. - И не будет

никакого смысла, если наша раса вымрет. Теперь спокойно. Мы обязаны убежать и скрыться.

Они молча прошли остаток пути и добрались до Хойт-стрит. Быстро темнело, становилось промозгло, и они были рады, что купили новые пальто. Их старая одежда осталась в машине на многоэтажной стоянке у ПСУ, и теперь её, видимо, потрошили всякие разные полицейские и "пухлые".

Эрик снова позвонил.

- Привет, я хотел бы столик на вечер.

- Я сейчас немного занят, - ответил Уинго. - У меня на кухне лопнул шланг. Можете перезвонить в пять?

- Конечно.

Эрик выключил мобильник.

- Расчётное время прибытия - примерно через пять минут. Пароль "шланг", если будет кто-то незнакомый, но я думаю, что они наверно пришлют Лавонн.

- Она вернулась? - спросила Аннет.

- Да. Не знаю, где она была, но думаю, ей нужно время, чтобы прийти в себя после Сансет. Ты слышала, что сделали с её мужем в тюрьме?

- Да, - с горечью кивнула Аннет. - Сколько наших парней, вроде него, было убито в отместку за то, что этих бандитов так опозорила "Дикая стая"?

- По нашим прикидкам около сорока, до того как скандал стал слишком громким даже для Хиллари, и она отозвала своих псов, - сказал Эрик. - Ну, есть один лучик надежды, хотя я никогда не скажу этого о Лавонн.

- Какой может быть луч надежды для сорока мужчин, которых вытащили из клеток посреди ночи, привязали к каталкам и ввели яд, прежде чем те поняли, что происходит? - спросила Аннет.

- Теперь мы знаем, что победим, - убеждённо сказал Эрик. - Любое правительство, которое занимается такими делами, - слабое, напуганное, в панике. Они проигрывают, знают это, и поэтому просто бросаются на всех подряд. Они потеряли хладнокровие, а мы по-прежнему его сохраняем. Мы победим.

Они стояли под фонарём, когда рядом остановился тёмно-бордовый лимузин "линкольн таун кар". Боковое стекло опустилось, и оттуда выглянул Рей Риджуэй.

- Привет, детки, - весело крикнул он. - Просто случайно ехал мимо и увидел, как вы стоите. С трудом узнал вас в этих куртках. Должно быть, новые. А где "лексус"? Запрыгивайте, я отвезу вас обратно в кампус.

- О Боже, нет! - про себя прошептала Аннет.

- Что мы будем делать, если он ещё будет здесь, когда появится Вонни или тот, кто должен нас забрать? - прошептал Эрик.

- Пойдём, - сказала она.

Они подошли к машине, и Аннет наклонилась, чтобы поговорить с отцом.

- Папа, - тихо сказала она, - Я хочу попросить тебя сейчас об одном одолжении. Пожалуйста, выслушай меня, не говори ничего, и просто сделай это. Я хочу, чтобы ты закрыл окно и поехал домой, без всяких вопросов или споров. Прошу тебя доверять мне и поверить, что так надо. Со мной и Эриком всё в порядке, за нами приедут.

- Да, я знаю, - сказал Риджуэй. - Я приехал за вами. Ох, я забыл. Мне нужно было сказать "шланг". Боюсь, что я не очень знаком с этими правилами конспирации.

Эрик и Аннет смотрели друг на друга, открыв рот.

- Садитесь, пожалуйста, - поторопил Риджуэй. - Мы задерживаем движение.

Аннет и Эрик устроились сзади, "линкольн" тронулся, они поехали и с минуты

молчали.

- Ну и ну, это чудно, - наконец выговорил Эрик.

- Как давно ты знаешь? Я имею в виду, когда ты ...? - замялась Аннет, не зная, с чего начать.

- Через несколько месяцев после вас двоих, - ответил Риджуэй. - После Фландерс-стрит, насколько я помню. А как давно я знаю, ты ведь не думаешь, что твой отец такой невнимательный и не заметил, когда исчез один из его пистолетов, так ведь? Во-первых, я хочу, чтобы вы подробно рассказали мне, что сегодня произошло. Не волнуйтесь, это для дела. У меня в машине пара добровольцев, разыскиваемых полицией, и мне нужно точно знать в какой вы опасности.

- В чертовской опасности, - ответила Аннет. - Значит, ты ещё не смотрел "Си-Эн-Эн" последние полчаса.

Она глубоко вздохнула и рассказала отцу о дневных событиях. Объяснила, что её узнал Перри, наёмник из "Блэкуотер", из-за прошлого задания, но не уточнила, что это было за задание или свою роль, и отец удивил её тем, что не потребовал подробностей. Конечно, он соблюдал правила добровольцев. Закончив рассказ, она спросила:

- А как ты вышел на Армию?

- Я понял, что вы убили Фламмуса. Единственное, чего я не знал, действительно ли вам удалось найти выход и попасть в Добрармию, - рассказал Риджуэй. - Я хотел просто поговорить с вами, ведь я понимал, что вы вступите в Армию, но не знал, что делать, если вы просто обманете меня и будете всё отрицать. В конце концов, у меня не было доказательств, я мог вас напугать и оттолкнуть от дома, а где-то вдали от дома я мог бы сделать для вашей защиты ещё меньше.

Через некоторое время я убедился, что есть признаки того, что что-то происходит. Твоя мать, да наверно и родители Эрика, думали, что, когда вас обоих нет дома целыми часами, вы просто где-то целуетесь как все подростки. Но меня это никогда не успокаивало. Вы оба очень серьёзные молодые люди, и я не мог себе представить, что вы тратите так много времени на эту часть своей жизни. Не обижайтесь.

- Но, правда, мы целовались *некоторое* время, - оправдываясь, сказала Аннет.

- Это больше не моя забота с тех пор, как вам исполнилось по восемнадцать, - отмахнулся Рей. - Во всяком случае, я голову себе сломал, пытаюсь придумать, что делать. Я был абсолютно уверен, что вы губите свои жизни, но, уже потеряв одну дочь из-за этого театра ужасов, называемого обществом, я должен был быть очень осторожным со своим вмешательством, так как понимал, что одна ошибка может всё навсегда погубить.

Короче говоря, я знал кое-кого, кто, в свою очередь, знал другого, теперь увеличьте эту цепочку в десять раз, и вы всё поймёте. Однажды вечером я пошёл на встречу в одно место и долго беседовал с одним из самых интересных и блестящих людей, которых я когда-либо встречал, с человеком по имени Генри Морхаус, также известным как Рэд Морхаус, он же мистер Чипс. Вы с ним встречались?

- Это имя мы знаем, - сказал Эрик. - Он, кажется, из Совета Армии.

- Очень близко. Во всяком случае, у Рэда есть самая невероятная способность смотреть тебе прямо в глаза и произносить вслух то, о чём ты думал всю свою жизнь, но никогда не смел высказать мысли, в которых вряд ли осмеливался признаться даже самому себе. Я пришёл к нему, чтобы попытаться выяснить, не втянули ли мою дочь и её парня в банду преступников, по моему тогдашнему представлению. Остался послушать и к собственному удивлению, в конце предложил свою помощь. Тогда меня связали с другим интересным и ярким человеком, который известен под именем Оскар.

- Теперь мы его знаем, - призналась Аннет.

- Да, он сказал мне.

Аннет заметила, что теперь они по 30-му шоссе направляются на запад, и предположила, что они въезжают в "Бандитскую страну".

- Оскар ничего мне не обещал, кроме того, что сообщит, если что-то случится с любым из вас, и тогда я примирился со всем, потому что знаю, как это должно быть. Идёт война, и победа в ней важнее личных соображений. Рэд действительно устроил встречу с людьми из Добрармии, чтобы показать мне, кто они такие и к чему стремятся, и я понял, что вы сейчас оба взрослые и способны принимать свои собственные решения.

Конечно, Аннет, ты давно стала взрослой. Если бы твоя сестра была жива, я сомневаюсь, что она когда-нибудь повзрослела. Но как бы я ни волновался и ни боялся за вас обоих, да и сейчас волнуюсь, я понимаю, нравится мне это или нет, но это сама история догнала всех нас, кусает за мягкое место и преследует, вот так.

- Эээ, сэр, можно мне спросить, какова в общих чертах ваша роль в армии? - спросил Эрик.

Рей свернул на боковую дорогу.

- Мы приближаемся к месту, где обычно начинаются первые блок-посты "пухлых", - проронил он мимоходом.

Аннет все ещё не могла прийти в себя, увидев отца прямо в гуще её с Эриком тайной жизни: это было для неё как гром среди ясного неба.

- Ну, что я делаю для армии - продолжил он, - Немного, в основном веду сбор сведений, и, как я понимаю, вы оба фактически дублировали эту работу. Но сейчас я тружусь в основном над одним из самых малоизвестных, хотя по-своему жизненно важных аспектов любой войны или революции - экономической стороной дела. Не только контакты и потоки денег, хотя и это тоже (ведь я - первый полноценный банкир-доброволец, и в Добрармии были страшно рады, заполучив меня в свои ряды), но и реальное экономическое *планирование* будущего в Северо-Западной Республике.

Совет Армии сознаёт риск слишком быстрой победы, как бы странно это ни звучало. Там понимают, что если вдруг американская власть рухнет, как это произошло раньше в Советском Союзе, им не хочется остаться кучей боевиков, которые только и умеют, что нажимать курки и кидать бомбы, и вдобавок к такой ситуации они не знают, как ею управлять или разрешить.

Можно победить в войне и проиграть мир. Они намерены взяться за дело так, чтобы на деле построить работающее государство, жизнеспособную экономику и разумное устойчивое общество, основанное на реальной производительности и экономическом здравом смысле. Это очень, очень трудная задача, но должен сказать, что я наслаждаюсь каждой минутой работы над ней.

- А ты бы пошёл в добровольцы, если бы не Джан? - спросила Аннет.

- На тебя можно положиться, когда нужно перейти к сути, - хмыкнул отец. - Думаю, да, если бы представилась возможность. Аннет, не стоит и говорить, что значила для меня и твоей мамы смерть Джан. Но речь идёт не о мести за твою сестру, хотя какое-то время я думал, что это так. Дело не в Джан, а во мне, в становлении такого человека, каким я давно должен был стать.

Помнишь наш разговор в моём кабинете вечером в день похорон, голубка, когда я рассуждал о том, как нужно справиться с этим горем и тому подобное? Я почувствовал, как упал в твоих глазах в тот вечер. Это очень обеспокоило меня, потому что я знал, что ты всё меньше меня ценишь, именно потому, что мои разговоры в основном были не более чем

старательными оправданиями труса. Могу вам сказать, что тот, кто считает себя трусом, несчастный человек.

Потом Фламмус получил по заслугам. Я точно знал, что это сделали вы вдвоём, и мне пришлось стать перед тем фактом, что пара ребят, тогда семнадцатилетних, превзошла меня, сделав то, на что у меня не хватало физической и моральной смелости. Голубка, я не могу изменить прошлое или человека, каким я был, но в моих силах стать в будущем другим человеком, и я намерен это сделать.

- Ты ничего не сказал маме, ни о ком из нас? - спросила Аннет.

- Упаси Бог, нет! Мы на месте.

Аннет не знала, что это за дорога, но отец повернул машину на подъездную бетонную дорожку к дому, покрытому от непогоды белым сайдингом. Потом остановил машину, и они вышли. Риджуэй подошёл к двери, несколько раз стукнул, и дверь открыл лейтенант Уинго. Когда все вошли в гостиную, навстречу им поднялся Оскар.

- Я посмотрел ваш телевизионный дебют, - сказал он, кивнув на телевизор. - Одна из местных станций повторила запись с камеры слежения из студенческого союза, и все посмотрели короткий жестокий эпизод. А Рей Риджуэй с бесстрастным выражением лица увидел, как один из псов Сиона швырнул его дочь к стене и ткнул заряженным пистолетом в её голову.

- Обычно, когда происходит нечто подобное, мы хотим получить подробный отчёт, но я бы сказал, что видеозапись почти исчерпывающая. Есть что-нибудь добавить?

- Мы благодарны за эвакуацию, но были немного удивлены, когда увидели водителя - сказал Эрик, кивнув на отца Аннет. - Во всяком случае, как он там появился, сэр?

- Джим доложил мне, что вы, ребята, закричали "Техасский чай", а я случайно обсуждал с соратником Риджуэем-старшим несколько вопросов, когда раздался тот звонок, - ответил Оскар. - Я полагаю, была техническая необходимость это знать, а Рей это знать был не должен, но иногда обычная пристойность важнее правил, поэтому я сказал ему, что вы, ребята, зависли, и он вызвался провести эвакуацию.

- Я больше сегодня не нужен, Оскар? - спросил Рей.

- Нет, сейчас нам надо продумать новую карьеру для двух наших свежееиспечённых безработных товарищей, - сказал Оскар. - Конечно, учитывая ваши отношения, вы можете поприсутствовать, если хотите.

- Если я не буду знать, то и выболтать не смогу, - ответил Рей. - Думаю, что когда я вернусь, то обнаружу в доме ФБР или "пухлых", или тех и других. Слава Богу, жена уехала из города в гости к своей сестре, хотя, видимо, это означает, что она узнает про Аннет, увидев её по телевизору. Это плохо, но лучше, чем, если бы вооружённые ниггеры в бронежилетах без предупреждения просто выбили дверь ногами. Я, конечно, буду совершенно шокирован и потрясён известием о дурных поступках моей дочери, но они могут не купиться и решат взять меня в один из этих подвалов в Центре юстиции для небольших физических экспериментов.

- Разве вы не вытащите и его, сэр? - с тревогой спросила Аннет.

- Это невозможно, голубка, - сказал Рей. - Чтобы я приносил пользу движению, мне *нужно* оставаться там, где я сейчас. Никто другой не может выполнить то, что я теперь делаю. Не беспокойся, у меня достаточно хорошее положение, поэтому они будут аккуратны со мной. Я надеюсь. Но если я ошибаюсь, и они попытаются сломать меня, я ничего *не знаю* о вашем местонахождении или делах. Я лучше умру, чем по своей воле предам вас, но все мы знаем, у этих ублюдков имеются свои грязные способы выбить что угодно из кого угодно. Я могу не выдержать. Вы смените место сразу же, Оскар?

- Они будут далеко отсюда, ещё до того, как вы вернётесь в город, Рей, - заверил его Оскар. - По правде говоря, я собирался спросить ребят, не заинтересует ли их возможность официально войти в состав Третьего отдела. Хмурый взгляд лейтенанта Уинго говорит нам, как ему не нравится, что мы отбираем его лучших людей. Мало кому из линейных рот это по душе. Но вы оба проявили талант к такой работе, и мы сможем использовать вас в других районах, кроме Портленда, в котором некоторое время для вас будет слишком опасно.

- Ну, вот оно как, - вздохнул Рей. - Я не знаю, когда увижу вас снова, но не стоит и говорить, что я всегда буду о вас думать и молиться.

Он торжественно пожал руку Эрику, а затем наклонился и поцеловал дочь в лоб.

- Я сделаю всё возможное, чтобы помочь твоей матери пройти через это, и если что-нибудь случится с любым из нас, Оскар передаст вам. Будьте осторожны, товарищи, - мягко пожелал он на прощанье.

- Ты тоже, папа, - ответила Аннет.

Список боевых потерь

*Трус умирает раз тысячу,
И лишь один - храбрец.*

Юлий Цезарь - Акт II, Сцена 2

Зимний Портленд и в лучшие времена никогда не был оживлённым городом, но в четвёртую зиму "Волнений" он стал мрачной и неприютной зоной с укреплениями из бетонных блоков и колючей проволоки, взорванными домами и выбитыми витринами. Угрюмые молчаливые прохожие спешили по дождливым улицам, стараясь избежать постоянных патрулей ФАТПО и их блок-постов, которые, казалось, прячутся за каждым углом в центре города. Даже граждане, которые не имели ничего общего с Добрармией и поддерживали политику правительства, пытались избегать встреч с громилами в бронезилетах, которые быстро снискали зловещую славу своей продажностью, издевательствами, жестокостью и внезапными вспышками бессмысленного насилия.

Богатые юнионисты по возможности тайно искали предлог уехать из города куда-нибудь за пределы Северо-Запада, не желая подвергать опасности себя и свои семьи со стороны Добрармии и одновременно стремясь избежать опеки и домогательств со стороны своих федеральных "защитников".

В целом, дела американцев шли плохо. Вступление Челси Клинтон в Белый дом несколько дней назад прошло незамеченным. Её первая речь при вступлении в должность передавалась по телевидению из Овального кабинета, потому что спецслужбы побоялись разрешить президенту Соединённых Штатов показаться на людях из опасения покушения. Само президентство Челси было встречено СМИ и страной в целом, так сказать, с вежливым недоверием. Ни для кого не было тайной, что её ведьма-мать по-прежнему отдаёт приказы и руководит правительством США из-за кулис. Хиллари даже не потрудилась выехать из Белого дома. И старика Билла, одуревшего от наркотиков, всё ещё иногда можно было увидеть ковыляющим по коридорам в шлёпанцах, иногда в старом халате, а иной раз и в нижнем белье, когда он забывал свою магнитную карточку-пропуск, и срабатывала охранный сигнализация.

Американская империя явно стояла на пороге краха. Несмотря на ежегодный призыв в армию более миллиона молодых людей, Соединённые Штаты просто не могли содержать огромные силы, необходимые для борьбы с постоянными беспорядками в десятках стран. Ежемесячные потери в десятки тысяч убитых и раненых, наконец, начали "кусаться" даже в стране таких размеров как США. Вопреки всем усилиям отвлечь внимание общественности от потерь и скрыть их, улицы и торговые центры Америки заполнили калеки-ветераны без рук и ног или ненормальные, которые клянчили мелочь, разговаривая сами с собой.

На самом Северо-Западе сложилась странная и неустойчивая обстановка. Обширные районы в сельской местности, горы и пустынные высокогорья, густые леса, сельскохозяйственные угодья и приморские посёлки, и даже некоторые города средней величины, по сути, оказались освобождённой территорией. Эта территория включила округ Клэтсоп и прибрежные земли штата Орегон. Сотни местных общин, теперь поголовно белых, выработали способы самостоятельного выживания при явном отсутствии всякой помощи и поддержки со стороны городов или федеральной власти.

Местное самоуправление под руководством таких людей, как шериф Тэд Лир и бесчисленное множество мэров, начальников полиции и городские советы других небольших городов, теперь снова действительно кое-что значили. Всегда можно было понять, что вы оказались в такой свободной зоне, увидев пустые флагштоки у правительственных зданий и школ, где иногда был поднят только флаг штата. Никто не решался поднимать звёздно-полосатые флаги, а Добрармия была достаточно тактична, чтобы пока не требовать поднимать трёхцветный флаг Северо-Запада.

В самих городах всё ещё оставались федеральные войска и, по крайней мере, частично действовала гражданская администрация. Кое где в столичном округе Пьюджет-Саунд, на немногих оставшихся островках федерального управления, в таких как Спокан, Бойсе, Юджин, и, конечно, в Портленде, распоряжения правительства из Вашингтона ещё исполнялись. Иногда. Время от времени ФАТПО и военные, которых ненадолго возвращали обратно с Ближнего Востока, перебрасывались по воздуху в какие-нибудь сельские районы и проводили широкие облавы, аресты по спискам действительных и предполагаемых сторонников Добрармии, сносили дома бульдозерами, а в некоторых случаях сгоняли жителей целых кварталов и городков для принудительного выселения в концлагеря в Неваде и Северной Дакоте.

Добрармия исчезала, а затем начинала кусать американцев за пятки и другие конечности, их обстреливали снайперы, вырезались патрули, подрывался транспорт и даже целые конвои, уничтожались местные предатели-юнионисты и чиновники, помогавшие правительственным войскам. Временами добровольцы проводили молниеносные налёты на базы и лагеря ФАТПО. Тихоокеанский Северо-Запад был слишком велик, и Соединённым Штатам просто не хватало войск, чтобы поставить солдата за каждым деревом.

До войны были люди, которые выступали против идеи вооружённой борьбы, постоянно утверждая, что партизанская война в Северной Америке обречена на поражение из-за подавляющего технического преимущества ЗОГ, но оказалось, что это совсем не так. Действительно, правительство довольно хорошо отслеживало со спутников многие передвижения Добрармии по Родине. Но им не хватало сил и средств что-либо *сделать* с такими передвижениями. Они пытались применять беспилотные самолёты-убийцы, точечные бомбардировки и даже крылатые ракеты, но результаты оказались незначительными. Тогда как сопутствующий ущерб для гражданского населения всегда был велик и вызывал ещё большую ненависть к правительству США - так же, как это происходило после подобных ударов по всему Ближнему Востоку.

Американская "умная" военная техника ни в коей мере не оказалась такой умной, как считалось. Федералы пытались забрасывать группы спецназа и более крупные подразделения десантников в небольшие города и горные районы для отслеживания и уничтожения летучих колонн и базовых лагерей Добрармии. Там, вдали от цивилизации, часто происходили ожесточённые бои и перестрелки, в которых добровольцы не всегда побеждали, как в случае полного уничтожения знаменитой Олимпийской летучей колонны под командованием Тома Мердока и его знаменитой подружки - красавицы Мелани Янг.

Но конечный итог всякий раз оказывался далеко не таким, как ожидали власти, потому что у них просто не хватало ресурсов закрепить местные успехи, и повстанцам всегда удавалось проникать обратно в места, которые якобы умиротворённые месяцем раньше. И не то, чтобы американцы не извлекли никаких уроков в Ираке и Иране, а просто ещё не придумали, каким образом можно использовать своё превосходство в снабжении и технике, чтобы сломить человеческий дух.

Из всех тактических приёмов Добрармии, до сих пор используемых во время восстания, наиболее действенной и наводившей наибольший ужас тактикой было постоянное использование в городах снайперов. Именно страх перед выстрелами снайперов загнал небелых с улиц в плотно заселённые ими районы, а самой большой головной болью американских сил безопасности стала защита собственных сотрудников. Они тряслись от страха, теряли душевное равновесие и превращались в параноиков, а потому никогда не могли вести наступление на повстанцев в полном составе.

Когда началась война, большинство снайперов бродили в поисках любой подходящей цели, которая оказывалась в прицелах их винтовок. Добровольцы объезжали район с оружием на заднем сиденье или в багажнике и использовали любую возможность, чтобы шлёпнуть одного-двух обезьяноидов или пальнуть в полицейского, а потом скрыться.

Эти дни миновали. В игре осталось мало одиноких волков. Теперь группы снайперов тщательно подбирались, обучались и перемещались полевыми командирами Добрармии, как шахматные фигуры на доске. Группы эти включали трёх человек: стрелка, корректировщика, который также был запасным стрелком, и водителя, который прикрывал спину двум первым, когда те занимали позиции, прицеливались и стреляли.

Иногда стрелки могли часами лежать на крыше, на дереве или в водопропускной трубе, ожидая появления цели. Стрелков-охотников было не так много, как считалось. Успешная охота в городах с невероятным числом камер слежения на каждом углу, вертолётами над головами, при постоянном риске доноса со стороны населения, а также с превосходящими силами врага на близком расстоянии в любой точке и в любой момент времени, была намного сложнее, чем это представлялось средствами массовой информации. Любой дурак мог пристрелить кого-нибудь на улице, но, учитывая скорость, с которой вертолёт мог высадить группы ФАТПО и перекрыть район, стало проблемой уйти и выжить, чтобы на следующий день снова стрелять. Удачные дни охоты изо дня в день в тесных границах Портленда были похожи на ловлю рыбы острогой в огромной стае акул, которые готовы развернуться и ударить в тот же миг, как почуют кровь.

Выбор доступных целей с начала войны заметно сократился, так как среди городских чёрных, мексиканцев, либералов, чиновников и журналистов распространилась массовая паранойя. Они оставались в своих районах, охраняемые не только полицией и "пухлыми", но и частными охранниками в более богатых анклавах и патрулями жителей в гетто и пригородах, которые предупреждали о появлении любых незнакомых белых лиц на улицах.

Любой белый, проезжающий через части города, заселённые в основном чёрными, латиноамериканцами, богатыми или содомитами, мог быть уверен, что его будут постоянно останавливать, обыскивать и издеваться, а, вдобавок могут и сильно избить за бронетранспортёром "Страйкер" ФАТПО, если он вздумает возмутиться. Работавших негров, латиноамериканцев, азиатов и другие вероятные мишени развозили на работу и с работы в бронированных фургонах и автобусах. Окна в офисных зданиях и магазинах были закрыты стальными ставнями или в них вставлены пуленепробиваемые оргстёкла. Открытые площадки и площади в городе, общественные парки и участки шоссе, где вероятные цели можно было заметить идущими пешком или на входе или выходе из зданий, были или укреплены бетонными блоками - стенами Бремера или закрыты огромными заборами из непрозрачных нейлоновых сеток для ухудшения видимости.

Например, большинство наземных автостоянок у торговых центров к этому времени были окружены такими ограждениями, похожими на теннисные сетки, затрудняющими выбор хорошей огневой позиции вне стоянки, откуда её можно было хорошо просматривать. Точно также оборудовались все открытые участки в школах со смешанным расовым

обучением или везде, где ещё могли появляться нацмены. Главные районы целей, такие как Центр юстиции, стали автономными городками с жилыми помещениями гостиничного типа и квартирами, а также с магазинами, банками, спортивными залами, барами и ресторанами, ларьками "Майти Март" при автозаправках и детскими садами за бетонными стенами Бремера.

Добрармия ответила на это повышением качества, а не количества, создав группы для поиска, отслеживания и уничтожения конкретных целей в районах, где те считали себя в безопасности. Было важно вывести американцев из равновесия и сохранять психологическое преимущество, а также затруднить и как можно больше замедлить их передвижения. Снайперские удары гораздо успешнее самодельных взрывных устройств, засад, взрывов бомб, поджогов и компьютерных вирусов замедляли "войну с внутренним терроризмом", увязавшую словно в патоке. В то время как Добрармия порхала, как бабочка, и жалила, как пчела. Но смертельная опасность всегда была рядом.

* * *

Сырым и туманным январским утром большой синий фургон с надписью "Химчистка Апекс" проезжал через пригород в Бивертоне. Синие фургоны в столичном регионе были хорошо известны. Одним из секторов роста в Портленде во время "Волнений" оказалась доставка на дом товаров и услуг любого рода, так как всё больше и больше людей стали бояться выходить не только из своих домов, но и за границы своего района даже при насущной необходимости. Все, кто мог, стали работать удалённо на компьютере, и появилась возможность размещать через Интернет или по телефону почти любые заказы. Все профессионалы из немногих оставшихся - адвокаты, бухгалтеры, ветеринары и парикмахеры - теперь работали по вызову на дом. Буквально все магазины поставляли своим клиентам продукты питания, мебель, детские игрушки, детали оборудования, канцелярские принадлежности, товары для домашних животных, спиртные напитки. Разумеется, и химчистки и прачечные предоставляли свои услуги на дому. Некоторые СМИ отмечали, что уличное движение в Портленде в те дни, казалось, состояло только из патрулей ФАТПО, полиции и машин доставки любых марок и моделей.

"Апекс" стала самой признанной и крупной компанией в городе по химчистке и стирке с вывозом и доставкой. А также подставной компанией Добрармии, выкупленной у прежних владельцев за большую сумму наличными, полученную после нескольких ограблений индейских казино. При этом завершение сделки сопровождалось простреливанием нескольких коленных чашечек для обеспечения секретности.

Фуруны "Апекс" разъезжали по всему городу, и их появление в любом месте не вызывало особых подозрений и замечаний. Эти фургоны регулярно и ежедневно катали по кольцу пригородов, вывозя и доставляя из прачечных и химчисток запечатанные чёрные пакеты с костюмами, рубашками и другими предметами одежды на плечиках. В некоторых запечатанных чёрных пакетах содержалось не постиранное бельё, а другие предметы, так как фургоны "Апекс" служили для добровольцев бесценным средством сообщения между конспиративными домами и складами оружия.

Почти все добровольцы сейчас находились в дальних пригородах Портленда, так как командование Добрармии в городе решило, что соприкосновение с противником в тесных границах центра города само по себе слишком рискованно. Поэтому добровольцев частично отозвали из самого Портленда к несказанной радости Центрального командования

федералов, которое раструбило о якобы успешной "ликвидации терроризма" в центре города, как о своей сокрушительной победе.

В то холодное и мерзкое утро Кот Локхарт вводил в курс дела нового наблюдателя, восемнадцатилетнего добровольца Скотта Гарднера. Гарднер получил свою повестку о призыве в армию сразу после средней школы, и решил, что если уж воевать, то лишь за свой народ и свою страну. Он дезертировал и связался с Добрармией через свою тётю, маленькую старушку в теннисных туфлях, которую остальные члены его семьи всегда считали выжившей из ума. Скотт оказался метким стрелком с твёрдой рукой и прошёл боевое крещение в простой операции во исполнение приказа номер четыре, в которой уложил двоих мексиканцев на мясокомбинате в Милуоки и был назначен снайпером, чтобы заменить добровольца, убитого при аресте.

Они вдвоем ехали в кузове фургона, с оружием, закреплённым в зажимах, встроенных в переднюю перегородку за сиденьем водителя. За обстановкой на улицах, по которым проезжал фургон, они следили через несколько небольших видеокамер мобильных телефонов, которые были установлены снаружи, тщательно замаскированы и передавали изображение на небольшой беспроводной компьютер в задней части фургона. Экран компьютера был разделён на четыре части и обеспечивал наблюдающим круговой обзор - спереди, сзади и по бокам автомобиля. Можно было расширить любую из частей экрана и увеличить что-нибудь вызвавшее интерес.

- Одного я не люблю в этих фургонах, что приходится полагаться на электронные глаза, - сказал Кот Гарднеру. - Мне нравится окно, из которого я могу выглянуть, но штука в том, что окна подразумевают пассажиров внутри, а мы хотим, чтобы все думали, что здесь нет ничего, кроме белья.

Впереди сидел водитель, доброволец средних лет Джозеф Мор, одетый в синий комбинезон и синюю же бейсболку. Он и Кот могли переговариваться по двум дешёвым портативным радиостанциям, детским игрушкам из "Майти Марта", но достаточно хорошим для связи на короткие расстояния. Фургон был переделан и имел несколько встроенных специальных приспособлений, которые было трудно обнаружить при беглом осмотре на контрольно-пропускном пункте. По бокам и в задней двери были приделаны узкие откидные панели, чтобы вставлять в отверстие ствол винтовки и вести огонь.

Люк открывался вниз для доступа на крышу, как площадку для стрельбы, а кабина и стенки фургона были выложены пластинами из пуленепробиваемого литого бакелита, которые доказали свою надёжность и в то же время не настолько отягощали фургон как стальная обшивка.

- Ладно, порядок вот какой, - объяснял Локхарт Гарднеру. - Эти поездки "Апекса" служат в основном для разведки. Ты удивишься, как много разной информации можно получить, если просто ездить по городу, и мы много чего сообщаем в Третий отдел для анализа.

- Что, например, сэр? - спросил Гарднер.

- Не называй меня "сэр", я такой же доброволец, как ты, - хмыкнул Локхарт. - Можешь звать меня просто Джесси или Джесс. Или Кошкин Глаз, как теперь меня называют все подряд.

- Ну, если вы не против, я спрошу, почему ты *не офицер*, сэр, то есть Джесси? - неуверенно спросил Гарднер. - Ты - один из самых известных добровольцев, так почему ты до сих пор просто доброволец, так сказать?

- Меня всё время грозят повысить, но до сих пор мне удавалось удержать их от этого, - ответил Локхарт. - У меня нет желания напрягаться и нести ответственность. Я просто хочу

быть здесь, на улице, стреляя в то, что нужно. Многие ребята хотят продвинуться в Добрармии, чтобы стать политиками или военными в нашей республике, и, по-моему, в этом нет ничего плохого. Люди всегда к чему-то стремятся, и мы не можем все быть мечтательными идеалистами. После войны я смогу вернуться в Асторию и снова буду выпивать, а, может, и нет. Я ещё не решил.

- Так какую информацию мы добываем? - сменил тему Гарднер.

- Просто всё интересное, что видим и слышим, - ответил Локхарт. - Как и кто ставит машину, что это за машины, где и кого достали "пухлые", и достаточно ли обижен этот человек, чтобы выручить нас в трудную минуту, какие помещения и владения опять пустуют, какие из них снова заняты, и кто туда въехал, места, где можно что-нибудь спрятать, да что угодно.

Но главным образом мы ищем любые возможные цели в любом месте маршрута и находим кое-что. В основном мы находим негров и мексиканцев, которые, благодаря программе по устранению расовой дискриминации, стали достаточно богатыми, чтобы попасть в некоторые из этих домов. Теперь они думают, что скрылись из виду, так сказать, потому что мы не будем на них охотиться на территории семьи Брэди. Мы также ищем всех, кого мы можем определить как имеющих отношение к полиции, правительству, средствам массовой информации и бюрократии, евреев, лиц, нанимающих любого из вышеперечисленных, одним словом всех, кого необходимо ликвидировать. Но если на улице перед нами не появится какой-нибудь действительно крупный зверь, вроде губернатора, генерала армии или в этом роде, мы сразу не стреляем.

Мы должны быть осторожными и запоминать всех плохих парней, которые ищут нас, как и мы их. Даже если мы видим негра или кого-то, кто, как нам известно, враг, мы не просто падем по нему, как делали раньше. Мы замечаем место, а затем отправляем группу разведки, чтобы изучить и уяснить обстановку, оценить на месте что и как, посмотреть, сколько их там, попытаться получить точное представление о том, кто они и насколько важны для общей картины.

Прежде всего, мы должны убедиться, что они не какая-то подстава ФАТПО. "Пухлые" начали использовать людей из нашего расстрельного списка в качестве приманок, с их ведома и разрешения или втёмную. Чёрные, гомосеки и расово смешанные пары в общественных местах, и тому подобное, пытаются соблазнить нас напасть на них в тот момент и в том месте, где нас ждут. Наши ребята в Сиэтле, Спокане и паре других мест попадались на этом. Но ещё не в Портленде, и я не стремлюсь стать первым. Если мы увидим на первый взгляд подходящего кандидата, то вернёмся после наступления темноты, на двух машинах и очень осторожно изучим весь район, местность, и вообще разузнаем всё, что сможем. Мы должны убедиться, что наш объект на самом деле живёт в том же доме, что и по нашим данным, или он действительно каждый день появляется в этом месте в такое-то и такое-то время, и что рядом с ним нет какой-нибудь недружелюбной компании.

- Похоже, это скука, - заметил Гарднер.

- Адски скучно, - согласился Локхарт. - Как и большая часть войны. Могу тебе сказать, что на следующей неделе у меня намечена небольшая поездка в Салем на охоту за либеральными законодателями, которые сейчас в штате Орегон находятся под угрозой исчезновения. Я возьму с собой тебя и некоторых других новичков, и посмотрим, нельзя ли добиться, чтобы этот вид вымер полностью. Ты и остальные могли бы сделать там свои первые боевые выстрелы.

- Ох... балденно! - воскликнул Гарднер.

- Сейчас первая остановка, ребята, - раздался голос Мора по детской радиации.

- Понял, - ответил Локхарт. - Ну, когда Джо забирает вещи и отдаёт заказы, он должен открыть двери и уйти, оставив двери открытыми, чтобы любой видел, что внутри. Так что мы нырнём вот за эту вешалку просто на случай, если кто-нибудь из любопытства заглянет внутрь. Мы следим, что он делает у входной двери по компу и смотрим, с кем он говорит, а это будут в основном домовладельцы и женщины, но также проверяем весь дом и всё, что наши камеры могут увидеть при охвате в 180 градусов. Обращаем внимание на всё, что выглядит необычным, а это может быть что угодно от полицейской машины до чёрного или смуглого лица в окне, всё, что может представлять интерес для армии.

- Понял, - кивнул Гарднер.

В течение часа они вдвоём жались в кузове и наблюдали, как доброволец Мор привычно забирал и отдавал стираное бельё и одежду на плечиках из химчистки. Потом Коту позвонили на его мобильный телефон. Он поговорил с человеком на другом конце, а затем взял рацию.

- Джо, можем мы прерваться и попасть к 26 съезду с шоссе Барнса, быстро-быстро, не разозлив слишком многих клиентов "Апекса", которым нужно их нижнее бельё?

- Ага, мы можем заскочить обратно попозже и сделать несколько оставшихся остановок, - ответил Мор. - А что случилось, Кот?

- Мне только что звонили из бригады. Третий отдел узнал о посадке специального военного реактивного самолёта в аэропорту Портленда в 4 утра, прибывшего из неизвестного места, и эвакуации зала ожидания, всё очень засекречено, а позднее на вертолётной площадке Центра юстиции в пять утра сел вертолёт, возможно, из аэропорта Портленда. Теперь они сообщают о вражеском конвое, вышедшем из ворот Центра юстиции, по "Страйкеру" в голове и в хвосте колонны, плюс пара бронетранспортёров, предположительно набитых "пухлыми", один грузовик "Си-Эн-Эн" и один "Фокс Ньюс". В центре всего этого - группа из трёх штабных автомобилей, а также два боевых вертолёта ФАТПО в воздухе.

То, что штабных машин три, показывает, что они не хотят, чтобы мы знали, по какой из них бить, так что в одной из машин везут кого-то, кого мы захотим уничтожить. Похоже, неожиданный гость. Они двигаются на запад по 26 федеральной, а Оскар хочет получить подтверждение. Не стрелять, только понять, сможем ли мы глянуть на них и понять, кого чёрт принёс, и что происходит, и тогда, возможно, мы сможем придумать, как испортить им праздник.

- Ладно, мы будем там примерно через четыре минуты, - сказал Мор. - Перед Медицинским центром Сент-Винсент есть большая подъездная дорога, и я могу проскочить по ней или остановиться.

- Может, туда они и направляются, - размышлял вслух Локхарт. - Не знаю, зачем. Я пытаюсь сообразить, где по пути они могли спланировать фотосессию. Джо, ты не смог бы попасть на автостоянку у Сент-Винсент?

- Без полного обыска - нет, потом там ворота, и они сейчас закрыты, Кот, - ответил Мор. - Бетонные стены, колючая проволока и антиснайперские сетки. Это больница, куда отправляют многих раненых "пухлых" и шишек ЗОГ, поэтому она так блокирована, с охранниками из "Блэкуотер" на этажах и "пухлыми" на внешней границе. Говорят, что они даже получили сдвоенную пулемётную установку калибра 12,7 мм, установленную на крыше, хотя это может и трёп. Даже если я обману всех, и мы припаркуемся, то не сможем оттуда выбраться, если дела пойдут хреново.

- Ну, может, они собираются в больницу на фотосессию с посещением раненых героев Сиона и всё такое, а, может, и нет. Вези нас туда, и посмотрим, не сможем ли мы захватить и увязаться за ними.

Локхарт сунул рацию обратно в чехол.

- Что за неожиданный гость, сэр, то есть Джесси? - поинтересовался Гарднер.

- Это когда какой-нибудь действительно большой ЗОГовский политикан, генерал или знаменитость решают немного нажиться на пропаганде о нас, зловных расистах, - пояснил Локхарт. - Они вдруг падают в оперативном районе, прямо падают с неба. А на земле они прогуливаются, пожимая руки и произнося небольшие речи, целуют всех детей, которые не уехали, выдают несколько шуток, похлопывая по спине местного дурачка - такое отработанное представление. Они хотят, вернувшись, показать людям, насколько всё здесь безопасно, как побеждают силы правды, справедливости и американского образа жизни, и что победа не за горами, ну, ты понял.

Всех недружелюбных местных жителей и трупы, сгоревшие автомобили убирают с улиц, всё это время больших шишек охраняет целый батальон и машины с тяжёлым вооружением, но, конечно, телекамеры охрану не показывают. Потом гости исчезают в небе, и стрельба начинается снова. Буш-второй и Хиллари всё время проделывали это у нас в Ираке. Нежданные гости - настоящая головная боль. Все на страшных нервах. Та большая драка в центре города на Фландерс-стрит несколько лет, где я был с Джимми Уинго и Кики Маги, случилась из-за нежданного появления вице-президента. И самое обидное, что мы даже не смогли его шлёпнуть. Не подобралась близко.

- И кто может упасть на нас с неба? - спросил Гарднер.

- Понятия не имею.

- Может, Челси? - воскликнул молодой доброволец.

- Нам бы такую удачу! Это мы и должны выяснить, но если это достаточно крупный зверь, чтобы имело смысл его завалить для приближения рождения страны белых, я хочу его взять, и мне нужна твоя помощь. Локхарт широко улыбнулся Гарднеру.

- Как знать? Может, ты сделаешь свой первый выстрел в бою как снайпер намного раньше, чем думаешь.

Фургон въехал на подъездную дорогу и медленно двинулся по ней, мимо входа в больницу Сент-Винсент, который теперь укрепили с обеих сторон двумя бетонными дотами на столбах, закрытыми стальными ставнями, а также тяжёлыми задвижными воротами.

Внутри одного из дотов, лейтенант охраны Рой Доу из "Блэкуотер" учил нового охранника, сикха в тюрбане по имени Гупта Саид Сингх пользоваться системой видеонаблюдения.

- В дневное время мы держим ворота открытыми, - объяснял Доу. - Нам поступало очень много жалоб со стороны медицинского персонала, что машины скорой помощи задерживают на въезде и выезде, не говоря уже о сотрудниках, так что днём мы просто используем на входе и выходе подъёмные шлагбаумы. Ночью стальные двери закрыты, и они остаются закрытыми, открываясь и закрываясь для одной машины, после их проверки и пропуска. Никаких исключений.

Сегодня ты будешь дежурить на выходе. Отметишь в журнале каждую машину отдельно, и не забудь осмотреть её, записать номер, а также впиши водителя и пассажиров в суточный бланк. Контроль на входе ещё более строгий. Мне всё равно, будет ли это скорая после столкновения десятка машин или с места взрыва, но ты никого непустишь и не выпустишь, не убедившись, кто они, и что у них за дело. Что бы ни случилось, даже если они истекут кровью, или их разобьёт паралич, что угодно, но правила безопасности должны быть соблюдены. Мы *не позволим* никому из здешних грешников творить злые дела.

Доу был ещё одним евангелистом, которые так нравятся "Блэкуотер", и уже раздражал сикха-полицейского, подсовывая тонкие христианские комиксы в его шкафчик и в пакет с обедом в холодильнике на командном пункте охраны.

- Камеры дают обзор по всей длине подъездной дороги вплоть до въезда на автомагистраль: будь уверен, что ты всегда знаешь, что движется по этой дороге.

- Очень хорошо, са, - кивнул Сингх. - Я должен обратить твоё внимание на то, что синий фургон только развернулся в конце подъездной дороги и возвращается обратно.

- Да, я тоже вижу, - сказал Доу, вглядываясь в телевизионный монитор. - Хорошо, используем этот фургон для обучения. Наверное, лажа, да ты и сам каждый день видишь фуруны "Апекс" по всему Портленду, потому что фашисты так запугали приличных людей, что те боятся ходить в собственные химчистки. Но, как все мы знаем, Добрармия может угнать фургон, и установить в нём такую же большую бомбу из удобрений, как та, что разрушила здание Марра в Оклахома-Сити. Поэтому, когда ты видишь что-то в этом роде, что-нибудь подозрительное, то щёлкаешь мышью по сомнительному автомобилю или человеку, вот так ..., - показал Доу. - Тогда появляется маленькая иконка в виде песочных часов примерно на десять секунд, и ты должен нажать кнопку F3, вот так. В камерах слежения несколько линз, и так ты наводишь одну из линз на цель, и получаешь разделённый экран, который сопровождает цель в любом месте, вот, видишь? Теперь у тебя есть отдельный экран, со всеми функциями и возможностями главного экрана, как и там, видишь?

Вот, фургон приближается к нашей позиции. Если он затормозит или сделает ещё что-нибудь подозрительное, ты нажимаешь кнопку оранжевого кода. Она вспыхнет в остальных проходных, и другие охранники будут знать, что нужно обратить внимание на происходящее. Они также смогут видеть разделённый экран. Ладно, фургон не тормозит и проезжает мимо. Наверное, ошиблись со съездом с 26-й и возвращаются на трассу.

- Тогда почему они притормозили и подъехали к краю дороги? - спросил Сингх.

- Не знаю, - нахмурился Доу, глядя на экран.

Фургон притормозил, потому что добровольцы внутри заметили конвой ФАТПО, идущий по трассе 26 из города за ними и сзади, но им было необходимо ещё несколько мгновений.

- Слышь, Джо, я хочу, чтобы ты ехал за ними, но не слишком близко, просто, чтобы держать их в поле зрения, - попросил Кот по рации. - По крайней мере, в трёх машинах за последним "Страйкером".

- Мы ни хрена не сможем увидеть, - ответил Мор. - Тем более что три гражданских машины перед нами дадут им много места, если в этом есть какой-то смысл.

- Я знаю, но сейчас нам просто надо увидеть, куда они направляются, - ответил Кот.

Для того чтобы дать федералам достаточно оторваться, Мор вынужден был затормозить и немного подать фургон к правой обочине дороги, как будто он собирался съезжать. Это было небольшое движение, и обычно его никто бы не заметил, кроме водителя сразу за фургоном, но у Сингха был острый глаз, да и Доу тоже это засёк.

Рация в сторожке у ворот затрещала.

- "Пилигрим", это "Кабинет врача", - сказал начальник смены "Блэкуотера", обращаясь к колонне по радио. - Мы вас видим. Всё чисто.

- Понял, "Кабинет врача", - ответили из одной из штабных машин.

Доу нахмурился и взял рацию.

- "Кабинет врача", это пост четыре. Возможно, у нас плохой мальчик на подъездной дороге, синий фургон "Химчистка Апекс". Видишь его?

- Да, вижу его, Рой, - подтвердил оператор аппаратной в больнице. - Что с ним не в порядке?

- Наверное, ничего, но мне кажется, будто он отстаёт, ожидая, пока колонна "Приоритет Один" пройдёт мимо, может, чтобы пристроиться, - сказал Доу.

- Ну, ладно, я предупрежу "Пилигрима", - ответил человек в аппаратной.

- Всегда лучше перестраховаться, чем потом жалеть, - продолжил Доу обучение Сингха. - Приспешники дьявола ловкие и подлые. Они могут напасть на тебя отовсюду, в любой момент, как и соблазн греха. Хорошо, они двинулись. Они вышли на трассу и следуют за "Приоритетом Один". "Кабинет врача", ты видел это?

- Точно, - пришёл ответ. - "Пилигрим", это "Кабинет врача". Сообщаю, у вас на хвосте возможно подозрительный автомобиль, синий фургон с надписью "Химчистка Апекс", который только что выехал на 26-ю в трёх машинах за вами. Может быть, это только чьи-то рубашки и костюмы, но я подумал, что вас надо предупредить.

- Понял, "Кабинет врача", - ответил кто-то из конвоя.

Голос принадлежал майору Уоллесу Риду из ФАТПО, кадровому морскому пехотинцу, который был прикомандирован к этой военизированной организации, несмотря на его протесты, потому что, как он выразился, докладывая своему начальству, "не хочет командовать мерзавцами". Ему было сказано, что именно факт, что ФАТПО - мерзавцы и есть главная причина, чтобы они находились под командованием надлежаще подготовленных офицеров. И он может принять их под свою команду или ехать в седьмую командировку на Ближний Восток, на этот раз в Саудовскую Аравию. Рид уже почти согласился на седьмую командировку, но к тому времени вечная более чем пятидесятиградусная жара почти свела его с ума, и мысль о зиме под ледяным дождём Северо-Запада показалась ему мечтой и чистой нирваной. Даже сейчас, хотя было холодно и сыро, Риду хотелось опустить своё боковое стекло, но посол, несомненно, был бы против. Рид переключил свою рацию на другой канал.

- "Пилигрим" - "Баклану Один".

- "Баклан Один" на связи. Давай, "Пилигрим", - раздался голос пилота одного из вертолётов "Апач" над ними.

- Посмотри, синий фургон "Химчистка Апекс" в трёх машинах за нами, только что сел нам на хвост на последнем съезде, - приказал Рид. - Видишь его?

- Так точно, "Пилигрим".

- Следи за ним и доложи мне, если он свернёт, - приказал Рид.

- Может, плохой мальчик? - спросил пилот.

- Я не знаю, - ответил Рид. - Наверное, нет, но скоро мы будем проходить через контрольно-пропускной пункт "Фокстрот 20", и если фургон съедет за нами с шоссе, я хочу, чтобы его не только остановили, но и открыли и тщательно обыскали.

- Вас понял, "Пилигрим", - ответил лётчик. - Работаю по нему. "Баклан Один", конец связи.

В фургоне "Апекс" доброволец Гарднер спросил:

- Джесси, как думаешь, куда ещё они могут направляться?

- Ну, раз это не "Сент-Винсент", то, может, "Бивертон Молл", потому что "Майти Март" взорвали пару лет назад. Оттуда было сделано несколько маленьких передач-агиток, и власти клялись всё восстановить, хотя, как я заметил, они даже обломки ещё не убрали. Это место стало символом борьбы Портленда против "безнравственного расизма" и так далее.

- "Красный Барон" взорвал это здание в три часа утра, так? - спросил Гарднер. - Никто не был убит или даже ранен, как я помню. Почему они хотят сделать символ из пустого универсама, который был взорван, чтобы хозяева не нанимали американских граждан?

- Была задета гордость Амуррики, - усмехнулся Кот. - Эти места являются чем-то вроде официальных храмов Маммоны, а мы осквернили храм Амуррики. И если уж "Майти Март" не защищен от скромной старой Добрармии, тогда кто же в безопасности? Кроме того, руины и перекрученные балки и всё остальное выглядят очень живописно. Там одна детская кукла в коробке наполовину торчит из обломков, и при каждом воспоминании об этом взрыве, камеры всегда показывают крупным планом эту раздавленную куклу. Молчаливый намёк, что во время взрыва погибли дети, тогда как на самом деле, как ты сказал, никто вообще не был убит.

Это один из многих способов, когда средства массовой информации врут, не сказав ни слова лжи, представь себе! Я отдаю должное жидам в этом отношении: они - мастера пропаганды.

Мобильный телефон Локхарта запищал. Джесс пробормотал странный неестественный код, так как Добрармия была вынуждена использовать связь через базовые станции мобильной связи, а затем выключил телефон. Затем включил рацию.

- О'кей, если я правильно понял, Оскар передал условным языком, что в колонне перед нами важная оккупантская шишка. Хаим Либерман, посол Израиля в Соединённых Штатах.

- Вот дерьмо! - вырвалось у Гарднера. - Какого чёрта он здесь делает?

- Вероятно, внезапный визит для фотосессии, как я и говорил, - ответил Локхарт. - Израильтяне действительно раскручивают свою машину обработки общественного мнения в Амуррике. Говорят, что мусульмане, наконец, перестают дурачиться около разных оккупационных американских гарнизонов в разных странах, и готовятся к какому-то большому наступлению на Израиль, никто точно не знает какому, но слухи об этом идут. Евреи беспокоятся, судя по деньгам, которые они разбрасывают в Вашингтоне как конфетти, и по тому, как проклятые телепроповедники больше, чем прежде, призывают сражаться за Израиль. Видимо, это часть их кампании давления на Соединённые Штаты с конечной целью сбросить атомную бомбу на Мекку.

- Чёрт возьми, - пробормотал Гарднер. - Я не мусульманин, но даже мне ясно, что заключить любой мир между нами и ими будет просто невозможно.

- По-моему, так и задумано, - сухо сказал Локхарт. - Всеми силами *добиться*, чтобы мы никогда не смогли остановить это безумие. Как и в Ираке, где наши так называемые советники из Моссада заставляли нас хоронить любого араба, которого мы убивали, в свиной шкуре, или, если это невозможно, с салом в мешке с телом, намеренно оскорбляя их веру, что не прощается. Затем они улетали в своих проклятых вертушках и оставляли нас наедине со злобой и ненавистью оставшихся арабов. Кстати о вертушках..., - и он взял рацию.

- Джо, те вертушки ещё над нами?

- Ну да, - подтвердил Мор.

- Дай мне знать, если они уйдут на разведку и в каком направлении. Это может подсказать нам, куда они направляются.

- Понял.

- Ты знаешь, Либермана называют "Мясник Иерихона"? - спросил Кот. - Когда Либерман был генералом, командовавшим еврейской оккупацией Западного берега, какие-то жида в поселениях сильно страдали от постоянных обстрелов, и он решил дать урок целому палестинскому городу Иерихону. Помнишь, в Библии говорится, что Иосиф готовился к

битве, стены рухнули, и так далее? Либерман ночью окружил весь город, а затем около четырёх утра послал вертолёты с зафлюгированными двигателями и сбросил газовые бомбы. Со старым добрым горчичным газом. Тысячи людей умерли в муках во сне, мужчины, женщины, дети, младенцы, все до единого. А те, кто выжил, все ослепли, или их лёгкие болели всю жизнь. А Хиллари, как ни удивительно, позвонила премьер-министру Израиля и поздравила со смелым ударом по терроризму.

Локхарт вздохнул.

- Мне всегда было стыдно за то, что мы сделали этим людям. Многие ребята, которые вернулись из стран Ближнего Востока, ненавидят всех мусульман, без раздумий, и, если вспомнить, что те делали с нами, резали головы и всё такое, я могу их понять. Но ведь начали это мы, ещё в 1948 году, когда напустили на арабов этих грязных жидов, которые украли их землю, а потом мы пришли снова, чтобы украсть их нефть. Я убивал их, но никогда не ненавидел. Они просто делают то, что мне хотелось уже тогда, чтобы белые американцы набрались смелости когда-нибудь сделать. Как мне хочется шлёпнуть этого жида! И так покаяться перед всеми людьми, которых я там заставил страдать.

- Когда они попадут туда, куда хотят, ты будешь стрелять? - нетерпеливо спросил Гарднер.

- Да, в любом случае, если это не будет для всех нас просто самоубийством.

- Похоже, они сворачивают, - раздался голос Мора из кабины. - Съезд на Корнелл.

- И что теперь? - удивился Кот. - Куда к чёрту они едут?

Джо Мор заговорил по рации:

- Кот, хорошая новость и плохая. Плохая, что наверху съезда с шоссе есть блок-пост "пухлых", и они едут прямо к нему. Хорошая новость, что у нас несколько заказов "Апекса" в Корнелле и дальше в Томпсоне, и они вписаны в мой путевой лист, так что у нас есть, как объяснить наш маршрут.

- Едем туда, - быстро решил Кот.

Мор свернул на съезд, и синий фургон втянулся в ряд машин наверху съезда, ожидающих пропуска через стандартный мобильный блок-пост с переносным шлагбаумом с ручным управлением, где около двадцати полицейских ФАТПО в тёмно-синей, почти чёрной форме и в бронежилетах, сновали по обеим сторонам дороги. Он открыл кузов и подтянул ряд костюмов и рубашек на закрытой задней стойке, так что любой заглянувший в фургон увидел бы только предметы одежды в пластике на плечиках и полиэтиленовые пакеты на полу.

- Ладно, Скотт, держи оружие наготове, на всякий случай, если кто-нибудь сунет нос слишком далеко, но лучше бы ему держать свой нос подальше.

Локхарт вынул свою винтовку "М-24" из зажимов и дослал патрон в патронник. Гарднер достал свою охотничью винтовку, "Стейр 30-06" с прицелом, и проделал то же самое. Это могло казаться рискованным, но фургоны "Апекс" примелькались на улицах, и в любой день проходили, по крайней мере, один контрольно-пропускной пункт ФАТПО или полиции. Фургоны больше почти никогда не обыскивали, а в тех редких случаях, когда обыски проводились, до сих пор в них находили только бельё. Все бумаги Мора были в порядке, и он часто проходил такие КПП на прошлой неделе; теперь на своём маршруте он даже знал некоторых из "пухлых" по именам.

Мор не был знаком с белым капитаном с бледным лицом, который подошёл к его кабине с винтовкой "М-16" на изготовку и заговорил обманчиво вежливым тоном полицейского, задумавшего какую-то подлость. Не знал он, и что трое "пухлых", стоявших за ним под морозящим дождём, также держали винтовки снятыми с предохранителей. В обоих

боковых зеркалах Мор увидел множество вооружённых головорезов, окружавших фургон сзади.

Капитан попросил:

- Сэр, прошу выключить двигатель и выйти из фургона.

- Конечно, - пожал плечами Мор, - Позвольте мне взять путевой лист.

Мор наклонился немного вправо, чтобы достать свой автоматический "Хай-Пауэр Браунинг", но какой-то инстинкт заставил его нырнуть вниз, когда один из федералов выпустил пулю по кабине, продырявив левое плечо и левую сторону лица Мора. Мор вдавил в пол педаль газа, даже не глядя, куда едет, снёс лёгкий шлагбаум контрольно-пропускного пункта, поднял браунинг правой рукой и сумел сделать несколько выстрелов в разбежавшихся "пухлых", когда вылетел на корнелльское шоссе, уклоняясь от встречных машин и набирая скорость, а колеса фургона визжали по скользкому асфальту. Раненой левой рукой он едва мог держать рулевое колесо и должен был положить пистолет на сиденье и взять рацию, чтобы поговорить с людьми сзади.

- Кот, они раскрыли нас! - закричал он. - Не знаю, как, но когда я остановился, они все подошли к нам в готовности!

- Да, я видел, - ответил Кот. - Ты цел, Джо?

- Меня задело где-то слева, и рука начинает адски болеть, но я все ещё могу вести машину, - сообщил Мор. - Мы проскочим?

- Проклятые вертушки! - ругнулся Кот. - Нет смысла бежать от двух вертолётов, охотящихся на нас, плюс они боевые, и, наверно, размажут нас по дороге! Джо, тапку в пол, догоняй этот конвой, прижмись к нему так плотно, чтобы вертушки боялись пускать ракеты или стрелять из цепных пушек, чтобы не попасть по своим! Потом, если сможешь выкрутиться, держи на птичий заказник здесь, в Корнелле. Это около девяти квадратных километров леса, и мы сможем, по крайней мере, укрыться там среди деревьев и попытаться выбраться оттуда.

- То есть нас будут заботить только "Страйкеры", - пробормотал Мор, который понял, что теперь у них нет почти никаких шансов.

- Что за хрень? Держитесь!

Мор вжал педаль газа в пол, и фургон понёсся по дороге Корнелл Северо-Запад, с бешеной скоростью обгоняя более медленный транспорт, так что через несколько секунд увидел заднюю бронированную машину конвоя. Затем Мор включил рацию.

- Они могут подумать, что у нас заминированный автомобиль и разбегутся! - с надеждой крикнул он Коту.

- Только не перевернись! - мрачно ответил Кот. - У нас сзади нет ремней безопасности.

Экипаж заднего "Страйкера", похоже, зевнул, или они почему-то побоялись открыть огонь по фургону, возможно, полному взрывчатки, потому что синий фургон догнал автоколонну прямо на пересечении Корнелла и Бульвара Скайлайн, и штабные машины рассыпались как испуганный выводок куропаток. Невозможно было понять, в какой из них сидел израильский посол. Головной "Страйкер" полоснул по фургону пулемётной очередью, когда тот с рёвом пролетел мимо, и пули продырявили машину по всей длине, раскромсали бельё нескольких жителей Портленда, но каким-то чудом не задели никого из добровольцев. Локхарт следил за внешней обстановкой по лэптопу. Включил рацию.

- Джо, к нам сверху приближается "Апач". Через десять секунд мы получим в зад ракету "Гидра". Нам нужно прыгать.

- Я въезжаю на дорогу Томпсона, тот птичий заказник рядом на холме справа! - выкрикнул Мор. - Хочу въехать вон на ту бензоколонку, а там мы спрыгиваем и бежим. Может, эти козлы из ФАТПО не выпустят ракеты, там полно гражданских.

- Ну да, и, может, когда они нас поймают, то угостят печенками с молоком. Как только он остановится, открываем двери и прыгаем, - приказал Локхарт Гарднеру. - Нам нужно попасть в лес, где они не смогут видеть нас с вертушек как микробов в микроскоп. Остаётся надеяться, что у них нет инфракрасных приборов слежения! Мы хотим заставить ублюдков войти за нами и попробовать взять нас в ближнем бою врукопашную.

Мор ошибся, надеясь, что "пухлые" проявят сострадание и заботу о жизнях мирных жителей. Их боевой вертолёт "Апач" без всякого сожаления выпустил ракеты по фургону через пару секунд после его остановки. Локхарт и Гарднер выскочили из фургона, а Мор, которому пришлось открывать левую дверь водителя правой рукой и спускаться вниз из кабины, не пользуясь левой рукой, пропитанной кровью, запоздал на пару секунд. Он был убит, когда грузовик взорвался, разлетевшись на миллион металлических осколков и клочьев ткани.

Вторая серия "Гидр", которую "Апач", похоже, выпустил просто для смеха, взорвала ёмкости с бензином под бетонным покрытием. Земля содрогнулась, огромный огненный шар взметнулся в небо, и в пламени погибли ещё двенадцать человек, которые остановились заправиться в неудачном месте в неудачное время, да ещё работники бензозаправки.

Но взрыв и завеса чёрного дыма, который поднялся в воздух, закрыли Локхарта и Гарднера от вертушки почти на минуту. Когда с вертушки снова их заметили, оба добровольца с винтовками в руках бежали по низкому холму к опушке леса в птичьем заказнике Портлендского общества имени Одобена.

Лётчик "Апача", прапорщик Джеймс И, азиат из Калифорнии, всегда мечтал быть чёрным. Даже в своей кабине он носил бейсболку команды "Лос-Анджелес Лейкерс" задом наперёд.

- Eeee! - заорал он. - Что я говорил!

Второй пилот, прапорщик Эдди Уильямс, был настоящим негром. Эта парочка постоянно разыгрывала одну и ту же шутку. Им нравилось игра "Час пик" по особенно идиотскому телесериалу, снятому несколько десятилетий назад.

- Парень, когда вернёшься на базу, *пофмотришь в зеркало?* - спросил Уильямс у напарника. - Читай по моим губам, гомик: *"Ты не чёрный!"*

- Заткнись и дай мне вести эту штуку, пока ты кончаешь беляков? - ответил И.

- С удовольствием, - сказал Уильямс и открыл огонь из 30-миллиметровой цепной пушки по одному из бегущих, сбив Скотта Гарднера на землю и всадив в него десятки пуль.

- Да, да, как тебе это нравится, раффийский ублюдок? А это?

"Апач" проревел над убитым. Тут в кабине "Апача" раздался громкий лязг, и Уильямс завизжал как животное.

- Мне отфрелили член! Мне отфрелили член! - выл негр и в судорогах бился в кресле.

Пилот И посмотрел вниз и увидел, что промежность его партнёра превратилась в намокшее месиво, из которого кровь бьёт струей на лётный костюм Уильямса и его кресло. Пуля, выпущенная с земли из винтовки Локхарта, попала прямо в брюхо вертолёта, и, несомненно, это она отсекала половой орган прапорщика Уильямса.

- Мой член! Где мой член? - громко стонал Уильямс, шаря руками по потолку и вокруг кресла в поисках своего потерянного мужского достоинства. - Его прифьют обратно, правда, парень, ани прифавят его назад, а?

Тут И опять услышал звон металла, когда вторая винтовочная пуля пробила кабину, и решил, что настал момент, когда благоразумие лучше отваги. Он развернулся и доложил по рации: "Паломник", это - "Баклан Один". Цель уничтожена, один террорист убит и один - пока в бегах. Мы получили попадание, мой второй пилот тяжело ранен. Возвращаюсь на базу".

Пенис Эдди Уильямса так никогда и не нашли, но это уже не имело значения. Ко времени, когда И посадил вертолёт на авиабазе ФАТПО в аэропорту Портленда, Уильямс умер от потери крови.

Поспешное бегство "Баклана Один" дало Коту Локхарту время добраться до опушки леса в птичьем заказнике. Локхарт увидел сверху, что колонна ФАТПО остановилась на безопасном отдалении от горящей бензоколонки, и навёл на них свою винтовку.

Внизу посол Хаим Либерман вышел из штабного лимузина. Либерман был израильтянином старого наглого образца, высокий, худощавый и мускулистый, загорелый, с модной стрижкой и внешностью кинозвезды. В этот день Либерман был одет в безупречно сшитый костюм от "Армани", но ещё лучше он выглядел в военной форме с расстёгнутой рубашкой и всегда пользовался любой возможностью, чтобы продемонстрировать волосатую грудь, от которой сходили с ума *шиксы* в ООН и в Белом доме.

За Либерманом из машины вышел майор Уоллес Рид.

- Сэр, не думаю, что это правильно, - сказал Рид. - Здесь небезопасно. "Баклан Один" доложил, что где-то здесь всё ещё бегают один из плохих парней.

- Ерунда, майор, - сказал Либерман, хлопнул Рида по спине и снисходительно искренне рассмеялся. - Я сам - старый солдат, помнишь? Мне просто хочется посмотреть, как твои ребята справляются. Я не волнуюсь.

А Либерману следовало волноваться, потому что в этот миг пуля калибра 7,62 мм упала с неба, пробила жиду горло, порвала шею и разорвала шейную вену. Либерман хрюкнул, кровь хлынула у него изо рта, он замертво рухнул на асфальт, а на его жёстком лице застыла гримаса деревянной куклы. Рид уставился на то, что осталось от человека, которого он был обязан охранять, осознавая, что его карьера рухнула, когда вторая пуля врезалась в его бронежилет, сбила с ног и сломав два ребра. Позже бригада судебных экспертов из ФБР установила место, где скрывался Кот Локхарт, и что выстрел был сделан с более чем семисот метров.

Локхарт скрылся в лесу. "Теперь попробуйте достать меня, козлы!" - прорычал он. Но они достали. Несколько сотен. Все выходы из заказника за считанные минуты были наглухо перекрыты группами ФАТПО, сброшенными с вертолётов.

Локхарт перемещался и стрелял, и убил ещё нескольких "пухлых". Но всё-таки их оказалось слишком много. Локхарт пал в этот холодный и дождливый день, с оружием в руках, и земля страны, за свободу которой он отдал свою жизнь, приняла его кровь. Некоторые из врагов позже рассказывали, что когда они приблизились к телу Локхарта, им послышался шум крыльев. Ведь, в конце концов, это был птичий заказник.

* * *

Около трёх часов командир Второй бригады Томми Койл созвал срочное совещание с участием командира Первой бригады Билли Джексона и капитана Уэйна Хилла в захолустном кафе в Макминнвилле, якобы закрытом на переоборудование. Хотя Койл и Джексон были формально равны по званию, Койл был старше и фактически отвечал за все действия Добрармии в районе Портленда. Джексон взял с собой лейтенанта Джимми Уинго и

Кики Маги. Хилл опоздал на несколько минут, и его впустили с задней двери кафе. По белому лицу Кики он понял, что случилось что-то страшное. Глаза Кики покраснели, и она плакала.

- Что случилось? - спросил её Хилл.

- Кота убили, - ответила Кики, голос которой прерывался от горя. - Эти проклятые скоты тащат его тело по улицам в центре города и хохочут по телеку как гиены. Я больше не могу смотреть.

Хилл бросился в бар. Койл, Джексон, Уинго, Гэри Бреслер и несколько других добровольцев из обеих бригад Добрармии смотрели на широкий экран плазменного телевизора на одной из стен с лицами, искажёнными потрясением и гневом.

- Кики сказала тебе про Кота? - спросил Уинго.

- Как это случилось?! - воскликнул Хилл.

- Теперь, когда вы оба здесь, может, и объясните мне, - пробасил Койл. Тон его голоса был жёстким.

- Оскар, мне доложили, что вы с Билли послали Кота на обычную поездку для подготовки "щекотки", верно?

Джексон пояснил:

- Кот и двое других добровольцев, Джо Мор и тот новый парнишка Скотт Гарднер из роты "В" Второго батальона, выполняли обычное патрулирование в фургоне "Апекс". Кот обучал Гарднера азам разведки и определения целей. Потом позвонил Оскар и сказал, что ему нужно установить пару объектов. Он просил меня связать его с кем-нибудь, кто находится около шоссе 26 для проведения разведки.

Я просил их проследить за важным конвоем противника, который, как мы только что узнали, доставлял посла Израиля с неожиданным визитом на старое еврейское кладбище на Сент-Хеленс Роуд, - объяснил Хилл. - Теперь я знаю, что он собирался произнести речь на могиле одного его родственника, выжившего после так называемого Холокоста, про Америку и Израиль, сражающихся плечом к плечу со злом терроризма, и тому подобное враньё. Но сначала мы не знали, куда он направлялся. Данных из Центра юстиции были крохи.

- Они поймали конвой на 26-ом, но в любом случае их перехватили на контрольно-пропускном пункте на съезде к Корнеллу, - продолжил Джексон. - Парни станцевали бибоп через блок-пост и почти добрались до лесопарка, так что они могли оторваться пешком, и была надежда спастись из этого района, или же мы могли помочь им с отходом, но тут мы потеряли с ними контакт. В последнем сообщении Мор смог передать нам, что их преследуют вертолёты огневой поддержки, а затем начался трёп на частотах полиции и "пухлых", но мы не могли понять, что происходит.

Я послал несколько групп по два человека, чтобы посмотреть и доложить, и, может быть, вытащить ребят, но "пухлые" блокировали всю северо-западную часть города. Наши парни не смогли подобраться к месту действия ближе, чем на километр. Все три человека из фургона погибли, не знаю, при каких обстоятельствах, хотя, судя по всему, парни оказали сопротивление и захватили с собой кучу "пухлых".

По докладам, которые мы получаем, "пухлые" взорвали к чёрту и фургон и бензозаправку. Нашим ребятам удалось покинуть машину, но в какой-то момент все они погибли.

- А не мог ли конвой быть своего рода подставой? - предположил Койл.

Хилл беспомощно пожал плечами.

- Мы слышали обо всём этом только вчера поздно вечером, - ответил он. - У нас, конечно, есть люди в Центре юстиции, но они не имеют допуска к секретной информации и вынуждены в основном полагаться на то, что могут выловить из корзин для бумаг и подслушать в комнате отдыха и туалете.

- Сэр, если это была подстава, то они потеряли приманку, - отметил Джексон. Не знаю, уловили ли вы это во всём этом тарараме по ТВ, но некоторые из СМИ дважды мельком упомянули, что посол Израиля был убит. Похоже, что Локхарт всё же успел последним выстрелом завалить крупного зверя.

- Боже мой, посмотрите на этих ... этих... .

Койл кивнул на телевизор, потому язык ему просто не повиновался.

Хилл посмотрел на экран, когда один из добровольцев усилил звук.

Съёмка велась с вертолётной программы новостей где-то над центром города, и Хилл видел иссиня-чёрный "Хаммер" ФАТПО, медленно ползущий по улице в сопровождении нескольких открытых грузовиков, набитых "пухлыми". Некоторые полицейские бежали рядом с "Хаммером", приплясывая и подпрыгивая как пьяные чёрные летучие мыши. "Пухлые" в грузовиках и на улице, торжествуя, палили из оружия в воздух, и Хилл удивлялся, как они до сих пор ещё не попали в вертолёт с репортёрами.

К задней части "Хаммера" была привязана белая нейлоновая верёвка, и на ней примерно в пяти метрах сзади джип тащил красноватый комок, напоминавший человеческое тело. Одежда, похоже, была сорвана или разорвалась из-за трения об асфальт, тело принадлежало белому, но остальное уже было невозможно распознать. Хиллу показалось, что он видит слабый красноватый след, остающийся на улице за трупом.

Улица была полна ликующими людьми, и даже с высоты, когда камера показывала эту толпу, Хилл различал, что большинство в ней составляли чёрные, смуглые и азиаты. Лишь изредка в толпе мелькали лица молодых белых, возможно, гомосексуалистов, университетских студентов-леваков или же просто зевак. Но большую часть толпы определённо составляли небелые. Казалось, что барабаны джунглей как-то передали известие, и все нацменьшинства города метнулись на улицу, чтобы отпраздновать смерть одного из своих самых ненавистных врагов.

Телекартинка опустилась на уровень улицы. Женщина с явно семитскими чертами, одетая в дождевик, держала микрофон. Она оживлённо говорила с окружающими.

- Я - Памела Левинсон, веду репортаж для "Фокс Ньюс". Сегодня праздничный день для всех американцев здесь, в Портленде, после того как представитель Федеральной антитеррористической полиции подтвердил, что примерно девяносто минут назад один из самых печально известных расистов-убийц из армии Северо-Запада, снайпер Джесси Локхарт - "Кот" или "Кошкин Глаз", он же "Валет бубен", а также два других фашиста-террориста были настигнуты и уничтожены ФАТПО в ходе чётко согласованной стремительной операции в районе лесопарка Портленда. Насколько я знаю, и президент Челси Клинтон и губернатор Орегона Майк Цафендас официально поздравили сотрудников и сотрудниц ФАТПО с этим серьёзным ударом по внутреннему терроризму.

Экран разделился, и в верхнем правом углу появилось лицо белого мужчины в галстуке и костюме.

- Это верно, Пэм. Канцелярия губернатора всего несколько минут назад сделала заявление с благодарностью губернатора Цафендаса, в котором говорится, что жители штата Орегон сегодня ночью уснут спокойнее, зная, что расистских подонков в нашем штате стало на трое меньше, чем было утром. Мы ожидаем официального заявления пресс-секретаря Белого дома, и "Си-Эн-Эн" покажет вам эту пресс-конференцию, когда она начнётся. Но

можем подтвердить, что президент Клинтон позвонила командованию ФАТПО здесь, в Портленде, чтобы выразить своё удовлетворение, и поздравила с этой новостью.

Пэм прервала его. "Хаммер" со страшным грузом как раз приблизился к её месту на улице.

- Давай поговорим с некоторыми храбрыми федеральными полицейскими, которые героически выполнили эту задачу! - воскликнула она.

Она и оператор сумели пробиться через толпу к проезжей части улицы, и Пэм ухватила одного из танцующих и визжащих полицейских, которые отрывались, подпрыгивая и кривляясь вокруг осквернённого тела Локхарта. Полицейский из ФАТПО, о котором идёт речь, был черномазым с крысиными усиками и золотыми зубами.

- Командир, ты можешь рассказать нам, что случилось? - крикнула Пэм.

- Как вам это удалось?

- Ми фтрелили эта белая ублюдка в жопа! - выкрикнул обезумевший чёрный. - *Зарыла* эта рафифт долбаный жопа нафегда! Это я фказал!

Затем камера крупным планом показала раздавленную и кровавую кучу мяса и костей, недавно бывшую Джесси Локхартом. Все добровольцы в баре отвернулись, а один из них резко выключил звук. Наступила долгая минута молчания.

- Можно мне предложить использовать это событие как подходящий повод для проведения операции "Фестиваль", сэр? - тихо спросил Джексон.

- Формально мне требуется получить разрешение Совета Армии на начало "Фестиваля" и, возможно, наши потери будут больше, чем мы можем себе позволить, - вздохнул Койл.

- Я могу связаться с мистером Чипсом, но нам нужно начать действовать сейчас же, и не думаю, что кто-нибудь там будет возражать, - заметил Хилл. - Кот был героем. Возможно, мне будет трудно дозвониться, или ты знаешь как лучше.

- Нет, подожди. Он всё равно тебе позвонит, - заверил его Койл. - Я не хочу обманывать себя и других. Потеря Локхарта для нас страшный удар, и нам нужно крепко им врезать в ответ. Наша политика всегда была такой. Мы никогда не позволяли америкасам заявлять о победе и не получать от нас ещё более сильного ответа. Нельзя показывать, что мы теряем темп. Для этого и "Фестиваль".

Подожди ответа от Совета Армии, и если кто-нибудь там начнёт колебаться и захочет воздержаться, дай мне знать, и я решу вопрос. Через пару часов в любом случае ты не сможешь меня найти, потому что я иду со всеми вами. Я знаю, что, может, это и не профессионально для командира и так далее, но будь я проклят, если они и мне не заплатят кровью.

- А что это за операция "Фестиваль"? - спросила Кики, которая вернулась в комнату.

- Это когда мы выходим на свободную охоту на этих сукиных детей со всем, что у нас есть, товарищ Кики, - объяснил Койл. - Первоначально "Фестиваль" был задуман для использования в случае, если что-то произойдёт в Сиэтле или Спокане или в другой ситуации, когда нужна диверсия, чтобы ослабить военное давление в другой точке, где сосредоточился враг, но я согласен с Оскаром, что в этом случае он необходим. Лейтенант, ты знаешь задачи своей роты на "Фестивале"?

- Да, сэр, - ответил Уинго.

- Все командиры рот Первой бригады знают, сэр, - сказал Джексон.

- Как и Второй. - Хорошо, пусть будет "Фестиваль", - подтвердил Койл.

- О, Боже! - в отчаянии вскрикнула Кики. - Я просто подумала. Кто сможет сказать про Кота Кристине Экстрем?

Койл удивлённо взглянул на неё.

- Что? Они что, были ... ?

- Да сэр, ещё с Калифорнии, - кивнула Кики. - Крис вернулась в Асторию и в Третий батальон, но я знаю, что они продолжали видеться, когда могли.

Телефон Койла запищал. Он выслушал.

- Только что говорили о тебе. Ну да, будет "Фестиваль". А твои ребята подъедут, поучаствовать в развлечениях? - спросил Койл.

- Я не смог бы их остановить даже если бы захотел, - ответил Хэтфилд на другом конце линии. - Ты что, забыл, что Кот был наш местный?

- Ладно, перед тем, как вы с рёвом ворвётесь в город, я хочу встретиться с тобой в "Шуга Шек" в ..., - он посмотрел на часы, - в 18:00, и решить вопросы взаимодействия. И ещё, мне только что сообщили о том, что Кот и лейтенант Экстрем... Она уже знает?

- Она знает, - кратко ответил Зак.

- Прошу передать мои глубочайшие соболезнования, - произнёс Койл. - Ей, её отцу и всем добровольцам Третьего батальона.

- Обязательно. "Шуга Шек", в 18:00.

Зак отключился.

Койл набрал номер.

- Это Гарфилд, - проговорил он в трубку. - Я хочу большую порцию лазаньи, как можно скорее. Перезвони мне.

Он отключил мобильник.

- Через минуту я обращусь ко всему личному составу обеих бригад Добрармии, - пояснил он присутствующим. Цифровая запись обращения будет послана на телефоны всех офицеров, которые используются ими для голосовых сообщений, а также передана по команде дальше или прослушана каждым добровольцем. Я знаю, что опасно открыто передавать что-нибудь вроде этого, при существующем отслеживании сообщений на вышках мобильной связи, поэтому мы никогда не использовали эту систему раньше, но бывают случаи, когда я должен обратиться к своим людям прямо, и это один из них.

Добровольцы продолжали с отвращением смотреть телевизор.

- Дерьмо! - через секунду выкрикнул Койл. - Они потащили тело на Фландерс-стрит!

Действительно, "Хаммер", автоколонна и толпа за ними приостановились на том углу, где "Битва на Фландерс-стрит" была заснята на видео и разлетелась по всему миру.

Койл снова включил звук. Женщина-репортёр Пэм проследовала за машинами и снова заговорила. Она не только ухмылялась, ухмылка слышалась и в её голосе.

- Я не был уверен, что она - еврейка, то теперь знаю точно - жидовка! - со злобой и отвращением сплюнул Уинго.

Пэм бормотала дальше.

- Похоже, в ФАТПО решили символически отомстить за героическую смерть шефа полиции Портленда Линды Хирш и ещё нескольких прекрасных и смелых портлендских полицейских. Здесь, на этом теперь печально известном перекрёстке Фландерс-стрит и 13-й авеню несколько лет назад Локхарт с двумя сообщниками убили шефа Хирш.

"Фландерс-стрит" - с замиранием сердца подумала Кики, и чувство страшной вины, которое она так долго старалась подавить в себе, внезапно снова нахлынуло на неё со всей силой.

"Я вела его в тот день туда, чтобы предать. Теперь они снова притащили его сюда, чтобы надругаться над телом и оплевать память. Бог говорит со мной. Это моя вина. Я могу бежать, но не могу скрыться".

Камера показала нескольких полицейских ФАТПО, приближающихся к изуродованным останкам на земле. Они несли штыки, ножи и шанцевый инструмент.

Экран телевизора погас. Все оглянулись и увидели, что Оскар положил пульт на стойку.

- Мы не должны видеть это, - сказал он тихо. - Мы должны сохранить наши головы ясными, а сердца - спокойными для дела сегодня вечером. Наш гнев праведный, но если мы позволим ему руководить нашими поступками, то наделаем ошибок, и тогда погибнет ещё больше наших товарищей кроме тех трёх, что умерли сегодня. Мы сможем прочитать об этом завтра в газетах, пару строк в конце длинных рассказов о том, что мы сделаем с ними сегодня вечером.

- Я согласен, - мрачно кивнул Койл. - Спасибо, Оскар.

Телефон Койла зазвонил. Он взял мобильник. И спросил: "Готово?"

После короткой паузы Койл заговорил:

"Товарищи, говорит Томас Аквинас Койл, командир Второй портлендской бригады Добровольческой армии Северо-Запада. Вы должны были слышать, что сегодня днём мы потеряли храброго добровольца, настоящего героя нашего народа и верного друга, а также двух других верных товарищей.

Даже сейчас, когда я говорю, враги радуются на улицах Портленда, торжествуя, воют и ревут как животные, которыми они и являются. Это прекратится. Это прекратится сегодня вечером, потому что мы намерены стереть ухмылки с толстых губ и придушить смех в мерзких глотках. Они заплатят нам своей грязной кровью за поругание, которому были подвергнуты бранные останки Джесси Локхарта. Операция, в которой вы будете участвовать, называется "Фестиваль". В следующие 24 часа мы намерены достать этих сукиных детей. Мы будем травить этих паразитов и превратим их гогот в вопли боли и ужаса. Сейчас они радуются. Но завтра они будут прятать свои физиономии и дрожать в ужасе от счёта, который мы им предъявим.

Ваши командиры рот доведут до вас конкретные цели и методы атак. Придерживайтесь плана как можно ближе, но не отказывайтесь от выдумок и огня по внеплановым целям. Только постарайтесь не погибнуть в этой операции. Мы скорбим о трёх товарищах, и я с сожалением допускаю возможность того, что завтра мы можем потерять ещё нескольких добровольцев.

Я хочу, чтобы наш список боевых потерь был как можно короче, а потери врага были огромными. Кровная месть за павшего брата - оправданный и справедливый акт, как и моральный долг всех мужчин с честью и гордостью. Самоубийство не служит нашему делу и нашему будущему, оно предаёт память "Кота" Локхарта, Джо Мора и Скотта Гарднера. Они хотели бы, чтобы мы жили для Республики, а не умирали за неё. Проливайте кровь врагов сегодня вечером, но берегите свою собственную, насколько это возможно. День нашей победы близится, товарищи. Мы все знаем это. Если бы ЗОГ был способен нанести нам поражение, они уже добились бы этого. А мы обязательно победим. Я хочу, чтобы все вы были со мной, когда будет отменён Общий приказ номер десять, и мы все вместе сможем поднять бокал в память о Джесси Локхарте и всех мужчинах и женщинах, которые отдали свои жизни, чтобы наша земля и наш народ обрели свободу. Берегите себя сегодня вечером. Стреляйте точно, и пусть эти злобные людишки кровью заплатят за оскорбления и трусость. Удачи, товарищи, и удачной охоты. Койл, конец связи".

* * *

В тот вечер в Портленде разразился сущий ад.

Для СМИ и населения города всё выглядело стихийным, как взрыв мести Добрармии за смерть Кота Локхарта. Это было не так. Армейское командование давно планировало операцию "Фестиваль", утрясая идеи, выбирая тактику, а также прогнозируя ответы противника и периодически обновляя план на случай, если его паридётся выполнять немедленно. Главной проблемой было большое количество громил ФАТПО и портлендской полиции на улицах, особенно тех, что окружали главные намеченные цели во враждебных районах и около ключевых объектов вроде аэропорта, Центра юстиции, полицейских участков и электростанций и так далее. По возможности сами силы противника должны были поражаться и уничтожаться, но главная цель состояла в том, чтобы обойти их и выйти на большое число остальных слабозащищённых, но важных целей в Портленде.

В сумерках две городские бригады Добрармии образовали чуть больше сотни штурмовых групп, от четырёх до шести человек в группе, и минимум с двумя машинами на группу. Некоторые из групп были объединены в большие специальные оперативные группы с особыми задачами. Было темно, пасмурно, безлунно и промозгло, но дождь не шёл. В операции участвовали все до единого, даже тайные агенты вроде Рея Риджуэя, который выполнял роль наводчика и нацеливал людей из группы ликвидаторов Оскара на нескольких богатых сионистов, местонахождение которых он тайно устанавливал, где бы они ни скрывались от волнений, в своих домах и клубах, офисах или в роскошных номерах отелей.

Кроме того, в распоряжение Койла поступали примерно 250 хорошо вооружённых добровольцев из Третьего батальона, которые прибывали с побережья по разным просёлочным дорогам и сосредоточивались в конспиративном доме, известном как "Шуга Шек". Хэтфилд и Койл старались как можно быстрее рассылать добровольцев по мере их прибытия, чтобы слишком много людей не собирались в одном месте и не подвергались опасности внезапного нападения.

После совета с Хэтфилдом Койл послал людей из Третьего батальона в десяток засад у съездов и выездов вдоль федеральных шоссе 26 и 30, а также у междуштатной автомагистрали номер пять при въезде в Портленд, с целью контроля доступа в западную часть большей столичной области и срыва любой попытки ФАТПО или полиции перебрасывать большие силы, средства и оружие из пункта в пункт по земле.

Командир Билли Джексон с Первой бригадой получил задачу атаковать и причинить как можно больший ущерб в центре города и на севере Портленда, в последнем заметном африканском гетто, оставшемся на Родине.

- Если в общем это выглядит выполнимым, то я хочу понять, сможем ли мы сегодня ночью вычистить всё это проклятое чёрное пятно, - сказал Койл Заку. - Мы должны улучшить пейзаж нашего "Города роз", постаравшись, чтобы на улицах не осталось ни единой чёрной физиономии. Ну, раз уж этим займёшься ты, прикинь, не сможешь ли ты очистить и Портлендский университет. Том и Бекки говорят, что немногие оставшиеся приличные белые студенты живут вне кампуса, так что это в основном зона свободного огня.

- Ты выделишь мне "курильщиков", Том? - спросил Джексон. - Думаю, что они - как раз то, что доктор прописал для этих гнилых рощ академии.

- Согласен, - кивнул Койл. - Сегодня ночью мы обнаружим все три вида нашего секретного оружия и представим их мистеру Жиду.

Задача Второй бригады состояла в том, чтобы выследить, вступить в бой и уничтожить любого "пухлого" и полицейского, которых добровольцы смогут заманить в засады, достичь огневого превосходства, подавить их на контрольно-пропускных пунктах огнем из стрелкового оружия и РПГ, а, в конечном счёте, вынудить врагов отступить в

казармы, полицейские участки или Центр юстиции, отвлечь их внимание, помешать передвижениям, и таким образом обеспечить свободу действий другим добровольцам для выполнения задач в городе. Как только начались бои, случилось много накладок между всеми этими тремя задачами и силами, и к утру ситуация настолько запуталась, что никто не мог с уверенностью сказать, кто и кому что сделал.

В этот вечер к семи часам телевизионные службы новостей выяснили, что происходит нечто важное, и прервали постоянные передачи рядом всё более и более запутанных и истеричных сообщений и слухов. Патрули ФАТПО и полиции, передвигающиеся в зимней тьме, обстреливались из-за каждого угла и крыш снайперами и из РПГ, маленькими группами добровольцев, которые тут же растворялись в ночи.

Те остатки ночной жизни либералов и леваков, что всё ещё сохранились в Портленде, были сосредоточены в районе "Перл". И теперь маленькие группы мужчин и женщин пробегали по его улицам, бросая ручные гранаты и бутылки с коктейлем Молотова в двери и окна модных баров яппи и вечерних клубов, стреляли во всех чёрных и жёлтых и скрывались в узких проходах между домами, когда полиция их преследовала, а затем разворачивались и стреляли в преследователей. К семи тридцати вечера по всему центру города грохотали выстрелы и трещали автоматные очереди, которые перемежались глухим громом взрывов, смешанным с криками и воплями бегущих и ищущих спасения посетителей различных заведений.

Машины СМИ и репортеры служб новостей, которые попытались выбраться на улицы и сообщить о событиях, также были обстреляны, и несколько журналистов и техников погибли, включая известного корреспондента Канадской радиовещательной корпорации. Все телевизионные станции в Портленде давно были окружены бетонными блоками, колючей проволокой и караулами тяжело вооружённых наёмных "охранников-контрактников", но Добрармия всё предварительно разведала и разработала план действий в особой обстановке, который добровольцы ввели в действие во время операции "Фестиваль".

Давней мишенью в "списке пожеланий" Добрармии были объединённые студии и каналы "Фокс Ньюс", "КПТВ" и "КПДХ" на шоссе Гринбриар в Бивертоне. Подразделения роты "Б" Первой бригады и специальная команда взрывников какое-то время назад планировали провести там крупную диверсию и сдвинули её на операцию "Фестиваль".

Около 20:00 раздался грохот стрельбы и сильный взрыв снаружи, и один из операторов телестанции сумел снять на камеру украденный бульдозер, ворвавшийся через тяжёлые защитные двери в вестибюль, в сопровождении двух мужчин в лыжных масках, которые втащили в здание ящик, оставили его перед запертой дверью в студию и убежали в темноту вместе с водителем бульдозера. Оператор рассмотрел на ящике небольшую симпатичную наклейку из мультфильма с "Красным бароном" в немецком биплане времён первой мировой войны, и ему хватило ума рвануть оттуда со всех ног. Этот оператор успел выбраться с камерой из здания живым прежде, чем оно рухнуло. И отснятый видеоматериал принёс ему несколько журналистских премий. Из оставшихся в здании никто не уцелел.

Несколько минут спустя по другую сторону города студия "КАТУ-ТВ" вздрогнула и качнулась посреди прямой передачи, когда серия самодельных ракет с мощными боеголовками с воем перелетела в укреплённую зону через стену из бетонных блоков и врезалась в здание. Ведущие новостей Роджер Коулман и Эди Берри спокойно остались в эфире, говоря с аудиторией почти минуту, под лампами и штукатуркой, падающими с потолка вокруг них, прежде чем пропало электропитание, и станция ушла из эфира. Оба ведущих остались в живых и были представлены президентом Челси Клинтон к медали

свободы, а также получили работу на Восточном побережье, потому что отказались возвращаться в Портленд.

Первой бригаде была придана группа грузовиков и фургонов, нагруженных взрывными устройствами последнего образца - более чем тысячей самодельных ручных гранат с длинной ручкой, сделанных из ручек швабр и кусков чугунных труб диаметром 120 мм, заполненных разными взрывчатыми веществами, с запалом из коротких кусков бикфордова шнура. Используя кодовую связь по мобильным телефонам, персональным радиопередатчикам и беспроводным портативным компьютерам, они определяли местонахождение и встречались с другими группами в городе и раздавали множество гранат штурмовым группам. Эти гранаты отлично срабатывали, и характерные глухие *удары* на расстоянии броска гранаты стали хорошо запомнившейся приметой того вечера.

"Прежде, чем поджечь одну из этих штук, проверяйте краску вокруг трубки вот здесь, где входит бикфордов шнур, товарищи", - предупреждал доброволец Боб Лафоллет при каждой раздаче гранат. "Вы получили гранаты просто из чёрного металла, а также с белой, синей и красной полосами, причём синюю и красную трудно различить в темноте. Пользуйтесь фонариком, если есть, потому что эти цвета важны. Они подскажут вам, какой заряд вы бросаете. Нет никакой краски, значит, это просто чёрный порошок с гвоздями или винтами, для уничтожения живой силы противника. Белая краска - это нитроцеллюлоза, смешанная с белым фосфором. Это зажигалка: если рядом есть что-нибудь горючее, эти малыши подожгут его. Красная - три шашки тола в упаковке. Это для мощного взрыва, когда вам действительно нужно в чём-нибудь пробить дыру. И немного синеньких, но они с военной взрывчаткой С-4, а также с гремучим студнем, который Красный Барон сварил в какой-то ванне в свободное время. Они предназначены для вражеских машин. Бросьте одну из них под "Страйкер", и взрыв перевернёт проклятую штуковину на спину как краба".

К восьми часам стали поступать сообщения о большом числе убитых и раненых, и приёмные в больницах переполнились. Огни по всему городу стали гаснуть, потому что Добрармия вывела из строя силовые трансформаторы на столбах и тщательно отобранные линии электропередачи, так что район "Перл" и части города, наиболее плотно населённые американцами, погрузились во тьму.

"Старайтесь сохранить электроснабжение белых частей города", - приказал Койл. "Всё равно электростанции слишком строго охраняются, чтобы можно было атаковать их без неприемлемых потерь. Я хочу, чтобы пошёл слух, что мы действительно делаем различия, и мы - не просто кучка сумасшедших, старающихся к чертям всё разгромить.

Белые должны понять, что это - не просто случайное насилие, что для него есть основания, и оно направлено не против белых, а только против людей, которые здесь чужие".

Вооружённые группы пробирались по тёмным улицам по заранее установленным адресам из списков Третьего отдела, включающих подозреваемых сторонников правительства, с которыми Добрармия ещё не разделалась. Вместо того чтобы тратить время на взлом дома и поиск определённых людей, добровольцы останавливались у домов сионистов, и даже если там было темно, выпускали пару очередей по окнам и бросали гранату, самодельную бомбу или бутылку с зажигательной смесью на крыльцо или во входную дверь. Это очень ясно давало понять людям подозрительной лояльности внутри домов: *"Мы знаем, кто вы и где живёте, и советуем переселиться в места с более гостеприимным климатом"*. Затем добровольцы перемещались к следующей мишени.

Другие группы передвигались по городу, нацеленные на определённые здания, принадлежащие правительству, евреям, многонациональным корпорациям или другим разномастным врагам Добрармии. Это были деловые предприятия, склады, офисы,

общественные клубы, многорасовые и мультикультурные церкви и так далее и тому подобное. Добровольцы спокойно останавливались, входили или вламывались внутрь, разгоняли свидетелей парой предупредительных выстрелов, обливали пол и имущество бензином и поджигали помещение. К девяти часам вечера пришли сообщения о десятках пожаров по всему городу, и пожарные службы оказались перегружены сверх всякой меры.

ФАТПО с полицией попытались реагировать на различные ЧП в городе, но попали в засады Третьего батальона на съездах с дорог. Была использована большая партия РПГ, которую Добрармия недавно приобрела у неких российских международных торговцев оружием с молчаливого одобрения правительства в Москве.

- Чёрт побери, раньше нам всегда не хватало этих малышей! - хмыкнул доброволец Хайрам Джонсон из роты "В" Третьего батальона, кивнув своему товарищу Майку Баде на горящий фургон портлендской полиции с несколькими мёртвыми полицейскими внутри. - Особенно на Сансет Бич!

- Да, теперь их у нас как семечек, - согласился Бада. - О'кей, Хай, ты отоварился. Теперь, если б только мы смогли заставить "пухлых" прислать нам побольше мишеней!

- А если они не придут к нам, мы сами их навестим, - заметил лейтенант Рики Парментер, подойдя к ним сзади из темноты.

Парментер был в "счастливой", как он теперь верил, ковбойской шляпе с Сансет Бич.

- Кэп только что звонил и приказал менять позицию после каждого контакта, чтобы нас не накрыли с вертушек. Мы перемещаемся к съезду на Каньон Роуд.

Подразделения рот "Г" и "Д" Первой бригады, посланные атаковать Портлендский университет, обнаружили, что в университетском городке царит хаос, и там нет ни полиции, ни ФАТПО, которым по халатности или из недостаточного профессионализма было приказано выдвинуться на север Портленда или куда-то ещё.

Около 50 добровольцев разбились на две группы и вошли в альма-матер Эрика и Аннет по Парк-авеню с южной стороны городка и по 12-й авеню с северной стороны. Электричество отсутствовало, но университетские резервные генераторы работали, так что и снаружи, и в больших зданиях, было кое-какое освещение. Группы студентов, в большинстве небелых, толклись во дворе, в студенческом союзе и в общежитиях, некоторые со свечами, а многие с пивом. Множество цветных и дико обросших типов еврейской наружности на скамейках или у живых изгородей выступали перед кучками слушателей с длинными визгливыми тирадами в духе левацкой "Борьбы с фашистами!". Один чудной мексиканец даже выкрикивал известный боевой клич коммунистов эпохи гражданской войны в Испании "*Но-пасаран!*" - "*Они не пройдут!*". Некоторые из студентов держали в руках разные пистолеты и ружья, вероятно, полученные в уличных бандах, размахивали оружием и стреляли в воздух, подпрыгивая как слабоумные обезьяны, и выкрикивали призывы к войне с фашистами.

И тут им как снег на голову, из темноты пала Добрармия во плоти, со вспышками прицельных выстрелов, которые косили студенческое отребье как рыб в бочке, и те в ужасе бросились в паническое бегство. Фашисты прошли хорошо, как и в 1938 году. А под конец этого вечера добровольцы пустили в дело первое секретное оружие Добрармии - пару расчётов по два человека каждый, вооружённых огнемётами из баллонов от аквалангов, наполненных самодельным напалмом под давлением, одним из творений Красного Барона. "Курильщики" сработали на "отлично", пройдя от здания к зданию и от общежития к общежитию. Через двадцать минут весь университетский городок пылал.

В северном Портленде ФАТПО окопалась, решительно настроенная защищать последний большой анклав чёрных на тихоокеанском Северо-Западе, как если бы эти чёрные

были вымирающим видом животных, что, в сущности, было правдой. По периметру района федералы соорудили контрольно-пропускные пункты, огневые позиции, защитили мешками с песком и на каждом углу и перекрёстке поспешно натянули колючую проволоку. Полицаи выдали винтовки "М-16" с заряженными обоймами всем здоровым чёрным мужчинам и женщинам, которые об этом просили, увеличивая и без того огромные арсеналы "Крипс", "Бладс" и других уличных банд Портленда.

Джексон был осторожен: его разведчики сообщили, что делает противник, и он не хотел посылать своих бойцов в прямую атаку на зловонные улицы трущоб, где они могли попасть под перекрёстный огонь или угодить в ловушку. Вместо этого Джексон организовал серию коротких налётов на сторожевые посты вокруг гетто с отвлекающим огнём из стрелкового оружия и коктейлями Молотова, чтобы связать "пухлых", и одновременно послал в гетто команды поджигателей через переулки, боковые улочки и через заборы. Добровольцы поджигали каждое деревянное строение, в которое они могли ворваться или забросать бутылками с зажигательной смесью, в которых находилась специальная огнемётная смесь Красного Барона, хотя и гранаты с белым фосфором тоже пришлись очень кстати. В Портленде было много деревянных зданий. Добрармия окружила район чёрных пожарами, а потом добровольцы следили, чтобы пожары распространялись внутрь гетто, а не наружу, на улицы белых соседей. Они просто не пропускали машины пожарных в район, но разрешали пожарникам гасить очаги пожаров, которые проникали на улицы, где жили белые.

В этот момент Джексон ввёл в бой второе секретное оружие Добрармии, приуроченное к вечернему мероприятию: два тщательно хранимых заводских 81-мм миномёта, купленных у продажных армейских артиллеристов из Форт-Льюиса. Оба орудия имели опытные расчёты с армейской подготовкой из числа добровольцев - ветеранов войн в Ираке и Иране. Джексон поместил один миномёт на Грили-авеню, а другой - на Бульваре Коламбия, назначил группы стрелков прикрытия, и без колебаний отдал приказ: "Огонь, всеми снарядами, которые у нас есть, ребята. У нас будет их ещё больше, а сейчас дадим в честь Кота Локхарта адский прощальный салют".

За несколько часов эти два миномёта обрушили на северный Портленд более 500 мин, стреляя долго и размеренно, работая по площадям, а не по конкретным целям федералов. Мины падали без разбора на здания, склады, на улицы, на позиции ФАТПО, в то время как пожары во множестве подползали всё ближе и ближе, распространяясь по трущобам от дома к дому при отсутствии пожарных машин. Это выгнало толпы чёрных на улицы, по которым они бегали как цыплята с отрезанными головами, ревя и мыча от ужаса и ненависти к белому человеку, частью раненые, многие пьяные или под действием наркотиков, и размахивали оружием, которое получили от ФАТПО или вытащили из собственных тайников. Соперничающие банды стреляли друг в друга и даже в ФАТПО, а ФАТПО, почти также плохо дисциплинированные, как и толпа, стреляли в ответ. Витрины магазинов были разбиты, и чернота начала их грабить, таща по улицам всякую всячину от плазменных телевизоров до пакетов чипсов, только для того, чтобы быть застреленными или разорванными на куски падающими минами.

Когда массы чёрных пытались убежать из своего района, их встречали из темноты вспышки выстрелов и смертельный грохот автоматов Добрармии. К десяти часам вечера северный Портленд превратился в горящий сумасшедший дом. Командир ФАТПО понял, что его люди начнут дезертировать или присоединятся к грабителям, и, чтобы сохранить какое-то подобие дисциплины, был вынужден отдать приказ об отходе и возврате в казармы. Губернатор Майк Цафендас позвонил в Вашингтон и умолял прислать войска на выручку "пухлым" и тому, что осталось от злополучного портлендского бюро полиции.

В Портленде были три главных казармы ФАТПО, одна - с восточной стороны Фостер Роуд, вторая - в северном Портленде на территории Портлендского международного аэропорта и третья - на южной стороне острова Росс на реке Уилламетт. "Пухлые" бросили позиции, отступили к транспорту, какой у них ещё оставался, и к полуночи начали движение тремя колоннами бронированных машин по улицам к своим укрепленным убежищам.

Именно тогда Добрармия ввела в бой своё третье секретное оружие, о котором ранее говорил Койл: "флот" из шести "линкоров" в стиле Сомали и Талибана, подобных командирской машине Зака Хэтфилда, - грузовиков-пикапов и переделанных внедорожников, на которых были установлены смертоносные пулемёты "Браунинг" калибра 12,7 мм.

Добрармия уже использовала несколько подобных машин со смонтированными сдвоенными пулемётами калибра 7,62 мм для проведения атак в разных местах на Северо-Западе, и в Портленде также действовали четыре таких машины, которые теперь носились по всё ещё развороченным и горящим улицам северного Портленда, стреляя по всему, что двигалось. Однако эти пулемёты калибра 12,7 мм было трудно достать, а достаточное количество патронов к ним - ещё труднее, поэтому Койл придерживал их в резерве, пока не наступил особый случай. "Линкоры" атаковали колонны ФАТПО зигзагом из боковых улиц и с тыла, и тяжёлые бронебойные пули пробивали насквозь даже блоки цилиндров двигателей и небронированные машины, а трассерные пули иногда поджигали машины и взрывали топливные баки.

Колоннам пришлось двигаться медленно, потому что головные машины поражались из РПГ, которые били из-за стен, с крыш, из-за углов и из любого подходящего укрытия. Реактивные гранаты и крупнокалиберные пулемёты не причиняли особого вреда "Страйкерам" и бронетранспортёрам "пухлых", но грузовики были лёгкой добычей. Немногие из них вернулись за бетонные стены федеральных казарм. Бандитов ФАТПО, уцелевших, когда их грузовики были подбиты, и пытавшихся отступить пешком, перестреляли одного за другим или уничтожили, заманив в ловушки в тупиках, когда они терялись в непроглядной тьме улиц.

Рассвет был почти незаметен из-за висящих над городом густых облаков дыма от сотен горящих зданий. Портленд лежал в развалинах. На улицах валялись мёртвые тела и догорали скелеты грузовиков ФАТПО и полицейских машин. Портлендская полиция или побросала оружие и сбежала или отсиживалась в Центре юстиции и в своих укрепленных участках. Над головами слышались хлопки "хуп-хуп" военных и репортёрских вертолётов.

В 6 утра Койл получил сообщение, что батальон Третьей дивизии морской пехоты прилетел из Сан-Диего и приземляется в портлендском аэропорту, сопровождаемый несколькими транспортными самолётами "С-130" с танками и артиллерией. Койл решил отозвать бойцов. Взял мобильный телефон, попросил вторую порцию лазаньи и обратился к своим добровольцам: "Соратники, я восхищён и поздравляю вас с отличной работой. Мы отомстили за наших павших братьев и дали понять этим ублюдкам ЗОГ, что их ждёт в будущем. Теперь исчезайте, товарищи. Так, как если бы нас здесь никогда и не было".

Правительство Соединённых Штатов так никогда и не обнародовало точных цифр о потерях в ходе этих событий, ставших известными как "Первая битва за Портленд". Несомненно, что погибли сотни сотрудников ФАТПО и полиции и, по крайней мере, тысяча гражданских лиц, но никто не знает, сколько точно. Имущественный ущерб был оценён в несколько миллиардов долларов: один университет Портленда был сожжён дотла и полностью списан, а почти все выжившие городские чёрные и латиноамериканцы бежали, чтобы никогда не вернуться.

Официальные боевые потери Добрармии составили 12 человек убитыми и 28 ранеными. В течение часа на улицах, заполненных дымом и трупами, не осталось никаких добровольцев, за исключением участников одной последней дерзкой операции - "щекотки".

* * *

Примерно в три часа этим утром, когда город ещё сотрясало от грохота автоматных очередей и взрывов и пылали пожары, капитан Уэйн Хилл вернулся в "Шуга Шек", где он просил Джексона о встрече с ним. Джексон прибыл вместе с Джимми Уинго и Кики Маги примерно на сорок пять минут позже.

- Как там дела? - спросил Хилл.

- Незабываемая ночь, - ответил Джексон. - Мы заставили их в беспорядке отступить везде, хотя не можем продолжать. А что у тебя?

- Возможно, есть способ завершить операцию "Фестиваль" мощным ударом, и физически и психологически, - ответил Хилл. - Вопрос: что мы пытались сделать последние четыре года, но ещё не исхитрились?

- Пронести взрывчатку в Центр юстиции, - сразу ответил Джексон.

- Верно, - кивнул Хилл. - Самое большее, что нам удалось - это выстрелить из РПГ несколько раз в главные ворота, и взорвать одну бомбу-грузовик, которая оставила на стенах из бетонных блоков чуть больше царапины. Проблема в том, что мы ни разу не смогли заслать кого-нибудь *внутри* этого чёртова логова, через всю охрану и контрольно-пропускные пункты, с шансами выбраться обратно, по крайней мере, 50 на 50.

Некоторые из наших шпионов там говорили мне, что они согласны пойти на всё, чтобы бы я ни попросил, но пронести оружие или взрывчатку внутрь всё ещё осталось бы большой проблемой, и это будет самоубийство для любого, кто бы ни проводил атаку. Оттуда просто нет выхода. Камеры, следящие за каждым твоим движением, даже в туалете. Колючка, посты охраны на каждом этаже, мины по периметру, бетон выше слоновьего глаза. Они даже поставили зенитки на крыше на случай, если кто-нибудь попытается повторить теракт 11 сентября 2001 года и обрушит на Центр самолёт. Из-за всех этих людей, которых в коротких кварталах центра Портленда, как сельдей в бочке, всегда слишком опасно использовать миномёты и ракеты, потому что при промахе можно взорвать или подростка, работающего в "Старбаксе" или чью-нибудь бабулю, покупающую безделушки в магазине, и СМИ никогда устанут припоминать нам это.

Мы смогли уничтожить пару бронированных фургонов и автобусов, которые привозят в Центр и развозят обратно бюрократов, человекообразных и рабочих, и несколько эскортов из аэропорта, что стало одной из причин, почему они теперь всегда пользуются вертолётами, но нам никогда не удавалось добраться до Зелёной зоны, по той простой причине, что туда и оттуда есть только один-единственный путь.

- Ну, хорошо, и ещё "Дверь доносчиков", в которую мы тоже не можем войти, - пожал плечами Джексон. - И что?

Хилл улыбнулся и показал простой белый пластиковый квадратик, который он вынул из кармана рубашки.

- Что это?

- Карточка-пропуск от Двери доносчиков.

- Ты дуришь меня! - не поверил Уинго. - Простите, командир, но вы меня дурачите.

- Откуда ты это знаешь? - заинтересовался Джексон.

- Я почти в этом уверен, - ответил Хилл.

- Почти?

- Ты знаком с Бейби Хью? - спросил Хилл.

Бейби Хью была кличка Рея Риджуэя.

- Он навёл нас на хорошую "щекотку" сегодня вечером. Несколько главных судебных ищек посетили Центр юстиции, в том числе помощник генерального прокурора США и его окружение. Несомненно, военные трибуналы становятся помехой для Челси, или, скорее, для её мамочки, которая всё ещё прячется в Овальном кабинете, когда Челси занимается делами. Они вводят то, что британцы в Северной Ирландии раньше называли "глубокими" судами, которые вместо присяжных состоят в основном из одного единственного политически надёжного судьи, часто выносящего смертные приговоры, но гражданского человека.

Считается, что в СМИ будет выглядеть лучше, если выселить целый город в Неваду прикажет какой-нибудь послушный дряхлый политикан в чёрной мантии, чем черномазый куриный полковник. Просто их обычная суета, похожая на перестановку кресел на палубе тонущего "Титаника". Думаю, они понимают, что их разносят в пух и прах, но отказываются признавать это. В любом случае из-за нас, беспокойных туземцев, сегодня вечером все вертолёты были заняты. Помощник генпрокурора и его лакеи решили не рисковать добираться в аэропорт для обратного полёта на "Большую помойку", а решили переждать вечер в роскошных номерах в отеле "Винтаж Плаза".

Это место защищено почти так же, как и сам Центр юстиции, - заметил Джексон. Блэкуотерских громил там хоть одним местом ешь. Но я догадываюсь. Ты пробрался туда?

- Да, мы с коллегой смогли обмануть камеры, - подтвердил Хилл. - Тебе придётся дождаться моих мемуаров, чтобы узнать, как это удалось, так что если мы хотим ударить здесь, пока железо ещё горячо, у нас нет целой ночи или даже её остатка. Короче, несколько часов назад я с моим человеком вошли в номер помощника генпрокурора с парой стволов с глушителями, обнаружили его в постели с женщиной-адвокатом и застрелили обоих в *res ipsa loquitur*. ("*В данных обстоятельствах*" (лат.) - Прим. перев.).

- Как ты узнал, что она - адвокат? - спросил Уинго.

- Мы забрали их портфели и её сумочку прежде, чем сделали ноги, а потом изучили содержимое в тихом месте.

Хилл вытащил из кармана куртки ещё несколько карточек, одну с зажимом, и женский кожаный бумажник.

- Полный набор удостоверений личности. Женщина оказалась некой Луизой Ричардсон, помощником федерального прокурора США по Портленду. Не спрашивай меня, чем занимаются все эти проклятые адвокаты, чтобы отработать свою зарплату теперь, когда военные и "пухлые" взяли на себя роль суда, но Центр юстиции ими просто кишит, а она работала именно там. Водительские права, удостоверение Ассоциации юристов, федеральное удостоверение, внутренняя карточка-ключ, нагрудный значок Центра юстиции - все здесь. И вот это.

Хилл взял белую пластиковую карточку.

- Уверен, что это - карточка-пропуск от "Двери доносчиков". Нам ещё никогда не удавалось заполучить такую, но мне рассказывали, что они совершенно белые, и на них нет ничего кроме фамилии и имени, которые, как видите, здесь нанесены. "Луиза Ричардсон".

- Эээ, можно спросить, сэр, что это за "Дверь доносчиков"? - спросила Кики, у которой в памяти всплыли неприятные воспоминания.

- Несколько лет назад портлендская полиция и ФБР сильно нажали на суд, чтобы найти и принять на работу информаторов-доносчиков, - объяснил Джексон. - Конечно, они

хотели заслать доносчиков в Добрармию, как сделали в некоторых других местах на Родине, хотя до сих пор ещё не здесь, слава Богу.

- Ну, ты знаешь, что у нас в этом вопросе разногласия, командир, - кисло заметил Хилл.

- Да, знаю, - сказал Джексон. - Оскар всё ещё уверен, что примерно два года назад у нас в доме была мышь, а фактически он думает, что в то время вас заманили на Фландерс-стрит, и вы с Котом пробились из этой западни, но мы ничего не смогли доказать. И не потому, что не пытались.

- О нет, я всё ещё пытаюсь, сэр, - заверил Хилл Джексона. Он повернулся к Кики.

- ЗОГ решило, что необходимо безопасное помещение для встреч с этой армией осведомителей, которую они планировали завербовать. Они понимали, что доносчики не захотят "светиться" у входа в главные ворота Центра юстиции или в дверях отделения полиции, а встречаться с ними в общественных местах было слишком опасно, так как им хватило ума понять, что мы имеем собственных осведомителей и держим под наблюдением *их самих*. И вот, что они сделали - провели туннель от первого этажа Центра юстиции, под улицей, и через дверь в бетоне на сторону Второй авеню.

Настоящая дверь на Второй авеню, вся ржавая, с облупившейся краской и с большой красной надписью "Вход воспрещён!", сообщается с главными воротами. Она наполовину скрыта несколькими бетонными опорами. Любой, кто посмотрит на дверь снаружи, подумает, что она запечатана наглухо. Но это не так. Есть скрытый маленький замок для карточек и клавиатура, утопленная в стене справа от двери. Короче, огромная армия стукачей, о которой мечтали федералы, так никогда и не возникла, хотя я уверен, что информаторы, конечно, время от времени пользуются этой дверью.

Но за прошлые несколько лет "Дверь доносчиков" стала своего рода удобством для сотрудников высшего и среднего уровня из Центра юстиции, которые хотят незаметно уйти с работы, или же им просто лень ждать в длинных очередях на входе и выходе. Если у таких сотрудников есть одна из таких карточек-пропусков, они могут оставить свои машины в гараже на углу Второй и Главной, который полностью защищён и охвачен системой камер слежения Центра юстиции, то есть достаточно безопасен, и просто проскользнуть в боковую дверь без необходимости торчать в очереди у главных ворот. Обладание такой карточкой стало в Центре юстиции своего рода символом статуса, льготой, привилегией. Очевидно, эта Ричардсон была такой привилегированной особой. Так как она трахалась с помощником генпрокурора, который, по-видимому, не надел обручальное кольцо на её палец, как мы видели, то думаю, понятно, как она получила пропуск.

- Минутку! - воскликнул Уинго. - Ты хочешь сказать, что могущественное ФБР сделало тайный вход в свою главную крепость, и он охраняется лишь магнитным замком и клавиатурой?

- О, нет, - ответил Хилл. - Враги преступны, лейтенант, но они не дураки. За дверью полностью оснащённый пост охраны, металлоискатель, рентгеновская установка, группа с собаками-ищейками, лица, проводящие обыск, и всё, что нужно. Как только ты тудаходишь, то после коридора проходишь ту же самую процедуру на выходе с первого этажа. Плюс обычные камеры и сигнализация, и конечно тебе снова приложить карточку-пропуск и набрать код доступа на другом конце, чтобы войти в само здание Центра юстиции. Дверь так же плотно запечатана, как и главные ворота.

- Ну что толку нам от всего этого материала? - кивнул Уинго в сторону удостоверений убитой прокурорши.

- До сих пор мы не могли открыть даже эту первую дверь, - сказал Хилл.

- Но мы не можем открыть её и теперь, раз не уверены, что эта белая карточка Ричардсон - пропуск, - раздражённо заметил Джексон. - А если это и так, то мы до сих пор не знаем её кода допуска.

Хилл вынул из кармана чёрную записную книжку и открыл её.

- Думаю, можем, - сказал он. - Видимо, мисс Ричардсон не доверяла своей памяти. Здесь на одной странице она аккуратно выписала все свои ПИН-коды и компьютерные пароли. Включая этот, #1111. Довольно простой.

- А откуда мы знаем, что это её код доступа в "Дверь доносчиков"? - спросил Джексон.

- Потому что он помечен как "*Секретный вход*", - показал ему Хилл страницу в книжке.

- Исключено. Слишком просто, - хмуро бросил Джексон. - Конечно, адвокатша не могла быть настолько глупа, чтобы записывать все свои личные данные в книжку, которую могут украсть. Эта баба не могла быть такой тупой! Ты уверен, что это - не подстава?

- Я считаю возможным, что она носила с собой эту идиотскую записную книжку в сумочке на случай, если кто-то из нас как-то завладеет ею, но это кажется мне довольно мудрёным, - ответил Хилл. - Сомневаюсь, что она предвидела, что мы ворвёмся в её гостиничный номер и шлём её просто, чтобы придать правдоподобия нашему обнаружению этой книжки. По-моему, она просто была педанткой, полной американского высокомерия, и совершенно не думала, когда записывала эти цифры, что это может когда-нибудь для неё кончиться плохо.

В конце концов, она была высокопоставленным прокурором, а мы - только белыми голодранцами - подсобниками на бензоколонках, мойщиками посуды и уборщиками, верно? Как мы, деревенщина, могли вообще посметь навредить Её светлости? Предполагалось, что мы должны были расстилаться перед нею. Обычное старое американское высокомерие. Они каждый раз на этом горят.

- Получается, что мы можем открыть эту дверь, - нерешительно сказал Джексон. - И сколько "пухлых" или блэкуотерских громил и не знаю, кто ещё, ждут нас там?

- Блэкуотер. По крайней мере, шесть или восемь, с собакой, - ответил Хилл.

- Собаке мы можем бросить палку и приказать принести. - А что с громилami? - спросил Джексон. - Как только мы покончим с ними, надо пройти второй пост охраны в конце коридора, а что именно хочешь сделать ты, Оскар?

- Ничего замысловатого, - ответил Хилл. - Открыть дверь, метнуть действительно большой заряд, чтобы уничтожить весь пост, и, возможно, даже давлением взрыва выбить другую дверь в конце зала, а затем сделать ноги. Дело в том, что мы впервые действительно попадём *внутрь* и нанесём поражение в Центре юстиции. Мы можем также заставить их запечатать этот вход, а ты знаешь, что видимо есть условия, когда для нас было бы удобно, чтобы там был только один вход и выход из этого логова. Заряд будет с регулируемым таймером. Если код доступа срабатывает, я открываю дверь, бросаю бомбу внутрь, захлопываю дверь и убегаю. Если нет, я включаю таймер, ставлю бомбу у двери и убегаю. Проще простого.

- Ты сам поставишь бомбу? - спросил Джексон.

- Это моя личная дань памяти соратнику Локхарту, - серьёзно ответил Хилл. - Меня по-прежнему беспокоит, что он и остальные были убиты после того, как я снял их с обычной поездки. Я знаю, что это неразумно, но это так. И считаю, что мне нужно подставить свою шкуру в виде искупления, если тебе подходит такое объяснение.

- Что ты уже сделал сегодня вечером, - напомнил Джексон. - Неважно. Что точно ты придумал?

- Я уже позволил себе воспользоваться услугами Красного Барона, - начал Хилл. - Он внизу кое-что мастерит.

- Так как мы все сейчас не оказались на луне, полагаю, что он работает успешно, - усмехнулся Джексон.

Кики Маги вступила в разговор.

- Сэр, там везде камеры слежения по всей Второй авеню и в самом Центре юстиции. Вы не знаете, есть ли камера на внешней стороне самой "Двери доносчиков"?

- Я был бы удивлён, если бы её не было, - сказал Хилл. - И не намерен оставаться там так долго, чтобы меня опознали.

- Да, но сможете ли вы подойти достаточно близко, чтобы добраться до двери и открыть её? - спросила Кики. - Позвольте сделать это мне, сэр. Вспомните: то, что мы сделали сегодня вечером, действительно потрясло ЗОГ. Они вдвойне на нервах там, в Центре юстиции, и думаю, что вы не сможете туда приблизиться без того, чтобы вас не остановили и не обыскали. Все эти документы - на имя Луизы Ричардсон. По мне, вы не очень похожи на Луизу, сэр, если только вам не хочется попасться.

Она взяла пропуск в Центр юстиции и мельком посмотрела на него.

- Да, она примерно лет на десять старше меня, но если я наложу помаду и тени для век и зачешу волосы точно, как она на этом снимке, то смогу сойти за неё, если кто-нибудь не наклонится вниз и не посмотрит ближе. Когда товарищу Бекки пришлось проделать трюк с "воскрешением", она отдала нам, женщинам-соратницам, часть своей одежды, и у меня есть костюм, подходящий для адвоката, в моих вещах в грузовике, которые я вожу на случай, если мне придётся переодеваться, и он прикроет все мои татушки.

Давайте я надену этот костюм и раскрашу лицо, нацеплю её значок, а Барон засунет бомбу в портфель. В её портфель, если он у вас ещё есть. Когда я подойду к этой двери и открою её, то найду камеру, и буду возиться с моей сумочкой или с чем-нибудь, глядя вниз, так что они не увидят моего лица. Они подумают, что видят женщину, которая давно входит и выходит из их маленькой кроличьей норы, и если код доступа не сработает, возможно, они даже меня впустят.

- Это сработает, - кивнул Джексон. - Лучше, чем если Оскар с мешком или спортивной сумкой в руке попытается подкрасться к двери и открыть её женской карточкой-пропуском.

По лицу Уинго было видно, что он не рад. Как и всегда, когда Кики подвергалась опасности, но считалось, что женщины- добровольцы должны были нести своё бремя и долю риска, а личные отношения должны отступать на второй план ради победы расы, так что Уинго подчинялся правилам и молчал.

- Оскар, я надеюсь, что вождение достаточно рискованно для успокоения твоей совести. Джим, ты едешь с ними.

Через час они собрались в подвале перед рабочим столом, за которым стоял стройный молодой человек с длинными каштановыми волосами и тонким лицом пианиста, в очках в проволочной оправе. Это был лейтенант Пол Курц, знаменитый Красный Барон, возможно, самый лучший изготовитель бомб в Добрармии. Из первой пятёрки, точно.

Кики была одета в адвокатский "костюм успеха" приятного бежевого цвета, хотя она ненавидела высокие каблуки, которые естественно сочетались с этим костюмом.

- Оскар сказал, что вам нужен мощный взрыв, - обратился к ним Курц. Три кило "Семтекса" должны полностью опустошить замкнутое пространство того типа, что мне

описали. Проверь, что ты плотно закрыла дверь после того, как бросишь взрывчатку, соратница, - сказал он, кивнув Кики. - Если дверь будет открыта, сила взрыва значительно рассеется. Потом как можно быстрее покинь место взрыва. Если повезёт, мы сможем обрушить опорную стену и серьёзно повредить здание Центра юстиции. Это заряд, который я сейчас вставлю в корпус.

Курц кивнул на кусок материала, завёрнутого в чёрную липкую ленту, и электронную схему с батареей, примотанной лентой сверху, откуда высывались несколько проводов. В отверстие, высверленное в центре заряда, была вставлена серебристая трубка - взрыватель с гремучей ртутью.

- Мы не смогли использовать собственный портфель адвокатши, так что я даю тебе этот, в котором стоит один из моих взрывателей с защитой от неумелого обращения. Я установил двойной выключатель и отдельную аккумуляторную батарею сразу за двумя предохранителями. Маленький провод с U-образной вилкой на конце выходит за ручкой и лежит на подкладке в пустом портфеле. На каждом конце вилки закреплены две спичечные головки. Когда заряд установлен, и портфель закрыт, по-моему, нет причин, чтобы тебе захотелось его открыть, но кто знает, - объяснил Курц Кики и закрыл портфель.

- Если тебе надо будет зачем-то открыть портфель, сдвинь застёжки *вверх*, вот так.

Пол показал, и портфель легко открылся. Затем снова закрыл портфель.

- Если ты сдвинешь застёжки в стороны, как это бессознательно делают 99 из 100 людей...

Курц проделал это, и когда он открыл портфель, раздался щелчок, на разветвлённом конце провода проскочила электрическая искра, и взвился дымок от вспыхнувших головок спичек.

- Взрывчатка взорвётся, отправив в загробный мир того, кто открыл портфель за компанию с теми, кто оказался поблизости. Я полагаю, что прежде, чем позволять кому-нибудь взять у тебя портфель и возиться с ним, соратница, подумай, что и ты будешь убита и другие.

- Я это учту, - сухо ответила Кики. - А как включить таймер?

- Сдвинь застёжки вниз, - пояснил Курц. - У тебя останется двадцать секунд, чтобы быстро отсюда убраться.

- А почему не тридцать? - спросил Уинго.

- Потому что за эти лишние десять секунд одна из блэкуотерских обезьян может понять, что происходит, и, увидев, что портфель летит к ним, схватит его и выбросит обратно за дверь, - высказала своё мнение Кики. - Не бойся, Джим, двадцати секунд достаточно. Это целая жизнь. Как только я нажму таймер, то сброшу эти проклятые туфли на высоких каблуках и вернусь в машину, ты и мигнуть не успеешь. Лучше проверь, чтобы мои "рибоки" были наготове.

- Нам лучше выдвигаться, - вмешался Оскар. - Только что звонили из бригады. Морпехи высаживаются, а нам надо успеть обернуться, пока они не прибыли в Центр юстиции.

Группа включила три машины: две машины разведдозора и краденый правительственный "лексус" с запрещёнными (для гражданских лиц) тонированными стёклами.

- Никто не удивится, увидев адвокатшу, выходящую из этого автомобиля, - усмехнулась Кики. - Они увидят, как я иду в своих модных тряпках с портфелем и значком на лацкане, и подумают, что цыпочка Луиза - настоящая трудоголичка, выходит на следующий день после того, как повстанцы взорвали весь город.

Небо на востоке светлело, приближался рассвет, и день обещал быть ясным и холодным. Пока группа выдвигалась в центр города, междуштатная автомагистраль была пуста, не считая какой-то горячей машины или сгоревшего грузовика ФАТПО, дымящегося с краю дороги, а иногда и на середине разделительной полосы. Хиллу пришлось быть очень осторожным, чтобы не задеть какую-нибудь из повреждённых машин.

- Боже, я надеюсь, что никто не наделал воронок на дороге вчера вечером, - ворчал Уинго. - Не хотел бы я растрясти этот портфель на твоих коленях, Кик.

- Теперь, как он советовал в какую сторону *не открывать* эту штуку ...? - вспоминала Кики.

Оскар по мобильному переговоривался с двумя другими машинами, которые ехали впереди.

- Хорошо, Лавонн докладывает, что центр города пуст, за исключением остатков от дикой веселухи прошлым вечером, - сообщил Оскар спутникам. - Бригада подтверждает, что "пухлым" и полицейским приказано оставаться в их логовах. Они ждут морпехов. Это и хорошо и плохо. Нам можно не беспокоиться о пробках, но на улицах мы будем больше бросаться в глаза.

Кик, как только ты доставишь посылку, мы берём тебя на крыло, и на встречу в Энкени-Парк. Бросим эту машину, которая будет на записях камер слежения, и пересядем на грузовик и "бьюик". Одна машина пойдёт через Бёрнсайд Бридж, а другая - по Франт-авеню. Не должно быть никаких проблем, если они просто не срежут нас из пулемётов в будках охраны в момент, когда мы остановимся, чтобы тебя подобрать.

- Спасибо на добром слове, сэр, - сказала Кики.

- Ты чётко помнишь, где эта Дверь доносчиков, Кик? - спросил Уинго.

- Я видела её раньше, только не знала, что это такое, - ответила Кики.

- Уверен, что дверь откроется для тебя по коду #1111, - успокоил Хилл. - Меня беспокоит единственно, что услуга или кто-нибудь ещё в "Плаза" обнаружит те два тела в гостиничном номере, и кто-нибудь быстро сообразит отменить код доступа Луизы Ричардсон.

- Не глупи, стараясь открыть дверь, если она не откроется, когда ты приложишь карточку и введёшь код, - напомнил Уинго. - Просто бросай портфель у двери и беги. Я прикрою тебя, если охрана зашевелится в своих будках.

На коленях Уинго держал автомат Калашникова с барабанным магазином и сложенным прикладом. У Оскара обрез помпового дробовика торчал из дверного ящика "лексуса".

- Ладно, приближаемся, - напомнил Хилл. - Знаете, не будем рисковать, объезжая вокруг Центра юстиции. У них камеры по всему периметру, и ехать вокруг Центра всё равно как заводить корову в церковь. Мы высадим тебя на углу Второй и Главной, подождём и посмотрим, что ты попала внутрь без проблем, затем ты бросаешь портфель, и мы жмём отсюда.

- Понятно.

"Лексус" притормозил. Кики поправила тёмные очки, перегнулась через переднее сиденье, быстро поцеловала Джимми в щёку и сказала: "Я мигом назад".

Затем вышла из машины и спокойно пошла через улицу к очевидно твёрдой бетонной стене с уступом, направляясь к маленькой нише между опорами, где была установлена проржавевшая дверь с облупившейся краской.

Улица была пуста, но в этот момент за угол завернула другая машина, длинный чёрный "олдсмобиль", с такими же тонированными стёклами, указывающий на его

принадлежность к полиции. Пассажиры "олдсмобилия" не заметили "лексус", но один из них обратил внимание на Кики.

- *Маза ФАК!* - взревел детектив-лейтенант Джамал Джарвис.

- В чём дело? - взвизгнула его партнёрша, лейтенант Елена Мартинес.

Эти двое были последними оставшимися в живых из группы по преступлениям ненависти в полицейском бюро Портленда, и к этому времени парочка стала настолько известна Добрармии, что им даже не позволяли появляться на улице. Парочка провела прошлый год, сходя с ума от скуки в Центре юстиции и развеивая её только допросами, которые всё больше становились просто предложениями для кровавых пыток и издевательств над любыми подозреваемыми белыми, брошенными в застенки. Они не получали никакой ценной информации, но, похоже, это никого больше не заботило. Карьеры обоих пошли прахом.

У Мартинес провалились все её непрерывные попытки перебраться в ФБР и получить назначение куда-нибудь вне Северо-Запада. Джарвис только что подобрал её в отеле "Винтаж Плаза", где она обнаружила последнего из её длинной вереницы высокопоставленных федеральных любовников, помощника генерального прокурора в постели со своей портлендской коллегой Луизой Ричардсон. Это не удивило Лэйни, так как она присоединялась к ним как третья партнёрша.

Мартинес *удивил* факт, что они были застрелены, а раздражало то, что она уже несколько часов пыталась объяснить по телефону следователю (который боялся выйти на улицу и осмотреть место преступления), почему она оказалась в номере отеля утром в предрассветные часы. Теперь Добрармия разгромила город, за который Мартинес, как считалось, несла ответственность, а её всё более невменяемый партнёр Джарвис сыпал ругательствами перед завтраком.

- В чём дело? - спросила она.

- Да эта фука! - просипел Джарвис, выпучив глаза. - Долбаная фука Кики Маги, вон там! Там, чёрт возьми! Видишь?

Он показал.

- Я узнал её! Я фегда узнаю белых шлюх фзади, как они качают жопой! Точно, это та фука!

Глаза Лэйни сузились.

- *Мадре де дьош*, по-моему, ты прав, Джамал! (*Мадре де дьош* - *Матерь божья по-испански*, - *Прим. перев.*). Какого чёрта она так разоделась?

- Она идёт в "Дыру для крыф", - сказал Джарвис.

Лэйни устала и достаточно "вышла из игры", так что сначала подумала, что теперь Кики "стучит" какому-то агенту ФБР.

- Чёрт побери, ведь *она* - *наша!* - завопила Лэйни. - Хватай её!

Джарвис развернул "олдсмобиль", подлетел к Кики, как раз когда та подошла к тротуару у Центра юстиции, и с визгом затормозил. Джарвис и Мартинес выпрыгнули из машины. Кики обернулась и закричала, когда Джарвис схватил её за волосы, а Мартинес - за руки, они открыли заднюю дверь "олдсмобилия" и вдвоём зашвырнули Кики внутрь. Затем Лэйни захлопнула за ней дверь.

- Дерьмо! - выругался Джимми в "лексусе". - Я их узнал! Это - "Мами" и "Обезьяна"! Я должен вытащить её оттуда! Уинго выпрыгнул из "лексуса", откинул приклад "Калашникова" и загнал патрон в патронник.

Оскар не думал о том, что Уинго теперь открыто стоит на улице с оружием в руках на виду у камер слежения и пулемётчиков у пулемётных гнёзд в двух главных проходных. Он

только посчитал, как это и было на самом деле, что его песенка спета из-за простого невезения.

"*Чёрт*", - спокойно сказал он сам себе, выскакивая из машины и вставляя патрон в дробовик. "*Что ж, жизнь оказалась короткой, но весёлой*".

Уинго двинулся через улицу к "олдсмобилю".

- Где ты была, долбаная фука? - проревел Джарвис, оборачиваясь с места водителя, вытягиваясь и хлеща Кики открытой ладонью по лицу, по голове, и колотя её кулаком. Лэйни схватила Кики за волосы и трясла её голову взад-вперед, как будто хотела оторвать.

- Что ты, чёрт возьми, вообразила о себе, ты, шлюха гринго? - визжала она. - Разве я не говорила тебе раньше, что от тебя ничего не зависит, ты ничего не решаешь, что ты - ничто?! Это больше не твоя страна, сука гринго! Она принадлежит нам, "*Ля Раса*", ты поняла, *пута бланка*? ("*Пута бланка*" - белая сука, "*ля раса*" - раса, по-испански. "*Ля Раса*" - движение мексиканцев в южных штатах США за отделение. - Прим. перев.).

Кики повернула голову и через окно увидела Джимми и Оскара, приближающихся к машине с оружием на изготовку.

"*Он идёт спасать меня*", - подумала она в отчаянии. Дамоклов меч над головой Кики уже начал падение, и её жизнь кончалась.

"*Он меня любит и сейчас готов умереть ради меня - ничтожества. А если он уцелеет, будет ещё хуже, потому что они ему всё расскажут. В конце он узнает, что я такое. Он посмотрит мне в глаза. Я этого не вынесу*".

Кики подтянула портфель, лежащий на её коленях, и положила пальцы на застёжки замка. Джарвис это увидел, догадался, но успел лишь в ужасе выкрикнуть последнюю в жизни похабщину.

Ослепительно вспыхнул свет.

Каким-то чудом взрыв оторвал нижнюю часть "олдсмобилия", и большая часть силы взрыва ушла *вверх* вместе с машиной. Машина взлетела в воздух почти на 10 метров, ударилась о землю и разлетелась на обломки пылающего расплавленного металла. Хотя Уинго и Хилл находились близко к машине, на удивление их только сбило с ног, бросило на асфальт и задело несколькими раскаленными осколками, но в остальном они не пострадали. Оглушённый Уинго, шатаясь, встал и поднял автомат "Калашникова", дико озираясь в поисках цели. Затем его глаза остановились на горящих перед ним обломках.

"БОЖЕ МИЛОСТИВЫЙ, НЕТ!" - выкрикнул он во всю силу своих лёгких.

Раздались хлопки: из проходных уже стреляли по ним "пухлые", хотя дым от горящего "олдсмобилия" ещё мешал им целиться. Уинго взревел как безумный, поднял "АК" и выпустил весь барабан по проходной.

Хилл подбежал к нему и затряс, крича в лицо.

Он кричал: "Она погибла, Джимми! Джим, она погибла! Мы должны убираться отсюда! Она не хотела, чтобы ты погиб! Она хотела, чтобы ты жил и вместе с нами победил ублюдков! Ну, пошли же, Джим! Надо уходить!"

Наконец, Уинго, похоже, заметил, что по нему стреляют, и позволил Хиллу запихнуть его обратно на пассажирское место в "лексусе". Когда Хилл дал газ, и машина вылетела из этого района, на востоке из-за бетонного силуэта города выглянуло солнце и затопило Вторую авеню золотистым светом нового дня.

Мы победили!

Король Генрих :

Сказать по правде

Я ещё не знаю

За кем победа:

Немало ваших всадников я вижу,

По полю скачущих.

Монжуа:

Победа ваша, сир.

Король Генрих V - Акт IV, Сцена 7

Тёплым летним вечером в частном доме в Клэтскани, штат Орегон, состоялось особое совещание. Этот дом принадлежал видному местному бизнесмену, стороннику юнионистов, который несколько лет назад внезапно уехал отсюда после душевного разговора с несколькими парнями. Так как хозяин всё не возвращался, чтобы вернуть или проверить своё добро, Зак Хэтфилд посчитал, что тот не намерен дальше им пользоваться. Хэтфилд поселил в доме сторожей - белую пару средних лет из Юджина, которые в свою очередь были обвинены в симпатиях к националистам, а затем бульдозеры ФАТПО превратили их в бездомных. Позже этот дом использовался Заком как промежуточная база, пункт снабжения и место для встреч. В этот вечер Зак принимал в этом доме множество офицеров Добрармии, которые собрались там по приказу для просмотра специального общенационального телеобращения президента Челси Клинтон.

- Чёрт возьми, я понятия не имею, что происходит, - отвечал Хэтфилд всем, кто его спрашивал. - Приказ сверху, всем, кто сможет добраться до телевизора, обязательно выслушать речь Челси сегодня вечером. Надеюсь только, что сегодня вечером федералы не решат сбросить на нас крылатую ракету или беспилотник-убийцу.

- Знаешь, слухи разлетаются как летучие мыши из пещеры, - сказал Леннарт Экстрем. - Операции "Эпплсмэш" ("Разбитое яблоко") и "Пигкил" ("Забой свиней") снова привели ЗОГ в бешенство. ("Яблоко" - название Нью-Йорка. - Прим. перев.). Экстрем упомянул две долгосрочные операции далеко от Родины, которые Добрармия начала с целью подрыва двух главных центров сионистской власти - Нью-Йорка и Вашингтона.

- Ну да, и они должны прекратить летать, - мрачно ответил Зак. - Я слышал об этом. Знаю, о чём все думают, но боюсь, что надеяться нам рано. Похоже, что-то точно готовится, но, по-моему, для нас это может оказаться какой-нибудь пакостью. Я знаю, что наши парни во время поездки провернули работу так же хорошо, как Кот и парни из Портленда тогда в Голливуде. Особенно мне понравилось, что они сделали с Нью-йоркской фондовой биржей.

- Фондовой биржей? - ухмыльнулся Экстрем.

- Именно, - кивнул Зак. - Трудновато торговать акциями из воронки в земле. Но вообще-то, наступление, которое мы ведём прямо в "чреве Зверя", может навлечь на нас какую-нибудь особенно страшную месть здесь, на Родине, хотя я и не представляю, что

ещё они могут сотворить. Лен, совершенно невозможно, чтобы ЗОГ просто "выбросило полотенце" и, наконец, дало нам свободу. Мы вынуждены будем физически вышибать отсюда всех прислужников ЗОГ, до последнего солдата, чиновника и еврея, а затем вбивать им кол в сердце, пока нас не отпустят.

Как только власти признают, что территория Соединённых Штатов делима по расовому признаку, каждый захочет свою долю пирога. Мексиканцы начнут кланчить себе Юго-Запад для образования этого Ацтлана, о котором они болтают много лет, черномазые захотят получить Юг для Новой Африки, кубинцы и гаитяне потребуют себе Флориду, педерасты попросят какой-нибудь Пидорстан, а французы снова начнут бузить в Квебеке, и кто знает, чем всё обернётся? Все другие континенты состоят из множества малых стран, так почему бы и не наш? Если мы выйдём, то вся империя в конце концов развалится. Правительство не смеет признать нас, или им и их власти конец, и они это понимают.

- Даже "Ось Эрика" не намекнёт нам, - с улыбкой сказал лейтенант Рик Парменер, кивая на компьютер в углу, настроенный на ночную интернетовскую передачу радиостанции "Свободный Северо-Запад".

- Не уверен, что прилично называть соратницу пропагандистской кличкой врага, - строго произнёс лейтенант Шерри Томчак.

- У неё отличное чувство юмора. Не думаю, чтобы она была бы против, - заметил Хэтфилд.

На экране компьютера сногшибательная Эрика Коллингвуд сидела за столом перед микрофоном и большим трёхцветным флагом позади.

"Передаём новости радио "Свободный Северо-Запад", настоящие новости, которые евреи не позволяют вам слышать", - произнесла она медовым голоском. "Теперь несколько коротких сообщений для некоторых ребят, прежде чем все мы настроимся послушать, что хочет сказать "Зануда". (*Кличка президента Челси Клинтон. - Прим. перев.*).

Одно сообщение для всех вас, "Сказочные пушистые чудные братья": Кот "Толстого Фредди" принял ванну от блох и готов идти домой, так что "Финис" должен её устроить.

Сообщение для "Кеннета": частота - девяносто девять воздушных шаров. Меня также просили сообщить, что броненосцы - единственные животные помимо человека, болеющие проказой; кое-кто знает, почему, а вы знаете, кто это.

Да, и Маме: Тимми нужно ещё твоего яблочного пирога".

- Как случилось, что мы никогда не получаем никаких закодированных сообщений от "Оси Эрики" вроде этих? - спросил Экстрем. - Ведь не получаем, а должны?

- Нет, - усмехнулся Зак. - Я когда-то предложил Рэду получать от Эрики кодовые сообщения вроде этих, когда мы что-нибудь делаем, и он открыл мне маленькую тайну. Эти сообщения Эрики ни черта не значат. Всё это - тарабарщина, но она заставляет вражеских дешифровальщиков и аналитиков сходить с ума при попытках выяснить, о чём, чёрт возьми, идёт речь. Они напрасно тратят время, пытаясь понять смысл этой чепухи, время, которое иначе они могли бы использовать во вред нам.

- Так что ты не имеешь понятия о передаче сегодня вечером, Зак? - спросила лейтенант Кристина Экстрем, сидящая перед телевизором на диване.

Хэтфилд покачал головой.

- Нет, но в соседней комнате Оскар и командиры обеих наших портлендских бригад что-то обсуждают. Оскар и Томми Койл только вернулись с какого-то большого заседания, которое Совет Армии проводил в Сизтле. Затеваается что-то большое, точно. Чёрт, может, Челси хочет объявить о решении федерального правительства выселить всё белое население Северо-Запада и загнать всех, как бизонов, в заповедник?

- А знаешь, есть полоумные защитники окружающей среды, которые предлагают то же самое? - заметил Уэйн Хилл, когда они с Джексоном и Койлом вышли из соседней комнаты.

- Ребята, время. Выключайте комп, и давайте сменим красавицу на "чудовище".

- А ты не можешь намекнуть нам на смысл всего этого, Оскар? - спросил Хэтфилд.

- Честно, капитан, прежде, чем высказываться, я хочу быть абсолютно уверенным, что всё, о чём нам сообщили, действительно случится, - серьёзно ответил Хилл. - Многие, включая меня самого, поверят этим ублюдкам из Вашингтона, не раньше, чем мы их победим. Всё может оказаться какой-нибудь уловкой или надувательством. Если это не так, то у меня ряд приказов Совета Армии по портлендским и прибрежным добровольческим подразделениям, но давайте подождём и посмотрим, что скажет "Зануда".

Телевизор переключили на "Си-Эн-Эн", и Хэтфилд прибавил громкость. Первое, что они увидели, было чёрное как смоль лицо Поласа Инграма, известного телеведущего сети "Си-Эн-Эн", который отличался тем, что был одним из самых уродливых мужчин всех рас, работающих на телевидении. Его волосы были искусственно выпрямлены, что добавляло нелепости его круглой голове и лицу с губами-калошами.

Инграм успешно защитил своё рабочее место единственного афроамериканца комментатора в сети "Си-Эн-Эн" от белой женщины, мужчины-латиноамериканца и самой сети. Его последний федеральный судебный процесс закончился знаменитым "Запретом Инграма" Верховного суда США, запрещающим "Си-Эн-Эн" увольнять его, понижать в должности или наказывать любым другим способом. Запрет был провозглашён образцом закона о гражданских правах для 21-го века.

- Мы всё ещё ждём подключения к "Овальному кабинету", чтобы начать передачу, - проговорил Инграм, обращаясь к белой женщине-блондинке - "говорящей голове", похожей на куклу Барби, лицо которой появилось на телеэкране справа внизу.

Белый дом позади неё светился в удушливой темноте летней ночи.

- Я заметил, что они не показывают бетонные плиты и мешки с песком, - усмехнулся Койл.

- По-моему, "Зануда" немного нервничает после взрыва сигары на её обеденном столе, - заметил Рик Парментер. - Наверно, теперь у неё и спальню обложили мешками с песком.

- Жаль, её мамашу никто не оглушил пару лет назад мешком с песком, - проворчал Хэтфилд.

Инграм продолжал тараторить.

- Кстати, Дженни, о том, что ты говорила минуту назад: президентское заявление определённо неожиданное. Нас самих не предупреждали вплоть до нынешнего утра. "Си-Эн-Эн" сообщили, что сегодня днём президент и вице-президент, председатель Объединённого комитета начальников штабов и директор министерства национальной безопасности встретились с делегацией высших законодателей обеих палат Конгресса, и очевидно то, что они вынуждены были сказать, явилось полной неожиданностью для

этих важных персон из Конгресса. Как мне рассказали, они покидали Белый дом с мрачными или просто с растерянными лицами.

Также неожиданно, что Челси Клинтон впервые выступает с общенациональным обращением, полностью посвящённым теме внутреннего терроризма. Помимо её обычных и обязательных ссылок и выражений нашей национальной решимости выиграть войну с внутренним терроризмом в её посланиях Конгрессу "О положении в стране". Мадам Клинтон до сих пор фактически посвящала большую часть своего пребывания на посту социальным проблемам. Это всегда было самой сильной стороной её семейства с тех пор, как Клинтон заняли свои посты, в противоположность Бушам, которые в общем считались более сведущими в иностранных делах и проблемах безопасности. Хотя нужно отметить, что Клинтон Третья продолжила жёсткую линию Буша Второго в войне с террором к удовлетворению обеих партий. Она заняла твёрдую позицию и по исламскому терроризму на Ближнем Востоке и во всём мире, и была столь же непреклонна к расистскому террору на Тихоокеанском Северо-Западе.

Однако президент до сих пор оставляла проблемы безопасности на усмотрение профессионалов, и, чтобы ещё больше усилить борьбу профи с внутренним терроризмом, в начале своего президентского срока она без колебаний одобрила усиление Федеральной антитеррористической полиции как людьми, так и должным бюджетом. Наряду с законом, позволяющим выселять местных жителей с Северо-Запада, которые, по мнению генерального прокурора, недостаточно помогают федеральным властям. Это заметная совместная двухпартийная работа помогла Челси набрать много очков у тех и у других.

- Да, действительно, Полас, - живо ответила Дженни, - Этого следовало ожидать ввиду того факта, что закон о ФАТПО во время его принятия получил поддержку обеих партий, и особенно её матери, предыдущего президента Хиллари Клинтон, в обмен на согласие республиканцев на приостановку Двадцать четвёртой поправки. Закон позволил самой Хиллари сделать ещё один выстрел в "золотое кольцо", то есть фактически сменить собственную дочь и пойти на беспрецедентный четвёртый срок. Произойдёт чрезвычайное событие, а, Полас? Но Вашингтон – не то место, где секреты хранят долго. Конечно, у нас теперь должны быть, по крайней мере, некоторые намёки на то, что намерена сказать президент?

Инграм ответил:

- Ну, Дженни, есть предположение, что она, наконец, намерена объявить, что, по крайней мере, три штата тихоокеанского Северо-Запада и части нескольких других, находятся в состоянии мятежа против США. То есть сделать шаг, к которому много лет призывали исполнительную власть как консерваторы, так и либералы в Конгрессе.

По-моему, это и есть причина президентского выступления сегодня вечером, и тогда это не преждевременно, Дженни. Я просто не знаю, как ещё можно назвать терроризм и расистское запугивание в штатах Вашингтон, Орегон и Айдахо, если не вооружённым мятежом. Официальная причина того, что это до сих пор не сделано, состоит в том, что поступить так означало бы признать, что США фактически потеряли контроль над Тихоокеанским Северо-Западом, то есть террористы одержали моральную победу, что многие люди действительно никогда не примут. Я спрашивал об этой самой проблеме Джамала Уоткинса, президента Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, сегодня вечером, когда в моём шоу участвовал . Кеннет, у нас, кажется, есть немного времени, и мы сможем прокрутить один клип, пока ждём появления президента?

На экране появилась голова другого негритоса. Он разглагольствовал в шикарной студии на вращающемся кресле. "Я очень надеюсь, что сегодня вечером президент Клинтон должна, наконец, действительно, сделать необходимые шаги, чтобы обратиться к проблеме расистского террора в эээ...обществе. Народ этой страны долго ждал некоторый признак, что начальство, эээ, выполнить свой долг перед человеческим достоинством и раздавить, искоренить и вырезать с лица земли белый расистский убийца, кто портит воздух...".

- Погоди, мне сообщили, что президент Клинтон вошла в Овальный кабинет.

Картинка внезапно сменилась на угрюмую и довольно озадаченную физиономию Челси Клинтон, смахивающую на верблюжку. Челси в чопорном и безвкусном твидовом костюме сидела в Овальном кабинете за большим столом красного дерева, а за ней торчали флаги США и Израиля.

- Боже, каждый раз, когда я вижу ее, я жду, что она шлёпнет лапами и твякнет, а какой-нибудь турист бросит ей рыбу, - сказала Кристина Экстрем.

Челси по-прежнему, как замороженная, молча смотрела в камеру.

- Ну, давай, включай свой чёртов телесуфлёр! - пошутил Рик Парменгер.

Должно быть, кто-то так и сделал, потому что президент начала говорить.

"Добрый вечер", - произнесла она. "Сегодня вечером я хочу обратиться к Соединённым Штатам Америки и ко всему миру со словами, которые, как я понимаю и допускаю, будут во многом неправильно истолкованы и вызовут страсти по всей стране. То, что я должна обсудить с вами сегодня вечером - это идея, время которой наступило, идея, которая вполне может оказаться началом новой эры в долгой войне нашей страны с терроризмом.

Много лет в прошлом столетии считалось, что терроризм относится к зарубежным странам, главным образом на Ближнем Востоке, и является результатом нежелания мусульман признать внезапное возникновение среди них еврейского государства, которого прежде не было, и последующего отказа мира ислама от всех цивилизованных и гуманных норм поведения при попытках уничтожить это еврейское государство. А Соединённые Штаты, будучи главным союзником Израиля и образцовым столпом демократии и просвещения, в конечном счёте, с неизбежностью были втянуты в этот террористический конфликт.

Затем произошла катастрофа 11 сентября 2001 года. С тех пор Соединённые Штаты проводят политику внедрения демократии и свободы в самом исламском мире, действуя убеждением и дипломатией, где это возможно, и принудительным изменением режимов, когда необходимо. В интересах всего человечества ислам обязан принять ценности и систему правления, которые позволят государству Израиль выжить и процветать, и таким образом достичь конечной цели всей мировой истории - братства людей.

Моя администрация, как и предшествующие, продолжила эту великодушную политику внедрения цивилизованного мышления и поведения в отношении тех членов исламского мира, кто не желает признать необходимость обновить их веру и привести её в соответствие с ценностями человека двадцать первого столетия, особенно в отношении ислама к женщинам, религиозным и расовым меньшинствам, а также приверженцам различных сексуальных ориентаций. Нас не поколебать в этой священной вере. Израиль избран Богом служить светочем для всех народов, а Америка создана, чтобы быть факелоносцем этого света".

- Что-то не похоже, что они выбрасывают полотенце, - с отвращением проворчал Хэтфилд. - Боже, что ещё задумали "Грендель" с матерью?

- Подождём, - сказал Оскар.

"Однако события приобрели трагический характер и в нашем отечестве, - продолжила Челси. - Наша собственная страна на протяжении всей своей долгой истории никогда не была свободна от проклятия расизма, нетерпимости, ненависти и фанатизма, презрения к меньшинствам, женщинам и геям со стороны гетеросексуальных и патриархальных белых мужчин, которые управляли Америкой и её ресурсами в течение большей части истории нашей страны.

За прошлые три поколения к нашей вечной чести Америка начала выбираться из трясины лихорадочной расовой ненависти на зелёные и спокойные луга братства и терпимости. Начало этому положило движение за гражданские права во главе с бессмертным и любимым доктором Мартином Лютером Кингом. От него приняло эстафету движение против войны во Вьетнаме 1960-ых годов, где мои собственные возлюбленные родители достигли политической и личной зрелости ...".

- Твой отец так никогда и не достиг зрелости, а мать – существо без возраста, ни молодая, ни старая, бессмертный дух зла, - проворчал Билли Джексон.

"Было неизбежно, что движение к Новому Мировому Порядку встретит ожесточённое и упорное сопротивление, - продолжила Челси, сменив тон. "Иногда даже насильственное и преступное сопротивление со стороны людей с ограниченными умами и чёрствыми душами. Много лет преступления на почве ненависти получали быстрый и жёсткий отпор со стороны правоохранительных органов и судов, и многие белые мужчины заплатились за свой отказ отвернуться от прошлого и принять грядущий светлый день терпимости и многообразия. День, когда чёрные и жёлтые люди, женщины и геи всех цветов кожи гордо пойдут рядом с белыми как равные, а часто и лучшие, чем сами белые.

Вплоть до одного дня в октябре, четыре года девять месяцев назад, мы думали, что обычных процедур уголовного преследования будет достаточно, чтобы покончить с этой раковой опухолью расизма и ненависти в нашем обществе. К сожалению, мы ошиблись. В тот день, 22 октября, злодеи, которые годами вынашивали и растили дьявольский преступный заговор, использовали судебное дело об опеке над детьми семьи Сингеров из Кёр-д'Ален в штате Айдахо, как предлог, чтобы начать то, что можно назвать только мятежом против Соединённых Штатов".

- Это - военное положение! - воскликнул Хэтфилд.

- Или она старается подсластить действительно горькую пиллюлю, - предположил Оскар.

Челси продолжала монотонно бубнить.

"Этот мятеж длится почти пять лет. Он уже унёс тысячи жизней. Даже священный исторический дом руководителя страны, откуда я обращаюсь к вам сегодня вечером, был атакован и повреждён, а моя собственная жизнь, как и жизни членов моей семьи, оказалась под угрозой. Были убиты некоторые из моих самых близких друзей и политических союзников. Террористическая кампания нанесла ущерб государственной и частной собственности на миллиарды долларов и не только на Северо-Западе. Эти разрушения наряду с потерянными доходами и расходами, необходимыми для обеспечения законности и поддержания безопасности на Тихоокеанском Северо-Западе, а теперь и в других частях страны, буквально не поддаются оценке, как мне сообщили из Главного бюджетно-контрольного управления".

- Генералы никогда не капитулируют, соратники, - произнёс Хилл с мрачным удовлетворением. - Это делают бухгалтеры!

Челси продолжила.

"Но хуже всего то, что продолжающееся расовое насилие на Тихоокеанском Северо-Западе отвлекло нашу великую страну и от цивилизаторской миссии Америки в исламском мире и от наших внутренних планов создания настоящего и всеобщего рая на земле, насколько это в человеческих силах, основанного на древнееврейской, а также всеобщей идее братства людей.

Оценивая события на Тихоокеанском Северо-Западе в длительной перспективе, я пришла к выводу, что если есть малейший шанс немедленно прекратить насилие и снизить потери до конца моего президентства, то я должна изучить и оценить этот шанс, независимо от моего личного отношения и глубокого отвращения к признанию законности действий террористов, бомбистов и убийц.

Бывают времена, когда долг лидера перед его страной и самой человеческой цивилизацией требует сделать трудный и спорный выбор. Я никогда не боялась разногласий. И сознаю, что мое решение по этой проблеме у многих породит тревогу, отчаяние и подозрения. Сегодня вечером я говорю вам всем, что эти опасения неуместны. Когда вы выбрали меня своим президентом, то оказали мне священное доверие, и я никогда его не обману. В этот критический период истории нашей страны я должна вас просить верить в мои намерения, просить о вашей поддержке этого жизненно необходимого решения и ваших молитв. Мне самой это ничуть не нравится. Но если я могу прекратить ужасающее насилие, которое так долго отравляет жизнь нашей страны и угрожает подорвать и уничтожить всё, что делает Америку великой, то обязана сделать попытку. Я не в состоянии сделать больше или меньше.

Соответственно, сегодня я подписала и выпустила два специальных распоряжения. Как главнокомандующий вооружёнными силами Соединённых Штатов, я отдала приказ всем американским воинским частям и правоохранительным органам на Тихоокеанском Северо-Западе немедленно прекратить боевые операции и объявить перемирие. Я получила взаимное обязательство полностью прекратить огонь от ...", - Челси внезапно замолчала и сжала губы, как будто старалась сдержать кашель или чихание.

- Ну же, "бэби", выговори, выговори это! - подсказал Пармендер.

"... от Добровольческой армии Северо-Запада, которая с этого момента в свою очередь должна прекратить все атаки против американских вооружённых сил, правоохранительных органов и гражданского персонала", - закончила Челси, почти выплюнув это предложение.

- Мы согласились на это? - спросил Хэтфилд.

Челси торопливо продолжила:

"Во-вторых, я распорядилась, чтобы с первого августа сего года в Лонгвью, штат Вашингтон, началась встреча представителей правительства Соединённых Штатов и Добровольческой армии Северо-Запада. Её цель путём переговоров добиться мирного урегулирования, которое должно положить конец этому конфликту и кровавому насилию. Мои соотечественники американцы, благодарю вас всех и желаю доброй ночи".

Экран на мгновение погас, и затем на нём появилась студия новостей и негроидная физиономия Поласа Инграма с выпученными глазами. Его челюсть с губами-калошами отвисла.

- *Твою мать!* - внезапно завопил он. - Эта белая сука продала наши чёрные жопы! Она собралась *сдаться* расистским ублюдкам из Добрармии!

Хилл схватил телевизионный пульт и нажал кнопку выключения звука. Люди в комнате смотрели на друг друга в полной тишине. Не было ни приветствий, ни смеха, ни ликования, ни радости. Они ещё не осознали, что произошло, и были потрясены.

Наконец Хэтфилд нашёл слова.

- Мы победили, - просто сказал он. - Не могу поверить. Боже милостивый. *Мы победили!*

- Нет, ещё не победили, - твёрдо сказал Хилл, встав перед соратниками. - "Не говори гоп", как гласит старая поговорка.

Он достал записную книжку из кармана и заглянул в неё.

- Это ещё не победа, соратники. Это просто очень благоприятная возможность, упустить которую мы не можем себе позволить. Я получил инструкции Совета Армии, сообщить вам, как мы намерены использовать эту возможность, и каковы конкретно должны быть ваши роли в этих грядущих событиях.

- А что это за хрень о перемирии? - спросил Джексон. - Мы что, должны его соблюдать, если столкнёмся с какими-нибудь "пухлыми" на обратном пути сегодня вечером? Помахать им ручкой?

- В теории соблюдение перемирия означает только прекращение огня, - ответил Койл. - На практике мы собираемся добиться, чтобы "пухлые" оставались на месте, пока мы захватываем всё, что не приколочено. Мы добились перемирия, означающего, что Добрармия может выйти из подполья, по крайней мере, частично, и начать брать власть на Родине. Начиная с таких районов как Северный Берег, которые уже в значительной степени свободны от федеральной власти благодаря Заку и вам, соратники из Третьего батальона.

Вы знаете, что после почти пяти лет борьбы заметное американское присутствие осталось примерно в пятнадцати - шестнадцати районах Тихоокеанского Северо-Запада, в больших городах и городках. Во всех других местах американцы висят на волоске, боясь показаться за пределами своих полицейских участков или укрепленных зданий судов. И есть огромные участки территории по всему Северо-Западу, откуда мы уже вышибли этих ублюдков и практически взяли власть, как тут, где мы сидим. Мы не входили в эти районы слишком глубоко, потому что не хотели предоставлять ЗОГ неподвижные цели, по которым они могли применять свою превосходящую огневую мощь, но теперь нам нужно это сделать. Мы создали вакуум. Теперь мы должны войти туда и заполнить этот вакуум.

- Это будет временем перехода как для Добрармии, так и для всей страны, - продолжил Оскар. - Мы собираемся превратиться из подпольной партизанской организации в новое правительство, новую армию и общество нового типа. Согласно Общему приказу номер один Совет Армии формально является временным правительством Северо-Западной Республики. Теперь мы начинаем претворять его в действительность.

Зак, с этого времени ты - администратор правительства в округах Клэтсоп, Колумбия и Тилламук. Это лишь временное название, которое мы придумали на конференции в Сиэтле. На следующей неделе тебя, наверное, назовут как-нибудь ещё, и мы, вероятно, сделаем тебя генералом или вроде того, но пока ты - главный босс этой лесной полосы. Твоя задача установить полный контроль в этом районе, как в военной, так и в гражданской сферах, добиться, чтобы всё работало, а также постараться справиться с беспорядками во время переворота, который приближается, но прежде всего *не допустить* вмешательства Соединённых Штатов во всех его гнусных формах.

Командиры Койл и Джексон находятся в несколько другом положении, так как их городские районы действий всё ещё оккупированы врагом, и ты должен будешь оказывать им всю помощь, какую только сможешь. Помощь будет включать набор и обучение военного пополнения, оружие, снабжение, медицинские услуги, транспорт и разведку. Короче говоря, ты должен готовиться к штурму Портленда на случай, если ЗОГ решит уйти, хлопнув дверью.

- Я все ещё не понял, собираемся мы вести бои в Портленде или нет? - горячо воскликнул Джексон.

- Теоретически предполагается, что все боевые действия прекращаются, - ответил Оскар. - Отсюда и термин "*прекращение огня*". В действительности мы будем вытеснять сионистов отовсюду, откуда сможем, и это дело пойдёт негладко, но мы просим тебя попытаться избежать любых серьёзных столкновений, которые могут сорвать мирный процесс, или как ещё они там называют эти переговоры в Лонгвью. Ведите себя тихо и не начинайте никаких наступательных действий, только обороняйтесь.

- Что значит "*оборонительные действия*"? - настаивал Джексон.

- Всё, что позволит тебе избежать неприятностей, но не расстроит все планы. Руководствуйся здравым смыслом, Билл. Каждый раз, когда возникнет инцидент, а мы уверены, что их будет множество, мы хотим быть в состоянии поднять крик, что именно федералы сорвали перемирие. В какой-то момент возникнет вопрос об их эвакуации из Портленда в соответствии с условиями соглашения или договора, которые будут выработаны на переговорах в Лонгвью. Все наши части должны быть готовы силой поддержать любое решение нового правительства в этом вопросе. Может наступить время, когда они откажутся уходить, или мы просто устанем ждать, и вы будете призваны обеспечить территориальную целостность республики. Но на сей раз это будет настоящая армия реальной страны.

- *Нашей* страны ..., - прошептала Кристина, и её глаза блеснули от слёз. - Я всё ещё не могу поверить в это ..., если бы он только дожил до этого дня, всего несколько месяцев.

- Знаешь, Крис, моя новая должность шеф-повара и мойщика бутылок даёт мне достаточно прав в Астории, - сказал Зак. - Что ты думаешь о названии "Локхарт авеню" вместо "Морского бульвара"?

На следующее пасмурное, но тёплое утро Зак въехал на этот самый Морской бульвар Астории на своём знаменитом "Линкоре". Позади него катили шесть грузовиков с вооружёнными добровольцами, которые высаживались и направлялись на соответствующие позиции вдоль береговой линии, в центре города и в некоторых зданиях, которые реквизировались новой властью. Средняя школа должна была стать казармой и учебным центром новой национальной армии, которая, как сказали Заку, будет называться "Силы обороны Северо-Запада". Он надеялся, что будут предприняты дополнительные усилия, чтобы занятия в школе начались в сентябре. На верху Колонны Астория должны были быть установлены пост наблюдения и передатчик системы связи, а на всех мостах в устье реки Колумбия и залива Янгс размещена охрана на случай саботажа.

На улицах было тихо: транспорт вытянулся вдоль обочин, чтобы пропустить колонну Добрармии, а местные пешеходы просто стояли и с молчаливым любопытством наблюдали, как Зак и последний грузовик повстанцев останавливаются перед зданием суда округа Клэтсоп. Не чувствовалось, что это событие имеет большое историческое значение.

Шериф Тэд Лир одиноко стоял на тротуаре и ждал их.

Зак в своей широкополой шляпе с пером на голове и со знаменитым винчестером в руке выбрался из "хаммера".

- Привет, Тэд, - сказал он Лиру. И кивнул на здание суда. - Есть кто внутри?

- Пара секретарей да обслуга, - ответил Лир. - Не очень многие работают, с тех пор как несколько лет назад вы вышибли всех адвокатов и судей, но эти люди "удерживают крепость", если можно так выразиться.

- А как твоё управление? - спросил Хэтфилд, глядя на Лира. - С кем-нибудь у нас будут хлопоты?

- Я вызвал их всех прошлым вечером после президентской речи и поговорил, - ответил Лир. - С ними и с остатками полицейского управления после того, как ты застрелил Сэма Холла. Я сказал им, что остаюсь, но если кто хочет уйти, то я им желаю всего наилучшего и божьей милости. Несколько человек сдали жетоны и дома пакуют свои пожитки. Я, наверно, мог бы заранее назвать их имена. Некоторые из них боятся, что ты отплатишь им за прошлые грехи. Не то, чтобы ты сам, но некоторые из твоих людей несколько раз были в нашей тюрьме, и, скорее всего, ненавидят некоторых из моих заместителей и полицейских полицейского управления Астории. Или меня.

- Не особо, - успокоил его Зак. - Ты всегда был справедливым. И никогда не был тупым громилой или главным вышибателем мозгов в Торговой палате, вроде части местных полицеев на Северо-Западе. Как Сэм Холл. Это его и убило.

- Невелика потеря. Я никогда не любил гнилых полицейских, да ещё оказалось, что он был одним из тех, кто призвал к вторжению правительственных громил в мой округ. Другие, кто уезжает, просто слишком старые псы для обучения новым трюкам. Остальные остаются. А ты как, Зак? - задал вопрос Лир. - Собираешься теперь стать кем-то вроде средневекового тирана и украсить улицы головами всех, кто когда-нибудь тебя обидел?

- Я намерен защищать эту область Республики, Тэд, и постараться, чтобы американцы никогда сюда не вернулись, - ответил Хэтфилд.

- Ты же сам был когда-то американцем, - съязвил Лир.

- Да, был, - кивнул Зак. - И обнаружил, что предпочитаю вместо этого быть белым человеком. Отвечая на твой вопрос, Тэд, скажу, что у нас было много законов при жизни нескольких прошлых поколений. Чертовски много законов и недостаточно справедливости. Теперь здесь будет справедливость, может довольно грубая, но надеюсь, не настолько плохая, как думают люди. Не здесь, в любом случае.

Помнишь нашу короткую встречу на открытой трибуне в Астория Хай однажды вечером несколько лет назад? Не забыл, что я ответил тебе о том, что к чему мы стремимся? Вот, мы этого добились. Люди, которых нужно наказать, и люди, которым нечего здесь делать, теперь в основном, тем или иным способом убрались. Нет нужды в каких-то массовых казнях. Как в других местах, городах?

Зак пожал плечами.

- Это не будет приятным. Но сейчас я хочу, чтобы люди здесь знали, что они не только не должны нас бояться, но могут уважать и доверять нам. Нельзя завоевать сердца и умы, творя месть без разбора, и я не позволю, чтобы это здесь произошло.

- А как насчёт станции Береговой охраны в Уоррентоне? - спросил Лир.

- Да, трудная задача, - согласился Хэтфилд. - Ты знаком с командиром Ратклиффом?

- Ну да, довольно хорошо, - подтвердил Лир.

- Красно-бело-синий фанатик? - спросил Хэтфилд.
- Верный долгу, - ответил Лир.
- Захочет ли он говорить со мной?
- Я могу позвонить ему и узнать, - предложил Лир. - Кстати, я всё ещё шериф?
- Конечно.

Хэтфилд вернулся к "хаммеру" и достал свёрнутый трёхцветный флаг Северо-Запада. Повесил винтовку на плечо и пошёл через улицу к историческому зданию почты Астории. Лир пошёл за ним. Флагшток был пуст: "звёздно-полосатый" давно там не поднимался по молчаливому соглашению с начальником почты. Хэтфилд в тишине развернул сине-бело-зелёный флаг, прицепил его к ушкам флагштока и поднял флаг нового государства в небо. Ветер расправил ткань, и все увидели, как наполненный триколор взмыл в небо. Раздались редкие аплодисменты зрителей и несколько приветствий и криков повстанцев Добрармии.

Лир посмотрел на Хэтфилда со странным выражением.

- Вы сумасшедшие черти, - сказал он тихо. - Вы добились своего. Вы, правда, своего добились.

- Точно, - согласился Хэтфилд.
- Кстати, Джулия звонила как раз перед тем, как я вышел из дома сегодня утром.
- Как она? - спросил Зак.

- Она в порядке. Сказала, что смотрела выступление "Зануды" вчера вечером, не спала всю ночь, раздумывая и молясь, и решила бросить свою работу там, в Лос-Анджелесе, и вернуться домой навсегда. Немедленно.

- Я рад слышать это, - серьёзно ответил Хэтфилд. - Надеюсь, она понимает, что тяжёлые времена ещё не закончились? Что всё это ещё может обернуться плохо, очень плохо?

- Да, она понимает, - подтвердил Лир.

Хэтфилд вздохнул.

- Теперь, я думаю, мне нужен какой-нибудь кабинет. Ты знаешь здание суда. Что посоветуешь?

- Ну, если ты в ироничном настрое, всегда есть офис старой комиссии по многообразию округа Клэтсон, на втором этаже, - с усмешкой предложил Тэд. - Мексиканка, которая когда-то сидела там, похоже, уже некоторое время не выходит на работу.

В тот же день Зак с несколькими добровольцами сели в его "Линкор" и поехали в Уоррентон. Они проехали по 12-й Плейс и остановились перед главными воротами воздушной базы Береговой охраны США. Пост был окружён обычными бетонными блоками и обмотан рулонами колючей проволоки. Над воротами вызывающе развевался большой звёздно-полосатый флаг США, а второй полоскался на флагштоке перед главным зданием. Несколько дул винтовок "М-16" торчали из тёмных щелей проходной.

- Не обращайтесь на них внимания. Подними ствол вверх, - приказал Зак пулемётчику, немцу-добровольцу по имени Карл Фоглер, в тёмных очках и альпийской зимней фуражке из каких-то немецких или восточноевропейских излишков армейского имущества.

Фоглер был одним из иностранных добровольцев, которые пробирались на Северо-Запад бороться за свободу белых, и число их постоянно росло. Уже поговаривали о формировании отдельной немецко-говорящей бригады в новых "Силах обороны Северо-Запада".

- Они держат нас на мушке, сэр, - сказал Фоглер, глядя на проходную.

- Я знаю. Просто не обращай внимания, пока они ничего не делают. Мы здесь не с враждебными намерениями, по крайней мере, пока. Мне хочется сказать всего пару слов командиру станции.

Через некоторое время ворота открылись, и из них вышел офицер Береговой охраны в полной военной форме - командир Энтони Ратклифф. Хэтфилд заметил, что у Ратклиффа был пистолет, но свой собственный винчестер он оставил в "хаммере", когда выходил из машины. Зак, одетый в обычный потрёпанный брезентовый плащ и мягкую фетровую шляпу с пером, привычную для Северо-Запада, отдал честь хмурому Ратклиффу, который ему не ответил и не протянул руки.

Хэтфилд не обратил внимание на грубость начальника Береговой охраны.

- Здравствуйте, командир, - просто представился он. - Я - Хэтфилд, командир Третьего батальона, Первой портлендской бригады Добровольческой армии Северо-Запада. Прошу прощения за гражданскую одежду. Я слышал, что некоторые из наших людей в Вашингтоне будут в военной форме, но здесь нам пока ещё ничего не выдали. Я даже не представляю, как форма выглядит.

- Я знаю, кто вы, - ответил Ратклифф. - Шериф Лир сообщил мне, что вы приедете. Полагаю, что я должен быть благодарен, что за прошлые годы вы убили только шестерых моих моряков.

- У этих ваших моряков кожа была цвета дерьма, так что им было запрещено здесь находиться, - легко ответил Хэтфилд. - Ваш предшественник прекрасно знал это и всё-таки посылал их в город. Я заметил, что вы этого не разрешаете.

- После того, как это случилось, у нас на станции больше нет афро-, латино- или азиатско-американского личного состава, - сказал Ратклифф.

- Я знаю, - согласился Хэтфилд. - Умный шаг с вашей стороны, или того, кто это приказал. Неважно, что именно ваш предшественник пытался доказать, но, по крайней мере, вы не пытаетесь сделать это ценой жизни людей под вашей командой, и я это уважаю.

- Что вы хотите, Хэтфилд? - спросил командир станции.

- Прежде всего, сообщаю вам, что Добровольческая армия Северо-Запада сейчас заняла Асторию, и к нам переходит гражданская власть в округе Клэтсоп. В следующие дни мы займём Уоррентон, Сисайд и весь участок побережья для подготовки к переходу этой территории под власть Северо-Западной Республики. Полагаю, что вы слышали речь президента вчера вечером?

- Слышал, - согласился Ратклифф. - У меня вызывает отвращение и ужас, что она подумывает передать суверенную территорию Соединённых Штатов ... вам. Если не сказать - изумление.

- Я изумлён не меньше вас, командир, - ответил Хэтфилд. - Честно, я думал, что последнего из вас нам придётся соскрести лопатой с наших улиц.

- Я слышал, как она упомянула о конференции, которая будет проходить в Лонгвью. Но не слышал, чтобы она что-нибудь говорила о передаче гражданской власти вашей так называемой Республике или кому-то там ещё! - отрезал Ратклифф.

- Да, она не говорила, - согласился Хэтфилд. - Я считаю, что это - доброе дело, на которое мы не намерены просить её разрешения. Всё кончено, Ратклифф. Мы победили. Вы думаете, что президент Соединённых Штатов выступил бы с речью вроде этой или созвал конференцию в Лонгвью, если бы американцы не решили выбросить полотенце?

- Ты же сам - американец! - рявкнул Ратклифф.

- На деле, нет, - ответил Хэтфилд. - Если вы случайно не заметили, суть в том, что эти прошлые несколько лет были заполнены стрельбой и взрывами. Одно то, что я родился в конюшне, не делает меня лошадьё, или в случае Соединённых Штатов - придурком.

Мы решили, что *сами* выберем, кем мы хотим быть, и кем станут наши дети. Война - это, когда вы разрешаете правительству указывать вам, кто враг, Ратклифф, как вы и как я привыкли раньше. А революция - это, когда ты сам решаешь, кто твой враг. Ну, будет ещё много трéпа и чепухи в Лонгвью, может, в Вашингтоне или в другом месте, но главный вопрос был решён вчера вечером. Нам предоставят полную независимость, может быть с большим недовольством и криком, болтовнёй и дурью для сохранения лица, но мы получим Северо-Западную Республику. Или мы просто возьмём её по-другому. В любом случае, теперь пути назад нет, и я думаю, что вы это сознаёте. Позвольте мне спросить вас кое о чём. Чья на самом деле была идея убрать всех чёрных и бобоедов из личного состава вашей станции?

Ратклифф помедлил с ответом.

- Действительно, моя, - сознался он.

- Видимо вам было довольно трудно убедить начальство? Я удивлюсь, если вас не обвиняли в расизме. Почему вы так поступили? И так рисковали? Поддались нашему безнравственному и злобному терроризму и так далее? - спросил Зак.

- У нас здесь особая задача, которую стало намного тяжелее выполнять в условиях, созданных вашими людьми в последние годы, и мне не нужны были дополнительные трудности из-за необходимости круглосуточно защищать некоторых членов команды, - оправдательным тоном ответил Ратклифф. - Это решение я принял в интересах станции.

- Да, мы знаем. Ваша задача - воздушно-морские спасательные операции для судов и команд, терпящих бедствие на особо опасном участке открытого моря, в устье Колумбии, на "Кладбище кораблей в Тихом океане" вон там.

Хэтфилд махнул рукой в направлении океана.

- Вы также помогаете штурманам реки Колумбия при необходимости, если на судне случаются неприятности. Вы продолжали выполнять свою задачу по спасению жизней моряков и не позволили использовать вашу базу ФАТПО, "Блэкуотер" или другим преступными элементам, нанятым правительством США, против местного населения, несмотря на, как мне кажется, довольно сильное давление.

- Достаточно сильное, - согласился Ратклифф. - Мы не хотели превращаться в мишени. Как вы сказали, мы здесь, чтобы спасти жизни.

- Мы понимаем ваше положение, сэр, и вы чертовски хорошо знаете, что мы щедро вас отблагодарили, - заметил Хэтфилд. - Мы напали на вашу станцию? Хоть один белый член вашей команды был обстрелян или как-нибудь пострадал за всё это время?

- Нет, - признал Ратклифф. - Хотя я свёл все поездки с базы к самому минимуму. И шериф Лир очень помог.

- Должно быть, ваши парни совсем здесь свихнулись, - хмыкнул Хэтфилд.

- У нас есть компьютеры и спутниковое телевидение, - пожал плечами Ратклифф. - И очень хорошая игровая комната.

- Ладно, по-моему, вы хорошо придумали подержать своих людей взаперти немного подольше, - одобрил Хэтфилд. - Мы собираемся проделать в городе то, что вам не нужно видеть, чтобы ваш долг не заставил вас начать выносить сор из избы. У вас

сейчас что-то около 120 человек? Почти все они - вспомогательный, медицинский персонал или техники, лётчики и т.д.?

Не берите в голову, я не жду, что вы мне скажете. Просто продолжайте заниматься своими делами. Вы оставляете нас в покое, а мы - вас, если это окажется возможным. Вот визитка с номером моего мобильного, - сказал он, передавая карточку Ратклиффу, который молча взял её.

- Если будут какие-нибудь неприятности, звоните мне, и мы посмотрим, нельзя ли уладить проблему переговорами вместо стрельбы. Белые мужчины убивали друг друга пару сотен лет, потому что мы, похоже, не могли решить, кто хозяин этого континента, командир. По-моему, хватит белым убивать друг друга. С этой привычкой мы должны покончить.

Ваше начальство, наверное, будет просить вас сделать некоторые вещи, которые могут нарушить равновесие, вроде использования ваших вертолётов, предназначенных для спасательных операций на море, чтобы шпионить за передвижениями наших частей и тому подобное. Я понимаю, что вы не сможете не выполнять такие приказы, даже если захотите. Вы должны понимать, что если я посчитаю ваше присутствие здесь угрозой для моих людей или местного населения, мы в состоянии вас уничтожить и сделаем это. Вы знаете, что произошло на одном берегу в нескольких милях к югу отсюда. С каждым днём у нас всё больше личного состава, и мы получим достаточно тяжёлого вооружения, чтобы это сделать.

Но я не хочу, чтобы эта небольшая станция Береговой охраны здесь превратилась в форт Самтер Северо-Запада. (*Сражение за форт Самтер в 1861 году ознаменовало начало Гражданской войны в США. – Прим. перев.*). Только прошу вас играть со мной настолько честно, насколько позволяют ваш долг и ваша честь. Давайте ладить, пока парни с обеих сторон в Лонгвью, которые будут вести переговоры, делают свою работу. Если вам понадобится любая наша помощь, при крайней необходимости или просто по-человечески, звоните мне. Почти пять лет на Северо-Западе шла резня, и, похоже, она не закончилась. Просто здесь её быть не должно. Теперь мне надо ехать. Спасибо, что уделили мне время, командир.

Перед тем как повернуться и пойти к своему "Линкору", Хэтфилд снова отдал честь Ратклиффу, и на этот раз тот также отсалютовал в ответ.

* * *

Три округа штата Орегон, которые составляли район ответственности Третьего батальона, фактически оказались одним из самых крупных участков территории Родины, свободных от американской гражданской или военной власти, и соответственно эти округа стали главной базой для становления временного правительства. К концу августа Хэтфилду было присвоено звание генерала Сил обороны Северо-Запада, и он стал военным губернатором этого района. Ему во всё большем числе помогали выполнять обязанности местные жители - бизнесмены, бывшие правительственные служащие, менеджеры, инженеры, торговцы, лидеры общин и технические специалисты, которые убедились, что в городах и сельских районах осталось электричество. Канализация и вывоз мусора работали, на складах хватало предметов первой необходимости, не было дефицита и безудержной инфляции, и соблюдался общественный порядок.

Труднее всего было получать бензин и дизельное топливо. Крупные нефтяные компании под влиянием множества христиан-евангелистов в высшем руководстве

попытались прекратить поставки топлива на местные заправочные станции в националистических областях и "вернуть расистов в век лошадей и телег", как выразился один бизнесмен из Техаса.

Однако по пути назад из Вашингтона и Нью-Йорка некоторые участники операций "Эпплсмэш" и "Пигкил" сделали остановку в Хьюстоне. Через неделю генеральный директор компании "Эксон" повернул ключ зажигания своего "феррари" и после взрыва пробил собой крышу гаража. Главный финансовый директор "Галф Ойл" был найден повешенным в своём доме на собственном галстуке, в одних чёрных чулках в сеточку, туфлях на высоких каблуках и в помаде.

А огромную и крикливую главную церковь евангелистов-телепроповедников - основных финансистов и религиозных сторонников Израиля - сравнял с землёй взрыв грузовика, начинённого взрывчаткой. Два обугленных предмета, найденных в руинах и напоминавшие человеческие тела, предположительно, были телепроповедником и его женой с высокой причёской.

После этих событий поставки топлива на националистический Тихоокеанский Северо-Запад тихо возобновились. Цена бензина даже понизилась на несколько центов за галлон.

В начале сентября шерифа Тэда Лира с его оставшимися полицейскими, заместителями шерифа и городской полицией муниципалитетов, вызвали *на смотр* новой национальной полиции - Гражданской гвардии Северо-Запада. Тэду присвоили внеочередное звание майора и выдали новую форму: рубашку цвета хаки, тёмнозелёные брюки, сапоги и головной убор - лыжную кепку в альпийском стиле.

- Я выгляжу как нацистский штурмовик, - ворчал он. - Особенно с этой штукой. Он ткнул пальцем в нашивку с орлом и свастикой над правым карманом рубашки.

- Я думаю, что так и задумано, - сухо сказал Хэтфилд. - Я сказал бы, что в различных фракциях и направлениях нашего движения больше половины - в той или иной степени национал-социалисты. Это помогает примирить фанатичных христиан, "подлинных христиан", либертарианских полуанархистов, фанатиков-язычников, героических виталистов и не знаю, кого ещё. Национал-социализм оказался связующей нитью, потому что почти все согласны, по крайней мере, с девяноста процентами его содержания.

- А кто такие героические виталисты? - спросил Тэд.

- Пока ещё не ясно, - признал Зак. - Но точно звучит круто.

Военная и политическая ситуация на Северо-Западе оставалась неустойчивой и напряжённой. Мирные переговоры между делегациями Добрармии, правительства США, Красного Креста, Организации Объединённых Наций начались в срок, и представители всех мировых СМИ заполнили огромный комфортабельный отель "Льюис энд Кларк" в предместьях Лонгвью в штате Вашингтон. [См. роман "*Наш оплот*" того же автора.]

Каждый телевизионный канал, включая те, что были подчинены недавно образованному Комитету радиовещания и телевидения новой Северо-Западной Республики, был почти полностью забит новостями с конференции, интервью с участниками, официальными заявлениями и пресс-релизами, предположениями, слухами, сплетнями, а также валом откровенной пропаганды с обеих сторон. Переговоры тянулись многие недели без видимого результата, в то время как во внутренних районах Северо-Запада силы националистов спокойно выдавливали ЗОГ со всё большей территории. Каждый день посёлок там, кусок дороги здесь, фабрика или отделение полиции где-нибудь ещё переходили в руки Добрармии. Повсюду кроме самого Портленда.

Основной военной заботой Зака оставалась судьба мостов через реку Колумбия, двух главных - в Астории и Лонгвью, а также мостов через залив Янгс между Асторией и Уоррентоном.

- Мы чертовски уязвимы, - признал он на одной из своих регулярных встреч с сотрудниками. - Если разбомбить эти мосты и ещё пару вдоль 101 автомагистрали, мы фактически окажемся отрезаны от остальной части страны. Американцы также могут это сделать. Не знаю, почему они ещё этого не сделали. С их реактивными самолётами, боевыми вертолётами, "Б-52", крылатыми ракетами, беспилотниками и бог знает с чем ещё, они могут взорвать эти мосты в любой момент, когда захотят. У нас нет никакой ПВО на земле кроме стрелкового оружия, а наши военно-воздушные силы на данный момент состоят из нескольких "Цессн" и других частных самолётов, ну и вертолётов, которые мы конфисковали у новостных СМИ.

- Я думал, что мы получим зенитные ракеты у русских, сэр? - спросил новоиспечённый майор Рик Парментер.

- С этим некоторая задержка, - признал Хэтфилд. - Русские тайно поддерживали нас много лет, как вы знаете, из-за того, что американские правительства возили их мордой в грязи и стремились опустить Россию до уровня третьестепенной страны и в военном и в экономическом отношении.

Но теперь, когда события дошли до нынешнего щекотливого момента, они не хотят *демонстрировать*, что поддерживают нас. В Лонгвью и в других местах уже поднято достаточно много вопросов обо всём этом российском стрелковом оружии и боеприпасах, которые имеются у нас на руках.

- Вдобавок тот не слишком деликатный факт, что наша группа переговорщиков прилетела в Лонгвью на плохо замаскированном русском военном вертолёте с русским экипажем, - добавил полковник Леннарт Экстрем из нового интендантского корпуса Добрармии.

- Я спрашивал об этом Рэда, и он сказал, что по существу мы просто не знали, каким американцам можно доверять, чтобы не попасть в загадочную аварию по дороге, - пояснил Хэтфилд. - Если бы это произошло, русские поняли бы, что американское правительство теперь естественно стремится удержать превосходство в воздухе как способ получения уступок на переговорах. Так как если эти переговоры сорвутся, и война возобновится, она будет более обычной по характеру, и америкосы смогут, наконец, получить возможность использовать против нас некоторые из своих высокотехнологичных игрушек.

Москва не прочь расстроить эти планы, но они не хотят, чтобы это выглядело слишком явным, отсюда задержка с началом поставок нам батарей ракет "земля-воздух". Но это не решает нашей неотложной проблемы. Делмар Партмен, этот оборзевший генерал морской пехоты в Портленде, угрожал не подчиниться любому соглашению, которое заключат в Лонгвью, если оно "расколет наш драгоценный Союз", как он выразился. Не знаю, написали ли эту глупость для Партмена в Вашингтоне или нет, накачивает ли кто-то его, или он действует самостоятельно, но Третий отдел, похоже, думает, что Партмен страшно серьёзно относится к отказу подчиниться и навязывает нам решающее сражение.

- Которое, как надеются евреи, приведёт к хаосу, даст им шанс разорвать соглашение и снова вернуться к полной оккупации, конечно, возложив ответственность за всё это на нас, - мрачно вставил полковник Уэйн Хилл.

Временное правительство Северо-Западной Американской Республики, действовало согласно мандату проекта Конституции от октября 2006 года, написанной в давние дни, когда движение состояло немногим более, чем из одного полубезумного старика с компьютером. Для решения проблем, вызванных массовым перемещением и переселением населения, правительство учредило Бюро расы и расселения (БРР).

В Портленде генерал морской пехоты Партмен выступал со всё более и более жёсткими заявлениями об отказе сдать город националистам независимо от того, что было решено в Лонгвью. В сельских районах продолжались стычки между наступающей Добрармией и оставшимися правительственными силами. Результатом стал двухсторонний поток беженцев: юнионистов (сторонников ЗОГ), бегущих в Портленд, и покидающих город белых людей, которые или симпатизировали националистам, или просто хотели избавиться от чёрных и цветных головорезов ФАТПО, измывающихся над ними.

Большая часть небелых, оставшихся на Северо-Западе, так же как и многие белые семьи среднего и высшего класса, упаковывали пожитки и бежали от страшщего их будущего тоталитарного государства, похожего на карикатуры, в виде которых СМИ всегда изображали все прошлые белые националистические режимы. В то же самое время множество белых семей из Калифорнии и с Юго-Запада также упаковывали пожитки и бежали на Северо-Запад из страха перед растущим сепаратизмом латиноамериканского движения "Френте де Ла Раса" - ФДЛР. Движение ФДЛР уже требовало создания нового латиноамериканского государства "Ацтлан", которое должно было расположиться на Юго-Западе, или как независимое государство на территории Соединённых Штатов, или даже на части самой Мексики.

Большая часть прибывающих белых беженцев оказалась в районе Северного берега. Хотя Северный берег действительно много лет был очень мало населён и вполне мог принять свежие силы, особенно молодую белую кровь, этот наплыв создал определённые проблемы со снабжением.

Бюро БРР создало переселенческие центры в таких местах как Астория, Сисайд и Клэтскани, включая один центр в Астории, в бывшем кегельбане на недавно переименованном Бульваре имени Локхарта.

Однажды холодным и сырым вечером в начале октября майор Джеймс Уинго заступил на смену как дежурный офицер в этом переселенческом центре и помогал принимать очереди прибывающих белых беженцев и их семей, которым выдавали временные удостоверения личности и предоставляли на выбор жильё по потребности. Иногда новоиспечённым жителям Республики доставались просто шикарные дома, брошенные сбежавшими юнионистами, а иногда - разваливающиеся квартиры и дома-прицепы, брошенные мексиканцами. Но иной раз и место в общем спальном корпусе какой-нибудь школы или гимназии или в отдельном здании, которое смогли приспособить для этих нужд. В какой-то момент Уинго удалось перевести дух.

Он отошёл в сторонку поговорить с капитаном Кристиной Экстрем, которая добровольно исполняла обязанности офицера по размещению и перевозке беженцев, когда почувствовал, как кто-то дернул его за рукав. Уинго обернулся и увидел пожилую женщину в потрёпанном платье и пальто, с морщинистым лицом и редующими белыми волосами. Рядом со старушкой, держа её за руку, стояла маленькая девочка, лет пяти-шести, худенькая блондиночка, и пристально смотрела на него настороженными и недоверчивыми голубыми глазами. Было что-то неуловимо знакомое в её волшебном личике, но Уинго не мог вспомнить, на кого она похожа.

- Чем могу вам помочь, мэм? - спросил он.

- Я знаю тебя, - сказала старушка. - Я раньше видела тебя по телевизору.

- Да, мэм, я уверен, что видели. - Я подрабатываю рекламой зубных паст и соусов для барбекю, - сострил Уинго.

- Не валяй дурака, парень! - оборвала его старушка. - Мне надо спросить тебя об одном важном деле. Я видела тебя по телевизору, когда ты стрелял из автомата на Фландерс-стрит в Портленде. С тобой был тот парень Локхарт Кошкин глаз и одна девушка по имени Кристин Маги. Я - Мэй Маги, мать Кристин. А это - её дочка, Мэри Эллен. Может, ты знаешь, где сейчас Кристин?

"О, Господи!" - подумал про себя Джимми, сердце его упало, а ноги подкосились.

- Да, мэм, я знаю о вас. Кики рассказывала мне о вас обоих. Она вас очень любила. Я... Я не знаю, как сказать, как рассказать вам об этом... .

Он беспомощно развёл руки.

- Она умерла? - уныло спросила Мэй.

- Да, мэм, - беспомощно кивнул Уинго. - Она погибла в бою в прошлом январе.

- Ты уверен?

- Да, мэм. Я был там, когда это случилось. Мне очень жаль. Ваша дочь была храбрым солдатом, хорошим соратником и другом. Нам всем её не хватает.

- Ну, не скажу, что удивлена, - вздохнула старушка. - Я никогда не знала точно, что с ней делается после того, как она - после того, как она всерьёз связалась с вами. Думаю, я догадываюсь, почему она сделала это. И мне всегда было интересно, ну, в общем, верила ли она в это дело.

- Да, мэм, она верила.

- Наверное, в глубине души я всё-таки предчувствовала, что никогда больше её не увижу. Эта девушка говорит, что даст нам комнату, и возможно комната у нас останется, если всё устроится.

И старушка повернулась, чтобы вернуться в свою очередь на транспорт.

- Подождите! - воскликнул Уинго.

Он вытащил блокнот и ручку из кармана рубашки, быстро написал своё имя и протянул листок старушке.

- Я - майор Джеймс Уинго, Первый батальон, Третья орегонская бригада Сил обороны Северо-Запада. Сохраните это, миссис Маги. Пожалуйста. Я не знаю, что случится в следующие месяцы. Может, я не смогу сделать это сам. Но я хочу попытаться и не потерять вас и Мэри Эллен, потому что лучше всего могу это сделать через БРР, и хочу, чтобы вы запомнили моё имя. Позже я спрошу здесь о вас и попытаюсь, но если это почему-нибудь не удастся, попробуйте найти меня сами. Сейчас не время и место, чтобы заниматься всем этим делом, так как мы не знаем, что произойдёт, но в любом случае, если я все ещё буду жив, то хочу помочь вам и вашей внучке. Насколько смогу, в память о Кики.

Мэй пристально посмотрела на него.

- Ты знаешь, чем она занималась? Перед тем, как попала к вам?

- Да, мэм, я знаю. Я также знаю, кем она стала потом, и это - всё, что меня волнует. Я обязан дать её матери и её ребенку всё, что смогу. Вот что я хочу.

Мэй сунула бумагу в карман.

- По-моему, ты не знаешь всего, но мы с Элли много пережили за прошлые годы и не должны ни от чего отказываться, так что я могу только принять твоё щедрое предложение, майор.

* * *

Шёл октябрь месяц, с его холодными, но ясными днями, листья на деревьях покрывались позолотой и устилали землю, утренние туманы становились всё гуще. К полудню 22 октября в старом здании суда округа Клэтсоп, за длинным столом конференц-зала, в который был превращён зал судебных заседаний, состоялось ежедневное штабное совещание командования Третьей бригады. Стены теперь были заклеены картами, увешаны полками и кругом стояли шкафы для хранения документов. А над креслом, в котором когда-то сидели тираны в чёрных мантиях, посылавшие белых мужчин и женщин в ад на земле, свисал большой трёхцветный флаг.

Пять лет минуло с того утра, когда федеральные маршалы окружили дом Густава Сингера в Кёр-д'Ален, чтобы забрать у него детей, потому что он и жена рассказывали детям перед сном "неуместные" древнескандинавские мифы и сказки. Но в то утро, наконец, что-то лопнуло, и вскоре государственные бандиты Америки, расстрелянные соседями Сингера, валялись на земле в своих пробитых бронежилетах.

- Всё ещё никаких сдвигов на переговорах в Лонгвью? - спросил полковник Экстрем.

- Ну, есть действия подобного сорта, - скривила рот его дочь Кристина, отшвырнув газету "Ю-Эс-Эй тудэй".

Фотография на первой странице, сделанная телеобъективом и довольно нечёткая, изображала двух юных членов делегации Добрармии на мирной конференции, слившихся в страстном поцелуе на балконе гостиницы.

- Я сделала бы здесь некоторые замечания о наших налоговых долларах в действии, если бы мы платили налоги.

- Слушай, Крис, разве ты не должна носить теперь листья дуба как майор? - удивился Хэтфилд. - И ты не в форме.

- Спроси у интенданта, - кивнула она на своего отца. - У него их нет.

- Какие новые разведанные по ситуации в Портленде, сэр? - поинтересовался майор Тони Кампизи.

- Я говорил с мистером Чипсом по закрытому радиоканалу перед тем, как прийти сюда, - доложил Хэтфилд. - Надеюсь, что жида не смогут разгадать шифр, потому что переговоры вот-вот могут прерваться. Генерал Армии обороны Северо-Запада Барроу сообщил Совету Армии, что конференция в Лонгвью в любом случае подошла к критической точке, и вероятно наши люди уйдут с переговоров, потому что американцы продолжают их срывать. Всё это похоже на тактику проволок, хотя никто не понимает, зачем они тянут. Если соглашение фактически достигнуто, этот пещерный морпех Партмен определённо намерен взбунтоваться против Зануды и Ведьмы и отказаться сдать нам город.

- Я никогда не считал, что у этой морпеховской обезьяны хватит смелости или мозгов для этого, - заметил капитан Джерри Лундгаард.

- Да, мы уверены, что кто-то в Вашингтоне его подзуживает, - сказал Хэтфилд. - Никакой нормальный морпех не посмел бы отмочить такую вещь, как вызов своему главнокомандующему, без самой мощной политической поддержки, какую только можно вообразить. Спорю, что это жидовская крыса - Говард Вайнбаум. Он действует на конференции как глава непримиримых с их стороны. Оказывается, этот Вайнбаум несколько месяцев назад пробивал один небольшой проект, пытаясь организовать

эскадроны смерти из евангелистов для ведения партизанской войны против Республики, но генерал разведки Картер Уингфилд пресёк это дерьмо в корне.

- Как плохо, по-твоему, всё может обернуться, если Партмен поднимет такой мятеж? - спросила Кристина.

Хэтфилд нахмурился.

- Довольно плохо. У Партмена почти две дивизии морпехов в городе, плюс ФАТПО и разношёрстное ополчение юнионистов, полиция. Да ещё какая-то вооружённая шпана в духе сомалийских бандитов, которую он использует для терроризирования остатков запуганного белого населения. Не меньше тридцати пяти тысяч голов.

Ряды Армии обороны Северо-Запада растут с каждым днём, так как в неё вступают тысячи молодых белых мужчин и женщин, часть которых прибывает со всего мира. Многие из них служили в армии, но большинство - неопытные новобранцы, поэтому наши курсы начальной подготовки в Кэмп Рили расширяются, но мы всё ещё не на высоте с нашим оружием и техникой. Мы стремимся беспокоить врага и перерезать линии снабжения, но в городе размера Портленда есть все виды запасов почти всего, что они могли бы запросить, конфисковать или украсть.

Партмен намерен начать наступление всеми своими силами и средствами, скорее всего через реку против генерала Уингфилда в Ванкувере, но возможно и ниже, против нас. Партмена поддерживают многие влиятельные политики в Вашингтоне, Нью-Йорке и Хьюстоне, которые не хотели, чтобы эта конференция вообще состоялась. Когда он поднимет свой мятеж, все СМИ будут размахивать американским флагом, восхваляя этого патриота-морпеха как символ верности старым добрым Соединённым Штатам Америки, ля-ля-ля, ну, вы понимаете. Они будут грозить Челси импичментом, если она не даст задний ход, не откажется от переговоров в Лонгвью и не возобновит войну.

- Чёрт, и её отца и мать обвиняли в измене, но безуспешно, и, кажется, это никогда их не беспокоило, - заметил Кампизи.

- На этот раз импичмент был бы полностью поддержан всем просионистским лобби, которое в прошлом поддерживало других Клинтонов, - пояснил Хэтфилд. - Конечно, Хиллари всё ещё заправляет делами, но может быть она решила, что разногласия не нужны, и пришло время уступить.

Проблемой, с нашей точки зрения, является то, что почти наверняка генерал Партмен проведёт воздушный налёт на два главных моста через реку Колумбия, здесь в Астории и на мост в Лонгвью. Он сохранил мосты в Портленде, потому что они ему понадобятся для собственного наступления на Ванкувер, но он же - не полный идиот. Он понимает, что должен в любом случае прекратить получение Добрармией подкреплений через реку. Партмен не может оставить эти мосты на своём левом фланге. Мы считаем, что он так и объявит о своём мятеже, открыто нарушив прекращение огня и взорвав оба моста через Колумбию, а вдобавок, возможно, и мосты через залив Янгс. И, честно говоря, ребята, я не вижу никакой возможности остановить его. Мы можем только горохом стрелять, образно выражаясь.

- А что у него из авиации? - спросил Экстрем.

- По последним данным, два "Б-52" с полной нагрузкой и четыре "Ф-16" в аэропорту Портленда, экипажи которых по оценке Третьего отдела верны Партмену и будут подчиняться его приказам на уничтожение своих сограждан-американцев, или бывших соотечественников-американцев, - ответил ему Хэтфилд. - И вдобавок много боевых вертолётов "Апач" и "Блэкхок", которые он также может задействовать против мостов. К счастью, аэропорт Портленда недостаточно велик, чтобы принимать много

больше военных самолётов и одновременно обслуживать гражданские рейсы, к тому же взлётно-посадочные полосы нужны для снабжения. Если Партмен прикажет, эти "Б-52" смогут снести мосты и сравнять с землёй Асторию и Лонгвью с высоты 9 километров.

- Командир, нам придётся вводить план эвакуации? - с тревогой спросил Лундгаард.

- К сожалению, да, и, по-моему, мы будем вынуждены это сделать, но я не хочу отдавать приказ до последней возможности, - сказал Хэтфилд. - Лен, как у нас с бомбоубежищами?

- У нас восемь бомбоубежищ со штатным оборудованием вокруг Астории и Уоррентона, главным образом в подвалах общественных зданий, - доложил Экстрем. - Я действительно не знаю, как они выдержат совместную атаку "Б-52" и "Ф-16".

- Работу этих проклятых штуковин я видел в Ираке, - нахмурился Хэтфилд. - После налётов "Б-52" мало что остаётся. Упаси Бог проклятого Партмена с его коротко стриженными мозгами даже *подумать* о том, чтобы напустить "Б-52" на здешних белых! Быстро займитесь планами эвакуации на случай, если всем нам придётся срочно смыываться.

- Забудьте об этих "Б-52", генерал, - раздался голос в дверях.

Хэтфилд поднял глаза и увидел Эрика Селлерза в грязной заляпанной спецовке, входящего в комнату. За ним появилась Аннет Риджуэй, к общему удивлению в полной полевой форме армии США, включая ботинки, головной убор и знаки различия младшего лейтенанта.

Хэтфилд изумлённо посмотрел на неё.

- Товарищ Бекки, можно спросить, как, чёрт побери, ты прошла сюда в таком виде, и тебя не подстрелили?

- Нас провёл Оскар, сэр, - отдала она честь. - Боюсь, что у меня не было времени переодеться. Я использовала этот прикид, чтобы попасть в закрытую зону портлендского аэропорта. Там прав с "Б-52". Их больше нет.

- На бетоне догорают остатки, - с улыбкой подтвердил Эрик. - "Красный Барон" сжёг вчера вечером ещё два союзных самолёта. Они *класно* полыхали!

По залу разнеслись радостные возгласы и хлопки.

- А "Ф-16" и вертолёты? - с надеждой спросил Хэтфилд.

- Их убрали на другую часть поля, - покачал головой Эрик. - Они всё ещё в боевой готовности. Чуть позже мы узнали, что наш конспиративный дом провален, и Оскар решил на долгий отход сюда. Он о чём-то хочет поговорить с вами, потому что не доверяет нашей связи.

Внезапно в комнату вбежал полковник Уэйн Хилл, одетый в спортивную куртку, не сочетающуюся с галстуком. И закричал:

- *Включите телевизор!* Быстро! В Лонгвью что-то происходит!

Хэтфилд быстро включил телевизор. Появилось изображение большой толпы перед зданием на широких ухоженных лужайках отеля "Льюис энд Кларк" в Лонгвью. Звука не было, и Хэтфилд схватил пульт, думая, что звук отключён. Но тут до него дошло, что тишина стояла из-за того, что вся толпа, по меньшей мере, в десять тысяч человек, стоящая вокруг отеля на поле для гольфа, автостоянке и вдоль шоссе, действительно хранила мёртвое молчание.

Камеры были наведены на флагшток перед отелем, и потрясённые люди, собравшиеся в зале заседаний, с растущей радостью следили, как двое мужчин медленно спустили с мачты звёздно-полосатый флаг и свернули его.

- Это генерал Фрэнк Барроу, глава нашей делегации, и генерал ВВС США Брубейкер. Он - главный американский военный представитель на конференции, - вполголоса произнёс Хилл.

Барроу вручил американский флаг Брубейкеру, который прижал его к груди, борясь с чувствами. Затем вперёд выступила женщина с сине-бело-зелёным свёртком в руках. На её лице даже на таком расстоянии были видны шрамы и вмятины - следы долгих лет пыток и издевательств, полученных в застенках ФБР и ФАТПО из-за отказа предать своего мужа. В Добрармии она была легендой.

- Это - Кэти Фрост, - сказал Хилл. - Я слышал, что её привезли туда, чтобы раздуть скандал.

Женщина привязала трёхцветный флаг к вытяжному шнуру и медленно подняла над землёй флаг Северо-Западной Республики. И уже не в первый раз: за те несколько месяцев, прошедших со дня, когда президент Челси Клинтон произнесла свою речь, трёхцветный флаг взвился над многими местами Родины. Из невидимых громкоговорителей где-то в отеле мощный оркестр и хор грянули что-то похожее на гимн.

- Что это? – удивлённо прошептала Кристина. - Я узнаю эту песню.

- Ты слышала её давным-давно в церкви, голубка, - сказал её отец, положив руку ей на плечо. - Это "*Оплот наш*", гимн, написанный Мартином Лютером.

- "*Ein Feste Burg ist Unser Gott*". ("*Оплот наш, наш Господь*", по-немецки, - Прим. перев.). - Они поют по-немецки, - пояснил сержант Карл Фоглер, водитель Хэтфилда. По его лицу текли слёзы.

- Это так, - мрачно произнёс Хилл. - 1945 год отомщён, *корпсбрудер*. (*Собрат, боевой товарищ* (нем.) - Прим. перев.).

- Отомщено столетие тирании, притеснений и убийств, - произнёс Хэтфилд.

Аннет и Эрик обняли друг друга, не отрывая глаз от экрана телевизора. Некоторое время все поражённо смотрели на экран, не в силах поверить во всё происходящее в этот долгий миг, ошеломивший весь мир. Но Третья бригада быстро пришла в себя. Почти у всех офицеров сразу же зазвенели мобильные телефоны, и Хэтфилд выключил телевизор.

- Соратники, в тот день, когда общий приказ номер десять будет отменён, когда бы это ни произошло, я хочу, чтобы вы все вместе со мной подняли бокал шампанского в честь нашего нового независимого государства, а после устроили весёлую вечеринку с самым лучшим на Северо-Западе пивом, какое только удастся достать. А до этого дня нам нужно поработать.

- Первым делом нужно очистить эту станцию Береговой охраны в Уоррентоне, - серьёзно заметил Хилл. - Об этом я и хотел поговорить с тобой, Зак. Мы узнали, что было несколько сверхсекретных сеансов связи через море между штабом в Портленде и этой станцией. Не знаю, о чём они говорили, но наверняка ни о чём хорошем речь не шла. Ты знаешь, что стриженный придурок Партмен пошлёт оставшиеся у него самолёты, чтобы уничтожить два моста здесь, на шоссе 101. Зак, тебе нельзя больше терпеть гнездо войск противника в своём тылу, которые будут действовать как корректировщики или нападать на наши вооружённые силы и гражданскую оборону во время атаки. Ты должен сейчас же двинуть силы против этой базы.

- Насколько я помню, "Ф-16"-е - это, в основном, истребители, - ответил Зак. - Их можно оснастить бомбами, но они полагаются главным образом на ракеты и цепные пушки. "Ф-16"-е должны будут лететь немного ниже, чем "Б-52", их бомбовая нагрузка не

такая большая, но они всё ещё смогут выполнить эту задачу, а у нас даже нет радиолокатора, чтобы узнать, когда они приблизятся.

- Должны ли мы сейчас перекрыть движение по этим мостам? - спросил Лен Экстрем. - Если они ударят по мостам с идущими по ним автомобилями, среди гражданского населения будут большие жертвы.

Хэтфилд покачал головой.

- Ещё нет. Эти мосты критически важны для нормального снабжения и жизни во всей этой части штата Орегон, не говоря уже о стороне штата Вашингтон. Я хочу держать их открытыми как можно дольше, не говоря уже о желательности избежать остановки судоходства в устье Колумбии из-за обломков и развалин мостов после бомбёжки. Оскар, нет ли способа получить хоть какое-нибудь предупреждение, когда начнётся атака с воздуха?

- Наши люди следят за аэропортом Портленд и вызовут нас в ту же минуту, как увидят взлёт любого "Ф-16" или вертолёт морской пехоты, - заверил Хилл. - Ты получишь сигнал воздушной тревоги за несколько минут. От Портленда досюда примерно девяносто миль, а это для "Ф-16" один прыжок. Лонгвью ближе, так что по нему, скорее всего, и ударят в первую очередь. Но не будь слишком мрачным. Всё ещё есть надежда, что мы найдём способ проникнуть в аэропорт и уничтожить военные самолёты на земле. Я всё-таки надеюсь, что Партмена не поддержат другие части ВВС страны, которые могли бы послать ему ещё самолётов.

- Мы хотим вернуться и ударить по ним ещё раз, сэр, - сказал Эрик.

- Мы не знаем, сколько у нас осталось времени, - сказал Хэтфилд. - Сейчас нам надо овладеть этой базой Береговой охраны. У меня с Ратклиффом за прошлые несколько месяцев вроде бы установились неплохие отношения, но всё-таки он - командир противника и может решиться на враждебные действия во время воздушного налёта. Я очень жалею, что с нами нет Дона Хакера, переговорить с ним. Помните того офицера, который выплыл на берег у Сансет Бич, а дети Шерри подобрали его? Но он теперь в Сиэтле пытается разобраться с нашим новым военно-морским флотом.

Хэтфилд вынул свой мобильный телефон и набрал номер. Через минуту он проговорил:

- Командир Ратклифф? Говорит генерал Хэтфилд. Я уверен, что вы догадываетесь, почему я звоню. Вы видели то, что случилось в Лонгвью?

Некоторое время он слушал Ратклиффа.

- Я понимаю ваши чувства, сэр. Не знаю, кто из нас больше удивлён, но, похоже, что дело сделано. Поэтому у нас осталась одна проблема. Я знаю из надёжного источника, что в Портленде генерал морской пехоты Партмен намерен поднять мятеж и начать собственную маленькую войну с ударов с воздуха по Астории и Лонгвью, чтобы уничтожить мосты через Колумбию, а, возможно, и с наземной атаки в этой части Республики. Ситуация намного осложнилась, и я боюсь, что вынужден настаивать на немедленном принятии командования над вашим объектом, а не ждать выработки каких-нибудь формальных процедур. Через час я буду у ваших ворот, с белым флагом. Прошу вас переговорить со мной прежде, чем совершить что-нибудь необдуманное, но должен сразу предупредить, что на этот раз я собираюсь взять с собой не только одного водителя. Надеюсь, что вы сдадитесь и избавите нашу новую страну от пролития крови в этот великий день, но если вы будете сопротивляться, тогда мой долг выступить против вас. Скоро увидимся.

- Нужно ли было предупреждать его, что ты едешь? - усомнился Лен Экстрем.

- Может, я неправ, но мне кажется, что у Ратклиффа собственные представления об обществе и правительстве, которым он служил всю свою жизнь, - ответил Хэтфилд. - Я хочу дать ему шанс принять правильное решение и как можно больше сохранить лицо, насколько это в моих силах, если он решится на бескровный выход. Надеюсь, что он просто использует этот час, чтобы удрать. А если нет, то я попробую уговорить его. Тони, поднимай Первый батальон и всех, кого сможешь найти, из Второго, и давайте двигать туда. Берём все миномёты, как можно больше пулемётов калибра 12,7 мм и ребят-взрывотехников с их ракетами. Да, и возьми наше секретное оружие.

- Что за секретное оружие? - спросил Хилл.

Секретное оружие оказалось старым семифунтовым полевым орудием времён первой мировой войны, которое когда-то украшало своей ржавой славой площадку перед зданием суда. Старое орудие было реквизировано, очищено от ржавчины и зелёного налёта, отдраено песком, отполировано и перекрашено под грозную серую пушечную бронзу. На поцарапанном бронешите перед казенной частью была нарисована круглая сине-бело-зелёная эмблема.

- Ты ведь не собираешься стрелять из этой штуки, а? - спросил Хилл, рассматривая реликвию. - У тебя есть хоть какие-нибудь снаряды для неё? Зак, помилуй Бог, в стволе трещины! Ей больше ста лет! Эта штука взорвётся вместе с твоими артиллеристами!

- Ратклифф и его люди этого не знают, - усмехнулся Хэтфилд. - Мы очистили и восстановили казённую часть, так что теперь можно легко и красиво открывать и закрывать затвор, а наши парни придумали процедуру зарядки муляжами снарядов, которые Лен сделал в своём подвале. Ты когда-нибудь слышал о бутафорских пушках? Та же история. Если Ратклифф решит, что у нас есть артиллерийское орудие, это должно заставить его задуматься.

- Сколько у тебя настоящих ракет и минометов? - спросил Хилл, когда они двигались в колонне через залив Янгс по одному из опасных мостов, а грузовики отряда растянулись за ними.

Хэтфилд смотрел в небо, надеясь, что в это мгновение не появится ни один из боевых вертолётов или реактивных самолётов Партмена.

- Я применю при штурме четыре миномёта, если окажется, что в штурме есть необходимость, - ответил Зак. - Вдобавок взрывотехники изготовили несколько "сталинских органов", которые они хотят испытать, и установки по 16 твёрдотопливных ракет, установленные на грузовиках без бортов. Корпуса ракет сделаны из полихлорвиниловых труб, все детали и оперение из пластмассы, но каждая несёт 40-килограммовую боеголовку из разных ВВ и шрапнели, а пусковые установки - перезаряжаемые. Они запускались на нашем небольшом испытательном полигоне, и на сегодня расчёты с их помощью могут попадать в широкую сторону коровника и поражать цели площадью около 150 квадратных метров на расстоянии в три километра. Мне не хочется применять их в населённых пунктах вроде Уоррентона, если меня не вынудят.

У нас есть план, разработанный на случай, если придётся штурмовать базу силами батальона. Огонь миномётов и автоматического оружия зайдёт их внутри, а мы в это время используем старые добрые складные лестницы, чтобы перелезть через ту часть ограды, которая покажется уязвимой. А если не получится, то есть план "Б", включающий таран и подрыв главных ворот грузовиком с взрывчаткой, но я действительно не хочу воевать с Береговой охраной. Они - не боевая часть, это спасатели

и санитары, большинство из них - настоящие хорошие парни. Надеюсь, что Ратклифф проявит благоразумие.

Ко времени, когда Хэтфилд остановился перед главной проходной, Ратклифф увидел в бинокль гораздо больше. Со сторожевой вышки он рассмотрел сотни солдат Добрармии, частью в новой камуфляжной форме, а некоторых всё ещё в гражданской одежде,двигающихся по окружающим улицам и эвакуирующих жителей из домов, которые оказались на линии огня. Заметил, что в сотнях метров к востоку и к северу от его базы устанавливаются и наводятся "сталинские органы". Рассмотрел, что 81-миллиметровые миномёты подтаскиваются между домами и за забором по периметру базы.

Ратклифф понимал, что окружён превосходящими по численности силами, в которые входили многие ветераны боёв во время восстания и ветераны имперских войн Америки на Ближнем Востоке, включая мужчин и женщин, которые воевали с его собственной службой и потопили военный корабль Береговой охраны на Сансет Бич. Хотя его люди получили лучшую подготовку и занимали укреплённые позиции, но атакующие имели преимущество в численности, и в этот день их боевой дух взлетел выше стратосферы при виде рождающегося на глазах собственного государства. Наконец, он наблюдал, как старинное орудие на буксире за "гоётой тундра" сняли с передка на дороге в 150 метрах перед базой, а дуло нацелили в центр главных ворот. Расчёт открыл казённую часть и дослал в неё снаряд.

Зак Хэтфилд подъехал примерно на тридцать метров к воротам в своём "Линкоре", сопровождаемом джипом "чероки".

- Кто это? - спросил он Оскара, показывая на джип.

Из джипа вышли две женщины и мужчина, все в камуфляжной форме "Сил обороны Северо-Запада". Мужчина начал устанавливать треногу и камеру.

- Что за дьявол?! - воскликнул Зак. Он приблизился к троице. - Джулия?

- Привет, дорогой, - ответила она, быстро поцеловав его в щёку.

- Надо ли мне спрашивать об очевидном? - проговорил Зак.

- Это моё первое задание на новой работе в Комитете радиовещания и ТВ Северо-Западной Республики, - пояснила Джулия. - Историческая документалистика событий, сопутствующих переходу от американской империи к Северо-Западной Республике. Кстати это - Эрика Коллингвуд.

- Здравствуйте, генерал Хэтфилд, - скромно проговорила Эрика. - Джулия много рассказывала мне о вас.

- Воображаю. Добро пожаловать на Родину, товарищ, - ответил Хэтфилд. - Прошу простить, мэм, я не узнал вас не покрытую кровью или тараканами. Я всегда считал "*Злодей в Бостоне*" классикой.

- Надо думать. Она будет читать текст и озвучивать фильм, - пояснила Джулия. - Я всегда мечтала стать независимым продюсером, но никогда не думала, что буду делать свой первый документальный фильм с Эрикой.

- Товарищ Коллингвуд, я полагаю, что вы приобрели вкус к обстрелам в вечер Оскара. - Но ты что скажешь в своё оправдание, кроме явного сумасшествия? - повернулся он к Джулии. - Ты понимаешь, что в любой момент может начаться стрельба?

- Да, я понимаю, но что бы ни случилось, мы должны снять всё это для потомков, - ответила Джулия. - И сделать ещё несколько таких хороших снимков, где ты потрясёшь в воздухе своим винчестером.

Она полезла в карман своей полевой куртки.

- У меня пропуск и разрешение Совета Армии сопровождать Силы обороны Северо-Запада во время боевых действий, при условии и т.д. и т.п., - сказала она, протягивая ему лист бумаги.

- Да ладно, я всё равно не знаю, как выглядит такой документ, - отмахнулся Хэтфилд.

Позади Хэтфилда Хилл прочищал горло и жестами показывал на главные ворота базы Береговой охраны, которые уже были открыты, а командир базы Энтони Ратклифф стоял снаружи в ожидании.

- О, чёрт! Позвольте мне пойти попробовать отговорить вон того дядю от кровопролития. Постараюсь, чтобы вас обоих не застрелили.

Он повернулся и пошёл к воротам, навстречу командиру базы.

- Это Эрика Коллингвуд? - первое, о чём спросил Ратклифф Хэтфилда, держа руку козырьком и глядя на операторскую группу.

- Да, - ответил тот. - А на женщине повыше я собираюсь жениться, если всё сложится. Так что вы понимаете, как я заинтересован найти какой-нибудь способ убедить вас впустить меня на базу без всякой стрельбы и взрывов.

- И эта штука действует? - задал Ратклифф второй вопрос, показав на пушку. - Пойдите, я узнаю это орудие! Вы украли его с лужайки перед зданием суда! Эта столетняя рухлядь никак не может стрелять!

- Мы рассверлили ствол, сделали новый затвор и добавили всякие разные резиновые детали лафета, чтобы она могла ехать, не говоря уж об изготовлении несколько сотен собственных снарядов, хотя я должен признать, что некоторые из них различаются по качеству. Но они тогда сделали хорошее оружие. У некоторых наших снайперов остались "Маузеры" и "Энфилды" даже не со второй, а с первой мировой войны, и в прекрасном состоянии благодаря уходу. Эта пушка отлично работает на дальность и разнесёт ваши ворота и внутренние здания в порошок, - живо лгал Зак.

- Я уж не говорю о миномётах и наших парнях, которые сыграют вам мелодию для гавайской гитары дяди Джо, а если и это не убедит вас, у нас хватит обычного динамита, перебросить через стены. При желании я могу получить настоящую артиллерию и даже танки из Сейлема или Ванкувера, но я не намерен отвлекать серьёзную технику на бессмысленное мелкое дело вроде нашего. Здесь не будет никакой осады. У нас много более важных дел, чтобы тратить впустую время, силы и проливать кровь. Вам надо защищать периметр длиной больше трёх километров, но для этого у вас не хватает личного состава. Ратклифф, вы же чертовски хорошо знаете, что мы сегодня возьмём базу. Единственный вопрос в том, сколько людей будут здесь убиты к заходу солнца?

Знаете, Ратклифф, вы кажетесь достойным человеком, человеком, с которым я не отказался бы пропустить пару пива, когда будет отменён приказ по войскам номер десять. Но если хоть один из моих замечательных ребят будет убит из-за какой-то глупой путаной идеи лояльности этой подлой империи зла, превратившей всю нашу планету в скотобойню и помойку, вы меня очень разозлите. И тогда вам мало не покажется. Хорошо?

Ратклифф вздохнул.

- Я собрал личный состав после этого .... неприятного зрелища в Лонгвью. И поговорил с подчинёнными. К моему ужасу, но не к удивлению, некоторые из них захотели остаться здесь и присоединиться к вам. Наверное, многие из нас остались бы, если бы наши семьи не находились в других районах страны.

- И риска, что американцы им отомстят, - подсказал Хэтфилд. - Можно спросить, где сейчас ваша жена и дети?

- У родителей моей жены в Амхерсте на западе штата Массачусетс. Как только дела здесь пошли плохо, уж простите, но я не доверил их безопасности вашему арийскому благородству. Вы кажетесь довольно приличным человеком, Хэтфилд, но у вас есть маньяки вроде О.С. Оглви и этого чокнутого деревенского недотёпы Джона Корбетта Моргана, также приехавшего с вами. Я не мог так рисковать.

- Понимаю.

- В любом случае, факт, что у меня действительно ничего нет, чтобы вам сопротивляться. Я думаю также о своих людях, как и вы о своих, и не пошлю их умирать за дело, которое, как я только что узнал сегодня утром, проиграно. Мы сможем сделать это без всяких оскорбительных церемоний при сдаче, Хэтфилд? Мы сохраним наш флаг, офицеры - личное оружие, и так далее?

- Если у вас есть оркестр, можете выйти строем под музыку, - согласился Хэтфилд. - У вас хватает машин для перевозки личного состава? Если хватает, то мы дадим вам сопровождение до Портленда и первых американских постов на 30-м шоссе.

- Я предпочёл бы срезать к Сейлему и двигаться на Калифорнию по междуштатной автомагистрали, - пояснил Ратклифф. - В данный момент мне не улыбается встречаться с генералом Партменом.

- Представляю себе, - посочувствовал Хэтфилд. - Мой разведчик доложил, что у вас с генералом было много сеансов связи. Не допускаете, что вам захочется рассказать мне, о чём был разговор? Небольшой намек, а?

Ратклифф посмотрел на небо.

- Здесь красивые места, Хэтфилд. Славные люди. Я завидую, что вы родились и выросли здесь.

- Да, были моменты, - согласился Хэтфилд.

Он кивнул назад, туда, где Джулия с Эрикой наблюдали, как снимает оператор.

- Она была одним из них.

Ратклифф посмотрел на него.

- Вы знаете, что Партмен планирует атаковать и здешние города, Асторию с Уоррентоном? И не только мосты? С помощью "Б-52", "Ф-16" и "Апачей"? Он задумал покарать местное население за злобный расизм.

- Да, знаю. Взбешённые тираны всегда карают тех, кто отказывается склониться перед ними, - кивнул Хэтфилд. - Кстати, не волнуйтесь об этих "Б-52". Наши замечательные молодые люди позаботились о них вчера вечером. Самолёты сейчас догорают там, на взлётно-посадочной. А что Партмен хотел от вас?

Казалось, что Ратклифф на что-то решается.

- Он хотел от меня, чтобы некоторые предметы, которые у нас здесь есть, были повреждены и приведены в полную негодность. Он очень беспокоился, что они могут попасть вам в руки.

- Ну а вы?

- Я, кажется, не смог их найти, - ответил Ратклифф. - Думаю, что собирался проверить склад оборудования в ангаре 19.

Он вынул из кармана связку ключей.

- Так как вы снимаете меня с должности командира, возможно, вы также можете освободить меня и от этой обязанности.

Два часа спустя, когда последний из солдат Береговой охраны покинул базу, и весь её персонал с эскортом отбыл на юг, один из главных старшин, который решил остаться, показывал Заку, Хиллу и Экстрему содержимое ангара 19.

- Генералы всегда опасались атак самолётов-смертников после теракта 11 сентября, - объяснил моряк. - Они боялись, что вы угоните воздушный лайнер и врежетесь на нём в большой мост, нашу базу или устройте ещё какую-нибудь хрень. Генералы совсем чокнулись и прислали нам все эти крошки.

- Боже мой! - воскликнул Лен Экстрем. - Ракеты "Стингер"!

- Неудивительно, что Партмен хотел их уничтожить! - взволнованно произнёс Хилл. - Их здесь не меньше пятидесяти!

- Оскар, свяжись с Советом Армии. - Передай это по всей Добрармии, - приказал Хэтфилд. - Срочно, но главное - под грифом "совершенно секретно". Вне всякой очереди. Нам понадобятся все добровольцы с боевым опытом, которые когда-нибудь стреляли, обслуживали или хоть немного разбираются в "Стингерах".

- Я разбираюсь, сэр, - обратился к нему главстаршина. Я и не меньше четверых ребят, что остались. Если у вас не хватает ветеранов, знакомых с этим оружием, мы можем быстро обучить новые расчёты.

- Это должен быть действительно краткий курс! Старшина, ты знаешь, что Партмен собирается прислать сюда "Ф-16" и вертолёты? - взволнованно спросил Хэтфилд. - Утром ты был военнослужащим армии Соединённых Штатов. Формально ты всё ещё на службе. Лётчики этих машин также солдаты армии США. Готов ли ты стрелять в них, чтобы защитить местное население и будущее нашей новой страны?

- Сэр, я сам из Анакортеса, штат Вашингтон, - ответил солдат Береговой охраны. - Значит, это моя страна.

- Нет, соратник, - покачал головой Хэтфилд. - Ты - белый человек, и *поэтому* эта страна принадлежит тебе.

* * *

Знаменитая удача Хэтфилда не подвела. Из-за того, что разные политиканы мямлили и лавировали, лишь к утру 27 октября Партмен начал воздушный налёт на мосты через реку Колумбия, Асторию и Лонгвью группами по два "Ф-16", нагруженных бомбами и ракетами, и по четыре боевых вертолёт "Апач" в каждой. "Стингеры" были равномерно распределены между этими двумя целями, и когда реактивные самолёты начали пикирование, переносные ракеты были выпущены залпом, почти как из мушкетов в старину. Даже при том, что расчёты были наполовину составлены из недавних и неопытных добровольцев, залп оказался сокрушительным. Из атаки на Лонгвью в Портленд вернулись лишь два "Апача". Один из истребителей "Ф-16" разбился в городе и убил несколько человек, но перед тем, как он, пылая, заскользил по спирали к земле, второй самолёт смог выпустить по мосту одну ракету, пробившую зияющую яму в асфальте и балках, которая была временно, но надёжно заделана за одни сутки.

Группа, атаковавшая Асторию, была уничтожена полностью. Оба истребителя "Ф-16" рассыпались в воздухе, и огненный дождь из расплавленного металла пролился в реку Колумбия, выбросив в воздух гейзеры пара. У Астории "Стингеры" разорвали на куски два "Апача", и ещё один был сбит пулемётным огнём. Четвёртый вертолёт был вынужден сесть на Ривер Уок, где лётчика-мексиканца и второго пилота-негра поймала толпа разъярённых горожан. Местные не оценили отношение к себе, как к иракским

крестьянам, и забили экипаж до смерти тем, что подвернулось под руку, а затем по иронии судьбы протащили тела на верёвках за двумя грузовиками по переименованному Бульвару им. Локхарта.

30 октября генерал националистов Роберт ДиБелла пересек недавно восстановленный мост в Лонгвью из Вашингтона в сторону Орегона, ведя с собой 14 тысяч военнослужащих "Сил обороны Северо-Запада", включая новую двухтысячную бригаду спецслужбы или "СС", отряд, которой назвал себя Бригадой имени Джесси Локхарта. В Клэтскани он соединился с войсками генерала Хэтфилда, под командой которого стояло ещё около 8 тысяч штыков. Вместе они начали осторожно охватывать Портленд с восточного направления, но не по главным шоссе, уязвимым с воздуха, а по лесовозным и сельским дорогам, с местными проводниками из Третьей бригады Хэтфилда.

Одновременно генерал Роберт Гэйр, только что вернувшийся с мирной конференции в Лонгвью, двинулся на Портленд из Сейлема на юге примерно с 16 тысячами бойцов. За рекой в Ванкувере, штат Вашингтон, генерал спецслужбы Картер Уингфилд сосредоточил 45 тысяч войск добрармейцев, включая танковые части из захваченных или брошенных американских танков, а также огромный артиллерийский парк, любезно оставленный солдатами армии США, дезертировавшими из Форт Льюиса.

В ночь Хэллоуин Зак и Джулия стояли на южном берегу Колумбии, в нескольких милях от Города Роз. Ночь была холодной, но ясной, и над рекой гремел гром и сверкали сполохи.

- Похоже на гром пушек! Ну, сукин сын Партмен! - выругалась Джулия, прижавшаяся к Заку, чтобы согреться. - Он обстреливает Ванкувер!

Зак взгляделся в дальние вспышки.

- Нет, Джул. Я совершенно уверен, что вспышки на северной стороне реки. Это ребята Уингфилда. Пушки наши. Пушки белых людей, которые хотят быть свободными.

Наступление на Портленд началось.

Имена на стене

- О, смерть пожала царственную жатву!

Король Генрих V - Акт IV, Сцена 8

Было 22 октября. За окнами кабинета Уэйна Хилла стоял ясный, золотой и бодрящий осенний день - идеальный день для празднования "Дня Независимости Северо-Запада".

Минуло уже пятнадцать лет с того кровавого утра в Кёр-д'Ален, когда возмущённые белые люди наконец-то взяли за оружие, чтобы ударить по кровавым лапам Сиона, который покушался на жизни их детей. И десять лет с тех пор как трёхцветный флаг был поднят после конференции в Лонгвью, и Северо-Западная Республика провозгласила свою независимость.

Хилл всё ещё не мог полностью поверить в фантастические изменения на Родине после революции. Куда бы Хилл теперь ни шёл, он видел чистый, спокойный и процветающий мир, который преодолел все препятствия на пути построения устойчивого, справедливого, милосердного, безопасного и бесстрашного общества и государства, сильного верой в судьбу своей земли и её народа. Несмотря на санкции и нехватки первых лет, постоянные угрозы войны и вторжения из остальной части мира, вопреки непрерывным крикам ненависти в СМИ, визгу политиков либерал-демократических стран мира, оставшихся сионизированными, и все трудности, каждый год белые люди сотнями тысяч ВОЗВРАЩАЛИСЬ ДОМОЙ, на Северо-Запад.

Они бежали через колючую проволоку и минные поля Ацтлана, Канады и Соединённых Штатов. Прятались от вертолётов и патрулей с приказами "расстреливать на месте". Пробирались в грузовые трюмы судов и в отсеки самолётов, нарушавших блокаду. Люди использовали все мыслимые ухищрения, чтобы как-нибудь приникнуть со своими семьями в страну, где их настоящее и будущее были завоёваны и защищены мечом, и за которую при необходимости они были готовы умереть, чтобы жить среди своих и только среди своих собратьев.

Кабинет, облицованный дубовыми панелями, где Уэйн Хилл теперь сидел за столом из полированного северо-западного дуба, у камина с потрескивающими горящими дровами, находился в городе Олимпия, прямо через улицу от здания парламента, которое с тонкой иронией воспроизводило облик здания Капитолия в Вашингтоне. Именно здесь в первые дни после Лонгвью было созвано первое Национальное собрание. Сам Хилл был теперь Директором Бюро государственной безопасности или БГБ, как оно было всем известно. И Хилл и его сотрудники на службе в основном носили гражданскую одежду, но в этот День независимости он был в форме БГБ, которая внушала и страх и уважение как на Родине, так и во всём мире. Простые сапоги, китель и фуражка рядового Добрармии без всяких значков, знаков различия и из наград только медаль Участника Войны за независимость - отличие всех ветеранов того героического времени.

Хилл и его отдел в значительной степени обеспечивали нынешнее процветание, уверенность в будущем и безопасность народа Северо-Западной Американской Республики. Американцы и мировое еврейство все прошедшие десять лет строили козни против новой страны. Это было похоже на жизнь в

прекрасном доме с гнездом кобр в подвале. Но каждый раз, когда еврейская змея поднимала голову, чтобы ужалить, Хилл, его сотрудники из БГБ и сотни других сильных белых рук самых разных людей разбивали голову пресмыкающегося. До следующего раза.

"Помните", - всегда внушал Хилл своим новым сотрудникам, - "евреи всё ещё гораздо богаче нас, их рабы более многочисленны, их ресурсы громаднее, и они ещё намного сильнее нас. Они могут позволить себе делать ошибки. А мы - нет. ЗОГ достаточно победить нас лишь однажды. Мы должны побеждать каждый раз".

Раздался стук в дверь кабинета.

- Войдите.

Дверь открылась, и вошёл генерал спецслужбы Уильям Джексон в полной форме, отделанной серебристым кантом, с нарукавной повязкой со свастикой, кортиком и в форменной фуражке. Под мышкой Джексон держал папку для бумаг.

- Привет, Билли. Я вижу, ты нарядился для своей речи, - усмехнулся Хилл.

- Ну да, мой выход через несколько минут, - кивнул Джексон. - Комитет радиовещания и телевидения Республики передаёт мою речь по правительственному каналу.

- А что твои конкуренты? - улыбнулся Хилл. - Вестерн 50-х годов по четвёртому каналу и мультфильмы по детскому?

- Точно, четвёртый канал как всегда на День Независимости показывает "*Храброе сердце*", а некоторые из новых мультфильмов действительно очень хорошие, - ответил Джексон. - Смотрел "Кэппи Жидок"?

- Да, видел. Мне нравится, - согласился Хилл. - Ты знаешь, что его прямо скопировали со старых мультфильмов "Дорожный бегун"? Кэппи всё время пытается спереть у кого-нибудь деньги, золото или драгоценности, а его всё время взрывают, протыкают, бросают крокодилам, сталкивают с берега и всячески колотят помощник Дог и его друзья-животные. Малышам это нравится. Наши спутники и интернет-станции передают мультфильм по всему миру, и каждую неделю кто-нибудь в Конгрессе США вопит благим матом.

- Слушай, я хочу, чтобы ты кое-что посмотрел, - уже серьёзно произнёс Джексон. - Хотелось отложить всё до окончания праздника, но, в общем, надо просто покончить с этим. Сегодня великий день, десять лет после Лонгвью, и во время речи мне об этом не хочется думать, настолько это великий день.

- Звучит довольно мрачно, - нахмурился Хилл. - Что случилось?

- Джексон глубоко вздохнул.

- Помнишь, много лет назад, когда ты был в Третьем отделе в Портленде, где-то на второй год войны, то клялся-божился на стопке "Майн кампф", что где-то в Первой бригаде шпик? А мы все думали, что ты хватил через край.

- Я и сейчас считаю, что был прав. Были все признаки, - ответил Хилл.

- Ну, оказалось, что ты действительно *был прав*, - смущенно вздохнул Джексон. - Помнишь, когда мы, наконец, взяли Портленд, то проверили, что осталось из документов разных тайных полицейских агентств, работавших в городе, и почти все документы были на компьютерных дисководах. Мы нашли немного. У них было достаточно времени, чтобы уничтожить или стереть большинство документов, а многие диски и резервные копии погибли во время обстрелов, перестрелок и тому подобного. Мы также полностью конфисковали и описали содержимое всех частных сейфов в банках Портленда. Всё это делалось в спешке, у нас был миллион разных других дел, мы не знали, не готовится ли враг контратаковать ... чёрт, ты же помнишь, как всё было.

- Конечно помню, - кивнул Хилл.

- Один из сейфов, которые мы захватили, арендовала некая Елена Мартинес, детектив-лейтенант из старого портлендского бюро полиции. Помнишь группу, в которую входили негритос с мексикашкой из отдела преступлений ненависти, которых звали Обезьяна и Мами?

- Ещё бы, - ответил Хилл.

- Ну вот, с какой-то целью, вероятно, для шантажа или своего рода прикрытия своего зада, эта Мартинес накатала целое личное дело стукача, отпечатаала на полицейском принтере, судя по последней строке и дате на страницах, а потом вложила в папку и спрятала её в сейф для хранения ценностей, - пояснил Джексон.

- А после всё устаканилось, и Партия наконец нашла время направить группы чиновников просмотреть массу документов, захваченных во время войны за независимость, в том числе содержимое всех конфискованных в Портленде сейфов. Но ты же знаешь, что у нас всегда не хватало рук, всегда были более срочные дела. И каким-то образом, не могу понять как, но эта папка оказалась внизу стопки, потом затерялась или была неправильно зарегистрирована или бог знает что ещё.

- На *десять лет*? - недоверчиво спросил Хилл.

- На десять лет. Думаю, бюрократия - единственное сионистское проклятие, от которого мы до сих пор полностью не избавились. Может, папку смотрела какая-нибудь девчонка, отбывающая трудовую повинность, думая о своём дружке, или парень перед обедом, или не знаю, кто ещё, или папку просто не зарегистрировали. Но кто бы это ни был, он просто не понимал, что держит в руках.

В любом случае, два дня назад одна из наших старых сотрудниц, подчищая хвосты, наконец, открыла папку, *прочитала* эту хреновину и поняла её историческую важность. А так как я на тот момент оказался самым вышестоящим членом Партии в здании, она принесла папку прямо ко мне наверх, и я рад, что она так поступила. По крайней мере, я смог немного задержать папку и не сообщать о ней по обычным каналам, пока ты не решишь, как быть с этим делом.

Джексон снова вздохнул.

- Плохо дело? - мягко спросил Хилл.

- Хуже не бывает. Я всегда любил и восхищался ею. Слава Богу, она мертва.

- Кто это, Билл? Вернее, кто это был?

Джексон бросил папку на стол Хилла.

- Кики Маги, - чуть не плача, ответил Джексон. - *Кики Маги, ёлки-палки!*

- Проклятье! - тихо выругался Хилл. - Можешь записать мне это на заднице, Билл, как сказал бы полицейский Догерти. Я ни разу её не заподозрил. Чёрт, ведь я был тем, кто утвердил привлечение Маги. После того, как она однажды вечером таинственно появилась на важной встрече вместо человека, который должен был прийти, но полицаи так кстати его убили. Боже, о чём я думал? Мой мозг в тот вечер, должно быть, качался между деревьями! Неужели она выдала группу и подстроила засаду на Фландерс-стрит, когда мы охотились на вице-президента?

- Из дела это неясно, - ответил Джексон. - Оно внезапно оборвалось после этого события. Никаких дополнительных замечаний и указаний на дальнейшие контакты, ноль.

- Но подожди, это - бессмыслица! - воскликнул Хилл. - Помнишь, Маги была в ударной группе "Стоп, режиссёр"? Она ездила в группе со мной, Чарли

Рандаллом и Котом Локхартом в Голливуд, сама была одним из стрелков в театре "Кодак" в вечер Оскара и была с нами на протяжении всей операции "Мы не в восторге". Если бы она была доносчицей, почему, чёрт возьми, она не раскрыла эту операцию, не уничтожила всех нас и не спасла Голливуд для "Кошер Ностра"? Господи! Она знала и об Эрике Коллингвуд, но Эрику не раскрыли ещё в течение нескольких месяцев, пока жид Шульман не вышел на её след. Если бы она доносила на нас, то федералы обязательно схватили бы большинство из нас, если не всех!

- Знаешь, что я думаю, Оскар?

Джексон невольно перешёл на старый язык Добрармии.

- Думаю, что они на чём-то поймали Маги и заставили работать на них, но, похоже, она с ними порвала. Ты знаешь, что семья Уинго удочерила ребёнка Маги после войны? Девочка с бабушкой до этого долго были в бегах. Помнится, что Кики иногда упоминала о ребенке, но теперь, когда я думаю об этом, мне кажется, что она всегда старалась избегать этой темы. Так, возможно, её и принудили. Папка кончается после Фландерс-стрит.

- Мы можем поговорить с бабушкой? - спросил Хилл.

- Она умерла в прошлом году. Слушай, Оскар, ты знаешь, я меньше всего хочу защищать предательницу и доносчицу, а, судя по этой папке, она повинна в нанесении большого вреда и в смерти нескольких добровольцев. Это непростительно. Но я был командиром этой женщины и обязан отметить, что в то же время она достойно служила в Добрармии и героически погибла в бою, прихватив с собой пару особо мерзких вражеских агентов.

- Именно тех оперативников ЗОГ, которые управляли ею как информатором, судя по этому, - листая папку, заметил Хилл.

- Ну да, - кивнул Джексон. - Бог знает, как это произошло.

- Я там был, помнишь? - напомнил Хилл. - Мы всегда считали, что Мами или Обезьяна выхватили у Кики портфель, как только втащили её в машину, и пытались открыть его. Но, возможно, Кики поняла, что игра окончена, и сама подорвала бомбу, совершив акт искупления или в своё оправдание. Мы этого никогда не узнаем.

- Раз есть такая возможность, то она заслуживает презумпции невиновности, - настаивал Джексон. - Мы не можем узнать, что случилось в тот день, но я знаю, что если это вскроется, то наверняка убьёт Джимми и Лавонн Уинго, а также взвалит на дочь незаслуженное бремя вины.

Есть ещё кое что, Оскар, о чём ты должен знать. Полицейские Портленда открыли на имя Маги один из секретных счетов для стукачей, когда она впервые начала доносить, на который каждую неделю из фонда полиции поступали электронные переводы, и в конце набежала довольно внушительная сумма. Я проверил в Национальном кредитном союзе, который взял на себя все старые американские банковские активы, включая старые счета Банка Америки, и этот счёт всё ещё там. На него не поступают проценты, потому что теперь это незаконно, но основная сумма по-прежнему лежит, и отчёты кредитного союза показывают, что со счёта со времени его открытия деньги не снимались. Кики никогда не касалась даже цента из этих денег. Ни разу. Это должно что-то значить.

- Так ты хочешь сказать ...? - предположил Хилл.

- Эта папка была утеряна десять лет назад, Уэйн. Я не вижу никаких причин, почему бы ей снова не потеряться. Навсегда. Можно говорить об истине как нашем долге перед историей и всё такое, но как может быть правильным и справедливым вскрытие старой раны, о которой никто даже не подозревает, и раскапывание могилы, если это лишь причинит боль живым? Её имя выбито на

стене на зелёной лужайке внизу в нескольких сотнях метров отсюда. Неужели наш долг пойти туда и соскоблить имя? И именно сегодня?

- Уверен, что твоя речь сегодня вечером будет мощной, - тихо произнёс Хилл.

Он закрыл папку.

- Оставь её мне, Билл. Я просмотрю папку, чтобы понять, есть ли в ней что-нибудь, что может хотя бы косвенно повлиять на сегодняшние события, и требует предпринять какие-нибудь действия, мои или моей организации. Сомневаюсь, так как все, кого это касается, похоже, мертвы. А если нет, то думаю, что у меня поблизости припрятана "Дыра памяти".

Да, думаю, что мы можем организовать находку счёта в банке каким-нибудь безобидным способом, чтобы дочь получила деньги. Она заслужила эти деньги, так как, в любом случае, отвратительный и злобный режим, который заплатил деньги, убил её мать и отца и лишил её детства. Иди и скажи людям, которые тебя ждут, какой сегодня великий день, Билл. И не волнуйся: ты будешь говорить правду.

- Спасибо, командир, - ответил Джексон.

- Как Кристина и малыши?

- Отлично, как всегда. Приходи как-нибудь на обед. Вспомним старые деньки.

- Старые добрые деньки, - кивнул Хилл.

Когда Джексон вышел из кабинета, Хилл взял папку в руки и подошёл к камину, где ровно горели поленья. Перемешал их кочергой. Потом внимательно начал читать страницы и одну за другой мял и бросал их в камин, где каждый бумажный шарик вспыхивал и сторал дотла. Последними бумагами помимо самого скоросшивателя были старые снимки Кики, сделанные полицией в те дни, когда она была наркоманкой и проституткой при старом режиме и в старом мире, давно канувшем в прошлое. Они вспыхнули ярким пламенем, свернулись и, сверкнув, рассыпались горячим пеплом.

"Покойся с миром, соратница", - проговорил Хилл в тишине комнаты.

* * *

Внизу, на широкой зелёной полосе Капитолийской аллеи множество ветеранов из недавно образованной Ассоциации старых бойцов Добрармии собрались на праздник Дня Независимости. Перед ними возвышалась Стена Памяти из массивного чёрного базальта с начертанными на ней именами всех бойцов Добрармии, которые отдали жизни в борьбе за независимость. Она была торжественно открыта всего несколько месяцев назад. Над стеной на каменной колонне с эмблемой Добровольческой армии Северо-Запада реял огромный сине-бело-зелёный флаг. На подножии памятника из лучшего итальянского мрамора были высечены слова:

"Возлюбленные братья и сестры, приветствуем вас из мира тьмы, в котором мы родились, из времени борьбы, в которой мы пали, чтобы вы и ваши дети смогли видеть свет".

Многие люди брали листы белой бумаги и короткие мягкие карандаши на небольшой стойке с одной стороны памятника. Они поднимались по лестнице и шли вдоль длинного ряда имен, расположенных в алфавитном порядке, находили и переносили графитом на бумагу имена бывших соратников. Многие тихо плакали, как мужчины, так и женщины.

Перед памятником десятки детей бегали по траве, играли, визжали и кричали, почти не обращая внимания на окружавших их торжественно настроенных взрослых. Никто не пытался утихомирить или прогнать детей прочь. В конце концов, именно ради них погибли люди, в честь которых был воздвигнут этот памятник.

Маленькая девочка лет четырёх подошла по траве к своей матери и потянула её за руку.

- Что тебе, голубка? - спросила Аннет Селлерз.

Девочка подняла голову и объявила торжественным голосом:

- Джесси Хэтфилд съел жука. Джанет сказала ему. Джимми Уинго прыгнул на этого человека, - добавила она, показывая на статую рядом. - Джанет сказала ему.

- Джимми младший, хватит лазить по статуе! - крикнула Лавонн Уинго сыну. - На ней бяка от голубей!

Эрик Селлерз взял маленькую девочку на руки.

- Нам нужно, чтобы ты перестала ябедничать, девушка, - строго сказал он, нажав ей на носик. - Никто не любит ябед.

- Почему? - спросила девчушка.

- Потому что у ябед, как у крыс, жутко серые носы и страшно грязные усы, - объяснил отец. - Ты хочешь ходить с длинным ужасным серым носом и страшно грязными усами?

Девочка немного подумала, а потом мотнула головой.

- Нет! - решительно сказала она.

- Я и не думал, что ты захочешь.

Аннет Селлерз посмотрела на свою старшую дочь Джанет, названную в память её умершей младшей сестры. Это ангельское создание - крошечная блондинка с ленточкой в волосах, важно стояла в сторонке, а вокруг неё мальчишки прыгали и боролись на земле друг с другом, стараясь привлечь её внимание.

Аннет недовольно покачала головой.

- Правда, что нам делать с этим ребёнком? Ей всего восемь, а она уже, кажется, делает карьеру, умело толкая мальчишек на всякие глупости.

- Да... . Интересно, где она этого набралась? - сказал Эрик, искоса глянув на жену.

- По-моему, Джесси поймал бы лося и ездил на нём, если бы Джанет его попросила, - сказала Джулия Хэтфилд. - Но у неё такая милая улыбка.

- А теперь можно пойти посмотреть щенков и на качели, пап? - спросила маленькая девочка на руках у Эрика.

- В отеле есть детская площадка и небольшой зоопарк, и она весь день думает только об этом, - объяснила Аннет Лавонн Уинго и Джулии Хэтфилд.

- Мы привезли их сюда, чтобы попытаться рассказать им о славном прошлом, но боюсь, что в их возрасте революция не может соперничать с щенками колли, - вздохнул Эрик.

- Это же дети, - сказал Зак Хэтфилд. - Они узнают в своё время. Сейчас они могут быть просто детьми, благодаря тому, что мы сделали тогда. Этого у нас никогда не было. Ещё одна победа, вырванная нами у жидов.

Старший Джимми Уинго стоял в стороне, одетый в строгий костюм и галстук. Рядом с ним стояла стройная красивая девушка-подросток в синей юбке, белой блузке и свитере. Уинго махнул жене, и та подошла к ним.

- Знаешь, почему мы привели тебя сюда сегодня, Элли? - с нежностью спросил её отчим.

- Знаю, - ответила она.

- Тебя это нравится? - спросил Уинго.

- Ну, конечно, - улыбнулась девушка. - Не волнуйтесь, это не такое уж большое раскрытие тайны. Люди, вы же никогда ничего от меня не скрывали. Я всегда знала, что вы меня удочерили, мой отец погиб в Ираке, а моя мама погибла здесь во время войны.

Они поднялись на площадку перед стеной памяти, и пошли вдоль списка имен, то и дело останавливаясь, чтобы приложить один из листков бумаги к стене и перевести на неё знакомое имя из прошлого. Наконец, они нашли имя, которое искали. Там было выбито "**Кристин А. Маги, доброволец**" и дата в январе, когда она погибла. Мэри Эллен тихо взяла бумагу и карандаш, приложила его к стене и перевела на него имя своей матери, а потом сложила лист и убрала в записную книжку.

- Ты раньше никогда не расспрашивала о ней, голубка, - сказал Уинго. - Ты вообще помнишь что-нибудь? Ты была тогда очень маленькая.

- О моей маме, нет, - покачала головой Мэри Эллен. - Я помню, как жила с бабушкой во многих местах, и как начала понимать, что нас ищут плохие люди, и поэтому мы всегда должны были прятаться. Но о моей маме немного. Я была очень маленькая, когда мы виделись в последний раз, даже меньше двух лет. Бабушка никогда много о ней не рассказывала. Я знаю, мама была ... ну, у неё была довольно тяжёлая жизнь. Наверное, поэтому она участвовала в революции. Бабушка никогда много не рассказывала о том времени, но я достаточно знаю из уроков истории в школе, поэтому думаю, что могу кое-что себе представить. Не думаю, что бабушка винила маму или ненавидела её. По-моему, ей просто было так больно, что она не хотела грузить меня.

Мэри Эллен немного помолчала.

- Я помню любовь. Свою и её. Помню, что всегда любила маму, а мама - меня.

- Из всего, что ты смогла сохранить в душе, это лучшее, - сказала Лавонн.

- Ты знаешь, что мы с Вонни были с ней знакомы? - спросил Уинго.

- Джим знал её лучше меня, - сказала Лавонн без ревности или горечи. - Но мы оба помним Кики. Мы приехали сюда с Селлерзами и Хэтфилдами, а поздно вечером ждём Рэндаллов на ужин. Они тоже помнят твою маму, и генерал Джексон и генерал Хилл, если тебе когда-нибудь приведётся познакомиться с ними, да и многие другие. Это часть твоего прошлого, которое ты должна знать, дорогая, прежде чем жить дальше. Сейчас время спрашивать, потому что десять лет назад твоя мама и другие завоевали для тебя эту жизнь, которая, мы надеемся, окажется счастливой, замечательной и яркой.

- Если так, то это будет жизнь, которую дали мне вы двое, - серьёзно сказала Мэри Эллен. - Ведь вы оба - мои настоящие папа и мама.

- Мы старались ими быть, - сказал Джимми. - Из любви к тебе, и из чувства признательности к твоей маме. Дорогая, ты должна знать о Кики, чтобы лучше понимать себя. Я думаю, ты уже знаешь, что твоя мама была смелой и благородной женщиной, которая жила в тяжёлое время, но никогда не бросала тебя и не отчаивалась в жизни. Большинство людей тогда просто сдались всему этому злу. Она никогда не сдавалась. Я уверен, что ты это чувствуешь, потому что эта часть её внутри тебя. И, по-моему, наступило время, чтобы ты узнала некоторые подробности, от нас.

Когда они втроем шли вниз по лестнице мемориала к ожидающим друзьям и детям, за их силуэтами медленно заходящее солнце освещало эмблему Добровольческой армии Северо-Запада, выгравированную на мраморной

колонне с трёхцветным флагом республики. Слова на эмблеме как будто сияли светом и жизнью.

"Ex Gladio Libertas".

"Свобода, завоёванная мечом".

Словарь выражений и сокращений

Н. В. Данный словарь относится также к трём предыдущим романам о борьбе Северо-Запада за независимость: *"Далёкий гром"*, *"Оплот наш"* и *"Холм воронов"*, а также к последнему роману *"Сыны свободы"*

Ацтлан – полуавтономная провинция Мексики, включающая старые американские штаты южного и западного Техаса, Аризону, Нью-Мексико, Юту, части Колорадо и южной Калифорнии, ниже линии, почти параллельной пограничному посту Маунтин Гейт.

БАТФЕ – Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ при министерстве финансов США. Служит федеральному правительству в Вашингтоне для подавления в зародыше многих групп правых и расово националистических групп и отдельных лиц. БАТФЕ, в отличие от своего более изощрённого аналога ФБР, редко прибегало к таким средствам получения признания как подкуп, фальсификация или подлог.

Как грубая сила, агенты БАТФЕ просто вламывались в дома инакомыслящих вроде Кеньона Беллью или Дэвида Кореша. Многие из агентов БАТФЕ позже стали "пухлыми", когда ФАТПО (*см. ниже*) заменила старое агентство АТФ (Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию) в начале Войны за независимость. БАТФЕ было объявлено парламентом Северо-Западной Американской Республики преступной организацией, и любые её сотрудники, оставшиеся в живых, подлежали аресту, суду и наказанию.

Боевое подразделение – основная ячейка полувоенной структуры Добровольческой армии Северо-Запада (Добрармии). Вообще говоря, боевым подразделением была любая группа добровольцев Северо-Запада, которая вела вооружённую борьбу против правительства Соединённых Штатов. Крупнейшими боевыми подразделениями во время войны за независимость были "летучие колонны" (*см. ниже*), которые действовали в сельской местности во время открытого восстания. Иногда они могли включать до 75 или даже 100 бойцов.

Чаще это была городская группа или ячейка из четырёх-пяти, но не более дюжины добровольцев. После роста числа членов ячейки более семи - восьми человек, требования к снабжению и перемещениям, а также риск провала, становились неприемлемо высокими, и ячейка должна была делиться на две половины, каждая из которых далее действовала самостоятельно. Единое командование этими подразделениями и их взаимодействие встречались лишь изредка.

Успех и выживание боевого подразделения часто решались по старой поговорке викингов: "Удача часто спасает человека, если он сохраняет мужество".

БГБ (BOSS - Bureau of State Security) – Бюро Государственной Безопасности. Политическая полиция Северо-Западной Американской Республики. Задача БГБ выражалась пятью словами её девиза: "Мы никогда не вернёмся". В романе *"Холм воронов"* Дон Редмонд высказался о задаче бюро так: "Революция - это навсегда. Наша работа её защищать".

БПВ (от WPB - War Prevention Bureau) – Бюро предотвращения войны в НАР (Северо-Западной Американской Республике). Тайная организация, призванная предотвратить создание в США, Ацтлане или где-либо ещё необходимых военных,

политических и психологических предпосылок к войне с Северо-Западной Американской Республикой. БПВ использовало ликвидации и других тайные операции вне НАР. Бюро также отвечало за поиск и ликвидацию шпионов и предателей Северо-Западной Республики, в том числе доносчиков и предателей времен Войны за независимость. Девиз Бюро по-немецки - "*Alles bekenning wird abgerechnet*". (Вольный перевод: "*Все должны получить по заслугам*").

Бригада – В организации Добровольческой армии это свободное соединение всех партизанских подразделений, приписанных к определённому району. В крупных городах Родины, таких как Сиэтл, Портленд или Спокан, могли действовать две-три бригады, каждая из которых не зависела от остальных, так что один большой провал или нападение федералов не мог уничтожить Добрармию в этих городах. Бригада состояла из двух - трёх десятков боевых подразделений различных видов и мощи с группами техники, снабжения и поддержки. Некоторые из небольших бригад, охватывающих большие и сельские районы, включали лишь несколько подразделений.

BPP (BRR –Bureau of Race and Resettlement) – Бюро расы и расселения, учреждённое правительством Северо-Западной Республики для решения проблем, вызванных массовым перемещением и переселением населения на Северо-Запад.

"В бегах" (On the Bounce - буквально "Прыгать") – На языке добрармейцев означало скрываться от американской полиции и армии.

"Виггер" – "Белый ниггер" (от **White nigger**). Оскорбительное название белых, ещё в дореволюционное время, которые подражали телодвижениям и поведению негров и их субкультуре. Считается смертельно оскорбительным словом в НАР (Северо-Западной Американской Республике), т. е. служит достаточным "поводом к войне" – дуэли, поединку до смерти, если вовлечённые стороны не могут помириться.

"Возвращение Домой" – Переселение в Северо-Западную Американскую Республику. Республика стала Родиной, Домашним Очагом для всех индоевропейцев, а белый переселенец считался возвратившимся домой.

"Восстанавливающая перетасовка" – термин Добрармии означающий уход в бега и уклонение от федеральных сил.

"Всем миром" – Жаргонное название Федерального закона о защите и социальном обеспечении детей, принятого во время первого срока президента США Хиллари Клинтон. По сути, форма узаконенного похищения белых детей в целях социальной инженерии и увеличения доходов федерального бюджета. Название происходит от книги, написанной в 1990-е годы Хиллари Клинтон, когда та была сопрезидентом. На основе прецедента с делом Элиан Гонсалес 2000 года закон дал Федеральному правительству право опеки над детьми из "группы риска" из-за любой "нежелательной или неуместной домашней обстановки". Конечно, в толковании местного прокурора. А затем таких детей помещали в другие места.

На практике этот закон использовался для восполнения нехватки здоровых белых младенцев и маленьких детей для усыновления богатыми в связи с сокращением рождаемости у белых в начале 21-го века. Единственными детьми, подверженными риску в соответствии с законом, оказались белые из бедных или политически неблагонадёжных семей. Распределение детей включало покупку

приёмными родителями облигаций стоимостью от 100 тысяч до миллиона долларов за здоровую девочку со светлыми волосами и голубыми или зелёными глазами.

Гой, гои – нееврей, неевреи. Еврейское слово имеет оскорбительный смысл вроде "свиньи" или "скота", "быдла" (См. ниже "шикса" ("шлюха") и "шабесгой" (прислужник евреев)).

"Господь, ты оплот наш" – христианский гимн, написанный Мартином Лютером. Государственный гимн Северо-Западной Американской Республики.

ГУБУ – Нелепо, невероятно, причудливо, невиданно (*по первым буквам английских слов Grotesque, unbelievable, bizarre, unprecedented*). Сленговое сокращение, используемое для описания большинства видов деятельности движения арийского сопротивления до возникновения идеи переселения на Северо-Запад, и, к сожалению, в течение некоторого времени после начала переселения.

Доброволец – Солдат - мужчина или женщина - Добровольческой армии Северо-Запада.

Дурной оборот (Break Bad) – Происшествие или неожиданная встреча Добрармии с федеральными силами или другими вражескими агентствами, которая сопровождалась насилием.

Дуэльный кодекс – Официальные правила и процедуры дуэлей в пределах Республики, предписанные Национальным судом чести. Цель Дуэльного кодекса – обеспечение доступности для всех граждан Республики высшей меры наказания за недостойное поведение, но лишь при очень чётких и официально признанных условиях. Старик говорил: "Одной из проблем при власти ЗОГ было полное отсутствие наказания за дурость и подлость. А оно должно быть".

"Дэрил и его брат Дэрил" – Презрительное выражение, использовавшееся некоторыми белыми переселенцами на Родину в дореволюционные времена для обозначения белых, родившихся в сельской местности Северо-Запада, как бестолочей. Считается грубым, хамским и крайне не рекомендовалось Партией как до революции, так и после.

Ex Gladio Libertas – Девиз Добровольческой армии Северо-Запада, а позднее – самой Северо-Западной Американской Республики, как признание истоков этого государства. В переводе с латыни: "*Свобода, завоеванная мечом*".

"Зайка (или цыпа) с ружьём" – женщина-доброволец Северо-Запада или связанная с Добрармией. Некоторые из этих молодых женщин отличились во время боевых действий, в разведке и на вспомогательных ролях во время Войны за независимость.

Закон о качестве жизни пожилых граждан – Принят во время второго срока президентства Хиллари Клинтон. Позволил проводить эвтаназию пожилых людей в больницах и домах престарелых, которые, по мнению их врача, "вряд ли когда-либо могли достичь приемлемого качества жизни или возможности жить без посторонней помощи". Врач был обязан консультироваться со старшими членами семьи перед назначением роковой инъекции пентотала натрия, или "горячего", т.е. смертельного укола. Но широкое толкование привело к распространению злоупотреблений со стороны врачей, которые хотели облегчить себе работу или получить взятку от

членов семьи, желающих получить наследство и страховку. Подавляющее большинство пожилых людей, которых законно "усыпляли", оказались белыми.

"Зверь" – Термин, сходный по значению с ЗОГ (*см. ниже*), первоначально использовался членами движения "Подлинное христианство" для обозначения федерального правительства Соединённых Штатов и всего сионистского, либерального режима в стране. Позднее это выражение широко распространилось среди населения Северо-Западной Американской Республики, а не только "подлинных христиан".

Зелёная зона – Сильно укреплённый и охраняемый район размещения федеральных или военных органов управления, иногда охватывающий несколько квадратных миль. Зелёные зоны использовались как базы для действий и управления оккупационными силами США на Ближнем Востоке и на Тихоокеанском Северо-Западе.

ЗОГ (ZOG, Zionist Occupation Government) – Сионистское оккупационное правительство. Термин, первоначально придуманный писателем - национал-социалистом Эриком Томсоном в 1970-х годах. Строго говоря, ЗОГ означает федеральное правительство Соединённых Штатов. На практике применяется гораздо шире и означает систему, власть имущих с общим названием "они". Используемое притесняемыми людьми для обозначения федеральной тирании.

Конференция в Лонгвью – Конференция, на которой США согласились уйти с территорий Родины на Северо-Западе, считающихся "административно непригодными", т. е. неуправляемыми. Фактически эти районы перешли под управление Добровольческой армии Северо-Запада. На тот момент Родина состояла из штатов Айдахо, Орегон, Вашингтон, части Западной Монтаны и большей части Вайоминга.

Летучая колонна – Независимое партизанское подразделение численностью от 30 до 100 добровольцев во время Войны за независимость. Эти партизанские отряды располагались, как правило, в сельских районах на Тихоокеанском Северо-Западе и действовали в сельской местности и малых городах. Летучие колонны отличались подвижностью и проводили операции против американских войск и средств производства, очищая районы своей деятельности от американских правоохранительных, судебных и правительственных учреждений, чтобы освободить место для судов, полиции и правительства Республики. Из-за деятельности летучих колонн, США в конечном итоге почти полностью потеряли контроль над сельской местностью и могли сохранять свою власть только в городах, да и там только с помощью репрессивных сил.

Во время Войны за независимость насчитывалось более тридцати летучих колонн.

"Мами" – красотка, привлекательная девушка по-испански.

МВБ (DHS, Department of Homeland Security) – Министерство внутренней безопасности. Один из многих федеральных органов политической полиции с частично перекрывающимися задачами, созданный при Буше II для частичной приостановки конституции Соединённых Штатов и отмены гражданских свобод американцев после событий 11 сентября 2001 года. Министерство внутренней

безопасности немного смогло сделать во время революции и только усиливало неразбериху.

НАР (NAR, Northwest American Republic) – Северо-Западная Американская Республика ("Родина"). Страна была образована как всемирный дом для всех арийцев, то есть белых и несемитов европейского происхождения. Северо-Западная Американская Республика включила целые штаты Айдахо, Орегон, Вашингтон и Вайоминг, огромные куски северной Калифорнии, западной Монтаны, а также канадских провинций Альберта и Британская Колумбия.

Национал-социализм – Расовое и политическое мировоззрение (*Weltanschauung* по-немецки) солдата, политика и философа Адольфа Гитлера (1889-1945 гг.).

НБА (NBA, Northwest Broadcasting Authority) – Комитет радиовещания и телевидения Северо-Западной Республики. Государственный орган, отвечающий за все теле- и радиопередачи, а также культурно-развлекательные мероприятия.

НВА (NVA, Northwest Volunteer Army) – Добровольческая армия Северо-Запада, Добрармия. Образована 22 октября в г. Кёр-д'Ален, штат Айдахо, в ответ на убийство семьи Сингеров. Предшественница НДФ.

НДФ (NDF, Northwest Defense Force) – Силы обороны Северо-Запада. Объединённые наземные, морские, воздушные и космические войска НАР. Все мужчины - граждане Республики обязаны отслужить в НДФ не менее двух лет, а также до 50 лет состоят в резерве.

Неоконы, неоконсерваторы (от neoconservators) – консервативные идеологи и политики в США из "партии войны", преимущественно евреи. Проводят агрессивную внешнюю политику. Считают Израиль самым надёжным союзником США. Белые правых взглядов обыгрывают значение слова "кон" - "жулик", "аферист", "мошенник".

Ниггер – оскорбительное название негров белыми американцами, примерно соответствующее слову "черномазый" или "черножопый" в России. В то же время слова "ниггер" или "нигга" шутливо или иронично употребляется в своей среде самими чёрными.

НЛС (NLS, National Labor Service) – Национальная служба трудовых отношений. В Северо-Западной Американской Республике нет системы социального обеспечения как таковой. И нет безработицы. Если не хватает доступных рабочих мест в частном секторе в той или иной области или в населённом пункте, НЛС предпринимает шаги для обеспечения занятости, как правило, на общественных работах различного рода. Многие работники на Северо-Западе выбирают работу на НЛС добровольно.

ОБА (OBA, Old Believers Association) – Объединение сторонников старых верований. В Северо-Западной Американской Республике официальное объединение нехристианских религиозных групп, в том числе неоязычников Асатру, прото-НС движения нордических верований и некоторых приверженцев языческих культов Викка и друидизма.

ОНР (ONR, The United States Office of Northwest Recovery) – Американская служба по возврату Северо-Запада в состав США и Канады. Тайная служба

правительства США, преследующая долгосрочную цель возврата Северо-Западной Республики в состав США и Канады соответственно. Постоянно организует заказные убийства, саботаж и ведёт другую подрывную деятельность на территории Северо-Западной Американской Республики.

Операция "Страйк-аут" (Operation Strikeout - "Вне игры") – Спустя двенадцать лет после конференции в Лонгвью, США и Канада в сотрудничестве с ООН неожиданно, по их мнению, напали на Северо-Западную Американскую Республику, намереваясь вновь захватить Тихоокеанский Северо-Запад и вернуть Родину под американскую имперскую власть. Благодаря лучшей разведке, которую вели – Бюро Государственной Безопасности, БГБ и Бюро предотвращения войны, БПВ (*см. выше*), это нападение не стало неожиданностью, как надеялся Пентагон. В ходе 46-дневной войны американцы и канадцы были наголову разбиты, а к территории Республики были добавлены большие участки северной Калифорнии, Альберты, Британской Колумбии и Аляски.

ОС (E & E - Escape and evasion) – отход и спасение. Выражение связано с общим приказом номер восемь, известным также как "Ножки, выручайте!". Когда операция шла плохо, при столкновении с засадой федералов, при крайней опасности или подавляющей численности врага, у каждого из добровольцев Добрармии имелся личный план отхода и спасения (ОС). По плану у каждого добровольца имелись несколько убежищ и конспиративных квартир, к которым они будут пробиваться и впоследствии там перегруппироваться. Подоплёка Общего приказа номер восемь – древнее правило всех партизан: *"Если бить и убежать, завтра сможешь бить опять"*.

Партия – Революционная партия, борющаяся за независимость Северо-Запада. Основана Стариком, как только на Родину в достаточном числе прибыли расово сознательные переселенцы. Произошли социально-политические и демографические изменения, необходимые для создания такой партии. Хотя Партия состояла в основном из уроженцев Северо-Запада, её создание стало возможным благодаря притоку расово сознательных переселенцев, которые вняли призыву Старика.

Партия основывалась на принципах национал-социализма, отражённых в Котсуолдской декларации 1962 года и десяти принципах национал-социалистической идеи. Она также предложила всем арийским религиозным и политическим направлениям широкую программу терпимости и участия. Партия осуществляла политическое руководство революцией, а Добровольческая армия Северо-Запада предоставила военную силу.

Преодоление разрыва (Take The Gap) – Вообще говоря, означало "Возвращение Домой", то есть переселение в Северо-Западную Американскую Республику, то есть на "Родину". На практике "преодолеть разрыв" обычно значило незаконно попасть на Родину из Соединённых Штатов, Ацтлана, Канады, иногда по воздуху. Для "Преодоления разрыва" часто требовалось действительно бежать через границу под обстрелом и уходить от погони.

Протоколы Дершовица – узаконенные в США методы пыток.

"Пухлые" ("Fatties") – прозвище на Северо-Западе агентов-громил Федеральной антитеррористической полиции ФАТПО, в толстых бронежилетах и вооружённых до зубов.

ПХ (CI, Christian Identity) – "Подлинное Христианство". Во время, описываемое в романе "*Холм воронов*", преобладающее христианское религиозное движение в Республике. Это вера, исповедовавшаяся пастором Ричардом Батлером, Робертом Майлзом и многими другими отцами-основателями Северо-Западной Американской Республики. Сутью "Подлинного Христианства" является передача Завета библейского Бога от евреев к язычникам или арийским народам через Христа, его муки и распятие. В большинстве сект "Подлинного Христианства" эта передача сопровождается очень сложными (иногда прямо-таки замысловатыми) богословскими построениями, согласно которым белые люди – это якобы расовые потомки израильтян Библии, потерянных племен из колена Данова, скитавшихся по Европе, Дании и т.п. Однако смутные исторические и богословские основы "Подлинного Христианства" не ставят под сомнение духовную силу и личную цельность, которыми вера "ПХ" наделяет своих приверженцев. Во время борьбы и с тех пор сторонники ПХ были главной опорой страны на Северо-Западе.

"Пыхтун" – Самодельный миномёт, часто необычного калибра, использовавшийся Добрармией для атак на укрепленные позиции федералов и "зелёные зоны".

Роквелл, Джордж Линкольн (1918-1967) – глава Американской национал-социалистической партии, воинское звание - командер. Основатель Американской нацистской партии и Всемирного союза национал-социалистов.

СБ (DM, Drooling moron) – Слюнявый болван. Презрительное выражение, используемое некоторыми белыми переселенцами в дореволюционные времена для обозначения белых, родившихся в сельской местности Родины на Северо-Западе. Всегда осуждалось Партией. Национальный суд чести рассматривал несколько судебных дел, решая, будет ли "СБ" считаться смертельным оскорблением или нет.

"Свистулька" – Самодельная ракета, используемая Добрармией для атак укрепленных позиций противника.

Сентком (Centcom) – Во время Войны за независимость Северо-Запада Сентком был Объединённым центральным командованием американских оккупационных сил, в которое входили представители исполнительной и судебной власти правительства, ФБР, министерства юстиции, министерства внутренней безопасности и др.

"Спуки" (страшилы) – оскорбительное и презрительное название, использовавшееся коренными белыми Северо-Запада в отношении расово сознательных белых переселенцев, которые прибыли на Родину в дореволюционные времена. (*Видимо, от слова spooku - жуткие, страшные. - Прим. перев.*). Происхождение неизвестно.

СС (SS, Special Service) – Специальная служба. Элитное военное формирование Северо-Западной Американской Республики и Партии. Состояло из лучших кадров всех видов НДФ (Сил обороны Северо-Запада), военно-морских, воздушных, космических и аэромобильных. В этом формировании стремились стереть все различия и деления по классам, религиям и национальностям и создать истинно арийское братство по оружию.

Старик – Ранний приверженец переселения белых на Северо-Запад и борьбы за его независимость. Помог основать Партию (*см. выше*) и выступал формальным главой освободительного движения во время Войны за независимость, хотя всегда считал

свою роль в революции сильно преувеличенной. Два срока избирался президентом нового государства и смог закрепить завоевания революции. Затем как опасный радикальный пережиток прошлого был фактически отстранён от власти. В настоящее время - Почётный президент Республики и живёт в уединении. Страдает старческим слабоумием и, как правило, путается и говорит бессвязно. [См. роман "Холм воронов" того же автора].

Стена Бремера – Бетонная стена из больших железобетонных блоков со скошенными основаниями и колючей проволокой сверху. Блоки ставят на место кранами. Стены Бремера используются для укрепления полицейских участков, федеральных зданий, казарм ФАТПО, "зелёных зон" в стране и за рубежом. Названы по имени Пола Бремера, первого главы американской оккупационной власти в Ираке. Бремер за всё время своей работы в Ираке ни разу не покинул "зелёную зону", окружённую стенами его имени.

Стукач – русское слово, обозначающее доносчика и возникшее в сталинские времена страшных "чисток" 1930-х годов. Неизвестно как этот термин вошёл в словарь Северо-Западной Американской Республики. Использование слова "стукач" в отношении семьи или лично гражданина считается смертельно оскорбительным наряду со словами "виггер" и "адвокат". Три этих слова служат достаточно серьёзным "поводом к войне" в соответствии с законом Республики. Закон разрешает поединок до смерти, если вовлечённые стороны не могут помириться с помощью официальных процедур, предписанных Дуэльным кодексом, принятом в Республике.

"Сурок" – Первоначально оскорбительное и презрительное название родившихся на Северо-Западе, особенно в сельских районах. Использовалось арийскими поселенцами на Родине. Теперь слово поменяло смысл и используется как гордое и почётное самоназвание теми, кто родился на Родине.

Третий отдел (Трисек) – отдел Партии по разведке, контрразведке, безопасности и специальным операциям до Восстания 22 октября в Кёр д'Ален и во время Войны за независимость. Основан Мэттом Редмондом, первым директором "Трисек", который возглавлял отдел до самой смерти. Организационный предшественник и Бюро государственной безопасности, БГБ и Бюро предотвращения войны, БПВ (см. выше).

"Щекотка" – Удар Добровольческой армии Северо-Запада по федеральной или сионистской цели.

Шок и трепет – Обычная тактика партизан Добрармии, устраивавших засады на федеральные войска, полицию, СМИ или другой личный состав противника. Замаскированные добровольцы внезапно открывали точно направленный, сосредоточенный огонь из автоматического оружия, используя бронебойные патроны, реактивные гранаты (РПГ) и т.п. Требовалось нанести противнику как можно больший урон в первые же секунды атаки, ошеломить и исключить его ответные действия до стремительного отхода добровольцев под прикрытием дымовых гранат или других хитростей. Другое название - "Безумная минута".

ФАТПО (ФАТРО) – Федеральная антитеррористическая полиция, созданная для подавления революции на Тихоокеанском Северо-Западе. ФБР и местные власти явно потеряли управление, и было сочтено политически нецелесообразным использовать регулярную армию. В ФАТПО в основном были набраны бывшие

военные из вооружённых сил США, полицейские из местных полицейских управлений и обитатели огромной тюремной системы американской империи. Короткая, но напряжённая подготовка служащих ФАТПО в Форт-Брэгг сочетала методы подавления восстаний, тактику спецназа и ОМОНа и серьёзную идеологическую обработку в духе многообразия, мультикультурализма и т.п.

Номинально ФАТПО подчинялась министерству внутренней безопасности и министерству юстиции, но на самом деле правительство в Вашингтоне находилось далеко и закрывало на всё глаза. Местным начальникам ФАТПО предоставили свободу действий, и в своих округах они являлись самостоятельными полевыми командирами, стоящими над законом, пока они убивали достаточно много белых. ФАТПО быстро превратилась в банды жестоких головорезов, занятых кровавым подавлением Добрармии и любых белых жителей Северо-Запада, которых всех сплошь подозревали в симпатиях к Добрармии.

В ФАТПО строго придерживались политики борьбы с расовой дискриминацией и обязательного многообразия. Среди полицейских насчитывалось лишь около 35 процентов белых и, возможно, 25 процентов белых мужчин. Там оказалось множество садистов - лесбиянок и гомосексуалистов, которые действовали в основном в разведке ФАТПО как следователи и приобрели репутацию самых жестоких и порочных палачей в истории человеческой тирании.

ФБР – Федеральное бюро расследований - американская секретная полиция. Занималась делами на Северо-Западе меньше, чем их соперники из ОНР - Службы по возврату Северо-Запада в состав США и Канады (*см. выше*). После обретения независимости парламент признал ФБР преступной организацией. Любой сотрудник ФБР или помощники Бюро подлежал аресту, суду и наказанию в соответствии с законами Республики.

Фиб (feeb) – слово означает и агента ФБР и кретина, тупицу, идиота.

"Хмыри" (Goots) – оскорбительное и презрительное название, использовавшееся коренными белыми Северо-Запада в отношении расово сознательных арийских поселенцев, которые прибывали на Родину в дореволюционные времена. Происхождение неизвестно.

Шабесгой – любой прислужник евреев. От обычая иудеев нанимать неевреев для выполнения работ, запрещённых в субботу (шаббат).

Шикса – "шлюха" на идиш, (буквально "мерзость"), *общее оскорбительное и презрительное название неевреек.*

"Шляпы" или "Шляпная команда" – Полууничижительное, дореволюционное название арийских поселенцев, откликнувшихся на призыв Старика к переселению. Использовались белыми уроженцами Северо-Запада. Связано с принятием фетровой шляпы как символа или знака отличия переселенцев на Северо-Западе, сначала приверженцами "Подлинного христианства", а затем и переселенцами всех вероисповеданий.

"Э-средство" (E-Piece) – "Ствол", одноразовый пистолет, используемый для экзекуции - выстрела с близкого расстояния. Как правило, небольшого калибра и дешёвый, который можно выбросить после операции, чтобы не терять дорогие и мощные крупнокалиберные пистолеты, например, "Глок" или "Кольт .44".